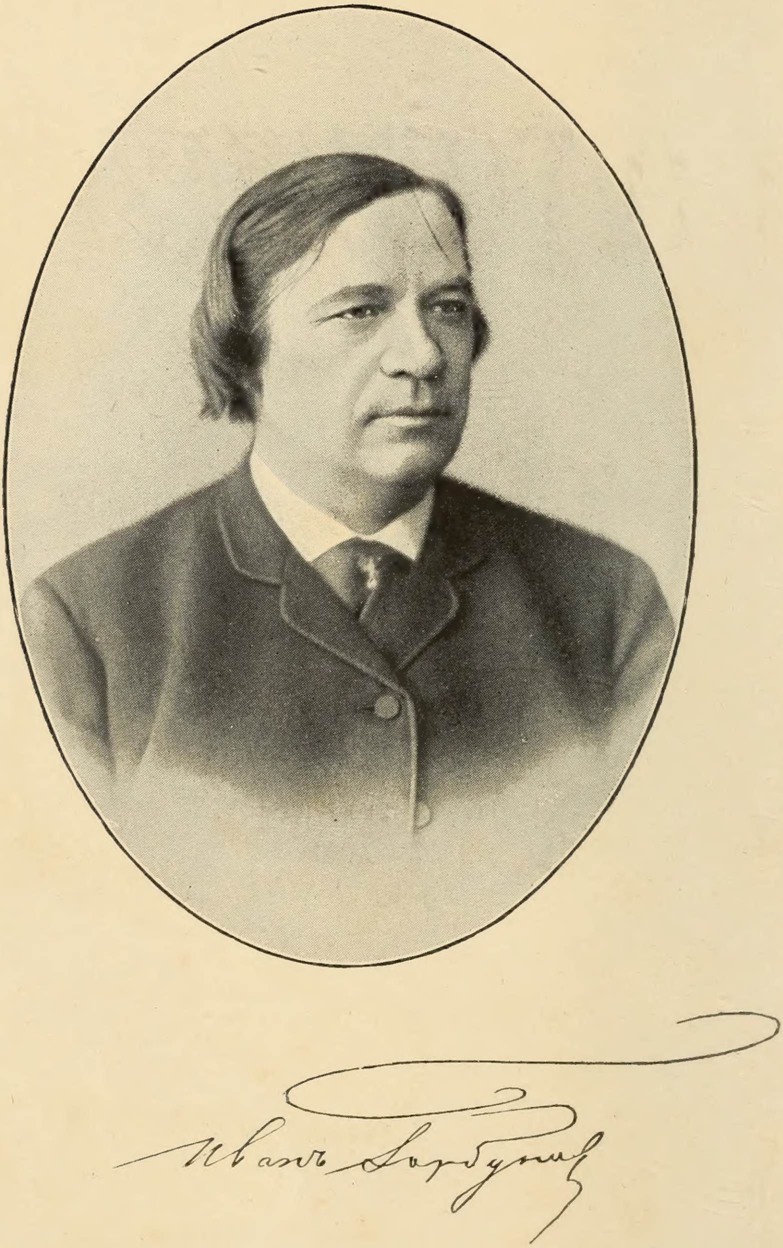
3 1761 07530345 3

1-2

24

Digitized by the Internet Archive
in 2010 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/polnoesobranieso00gorb



LR
G 6614 K
Gorbunov, Ivan Fedorovich

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Polnoe sobranie sochineny

И. Ѳ. ГОРБУНОВА

pod red. ...

Подъ редакціею и съ предисловіемъ

А. Ѳ. Кони.

A. F. Koni

t. 1 – 2 in 1 vol.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

3-е изданіе.

#69058
8.12.07

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1904 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
[1904].

Артистич. заведеніе **А. Ф. МАРКСА**. Измайл. пр., № 29.

Отъ издателя.

Послѣднее изданіе «сценъ и разсказовъ» Ивана Ѳеодоровича Горбунова, вышедшее въ 1881 году, далеко не обнимаетъ собою всего, что было написано высокоталантливымъ художникомъ, и онъ самъ, предъ смертью, началъ подготовлять матеріалы для новаго, болѣе полнаго, изданія. Осуществляя его намѣреніе, мы предлагаемъ читателямъ настоящее собраніе сочиненій И. Ѳ. Горбунова, въ которое вошли оригинальныя его произведенія, появившіяся въ печати до конца 1900 года. Изъ нихъ устранены лишь тѣ, коимъ онъ самъ не придавалъ никакого значенія, даже не подписывая ихъ своимъ именемъ. Нѣкоторые его разсказы сохранились лишь въ изустной передачѣ. Желая собрать ихъ, семья покойнаго просила, черезъ посредство газетъ, лицъ, запомнившихъ эти разсказы, о письменномъ сообщеніи ихъ. Къ сожалѣнію, на этотъ призывъ откликнулось лишь одно лицо—и такимъ образомъ не представляется возможности сличить и взаимно провѣрить содержаніе нѣсколькихъ записей, возстановивъ одинъ общій, *приблизительный* текстъ. Въ раздѣленіи книги на отдѣлы—принята терминологія автора. Значительная часть «отрывковъ изъ воспоминаній» и нѣкоторыя изъ «подражаній старинной письменности»

появляются въ печати въ первый разъ. Къ составленному А. Ѳ. Кони очерку жизни и дѣятельности Горбунова присоединенъ его некрологъ, написанный нынѣ покойнымъ глубокимъ знатокомъ народной жизни и русскаго языка—Тертіемъ Ивановичемъ Филипповымъ, печатаемый съ любезнаго разрѣшенія его сына, С. Т. Филиппова.

Изданіе посвящается памяти одного изъ знаменитѣйшихъ артистовъ московской драматической труппы — Прова Михайловича Садовскаго. Благоговѣйныя воспоминанія Горбунова о Садовскомъ и сильное вліяніе послѣдняго на его художественное развитіе и судьбу — достаточно объясняютъ это посвященіе.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

ПАМЯТИ

ПРОВА МИХАЙЛОВИЧА

САДОВСКАГО.

ИВАНЪ ѲЕОДОРОВИЧЪ ГОРБУНОВЪ.

ОЧЕРКЪ.

I.

Немного лѣтъ прошло со смерти И. Ѳ. Горбунова, а столь обычное у насъ забвеніе начинаетъ уже вступать и по отношенію къ нему въ свои права. Образъ его тускнѣетъ, расплывается въ отрывочныхъ воспоминаніяхъ, рисуется въ невѣрныхъ очертаніяхъ. Имя его почти ничего уже не говоритъ тѣмъ, кто не зналъ или не слышалъ его лично. Рѣдко кто имѣетъ возможность прочесть собраніе его, ставшихъ библіографическою рѣдкостью, разсказовъ. Едва ли найдется и много желающихъ пожертвовать кропотливымъ трудомъ и временемъ на розысканіе въ старыхъ повременныхъ изданіяхъ его произведеній, напечатанныхъ послѣ 1881 года,—года послѣдняго изданія его разсказовъ. И уходитъ, такимъ образомъ, изъ памяти общества замѣчательный по своему дарованію русскій человѣкъ, умѣвшій воплощать въ сжатыхъ и яркихъ формахъ типическія черты нашей бытовой жизни. Уходитъ—не оставивъ, въ виду своеобразности своего творчества, и преемника. Пока еще не изсякли личныя о немъ воспоминанія, пока еще помнятся, болѣе или менѣе «съ подлиннымъ вѣрно», нѣкоторые его нигдѣ не напечатанные разсказы,—необходимо постараться задержать его, не дать ему уйти совсѣмъ, необходимо попробовать отдать себѣ отчетъ въ томъ, что такое былъ въ своей художественной дѣятельности Горбуновъ. Это тѣмъ болѣе нужно, что въ представленіе о немъ закралось много ложнаго, что обобщеніе отдѣль-

ныхъ случаевъ и мимолетныхъ, иногда совсѣмъ непродуманныхъ, выводовъ и непровѣренныхъ впечатлѣній создало такой образъ Горбунова, который не соотвѣтствуетъ ни его душевному складу, ни дѣйствительному, внутреннему содержанію его произведеній. Многіе думаютъ и говорятъ о немъ, судя по единичнымъ встрѣчамъ, какъ о веселомъ собесѣдникѣ, о застольномъ увеселителѣ, о *забавникѣ*. Взрывы смѣха зрительной залы въ театрѣ, когда, въ чей-нибудь бенефисъ, добрый и обязательный Горбуновъ выступалъ съ новою «сценою изъ народнаго быта»,—хохотъ сотрапезниковъ, которымъ, «entre poire et fromage», кажется очень смѣшнымъ то, что̀ разсказалъ имъ Горбуновъ,—веселое настроеніе какого-нибудь интеллигентнаго кружка, восхищеннаго тѣмъ, «какъ *это* тонко подмѣчено!» или «какъ *оно* мѣтко схвачено!»—представляются многимъ правильною оцѣнкою и опредѣленіемъ всего смысла творчества Горбунова. Но тѣ, кто думаетъ такъ, не знаютъ и не понимаютъ его. Они видятъ во внѣшнемъ, бьющемъ въ глаза, результатѣ—выраженіе сокровенной душевной работы художника,—и глубиною пониманія слушателей опредѣляютъ глубину проникновенія его въ свойство и значеніе изображаемыхъ имъ явленій.

Этотъ близорукій и поверхностный взглядъ особенно неправленъ относительно Горбунова. Извѣстность выдающагося актера, разсказчика и вообще воплотителя житейскихъ и поэтическихъ образовъ—имѣетъ одну завидную особенность. Она не сопряжена съ нравственною отвѣтственностью. Она не влечетъ за собою ни строгаго осужденія прозрѣвшаго человѣчества, ни суда исторіи, ни угрызеній совѣсти, напоминающей о средствахъ, которыми иногда куплена слава полководца, политика, властителя. Но она, вмѣстѣ съ тѣмъ, временна и непрочна. За извѣстнаго дѣятеля на поприщѣ другихъ искусствъ или въ области государственной говорятъ—неприкосновенная цѣлость ихъ трудовъ, безчисленныя историческія и житейскія послѣдствія ихъ дѣлъ. Лютеръ, Наполеонъ и Петръ, тотъ Петръ, «чей каждый слѣдъ,—по словамъ кн. Вяземскаго—для сердца русскаго есть памятникъ священный»,—постоянно напоминаютъ о себѣ; Рембрандтъ будетъ вѣчно говорить со своихъ удивительныхъ холстовъ,—Пушкинъ—со своихъ вдохновенныхъ страницъ. Не такова судьба сценическаго дѣятеля. Его извѣстность поддерживается почти исключительно живыми свидѣтелями того, какъ прочно и глубоко вліялъ онъ на зрителей или слушателей; совокупность ихъ однородныхъ впечатлѣній и воспоминаній — создастъ конкретный обликъ артиста. Но когда они уходятъ, а за ними слѣдуютъ и тѣ, кому они передали свои непосредственныя ощущенія,—живое пред-

ставленіе объ артистѣ начинаетъ быстро сглаживаться, теряя свою яркость, и громкія имена людей, потрясавшихъ сердца,— имена Кина, Гаррика, Тальмы—ничего яснаго и опредѣленнаго не говорятъ послѣдующимъ поколѣніямъ. Извѣстность носителей этихъ именъ принимается на вѣру,—такъ сказать, въ кредитъ. Ссылаясь на нее, приходится, по большей части, jurare in verba magistri, не обращаясь къ критикѣ источниковъ и оставляя въ сторонѣ *современныя* требованія, предъявляемыя и къ сценическимъ произведеніямъ, и къ пріемамъ и способамъ ихъ исполненія. Имя артиста переживаетъ его дѣла; въ другихъ областяхъ нерѣдко дѣла переживаютъ имя. Хотя значительная часть разсказовъ Горбунова и была напечатана, но существовали, однако, многіе варіанты и дополненія къ нимъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ цѣлый рядъ сценъ, никогда не видѣвшихъ печати и не записанныхъ даже самимъ авторомъ. Все это, вмѣстѣ съ оригинальною формою, въ которую они были облечены, и со свойственными Горбунову средствами исполненія, грозитъ кануть въ «пропасть забвенія». Наконецъ, и то, что было когда-то напечатано—въ виду своей отрывочности и обособленности, только тогда можетъ дать вѣрное понятіе о Горбуновѣ, когда будетъ подвергнуто нѣкоторому анализу и группировкѣ по своему содержанію. Для этого надо попытаться изъ отдѣльныхъ эпизодовъ разныхъ разсказовъ, изъ сверкающихъ въ нихъ вспышекъ юмора и изъ звучащаго въ нихъ грустнаго раздумья составить нѣчто по возможности цѣльное, нѣчто въ родѣ мозаическихъ изображеній изъ различныхъ цвѣтныхъ кусочковъ. Такая работа была бы достойна памяти народнаго русскаго художника, какимъ былъ Горбуновъ.

Далекій отъ мысли представить, въ настоящемъ очеркѣ, подобную работу, я хотѣлъ бы лишь намѣтить нѣкоторыя ея стороны и пріемы, необходимые, по моему мнѣнію, для выясненія личности и творческой дѣятельности Горбунова. Fecì quod potui, faciant meliora potentes...

Какъ бы сложны, разнообразны и даже противорѣчивы ни были требованія, предъявляемыя къ художнику, между ними есть, однако, такія, на которыхъ сходится большинство. Наличность ихъ выполненія служитъ доказательствомъ сознательной творческой дѣятельности. Эта наличность существовала, и притомъ въ высшей степени—у Горбунова. Онъ вносилъ въ свои произведенія самого себя, онъ чувствовался въ нихъ. Изображая избранный имъ предметъ тѣмъ или другимъ способомъ, въ той или другой формѣ, истинный художникъ невольно вкладываетъ въ это изображеніе и свое отношеніе къ

тому, что онъ изображаетъ. Это отношеніе выражается въ настроеніи, почвою для котораго часто служитъ сужденіе художника о предметѣ своего труда. Безстрастное воспроизведеніе видѣннаго и слышаннаго, безъ внутренняго смысла, безъ вкладыванія въ него своей души, а лишь съ заботою, иногда доходящею до болѣзненности, о технической отдѣлкѣ, никогда не оставитъ глубокаго впечатлѣнія, не произведетъ сильнаго дѣйствія. Объективная безсодержательность произведенія можетъ вызвать лишь мимолетный эффектъ, но не создастъ въ зрителѣ или слушателѣ прочнаго воспоминанія о прочувствованномъ, какъ бы силенъ ни былъ холодный блескъ техническаго исполненія. Во всѣхъ родахъ искусства—умѣнье проникнуться извѣстнымъ настроеніемъ и передать его, путемъ творчества, другимъ—составляетъ главную задачу и проявленіе дѣятельности художника. Знатокъ въ дѣлѣ пониманія искусства, И. А. Гончаровъ, не разъ высказывалъ эту мысль. Между прочимъ, въ «Литературномъ вечерѣ» онъ говоритъ, устами одного изъ выводимыхъ имъ лицъ: «духъ, фантазія, мысль, чувство художника должны быть разлиты въ произведеніи, чтобы оно было созданное живымъ духомъ тѣло, а не вѣрный очеркъ трупа, созданіе какого-то безличнаго чародѣя. Живая связь между художникомъ и его произведеніемъ должна чувствоваться зрителемъ и читателемъ; они, такъ сказать, съ помощью чувствъ автора получаютъ возможность наслаждаться сами...» Исходя изъ такого же взгляда, Шербюлье («L'art et la nature») проводитъ мысль, что произведеніе искусства является проводникомъ или посредникомъ между душевнымъ настроеніемъ художника и его слушателей, зрителей или читателей.

Несмотря на поразительную жизненность изображеній въ сценахъ и разсказахъ Горбунова, дающую имъ вполнѣ объективный характеръ, онъ постоянно чувствуется въ нихъ, не равнодушный и спокойный, а съ чутко настроенною душою, умѣющею переживать то, что онъ изображаетъ. Поэтому за житейскою правдоподобностью, за тѣмъ, что французскіе критики называютъ crédibilité, у него вездѣ видно его отношеніе къ описываемому. Оттого его разсказы—кромѣ самыхъ первоначальныхъ, не нашедшихъ себѣ даже и мѣста въ его изданіяхъ, возбуждаютъ не одинъ смѣхъ, не одно удивленіе предъ его наблюдательностью. Они приводятъ, въ своей совокупности, къ невольному, но неизбѣжному выводу нравственнаго или общественнаго характера. Изъ интереснѣйшаго въ бытовомъ отношеніи содержанія ихъ звучитъ отношеніе автора къ добрымъ и темнымъ, печальнымъ и примирительнымъ сторонамъ нашего народнаго

быта и къ отдѣльнымъ явленіямъ нашей общественной жизни. Съ точки зрѣнія тѣхъ, кто утверждаетъ, что чистая художественность должна отличаться совершеннымъ отсутствіемъ нравственнаго или утилитарнаго началъ, Горбуновъ, конечно, не былъ служителемъ чистаго искусства, но тѣмъ ближе и понятнѣе онъ намъ, тѣмъ глубже западали въ память создаваемые имъ образы. Онъ былъ вполнѣ народнымъ художникомъ. Умѣвъ стать въ своихъ изображеніяхъ въ тѣсную связь съ народомъ и отразить въ нихъ міросозерцаніе послѣдняго, онъ осуществлялъ завѣтъ Эмерсона, требующаго, чтобы истинный художникъ былъ «le délégué intellectuel du peuple», т. е., чтобы онъ былъ «un homme, dont les éléments constituants existent à l'état diffus dans tous les membres de la société, au milieu de laquelle il a pris naissance». Онъ бралъ содержаніе для своихъ сценъ преимущественно изъ жизни крестьянъ, мастеровыхъ, купцовъ, духовенства и мелкаго чиновничества и рѣдко касался другихъ слоевъ общества,—но вѣдь эти-то люди и составляютъ громадное, подавляющее большинство русскаго народа. При этомъ надо замѣтить, что Горбуновъ всегда умѣлъ схватить общенародные типы и мотивы, придавая имъ лишь бытовую или сословную окраску. Если въ его разсказахъ почти не встрѣчается представителей свѣтскаго общества, то это потому, что, по условіямъ и обстановкѣ своей жизни, по ея, такъ сказать, космополитическому складу, это общество утратило, въ обыденныхъ обстоятельствахъ, свой народный характеръ и въ этомъ отношеніи все болѣе и болѣе обезцвѣчивается. Русскаго человѣка, имъ описываемаго и выводимаго, Горбуновъ глубоко понималъ и любилъ горячо, безъ фразъ и подчеркиваній, любилъ потому, что жалѣлъ. Жалость эта сквозитъ во всѣхъ его сценахъ, гдѣ чувствуется, какъ различныя условія народной жизни или свойства характера не даютъ богатой природѣ этого человѣка пробиться къ свѣту и широко расправить крылья своихъ способностей или толкаютъ ее на ложный и темный путь. У простого русскаго человѣка *жалѣть*—синонимъ *любви*, и на вопросъ: «любишь ли?»—простая женщина не рѣдко отвѣчаетъ: «извѣстно, жалѣю!» Такъ любилъ народъ и Горбуновъ, не идеализируя его и не замалчивая его недостатковъ.

Дѣлясь съ публикою своимъ творчествомъ, Горбуновъ никогда, какъ и подобаетъ истинному художнику, не поддѣлывался подъ ея подчасъ низменные вкусы. Онъ былъ правоописатель, но не льстецъ своихъ слушателей, не слуга ихъ преходящихъ и измѣнчивыхъ вкусовъ, не соискатель дешеваго успѣха дешевыми и не всегда опрятными средствами. Его свое-

образные, подчасъ возбуждавшіе неудержимый смѣхъ, разсказы чужды пошлости и низменнаго характера. Въ нихъ нѣтъ ничего банальнаго, подражательнаго, избитаго. Чуткій художникъ, онъ не изображалъ лицъ и положеній, смѣшныхъ лишь съ внѣшней стороны, по формѣ, а не по существу. Поэтому въ его разсказахъ нѣтъ дѣйствующихъ лицъ чужой національности, съ ихъ неправильнымъ и комическимъ выговоромъ русскихъ словъ, съ особенностями ихъ произношенія, съ ихъ жаргономъ,—нѣтъ нѣмцевъ, чухонъ, евреевъ, армянъ,—нѣтъ, однимъ словомъ, попытки вызвать грубою насмѣшкою надъ человѣкомъ другого племени смѣхъ, котораго потомъ нерѣдко стыдится человѣкъ развитый, и который ничего свѣтлаго не вноситъ въ нравственное настроеніе и пониманіе человѣка неразвитаго. Нѣтъ сомнѣнія, что при талантѣ Горбунова, при его умѣньѣ овладѣвать вниманіемъ аудиторіи, такія изображенія могли бы ему очень удаваться. При несомнѣнномъ пониженіи уровня вкусовъ общества за послѣдніе годы, этимъ изображеніямъ всегда обезпеченъ успѣхъ, а при средствахъ Горбунова онъ былъ бы громадный. Но онъ ни разу имъ не соблазнился, и если «нѣмецъ» два раза и мелькаетъ у него въ разсказахъ («Воздушный шаръ» и «Блонденъ»), то лишь для того, чтобы двумя-тремя рѣзкими штрихами обрисовать отношеніе къ нему *русскаго* человѣка.

Господствующій тонъ произведеній Горбунова есть юморъ, безъ оскорбительной насмѣшки и безъ ядовитой ироніи. Когда онъ попробовалъ однажды писать въ лично-насмѣшливомъ и ироническомъ родѣ — это ему мало удалось («Записная книжка»). Лишь роль, взгляды и иногда цѣлое міровоззрѣніе дѣйствующихъ лицъ служатъ содержаніемъ его разсказовъ, но никогда не личность, въ осмѣяніи ея бытовыхъ или племенныхъ особенностей. Поэтому въ томъ, что онъ повѣствуетъ и что онъ такъ неподражаемо разсказывалъ - полное отсутствіе анекдотичности. Улыбку и раздумье, видимый смѣхъ и подчасъ невидимую скорбь возбуждаетъ въ немъ, а черезъ него и въ слушателяхъ, не *смѣшной случай*, не искусственное сплетеніе комическихъ положеній и неожиданныхъ обстоятельствъ, а, если можно такъ выразиться, *кусокъ жизни*, выхваченный и показанный съ милымъ и безобиднымъ юморомъ, который искрится и бьетъ черезъ край. Этотъ юморъ, въ устахъ Горбунова, возбуждалъ иногда смѣхъ до слезъ, до невозможности въ теченіе нѣкотораго времени слушать продолженіе разсказа. Но когда послѣдній бывалъ оконченъ, когда дѣйствующія лица, благодаря своей яркой образности, рѣзко запечатлѣлись въ памяти слу-

шателей, засѣвъ въ ней прочно и надолго,—когда возникалъ самъ собою итогъ разсказаннаго, то подводимая въ немъ картина русской жизни вызывала нерѣдко въ глубинѣ души слушателей и, благодаря удивительному таланту Горбунова — почти-что очевидцевъ—далеко не радостные звуки. Въ лицѣ Горбунова юмористъ, передававшій съ особымъ искусствомъ и правдивостью бытовыя черты изъ книги скорбей и радостей народной жизни, умѣлъ наводить на серьезные вопросы всякаго, кому дорого нравственное развитіе народа, кому народъ интересенъ, а не забавенъ только, какъ предметъ смѣхотворныхъ застольныхъ анекдотовъ.

И съ точки зрѣнія *мастерства*, т. е. формы и способа исполненія, Горбуновъ былъ истинный художникъ. Трудно видѣть въ немъ импровизатора, готоваго наскоро, умѣлыми руками набросать оригинальный разсказъ, сцену, бытовую картинку. На всѣхъ его произведеніяхъ и на всемъ, что онъ передавалъ устно, лежитъ печать продуманности. Она являлась необходимою—для разсказовъ съ историческимъ оттѣнкомъ, для полученія котораго требовалось предварительное и внимательное изученіе историческихъ матеріаловъ,—для сочиненій на старомъ русскомъ языкѣ, гдѣ одно неудачное и несвоевременное выраженіе портило бы цѣлостность общаго впечатлѣнія, звучало бы рѣзкимъ диссонансомъ. Но и кромѣ того, Горбуновъ вообще стремился сжать свои произведенія до крайнихъ размѣровъ, устранивъ изъ нихъ все излишнее и ненужное. А это требовало обдумыванья и неоднократныхъ, хотя бы только и мысленныхъ, передѣлокъ и перекроекъ. Онъ дѣйствовалъ какъ бы по программѣ другого большого художника—Ѳедотова, который говаривалъ: «въ дѣлѣ искусства надо дать себѣ *настояться;* художникъ-наблюдатель то же, что̀ бутыль съ наливкой: вино есть, ягоды есть—нужно только умѣть разливать во̀-время....» Такъ и онъ, безъ сомнѣнія, «настаивался», и лишь выработавъ вполнѣ и всесторонне то, чѣмъ хотѣлъ подѣлиться съ публикою, пускалъ это въ обращеніе. Однажды, въ 1878 году, въ Москвѣ, Горбуновъ изложилъ пишущему эти строки фрагменты будущаго разсказа изъ дѣятельности несуществующаго политическаго учрежденія,—разсказа, полнаго самаго захватывающаго интереса, объявляя, что *все это* надо еще отдѣлать и кое-что переработать. Лѣтъ черезъ десять, на просьбу дать возможность выслушать этотъ разсказъ, онъ отвѣчалъ: —«да все не готово:—не клеится что-то!.. хочется посерьезнѣе сдѣлать...»—и неизвѣстно, не осталось ли это произведеніе лишь «im Werden», какъ говорятъ нѣмцы. Онъ не считалъ возможнымъ остановиться на отдѣльныхъ от-

рывкахъ, связавъ ихъ намеками или искусственными нитями, и признавалъ себя въ правѣ пустить въ обращеніе свое произведеніе только тогда, когда оно было обработано до той ясности, съ которою оно возникло въ его душѣ. Оттого-то онъ и произвелъ сравнительно довольно немного. «En fait d'art,—говоритъ Жоржъ Зандъ,—il n'y a qu'une régle, qu'une loi: montrer et émouvoir». Но для того, чтобы успѣшно и цѣлесообразно *показывать* и *трогать*, необходимо устранить все, что̀ затемняетъ образъ или цѣлую картину, созданные художникомъ, что̀ мѣшаетъ ихъ «показать» столь выпукло и ярко, чтобы они произвели опредѣленное и цѣльное душевное движеніе въ слушателѣ или созерцателѣ. Это устраненіе излишняго—l'élimination du superflu, по удачному выраженію одного русскаго живописца,—усматривается во всемъ, созданномъ Горбуновымъ. Онъ былъ до крайности сжатъ и кратокъ, держалъ на привязи чужое вниманіе и умѣлъ заставить его, ничѣмъ не развлекаясь, почти сразу направиться на самый жизненный нервъ своего разсказа, не связаннаго никакою предвзятою формою, никакими условными правилами. Слушатель захватывался имъ съ первыхъ же словъ и слѣдилъ за нимъ съ неослабѣвающимъ интересомъ. Такъ именно совѣтуетъ Лессингъ поступать художнику: «не впадай въ непростительную ошибку,—не оставляй насъ ни на минуту равнодушными, интересуй насъ и дѣлай затѣмъ съ правилами искусства—маленькими и механическими—что̀ хочешь!»

Вслѣдствіе этого, у Горбунова выработались особые пріемы повѣствованія. Въ большинствѣ случаевъ, онъ не дѣлалъ никакого вступленія; въ рѣдкихъ случаяхъ, когда оно было неизбѣжно, онъ ограничивался двумя-тремя словами. Разсказчикъ спѣшилъ стереться и отойти въ сторону, предоставивъ самой жизни, которую онъ изображалъ, говорить за себя, очевидно находя, что вступленіе излишне тамъ, гдѣ съ первыхъ словъ дѣйствующихъ лицъ предъ слушателемъ, мало-мальски знакомымъ съ русскою дѣйствительностью, сама собою возникаетъ живая обстановка и условія, въ которыхъ происходитъ дѣйствіе. «— Скоро полетитъ?— Не можемъ, сударь, знать. Съ самыхъ вечеренъ надуваютъ, раздуть, говорятъ, невозможно. А чѣмъ это, братцы, его надуваютъ? Должно, кислотой какой... безъ кислоты тутъ ничего не сдѣлаешь»... —такъ начинается одинъ изъ лучшихъ разсказовъ Горбунова, и картина рисуется сама собою, безъ всякаго предваренія слушателя...—«Вы обвиняетесь въ томъ, что въ гостинницѣ «Ягодка» вымазали горчицею лицо трактирному служителю... —Бушевали мы—это точно...» —начи-

настъ Горбуновъ, и обстановка возстаетъ невольно предъ слушателемъ. Онъ видитъ мирового судью и людей, которые «бушевали», и даже самый характеръ ихъ «бушеванья» ясенъ изъ первыхъ же словъ судьи.—«Наслышаны мы объ васъ, милостивый государь,—начинаетъ, бывало, Горбуновъ вкрадчивымъ голосомъ,—что, напримѣръ, ежели что у мирового—сейчасъ вы можете человѣка оправить...»—и не нужно говорить, что дѣло происходитъ въ кабинетѣ адвоката и притомъ спеціалиста по практикѣ у мировыхъ судей... Иногда разсказъ начинался пѣніемъ чувствительнаго романса о «кинареечкѣ», и фигура перезрѣлой замоскворѣцкой барышни съ картавымъ голосомъ тотчасъ рисовалась передъ слушателемъ и предвѣщала общій тонъ будущаго разсказа; иногда сиплый голосъ, напѣвающій съ ожесточеніемъ: «спрятался мѣсяцъ за тучи»—изобличалъ самъ собою молодого гуляку, размаху широкой натуры котораго положенъ предѣлъ какимъ-нибудь неизбѣжнымъ, но тѣмъ не менѣе непріятнымъ обстоятельствомъ...

Горбуновъ любилъ разсказывать стоя. Только въ качествѣ генерала Дитятина, о которомъ рѣчь будетъ ниже, онъ обыкновенно сидѣлъ. Ставъ въ естественную, непринужденную позу, онъ, если это было въ частномъ собраніи, бралъ за спинку стула, откидывалъ со лба нависавшую прядь волосъ и глядѣлъ передъ собою въ пространство, слегка прищуренными, живыми глазами, взоръ которыхъ по ходу и смыслу разсказа становился съ удивительною легкостью то посоловѣлымъ, то комически-томнымъ, то лукавымъ, то испуганнымъ. Живая, непередаваемая игра физіономіи Горбунова,—выраженіе его губъ, то оттопыренныхъ, то растянувшихся въ сладкую или ехидную улыбку, то старчески отвислыхъ, то презрительно сжатыхъ,—его, рѣдкій вообще, жестъ съ растопыренными пальцами или выразительный ударъ могучаго кулака въ грудь,—наконецъ, удивительно-тонкіе оттѣнки его, небогатаго самого по себѣ, голоса,—его шопотъ, всхлипыванья, взволнованная скороговорка, выразительныя паузы—все это населяло его разсказы массою лицъ, обрисованныхъ яркими, типичными чертами,—различныхъ по темпераменту, развитію, настроенію и одинаковыхъ по своей реальности, по своей тѣсной связи со своеобразными сторонами русской жизни и натуры. Подобно началу разсказа, и конецъ бывалъ простъ и естественъ. Многіе разсказы кончались эпически, вдругъ, неожиданно обрываясь, когда все, что составляло ихъ внутренній смыслъ, уже было сказано. Дальнѣйшее ихъ продолженіе являлось бы лишь развитіемъ послѣдствій того или другого положенія, представлять себѣ которыя скупой на слова Горбуновъ предоставлялъ самому слушателю.

II.

Передать, хотя бы въ общихъ чертахъ, *содержаніе* разсказовъ Горбунова—очень трудно. Не говоря уже о богатствѣ и разнообразіи этого содержанія, оно такъ тѣсно и органически связано съ формою и съ особенностями выполненія ея Горбуновымъ, что излагать своими словами это живое воспроизведеніе русской дѣйствительности, блещущее юморомъ и талантомъ, было бы задачею, смѣлость которой равнялась бы ея безплодности. Горбунова нужно было слышать, его слѣдуетъ читать серьезно и вдумчиво; говорить же о его произведеніяхъ возможно лишь намѣтивъ главные ихъ мотивы и освѣщая ихъ небольшими отрывками, изложенными подлинными словами автора.

Русская жизнь и русскій человѣкъ представлены имъ въ самыхъ разнородныхъ сочетаніяхъ, всегда, однако, не только правдоподобныхъ, но поражающихъ своею вѣрностью во всѣхъ отношеніяхъ. Горбуновъ вообще скупъ на описанія и не любитъ рисовать картинъ. Его интересуетъ самъ человѣкъ, а не фонъ, на которомъ онъ вырисовывается, и житейская обстановка, среди которой онъ дѣйствуетъ. Тѣмъ не менѣе у него нашли себѣ яркое изображеніе—унылое однообразіе великорусскаго села съ неизбѣжнымъ «заведеніемъ»; тоскливая тишина и незамѣтно ползущая жизнь уѣзднаго города общаго средне-русскаго типа, съ обычнымъ гостинымъ дворомъ, какъ двѣ капли схожимъ по архитектурѣ, вывѣскамъ и даже по запаху со всѣми другими гостиными дворами другихъ уѣздныхъ же городовъ; московское «захолустье», гдѣ фонари освѣщаютъ лишь свой собственный столбъ и ночной сторожъ протяжно кричитъ «посма-а-атривай!», хотя именно посматривать-то и некому; постоялый дворъ въ посадѣ при монастырѣ, гдѣ «теперича клопъ со всего свѣту собрался, потому богомольцевъ-то какая сила!». Но набросавъ такое изображеніе, Горбуновъ спѣшитъ перейти къ людямъ,—столь близкимъ ему и понятнымъ русскимъ людямъ, «среднимъ» и «молодшимъ», какъ говорилось въ старину, вращающимся среди обычныхъ мотивовъ и элементовъ своей несложной, хотя подчасъ и очень своеобразной жизни. Ихъ повѣрья и обычаи, ихъ доброта и ихъ слабости, проявленія ихъ душевной теплоты, а подчасъ и нравственнаго паденія, ихъ отношеніе къ власти, къ суду, къ церкви и наукѣ,—будни и праздники, скорби и трагедіи ихъ существованія, смѣняя другъ друга и переплетаясь между собою, проходятъ въ пестрой картинѣ предъ каждымъ, кто перечтетъ и припомнитъ разсказы Горбунова.

Любовь къ этому русскому человѣку, несмотря на трезвый взглядъ на его слабости и недостатки, теплится и сквозитъ въ большинствѣ того, что̀ повѣствуетъ Горбуновъ. Не закрывая глазъ на неприглядныя стороны родной жизни, рѣзко оттѣняя тѣ внутреннія диссонансы и «безобразія», которыми иногда проявляетъ себя русскій человѣкъ, Горбуновъ не забываетъ про тяжелыя историческія и бытовыя условія, оставившія, даже и отойдя въ область прошедшаго, свой слѣдъ на нравственномъ складѣ и многихъ сторонахъ «поведенія» этого человѣка. Крѣпостное право, до-реформенное безсудье, на ряду со стремительностью и непосредственностью начальственной расправы, тяжкая, обрывающая всѣ личныя связи, многолѣтняя военная служба и мракъ невѣжества, не только не разсѣваемый, но, бывало, и любовно оберегаемый, мелькаютъ въ разсказахъ Горбунова, внося темные тоны въ ихъ, въ общемъ, свѣтлую и веселящую взоръ ткань.

«Вся-то жизнь наша—слезы,—говоритъ въ «Медвѣдѣ» лежащій на печи старикъ:—родимся мы въ слезахъ и помремъ въ слезахъ... И сколько я этихъ слезъ на своемъ вѣку видѣлъ, и сказать нельзя! Бывало хоть въ некрутчину: и мать-то воетъ, и отецъ-то востъ, а у жены у некрутиковой изъ глазъ словно смола горячая капаетъ»... Эта «некрутчина», наводившая ужасъ на разрушаемую ею семью, вызывала ее иногда на крайнее напряженіе силъ, выражавшееся въ наймѣ «охотника»; и среди разсказовъ Горбунова былъ одинъ, героемъ котораго являлся такой охотникъ, гуляющій насчетъ напявшихъ и всячески безвозбранно надъ ними надмывающійся. Въ порывистыхъ жестахъ его, въ окрикахъ на напятаго имъ музыканта: «дѣлай! дѣлай!», въ его пьяныхъ вопляхъ и слезахъ слышалось глубокое, безъисходное отчаяніе загубившаго себя человѣка. Отголоски этой же некрутчины звучатъ и въ словахъ кухарки на «постояломъ дворѣ»—о мужѣ, котораго «угнали на Кавказъ, такъ что и слуховъ объ ёмъ нѣтъ... должно къ австріякамъ попалъ»,—и въ простодушныхъ разсказахъ Прохора, въ «Лѣсу», объ отведенномъ имъ «для порядку» къ становому бѣгломъ солдатѣ, котораго онъ не испугался, потому что «на войнѣ ежели, вѣстимо, убьетъ, а въ лѣсу онъ ничего, потому отощаетъ, въ лѣсу ему ѣсть нечего... ягоды—да ягодой, или корешкомъ, какимъ ни на есть, сытъ не будешь, ну и отощалъ человѣкъ, силу, значитъ, забрать не можетъ, опять же и ружья этого при ёмъ зѣтъ».

Слезы «некрутиковой жены» невольно напоминаютъ горькое, приниженное положеніе, которое часто выпадаетъ въ удѣлъ

простой русской женщинѣ въ крестьянской средѣ, а подчасъ и въ той, гдѣ владычествуетъ, не препятствуя своему праву, «господинъ купецъ». За комическою растерянностью и смѣшными по своей трусливой узкости житейскими взглядами обывательницъ захолустья, описываемыхъ Горбуновымъ, видится ихъ непрестанный трепетъ предъ домашнимъ произволомъ, неожиданность и безпричинность проявленій котораго пагоняютъ невольный страхъ постояннаго ожиданія какой-нибудь домашней бури. Стоитъ вдуматься въ источникъ этихъ взглядовъ, и трагическая дѣйствительность сотретъ ихъ веселыя краски. Не даромъ одна изъ жительницъ захолустья признаетъ, что сынъ былъ правъ, когда «убѣгъ» съ молодою супругою изъ родительскаго дома, такъ какъ «невтерпёжъ жить, потому что не всякая *можетъ* по здѣшнему безобразію, надо дѣло говорить; и прежде у насъ въ домѣ карамболь былъ, а теперь хоть святыхъ вонъ неси,— продолжаетъ она:—самъ-то лютѣй волка сталъ, день деньской ходитъ, не знаетъ, на комъ злость сорвать»... «За что же я должна за старика идти?» спрашиваетъ молодая дѣвушка отца. «Не твое дѣло!.. Значитъ, такъ нужно для моихъ дѣловъ,— отвѣчаетъ отецъ:—что я задумалъ, никто этого знать не можетъ. А ваше дѣло: что я приказываю—кончено. Не мерзавецъ я въ своей жизни и чувствую свою дѣятельность. Учить вамъ меня нечего». Этотъ гнетъ заглушаетъ мало-по-малу естественныя чувства и логику, и изъ устъ запуганныхъ существъ раздаются сентенціи неожиданнаго свойства. Мать, понимавшая сына, который «убѣгъ» съ женою, говоритъ, однако, послѣдней: «другая бы хорошая баба на твоемъ мѣстѣ въ ногахъ досыта навалялась, а ты фыркаешь»... Въ отвѣтъ на слезы дочери, выдаваемой за старика, слышится материнское удивленіе: «что ты, Богъ съ тобой,—за маіора за военнаго выходить да скучно? да другая на твоемъ мѣстѣ такъ бы посъ вздернула да хвостъ растопырила!» Тяжкія картины семейной обстановки даже и во снѣ давятъ мысль. У одной изъ выводимыхъ Горбуновымъ купчихъ «вся душенька выболѣла отъ страшнаго сна: будто бы стою я, матушка, на горѣ, а мужъ-то, Иванъ-то Петровичъ, пьяный-распьяный внизу стоитъ, да на меня этакъ пальцемъ грозитъ»... Печальная судьба русской «бабы», этой,—по выраженію Некрасова, «вѣковѣчной печальницы», выступаетъ эпизодически у Горбунова. Тяжело ей бываетъ съ пьянымъ и драчливымъ мужемъ. «Другого такого мужика, пожалуй, и на свѣтѣ нѣтъ,—говорятъ про зажиточнаго мужика,—ужъ на что баба, и та отъ него во всю жизнь худого слова не слыхала, а баба напа, извѣстно, на побои рожденная: тамъ какая она ни

будь, а ужъ все ей влетитъ, либо съ сердцовъ, либо съ пьяну»... Не менѣе тяжело и въ безпріютномъ сиротствѣ и вдовствѣ.— «Это что такое?» —кричитъ на собравшихся для облавы на медвѣдя крестьянъ пріѣхавшій изъ Петербурга богатый охотникъ, замѣтивъ среди нихъ бабу съ ребенкомъ на рукахъ. «Бабёночка, сударь, паша...—Что-жъ она съ ребенкомъ въ лѣсъ пойдетъ?—Мужъ, сударь, у ней замерзъ, такъ, значитъ, кормится, въ чужихъ людяхъ живетъ...—Ничего, сударь, мы привычные», робко говоритъ бабенка.

Начатый Великимъ Петромъ «смѣлый посѣвъ просвѣщенья», воспѣтый Пушкинымъ, шелъ медленно, съ остановками, захватывая лишь высшіе классы общества, причемъ имѣлись въ виду преимущественно служебныя цѣли. Настоящая систематическая забота о народномъ образованіи появляется у насъ лишь послѣ крымской войны, но и до сихъ поръ мы, по достигнутымъ въ этомъ отношеніи результатамъ, находимся почти на вершинѣ извѣстной выставочной пирамиды, изображавшей грамотность въ европейскихъ странахъ. Время ранней молодости Горбунова, изъ которой онъ вынесъ многія впечатлѣнія на всю свою творческую дѣятельность, совпало съ господствовавшей въ провинціальномъ бюрократическомъ строѣ недоброжелательностью къ «учёнымъ» и «сочинителямъ», какъ презрительно называли окончившихъ курсъ въ университетѣ, чему рѣзкіе примѣры приводилъ еще недавно на страницахъ «Русской Старины» въ своихъ воспоминаніяхъ о срединѣ пятидесятыхъ годовъ Ф. Я. Лучинскій. Скупости въ просвѣщеніи массъ соотвѣтствовали, въ особенности подальше отъ столицъ, за немногими свѣтлыми исключеніями, самые пріемы преподаванія и слабое развитіе педагогической литературы, чрезвычайно затруднявшее попытки къ самообразованію. Не даромъ вспоминалъ Горбуновъ урокъ «диктовки» изъ древней исторіи и учебникъ математики Войтяховскаго, бывшій въ частомъ употребленіи еще въ сороковыхъ годахъ. «Начнемъ,—говоритъ учитель:—исторію мидянъ. Пишите: исторія... исторія... ми-дянъ, мидянъ. Написали? Точка. Подчеркнуть!—Начало исторіи медянъ... Написали? Точка. Подчеркнуть.—Ну, теперь: исторія мидянъ темна... те-мна и—написали? и—непонятна. Точка. Конецъ исторіи... исторіи... мидянъ. Точка. Подчеркнуть!»—Не лучше, въ своемъ родѣ, были и задачи Войтяховскаго о цѣнности вещей въ чемоданѣ «нововъѣзжей французской мадамы», и о «смѣшеніи вещей въ коронѣ сиракузскаго царя Іерона». Благодаря этому, въ средѣ, описываемой Горбуновымъ, просвѣщеніе «обрѣтается не въ авантажѣ», съ трудомъ просачиваясь между враждебными ему взгля-

дами, сусвѣріями, наивными завѣтами старины и неохотою утруждать себя ученьемъ дальше самыхъ элементарныхъ свѣдѣній и болѣе чѣмъ сомнительнаго правописанія. «Вотъ, все прочиталъ,—заявляетъ управляющій изъ крѣпостныхъ Никита Николаевъ, закрывая книгу Эккартсгаузена «Ключъ къ таинствамъ натуры»:—а въ голову забрать ничего не могу—не обученъ,—если бы меня съ малолѣтства обучали, я бы до всего дошелъ». «Вы господамъ служили,—отвѣчаетъ ему жена:—а господину зачѣмъ ваша наука? Науки вашей ему не нужно. Вотъ хотя бы по вашей, по лакейской части, ученья вамъ совсѣмъ не нужно. Опять же покойница барыня, царство ей небесное, терпѣть не могла, кто книжки читаетъ»...

Не любятъ чтенія книжекъ и въ томъ Замоскворѣчьѣ, нравы котораго описывалъ Горбуновъ. Тамъ полагаютъ, что если «все въ книжку глядѣть», такъ можно «зачитаться», какъ Дёмушка («Смотрины»), стать «чудпымъ», какъ Егорушка, или начать прохожимъ клапяться въ ноги, какъ старичокъ, называемый, несмотря на свои сѣдые волосы, Володею, у котораго *отъ книжки* и отъ долгаго сидѣнья въ долговомъ отдѣленіи «растопилось сердце» и «помутился разумъ» («Самодуръ»). Не даромъ «нашъ лекарь сказывалъ», что даже блины—вредъ для тѣхъ, «кто сжели мозгами часто шевелитъ, значитъ, по книгамъ доходитъ или выдумываетъ». Если въ той средѣ, откуда беретъ свой матеріалъ Горбуновъ, неграмотность не составляетъ бѣды или не грозитъ особыми стѣсненіями въ жизни, то, съ другой стороны, безграмотность, какъ всякое полуобразованіе, съ увѣренностью въ себѣ и самодовольствіемъ выставляетъ себя напоказъ. Достаточно припомнить московскія вывѣски, остановившія на себѣ вниманіе Горбунова и постепенно вытѣсняемыя изъ столицы въ провинцію. «Кофейная справомъ входа для купцовъ и дворянъ», существовавшая въ Грузинахъ, въ Москвѣ, въ пятидесятыхъ годахъ, уступила мѣсто уѣзднымъ: «Въ новь открытой белой харчевнѣ Русскій піръ» и трактиру «Константинъ Нополь»;—московской вывѣскѣ: «Съ дозволенія правительства медицинской конторы засѣданія господъ врачей въ семъ залѣ отворяютъ кровь заграничнымъ инструментомъ пьявочную, баночную и жильную, прическа невѣстъ, бандо, стрижка волосъ, завивка и бритье и прочія принадлежности мужского туалета, по желанію на домъ по соглашенію экзаменованный фельдшерный мастеръ Ефимъ Филипповъ и дергаетъ зубы»—соотвѣтствуютъ: «С.-Петербургской колоніально-бакалейный магазинъ съ продажею всехъ предметовъ химической лабораторіи и прочаго», «Постоялый дворъ и при немъ лавка съ продажею

хомутовъ, кнутовъ, веревокъ и прочихъ съѣстныхъ припасовъ», «Magazin mod e rob Moscu» и т. п. Не лучше и объявленія, въ родѣ: «Съ разрѣшенія начальства, въ непродолжительномъ времени пѣвцы *братья* Мальчугины, изъ коихъ одна *сестра* будутъ имѣть честь и т. д.».

Медленнымъ распространеніемъ образованія и даже грамотности—объясняется взглядъ Горбуновскихъ дѣйствующихъ лицъ на науку и на природу. Съ презрѣніемъ относятся они къ первой, съ ужасомъ—къ естественнымъ явленіямъ послѣдней. «Хозяйка наша въ баню поѣхала и сейчасъ спрашиваетъ: зачѣмъ народъ собирается? а кучеръ-то, дуракъ, и ляпни: затменія небеснаго дожидаются... сырой-то женщинѣ!..—такъ та и покатилась! домой подъ руки потащили»... «Зашелъ онъ въ трактиръ,— разсказываетъ у Горбунова замоскворѣцкій житель—и сталъ эти свои слова говорить. Теперь, говоритъ, земля вертится, а Иванъ-то Ильичъ какъ свиснетъ его въ ухо!.. Развѣ мы, говоритъ, на вертушкѣ живемъ?»... Не однимъ людямъ страшны явленія природы. Опасны они и для лѣсовиковъ, которые очень боятся, напримѣръ, грозы, гоняющей ихъ по лѣсу и бьющей «молоньею, которая, какъ зубомъ, перекуситъ, потому стрѣла у ей очень тонкая». Хотя «дворянинъ одинъ, въ Калугѣ», и отрицаетъ существованіе лѣшаго, «но много онъ знаетъ—дворянинъ-то», когда «кого хошь спроси» лѣшій есть, да только показывается не всякому, а «кого ежели очень любитъ», и видъ притомъ имѣетъ совершенно опредѣленный:—«одна поздря у него, а спины нѣтъ»... Этимъ онъ отличается отъ людоѣдовъ-одноглазыхъ, «по чьему закону *все* можно», которыхъ излюбленные Замоскворѣчьемъ странники за окіянъ-рѣкою *видѣли*, причемъ этому и «описаніе есть въ книжкахъ»... Впрочемъ, «все можно» не однимъ людоѣдамъ,—но, почему-то, и англичанамъ, которые весь постъ ѣдятъ говядину—потому, что «по ихъ вѣрѣ все возможно», ибо они «вѣруютъ въ пѣтуха», о чемъ съ полною увѣренностью заявляетъ въ московскомъ захолустьѣ дворникъ дома, хозяйка котораго, со вздохомъ и усиліями истребляя блины на масляной, на заявленіе внука, что онъ сбился со счета, сколько съѣлъ, говоритъ: «грѣхъ батюшка считать-то,—кушай такъ, во славу Божію». За то жизнь въ этомъ захолустьѣ полна вѣщими снами и слышимыми въ ночи «трубными звуками»,— за то жительницы его, отправившись слушать провозглашеніе «анаѳемы», всхлипывая отъ жалости и умиленія разсказываютъ потомъ, что видѣли, подъ потрясающіе возгласы церковнаго баса. и се, самую анаѳему, съ сѣденькою бородкою и трясущеюся головою...

Больная человѣческая природа тоже вызываетъ къ себѣ въ этомъ мірѣ особое отношеніе. «Какъ здоровье, матушка?»—спрашиваетъ одна богомольная старушка другую.—«О-о-охъ! голубка,—мѣстами! мѣстами болитъ, мѣстами подживаетъ!» Сверхъ такого общаго недомоганья чаще всего одолѣваетъ человѣка бѣлая горячка,—у простого человѣка «сердце чешется», а у купеческой вдовы по ночамъ подъ сердце подкатываетъ—«словно бы этакое забвеніе чувствъ, и вдругъ этакъ... знаете... даже удивительно! и такъ, знаете, вздрогнешь...» Если случится утопленникъ—его откачиваютъ, и чѣмъ шибче, тѣмъ лучше, лишь бы при этомъ не разговаривать, «не пужать его»; если грозитъ повальная болѣзнь, отъ нея защищаются крестами, сдѣланными мѣломъ надъ косяками оконъ и дверей. Иногда дѣйствуютъ по правилу similia similibus curantur. «Да что доктора,—говоритъ одинъ охотникъ, помятый медвѣдемъ,—да что-жъ эти доктора! Для господъ они, можетъ, хороши, а намъ они ни къ чему... Нашу натуру они не знаютъ, порошки ихніе на мужика не дѣйствуютъ. Жена меня лечила. Медвѣдемъ же и лечила, саломъ его, значитъ, медвѣжьимъ прикладывала. Отощалъ я въ тѣ поры очень, на ѣду не тянуло. Глазомъ пищу-то берешь, а нутро-то не принимаетъ. Ну, ничего—выправился».

Однако, «выправиться» приходится не всегда, особливо если дѣло идетъ о соленой рыбѣ, съѣденной безъ предосторожностей, не предусмотрѣнныхъ, впрочемъ, никакими врачами... «Маленько и поѣли-то ее,—и отчего бы это, кажись? Оно точно—начальство не велитъ ее сырую ѣсть, да развѣ удержишься, если апекитъ пришелъ. Конечно—спервоначалу надо бы ее порохомъ вытереть хорошенько, а не то въ щелокъ окунуть—тогда ничего»... Иногда, впрочемъ, душевное и тѣлесное недомоганье является вполнѣ естественнымъ, предвидѣннымъ и, такъ сказать, узаконеннымъ послѣдствіемъ свято соблюдаемаго обычая. «Блины изволили кушать?—Да я крещеный человѣкъ, аль нѣтъ? Эхъ, ты—образованіе!»... Въ виду этого, «кушать блины» становится своего рода священною обязанностью, которая выполняется въ такихъ размѣрахъ и съ такимъ рвеніемъ, что «инда въ глазахъ мутится»—и такъ какъ это продолжается цѣлую недѣлю, то «на послѣднихъ-то дняхъ одурь возьметъ,—постомъ-то не скоро на истинный путь попадешь», ибо «послѣ хорошей масляницы человѣкъ не вдругъ очувствоваться можетъ, и ликъ исказится, и все»... Понятно, послѣ этого, почему старожилъ московскаго захолустья, съ восторгомъ вспоминая, какъ «въ старину, бывало, идешь по улицѣ и чувствуешь, что она, матушка (масляница), на дворѣ: воздухъ совсѣмъ другой, такъ тебя и обдастъ, такъ

и обхватываетъ», замѣчаетъ: «а вотъ посмотрю я на *господъ*— какіе они къ блинамъ робкіе: штуки четыре съѣстъ и сейчасъ отстанетъ...»—«Кишка не выдерживаетъ!»—авторитетно замѣчаетъ собесѣдникъ. Сверхъ исключительныхъ способовъ леченія отъ недуговъ, помощи ищутъ преимущественно въ наговариваніи, нашептываніи на корочку и въ совѣтахъ какого-нибудь Филиппа Іоновича, который «отъ сорока-восьми недуговъ знаетъ лечить—только черепа подымать не можетъ...», причемъ, надо думать, что его лекарство дѣйствуетъ успѣшнѣе, чѣмъ средство, употребленное противъ таракановъ, которыхъ «и морили, сударь, и морозили,—и изъ С.-Петербурга былъ какой-то, мазью смазывалъ, но, между прочимъ, куры всѣ передохли, а тараканы остались».

Едва ли нужно напоминать разсказы Горбунова изъ купеческаго быта, изображающіе гульбу на ярмаркѣ въ Нижнемъ, различныя семейныя сцены и т. п. Все это чрезвычайно характерно, выпукло, но, представляя разработку тѣхъ же типическихъ особенностей этого быта, которыя такъ ярко очерчены въ комедіяхъ А. Н. Островскаго, не достигаетъ силы послѣднихъ ни по мастерству, ни по богатству оттѣнковъ и языку. Болѣе оригинальны картины изъ жизни выводимыхъ Горбуновымъ мѣщанъ, фабричныхъ и вообще городского населенія. Въ нихъ такъ и брызжетъ юморъ, тонкая наблюдательность и умѣнье нѣсколькими штрихами обрисовать цѣлое положеніе. Поразительно жизненны были также въ устныхъ разсказахъ Горбунова особо излюбленныя имъ лица духовнаго званія. Но чиновничій бытъ и такъ-называемая интеллигенція затрагивались имъ мало и мелькомъ, обыкновенно съ довольно явною струйкою насмѣшки. Въ этомъ отношеніи особенно выдержанъ разсказъ «Медвѣжья охота», гдѣ забава скучающихъ баръ переплетается со споромъ мужиковъ изъ-за обложеннаго одними изъ нихъ и перешедшаго на землю другихъ звѣря. Предъ слушателемъ—рядъ типичныхъ лицъ, начиная съ мужичка-охотника, который заряжаетъ ружье, перевязанное около курка веревкою, выдергивая паклю для пыжа изъ шапки, и кончая франтоватымъ молодымъ человѣкомъ, со стеклышкомъ въ глазу, изъ Петербурга, облеченнымъ въ черкесскій костюмъ, съ кинжаломъ и разными затѣйливыми принадлежностями. Охота идетъ неудачно, несмотря на сустню загонщиковъ и отборную брань пріѣзжаго полковника,—что, повидимому, особенно огорчаетъ господина въ черкесскомъ костюмѣ. Всѣ ѣдутъ обратно. Черкесъ, при въѣздѣ въ деревню, убиваетъ въ-упоръ пѣтуха, говоря съ озлобленіемъ: «тебѣ этого, что ль, хотѣлось?»—Очень харак-

терна, напримѣръ, и столичная штатская генеральша тепличнаго воспитанія, впервые пріѣхавшая въ уѣздный городъ. Исправникъ показываетъ ей телеграмму о горящемъ лѣсѣ, угрожающемъ желѣзнодорожной станціи, и съ отчаяніемъ восклицаетъ: «А съ чѣмъ я поѣду? двѣ трубы только, и то одна безъ рукава? — Какъ безъ рукава? — съ недоумѣніемъ спрашиваетъ генеральша. — То-есть, попросту сказать: безъ кишки». Но тепличная дама и этого не понимаетъ, и еще съ бо́льшимъ недоумѣніемъ взглядываетъ въ глаза исправнику...

III.

Область личныхъ отношеній и различныхъ бытовыхъ явленій частной жизни, несмотря на все свое разнообразіе, не могла, однако, дать исключительное содержаніе разсказамъ Горбунова. Изображаемые имъ люди выходятъ, а иногда, помимо своей воли, выводятся изъ узкихъ рамокъ личной жизни—семейной или одинокой—въ круговоротъ жизни общественной. Сходясь въ дѣловыхъ общественныхъ собраніяхъ, собираясь для публичныхъ празднованій, отыскивая развлеченія, русскій человѣкъ имѣетъ случай проявлять свою общительность, свои взгляды на общіе интересы и задачи, и все своеобразіе своей природы, поставленной въ непосредственное соприкосновеніе съ тѣми или другими сочетаніями людей. Все это не могло, конечно, ускользнуть отъ наблюдательности Горбунова. Обратилъ онъ и особое, вполнѣ заслуженное вниманіе на отношеніе изображаемаго имъ русскаго человѣка ко *власти* вообще и къ *суду* въ особенности. Сложившіеся вѣками, подъ вліяніемъ условій и причинъ, имѣющихъ корни въ нашемъ историческомъ прошломъ, взгляды народа на власть и ея представителей, на неизбѣжныя свойства ихъ и, наконецъ, на то, какъ надо къ нимъ относиться, имѣютъ оригинальную форму и особенный, соотвѣтственный той или другой средѣ колоритъ. Изученіе этихъ взглядовъ могло бы имѣть своимъ послѣдствіемъ выводъ цѣлаго ряда ходячихъ въ народѣ житейскихъ, неписанныхъ правилъ о томъ, какъ понимать власть и какого «поведенія» надлежитъ съ нею придерживаться. Если отбросить подчасъ комическую сторону этихъ правилъ, ихъ явное несоотвѣтствіе разумному соотношенію различныхъ элементовъ гражданскаго строя, и ихъ, такъ сказать, фаталистическую непреложность, то въ нихъ можно увидѣть цѣлое *правосозерцаніе,* надъ которымъ нельзя не задуматься.

Ближайшая власть, съ которою приходится имѣть дѣло народу,—полицейская. Ея представители и агенты составляютъ почти неизбѣжный элементъ его общественной жизни. Водвореніе

порядка, ближайшая помощь и защита, предварительное разбирательство всякихъ житейскихъ столкновеній—все это въ рукахъ мѣстной полиціи. «До Бога высоко—до царя далеко»,—говоритъ народная пословица,—и въ то время, когда носитель верховной власти живетъ въ сознаніи народа, какъ недосягаемый, свѣтлый и всемогущій представитель правды и справедливости, которыя лишь вопреки его волѣ не осуществляются въ обыденной жизни исключительно и постоянно,—главный обиходъ отношеній народа къ государству, не считая воинской повинности, замыкается въ тѣсную дѣятельность ближайшихъ къ нему чиновъ полиціи и органовъ суда. Посредствующія звенья, іерархическія ступени, на которыхъ стоятъ облеченныя властью лица, ихъ разнообразныя функціи, права и обязанности,—все это представляется народу въ неясныхъ и по большей части невѣрныхъ очертаніяхъ, все тонетъ въ одномъ и общемъ туманномъ понятіи о *начальствѣ*. Близокъ и понятенъ городовой, околоточный, становой, мировой судья—и, быть-можетъ, земскій начальникъ, смѣнившій, но не замѣнившій послѣдняго; съ ними—и особливо съ первымъ—стоитъ народъ лицомъ къ лицу, они осуществляютъ предъ нимъ волю той неопредѣленной, но осязательной силы, называемой «начальствомъ», критиковать которую безполезно, не повиноваться которой въ концѣ-концовъ невозможно. Правда, строгое раздѣленіе властей, къ которому одно время стремилось наше законодательство, постепенное смягченіе нравовъ, медленное, но, все-таки, чувствуемое развитіе просвѣщенія и связаннаго съ ними правосознанія—понемногу начинаютъ создавать болѣе правильное пониманіе значенія, круга и законныхъ способовъ дѣятельности ближайшихъ къ народу представителей власти. Но это—пріобрѣтеніе, и притомъ довольно еще шаткое, недавняго времени, а повѣствовательная дѣятельность Горбунова беретъ свое начало еще изъ тѣхъ годовъ, когда знаменитый и въ своемъ родѣ популярный кварталный надзиратель, соединявшій въ своихъ рукахъ всѣ мѣстныя проявленія судебной и административной власти, былъ альфой и омегой общественной жизни обыкновеннаго обывателя. Какъ «deus ex machina», являлся онъ разрѣшителемъ всякихъ необычныхъ положеній и непривычныхъ вопросовъ, возникавшихъ въ жизни... Когда злополучный портной уже собирается садиться въ шаръ вмѣстѣ съ «нѣмцемъ», происходитъ слѣдующій краткій разговоръ: «Ты что за человѣкъ?—Портной...—Какой портной?—Портной отъ Гусева, съ Покровки,—предупредительно поясняетъ одинъ изъ присутствующихъ,—купцы его летѣть напяли...—Летѣть!.. Гриненко, сведи его въ часть! —Помилуйте!..—Я те

полечу!.. Гриненко... Извольте видѣть! Летѣть!.. Гриненко, возьми...»—И окружающіе, еще недавно сочувствовавшіе портному, сразу становятся на сторону того, кто такъ энергично проявилъ свою власть, уже въ самомъ фактѣ его вмѣшательства усматривая, безъ долгихъ разсужденій, доказательство неправильности и предосудительности дѣйствій портного, получившихъ заслуженное осужденіе. «Полетѣлъ, голубчикъ!»—«Да за этакія дѣла»... «Народъ-то ужъ очепно избаловался, придумываетъ, что̀ чудпѣй!..»—слышится въ толпѣ,—и на вопросъ прохожаго—не вора ли это повели, и что̀ такое онъ укралъ—ему отвѣчаютъ: «пѣтъ, сударь... онъ, изволите видѣть... бѣдный онъ человѣкъ... и купцы его напяли, чтобы, значитъ, сейчасъ въ шару летѣть,—ну, а *квартальному это обидно показалось*...»—«Потому—безпорядокъ», прибавляетъ одинъ изъ присутствующихъ. «И какъ это возможно безъ начальства летѣть?!»—безапелляціонно и укоризненно заключаетъ другой... и правосозерцаніе, въ силу котораго все, что̀ дѣлается не съ разрѣшенія начальства, есть безпорядокъ, составляющій притомъ личную обиду для представителя этого начальства, возникаетъ предъ слушателемъ какъ основаніе цѣлой системы взаимныхъ отношеній.

Эти отношенія были особенно сложны въ то время, когда квартальный—или, какъ его называли въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, «комиссаръ»—обязанъ былъ разбирать и маловажныя дѣла, идущія нынѣ судебнымъ порядкомъ. Являясь и судьею, и защитникомъ, онъ, подобно римскому претору, тутъ же творилъ свое неписанное право, понятное уму и сердцу обывателя. Въ рядѣ сценъ Горбунова проходитъ онъ предъ нами, начиная съ ранняго утра, проводимаго имъ въ канцеляріи, когда трещитъ голова и требуется «селедка съ яблоками», и когда просителю-купцу, встрѣченному лаконическими словами: «что за человѣкъ?»—говорится ласково: «прошу васъ садиться... въ чемъ ваше дѣло?» послѣ того какъ тотъ высказалъ не на словахъ, а на дѣлѣ теплое участіе къ домашнему обиходу квартальнаго,—и кончая ужиномъ въ купеческомъ домѣ, гдѣ бутербродъ съ густымъ слоемъ свѣжей икры запивается тенерифомъ братьевъ Зміевыхъ. День «комиссара» наполненъ трудомъ на пользу общества. Ему часто приходится принимать на себя высокія обязанности примирителя. «Иванъ Семенычъ, да помирись ты съ этою анаѳемой; вѣдь тебѣ же хуже будетъ, если она направитъ дѣло въ управу благочинія»,—говоритъ онъ.—«Обидно это мнѣ очень, обидно мириться-то, вѣдь я по первой гильдіи.—Ну, дай ты ей *пятнадцать* цѣлковыхъ...—Ну, такъ и быть,

получи! только нельзя ли ее хоть дня на три въ часть посадить.—Ужъ сдѣлаемъ, что можно». Пріемы примиренія очень просты, хотя и неожиданны. «Позвольте узнать, въ какомъ положеніи мое дѣло?—спрашиваетъ, подходя къ столу, среднихъ лѣтъ женщина.—Вы Анна Клюева? вдова сенатскаго копіиста?—Да-съ.—Тэкъ-съ! А вы давно кляузами изволите заниматься?—Помилуйте, какія же это кляузы, когда онъ на паперти меня прибилъ...—А свидѣтели у васъ есть? А докторъ васъ свидѣтельствовалъ?—Помилуйте...—Вы пасъ, матушка, помилуйте! И безъ васъ у насъ дѣла много. Вы женщина бѣдная, возьмите *пять* рублей и ступайте съ Богомъ. А то мы васъ сейчасъ должны будемъ отправить къ частному доктору для освидѣтельствованія нанесенныхъ вамъ побоевъ, тотъ раздѣвать васъ будетъ... Что хорошаго, вы—дама». Просительница начинаетъ всхлипывать.—«А какъ тотъ, съ своей стороны, озлится, да приведетъ свидѣтелей, которые подъ присягой покажутъ, что его въ этотъ день не только въ церкви, а и въ Москвѣ не было, такъ васъ за облыжное-то показаніе...—Помилуйте, прерываетъ просительница.—Позвольте, дайте мнѣ говорить... Вы не бывали на Ваганьковскомъ кладбищѣ?—Мой мужъ тамъ схороненъ.—Стало-быть, мимо острога проѣзжали. Непріятно вѣдь вамъ будетъ въ острогѣ сидѣть.—Я правду говорю! Неужели за правду...—Полноте, возьмите *пять* рублей. Василій Ивановичъ, возьмите съ г-жи Клюевой подписку, что она дѣло прекращаетъ миромъ. Вамъ напишутъ, а вы подпишите.—Извольте, я подпишу, только пяти рублей не возьму... Богъ съ нимъ!—Ну, какъ хотите!» Выступаетъ онъ и въ роли защитника угнетенныхъ, съ примѣненіемъ тѣхъ упрощенныхъ пріемовъ, въ цѣлесообразность и воспитательное значеніе которыхъ до сихъ поръ не хотятъ, по упорству, вѣрить нѣкоторые теоретики, пропитанные кабинетными идеями. «Батюшка, ваше благородіе, защити ты меня, отецъ родной!—голоситъ, валяясь въ ногахъ у него старуха.—Все пропилъ...—Кто пропилъ?—грозно вскрикиваетъ онъ.—Сынъ, батюшка, родной сынъ... Защити ты меня...—Это ты?—обращается квартальный къ молодому, щеголевато одѣтому мастеровому.—Я!—отвѣчаетъ нахально мастеровой.—Ты кто такой?—Цеховой кислощейнаго цеха.—То-то у тебя и рожа-то кислая!.. Ты знаешь Божью заповѣдь: «Чти отца твоего и матерь твою»...—Бацъ! Цеховой летитъ въ стѣну.—Ты знаешь, что твоя мать носила тебя въ своей утробѣ сорокъ недѣль?—Зн...—Бацъ!—Ваше благородіе...—Ступай съ Богомъ! На первый разъ съ тебя довольно. Василій Ивановичъ, возьмите съ него *подписку,* что впредь онъ будетъ оказывать матери сыновнее почтеніе». Являлся

онъ, наконецъ, и въ роли блюстителя народнаго здравія и охранителя чужихъ имущественныхъ правъ. «Что это ты, братецъ,— говоритъ онъ купцу,—весь кварталъ заразилъ». - «Мнѣ и самому тошно,—отвѣчаетъ тотъ,—да что-жъ дѣлать-то! Три года не выкачивали. Капуста, милый человѣкъ, дѣйствуетъ! Заходи ужо́—портфеницу по рюмочкѣ выпьемъ».—«Шуба соболья»,— выкрикиваетъ при описи имущества несостоятельнаго должника охранитель. Писарь записываетъ. «Что ты, въ первый разъ, что ли, на описи-то?—говоритъ тихо комиссаръ.—пиши: *мѣховая*».—«Ложекъ серебряныхъ»... возглашаетъ охранитель... Писарь записываетъ. «Да *металлическихъ!* чортъ тебя возьми! *металлическихъ*... я такого дурака еще не видывалъ!»

Быстрота и самоувѣренная беззастѣнчивость распоряженій, примѣры которыхъ приводитъ Горбуновъ, не давая обывателю ни времени, ни привычки къ критической оцѣнкѣ, къ любознательности о томъ, гдѣ тотъ законъ, на который они опираются, держала, вмѣстѣ съ тѣмъ, человѣка не только въ спасительномъ, но даже въ суевѣрномъ страхѣ. Особенно сильно наводилъ его, въ до-реформенное время, становой, какъ изслѣдователь всякихъ происшествій, могшихъ таить въ себѣ слѣды преступленія. Возможность огульнаго обвиненія или, во всякомъ случаѣ, заподозрѣнія, неслась предъ становымъ приставомъ, какъ вѣтеръ предъ грозою, совсѣмъ пригибая къ землѣ привыкшія жить въ трепетѣ души. «Вотъ когда становой пріѣдетъ!»— говорятъ около трупа убитаго молшіей мальчика. «Что-жъ, становой?.. становой ничего»...—«Становой-то ничего?!»—«Мужички почтенные, становой ежели пріѣдетъ — мы ничего не знаемъ»... «А что, его потрошить будутъ?»—«Само собою— *не по закону померъ*, потрошить». «Становой! становой!»— слышатся крики, и окружающіе обращаются къ ни въ чемъ неповинному парню и, чувствуя, что *необходимъ* виновный, говорятъ ему: «Петрунька! голубчикъ, не погуби! прими все на себя!»—и, не ожидая отвѣта, спѣшатъ навстрѣчу становому съ заявленіемъ: «Ваше благородіе! Петруньки это дѣло, мы ни въ чемъ не причинны»... Когда, въ «Утопленникѣ», вытащившіе трупъ, при звукахъ колокола, ударившаго въ далекомъ монастырѣ къ заутренѣ, крестятся и говорятъ: «упокой, Господи, душу раба твоего,—отмаялся ты на семъ свѣтѣ, голубчикъ!»— наступившую благоговѣйную тишину прерываетъ заявленіе: «Что-жъ, ребята, теперь ступай къ становому,—объявить надо— такъ и такъ».—«Затаскаютъ насъ, братцы, таперича».—«Да, не помилуютъ!»—«Я сидѣлъ разъ въ острогѣ-то, за подозрѣніе. Главная причина, братцы, говори всѣ одно, не путайся. Мѣсяца

два меня допрашивали. Сейчасъ приведутъ тебя, становой скажетъ: «вотъ, братецъ, человѣка вы утопили,—сказывай, какъ дѣло было?»—Ничего, молъ, ваше благородіе, этого я не знаю,—а что собственно услыхамши мы крикъ и таперича, какъ человѣкъ ежели тонетъ,—отвязали мы, значитъ, лодку... А насчетъ того, что откачивали—молчи, потому скажетъ: «какъ ты смѣлъ до его дотронуться? Какое ты полное право имѣешь?..»—Я, молъ, какъ свѣча, горю предъ вашимъ благородіемъ, прикажите хоть огни подо мною поджигать—я ничего не знаю. «Я, скажетъ, братецъ, вѣрно знаю, что это *ваше дѣло*». Говори одно: «Какъ вашей милости угодно будетъ, я этому дѣлу не причиненъ».

Очевидно, что говорящіе такъ смотрѣли на представителей мѣстной власти, какъ на стихійную силу, противъ которой одно средство спасенія—все отрицать, терпѣливо и упорно. Резоновъ она не принимаетъ и налетаетъ съ предвзятымъ и твердымъ рѣшеніемъ. Безполезно опровергать его, это пустая трата словъ,—все равно не повѣрятъ, да и слушать не станутъ. Надо запираться во всемъ—вотъ и все. Система запирательства, выработанная вѣками безсудья (недаромъ и о раскладываніи огней говорится въ безсознательномъ переживаніи судебныхъ ужасовъ XVII и даже XVIII столѣтій),—эта система приходитъ въ голову простому человѣку, едва лишь ему довелось быть случайнымъ свидѣтелемъ смерти отъ несчастнаго случая или даже пытаться спасти утопленника. Возможность того, что «затаскаютъ» и «въ острогъ влетишь»—слишкомъ реальна и основана на горькомъ опытѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, стараясь увернуться отъ осуществленія этой возможности, изображаемый Горбуновымъ, простой русскій человѣкъ далекъ отъ желанія не только разбирать, но даже и объяснять себѣ основанія и поводы дѣйствій представителей мѣстной власти. Должно-быть, все, что она предпринимаетъ, такъ и надо, такъ неизбѣжно и до такой степени само собою разумѣется, что даже и говорить объ этомъ не стоитъ. «Пожалуй—въ острогъ влетишь»,—говоритъ продрогшій парень, вытащившій на берегъ утопленника.—«Хитрого нѣтъ!»—отзывается другой.—«За что?»—спрашиваетъ третій. «А за то».—«За что,—за то?»—«Тамъ уже опосля выйдетъ разрѣшеніе»,—заключаетъ успокоительно первый... Этому благодушному примиренію съ неизбѣжнымъ и ненуждающимся въ какомъ-либо обоснованіи «разрѣшеніемъ» часто соотвѣтствуетъ представленіе о какихъ-то особыхъ правахъ, составляющихъ принадлежность всякаго сколько-нибудь «значительнаго» человѣка. Хотя брань на вороту не виснетъ, по пословицѣ, и мужики, собравшіеся для медвѣжьей охоты, благодушно замѣчаютъ: «шибче

полковника никому не изругаться, такъ обложитъ—лучше требовать нельзя»... но и ихъ благодушію есть предѣлъ.—«Возилъ я нынче купца петербургскаго, трактирщика,—разсказываетъ крестьянинъ-ямщикъ,—ужъ очепно ругается... Такъ ругается—нѣтъ никакой возможности! Предъявляетъ, что въ Петербургѣ онъ очень значительный. Я, говоритъ, при своемъ капиталѣ кого хошь въ острогъ посажу».—«А вы и вѣрите?»—«Да какъ же не вѣрить? Можетъ, *права* такія имѣетъ. Мы этого не знаемъ. Петербургъ отъ насъ далеко»... Вотъ почему въ былые годы исполненіе требованій властнаго человѣка, даже и не вытекающихъ никоимъ образомъ изъ его должности или положенія, считалось мірскимъ дѣломъ, повинностью, несомою всѣми за одного и однимъ за всѣхъ, во избѣжаніе разныхъ непріятностей. Старый слѣпой дѣдъ, лежащій на печи, услышавъ стукъ старосты въ окно, переговоры вполголоса и крикливое возраженіе дѣвушки, призываемой для особой услуги къ наѣхавшему чиновнику: «да что это, въ самомъ дѣлѣ, точно другихъ дѣвокъ на селѣ нѣтъ?! третьяго дня къ одному посылали, вчерась къ другому требовали, а нынче, накось, и къ третьему иди! не пойду я!»—говоритъ ей наставительно: «Полно, полно, Матрена,—послужи міру-то»...

Рядомъ съ этимъ, готовность обращаться къ полицейской власти по всякому случаю—часто живописуется въ разсказахъ Горбунова. Русскій человѣкъ любитъ видѣть вмѣшательство полиціи, призываетъ ее и относится къ ней съ сочувствіемъ не какъ участникъ, но какъ зритель, играя, въ составѣ толпы, иногда роль хора античныхъ трагедій. «Нѣтъ, вы про затменіе докажите! вы только народъ въ сумнѣніе приводите»,—говоритъ кто-то изъ толпы астроному-добровольцу, собравшемуся смотрѣть въ одномъ изъ замоскворѣцкихъ переулковъ на солнечное затменіе—и, не дожидаясь отвѣта, при общемъ сочувствіи, кричитъ:—«Городовой! городовой!»—«Вотъ онъ тебѣ покажетъ затменіе!»—одобрительно говорятъ въ толпѣ. «Да! нашъ городовой никого не помилуетъ». — «Что это за народъ собравши? — Да вотъ пьяный какой-то выскочилъ изъ трактира, наставилъ трубочку на солнышко, говоритъ—затменіе будетъ... — Да гдѣ-жъ городовой-то?—Чай пить пошелъ.—Надо бы въ часть вести.—Сведутъ, ужъ это безпремѣнно.—За такія дѣла не похвалятъ»... Самимъ говорящимъ неясно,—въ чемъ состоитъ дѣло, за которое *похвалить нельзя*, и за что *не помилуетъ городовой*, но ясно и непреложно одно: необходимъ городовой. Онъ разрѣшитъ натянутое положеніе и успокоитъ напряженіе нервовъ. Не даромъ къ нему даже обращаются съ вопросами о томъ, «какъ

понимать эту самую «фру-фру», обозначенную въ театральной афишѣ». Вотъ и онъ!—увѣренный въ себѣ и солидарный съ толпою во взглядахъ на свои задачи. Онъ сразу становится на высоту своего официальнаго положенія, и первое его слово, обращенное къ жадно ждущей его толпѣ—«осади назадъ!» Но толпа дорожитъ даровымъ зрѣлищемъ, гдѣ она и зритель, и дѣйствующее лицо вмѣстѣ, она лѣзетъ, напираетъ, спѣшитъ «излить мольбы, признанья, пени»... и ея страстный говоръ постоянно прерывается окриками: «не наваливайте!—которые...» и «осадите назадъ!»—«Сейчасъ выручитъ!»—радостно говорятъ среди окружающихъ. — «Иванъ Павлычъ, ты — нашъ тѣлохранитель, выручи»...—обращаются къ нему. И онъ выручаетъ, самъ, вѣроятно не зная—*кого* и изъ *чего*. Услышавъ выраженіе: «вы тогда поймете, когда въ дискѣ будетъ», — онъ говоритъ: «почтенный, вы за это отвѣтите!» — «За что? — «А вотъ за это слово ваше нехорошее!»—«Сейчасъ затмится». — «Можетъ, и затмится, а вы, господинъ, пожалуйте въ участокъ. Этого дѣла такъ оставить нельзя»...—«Какъ возможно!»—убѣжденно замѣчаютъ въ толпѣ...

IV.

Судебная реформа внесла новыя начала въ нашу народную жизнь. Она пробудила въ обществѣ силы, не находившія себѣ дотолѣ достаточнаго примѣненія, она послужила нравственною школой народу и съ такою систематическою настойчивостью стала вызывать въ обществѣ стремленіе къ истинному правосудію и уваженіе къ человѣческому достоинству, что составленное Горбуновымъ шуточное филологическое изслѣдованіе о *розгословіи, брадоиздраніи, власоисхищеніи и прочемъ* *) – стало казаться безвозвратно отошедшимъ въ область прошлаго. Знаменитый «комиссаръ» потерялъ, какъ говоритъ Горбуновъ въ своихъ воспоминаніяхъ, свой престижъ. «Онъ не имѣлъ уже прежняго значенія въ купеческихъ домахъ, ни на похоронахъ, ни на свадьбѣ. Уже его не подводилъ хозяинъ подъ-руку къ закускѣ, съ упрашиваніемъ выкушать на доброе здоровье, а предлагалъ ему просто, мимоходомъ:—«Ермилъ Николаевичъ, ты бы водки выпилъ. Настойка тамъ есть»... Мировой судья сдѣлался, черезъ мѣсяцъ послѣ своего появленія на свѣтъ, популярнымъ учрежденіемъ, и попросту сталъ называться *мировымъ*. Мѣсто сти-

*) «Слова, вмѣстѣ съ выражаемыми ими дѣйствіями, вышедшія изъ употребленія въ новой и свободной Россіи послѣ 19-го февраля 1861 года»—изъ давней записи сообщено И. Ѳ. Горбуновымъ. «Русская Старина». 1891 г. № 10.

хійности понемногу, увѣренною въ себѣ стопою, стала стараться заступать законность, а гласное разбирательство представило обширное поле для наблюденій надъ жизнью, такъ сказать, захваченною врасплохъ и раскрываемою безъ искусственнаго освѣщенія, умолчаній и прикрасъ. Рядомъ съ этимъ судъ присяжныхъ, еще не обратившійся въ предметъ различныхъ обвинительныхъ литературныхъ упражненій, сдѣлалъ народъ въ качествѣ представителей общественной совѣсти не пассивнымъ участникомъ и не празднымъ зрителемъ, а окончательнымъ разрѣшителемъ судебной драмы. Засѣданія этого суда въ первое время были полны захватывающаго интереса и не столько съ юридической точки зрѣнія, сколько со стороны бытовой. Жизнь приливала къ стѣнамъ суда шумными волнами, и эти волны выбрасывали на берегъ—въ лицѣ свидѣтелей, подсудимыхъ, потерпѣвшихъ, а иногда даже и участниковъ суда, обвинителей, защитниковъ и самихъ присяжныхъ—такихъ разнородныхъ и разновидныхъ представителей всѣхъ слоевъ общества и всѣхъ условій бытовой обстановки, что романистъ, художникъ и изслѣдователь народной жизни съ не меньшимъ правомъ, чѣмъ юристъ, могъ считать залу суда мѣстомъ для плодотворныхъ наблюденій и изученій. Ниже мы будемъ говорить объ отношеніи Горбунова къ новому суду, но здѣсь не можемъ не указать, что въ его разсказахъ суду этому было отведено видное мѣсто. Горбуновъ умѣлъ уловить всѣ его особенности, выхватить изъ него рядъ живыхъ и содержательныхъ сценъ, съ чрезвычайною наблюдательностью изобразивъ тѣ комическія положенія, которыя создавались столкновеніемъ между теоретическими предписаніями закона, имѣющаго въ виду отвлеченную личность, и живымъ лицомъ, приносившимъ въ судъ всѣ особенности своихъ бытовыхъ и правовыхъ воззрѣній.—«Не угодно ли вамъ дать ваше заключеніе, въ качествѣ эксперта, о достоинствѣ шампанскаго, въ продажѣ котораго подъ извѣстною и пользующеюся довѣріемъ чужою иностранною маркою обвиняется подсудимый?»—обращается предсѣдатель къ «свѣдущему человѣку», благообразному старому негоціанту, вызванному въ судъ, какъ опытный знатокъ въ винахъ. «Свѣдущій человѣкъ» истово беретъ бокалъ съ только-что откупоренным шампанскимъ, прикладывается къ нему губами, вытираетъ ротъ фуляровымъ платкомъ, смотритъ вино на свѣтъ и молчитъ. «Ваше заключеніе?»—«Чего-съ?»—«Ваше заключеніе?»—«То-есть—это о чемъ же?»—«Соотвѣтствуетъ ли испробованное вами шампанское по своимъ качествамъ вину той марки, подъ названіемъ которой оно пущено въ продажу подсудимымъ?»—Негоціантъ снова пробуетъ вино,

вытираетъ ротъ и молчитъ.—«Какое же ваше заключеніе?»—«Мое-съ?» — «Ну да! конечно, ваше», нетерпѣливо говоритъ предсѣдатель. Свѣдущій человѣкъ переступаетъ съ ноги на ногу, задумывается, потупляется и вдругъ, поднявъ голову, рѣшительно говоритъ: «Покупатель выпьетъ!..»

Въ разсказахъ Горбунова судебное засѣданіе оживало со всѣми своими дѣйствующими лицами, — съ публикою и свидѣтелями. Жеманная барышня, картавящая, говорящая скороговоркою и прерывающая вопросы защитника восклицаніемъ: «ахъ! что вы!»; пришепетывающая и захлебывающаяся отъ волненія старушка; говорливый приказчикъ; испуганный свидѣтель «изъ простыхъ», никакъ не умѣющій выбраться изъ рокового круга словъ: «значитъ», «то-есть», «выходитъ» и т. п., и цѣлый рядъ прямо выхваченныхъ изъ жизни лицъ, очерченныхъ кратко, но чрезвычайно мѣтко,—населяли тѣ придуманныя Горбуновымъ засѣданія, вымышленность которыхъ исчезала за ихъ яркою житейскою правдоподобностью. Особенно удаченъ былъ его большой разсказъ о судѣ по очень важному дѣлу. Усердный посѣтитель судебныхъ засѣданій, убѣжденный и, какъ онъ самъ выражался, «радостный» поклонникъ новаго суда, Горбуновъ умѣлъ подмѣтить и нѣкоторыя его, извинительныя въ большинствѣ случаевъ, слабыя стороны. Отъ него не ускользнули:—кое-какой излишекъ торжественности въ обстановкѣ, непонятная простымъ зрителямъ условность иныхъ судебныхъ дѣйствій, приподнятый тонъ и высокій слогъ, которыми вооружались «для пущей важности» въ первое время нѣкоторые, весьма впрочемъ почтенные предсѣдатели, — запутанность юридическихъ опредѣленій преступныхъ дѣйствій, вызванная привитіемъ къ корявому стволу устарѣлаго уложенія молодыхъ черенковъ судебныхъ уставовъ, за которою подчасъ исчезали дѣйствительныя житейскія черты преступленія, — и, наконецъ, излюбленныя и далеко не всегда оправдываемыя обстоятельствами дѣла ссылки на невмѣняемость... Съ тонкимъ юморомъ указывая на это, Горбуновъ былъ, однако, далекъ во всѣхъ своихъ судебныхъ разсказахъ отъ недоброжелательной насмѣшки надъ судомъ. Онъ понималъ, что новыя формы, внезапно возникшія среди стараго бытового и общественнаго строя, могли естественно создавать, особливо въ первое время, неловкія и неожиданныя положенія, ошибки и затрудненія, способныя вызвать улыбку и смѣхъ, но не злорадство, ибо за ними чувствовалась чистота и высота наполнявшаго ихъ принципіальнаго содержанія. Слушаніе процесса *по очень важному дѣлу* откладывается довольно долго, за невозможностью разыскать главнаго свидѣтеля — цехового Про-

кофьева. Но вотъ онъ найденъ—и вмѣстѣ съ нимъ, надо полагать, найденъ ключъ къ разрѣшенію всѣхъ могущихъ возникнуть по дѣлу сомнѣній. Назначенъ день слушанія. Публика съ ранняго утра наполняетъ зданіе суда, терпѣливо ожидая интереснѣйшихъ разоблаченій. Предсѣдатель, чувствуя себя главнымъ руководителемъ давно ожидаемаго процесса, рѣшается «стать на высоту положенія» и съ особою торжественностью открываетъ засѣданіе. Молодой секретарь, быть-можетъ, впервые выступающій публично, читаетъ обвинительный актъ, смущаясь, торопясь, глотая слова и не соблюдая паузъ. Слова слѣдуютъ одно за другимъ безъ перерывовъ, съ неумѣлыми передышками, сливаясь въ однотонномъ и быстромъ чтеніи, изъ котораго лишь по временамъ вырываются, нарушая его общее гипнотизирующее и усыпляющее вліяніе «страшныя слова» въ родѣ: *оказалось*, *показалъ*, *не признавая*, *на основаніи*, *предусмотрѣно*, *предается* и т. п. Обвиняемыхъ двое, молодые люди, мужчина и женщина. Предсѣдатель, многозначительно обращаясь къ первому изъ нихъ, говоритъ: «Подсудимый—студентъ технологическихъ наукъ Сидоровъ, признаете ли вы себя виновнымъ въ томъ, что 30-го февраля (sic!) сего года, на Лиговкѣ, имѣли, съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ и умысломъ, продолжительный разговоръ о предметахъ, суду неизвѣстныхъ?» «Нѣтъ, не признаю!»—мрачно отвѣчаетъ тотъ. Предсѣдатель, съ еще большею многозначительностью: «Подсудимая, окончившая курсъ кулинарныхъ предметовъ Иванова, признаете ли себя виновною въ томъ, что въ то самое время, когда Сидоровъ имѣлъ упомянутый разговоръ, вы, тоже съ умысломъ, находились въ Гороховой, съ цѣлью покупки себѣ шерстяныхъ чулокъ?» — Подсудимая, срываясь съ мѣста, стремительно отвѣчаетъ: «Да! признаю, но я была *въ состояніи аффекта*...» (иногда Горбуновъ дѣлалъ варіантъ, и подсудимая у него отвѣчала, послѣ нѣкотораго размышленія: «*Въ фактѣ* — да!»). Предсѣдатель торжественно и вмѣстѣ любезно: «Садитесь!» Начинается приводъ къ присягѣ свидѣтелей, неподражаемо изображавшійся Горбуновымъ. Лицо, названное предсѣдателемъ—«святымъ отцомъ» и неожиданно для себя застигнутое обязанностью сдѣлать свидѣтелямъ внушеніе, говоритъ довольно сбивчиво, съ внезапными повышеніями голоса и сильно напирая на *о*, и кончаетъ заявленіемъ, что не *токмо* законъ гражданскій, но *даже* и небесный судъ наказываютъ за ложное показаніе. Свидѣтели присягаютъ каждый по-своему. Дворникъ, размашистымъ жестомъ съ силою ударяетъ себя въ плечи, лобъ и грудь; франтъ поношеннаго вида и неопредѣленныхъ занятій со снисходительною улыбочкою не-

брежно болтаетъ пальцами подъ подбородкомъ; городовой, бляха № 999, смотритъ все время на предсѣдателя, даже и прикладываясь, и потому чуть не попадаетъ мимо... Наступаетъ пауза, свидѣтели мнутся съ ноги на ногу, а затѣмъ предсѣдатель, обращаясь къ судебному приставу, говоритъ взволнованнымъ голосомъ: «Удалите свидѣтелей!» многозначительно прибавляя: «останется цеховой Прокофьевъ»... Прокофьевъ стоитъ посреди залы. На немъ старый сюртукъ, застегнутый на одну уцѣлѣвшую пуговицу, и очень короткія брюки, съ оттопыренными буфами на колѣняхъ. Признаковъ бѣлья не имѣется. Всѣ обращаются въ слухъ. «Господинъ Прокофьевъ, доложите суду въ связномъ и послѣдовательномъ разсказѣ все, что вамъ извѣстно по настоящему дѣлу... или, быть-можетъ, вы предпочтете *подвергнуть себя* перекрестному допросу?»—Напряженіе общаго вниманія достигаетъ крайняго предѣла. Прокофьевъ обводитъ сидящихъ предъ нимъ глазами, перебираетъ привычно-трясущимися руками борты засаленнаго и порыжѣлаго сюртука, и вдругъ плаксивымъ голосомъ заявляетъ: «Ваше сіятельство... я человѣкъ пьяный...»

Интересуясь всѣми выдающимися процессами, Горбуновъ по-своему отзывался на нихъ, включая иногда тонкую иронію въ юморъ выхваченнаго изъ жизни разсказа. Многимъ памятно надѣлавшее столько шуму дѣло Мироновича, обвинявшагося въ задушеніи Сары Беккеръ. Въ кулачкѣ несчастной дѣвочки, при открытіи этого темнаго злодѣянія, оказался зажатымъ клокъ волосъ, очевидно принадлежавшій тому, съ кѣмъ ей пришлось бороться за свою жизнь. Волосы были бережно вынуты, сложены на бумагѣ и положены на подоконникъ, но когда, по окончаніи протокола осмотра трупа и мѣста совершенія преступленія, при чемъ въ комнату входили и выходили изъ нея разные люди, хватились волосъ—ихъ уже не оказалось, а съ ними исчезла весьма важная улика, которую надо было потомъ возмѣщать рядомъ болѣе или менѣе остроумныхъ предположеній и смѣлыхъ догадокъ. Какъ извѣстно, дѣло разбиралось два раза, чрезвычайно занимая и даже волнуя общество, раздѣлившееся по вопросу о виновности Мироновича на лагери. Въ первый разъ Мироновичъ былъ обвиненъ, во второй—оправданъ. Дѣло прошло, оставивъ неразъясненнымъ вопросъ о совершителѣ и о мотивахъ загадочнаго преступленія и лишь представивъ во всемъ неприглядномъ своемъ блескѣ образъ *психопатки,* самое названіе котораго, впервые заявленное учеными экспертами во всеуслышаніе на судѣ, пріобрѣло себѣ съ тѣхъ поръ право гражданства въ нашемъ житейскомъ обиходѣ. Вскорѣ послѣ этого

Горбуновъ сталъ разсказывать о приказчикѣ, который, побывавъ съ товарищемъ въ зоологическомъ саду и сдѣлавъ «честь-честью» все, что̀ *полагается*, т. е. поклонившись Михайлу Ивановичу (медвѣдю), предоставивъ яблочко обезьянамъ, покормивъ слона булочкою и *подразнивъ* льва, отправился на Крестовскій островъ и на дорогѣ вздумалъ выпить бутылочку «попутнаго». Въ погребкѣ, послѣ предложенія посѣтителямъ прейсъ-куранта, «по которому имъ пить невозможно», ихъ соблазняютъ разсказомъ о томъ, что недавно «фундаментъ перекладали» и въ немъ нашли замурованными три бутылки, которымъ, поэтому, должно быть не менѣе 80 лѣтъ. Когда откупориваютъ одну изъ такихъ дорогихъ — потому что рѣдкостныхъ — бутылокъ, изъ нея вылетаетъ муха. «Какъ же это ты, такой-сякой,— говоритъ Иванъ Ѳедоровъ, товарищъ разсказчика, — увѣряешь, что винѣ 80 лѣтъ, когда въ ёмъ живая муха?!»—«Что же,— отвѣчаетъ сидѣлецъ,—муха завсегда въ спирту жить можетъ».— «Ну, *натурально*,—продолжаетъ разсказчикъ,— Иванъ Ѳедоровъ ему сейчасъ въ ухо... Поднялся это крикъ, пришелъ городовой, привели околоточнаго, бутылку взяли, составили актъ, насъ записали, *муху къ дѣлу припечатали*... Теперь не миновать подъ арестъ. Мировой засудитъ! Одна надежда: коли ежели эта муха пропадетъ—оправдаютъ!!»

Понятно, что мировое судебное разбирательство, непосредственно касающееся явленій повседневной народной жизни, должно было давать Горбунову краски и мотивы для самыхъ разнообразныхъ разсказовъ. Нѣтъ возможности не только перечислить, но даже и припомнить всѣ его повѣствованія о происходящемъ въ камерахъ мировыхъ судей и у тѣхъ мелкихъ ходатаевъ, которые преимущественно принимаютъ на себя защиту у послѣднихъ. Своеобразный взглядъ на свое положеніе и обязанности, на отношеніе къ правамъ другихъ и къ условіямъ житейскаго поведенія у дѣйствующихъ лицъ этихъ разсказовъ тѣсно связанъ со страхомъ отвѣтственности и въ особенности огласки. Безобразные розмахи широкой натуры какъ-то странно переплетаются тутъ съ этимъ страхомъ и уживаются вмѣстѣ. При всей пестротѣ этой картины, въ ней чувствуются вѣрныя дѣйствительности краски, не исчезнувшія подъ внѣшнимъ лоскомъ поверхностной и наносной культуры. Въ силу этихъ особенностей, напр., два приказчика изъ Апраксина двора, не отрицая того, что они *бушевали* въ трактирѣ «Ягодка», разбили зеркало и вымазали горчицею лицо трактирному служителю,—тѣмъ не менѣе, рѣшительно не признаютъ себя ни въ чемъ виновными потому, что «за все за это заплочено и мальчишкѣ да-

дено, что̀ слѣдуетъ, а ежели и смазали маленько — бѣды тутъ большой нѣтъ, вотъ ежели бы скипидаромъ смазали, опять же за это и деньги заплочены». По тѣмъ же основаніямъ и хозяинъ пекарни, гдѣ найдена масса всякой нечистоты и таракановъ и гдѣ подмастерья спятъ въ повалку на столахъ, на которыхъ дѣлаютъ хлѣбы, отказывается понять, за *что* его хочетъ присудить къ штрафу мировой судья, такъ какъ «гдѣ человѣкъ, тамъ и тварь всякая водится, и не должо̀нъ же я своимъ рабочимъ *диваны* покупать»; а когда судья ему не внемлетъ, то замѣчастъ сокрушенно: «теперича я, значитъ, за кажиннымъ тараканомъ съ палкою ходить должо̀нъ!?.» Иногда дѣло не доходитъ до отрицанія вины, но предъявляются резоны, въ силу которыхъ наказаніе по всей справедливости должно быть смягчено. Подсудимый, признавая себя виновнымъ въ томъ, что два раза смазалъ кого-то въ дракѣ, возникшей въ «Орфеумѣ» вслѣдствіе замѣчанія какого-то «не то господина, не то писаря» относительно «необразованія» кутящей компаніи, на что одинъ изъ нея—«какъ свиснетъ его: вотъ, говоритъ, какое наше образованіе!»—узнастъ отъ защитника, что придется сидѣть въ тюрьмѣ недѣли три, и удивленно спрашиваетъ: «все равно какъ простой человѣкъ? съ арестантами?» — прибавляя затѣмъ: «а ежели я купецъ, напримѣръ, гильдію плачу?»—и услышавъ, что «вдобавокъ въ газетахъ обозначатъ», справляется:—«а ежели, напримѣръ, пожертвовать на богадѣльню или куды?»

Такимъ обвиняемымъ нерѣдко соотвѣтствуютъ и надлежащіе защитники ихъ невинности. Горбуновъ, понимая необходимость защиты въ уголовныхъ дѣлахъ, зналъ, что присяжная адвокатура сослужила русскому судебному дѣлу большую службу, способствуя развитію правопониманія въ обществѣ и во многихъ случаяхъ безкорыстно содѣйствуя суду въ отысканіи истины. Но онъ нашелъ для себя богатый матеріалъ въ дѣятельности представителей низшихъ слоевъ адвокатуры, уцѣлѣвшихъ отчасти отъ контингента до-реформенныхъ ходатаевъ, строившихъ свой успѣхъ часто на незнаніи закона тѣми, кто къ нимъ обращался. На этомъ поприщѣ состязанія корысти и невѣжества имъ выведено нѣсколько яркихъ фигуръ. «Прежде проще было,— жалуется попавшій «къ мировому» буянъ: — я у квартальнаго раза два судился: дашь, бывало, письмоводителю и кончено; а теперича и дороже стало, и сраму больше; — сейчасъ, вотъ, былъ тоже у одного адвоката—три синенькихъ отдалъ за разговоръ. Я, говоритъ, твое дѣло выслушаю, только ты мнѣ, говоритъ, за это пятнадцать рублей и деньги сейчасъ. Ну, отдалъ, разсказалъ все какъ слѣдуетъ... Уповай, говоритъ, на Бога!

и ничего больше. Уповай, говоритъ, и шабашъ!» Это — *до-судебная* помощь. Но и помощь *на судѣ* можетъ оказаться не лучше.—«Г. мировой судья!—восклицаетъ защитникъ сотворившихъ «смазь» горчицею,—чистосердечное раскаяніе, принесенное въ судѣ, на основаніи новаго законоположенія, ослабляетъ... законъ разрѣшаетъ по внутреннему убѣжденію...»—«Позвольте!—прерываетъ судья—вы въ какомъ видѣ?»—«Чего-съ?»—Судья повторяетъ вопросъ, на который слѣдуетъ наивно-вопросительный отвѣтъ: «Въ какомъ-съ?» — «Я васъ штрафую тремя рублями. Извольте выйти вонъ.» — «Скоро, справедливо и милостиво!» заплетающимся языкомъ и силясь гордо взглянуть посоловѣлыми глазами, восклицалъ Горбуновъ, дѣлая видъ, что захлопываетъ толстую книжку судебныхъ уставовъ... Не даромъ, поэтому, обыватель, подлежащій явкѣ къ мировому, не всегда благосклонно относится къ вопросу о вознагражденіи за будущую защиту. «Ищу адвоката,—говоритъ купецъ, допустившій по отношенію къ бѣдной дѣвушкѣ-переводчицѣ «безобразіе бабушки» и собственное «малодушіе»,—былъ у одного, да не понравился: чѣмъ, говорю, прикажете васъ вознаграждать?—всталъ, этакъ, выпрямился:—мнѣ кажется, говоритъ, что опосля изобрѣтенія денежныхъ знаковъ вашъ вопросъ совершенно лишній...»

V.

Въ области общественной службы, публичныхъ развлеченій и общественныхъ торжествъ творчество Горбунова и его способность подмѣтить, въ юмористической формѣ, выдающіеся внутренніе моменты—находили себѣ обильную пищу. Почти во всѣхъ этихъ его разсказахъ и сценахъ изъ-за отдѣльнаго, яркаго и жизненно-правдиваго эпизода выступаетъ проницательное и прочувствованное изображеніе *отношенія* русскаго человѣка къ различнымъ сторонамъ и вопросамъ жизни,—того отношенія, которое присуще именно русскому человѣку, составляя оригинальное проявленіе свойствъ его природы и условій его культурнаго развитія. Въ ряду такихъ сценъ одно изъ первыхъ мѣстъ занимало, въ словесномъ изложеніи Горбунова, фантастическое засѣданіе уѣзднаго земскаго собранія, въ которомъ разрѣшается вопросъ о назначеніи дополнительнаго содержанія отъ земства одному изъ полицейскихъ должностныхъ лицъ, приходящему по своей дѣятельности въ частное соприкосновеніе съ земскими дѣлами и повинностями. На вопросъ предсѣдателя собранія о томъ, принимаетъ ли оно предложеніе о прибавкѣ, встаетъ рядъ гласныхъ, произноситъ рѣчи и дѣлаетъ заявленія. Ораторы обрисованы Горбуновымъ съ неподражаемымъ и незабываемымъ мастерствомъ.

Къ сожалѣнію, разсказъ этотъ не напечатанъ и передать его въ подробности не представляется возможнымъ. Представитель крупныхъ землевладѣльцевъ спрашиваетъ небрежнымъ тономъ, какъ о вещи, ясной сама по себѣ: «это по той же *прерогативѣ* какъ было сдѣлано въ Казани?»—и, получивъ успокоительный отвѣтъ: «да, по той же», говоритъ кратко: «я согласенъ!»—Гласный изъ купцовъ переспрашиваетъ, какая сумма, и, узнавъ, что 100 рублей въ годъ, заявляетъ: «Что-жъ, коли ежели, дѣйствительно, имъ въ томъ надобность, то можно безъ сумлѣнія, потому при нашемъ капиталѣ это дѣло возможное».—Третій гласный, говорящій на о и витіевато, испросивъ разрѣшеніе «слово отрыгнуть», начинаетъ словами: «О чемъ рѣчь? О прибавкѣ!—Кому?—Господину NN.—За что—За труды!—Однакоже, уповательно...»—и неожиданно предъявляетъ требованіе объ ассигнованіи и ему, и его сослуживцамъ такой же суммы, поясняя это тѣмъ, что безъ ихъ участія многія существенныя событія въ жизни обывателя обойтись не могутъ. «Да вѣдь это не относится къ настоящему дѣлу», — останавливаетъ его предсѣдатель.—«То-есть по-о-звольте, господинъ предсѣдатель,—возражаетъ гласный:—какъ же это не относится, когда я имѣю семь душъ дѣтей женскаго пола, которыя всѣ требуютъ пищевого довольства!?»—«Все-таки не относится», упорствуетъ предсѣдатель.—«Прошу занести въ протоколъ»,—обиженно говоритъ гласный, надъ горькимъ и зависимымъ матеріальнымъ положеніемъ котораго невольно заставляетъ призадуматься Горбуновъ, умѣвшій въ его комическое по формѣ заявленіе вложить нотку, идущую изъ настрадавшагося сердца.—«Господинъ предсѣдатель,—встаетъ, играя золотымъ pince-nez, случайный гость собранія, пріѣзжій гласный, изысканно-одѣтый и брезгливо осматривающійся кругомъ, молодой господинъ изъ Петербурга — позвольте э-э-э... мнѣ... э-э-э слово»...—и начинается безсвязная, тягучая, наполненная нечленораздѣльными звуками и легкимъ мычаніемъ рѣчь, съ неожиданными модуляціями голоса, то повышаемаго, то доходящаго до многозначительнаго шопота, въ которой, повторяя съ недоумѣвающимъ и какъ бы обиженнымъ видомъ названіе должности, занимаемой «воспособляемымъ» чиновникомъ, петербургскій франтъ силится выжать изъ себя какой-то вопросъ или упрекъ собранію. «Да что вы заладили одно и то же!—нервно восклицаетъ одинъ изъ гласныхъ, ожесточенный «канителью» оратора и сверканіемъ его крутящагося около пальца pince-nez,—вы скажите—ассигновать или отказать?!»—«Господинъ предсѣдатель,—презрительно оглядываясь, говоритъ ораторъ — я просилъ бы... э-э-э... пригласить... э-э-э... господъ... э-э-э... не пере-

бивать теченіе моихъ мыслей... Я продолжаю. Я говорю...»—и, наконецъ, послѣ долгихъ потугъ и повтореній одного и того же названія должности, онъ разрѣшается заявленіемъ, что сто рублей—столь малая сумма, что едва ли чиновникъ, о которомъ идетъ рѣчь, захочетъ ее взять... Но едва произнесено имъ это предположеніе, какъ гласный отъ крестьянъ, преодолѣвъ навѣянную рѣчами дремоту и внезапно оживившись, восклицаетъ съ твердою и почти радостною увѣренностью и одушевленіемъ: «Онъ возьметъ! онъ *все* возьметъ!..»

Верхомъ совершенства въ смыслѣ тонкой наблюдательности и яркости изображенія является разсказъ Горбунова о засѣданіи «общаго собранія общества прикосновенія къ чужой собственности», въ которомъ юмористическая форма прикрываетъ содержаніе, выхваченное изъ дѣйствительной жизни. Тотъ, кому по личному горькому опыту или по хроникамъ уголовнаго суда знакомы недостатки нашего недавняго акціонернаго законодательства, частыя злоупотребленія голосами подставныхъ акціонеровъ и тщетная борьба дѣйствительныхъ владѣльцевъ акцій съ произвольными дѣйствіями правленій, поддерживаемыхъ искусственно созданнымъ большинствомъ, найдетъ, что Горбуновъ въ своемъ вымыслѣ вовсе не далекъ отъ проявленій дѣйствительности, одно время столь частыхъ, что они чуть не обратились въ общее правило съ рѣдкими изъ него исключеніями. Открывая засѣданіе, предсѣдатель имѣетъ честь предложить обсужденію «милостивыхъ государей» *первый* главный вопросъ объ увеличеніи содержанія тремъ директорамъ, *второй*—о сложеніи съ кассира невольныхъ прочетовъ, *третій*—о преданіи забвенію, въ виду стѣсненнаго семейнаго положенія, неблаговиднаго поступка одного члена правленія, *четвертый*—о назначеніи пенсіи супругѣ лишеннаго всѣхъ особыхъ правъ состоянія кассира, и *пятый*—о расширеніи правъ правленія по личнымъ позаимствованіямъ изъ кассы. Совершенно неожиданно раздается чье то: «ого!» Но предсѣдатель твердо сидитъ въ своемъ сѣдлѣ, поддерживаемый безгласнымъ и безличнымъ большинствомъ.—«Что это «ого?»—прошу взять назадъ это «ого!» я не могу допустить никакого «ого!»—восклицаетъ онъ. Выступаетъ болѣе краснорѣчивый ораторъ. «Прошу слова,—говоритъ онъ.—Какъ ежели директоръ, хранитель нашего портфеля, обязанный, напримѣръ, содѣйствовать... и все прочее... а мы, значитъ, съ полнымъ уваженіемъ... и ежели теперича директоръ, можно сказать, лицо... Я къ тому говорю: по нашимъ коммерческимъ оборотамъ, когда, напримѣръ, затрещалъ скопинскій банкъ...»—«Вы задерживаете пренія и ставите ихъ на от-

влеченную почву,—прерываетъ предсѣдатель: — нельзя ли вамъ просто выразиться, такъ сказать реально: да или нѣтъ...» — «Когда, напримѣръ, разнесли скопинскій банкъ, ограбили вдовъ и сиротъ... можетъ и теперь сиротскія-то слезы не обсохли...» — «Все это вѣрно, но эти слезы—область поэзіи. Правленію нѣтъ никакого дѣла до сиротскихъ слезъ. Позвольте вамъ повторить мое предложеніе стать на реальную почву». — «Мы не знаемъ этой вашей почвы, а грабить не приказано». — «Стало-быть, мы грабили»,—обиженно спрашиваетъ предсѣдатель и обращается, отъ лица правленія, съ протестомъ къ общему собранію, которое реветъ: «вонъ! вонъ его!» Является, однако, миротворецъ, и, обращаясь къ «милостивымъ государямъ», вкрадчиво говоритъ: «Я позволилъ бы себѣ такъ понять это столкновеніе: почтеннѣйшій членъ не совсѣмъ уяснилъ себѣ предложеніе предсѣдателя, не понялъ, такъ сказать...» — «Какъ не понять! Я говорилъ насчетъ грабежу...» Начинается шумъ, баллотируется выраженіе порицанія оратору, слышатся воззванія къ ревизіонной комиссіи... «Въ Милютиныхъ лавкахъ устрицы ѣстъ ваша ревизіонная комиссія», кричитъ кто-то въ толпѣ. — Пошумѣвъ въ интересахъ правленія, общее собраніе переходитъ, по требованію одного изъ присутствующихъ, къ ознакомленію съ *неблаговиднымъ поступкомъ* одного изъ членовъ правленія. — «Съ юридической точки зрѣнія,—объясняетъ предсѣдатель: — поступокъ этотъ... наша юстиція очень рѣзко разграничиваетъ дѣянія, совершенныя...» — «Стащилъ, вотъ тебѣ и *естюція*...» — слышится голосъ... — «совершенныя по злой волѣ... Принимая во вниманіе семейное положеніе...» — «Ну, стащилъ! это вѣрно!» — «Въ терминологіи нашей юстиціи нѣтъ слова: стащилъ...» — «Ну, можно нѣжнѣе сказать—укралъ...» — Засѣданіе кончается баллотировкою вопроса объ увеличеніи содержанія директорамъ. — «Отдай имъ сундукъ съ деньгами, а они туда тебѣ, замѣсто ихъ, бронзовыхъ векселей наворотятъ... Чудесно!..» — восклицаетъ прежній протестантъ. — «Бронзовые векселя, какъ вы изволили выразиться, — перебиваетъ предсѣдатель — нисколько не отягощаютъ кассу... Позвольте мнѣ докончить!.. Позвольте васъ остановить!.. Вопросъ исчерпанъ, ставлю его на баллотировку!»

Не разъ изображалъ Горбуновъ и общественныя обѣденныя собранія по разнымъ поводамъ. Проявленія развившейся у насъ за послѣдніе годы маніи къ юбилейнымъ обѣдамъ нашли себѣ въ немъ остроумнаго изобразителя, со всѣми своими комическими сторонами,—съ юбиляромъ, узнающимъ впервые и съ изумленіемъ изъ обращенныхъ къ нему рѣчей о своихъ необыкновенныхъ заслугахъ предъ вѣдомствомъ, государствомъ и даже

человѣчествомъ, и не знающимъ хорошенько, тонко ли смѣются надъ нимъ или грубо ему льстятъ,—съ вынужденнымъ его отвѣтомъ, при чемъ «виновникъ торжества» обыкновенно «не находитъ словъ...» и признаетъ этотъ, далеко не безопасный для его желудка день «лучшимъ въ своей жизни»—и съ тѣмъ, наконецъ, психологическимъ моментомъ, когда вино развязываетъ языкъ и туманитъ голову, когда всѣ начинаютъ говорить вмѣстѣ, забывая иногда цѣль собранія и выбалтывая истинныя чувства, скрытыя дотолѣ подъ юбилейною условностью рѣчи, — однимъ словомъ, когда становится возможнымъ конецъ одного изъ такихъ юбилейныхъ разсказовъ Горбунова, въ которомъ одновременно, съ одного конца стола, изъ-подъ облака нависшаго надъ нимъ сизаго табачнаго дыма, слышится нестройное «ура!», а съ другого несется сиплое «бей его!..»

Между торжественными обѣдами и чествованіями, описываемыми Горбуновымъ, видное мѣсто по мастерству разсказа занималъ обѣдъ, будто бы даваемый въ Москвѣ «нашимъ заатлантическимъ друзьямъ». Во время дипломатическихъ осложненій 1863 года, когда Западная Европа стала грозить Россіи вмѣшательствомъ въ «старый споръ славянъ между собою», разсчитывая повліять на нее совокупнымъ воздѣйствіемъ великихъ и даже малыхъ державъ, нѣсколько судовъ русскаго флота, подъ командою С. С. Лесовскаго, зашли въ Нью-Іоркъ и другіе главные порты С.-А. С.-Штатовъ, и были тамъ, въ память сочувственнаго отношенія русскаго правительства къ сѣверянамъ въ ихъ тяжелой и священной борьбѣ за уничтоженіе невольничества, восторженно приняты. Чрезъ нѣкоторое время, въ 1866 году, предъ Кронштадтомъ появился броненосецъ новаго тогда типа, носившій индѣйское названіе «Міантономо», подъ командою капитана Фокса, пришедшій «отдавать визитъ». Американцы сдѣлались сразу популярными и чествованіе ихъ подчасъ принимало гомерическіе размѣры. Изъ Петербурга они уѣхали въ Москву, и тамъ имъ пришлось узнать, что кромѣ обыкновенныхъ, знакомыхъ имъ морей, въ «сердцѣ Россіи» существуетъ еще особенное «разливанное море», при плаваніи по которому настоящее море, несмотря на свое грозное величіе, начинаетъ становиться лишь «по колѣна». Объ одномъ изъ пиршествъ на берегу такого моря и разсказывалъ Горбуновъ.—Съѣзжающіеся гости, освѣдомляясь, кто будетъ говорить рѣчи, не могутъ дождаться начала обѣда, и смягчаютъ томительность ожиданія предварительной пробою винъ. «А не попробовать ли хересу?»—спрашиваютъ одни.—«Что-жъ, попробуйте,—отвѣчаютъ другіе:—вы пробуйте, а мы подъ васъ подражать будемъ...» Въ средин

обѣда начинаются рѣчи «заатлантическихъ друзей». Въ этихъ рѣчахъ Горбуновъ превосходилъ самого себя. Онъ не зналъ по-англійски, а между тѣмъ рѣчи, и довольно длинныя, говорились имъ именно на этомъ языкѣ. Въ нихъ, кромѣ обращенія къ слушателямъ, не было почти ни одного *слова* англійскаго— но были всѣ англійскіе *звуки*—и притомъ связанные между собою и переданные сообразно темпераменту говорящихъ.—«Ladies and gentlemens!»—начиналъ свою рѣчь капитанъ Фоксъ, и говорилъ серьезнымъ тономъ, со сдержанною энергіею, съ паузами, вводными предложеніями и съ поднятіемъ голоса въ концѣ, при предложеніи тоста. «Ladies and gentlemens!» — срывался съ своего мѣста молодой лейтенантъ американскаго флота, — и его быстрая, живая, веселая рѣчь лилась неудержимо, пересыпанная вопросами себѣ, отвѣтами на нихъ, радостными восклицаніями и оканчиваемая бурнымъ финаломъ, который *долженъ* былъ вызывать рукоплесканія собравшихся на пиръ, при чемъ большинство изъ нихъ не понимало, конечно, что̀ именно говоритъ этотъ гость съ типичною американскою бородкою, но чувствовало, что говоритъ онъ отъ полноты души и что самъ онъ— «милый человѣкъ»... А между тѣмъ, предварительная проба, въ связи съ тѣмъ, что̀ полагалось по обѣденному питейному обиходу, производила свое дѣйствіе и вызывала приливъ особой любви къ новымъ друзьямъ, которые такъ задушевно заявляютъ что-то, должно-быть, очень хорошее. Въ такомъ настроеніи все кажется возможнымъ и достижимымъ, всѣ реальныя очертанія дѣйствительности сливаются и смѣшиваются, а затѣмъ и самая дѣйствительность, въ видѣ яснаго сознанія мѣста и времени, исчезаетъ. Поэтому въ отвѣтъ гостямъ слышится восторженное воззваніе: «Господа американе! — какъ теперича мы друзья, — коли будетъ приказаніе—при нашемъ капиталѣ—мостъ черезъ Атлантическій океанъ — въ три дня! — въ лучшемъ видѣ! Господа американе—ура!» Поэтому, послѣ еще нѣсколькихъ тостовъ, встаетъ, несмотря на оживленное противодѣйствіе сосѣдей, силящихся удержать его за фалды сюртука, одинъ изъ участниковъ обѣда и съ опасностью потерять равновѣсіе, протягивая бокалъ Фоксу, вскрикиваетъ: «Выпьемъ п-п-патріотическій т-т-тостъ отъ русскаго сердца...»—и на отвѣтное движеніе гостя, неожиданно заявляетъ: «За здоровье... за здоровье отца-архимандрита! ура!...»

Въ сценахъ, имѣющихъ предметомъ народныя развлеченія, особое, непосредственное отношеніе простого народа и отдѣльныхъ, близкихъ ему по кругозору, личностей, у Горбунова изображается выпукло и чрезвычайно колоритно. Стоитъ припо-

мнить его «Блондена» или «Травіату». Дѣйствующимъ лицамъ этихъ сценъ «хоть что хошь представляй»,—и за мѣстами они не гонятся, избирая «которыя попроще» и «выше чего быть невозможно», но пусть только будетъ именно то, «что въ афишѣ обозначено, на чести, безъ подвоху...» Поэтому и Сара Бернаръ аттестуется такъ: «насчетъ тѣлеснаго сложенія, говорятъ, не совсѣмъ, а что игра—на совѣсть!» Содержаніе представляемаго зрители уже сами себѣ уясняютъ по-своему и даже, гдѣ нужно, дополняютъ. Вслѣдствіе этого имъ *кажется*, что они слышатъ, какъ нѣмецъ «какъ есть настоящій, и человѣкъ, надо полагать, степенный», котораго долженъ нести на спинѣ по канату знаменитый акробатъ, говоритъ ему: «батюшка, господинъ Блонденъ,—пусти душу на покаяніе!»—на что тотъ отвѣчаетъ: «нѣтъ, Карла Иванычъ, сиди, а то уроню,—намъ публику обманывать не приказано: вишь, квартальный стоитъ!» Поэтому, видя, что «тальянскіе эти самые актеры дѣйствуютъ, сидятъ, примѣрно, за столомъ и закусываютъ», такіе зрители *слышатъ*, какъ тѣ поютъ, что имъ «жить оченно превосходно, такъ что лучше требовать нельзя». И всѣ дальнѣйшіе разговоры переводятся ими на языкъ и понятія своей среды, при чемъ, благодаря удивительной русской способности пониманія сущности дѣла или предмета по мимолетнымъ и разрозненнымъ его признакамъ, остовъ содержанія происходящаго предъ ними, хотя бы и на чуждомъ языкѣ, схватывается ими вѣрно. Оказывается, что г-жа Патти подноситъ г-ну Канцеляри стаканчикъ красненькаго, со словами: «выкушайте, милостивый государь», и, услышавъ отъ него признаніе въ любви, говоритъ ему: «извольте идти, куда вамъ требуется, а я сяду и подумаю объ своей жизни, потому наше дѣло женское, безъ оглядки намъ невозможно»; оказывается, затѣмъ, что, выйдя съ отцомъ героя, пришедшимъ, «имени, отчества ея не зная», проситъ «турнуть запутавшагося парнишку» въ садъ, ибо «на вольномъ воздухѣ разговаривать гораздо превосходнѣе», она обѣщаетъ исполнить его желаніе, заявляя, что сама «баловства терпѣть не можетъ...» Отсюда становится понятнымъ, почему одинъ изъ зрителей, на вопросъ другого: «къ чему клонитъ?», увѣренно отвѣчаетъ: «парнишка пришелъ прощенья въ своемъ невѣжествѣ просить: «я ни въ чемъ не причиненъ, все дѣло тятенька напуталъ».—при чемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, становится несомнѣннымъ, что Патти «между прочимъ, помереть должна», вслѣдствіе чего она «попѣла еще съ полчасика, да Богу душу и отдала...» Пытливый взоръ слушателей и безъ пониманія ими чуждаго языка умѣетъ наслаждаться сценическимъ движеніемъ и по-своему объяснять себѣ его внутренній

смыслъ. «А какая у нихъ игра,—предлагается вопросъ о Сарѣ Бернаръ,—куплеты поютъ, или что?»—«Игра разговорная. Очень, говорятъ, чувствительно дѣлаетъ. Такіе поступки производитъ—на удивленіе!.. Ты то возьми: разъ по двѣнадцати въ представленіе переодѣвается...»

VI.

«Руси есть веселіе пити», сказано было на зарѣ историческаго существованія русскаго народа. Среди многихъ неприглядныхъ сторонъ жизни простого русскаго человѣка, въ его тяжелой, не всегда умѣлой и часто неблагодарной борьбѣ съ суровою природою, при отсутствіи, до шестидесятыхъ годовъ, систематической заботы о его просвѣщеніи и о доставленіи ему здоровыхъ развлеченій, при развращающемъ вліяніи фабрики и окружающихъ ее соблазновъ,—«зелено-вино» сдѣлалось для него не только главнымъ развлеченіемъ, но и утѣшеніемъ, потому что доставляетъ забвеніе. И такъ какъ, чѣмъ дольше не чувствуется сѣрая и гнетущая дѣйствительность, тѣмъ легче становится на душѣ, то русскій человѣкъ привыкъ набрасываться на это забвеніе безъ чувства мѣры, мирясь съ его неизбѣжными результатами... Не вкусовыхъ ощущеній, даже не скоро переходящаго веселаго настроенія (да и всегда ли веселаго?) привыкъ искать онъ въ винѣ, а того особаго, приподнятаго отношенія къ окружающему, благодаря которому мимолетное ощущеніе принимаетъ видъ чего-то реальнаго и прочнаго, а горе-злосчастіе отходитъ на отдаленный, едва видный планъ... «А добрый сонъ пришелъ—и узникъ зритъ себя царемъ...»—говорится въ «Русскихъ женщинахъ» Некрасова. «А добрый хмель пришелъ»—можно бы сказать, пародируя эти слова и прибавивъ къ нимъ краткую характеристику искусственно счастливаго самоощущенія пьянаго. По вѣрному, подтверждаемому научными изслѣдованіями, замѣчанію Ровинскаго, въ сущности русскій человѣкъ пьетъ менѣе иностраннаго, да только пьетъ онъ рѣдко и на тощій желудокъ, потому и пьянѣетъ скорѣе, и напивается гораздо чаще противъ иностраннаго. Много духовной силы надо, чтобъ устоять предъ могущественнымъ хмелемъ, говоритъ онъ. Потому-то и поетъ народная пѣсня: «пей, забудешь горе», и старинная лубочная картина, изображающая хмель, имѣетъ подпись: «азъ есмь хмель высокая голова, болѣ всѣхъ плодовъ земныхъ,—силенъ и богатъ, а добра у себя никакого не имѣю; ноги мои тонки, а утроба прожорлива,—руки же обдержатъ всю землю». Вѣроятно вслѣдствіе этого свойства нашего роднаго опьянѣнія—въ большинствѣ случаевъ, за исключеніемъ крайняго безобразія, русскій

человѣкъ относится къ пьяному не съ брезгливымъ и тревожнымъ отвращеніемъ, какъ это дѣлается на Западѣ, а съ участіемъ, часто съ сочувствіемъ и иногда даже съ нѣкотораго рода завистью. Не даромъ Некрасовъ, хорошо знавшій наши бытовыя особенности, въ предсмертные свои годы, когда становилось очевиднымъ, что поэма его «Кому на Руси жить хорошо» не будетъ окончена, на недоумѣвающіе вопросы: «кому же живется весело, вольготно на Руси?»—отвѣчалъ своимъ глухимъ, разбитымъ голосомъ: «пьяному!» Нельзя, однако, обобщать причину пьянства безусловно, и приходится признать, что, поднимаясь отъ низшихъ слоевъ населенія вверхъ, въ кругъ бо̀льшаго развитія и образованія, пьянство постепенно, за исключеніемъ случаевъ проявленія болѣзни, переходитъ изъ области слабости и несчастія въ область чувственныхъ излишествъ и порока.

Горбуновъ,—искренній изобразитель родной жизни,—не могъ не отвести пьяному виднаго мѣста въ своихъ разсказахъ, между которыми, однако, нѣтъ ни одного, гдѣ пьяный былъ бы центральною фигурой, дающею содержаніе и окраску всему разсказу... Горбуновъ слишкомъ любилъ русскаго человѣка, чтобы глумиться надъ этою его слабостью и указывать, какъ на общее явленіе, на тѣ почти патологическіе случаи, когда она одна наполняетъ все его бытіе. Но онъ не закрывалъ глаза на дѣйствительность—и потому *пьяный* проходитъ во множествѣ его разсказовъ, то оставляя цѣлостное впечатлѣніе, то лишь мелькая, какъ неизбѣжная житейская принадлежность общаго фона картины. «Одинъ полетитъ—или съ человѣкомъ?»—спрашиваютъ изъ толпы, въ чудесномъ разсказѣ его «Воздушный шаръ».—«Нѣтъ! съ человѣкомъ... Нѣмецъ полетитъ—и съ нимъ портной...»—«Пьяный?!»—«Нѣтъ, тверёзый», и т. д. Кто слышалъ этотъ разсказъ въ превосходномъ исполненіи Горбунова, конечно, помнитъ, что слово «пьяный (пьянай!?)» онъ произносилъ съ оттѣнкомъ особаго восхищенія въ голосѣ спрашивающаго. Торжество «хмеля-высокой головы» въ русской деревнѣ видится въ яркихъ сценахъ разныхъ мѣстъ большого разсказа «Изъ деревни».—«Подобно мы, теперича,—говоритъ мужикъ:—какъ бы, напримѣръ, пчелы къ колодкѣ, такъ и мы къ кабаку: онѣ со сластью, а мы за сластью...» Сласть эта покупается не въ одномъ кабакѣ, но и въ трактирахъ, харчевняхъ, откуда несутся несвязныя рѣчи, слышатся крики, гдѣ спорятъ и поютъ, цѣлуются и дерутся...—«Не я пью—горе мое пьетъ... Горе мое горецкое!»—декламируетъ съ пафосомъ хохлатый, съ разстегнутымъ воротомъ, босой мужикъ, стоя на порогѣ бѣлой харчевни.—«Какое твое горе?»—«Горе? Хуже быть невозможно: погорѣлъ! По той при-

чинѣ, *были всѣ выпимши*... Вишь ты! Но только, между прочимъ...»

Вотъ она! — та горящая деревня, такими грустными и рѣзкими чертами описанная Чеховымъ въ его «Мужикахъ». Но Горбуновъ знаетъ, что хмельной человѣкъ далеко не *весь* русскій человѣкъ, и что за его подчасъ звѣровидной отъ опьянѣнія оболочкой есть стороны трогательныя и глубокія.—«Я къ тому, главная причина,—понимать моей души никто не можетъ, какая есть она у меня душа. Вотъ что!»—бормочетъ пьяный мужикъ. — «Въ кабакѣ вся ваша душа-то мужицкая!» — рѣзко замѣчаетъ толстая лавочница.—«Напрасно! Матушка, Прасковья Петровна! Ты, голубушка, за нашей душой въ кабакъ не ходи, вотъ я тебѣ что скажу! Въ кабакѣ мы только блажимъ, а душа наша у насъ въ грудяхъ заросла... не доберешься ты даже...»— Но кабакъ завладѣлъ имъ сильно... Дай Богъ, чтобы общественнымъ начинаніямъ, вызваннымъ къ жизни казенною винною продажею, удалось хоть отчасти изгладить послѣдствія вѣкового вліянія кабака и дать народу другія развлеченія и отвѣты на запросы его «заросшей» души!—«Хозяинъ твой теперича,—утѣшаетъ фабричный Слёзкинъ плачущую бабу, указывая на кабакъ,—такъ будемъ говорить... окромя эвтаго мѣста ему негдѣ быть...», и когда мужъ ея при этихъ словахъ выходитъ изъ кабака, прибавляетъ: «вишь ты! ужъ это значитъ такъ точно!»

Рядами проходятъ у Горбунова пьяные люди разнаго званія: крестьяне и мѣщане, купцы, пѣвчіе, причетники, актеры и всякіе «запойные люди». Всѣми ими признается, что быть пьянымъ не только не зазорно, но и вполнѣ въ порядкѣ вещей; всѣмъ имъ хмель отшибаетъ сознаніе... «Были мы у кума на именинахъ въ Прокшинѣ,—разсказываетъ Дёмка въ «Утопленникѣ»,—ну, *извѣстно* — напились. И такъ я этого хмелю въ голову засыпалъ—себя не помню. Кума прибилъ, теткѣ Степанидѣ шаль изорвалъ. Просто—сейчасъ умереть—лютѣй волка сдѣлался. И съ чего бы кажись—окромя настойки ничего не пили. Кумъ-то: что-жъ ты, говоритъ, мою хлѣбъ-соль ѣшь, а самъ... да какъ хлясь меня въ ухо, хлясь въ другое! И такъ мнѣ пьяному-то это обидно показалось!..» Выскочивъ въ окно и побѣжавъ во тьмѣ и подъ дождемъ «ровно очумѣлый, не зная куда», Демка попадаетъ въ рѣку; отъ неожиданной холодной ванны хмель проходитъ, и утопающій кричитъ такъ, что «давай теперича тысячу рублевъ—такъ не крикнешь: два года опосля глотка болѣла». Его вытаскиваютъ и приводятъ къ куму, гдѣ онъ опять «этой настойки выпилъ три стаканчика—согрѣлся...» — «Къ концу-то ужина я уже дьякона не вижу, а только вижу руку

паливающую,—повѣствуетъ «на ярмаркѣ» купецъ:—да и думаю: рука его здѣсь, а самъ-то гдѣ отецъ дьяконъ? Какъ домой попалъ, не помню...»

Поэтому привычное пьянство, если и не составляетъ добродѣтели, то, во всякомъ случаѣ, является обстоятельствомъ, извиняющимъ многое, кладущимъ предѣлъ извѣстнымъ требованіямъ и создающимъ своеобразное положеніе въ обществѣ. Какъ у Островскаго молодой человѣкъ, на вопросъ о своемъ званіи, отвѣчаетъ спокойно и не смущаясь: «Я, сударыня, *праздно-любецъ*», — такъ и у Горбунова, сосредоточившій на себѣ вниманіе публики и судебной власти свидѣтель говоритъ многозначительно: «я человѣкъ пьяный!»—характеризуя этимъ не свое состояніе въ данный моментъ, а свое, такъ-сказать, личное общественное положеніе, властно освобождающее отъ всякихъ разспросовъ, не достигающихъ цѣли. Такое положеніе и такое состояніе служатъ въ его глазахъ, да и въ глазахъ окружающихъ, достаточнымъ объясненіемъ его словъ и поступковъ. Во мнѣніи большинства состояніе опьянѣнія не есть ненормальное и постыдное явленіе, идущее въ разрѣзъ съ обычнымъ строемъ жизни человѣка, напротивъ, оно есть какъ бы законное и естественное проявленіе этой жизни. Когда наступаютъ неизбѣжныя послѣдствія хроническихъ состояній опьянѣнія и кто-нибудь изъ человѣка пьянаго обращается уже въ «пьянаго человѣка», о немъ говорятъ съ извѣстною нѣжностью, что онъ «ослабѣлъ», и его слабость, особливо если онъ «смиренъ во хмелю», считается вполнѣ понятнымъ укладомъ жизни, почти столь же естественнымъ, какъ и разные другіе. Подъ вліяніемъ такого благодушнаго отношенія окружающихъ развивается и у самого «пьянаго человѣка», и по отношенію къ нему особая, своеобразная логика. Горбуновъ рисуетъ сцены и разговоры въ Бѣломъ залѣ московскаго трактира Барсова, великимъ постомъ, между антрепренерами провинціальныхъ театровъ и ищущими ангажемента актерами. «Первый любовникъ», садясь къ столику, требуетъ отъ полового дать ему *по обыкновенію* графинчикъ добраго, русскаго, бѣлаго, простого... *очищеннаго вина* и пирогъ въ гривенникъ; за другимъ столикомъ антрепренеръ, выслушавъ укоризненное указаніе «трагика» на то, что въ содержимомъ имъ театрѣ актеръ, игравшій Гамлета, въ знаменитой сценѣ съ матерью, вышелъ съ папироскою въ зубахъ, отвѣчаетъ коротко и вразумительно: «Ну, что-жъ—*пьяный былъ*!..» Невольно вспоминается при этомъ слышанный нами отъ покойнаго А. Д. Градовскаго разсказъ о господинѣ, который, въ жаркій лѣтній день, войдя на рѣчной пароходъ, придерживаясь за поручни, сталъ

сильно терять равновѣсіе и, устремивъ мутный взоръ на свободное мѣсто на кормѣ, стремительно двинулся къ нему, толкая встрѣчныхъ, наступая на ноги сидящимъ и опираясь на нихъ руками. Когда публика стала ропгать, онъ, усѣвшись, наконецъ, на намѣченномъ мѣстѣ, снялъ фуражку съ краснымъ околышемъ, вытеръ лысину, улыбнулся доброю и виноватою улыбкою и сказалъ:—«Извините... я, когда надо ѣхать на пароходѣ... всегда... немножко... *потому—не стоитъ*!»—Въ виду всего этого понятно изумленіе окружающихъ при видѣ пѣвчаго-октавы, не пьющаго водки во время закуски въ купеческомъ домѣ. «Это даже удивительно,—говорятъ ему—такой видный человѣкъ и не пьетъ».—«Прежде былъ подверженъ,—отвѣчаетъ октава — въ больницѣ разъ со второго этажа въ окошко выскочилъ: докторъ не приказалъ...»

Особенно рѣзкимъ образомъ проявляется привычное служеніе хмелю на почвѣ самодурства, развитаго сознаніемъ своей денежной силы. Много разъ, — преимущественно въ сложныхъ бытовыхъ сценахъ, происходящихъ «На ярмаркѣ», или же въ разныхъ перипетіяхъ «Женитьбы», Горбуновъ обращался къ купеческому самодурству, принимающему, подобно хамелеону, то покрытыя легкимъ лоскомъ образованности, болѣе утонченныя, но грубыя въ существѣ и даже жестокія формы,—то къ откровенному и поразительному въ своемъ непризнаніи никакихъ условій мѣста и времени. Таковъ, напримѣръ, у него образъ купеческаго сынка Дмитрія Даниловича, посланнаго отцомъ въ чужіе края по машинной части, въ сопровожденіи переводчика, и натворившаго такихъ бѣдъ, натворившаго такихъ чудесъ, что даже въ газетахъ распечатали... «Пріѣхали они, матушка ты моя, въ какой-то городъ нѣмецкій, а тамъ для короля ихняго, али прынецъ онъ, что-ли, какой,—феверики приготовили. У Дмитрія-то Даниловича въ головѣ должно быть было: зажигай, говоритъ, скорѣй! А тамъ и говорятъ: погодите, почтенный, пока прынецъ пріѣдетъ. Я, говоритъ, московскій купецъ, за все плачу. Тѣ, голубушка, заглядѣлись, а онъ цыгарку туда, въ феверку-то и сунулъ,—такъ все и занялось! *Самъ*-то ужъ просьбу подалъ, чтобы по этапу его оттуда сюда предоставили...»

Выводимые Горбуновымъ типы и разновидности пьяныхъ людей такъ же разнообразны, какъ и изображаемыя имъ явленія и сцены русской жизни. Перечислить ихъ нѣтъ возможности. Длинною и пестрою вереницею проходили они предъ слушателемъ и будутъ проходить предъ читателемъ, начиная съ купеческаго племянника, привозящаго къ почти незнакомымъ людямъ на рыбную ловлю «строичку ледерцу», прося окунуть бутылки «на

полчасика въ родничокъ:—живо озябнутъ!..» и кончая трагическою фигурою спившагося съ кругу стараго московскаго студента, восклицающаго: «чѣмъ я занимаюсь?—пью! да, пью! Утромъ пью, и днемъ пью, и ночью пью!» и, отдавшись затѣмъ воспоминаніямъ о славномъ прошломъ своего университета и московской сцены, о Грановскомъ, Крыловѣ, Садовскомъ, горько плачущаго отъ сознанія, что «промоталъ свои идеалы!»

Въ изображеніи пьяныхъ Горбуновъ былъ неподражаемъ. Не говоря уже объ удивительномъ разнообразіи въ игрѣ лица, интонаціяхъ голоса и въ особенности въ выраженіи глазъ, свойственныхъ различному темпераменту и степени опьянѣнія того или другого лица, онъ умѣлъ почти неуловимыми чертами нарисовать предъ слушателями картину постепеннаго перехода въ настроеніи пьянѣющаго отъ условной сдержанности къ разговорчивости и полной откровенности, съ потерею, подчасъ, сознанія окружающей дѣйствительности. Въ этомъ отношеніи особенно выдѣлялся его разсказъ, въ которомъ переплетались Wahrheit und Dichtung, разсказъ о томъ, какъ, охотясь съ Некрасовымъ и очень озябши, они заходятъ отогрѣться въ село къ старичку, живущему въ домикѣ-особнякѣ, и угощаютъ его чаемъ съ обильно подливаемымъ ромомъ, при чемъ хозяинъ, очень сдержанный въ разговорѣ сначала, постепенно хмелѣетъ и начинаетъ развертывать предъ гостями повѣсть своихъ отношеній къ предоставленнымъ лицамъ и учрежденіямъ. По мѣрѣ развитія разсказа окружающая дѣйствительность уходитъ изъ его сознанія, и онъ, вмѣсто двухъ охотниковъ, видитъ предъ собою кого-то, кому можно повѣдать *все*: и то, какъ на требованіе «даровъ» съ указаніемъ на то, что у него хорошія куры, онъ отвѣчалъ многозначительно: «въ какое время—и какія куры!», и то, какъ жена его «смотритъ этакъ косвенно...» Но вотъ хмель уступаетъ, сквозь облако самозабвенія проглядываютъ лица чуждыхъ гостей—и старикъ, еще заплетающимся языкомъ, говоритъ: «только по-о-жалуйста это м-между нами!»

Не одна водка сокрушаетъ слабаго человѣка. Не менѣе сильно выбиваютъ его изъ сѣдла вина «собственнаго розлива», кашинская мадера и шипучее, такъ называемая «купеческая погибель», особливо когда оно фигурируетъ подъ названіемъ красныхъ, золотыхъ и др. головокъ и значится въ нарочито заманчивыхъ прейсъ-курантахъ подъ фантастическими этикетами въ родѣ поражающаго пріятелей, прикосновенныхъ къ «дѣлу о мухѣ», шампанскаго «свадебное—или!», съ примѣчаніемъ: «пробка съ пружиной,—просятъ опасаться взрыва». Пьющіе эти вина сами сознаютъ ихъ вредныя, одурманивающія свойства, но пьютъ по

привычкѣ и «для восторга-съ!..» Разсказывая о книжкѣ, гдѣ обозначено, какого званія Сара Бернаръ, по какимъ землямъ ѣздила и какое вино кушаетъ, одинъ изъ собесѣдниковъ замѣчаетъ: «нашего, должно быть, не употребляетъ, потому отъ нашего одна меланхолія, а игры настоящей быть не можетъ...»— «Этотъ хересъ помягче будетъ»,—говоритъ чиновникъ приказчику, — а третьяго дня, вѣрите ли, всю внутренность сожгло. «Мудренаго нѣтъ,—отвѣчаетъ ласково приказчикъ—не та бутылка попалась, спирту, должно-быть, перепущено». Ужъ я не знаю тамъ что, только поутру руки трясутся, а тутъ привели двоихъ арестантовъ...—Ну, такъ, теперича вѣрно. Это—который хересъ для подрядчика слѣдуетъ, вамъ отпустили. Хересъ онъ дивный, только къ нему надо приспособиться.—Да, этотъ много мягче... сравненія нѣтъ».

VII.

Таковы, въ существенныхъ чертахъ, картины быта излюбленной Горбуновымъ среды. Нельзя сказать, чтобы онѣ были особенно утѣшительны. Возбуждая въ отдѣльныхъ случаяхъ смѣхъ, отъ котораго трудно удержаться, онѣ въ общемъ, въ связи одна съ другою, вызываютъ вовсе не веселое настроеніе. За яркими вспышками юмора разсказчика слышится и чувствуется печальное раздумье,—и переходъ отъ смѣха къ грусти совершается въ душѣ читателя или слушателя невольно и самъ собою. «Какъ это смѣшно!—восклицаетъ онъ въ первыя минуты.—Какъ это вѣрно, какъ глубоко захвачено!»—говоритъ онъ себѣ затѣмъ... «Но что же это, однако, такое? зачѣмъ же *это* такъ?»—спрашиваетъ онъ себя нерѣдко, вдумавшись въ смыслъ разсказа, когда на фонѣ изображенной талантливымъ художникомъ картины начинаютъ вырисовываться тѣ свойства нашей жизни, которыя характеризуются знаменитыми «авось!», «ничего!», «сойдетъ!», «наплевать!» и укладываются въ употребленный княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ терминъ: «рукавоспустіе»,—когда изъ глубины картины выступаетъ наше обычное безволіе, отсутствіе характера и взаимно чередующіяся хвастливое самомнѣніе и смиреніе, граничащее съ приниженностью,—когда подъ шуточками надъ окружающими и надъ самими собою сквозитъ поверхностное отношеніе къ жизни, не принимаемой «въ серьёзъ», и отсутствіе не только вчерашняго, но даже завтрашняго дня.

Было бы, однако, несправедливо указывать только на эту сторону разсказовъ Горбунова. И въ грустномъ выводѣ изъ совокупности рисуемыхъ имъ сценъ есть элементъ, въ нѣкоторой

степени примиряющій со многимъ въ нихъ. Это—доброта, несомнѣнная, трогательная доброта и незлобивость русскаго человѣка. Она составляетъ, въ разныхъ своихъ проявленіяхъ, *положительную* сторону этихъ разсказовъ. Широко разлиты въ нихъ черты, указывающія на гостепріимство, безрасчетливое и радушное, одинаково присущее всѣмъ описываемымъ Горбуновымъ слоямъ. Накормить и отогрѣть чужого человѣка въ нуждѣ, не критикуя его и не резонируя надъ причинами этой нужды, не только удовольствіе, но и непререкаемый долгъ для русскаго человѣка; если достатокъ позволяетъ, то это удовольствіе усиливается еще и возможностью «поднести». Рядомъ съ этимъ свойствомъ, ставящимъ человѣческія и сочувственныя отношенія между людьми выше матеріальныхъ соображеній, идетъ любовь къ дѣтямъ и заботливость о сиротахъ. Вездѣ, гдѣ у Горбунова является среди взрослыхъ ребенокъ—отношеніе къ нему всегда шутливо-нѣжное, причемъ въ грубыя формы облекается ласка и подчасъ трогательная заботливость. Нѣкоторыя Горбуновскія сцены, въ которыхъ участвуютъ дѣти, могутъ, по сжатости и теплотѣ, стать на ряду съ чудеснымъ разговоромъ Митрича во «Власти тьмы» съ Анюткою о «дѣтосѣкѣ». Доброе отношеніе къ «ребяткамъ» до такой степени представляется русскому человѣку естественнымъ, что онъ приписываетъ его даже и тому, кого вообще онъ осуждаетъ. «Въ старину въ нашей сторонѣ,—говоритъ Потапъ въ «Утопленникѣ»—тоже разбойникъ жилъ. И грабилъ какъ... страсть! проѣзду не было. Дѣдушка-покойникъ сказывалъ,—онъ еще махонькій въ тѣ поры былъ—бывало, говоритъ, соберетъ маленькихъ ребятишекъ къ себѣ, въ лѣсъ—и ничего, не трогаетъ; не то, чтобы, къ примѣру, билъ, или что, ничего... Ходи, говоритъ, ребята завсегда». Весь дальнѣйшій разговоръ Потапа съ мальчикомъ Микиткою, а также длинная бесѣда Дементія съ малолѣтними Степкою и Серегою на «Постояломъ дворѣ» преисполнены душевной теплоты, несмотря на то, что на послѣднихъ такъ и сыплются названія «чертенка», «дурашки» и «паршиваго»... «И гдѣ такой воръ парень родился,—говоритъ съ нѣжностью Потапъ, тщательно укрывая засыпающаго мальчика армякомъ—въ какомъ полку онъ служить будетъ, на какой народъ воевать пойдетъ?»—«Сироты теперича много,—говоритъ старикъ-купецъ въ холерный годъ—столько теперича этой сироты—и куда пойдетъ она, кто ее вспоитъ-вскормитъ, одѣнетъ-обуетъ... и должно, значитъ, чувствовать сиротское дѣло:—самъ куска не ѣшь—сиротѣ отдай, потому она, сирота, ни въ чемъ неповинная»... И на почвѣ этихъ разсужденій вырастаетъ рѣшимость

набрать въ домъ сиротъ, и создается затѣмъ цѣлое убѣжище съ училищемъ для нихъ...

Любитъ русскій человѣкъ природу и съ чуткою наблюдательностью относится къ ней. Въ рядѣ разсказовъ Горбунова упоминается объ этой любви, о тихомъ восторгѣ предъ «Божіимъ твореніемъ». Рѣка и, въ особенности, лѣсъ и «пустыня», воспѣтая еще въ «Асафѣ Царевичѣ», манятъ къ себѣ «разнаго званія» людей, населяя, лишь только ночь раскинетъ надъ ними свое покрывало, ихъ фантазію таинственными образами. «Въ лѣсу чтобы мнѣ ночью,—говоритъ Калина Митричъ въ превосходномъ очеркѣ «*Безотвѣтный*»—первое это мое удовольствіе! Выду я въ лѣсъ, когда почка развернется, да и стою. Тихо! Духъ такой здоровый!.. Мать ты моя родная, какъ я лѣсъ люблю!..» На ряду съ любовнымъ отношеніемъ къ природѣ идетъ, конечно, не безъ наивно-жестокихъ исключеній, любовь къ животнымъ. Вѣрный правдѣ въ своихъ разсказахъ, Горбуновъ иногда вставлялъ въ свои картины жизни московскаго захолустья слѣдующій эпизодъ:—Знойный полдень. Все спитъ во дворѣ замоскворѣцкаго дома,—куры, лошади, собаки, люди,—даже подсолнечники въ палисадникѣ—и тѣ какъ будто спятъ. Дремлющій у воротъ и широко зѣвающій дворникъ спрашиваетъ проходящихъ:—вы маляры будете?—и получивъ утвердительный отвѣтъ, говоритъ:—а можете вы нашему кобелю... брюхо скипидаромъ смазать?—А *гдѣ онъ*?—отвѣчаютъ ему, «ничтоже сумняся», маляры. Дворникъ зоветъ злополучную собаку, сладко спавшую на самомъ припёкѣ.—Держите!—говорятъ маляры.—Что-о! завертѣлся!—восклицаетъ въ восторгѣ дворникъ,—не любишь!?!—Очень *вами* благодарны! прощайте...» и снова все погружается въ дремоту... Но это—исключеніе, а вообще доброе отношеніе къ «животинѣ» преобладаетъ. Особенно ярко проявляется любовь и даже восторженное отношеніе—къ птицѣ. «Это такой соловей,—отвѣчаетъ на предложеніе продать соловья «горькій человѣкъ», проторговавшійся и нѣсколько лѣтъ томившійся въ «ямѣ» (т. е. долговомъ отдѣленіи) купецъ Дятлевъ—что, кажется, умереть мнѣ легче, чѣмъ его лишиться. Вчера онъ, батюшка, какъ пошелъ это вечеромъ орудовать, думаю—не въ царствѣ ли я небесномъ? вотъ это какой соловей! Птицу, сударь, ее любить надо, надо понимать ее. Скворецъ у меня говорилъ все одно какъ человѣкъ и любилъ меня, какъ отца родного... Будилъ меня. Утромъ, бывало, сядетъ на подушку: вставай. Петровичъ, вставай. Петровичъ!» Эту горячую любовь къ пѣвчей птицѣ русскій человѣкъ не только чувствуетъ самъ, но всю силу ея признаетъ и за другими. «Дочь у меня родами мучи-

лась, письмо написала: тятенька, помоги,—продолжаетъ одушевившійся при разсказѣ о птицахъ старикъ,—всю ночь я проплакалъ, утромъ всталъ, взялъ его, голубчика, закрылъ клѣтку платкомъ, да и понесъ въ Охотный рядъ. Несу, а у самого слезы такъ въ три ручья и текутъ, а онъ оттуда, изъ клѣтки-то:—куда ты меня несешь, куда ты меня несешь!—да таково жалобно»... Бѣдному старику, сѣвшему на тумбочку и «ревущему какъ малый ребенокъ», не приходится, однако, разстаться со своимъ, быть-можетъ, единственнымъ въ жизни утѣшеніемъ. Кто-то, узнавъ, въ чемъ дѣло, покупаетъ у него скворца за двѣ синенькихъ и, отдавъ деньги, говоритъ: «неси его съ Богомъ домой!..»

Любовь къ пѣнію птицъ можетъ быть разсматриваема какъ одно изъ проявленій любви русскаго человѣка къ пѣнію вообще. Онъ поетъ на работѣ,—поетъ въ одиночествѣ,—подъ звуки «дубинушки» общими усиліями поднимаетъ и опускаетъ тяжести; онъ «въ томленіи», какъ выражается Горбуновъ, и, постепенно одушевляясь, слушаетъ пѣсню и сопровождающую ее музыку... «Дѣлай! ухъ!—кричитъ купецъ Наконечниковъ пѣвцу-гитаристу.—На зелененькую! на всю!.. Подсинимъ! Катай! катай! Старайся! отъ насъ забытъ не будешь...» Особенно трогаетъ слушателей церковное пѣніе. Оно возвышаетъ душу и наводитъ раздумье на самыя забубённыя головы. У Горбунова есть превосходное, богатое типическими чертами, изображеніе пѣнія хора «прокофьевскихъ пѣвчихъ» въ купеческомъ домѣ, въ присутствіи сына—широкой натуры, который привыкъ «чертить», и его матери, худой, высокой старухи въ темномъ платьѣ и черномъ платкѣ, съ выговоромъ на о. «Пѣвчіе размѣстились по порядку: басы назади, тенора на правомъ крылѣ, альты на лѣвомъ, дисканты впереди. Прокофьевъ, сѣдой, почтенный, строгой наружности старикъ, вынулъ камертонъ, куснулъ его зубами, подставилъ къ уху... еще разъ... погладилъ по головѣ гладко выстриженнаго маленькаго мальчика-дисканта, нагнулся къ его уху и промычалъ ему нотку, затѣмъ оборотился къ басамъ:—соль-си-ре-си...—потомъ громогласно сказалъ: «Покаянія отверзи ми двери».—Хоръ шевельнулъ нотами и запѣлъ очень стройно. Изрѣдка слышалось только дребезжаніе старческаго голоса самого регента, но оно тотчасъ же покрывалось басами. Кончили. Басы откашлялись, тенора поправили волосы, альты завертѣли нотами, регентъ закусилъ камертонъ, опять послышалось:—ля-до-ми— и торжественный концертъ Бортнянскаго «Кто взыдетъ на гору Господню» огласилъ не только залу, но и улицу, и близлежащіе переулки. Мальчишки съ улицы при-

слонились къ окнамъ и приплюснули къ стекламъ свои носы. Сильно подѣйствовала на душу «матушки» пропѣтая пѣснь. Она обтерла рукой увлажнившіеся слезами глаза и посмотрѣла на сына. Сынъ глубоко вздохнулъ и, покачавъ головой, сказалъ—Да!»

Конечно, и въ любви къ пѣнію не обходится безъ крайностей. Между цѣнителями церковнаго пѣнія есть особые любители, для которыхъ главное—сила голоса поющаго, и для нихъ, по свидѣтельству Горбунова, свадьба не въ свадьбу, если не будетъ «пущена октава».—«Ты ужъ, Николай Ивановичъ, приготовься,—упрашиваютъ «октаву»,—то́ возьми во вниманіе: одна дочь, опять же и родство большое... Голубчикъ, грохни».—«У Егорья на вспольѣ,—отвѣчаетъ октава—на прошлой недѣлѣ вѣнчали,—худенькая такая невѣста, на половинѣ апостола сморщилась, а какъ хватилъ я «жену свою сице да любитъ», такъ она такъ на шафера и облокотилась...»—«Нѣтъ, наша выдержитъ! Наша даже до пушекъ охотница... Вотъ когда въ царскій день палятъ... А ужъ ты дѣйствуй во всю, сколько тебѣ Господь Богъ голосу послалъ».

Выдается въ разсказахъ Горбунова русскій человѣкъ своею отвагою, къ сожалѣнію, по большей части, совершенно безцѣльною, своимъ равнодушіемъ къ элементарнымъ условіямъ безопасности, своимъ, чуждымъ страха или рисовки, простымъ отношеніемъ къ несчастію и къ смерти. Блистая находчивостью, легкостью усвоенія и остроуміемъ, его богато одаренная натура, такъ часто не имѣющая правильнаго и достаточнаго выхода для своихъ способностей, сквозитъ какъ лучъ свѣта среди сгущенной тьмы невѣжества и нищеты или нездоровыхъ сумерекъ фабрично-городской «образованности». У Горбунова то и дѣло попадаются «словечки», очевидно, прямо выхваченныя изъ жизни и образныя выраженія, сдѣлавшіяся ходячими. Таковъ, напр., «мужчина сѣдой наружности». Есть и много проявленій тонкой народной ироніи по отношенію къ стѣснительнымъ для него порядкамъ. Такъ, напр., старуха стрянуха въ «Медвѣжьей охотѣ» говоритъ: «медвѣдь не по начпорту вѣдь ходитъ,—вольный звѣрь, гдѣ захочетъ, тамъ и ляжетъ». Наконецъ, иногда мелькаетъ въ этихъ разсказахъ чистый огонекъ твердой и трогательной вѣры. «Эхъ, господинъ честной,—говоритъ одинъ изъ вытащившихъ трупъ утопленника и задумавшійся надъ возможностью «влетѣть въ острогъ»:—хлопотъ намъ твое тѣло бѣлое надѣлало».—«Ничего!—отвѣчаетъ другой:—Богу *тамъ* за насъ помолитъ».

Пытаясь въ краткомъ очеркѣ дать нѣкоторое понятіе о внутреннемъ смыслѣ произведеній Горбунова, нельзя, въ заключеніе, не отмѣтить его тонкихъ психологическихъ наблюденій и умѣнья въ вызывающіе улыбку образы вкладывать указанія на тяжелыя, а подчасъ и трагическія стороны жизни. Въ первомъ отношеніи стоитъ припомнить хотя бы изображеніе заразительности страха и свойственнаго всякому робѣющему желанія убѣдить другихъ въ отсутствіи опасности и въ ихъ спокойствіи почерпнуть поддержку противъ сжимающаго сердце ощущенія. Ямщикъ Никита, везущій купца, приближается къ мѣсту, гдѣ «шалятъ», и, по разнымъ примѣтамъ, чуетъ недоброе... «Душу бы намъ здѣсь не оставить...» — говоритъ онъ купцу, поддаваясь первому приливу боязни. — «Что ты, дуракъ, меня пугаешь,—отвѣчаетъ купецъ и, едва ли самъ себѣ вѣря, прибавляетъ успокоительно — кому наша душа нужна?» — «Садись, сударь, со мной на козлы, не такъ жутко будетъ»,—говоритъ ямщикъ. Купецъ, уже подпавшій заразѣ страха, безпрекословно исполняетъ это предложеніе,—а самъ «ровно бы вотъ листъ трясется». Теперь ужъ ямщикъ начинаетъ его ободрять. «Что же такъ, ваша милость,— замѣчаетъ онъ—робѣть намъ нечего, коли ежели что, насъ двое!..» — «А у самого-то у меня, братецъ ты мой,—передаетъ онъ впослѣдствіи — духъ захватило, руки отымаются...»

Изученіе психическихъ настроеній и процессовъ съ отдѣльнаго человѣка перешло, какъ извѣстно, въ послѣднее время на случайную совокупность людей—*толпу* и на сплоченную историческими, этнографическими и территоріальными условіями массу—*націю*. Послѣдователи уголовно-антропологической школы—Тардъ (Les crimes des foules) и Сигелѐ (La foule criminelle), а также Густавъ Лебонъ (La psychologie des foules), Обри (La contagion du meurtre) и др.—стараются опредѣлить тѣ общія начала, къ которымъ можетъ быть сведена психологія толпы, и изучить вліяніе психологическихъ факторовъ на представленія и настроеніе толпы, опредѣляющія, въ концѣ-концовъ, ея собирательную волю и ея совокупныя дѣйствія. Альфредъ Фулье, въ недавнихъ своихъ оригинальныхъ трудахъ, пробуетъ изслѣдовать душу цѣлаго народа и подмѣтить внутренніе процессы, происходящіе въ ней. Западная литература представляетъ произведенія, по которымъ, шагъ за шагомъ, можно прослѣдить образованіе и развитіе душевныхъ движеній толпы. Стоитъ указать на полныя захватывающаго интереса сцены съ участіемъ толпы въ «Ткачахъ» Герарда Гауптмана. И въ нашей литературѣ мы имѣемъ не одно изображеніе постепеннаго наросta-

нія впечатлѣній, на почвѣ которыхъ создается настроеніе толпы, часто складывающееся въ порывистую волю, «безсмысленную и безпощадную», по выраженію Пушкина. Первое, безспорно, мѣсто между ними принадлежитъ удивительному разсказу графа Л. Н. Толстого объ убійствѣ, въ 1812 году, Верещагина въ Москвѣ. Эта же тема затронута и у Горбунова въ его «Забытомъ домѣ», гдѣ одинъ изъ представителей возжаждавшей жертвы толпы, оборванный мастеровой съ воспаленными глазами, кричитъ: «мы сейчасъ пойдемъ на трехъ горахъ сражаться... всѣ кабаки уничтожимъ, всѣ!.. нѣтъ, погоди! Купецкій сынъ вздумалъ бушевать—сейчасъ графъ разделюцію ему сдѣлалъ... я те, говоритъ, побушую! ребята, говоритъ, возьмите! Сейчасъ наши мѣщане растеребили! Потроху не осталось!.. Отецъ его стоялъ въ воротахъ—плакалъ... Ничего не подѣлаешь—приказано! Бей, говоритъ, въ мою голову!..» Толпа часто выступаетъ въ разсказѣ Горбунова то въ видѣ цѣлаго, охваченнаго однимъ чувствомъ, мыслью, стремленіемъ, какъ, напр., въ «Московскомъ захолустьѣ», гдѣ происходитъ такъ-называемый холерный бунтъ,—то въ видѣ выхваченныхъ изъ нея мнѣній, замѣчаній и восклицаній, ярко рисующихъ преобладающія въ ней и быстро смѣняющіяся настроенія противоположнаго характера. Таковы, напр., «Медвѣжья охота», «Воздушный шаръ» и др. Въ послѣднемъ разсказѣ съ большимъ искусствомъ намѣчается переходъ толпы отъ спокойнаго *созерцанія* происходящаго («Шаръ, сударь, надуваютъ... съ самыхъ вечерень надуваютъ и никакъ его раздуть невозможно! А чѣмъ его надуваютъ?—Кислотой!—Да!—безъ кислоты тутъ не обойдешься!»)—къ живѣйшему *участію* въ немъ, когда оказывается, что вмѣстѣ съ нѣмцемъ полетитъ портной, который «завертѣлся—ну, и летитъ», потому что «отъ хорошей жизни не полетишь». Хотя одинъ изъ пьяныхъ купцовъ, нанявшихъ его, и увѣряетъ, что «если онъ оттѣда упадетъ», то онъ, наниматель, «его не позабудетъ», но толпа начинаетъ чувствовать сожалѣніе и сочувствіе къ тому, чья судьба ужъ такая, что «ему, значитъ, летѣть». И это сочувствіе растетъ, захватываетъ окружающихъ. Раздаются добродушныя предостереженія на случай, «ежели этотъ пузырь вашъ лопнетъ»,—обращенія къ чувствамъ портного—«пустой ты человѣкъ, выходитъ: мать старуха плачетъ, а ты летишь...», просьбы «кланяться *шалъ!*» и совѣты «милый, ты бы подпоясался, тебѣ легче будетъ...» «Сажаютъ, сажаютъ!..» въ восхищеніи говорятъ въ толпѣ. Еще минута—шаръ плавно подымется, и, быть-можетъ, радостное, сочувственное ура огласитъ воздухъ... Но вдругъ—грозный вопросъ: «ты что за человѣкъ?» и резолюція:

«я те полечу! Гриценко, возьми его...»— Настроеніе сразу мѣняется, и толпа раздѣляетъ чувство квартальнаго, которому «это обидно показалось»...

Мы уже говорили, какъ въ заявленіи гласнаго въ «Земскомъ Собраніи» о томъ, что у него семь душъ дѣтей женскаго пола, требующихъ пищевого довольства, Горбуновъ приподымаетъ уголокъ завѣсы надъ картиною нужды человѣка, поставленнаго своимъ общественнымъ положеніемъ между случайнымъ и неопредѣленнымъ заработкомъ и обязанностью служить возвышеннымъ потребностямъ человѣческаго духа. Этотъ пріемъ, подсказанный ему его теплымъ сердцемъ, повторяется у него нерѣдко. Въ чрезвычайно живомъ и полномъ юмора разсказѣ повѣствуется о молодомъ купцѣ, изъ строгой и благочестивой семьи, получившемъ на выставкѣ извѣстной картины «Нана», принадлежащей къ особому роду откровеннаго искусства, совѣтъ прочитать одноименный романъ Зола, гдѣ «всѣ обстоятельства обозначены во всю, и слова на ихъ счетъ такія, что и пропечатать на нашемъ языкѣ невозможно, а надо по-французски». «И сказали мнѣ,—говоритъ купецъ:—что въ Казанской улицѣ живетъ съ матерью дѣвица и французскимъ языкомъ орудовать можетъ. Къ ней. Блѣдная, худая, волосы подрѣзаны въ скобку; мать тоже старуха старая, слѣпая... Видно, что дня три не ѣли... Грусть на меня напала! Вотъ, думаю, обдѣлилъ Господь. Можете, говорю, перевести на нашъ языкъ французскую книжку? Посмотрѣла. Изводьте, говоритъ. Что это будетъ стоитъ? Семьдесятъ пять рублей. Это, говорю, мы не въ силахъ... За пятнадцать рубликовъ нельзя ли? Она такъ глаза и вытаращила, а глаза такіе добрые, чудесные.., инда мнѣ совѣстно стало. Вы, говорю, не обижайтесь: мы этимъ товаромъ не торгуемъ, цѣнъ на него не знаемъ. Я, говоритъ, съ васъ беру очень дешево, и то потому, что намъ съ мамашей ѣсть нечего, а по щекамъ слезы, словно ртуть, скатились. Жалко мнѣ ее стало, чувствую этакой переворотъ въ душѣ. Извольте, говорю, только чтобъ переводъ былъ сдѣланъ на чести, чтобы всѣ слова и обстоятельства... Покончили. Зашелъ какъ-то черезъ недѣлю навѣдаться, смотрю—сидитъ, строчитъ. Матери не въ зачетъ рубль далъ на кофій. Покончила она все это дѣло, да, не дождамшись меня, на Калашникову пристань и припорла. Вошла въ калитку-то, собаки какъ залаются—чужого народу къ намъ не ходитъ... А бабушку въ это время въ экипажъ усаживали, въ баню везти, бобковой мазью оттирать... Что за человѣкъ? Зачѣмъ? Къ кому? По какому случаю?.. Все дѣло-то и обозначилось».

Какая драма чувствуется за этимъ простымъ, повидимому,

эпизодомъ! Какая жестокая дѣйствительность, разрушающая здоровье и грубо оскорбляющая душу, видится въ этомъ подыскиваніи дѣвушкою «съ добрыми глазами» русскихъ выраженій для передачи словъ, которыми «всѣ обстоятельства обозначены во всю», и въ этомъ рублѣ «на кофій»! Какъ невольно останавливается мысль — не на злополучномъ купчикѣ, котораго стала пилить бабушка, бросившая въ огонь и книжку, и тетрадку,—терзать дядя и «точить» приглашенные для наставленія благочестивые старцы, изъ которыхъ «одинъ-то еще ничего—пьетъ, а другой, окромя кровоочистительныхъ капель, ничего не трогаетъ»,—а на одной изъ картинъ скорбной жизни столичнаго образованнаго пролетаріата. И когда представишь себѣ эту дѣвушку на глухомъ дворѣ старозавѣтнаго молчаливаго дома, окруженную лающими собаками, предъ чинящею допросъ бабушкою, предъ кучеромъ и прислугою, довольными неожиданнымъ зрѣлищемъ,—когда представишь себѣ формы и выраженія этого допроса, становится вовсе не смѣшно... Нѣтъ! не становится смѣшно... Не мéньшая драма слышится въ отдѣльныхъ эпизодахъ «Женитьбы» и въ простомъ, но характерномъ разсказѣ лихача о томъ, какъ бѣдная дѣвушка, которую онъ возилъ на тройкѣ, когда ее въ первый разъ путемъ, обольщенія, а быть-можетъ и насильственно, окунули въ житейскую грязь,—съ его *легкой руки* «жить пошла»... Ямщикъ-лихачъ стоитъ какъ живой, со всѣми ухватками своей профессіи, — кажется, что морозный бодрящій воздухъ вѣетъ слушателю въ лицо и что гармонично позвякиваютъ бубенчики его гостепріимной тройки, — но когда разсказъ конченъ прозаическою просьбою «на чаёкъ»,—рисуется нѣчто иное, и разбитая жизнь, втоптанная въ развратъ, среди бездушной столичной суеты, взываетъ къ сердцу слушателя...

VIII.

Особнякомъ отъ созданныхъ Горбуновымъ типовъ и фигуръ стоитъ знаменитый отставной *генералъ Дитятинъ*, всѣми своими корнями сидящій въ томъ общественномъ строѣ, который сложился на Руси въ послѣднія десятилѣтія предъ крымскимъ погромомъ и былъ пересозданъ, а отчасти и вовсе разрушенъ реформами Александра II. Горбунову пришла счастливая мысль дать живое изображеніе человѣка этого времени, окаменѣвшаго въ своемъ міросозерцаніи, прочно остановившагося въ своихъ, наполовину безсознательныхъ, взглядахъ и чувствахъ, окруженнаго со всѣхъ сторонъ измѣнившеюся дѣйствительностью, на шумъ и брызги которой ему невольно приходится отзываться по-своему. Задача изображенія такой личности должна была въ

своемъ фактическомъ осуществленіи стать, и стала, неисчерпаемою. «Довлѣетъ дневи злоба его», и каждый новый моментъ общественной жизни, каждое внѣшнее или внутреннее ея событіе, каждый всплывавшій на поверхность чѣмъ-либо замѣчательный человѣкъ, стали давать матеріалъ для выраженія своеобразныхъ сужденій оригинальной личности, задуманной Горбуновымъ. Постепенно создался образъ, разработанный съ особою любовью, съ тончайшею наблюдательностью и необыкновенною *находчивостью* тѣмъ, кто стоялъ за нимъ, почти органически съ нимъ сливаясь... Мало-по-малу, *генералъ Дитятинъ* сдѣлался неизбѣжнымъ посѣтителемъ всѣхъ кружковъ и собраній, въ которыхъ Горбуновъ чувствовалъ себя хорошо и свободно. Рѣшительныя резолюціи и отрывистыя характеристики генерала, его тонъ—презрительный по отношенію къ настоящему и подчасъ возбужденный или восхищенный по отношенію къ прошедшему,—его добродушный, отзывавшійся приближеніемъ «второго дѣтства», смѣхъ,—его довольно разнообразная начитанность, съ неожиданными изъ нея выводами, его тусклый взоръ и отвисшая нижняя губа, его добрая безпомощная улыбка и глухой старческій голосъ,—наконецъ, его всегдашняя готовность отвѣчать «ничтоже сумняся» на почтительные вопросы собесѣдниковъ — остались, безъ сомнѣнія, въ памяти всѣхъ, кто разставался съ разговорившимся генераломъ, сожалѣя, что бесѣдѣ насталъ конецъ.

Создалась, по отрывистымъ отвѣтамъ Дитятина, и его біографія. Онъ самъ не зналъ хорошенько года своего рожденія, то относя его къ восшествію на престолъ Павла Петровича въ 1796 году, то вспоминая о своемъ участіи въ штурмѣ Праги, при Суворовѣ, 1774 г. Наивное самообольщеніе, побуждавшее его «пристегнуться» къ Суворову, отнюдь не слѣдовало, однако, понимать, какъ выраженіе сочувствія взглядамъ великаго полководца на военное дѣло и на отношеніе къ солдатамъ. Онъ, напротивъ, всецѣло стоялъ на точкѣ зрѣнія одного изъ высокопоставленныхъ мирныхъ героевъ войны, находившаго, что «война *портитъ* солдатъ, *пачкаетъ* мундиры и *разрушаетъ* строй». Солдатъ, по мнѣнію Дитятина, существуетъ, такъ сказать: «an und für sich», и созданъ не для пагубнаго безпорядка войны, а для караульной службы, для выправки, маршировки и для необходимаго ихъ условія—муштровки. Неизбѣжныя при этомъ, по его мнѣнію, зуботычины, были гораздо нужнѣе, чѣмъ выдуманная «мальчишками» грамотность и другія нововведенія, которыми «увлекся» военный министръ Милютинъ, по адресу котораго Дитятинъ не скупился на краткіе, но выразительные эпитеты.

Эти нововведенія, а въ особенности общая воинская повинность, приводили его сначала въ негодованіе, а потомъ въ мрачное уныніе, не лишенное, впрочемъ, надежды, что «*тамъ*, наконецъ, образумятся». Послѣднимъ изъ военныхъ администраторовъ, на которомъ со снисходительною благосклонностью считалъ онъ возможнымъ остановиться, былъ тотъ, который къ нѣкоторымъ реформамъ въ русскомъ военномъ строѣ, осуществленнымъ впослѣдствіи, относился скептически, «сумлѣваясь штопъ...» и признавая ихъ за «өпмъ» (т. е. миѳъ). Было, впрочемъ, время, когда Дитятинъ преодолѣлъ свое отвращеніе ко «всему этому разврату» и даже предложилъ свои услуги для службы въ новыхъ военныхъ судахъ. Въ непринятіи этихъ услугъ онъ видѣлъ величайшую несправедливость, но вообще не любилъ распространяться о причинахъ отказа, ограничиваясь лишь словомъ: «...мерзавцы!», неизвѣстно, къ кому относившимся и произносимымъ съ непередаваемымъ брезгливымъ презрѣніемъ. Изрѣдка, впрочемъ, онъ рѣшался быть въ этомъ отношеніи вполнѣ откровеннымъ и съ неподдѣльнымъ изумленіемъ сопоставлялъ послѣдовавшій отказъ съ блистательно выдержаннымъ экзаменомъ, во время котораго, на предложеніе разсказать «о системѣ и мѣрѣ наказаній по Миттермайеру»,—онъ отвѣтилъ: «да! какъ же, помню, былъ у насъ въ полку, въ моей молодости, капитанъ Миттермайеръ,—система у него была, какъ и у всѣхъ, а мѣра... да мѣры онъ не соблюдалъ, а всыпалъ столько, сколько душѣ угодно,—какъ же! помню!»

Дитятинъ не былъ чуждъ и литературѣ. Онъ охотно цитировалъ Ломоносова и Державина; любилъ декламировать «красоты» изъ сочиненій Дмитріева и снисходительно ссылался на басни Крылова. Къ Пушкину его отношеніе было двоякое. Долгое время онъ находилъ его «легкомысленнымъ юношею», который злоупотреблялъ добротою и «непонятною слабостью» графа Бенкендорфа, не зажавшаго ему ротъ. Но, будучи, какъ всегда, желаннымъ гостемъ въ собраніяхъ пишущей братіи, Дитятинъ поддался общему восторженному отношенію къ Пушкину въ Москвѣ, при открытіи памятника поэту въ 1880 г., и послѣ торжественнаго обѣда неожиданно высказалъ свои симпатіи къ нему. Онъ сдѣлалъ это, впрочемъ, съ оговорками, строго осудивъ многія его произведенія, но припомнивъ, однако съ похвалою, нѣкоторыя вонистенныя его стихотворенія и указавъ слушателямъ, что даже фамилія «Пушкинъ» звучитъ пріятно для уха стараго служаки.

И къ Тургеневу отнесся онъ довольно благосклонно. Когда, въ 1880 году, знаменитому русскому писателю давали литера-

турный обѣдъ въ Петербургѣ, Дитятинъ сказалъ, къ общему удовольствію, рѣчь, полную цѣнныхъ указаній на свое пониманіе исторіи и истиннаго положенія нашей литературы. «Милостивые государи,—сказалъ онъ—вы собрались сюда чествовать отставного коллежскаго секретаря Ивана Тургенева. Я противъ этого ничего не имѣю! Но приглашеніи господъ директоровъ, я явился сюда не приготовленнымъ встрѣтить здѣсь такое собраніе россійскаго ума и образованности...» Выразивъ, затѣмъ, желаніе говорить, Дитятинъ нашелъ, однако, что это сдѣлать очень трудно, какъ «по разницѣ взглядовъ и по своему офиціальному положенію», такъ и по присущей людямъ его эпохи осторожности, ибо «ихъ учили больше *осматриваться*, чѣмъ *всматриваться*, больше *думать*, чѣмъ *говорить;* однимъ словомъ, учили тому, чему, милостивые государи, къ сожалѣнію, уже не учатъ теперь». Бросая затѣмъ ретроспективный взглядъ на нашу литературу 30-хъ и 40-хъ годовъ, ораторъ сказалъ, между прочимъ: «Въ началѣ 30-хъ годовъ, выражаясь риторическимъ языкомъ, среди безоблачнаго неба, тайный совѣтникъ Дмитріевъ внезапно былъ обруганъ семинаристомъ Каченовскимъ. Подняли шумъ... Критикъ скрылся... Далѣе, генералъ-лейтенантъ, сочинитель патріотической исторіи 12-го года, Михайловскій-Данилевскій былъ обруганъ. Были приняты мѣры... Критикъ испыталъ на себѣ быстроту фельдъегерской тройки... Стало тихо. Но на почвѣ, усѣянной, удобренной мыслителями 30-хъ годовъ, показались всходы. Эти всходы заколосились, и первый тучный колосъ, сорвавшійся со стебля въ 40-хъ годахъ, были «Записки Охотника», принадлежащія перу чествуемаго вами литератора, отставного коллежскаго секретаря Ивана Тургенева. Въ простотѣ сердца, я взялъ эту книгу, думая найти въ ней записки какого-либо военнаго охотника. Оказалось, что подъ поэтической оболочкой скрываются такія мысли, о которыхъ я не рѣшился не доложить графу Закревскому. Графъ сказалъ: «Я знаю». Я въ разговорѣ упомянулъ объ этомъ князю Сергію Михайловичу Голицыну. Онъ сказалъ: «это дѣло администраціи, а не мое». Я сообщилъ митрополиту Филарету. Онъ мнѣ отвѣчалъ, что это—«вѣяніе времени». Я увидѣлъ что-то странное. Я понялъ, что мое дѣло проиграно, и посторонился. Теперь я, мм. гг., стою въ сторонѣ, пропуская мимо себя нестройные ряды идей и мнѣній, постоянно сбивающіеся съ ноги, и всѣмъ говорю «хорошо!» Но мнѣ уже никто не отвѣчаетъ, а только взводные киваютъ съ усмѣшкой головой. Я кончилъ, и пью за здоровье отставного коллежскаго секретаря Ивана Тургенева...»

Доживая свой вѣкъ въ отставкѣ, Дитятинъ слѣдилъ за мимо-

бѣгущею жизнью и о каждомъ ея явленіи составлялъ себѣ совершенно опредѣленное мнѣніе. Въ этомъ отношеніи онъ былъ человѣкъ самый многосторонній, всегда стоявшій съ готовою «резолюціей» по вопросамъ, интересовавшимъ или волновавшимъ общество. Онъ, между прочимъ, почиталъ, но не любилъ Бисмарка, находилъ, что Макъ-Магонъ «сплоховалъ» во время своего президентства, о Гамбеттѣ выражался презрительно: «хе! хе! — воздухоплаватель»..; строго осуждалъ назначеніе министромъ финансовъ человѣка, происходившаго изъ духовнаго званія; негодовалъ на Шопенгауэра за «прекращеніе человѣческаго рода» и желалъ лично «вразумить его.. » Прочитавъ въ русскомъ переводѣ сочиненія Лассаля, котораго онъ называлъ «Лапсалемъ», Дитятинъ рѣшительно заявилъ «*я* на *это* не согласенъ». То же самое изрекъ онъ, ознакомленный кѣмъ-то съ теоріею происхожденія видовъ Дарвина. Увѣренность въ безусловной справедливости своихъ взглядовъ и брюзжаніе Дитятина не мѣшали ему, однако, быть пріятнымъ и въ высшей степени интереснымъ собесѣдникомъ. Едва раздавался его голосъ—всѣ присутствующіе обращались въ слухъ, при чемъ нѣкоторые спѣшили вызвать на подробныя объясненія старика, который, несмотря на свою нравственную оспротѣлость среди чуждыхъ ему поколѣній, обойденный ушедшею впередъ жизнью и болѣзненно переживній крушеніе воспитавшаго его строя, умѣлъ оставаться незлобивымъ, довѣрчивымъ и подчасъ даже веселымъ.

Строгая выдержанность этого образа представляла собою блестящее доказательство творческой силы Горбунова. Дитятинъ былъ живой человѣкъ. Онъ дѣйствительно существовалъ между нами. Скончавшись, вѣроятно отъ старческаго маразма, одновременно съ Горбуновымъ, онъ оставилъ навсегда пустое мѣсто. Съ чутьемъ тонкаго психолога, Горбуновъ, вкладывая въ его уста удивительныя по своей архаичности сужденія, умѣлъ дать почувствовать доброе, въ сущности, сердце старика. Есть фотографія, изображающая Горбунова въ мундирѣ, со сложенными на груди руками, въ армейской каскѣ со старомоднымъ орломъ, держащимъ въ лапахъ перуны и вѣнки. Экземпляры этой фотографіи очень рѣдки. Извѣстно, между прочимъ, что на экземплярѣ, поднесенномъ одному лицу, есть надпись, сдѣланная старческимъ, дрожащимъ почеркомъ: «J'y suis, j'y reste — фраза, украденная у меня Макъ-Магономъ. Генералъ-маіоръ Дитятинъ 2-й». При взглядѣ на этотъ оригинальный портретъ невольно чувствуется, что таковъ именно, въ своей непреклонности и добродушной строгости, и долженъ былъ быть незамѣнимый и незабвенный генералъ Дитятинъ...

IX.

Живая наблюдательность Горбунова и его способность вематриваться во внутреннее содержаніе того или другого явленія русской жизни, влагая его въ яркое изображеніе, — не могли ограничиться однимъ *настоящимъ*. Какъ истинный художникъ, онъ умѣлъ представлять себѣ и *прошлое* въ выпуклыхъ и жизненныхъ образахъ.

Изучая нашу старую исторію, вдумываясь въ событія и общественный складъ XVII, XVIII-го и первой половины XIX вѣка, онъ въ рядѣ произведеній оставилъ очерки эпохъ, строя жизни и господствовавшихъ въ то или другое время воззрѣній на коренныя условія общественныхъ отношеній *). Имъ захвачены и давно прошедшіе—и недалекіе сравнительно годы, отрѣзанные отъ насъ и нашихъ взглядовъ широкою и благотворною бороздою реформъ шестидесятыхъ годовъ. Поэтому онъ является авторомъ бытовыхъ сценъ, на исторической подкладкѣ, причемъ его необыкновенное умѣнье усвоить себѣ особенности и характерныя свойства языка въ различные періоды русской жизни дастъ ему возможность возсоздавать прошлое съ особенною правдоподобностью. Знатокъ родной исторіи чувствуется въ оригинальной формѣ его произведеній изъ области старой письменности, и ихъ шуточное подчасъ содержаніе заключаетъ въ себѣ нерѣдко мѣткія и сжатыя указанія на цѣлый порядокъ вещей, отошедшій въ вѣчность.

Но и помимо произведеній въ этомъ послѣднемъ родѣ, въ очеркахъ, изложенныхъ преимущественно въ видѣ воспоминаній и дневниковъ («Изъ московскаго захолустья», «Мысли на парадномъ подъѣздѣ», «Забытый домъ», «Дневникъ дворецкаго» и др.), проходятъ предъ нами въ разномъ освѣщеніи, дающемъ въ своей

*) И. Ѳ. Горбуновъ разыскивалъ и съ любовью собиралъ различные документы историческаго и бытового содержанія, освѣщающіе прошлую русскую жизнь. Имъ, между прочимъ, снабжены примѣчаніями и напечатаны въ «Русской Старинѣ»:—1) Журналъ путешествія по Германіи, Голландіи и Италіи, веденный княземъ Борисомъ Куракинымъ въ 1697—1699 гг. («Р. С.» 1879 г.); 2) Иванъ Михайловичъ Булгаковъ въ царствованія Анны, Елисаветы и Екатерины II, 1737, 1751 и 1785 гг. Проектъ прошенія съ изложеніемъ событій въ жизни просителя и многолѣтней жалобы объ его имѣніяхъ. («Р. С.» 1881); 3) Послѣдніе дни жизни А. И. Казарскаго («Р. С.» 1886 г.); 4) Князь А. Б. Куракинъ въ селѣ Надеждинѣ въ концѣ XVIII вѣка («Р. С.» 1887); 5) Письмо и завѣщаніе дѣтямъ 1802 года самоучки-механика Кулибина («Р. С.» 1872 г.); 6) Смольный монастырь въ 1783 году. Извѣстіе надзирателя Пахомова въ комиссію объ учрежденіи народныхъ училищъ («Р. С.» 1878).

совокупности цѣльный и—судя по обнародованнымъ за послѣднія тридцать лѣтъ матеріаламъ—исторически вѣрный образъ, такія фигуры, какъ, напримѣръ, архимандритъ Фотій, графъ Закревскій и многіе другіе. Проходятъ исчезнувшіе типы приживалокъ изъ захудалыхъ родовъ («княжна съ флюсомъ и княжна безъ флюса») и величавыхъ генераловъ александровскаго времени, украшенныхъ иностранными орденами «святой Маріи Терезіи» и «святого Парамерита» (pour le mérite), по объясненію швейцара, дежурящаго на парадномъ подъѣздѣ,—проходитъ рядъ людей, живьемъ взятыхъ изъ прошлаго.

Есть у Горбунова цѣлый историческій разсказъ. «Царь Петръ Христа славитъ», съ эпиграфомъ: «они (дьяки) учинили то дуростью своею нестораздо и такого не бывало, чтобы его государевыхъ пѣвчихъ дьяковъ, которые отъ него Христа славить ѣздятъ, во дворъ къ себѣ не пущать, и за такую ихъ дерзость и безстрашіе быть имъ въ приказѣхъ безкорыстно и никакихъ имъ почестей и поминковъ ни у кого ничего ни отъ какихъ дѣлъ не имать...» Вотъ какъ отмѣчаетъ Горбуновъ раздвоеніе между Москвою и ея молодымъ государемъ, вызванное началомъ переворота, произведеннаго этимъ «грознымъ властелиномъ судьбы», стянувшимъ «бразды рукой желѣзной». «Тяжелое время переживали москвичи въ послѣдній годъ XVII столѣтія. Пять мѣсяцевъ съ ужасомъ натыкались они на стрѣлецкіе трупы, висѣвшіе на стѣнахъ Бѣлаго и Земляного города и валявшіеся на Красной Площади... «Блудозрѣлищное неистовство» являли собою въ глазахъ благочестивыхъ людей обритые, въ венгерскихъ кафтанахъ, бояре. Кремлевскій дворецъ, дворъ великаго государя московскаго, былъ запертъ. Святѣйшій патріархъ лежалъ на смертномъ одрѣ. Великій государь не показывался больше народу, подобно его предкамъ, во всемъ блескѣ и величіи «царскаго сана», въ большомъ царскомъ нарядѣ, въ сопровожденіи родовитыхъ бояръ «въ золотыхъ ферезяхъ»: въ селѣ Преображенскомъ онъ стоялъ въ офицерскомъ мундирѣ иноземнаго покроя во главѣ своего лейбъ-регимента, салютуя князю Кесарю...»

Не менѣе рельефна и полна жизни картина Москвы въ 1812 г., наканунѣ ея взятія французами, когда «народъ со всѣхъ концовъ тронулся», ряды войскъ все напираютъ, напираютъ, стискиваются, останавливаются, съ трудомъ разступаясь, чтобы дать дорогу «Владычицѣ» въ дорогой ризѣ, и священникъ Маргаритовъ, увидавъ въ оторопѣвшей толпѣ своего прихожанина, протискивается къ нему, кропитъ его святой водой и дрожащимъ отъ волненія голосомъ говоритъ:—«зрите и мужайтеся, подобаетъ бо всѣмъ симъ быти, обаче и тогда не кон-

чина...»—Таково же и описаніе Москвы, разоренной послѣ пожара, когда, по уходѣ французовъ, слуга, оставленный при покинутомъ домѣ, получаетъ, наконецъ, возможность написать своему господину:—«при семъ рабски имѣю честь вашему превосходительству присовокупить, что по головѣ меня гладили... только словъ я ихнихъ разобрать не могъ; при семъ взяли часы изъ угловой гостиной...» Воспоминанія объ этомъ «забытомъ домѣ» представляютъ характерныя черты смѣны поколѣній и ихъ взглядовъ въ старомъ московскомъ дворянскомъ гнѣздѣ. Какъ въ молодомъ организмѣ вслѣдъ за тяжкою болѣзнью чувствуется приливъ свѣжихъ силъ и особое жизнерадостное настроеніе, такъ и въ барской Москвѣ патріотическій подъемъ духа, вызванный войною и ея бѣдствіями, смѣняется усиленною жаждой удовольствій и, за отсутствіемъ общественной дѣятельности, учащеннымъ біеніемъ пульса жизни частной. Но и это настроеніе проходитъ; раскаты грома и шумъ отдаленной петербургской бури 14-го декабря, холера тридцатаго года и разныя внѣшнія обстоятельства кладутъ свой отпечатокъ на московскую жизнь. Раны, нанесенныя войною, забыты одними, отходящими,—не испытаны другими, вновь пришедшими,—а Западъ манитъ къ себѣ разными сторонами своей жизни. Барскіе дома, несмотря на затрудненія, которыми обставлена отлучка за границу, начинаютъ подолгу пустовать, и стѣны ихъ говорятъ краснорѣчиво о прошломъ лишь неотлучнымъ свидѣтелямъ пережитаго—старымъ и вѣрнымъ слугамъ исчезнувшаго нынѣ типа. Для этихъ слугъ настоящее еще полно своеобразныхъ впечатлѣній и выводовъ изъ прошлаго. Когда въ «забытомъ домѣ» молодые господа, равнодушные къ покидаемому гнѣзду, шумно снимаются съ якоря, надолго уѣзжая на «теплыя воды», въ чужіе края, дворецкій Михайлъ Егоровичъ въ тяжеломъ недоумѣніи трое сутокъ приводитъ домъ въ порядокъ, закрываетъ мебель и занавѣшиваетъ хмурые лики генераловъ двѣнадцатаго года. «Платова онъ закрылъ особенно тщательно, промолвивъ: муха—вѣдь она дура, вѣдь она и тебя, батюшку, не пожалѣетъ... Блюхера онъ оставилъ открытымъ».

Переживая, вмѣстѣ съ выводимыми имъ лицами, прошлыя времена, Горбуновъ не могъ, конечно, пройти молчаніемъ крѣпостного права, бросавшаго почти на всѣ явленія русской жизни свою мрачную тѣнь. Въ дневникѣ дворецкаго, посвященномъ изо дня въ день описанію, подъ угломъ зрѣнія престарѣлаго слуги, распутной и расточительной жизни молодого знатнаго барина, не умѣющаго съ достоинствомъ носить свое старое имя и соблюдающаго лишь внѣшнимъ и поверхно-

стнымъ образомъ домашнія традиціи предковъ, есть эпизоды, рисующіе созданныя крѣпостною зависимостью отношенія. Баринъ недавно достигъ совершеннолѣтія. «По случаю рожденія его сіятельства, исполнилось двадцать четыре года, былъ въ нашемъ домѣ молебенъ съ водосвятіемъ,—записано въ дневникѣ,—вечеромъ были танцы съ дѣвицами, а цыганскій таборъ пѣть пѣсни, кончили забавляться съ солнышкомъ». Но предъ барскою волею склоняется масса дворовыхъ и челядинцевъ, и по пословицѣ: «гдѣ гнѣвъ, тамъ и милость», на нее возлагаютъ они свои житейскія упованія, отъ нея ждутъ гнѣва и безропотно принимаютъ его. А какъ много нелѣпаго произвола и безсознательной, можетъ-быть, жестокости и въ этомъ гнѣвѣ, и въ этой милости! Лакея Лаврушку, котораго въ *субботу* пришлось отпаивать квасомъ, послѣ того, какъ онъ, паря вечеромъ барина въ Суконныхъ баняхъ, повалился замертво, въ *понедѣльникъ* приказано наказать въ оранжереѣ, но, должно-быть, на его строптивый нравъ это не дѣйствуетъ, и въ слѣдующую субботу ему велѣно «забрить лобъ», но онъ бѣжитъ, и когда черезъ пять недѣль является изъ бѣговъ, то неожиданно встрѣчаетъ смягченіе кары: приказано вновь наказать его въ оранжереѣ и выдать ему паспортъ. Поѣхавъ къ Яру, молодой хозяинъ «душъ» остается тамъ цѣлый день, вслѣдствіе чего кучеръ Глѣбъ отмораживаетъ себѣ носъ, по словамъ доктора—«безвозвратно», почему и въ больницу идти не желаетъ. Ему черезъ нѣсколько дней выдается вольная, ибо «безъ носу—не кучеръ...» «Былъ у племянницы своей на Поварской улицѣ,—говорится въ дневникѣ,—услыхалъ, что господа ея отправляются по веснѣ на теплыя воды, а ее отдаютъ замужъ за выѣздного Родіона Михайлова, а ея есть желаніе, по нелюбви къ нему, выкупиться на волю. Плачетъ. Совѣтовалъ господамъ покориться. Противъ моихъ словъ говорила—лучше утоплюсь. Она дѣвица молодая, красивая, а онъ кривой. Вся причина въ барынѣ: желаетъ, чтобъ ея господскаго приказанія слушались». Чрезъ недѣлю въ дневникѣ записано: «племянница моя и крестная дочь Любовь Ивановна, отъ грозящей ей неминуемой бѣды быть замужемъ за Родіономъ, проглотила три булавки и скончалась въ судорогахъ, въ чемъ священнику на духу и покаялась... Упокой, Господи, душу ея въ селеніяхъ праведныхъ! Вчера цѣлый день плакалъ. Мать ея, сестру мою Надежду, свезли въ больницу: чувствуетъ приближеніе живота...» Въ другомъ мѣстѣ дневника, отмѣчая, что умеръ скоропостижно отъ угара камердинеръ покойнаго графа, Григорій Никитинъ, старый дворецкій прибавляетъ: —«жену приказано отправить на

скотный дворъ, а малолѣтнихъ раздать въ ученье. Квартальному за хлопоты десять рублей и сукна на брюки...»—Ученью подвергаются, впрочемъ, не одни малолѣтніе. Приходится обучаться по новому и старому человѣку. Одна изъ владѣтельницъ «забытаго дома» проситъ повара генерала Барканова взять поучить ея стараго повара Дмитрія, которому, по мнѣнію генеральскихъ поварятъ, «по божьему-то въ богадѣльню пора...» «Воля господская,—говоритъ имъ со вздохомъ старикъ—пхняя воля... велятъ и фалеторомъ сядешь;—кто-жъ имъ можетъ въ кушаньѣ потрафить: то имъ съ перцемъ давай, то зачѣмъ перецъ кладешь;—заварные левашники ужъ какъ я умѣю: положишь на блюдо-то—воркуетъ, словно живой, а онѣ кушать не могутъ. Да все!.. возьмите вы галантиръ—оттянешь его чище зеркала, причесываться можно, а они говорятъ:—ты меня какъ собаку кормишь; такой въ себѣ капризъ имѣютъ, что ни одинъ поваръ на нихъ угодить не можетъ...» Но бываютъ и добрые дни. На Пасху баринъ «христосовался со всѣми по три раза, денежное положеніе роздано, какъ при покойномъ графѣ,—по три рубля; тремъ семействамъ дворовыхъ людей объявили вольную; повару Герасиму, камердинеру Владиміру и старой горничной покойной графини—Егоровнѣ. И могутъ они вольными жить въ нашемъ домѣ и служить его сіятельству попрежнему. А на повара,—прибавляетъ въ своемъ дневникѣ дворецкій,—разставляла зубы Марья Алексѣевна, хотѣла его вымѣнять у графа на садовника Филиппушку: Богъ не попустилъ!»

Несмотря, однако, на полную возможность и даже на тогдашнюю закономѣрность такихъ проявленій барской воли, въ большинствѣ случаевъ, за исключеніемъ проявленій крайней жестокости, люди, рожденные въ крѣпостной зависимости, молчаливо мирились съ условіями послѣдней, создавшими своего рода «consortium omnis vitae» для помѣщиковъ и для тѣхъ, кто составлялъ ихъ «крещеную собственность». Долгіе годы пресмственнаго терпѣнія, мягкость и добродушіе русской натуры выработали, такимъ образомъ, типъ старыхъ слугъ, преданность которыхъ господамъ и вѣрность ихъ интересамъ кажется нынѣ почти легендарною. У слуги стараго времени радости и скорби семьи, гдѣ онъ жилъ, были его скорбями и радостями; онъ ревниво оберегалъ честь дома и болѣлъ сердцемъ, видя ея умаленіе. Онъ не могъ не цѣнить значенія вольной, но, несмотря на горькія подчасъ условія своей жизни, нерѣдко даже гордился своею принадлежностью опредѣленному лицу, съ судьбою котораго была связана и его судьба. «Я прирожденный камердинеръ, а не мѣщанинъ какой-нибудь»,—говоритъ слуга въ

«Утрѣ молодого человѣка»,—и всѣми силами и умѣньемъ оберегаетъ своего барина отъ увлеченій и мотовства. Въ разгарѣ спора между крѣпостнымъ и вольнонаемнымъ лакеями о преимуществахъ соціальнаго положенія каждаго изъ нихъ, старикъ-слуга, выходя изъ себя, кричитъ: «эго вы—холопъ, а я—природный лакей! Моя душа *барская*, а ваша *окладная*, потому вы несчастный мѣщанинъ. Я коли какой непорядокъ на улицѣ сдѣлаю, должны меня къ моему барину съ будочникомъ предоставить, а васъ на веревкѣ въ часть поведутъ; вы на запяткахъ стоите, а я при моемъ господинѣ завсегда въ комнатахъ».—«Что вы выражаетесь!?—восклицаетъ окладная душа...—«Я не выражаюсь, а правду говорю! Вы холопъ, а не я!»—отрѣзываетъ барская душа.

Какъ изображеніе чувствъ, отношеній и міросозерцанія такого стараго слуги—особенно интересенъ уже упомянутый дневникъ дворецкаго, со своею надписью: «Сія тетрадь принадлежитъ дому его сіятельства графа Павла Павловича дворовому его человѣку Емельяну Дыркову. Пріобрѣтена покупкою пятьдесятъ копѣекъ ассигнаціями. Описаніе жизни въ домѣ его сіятельства. Описывалъ собственноручно крѣпостной дворовый его человѣкъ своею охотою. Емельянъ Дырковъ. 1847 году». Въ этомъ дневникѣ нарисованъ искусною рукою и самъ авторъ, и его господинъ, сдѣлавшійся обладателемъ повидимому огромнаго состоянія и ведущій самую безшабашную жизнь въ домѣ, гдѣ еще недавно все было чинно, истово и строго... Онъ возвращается на разсвѣтѣ, встаетъ въ четыре часа дня, пропадаетъ по двое сутокъ въ цыганскомъ таборѣ, гдѣ самъ пляшетъ,—то чревоугодничаетъ, то обуревается внезапными аппетитами къ моченымъ яблокамъ и т. п., занимается по цѣлымъ часамъ стрѣльбою изъ пистолета въ оранжереѣ, пѣніемъ романсовъ, игрою на гитарѣ и «разрисовываніемъ птицы въ клѣткѣ», пробуетъ силу, тягаясь на палкѣ съ кучерами и разрубая пополамъ живую собаку, устраиваетъ у себя, несмотря на «выговоры доктора Топорова», оргіи, причемъ «прислугѣ быть не приказано»,—ведетъ крупную азартную игру и лишь иногда въ постели читаетъ «*смѣшную книжку*». На службу не ходитъ, хотя ему и «присылаютъ чинъ, какъ онъ значится по канцеляріи». По временамъ имъ овладѣваетъ внѣшнее благочестіе, онъ ѣздитъ въ Лавру, простаиваетъ подолгу на молитвѣ, читаетъ «четь-минею», служитъ у себя молебны съ знаменитыми и дорогими пѣвчими и принимаетъ многочисленное духовенство и знатныхъ особъ. Но эти промежутки становятся все рѣже и рѣже,—въ домѣ появляются темныя личности,—

наконецъ надвигается, при угрозѣ со стороны родныхъ взятіемъ въ опеку и подачею «на Высочайшее имя, чтобы на Кавказъ»,—матерьяльное разореніе и наступаетъ трагическая развязка уголовнаго характера.

Болитъ отъ всего этого сердце стараго, искренно-вѣрующаго и добраго слуги. Сначала онъ отмѣчаетъ лишь факты, въ ихъ краснорѣчивой неприглядности, но потомъ начинаетъ выражать тревогу. «Большихъ денегъ стоитъ графу эта цыганка»; «при такой расточительной жизни графъ можетъ разориться»; «великій былъ шумъ у насъ сегодня въ домѣ,—слава Богу, что графъ не былъ въ игру замѣшанъ»,—«великое будетъ несчастіе, коли графъ себя не сократитъ»,—отмѣчаетъ онъ разновременно въ дневникѣ.

Чаще и чаще рисуются ему въ воспоминаніяхъ и сновидѣніяхъ прежнія времена домашняго порядка и общаго почета его господамъ. «Тошно жить становится,—пишетъ онъ.—Господи! какъ вспомнишь, что нашъ за домъ былъ! пожалуй, что ниже предводителя и господъ-то у насъ не бывало! Никто къ намъ изъ знакомыхъ не ѣздитъ, и подобный нашъ домъ сталъ обыкновенному дому, если не хуже... Помяни, Господи, во царствіи Твоемъ раба Твоего графа Павла и рабу Твою графиню Софію. Большіе господа были!» Но онъ продолжаетъ строго надзирать за барскимъ добромъ и, презирая въ душѣ новыхъ гостей барина—цыганъ, игроковъ и людей подозрительной профессіи,—тѣмъ не менѣе, тщательно записываетъ, на сколько персонъ былъ сервированъ столъ и что было подано. Здоровье его, однако, слабѣетъ, и, несмотря на оставшійся послѣ покойнаго графа лекарственный порошокъ *кремартакторъ*, принимаемый имъ съ большою для себя пользою,—онъ начинаетъ чувствовать «отягченіе ногъ». Записавъ видѣнный имъ сонъ, въ которомъ Любушка—умершая отъ проглоченныхъ булавокъ дѣвушка—приходила къ нему въ кисейномъ платьѣ, съ золотымъ вѣнцомъ на головѣ и двумя херувимами въ рукахъ,—спрашиваетъ онъ себя: «не зоветъ ли это она меня къ себѣ?» Несмотря на ликующій вокругъ него грѣхъ, вѣра его тверда. Какъ трогательно частое обращеніе старика отъ картинъ житейской грязи и злобы къ величавымъ словамъ молитвъ и пѣснопѣній! «Ей, Господи Царю, даруй ми зрѣти моя прегрѣшенія!—Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному!—О, дивное чудо! Невидимыхъ Содѣтель за человѣколюбіе плотію пострада!»—пишетъ онъ въ разныхъ, особо тягостныхъ для него по содержанію, мѣстахъ дневника. Зато какою наивною гордостью звучитъ въ началѣ дневника запись, когда случилось такъ, что на одинъ день въ

домѣ повѣяло былою торжественностью. По настоянію тетокъ, молодой графъ даетъ балъ «при полномъ освѣщеніи всего дома, съ ужиномъ на шестьдесятъ человѣкъ, при прислугѣ въ новыхъ ливреяхъ и хорѣ музыкантовъ за тюлевою занавѣсью въ малой гостиной». Старому слугѣ, при видѣ барина, танцующаго съ княжною, думается, не «намѣчаютъ ли ему княжну въ невѣсты?» «Все въ рукѣ Божьей!»—восклицаетъ онъ въ упованіи на новые побѣги родословнаго древа и восхищаясь разговоромъ генералъ-губернатора съ генеральшею, замѣняющею хозяйку, причемъ они «другъ другу противъ сказанныхъ словъ выговаривали», замѣчаетъ:—«знатные люди! высокаго чину! Подумаешь, до какой высокой степени Богъ можетъ вознести человѣка!»

Какъ характеренъ, наконецъ, для изображенія воззрѣній и способа дѣйствій тогдашней административной юстиціи—эпизодъ съ оскорбленнымъ купцомъ! «Вчерашняго числа,—записано въ дневникѣ,—графъ въ театрѣ одному купцу далъ плюху. Хочетъ судиться. Потребовали графа къ военному губернатору, но онъ не поѣхалъ, по болѣзни, а отправилъ съ теткою просьбу къ губернатору: просить отъ купца защиты». Дальнѣйшія распоряженія напоминаютъ знаменитый совѣтъ комендантши Бѣлогорской крѣпости въ «Капитанской дочкѣ»:—графа сажаютъ на Ивановскую гауптвахту, а купца забираютъ въ Тверскую часть. «Купца заставили помириться,—говоритъ затѣмъ дневникъ,—приходилъ квартальный, отбиралъ отъ графа подписку, что онъ впредь *драться не будетъ* и *купца прощаетъ*. Дано три рубля». Трагическій эпизодъ, на которомъ прерывается дневникъ, имѣетъ уже прямое отношеніе къ уголовной юстиціи сороковыхъ годовъ. Съ самаго начала записей Емельяна Дыркова—въ эпическую ткань его описанія вплетается, какъ красная нить, нѣкая Вѣра Аѳанасьевна и ея отецъ, имѣющіе какую-то прикосновенность къ театру. Они, повидимому, уже довольно давно знакомы съ графомъ, который ужинаетъ съ отцомъ до разсвѣта и играетъ съ дочерью на фортепіано. Мало-по-малу отецъ Вѣры Аѳанасьевны, сначала благодарящій за то, что имъ не гнушаются, дѣлается persona grata въ домѣ. Его принимаютъ въ постели, пьютъ съ нимъ чай, онъ читаетъ «Апостолъ» во время молебна и сопровождаетъ графа въ Лавру, куда тотъ ѣдетъ прямо съ гауптвахты, послѣ того, какъ «простилъ купца»,—его «допускаютъ» на балу сидѣть съ музыкантами, причемъ онъ тайно уноситъ съ собою ананасъ. Подарки ему идутъ crescendo. Сначала лягавый кобель, потомъ нѣмковая трубка, которая «была съ покойнымъ графомъ подъ Бородинымъ, а ему

подарена фельдмаршаломъ», наконецъ, къ еще большему сокрушенію стараго слуги, графская соболья бекешь и шляпа... Въ дневникѣ оказываются вырванными болѣе половины страницъ, относящихся къ цѣлому лѣту, такъ что продолженіе его начинается съ переноса... «а она склонности къ нему не имѣетъ и какъ по замѣчанію хочетъ себя соблюсти и выговаривала на счетъ жизни и что въ карты играетъ, а онъ на колѣнкахъ плакалъ и божился цыганскій духъ изъ дому вывести и образокъ покойной графини цѣловалъ, а она его по головѣ гладила и какъ бы сама прослезилась»... Все, однако, какъ видно, остается попрежнему, только отецъ Вѣры Аѳанасьевны забираетъ все большую силу. Къ концерту, въ которомъ его дочь будетъ играть, модный портной шьетъ ему, за счетъ графа, новый коричневый фракъ со свѣтлыми пуговицами и бѣлый жилетъ; пріѣхавъ пьяный на лихачѣ и не будучи допущенъ, въ отсутствіе графа, въ его кабинетъ, онъ буянитъ и требуетъ денегъ на извозчика. «Обругалъ насъ всѣхъ, прирожденныхъ дворовыхъ графскихъ слугъ, холуями,—записано въ дневникѣ,—а Владиміра налаживался бить, но только тотъ присутствія духа не потерялъ и сказалъ: «тронь!» Послѣ концерта всѣ поѣхали къ Яру, а оттуда пріѣхали въ домъ въ два часа ночи. «Вѣру Аѳанасьевну графъ и его пріятель Линевъ ввели на лѣстницу подъ руки,—она хохотала и била, какъ бы въ шутку, Линева вѣеромъ,—говорила, что у нея голова кружится, что она пьяная, и дѣйствительно, какъ мною замѣчено, глаза у нея помутились. Приказано въ шампанское налить мараскину. Графъ стоялъ на колѣняхъ и цѣловалъ у нея руки, а она—то расхохочется, то заплачетъ. Все спрашивала—гдѣ отецъ? А Герасиму приказано возить его, пьянаго, по всей Москвѣ и изъ саней не выпускать. На рукахъ снесли въ желтую гостиную и заперлись. Какъ ударили къ заутренѣ, вырвалась изъ гостиной развращенная, металась по всему дому, кричала и кусала руки. Графъ былъ въ безчувствіи. Бросилась въ переднюю, хотѣла бѣжать на улицу: прислуга не допустила. Линевъ съ кучерами завернулъ ее въ салопъ и велѣлъ кучеру Трофиму везти домой, а тотъ, пьяный, не понявши дѣла, свезъ ее въ Екатерининскую больницу».—Это происходитъ во вторникъ,—въ воскресенье «объ случаѣ въ нашемъ домѣ говоритъ вся Москва», а въ понедѣльникъ «Вѣра Аѳанасьевна скончалась въ Екатерининской больницѣ и, какъ полагаютъ, отъ какихъ-то порошковъ».—Чрезъ недѣлю дневникъ обрывается окончательно слѣдующею записью: «Графа свезли на гауптвахту. Завтра весь домъ пригонятъ къ присягѣ. Упокой, Господи, раба твоего графа

Павла и рабу твою Софію,—сестру мою рабу Надежду, и дочь ея Любовь, и меня грѣшнаго съ ними совокупи! Глаза бы на свѣтъ не глядѣли...». Разсказывая объ участи «Вѣры Лоанасьевны», дневникъ не только передаетъ правдоподобное и вполнѣ возможное по условіямъ мѣста и времени «описаніе жизни въ домѣ его сіятельства», но содержитъ въ себѣ указаніе на дѣйствительное событіе, рисующее собою, между прочимъ, и высоту нашихъ до-реформенныхъ судебныхъ порядковъ. Это разбиравшееся въ Москвѣ, въ концѣ сороковыхъ годовъ, ужасное дѣло о семнадцатилѣтней фигуранткѣ московскихъ театровъ Аршининой, проданной своимъ отцомъ, театральнымъ музыкантомъ, знатному молодому человѣку, который напоилъ ее возбуждающимъ растворомъ и привелъ тѣмъ въ состояніе полового бѣшенства, коимъ воспользовались кромѣ него и другіе негодяи, окружавшіе его. Несчастная дѣвушка была возвращена домой лишь на третій день, съ разрушительнымъ мѣстнымъ воспаленіемъ и омертвѣніемъ и въ состояніи полнаго сумасшествія, изъ котораго не выходила до самой своей страдальческой кончины. Московскіе судьи того времени нашли справедливымъ и непостыднымъ ограничиться отдачею главнаго виновника въ солдаты или военные писцы съ выслугою и безъ потери правъ—и присужденіемъ отца жертвы за *потворство разврату дочери* къ трехмѣсячному лишенію свободы...

Составленіе историческихъ разсказовъ имѣетъ одну особенность, отмѣченную еще Монтескьё. Авторамъ ихъ приходится вплетать въ свой трудъ *вымышленные* факты, основанные, однако, на фактахъ *вѣрныхъ* или естественно изъ нихъ вытекающіе. Выходя за предѣлы простой и безцвѣтной хроники событій и изслѣдуя ихъ общую связь, причины и послѣдствія, автору, желающему въ живыхъ образахъ и краскахъ представить, *какъ именно* произошло или совершалось то или другое и какъ проявлялъ себя тотъ или другой дѣятель,—приходится возсоздавать это путемъ фантазіи и психологическаго анализа человѣческой природы и *однородныхъ* отношеній. Быть-можетъ, дѣйствительность была и нѣсколько иная; быть-можетъ, на пути психическаго развитія описываемой личности были существенныя отклоненія отъ теоретически намѣченнаго авторомъ; но если настоящіе, не подлежащіе спору факты и свѣдѣнія таковы, что даютъ *право* на сдѣланные выводы, которые, въ конечномъ результатѣ, приводятъ къ тому же, что́ было и въ дѣйствительности, то у произведенія нельзя отнимать названія *историческаго*, ибо оно правдоподобно передаетъ смыслъ и значеніе былого... Даже строгій историкъ не всегда можетъ вытра-

вить изъ себя художника и оградить свое *изслѣдованіе* отъ *созсозданія*. Достаточно припомнить Маколея и Костомарова и въ особенности Шерра въ его «Menschliche Tragikomödie», или Карлейля въ его «Исторіи французской революціи». Не даромъ Эдмондъ Гонкуръ говоритъ: «l'histoire est un roman qui a été, — le roman c'est l'histoire qui aurait pu être».

Мы видѣли у Горбунова изображеніе домашняго строя, имѣющее полную житейскую достовѣрность и опирающееся въ существенной своей части, въ послѣдовательномъ заключительномъ аккордѣ, на фактъ, занесенный на темную страницу исторической хроники нашего суда. Но есть у него и явно вымышленный разсказъ, который, тѣмъ не менѣе, имѣетъ историческую правдоподобность, благодаря яркому и вѣрному воплощенію существовавшихъ личностей, въ которомъ чувствуется долгое и внимательное изученіе дѣйствительныхъ и непререкаемыхъ историческихъ данныхъ. Это—сказаніе «о нѣкоторомъ зайцѣ». Въ немъ какъ живой, со своимъ особымъ, полу-мистическимъ, дѣланнымъ слогомъ, встаетъ архимандритъ Фотій, зловѣщій лицемѣръ, то раболѣпно, то назойливо вопіявшій къ «мечу свѣтскому» и умѣвшій ловко приспособиться къ жестокости офиціальнаго смиренномудрія начала двадцатыхъ годовъ;—нѣсколькими словами тонко очерчено отраженіе вліянія Фотія на министрѣ духовныхъ дѣлъ и исповѣданій—князѣ А. Н. Голицынѣ и на мѣстныхъ «правительствахъ», поставленныхъ между невольною боязнью доносовъ юрьевскаго архимандрита и страхомъ предъ мрачными фигурами графа Аракчеева и его любовницы—крестьянки Настасьи Минкиной, о которой тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ Кампенгаузенъ писалъ временщику: «дозвольте, мой милостивецъ, чтобъ я васъ могъ съ чистаго сердца поздравить съ наступающей именинницей вашей!»—«Вчера, въ четвертокъ, послѣ малаго повечерія,—пишетъ Фотій князю Голицыну,—въ тонцѣмъ снѣ пребывалъ и присные мои дали покой очима своима и вѣждома своима дреманіе. И се гласъ нечеловѣчь, а собаки нѣкоторыя лаяли и визжали и ко святымъ вратамъ бросались, а всадники на коняхъ трубили въ трубы и хлопали бичами. Я выслалъ служку вопросить — какія ради нужды монастырь окружили? Нѣкій человѣкъ, подобіемъ миѳологическій центавръ, отвѣтствовалъ—якобы заяцъ въ монастырѣ скрывается. А у меня заяцъ въ монастырѣ давно пребывалъ, подъ камнемъ жилъ (писано бо есть: «камень прибѣжище заящемъ») и кормилъ я его рукама своима и того зайца центавря изъ монастыря изгнали и псамъ на растерзаніе отдали, а нѣкоторая пестрая птица старцу Досиѳею рясу, подаренную Анною,

изорвала. Защити, другъ великій!» — Князь Голицынъ, очевидно, боится быть невнимательнымъ къ просьбѣ своего «друга», который, въ случаѣ надобности, сумѣетъ, конечно, обратиться и въ ядовитаго недруга. Онъ спѣшитъ написать новгородскому губернатору и, довольно двусмысленно отвѣчая Фотію, что онъ «очень груститъ, что нарушили *безмолвіе* послѣдняго, необходимое *для спасенія души*», тутъ же поддѣлывается подъ его тонъ, находя, что «врагъ темный и осквернённый всегда съ нами и за нами и нѣсть, яже укрыться отъ него»... Новгородскій губернаторъ оказывается, однако, человѣкомъ довольно наивнымъ, хотя и исполнительнымъ. По собраннымъ имъ *лично* свѣдѣніямъ, заяцъ затравленъ дворовыми Аракчеева «по приказанію Анастасіи Ѳеодоровны, для ея стола и сданъ повару Порфирію». Эти же дворовые застрѣлили трехъ *частныхъ* гусей дьякона Островидова и изжарили крестьянскую овцу, дѣлая все это именемъ Анастасіи Ѳеодоровны... Дѣло начинаетъ принимать скверный оборотъ, ибо такимъ образомъ обнаруживается, что «врагъ темный и осквернённый»—не кто иной, какъ наложница всемогущаго временщика, даже заочно называемая не иначе, какъ только по имени и отчеству... Но находчивый и еще болѣе исполнительный капитанъ-исправникъ—въ два-три хода разыгрываетъ запутанную партію, чреватую послѣдствіями. «Получивъ словесное повелѣніе вашего превосходительства,—рапортуетъ онъ губернатору, о разслѣдованіи затравленнаго зайца, — оный заяцъ по *негласнымъ* свѣдѣніямъ и *присяжнымъ* показаніямъ, оказался не монастырскимъ, монастырскій же, по пойманіи онаго, будетъ доставленъ отцу архимандриту. Касательно гусей, то отецъ дьяконъ отъ оныхъ отказался и призналъ таковыхъ перелетными, а люди, распространявшіе тревожные слухи, заключены въ тюремный за́мокъ».

Дѣло покончено—и въ томъ, *какъ* оно покончено, нѣтъ ничего неправдоподобнаго. Если вдуматься, то за дьякономъ, вынужденнымъ признать своихъ гусей перелетными, и за «влетѣвшими въ острогъ» владѣльцами овцы—нарисуется цѣлая картина раболѣпной суматохи и всякаго насилія, предпринятаго для «замазанья» дѣла. И картина эта едва ли даже преувеличена. Стоитъ вспомнить хотя бы приводимые Ровинскимъ, въ его рѣчи къ судебнымъ слѣдователямъ въ 1860 году, примѣры того, какъ производились слѣдствія во времена его молодости, т.-е. уже въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ. Эти крестьяне, высланные въ Москву изъ Рязанской губерніи *по этапу* для отобранія отъ нихъ подписки, что они представятъ *украденные у нихъ* тулупъ и поддевку для оцѣнки, забытой при воз-

вращеніи вещей: эти купцы, жалующіеся на кражу у нихъ четырехъ боченковъ сельдей и попадающіе, совершенно неожиданно, сами подъ слѣдствіе о томъ, откуда они этихъ сельдей взяли и имѣютъ ли право торговать ими; этотъ мѣщанинъ, томящійся въ острогѣ по обвиненію въ *праздной* ѣздѣ по улицамъ,—конечно мало чѣмъ уступятъ дьякону съ гусями и крестьянамъ съ овцою...

Видѣвъ лично и переживъ ту тьму, которую смѣнилъ свѣтъ преобразованій Александра II, Горбуновъ съ душевной радостью рисуетъ признаки обновленія, совершавшагося у него на глазахъ. Не разъ въ своихъ позднѣйшихъ произведеніяхъ съ глубокою благодарностью обращается онъ къ памяти Освободителя. Но движеніе впередъ и измѣненіе сложившагося строя не можетъ, несмотря на свою желательность и историческую неизбѣжность, не имѣть и тѣневыхъ сторонъ. Городская жизнь, чрезвычайно развившаяся въ послѣдніе годы, съ ея фабриками, отхожими промыслами и нездоровыми приманками—дѣйствуетъ на деревню въ своемъ родѣ опустошительно, внося разложеніе въ ея нравственные бытовые устои. Горбуновъ, со свойственной ему правдивостью, отмѣчаетъ это вліяніе. «С.-Петербургъ отъ насъ далеко,—говоритъ у него «Въ дорогѣ» крестьянинъ-извозчикъ,—которые вотъ съ нашей стороны живутъ тамъ въ половыхъ, или по мастерству по какому—придетъ въ деревню и сейчасъ себя такъ означаетъ, что съ нашимъ мужицкимъ разговоромъ и не подступишься. Куцую штуку надѣнетъ—спинжакъ, что ли, по-ихнему—и такъ онъ понимаетъ, что въ спинжакѣ въ этомъ вся сила... Бѣда эти санктъ-петербургскіе спинжаки. Другой горечь, а доказываетъ!» — «Не по закону ты жить сталъ»,—говоритъ старуха записавшемуся въ мѣщане.—«Тетушка Матрена,—отвѣчаетъ тотъ:—надѣнь спинжакъ-то, и ты по-другому заживешь. Въ деревнѣ за сохой ничего не обучишься,—соха—она соха и есть. Простой кто ежели человѣкъ...» «Что-жъ ты соху-то позоришь?—прерываетъ его старый крестьянинъ—соху-то намъ Богъ въ руки далъ!» — «Матушка, Ѳекла Семеновна, одинъ вѣдь разъ живемъ,—восклицаетъ купецъ, привыкшій «чертить» — одинъ разъ живемъ!.. Помремъ—все останется... Вѣдь не въ лаптяхъ ходимъ, голубушка, есть на что...» — «Что ты про лапти говоришь,—отвѣчаетъ богатая старуха-купчиха—я сама въ лаптяхъ хаживала. Ты лапти не кори». — «Я не къ тому». — «То-то не къ тому! Покойникъ сертукъ-атъ надѣлъ, когда весь свой полный капиталъ скопировалъ, да и то, бывало, говоритъ: неловко, Семеновна, давай опять поддевку надѣну—поддевка-то, говоритъ, насъ съ тобой выкормила...»

X.

Не одна разговорная великорусская рѣчь, въ ея видоизмѣненіяхъ сообразно общественному положенію изображаемыхъ лицъ, была искуснымъ орудіемъ въ умѣлыхъ рукахъ Горбунова. Знатокъ бытовой исторіи древней Руси, онъ превосходно владѣлъ языкомъ различныхъ періодовъ XVII и XVIII вѣка. Этимъ языкомъ писалъ онъ письма къ пріятелямъ, на немъ излагалъ многіе свои разсказы и представлялъ оцѣнку разныхъ событій, общественныхъ явленій или официальныхъ порядковъ. Но не въ одномъ выработанномъ внимательнымъ изученіемъ источниковъ языкѣ состояла художественная особенность Горбунова. Онъ умѣлъ всѣмъ своимъ умственнымъ складомъ переселяться въ эпоху, соотвѣтствующую языку, понимать и улавливать ея особенности и говорить о томъ или другомъ современномъ намъ явленіи, оставаясь въ предѣлахъ міросозерцанія той эпохи и общественной среды, къ которой принадлежалъ пишущій или говорящій. Онъ пренебрегалъ нетрудною, при извѣстномъ знаніи языка, задачею—изобразить мысли и взгляды *нынѣшняго* человѣка словами и оборотами стариннаго языка; у него за безупречною точностью этого языка всегда слышался и современный языку человѣкъ, въ томъ видѣ, въ какомъ намъ представляютъ его историко-бытовыя изслѣдованія Соловьева, Забѣлина, Костомарова, Пыпина, Тихонравова и др. Поэтому, когда какая-нибудь грамота или письмо Горбунова переносятъ читателя въ давно-прошедшее время, яркими чертами рисуя тогдашнюю дѣйствительность, передъ нимъ встаютъ—воевода на далекой границѣ русскаго царства,—посланный за западный «рубежъ» бояринъ,—подьячіе, приказные, подсудимые,—московскіе «запойные и заблудные» люди,—и, наконецъ, самъ «верховой (т.-е. придворный) скоморохъ Ивашка Ѳедоровъ», какъ любилъ называть себя И. Ѳ. Горбуновъ.

Замѣчательнымъ доказательствомъ глубокаго искусства, съ какимъ владѣлъ старымъ русскимъ языкомъ Горбуновъ, служитъ, между прочимъ, указаніе Т. И. Филиппова на то, что составленное имъ описаніе поѣздки русскаго боярина въ Эмсъ ввело даже книжныхъ археологовъ въ недоумѣніе, такъ что ученый знатокъ старины П. И. Савваитовъ счелъ это описаніе за копію съ подлиннаго статейнаго списка XVII вѣка и удивлялся, что уже и въ то время за границею существовала рулетка. Точно также ввелъ многихъ компетентныхъ лицъ въ заблужденіе относительно своей подлинности, благодаря своему

выдержанному языку, и составленный Горбуновымъ указъ царя Алексѣя Михайловича о нѣмцахъ и еретикахъ.

Рядъ шуточныхъ привѣтствій и наставленій, написанныхъ Горбуновымъ на церковно-славянскомъ языкѣ, показываетъ, что и съ нимъ онъ былъ знакомъ основательно и могъ бы, пожалуй, не уступить въ этомъ знаніи Костомарову, оставившему много превосходныхъ писемъ на этомъ языкѣ, образчикомъ которыхъ можетъ служить недавно опубликованное письмо къ П. В. Барсукову отъ «недостойнаго и паче всѣхъ человѣкъ грѣшнѣйшаго старца Николая еже на рѣцѣ Невѣ суща», отъ 24 ноября 1862 г. Вотъ, напримѣръ, горбуновскія «статьи, како увѣщевати глаголемаго лампописта»,—т.-е. москвича, пзлюбившаго приготовляемый въ лучшихъ московскихъ трактирахъ особый напитокъ изъ пива, сахара, лимона и поджареннаго хлѣба, называемый *Лампопо* (пополамъ). «Рци ми, о лампописте, коея ради вины къ душепагубному и умопомрачающему напою—алеманскп же речется лампопо̀—присталъ есп? Не вѣси ли, о лампописте, егда ти сущу въ пьянственномъ пребываніи всп бѣси великаго града Москвы, со слободы и посады, ликоствуютъ и гласомъ радованія восклицаютъ: се, книжникъ лампописто̀мъ содѣяся и сыномъ отца нашего Вельзевула учинпся; руками плещутъ, очима помизаютъ. Оле, твоего безумія лампописте! Не имаши тайнаго зрѣнія и не разумѣваеши, яко въ бѣлыхъ ризахъ, окрестъ тя стоящіе, не слузп гостинника Тѣстова, а бѣси ярославскіе, отъ пихъ же главоболѣзненные напои пріемлеши: не вѣси, нерадѣнія твоего ради, яко дымъ, исходящій изъ сосуда—дыханія Вельзевуловы суть».

Мы говорили уже о томъ, какъ интересовала Горбунова судебная реформа. Видѣвши во всей красѣ простоту и стремительность стараго административнаго суда въ московскихъ захолустьяхъ, отправляемаго полицейскимъ комиссаромъ, онъ описалъ свои впечатлѣнія, по поводу воспоминаній о рѣдкой раскольничьей рукописи, будто бы озаглавленной «о нѣкоторомъ комиссарѣ, како стяжалъ и о купцѣ», въ которой яко бы говорится: «не Богъ сотвори комиссара, но бѣсъ начерта его на песцѣ и вложи въ него душу злонравную, исполненную всякія скверны, во ежи прицѣплятися и обирати всякую душу христіанскую». Немногимъ лучшія впечатлѣнія вынесъ онъ и изъ знакомства съ общими судами и тѣми паразитами, которые ютились около пихъ, благодаря формальнымъ узамъ, опутывавшимъ преисполненное всякаго рода затяжекъ и отсрочекъ судопроизводство, не имѣвшее дѣла съ живымъ человѣкомъ, а лишь съ ворохомъ бумагъ. Въ разсказахъ его мелькаютъ яркія

фигуры «иверскихъ» юристовъ-дѣльцовъ и вѣдомыхъ лжесвидѣтелей, засѣдавшихъ въ Охотномъ ряду въ трактирѣ «Шумла», гдѣ «вѣдалось имп и оберегалось всякое московскихъ людей воровство, и поклёпы, и волокита». Любящая народъ душа Горбунова почуяла всю важность судебнаго преобразованія не только въ смыслѣ водворенія правосудія, но и въ смыслѣ поднятія народной нравственности. Онъ сталъ посѣщать суды, живо интересуясь не однимъ исходомъ дѣлъ, но и самымъ ихъ процессуальнымъ движеніемъ, вникая во всѣ его особенности. Ему чрезвычайно былъ дорогъ въ особенности судъ присяжныхъ. Исходъ и самое возбужденіе такихъ дѣлъ, какъ, напр., дѣло властнаго милліонера Овсянникова, обвинявшагося въ поджогѣ паровой мельницы, или дѣло опиравшейся на обширныя связи игумены Митрофаніи, немыслимые при старыхъ судебныхъ порядкахъ и связанныхъ формальною рутиною дѣятеляхъ, радовали его несказанно и служили матерьяломъ для разнообразнѣйшихъ варіантовъ въ его разсказахъ въ дружескомъ кругу.

Живая мысль его переносилась въ далекое прошлое и рисовала судъ присяжныхъ въ рамкахъ и условіяхъ этого прошлаго.

Результатомъ этого явился въ 1878 году указъ тогдашнему предсѣдателю петербургскаго окружнаго суда Кони—«*отъ государя, царя и великаго князя окольничему нашему, Анатолію Ѳедоровичу*».

«Били намъ челомъ всякихъ чиновъ люди,—говорилось въ указѣ,—емлютъ-де съ нихъ въ разбойномъ приказѣ подьячіе деньги не малыя, волочатъ и убытчатъ безъ разсудку. И намъ бы, великому государю, ихъ пожаловати—велѣти для сыску татинныхъ и разбойныхъ и убивственныхъ дѣлъ быти человѣку доброму, кому бъ въ такихъ дѣлѣхъ можно было вѣрить. И мы, великій государь, всякихъ чиновъ людей пожаловали, велѣли тебѣ, Анатолію, сидѣти въ разбойномъ приказѣ безотступно и всякія татинныя и разбойныя дѣла вѣдати. И кому грѣшною мѣрою учинится смерть, или который человѣкъ удавится или, вина опився, сгоритъ, или кто межъ собою подерется хмельнымъ дѣломъ и убьетъ, и про то сыскивать подлинно—и которые людей волочатъ и убытчатъ, и тѣхъ людей вѣдати и оберегати и расправу промежъ всякими людьми чинити безволокитно—и въ покленныхъ искѣхъ, и въ подметѣ, и въ бою, и въ грабежу, и кто крадетъ, и разбиваетъ, и до смерти людей убиваетъ, и въ какой сварѣ зубомъ ухватитъ и носъ отъястъ,—и женскій полъ и дѣвичъ, которыя, по насердкѣ, на всякихъ чиновъ людей б... сказываютъ для своей бездѣльной корысти потому жъ сыскивати накрѣпко всякими сыски. И кто въ городѣ корчму держитъ и татинною рухлядью промышляетъ,—

и мишецкаго чину и гостиной сотни запойныхъ людей и чаровницъ и которыя дѣвки въ скоморошествѣ оголяются, глазами помизающе, сквернаго ради смѣшенія—сыскивати подлинно. А какова вора или татя или убійцу изымаютъ и приведутъ и видоковъ ставить къ кресту къ цѣлованію. А учнутъ видоки показывать подлинно и у него дворы и животы описывати и сажати въ тюрьму до указу. И будетъ воровство его и въ какихъ причинахъ онъ бывалъ сыщется до пряма, вынявъ изъ тюрьмы, судити въ разбойномъ приказѣ при всенародномъ множествѣ, а въ помочь ему ставити подьячаго добраго, который бы вины его очищалъ. Да для сидѣнья жъ въ разбойномъ приказѣ пожаловали мы, великій государь, велѣли выбирать судей по двѣнадцати человѣкъ да по два изъ лучшихъ, среднихъ и молодчихъ людей, добрыхъ, небражниковъ, которые бъ были душою прямы и всѣмъ людямъ любы. И тѣхъ людей приведчи къ крестному цѣлованію, а доводчику велѣти воровы вины честь. А какъ доводчикъ вины его прочтетъ и тебѣ, Анатолію, ставити его съ видоки на очи и допрашивати накрѣпко. А какъ подьячій учнетъ воровы вины очищать и противъ того подьячаго потому жъ говорить. А слушавъ вашихъ рѣчей, выборные судьи пойдутъ въ другую палату, за приставы, чтобъ сговору какого промежъ ихъ съ народомъ не было. А пришедъ въ палату судятъ сопча боевой часъ и больши, чего воръ доведется. И будетъ вышедчи скажутъ, что за воромъ вина есть и тебѣ судити по уложенію. А будетъ учинишь ты не по уложенію, а тотъ воръ или тать, или убойца, или корчемникъ ударитъ челомъ въ нашу царскую думу, что учинилъ ты не по уложенію и того вора судити вдругорядь иными судьи. А тебѣ, Анатолію, будетъ учинилъ ты не по уложенію съ простоты—вины нѣтъ; а будетъ учинилъ ты по насердкѣ на того вора или татя, или убойцу, или корчемника,—наша царская опала съ запискою въ разрядной книгѣ».

Къ этого же рода удивительнымъ—по правдивости языка, по стилю и по краскамъ — документамъ относится написанная въ семидесятыхъ годахъ, во время возникновенія въ Петербургѣ обширнаго дѣла о скопческой ереси, челобитная самого Горбунова, будто бы вызваннаго въ качествѣ свидѣтеля по подобному же дѣлу въ концѣ XVII вѣка (когда и самой скопческой ереси еще не существовало) съ разсказомъ о томъ, какъ и о чемъ онъ былъ допрашиваемъ. Къ сожалѣнію, многія существенныя ея части, заключающія тонкую сатиру на одностороннюю оцѣнку доказательствъ въ подобныхъ дѣлахъ, неудобны для печати. Приходится ограничиться лишь небольшими выписками изъ этой

жалобы Ивашки Ѳедорова, который «бьетъ царю челомъ», и повѣствуетъ, что «изымань я приставы и волоченъ нѣшъ до губныя избы и великіе отъ того ихъ волоченія мнѣ, сиротѣ твоему, чинены убытки: однорядку вишневую, твое государево жалованье, изодрали всю безъ остатка и однорядочка къ свѣтлому дню у меня нѣтъ. И губной староста да подьячій учали меня бить и за волосья таскать и, истерзавъ довольно, стали говорить распросныя рѣчи съ пристрастіемъ: «на Москвѣ живучи, Ивашка, ты лихихъ людей знавалъ ли и за пьянствомъ съ ними ходилъ ли? и будетъ ты лихихъ какихъ людей знавалъ и еретичество ихъ вѣдалъ, съ Гуріемъ на б..... ходилъ ли? и ходючи съ нимъ и т. д.». Слѣдующіе затѣмъ вопросы поразительны по своей неожиданности, художественны въ своей непосредственной наивности и въ то же время вполнѣ соотвѣтствуютъ сущности преступленія, въ которомъ обвиняется впавшій въ ересь Гурій. Допросъ оканчивается требованіемъ сказать: «и онъ Гурій убоину ѣлъ ли и смердящую бѣсовскую богоненавистную табаку пилъ ли? Да онъ же Гурій, на Москвѣ живучи, ежедень скрывался—и то тебѣ, кто скрывалъ и норовилъ ему вѣдомо ль?» — Но усердіе тогдашняго слѣдователя, несмотря на энергическіе и чувствительные аргументы, предшествовавшіе допросу Ивашки, не исторгаетъ ничего полезнаго для дѣла по существу, ибо «я, сирота твой, памятуючи страшный судъ, противъ тѣхъ распросныхъ рѣчей сказалъ прямо вправду: на Москвѣ живучи въ скоморохахъ—лихихъ людей не зналъ; всякихъ заблудныхъ, и зерщиковъ, и скомороховъ, и мнишецкаго чина и гостиной сотни запойныхъ людей зналъ довольно—и за пьянствомъ съ ними ходилъ и *составныя затыйныя слова* говаривалъ, а кто Гурія легчилъ, то мнѣ невѣдомо, а онъ, Гурій, человѣкъ смирный...»

Если приведенная выше грамота соотвѣтствовала идеальному для своего времени судопроизводству, то челобитная эта соотвѣтствовала печальной дѣйствительности, когда свидѣтель мало чѣмъ отличался отъ подсудимаго. Стоитъ припомнить Котошихина, житіе Аввакума и т. п. Вообще трудно жилось русскому человѣку въ XVII вѣкѣ. Съ востока и запада враждебно окружали его иноземцы, возбуждая его крайнее недовѣріе,—чуждые ему по вѣрѣ, по образу жизни, по языку,—всегда могущіе то угрожать силою, то дѣйствовать хитростью и коварствомъ. Противъ всѣхъ надо было быть насторожѣ. Но, зорко слѣдя за ними издалека, не мѣшало узнать и поближе, что они за люди и какимъ обычаемъ живутъ. И вотъ изъ-подъ пера Горбунова выливается сначала письмо изъ Эмса, а потомъ, въ 1885 г., донесеніе царскаго воеводы о битвѣ на Кушкѣ. «Въ нынѣшнемъ

377 году,—такъ начинается письмо,—прислана мнѣ твоя, великаго государя, грамота. Написано: ѣхать тебѣ, Ивану, въ разные города нѣмецкаго государства и смотрѣть тѣхъ городовъ люди и намъ, великому государю, отписывать... и ѣхавъ землями нѣмецкаго государства не грабить, не пьянствовать и съ нѣмцы разговорныя слова говорить и отвѣтъ держать примѣрившись, съ вымышленіемъ, бояся нашея опалы и жестокаго истязанія безо всякія пощады. А будетъ который начальный нѣмецкій человѣкъ спроситъ: «какія ради нужды посланъ?»—говорить: «посланъ для его великихъ государевыхъ дѣлъ». А даровъ ему не давать. А прилучится который нѣмчинъ прошать будетъ, и тому дать кормы небольшіе да деньгами на пиво, по три алтына на человѣка». Нашъ XVII-ый вѣкъ въ своей рѣчи и воззрѣніяхъ такъ и глядитъ со всѣхъ строкъ письма! Оказывается, что «городъ Емца не великъ, а сталъ онъ въ горахъ, а въ немъ вода живая, а та вода шипитъ... и у котораго человѣка нутро болитъ, али утинъ, али порча, али ина хворь, и дохтуры тоя болѣзни своимъ дохтурствомъ смотрятъ и ту живую воду велятъ пить и голымъ въ той водѣ сидѣть. А люди московскаго государства тоя воды не пьютъ, а пьютъ они ренское во множествѣ и здравы бываютъ. А ренское вино доброе...» Затѣмъ идетъ описаніе рулетки, столь смутившее Савваитова отпечаткомъ правдивости, положеннымъ на него искусною рукою Горбунова. «Палата построена каменная,—повѣствуетъ бояринъ,—большая, а въ ней сидитъ нѣмчинъ и *вралетку вертитъ и прыгунца пущаетъ* — бѣленькій, не великъ. А кругъ того нѣмчины народное множество—и иныхъ государствъ люди, и жиды, и езовиты, и женки, и дѣвки, и старыя бабы, и воровскіе заблудные люди—и кладутъ тому нѣмчину золотые амбургскіе и угорскіе и ефимки, и нѣмчинъ тѣ деньги емлетъ и вралетку вертитъ почасту».

Если царскому боярину пришлось увидать много интереснаго за границею, то царскому воеводѣ (генералъ-лейтенанту Комарову, разбившему афганцевъ на Кушкѣ и занявшему городъ Пенде 18-го марта 1885 года) пришлось пережить тревожныя минуты, требовавшія стойкости и большой рѣшительности. Онъ стоялъ съ «великаго государя ратными, пѣшими и конными людьми на Кушкѣ рѣкѣ, и вѣдомо ему учинилося, что англинскіе люди ссылаются съ афганскимъ мурзою и говорятъ воровскія развратныя рѣчи, наговаривая, чтобы со своими татары съединачась къ злому воровству ихъ присталъ и противъ твоихъ, великаго государя ратныхъ людей, учинилъ бой, и мурза, предався въ неискусенъ умъ, тѣхъ рѣчей слушалъ...»

Желая кончить дѣло миролюбиво, воевода ссылается съ мурзою, но тотъ указываетъ, что ему велѣно слушать англичанъ, причемъ «королевинъ англинскій капитанъ» (серъ Чарльзъ Устъ) посылаетъ письмо воеводѣ, который отправляетъ своего уполномоченнаго (подполковника Закржевскаго) говорить съ англичанами. «И сшедчись говорили. Англинскіе люди говорили: вы-де въ Индею идете. А полуполковникъ съ товарищи говорилъ: мы-де въ Индеи будемъ, когда нашъ великій государь похочетъ. А таперьво мы въ Индею не идемъ, — а пришли для береженья новыхъ государевыхъ городовъ, которые ударили челомъ великому государю, чтобъ быть имъ со всѣми людьми подъ его высокою рукою.—А будетъ государь вашъ похочетъ и вы въ Индею пойдете ли?—Коли великій государь, его пресвѣтлое царское величество похочетъ, и въ томъ будетъ его воля, и мы въ Индею пойдемъ того жъ числа, какъ указъ будетъ.—А зачѣмъ-де вамъ итти на Индею: у вашего государя земли довольно?—У государя нашего земель много, и въ умъ не вмѣстится, а въ Индею намъ итти, чтобы милордамъ вашимъ и купцамъ, и прочимъ королевинымъ англинскимъ людямъ надъ московскимъ государствомъ дуровать было негораздо. И какъ мы будемъ въ Индеи и вамъ-то будетъ за страхъ, а московскому государству утѣшеніе.—И пивъ боевой часъ ренское, разошлись». Вопросъ остался открытымъ и на утро мурза ударилъ съ татарами на государевыхъ людей, но они бились «крѣпкостоятельно», такъ что татары, «видя надъ собою великаго государя ратныхъ людей промыселъ и жестокій приступъ, и пожарное разореніе—побѣжали розно, а англинскіе люди, снявъ порченки, тожъ побѣжали и городъ Пинжа отъ татаръ и англинскихъ людей очистился, а мурза англинскаго королевина капитана за бороду далъ: въ своей-де землѣ вамъ не сидится, пришли къ намъ заводить смуту». «А городъ Пинжу (Пенде) я взялъ для принѣленія онаго къ твоему великодержавному скипетру»,—кончаетъ воевода свое донесеніе, пріобрѣтающее, благодаря Горбунову, почти эпическій характеръ по содержанію и по выдержанности языка.

Излишне доказывать вѣрность этого языка и тона, господствующаго во всѣхъ приведенныхъ произведеніяхъ Горбунова. Каждый, читавшій различныя бумаги конца XVII вѣка, оцѣнитъ бытовую и стилистическую близость этихъ произведеній къ несомнѣннымъ подлинникамъ и даже законодательнымъ актамъ, въ родѣ Уложенія царя Алексѣя Михайловича. Достаточно привести хотя бы находящійся у насъ подъ руками отрывокъ изъ слѣдственнаго дѣла 1692 года: «Да онъ же Дмитрій Тверитиновъ,

будучи перегибателенъ не токмо духомъ, но и тѣломъ и утѣшновѣжливо говоря и мастеря совратился въ люторову ересь—и другихъ соврати...» или часть челобитной ушедшаго изъ турецкаго плѣна стрѣльца: «И шелъ я,—говорится въ ней,—холопъ твой Ивашка, съ товарищи своими черезъ многія земли нагъ и босъ, и во всякихъ земляхъ призывали насъ на службу и давали жалованье большое, и мы, холопи твои, христіанскія вѣры не покинули, и въ иныхъ земляхъ служить не хотѣли, и шли мы, холопи твои, на твою государскую милость. Милосердый государь, царь и великій князь Михаилъ Ѳедоровичъ всея Россіи! пожалуй меня, холопа твоего, съ моими товарищи за наши службишка и за полонское нужное терпѣніе своимъ царскимъ жалованьемъ, чѣмъ тебѣ праведному и милосердому государю объ насъ бѣдныхъ Богъ извѣститъ», причемъ на оборотной сторонѣ челобитной имѣется помѣта думнаго дьяка: «751 г. іюня въ 20 день государь пожаловалъ тому стрѣльцу... велѣть дать корму по 2 алтына, а достальнымъ всѣмъ дѣтямъ боярскимъ по 8 денегъ, казакамъ по 7, пашеннымъ крестьянамъ по 6 денегъ, для того, что освободились безъ окупу и отослать подначало къ патріарху для исправленья, для того, что у папы пріимали сакраментъ». Или, наконецъ, можно привести челобитную царю Алексѣю Михайловичу отъ первыхъ русскихъ актеровъ, подьячаго Василія Мѣшалкина съ товарищи, приводимую П. О. Морозовымъ въ его «Исторіи русскаго театра»:—«По твоему великаго государя указу, отослали насъ, холопей твоихъ, въ нѣмецкую слободу для изученія комидійнаго дѣла къ магистру Ягану Готфрету, а твоего великаго государя жалованья корму намъ, холопемъ твоимъ, ничего не учинено, и нынѣ мы, холопи твои, по вся дни ходя къ нему, магистру, и учася у него, платьишкомъ ободрались и сапоженками обносились, а пить, ѣсть нечего, и помираемъ мы, холопи твои, голодною смертію. Пожалуй насъ, холопей своихъ: вели, государь, намъ свое великаго государя жалованье на пропитаніе поденный кормъ учинить, чтобъ намъ, холопемъ твоимъ, будучи у того комидійнаго дѣла, голодною смертію не умереть».

Способность свою переноситься въ XVII вѣкъ, становясь въ способахъ выраженія и самомъ міросозерцаніи своемъ человѣкомъ этого вѣка, Горбуновъ примѣнялъ не только къ очерку порядка вещей или событій болѣе или менѣе значительной важности. Онъ любилъ излагать такимъ образомъ иногда мелкія происшествія своей жизни и вообще сноситься съ пріятелями, причемъ его юморъ усугублялся челобитнымъ тономъ. Такъ, въ альбомъ покойнаго Михаила Ивановича Семевскаго онъ записалъ

цѣлый шутливый разсказъ о путешествіи своемъ съ товарищемъ своимъ Б. по Волгѣ и Камѣ, для совмѣстнаго участія въ спектакляхъ и чтеніяхъ. «Бьетъ челомъ,—пишетъ онъ,—сирота твой государевъ, потѣшнаго приказа скоморохъ Ивашка Ѳедоровъ. Жалоба мнѣ, государь, того же приказа на скомороха на Ѳедьку Алексѣева. Въ нынѣшнемъ году сошелъ я на стругѣ внизъ по Волгѣ рѣкѣ до Перми великія для своихъ сиротскихъ промышлишковъ...» Описавъ, какъ къ нему на стругъ (пароходъ) вышелъ у Работокъ навстрѣчу товарищъ и «крестъ цѣловалъ, чтобы ѣхать вмѣстѣ и что Божьей помощью испромыслимъ дѣлить на двѣ стороны ровно, а ему чтобы развратныя рѣчи не говорить и не ругаться; а мнѣ, Ивашкѣ, ѣдучи съ нимъ, съ Ѳедькою, Камою рѣкою, на берегъ и въ лѣса не сбѣжать»,—Горбуновъ жалуется, что «нынѣ тотъ Ѳедька, забывъ страхъ Божій и крестное цѣлованіе, умышляетъ дурно: въ разсчетахъ творитъ хитрость, а себѣ корысть, ѣстъ псину и мертвечину и иное скаредное и пьетъ почасту; да онъ же, Ѳедька, рейтарскаго строя съ маеоромъ играетъ въ зернь и отъ той его игры сталъ онъ безъ портокъ. Царь-государь! смилуйся,—восклицаетъ онъ—пожалуй, чтобы мнѣ отъ того Ѳедьки не придти въ конечное разореніе!»—Такъ, въ 1890 году, Горбуновъ написалъ посланіе въ Москву, начинающееся словами: «вѣдомо намъ учинилося» и содержащее въ себѣ великолѣпный и подробный разсказъ о томъ, какъ въ бѣлокаменной, во всѣхъ бражныхъ станахъ и у «нѣмчина Яра» въ мясопустную седьмицу пьянство преумножается и въ какихъ дѣйствіяхъ оно выражается. Разсказъ этотъ, по характеру дѣяній «бражниковъ» совершенно невозможенъ для передачи въ печати, ибо описываетъ недвусмысленнымъ и любящимъ точность языкомъ XVII столѣтія тѣ безобразныя сцены, которыми сопровождается обычный въ нѣкоторыхъ слояхъ нашего общества и въ народѣ масляничный разгулъ и «чревонеистовство», доводящее до разбирательства у мировыхъ судей и выражающееся, между прочимъ, въ томъ, что «въ мясопустную седьмицу на Москвѣ всѣ убогіе дома и бражныя тюрьмы полны увѣчными, избитыми, опившимися и умопомраченными». Посланіе кончается такъ: «и какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ и вы бы заказывали накрѣпко, чтобы московскіе люди отъ горькаго пьянства отстали и во всю мясопустную седьмицу въ домѣхъ своихъ сидѣли и во всякомъ благочестіи пребывали, а кому, по нуждѣ, сидѣть не можно и тѣ бы мимо бражныхъ становъ не ходили, а случится идти мимо бражныхъ становъ, шли бы не озираючись, памятуючи жену Лотову. А которые боярскіе дѣти не послушаютъ и по бражнымъ ста-

намъ ходить будутъ и тѣхъ изъ бражныхъ становъ выбивать силою и сапоженки сымать и платьишко отбирать до указу...»

Въ началѣ XVIII вѣка въ образный и цѣльный по своему источнику русскій языкъ, особливо въ языхъ офиціальный, вторглась масса иностранныхъ словъ, замутившихъ его чистоту и придавшихъ ему новый, странный и очень часто несимпатичный характеръ. Однимъ изъ свойствъ его сдѣлалась изломанность и дѣланность, съ которыми потомъ пришлось бороться до XIX вѣка, причемъ настоящій русскій языкъ постепенно завоевалъ свои одно время поруганныя права и, наконецъ, сталъ снова на высоту, вызвавшую трогательную просьбу Тургенева: «берегите нашъ языкъ, нашъ прекрасный русскій языкъ, этотъ кладъ, это достояніе, переданное намъ нашими предшественниками, въ числѣ которыхъ блистаетъ Пушкинъ,—обращайтесь почтительно съ этимъ могущественнымъ орудіемъ: въ рукахъ умѣлыхъ оно способно совершать чудеса...»

Еще при Петрѣ, въ его распоряженіяхъ, указахъ и законодательныхъ актахъ, въ его письмахъ слышится прекрасный старый языкъ нашъ. «Не суетный на совѣсти нашей возымѣли страхъ», пишетъ онъ по поводу духовнаго регламента. «Не рабствуя лицепріятію, не болѣзнуя враждою и не плѣняясь страстями»,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ. Письма его, изданныя академикомъ Бычковымъ, полны оборотовъ и выраженій конца XVII вѣка, но иностранныя слова уже часто внѣдряются среди нихъ и сплетаются съ ними, по временамъ безъ всякой нужды, не имѣя себѣ оправданія даже и въ нѣкоторой бѣдности стараго языка для выраженія отвлеченныхъ понятій. «Воюя тайнымъ коварствомъ на истину во образѣ правды», — пишетъ Петръ въ одну изъ тяжелыхъ минутъ своей великой и многотрудной жизни—и въ то же время увѣковѣчиваетъ въ одномъ изъ указовъ, вставляемыхъ, по его повелѣнію, въ зерцало, такія выраженія, какъ «чинить мины подъ фортецію правды...» Но послѣ Петра нашъ офиціальный языкъ, проникающій все болѣе и болѣе сверху внизъ, портится гораздо сильнѣе, особливо при Аннѣ Іоанновнѣ и въ первые годы царствованія Елизаветы Петровны. Въ указахъ говорится о «дѣлахъ штатскаго теченія», являются названія «парадная бета» (ложе), «каструмъ долорисъ» (при похоронахъ), «драдорная (drap d'or) матерія», «синтура (ceinture) фунеральная» и т. п. Можно бы привести множество подобныхъ выраженій, указывающихъ ничѣмъ неоправдываемое пренебреженіе къ родному языку, но это не имѣетъ отношенія къ предмету настоящаго очерка. Мы упоминаемъ о языкѣ XVIII вѣка лишь для того, чтобы сказать, что и онъ былъ знакомъ

Горбунову, хотя имъ онъ пользовался гораздо рѣже. Такъ, исторія о нѣкоторомъ зайцѣ начинается со слѣдующаго вымышленнаго письма Петра Великаго, въ которомъ въ точности соблюдена даже орѳографія государя. «Мингеръ графъ.—Зазаеца благодарствую і тово заеца немешкаѳъ на асамблеи съ ели і івашку хмельницкава многажды неленосно тревожили попеже заецъ вельми жыренъ былъ и шпігусомъ зело чіненъ чаели и животу не быть да сілою ідействіемъ івашки іпредстательствомъ отца нашего всешутейшего Кура живы сущі и ѳ здравіі пребываемъ і отомъ подлино вамъ отъ пісываю». Даря М. И. Семевскому рѣдкій литографированный портретъ цесаревича Константина Павловича съ подписью: «Константинъ первой, императоръ Всероссійскій», бывшій въ продажѣ лишь самое короткое время и затѣмъ изъ нея изъятый послѣ оглашенія отреченія великаго князя отъ престола, Горбуновъ пишетъ: «прилагаемая при семъ персона (такъ въ первой половинѣ XVIII в. назывался портретъ) сукцессора въ надлежащей конфиденціи у насъ находиться имѣетъ, и никому генерально оную не объявлять и отъ подлыхъ (т. е. отъ простонародья) всячески скрывать надлежитъ, дабы какой бездѣльный человѣкъ малоумiемъ своимъ сатисфакціи не учинилъ и въ тайную канцелярію о семъ не донесъ; а я милостивцу впредь служить готовъ...» Въ одной изъ своихъ милыхъ и продуманныхъ письменныхъ шутокъ, которую онъ любилъ разсказывать и на память, Горбуновъ послѣдовательно разработываетъ одинъ и тотъ же предметъ на языкѣ трехъ столѣтій, съ тонкою обрисовкою перехода отъ добродушнаго индивидуализированія, свойственнаго распоряженіямъ старины, къ формалистическимъ пріемамъ, нерѣдкимъ въ бюрократической практикѣ настоящаго.

«Бьетъ челомъ и плачется сиротишка твой, государевъ, разбойнаго приказа писчикъ Павликъ» — начинается челобитная XVII вѣка, въ которой «писчикъ» объясняетъ, что приказано ему сидѣть въ приказѣ безотступно, получая половинное жалованье противъ другихъ подъячихъ, да сапоги, да однорядку и шапку,—но такъ какъ первые поистлѣли, а вторая износилась, отчего «въ приказъ ходить нудно: пальцы прихватываетъ и ногамъ тягота велпкая» — то и проситъ велѣть себя, сиротишку, обуть. На челобитной оказывается помѣта: «объявлено государево жалованье: дать однорядку, да сапоги, да шапка».

Иная уже резолюція на челобитной XVIII вѣка. Просителю приказано его сіятельствомъ генералъ-аншефомъ, генералъ-адъютантомъ и преображенскаго полка бригадиромъ быть въ юстицъ-коллегіи у письменныхъ дѣлъ безъ срока, а затѣмъ отъ той же коллегіи послѣдовало распоряженіе—отъ оной кол-

легіи отставить. «А мнѣ, нижайшему, при холодной атмосферѣ, жить въ резиденціи невозможно. А посему...»—пишетъ онъ, и добивается неожиданнаго распоряженія — «опредѣлить ея императорскаго величества на молочный дворъ для смотрѣнія, а кормъ оттуда же натурою». Нетрудно замѣтить тонкую разницу въ характерѣ и языкѣ этихъ ходатайствъ. Писчикъ Павликъ— при несложности правительственной машины своего времени обращается къ власти, такъ сказать, непосредственно, ссылаясь лишь на то, что «онъ, сирота, сидючи въ разбойномъ приказѣ, о твоемъ великаго государя дѣлѣ радѣлъ»... Дворцовые перевороты средины XVIII в. и развитіе служебнаго механизма сказываются во второмъ ходатайствѣ. Уже считается необходимымъ сослаться на то, что проситель опредѣленъ на службу по приказанію сильнаго человѣка и, быть-можетъ, временщика, въ родѣ Бирона — и на то, что онъ, нижайшій, служилъ «интересу» своей повелительницы. Очевидно, что между этимъ *нижайшимъ* и *сиротишкою* XVII вѣка не даромъ протекло цѣлое столѣтіе воспоминаній и наблюденій. Пришлось сдѣлаться не простымъ просителемъ, а дипломатомъ. И какъ умѣлъ Горбуновъ придать послѣдней челобитной надлежащую окраску! Какъ невольно видится за нею цѣлый періодъ исторіи, про который графъ Никита Панинъ докладывалъ Екатеринѣ II: «сей эпокъ заслуживаетъ особое примѣчаніе, въ немъ все было жертвовано настоящему времени, хотѣніямъ припадочныхъ людей и всякимъ постороннимъ малымъ приключеніямъ въ дѣлахъ», и когда не только просители—изъ «сиротъ» обращались въ «нижайшихъ», но когда даже сенаторы подписывались «всеподданнѣйшіе и природные В. И. В. рабы», а генералъ и оберъ-прокуроры называли себя, въ офиціальномъ рапортѣ 1744 года, «по присяжной всеподданнической рабской должности и вѣрности всепослѣднѣйшими рабами».

Прошеніе XIX столѣтія,—склоннаго вообще стушевывать личность предъ государственными или даже фискальными требованіями,— не потребовало много времени на прочтеніе. «Прослуживъ безпорочно тридцать лѣтъ, — пишетъ проситель: — и не имѣя возможности, при настоящей дороговизнѣ хлѣба и мяса»... «По непредставленію марокъ оставить безъ послѣдствій»,—отвѣчаетъ ему резолюція подлежащаго начальства...

XI.

Отношеніе И. Ѳ. Горбунова къ театру и сценѣ было двоякое. Онъ былъ, въ рядѣ своихъ изслѣдованій—историкомъ русскаго театра. Онъ былъ съ 1854 года артистомъ на сценѣ импера-

торскаго театра—сначала въ Москвѣ, а потомъ, съ 1855 г.—въ Петербургѣ.

Роль театра въ Россіи была съ половины XVIII вѣка очень видная. Его вліяніе на наши нравы несомнѣнно, и бывали періоды, когда онъ являлся настоящею просвѣтительною, въ широкомъ смыслѣ слова, школою для общества. Не даромъ въ воспоминаніяхъ современниковъ о сороковыхъ годахъ, когда лучшіе представители и наиболѣе яркія проявленія благородныхъ сторонъ общественнаго развитія сосредоточивались преимущественно въ Москвѣ, мысль о сценѣ Малаго театра почти неразрывно сливается съ памятью о московскомъ университетѣ—и имена Грановскаго, Иноземцева и Крылова переплетаются съ именами Мочалова и Щепкина. Нельзя, быть-можетъ, сказать, чтобы русское общество было жадно на театральныя зрѣлища, но что оно всегда было воспріимчиво къ тому, что ему даетъ сцена — это едва ли подлежитъ сомнѣнію. Такая сознательная воспріимчивость, рождающая строгую оцѣнку и критику, помогла русскому театру, несмотря на его, сравнительно съ западной Европой, недавнее существованіе, стать на надлежащую, а въ нѣкоторые годы даже и на завидную высоту. Еще при Екатеринѣ II, всего черезъ сто лѣтъ послѣ проникновенія къ царскому двору представленій въ родѣ «интерлюдій» или «малой прохладной комедіи о преизрядной добродѣтели и сердечной чистотѣ въ дѣйствѣ о Іосифѣ» — мы уже имѣемъ національную сцену съ прекрасными исполнителями и собственнымъ репертуаромъ. Неизмѣримая пропасть лежитъ между пониманіемъ публики, посѣщающей театръ во второй половинѣ XVIII вѣка, и наивнымъ взглядомъ посла московскаго царя къ флорентійскому двору—Лихачева, который писалъ въ 1658 году: «комидій было при насъ во Флоренскѣ три игры разныхъ», при чемъ его заинтересовало вовсе не содержаніе и исполненіе пьесы, а то, что «объявилися палаты — и бывъ палата, и вонзъ уйдетъ, и того было шесть перемѣнъ; да въ тѣхъ же палатахъ объявилося море, а въ морѣ рыбы, а на рыбахъ люди ѣздятъ, а вверху палаты небо, а на облакахъ сидятъ люди; и почали облака и съ людьми на нихъ опущаться, подхватя съ земли человѣка подъ руки, и опять вверхъ же пошли; да спущался съ неба на облакѣ сѣдъ человѣкъ въ коретѣ, да противъ его въ другой коретѣ прекрасная дѣвица; а аргамачки подъ коретами какъ быть живы, ногами подрягиваютъ»...

Вотъ почему исторія нашего театра достойна глубокаго и внимательнаго изученія. Это, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ значительной степени и исторія господствующихъ въ обществѣ настроеній и

вкусовъ. Но изслѣдованіе ея можетъ быть производимо съ троякой точки зрѣнія. Можно направить трудъ на систематическое изложеніе введенія и упроченія театра въ Россіи, правительственныхъ мѣръ, направленныхъ къ этому и постепеннаго развитія въ театральномъ дѣлѣ частнаго почина. Это будетъ, такъ сказать, *внѣшняя исторія театра*. Можно сосредоточить изученіе на проявленіяхъ вліянія театра на народъ и на значеніи его, какъ одного изъ факторовъ развитія общественнаго самосознанія и художественнаго пониманія, изобразивъ постепенное измѣненіе репертуара и, если можно такъ выразиться, взаимодѣйствіе сцены и зрительной залы. Это будетъ *внутренняя исторія театра*. Можно, наконецъ, обратиться къ жизни и личнымъ свойствамъ представителей сценическаго искусства, къ особенностямъ ихъ дарованія, къ ихъ способамъ исполненія — и въ рядѣ живыхъ образовъ показать, *какъ* понимались и истолковывались подлежащія сценической передачѣ произведенія искусства въ разные періоды существованія у насъ театра. Это будетъ въ сущности самая трудная, но и самая интересная *критико-біографическая исторія сцены*. Нѣтъ сомнѣнія, что полная исторія русскаго театра должна заключать въ себѣ всѣ три рода изслѣдованій. Но такой исторіи, требующей громаднаго труда, знанія и личныхъ свѣдѣній, у насъ еще нѣтъ. Есть лишь рядъ чрезвычайно почтенныхъ ученыхъ изслѣдованій Тихонравова, Морозова и др., преимущественно по внѣшней исторіи театра, — есть интересные опыты изученія внутренней исторіи его. Но критико-біографическая часть разработана сравнительно гораздо меньше. Отдѣльныя воспоминанія и записки современниковъ слишкомъ отрывочны и субъективны, историческіе матеріалы для точныхъ выводовъ еще недостаточны и не всегда строго провѣрены — и въ попытки критико-біографической исторіи театра иногда вносится, быть-можетъ, невольно, значительный элементъ фантазіи. Между тѣмъ, славныя имена русской сцены — Волковъ, Плавильщиковъ, Резанцовъ, Шушеринъ и др.—заслуживаютъ серьезныхъ біографій. Горбуновъ со строгою разборчивостью и кропотливостью археолога собиралъ точныя данныя для такихъ біографій, тщательно провѣряя ихъ достовѣрность и отметая, не безъ боли, какъ онъ самъ сознавался, разныя позднѣйшія украшенія и сочувственные вымыслы. Изъ его рукъ, въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, и преимущественно въ нашихъ историческихъ журналахъ, стали выходить фрагменты цѣльной и вѣрной біографической исторіи театра. Онъ занимался этимъ дѣломъ очень усердно, и былъ очень строгъ къ себѣ, лишь послѣ долгой провѣрки выпуская

съ свѣтъ свои статьи или читая ихъ въ «русскомъ литературномъ обществѣ». На ряду съ этимъ онъ собиралъ воспоминанія о русскихъ артистахъ, ихъ портреты, письма, старыя афиши, офиціальныя бумаги, до нихъ относившіяся, и т. п. *). Изъ этихъ предметовъ, изъ этихъ вещественныхъ воспоминаній о прошломъ составилось цѣнное собраніе, помѣщенное имъ въ фойе Александринскаго театра. Горбуновъ охотно отдавался воспоминаніямъ о прошломъ русской сцены, которую любилъ искренно и горячо желалъ видѣть всегда на неизмѣнной высотѣ. Онъ благоговѣлъ предъ именами Садовскаго и Мартынова. Садовскій разбудилъ въ немъ талантъ разсказчика. Встрѣчаясь съ Горбуновымъ въ «молодой редакціи Москвитянина», онъ имѣлъ на него громадное вліяніе. Будучи самъ превосходнымъ разсказчикомъ, владѣя въ совершенствѣ даромъ говорить вызывающія неудержимый смѣхъ вещи съ самымъ серьезнымъ лицомъ, Провъ Михайловичъ далъ своими разсказами первый толчокъ вдумчивому юмору Горбунова. Послѣдній, однако, не былъ его подражателемъ, а пошелъ своею дорогою, не переставая чтить и прославлять своего «пробудителя». У Садовскаго было, повидимому (къ величайшему сожалѣнію, разсказы его не собраны, и тѣ, кто ихъ слышалъ лично, постепенно сходятъ въ могилу), больше соли, но и больше сочиненности въ томъ, что онъ передавалъ въ дружеской бесѣдѣ. Его повѣствованія о французской революціи, о Наполеонѣ на островѣ Эльбѣ, при чемъ слово Эльба передѣлывалось болѣе, чѣмъ своеобразно, и другіе разсказы были полны захватывающаго юмора. Стоитъ припомнить описаніе острова, на которомъ заточенъ великій полководецъ: «ни воды, ни земли, — одна мгла поднебесная и союзный часовой ходитъ!» Несомнѣнно, что такъ *могъ* говорить простой русскій человѣкъ, поставленный въ исключительное положеніе разсказчика историческаго эпизода и передающій его

*) Въ «Русской Старинѣ» и «Русскомъ Архивѣ» напечатано много разнообразныхъ матеріаловъ для исторіи русскаго театра и біографическихъ данныхъ о его дѣятеляхъ, доставленныхъ и приведенныхъ въ порядокъ И. Ѳ. Горбуновымъ. Таковы, напримѣръ, — статья «Александръ Евстафьевичъ Мартыновъ», составленная изъ писемъ и документовъ, относящихся къ болѣзни, смерти и погребенію знаменитаго артиста («Р. С.» 1891 г.); — «Дневникъ инспектора репертуарной части россійской труппы съ 1829 по 1839 гг. А. И. Храповицкаго» («Р. С.» 1879 г.); письма къ И. И. Сосницкому Гоголя о постановкѣ «Ревизора» въ 1846 г. («Р. С.» 1872 г.); Асенковой, Брянскаго, Линской, Мочалова, Щепкина, Рязанцева, — друзей и сослуживцевъ («Р. С.» 1880 г.); — письма, замѣтки, эпиграммы, шутки и посланія Ленскаго («Р. С.» 1880 г.); — записка П. С. Ѳедорова о театральной цензурѣ 1859 г. («Русск. Архивъ», 1896 г.).

по-своему, но у Горбунова этотъ русскій человѣкъ, представленный въ условіяхъ своей обыденной жизни, проще и глубже. У Садовскаго — особенность языка, картинъ и выраженій; у Горбунова — не только это, но и особенность міросозерцанія и отношенія къ жизни. Русскій человѣкъ у Садовскаго намъ забавенъ, у Горбунова—намъ близокъ и понятенъ...

Когда въ очеркахъ Горбунова говорится о театрѣ, въ нихъ, напримѣръ, въ «Бѣлой залѣ», въ «Рыбной ловлѣ» и др., постоянно упоминается съ чувствомъ благодарнаго уваженія имя Садовскаго. «Ты знаешь ли, гдѣ скрывается талантъ у актера?» — спрашиваетъ новичка старый провинціальный актеръ, Хрисанфъ Николаевичъ, и отвѣчаетъ: «въ глазахъ? Посмотри когда-нибудь въ глаза Садовскому... А у Мочалова какіе глаза-то были! Я имѣлъ счастіе играть съ этимъ великимъ человѣкомъ въ Воронежѣ. Онъ игралъ Гамлета, а я — Гильденштерна. — «Сыграй мнѣ что-нибудь. — Я не умѣю, принцъ». Онъ уставилъ на меня глаза—все существо мое перевернулось. Лихорадка по всему тѣлу пробѣжала. Какъ кончилъ я сцену—не помню. Вышелъ за кулисы—меня не узнали!—«Ты хочешь играть на душѣ моей, а не можешь сыграть на простой дудкѣ!»—и губы стараго актера дрожатъ, а глаза наполняются слезами...

Садовскій и Мочаловъ не даромъ сливаются въ памяти Хрисанфа Николаевича. Самъ Садовскій разсказывалъ, что когда, послѣ многихъ мытарствъ, онъ поступилъ, наконецъ, въ 1839 г. на московскую сцену, дебютировавъ въ водевилѣ «Любовное зелье или цырюльникъ-стихотворецъ» — ему пришлось играть маленькую комическую роль послѣ представленія «Короля Лира». Занавѣсъ надъ умершимъ страдальцемъ-королемъ опустился, театръ гремѣлъ отъ рукоплесканій. Вполнѣ уже одѣтый, Садовскій встрѣтился за кулисами съ Лиромъ—Мочаловымъ, шедшимъ въ уборную, — и тотъ взглянулъ на него такъ, что Садовскій совершенно потерялся. Предъ нимъ стоялъ вовсе не Мочаловъ, а настоящій король, «король отъ головы до ногъ» и столько было мрачнаго огня, душевной муки и глубины въ его взорѣ, все еще какъ будто устремленномъ на Корделію, что у будущаго знаменитаго артиста почти подкосились ноги. Образъ Садовскаго сливался у Горбунова съ воспоминаніемъ о собственномъ его дебютѣ въ Москвѣ, въ 1854 году, который совершился подъ руководствомъ и съ благословенія Садовскаго, въ бенефисъ послѣдняго, при чемъ Горбуновъ игралъ роль молодого купца въ пьесѣ Владыкина «Образованность».

Образъ другого знаменитаго артиста, служителя и творца

жизненной правды на сценѣ, А. Е. Мартынова, дорогой и близкій Горбунову, былъ у него, по его личнымъ заявленіямъ, неразлученъ съ воспоминаніемъ о постановкѣ на петербургской сценѣ «Грозы», Островскаго, въ которой Горбуновъ игралъ свою лучшую роль—Кудряша. Горбуновъ благоговѣйно собиралъ все, что относилось къ памяти о Мартыновѣ, и часть добытыхъ имъ матеріаловъ о послѣднихъ дняхъ жизни и кончинѣ его помѣстилъ въ «Русской Старинѣ». Тѣ, кто видѣлъ этого поистинѣ великаго русскаго артиста, не забудутъ, не въ состояніи забыть его—и не передаваемые звуки голоса молодого Кабанова надъ трупомъ жены: «это вы ее убили, маменька, вы!» конечно часто звучатъ въ ихъ ушахъ при мысли о Мартыновѣ. Тяжела была судьба этого богато одареннаго человѣка... Поступивъ, благодаря совершенной случайности, въ театральное училище въ Петербургѣ, онъ былъ предназначенъ быть «первымъ танцовщикомъ», затѣмъ готовился въ декораторы и, наконецъ, былъ выпущенъ на сцену, на комическія роли. Онъ исполнялъ ихъ мастерски. Не даромъ извѣстный итальянскій пѣвецъ Лаблашъ, самъ выдающійся комикъ, на вопросъ—чему онъ смѣется, глядя на игру Мартынова на невѣдомомъ ему русскомъ языкѣ, отвѣчалъ: «по-русски я не понимаю ни слова, но я *понимаю Мартынова*». Однако комизмъ былъ не исключительною и не главною чертою таланта Мартынова. Въ смѣхѣ русскаго человѣка почти всегда есть нота затаенной скорби. «Горькимъ смѣхомъ моимъ посмѣюся»! Была эта нота и у Мартынова, и какая нота! Медленнымъ и тяжелымъ путемъ вела его судьба, заставляя смѣшить публику, смѣшить заразительно и неудержимо, въ то время, когда подъ его «видимымъ смѣхомъ» давно уже накипѣли «незримыя міру слезы». Эти слезы пробились, наконецъ, благотворною и возвышающею душу струею въ строго драматическихъ роляхъ Мартынова въ пьесѣ Чернышева: «Не въ деньгахъ счастье», и въ особенности въ «Грозѣ», Островскаго. На мѣстѣ актера, одно появленіе котораго еще недавно, въ какомъ-нибудь нелѣпомъ водевилѣ въ родѣ «Донъ Ранудо де-Калибрадосъ или что и честь, коли нечего ѣсть» (sic!), возбуждало громкій, заранѣе готовый, смѣхъ зрительной залы, внезапно выросъ человѣкъ, властно и могущественно заглядывающій въ самую глубину потрясеннаго сердца зрителей и силою своего генія дѣлающій его лучше, чище, добрѣе... Роль молодого Кабанова былъ апогеемъ славы Мартынова, она же была и его лебединой пѣснью. Въ августѣ 1860 года его не стало. Воспріимчивое общество шестидесятыхъ годовъ почувствовало свою потерю, и похороны тѣла высокаго художника

привезеннаго изъ Харькова, были первообразомъ того, что пришлось впослѣдствіи видѣть на похоронахъ Достоевскаго и отчасти Тургенева. «Гроза» была поставлена образцово во всѣхъ отношеніяхъ. Линская была удивительная Кабанова. Холодомъ вѣяло отъ нея. Снѣткова создала поэтическій и цѣльный образъ Катерины, а сцена свиданія Кудряша-Горбунова съ Варварою-Левкѣевой, проведенная имъ съ удивительною жизненною правдою и эстетическимъ чутьемъ, заставляла забывать, что находишься въ театрѣ, а не притаился самъ, теплою весеннею ночью, на нависшемъ надъ Волгою берегу, въ густой листвѣ, въ которой свиститъ и щелкаетъ настоящій соловей.

Горбуновъ дебютировалъ на петербургской сценѣ 16 ноября 1855 года, въ бенефисѣ Леонидова, въ пьесѣ Стаховича «Ночное», и вслѣдъ затѣмъ выступилъ публично разсказчикомъ сценъ изъ народнаго быта. Въ этой послѣдней роли являлся онъ преимущественно и всего охотнѣе во все время своей сценической службы. Здѣсь онъ былъ самимъ собою, не стѣсненный въ своемъ творчествѣ заранѣе данными рамками и задачею. Онъ вступилъ на сцену въ счастливую эпоху перерожденія театральнаго репертуара. Герои мелодрамъ и трагедій, которымъ приходилось, напримѣръ, предлагать злодѣю пить ядъ не только подъ «пожомъ Прокопа Ляпунова», но даже и «подъ анаѳемой святого царства» — уступили мѣсто представителямъ такъ-называемыхъ «фрачныхъ ролей» и тонкій художникъ, какъ В. В. Самойловъ, не былъ болѣе вынужденъ изображать чухонца и пѣть ломанымъ языкомъ якобы патріотическіе куплеты, въ родѣ: «лайба плылъ моя не пустъ, какъ я шелъ на Тавастгусъ»... Сцена приблизилась къ жизни и драматургія наша, подъ вліяніемъ Островскаго, Потѣхина, Чернышева и др., стала проще, выше и серьезнѣе. Въ бытовыхъ роляхъ комедій Островскаго Горбуновъ бывалъ нерѣдко очень хорошъ. Мы уже говорили о Кудряшѣ, въ лицѣ котораго онъ изобразилъ памятную и типическую фигуру. Не менѣе хорошъ былъ онъ въ Аѳонѣ («Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ») и въ Гришѣ («Воспитанница»). Но, вообще говоря, онъ былъ актеромъ посредственнымъ. Нѣкоторыя мелкія подробности въ гримировкѣ, въ одеждѣ — иногда бывали у него чрезвычайно удачны и поражали бытовою правдивостью, но въ общемъ его исполненіе въ комедіяхъ современнаго репертуара, написанныхъ на тему той или другой злобы дня, совсѣмъ не выдѣлялось надъ общимъ уровнемъ. И это оттого, что онъ самъ былъ вполнѣ самостоятельный художникъ, самъ творецъ, а не только истолкователь содержанія чужихъ произведеній. Его самобытная

и творческая натура, чуждая условныхъ и предвзятыхъ пріемовъ и способовъ, вовсе не была склонна къ простому, хотя бы и талантливому выполненію даннаго рецепта. Поэтому, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, пришедшихся ему вполнѣ по душѣ ролей, предъ зрителемъ всегда стоялъ Иванъ Федоровичъ Горбуновъ, а не представляемое имъ, выведенное авторомъ лицо. Но такъ какъ авторъ не всегда имѣлъ въ виду изобразить именно Ивана Федоровича, то видѣвшій Горбунова на сценѣ часто и не выносилъ изъ игры его какого-либо яркаго впечатлѣнія, подобнаго выносимому изъ сценъ, передаваемыхъ имъ въ качествѣ разсказчика.

Не представляя ничего выдающагося, какъ актеръ, Горбуновъ, однако, глубоко понималъ сценическое искусство и любилъ его сознательно, тревожась за его судьбу всегда, когда оно, по его мнѣнію, уклонялось отъ своего настоящаго пути... Любилъ онъ и его представителей, съ ихъ трудными шагами вначалѣ, съ ихъ тернистымъ, несмотря на успѣхи, путемъ—позже. Въ его очеркахъ есть полныя теплаго участія картины быта провинціальныхъ актеровъ. Жизнь многихъ изъ нихъ, полная лишеній, неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ, тягостныхъ отношеній съ антрепренерами, трагикомическихъ встрѣчъ съ «меценатами», разочарованій въ себѣ на ряду съ болѣзненнымъ самолюбіемъ и самообольщеніемъ, проходитъ предъ читателями этихъ очерковъ.

«Ну, Богъ тебя благословитъ,—говоритъ старый актеръ Хрисанфъ Николаевичъ молодому человѣку, начинающему свою артистическую карьеру,—можетъ, посчастливится, будешь знаменитымъ актеромъ... Да, путь нашъ узкій, милый человѣкъ, и много на немъ погибло хорошихъ людей. Мельпомена-то бываетъ безсердечна: выведетъ тебя на сцену въ плащѣ Гамлета, а сведетъ съ нея четвертымъ казакомъ въ «Скопинѣ Шуйскомъ». Старайся! Не сверпись! Вышелъ въ сцену—забудь весь міръ. Ты служишь великому искусству!»

Въ этихъ же очеркахъ встрѣчаются очевидно выстраданныя замѣчанія очевидца тѣхъ перемѣнъ во вкусахъ и настроеніи публики, которыя переживала наша сцена. Горбуновъ отмѣчаетъ, какъ лѣтописецъ, цѣлыя эпохи въ исторіи современнаго сценическаго искусства въ Россіи. Онъ описываетъ публику низшаго уровня въ смыслѣ развитія, и впечатлѣніе, произведенное на нее, когда въ половинѣ 60-хъ годовъ «съ обнаженными чреслами» показалась на сценѣ «la Belle Hélène», отчего встрепенулось и молодое поколѣніе, и старцы, «и охватила,—говоритъ Горбуновъ съ горечью—оперетка все мое любезное отечество «даже до послѣднихъ земли». Гдѣ не было

театровъ, она располагалась въ сараяхъ, строила нàспѣхъ деревянные павильоны, эстрады въ садахъ и т. п. Появились опереточные антрепренеры изъ актеровъ, изъ прожившихся помѣщиковъ, изъ артельщиковъ, былъ одинъ отставной унтеръ-офицеръ, одинъ лакей и т. п. Бросились въ ея объятія достойныя лучшей участи дѣвушки, повыскакали со школьной скамьи недоучившіеся молодые люди, актеры всѣхъ столичныхъ и провинціальныхъ театровъ были «поверстаны» въ опереточные пѣвцы»... «Даже слава и гордость русскаго театра,—продолжаетъ онъ съ негодованіемъ:—П. М. Садовскій, уступая не духу времени, а требованію начальства, долженъ былъ напялить на себя дурацкій костюмъ аркадскаго принца». Когда, такимъ образомъ, драма была вынуждена,—по выраженію Горбунова,—«посторониться», что обошлось не безъ борьбы, на помощь опереткѣ вдругъ появился *куплетъ*. «Въ одинъ прекрасный вечеръ, выскочилъ на сцену въ черномъ фракѣ,—повѣствуетъ Горбуновъ,—куплетъ и запѣлъ:

Денегъ въ Россіи нѣтъ—смѣло
Каждый готовъ произнесть.
Нѣтъ у насъ денегъ на дѣло—
На безобразіе есть!

— Браво!—закричали поврежденные нравы и задумались.

— Правда! Чудесно! — закричалъ Назаръ Ивановичъ, поглядывая на Ивана Назарыча — расчесывай, расчесывай хорошенько!» И сталъ куплетъ расчесывать поврежденные нравы. И распространился тоже по всему лицу земли русской и засѣлъ не только въ театрѣ, но и въ клубахъ, и въ трактирахъ, даже на открытомъ воздухѣ... Почтительно отошелъ въ сторону и далъ дорогу куплету веселый водевиль, много лѣтъ царившій на сценѣ»...

XII.

Нашъ бѣглый и далеко не полный очеркъ творческой дѣятельности вполнѣ народнаго художника законченъ. Остается добавить къ нему краткія свѣдѣнія и воспоминанія о личности П. Ѳ. Горбунова.

Приходится поступить вопреки обычному правилу французскихъ авторовъ, которые ставятъ впереди «l'homme», а затѣмъ изучаютъ «l'oeuvre». Быть-можетъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, гдѣ человѣкъ и его дѣло не сливаются между собою органически, или гдѣ извѣстныя части того, что онъ произвелъ, не могутъ быть достаточно ясно поняты и оцѣнены безъ знанія свойствъ его ума и характера, и особенныхъ условій его

жизни—такой пріемъ и необходимъ, облегчая задачу изслѣдователя и трудъ читателя. Но это нужно далеко не всегда. Часто въ практической дѣятельности человѣка, въ его творческой работѣ высказываются сами собою такія свойства его личности, что существенныя и достойныя сохраненія отъ забвенія черты его духовнаго образа выступаютъ сами собою, свободныя притомъ отъ излишнихъ подробностей. Развѣ въ борьбѣ Ровинскаго съ дореформенными судебными порядками, въ его работѣ по созиданію судебныхъ уставовъ и въ его изслѣдованіяхъ въ области русскаго искусства не чувствуется его нравственный и художественный обликъ? Развѣ д-ръ Гаазъ, вопіющій въ тюремномъ комитетѣ, провожающій далеко за Москву идущія по этапу партіи арестантовъ и грозящій губернатору «ангеломъ Господнимъ», который ведетъ «свой статейный списокъ», не виденъ въ этомъ со всею своею глубоко-любящею и гнѣвною за людей душою? Такъ и Горбуновъ смотритъ изъ совокупности того, что онъ писалъ и разсказывалъ, всею своею личностью. Для внимательно перечитавшаго его разбросанныя сцены, припомнившаго его разсказы и вдумавшагося во все это, должно становится яснымъ, что и какъ чувствовалъ и думалъ Горбуновъ, т. е. раскрываться душевный складъ, составляющій главное въ личности человѣка.

Поэтому мы ограничимся немногими дальнѣйшими свѣдѣніями о Горбуновѣ. Онъ родился въ 1831 году, въ семьѣ служившаго при копнинской фабрикѣ (московской губерніи и уѣзда) двороваго человѣка помѣщицы Баташевой, Ѳедора Тимоѳеевича Горбунова. Къ отцу и къ матери сохранялъ онъ всю жизнь нѣжное уваженіе. Очень не любя переписки вообще, онъ сообщалъ имъ, однако, подробно о всѣхъ своихъ шагахъ въ Петербургѣ, въ началѣ своей артистической карьеры. Въ трудныя минуты онъ просилъ мать помолиться за него и высказывалъ увѣренность, что благодаря этому все кончится прекрасно. «Материнская молитва, — говоритъ онъ въ письмѣ отъ 22-го апрѣля 1855 г.— со дна моря вынимаетъ», и подписывается «покорнымъ сыномъ и преданнымъ другомъ». Религіозное чувство не покидало его никогда. Оно сильно привлекало его и къ проявленіямъ своего внѣшняго выраженія. Онъ зналъ «писаніе» и многія части нашего богослуженія наизусть,—любилъ читать памятники церковной письменности и въ предсмертные свои дни съ видимымъ удовольствіемъ слушалъ чтеніе «Цвѣтной Тріоди». Онъ не только любилъ простой русскій народъ, но онъ имѣлъ радость сливаться съ нимъ въ одномъ чувствѣ безыскусственной и нелицемѣрной вѣры. Учился и воспитывался онъ въ Москвѣ, въ

училищѣ, учрежденномъ при Набилковской богадѣльнѣ, основаніе которой описалъ впослѣдствіи въ разсказѣ о холерномъ бунтѣ въ Замоскворѣчьѣ. Затѣмъ онъ былъ ученикомъ второй и третьей московскихъ гимназій.

Время его ученья не оставило въ немъ хорошихъ воспоминаній. «Бываютъ минуты,—говоритъ онъ въ письмахъ другу въ іюлѣ 1855 г.—когда я вспомню «лѣта моей юности, лѣта невозвратно минувшаго счастья»,—вспомню о своихъ бездарныхъ и тупоголовыхъ учителяхъ и вѣчно нетрезвыхъ надзирателяхъ; вспомню своего чадолюбиваго инспектора, который, для болѣе вящшаго поощренія насъ въ наукахъ, хотѣлъ замѣнить розги какимъ-либо болѣе чувствительнымъ инструментомъ,—вспомню и покойнаго директора, который заставлялъ насъ насильно читать въ свободное время Макробіотику Гуфеланда».

Онъ вышелъ изъ шестого класса и былъ, слѣдовательно, въ смыслѣ формальнаго багажа знаній, *недоучкою*. Но недоучка этотъ проникалъ на лекціи въ университетъ, водился со студентами и, несмотря на свою крайнюю бѣдность и необходимость бѣгать по урокамъ въ Замоскворѣчьи, учился живому знанію родной исторіи и родного слова самостоятельно, упорно и плодотворно, удивляя впослѣдствіи разнообразіемъ своихъ свѣдѣній. Свѣжее и тонкое критическое чувство помогало ему разобраться во всей массѣ жадно прочитываемаго, а огромная память прочно забирала въ себя все недостойное забвенія. Такъ выработался изъ него человѣкъ съ достаточнымъ общимъ образованіемъ и спеціалистъ въ области русской словесности, имѣвшій опредѣленные и серьезно обоснованные литературные вкусы и взгляды.

Отсутствіе у него опредѣленнаго общественнаго положенія заставляло, однако, окружающихъ долго смотрѣть на молодого Горбунова «свысока», и ему жилось тяжко. «Помните,—пишетъ онъ въ 1856 г. въ Москву своей знакомой С. И. П., объясняя, почему считаетъ ее своимъ искреннимъ другомъ,—помните, когда меня отнесли къ числу людей *никуда негодныхъ*, когда я, не видя никакого исхода, прозябалъ въ Сыромятникахъ? Вы одни протягивали мнѣ руку и говорили со мною *по душѣ*».

Знакомство въ началѣ пятидесятыхъ годовъ «съ молодою редакціею «Москвитянина»—и, слѣдовательно, съ Островскимъ, Садовскимъ, Писемскимъ, Аполлономъ Григорьевымъ, Алмазовымъ, Эдельсономъ, Т. И. Филипповымъ и А. А. Потѣхинымъ—имѣло большое вліяніе на развитіе Горбунова. Кружокъ молодой редакціи распозналъ въ скромномъ разсказчикѣ «Утра квартальнаго надзирателя» и сценъ изъ быта фабричныхъ—настоя-

щаго художника и, по выраженію Т. И. Филиппова, «усвоилъ себѣ» Горбунова. Поощряемый новыми знакомыми, послѣдній сталъ вдумчивѣе и серьезнѣе относиться къ своимъ разсказамъ и записывать ихъ. Такъ приготовилъ онъ для печати свою сцену «Просто—случай», напечатанную въ 1855 году въ сентябрьской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ». Въ это же время онъ сталъ «грѣшить», какъ самъ выражался, стихами. Одинъ его романсъ былъ положенъ на музыку извѣстнымъ Дюбюкомъ. Въ письмѣ къ С. И. И., отъ 18-го февраля 1855 г., онъ приводитъ свои стихи для пѣнія, «Гитара», посвященные ей. Вотъ ихъ начало:

«Говори хоть ты со мной,
Душка семиструнная!
Грудь моя полна тоской...
Ночь такая лунная...
Видишь — я въ ночной тиши
Плачу, мучусь, сѣтую!
Ты допой же, доскажи
Пѣсню недопѣтую!»

Въ началѣ 1855 года Тургеневъ, имѣвшій случай слышать въ Москвѣ разсказы Горбунова, и Писемскій, жившій въ это время въ Петербургѣ, стали усиленно звать Горбунова въ Петербургъ. Весною того же года онъ, не безъ большой тревоги о томъ, какъ устроится его жизнь, пріѣхалъ на ихъ зовъ и сталъ появляться въ обществѣ, какъ разсказчикъ сценъ изъ народнаго быта. Новизна у насъ того рода искусства, представителемъ котораго былъ Горбуновъ, и отсутствіе въ петербургскомъ обществѣ первой половины пятидесятыхъ годовъ настоящаго и живого интереса къ бытовой жизни народа, быть-можетъ, могли бы долго не давать его таланту возможности проявляться въ истинномъ свѣтѣ и продолжать развиваться далѣе. Городъ, въ которомъ, по выраженію одного нѣмецкаго писателя, «улицы постоянно мокры, а сердца постоянно сухи», могъ запугать и лишить энергіи молодого артиста въ новомъ, мало знакомомъ дотолѣ родѣ творчества. Трудно было ожидать и серьезной оцѣнки, и поддержки со стороны петербургской *эстетической* критики первой половины пятидесятыхъ годовъ, размѣнявшейся, по смерти Бѣлинскаго, на мелкую истертую монету общихъ мѣстъ и близорукихъ сужденій. Чернышевскій и Добролюбовъ еще не выступали на серьезное критическое поприще, а Валеріанъ Майковъ умеръ еще въ 1847 году. Трудно было ждать народному художнику правильной оцѣнки и со стороны эстетическаго критика, помѣщавшаго свои статьи подъ названіемъ «писемъ иногороднаго подписчика» и находившаго,

что «Дневникъ лишняго человѣка» Тургенева принадлежитъ къ числу повѣстей, которыя «никогда не дочитываются до конца»... Самъ Горбуновъ вынесъ изъ ближайшихъ встрѣчъ съ нѣкоторыми представителями тогдашней печати не особенно выгоднос о нихъ мнѣніе. «Съ петербургской литературой,—пишетъ онъ отцу своему—я познакомился: купцы, а не литераторы!» Не всѣ, однако, были *купцы* и среди нихъ свѣтился кроткимъ и согрѣвающимъ огонькомъ высокоразвитой князь Владиміръ Ѳедоровичъ Одоевскій. Его познакомили съ Горбуновымъ, пріютившимся въ это время у драматическаго актера старой школы и прекраснаго, по общимъ отзывамъ, человѣка—Леонидова, въ старинномъ петербургскомъ домѣ Жако-Шамо, у Чернышева моста. Одоевскій, глубокій знатокъ искусства, оцѣнилъ талантъ молодого разсказчика и значеніе его сценъ изъ народнаго быта. Приглашенный на знаменитыя субботы Одоевскаго, при чемъ хозяинъ умѣлъ съ любовью и свойственной ему тихою восторженностью дать ему случай проявить свое дарованіе какъ слѣдуетъ, Горбуновъ завоевалъ себѣ симпатіи слушателей и, благодаря этому, предъ вступленіемъ на петербургскую сцену уже пользовался извѣстностью и нѣкоторою поддержкою въ обществѣ. Это придало ему, какъ видно изъ его писемъ того времени, бодрости и энергіи. Но Одоевскій пошелъ дальше. Онъ представилъ Горбунова одной изъ замѣчательнѣйшихъ женщинъ, посланныхъ судьбою Россіи—великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ. Чуткая душой, богато одаренная и глубоко образованная, сильная волей и умомъ, игравшая большую роль въ начинаніяхъ преобразовательнаго царствованія, великая княгиня любила отыскивать, приближать къ себѣ и поддерживать талантливыхъ людей во всѣхъ областяхъ знанія и дѣятельности. Одоевскій зналъ, что она оцѣнитъ дарованіе Горбунова и что ея проницательному пониманію не будутъ чужды сцены изъ быта того народа, которому—мыслью и словомъ—она служила такъ, какъ служатъ своему родному. Онъ не ошибся, и Горбуновъ нашелъ въ Еленѣ Павловнѣ не только усердную слушательницу своихъ разсказовъ, но и покровительницу, предстательство которой открыло ему врата петербургской казенной сцены,—что, въ свою очередь, помогло ему упрочиться въ Петербургѣ.

Въ этомъ Петербургѣ провелъ онъ затѣмъ сорокъ лѣтъ, сдѣлавшись однимъ изъ популярнѣйшихъ въ немъ людей. Но ни его извѣстность, ни общепризнанность его таланта, ни связи и отношенія съ самыми разнообразными общественными сферами не имѣли вліянія на его душевный складъ и на отношенія его къ людямъ. Онъ неизмѣнно оставался человѣкомъ простымъ и

скромнымъ, добрымъ и неразсчетливымъ. Его жизнь вовсе не была свободна отъ терній. Онъ извѣдалъ на своемъ вѣку и клевету, и зависть, — постоянно долженъ былъ заботиться о заработкѣ, — зналъ горечь безусловной подчиненности и, подобно Садовскому, вынужденъ былъ играть Меркурія въ «Орфеѣ въ аду». Его разсказы очень часто, если можно такъ выразиться, расхищались и обезцвѣчивались неумѣлымъ исполненіемъ и произвольными, иногда пошлыми, вставками. Подъ его именемъ издавались сборники фальсификацій, въ которыхъ, употребляя выраженіе Тургенева, знаніе народнаго быта «и не ночевало».

«Иванъ Федоровичъ», иначе «Ванюша Горбуновъ» — былъ желаннымъ гостемъ повсюду. «На него» приглашали, его пребываніемъ у себя хвастались, встрѣчу съ нимъ въ гостяхъ, въ собраніи, въ дорогѣ—считали счастливымъ и завиднымъ случаемъ. И это потому, что ему всегда было радостно доставить кому-либо удовольствіе. Отсюда вытекала широкая готовность служить своимъ талантомъ, и служить щедро, безъ всякихъ ломаній и необходимости упрашиванія. Когда онъ появлялся среди гостей, преимущественно за трапезою, всѣ уже были увѣрены, что само-собою сдѣлается то, что вдругъ среди собесѣдниковъ окажется *генералъ Дитятинъ,* или Иванъ Федоровичъ, улыбнувшись нерѣшительно и обведя всѣхъ глазами, начнетъ какой-нибудь изъ своихъ безподобныхъ разсказовъ. Онъ бывалъ не въ силахъ отвѣчать на общія ожиданія молчаніемъ, въ спокойной увѣренности, что его имя и извѣстность уже «сдѣланы». Его простой и ласковой душѣ претило разсчетливо и постепенно снисходить на просьбы. Какъ электрическая банка, онъ былъ всегда заряженъ живыми образами и давалъ блестящую искру при первомъ прикосновеніи. Но бывали случаи, когда онъ долженъ былъ страдать глубоко. Проснувшійся въ немъ, иногда не взирая на обстановку, глубокій артистъ и художникъ болѣлъ душою отъ окружающаго непониманія. Очень часто гостепріимные и любезные собесѣдники, въ отдѣланной «въ стилѣ» столовой, или въ изящномъ салонѣ, восхищались лишь тѣмъ, *какъ* онъ разсказывалъ, не проникая въ то, *что* онъ разсказывалъ, или, уловивъ одну внѣшнюю сторону, ложно истолковывали смыслъ и значеніе слышанной сцены. Годами установившіяся отношенія, нежеланіе «огорчить», добродушіе и терпимость, переходившія въ значительной мѣрѣ въ слабость характера, дѣлали то, что у Горбунова не хватало силы ограничить кругъ своихъ слушателей лишь тѣми, кто его дѣйствительно понималъ, и понималъ притомъ правильно. Съ другой стороны, его художественная

натура пріобрѣла потребность высказываться, дѣлиться своимъ богатствомъ и, мечтая о *пониманіи*, часто довольствоваться однимъ лишь общимъ *вниманіемъ* окружающихъ. Французская поговорка: «qui a bu—boira» примѣнима не къ однимъ любителямъ хмеля. Для артиста, для художника становится необходимымъ то, что̀ итальянцы выражаютъ словомъ «ambiente», которое обозначаетъ одновременно и привычную среду, и условія, и обстановку. Нуждался въ этомъ «ambiente», хотя бы и неполномъ и неудовлетворяющемъ его самолюбіе художника, и Горбуновъ. Этимъ злоупотребляли часто, и такъ какъ по чрезвычайной своей скромности онъ не умѣлъ «импонировать» и дать, гдѣ нужно, почувствовать свою цѣну, то въ нѣкоторыхъ кружкахъ, преимущественно въ такъ-называемомъ «свѣтѣ», сложился тотъ взглядъ на него, о которомъ мы говорили въ началѣ нашего очерка.

«Забавникъ» всегда разсказывалъ прекрасно, но когда среди смѣха и рукоплесканій, въ концѣ обѣда или ужина, приведенные въ веселое настроеніе гости забрасывали генерала Дитятина нелѣпыми вопросами, или приставали къ Ивану Федоровичу съ просьбами о такихъ разсказахъ, въ которыхъ игривая форма преобладала надъ содержаніемъ, или самое содержаніе было нецензурно, его глаза смотрѣли грустно и на губахъ появлялась мимолетная горькая складка. Быть-можетъ, въ шумномъ одобреніи окружающихъ ему слышалось въ эти минуты безжалостное «смѣйся, паяцъ!» итальянскаго композитора... Намъ передавали, что разъ, послѣ одного изъ такихъ ужиновъ, гдѣ разсказанныя по настойчивой просьбѣ присутствующихъ сцены особаго рода, построенныя на воспоминаніяхъ молодого «кипѣнья крови и силъ избытка», были приняты гораздо болѣе восторженно, чѣмъ глубокія сцены изъ народнаго быта,—Горбуновъ, возвращаясь поздно ночью на извозчикѣ, сталъ съ горечью говорить своему молодому спутнику о замѣченномъ имъ оттѣнкѣ въ одобреніяхъ. Въ его голосѣ слышалась скорбь обиды за себя и за искусство, и вдругъ, круто перемѣнивъ тему разговора, взволнованный и разгоряченный, онъ съ умиленіемъ сталъ говорить о русской литературѣ и ея лучшихъ представителяхъ, и о томъ, что «*они* не умрутъ». Извѣстенъ, впрочемъ, случай, гдѣ не зная, какъ отдѣлаться отъ назойливыхъ приглашеній свѣтской дамы, желавшей непремѣнно «видѣть своимъ гостемъ Ивана Федоровича», онъ пріѣхалъ, былъ чрезвычайно «корректенъ» въ своемъ бѣломъ галстукѣ и фракѣ и, проскучавъ ужасно весь вечеръ, уѣхалъ, не разсказавъ ничего...

Если свѣтскій и бюрократическій Петербургъ не щадилъ под-

часть души художника, то хлѣбосольная Москва, гдѣ онъ всегда бывалъ желаннымъ гостемъ, не щадила и его здоровья, выражая свою симпатію къ нему непрерывными пирами и неотступными угощеніями, вредно вліявшими на него и, въ виду его слабаго характера, создававшими поводы къ преувеличенному представленію о его привычкахъ и наклонностяхъ. Но Москву любилъ онъ нѣжно, и въ ней ему дышалось легче, чѣмъ въ Петербургѣ. Всѣ лучшія воспоминанія молодости и первыхъ опытовъ творчества влекли его къ ней. Каждый годъ онъ непремѣнно бывалъ въ Москвѣ великимъ постомъ и оставался до Ѳоминой недѣли. Когда наступала пасхальная заутреня и надъ чутко затихшимъ городомъ, съ ярко освѣщенными, безчисленными церквами, раздавались первые могучіе удары колокола Ивана Великаго, когда торжественно настроенная толпа на Кремлевской площади зажигала свѣчи, а въ дверяхъ старинныхъ соборовъ показывались хоругви крестныхъ ходовъ,—Горбуновъ уже былъ тутъ, внимательно вглядывающійся и вслушивающійся во всѣ проявленія народнаго настроенія на великомъ праздникѣ. Его плѣнялъ московскій говоръ, московская старина. «Здѣсь вѣдь каждый камень говоритъ»,—пояснялъ онъ. Онъ зналъ исторію московскихъ улицъ и урочищъ, изучилъ своеобразные обычаи Замоскворѣчья старыхъ лѣтъ, повѣрья и привычки московскаго простонародья. Ему были знакомы московскія «заведенія» со всѣми особенностями не только ихъ кухни, но и ихъ привычныхъ посѣтителей. Онъ изучилъ на практикѣ, что̀ такое «воронины блины»,—сошедшіе нынѣ со сцены «пироги подъ скрипкою» на Тверской и—знаменитая когда-то, незамѣнимая столовая въ «Сундучномъ ряду». Коренной москвичъ просыпался въ немъ, снисходительный къ недостаткамъ Бѣлокаменной, цѣнитель ея скрытыхъ достоинствъ, ревнивый поклонникъ ея старины, восторженный почитатель незабвеннаго прошлаго московскаго театра и московскаго университета, предъ которымъ этотъ «недоучка» преклонялся. Недаромъ, познакомясь въ Петербургѣ съ молодымъ студентомъ и полюбивъ его, Горбуновъ принесъ ему въ подарокъ портретъ Грановскаго и горячо просилъ беречь его. Новое, выхваченное изъ нѣдръ Москвы, выраженіе или просто отдѣльное словечко внушали ему, бывало, дѣтскую радость. Однажды, попавъ случайно, при посѣщеніи пріѣзжаго пріятеля, въ незнакомое московское семейство, онъ, обреченный судьбою слышать обыкновенно правильную, но безцвѣтную русскую рѣчь петербургскихъ образованныхъ дамъ и дѣвицъ, былъ такъ восхищенъ оригинальными, живыми оборотами разговора молодой москвички, выросшей среди традицій стараго москов-

скаго дома, что остался, разговорившись съ нею и прислушиваясь къ ея умной, чисто-русской, колоритной и образной рѣчи, цѣлый вечеръ, далеко за полночь, заставивъ напрасно поджидать себя въ другихъ мѣстахъ. «Вѣдь какъ она меня за сердце застегнула! какъ застегнула!»—говорилъ онъ на другой день пріятелю, восхищаясь языкомъ своей мимолетной знакомой.

Нѣжный, заботливый семьянинъ, нетребовательный къ жизни, умѣвшій понимать чужое горе, расточительно щедрый, когда у него были деньги, Горбуновъ былъ чуждъ эгоистической замкнутости или унылаго настроенія духа. Онъ слишкомъ любилъ для этого людей вообще. Въ личныхъ отношеніяхъ онъ былъ всегда готовъ на услугу, постоянно привѣтливъ и весело шутливъ. Не любя оставаться безъ занятія, онъ въ засѣданіяхъ ученыхъ обществъ или серьезныхъ собраніяхъ, прислушиваясь къ происходящему, излагалъ свои, подчасъ скептическіе выводы въ письменныхъ подражаніяхъ (иногда на старинномъ языкѣ), неожиданныхъ стихотворныхъ пародіяхъ, или въ другихъ шуткахъ... «Же доръ, тю доръ, иль доръ и т. д.»,—написалъ онъ однажды на клочкѣ бумаги, отвѣчая на вопросительный взглядъ сосѣда въ концѣ чтенія ученаго изслѣдованія, которое не отличалось ни ясностью, ни живостью. «Сидящоу же честнѣму сѵноду и сладцѣ дремлюще внимающе гласоу ярости исходящоу изъ оустъ и т. д.»,—изобразилъ онъ полууставомъ, съ украшенной завитками первой буквою, сидя въ одномъ изъ ученыхъ сборищъ. Какъ истинный русскій человѣкъ, онъ любилъ шутить и надъ самимъ собою и разсказывать разныя недоразумѣнія, случавшіяся съ нимъ, конечно, вслѣдствіе необыкновенной простоты, съ которою онъ себя держалъ. Не разъ вспоминалъ онъ, какъ однажды, на охотѣ съ Некрасовымъ и его друзьями, они расположились закусывать; онъ пошелъ открывать консервы, и когда проголодавшійся и нетерпѣливый Некрасовъ крикнулъ ему: «ну, Ванюша, поскорѣе!», то одинъ изъ загонщиковъ, видя это простое русское лицо, подбѣжалъ къ нему и тономъ приказанія сказалъ: «слышь, Ванька,—поживѣе, вишь господа требуютъ!» Разсказывая о первыхъ своихъ артистическихъ шагахъ въ Москвѣ, онъ передавалъ, съ необыкновенной образностью и живостью, свое первое свиданіе съ всевластнымъ въ Москвѣ графомъ Закревскимъ, который зачѣмъ-то его потребовалъ. Молодого человѣка провели во «внутреннія покои» генералъ-губернаторскаго дома, гдѣ камердинеръ, чистившій въ уборной комнатѣ, черезъ которую пришлось проходить, графскіе рейтузы, посмотрѣлъ на него съ внушительнымъ презрѣніемъ. Закревскій обошелся съ нимъ привѣтливо, проводилъ его до дверей кабинета

и, въ знакъ особой ласки, приложилъ свою гладко-выбритую щеку къ его щекѣ, произведя на воздухъ звукъ поцѣлуя. Камердинеръ это видѣлъ и, когда юноша Горбуновъ проходилъ мимо, подскочилъ къ нему, захлебываясь отъ умиленія, произнесъ: «графъ васъ полюбили!!»—и чмокнулъ его въ плечо.

Живой юморъ не покидалъ Горбунова и тогда, когда онъ повѣствовалъ о своихъ невзгодахъ. Описывая, напримѣръ, свою артистическую круговую поѣздку съ извѣстнымъ пѣвцомъ М., онъ помѣщаетъ, въ качествѣ эпиграфа къ письму, выписки изъ краткихъ описаній Воронежа по географіямъ Гейма, Арсеньева, Ободовскаго и др., и отрывки якобы изъ частныхъ писемъ—гимназиста и актера: «мамаша, если вы, не возьмете меня изъ воронежской гимназіи—я удавлюсь!..» и—«сборовъ никакихъ! На «Птички пѣвчія» было 18 рублей. Я такого подлаго города еще и не видывалъ...» «То-есть я вамъ доложу!—пишетъ Горбуновъ далѣе извѣстной петербургской артисткѣ—такъ намаяться, какъ мы съ М. намаялись,—не дай Богъ никому! Прислушайте, голубка... Въ оба эти спектакля термометръ показывалъ 4°. Выходя на сцену, я физически находился въ такомъ же положеніи, въ какомъ каждогодно на масляницѣ пребываютъ балконные комики. Въ Казани, 22 мая, Господь Богъ послалъ снѣжку съ сѣвернымъ вѣтеркомъ и чуть-чуть не заставилъ насъ отказать концертъ. Мы поспѣшили въ Саратовъ, думая тамъ укрѣпиться. Погода благопріятствовала: было жарко, даже душно. По выходѣ въ свѣтъ нашей афиши, народъ тронулся за билетами. *Баба* шла на М-ова, а *дворянство* и *купечество* на Горбунова... Нужно вамъ сказать, что концертъ нашъ давался на Волгѣ, въ лѣтнемъ помѣщеніи дворянскаго собранія. Начала собираться публика, начали собираться и тучи. «Я помню чудесное мгновенье...»—началъ нѣжно М..., а на Волгѣ заоралъ американскій пароходъ... «Передо мной явилась ты...», а подъ окошкомъ завизжала собака... «Проходимъ мы это съ приказчикомъ съ Иваномъ Ѳедоровымъ...—началъ Горбуновъ:—грянулъ ливень, засвистали пароходы, забѣгали по террасѣ гуляющіе. Такъ вся наша обѣдня... Пріѣхали въ Тамбовъ—тамъ лошадиная ярмарка и лошадиные вкусы. У всякаго въ рукахъ кнутовище, говорятъ только о лошадяхъ и посѣщаютъ только циркъ. Что намъ здѣсь Богъ пошлетъ,—ужъ и не знаю...»

Въ интереснѣйшихъ личныхъ воспоминаніяхъ о былыхъ литературныхъ и сценическихъ дѣятеляхъ, и въ особенности въ воспоминаніяхъ о Писемскомъ, Горбуновъ былъ неистощимъ. Оригинальная, чрезвычайно талантливая, «складно скроенная, но плотно сшитая» личность извѣстнаго писателя, какъ живая

вставала предъ слушателями и въ обстановкѣ частной жизни, и на литературныхъ чтеніяхъ, и въ визитахъ исключительнаго свойства. Въ послѣднемъ отношеніи воспоминанія Горбунова о поѣздкѣ съ Писемскимъ, отличавшимся чрезвычайною трусостью, на корабль генералъ-адмирала, лѣтомъ 1855 года, въ виду непріятельской эскадры, стоявшей передъ Кронштадтомъ, имѣли глубоко-комическій, несмотря на свою правдивость, характеръ. Около этого же времени Писемскій, писавшій тогда такую замѣчательную вещь, какъ «Тысяча душъ», угрюмо сказалъ Горбунову о начинающемъ «великомъ писателѣ земли русской» по поводу «Севастопольскихъ разсказовъ», отрывки изъ которыхъ онъ только-что прослушалъ:—«этотъ офицеришко всѣхъ насъ заклюетъ! хоть бросай перо»...

До конца жизни любилъ Горбуновъ молодежь. Онъ возлагалъ на нее большія надежды, не смущаясь временными и преходящими явленіями. Ему доставляло удовольствіе приходить бесѣдовать съ молодыми людьми, знакомить ихъ съ русскою жизнью, съ ея реальными условіями, чаяніями и невзгодами, и рисовать предъ ними поучительныя картины прошлаго. «Насъ, батюшка,— говаривалъ онъ: — чаще спрашивайте, все разскажемъ, ничего не утаимъ»...

Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ здоровье Горбунова сильно и замѣтно пошатнулось. Его чаще стали видѣть задумчивымъ и иногда даже раздражительнымъ. Упорный діабетъ подтачивалъ его крѣпкій и выносливый организмъ. Онъ сталъ разсѣяннымъ и, упорно отрицая свою болѣзнь, какъ будто внутренно «махнулъ рукою» на будущее, не желая серьезно лѣчиться. Но одинъ разъ въ году, 14 сентября, празднуя день своихъ именинъ и собирая къ себѣ—по давно заведенному обычаю—на кулебяку друзей и добрыхъ знакомыхъ, онъ оживлялся по-старому, разсылая свои приглашенія на старинномъ языкѣ разныхъ эпохъ и поднося гостямъ остроумное меню строго обдуманной трапезы. «Худородный рабъ твоего благородія, зовомый Иванецъ, Ѳедоровъ сынъ, Тимоѳеевича,—пишетъ онъ въ одномъ изъ такихъ приглашеній:—много челомъ бьетъ и извѣствуетъ, что онъ, Иванецъ, въ Воздвиженье честнаго и животворящаго креста Господня прилучился быть имянинникъ. И тебѣ бы, государю, меня, Иванца, пожаловать—моего хлѣба соли прикушать и впредь меня, Иванца, въ своей милости держать до скончанія моего живота, а я тебѣ, государю, рабъ и служебникъ съ женишкою своею и съ дѣтишками. А будутъ къ ѣствѣ сослужебникъ твоего благородія, да царскія казны оберегатель (да не имутъ царское)... А ѣства будетъ московская

и иныхъ городовъ, и съ Дону, и отъ рѣки великія». —«Высокородный господинъ,- пишется въ другомъ приглашеніи:—случился я, нижайшій, 14 сентября, въ часъ пополудни, имянинникъ и соберутся ко мнѣ, нижайшему, нѣкоторые гости, и будетъ трактаментъ пирогомъ съ грибами и разною конфетюрою и Вашему Высокородству, меня, худороднаго и худоумнаго, пожаловать не презрить моей хлѣбъ-соли, а я нижайшій и т. д.». На изящномъ меню, нарисованномъ покойнымъ Богдановымъ къ 14 сентября 1891 года, значились, между прочимъ: ветчина московская, городская—*жамбонъ*,—марсала *на манеръ настоящей*, телятина—*лево*,—лафитъ *сертуховской*, высокій, *тревье* и т. д.

Съ утра въ радостномъ и приподнятомъ настроеніи, съ довольною улыбкой на устахъ, цѣлуясь троекратно со своими посѣтителями, Горбуновъ сердечно наслаждался тѣмъ, что у него собрались люди, которыхъ онъ любилъ и въ искренность которыхъ онъ вѣрилъ, а быть-можетъ, и тѣмъ, что, тоже любя и цѣня его, никто изъ нихъ не смотритъ на него съ нетерпѣливымъ любопытствомъ и не ждетъ отъ него какого-нибудь, якобы увеселительнаго, разсказа...

Въ 1894 году онъ отпраздновалъ этотъ день въ послѣдній разъ. Здоровье окончательно подломилось весною 1895 г., а къ зимѣ на организмъ, уже подточенный разрушительнымъ недугомъ, налетѣло воспаленіе легкихъ, и 24 декабря Ивана Ѳедоровича не стало. Онъ встрѣтилъ смерть спокойно и съ вѣрою— и скончался безъ особыхъ страданій. Русское общество лишилось рѣдкаго художника, въ трудѣ котораго сочувствіе къ народу и знаніе народа переплеталось неразрывно. Тѣ, кто лично узналъ его и умѣлъ его понимать, потеряли еще больше. Они могли по мѣсяцамъ и болѣе не видѣть Горбунова, но имъ было отрадно сознавать, что онъ *есть*, что существуетъ еще среди нихъ этотъ милый и живой изобразитель народнаго юмора и представитель, въ своеобразной формѣ, раздумья надъ русскою жизнью. Теперь это сознаніе исчезло... Но память о Горбуновѣ живетъ въ душѣ его знавшихъ. Ей не слѣдуетъ изгладиться и на страницахъ исторіи русскаго искусства и литературы.

Если намъ удалось немного оживить эту память и хотя бы самыми слабыми и несовершенными штрихами дать выглянуть изъ-подъ коры поверхностныхъ сужденій и предвзятыхъ взглядовъ образу *настоящаго* Горбунова—наша цѣль достигнута.

А. Ѳ. Кони.

1898 г.

Памяти И. Ѳ. Горбунова.

(28 декабря 1895 г.).

Скорбная вѣсть о кончинѣ И. Ѳ. Горбунова пронесется по всей Россіи до отдаленнѣйшихъ ея концовъ, и вызоветъ всюду искреннюю печаль объ утратѣ высокаго художника родного слова и неподражаемаго живописца быта и нравовъ всѣхъ слоевъ русскаго народа. Не будетъ, безъ сомнѣнія, недостатка въ сочувственныхъ отзывахъ какъ о его общественной дѣятельности, такъ и о рѣдкихъ свойствахъ его души, чему начало уже положено въ петербургскихъ современныхъ изданіяхъ; какъ дань общей заслуженной признательности, принесутся ему согласныя и достойныя его заслугъ хвалы; могутъ быть изысканы, предложены и приняты различныя мѣры къ увѣковѣченію его памяти. На этомъ можно было бы, пожалуй, мнѣ и успокоиться и незамѣтно присоединиться къ многочисленному хору сочувственныхъ голосовъ.

Но мои особенныя отношенія къ почившему не дозволяютъ мнѣ молча проводить его въ могилу и повелительно требуютъ слова. Какъ свидѣтель всего пройденнаго имъ пути, какъ послѣдній за его смертью членъ того литературнаго кружка «молодого Москвитянина», въ которомъ онъ получилъ свое художественное воспитаніе, я погрѣшилъ бы и противъ его братской ко мнѣ дружбы, и противъ его близкихъ, и почитателей, если бы въ минуту земной съ нимъ разлуки остался безмолвнымъ и не послалъ бы ему прощальнаго привѣта.

Мы познакомились съ И. Ѳ. въ 1853 году, въ Москвѣ у А. Н. Островскаго, который жилъ тогда у Николы въ Воробинѣ; его простота, любезный открытый нравъ, замѣчательная скромность съ перваго раза привлекли меня къ новому знакомому, а выслушанный мною разсказъ «Утро квартальнаго надзирателя» далъ мнѣ понять, что я впжу предъ собою истиннаго художника, брильянтъ чистой воды.

Съ той поры И. Ѳ. усвоенъ былъ кружкомъ «молодого Москвитянина» и, по распаденіи кружка, оставался со всѣми бывшими членами въ неизмѣнныхъ дружескихъ отношеніяхъ.

А. Н. Островскій и П. М. Садовскій въ той области искусства, въ которой собирался дѣйствовать П. Ѳ., были два гиганта недосягаемой высоты и несоизмѣримой силы: ихъ постоянному наблюденію и вліянію П. Ѳ. былъ обязанъ тѣмъ тонкимъ чувствомъ мѣры, которымъ отличаются его разсказы, и полной свободой отъ того, что французы зовутъ charge и что обыкновенно соблазняетъ начинающихъ художниковъ легкостію дешеваго успѣха. Разумѣется, ничье вниманіе не оградило бы П. Ѳ. отъ этого слишкомъ распространеннаго порока, если бы въ собственной природѣ его дарованія не было залоговъ строгой художественной трезвости. Но едва ли можно поручиться, что онъ хотя бы на время не впалъ бы въ этотъ грѣхъ, если бы, вмѣсто Островскаго и Садовскаго, онъ на первыхъ порахъ своей дѣятельности попалъ подъ руководство, напримѣръ, Самойлова. Общеніе и съ другими членами «молодого Москвитянина» не осталось безъ пользы для развитія въ П. Ѳ. литературнаго вкуса и силы его природнаго юмора: Е. Н. Эдельсонъ и Б. Н. Алмазовъ должны быть упомянуты здѣсь на первомъ мѣстѣ.

Въ 1853 году у П. Ѳ., кромѣ «Утра квартальнаго надзирателя», разсказа превосходнаго, но немного грубоватаго, было нѣсколько маленькихъ разсказовъ изъ быта московскихъ, фабричныхъ, тонко отдѣланныхъ и чрезвычайно забавныхъ, но сравнительно съ позднѣйшими плодами его творчества незначительныхъ.

Между произведеніями его зрѣлой поры внимательный взоръ можетъ отмѣтить не мало такихъ, которымъ, сверхъ ихъ художественнаго совершенства, нельзя отказать и въ важномъ общественномъ значеніи. Напримѣръ, когда бѣднягу портного изъ Гусева переулка взяли въ участокъ за его невинное намѣреніе летѣть съ нѣмцемъ въ воздушномъ шарѣ и когда изъ народа раздается голосъ: «и какъ это возможно безъ начальства летѣть?» мысль не останавливается на забавномъ смыслѣ этого частнаго случая, но простирается далѣе его, къ болѣе важнымъ общественнымъ явленіямъ.

Разсказъ о засѣданіи «Общества прикосновенія къ чужой собственности», вмѣстѣ съ взрывомъ неудержимаго хохота, вызываетъ (увы! вызывалъ) и взрывъ негодованія и унынія своимъ сходствомъ съ дѣйствительными нравами нашихъ общественныхъ дѣятелей, которые нимало не стѣсняются тѣмъ, что «грабить не приказано».

Разсказъ «о кражѣ брюкъ» есть правдивое и живое изображеніе изнанки быта судебныхъ учрежденій, вызывающее объ исправленіи зла.

Въ числѣ разсказовъ П. Ѳ. есть и такіе, въ которыхъ сквозь

комическую оболочку проступаетъ замѣтная поэтическая жилка и живое чувство природы и подъ которыми не усомнился бы подписать свое имя первоклассный художникъ, таковы: Лѣсъ, Безотвѣтный.

И. Ѳ. зналъ въ совершенствѣ языкъ древне-русскій и могъ поддѣлываться подъ него съ неподражаемымъ искусствомъ. Составленное имъ описаніе поѣздки древняго русскаго боярина въ Эмсъ ввело даже опытныхъ археологовъ въ крайнее недоумѣніе. Думая, что это подлинный статейный списокъ XVII ст., ученый П. И. Савваитовъ долго не могъ придти въ себя отъ удивленія, вообразивъ, что рулетка существовала уже въ XVII вѣкѣ.

Равнымъ образомъ И. Ѳ. былъ знакомъ и съ языкомъ церковно-славянскимъ и могъ писать на немъ свободно шутливыя привѣтственныя слова и поздравленія по разнымъ случаямъ. Такая переписка происходила неоднократно и между нами.

Многія части нашего богослуженія онъ зналъ наизусть и не могъ насытиться дивною красотою и великолѣпіемъ священныхъ твореній боговдохновеннаго греческаго генія, переданныхъ въ чудотворномъ церковно-славянскомъ переводѣ. Въ свои предсмертные дни онъ съ наслажденіемъ слушалъ чтеніе «Цвѣтной Тріоди».

Языкъ русской пѣсни и ея напѣвы были ему знакомы, какъ рѣдко кому.

Наконецъ, начитанность его въ нашей новой литературѣ была поразительна; и нельзя надивиться количеству стихотвореній нашихъ великихъ, среднихъ и даже малыхъ поэтовъ, которое удерживалось въ его изумительной памяти.

Этими бѣглыми, наскоро набросанными, замѣтками о тѣхъ составныхъ частяхъ, изъ которыхъ сложилось умственное и художественное образованіе И. Ѳ., я долженъ поневолѣ на этотъ разъ ограничиться; думаю, впрочемъ, что и въ нихъ достаточно ясно опредѣляются основныя черты его внутренняго образа и его отношеній къ тому, что составляетъ душу нашего народа: къ его вѣрѣ, языку, пѣснѣ и вообще его словесному творчеству. Въ силу сихъ отношеній ему по праву принадлежитъ имя народнаго русскаго художника.

Благословеніями провожая его въ неизбѣжный всѣмъ намъ таинственный путь, мы смѣемъ выразить упованіе, что дѣтское незлобіе его свѣтлой души, которое привлекало къ нему общую любовь здѣсь, и тамъ исходатайствуетъ ему милость прощенія, въ которой одной онъ и имѣетъ теперь нужду.

Т. И. Филипповъ.

СЦЕНЫ ИЗЪ НАРОДНАГО БЫТА.

ГРОМОМЪ УБИЛО.

ДЕРЕВЕНСКІЯ СЦЕНЫ.

— Что тутъ за случай у васъ?

— Бѣда!.. теперь и не раздѣлаешься!.. Теперича... Ксѣевна, всѣ помремъ!

— Я ни въ чемъ не причиненъ: мы только идемъ, а онъ лежитъ...

— Гдѣ?

— У самаго оврага. Растопырилъ глаза, да и лежитъ. Вотъ грѣхи-то! Вотъ грѣхи-то наши тяжкіе.

— Я такъ полагалъ, что онъ грѣется на солнышкѣ; думаю: пущай грѣется...

— Вотъ погоди—становой пріѣдетъ.

— Что-жъ становой?.. Становой ничего.

— Становой-то ничего?!

— Всѣ помремъ.

— Батюшки!.. Господи!

— Бабы, смирно! Такой теперича случай, можетъ вся деревня отвѣчать будетъ, а вы визжите...

— Иванъ Микитичъ! можетъ грѣшная душа въ рай попасть? Ежели она оченно грѣшная.

— Поди, у попа спроси...

— Нѣтъ, ты мнѣ скажи...

— Поди, проспись прежде..

— Мужички почтенные! Становой ежели пріѣдетъ — мы ничего не знаемъ. Петрухино это дѣло — онъ и отвѣчать долженъ.

— А теперича какое же ему разрѣшеніе?

— Кому?

— А Петрухѣ-то?

— Связать его теперича.

— За что?

— Какъ міръ... мнѣ все одно. По мнѣ хоть бѣги...

— Я до него не касался: громомъ его убило.

— Громомъ?

— Громомъ, батюшка, громомъ!..

— Молоньей! Разъ—и готово!

— Вотъ ежели громомъ, въ такомъ случаѣ ничего, а я полагалъ—драка промежду васъ была.

— Какая, братецъ, драка! Промежду насъ окромя, что бывало онъ мнѣ стаканчикъ поднесетъ, а то я ему...

— А мы, вишь ты, ловили рыбу. Онъ и подошелъ къ намъ. Посидѣлъ, посидѣлъ. Словно бы, говоритъ, мнѣ скучно. Третій день сердце чешется, да и отшелъ отъ насъ. Сидимъ мы подъ ивой—вѣтерочекъ задулъ, такъ махонькой... вѣтерочекъ, да вѣтерочекъ. Смотримъ—по небу и ползетъ туча... отъ самаго отъ Борканова. Такъ и забираетъ, такъ и забираетъ... Страсть! Подошла къ рѣкѣ-то... Какъ завылъ это вѣтеръ, какъ засвистѣли ивы, словно бы ночь темная стала. Сотворили мы молитву, да и сидимъ. И сейчасъ—разъ! громъ, да опосля того—молонья. И пошла, братецъ, и пошла... Индо сердце захолодѣло.

— И такой дождикъ полилъ... Свѣту Божьяго не видать. Съ полчаса или побольше мы сидѣли... Тише, тише.. солнышко показалось и заметалась наша рыба, не успѣваемъ червей надѣвать... Головли такъ и сигаютъ... Во какіе... Два ведра полныхъ наловили. Сажать некуда было. Идемъ мимо оврагу-то, а онъ на самомъ бугрѣ и лежитъ, руки такъ-то раскинулъ и лежитъ. Смотри-ко... опосля дождя себя разогрѣваетъ. Подошли, а онъ ничуть. Ну, мы сейчасъ бѣжать.

— Нашелъ себѣ мѣсто, батюшка, жизнь-то наша!

— А что его потрошить будутъ?

— Само собой: не по закону померъ—потрошить.

— А я однова замерзалъ.

— Пьяный?

— Было маленько, только не то чтобы оченно. Спервоначалу все спать хотѣлось, и такъ мнѣ тепло стало. И вижу во снѣ, словно бы я въ трактирѣ въ какомъ, и народъ все чай пьетъ и пѣсни поетъ. А ужъ меня въ тѣ поры снѣгомъ оттирали.

— Становой! Становой!

— Петрушка! голубчикъ, не погуби! Все на себя прими!

— Ваше благородіе! Петруньки это дѣло, мы ни въ чемъ непричинны...

ЛѢСЪ.

СЦЕНЫ ИЗЪ НАРОДНАГО БЫТА.

(Ночь. Луговина въ лѣсу. По серединѣ разложенъ костеръ).

ЯВЛЕНІЕ I.

АНТОНЪ и СЕМЕНЪ сидятъ у костра; ПРОХОРЪ поодаль лежитъ на армякѣ.

Антонъ *(подкладывая хворостъ)*. Ночь-то какая... Тихо!..

Семенъ. Тихо!..

Прохоръ *(зѣвая)*. Время чудесное... *(Молчаніе)*. Эко, братцы, это лѣсъ!.. Чего въ ёмъ нѣту: и трава всякая, и птица разная...

Антонъ. Божье произволенье!..

Семенъ. И кладъ, ежели когда попадается,—все въ лѣсу... Что за причина, братцы: тетка Арина девять зорь ходила за кладомъ. Станетъ копать—все уходитъ, пойдетъ домой—опять покажется. Такъ и не дался.

Прохоръ. Брать, значитъ, не умѣла. Безъ разуму тоже не возьмешь.

Семенъ. Я бы сейчасъ ухватилъ!

Прохоръ. Ухватилъ одинъ такой-то!.. Я тоже однова ходилъ, ходилъ...

Антонъ. Може, его и не клали...

Прохоръ. Кладъ былъ... это вѣрно.

Семенъ. Что-жъ, братецъ мой, во снѣ тебѣ это привидѣлось, али какъ? Тетка Арина сказывала, вишь, ей старецъ во снѣ объявился: хочу, говоритъ, я, раба Божья, счастье твое тебѣ сдѣлать; ступай ты, говоритъ, на зорѣ къ Ѳедькину дубу, только ты иди, а назадъ чтобы не оглядывайся. Придешь ты, говоритъ, къ Ѳедькину дубу, оборотись ли-

цомъ къ зеленому лугу, отойди девять шаговъ и копай тутъ...

Прохоръ. Нѣтъ, мнѣ бѣглый солдатъ означилъ... по его рѣчамъ я искалъ.

Антонъ. Поймалъ ты, значитъ, его, солдата-то?

Прохоръ. Поймалъ.

Семенъ. Какой смѣлый!..

Прохоръ. Чего робѣть-то?

Семенъ. Какъ чего, братецъ мой, убьетъ!

Прохоръ. Ничего. На войнѣ ежели—вѣстимо убьютъ; а въ лѣсу онъ ничего, потому отощаетъ. Въ лѣсу что онъ ѣстъ? Ѣсть ему нечего... Ягода... Ягодой, али корешкомъ какимъ ни на есть сытъ не будешь. Ну, и отощалъ человѣкъ,— силу, значитъ, забрать не можетъ. Опять же и ружья этого при ёмъ нѣту.

Антонъ. А ты въ лѣсу его захватилъ?

Прохоръ. Въ лѣсу; опричь лѣсу ему жить негдѣ. Шолъ я тогда на покосъ, только-что солнышко встало: смотрю, голова, а онъ сидитъ это, муницію свою заправляетъ. Подошелъ я къ ему. Увидалъ это онъ меня—ровно бы вотъ листъ затрясся.—Какой ты такой есть человѣкъ? говорю.—Ступай, говоритъ, дядюшка, своей дорогой, коли худа себѣ не хочешь.—Зачѣмъ, говорю,— идти мнѣ некуда: я здѣшній.— Ничего ты, говоритъ, сдѣлать мнѣ не можешь, потому, говоритъ, я служу Богу и великому государю.—Мнѣ, говорю, твоя душа не нужна, а что собственно къ начальству я тебя предоставлю.—Испужался.

Семенъ. Испужался?!..

Антонъ. Испужаешься! За это ихняго брата не хвалятъ.

Прохоръ. Гдѣ хвалить!.. Дѣлать, говорю, нечего, другъ мой сердечный, пойдемъ.—Есть, говоритъ, на тебѣ крестъ?—Есть, говорю.—Крещеный ты, говоритъ, человѣкъ, а своего брата не жалѣешь: мнѣ вѣдь, говоритъ, наказанье великое будетъ.—Я этому, говорю, голубчикъ, непричиненъ.

Семенъ. Какъ же, сейчасъ ему лопатки назадъ и закрутилъ?

Прохоръ. Безъ этого нельзя... порядокъ. Завязалъ это я ему назадъ руки, повелъ къ становому.—Пусти, говоритъ, меня, дядюшка:— кладъ я тебѣ за это покажу, въ купцы тебя произведу.—Сказывай, говорю, гдѣ? Коли вѣрно скажешь, помилую.— Сталъ это мнѣ сказывать примѣты, гдѣ и что, а ребята ваньковскіе намъ навстрѣчу.— На войну, что ли, говорятъ, господа честные, идете? Обступили насъ,

стали допрашивать, да такъ вплоть до станового и шли. Опосля ужъ я искалъ, искалъ этого мѣста: ровно и похоже найдешь,—станешь копать: нѣтъ. Такъ и бросилъ.

Семенъ. А кабы нашелъ—ладно бы было.

Прохоръ *(повернувшись на другой бокъ).* Пущай кто другой ищетъ. *(Продолжительное молчаніе).*

Антонъ. Соловьи-то пѣть перестали. Оченно ужъ я люблю, коли ежели когда соловей поетъ.

Прохоръ *(зѣвая).* Синица лучше.

Антонъ. Гдѣ-жъ синицѣ!.. Синицѣ супротивъ соловья не сдѣлать.

Прохоръ. Сдѣлаетъ...

Антонъ. Невозможно!.. Да ты соловьевъ-то слыхалъ ли?

Прохоръ. Гдѣ слыхать! У насъ ихъ на мельницѣ тьма тьмущая, и домики для ихъ понадѣланы.

Антонъ. Это скворцы!..

Прохоръ. То бишь, скворцы... Все одно, и скворцы поютъ.

Антонъ. Соловей, ежели теперича, когда пѣть ему, онъ сейчасъ... фіу, фію. *(Подражаетъ пѣнію соловья; въ лѣсу раздается свистъ).*

Семенъ *(прислушиваясь).* Что свистишь-то?

Антонъ. А что?

Семенъ. Погоди... молчи... *(Всѣ прислушиваются; опять раздается свистъ).*

Прохоръ. Разгуляться вышелъ...

Антонъ. Кто?

Прохоръ *(таинственно).* Кто?—Извѣстно, кто.

Семенъ. Теперича, ежели табунъ гдѣ близко, весь табунъ угонитъ.

Прохоръ. Ничего, стороной пройдетъ.

Антонъ. Да что вы, черти!—это сычъ.

Семенъ. Похоже!

Антонъ. А то нѣтъ? Эхъ, вы!..

Прохоръ. Коли свиститъ—ничего; а иной разъ ровно малое дитя плачетъ... какъ есть ребенокъ.

Семенъ. У насъ лѣтось подъ самый Успеньевъ день табунъ угналъ.

Антонъ. Ну, ври подъ пятницу-то!

Семенъ. Вплоть до рѣки гналъ.

Прохоръ. Какъ до рѣки догналъ, такъ и шабашъ, дальше не погонитъ, жалѣетъ тоже скотину-то.

ЯВЛЕНІЕ II.

ПАВЕЛЪ—лѣсникъ *(выходитъ справа).*

Павелъ. Что-жъ огонь-то не гасите... не спите?

Семенъ. Такъ, сами промежду себя разговариваемъ.

Павелъ. Спать чай пора.

Прохоръ *(тихо).* Самъ сейчасъ окликался.

Павелъ. Въ обходъ ходилъ—не слыхалъ. Что-жъ, мы къ этому привычны... это намъ ничего.

Семенъ. А мнѣ, братецъ ты мой, жутко стало.

Павелъ. По первоначалу, какъ я въ лѣсъ пошелъ, и мнѣ жутко было. Привыкъ. Идешь, бывало, по лѣсу-то, все нутро въ тебѣ переворачиваетъ, а теперь ничего. Лихого человѣка бойся, а лѣшой ничего тебѣ не сдѣлаетъ. Домовой хуже—тотъ наваливается; а лѣшой, коли онъ уже оченно когда разбалуется, такъ онъ только тебя обойдетъ. Опять же на него молитва такая есть... особенная. Коли кто эту молитву знаетъ, тому ничего.

Семенъ. А ты, дядя Павелъ, знаешь?

Павелъ. Намъ нельзя безъ этого. Я, окромя молитвы, заговоръ на его знаю. Куда хошь иди—не тронетъ.

Прохоръ. Обучи насъ.

Павелъ. Не переймете. Зря тоже этого не сдѣлаешь.

Семенъ. Ему заговоръ ничего: заговору онъ не боится.

Антонъ. А мнѣ, братцы, дворянинъ одинъ въ Калугѣ сказывалъ про лѣсовиковъ-то: ты, говоритъ, ничему этому не вѣрь, никакихъ лѣсовиковъ нѣтъ, это такъ зря болтаютъ.

Павелъ. Много знаетъ твой дворянинъ-то!

Антонъ. Ни лѣсовиковъ этихъ самыхъ, ни вѣдьмовъ—ничего, говоритъ, этого нѣтъ.

Павелъ. Посадилъ бы я его ночи на двѣ въ сторожку, такъ онъ бы узналъ, какъ ихъ нѣтъ-то. Вотъ темныя ночи пойдутъ осенью, пущай придетъ—посидитъ. Нѣту! Да вотъ какъ разъ трафилось, слушай. Знаешь лапинскій оврагъ—мы тамъ рощу караулили. *(Садится у костра).* Дѣло близъ Покрова было. Объ эту пору ночи бываютъ темныя... Дожди пошли... холодно... смерть!.. Идешь по лѣсу-то, да думаешь, зачѣмъ мать на свѣтъ родила.

Семенъ. Бѣда, сейчасъ умереть...

Павелъ. Спимъ это мы... Часу такъ въ двѣнадцатомъ, слышу, братецъ мой, словно кто около сторожки ходитъ. Походилъ, походилъ—пересталъ. Орелка была у насъ со-

бака... просто, бывало, отца родного не подпуститъ... волка разъ затеребила... Орелка раза два тявкнулъ, замолчалъ. Думаю: должно,—вѣтеръ. Только опять-то легъ, какъ Орелка завизжитъ, какъ завоетъ, вотъ надо быть кто ей задъ отшибъ. Такъ индо меня морозъ по кожѣ! Мартынъ проснулся. Выдь, говоритъ, Павелъ, посмотри. Отворилъ я дверь-то: Орелка прижался къ косяку, сидитъ... Слышу, братецъ ты мой, около самой сторожки лошадь заржала... Такъ у меня волосья на головѣ поднялись. Хочу назадъ-то идти, ужъ и двери не найду. Ходилъ-ходилъ, индо лихоманка забила, а лошадь нѣтъ-нѣтъ да опять заржетъ.

Семенъ. Страсть!.. Я бы убегъ!

Павелъ. Да куда бѣжать-то? Окромя сторожки — некуда. Ввалился въ сторожку: дядя Мартынъ, говорю,—у сторожки лошадь ржетъ, должно за лѣсомъ пріѣхали. Заругался мой Мартынъ — мужикъ онъ былъ хворый, сердитый; — убью, говоритъ, до смерти, кто понадется. Вышли мы изъ избы-то, а по лѣсу топорище такъ и звенитъ.—Слышь, говорю,—дядя Мартынъ?—Слышу, говоритъ... убью сейчасъ!.. Побѣжали мы. Сталъ я Орелку уськать—не лаетъ, идетъ сзади. Что, думаю, за причина? Далъ раза въ бокъ, — только заскучала.

Семенъ. Слышь, ребята?

Павелъ. Не трошь, пущай спятъ.

Семенъ. Ну!

Павелъ *(вполголоса)*. Съ полверсты мы прошли: топоръ близко, а на слѣдъ не попадемъ, потому темно оченно. Шли-шли... рядомъ шли...—Дядя Мартынъ, говорю... Дядя Мартынъ голосу своего не подаетъ. Что за оказія! Крикнулъ это я: дядя Мартынъ! Слышу, Мартынъ далече вправо... Я вправо забралъ, опять крикнулъ: дядя Мартынъ!.. Дядя Мартынъ далече влѣво... а топорище тянъ, тянъ... Завернулъ я къ ему на голосъ-то, сталъ Орелку кликать—и Орелка пропалъ!.. Ну, думаю: пущай всю рощу вырубятъ—пойду домой, потому страшно ужъ оченно стало, опять же и озябъ... такъ продрогъ... смерть! Повернулъ назадъ, пошелъ. Иду да и думаю: самъ не балуетъ ли?.. Только, братецъ, это я подумалъ, какъ по всему-то лѣсу: ого-го-го-го!!! Отродясь такого я крику не слыхивалъ. Такъ у меня руки-ноги подкосились! Хочу крестъ на себя положить—рученьки мои не владаютъ.

Семенъ *(жмется)*. Меня индо и теперь дрожь прохватила!

Павелъ. Очувствовался — не знаю, куда идти. Батюшка, говорю,—угодникъ, выручи... Сотворилъ молитву, легче стало. Къ свѣту ужъ домой-то пришелъ: за пять верстъ онъ меня отъ сторожки-то угналъ, да въ самое бучило, въ оврагъ-то и завелъ. Кабы, кажись, маленько еще—утопъ бы.

Семенъ. Ахъ ты, Господи!

Павелъ. Ну, думаю: какъ приду домой, этого самого дядю Мартына на части разорву. Сталъ ему выговаривать-то, а онъ говоритъ: ты, надо полагать, въ умѣ рехнумши. Я, говоритъ, всю ночь изъ избы-то не выходилъ.

Семенъ. *Онъ* все, значитъ.

Павелъ. Кому жъ, окромя *его*. Шесть недѣль опосля этого я выхворалъ: всѣ волосья повылѣзли, разовъ пять отчитывали, насилу на ноги поставили. Сама знаральша Шальчикова лѣчила, корочки съ наговоромъ давала, ничего не дѣйствовало. Такъ вотъ, какъ *ихъ* нѣтъ-то! Можетъ дворянина-то *онъ* не трогаетъ, а нашему брату отъ *его* шибко достается. *(Встаетъ и потягивается).* Спать теперича.

Семенъ. Кому спать, а намъ—Господи, благослови!.. По травушку, по муравушку. *(Надѣваетъ армякъ).* Оченно ужъ я люблю, когда разговариваютъ про чертей, али про разбойниковъ... просто, сейчасъ умереть, спать не хотца.

Павелъ. Какъ же, не спамши-то?

Семенъ. Я выспался. Я съ вечеренъ спалъ. *(Подходитъ къ Антону и толкаетъ его ногой).* Вставайте, ребята!

Антонъ. Только было...

Семенъ. Скотину, поди, ужъ выгнали.

Прохоръ. Господи, благослови!

Павелъ. Жисть вамъ, ребята!

Семенъ. Какая жисть!

Павелъ. Покосъ подошелъ... коси да коси...

Антонъ *(набивая трубку).* Акштафу на дорогу закурить, дѣло ходчѣй пойдетъ.

Всѣ. Прощай, дядя Павелъ.

Павелъ. Съ Богомъ... дай Богъ часъ.

УТОПЛЕННИКЪ.

СЦЕНА ИЗЪ НАРОДНАГО БЫТА.

Открытый шалашъ на берегу рѣки. На рѣкѣ паромъ. Занимается заря.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Потапъ
Кузьма
Матвѣй
Демка } работники на перевозѣ.

Никитка, племянникъ Потапа, 7 лѣтъ мальчикъ.

Кузьма. Какъ книжка-то прозывается?

Матвѣй. «Черный гробъ или Кровавая звѣзда».

Потапъ. Книжка занятная. Въ старину, говорятъ, и въ нашей сторонѣ тоже разбойникъ жилъ. Знаешь Булаткинъ лѣсъ... тамъ просѣка-то...

Кузьма. Какъ не знать.

Потапъ. Тутъ онъ и жилъ. И грабилъ какъ... страсть! Проѣзду не было. Дѣдушка покойникъ сказывалъ,—онъ еще махонькой въ тѣ-поры былъ,—бывало, говоритъ, соберетъ махонькихъ ребятишекъ къ себѣ въ лѣсъ, и ничего, не трогаетъ; не то, чтобы, къ примѣру, билъ, али что,—ничего. Ходи, говоритъ,—ребята, завсегда.

Матвѣй. Ребятъ онъ не трогаетъ. Парнишку махонькаго за что? Хошь бы вотъ Микитку? Его за виски, коли онъ забалуется... вотъ его сейчасъ. *(Беретъ Никитку слегка за волосы).* Что, чертенокъ?

Никита *(смѣется).* Больно!

Матвѣй. А тебѣ не больно хотца? *(Никитка смѣется).* Постой, я тебя произведу. Богъ дастъ, подростешь,—рѣпу воровать обучу. Ишь ты, верченой!

Кузьма. А ты, Микитка, скажи: я, молъ, и безъ тебя воровать-то умѣю.

Никита *(смѣется)*. Я и безъ тебя воровать-то умѣю.

Матвѣй. Умѣешь?! Ахъ, ты, паршивой! Такъ ты умѣешь?!... *(Тянется къ нему; Никитка, съ звонкимъ смѣхомъ, прячется за Потапа).*

Кузьма. Микитка, скажи: жену, молъ, свою собственную на чаю пропилъ.

Никита. Жену на чаю пропилъ.

Кузьма. Свою собственную.

Никита. Собственную...

Матвѣй. Убью! За ноги, да такъ въ рѣку и брошу, и матери не скажу.

Никита. Не смѣешь!

Потапъ. Полно, дурашка! Ложись такъ-то. *(Никита ложится на армякъ).*

Матвѣй *(одѣваетъ его)*. Гдѣ такой воръ-парень родился, въ какомъ полку онъ служить будетъ, на какой народъ воевать пойдетъ?..

Потапъ. Разъ дѣдушка съ ребятами пришелъ къ нему...

Кузьма. Къ разбойнику-то?

Потапъ. Да... въ лѣсъ-то. А онъ и говоритъ: скажи, говоритъ,—старостѣ, чтобы безпремѣнно въ Спасовъ день на поклонъ приходилъ, а то, говоритъ, краснаго пѣтуха къ вамъ пущу. Староста заартачился, а онъ ночью село съ обѣихъ концовъ и зажогъ. Все тогда погорѣло! Церква была у насъ большая—и церква сгорѣла. Вотъ гдѣ теперь крестъ-то стоитъ, тутъ церква была. Въ тѣ-поры, какъ она погорѣла, крестъ на самомъ на этомъ мѣстѣ и поставили, чтобы во вѣки вѣковъ стоялъ... Чтобы, значитъ, чувствовать.

Кузьма. Чтобы мы это понимали.

Потапъ. Да, извѣстно. Какъ, значитъ, тутъ церква была и вотъ теперича, напримѣръ, крестъ. И это, дѣдушка сказывалъ, какъ эта самая церква загорѣлась, сейчасъ до самаго неба огненный столбъ всталъ... верстъ за пятьдесятъ его было видно. И стоялъ этотъ столбъ...

Демка *(входитъ)*. Словно бы по берегу кричитъ кто-то.

Матвѣй. Что-жъ, пущай кричитъ.

Демка. Можетъ, тонетъ кто.

Кузьма. Мелко, не утонетъ.

Потапъ. Коли ежели около дубу кто сорвался—утонетъ: тамъ глубоко!

Демка. Лодку нешто отвязать..

Матвѣй. Что-те коробитъ-то... чортъ!

Демка. Да мнѣ все одно, я такъ сказалъ. *(Садится).*

Матвѣй. Кто теперь на рѣку пойдетъ, кому нужно?

Демка. Я, братцы, однова тонулъ.

Матвѣй. Пьяный?

Демка. Вышимши.

Матвѣй. Вышимши нехорошо: долго на водѣ проваландаешься: а пьяный—любехонько: ровно бы ключикъ, такъ и опустишься да сядешь на донышко пузырики пущать.

Демка *(вздрагиваетъ).* Страсть!

Матвѣй. Рѣка никого не помилуетъ.

Кузьма. Что говорить.

Потапъ. А меня разъ въ Волгѣ сомъ за ногу ухватилъ. *(Всѣ смѣются).*

Матвѣй. Вотъ на чорта-то наскочилъ.

Потапъ. Сейчасъ издохнуть! *(Демка вздрагиваетъ).*

Матвѣй. Да ты что трясешься-то, аль съ фальшивымъ пачпортомъ по бѣлу свѣту гуляешь?

Демка. Да такъ, братецъ мой, какъ вздумаю это я, какъ было утопъ-то, такъ индо лихоманка прохватываетъ.

Кузьма. Да гдѣ-жъ ты это?

Демка. Въ прокшинскомъ бочагѣ.

Матвѣй. Экъ, тебя лѣшой-то куда занесъ!

Демка. Были мы у кума на менинахъ, въ Прокшинѣ. Ну, извѣстно, напились. И такъ я этого хмѣлю въ свою голову засыпалъ—себя не помню. Кума прибилъ *(всѣ смѣются),* теткѣ Степанидѣ шаль изорвалъ... Просто, сейчасъ умереть, лютѣй волка сдѣлался. И съ чего бы, кажись: окромя настойки, ничего не пили. Кумъ-то: что-жъ ты, говоритъ, мою хлѣбъ-соль ѣшь, а самъ... да какъ хлясь меня въ ухо, хлясь въ другое!.. И такъ мнѣ, пьяному-то, обидно показалось, кажись бы такъ вотъ зубами весь потрохъ изъ его выворотилъ! Вышибъ я окно, выскочилъ на улицу, да бѣжать. Дѣло-то въ самое въ Воздвиженье было. Ночь темная, дождикъ такъ и хлещетъ. Выскочилъ-то я въ одной рубахѣ, да и бѣгу ровно очумѣлый, и не знаю куда бѣгу, больно ужъ злость-то меня одолѣла. А собаки со всего-то Прокшина за мной... Батюшки мои! просто на части рвутъ.

Кузьма. Вотъ оказія-то!

Демка. Бѣжалъ-бѣжалъ... разъ! Сорвался въ оврагъ, да колесомъ вертѣлся-вертѣлся... бултыхъ!..

Потапъ. Въ самый этотъ бочагъ?

Демка. Да.

Кузьма. Ну, чудо!

Демка. Помню маленько: рукой это по водѣ-то бью, а голосу ужъ этого во мнѣ нѣтъ. Ровно бы очувствовался, да и думаю: тону. Какъ вздумалъ я это, такъ ко дну и пошолъ.

Потапъ. Значитъ, испужался.

Демка. Мырнулъ опять на верхъ-то, ударилъ рукой-то, должно плыть хотѣлъ,—въ руку мнѣ ровно бы что-то попало. Весь хмѣль соскочилъ! Кустъ тутъ былъ; прутъ отъ его мнѣ въ руку-то и попалъ; за кустъ-то я и уцѣпился. Тутъ ужъ въ разумъ пришелъ. Вижу, братецъ, ночь темная, хошь глазъ выколи, вѣтеръ такъ и воетъ. Висѣлъ-висѣлъ на кусту-то,—слышу: собаки залаяли и огонекъ показался. И закричалъ-же я, братцы, огонечекъ-то увидамши!.. Давай теперича тысячу рублевъ—такъ не крикнешь. Два года опосля глотка болѣла. Слышу и тамъ кричатъ... Народъ прибѣжалъ съ фонарями.

Матвѣй. Какъ-же нашли-то?

Демка. По собакамъ, собаки означили. Жена за мной выскочила, а за ей и гости, которые побѣжали. Вытащили меня, привели къ куму, опять я этой настойки выпилъ три стаканчика, согрѣлся... *(Прислушивается).* Взаправду, кричатъ... *(Выбѣгаетъ изъ шалаша и снова возвращается).* Выходи всѣ! *(Всѣ выходятъ).* Слышь! *(Всѣ смотрятъ другъ на друга вопросительно; съ противоположнаго берега слышится глухой стонъ).*

Матвѣй. Далече!..

Потапъ. Окрикни.

Матвѣй. Держись!.. Держи-ись! *(Снова слышится стонъ).*

Демка. Тонетъ, братцы!

Потапъ. Постой. *(Прислушивается).* Да! Чья-то душа Богу понадобилась. Отвязывай лодку.

Матвѣй. Эка, наша рѣка блажная! Сколько она за лѣто народу переглотаетъ. *(Берутъ весла, отвязываютъ лодку. Матвѣй съ Демкой садятся).*

Потапъ. Садись живо. Матюха, отчаливай. Права держи... На-голосъ ступай. Ахъ ты, Господи!.. *(Лодка быстро отваливаетъ).*

Кузьма. Гдѣ найти: долго больно держался-то! Демка-то еще когда сказывалъ, что кричитъ.

Потапъ. Поди-жъ ты!

Кузьма. Слава Богу, что ночь-то свѣтлая. Ишь ты зоря-то... бѣлый день .. Да вонъ, вонъ... видишь — плещется...

Потапъ. И то!

Кузьма *(кричитъ).* Вправо забирай!.. *(Съ лодки слышатся голоса: держись! держи-ись!).*

Потапъ. Богъ милостивъ. Видишь... окунулся. Вонъ... опять выскочилъ. *(Сльдятъ внимательно).*

Кузьма. Сохрани, Господи, всякаго человѣка.

Потапъ. Не видать?

Кузьма. Опустился!.. Должно, конецъ его душенькѣ...

Потапъ. Кричитъ что-то. *(Долго смотрятъ съ напряженнымъ вниманіемъ).*

Кузьма. Вонъ поплылъ, вонъ поплылъ... Должно вытащили. Какъ-то Богъ далъ. *(По рѣкѣ раздается неясный говоръ; всходитъ солнце; Потапъ и Кузьма крестятся; лодка подходитъ къ берегу.)*

Потапъ. Что, братцы?

Матвѣй. Подержи лодку-то. Чуть, было, самъ не утопъ. Какой тяжелой, Богъ съ нимъ. Принимай, ребята. *(Потапъ съ Кузьмой выносятъ трупъ на берегъ).*

Потапъ. Не опущай на-земь. Качай такъ.

Матвѣй. Ничего не подѣлаешь,—мертвый.

Кузьма. Взаправду, мертвый.

Потапъ. А можетъ... *(Начинаютъ откачивать).* Только ребята, чтобы не разговаривать, не пужать.

Демка. Нѣтъ, братцы, смотри-ко: спина-то у его какъ посинѣла. *(Всѣ смотрятъ).*

Кузьма. Да.

Потапъ. Воды много наглотался.

Демка. Долго оченно. *(Кладутъ трупъ на рогожу).*

Матвѣй. Какъ ухватилъ-то я его, еще онъ, ровно бы, живъ былъ.

Демка. Подошли-то какъ мы, еще онъ держался.

Потапъ. Мы видѣли.

Матвѣй. Долго оченно въ водѣ-то я его искалъ. *(Выжимаетъ подолъ рубашки).* Продрогъ какъ... Ухватилъ я его за волосья-то, словно бы маненько шевелился.

Потапъ. Какой здоровенной парень-то.

Кузьма. Надо быть—купецъ.

Демка. Купецъ и есть: ишь, какая одежина-то.

Матвѣй. И какъ, братцы, это онъ попалъ?

Потапъ. Какъ попалъ! Можетъ ограбили да бросили. Большая дорога по той сторонѣ-то пошла...

Кузьма *(покрывая трупъ рогожкой).* Отмаялся ты на семъ свѣтѣ, голубчикъ. *(Никитка выходитъ изъ шалаша; слышится звонъ колокола).*

Потапъ. Въ монастырѣ къ заутренѣ ударили. *(Всѣ крестятся).* Упокой, Господи, душу раба твоего.

Всѣ. Упокой, Господи.

Матвѣй *(къ Никитѣ).* А ты что-жъ не крестишься? Крестись.

Никита *(безсознательно).* Упокой, Господи, душу раба твоего.

Потапъ. Что-жъ, ребята, теперь ступай къ становому. Объявить надо, такъ и такъ...

Кузьма. Затаскаютъ насъ, братцы, теперича.

Демка. Да, не помилуютъ. Пожалуй, и въ острогъ влетишь!

Кузьма. Хитраго нѣтъ.

Матвѣй. За что?

Демка. А за то.

Матвѣй. За что—за то!

Демка. Тамъ ужъ опосля выйдетъ разрѣшеніе...

Матвѣй. Коли ежели такъ, я его опять въ рѣку сволоку.

Демка. Экой дуракъ! Ты крещеный ли?

Матвѣй. Да какъ же! За что-жъ меня въ острогъ...

Демка. Я сидѣлъ разъ въ острогѣ-то, за подозрѣніе. Главная причина, братцы, говори всѣ одно, не путайся. Мѣсяца два меня допрашивали. Сейчасъ приведутъ тебя, становой скажетъ: «Вотъ, братецъ, человѣка вы утопили; сказывай, какъ дѣло было». Ничего молъ, ваше благородіе, это я не знаю; а что, собственно, услыхамши мы крикъ, и теперича, какъ человѣкъ ежели тонетъ — отвязали мы, значитъ, лодку...

Кузьма. Ну вотъ, ребята, слушай да и помни. Чтобъ всѣмъ говорить одно.

Матвѣй. Отвязали мы лодку, подошли къ энтому самому мѣсту и, значитъ, вытащили.

Кузьма. Мертваго?

Матвѣй. Вѣстимо, мертваго.

Кузьма. То-то.

Демка. А насчетъ того, что откачивали—молчи. Потому, скажетъ: какъ ты смѣлъ до его дотронуться? Какое ты полное право имѣешь? Коли ежели человѣкъ померъ, опричь станового никто не можетъ его тронуть. Такъ вы это и понимайте

Матвѣй. Ишь ты, лохматый чортъ, какъ онъ судейскія-то дѣла произошелъ.

Демка. Я, молъ, какъ свѣча горю передъ вашимъ благородіемъ, прикажите хоть огни подо-мной поджигать, — я ничего не знаю. «Я, скажетъ, братецъ, вѣрно знаю, что это *ваше дѣло*». Говори одно: какъ вашей милости будетъ угодно, я этому дѣлу не причиненъ.

Потапъ. Такъ, значитъ, всѣ такъ и говори. Бабъ-то нѣтъ, некому надъ тобой и поплакать-то.

Демка. Можетъ, матушка родная по семъ теперича плачетъ.

Матвѣй. Кто-жъ, ребята, пойдетъ?

Демка. Да я пойду.

Потапъ. Ступай, братъ. Ты насчетъ разговору лучше.

Демка. Я разговаривать съ кѣмъ хошь могу. *(Идетъ съ шалашъ).*

Кузьма. Ахъ, господинъ честной, хлопотъ намъ твое тѣло бѣлое понадѣлало.

Потапъ. Богу тамъ за насъ помолитъ.

НА РѢКѢ.

СЦЕНА ИЗЪ НАРОДНАГО БЫТА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Дѣдушка Степанъ, старикъ, лѣтъ 60, сторожъ опустѣвшей барской усадьбы.

Иванъ, крестьянинъ, егерь.

Владиміръ, **Ардаліонъ** } лакеи.

Вася, **Настя**, **Гришка**, **Дема** и другіе } крестьянскія дѣти изъ ближняго села.

Жареный, 16 лѣтъ, учился въ Петербургѣ у портного, отданъ родственникамъ по приговору окружнаго суда.

На берегу рѣки, поросшемъ ивой, землянка. Изъ рѣки выдался въ въ берегъ большой камень. На противоположномъ крутомъ берегу старый барскій домъ, съ заколоченными окнами.

ЯВЛЕНІЕ I.

Дѣдушка СТЕПАНЪ сидитъ у землянки, чинитъ сапогъ, ИВАНЪ подходитъ.

Иванъ. Богъ помощь, дѣдушка Степанъ.

Дѣдушка Степанъ. Спасибо, милый человѣкъ, спасибо тебѣ. Что Богъ далъ?

Иванъ. Плохо!... Пару чирятъ... *(къ собакѣ).* Кушь, ляжъ тутъ, подлая?

Дѣдушка Степанъ. Что мало?

Иванъ. Съ ружьемъ что-то... оченно отдавать стало... нѣтъ никакой возможности. Утрось зайца хлестанулъ, насилу самъ на ногахъ устоялъ... Въ кузницу надо зайти, казенникъ отвернуть... Ильичъ не проходилъ?

Дѣдушка Степанъ. Выпалилъ тутъ кто-то по рѣкѣ.

Иванъ. Должно онъ, окромя его некому. Надо полагать, онъ теперича къ Кривому колѣну ударился.

Дѣдушка Степанъ. Отошелъ онъ, значитъ, отъ генерала-то?

Иванъ. Отошелъ, мѣста ищетъ.

Дѣдушка Степанъ. А житье, кажись, ему было хорошее.

Иванъ. Умирать бы не надо, но только и теперѣть нѣтъ никакой возможности.

Дѣдушка Степанъ. Ну!

Иванъ. Оченно ужъ дерется... Такъ дерется — страсть! Ежели онъ теперича стрѣляетъ и какъ, напримѣръ, мимо— сейчасъ егоря въ ухо. Лучше не стой близко... Сапожки гоношишь?

Дѣдушка Степанъ. Да, парнишкѣ Маврикому... починить просилъ...

Иванъ. Это черненькій-то?

Дѣдушка Степанъ. Да, черненькій. Вчера прибѣжалъ: дѣдушка, говоритъ, почини. Такой шустрый мальчишка, я такихъ и не видывалъ. Даромъ что махонькой, отъ земли не видать, а пойдетъ говорить — складнѣе барскаго сына. Ежели бы его въ ученье въ какое хорошее...

Иванъ. Ты ребятъ ужъ больно балуешь, сказываютъ.

Дѣдушка Степанъ. Цѣлый день они у меня тутъ. Вотъ жаръ-то посвалилъ, всѣ сейчасъ прибѣгутъ. Васютка ужъ вонъ тамъ подъ ивой старается, удитъ. Съ большимъ мнѣ, другъ, хуже, вѣрно тебѣ говорю... не люблю... а парнишко придетъ—первый онъ у меня человѣкъ. Ты думаешь—парнишко что? Онъ все понимаетъ, все смыслитъ, только ты его не бей, не огорчай его...

Иванъ. Что ты, дѣдушка Степанъ, развѣ возможно ихъ не бить? Первое дѣло — безъ этого онъ не выростетъ, а второе дѣло — ежели его не бить, онъ тебя почитать не станетъ... Не оченно чтобы бить, а такъ потрепать иный разъ—это оченно имъ въ пользу.

Дѣдушка Степанъ. Стало-быть, ты словъ не умѣешь, коли малаго ребенка бьешь...

Иванъ. Да я не бью, мнѣ, примѣрно, все одно, только словно бы безъ этого невозможно... Насъ тоже лупили порядочно... Въ фалеторы меня махонькаго взяли, такъ, бывало, кучеръ тебя прибьетъ, да дворецкій тебѣ накладетъ... а въ трактиръ-то въ ученье отдали, тамъ пять годовъ сряду били... Оченно ужъ разъ мнѣ пришлось, пошелъ хозяину жаловаться, такъ меня сейчасъ за бунтовство въ часть

отправили, да чуть-было на поселенье не сослали, цѣлый день у хозяина въ ногахъ валялся... *(Собака бросается за птичкой).* Еси сюда, подлая!.. Убью!..

Дѣдушка Степанъ. Хорошаго мало, милый человѣкъ.

Иванъ. Ну, постой! Такъ будемъ говорить: наше дѣло простецкое, а по купечеству теперича, не къ намъ ихъ, къ мужикамъ, приравнять: — теперича я на фабрику къ купцу Гладкову дичь представляю, къ механику, къ англичанину, такъ вотъ я тебѣ что скажу: такъ этотъ купецъ своихъ дѣтей жучитъ, что лучше требовать нельзя. А купецъ значительный, дочь у его за полковникомъ... Значитъ, слѣдуетъ.

Дѣдушка Степанъ. Бьетъ шибко, а дѣти всѣ пьяницы повышли.

Иванъ. Пьяницы какъ есть, это что говорить... Пьяницы настоящіе. Намедни-было фабрику пьяные сожгли... а Семенъ Митричъ вотъ изъ этого самаго ружья у тѣшиловскаго мужичка лошадь застрѣлилъ. Блажной!.. Опухъ теперь весь и хозяйка отъ его сбѣжала, въ Москвѣ путается... *(Раздается выстрѣлъ).* Это Ильичъ!.. Прощай, дѣдушка Степанъ...

Дѣдушка Степанъ. Дай Богъ часъ!

ЯВЛЕНІЕ II.

ВАСЯ показывается изъ-за куста.

Вася. Дѣдушка, ребята идутъ, должно тоже рыбу ловить...

Иванъ *(закуривая трубку).* А ты, Васютка, умѣешь рыбу-то ловить?

Вася. Умѣю.

Иванъ. Врешь?!

Дѣдушка Степанъ. Хорошо ловитъ, старается.

Вася. Я намедни такую щуку выворотилъ, индо удилище затрещало... За три гривенника мы продали...

Дѣдушка Степанъ. Щуку важную ухватилъ! Рыболовъ будетъ чудесный...

Иванъ. Ну, помогай Богъ... Прощайте... *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же, безъ егеря.

Вася. Дѣдушка, мы ихъ сюда не пустимъ, они только рыбу пужаютъ.

Дѣдушка Степанъ. Рыбы въ рѣкѣ, батюшка, много. Въ

рѣкѣ рыба, въ лѣсу птица—все на пользу намъ далъ Господь Царь небесный.

Вася *(всматриваясь)*. Дѣдушка, и портной съ ними.

Дѣдушка Степанъ. Я этого портного... Приди онъ только! Я ему покажу, какъ рыбу травить. Ты и не знайся съ нимъ, батюшка: окромя худого отъ него ничему не обучишься.

Вася. Онъ намедни въ матку въ свою камнемъ запустилъ... Ужъ и драли же его за это. Матка-то завыла, мнѣ, говоритъ, съ нимъ не совладать, а сусѣдъ его и поймалъ... Ужъ онъ его вожжей хлесталъ-хлесталъ...

Дѣдушка Степанъ. Ишь ты, въ родительницу!..

Вася. Онъ говоритъ, она ему не мать, а сродственница; у меня, говоритъ, нѣтъ ни отца, ни матери; меня, говоритъ, изъ воспитательнаго дому сюда оборотили...

ЯВЛЕНІЕ IV.

Подходятъ нѣсколько ребятъ.

Всѣ. Здравствуй, дѣдушка Степанъ.

Дѣдушка Степанъ. Здорово, молодчики! Далеча ли срядились?

Гришка. Корье, дѣдушка, драли, домой идемъ.

Дѣдушка Степанъ. Рыбу завтра ловить приходите.

Гришка. Неколи. Нонѣ корье драли, а завтра лѣкарь съ фабрики велѣлъ, чтобы безпремѣнно мать-мачиху рвать *).

Дѣдушка Степанъ. Тамъ у старой плотины ее тьма-тьмущая.

Гришка. Мы туда и пойдемъ. Мы и лѣтось тамъ же рвали.

Дема. Да и за пьянымъ боромъ, по ручью, сколько хошь.

Вася. Мы туда завтра за муравлиными яицами...

Дѣдушка Степанъ *(къ портному)*. А ты слышишь: ежели ты будешь окормокъ **) въ рѣку кидать, рыбу травить, я тебя, знаешь... Ишь ты, непутный...

Жареный *(становясь въ позу)*. Не страшно!..

Дѣдушка Степанъ. Ты у насъ тутъ всю рыбу потравилъ, озорникъ этакой! Рыбу Богъ намъ на потребу создалъ, а ты ее травишь. Безстыдникъ! Вася, порой, батюшка, червячковъ, а я пойду вершу погляжу... Я тебя такъ пугну отсюда, что ты у меня и своихъ не узнаешь. *(Уходитъ)*.

---

*) Лѣкарственная трава.

**) Кукольванъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же, безъ дѣдушки.

Жареный *(вслѣдъ Степана).* Старый чортъ! *(Ребята смѣются).*

Вася. Что-жъ ты дѣдушку-то ругаешь, онъ постарше тебя.

Жареный. Стара у попа собака! Я всѣ ваши верши перерѣжу... а сторожку сожгу... ей-Богу, сожгу... *(Кидаетъ въ воду камень).*

Гришка. Что рыбу-то пужаешь! Чортъ!

Жареный. Ноньче ночью я къ попу въ садъ за яблоками...

Дема. Не поспѣли еще... зеленыя...

Жареный. Печеныя они ничего, скусно.

Дема. А шея-то у тебя крѣпка?

Жареный. Крѣпкая, крѣпче твоей!.. Когда я въ Обуховской больницѣ лежалъ, со второго этажу меня спустили...

Гришка. За что?

Жареный. За бѣльемъ мы съ товарищемъ у Вознесенскаго мосту на чердакъ залѣзли, а дворники насъ и выждали... Пашкѣ сейчасъ лопатки назадъ, а я, пока его крутили, хотѣлъ шмыгнуть—старшій дворникъ какъ звизнетъ меня, такъ я и покатился... *(Всѣ смѣются).* Сейчасъ въ больницу. Доктора эти мяли меня, мяли,—нутромъ, говорятъ, здоровъ, только въ ребрахъ у него поврежденіе.

Дема. Вотъ такъ приладилъ!

Жареный. Порядочно!.. Вылѣчили меня и сейчасъ въ острогъ. Слѣдователь допрашивать сталъ: повинись, говоритъ, скажи, какъ дѣло было? Ничего, говорю, я не знаю, потому какъ мнѣ дворники память отшибли и по этому случаю я въ больницѣ лежалъ. Опосля этого въ судъ повезли... народу, братецъ ты мой, жендары... Сейчасъ всѣхъ присягу примать заставили. Ты, говоритъ, какой вѣры? Здѣшней, говорю. Воровалъ бѣлье? Никакъ нѣтъ, а что дворники меня били оченно и даже теперь рукой владѣть не могу.

Дема. Я бы, кажись... *(Смѣется).* Ужъ оченно страмъ!..

Жареный. А ужъ меня въ острогѣ одинъ мѣщанинъ обучилъ—ты, говоритъ, главная причина, говори одно: били да и шабашъ. И вышло намъ такое разрѣшеніе: Пашку въ арестанскія роты служить, а меня въ деревню по этапу. Къ Покрову, Богъ дастъ, я опять въ С.-Петербургъ уйду.

Гришка. А ежели опять поймаютъ, такова жару зададутъ.

Жареный. Тамъ капшанія большая—ничего. Уже оченно тамъ жисть хорошая... слободно... Разъ мы въ кіятрѣ у одного барина... *(Изъ кустовъ показывается дѣдушка Степанъ).* Старый чортъ этотъ опять идетъ... Пойдемъ, братцы... *(Къ Васѣ).* А ты ему скажи: будетъ онъ меня помнить! Я ему покажу. Въ кіятрѣ мы разъ у одного барина... *(Уходятъ).*

ЯВЛЕНІЕ VI.

ВАСЯ садится на камень и закидываетъ удочку. На противоположномъ берегу показывается НАСТЯ.

Настя. Васька, матушка велѣла домой чтобы...

Вася *(насаживая червя).* Я заночую здѣсь.

Настя. Матушка́ серчаетъ. Совсѣмъ, говоритъ, отъ дому отбился.

Дѣдушка Степанъ. Скажи, голубка, дѣдушка, молъ, завтра самъ приведетъ. Они, молъ, къ вершамъ пойдутъ.

Настя. Раньше приходите. Прощайте.

Дѣдушка Степанъ. А ты бы... того... рыбу-то бы съ собой захватила. сковородки на двѣ у насъ будетъ. Скажи матери, Васютка все наловилъ.

Настя. Да онъ ловить-то не умѣетъ.

Дѣдушка Степанъ. Нѣтъ, ловитъ важно.

Вася. Я сейчасъ головля поймалъ...

Дѣдушка Степанъ. Свѣжая она теперь... Поужинаете...

Настя. Завтра на покосъ пойдемъ, обжаримъ...

Дѣдушка Степанъ. А косить-то еще много?

Настя. Росы на двѣ еще хватитъ. Спасиоо, дѣдушка. Прощайте.

(Вася отталкиваетъ лодку на противоположный берегъ и возвращается).

Вася. Щука давя плеснула вонъ у энтаго куста... здоровая!..

Дѣдушка Степанъ. Лукавая эта рыба-то... Что-то Богъ намъ въ верши послалъ...

Вася. А далече, дѣдушка, отсюда?

Дѣдушка Степанъ. Нѣтъ, недалече... Вотъ мы поужинаемъ да и поѣдемъ... Тихо теперь, хорошо... *(Рѣжетъ хлѣбъ).* Садись, батюшка... *(Садятся).* Господи благослови. Ѣшь, во славу Божью. Ты бы лучку погрызъ, посоли-ка его да хорошенько... Вотъ такъ.

Вася. Дѣдушка, намедни къ намъ посредственникъ пріі-

ѣзжалъ, народъ на сходку сколачивали, чтобы съ души по полтиннику и ребятъ, значитъ, всѣхъ грамотѣ обучать. А опосля того волостной всѣхъ ребятъ собиралъ. Я, говоритъ, тетка Варвара, Васютку перваго возьму. Три копеечки мнѣ далъ...

Дѣдушка Степанъ. Это за твою добродѣтель...

Вася. А мужики которые, мы, говорятъ, ребятъ своихъ не выдадимъ... Въ кабакѣ подрались. Коряга ужъ оченно кричалъ.

Дѣдушка Степанъ. А волостной-то что?

Вася. Долго онъ съ ними ругался, а Корягѣ говоритъ: я тебя, говоритъ, въ солдаты отдамъ. А Коряга ему:—я, говоритъ, три затылка заростилъ,—меня отдать невозможно...

Дѣдушка Степанъ. Это, батюшка, хорошо. Ежели ты обучишься—первый человѣкъ будешь. Кто перомъ умѣетъ, такому человѣку завсегда просвѣтъ есть. Не токма по нашему по крестьянскому дѣлу, а ежели и господинъ, который необученый... Доѣдай, доѣдай, голубчикъ, простынетъ.

Вася. Я ужъ сытъ.

Дѣдушка Степанъ. Ну, и слава тебѣ Господи. Богъ напиталъ, никто не видалъ!..

Вася. Темно какъ стало.

Дѣдушка Степанъ. Темно. Теперь лихому человѣку хорошо, теперь ужъ лихой человѣкъ на дорогу вышелъ. Возьми-ка ведерочко, залей огонь-то.

Вася *(заливаетъ).* Я боюсь ночью-то...

Дѣдушка Степанъ. Чего, голубчикъ, бояться. Доброму человѣку бояться нечего, лихихъ людей здѣсь нѣтъ, они теперича на проѣзжей дорогѣ, али къ городу гдѣ поближе, гдѣ народъ ходитъ, а здѣсь имъ дѣлать нечего—люди мы съ тобой бѣдные, взять съ насъ нечего.

Вася. Страшно оченно. Разъ мы съ матушкой за хворостомъ ѣздили да въ оврагѣ къ почи-то и застряли...

Дѣдушка Степанъ. Испужались!

Вася. Страсть!.. А въ барскомъ домѣ, дьячокъ сказывалъ, никому невозможно ночью пройти...

Дѣдушка Степанъ. Ну!..

Вася. Сейчасъ умереть!

Дѣдушка Степанъ. Что-жъ тамъ?

Вася. А старый баринъ тамъ по ночамъ ходитъ.

Дѣдушка Степанъ. Зря болтаютъ, батюшка. Самъ я ему, голубчику, и могилку-то—копалъ, и косточекъ-то его, поди, нѣтъ теперь.

Вася. Нѣтъ, дѣдушка, видѣли—ходитъ... Сердитый...

Дѣдушка Степанъ. Полно, глупенькой, врать-то...

Вася. Очень ужъ мнѣ жутко, дѣдушка.

Дѣдушка Степанъ. А ты сотвори молитву... Садись въ лодку.

Вася *(садится).* Темь какая по рѣкѣ-то... Тихо...

Дѣдушка Степанъ *(зажигая фонарь).* Ночь, батюшка... Ночью завсегда тихо. А ты вотъ что: ты рѣки ночью не бойся... Я съ малыхъ лѣтъ на рѣкѣ живу, съ малыхъ лѣтъ я ее знаю... Говорятъ ежели что, ты этому не вѣрь, мало что бабы болтаютъ. Вотъ, ежели въ лѣсу, тамъ страшно—и звѣрь попадается, и все... а въ рѣкѣ окромя рыбки-голубушки никого нѣтъ и та спитъ теперь. Вотъ мы верши посмотримъ да въ стогу и заночуемъ... сѣно-то свѣжее... чудесно!..

(Отпихиваетъ лодку отъ берега).

ЯВЛЕНІЕ VII.

ИВАНЪ, ВЛАДИМІРЪ, АРДАЛЬОНЪ.

(За сценой).

Степанъ Архипычъ, погоди, насъ на ту сторону перетолкнешь.

Иванъ. Я имъ на устрѣтъ пошелъ, а они тутъ.

Дѣдушка Степанъ. Охотничкамъ, егерямъ почтеннымъ.

Владиміръ. Степану Архипычу самое низменное!

Дѣдушка Степанъ. Здравствуй, Володюшка, здравствуй. *(Къ Ардальону).* И ты съ ними бродишь?

Владиміръ. Скуки ради и онъ съ нами. Человѣкъ безъ дома—тоска одолѣетъ. Сверни папиросочку.

Ардальонъ. Сейчасъ, Владиміръ Николаичъ.

Владиміръ. Мы вѣдь собственно не охотиться, а для развлеченія... даже гитару съ собой носимъ.

Ардальонъ. Извольте, Владиміръ Николаичъ.

Владиміръ. А вы тутъ огонекъ разложите.

Дѣдушка Степанъ. Безъ огня скучно.

Владиміръ. Да съ огнемъ ефффехтнѣй, это твоя правда. А ежели можно у тебя рыбы какой достать и уху намъ сейчасъ приготовить? Я бы теперь порціонную стерлядку по-русски съѣлъ.

Иванъ. А то по какому же ее ѣсть?

Владиміръ *(съ иронією).* Дуракъ!

Иванъ. Посмотрю я на тебя, Владиміръ Николаичъ, бариномъ тебя назвать нельзя, а говоришь ты...

Владиміръ. Поживи въ обществѣ и ты будешь говорить по другому... Такъ можно относительно рыбы?

Дѣдушка Степанъ. Сейчасъ, батюшка, гость дорогой. Вася, поди-ко съ ведерочкой, сачекъ возьми... Зацѣпи тамъ... сейчасъ, батюшка, сейчасъ. Давно ты не бывалъ у меня... Прежде все бывало...

Владиміръ. Обстоятельства разныя... да и некогда.

Иванъ. Опять это и баринъ его теперича прогналъ, мѣста искать надо... А мѣста нынче поди-ко сунься.

Владиміръ. Насъ никто не прогонитъ, мы сами уйдемъ, но бить себя не позволимъ... Не тронь! Не то время! Другой коленкоръ, вотъ что!.. *(Къ Ардальону).* Дай огня.

Ардальонъ. Сейчасъ, Владиміръ Николаичъ.

Дѣдушка Степанъ. Что у васъ за дѣла съ нимъ вышли?

Владиміръ. Самъ посуди, Степанъ Архипычъ, человѣкъ ты умный: нѣтъ никакой возможности. При моемъ положеніи и вдругъ...

Иванъ. Въ ухо!

Владиміръ. Вѣдь это чортъ знаетъ, что такое!..

Дѣдушка Степанъ. Хорошаго мало.

Владиміръ. У меня крестный отецъ титулярный совѣтникъ, крестная мать... какими они глазами на меня смотрѣть должны... Нѣтъ, шалишь!.. Не позволю!

Ардальонъ. Ежели надъ собой позволять...

Владиміръ. Сверни папироску.

Ардальонъ. Сейчасъ, Владиміръ Николаичъ.

Владиміръ. Разъ ему спустилъ, два спустилъ, на третій говорю: нѣтъ, говорю, ругаться вы можете сколько угодно, а оскорблять дѣйствіемъ я себя не позволю. Не тотъ коленкоръ! Поѣхали мы зимой на медвѣдя, а я въ это самое время влюбленъ былъ и какъ нарочно въ этотъ день свиданье назначилъ. Ты знаешь, что значитъ дѣвушкѣ свиданье назначить и, между прочимъ, обмануть. И ее въ конфузъ поставить, и самому стыдно. Смерть мнѣ ѣхать не хотѣлось, но дѣлать нечего. Стали на номера. Морозъ, страсть! Прислонился я къ дереву да и думаю: жуируетъ она теперича жизнію, дѣлаетъ променажъ по Невскому, безъ друга... а я здѣсь зябну, какъ собака. И такъ мнѣ грустно стало, такія мечты пошли...

Ардальонъ. Извѣстно, въ этакомъ положеніи.

Владиміръ. Дай огня.

Ардальонъ. Сейчасъ, Владиміръ Николаичъ.

Владиміръ. Думаю: какъ бы мнѣ было пріятно заключить

ce въ своихъ объятіяхъ, въ это время медвѣдица, пудовъ четырнадцать... фюить!.. За линію... Такъ я и замеръ...

Иванъ. Ну, а онъ тебя сейчасъ клочитъ—не зѣвай... Я бы тебя не такъ; я бы тебя...

Вася *(входитъ)*. Два головля, четыре окуня, а плотву я не считалъ.

Владиміръ. Заправляй скорѣй... *(Къ Ардальону)*. Ну-ко, сдѣлай колѣнце. *(Играетъ)*. Али пѣсню спѣть... Затягиваю. *(Поютъ)*.

Не шумите-ко вы,
Да вы вѣтры буйные!
Не бушуйте-ко вы,
Да вы лѣса темные!
Ты не плачь-ко, не плачь,
Душа красна-дѣвица...

Иванъ. Нѣтъ, постой, вотъ что: помнишь ты въ кабакѣ дѣйствовалъ...

Владиміръ. Въ какомъ кабакѣ?

Иванъ. Пьяный въ тѣ поры... въ Саюкинскомъ... Пѣлъ онъ, Степанъ Архипычъ, пѣсню с.-петербургскую, какъ чудно... страсть!..

Владиміръ. Я не помню.

Иванъ. Да объ Покрову... Ну еще тебѣ лопатки назадъ скрутили... И что вы, черти, въ тѣ поры водки сожрали... Кажинный по стаканчику поднесъ, пѣсня-то очень складная.

Владиміръ. Играй. *(Ардальонъ играетъ)*.

Я по травкѣ шла,
Тяжелехонько несла—
Коромысло да валекъ
Еще милаго платокъ.
Я на камушекъ ступила,
Чулокъ бѣлый замочила.
Мнѣ не жалко туфелька—
Жалко бѣлаго чулка.
Я съ хозяиномъ расчелся
Ничего мнѣ не пришлось.

Иванъ. Жизнь вамъ, холуямъ, умирать не надо.

НА ПРАЗДНИКЪ.

СЦЕНЫ ИЗЪ НАРОДНАГО БЫТА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Кондратій Ильичъ, достаточный крестьянинъ.
Слезкинъ
Васька Роговъ } фабричные.
Степка
Дѣвушки и парни.
Трофимъ, крестьянинъ.
Мавра, его жена.

Дѣйствіе происходитъ въ селѣ, въ день храмового праздника. Слобода; направо отъ жителей кабакъ; въ глубинѣ раскинуты палатки.

ЯВЛЕНІЕ I.

КОНДРАТІЙ ИЛЬИЧЪ идетъ слѣва, СЛЕЗКИНЪ выходитъ изъ кабака.

Слезкинъ. Кондратій Ильичъ! Теперича я всѣ порядки справилъ какъ должно. Какъ, значитъ, отъ обѣдни пришелъ, въ радости дождамшись, разговѣлся — спать легъ, а теперича я гулять вышелъ. Все, какъ слѣдоваетъ!..

Кондратій Ильичъ. У обѣдни-то ты былъ: а слышалъ ли, какъ батюшка проповѣдь сказывалъ?

Слезкинъ. Слышалъ, братецъ мой! Великій нонѣ праздникъ, и нѣтъ его больше!.. Оченно мнѣ это чувствительно!

Кондратій Ильичъ. Великій праздникъ!..

Слезкинъ. Великій! *(Молчаніе).* Какъ, братецъ мой, тамъ теперича на небѣ... что, напримѣръ?.. Премудрость это, Кондратій Ильичъ! Странникъ это у насъ съ книжкой ходилъ, сказывалъ: «Всякая, говоритъ, теперича, звѣзда означаетъ... и все, говоритъ, я это понимать могу».

Кондратій Ильичъ. Не понять намъ грѣшнымъ этого.

Слезкинъ. Потому всѣ мы—грѣшники. Вѣрно твое слово.

Кондратій Ильичъ. Странникъ твой, може, и такъ болталъ, зря. Много ихъ даромъ по бѣлу свѣту ходятъ, пасъ, темныхъ людей, обманываютъ.

Слезкинъ. Много, братецъ мой! Потому нашего брата обмануть очень способно, а особливо ежели выпимши.

Кондратій Ильичъ. Другой прельщеніемъ наровитъ тебя...

Слезкинъ. Всякаго народу бываетъ. А странникъ этотъ теперича, за свои дѣла за хорошія, въ острогѣ сидитъ.

Кондратій Ильичъ. Ишь ты!

Слезкинъ. Въ острогѣ, братецъ мой, потому больно плутъ. Не плошь Васьки... такой же разбойникъ. Они съ Васькой благопріятели были, бабъ все портили.

Кондратій Ильичъ. Богъ съ ими, другъ сердечный.

Слезкинъ. Главная причина—не осуди человѣка. Такъ ли я говорю? Ежели человѣкъ супроти тебя что дѣлалъ—обидѣлъ, значитъ... ну, и кончено! Дай Богъ всякому!.. Что вамъ дѣлить? Намъ дѣлить нечего! Ты мнѣ теперича скажи... Кондратій Ильичъ, скажи ты мнѣ: Слезкинъ! наслѣжу я слѣдовъ—ходи по нимъ... а я ходить буду. Такъ я это и понимаю. Ежели теперича я выпимши...

Кондратій Ильичъ. Пей, да ума не пропей.

Слезкинъ. Зачѣмъ, братецъ мой! Я самую малость... шкаликъ!.. И слава те Господи, съ меня и будетъ.

Кондратій Ильичъ. Знаемъ мы вашу малость-то! Съ утра до вечера въ кабакѣ сидите.

Слезкинъ. Для Петрова-дни! Безъ этого уже невозможно. Земляки пришли... фабричные... ну, и, значитъ, съ праздникомъ честь имѣемъ поздравить! Порядокъ! Вишь, народъ идетъ хороводы водить.

Кондратій Ильичъ. Ко дворамъ пора. *(Идетъ).*

Слезкинъ. Кондратій Ильичъ, не побрезгуй, пойдемъ — поднесу.

Кондратій Ильичъ. Ну те къ Богу!

Слезкинъ. Одинъ стаканчикъ!.. За премудрость за твою...

Кондратій Ильичъ. Нѣту, другъ сердечный, не стану.

Слезкинъ. Для праздника! *(Кондратій Ильичъ уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ II.

Слезкинъ *(одинъ).* Ну, я, значитъ, самъ по себѣ пойду. *(Запѣваетъ.)*

Несчастная наша доля:

Никто, никто не любитъ!
Полюбила молодчика...

Васька *(подхватываетъ).*

Съ Полянки дворянка.

ЯВЛЕНІЕ III.

ВАСЬКА РОГОВЪ, СТЕПКА, дѣвушки и парни.

Васька. Становись, дѣвки, давай хороводы водить.

Слезкинъ. Господамъ фабричнымъ... почтеніе!

Васька. Съ пальцемъ девять! Ты что-жъ оттеда ушелъ?

Слезкинъ. Такъ, братецъ мой, грустно! Съ Кондратьемъ Ильичемъ, хошь бы насчетъ дѣловъ, говорили... Ты, говоритъ...

Васька. Надо полагать, ребята, этотъ Кондратій Ильинъ — мужикъ фальшивый.

Степка. Подхалимъ!

Слезкинъ. Нѣтъ, братцы, мужикъ важный Кондратій Ильичъ! Ежели теперича, когда придешь къ ему, сейчасъ тебѣ житіе прочитаетъ, али такъ что отъ божества скажетъ Мужикъ онъ оченно умный.

Васька. Сказываютъ, у его денегъ залежныхъ много. Вотъ, ребята, кабы нашему брату теперича деньги—не стали бы мы такъ-то трепаться, задали бы форсу! Я бы сей трактиръ снялъ, али бы...

Степка. Привычку надо по этой части.

Васька. Я, братъ, всѣ степени произошелъ! Въ какихъ я мастерствахъ не находился, въ какой я должности не жилъ! Это намъ ничего!.. Женился бы на купчихѣ.

Степка. На купчихѣ жениться важно!

Васька. На что лучше!

Слезкинъ. А намъ хоть бы на мѣщаночкѣ Богъ привелъ. Есть въ Москвѣ эдакія, которыя, значитъ, по мастерству по какому...

Васька. Хошь, я тебѣ твою фортуну сдѣлаю—женю тебя? Ундерову дочь возьмешь? *(Всѣ смѣются).* Вотъ, братцы, сказывалъ я вамъ, аль нѣтъ? Чудно ужъ оченно! Такъ, голова, какъ вздумается мнѣ это когда, просто, сейчасъ умереть—смѣхъ!.. Жилъ насупротивъ нашей фабрики ундеръ. Только разъ въ воскресенье, вышелъ я за ворота, гляжу—у его подъ окошкомъ сидитъ дамочка и смотритъ на меня. Я у воротъ-то и сѣлъ. Часу такъ въ десятомъ, гляжу, эта самая дамочка машетъ мнѣ платочкомъ. Вотъ я къ окошку-

то и подшелъ.—Погода, говоритъ, оченно прекрасная... гулять вышли?—Такъ точно, говорю, потому теперича гулять оченно вальготно.—Вышла бы, говоритъ, и я, да компанію мнѣ водить не съ кѣмъ.—Пожалуйте, говорю, съ нами—мы вамъ обиды никакой не сдѣлаемъ.—Нельзя, говоритъ, этого, потому тятенька увидитъ. Вы по какой части?—Такъ и такъ говорю: у своего хозяина въ племянникахъ живемъ... Слышь?.. *(Всѣ смѣются).*

Слезкинъ. Ужъ такова проходимца, какъ Васька Роговъ, не найдешь!

Васька. А вы, говорю, по какой?—Я, говоритъ, при своемъ тятенькѣ живу, потому, какъ мой тятенька ундеръ. А коли вы желаете, чтобы промежду насъ знакомство было — завсегда къ намъ пожалуйте. Завели мы съ ей это знакомство.

Степка. Понравилась!

Васька. Какое къ чорту понравилась! Блажь одна! Только я разъ къ окошку-то къ ей подшелъ, а ундеръ-то оттеда—пожалуйте, говоритъ, въ горницу.

Слезкинъ. Значитъ, бока наминать?

Васька. Никто Васькѣ Рогову боковъ не намнетъ.

Слезкинъ. Смирный, должно, ундеръ-то. А то есть, попадаются изъ ихняго брата... бѣда!.. замучаетъ!..

Степка. Бывалъ, знать, ты у нихъ въ передѣлѣ-то?

Слезкинъ. Трафилось! За мѣщанку за одну.

Васька. Вошелъ къ нимъ. Краля-то моя сидитъ, на гитарѣ разыгрываетъ. Ундеръ сейчасъ сладкой водки поставилъ, по рюмочкѣ чкнули... Намъ, говоритъ, оченно пріятно, ежели вы съ нами кампанію имѣете. Наслышанъ, говоритъ, я отъ дочки, такъ какъ вы у своего хозяина въ племянникахъ живете...—Такъ точно, говорю.—Коли ежели, говоритъ, вамъ моя дочка не противна, я съ ея воли не сымаю.

Одна изъ дѣвушекъ. Ахъ, ты песъ экой!

Васька. Вы погоди, постой, что было. Вотъ, сейчасъ, нарядилась она въ шелковое платье, шляпку надѣла, въ правую ручку зонтикъ взяла,—гулять мы съ ней пошли. Оченно ужъ она мнѣ въ тѣ поры понравилась, хоть сейчасъ жениться. Ну ужъ мы эвту политику московскую знаемъ... Пожалуйте, говорю, въ трактиръ.—Вы, говоритъ, какъ обо мнѣ понимаете? Я, говоритъ, не то что, къ примѣру, какая... Я, говоритъ, со всякимъ могу разговоръ имѣть, никого не острамлю.—Намъ, говорю, это оченно лестно, по той причинѣ, что намъ такую и требуется.—Я, говоритъ,

съ любымъ офицеромъ потрафлю, какъ что должно, потому я всему этому обучена; я бы, говоритъ, можетъ, на разные языки умѣла, да тятенька не пожелалъ. — Такъ въ трактиръ и не пошла. Ну, вотъ, голова, цѣлое лѣто я къ имъ ходилъ; опричь жениха мнѣ и званья не было: женихъ да женихъ; рублевъ сорокъ денегъ я у ундера-то забралъ; поддевку онъ мнѣ новую сшилъ, да она мнѣ кошелекъ бисерный подарила; а ужъ что мы съ этимъ ундеромъ сладкой водки выпили!.. Она, бывало, романцы поетъ, а мы пьемъ да про войну разговариваемъ. Пошелъ я тогда на Покровъ въ деревню—всю эту канитель-то и бросилъ.

Одна дѣвушка. А какъ же краля-то твоя?

Васька. Чортъ ее возьми, много ихъ! Плакала послѣ, сказывали.

Дѣвушка. Плакала! Самъ, гляди, около ее коровой ревѣлъ. Плакала!.. Должно, и въ правду тебѣ ундеръ бока-то намялъ.

Васька. Сказалъ бы я тебѣ одно словечко, да ужъ такъ... для праздника словно бы нехорошо...

Дѣвушка. Пришелъ съ Москвы-то, думаетъ, ни вѣсть онъ кто! Бахвалъ! Становись, дѣвки. Запѣвайте. *(Дѣвушки запѣваютъ).*

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и МАВРА.

Мавра *(съ плачемъ).* Чтой-то, батюшки!.. Дѣвыньки, не видали ли хозяина.

Дѣвушки. Нѣтъ, тетка Мавра, не видали.

Слезкинъ. Какова хозяина?

Мавра. Моего хозяина, Трофима Иваныча.

Слезкинъ. Видѣли.

Мавра. Гдѣ онъ, батюшка?

Слезкинъ. Давай два двугривенныхъ—скажу, а то такъ ты и помрешь безъ его.

Мавра. Неколи мнѣ тутъ съ тобой...

Дѣвушка. Да говори, дьяволъ!

Слезкинъ. Скажи сама—можетъ ты лучше...

Дѣвушка. Да я не знаю; я бы сказала.

Слезкинъ. Хозяинъ твой теперича—такъ будемъ говорить... *(Указывая на кабакъ).* Окромя энтаго мѣста, ему не гдѣ быть. *(Трофимъ выходитъ изъ кабака).* Вишь ты! Значитъ, такъ точно.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и ТРОФИМЪ.

Мавра. Что проклажаешься-то? Мало тебѣ что ли?

Трофимъ. Нѣтъ, я много доволенъ... Оченно доволенъ... Огни у меня теперича... разные огни ходятъ... Душеньку мнѣ всю распалило... Православные! Дай вамъ Господи! *(Плачетъ).* Пошли вамъ Царь милосливый на вашу долю...

Мавра. Что домой-то нейдешь?

Трофимъ. Будемъ дома, объ этимъ ты не сумлѣвайся... дома мы будемъ. А вотъ что на міру намъ скажутъ. (*Къ Васькѣ*). Ты фабричный?

Васька. Фабричный.

Трофимъ. Можешь по писанію?

Васька. Могу.

Трофимъ. Значитъ, не къ намъ, дуракамъ, тебя приравнять. Былъ ты въ Старомъ Ерусалимѣ?

Васька. Далече больно, не былъ.

Трофимъ. А есть понѣ разрѣшеніе?

Васька. Есть.

Трофимъ *(къ женѣ).* Слышь, что онъ говоритъ! Ну, я и разрѣшилъ... А теперича, ты мнѣ вотъ что скажи: дьявольское это навожденіе, али такъ—дурь человѣческая?

Васька. Насчетъ чего ты говоришь-то?

Трофимъ. Все насчетъ того же: давеча я былъ человѣкъ, а теперича, видишь, я не въ своемъ разумѣ. Для чего это я? Мнѣ это оченно стыдно.

Мавра. Да пойдемъ домой, батюшка.

Трофимъ. Погоди!.. Да, мнѣ очень стыдно. Дѣвки веселятся, радуются, а я домой пойду, спать ляжу, а тамъ,— твори Богъ волю свою. Такъ-то!.. По закону мнѣ положено и шабашъ. Чужого намъ не надо. Я много доволенъ! Прощенья просимъ! Простите меня, окаяннаго. Согрѣшилъ я грѣшный... *(Уходитъ).*

Слезкинъ. Всѣ мы, должно, для праздника-то согрѣшили. *(Запѣваетъ).*

Графъ Башкевичъ ариванскій
Подъ Аршавой состоялъ...

(Всѣ смѣются).

ПОСТОЯЛЫЙ ДВОРЪ.

СЦЕНЫ ИЗЪ НАРОДНАГО БЫТА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Романъ Игнатьевичъ, содержатель постоялаго двора.
Алена, кухарка.
Евсюха, **Пашка**, **Никита**, **Бубенъ** } извозчики.
Странница.
Странникъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

На сценѣ большая деревенская изба: въ углу столъ; по стѣнамъ лавки; налѣво изразцовая печь.

Кухарка *(собираетъ со стола)*. Нѣтъ хуже народу этихъ ямщиковъ! Насорятъ, надрызгаютъ!.. тьфу!..

Евсюха *(входя)*. Благодаримъ покорно, Алена Митривна, за̀ хлѣбъ, за̀ соль.

Кухарка. Ну, за щи съ квасомъ! Проваливай! Моченьки моей нѣтъ съ вашимъ братомъ.

Евсюха *(подпоясываясь)*. Точно, что оно теперича вамъ трудно: народу много идетъ.

Кухарка. Такъ валомъ и валитъ. Барыня-то вышла?

Евсюха. Срядились. Съ полчаса ужъ въ тарантасѣ сидитъ, ругается. Прощенья просимъ!

Кухарка. Что-жъ, на дорожку-то?

Евсюха. Да Богъ ее знаетъ, Алена Дмитривна, пить ли?.. Ну, пожалуйте... веселѣй ѣхать будетъ...

Кухарка *(наливаетъ стаканъ водки и подаетъ)*.

Евсюха. Терпѣть вѣдь я его не могу... этого вина!.. Съ наступающимъ! *(Пьетъ)*.

Кухарка. И васъ также. Кушайте на здоровье. Дай Богъ благополучно.

Евсюха. Благодаримъ покорно. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ II.

Странница *(отворяя дверь).* Пущаютъ, матушка, странныхъ?

Кухарка. Отчего-жъ не пущать, у насъ всѣхъ пущаютъ: постоялый дворъ на то.

Странница. Бѣдная я, матушка, неимущая, Христовымъ именемъ иду.

Кухарка. Войди, раба Божья, милости просимъ. Въ пустынь?

Странница. Въ пустынь, голубушка.

Кухарка. Къ угоднику?

Странница. Къ угоднику, матушка.

Кухарка. Много къ ему, батюшкѣ, народу идетъ. Какъ же ты, матушка, по обѣщанью?

Странница. По обѣщанью, сестрица. Слышала, голубушка, я во снѣ звукъ трубный.

Кухарка. Ай, матушка!.. Чего сподобилась! Разскажи, голубка... Ты, можетъ, потребляешь этого-то. *(Показываетъ на водку).* Поднесу...

Странница *(стыдливо).* Не брезгую мірскимъ даяніемъ. Коли ваша милость будетъ.

Кухарка. Стыда тутъ нѣтъ, матушка. Вамъ безъ этого нельзя—хóдите.

Странница. Много мы ходимъ, матушка, круглый годъ, почитай, ходимъ. *(Пьетъ).* Благодарю покорно, матушка, пошли вамъ Господи на вашу долю.

Кухарка. Какъ-же ты сонъ-то, красавица, видѣла?

Странница. А это ночевала я въ кельѣ у матушки у Илларіи, и все она разсказывала мнѣ про божественное, и какъ все насчетъ жизни, и что, напримѣръ, какъ жить мы должны. И такой на меня, раба Божья, глубокій сонъ нашелъ—такъ сидѣмши и уснула. Вижу, будто, я въ пространной пещерѣ, и вся она, будто, позлащенная, а на полу все каменіе самоцвѣтное... И иду, будто, я по этой пещерѣ, а за мной старцы, все, будто, старцы. И говоритъ мнѣ одинъ старецъ: «почто ты, говоритъ, странная, пришла въ нашу обитель?» Хотѣла я, будто бы, руками-то вотъ такъ... *(дѣлаетъ жестъ руками)* и слышу, голубка, звукъ трубный... Тутъ я и проснулась.

Кухарка. А вотъ мы въ міру-то никогда такихъ сновъ не видимъ.

Странница. Это, сестрица, отъ жизни.

Кухарка. Нѣтъ ужъ, матушка, Богъ знаетъ—отчего. Моей старой хозяйкѣ,—я у купцовъ прежде жила,—то ли не жисть была, а все, бывало, во снѣ видитъ, что будто ее рѣжутъ, да будто ее топятъ... Такія страсти все снились, не дай Богъ никому.

Странница. А ты по купечеству прежде жила?

Кухарка. Я все по купечеству. Какъ хозяина въ некрута сдали, такъ и пошла по этой части. Сперва-наперво у аптекаря два года жила, у армянина не вступно годъ жила, а тамъ и пошла все по купцамъ.

Странница. У купцовъ житье хорошее.

Кухарка. На что лучше: первый сортъ житье! Мнѣ, по моему характеру, только и жить у купцовъ: женщина я набалованная, кусокъ люблю хорошій, чай мнѣ чтобы безпремѣнно, ну, а по купечеству насчетъ этого слободно.

Странница. И нашу сестру они странную любятъ.

Кухарка. Любятъ. У насъ, бывало, у Павла Матвѣича, отъ вашей сестры, да отъ нищей братіи отбою нѣтъ.

Странница. Для души спасенья это, матушка, хорошо.

Кухарка. Со всего свѣта ходили, грѣхи его замаливали.

Странница. А померъ ужъ?

Кухарка. Пора помереть! Годовъ пятнадцать безъ рукъ, безъ ногъ сидѣлъ, травами его отпаивали.

Странница. Отчего же это онъ, голубушка?

Кухарка. Господь его вѣдаетъ.

Странница. И дѣтки были?

Кухарка. Какъ же, матушка, три дочки; всѣ на моихъ глазахъ повыросли; и сынокъ былъ, Митрій Павлычъ... женить ужъ хотѣли, да не продлилъ Богъ его вѣку: пропалъ безъ вѣсти.

Странница. Безъ вѣсти?!

Кухарка. Да, матушка. Поѣхалъ на ярманку, да тамъ и остался. Большія деньги старикъ-то давалъ, кто отыщетъ—не нашли, ровно въ воду канулъ.

Странница. Убили, должно.

Кухарка. Убили, матушка, убили. Шесть недѣль онъ опосля, голубчикъ, къ намъ ходилъ. Какъ, бывало, ночь, такъ онъ весь домъ и обойдетъ. Что страху-то было! А то это, вздумается ему когда, возьметъ да свѣчи по всему дому зажжетъ.

Странница. Это, сестрица, душенька его приходила.

Кухарка. Да ужъ извѣстно.

Странница. По родителямъ тосковала. А живъ у тебя хозяинъ-то?

Кухарка. Господь его вѣдаетъ. Какъ тогда ихъ угнали на Кавказъ, такъ и слуховъ объ емъ нѣтъ... должно, къ австріякамъ попалъ.

Странница. Жалко, поди?

Кухарка. По первоначалу-то жалко было, а теперя ничего. За вѣру правую пущай кровь свою проливаетъ.

Странница. Такъ, такъ, матушка.

ЯВЛЕНІЕ III.

РОМАНЪ ИГНАТЬЕВИЧЪ, нѣсколько извозчиковъ и странникъ.

Никита. Народу много идетъ къ празднику-то.

Романъ. Много! А ты, старецъ, тоже къ угоднику.

Странникъ. Къ угоднику.

Романъ. Издалеча?

Странникъ. Дальный. Въ первой отъ роду въ вашихъ мѣстахъ. Въ Кіевѣ былъ, у Соловецкихъ Чудотворцевъ два раза сподобился, по окіянъ рѣкѣ плавалъ.

Пашка. А людоѣдовъ ты видалъ ли? Говорятъ, въ той сторонѣ людоѣды живутъ.

Странница. Какъ ихъ не видать!—Я видѣла.

Пашка. Что же, они, тетушка, одноглазые?

Странникъ. Одноглазые.

Пашка. За что же они людей-то жрутъ? Али ты, можетъ, врешь?

Странница. Что жъ намъ врать, мірской человѣкъ, врать намъ нечего. И въ книжкахъ есть этому описаніе: коли ты грамотный—въ книжкахъ прочитай. Потому какъ они одноглазые и по ихнему закону все можно.

Никита. Привелъ бы Богъ пораньше уѣхать: балуютъ у насъ по дорогѣ-то.

Романъ. Шалятъ. Дорога у насъ бойкая, баловства много. А ежели въ сумерки, мимо Жукова оврага и не ѣзди—обчистятъ, потому мѣсто оченно глухое. Намедни туда все село ворошили смотрѣть: одного за убивство наказывали—въ семи душахъ повинился... Начальству сталъ въ ноги кланяться—не помиловали, наказанье великое было.

Никита. За что миловать!

Романъ. Потому кровь христіанскую проливалъ, а вѣдь она, извѣстно, кровь-то христіанская, вопіетъ.

Никита. Вопіетъ! Ежели душу загубилъ,—конечно!..

Бубенъ. Нѣтъ, меня Богъ миловалъ; годовъ пятнадцать ѣзжу, на лихого человѣка не натыкался. Въ запрошломъ году только въ кабакѣ у меня, у пьянаго, полушубокъ украли, а то ничего.

Романъ. Это по нашей дорогѣ часто.

Пашка. И какъ можно, братцы, убить человѣка? За что? Кажись, какъ бы на меня кто наскочилъ въ клочки бы я изорвалъ.

Никита. Въ избѣ-то говорить не страшно, а въ лѣсу попадется—въ ногахъ наваляешься.

Пашка. Я-то?

Никита. Ты-то!..

Пашка. Зачѣмъ баловать! Я человѣкъ смирный, животину не бью, а за свою душу до смерти ушибу.

Романъ. Полно, Павлуха, батвить-то! Лихой человѣкъ на то пошелъ... разбойникъ вѣдь онъ—въ лѣсу со звѣремъ живетъ, звѣря не боится, можетъ кажинную ночь руки кровянитъ,—что ты можешь такому человѣку?

Бубенъ. Ничего не подѣлаешь!

Никита. Безъ году недѣлю въ извозчикахъ-то ѣздитъ да разговариваетъ! Я всю Расею произошолъ, большую-то дорогу знаю. Зря говорить нечего! Звѣря лютаго, кажись, такъ не успужаешься, какъ разбойника! Замретъ твоя душа, охолодаешь весь... не дай Богъ никому!

Бубенъ. А тебѣ трафилось? *(Кухарка ставитъ на столъ ужинъ).*

Кухарка. Ну, господа честные, пожалуйте. Садись, матушка... Садись, старичокъ почтенный... Пріятнаго вамъ апекиту. *(Всѣ садятся за столъ).*

Никита. Я вотъ буду сказывать, а ты слушай: каковы эти люди есть.

Кухарка *(садясь рядомъ съ Никитой).* Сказывай, батюшка, сказывай. Люблю я старинныхъ-то людей слушать.

Никита. Въ Озеркахъ, у насъ, у покойника у дѣдушки, станція была. Мнѣ тогда годовъ двадцать было. Ночью, какъ теперь помню, подъ самое подъ Воздвиженье, пришелъ къ намъ на дворъ тарантасъ съ купцомъ на сдаточныхъ. Моя череда была. Смерть ѣхать не хотца. Я купцу-то и говорю: переночуйте, говорю, ваша милость: оченно темно, овраги у насъ тутъ, въ тарантасѣ ѣхать

неспособно. Нѣтъ, говоритъ, я и такъ на ярманкѣ замѣшкался... Трогай! Господи, благослови! Съѣхали мы со двора-то—зги Божьей не видать!—Ваше степенство, говорю: воля милости вашей, а ѣхать намъ страшно, обождемъ до свѣту. Ступай, ступай, говоритъ. Верстъ пять проѣхали—ничего. Какъ выѣхали въ Легковскій лѣсъ, и купецъ мой испужался.—Не заплутайся, говоритъ:—темно. Богъ милостивъ, говорю: коли поѣхали, надо ѣхать. Ѣдемъ мы лѣсомъ-то, смотрю, ровно бы огонекъ показался, такъ махонькой...

Бубенъ. Волкъ?

Никита. Погоди! Ваше степенство, говорю! вы ничего не видите? Нѣтъ, говоритъ, а что?— Огонекъ, говорю, въ лѣсу показался... сумнительно мнѣ оченно. Что-жъ ты, говоритъ, сумлѣваешься?—Да такъ, говорю: не лихой ли человѣкъ насъ съ тобой дожидается?— Сотвори, говоритъ, молитву. Творю это я молитву, а огонекъ этотъ опять. Видѣлъ, говоритъ, братецъ, и я.

Кухарка. Это купецъ-то?

Никита. Купецъ-то. Душу свою, говорю, намъ бы здѣсь не оставить.— Что ты, говоритъ, дуракъ, меня пужаешь? Кому наша душа нужна!...—Садись, говорю, сударь, со мной на козлы—не такъ жутко будетъ. Сѣлъ онъ со мною рядомъ, а самъ ровно бы вотъ листъ трясется. Чего же вы такъ, ваша милость, говорю: робѣть намъ нечего! Коли ежели что—насъ двое. А у самого, братецъ мой, духъ захватило, руки отымаются.

Пашка. Тетушка Алена, илесни еще щецъ-то. Щи-то понѣ у тебя жирныя, облопаешься. *(Кухарка поспѣшно наливаетъ щей и садится).*

Никита. Ѣхали мы, ѣхали,—слышу: съ правой стороны ровно бы окрикнулъ кто. Такъ у меня подъ сердце и подкатило! Я къ купцу: ваше степенство, говорю, мы пропали!—Что ты, говоритъ, милый человѣкъ!—Вѣрно, говорю... Подобралъ вожжи, да и думаю: всю тройку зарѣжу, а въ руки не дамся. Только хотѣлъ кнутомъ-то... Стой!.. Двое повисли на пристяжныхъ, да такъ всю тройку и осадили, а одинъ подошелъ къ тарантасу: аль больно скоро нужно? говоритъ.— Скоро, говорю.—Съ ярманки, что ли?—Какіе вы такіе люди есть, говорю, коли вамъ требуется?—А далеча ли вамъ ѣхать-то?—Далеча.—Мы, говоритъ, къ вамъ на устрѣтъ вышли... мѣсто здѣсь больно глухое... А купецъ мой и языкомъ владѣть пересталъ.

Бубенъ. Оробѣлъ!

Романъ. Какъ, батюшка, не оробѣть—оробѣешь. Ну!..

Никита. Только, братецъ мой, смотрю: лѣвую пристяжную ужъ отпрягли. Выскочилъ я изъ тарантаса-то, да хотѣлъ за лошадь-то уцѣпиться, какъ онъ меня хлясь!.. *(Кухарка взвизгиваетъ, какъ будто ее самое ударили).*

Никита. Такъ я и покатился!.. Въ глазахъ огни пошли... Слышу: и купецъ мой застоналъ, и такъ этотъ купецъ застоналъ—нутренная моя вся поворотилась... а опосля ужъ ничего и не помню.

Пашка. Чѣмъ же онъ тебя съѣздилъ-то—струментомъ какимъ, аль такъ?

Никита. Надо полагать, закладкой.

Бубенъ. Закладкой—бѣда! Меня разъ въ Москвѣ на *стънкѣ* закладкой тоже приложилъ, такъ я годъ въ больницѣ вылежалъ, кажинный день помирать изготовлялся, насилу отдыхалъ. *(Всѣ встали изъ-за стола. Странникъ ложится на лавку).*

Кухарка. Какъ же ты, батюшка, очнулся-то?

Никита. Очнулся-то я въ лѣсу, съ дороги-то они насъ въ лѣсъ сволокли. Утренничкомъ меня прохватило, ровно бы маленько я и очувствовался. Хочу головушку поднять—моченьки моей нѣту. Сталъ купца обзывать: господинъ купецъ, господинъ купецъ! А купецъ мой ничутъ. Доползъ я къ нему, а ужъ онъ Богу душу отдалъ и лица на немъ распознать нельзя. *(Кухарка утираетъ слезы).* Ну, думаю, и мнѣ, должно, въ дремучемъ лѣсу помирать надо; въ останный разъ хошь Богу помолюсь за родителевъ. Уцѣпился за дерево, всталъ, да опять, ровно снопъ, ударился. Въ полдни кое-какъ выползъ на дорогу-то; гляжу: тарантасъ мой въ канаву спихнули и кожу съ его всю ободрали...

Романъ. А домой какъ ты попалъ, батюшка?

Никита. Проѣзжій одинъ баринъ доставилъ.

Бубенъ *(взглянувъ въ окно).* Ужъ и туча же, братцы, какая лютая заходитъ! Безпремѣнно гроза будетъ.

Пашка *(разстилая по полу армякъ).* А и, братцы, эта гроза! Насъ однова въ лѣсу застала, дрова мы рубили... страсть! Какъ ударила молонья въ сосну, вотъ надо быть зубомъ дерево-то перекусила.

Бубенъ. Потому стрѣла у ей оченно тонкая... у молоньито!.. И никуда ты отъ ей не уйдешь. И ежели тебѣ отъ грозы помереть нужно, такъ ты отъ грозы и помрешь.

Романъ. Помереть, голубчикъ, отъ всего можно.

Бубенъ. Это точно, что... какъ не помереть

Странница. Завсегда къ этому готовиться надо.

Странникъ *(сквозь сонъ).* Въ помышленіи держать.

Бубенъ *(значительно).* Вѣрно!

Странникъ. Ходимъ мы по разнымъ мѣстамъ, а не знаемъ, гдѣ наша смерть будетъ.

Пашка *(зѣвая).* Гдѣ ни на есть, тетушка, а ужъ помрешь, помяни ты мое слово. *(Раздается ударъ грома; всѣ крестятся).* Лѣшему-то теперича смерть! *(Молчаніе).*

Бубенъ. А что?

Пашка. Оченно онъ грозы боится. Ужъ теперь онъ подъ деревомъ жмется.

Бубенъ *(ложится на полъ).* Не любитъ!

Пашка. Она его теперича по лѣсу-то гоняетъ. Ты, тетушка, лѣшихъ-то видала ли?

Странница. Гдѣ ихъ, батюшка, видѣть.

Пашка. Мы разъ видѣли: одна ноздря у него, а спины нѣту.

Романъ. Полно врать-то, дурацкой твой разумъ!

Пашка. Сейчасъ умереть, Романъ Игнатьичъ, кого хошь спроси. Онъ только показывается не всякому, а кого ежели оченно любитъ.

Никита. Что-жъ, ребята, я запрягать пойду.

Бубенъ. Съ Богомъ!

Никита. А вы утромъ?

Пашка. Мы чѣмъ-свѣтъ.

Никита. За хлѣбъ за соль...

Романъ. Ступай, справляйся.

Странница. Съ меня, хозяинъ, съ неимущей, что положите?

Романъ. Что съ тебя класть? Класть съ тебя нечего. Богу за насъ помолись.

Странникъ. Спаси тебя, Господи, рабъ Божій.

Романъ. Ну, ребята, спать чтобы у меня крѣпче...

Пашка. На счотъ этого, Романъ Игнатьичъ, не сумлѣвайся, вплоть до пѣтуховъ проспимъ. Спать нашему брату оченно въ пользу.

НА БОЛЬШОЙ ДОРОГѢ.

СЦЕНЫ ИЗЪ НАРОДНАГО БЫТА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Потапъ, бѣдный крестьянинъ.
Матрена, его сестра.
Степка, 7 лѣтъ } его дѣти.
Серега, 6 лѣтъ }
Дементій, его сосѣдъ, 30 лѣтъ.
Рогонокъ }
Клеймо } безпаспортныя личности, одѣтыя въ дубленые полушубки.
Вавиловна, прохожая старушка.

Дѣйствіе происходитъ въ деревнѣ, на большой дорогѣ. Деревенская изба.

ЯВЛЕНІЕ I.

Рогонокъ *(подпоясываясь)*. Справляйся скорѣй.

Клеймо. Я сейчасъ, за мной дѣло не станетъ. Пущай лошадь-то пожуетъ маленько, умаялась-чай. *(Смѣется)*.

Рогонокъ. Да, ужъ задали ей жару! Долго помнить будетъ.

Клеймо. Чай ужъ теперича хватился.

Рогонокъ. Какъ не хватиться: часа три мы гнали, да часъ, пожалуй, здѣсь сидимъ... Чай ужъ навылся до-сыта.

Клеймо. Экой у насъ народъ глупой!

Рогонокъ. Мы тоже лѣтось въ Питерѣ у чухонца лошадь угнали; опосля я его увидалъ, недѣли черезъ двѣ: худой такой сталъ...

Клеймо. Грустно, значитъ. *(Смѣется)*.

Рогонокъ. Всѣмъ бы хороша напа должность, кабы острога не было, а то попадешься—томятъ, томятъ...

Клеймо. Я разовъ шесть въ уголовной-то парился, да

Богъ миловалъ, одинъ разъ только въ сильномъ подозрѣніи оставили. А ужъ однова какъ приходилось: если бы попался, миногами бы накормили.

Рогонокъ. На темную, что-ль, кого взялъ?

Клеймо. Нѣтъ, я рукъ не кровянилъ и бить чтобы оченно кого тоже не приходилось; разъ только одного нѣмца потрепалъ маленько. А это, братецъ, вотъ какъ было: ушолъ я тогда съ этапу, на родину меня послали. Ну, какъ ушолъ, прямо сейчасъ въ Питеръ... Къ Лаврюшкѣ—въ части! къ Гуську—въ острогѣ! Что дѣлать? Къ Никонычу: нѣтъ, говоритъ, братъ, ступай, я больше вашего брата не пущаю, потому, говоритъ, меня самого затаскали. Дня четыре я путался по Питеру-то, кое-чѣмъ да кос-чѣмъ пробавлялся. Только иду разъ по Обуховскому, смотрю: часовня. Подошелъ, помолился, копеечку въ кружку опустилъ, а самъ замокъ пощупалъ. Думаю, постараться можно. Три ночи сбирался, да все какъ-то опасился. На мое счастье дождикъ, и ночь такая темная—зги не видать. Извѣстное дѣло, въ такую пору не токма дворниковъ—собаки на улицѣ не найдешь. Пошолъ. До костей меня прохватило, покуда я дошолъ-то. Только-что я перекрестился да ломъ за обручъ-то запустилъ, какъ меня сзади дубиной разъ!.. два!.. Караулъ!.. Стрѣла такъ не летитъ, какъ я бросился!.. И ничего, т. е никакой боли не чувствую. Слышу, карета ѣдетъ, я маленько остановился; только-что она поровнялась со мной, я разбѣжался да на задкѣ и повисъ, да вплоть до Сѣнной и ѣхалъ.

Рогонокъ. Чисто!

Клеймо. Да, такой штуки въ другой разъ, пожалуй, не сдѣлаешь. Опосля самому смѣшно стало. Ужъ и досталось же мнѣ! Вѣдь какъ пришлось-то! Кабы это на сухопараго человѣка,—до смерти бы на мѣстѣ убилъ, и я-то двѣ недѣли не разгибался. (*Надѣваетъ полушубокъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и МАТРЕНА.

Матрена. Въ дорогу справляетесь?

Рогонокъ. Да, тетушка, замѣшкались.

Матрена. А вы откелева?

Рогонокъ. По хозяйскимъ дѣламъ...

Матрена. Дальніе?

Клеймо. Нѣтъ, тутошные...

Матрена. Погода завернула, неспособно вамъ ѣхать-то. Мятелица такая, что—и!..

Рогонокъ. Доѣдемъ. Прощенья просимъ.

Матрена. Дай Богъ часъ, господа честные.

Клеймо. Ужли, тетушка, мужиковъ-то у тебя нѣтъ, одна живешь?

Матрена. Какъ, касатикъ, безъ мужиковъ—безъ мужиковъ нельзя. Въ городъ самъ-то уѣхалъ, да вотъ что-то нѣтъ долго. *(Клеймо и Рогонокъ переглядываются).*

Рогонокъ *(тихо).* Не здѣшняя ли лошадь-то?

Клеймо. Прощай, тетушка.

Матрена. Не посвѣтить ли, голубчики?

Рогонокъ. Нѣтъ, не требуется. *(Быстро уходятъ).*

ЯВЛЕНІЕ III.

МАТРЕНА, потомъ ДЕМЕНТІЙ, СТЕПКА и СЕРЕГА.

Матрена. Нѣтъ, должно, нонѣ не пріѣдетъ, заночуетъ. *(Зѣваетъ).* Эхъ, грѣхи, грѣхи! Куда скучно въ экую погоду-то.

Дементій *(входя).* Вотъ я тебѣ, тетушка Матрена, ребятъ привелъ.

(Серега при входѣ въ избу, быстро бросается на печь).

Матрена. Ты бы ноги-то въ сѣнцахъ околачивалъ. Ишь ты что снѣгу-то въ избу наворотилъ. Некому тутъ за вами прибирать-то!

Дементій. Мой, что ли, снѣгъ-то? На лопатѣ я тебѣ его, что ли, принесъ... Ты погляди-ко, что на дворѣ-то: свѣту Божьяго не видать. Потапъ Митричъ не бывалъ еще?

Матрена. Нѣту-тка. Сказывалъ, около вечеренъ пріѣдетъ, а нѣтъ.

Дементій. Не застрялъ бы въ дорогѣ-то. Ну, ребята, спать чтобы! А Серега-то гдѣ-жъ? *(Степка смѣется).*

Матрена. На печи. На печь забился... Да не уйдешь, несъ, не уйдешь!

Дементій. Аль опять провинился?

Матрена. У насъ съ нимъ одна вина-то—житья отъ его никому нѣтъ.

Степка. Афоськѣ давеча голову, было, проломилъ.

Дементій. Что-жъ, за это выстегать надо. Какъ, Степа, полагаешь: за такія дѣла надо стегать, аль нѣтъ?

Степка. Надо. *(Смѣется).*

Дементій. А коли надо, такъ кончено! Справляйся, те-

тушка Матрена. Сейчасъ мы его оттедова стащимъ, да своимъ судомъ... Я подержу, а ты опустишь сколько слѣдоваетъ. *(Серега заревѣлъ во все горло).* А! Не любишь!.. Баловать такъ твое дѣло, а какъ...

Серега. Я ее не трогалъ! Она меня сама все за виски дергала.

Матрена. Что те рѣжутъ, что ли, окаяннаго, прости Господи! Что ты ревешь-то?

Дементій. Полно, дурашка! Съ тобой шутки шутятъ, а ты думаешь взаправду. Ступай сюда, не тронемъ. *(Серега начинаетъ хныкать).* Утрись, да и слѣзай.

Серега. Не слѣзу.

Дементій. Говорятъ, не трону.

Степка. Не тронетъ. *(Серега робко высовываетъ голову съ печи и опять прячетъ).*

Дементій. Полно, ступай! Я сказку сказывать буду. *(Ложится на лавку; Степка садится у него въ головахъ).* Вотъ, братцы, въ нѣкоторомъ царствѣ, не въ нашемъ государствѣ, жилъ-былъ царь. А у этого царя было три дочери: одна глухая, другая нѣмая, третья безрукая. Только вотъ царь и говоритъ своимъ дочерямъ: дочери мои милыя, изъ разныхъ земель короли ко мнѣ понаѣзжаютъ... *(Прислушивается).* Что это, словно бы воетъ кто? Ужли вѣтеръ! Тетушка Матрена, труба-то у васъ закрыта ли?

Матрена. Какъ же, закрывали давеча. Энтотъ озорникъ-то не открылъ ли?

Дементій. Серега, ты трубу не открылъ ли?

Серега. Открылъ.

Матрена. Ахъ ты, песъ экой! Вотъ баловень-то зародился. Закрой сейчасъ! *(Серега молча исполняетъ приказаніе).*

Дементій. Нечего ему дѣлать-то, вонъ онъ и балуется. Степка, давай выкинемъ его въ сугробъ, пущай его волки растерзаютъ на части. Что его, сорванца, жалѣть-то!

Серега. Выкинулъ одинъ такой-то!

Дементій. Что?! Ты у насъ молчи лучше, насъ вѣдь здѣсь двое. Вѣдь мы съ имъ сладимъ, Степа?

Степка. Сладимъ.

Дементій. Значитъ, тебѣ, востроносому, супротивъ насъ ничего не подѣлать. Ну вотъ, говоритъ, изъ разныхъ земель короли понаѣзжаютъ...

Степка. А ты лучше про вѣдьму разскажи.

Дементій. Про кеивскую? Изволь. *(Серега сползаетъ съ печи).* Да ступай, миляга, слушай.

Серега. Прибьешь?

Дементій. Не трону.

Серега. Побожись.

Дементій. Сейчасъ умереть, не трону.

Серега. Нѣтъ, ты скажи: провалиться мнѣ на этомъ мѣстѣ.

Дементій. Провалиться мнѣ на этомъ мѣстѣ! *(Серега робко слѣзаетъ съ печи и подходитъ къ Дементью).* Я вишь какой человѣкъ: сказалъ не трону,—и кончено! И никому, значитъ, не позволю тебя обиждать. Садись на меня теперича хошь верхомъ, и то ничего. Ты вѣдь озорничать не будешь?

Серега. Не буду.

Дементій. Ну, значитъ, ты милой человѣкъ, а милыхъ людей я оченно люблю. И будемъ мы съ тобой жить, пока Богъ грѣхамъ нашимъ терпитъ. Садись на меня верхомъ. *(Серега робко садится, думая, не обманываетъ ли его Дементій).* Хошь, я тебя теперича въ Москву свезу, али въ Питеръ, куда хошь—мнѣ все равно. *(Качаетъ Серегу).* Жизнь, тетушка Матрена, малолѣтнимъ-то! Хошь бы денечекъ по ихнему-то пожилъ. Ничего это они не чувствуютъ, какъ должно... Вотъ хоть бы теперича Серега. Ну, что ты пострѣлъ, понимать можешь? Что ты можешь чувствовать? Какая такая твоя должность?

Матрена. Должность его извѣстная: всталъ ни свѣтъ, ни заря, не умывши, Богу не помолившись — шасть изъ избы, да и мается день-то деньской невѣсть гдѣ.

Степка. Что-жъ ты про вѣдьму-то?

Дементій. Не токма что я тебѣ про вѣдьму, а какъ я тебя за твою добродѣтель оченно люблю, потому ты парнишко смирной, я тебѣ къ Святой пару голубей достану.

Серега. И мнѣ!

Дементій. Тебѣ, братъ, не за что. А можетъ, мы тебя къ Святой-то въ солдаты отдадимъ. *(Серега смотритъ на него вопросительно).* Что глядишь-то? это вѣрно! Свяжемъ, значитъ, свеземъ къ становому: вотъ, скажемъ, ваше благородіе, Серега у насъ оченно балуется, прикажите ему лобъ забрить. *(Степка смѣется).* А Степкѣ пару голубей предоставлю... Синицъ съ нимъ пойдемъ ловить. Синицъ много въ тѣ поры поналетитъ.

Серега *(сквозь слезы).* А я баловать не буду.

Дементій. Коли ежели не будешь, значитъ и мы съ тобой будемъ компанію водить, а то въ солдаты.

Матрена. Ты самъ, посмотрю я на тебя, ровно махонькой—городитъ невѣсть что.

Дементій. Больно ужъ ребятъ-то, тетушка Матрена, люблю, потому они очень смѣшные.

Степка. А вонъ дьячковы дѣти лѣтось воронье гнѣздо разорили.

Дементій. Потому, они кутейники. Нешто они могутъ понимать? А вы, ребята, гнѣзда не трогай. Грѣхъ великій, ежели кто гнѣздо разоритъ. Коли найдешь гнѣздо съ яичками — не тронь, пущай выводитъ. А кутейники эти, вѣстимо, голодные: они не токма яица — они и голубей лопаютъ.

Матрена. Тьфу! какъ это имъ въ душу-то лѣзетъ!

Дементій. Жрать хочется!

Матрена. Да вѣдь голуби-то непоказанное?

Дементій. Мало ли что непоказанное! А вы, ребята, коли ежели мнѣ пріятели, — коли кто примѣтилъ гнѣздышко: сейчасъ покажи мнѣ. *(Молчаніе).* А вотъ, братцы, Богъ дастъ, полая вода придетъ, рыбу пойдемъ ловить. Какъ занятно!

Матрена. Ну, этимъ рыбакамъ-то спать пора. Снуютъ, снуютъ день-то деньской, умаются.

Дементій. Что-жъ скажи, ребята: за нами дѣло не станетъ, мы и спать можемъ. *(Встаетъ и почесывается).* Погода, значитъ, самого-то задержала... Оченно ужъ вьюга-то. Теперешнее дѣло, какъ разъ съ дороги собьешься. Бѣда, тетушка Матрена, объ эту пору въ дорогѣ! Не приведи-то Господи! Стужа! Глазыньки тебѣ это всѣ залѣпитъ, борода обмерзнетъ, злой сдѣлаешься, животину бьешь, ровно бы она причинна! Все это, значитъ, Божья власть, а ты въ ту пору ничего этого чувствовать не можешь, потому сердце въ тебѣ больно раскипится. *(Потягивается).*

Матрена. Хозяина-то дома нѣтъ, словно бы и страшно одной-то.

Дементій. Точно что одной-то жутко.

Матрена. Да мнѣ нонѣ цѣлый день что-то не по себѣ, ровно бы я что потеряла, аль такъ душенька ностъ. *(Съ улицы въ окно слышится стукъ).*

Дементій. Не самъ ли?

Матрена. Кому-жъ, опричь его. *(Выходитъ изъ избы).*

Дементій *(къ ребятамъ).* А вы что-жъ не ложитесь? У меня спать чтобы, а то вѣдь я сердитый, наказывать стану.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и ВАВИЛОВНА.

Вавиловна. Пустите, православные, душу на покаяніе. *(Садится въ изнеможеніи на лавку).*

Дементій. Ишь ты, какъ тебя занесло-то! Въ самую мятель-то ты, значитъ, и попала...

Вавиловна. Охъ, батюшки мои!..

Дементій. Ты ноги не ознобила ли?

Вавиловна. Моченьки моей нѣтъ!

Матрена. Раздѣнься, голубка. *(Помогаетъ ей раздѣться).* Ишь ты, на тебѣ одного снѣгу-то пудовъ пять будетъ.

Вавиловна. Не чаяла я ужъ живой-то быть; думала, помру, въ чистомъ полѣ, не замоливши грѣховъ своихъ.

Дементій. Что хитраго помереть въ экую стужу! Въ экую стужу и мужику только въ пору, а ужъ вашей сестрѣ гдѣ. Ты теперича на печь ступай.

Вавиловна. Ноженьки-то въ снѣгу-то вязнутъ, идти-то неспособно, а тороплюсь поспѣть засвѣтло.

Дементій. А ты далеча ли пробираешься-то?

Вавиловна. Въ Москву, батюшка. Сыночекъ у меня въ Москвѣ живетъ.

Дементій. По какой части?

Вавиловна. По пачпорту ходилъ, а теперича приписался.

Дементій. А вы господскіе были?

Вавиловна. Господскіе, батюшка, господскіе.

Дементій. Чьихъ?

Вавиловна. Семенъ Иваныча Батурина. *(Продолжительное молчаніе).*

Дементій. Отъ господъ-то отошли теперича

Вавиловна. Слободные, батюшка.

Дементій. Вѣдь тебѣ, баушка, чай все равно: ты старый человѣкъ. Вѣдь тебѣ годовъ, чай, много?

Вавиловна. Много, батюшка.

Дементій. Ты французское-то разореніе помнишь ли?

Вавиловна. Помню, голубчикъ, все помню. Въ тѣ-поры, какъ ему придти-то, французу-то, на небѣ все столбы ходили. Небо это загорится, и пойдутъ столбы, и пойдутъ столбы. Думали тогда, къ мору, анъ ждемъ-пождемъ—онъ и пришолъ и двѣнадцать языковъ съ собою привелъ.

Дементій. Двѣнадцать языковъ—это ты вѣрно. Видимо-невидимо, говорятъ, ихъ привалило тогда. Дѣдушка намъ сказывалъ.

Вавиловна. Въ тѣ-поры нашъ эпералъ кресты свои, медали всѣ понавѣсилъ, да ночью, съ Васильемъ фалеторомъ на войну и уѣхалъ.

Матрена. На страженіе?

Вавиловна. Да, матушка. Прощайте, говоритъ, православные, ѣду я проливать свою эперальскую кровь. И могилку батюшкѣ велѣлъ себѣ выкопать у церкви. Да Богъ его помиловалъ, голубчика, опять къ намъ пріѣхалъ. Какъ это у французовъ землю эту ихнюю подъ нашего царя подвели, въ нашу вѣру правую ихъ всѣхъ перегнали—онъ и пріѣхалъ, и помню это, нѣмца съ собой привезъ; барчатъ онъ тогда, сказывали, на разные языки обучалъ по-ихнему.

Дементій *(потягиваясь)*. Ишь ты, старинные-то люди, тетушка Матрена, все знаютъ! Ну, прощайте. Ты, бабушка, на печь бы шла. *(Хочетъ идти. Съ улицы слышится невнятный разговоръ; всѣ прислушиваются)*. Что это, тетушка, словно какъ самъ пріѣхалъ. *(Молчаніе)*. Да, онъ и есть! Его рѣчи-то. Что за причина! *(Разговоръ становится внятнѣе)*. «Да тутъ, въ Алешинѣ». «Да, какъ же ты прозѣвалъ?» «Надо бы бѣжать». «Въ экаю вьюгу много ли набѣжишь, зги Божьей не видать». *(Всѣ въ недоумѣніи; Дементій смотритъ на Матрену вопросительно)*. Отпирай, ступай! *(Матрена бѣжитъ и возвращается съ Потапомъ)*.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и ПОТАПЪ, окоченѣвшій отъ холода.

Матрена. Чтой-то, батюшка!

Потапъ. Божеское попущеніе!

Дементій. Что ты, Потапъ Митричъ?

Потапъ. Ограбили!

Дементій. Какъ ограбили!

Потапъ. Лошадь угнали!!

Дементій. Что ты!!

Матрена *(воетъ)*. Ай, батюшки! Чѣмъ мы Бога прогнѣвали? За что на насъ экое наказаніе!..

Потапъ. Разорили меня, съ малыми дѣтьми разорили! Взяться теперь нечѣмъ. Словно и свѣтъ Божій мнѣ все одно, хошь руки на себя накладай. *(Обратившись къ образу)*. Батюшка, Царь милостивый! Твоя воля, Твой предѣлъ, Отецъ нашъ небесный! *(Плачетъ)*. Легче бы хворость какую лютую выхворалъ, ничѣмъ это дѣло. Ахъ ты, Господи!

Матрена. Чуяла моя душенька, что быть нехорошему. Цѣлый-то денёчекъ нонѣ не спалось мнѣ, не ѣлось...

Дементій. Да какъ же, братецъ, кое мѣсто угнали-то? Можетъ, еще мы на слѣдъ попадемъ...

Потапъ. Гдѣ попасть, гдѣ попасть! Не на то воруютъ лихіе люди...

Вавиловна. Кабы маленько я не поспѣла, и меня бы ограбили.

Дементій. Постой, баушка, что съ тебя взять! Что-жъ дѣлать, Потапъ Митричъ?

Потапъ. Что дѣлать!.. Ложись да умирай!

Дементій. Зачѣмъ умирать, умирать не слѣдъ. Да какъ дѣло-то было?

Потапъ. Прозябъ я оченно, погода-то больно завернула, да въ Алешинѣ въ кабакъ и заворотилъ; отъ кабака-то и угнали. Цѣловальникъ сказывалъ, что двое какихъ-то сидѣло. Одинъ говоритъ, кривой, а другой рыжій такой. Опричь ихъ, говоритъ, некому.

Матрена. Батюшки!.. Касатики!.. Выньте изъ меня мою душеньку!.. Они здѣсь были... *(Ребятишки просыпаются и смотрятъ въ недоумѣніи).*

Дементій. Кто?

Матрена. Воры-то, воры-то! И лошадь-то наша у насъ на дворѣ была!... Давя, какъ тебѣ съ ребятами-то придти, я ихъ только-что спустила. Ой, смертушка моя!

Дементій. Это двое-то выѣхали?

Матрена. Они, они самые. Кривой одинъ.

Дементій. Ну такъ, Потапъ Митричъ, не сумлѣвайся. Они ночью по экой погодѣ далеча не уѣдутъ. Вотъ погода перестанетъ, мы ихъ нагонимъ.

Потапъ. Какъ же тебѣ не въ догадъ? Ужли ты нашей лошади не знаешь?

Матрена. Не въ догадъ, батюшка, не въ догадъ! Всѣ глазыньки залѣпило... *(Востъ).*

Потапъ *(къ дѣтямъ).* Вотъ, ребятушки, лошадь нашу угнали. Пропащій я теперича съ вами человѣкъ! *(Плачетъ и опускаетъ голову на столъ).*

НА ПОЧТОВОЙ СТАНЦІИ.

НОЧЬЮ.

— Ямщики! Эй, ямщики! Тарантасъ подъѣхалъ...

— Вставай... чья череда-то?..

— Микиткина...

— Микитка!.. Слышь!.. Микитка, гладкій чортъ! тарантасъ подъѣхалъ...

— Сичасъ!..

— Да какъ же ты теперича поѣдешь-то?

— А что?

— Ночью-то?!.

— Ну?

— Такъ что же?

— По косогорамъ-то?

— Такъ тарантасъ-то вляпаешь!..

— Вляпаешь! Пятнадцать годовъ ѣзжу, да вляпаешь!..

— Ваше благородіе! Тутъ у насъ на 7-й верстѣ къ Озерецкому-то косогоры, такъ вотъ отъ почтоваго епартаменту обозначено, чтобъ сумлѣнія не было...

— Помилуйте, ваше благородіе, я пятнадцать годовъ ѣзжу...

— Онъ-тѣ въ загривокъ-то накладетъ...

— Наклалъ!.. Мазали чтолича?

— Смазано...

— Извольте садиться, ваше благородіе! Эхъ вы, голубчики!..

— Смотри осторожнѣе...

— Помилуйте, сударь, я пятнадцать годовъ ѣзжу. Ямщики, извѣстно, со смотрителемъ заодно... Смотрителю только бы самовары наставлять, пользоваться... Тпру!!..

— Что?

— Вотъ этотъ самый косогоръ-то и есть.

— Осторожнѣй!

— Помилуйте, сударь, я пятнадцать годовъ ѣзжу. Не извольте сумлѣваться... Тпру!..

— Смотри!

— Точно что оно, опосля дождя, тутъ жидко...

— Держи!..

— Господи, ужли въ пятнадцать-то годовъ дороги не знаю...

(Тарантасъ падаетъ.)

— Что-жъ, ты, чортъ тебя возьми!..

БЕЗОТВѢТНЫЙ.

СЦЕНА ВЪ ДЕРЕВНѢ.

— Калина Митричъ, скажи ты мнѣ, отчего я такъ много доволенъ?

— Можетъ выпимши...

— Стаканчикъ выпилъ, это вѣрно! А ты мнѣ скажи, отчего я такъ много доволенъ?

— Поди-жъ ты! Кажинный разъ на этомъ мѣстѣ...

— Ну, отъ стаканчика и доволенъ.

— Стаканчикъ одинъ — ничего! А я оченно радъ! Видишь — птичка сидитъ, и я радъ! Пущай сидитъ, голубушка!.. Оттого я много доволенъ, что хорошій я оченно человѣкъ! Такой я хорошій человѣкъ,—по всей деревнѣ и людей такихъ нѣтъ! Чаю я не пью...

— А стаканчикъ-то...

— Въ первой отъ роду! Силкомъ влили! Давайте, говоритъ, мы Митѣ стаканчикъ поднесемъ. Священникъ заступился: что вы, говоритъ, непьющему человѣку...

— То-то я смотрю: тихій ты человѣкъ, голосу твоего никогда не слыхать, а теперь разговаривать сталъ.

— Оттого я много доволенъ, что всѣхъ я люблю!.. Рыбу я ловить люблю.—Въ лѣсу чтобы мнѣ ночью — первое это мое удовольствіе!.. Выду я въ лѣсъ, когда почка развернется, да и стою. Тихо! Духъ такой здоровый!.. Мать ты родная моя, какъ я лѣсъ люблю! Ежели теперича въ лѣсу ночью гроза...

— Не боишься?

— Люблю! Какъ почнетъ это она сосны выворачивать... страсть! А опосля того подымется всякая разная птица, на разные голоса...

— Охотникъ ты большой!

— Большой я охотникъ! По нашему лѣсу вплоть до вантеевской мельницы—я всѣ гнѣзда знаю. А какъ меня рыба уважаетъ!.. Ухъ, какъ она меня уважаетъ! Но только за мою эту охоту великое мнѣ наказанье было! И какъ это, Калина Митричъ, обидно! Хорошій я человѣкъ, чаю я не пью...

— Такъ за что же?

— Жилъ я на фабрикѣ и какъ слободное время — сейчасъ я въ лѣсъ. Тамъ народъ—кто въ трактиръ, кто куда, а я въ лѣсъ. И сижу это я въ лѣсу и таково мнѣ хорошо—лучше требовать нельзя. Вдругъ, братецъ ты мой, откуда ни возьмись — двое. Какой ты есть человѣкъ? По какому случаю? Птицъ, говорю, наманиваю. Поволокли меня къ становому.—Помилуйте, говорю, за что же? Ни въ чемъ я не причиненъ... Ахъ, Калина Митричъ, какъ мнѣ это обидно! Вышелъ становой и сейчасъ меня обыскивать. Сознавайся, говоритъ, тебѣ легче будетъ: — ты фальшивую монету дѣлалъ? Никакъ нѣтъ, говорю. За что вы, ребята, его взяли? Не можемъ, говорятъ, знать: сидитъ въ оврагѣ— и взяли. Зачѣмъ, говоритъ, ты въ оврагѣ сидѣлъ? Птицъ, говорю, люблю, ваше благородіе. Вотъ тебѣ, говоритъ, двугривенный, ступай на всѣ четыре стороны. Вѣришь ты Богу, Калина Митричъ, какъ мнѣ это обидно! Иду мимо церкви, хотѣлъ положить этотъ самый двугривенный въ кружку, а ужъ дѣло подъ вечеръ было, сейчасъ меня опять судить; ты, говорятъ, у храма Божьяго кружки ломать хочешь!.. Пустите, говорю, голубчики:—сейчасъ меня судили. Вотъ двугривенный становой далъ. Человѣкъ я безотвѣтный! смирный!.. Отпустили. Ну и какъ же мнѣ это обидно!..

СЦЕНЫ ИЗЪ КУПЕЧЕСКАГО БЫТА.

СМОТРИНЫ и СГОВОРЪ.

Еремей Терентьевичъ Смѣсовъ, купецъ лѣтъ 50.
Дарья Ивановна, его жена.
Душа (Авдотья), ихъ дочь, 17-ти лѣтъ.
Θекла Θедосѣевна (бабушка), мать Смѣсова.
Анна Петровна, купеческая дочь, дѣвица 40 лѣтъ.
Вѣрочка, подруга Души.
Марья Ивановна, чиновница.

Дѣйствіе происходитъ въ Москвѣ, въ Рогожской улицѣ. Небольшая комната, меблированная безъ вкуса.

I.

СМОТРИНЫ.

БАБУШКА и АННА ПЕТРОВНА.

Бабушка. Съ этакимъ человѣкомъ и говорить-то пріятно, потому, у него всякое слово на пользу. По всѣмъ мѣстамъ ходилъ, все видѣлъ... Такія, говоритъ, мѣста есть — кормятъ какъ, трапеза какая—рай земной!..

Анна Петровна *(вздыхаетъ)*. Есть, есть; не всякій только, по грѣхамъ по своимъ, сподобится увидать-то ихъ.

Бабушка. Мы, говоритъ, въ семъ мірѣ только плоть свою тѣшимъ... Да вѣдь и правда!

Анна Петровна. Все правда!

Бабушка. Я, говоритъ, не то что къ примѣру, это зря говорю: все это я изъ книгъ... по книгамъ все...

Анна Петровна. Вотъ бы его, Θекла Θедосѣвна, насчетъ нашего Демьяшки-то спросить...

Бабушка. А что?

Анна Петровна. Въ умѣ помутился отъ книгъ-то.

Бабушка. Зачитался?

Анна Петровна. Третій годъ, матушка, мы съ нимъ маемся. Чего-чего не дѣлали — и въ пустынь-то возили, и на дому-то отчитывали—ничего не помогаетъ. Доктора какъ-то звали. Пріѣхалъ, посмотрѣлъ. Давно ли? говоритъ. — Такъ и такъ говоримъ: три года.—Поздно, говоритъ:—кабы вы по-первоначалу ко мнѣ пріѣхали, я бы поставилъ его на ноги, а теперь нельзя. Сестра Домна говоритъ: это мы, говоритъ, оттого полагаемъ, что онъ книгъ зачитался, потому, онъ съ малыхъ лѣтъ все въ книжку читалъ. Ну, онъ засмѣялся. Нешто они понимаютъ! Измучилъ онъ насъ совсѣмъ, хоть бы поскорѣй прибралъ его Богъ. Третій годъ не встаетъ съ постели, дадутъ ежели поѣсть — поѣстъ; нѣтъ — ему все равно — не спроситъ. И вѣдь это, Ѳекла Ѳедосѣвна, дивное дѣло: ума бы, кажется, у него совсѣмъ нѣтъ, потому, говоритъ все это несообразно, одежу на себѣ рветъ, пѣсни поетъ, а какъ посты всѣ знаетъ, праздники... уму непостижимо! Сестра Домна когда это спроситъ: Демьяша, какой нынче праздникъ—сейчасъ скажетъ.

Бабушка. Да онъ у васъ, должно, блаженный.

Анна Петровна. Богъ его знаетъ.

(Входитъ Смѣсовъ

Бабушка. Послушай-ко, Еремей Терентьичъ, что Аннушка про племянника разсказываетъ.

Смѣсовъ. Слушать-то нечего, знаемъ! Уморили парня, да теперь разговариваютъ.

Анна Петровна. Чѣмъ мы его уморили-то?

Смѣсовъ. Молчи лучше! Скажу—стыдно будетъ.

Анна Петровна. Сестра Домна...

Смѣсовъ. Разсказнить надо твою сестру Домну-то!

Анна Петровна. Да коли бы ежели въ тѣ поры не она...

Смѣсовъ. Всѣхъ она васъ послѣ родителя-то оболванила. Который отъ покойника Петра Савича капиталъ-то остался— гдѣ онъ? Сколько страму-то было, — помнишь, аль нѣтъ? Все быть барыней хотѣлось, эпиральшей! Хоть бы теперь, дура, грѣхъ-то прикрыла... не молоденькая!..

Анна Петровна. Не намъ судить.

Смѣсовъ. Нѣтъ, намъ судить. Страмъ! Вамъ теперь ѣсть, поди, нечего, а она въ коляскахъ разъѣзжаетъ. Надо полагать, парень отъ ея безобразія-то и помутился. Помутишься! Жилъ, можно сказать, въ довольствѣ, да въ роскоши, къ наукѣ себя приспособить хотѣлъ, а опосля покойника вы его на кухню прогнали.

Анна Петровна. Что-жъ, коли мы въ бѣдность произошли...

Смѣсовъ. Учить-то ее некому! Намедни, говорятъ, съ сожителемъ-то своимъ въ Марьиной такой кранболь сдѣлали, что-любо два! Всѣ съ фонарями оттеда пріѣхали.

Бабушка. Ну, Богъ съ ней! Она въ грѣхѣ, она и въ отвѣтѣ.

Смѣсовъ. Да парня-то жалко. Ты бы, бабушка, туда пошла. Скоро, чай, пріѣдутъ.

Бабушка. Пойдемъ, Аннушка.

(Всѣ уходятъ; входятъ Вѣрочка и Душа).

Душа. Ты знаешь, Вѣрочка, отчего у насъ такъ въ залѣ убрано?

Вѣрочка. Нѣтъ, не знаю.

Душа. Меня сватаютъ.

Вѣрочка. Что-жъ, это дѣло хорошее.

Душа. Мнѣ очень совѣстно!..

Вѣрочка. Тутъ нечего совѣсть наблюдать, а вышла поскорѣй,—и конецъ...

Душа. Страшно на первый-то разъ.

Вѣрочка. Смотрѣть, что ли, пріѣдетъ?

Душа. Ждутъ.

Вѣрочка. Меня четыре раза смотрѣли: я тебя научу, — тутъ важности нѣтъ; другое дѣло, когда подъ вѣнецъ везутъ — тутъ совсѣмъ другія чувства нужны, а это очень просто. Онъ благородный?

Душа. Нѣтъ, купецъ.

Вѣрочка. Что-жъ, съ купцомъ особенной и политики не нужно. Не смотри ему только въ глаза, чтобъ не зазнавался.

Душа. А ну, какъ онъ говорить будетъ?

Вѣрочка. Они не говорятъ. Онъ только вопьется въ тебя глазами...

Душа. Ужасно конфузно!

Вѣрочка. Это съ непривычки.

Душа. А что ты думала, Вѣрочка, когда тебя смотрѣли?

Вѣрочка. Извѣстно, все разное думала... обо всемъ. Только ко мнѣ все нехорошіе сватались; а одинъ такъ пьяный пріѣхалъ, все цаловаться лѣзъ, насилу выжили.

Кухарка *(впопыхахъ).* Барышня, приготовься, матушка, оправься!.. Вѣра Митривна, обдерни ей платье-то... Ѣдутъ!.. *(Убѣгаетъ).*

(Входятъ Смѣсовъ, Дарья Ивановна, бабушка).

Дарья Ивановна. Готова ли ты?

Душа. Готова, маменька.

Бабушка *(плачетъ)*. Твори молитву... читай про себя молитву.

Душа. Лучше бы, Вѣрочка, въ другой разъ...

Вѣрочка. Не бойся...

(Входятъ: Иванъ Гавриловичъ, молодой человѣкъ, въ голубыхъ брюкахъ съ лампасами, въ палевомъ жилетѣ и пестромъ галстукѣ; Гаврила Прокофьичъ, его отецъ, лѣтъ подъ 60; Домна Семеновна, его мать, въ повязкѣ).

(Продолжительное молчаніе).

Гаврила Прокофьичъ. Ѣхали мимо.

Смѣсовъ. Благодаримъ покорно, что не побрезговали.

Домна Семеновна *(сыну тихо)*. Смотри, тебѣ съ ней жить-то...

Иванъ Гавриловичъ. Понимаю, маменька.

(Смѣсовъ подноситъ вино къ Гаврилѣ Прокофьичу; тотъ пьетъ и откланивается, потомъ къ Домнѣ Семеновнѣ).

Домна Семеновна *(отстраняя рукой рюмку)*. Благодаримъ покорно!

Смѣсовъ. Это легкое-съ.

Домна Семеновна. Развѣ что легкое... *(Отпиваетъ половину рюмки).*

Дарья Ивановна *(постыдно)*. Всю, всю, всю-съ... *(Домна Семеновна допиваетъ).*

(Смѣсовъ передаетъ рюмку Душѣ, та подноситъ жениху).

Иванъ Гавриловичъ. Сдѣлайте ваше одолженіе, увольте великодушно—не употребляю.

Дарья Ивановна. Нѣтъ, ужъ выкушайте!

Иванъ Гавриловичъ. Ей-Богу, не могу!

Смѣсовъ. Нѣтъ, ужъ вы сдѣлайте милость.

Домна Семеновна. Онъ еще у насъ не набалованъ.

(Иванъ Гавриловичъ беретъ рюмку и пьетъ; кухарка приноситъ самоваръ; Душа обноситъ всѣхъ чаемъ; продолжительное молчаніе).

Гаврила Прокофьичъ. Это у васъ какое производство?

Смѣсовъ. Фабричку небольшую держимъ. *(Молчаніе).*

Домна Семеновна. Варенье-то сами варите, аль покупаете?

Дарья Ивановна. Сами. *(Молчаніе).*

Иванъ Гавриловичъ *(подходитъ къ канвовой картинкѣ)*. Это вы изволили эту самую кошечку вышивать?

Душа *(вся вспыхнувъ)*. Я.

Иванъ Гавриловичъ. Сами?

Душа. Сама.

Иванъ Гавриловичъ. Это вы какъ изволили вышивать — изъ головы, аль съ картинки какой-съ?

Душа. Съ узора.

Кухарка *(въ дверяхъ).* За экимъ кавалеромъ никому не стыдно быть... Ишь ты!.. На что лучше!..

(Душа отходитъ съ Вѣрочкой въ сторону).

Бабушка *(тихо).* Поди, стой на глазахъ... Куда ушла-то?

Вѣрочка. Ей дурно.

Бабушка. Отчего, матушка?

Вѣрочка. Разумѣется, отъ воображенія.

(Смѣсовъ и Дарья Ивановна подходятъ къ дочери).

Гаврила Прокофьичъ. Ну что, какъ на твои глаза?

Иванъ Гавриловичъ. На все есть воля ваша, тятенька, а мнѣ лучше не требуется; это вы совсѣмъ по моимъ чувствамъ потрафили — какъ насчетъ разговору и насчетъ всего-съ.

Гаврила Прокофьичъ. Мать, какъ дѣла?

Домна Семеновна. Что-жъ, я съ него воли не снимаю. Коли ему по нраву пришла, я дамъ свое благословеніе... Потолще бы маленько... виднѣй бы была.

Иванъ Гавриловичъ. Въ толстыхъ-то, маменька, тоже большого проку нѣтъ-съ...

Домна Семеновна. Какъ хотите съ отцомъ... мнѣ все равно...

(Всѣ встаютъ).

Гаврила Прокофьичъ. Прощенья просимъ. Заѣзжайте, потолкуемъ. *(Отводитъ Смѣсова въ сторону).* Объявите, что нашему сыну оченно ваша барышня понравилась. А тамъ насчетъ росписи у насъ разговоръ будетъ...

(Всѣ уходятъ).

Вѣрочка. Что, Душа, понравился?

Душа *(покраснѣвъ).* Еще не знаю.

Бабушка. Это опосля все узнаешь.

II.

СГОВОРЪ.

(Въ конюшнѣ).

МАКАРЪ — кучеръ жениха; ѲЕДОСѢЙ — кучеръ Смѣсова.

Макаръ *(входя).* Честь имѣемъ поздравить!

Ѳедосѣй. Благодаримъ покорно!

Макаръ. Закрутили вы нашего Ивана Гавриловича.

Ѳедосѣй. Это дѣло хорошее, дай Богъ всякому.

Макаръ. Значитъ, мы съ имъ таперича будемъ жить какъ должно.

Ѳедосѣй. Да, ужъ баловство всякое надоть бросить, потому мы вамъ такую кралю отдаемъ—знаралу не стыдно.

Макаръ. Нашему Гаврилѣ Прокофьичу все одно; ему, главная причина, насчетъ денегъ,—а что на этихъ краль мы не смотримъ... Сватали ужъ намъ всякихъ.

Ѳедосѣй. Пожалуй, другая и съ большими деньгами, да что въ ней!.. Вонъ у Сизова дочь...

Макаръ. Знаемъ; мы и къ ней сватались. Иванъ Гаврилычъ въ тѣ поры отъ ней въ бѣгахъ находился, въ Грузинахъ проживалъ. Дѣло-то до графа доходило, графъ ужъ имъ раздѣлюцію сдѣлалъ. Вы меня, говоритъ, тятенька, хоть на поселенье сошлите, а ужъ на этой вашей невѣстѣ я жениться несогласенъ. Такъ ужъ онъ его точилъ-точилъ... цѣлый годъ въ деревнѣ на фабрикѣ держалъ...

Ѳедосѣй. Ишь, онъ у васъ какой!

Макаръ. Бѣдовый! Онъ только кажется-то подхалимомъ, а блажной старикъ. *(Молчаніе).* Старше-то вотъ сталъ тише, а то, бывало, что дѣлалъ — страсть! Стекла, посуду въ трактирѣ перебьетъ: получай, говоритъ, капиталы за все, что стоитъ, а здраву моему не препятствуй!.. Разъ онъ у насъ безъ вѣсти пропадалъ.

Ѳедосѣй. Ну!

Макаръ. Съ нѣмцемъ, съ красильщикомъ, запили, а куда же ихъ чортъ, съ пьяныхъ-то глазъ, дернулъ? — въ Ростовъ уѣхали, да двѣ недѣли тамъ и хороводились. Бабушка выручать ѣздила, обманомъ его оттеда въ пустынь увезла, тамъ только очувствовался... Крутой человѣкъ! Съ нѣмцемъ это они разъ, было, домъ сожгли. Тотъ ему, болтали тогда, какую-то химію показывалъ. А мадамъ у нѣмца жила молоденькая, при дѣтяхъ была приставлена насчетъ науки, такъ захворала со страху: я, говоритъ, такихъ людей съ роду не видывала. *(Молчаніе).* Коли ежели за нимъ не усмотрятъ, онъ и нонѣ какое ни на есть колѣно выкинетъ, ужъ онъ это разрѣшеніе себѣ сдѣлаетъ... Сына женитъ—нельзя.

Ѳедосѣй. Ну, а теперича съ Иваномъ-то Гаврилычемъ они въ ладахъ, аль нѣтъ?

Макаръ. Простилъ. Батюшка, сказываютъ, на духу уговорилъ. Сама ѣздила, батюшку просила.

Ѳедосѣй. Мы вчера съ хозяйкой къ ворожеѣ ѣздили, такъ не насчетъ ли этихъ дѣловъ она гадала? Куфарка сказывала, что хозяйкѣ не совсѣмъ ладно вышло...

Макаръ. Объ немъ, это вѣрно.

Ѳедосѣй. По твоимъ рѣчамъ, надо полагать, такъ. Пойти велѣть дворнику ворота запереть, а то лишняго народа много наберется.

Макаръ. Это ничего, пущай смотрятъ.

Ѳедосѣй. А что, въ самомъ дѣлѣ, пущай смотрятъ.

Макаръ. Ужъ это вездѣ такіе порядки.

Ѳедосѣй. Ну, ладно.

Небольшая комната, оклеенная желтыми обоями. ДУША и ИВАНЪ ГАВРИЛОВИЧЪ сидятъ на диванѣ.

Душа. А послѣ сговора вы къ намъ каждый день будете ѣздить?

Иванъ Гавриловичъ. Не токма что каждый день, а коли бы ежели какая возможность была, я бы совсѣмъ отъ васъ не поѣхалъ.

Душа. Скажите мнѣ откровенно: вы въ меня очень влюблены?

Иванъ Гавриловичъ. Какое-жъ въ этомъ есть сумнѣніе? Поэтому самому я и жениться на васъ хочу. *(Цѣлуются. Продолжительное молчаніе).*

Душа. Можетъ-быть, съ вашей стороны это только одинъ разговоръ, а на умѣ вы совсѣмъ другое держите.

Иванъ Гавриловичъ. Я только одно въ умѣ содержу: поскорѣй бы мнѣ отъ тятеньки на свою волю выйти. Ежели я буду жить самъ по себѣ, тогда совсѣмъ другая статья будетъ. А то, какъ раздумаешься иной разъ, и выходитъ, что я самый несчастный человѣкъ въ своей жизни. Вы, можетъ, по вашимъ чувствамъ ко мнѣ, не видите, въ какой меня строгости тятенька содержитъ. Давеча я папироску закурилъ; кажется, ничего тутъ нѣтъ такова, особеннаго, а ужъ онъ косится, и должонъ я этотъ взглядъ понимать, къ чему онъ клонитъ... А клонитъ онъ къ тому, что это имъ не нравится, что я папироску закурилъ. Ну, я и бросилъ, сдѣлалъ имъ это удовольствіе. *(Молчаніе).*

Душа. А вы прежде были влюблены?

Иванъ Гавриловичъ. При этакой жизни, какая тутъ любовь: больше все худое на умъ идетъ. Иной разъ и не хотѣлъ бы чего сдѣлать, и противно бы, кажется, а дѣ-

лашь, потому самому, что грустно,—думаешь: легче будетъ. А женить-то меня давно собирались; невѣстъ-то мы штукъ шесть пересмотрѣли: то самому не понравится, то самой не приглянется. Самъ-то больше насчетъ денегъ — чуть что — и конецъ!.. а сама, — Богъ ее знаетъ чего хочетъ. Спросишь, бывало: что, маменька, какъ? Боюсь, говоритъ: почитать меня, пожалуй, не будетъ. Шабашъ! Другую, значитъ, надо смотрѣть. Когда мы къ вамъ-то пріѣхали, я и говорить-то ничего не могъ, боялся, что вы имъ не понравитесь.

Душа. А если бы я имъ не понравилась, что бы вы сдѣлали?

(Входятъ Смѣсова и Марья Ивановна, чиновница).

Душа. Ахъ, маменька, вы помѣшали нашему разговору.

Смѣсова. Говорите, миленькіе, говорите.

Душа. Нѣтъ, ужъ мы послѣ окончимъ, а теперь лучше пойдемъ въ залу.

Марья Ивановна. Объ любви, чай, больше толкуете?

Иванъ Гавриловичъ *(смѣется).* И объ любви, и обо всемъ-съ.

Марья Ивановна. Ужъ, извѣстно, у жениха съ невѣстой другова разговору и быть не можетъ.

Душа. Мало ли есть разнаго разговору...

Марья Ивановна. Нѣтъ ужъ, Авдотья Еремеевна, вы меня извините, а я очень хорошо понимаю ваше положеніе: я вѣдь тоже замужъ выходила.

Душа. Это вы по себѣ судите, а я про любовь совсѣмъ напротивъ понимаю.

Смѣсова. Что тутъ понимать-то? Понимать-то нечего... пустяки-то... А ты молись Богу, чтобы Богъ далъ счастья... *(Плачетъ).*

Иванъ Гавриловичъ. Это, маменька, первое дѣло!

Марья Ивановна. Первое дѣло.

Душа. Пойдемте въ залу. *(Уходитъ съ Иваномъ Гавриловичемъ).*

Марья Ивановна. Что это вы такія нынче грустныя?

Смѣсова. Будешь грустная, какъ...

Марья Ивановна *(съ любопытствомъ).* Слухи развѣ какіе есть?

Смѣсова. Слуховъ, слава Богу, никакихъ нѣтъ, а вотъ ворожея меня больно обезкуражила, и сама теперь не рада, что поѣхала къ ней—и грѣхъ вѣдь это...

Марья Ивановна. Да вы не безпокойтесь, вѣдь онѣ больше врутъ.

Смѣсова. Богъ ее знаетъ... все-таки, думается. Слово она одно сказала, да такое что-то...

Марья Ивановна. Вы завтра молебенъ отслужите.

Офиціантъ *(въ дверяхъ).* Пожалуйте, сударыня, въ залу.

Марья Ивановна. А вы не безпокойтесь: можетъ, это и такъ пройдетъ. *(Уходятъ).*

Зала; на стѣнѣ два портрета—хозяина и хозяйки. У хозяина въ правой рукѣ книжка, а большой палецъ лѣвой руки заложенъ за пуговицу; хозяйка на колѣняхъ держитъ ребенка, у котораго въ рукахъ розанъ. По портрету нельзя узнать — къ какому полу принадлежитъ ребенокъ. Направо, въ углу, играютъ въ трынку, налѣво—въ преферансъ. Вдоль стѣны сидятъ гости, больше дамы; барышни, обнявшись, расхаживаютъ по залѣ. У дверей офиціанты. Въ окнахъ виднѣются головы и приплюснутые носы смотрящихъ.

Молодой человѣкъ съ проборомъ назади. Прикажете кадрель?

Барышня въ палевомъ платьѣ. Если вамъ угодно, такъ отчего же... можно.

Молодой человѣкъ съ проборомъ назади. По крайней мѣрѣ, препровожденіе времени...

Очень молодой человѣкъ въ пестрыхъ брюкахъ *(къ музыкантамъ).* Французскую кадрель изъ русскихъ пѣсенъ!

1-я гостья. Не люблю я этихъ танцевъ, ничего нѣтъ хорошаго. *(Уходитъ; за ней слѣдуютъ еще двѣ-три гостьи; сходятъ Иванъ Гавриловичъ и Душа).*

Иванъ Гавриловичъ *(съ безпокойствомъ).* Что, маменька?

Домна Семеновна. Кажется, еще ничего... да нешто за нимъ усмотришь.

(Становятся пары, начинается кадриль. Во время второй фигуры, въ дверяхъ показывается Гаврила Прокофьевичъ).

Гаврила Прокофьевичъ *(къ офиціанту).* Шпунту бы ты мнѣ еще далъ.

Офиціантъ. Слушаю-съ.

Иванъ Гавриловичъ. Вамъ бы, кажется, тятенька, довольно.

Гаврила Прокофьевичъ *(строго).* Молчать—твое дѣло!

Иванъ Гавриловичъ. Да мнѣ Богъ съ вами! Кушайте сколько хотите, развѣ жалко, что ли,—страмъ только.

Гаврила Прокофьевичъ. Никто мнѣ указывать не можетъ!

Очень молодой человѣкъ въ пестрыхъ брюкахъ. Нѣтъ, ужъ сдѣлайте одолженіе, отъ шестой фигуры меня увольте.

Гаврила Прокофьевичъ. Постой, я встану. *(Всѣ смѣются).*

Одинъ изъ гостей. Нѣтъ, ты не мѣшай; мы съ тобой опосля.

Офиціантъ. Пуншу приказывали.

Гаврила Прокофьевичъ. Спасибо тебѣ, другъ великій! Поцалуй меня. *(Обнимаетъ офиціанта).*

Домна Семеновна. Шелъ бы ты лучше на улицу, не срамился бы здѣсь.

Гаврила Прокофьевичъ. Это не твоего дѣла ума!

Домна Ивановна. Да что—ума!.. До ужина не дотерпѣлъ...

Гаврила Прокофьевичъ. За ужиномъ это само по себѣ. А ты молчи, коли я не приказываю! *(Уходитъ).*

(Бабушка входитъ и говоритъ что-то гостьямъ на ухо; всѣ одна за другой выходятъ; кадриль кончена).

Молодой человѣкъ съ проборомъ назади *(офиціанту).* Куда это всѣ идутъ?

Офиціантъ. Должно-быть, закуску въ спальню пронесли. Дамамъ все больше въ спальню подаемъ, потому по купечеству есть которыя водку кушаютъ: ну, такъ на виду-то не хорошо. Вы, значитъ, еще порядковъ здѣшнихъ не знаете.

Смѣсовъ *(входитъ).* Вы бы, барышни, повеличали теперь жениха съ невѣстой.

Офиціантъ *(тихо Ивану Гавриловичу).* Пожалуйте, сударь, уймите родителя-то. На дворѣ съ народомъ бушуетъ. Пляски затѣялъ—всѣ смѣются!..

Иванъ Гавриловичъ. Господи, что же это такое! Маменька, пожалуйте!

Домна Семеновна. Что съ тобой, что ты?

Иванъ Гавриловичъ. Самъ загулялъ. *(Бѣгутъ).*

(Въ конюшнѣ).

Ѳедосѣй. Макаръ, вставай скорѣй...

Макаръ *(просыпаясь).* Подавать, что ли?

Ѳедосѣй. Хозяинъ твой...

Макаръ. Стекла бьетъ?

Ѳедосѣй. Нѣтъ, на дворѣ въ присядку дѣйствуетъ.

НА ЯРМАРКѢ.

СЦЕНЫ ИЗЪ КУПЕЧЕСКАГО БЫТА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Яковъ Савельичъ Наконечниковъ }
Илья Демьяновичъ Вострюковъ } купцы.
Половой.
Гитаристъ Петруха.
1-й купецъ.
2-й купецъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Трактирная зала. 1-й купецъ пьетъ чай; половой стоитъ почтительно.

Половой. Да, ужъ времена не тѣ.

1-й купецъ. Жи́докъ народъ сталъ, и купечество все смѣшалось, такъ-что настоящихъ-то и не видать совсѣмъ. Бывало въ ярмарку-то отъ самой Москвы вплоть до Нижняго стонъ стоитъ. Купецъ-то, бывало, всю душу выкладываетъ. На, говоритъ, смотри, какая она такая есть.

Половой. Много веселѣй было. Бывало, руки оттягиваетъ отъ откупорки, а теперь, помилуйте... какъ возможно! Пришелъ, ткнулъ рюмочку, другую, третью—и кончено.

1-й купецъ. Бывало, ѣдешь въ ярмарку-то, по дорогѣ—тамъ лошадь замучена, тамъ лошадь замучена—значитъ, купецъ дѣйствовалъ. А на станціяхъ-то нищая да калѣка всякая безрукая-безногая... Кормиться всѣ пришли, чувствуютъ, что купецъ ѣдетъ.

Половой. Много народу кормилось.

ЯВЛЕНІЕ II.

2-й купецъ *(входитъ)*. А, и самъ материкъ подвалилъ. Давно ли?

1-й купецъ. Вчерашняго числа. Садиться милости просимъ. Ну, что наши? Иванъ Анисимычъ?

2-й купецъ. Колесомъ ходитъ на разные фасоны. Вчера въ Кунавинѣ пухъ изъ подушекъ на улицу выпущали. Большое стеченіе публики было.

1-й купецъ. А Прокофій Иванычъ?

2-й купецъ. Два раза у себя въ палатѣ монахомъ облачался. Изъ напитковъ больше лиссабонскаго придерживается; теперича бороду спалилъ—третій день не выходитъ. Вчера исторія случилась: какой-то сибирякъ въ трактирѣ въ акваріи утонулъ—стерлядей хотѣлъ полюбопытствовать. Утромъ смотрятъ—торчатъ его ноги купеческія. (*Къ половому.*) Поди-ка, накрой въ отдѣльной. Пожалуйте. Еще наши подойдутъ. (*Уходятъ*).

Половой. Слушаю-съ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Илья (*входя*). А, наше вамъ-съ!

Половой. Давно ли изволили пожаловать?

Илья. Прибыли въ сію столицу!.. Какъ-то ты насъ потчивать будешь?

Половой. Чѣмъ прикажете просить?

Илья. Да спервоначалу этимъ самымъ—какъ она у васъ прозывается... Полынная, что ли? Полынной графинчикъ!

Половой. А закусить чѣмъ прикажете? Свѣженькой икорки, балычка...

Илья. Что ты, что ты! Мы не первостатейные, изъ-за хлѣба на квасъ торгуемъ, у насъ и касса-то вся въ голенищѣ. Сейчасъ чтобы селянку горячую, да проворнѣй!

Половой. Слушаю-съ!

Илья. А сорта есть на ярмаркѣ?

Половой. Есть-съ.

Илья. Хорошіе?

Половой. Одобряютъ-съ. Съ Ирбитской компанія арфистокъ. Цыгане курскіе... Опять же эти пѣсенники московскіе съ дѣвицами. Хорошо поютъ-съ.

Илья. А Петруха здѣсь?

Половой. Безъ него ярмарка не бываетъ. Флаговъ безъ него поднять нельзя. Только прихварывать что-то сталъ.

Илья. Попей съ его-то, такъ скрючитъ.

Половой. А эта бѣлокуренькая—Катя-то... въ запрошломъ году на скрипкѣ-то играла..,

Илья. Ахъ, это та... (*Поетъ*).

Хочешь любишь,
Хочешь нѣтъ,—
Ни копейки денегъ нѣтъ.

Половой. Да-съ.

Илья. Что же?

Половой. Несчастіе съ ней. Въ Лебедяни убили.

Илья. Убили?! За что?

Половой. Купецъ бушевалъ въ трактирѣ—бутылкой ее прикончилъ. Оченно публика огорчается. Много спрашиваютъ. Такъ что гости которые ходить перестали. По нашему заведенію такая музыкантша большихъ денегъ стоитъ. Есть и теперь, да не тотъ сортъ... Привлекательности той нѣтъ.

Илья. Хорошо дѣлала:

Хочешь любишь,
Хочешь нѣтъ,—
Ни копейки денегъ нѣтъ.

А какъ Спирю ходила?..

Ахъ Спирюшка
Спиридонушка!
Спиря въ Питерѣ бывалъ.

Никто такъ дѣйствовать не можетъ. Искры изъ глазъ сыпала!.. Я помню, пьяный я разъ...

Половой. Актриса превосходнѣйшая!

Илья. Ну, живо! Да тамъ въ залѣ ежели народъ есть знакомый—здѣсь, молъ, прибыли. Милости просимъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Яковъ (*входитъ*). А, шаршавый, не нашей державы! Богъ еще твоимъ грѣхамъ терпитъ—не издохъ... Путаешься на бѣломъ свѣтѣ...

Половой. Якову Савельичу!

Илья. Яковъ Савельичъ, Катерину Петровну эту помните, арфистку-то... въ Лебедяни убили; купецъ бутылкой долбанулъ.

Яковъ. Ну, теперь, значитъ, не мается. Жизнь ихняя тоже...

Илья. Жалко! Помните...

Хочешь любишь,
Хочешь нѣтъ,—
Ни копейки денегъ нѣтъ.

Ну, давай живо! (*Половой уходитъ*). Яковъ Савельичъ! Хоръ цыгановъ изъ Курска, московскіе пѣсенники съ

дѣвицами, арфистки изъ Ирбита... Петруха-гитаристъ... *(Звонитъ).* Дай афишу кіатральную. Ужъ ныньче, Яковъ Савельичъ, по всѣмъ мѣстамъ. Тамъ дѣло дѣломъ, а что это удовольствіе надо... Я такъ полагаю: спервоначалу Петруху сюда, чтобы на дудкѣ распорядился. Хорошо, подлецъ, дѣйствуетъ, а тамъ, на гитарѣ чтобы сдѣлалъ. Вечеромъ въ кіятръ, а изъ кіятра куда поглуше. *(Читаетъ афишу).* Ночь въ замкѣ Жермона или фамильный склепъ Фельбертона въ цѣпяхъ. Драма въ 5-ти дѣйствіяхъ и 8-ми картинахъ. *(Вносятъ водку).* Съ пріѣздомъ, Яковъ Савельичъ!

Яковъ. Будьте здоровы, Иванъ Демьяновичъ, дай Богъ, чтобъ все благополучно... съ начатіемъ дѣла...

Илья *(читаетъ).* Картина 1-я: Отравленный кинжалъ. Картина 2-я: Привидѣніе. Картина 3-я: Ядъ дѣйствуетъ. Картина 4-я: Она похищена.

Яковъ. Кто?

Илья. А эта, должно-быть, самая. Тутъ такъ обозначено. *(Читаетъ).* Картина 5-я: Таинственные незнакомцы... Должно-быть, чудесно. Всенепремѣнно надо идти. *(Читаетъ).* Въ заключеніе при полномъ освѣщеніи бенгальскаго огня... Наливайте, Яковъ Савельичъ. Супругъ нашихъ нѣтъ. Худого мы ничего не дѣлаемъ и не дай Господь, а что времяпровожденіе чудесно... Напримѣръ, вчерашняго числа были выпивши въ полный серьезъ, а ничего-съ. Ежели опять придется—на доброе здоровье. Мнѣ докторъ сказывалъ: ежели, говоритъ, твоя натура выдерживаетъ—пей въ свое удовольствіе. Что-жъ, моя натура, слава тебѣ Господи. Ежели что—лежу себѣ смирно, въ потолокъ смотрю, пока не пройдетъ... Никого я не трогаю. Одно мое удовольствіе, чтобы по всему дому лампадки горѣли. Любезно!.. Ужъ этого дѣла не поправишь, ну и лежи. А это, Яковъ Савельичъ, удивительно, что я разъ на потолкѣ видѣлъ. Были мы на мининахъ у Ивана Максимыча. Ну, все честь честью, какъ быть слѣдуетъ. Сѣли за столъ. Ну, обыкновенно, ветчина съ горошкомъ, все прочее, осетрина съ хрѣномъ.. все по порядку. Противъ меня сидѣлъ отецъ дьяконъ и наливаетъ мнѣ портфейну, настоящаго заграничнаго. Не вкушаю, говорю, отецъ дьяконъ. А можетъ-быть, говоритъ. Для васъ, говорю, извольте, не суть важное дѣло. Бокальчикъ за бокальчикомъ... Къ концу-то ужина я ужъ дьякона не вижу, а только вижу руку наливающую; да и думаю: рука его здѣсь, а самъ-то гдѣ

отецъ дьяконъ? Какъ домой попалъ—не помню; жена говоритъ, дорогой охалъ немножко. Помню только: съ протоіереемъ по двѣ рябиновки, съ Иваномъ Максимовичемъ по три на звѣробоѣ, а тамъ и счетъ потерялъ. Не могу сосчитать, да и кончено!.. Легъ, сударь ты мой, смотрю на потолокъ: лежитъ Герасимъ Николаичъ; говорю:—вы? Я, говоритъ. Такъ явственно говорилъ: я... и руками такъ...

(Петръ въ дверяхъ).

ЯВЛЕНІЕ V.

Петръ. Именитымъ гражданамъ...

Илья. Ручку, милый человѣкъ.

Петръ. Съ прибытіемъ!

Яковъ. Грабителю почтеніе. Я такъ понимаю, въ Сибири тебя давно дожидаются.

Петръ. Мѣсто хорошее.

Яковъ. Для вашего брата первое мѣсто.

Петръ. Мы нигдѣ не пропадемъ.

Яковъ. Ахъ, ты каторжный! Прикладывайся—стóитъ.

Петръ (*пьетъ*). Съ пріѣздомъ! Вотъ вы изволите все браниться, а нашего мѣста обойти вамъ невозможно. Актеровъ сколько теперича понаѣхало. А мы живемъ, слава тебѣ Господи, лучше требовать нельзя. Дѣйствительно, актеры эти кричатъ шибко, а складу настоящаго нѣтъ. Публика очень обижается. Опять и игра у нихъ не смѣшная...

Илья. На дудкѣ можешь?

Петръ. Съ великимъ удовольствіемъ. Для такихъ дорогихъ гостей все возможно; дѣйствительно, отъ хозяина намъ запретъ, чтобъ въ номерахъ не играть, потому что гость черезъ это балуется: другой позоветъ въ номеръ, да за бокальчикъ хересу пѣсни три прослушаетъ. Хозяину это не выгодно. Изъ Фауста прикажете?

Яковъ. Знаемъ. Въ балаганѣ куклы этого Фауста представляли. Видали...

Илья (*въ томленіи*). Яковъ Савельичъ! Вотъ бы теперь гдѣ-нибудь въ рощѣ съ любимой женщиной бутылочку хересу выпить. Лестно! Подъ музыку... Хорошо!.. Ну, на гитарѣ

(Петръ играетъ).

Яковъ (*воодушевляясь*). Дѣлай, дѣлай!.. Ухъ!.. На зеленькую... на всю!..

Зятюшка-батюшка,
Что я тебѣ сдѣлала?

Подснимъ! Катай, катай!.. *(Къ половому.)* Перемѣни посуду, оглашенный! Что ты, какъ статуй, стоишь? Мадеры давай!..

Во лѣсу было, лѣсу,
Во двѣнадцатомъ часу...
Старайся, отъ насъ забытъ не будешь!

Илья.

Тротуаромъ, стороной
Ходи, милый, Богъ съ тобой...

Половой. Дебошъ въ залѣ промежду купечества.

Илья. Дебошъ? Гдѣ дебошъ?

Половой. Дѣло изъ-за пустова вышло.

Илья. Мирить надо!

Половой. Мирить невозможно, очень ужъ расходились: — ушибутъ.

(Петръ играетъ. Купцы пляшутъ).

САМОДУРЪ.

КАРТИНЫ ИЗЪ КУПЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Данила Григорьевичъ Баляснковъ, купецъ 50 лѣтъ.
Матрена Панкратьевна, его жена.
Даша, ихъ дочь.
Татьяна Матвѣевна, жена ихъ сына.
Бабушка, мать Баляснкова.
Егорушка, **Луша** } племянники Баляснкова.
Абрамъ Васильевичъ, бывшій главный приказчикъ.
Зоя Евграфовна, мѣщанка, другъ дома Баляснковыхъ.
Иванъ Прохоровъ, приказчикъ.
Сергѣй Ильичъ.
Петръ Савичъ Разсыпной.
Калинъ Власовъ, подрядчикъ.
Маіоръ Карташевъ.
Кухарка въ домѣ Баляснковыхъ.
Подруги Даши, дѣвушки, гости разнаго званія, офиціанты.

Дѣйствіе происходитъ въ домѣ Баляснкова.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

(На сценѣ—гостиная.)

ЯВЛЕНІЕ I.

Зоя Евграфовна *(отворяетъ двери)*. Можно грѣшной душѣ въ рай войти? Здравствуй, Авдотья Алексѣевна! *(Цѣлуется)*. Здравствуй, красавица ты моя! *(Цѣлуется)*. Вѣрно, ужъ не ждали меня—не чаяли.

Авдотья. Съ диву мы дались, куда ты только это запропала.

Зоя Евграфовна. Въ Кіевѣ, голубушка моя, была, въ

Кіевѣ. Невступно два года путешествовала. Ну, ужъ матушка, сподобилась! Этакого, можно сказать, благолѣпія...

Авдотья. То-то не видать тебя было. А у насъ безъ тебя тутъ...

Зоя Евграфовна. Что?..

Авдотья. И!.. Хуже чего быть нельзя... все вразсыпную пошло! При тебѣ мы Семена-то Данилыча женили, аль нѣтъ? Нѣтъ, тебя ужъ не было.

Зоя Евграфовна. Безъ меня, матушка, безъ меня.

Авдотья. Ну вотъ, голубка, женили мы его; годикъ онъ пожилъ у насъ съ молодой-то супругой, да убегъ... Невтерпежъ, вишь, ей жить стало. Да оно и правда: не всякая можетъ по здѣшнему безобразію, надо дѣло говорить.

Зоя Евграфовна. Батюшки!

Авдотья. Да, къ матери его и увела, теперича у тещи живутъ. И прежде у насъ въ домѣ каранболь былъ, а теперь хошь святыхъ вонъ понеси.

Зоя Евграфовна. Вотъ такъ оказія!

Авдотья. Самъ-то лютѣй волка сталъ! День-деньской ходитъ, не знаетъ—на комъ зло сорвать. Кабы Егорушки не было, бѣда бы намъ всѣмъ пришла; тотъ хоть своими боками отдувается, до полусмерти парня заколотилъ.

Зоя Евграфовна. Кто это Егорушка?

Авдотья. А сиротка тутъ у насъ живетъ, племянникъ, покойника Пантелѣя Григорьича—братъ нашему-то будетъ—сыночикъ.

Зоя Евграфовна. Знаю, матушка, знаю; я къ покойнику-то хаживала. Вѣдь у него и дочка еще была.

Авдотья. Лушенька. И та у насъ. Мать крестная въ пансіонъ ее къ мадамѣ отдавала на выучку. Только, матушка ты моя, померла она, а Данила Григорьичъ денегъ не захотѣлъ платить, ее оттедова назадъ къ намъ и оборотили. Эдакая-то раскрасавица, эдакая-то ангельская душа!

Зоя Евграфовна. И покойникъ-то былъ: эдакого, кажется, добраго человѣка...

Авдотья. А какъ ему, голубушка, помирать-то не хотѣлось, какъ онъ плакалъ-то!.. Дѣтокъ-то ему жалко было.—Братъ! нашему-то говоритъ: коли Богъ меня приберетъ, не бросай моихъ сироточекъ. А тотъ: видишь, говоритъ, Владычицу? Хошь со стѣны сниму ее, матушку? Все одно: твои дѣти—мои дѣти. Съ мѣста мнѣ не сойти! А покойникъ-то залился слезами: ну, говоритъ, дѣтушки, почитайте дядю все одно — меня. А ужъ какая, матушка, у насъ жизнь, какая мука-то мучинская!..

Зоя Евграфовна. Говорили тогда, что самъ послѣ покойника-то попользовался.

Авдотья. Было! Съ прикащикомъ своимъ, Абрамомъ Васильичемъ, они всѣ дѣла обдѣлали, ни синя пороха малолѣтнимъ-то не оставили. Много грѣха на ихней душѣ, много, голубушка, ахъ, много! Да то ли еще у насъ, какъ тебѣ разсказать... Вѣдь у насъ скоро сватьба.

Зоя Евграфовна. Сватьба?!

Авдотья. Какъ же, матушка, сватьба. Ерцогиню свою мы за маіора просватали.

Зоя Евграфовна. Да полно!

Авдотья. Какъ есть маіоръ... значительный.

Зоя Евграфовна. Вотъ громъ-то гремитъ не изъ тучи! Скажите пожалуйста!

Авдотья. Теперь ты насъ голыми-то руками не хватай!

(За сценой голосъ Матрены Панкратьевны).

Гдѣ Егорушко? Пошли его хозяину.

Авдотья. Они, матушка, съ Володей ушли подъ Симоновъ синицъ ловить; домой, говорили, ближе вечера не потрафятъ. Да ужъ теперь скоро и вечерни. Ты погляди-ко, Матрена Панкратьевна, кто у насъ-то...

(За сценой голосъ Матрены Панкратьевны).

Кто тамъ такой?

Авдотья. Пропащая пришла!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и МАТРЕНА ПАНКРАТЬЕВНА.

Матрена Панкратьевна *(входя).* Ахъ, ты, Господи Боже мой! Вотъ кому не пропасть-то!

Зоя Евграфовна. Именно ужъ, ангелъ мой, Матрена Панкратьевна. *(Цѣлуется).* Богъ милости вамъ прислалъ... всѣмъ вамъ и вашему семейству, ангелы вы мои! *(Плачетъ).* Вѣдь эдакіе вы, Матрена Панкратьевна, ей-Богу!.. Точно въ святое мѣсто придешь къ вамъ... Пошли вамъ Господи... *(Цѣлуетъ въ плечо).*

Матрена Панкратьевна. Откуда притрепала?

Зоя Евграфовна. Душу свою грѣшную, ангелъ мой, Матрена Панкратьевна, соблюдала... изъ Кіева.

Матрена Панкратьевна. Плохо, знать, ты молилась объ насъ!

Зоя Евграфовна. Да за кого же мнѣ больше молиться, голубь вы мой! Кого больше благодарить-то, матушка! Въ

печь огненную велите броситься — брошусь! Вотъ какъ я васъ, можно сказать, почитаю. Я вамъ правду говорю, Матрена Панкратьевна: мнѣ душа нужна, не продамъ своей души!

Матрена Панкратьевна. Горе-то у насъ какое, слышала?

Зоя Евграфовна. Нѣтъ, голубь мой, а что?

Матрена Панкратьевна. Какъ же, матушка, вся Москва про нашъ страмъ знаетъ.

Зоя Евграфовна. Да что вы говорите?

Матрена Панкратьевна. Семенушку-то мы женили, а онъ отъ насъ и сбѣжалъ.

Зоя Евграфовна. Ахъ!

Матрена Панкратьевна. Да, вотъ ты и подумай, каково въ нынѣшнемъ свѣтѣ родителямъ-то!

Зоя Евграфовна. Истинно, можно сказать, искушеніе вамъ Господь посылаетъ.

Матрена Панкратьевна. Я его и не виню, потому, ему Богъ понятія не далъ: все женушка его, она все...

Зоя Евграфовна. Откуда вы, Матрена Панкратьевна, такую сокровищу выкопали?

Матрена Панкратьевна. Богатая, матушка, съ деньгами, только ужъ такая-то идолъ, такая-то огневая баба, словно не изъ купеческаго рода.

Зоя Евграфовна. Изъ чего, голубушка, дѣло вышло?

Матрена Панкратьевна. Самъ-то былъ не въ духѣ, драка у нихъ, что ли, была, не умѣю сказать. Сѣли ужинать, а она, матушка, и надулась: не пьетъ, не ѣстъ, словно ночь темная сидитъ. Данило Григорьичъ косился-косился, да какъ крикнетъ: что ты, говоритъ, словно на менинахъ сидишь? Да на Семенушку: чему ты, дуралей, свою жену учишь? Она какъ вскочитъ! И пошла, и пошла! Я, говоритъ, не такого воспитанія, чтобы надо мной командовали, да помыкали мной. Я, говоритъ, свой капиталъ имѣю. Тотъ, послѣ этихъ словъ, какъ вскинется на нее: кто, говоритъ, смѣетъ въ моемъ домѣ такъ со мною разговаривать! Ну, разъ и ударилъ, не то чтобы шибко, а такъ, для острастки. Та, матушка, ни слова, посоловѣла вся, словно каменная сдѣлалась, пошла и заперлась въ спальнѣ. Ну, ужъ, Данило Григорьичъ, да при своемъ-то характерѣ... мы думали, что и живы не останемся. Утромъ встали, хвать, анъ ихъ и слѣдъ простылъ.

Зоя Евграфовна. Да что-жъ это такое? Да какъ же это возможно?

Матрена Панкратьевна. И не знаю, что теперь будетъ. Весь родъ нашъ острамила. Самъ-то ходитъ, да поѣдомъ всѣхъ ѣстъ. А кто виноватъ? Спьяну женилъ парня-то, ей-Богу, и со мной не посовѣтовался. А теперь, говоритъ, брошу все, да въ Америку уѣду.

Зоя Евграфовна. Въ Америку?

Матрена Панкратьевна. Въ Америку, матушка, какую-то... Кто его знаетъ, что ему на умъ придетъ.

Зоя Евграфовна. Ну, а Дмитрій-то Данилычъ?

Матрена Панкратьевна. О, матушка, Дмитрій Данилычъ такихъ бѣдъ настряпалъ, такихъ чудесъ натворилъ... Какъ же, матушка, въ газетахъ распечатали! Поѣхалъ онъ, отецъ послалъ въ чужіе края по машинной части. На разные-то языки онъ не умѣетъ, переводчика, жиденка какого-то купцаго, нанялъ, по Москвѣ безъ дѣла шлялся. Ну, вотъ, матушка ты моя, пріѣхали они въ какой-то городъ нѣмецкій, а тамъ для короля ихняго, али прынецъ онъ, што ли, какой, феверики приготовили. У Дмитрія-то Данилыча въ головѣ-то, должно-быть, было: зажигай, говоритъ, скорѣй. А тамъ и говорятъ: погодите, почтенный, когда прынецъ пріѣдетъ. — Я, говоритъ, московскій купецъ, за все плачу. Тѣ, голубушка, заглядѣлись, а онъ цыгарку туда, въ феверку-то, и сунулъ,—такъ все и занялось! Самъ ужъ просьбу подалъ, чтобы по этапу его оттеда сюда предоставили. Да какъ поѣхалъ-то, изъ выручки хватилъ; стали лавку-то считать...

ЯВЛЕНІЕ III.

Выходитъ ЕГОРУШКА.

Матрена Панкратьевна. Что ты шляешься безъ пути?

Егоръ. Что-жъ, я мѣшаю, что ли, кому?

Матрена Панкратьевна. Какъ ты это можешь говорить мнѣ! Пошелъ сейчасъ къ хозяину, ищетъ тебя. *(Егоръ уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же безъ ЕГОРУШКИ.

Зоя Евграфовна. Что, Матрена Панкратьевна, на какомъ онъ у васъ положеніи?

Матрена Панкратьевна. Какое его положеніе! Голубей гоняетъ... Да вотъ, пить обучился; мальчишка молодой, присмотрѣть-то некому—и пьетъ. На фабрику посылали,—фа-

брика у насъ подъ Троицей: пристращали его тамъ, а онъ, со злости, въ озеро бросился... на силу раздѣлались.

Зоя Евграфовна. Ну, Матрена Панкратьевна, истинная вы, ангелъ мой, страдалица. Именно ужъ Богъ... *(Плачетъ).*

Матрена Панкратьевна. Самъ, никакъ, идетъ. *(Встаетъ).* Пойдемъ отсюда; можетъ, не въ духѣ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же, ДАНИЛА ГРИГОРЬИЧЪ и АБРАМЪ ВАСИЛЬИЧЪ.

Данила Григорьичъ. А, живая душа!

Зоя Евграфовна. Здравствуйте, батюшка Данила Григорьичъ! Богъ вамъ милости прислалъ. *(Цѣлуетъ въ плечо).*

Данила Григорьичъ *(обращаясь къ Абраму Васильичу).* Ступай съ Богомъ, ступай.

Матрена Панкратьевна. Шелъ бы лучше, старикъ, домой, что толчешься-то тутъ? Помогали вамъ—будетъ. Что у насъ богадѣльня, что-ль?

Абрамъ Васильичъ. Матушка, Матрена Панкратьевна, вы дѣловъ нашихъ не знаете. У насъ большія дѣла были.

Матрена Панкратьевна. Не знаю я твоихъ дѣловъ, а что надоѣлъ ты намъ хуже горькой полыни. Пойдемъ, Евграфовна. *(Уходятъ).*

ЯВЛЕНІЕ VI.

ДАНИЛА ГРИГОРЬИЧЪ и АБРАМЪ ВАСИЛЬИЧЪ.

Абрамъ Васильичъ. Съ малыхъ лѣтъ въ вашемъ домѣ... старался ужъ кажется... душу свою положилъ.

Данила Григорьичъ. Вѣрю, братецъ, я вѣрю.

Абрамъ Васильичъ. И радъ бы работать — зрѣнія нѣтъ, наказалъ меня Богъ.

Данила Григорьичъ. Абрамъ Васильевъ, ты меня, кажется, долженъ знать: я сказалъ...

Абрамъ Васильичъ. Батюшка, Данила Григорьичъ, что-жъ мнѣ дѣлать-то съ малыми-то дѣтьми? Отецъ родной... хоть для нихъ-то. Надѣть нечего. Не для себя я прошу. Самъ я буду терпѣть, такъ мнѣ и надо. Еще мало мнѣ наказанія; можетъ, больше Богъ пошлетъ. Для дѣтей, батюшка, для ребятъ малыхъ. Богу за тебя помолятъ. Вѣдь я по улицѣ хожу—милостыньку прошу. *(Плачетъ).* Вѣдь меня за это два раза въ часть на веревкѣ водили.

Данила Григорьичъ. По теперешнимъ временамъ ничего не могу.

Абрамъ Васильичъ. Голубчикъ, съ голоду помираютъ. Жену въ больницу положилъ, другой годъ, голубушка, мается. Вѣдь за грѣхи за мои. А грѣхи-то я для кого дѣлалъ? Взгляни-ка на Бога-то?

Данила Григорьичъ. Что-жъ, тебѣ легче, что ли, отъ этого будетъ?

Абрамъ Васильичъ. Можетъ, совѣсть тебя зазритъ, можетъ, ты очуствуешься. Вспомни-ка, что я для тебя сдѣлалъ! Что я сдѣлалъ-то для тебя! Вѣдь я отъ этого ослѣпъ, зрѣніе у меня Богъ за это отнялъ. Не одна сотня, можетъ-быть, изъ-за моихъ дѣловъ по Москвѣ по міру ходитъ. А для кого я старался-то?

Данила Григорьичъ. Ты, братецъ, въ грѣхѣ, ты и въ отвѣтѣ.

Абрамъ Васильичъ. Да грѣхъ-то нашъ одинъ и дѣла-то наши одни... Фабрику-то сожгли...

Данила Григорьичъ. Кто жегъ-то?

Абрамъ Васильичъ. Я жегъ! Для тебя это я! Какъ собака я тебѣ преданъ былъ.

Данила Григорьичъ. Ты вотъ что: ты старыхъ дѣловъ не трогай. Нынче не тѣ порядки. Нынче вашего брата, кляузника, сотнями на каторгу гонятъ. Пора отъ васъ Москву очистить. Туда улетишь...

Абрамъ Васильичъ. Нѣтъ, ужъ если летѣть, такъ полетимъ вмѣстѣ, врозь намъ съ тобой невозможно. Свидѣтели-то, которые живы, по трактирамъ ихъ разыскать можно, да и наслѣдники-то...

(Егорушка показывается въ дверяхъ).

Данила Григорьичъ. Что ты шляешься!.. *(Егорушка скрывается).* Понимаю! Это ты насчетъ... Это дѣло темное.

Абрамъ Васильичъ. Высвѣтлютъ, свѣтло будетъ.

Данила Григорьичъ. Что-жъ ты, слѣпой чортъ, пугать меня пришелъ, что ли?

Абрамъ Васильичъ. Кто тебя теперича съ твоимъ капиталомъ испугаетъ? Кого ты испугаешься? Дѣло сдѣлано: душу мы съ тобой продали, наслѣдниковъ ограбили, концы схоронили. Работа наша чистая! Малымъ дѣтямъ моимъ помоги: ни въ чемъ они неповинны.

Данила Григорьичъ. Сказано и сдѣлано.

Абрамъ Васильичъ. Ну, человѣкъ! Господи! Правъ твой судъ надо мною. Сказано: зубы грѣшниковъ сокрушу. Со-

круши меня, Господи! сокруши меня за мои дѣла неправыя. Кирюша! (*Входитъ мальчикъ*). Пойдемъ, батюшка. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

ДАНИЛА ГРИГОРЬИЧЪ.

Ишь ты, подхалимъ какой! Смиреніе напустилъ! Пользовался,—будетъ. Бывало сундукъ трещитъ, успѣвай только для него деньги подкладывать. Знаемъ мы тебя, выжигу: оченно намъ хорошо всѣ твои дѣла извѣстны. Да-съ! Ишь, лазаря поетъ: другой какой, можетъ, и повѣритъ. Не въ тѣ ворота ходите, напротивъ пожалуйте, тамъ подаютъ, а у насъ всѣ живы. Да-съ! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ДАША, БАБУШКА, ЕГОРУШКА и ДѢВУШКИ.

1-я дѣвушка. Сейчасъ Сергѣй Ильичъ мимо насъ въ коляскѣ пролетѣлъ... Сидитъ такъ важно.

Даша. Его танцмейстеръ училъ.

Егорушка. Въ коляскѣ-то сидѣть? (*Смѣется*).

Даша. Что-жъ ты смѣешься?

Егорушка. Чему-жъ тутъ учиться?

Даша. Что съ тобой, дуракомъ, говорить? ты развѣ что понимаешь?

Егорушка. Ты много понимаешь!

Даша. Ну, можешь ли ты въ коляскѣ проѣхать, чтобы не смѣшно было?

Егорушка. Я лучше его проѣду. (*Всѣ смѣются*). Онъ глаза-то какъ-то выворотитъ, руки растопыритъ, словно его казнить везутъ.

Даша. Егорка, пошелъ вонъ!

Егорушка. Что-жъ тебѣ мѣста мало, что ли?

Даша. Мѣста много, а потому что ты невѣжа, не знаешь обращенія.

Егорушка. О!

Даша. Егорка, ты не груби! Знаешь, что тебѣ за это?

Егоръ. Ухъ, какъ страшно!

2-я дѣвушка. Егорушка, вамъ бы жениться пора. (*Егоръ ухмыляется*). Право! Что вы не женитесь?

Егорушка. Еще невѣста не выросла.

2-я дѣвушка. А когда выростетъ, вы не прочь?

Егорушка. Что-жъ, извѣстно.

1-я дѣвушка. Женитесь на мнѣ. *(Егоръ хохочетъ).* Чему же вы смѣетесь?

Егорушка. Да какъ же такъ сразу...

1-я дѣвушка. Мы бы съ вами въ паркъ въ коляскѣ поѣхали.

2-я дѣвушка. Вотъ опять Сергѣй Ильичъ ѣдетъ. *(Всѣ смотрятъ въ окно).*

Егорушка. Стрюцкой!

Даша. Егорка, разозлишь ты меня... смотри!

Егорушка. Ну, Богъ съ тобой, не буду. *(Идетъ).*

2-я дѣвушка. Куда же вы идете изъ нашей компаніи? Значитъ, вамъ съ нами непріятно?

Егорушка. Нѣтъ, ничего, да надо голубямъ корму задать.

1-я дѣвушка. Стало-быть, вы барышень на голубей хотите промѣнять! Хорошъ кавалеръ!

Егорушка. Да вѣдь голуби-то что дѣвицы—тоже ѣсть хотятъ. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же безъ ЕГОРУШКИ.

1-я дѣвушка. Какой онъ у васъ чудной!

Даша. На него находитъ. Бываетъ, что онъ по три дня не говоритъ ни съ кѣмъ.

Бабушка. Били его больно махонькаго-то. Столько этотъ парень побой принялъ,—какъ еще онъ живъ-то! Бывало, Данило Григорьичъ, выпивши когда, начнетъ на немъ зло срывать—парень почернѣетъ весь. Разъ до смерти было убилъ, за попомъ посылали, причащали и исповѣдывали.

2-я дѣвушка. Сирота вѣдь онъ?

Даша. Онъ намъ двоюродный братъ. *(Молчаніе).*

1-я дѣвушка. Мы зимой Еруслана и Людмилу въ театрѣ видѣли: какъ отлично разыгрываютъ, какъ танцуютъ!

Бабушка. Заиграешь, матушка, затанцуешь, какъ жрать-то нечего. Куда только душу-то свою уготоваютъ.

2-я дѣвушка. Да вѣдь въ этомъ, бабушка, грѣха нѣтъ.

Бабушка. Почитай въ умныхъ книжкахъ, что тамъ про это. Почитай-ка, да чтобы съ чувствомъ, такъ узнаешь. Намедни Володя читалъ эту книжку, да послѣ сталъ у воротъ, да всякому, кто ни пройдетъ—мужикъ ли, баринъ ли, всѣмъ въ ноги кланялся, плачетъ да кланяется: простите, говоритъ, меня окаяннаго.

1-я дѣвушка. Зачѣмъ же онъ въ ноги кланялся?

Бабушка. Книжка ужъ такая. Все, говоритъ, Ѳекла Герасимовна, мое сердце растопилось. Ужъ и я-то, на его глядя, наплакалась.

1-я дѣвушка. А кто это Володя?

Бабушка. Старичокъ тутъ у насъ... Почетный гражданинъ, потомственный, большой капиталъ имѣлъ, только разумомъ помутился; въ ямѣ онъ долго сидѣлъ, — отъ этого, говорятъ.

Даша. Да полноте! Это онъ отъ бѣлой горячки. Докторъ сказалъ, что у него бѣлая горячка, онъ все и безобразничаетъ.

Бабушка. А блаженные-то люди...

ЯВЛЕНІЕ X.

Кухарка *(впопыхахъ)*. Барышня! Татьяна Матвѣвна пріѣхала! Ѳекла Герасимовна, упреди ты ее, матушка! Данила-то Григорьичъ еще не уѣхалъ.

(За сценой голосъ Матрены Панкратьевны).

Батюшка, Данила Григорьичъ, не убей ты ее!

Кухарка. Ну, на самого, знать, наткнулась.

ЯВЛЕНІЕ XI.

ДАНИЛА ГРИГОРЬИЧЪ и ТАТЬЯНА МАТВѢЕВНА.

Матрена Панкратьевна. Батюшка!

Данила Григорьичъ. Вонъ всѣ отсюда!

Бабушка. Полно, батька, что съ тобой!

Данила Григорьичъ. Маменька, я себя понимаю! Кто я и что я—оченно я это хорошо знаю. Это до васъ не касающее.

Бабушка *(къ Татьянѣ Матвѣевнѣ)*. Покорись, матка: — нехорошо, грѣхъ.

Данила Григорьичъ. Подите всѣ вонъ. *(Всѣ уходятъ).*

ЯВЛЕНІЕ XII.

Данила Григорьичъ. Такъ вы вотъ какъ! Ловко! Что-жъ мнѣ теперича... Что долженъ дѣлать? Убить, напримѣръ, тебя, такъ ты этого не стоишь...

Татьяна Матвѣевна. Убить вамъ меня не за что.

Данила Григорьичъ. Гм! Я такъ понимаю: когда ежели я съ кѣмъ говорю, стоять долженъ такой человѣкъ передо мною.

Татьяна Матвѣевна. Я женщина.

Данила Григорьичъ. Ты-то? Развѣ есть тебѣ какое званіе окромя...

Татьяна Матвѣевна. Я къ вамъ пришла не ссориться, я пришла къ вамъ за дѣломъ.

Данила Григорьичъ. А я полагалъ за другимъ чѣмъ. Я полагалъ: ежели меня кто острамилъ...

Татьяна Матвѣевна. Никто васъ не срамилъ.

Данила Григорьичъ. Кто ежели меня на всю Москву ославилъ...

Татьяна Матвѣевна. Что вы кричите!

Данила Григорьичъ. Ты мнѣ не смѣй указывать! Что ты меня учить, что ли, пришла?

Татьяна Матвѣевна. Я пришла къ вамъ за дѣломъ, а вы не хотите меня слушать.

Данила Григорьичъ. Какія промежду насъ могутъ быть дѣла? Я васъ знать не знаю! Ежели вы, теперича, умнѣй меня стали, значитъ мнѣ до васъ дѣла нѣтъ. Ступайте на всѣ четыре стороны. Промежду нами все кончено! А съ Сенькой мы разсчитаемся. Я ему покажу!

Татьяна Матвѣевна. Да онъ ни въ чемъ не виноватъ.

Данила Григорьичъ. Дѣло понятное! Гдѣ ему, дураку, такое колѣно выдумать! Знаемъ, что ты эту статью обработала.

Татьяна Матвѣевна. Да, я.

Данила Григорьичъ. Ну, такъ и проваливай, никто тебя за хвостъ не держитъ. Наше вамъ-съ! А за непочтеніе родительское мы съ нимъ раздѣлаемся.

Татьяна Матвѣевна. Я пойду, только отдайте мои деньги.

Данила Григорьичъ. Какія деньги?

Татьяна Матвѣевна. У васъ мои деньги.

Данила Григорьичъ. Что ты очумѣла, что-ль? Какъ воры какіе изъ дому родительскаго ушли... вѣдь вы воры!..

Татьяна Матвѣевна. Не обижайте меня, Данила Григорьичъ.

Данила Григорьичъ. Ушли, напримѣръ...

Татьяна Матвѣевна. Я ушла потому, что жить у васъ невозможно.

Данила Григорьичъ. Да, безобразничать нельзя. Этого я не люблю. Дѣйствительно, вамъ жить у меня дѣло неподходящее, на слободѣ вамъ лучше. Ежели теперича со стороны кто послушаетъ: взяли ее въ домъ, можно сказать, какъ дочь, а она сейчасъ завела разстройство, сына на-

противъ отца научила, благо дуракъ, и за это самое чтобъ ей денегъ! Ты очумѣла, братъ.

Татьяна Матвѣевна. Я вашихъ не прошу, я хочу получить свои.

Данила Григорьичъ. Да я у тебя бралъ?

Татьяна Матвѣевна. Да я вамъ на другой день послѣ сватьбы своими руками отдала деньги, которыя мнѣ бабушка подарила.

Данила Григорьичъ. А свидѣтели у тебя есть?

Татьяна Матвѣевна. Какъ свидѣтели, зачѣмъ свидѣтели? Я при мужѣ вамъ отдала.

Данила Григорьичъ. А развѣ можетъ ему довѣріе быть, если онъ, напримѣръ, отъ отца своего убѣжалъ?

Татьяна Матвѣевна. Данила Григорьичъ!

Данила Григорьичъ. И ежели я вамъ въ своемъ домѣ все скопировалъ, напримѣръ, въ лучшемъ видѣ.

Татьяна Матвѣевна. Послушайте!

Данила Григорьичъ. Слушать мнѣ тебя нечего, потому какъ ты есть пустая баба, и разговаривать я съ тобой не согласенъ.

Татьяна Матвѣевна. Что же это такое?

Данила Григорьичъ. Ничего! Ступай откуда пришла. Мужъ хоша и дуракъ, а умнѣе тебя, чувствуетъ свою провинность—не лѣзетъ, а ты лѣзешь—значитъ, ты пустая баба и есть.

Татьяна Матвѣевна. Да вѣдь нельзя же такъ, Данила Григорьичъ!

Данила Григорьичъ. Денегъ нѣтъ.

Татьяна Матвѣевна. Маменька знаетъ, что деньги вамъ отданы.

Данила Григорьичъ. Нѣтъ у меня денегъ никакихъ. Ступай откуда пришла.

Татьяна Матвѣевна. Я не знаю... Какъ же это такъ? Я попрошу дяденьку Артемья Сергѣича. Я его къ вамъ пришлю.

Данила Григорьичъ. Да, присылай, да только поскорѣе, а то его въ яму посадятъ: пожалуй, не успѣешь. Покуда на слободѣ-то, пусть придетъ провѣтрится, ему это въ пользу. А этому бѣлогубому-то, мужу-то своему, скажи, чтобы онъ мнѣ и на глаза не попадался.

Татьяна Матвѣевна. Прощайте.

Данила Григорьичъ. Да и матери-то своей скажи: стыдно ей на старости лѣтъ. Чѣмъ лясы-то точить со странниками-то, она бы лучше тебя добру учила.

Татьяна Матвѣевна. Маменька дурному меня не учитъ.

Данила Григорьичъ. Дѣло это на виду, чему она тебя обучила-то.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣ же и МАТРЕНА ПАНКРАТЬЕВНА.

Матрена Панкратьевна. Другая бы хорошая баба, на твоемъ мѣстѣ, въ ногахъ досыта навалялась, а ты фыркаешь.

Данила Григорьичъ. Пусть поломается, ничего. За деньгами пришла. Ты это какъ понимаешь?

Матрена Панкратьевна. Какія деньги, безстыдница! Какія твои деньги? Даромъ что ли васъ съ мужемъ-то...

Татьяна Матвѣевна. Прощайте. *(Поспѣшно уходитъ).*

Матрена Панкратьевна. Полно ботвить-то! Ужли ты взаправду... Тьфу тебѣ... Чтобы и духу твоего здѣсь не было! Да вотъ, Данила Григорьичъ, воля твоя, а съ Егоркой сладу нѣтъ. Вчера напился, да съ фабричными сталъ въ присядку плясать.

Данила Григорьичъ. А вотъ послѣ сватьбы его на фабрику, а Лукерью замужъ.

Матрена Панкратьевна. Что-жъ на фабрику: опять уйдетъ. Теперича въ кухнѣ какими-то деньгами похваляется: у меня, говоритъ, скоро свой капиталъ будетъ.

Данила Григорьичъ. Какой капиталъ?

Матрена Панкратьевна. Кто его знаетъ, какія его рѣчи. Пригрози ты ему, чтобъ не болталъ пустого. Народу у насъ всякаго много. *(Подходитъ къ двери).* Кликните энтого оглашеннаго-то.

Данила Григорьичъ. Это ужъ, напримѣръ, день такой вышелъ, всѣ разстраиваютъ. Словно сговорились всѣ.

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Тѣ же и ЕГОРУШКА.

Данила Григорьичъ *(становится въ важную позу).* Ты кто такой? *(Егоръ молчитъ).* Я тебя спрашиваю: что ты за человѣкъ?

Егорушка. Что-жъ, человѣкъ, обнаковенно.

Матрена Панкратьевна. Какой такой у тебя капиталъ? *(Егорушка улыбается).* Что зубы-то скалишь? Покажи, коли есть. *(Молчаніе).* Отодрать бы тебя хорошенько, чтобъ не болталъ зря.

Данила Григорьичъ. Егоръ, ты меня знаешь. Ты знаешь, что я, ежели кто пустыя слова какія говоритъ...

Матрена Панкратьевна. Абрамка, что ли, тебя...

Данила Григорьичъ. Молчи! *(Подходитъ близко къ Егорушкѣ).* Про какія, значитъ, ты это деньги говорилъ?

Егорушка. Что-жъ, бей!

Матрена Панкратьевна. Экая эхида мальчишка!

Егорушка. Бей! ну!

Матрена Панкратьевна. Вотъ злющій-то!

Данила Григорьичъ. Съ кѣмъ ты такъ это говоришь?

Егорушка. Съ тобой говорю. Ну!

Данила Григорьичъ. А я кто такой?

Егорушка. Воръ! *(Прыгаетъ въ окно).*

Матрена Панкратьевна. Батюшки! Опять, пожалуй, утопится!

КАРТИНА ВТОРАЯ.

(Зала, убранная для бала).

ЯВЛЕНІЕ I.

АЛЕШКА и ОФИЦІАНТЪ.

Алешка. Вчера нашего хозяина судили... при всей публикѣ! Что страму было! Всѣ медали надѣвалъ, думалъ, страшно будетъ.

Офиціантъ. Засудили?

Алешка. Само собой! Потому, у Татьяны Матвѣвны деньги зажилилъ, и сейчасъ всѣ отдать велѣно. Какъ сталъ онъ тамъ говорить, такъ публика вся и покатилась со смѣху, словно въ кіатрѣ. Разозлился, борода распушилась!.. Пріѣхалъ домой—ужъ онъ меня лупилъ, лупилъ, за то, что я на его страмъ глядѣть ходилъ. Я, говоритъ, тебя живого въ гробъ заколочу... Невозможно!.. *(Хохочетъ).*

ЯВЛЕНІЕ II.

ДАНИЛА ГРИГОРЬИЧЪ и ИВАНЪ ПРОХОРОВЪ.

Данила Григорьичъ. Скажи ему: хоша окружной судъ и засудилъ меня, но что, молъ, это неправильно, и денегъ я ей не отдамъ. И какъ, напримѣръ, теперича у меня сватьба...

Иванъ Прохоровъ. Онъ говоритъ, коли-ежели хозяинъ платить не хочетъ, такъ на воротахъ объявленіе прибьютъ.

Данила Григорьичъ. Это очень хорошо будетъ. По крайности, народъ будетъ видѣть, какъ нынче съ родителями-то... Гдѣ онъ?

Иванъ Прохоровъ. Въ конторѣ сидитъ.

Данила Григорьичъ. Я самъ пойду переговорю съ нимъ. *(Къ офиціанту).* Чтобы все было въ аккуратѣ... И какъ сейчасъ женихъ пріѣдетъ, долженъ ты докладать.

Офиціантъ. Слушаю-съ. Порядки знаемъ. *(Уходятъ—офиціантъ, Алешка и Иванъ Прохоровъ).*

ЯВЛЕНІЕ III.

МАТРЕНА ПАНКРАТЬЕВНА и ДАША.

Матрена Панкратьевна. Данила Григорьичъ, что съ дѣвкой-то сдѣлалось? Ревмя-реветъ.

Данила Григорьичъ. Терпѣть я этого не могу!

Матрена Панкратьевна. Разговори ты ее.

Данила Григорьичъ. Дарья, какъ я долженъ это понимать?

Даша. Мнѣ скучно. *(Плачетъ).*

Данила Григорьичъ. Дарья!

Матрена Панкратьевна. Что ты, Богъ съ тобой! За маіора за военнаго выходитъ, да скучно. Да другая бы на твоемъ мѣстѣ, такъ-бы носъ-то вздернула, да хвостъ растопырила...

Даша. За что-жъ я должна за старика идти?

Данила Григорьичъ. Это не твое дѣло! Значитъ, мнѣ это нужно, для моихъ дѣловъ. *(Даша плачетъ).* Что я задумалъ, никто этого знать не можетъ. А ваше дѣло, что я приказываю—кончено! Не мерзавецъ я въ своей жизни, а чувствую свою дѣятельность. Учить вамъ меня нечего. Отецъ съ матерью должны за дѣтей своихъ Богу отвѣчать, стало-быть, они знаютъ.

Матрена Панкратьевна. Вотъ ты и слушай, что отецъ-то тебѣ говоритъ.

Даша. Полноте, маменька! *(Плачетъ).*

Данила Григорьичъ. Дарья, чтобъ я этого не видалъ, слышишь? *(Къ женѣ).* Это твое дѣло; ты должна все произвести. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ IV.

Зоя Евграфовна *(входя).* Это она, ангелъ мой, просто отъ волненія. Какъ готовится Дарьѣ Даниловнѣ перемѣна въ жизни, опять же эдакое счастіе—за военнаго выходитъ, такъ они этого равнодушно перенести и не могутъ. Это я

вамъ вѣрно говорю. Да вотъ я на Угрешу ходила, такъ одна дама...

Даша. Ахъ, батюшка! *(Уходитъ съ Матреной Панкратьевной).*

Зоя. Скажите, пожалуста! Кто со стороны посмотритъ, можетъ, и повѣритъ. Терпѣть я не могу, какъ эти лапотницы привередничаютъ. Ну, что разрюмилась-то! Мало ей, видишь, маіора! Что-жъ тебѣ, генерала что ли?.. А можетъ, я и грѣшу; можетъ, ей, и вправду не нравится; хошь и маіоръ, а не подъ кадрель онъ ей! Что за женихъ... такъ бодрится только, а ужъ, пожалуй, на два аршина въ землю смотритъ... Господи, прости ты мое великое согрѣшеніе! Сказано: не суди...

ЯВЛЕНІЕ V.

Егорушка *(входитъ).*

Зоя. Здравствуйте, батюшка Егоръ Пантелѣичъ.

Егорушка. Здравствуйте.

Зоя. Что это вы, батюшка, какой невеселый?

Егорушка. Радоваться-то нечему.

Зоя. Какъ нечему, ангелъ вы мой! Сватьба у васъ въ домѣ. *(Егорушка смѣется).* Чему же вы, батюшка, смѣетесь?

Егорушка. Потому, смѣшно! *(Передразниваетъ жениха).*

Зоя. Именно, батюшка, именно! *(Хохочетъ).* Ахъ вы, потѣшникъ этакой! Ну, что, красавецъ, какъ вы поживаете? *(Егорушка оглядывается кругомъ).* Вы меня, голубчикъ, не бойтесь, я жалѣючи васъ спрашиваю.

Егорушка. Въ острогѣ лучше.

Зоя. Содомъ у васъ въ домѣ-то, какъ я посмотрю. Вамъ я, знаете, что бы посовѣтовала. *(Входитъ офиціантъ. Егорушка уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ VI.

ЗОЯ ЕВГРАФОВНА и ОФИЦІАНТЪ.

Зоя. А, вотъ мой батюшка... ты кандитеръ?

Офиціантъ. Офиціантъ... все одно-съ.

Зоя. Скажите мнѣ, сударь ты мой, что къ ужину наготовлено?

Офиціантъ. Первое дѣло—ветчина.

Зоя. Съ горошкомъ?

Офиціантъ. Съ горошкомъ.

Зоя. Ну, а второе?

Офиціантъ. Галантиръ будетъ.

Зоя. Вотъ это, сударь ты мой, я очень люблю—этотъ галантиръ. Ежели его оттянуть хорошенько...

Офиціантъ. Повора оттягиваютъ.

Зоя. А больше ничего?

Офиціантъ. Какъ возможно-съ! Жаркое фазаны...

Зоя. Какъ это все безподобно!

Офиціантъ. Пирожное мислероде и померанцовые зефиры.

Зоя *(ударяя его по плечу).* Расчудесно, милостивый государь! Вотъ что теперь, батюшка, имени отечества я вашего не знаю.

Офиціантъ. Осипъ Яковлевъ.

Зоя. Осипъ Яковличъ! Попрошу я у тебя. *(Оглядывается кругомъ и шепчетъ на ухо).*

Офиціантъ. Съ великимъ удовольствіемъ! Сколько угодно-съ...

Зоя. Такъ, небольшую. Оно бы и не слѣдовало мнѣ... ну, да по немощамъ по моимъ.

Офиціантъ. Это завсегда можно-съ.

Зоя. Я въ садъ пройду... туда.

Офиціантъ. Слушаю-съ. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ VII.

(Черезъ сцену проходятъ гости; нѣкоторые остаются на сценѣ).

Дама. Что вы къ намъ никогда не зайдете?

Кавалеръ. Это зависитъ, если вы меня пригласите.

Дама. Пріѣзжайте къ намъ въ воскресенье на дачу.

Кавалеръ. Коли случай выйдетъ—пріѣду. *(Проходитъ сажная купчиха-старуха, одѣта по-русски).*

Кавалеръ. Наше почтеніе, Домна Степановна!

Купчиха. Здравствуй, батька! Ишь ты кортеколъ какой напялилъ...

Кавалеръ. Что вы, Домна Степановна, это спинжакъ.

Купчиха. Одна ему цѣна-то. *(Уходитъ).*

Кавалеръ. Не любитъ! По старой вѣрѣ, по-преображенскому. *(Изъ боковой двери входятъ дѣвицы и мужчины).*

Иванъ Макаровичъ. Нѣтъ, политика-съ!

Дѣвица. Никакой въ этомъ политики нѣтъ.

Иванъ Макаровичъ. Коли-ежели не политика—докажите! А я вамъ сейчасъ докажу. Давеча Прасковья Титовна говоритъ...

Прасковья Титовна. Вы меня, пожалуйста, въ ваши дѣла не путайте. Я себя очень хорошо понимаю.

Иванъ Макаровичъ. Ну, значитъ, и разговору конецъ! А между прочимъ, я все-таки буду говорить, коли человѣкъ съ чувствомъ, онъ завсегда женскія дѣла понимать можетъ.

Дѣвица. Не всякая женщина дастъ себя понимать.

Иванъ Макаровичъ. Надо, чтобы взаимнообразно. Мы и это можемъ.

Дѣвица. Вы женились-бы лучше, чѣмъ изъ пустого въ порожное пересыпать.

Иванъ Макаровичъ. Нѣтъ, ужъ это зачѣмъ же-съ!

Дѣвица. Что вы это говорите! Всѣ люди женятся. Вы богатый женихъ, можете составить партію...

Иванъ Макаровичъ. Въ пирамиду, пожалуй, а на эти дѣла я не согласенъ. Такъ помаемся, пока Богъ грѣхамъ терпитъ.

Дѣвица. Ну, давайте, мы васъ величать будемъ, хоша и не стоите вы этого.

Иванъ Макаровичъ. Я не стою?

Прасковья Титовна. Не стоите.

Иванъ Макаровичъ. Да опосля этого...

(Дѣвушки запѣваютъ).

Царскій сынъ королекъ,
Войди, сударь, въ городокъ.
Стань, низко поклонись,
Любешенько поцалуй.

Иванъ Макаровичъ. Всѣхъ цаловать, али кого на выборъ? *(Всѣ смѣются).*

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Калинъ Власовъ *(входитъ, обнявши чиновника).*

Официантъ *(сноситъ мороженое).*

Калинъ Власовъ. Мы, вишь ты, простые мужики, а вы благородные.

Чиновникъ. Все равно, Калинъ Власьичъ! Кто имѣетъ благородную душу...

Калинъ Власовъ. Это дѣйствительно! Кто ежели что умѣетъ, онъ сейчасъ! Вѣрно? А женихъ пріѣдетъ, я ему сейчасъ въ ноги. Потому, какъ родитель нашъ былъ простой мужикъ, и мы, значитъ, мужики простые. Дѣло я говорю? Ваше благородіе, вѣрно? Ахъ, ты мой батюшка! Поцалуй ты меня, мужика простого, неучонаго...

Чиновникъ. Что вы, Калинъ Власьичъ! *(Цѣлуются).*

Калинъ Власовъ. Ахъ, ты мой голубчикъ!.. А живемъ мы, слава тебѣ Господи! Дай Богъ всякому... и капиталъ имѣемъ... и большой мы капиталъ имѣемъ.

Иванъ Макаровичъ. Въ три вѣка вашего капиталу-то не прожить, Калинъ Власьичъ.

Калинъ Власовъ. Вѣрно! Видишь? *(Показываетъ на медаль).* Простой я человѣкъ, а? А я казну знаю... наскрось я ее, матушку, знаю! Дѣвушки, повеличайте меня... мы заплатимъ. А это дочка моя... вишь, желтинькая-то... Парашей прозывается. Параша, какъ ты своего отца понимаешь?

Дѣвушка. Что вы ее конфузите?

Калинъ Власовъ. Ничего, пущай скажетъ, какъ она меня понимаетъ. Дѣти должны своихъ родителевъ... Она у меня неучоная, не то, что какъ другія прочія, а дѣвушка настоящая, во всей формѣ.

Официантъ. Иванъ Макаровичъ, пожалуйте!

Иванъ Макаровичъ. Готово? До пріятнаго свиданія.

Дѣвица. Что-жъ вы, Иванъ Макаровичъ, оставляете нашу компанію?

Иванъ Макаровичъ. Да вѣдь ужъ подано. Пропустить этого никакъ невозможно. Съ градомъ! Стоятъ двѣ рядомъ! *(Уходитъ).*

Дѣвица. Ну, и мы пойдемъ съ вами. *(Уходитъ).*

Калинъ Власовъ. Баринъ, я тебя полюбилъ! Будешь жениться, приходи ко мнѣ, я тебѣ помогу. Не то, что къ примѣру... денегъ дамъ, за простоту за твою. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ IX.

СЕРГѢЙ ИЛЬИЧЪ и ЗОЯ ЕВГРАФОВНА.

Сергѣй Ильичъ. Ты, Зоя Евграфовна, кажется, тамъ на вольномъ-то воздухѣ рюмочку протащила?

Зоя. Не солгу: былъ грѣхъ! Что-жъ за важное дѣло! Вѣдь экіе вы, право! *(Сергѣй Ильичъ пристально смотритъ на нее).* Что это вы на меня такъ смотрите?

Сергѣй Ильичъ. Такъ, я... *(Ухмыляется).*

Зоя. Ей-Богу, только одну маленькую.

Сергѣй Ильичъ. Нѣтъ, я не насчетъ этого, а что ты тамъ на молодыхъ ребятъ больно засматривалась.

Зоя. Что вы, ангелъ мой, куда мнѣ! Иногда и придетъ эдакая мечта, да сейчасъ и разсыплется, словно облако.

Да полноте на меня такъ смотрѣть! Эдакой у васъ взглядъ язвительный! Ужъ вѣрно задумали что-нибудь.

Сергѣй Ильичъ. Задумать-то я задумалъ, только будешь ли ты для меня стараться-то?

Зоя. Для эдакаго красавчика-то! Всю землю наскрозь произойду.

Сергѣй Ильичъ. Всю?

Зоя. Съ этого мѣста мнѣ не сойти.

Сергѣй Ильичъ. Коли все сдѣлаете такъ точно — сто серебра... сотельную. Да не токма сотельную, а приходи въ контору, открой сундукъ, да и бери сколько захватишь.

Зоя. Ухъ, какой ты тонкій молодецъ-то!

Сергѣй Ильичъ. Поняла?

Зоя. Толковать еще! Ахъ ты, Господи! Какія этимъ мужчинамъ могутъ приходить мысли въ голову.

Сергѣй Ильичъ. Ну, да ужъ тамъ... Такъ вѣрно?

Зоя *(ударяя по рукѣ Сергѣя Ильича).* Кончено!

Сергѣй Ильичъ. Кабы этой бабы на свѣтѣ не было, нашему бы брату въ тѣ-поры совсѣмъ погибать надо. Просто ложись да умирай. Пойдемъ еще по рюмочкѣ, по одной.

Зоя. Нѣтъ, соколикъ, я ужъ и такъ согрѣшила. Эхъ, кабы этотъ раскрасавецъ жениться задумалъ, какую-бы я ему невѣсту!..

Сергѣй Ильичъ. Баловство-то меня, Зоя Евграфовна, ужъ больно одолѣло! Опять-же, по моей простотѣ...

Зоя. Скажите! Кабы всѣ такіе простые-то были...

Сергѣй Ильичъ. Что вы! Я простой человѣкъ! Что — вы смѣетесь? Ей-Богу! Я самый простой, во мнѣ этой хитрости никакой нѣтъ. Меня малый ребенокъ обманетъ... Отъ этого отъ самаго я и жениться-то боюсь... пожалуй, такъ налетишь...

Зоя. А сколько изъ-за васъ, изъ-за холостежи, дѣвокъ даромъ пропадаетъ. Вотъ хоть-бы Лукерья Пантелевна. Положимъ, сирота, приданаго нѣту...

Сергѣй Ильичъ. Ну, коли хочешь, чтобъ женился — женись на этой. Эта вотъ совсѣмъ по мнѣ, въ самую препорцію. Ужъ давно я на нее зарюсь.

Зоя. Такъ что-жъ ты чешешься-то? Кто-жъ тебѣ мѣшаетъ?

Сергѣй Ильичъ. Да смѣлости во мнѣ нѣтъ! Опять-же и бабъ кругомъ себя не имѣю, некому похлопотать за меня. Вѣдь одинъ въ домѣ-то, инда страшно... Просто бѣда моя!..

Зоя. За что-жъ тебя мужчиной-то зовутъ? Да ты... Ну, ужъ ей-Богу!.. видно, придется мнѣ тебя въ руки взять.

Сергѣй Ильичъ. Да возьми! Сдѣлай милость, возьми! Дѣлай со мной, что хочешь, только не обманывай — терпѣть не могу!

Зоя. Ну хочешь, я насчетъ Луши все тебѣ оборудую? Женишься?

Сергѣй Ильичъ. Глазомъ не моргну!.. А съ чортомъ-то какъ-же?

Зоя. Да тебѣ что съ чортомъ-то разговаривать! Чортовы-то дѣла теперича плохи. Онъ не знаетъ, какъ и свою дочь съ рукъ сбыть. Маіоръ-то теперича думаетъ, что за ней денегъ много, а онъ его смазать хочетъ, денегъ-то за ней онъ ни гроша не дастъ. Опять-же Егорушка его теперь безпокоитъ. Слышалъ?

Сергѣй Ильичъ. Нѣтъ. А что?

Зоя. Вѣдь Данила Григорьичъ послѣ покойника Пантелѣя Григорьича все къ рукамъ прибралъ, да послѣ колоколъ въ монастырь слилъ, кунпулъ позолотилъ — молитесь, говоритъ, братія, за раба грѣшнаго Даніила. Теперича Егорушка-то всѣ эти дѣла прозналъ, да и позоритъ его гдѣ ни попало. Онъ хоть и дурашный, а продувной парень... Ухъ, какой прозжоный!

Сергѣй Ильичъ. Ну, такъ сватай, что-ли! Тысячу тебѣ серебра! Человѣкъ, молъ, смирный, капиталъ большой...

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ-же и ЕГОРУШКА *(вбѣгаетъ).*

Егорушка. Да за что это такая мука мученская! Что я кому сдѣлалъ? *(Плачетъ).*

Зоя. Должно быть, опять побилъ.

Сергѣй Ильичъ. Что ты, Егорушка?

Егорушка. Батюшки! Смерть моя!

Сергѣй Ильичъ. Экой злодѣй!

Зоя. О, батюшка, есть ли еще такіе! Извергъ рода человѣческаго!

Егорушка. Издохнуть-бы скорѣй, легче-бы было.

Зоя. Полно, Егорушка, не грѣши!

Егорушка *(рыдаетъ).* Да вѣдь больно! Какъ голова-то моя держится!..

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ-же и ЛУША *(входитъ)*.

Луша. Егорушка пойдемъ отсюда. *(Беретъ его за руку).*

Егорушка. Опять меня, голубушка, избили.

Луша. Что-жъ дѣлать, Богъ съ нимъ! Ну, что-жъ ты плачешь-то, какъ тебѣ не стыдно!

Сергѣй Ильичъ. Егорушка, пойдемъ жить ко мнѣ, будешь все одно, какъ у отца родного.

Зоя. Вотъ это бы расчудесно было! Человѣкъ ты холостой, деньжищевъ этихъ у тебя пропасть...

Сергѣй Ильичъ. Коли хочешь, я съ великимъ удовольствіемъ. Лукерья Пантелевна, позвольте...

Луша. Благодарю васъ, Сергѣй Ильичъ, только я не знаю... Мнѣ кажется, что сдѣлать этого нельзя.

Сергѣй Ильичъ. Да что-жъ за важное дѣло! По крайности, мы не однѣхъ синицъ ловить, а, можетъ, дѣло будемъ съ нимъ дѣлать: я его въ амбаръ посажу. Егорушка, пойдемъ. Я вѣдь, Лукерья Пантелевна, не то что такъ, а вѣрно.

Луша. А какъ же дяденька-то?

Зоя. Да что дяденька! Можетъ, у васъ такое дѣло выдетъ... Мало ли что?—ей-Богу! Ты дѣвушка молодая, онъ человѣкъ самъ по себѣ.

Луша *(сконфузясь)*. Что вы, Зоя Евграфовна?

Зоя. Да я бы на вашемъ мѣстѣ и думать-то долго не стала...

Сергѣй Ильичъ *(ухмыляясь)*. Полноте, Зоя Евграфовна...

Зоя. Да что, полноте! Извѣстно, ужъ это не отъ насъ, а какъ Богу угодно. Я только къ примѣру говорю. А ты вотъ что: тащи ты его отсюда.

Луша. Онъ разсердится.

Сергѣй Ильичъ. Въ судъ ужъ его разъ сволокли, еще стащимъ, коли что. Не прежнее время! Это прежде, бывало, коли человѣкъ съ деньгами, хоть всю Москву разнеси: нынче и на своемъ дворѣ бунтовать-то не велятъ.

Зоя. Это истинно! Вотъ Иванъ Назарычъ, богачъ, именитый, кучеру своему плюху закатилъ... *(За сценой смѣхъ и голосъ Данилы Григорьича)*: Эй, офиціантъ! *(Луша и Егорушка уходятъ)*. Поди въ садъ, поговори, можетъ, что... Наше женское дѣло—чуть мужчина глазъ накинулъ—тутъ она и есть... Да ступай, что зѣваешь-то! *(толкаетъ его)*.

Сергѣй Ильичъ. А коли мнѣ отъ нея конфузъ будетъ, ты ужъ лучше такъ и умирай, пока я тебя не убилъ. *(Уходятъ)*.

ЯВЛЕНІЕ XII.

На сцену входятъ гости.

Данила Григорьичъ *(офиціанту)*. Ты обнесъ бы гостей-то мадеркой, али тамъ чѣмъ; можетъ, которые и выкушать желаютъ. Али вотъ что: давай сюда шампанскаго. Полагаю, теперь время самое настоящее. Садиться милости просимъ. Мы будемъ пить, а насъ будутъ величать, а можетъ кто и проплясать вздумаетъ. Матрена Панкратьевна, что-жъ твоя команда плохо дѣйствуетъ? Барышни, что же намъ почету отъ васъ не будетъ? *(Дѣвушки запѣваютъ пѣсню, по окончаніи которой за сценой музыка играетъ персидскій маршъ. Всѣ встаютъ).*

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Офиціантъ *(громко)*. Маіоръ Карташевъ!

Маіоръ *(въ дверяхъ)*. Какую мнѣ парадную встрѣчу! Съ музыкой! *(Цѣлуется).*

Данила Григорьичъ. Это ужъ у насъ такіе порядки, чтобы, напримѣръ, съ музыкой. Милости просимъ. Домна Степановна, пожалуйте рядомъ. Милости просимъ. *(Усаживаетъ).* Это значитъ, Домна Степановна, первая по нашему дому, можно сказать...

Купецъ. Основанія...

Маіоръ *(протягивая руку)*. Прошу принять меня въ ваше расположеніе. Я цѣню расположеніе людей пожилыхъ и опытныхъ.

Данила Григорьичъ. Это первое дѣло! Это я завсегда говорю: коли человѣкъ, къ примѣру, пожилой, и, значитъ, имѣетъ...

Купецъ. Достатки... Это такъ, то истинно.

Данила Григорьичъ. Я такое разсужденіе имѣю: ежели человѣкъ... *(Офиціантъ подаетъ вино).* Пожалуйте! Домна Степановна! *(Отказывается).* Нельзя! Хоть пригубить надо.

Купецъ *(беретъ бокалъ)*. Примѣръ этотъ соблюсти.

Данила Григорьичъ. Невѣста и ты должна откушать.

Маіоръ. Прошу меня не конфузиться.

Данила Григорьичъ. За здоровье дорогого жениха! *(Музыка играетъ тушъ).*

Маіоръ. Нѣтъ, ужъ теперь музыку въ сторону.

Данила Григорьичъ. Это дѣйствительно! Дѣвицы! Что же вы? Вашъ чередъ.

(Дѣвушки поютъ).

Маіоръ. Я въ полной мѣрѣ доволенъ! Я истинно доволенъ! *(Домнѣ Степановнѣ).* Я ужасно люблю русскую пѣсню. Во время моей боевой службы, я только и любилъ лихую тройку и русскую пѣсню.

Купецъ. На тройкѣ важно!

Маіоръ. Какъ-то увлекаешься! Что-то этакое необъяснимое! *(Дѣвицамъ).* Еще разъ благодарю и прошу принять отъ меня мою благодарность. *(Дѣвушка подходитъ, онъ даетъ деньги).* Вы вполнѣ ее заслужили.

Калинъ Власовъ. Она заслужитъ! Параша, ты у меня старайся! *(Треплетъ ее по плечу).* Это, ваше превосходительство, дочка мнѣ будетъ.

Маіоръ. Очень пріятно.

Калинъ Власовъ. А это, Домна Степановна, тоже намъ сродственница. Ваше превосходительство, такъ будемъ говорить: простые мы мужики, только съ деньгами.

Маіоръ. А это главный рычагъ въ жизни и есть. Слава что? Слава—дымъ!

Петръ Савичъ. Въ клубѣ этто у насъ разговоръ былъ...

Калинъ Власовъ. Домна Степановна, матушка! Изъ чего мы съ твоимъ покойникомъ произошли? Изъ мужиковъ изъ простыхъ...

Офиціантъ. Лименацію зажгли.

Данила Григорьичъ. Въ садъ, на вольный воздухъ, пожалуйте... милости просимъ... и чтобы музыку туда. *(Всѣ уходятъ. Маіоръ и Даша остаются).*

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Маіоръ. Скажите мнѣ откровенно: чувствуете вы ко мнѣ расположеніе?

Даша. Да-съ.

Маіоръ. Я не столь молодъ, какъ бы, можетъ-быть, вы желали, но я вамъ замѣню отца. Я вамъ буду отецъ, а не мужъ.

Даша. Мнѣ все равно.

Маіоръ *(обнимая).* Ваше сердце, можетъ, ужъ занято?

Даша. Совсѣмъ напротивъ.

Маіоръ. Выслушайте меня...

Даша. Пойдемте въ садъ.

Маіоръ. Зачѣмъ же въ садъ?

Даша. Какъ же можно, здѣсь никого нѣтъ.

Маіоръ. Готовъ. Ваше дѣло теперь приказывать, мое— исполнять. *(Уходятъ: сцена остается пуста).*

ЯВЛЕНІЕ XV.

ЛУША, СЕРГѢЙ ИЛЬИЧЪ и ЗОЯ ЕВГРАФОВНА.

Луша *(сквозь слезы)*. Голубчикъ, Сергѣй Ильичъ, дѣлайте со мною, что хотите, только, ради Бога, возьмите меня отсюда.

Сергѣй Ильичъ. Конечно!

Зоя. Вотъ мы съ тобой какъ живо эту статью-то обработали. Только пока ни гу-гу! *(Уходитъ).*

КАРТИНА ТРЕТЬЯ.

ЯВЛЕНІЕ I.

АВДОТЬЯ и ЗОЯ ЕВГРАФОВНА.

Зоя. Что-жъ теперь будетъ-то?

Авдотья. А то и будетъ... сказала бы... тьфу!.. Только дѣвушку раздразнили. Ужъ она выла-выла, ревѣла-ревѣла...

Зоя. Да какъ не выть-то, сама посуди! Развѣ это шутка? Дѣвушка ко всему приготовилась...

Авдотья. Что говорить!

Зоя. Это и въ наши года возьми... Вотъ такъ разъ! *(Хохочетъ).*

Авдотья. Да! Вотъ ты и думай!

Зоя. Шаферъ-то пріѣхалъ къ нему: пожалуйте, говоритъ, Ардаліонъ Ардаліонычъ, невѣста готова.—А деньги, говоритъ, готовы?—Данила Григорьичъ приказалъ сказать, что послѣ они съ вами расчетъ сдѣлаютъ, имъ теперь недосугъ. И мнѣ, говоритъ, тоже некогда; я, говоритъ, въ Сокольники долженъ ѣхать. Нѣтъ, голубушка, это—военный человѣкъ, не нагрѣешь. Его вся Москва знаетъ, вѣдь онъ въ комитетѣ по снабженію служитъ.

Авдотья. Такъ, такъ! Нашъ туда сукно ставилъ. А ужъ какіе пріятели-то были! Какъ-то въ саду это запили, ужъ они цѣловались-цѣловались, словно бы вотъ мужъ съ женой. Помнишь, говоритъ: тебѣ было хорошо и мнѣ было хорошо.

Зоя. Я вѣдь была у него послѣ.

Авдотья. Была?

Зоя. Какъ же, была. Просвирку снесла. Вошла я въ залу-то, а на меня, матушка ты моя, огромная собака: такъ я и затряслась вся, а онъ и выходитъ... Орелъ, голубушка ты моя! Картина! Не бойтесь, говоритъ, почтен-

пѣйшая, эта собака даже къ женскому полу привязана. Что, говоритъ, скажете хорошенькаго? Богъ, говорю, милости вамъ прислалъ, Ардаліонъ Ардаліонычъ. Благодарю васъ, садитесь. И пошелъ, и пошелъ!.. Что онъ, говоритъ, шутить со мной вздумалъ! Развѣ онъ не знаетъ, кто онъ и кто я! Я, говоритъ, 15 лѣтъ на конѣ сидѣлъ! Хоша я теперь по непріятностямъ въ отставку и вышелъ, а я, говоритъ, страмить себя не позволю. Безъ денегъ-то, говоритъ, всякая бы дворянка за меня съ радостью пошла. Ежели я жениться вздумалъ, то это потому, что дѣла мои разстроились. А я ему, будто спроста: полноте, говорю, сударь, безпокоиться, развѣ мало по Москвѣ этого товару. Нѣтъ, ужъ я, говоритъ, обжогся, теперь я буду умнѣе; теперь ужъ я, говоритъ, какъ посмотрѣлъ невѣсту, такъ и деньги, сейчасъ деньги, сію минуту, вотъ сюда на столъ... всѣ... Да по столу-то кулачищемъ какъ грохнетъ! Думаю: какъ звизнетъ онъ меня съ сердцовъ этимъ кулачищемъ— на мѣстѣ оставитъ. Смотрю, матушка, чай подаютъ. Я со страху-то оскоромилась—со сливками выпила, ей-Богу! забыла, что и пятница-то на свѣтѣ. Ужъ онъ, матушка ты моя, ругалъ-ругалъ, страмилъ-страмилъ. Я, говоритъ, его подлеца—Господи, прости Ты мое великое согрѣшеніе—я, говоритъ, его, подлеца этакого, отъ каторги спасъ! Да, ладно, говоритъ: я про него еще одно дѣло знаю; только бы, говоритъ, оно наружу вышло, съ колокольнымъ звономъ подъ присягу пойду, Ей-Богу! Это онъ, должно быть, насчетъ Егорушки.

Авдотья. Тотъ теперь, матушка, такъ въ трубу и трубитъ. Вотъ-тѣ и Егорушка, вотъ-тѣ и дуракъ! Вчера мимо насъ разъ двадцать на извозчикѣ проѣхалъ. Ужъ ловить примались, да въ трактирѣ у Серпуховскихъ спрятался.

Зоя. А хоть-бы и поймали, что съ нимъ сдѣлаешь? Не родной сынъ.

Авдотья. Ничего не сдѣлаешь: два судейскихъ съ нимъ ѣздятъ. Вѣдь ужъ, говорятъ, гербовую бумагу подалъ. Да вѣдь я такъ полагаю, что нашъ откупится.

Зоя. Нѣтъ, голубушка, невозможно. При мнѣ вѣдь просьбу-то писали. Такого сутягу нашли, изъ острога недавно выпустили. Первое за жестокое обращеніе, а второе, что имущество послѣ покойника Пантелѣя Григорьича скрылъ. И свидѣтели, матушка, есть, свидѣтели. Такую бумагу написали, что волосы у меня дыбомъ стали. Какъ покойникъ-то захворалъ, такъ Абрамъ Васильичъ три недѣли въ подвалѣ

сидѣлъ, книги какія-то переписывалъ: съ чиновникомъ это они орудовали. И чиновника-то этого разыскали, въ писаряхъ въ кварталѣ служитъ. Такую кашу заварили, страсть! Абрамъ-то Васильичъ говоритъ: терять мнѣ нечего, я слѣпой человѣкъ, пускай меня судятъ!

Авдотья. Ишь ты! Ахъ ты, батюшки!

Зоя. Да еще... ужъ тебѣ по секрету скажу: вѣдь ужъ у Лушки съ Сергѣй-то Ильичемъ все покончено; хочетъ жениться на Лушѣ-то, нынче объявлять пріѣдетъ.

Авдотья. Что ты?! Ну, на части разорвутъ теперь дѣвку! *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ-же и МАТРЕНА ПАНКРАТЬЕВНА.

Матрена Панкратьевна. Такъ вотъ и хожу, какъ полоумная! Ничего не вижу, ничего не слышу! Экой стыдъ, экой страмъ! Вотъ до чего мы дожили, подумай-ка!

Зоя. Нехорошо, Матрена Панкратьевна, нехорошо! Нехороши дѣла! А Егорку этого, Матрена Панкратьевна, прости Ты, Господи, мое великое согрѣшеніе... удавить мало... мало его удавить! А ужъ Абрамку...

Матрена Панкратьевна. Вотъ какого аспида выростили, какого изверга выняньчили на свою голову... И что онъ затѣялъ, что онъ затѣялъ.

Зоя. Подучили, моя красавица, подучили; гдѣ ему, дураку, самому выдумать!

Матрена Панкратьевна. Лушка эта смирная была, теперь тоже себя показываетъ. Я, говоритъ, тиранить себя не позволю. А кто ее тиранитъ, кто?

Зоя. Ахъ, враговъ у васъ много, Матрена Панкратьевна, много у васъ враговъ! А все это Татьяна Матвѣевна: она у васъ все мутитъ. Дочь она ваша, хошь и не родная, а, извините вы меня, этакая ядовитая бабенка, этакая-то...

Матрена Панкратьевна. Она, матушка, она...

Зоя. Ахъ, кабы я была на мѣстѣ Даниды Григорьича, вотъ-бы какъ я скрутила, вотъ-бы какъ всѣхъ перевернула, ни одинъ-бы не пикнулъ. Господи, прости Ты мое великое согрѣшеніе! можетъ, я и грѣшу, а ей-Богу...

Матрена Панкратьевна. Самъ-то худой такой сталъ, ходитъ словно ночь черная и угодить ему не знаешь чѣмъ. Взглянешь на него: что ты, говоритъ, смотришь—на меня? узоровъ не написано. Не глядишь—опять бѣда: что я звѣрь, что-ли, въ своемъ семействѣ, съѣлъ я, что-ли, кого?

А вчера ночью... *(плачетъ)* боюсь, чтобъ съ нимъ недоброе что-нибудь не сдѣлалось.

Зоя. Что это вы, Матрена Панкратьевна?

Матрена Панкратьевна. Вчера ночью пѣсню запѣлъ!

Зоя. Какую пѣсню?

Матрена Панкратьевна. Протяжную такую тянулъ...

Зоя. Что-жъ за важность такая?

Матрена Панкратьевна. Да вѣдь никогда отъ роду, вотъ двадцать лѣтъ живемъ, никакихъ онъ этихъ пѣсенъ не пѣлъ, пьяный никогда голосу своего не давалъ. Вотъ до чего его довели. *(Плачетъ).* Вотъ до какого разстройства! Егорку теперь другую недѣлю ловятъ, поймать не могутъ. И Абрамку этого не найдутъ нигдѣ; то, бывало, отъ воротъ не отгонишь, а вотъ какъ нужно-то, его и нѣту.

Зоя. Я вчера его у Скорбящей видѣла, съ нищими стоялъ. Онъ завсегда тамъ. Совсѣмъ опустился, потерянный сталъ человѣкъ, даже жалко. Благоденствовалъ прежде, а теперь... Это мнѣ даже удивительно! Что значитъ Богъ... если кого захочетъ. Вотъ она гордость-то, Матрена Панкратьевна...

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ-же и ДАНИЛА ГРИГОРЬИЧЪ.

Данила Григорьичъ. Ты по всей Москвѣ день-то деньской снуешь, не видала ли этого прощалыгу-то?

Зоя. Много я, Данила Григорьичъ, непутнаго народу знаю: тебѣ кого нужно-то?

Данила Григорьичъ. Абрашку... Абрамъ Васильева.

Матрена Панкратьевна. У Скорбящей, говорятъ, побирается съ нищими.

Зоя. Вчера я за ранней тамъ была—видѣла!

Данила Григорьичъ. Слетай-ка завтра туда опять, чтобъ сюда пришелъ. *(Молчаніе).* Фу!.. Дѣла, дѣла.

Зоя. Что-жъ вамъ безпокоиться, ваше дѣло правое. Ужъ, неужли, прости ты, Господи, мое великое согрѣшеніе, всякой рвани повѣрятъ!

Данила Григорьичъ. Вѣдь это, къ примѣру, грабежъ!

Зоя. Именно, грабежъ!

Данила Григорьичъ. Денной разбой!

Зоя. Какъ есть разбой!

Данила Григорьичъ. Опосля этого на свѣтѣ жить нельзя.

Зоя. Ежели всякаго именитаго почетнаго гражданина, да

всякая голь, можно сказать, будетъ въ судъ таскать. Да по какому праву? Да что это за времена пришли?

Данила Григорьичъ. Времена пришли тяжкія! Не то что, напримѣръ, что, а всякій норовитъ, какъ бы тебя за воротъ, да къ мировому. Грѣшнымъ дѣломъ загуляешь, въ газетахъ отпечатаютъ. Развелось теперича этой сволочи: за рубль серебромъ такъ тебя опозоритъ, и въ городъ не показывайся. По ряду-то идешь, словно сквозь строй, всѣ на тебя смотрятъ, чуть не подсвистываютъ. Читали мы, думаютъ, про твои дѣла! А какія дѣла? За свои деньги пошумѣли. Экія дѣла важныя!

Зоя. Про нашу сестру тоже описываютъ.

Данила Григорьичъ. Въ старину, бывало, на перекресткахъ шарманки игрывали, али кто раекъ показывалъ: извольте, городъ Парижъ, какъ доѣдешь, угоришь... Никому обиды не было. А нынче на перекресткахъ-то, какъ собаки, на тебя бросаются съ этими газетами. Извольте получить описаніе, какъ вчерашняго числа такіе-то купцы въ Сокольникахъ всю посуду перебили. Занятное происшествіе, оттого и дѣти къ родителямъ страху не имѣютъ. Сынъ не долженъ знать, что отецъ дѣлаетъ. А теперича онъ прочитаетъ въ газетахъ... Про тятеньку-то вонъ что̀ означено, говоритъ, вонъ какія дѣла: стало быть и мнѣ можно, и давай чертить. Отъ этого отъ самаго.

Зоя. Ужъ именно, Данила Григорьичъ, можетъ я и грѣшу, а что... ей-Богу!..

Данила Григорьичъ. А этотъ, маіоръ-то! Вотъ выжига-то! Какъ было онъ меня смазалъ-то! На какую штуку поддѣть-то хотѣлъ.

Зоя. Ужъ захотѣли вы!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Кучеръ *(входитъ)*. Какъ угодно, а поймать нѣтъ никакой возможности... одинъ страмъ.

Данила Григорьичъ. Гдѣ же онъ теперь?

Кучеръ. Въ Роговскую ударился, тамъ гдѣ-нибудь. Городового просили, чтобъ подержалъ. Намъ, говоритъ, невозможно. Коли ежели онъ что укралъ, объявку подайте, а ежели по своей волѣ идетъ—ничего. Намъ, говоритъ, притѣснять публику не велѣно. Пущай, говоритъ, ходитъ: Москва велика.

Данила Григорьичъ. Дуракъ! Ты долженъ былъ говорить, что этотъ молодецъ отъ своего хозяина скрывается.

Кучеръ. Говорили, да ничего не подѣлаешь. Мы, говоритъ, подозрительныхъ людей останавливаемъ. Ежели бы, говоритъ, онъ ночью, напримѣръ, шелъ... съ узломъ...

Данила Григорьичъ. Вотъ, пошли дурака-то.

Кучеръ. Какъ угодно, а что невозможно... *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ V.

Данила Григорьичъ. Одинъ сынъ распутный, другой изъ дому родительскаго убегъ, племянникъ говоритъ, что я его ограбилъ... Что же я, напримѣръ? Какъ ты меня понимаешь?

Зоя. Одна неблагодарность! Истинно, можно сказать...

Данила Григорьичъ. Молчи! *(Къ женѣ).* Какъ по твоему?

Матрена Панкратьевна. Что съ тобой, батюшка?

Данила Григорьичъ. Это я къ тому, напримѣръ, что всѣ противъ меня пошли. *(Матрена Панкратьевна плачетъ).* Эти самыя твои слезы съ дѣтей взыщутся, потому все это они...

Матрена Панкратьевна. Батюшка, Данила Григорьичъ, послушай ты моего бабьяго разуму: выгони ты изъ нашего дому это отродье проклятое, пущай хошь по-міру ходятъ.

Зоя. Вотъ тогда и узнаютъ, что̀ вы для нихъ значили. Этакая неблагодарность, этакая черная неблагодарность! Господи, прости ты мое великое согрѣшеніе...

Данила Григорьичъ *(къ женѣ).* Это ты такъ точно! Конченое дѣло! Эй, кто тамъ? *(Показывается въ дверяхъ дѣвушка).* Этакъ будетъ вѣрнѣе. *(Къ Зоѣ Евграфовнѣ).* Такъ ты лети сейчасъ, тутъ недалеко. *(Женѣ).* Дай ей два пятиалтынныхъ на извозчика. Можетъ, онъ тамъ за вечерней. Лети, и чтобы онъ, напримѣръ, сюда шелъ: молъ, Данила Григорьичъ пристроить хочетъ, будетъ, молъ, пляться... Чтобы безпремѣнно.

Зоя. Мигомъ я тебѣ это дѣло обработаю.

Данила Григорьичъ. Старайся. Ты меня знаешь?

Зоя. Если бы, кажется... *(Махнувъ рукой).* Ну, да ужъ что̀ говорить!.. *(Утираетъ слезы).*

Данила Григорьичъ. Лукерью давай.

Матрена Панкратьевна. Лушу?

Данила Григорьичъ. Дѣло понятное! Живо!

Матрена Панкратьевна. Пойдемъ, матушка. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

ДАНИЛА ГРИГОРЬИЧЪ и ИВАНЪ ПРОХОРОВЪ.

Данила Григорьичъ. Конченое дѣло! Ежели теперича это дѣло такъ оставить... *(Въ размышленіи).* Шабашъ! Объявку сейчасъ, что, напримѣръ, укралъ и скрывается. *(Иванъ Прохоровъ входитъ).* Ты мнѣ, братецъ, здѣсь не нуженъ, на твое мѣсто я нашелъ другого.

Иванъ Прохоровъ. Кажется, я ни въ чемъ не причиненъ. Старался, кажется...

Данила Григорьичъ. Я тебя на фабрику, тамъ тебѣ мѣсто очистилось. И чтобы, напримѣръ, какъ ты молодой человѣкъ, долженъ ты жениться. Первое дѣло — баловства меньше, а второе дѣло—будешь ты подъ главнымъ приказчикомъ, значитъ, безъ этого тебѣ невозможно.

Иванъ Прохоровъ. Вся ваша воля хозяйская, только жениться по нынѣшнимъ временамъ...

Данила Григорьичъ. Ну-да, вотъ ты еще разговаривать будешь!

Иванъ Прохоровъ. Я не къ тому, а что боязно безъ привычки. Въ головѣ опять же этого не держалъ, все больше, главная причина, такую центру имѣешь, какъ бы хозяину угодить, а на то, чтобы, напримѣръ, что-нибудь... пустяки какіе...

Данила Григорьичъ. И какъ я теперича свою племянницу отдаю за тебя, значитъ будешь ты мой сродственникъ *(Иванъ Прохоровъ кланяется въ ноги)* и, стало-быть, долженъ все это ты понимать и, главное, чувствовать, что какъ ничтожный ты, можно сказать, человѣкъ. Христа ради, за материны слезы, я тебя взялъ и въ люди вывелъ...

Иванъ Прохоровъ. Оченно я это чувствую. *(Кланяется въ ноги).*

Данила Григорьичъ. По бѣдности твоей, тебѣ бы въ солдатахъ быть, а за тебя охотника нанялъ. *(Иванъ Прохоровъ кланяется въ ноги).* Теперича какъ ты сейчасъ женишься, поѣдешь на фабрику, возьми съ собой Егорку и чтобы строго съ нимъ, чтобы не болталъ лишняго.

Иванъ Прохоровъ. Главная причина, не въ рукахъ онъ здѣсь; въ руки ежели теперича взять его, онъ смирный будетъ.

Данила Григорьичъ. Это уже твое дѣло.

Иванъ Прохоровъ. У меня онъ, Данила Григорьичъ, мягче пуху будетъ. Вашей милости, извѣстно, по вашимъ

дѣламъ, некогда съ нимъ заниматься, а у меня онъ взгляду бояться будетъ. Какъ, значитъ, всѣ я его достоинства знаю и болтать ему невозможно, потому онъ у меня, первымъ долгомъ, будетъ въ струнѣ находиться.

Данила Григорьичъ. А коли ежели что, я съ тебя взыщу.

Иванъ Прохоровъ. Будьте же покойны-съ. Выправимъ... не такихъ учили... И ежели которые онъ пустяки говорилъ—больше не будетъ. *(Молчаніе).* Прикажите написать въ деревню къ матушкѣ?

Данила Григорьичъ. Объ чемъ?

Иванъ Прохоровъ. Такъ какъ ваша такая милость, насчетъ Лукерьи Пантелевны... Чтобы ей на старости лѣтъ...

Данила Григорьичъ. Пиши.

Иванъ Прохоровъ. А имъ теперича что я долженъ говорить?

Данила Григорьичъ. Кому?

Иванъ Прохоровъ. А Лукерьѣ Пантелевнѣ? Какъ есть теперича ваше приказаніе и какъ имъ будетъ угодно?

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ-же, МАТРЕНА ПАНКРАТЬЕВНА и ЛУША.

Данила Григорьичъ. Гдѣ братъ-то?

Луша. Я не знаю.

Данила Григорьичъ. А кто-жъ знаетъ? Вѣдь ему за его дѣла въ острогѣ сидѣть придется, я такъ полагаю.

Матрена Панкратьевна. Экихъ бѣдъ натворилъ этотъ парень!

Данила Григорьичъ. Ежели его теперича поймаютъ...

Иванъ Прохоровъ. Поймаютъ — бѣда! Потому, безъ пачпорта по Москвѣ ходитъ. По какимъ дѣламъ? По какому праву? *(Молчаніе).*

Данила Григорьичъ. Что-жъ ты молчишь?

Луша. Что-жъ мнѣ говорить?

Данила Григорьичъ. Родной братъ тебѣ: должна бы, кажется, отвести его отъ худого.

Луша. Я его худому не учила.

Данила Григорьичъ. Не учила?! Кажется, пора понимать тебѣ, не маленькая, въ какомъ ты есть положеніи. Сиротъ васъ взяли, одѣваютъ, обуваютъ... Собаку ежели кормятъ, и та благодарность чувствуетъ, а то на-поди!

Луша. Я вамъ очень благодарна.

Данила Григорьичъ. Развѣ въ этомъ благодарность состоитъ, что по Москвѣ бѣгать, да кляузы распущать?

Луша. Я никогда не бѣгаю и никакихъ кляузъ не распускаю.

Данила Григорьичъ. Да я не про тебя и говорю.

Матрена Панкратьевна. Про Егорку толкуютъ. Ты слушай, что говорятъ.

Луша. Я за него не отвѣчаю.

Данила Григорьичъ. А я долженъ за всѣхъ за васъ отвѣчать. Ты вотъ теперича на возрастѣ, и, напримѣръ, сирота круглая: кто объ тебѣ подумаетъ? Пристроить теперича надо: чье это дѣло?

Луша. Объ этомъ вы не безпокойтесь.

Данила Григорьичъ. Должонъ безпокоиться, потому вы безъ меня по-міру пойдете. Безъ меня ты-бы, можетъ, теперича на Кузнецкомъ у портнихи у какой сидѣла, али бы...

Луша. Дяденька!

Данила Григорьичъ. Что, тетенька? А я объ васъ забочусь. Жениха тебѣ подыскалъ. Легко мнѣ все это? Хорошо, что добрый человѣкъ нашолся, съ рукъ моихъ взять тебя хочетъ.

Матрена Панкратьевна. Да ужъ и пора.

Данила Григорьичъ. Я полагаю отдать ее за Ивана Прохорова: ты какъ?

Матрена Панкратьевна. Ну, что-жъ! Ну, и... вотъ и слава Богу! Зачѣмъ дѣло стало! *(Иванъ Прохоровъ кланяется въ ноги Матренѣ Панкратьевнѣ).*

Луша. Я за него не пойду.

Данила Григорьичъ. Какъ не пойдешь?

Луша. Такъ, не пойду.

Иванъ Прохоровъ. Лукерья Пантелевна!.. Ваше дѣло сиротское...

Луша. Ну-съ?

Иванъ Прохоровъ. Я къ тому, напримѣръ...

Луша. Къ чему?

Иванъ Прохоровъ. Какъ вамъ угодно-съ. Вся воля хозяйская.

Данила Григорьичъ. Иванъ Прохоровъ, ступай въ свое мѣсто. Позову, когда нужно будетъ. *(Иванъ Прохоровъ уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ-же безъ ИВАНА ПРОХОРОВА.

Матрена Панкратьевна. Да какъ же это ты не пойдешь-то?

Данила Григорьичъ. Постой, постой. Словно я не все

понялъ, что она говоритъ. Ежели, напримѣръ, я тебѣ приказываю.

Луша. Вы не имѣете права мнѣ приказывать идти замужъ за кого вамъ вздумается.

Матрена Панкратьевна. Да какъ же это ты можешь такъ говорить? Это ее Татьяна Матвѣевна настроила!..

Луша. У меня есть женихъ, я себѣ выбрала.

Данила Григорьичъ. Женихъ есть! *(Къ женѣ).* Ты чего-жъ смотришь?

Матрена Панкратьевна. Чортъ за ними усмотритъ, прости ты меня Господи! Не разорваться мнѣ стать. Цѣлый день подъ окошкомъ торчитъ; можетъ и правду навернулся какой проходимецъ. Мало-ли ихъ въ нашей сторонѣ шляется.

Луша. Напрасно вы обижаете моего жениха: онъ не проходимецъ.

Данила Григорьичъ. Такъ вотъ какія дѣла завелись у меня въ домѣ! Дѣвки сами начинаютъ жениховъ себѣ подбирать! Этакъ, пожалуй, и дочери мои... Это очень прекрасно!

Матрена Панкратьевна. И та, глядя на нее, словно сбѣсилась! Вечеромъ изъ саду домой не загонишь. Ты бы вотъ велѣлъ щели въ заборѣ всѣ заколотить.

Данила Григорьичъ. Такъ вотъ что!

Матрена Панкратьевна. Ну, кто-жъ твой женихъ—сказывай.

Луша. Сергѣй Ильичъ.

Матрена Панкратьевна. Да что ты, бѣлены, что-ль объѣлась? Возьметъ тебя Сергѣй Ильичъ!

Луша. Возьметъ.

Матрена Панкратьевна. Да что за тобой есть-то? Дымъ да коноть! Ему нужна невѣста богатая, а не голь какая, прости Господи! Да ежели бы онъ за мою дочь присватался, такъ я бы неугасимую лампаду повѣсила, а то возьметъ онъ тебя!

Луша. Возьметъ.

Матрена Панкратьевна. Да что-жъ, Дарья-то Даниловна хуже тебя, что-ли? По Москвѣ, можетъ, первая невѣста, и съ большимъ капиталомъ, и сватали за него... Ишь ты, что въ голову забрала! Милліонщикъ на тебѣ женится! Нѣтъ, голубушка, очень для тебя это высоко, очень высоко! Всякая-бы этакъ-то захотѣла, да руки коротки.

Данила Григорьичъ. Это дѣло разобрать надо.

Матрена Панкратьевна. Вотъ и разбери! Этакое-то ты зелье, Лукерья Пантелевна, этакая ты неблагодарная!

Луша. За что-жъ вы меня браните, что я вамъ сдѣлала?

Матрена Панкратьевна. Да какъ же, мать моя! Опять же и то: кто тебя отдастъ за него.

Луша. Я сама пойду.

Матрена Панкратьевна. Сама? Ну, не зелье ты? Да какъ ты можешь такъ говорить? Что я воли, что-ли, надъ тобой не имѣю?

Луша. Никакой.

Матрена Панкратьевна. Господи! Да что же это такое? Данила Григорьичъ, тутъ что-нибудь да есть.

Данила Григорьичъ. Стачка. Очень я это хорошо понимаю. Дѣло это теперича на виду. Это съ Егоркой одна компанія. Значитъ, ты теперича ступай вонъ изъ моего дому.

Луша. Хорошо. *(Идетъ).*

Матрена Панкратьевна. Куда-жъ ты, безпутная, пойдешь-то? *(Луша уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ-же, ДАША, СЕРГѢЙ ИЛЬИЧЪ и ПЕТРЪ САВИЧЪ.

Матрена Панкратьевна. Тьфу ты, пакостница этакая! *(Къ мужу).* Ужли это она и взаправду, аль тамъ какое ехидство придумала?

Данила Григорьичъ. Это дѣло надо разобрать.

Даша *(вбѣгаетъ).* Маменька! Сергѣй Ильичъ съ Петромъ Савичемъ пріѣхали.

Матрена Панкратьевна. Вотъ и допроси его.

Данила Григорьичъ. Все это дѣло сейчасъ обозначится. *(Идетъ къ двери).* А, милости просимъ!

Матрена Панкратьевна. Рады дорогимъ гостямъ.

Петръ Савичъ. Рады не рады, а ужъ мы тутъ... ха, ха, ха!

Сергѣй Ильичъ. Извините, можетъ, не вѣ-время.

Петръ Савичъ. Вотъ-те еще разговаривать не вѣ-время! Для насъ съ тобой, для такихъ орловъ, всегда время. Такъ я говорю, Матрена Панкратьевна?..

Матрена Панкратьевна. Это ужъ именно, завсегда рады... Это ужъ что говорить.

Данила Григорьичъ. Садиться милости просимъ! Чѣмъ потчивать дорогихъ гостей.

Петръ Савичъ. Окромя ласки намъ ничего не требуется.

Намъ чтобы уваженіе только... Такъ я говорю, Матрена Панкратьевна? Опять же мы за дѣломъ пріѣхали. Вотъ ежели дѣло кончимъ, тогда другой разговоръ будетъ... а пока такъ. *(Содятся).* Я полагаю намъ сразу!.. Ну, начинай, Господи, благослови!

Сергѣй Ильичъ. Постой.

Петръ Савичъ. За постой деньги платятъ, чего стоять! Катай сразу.

Данила Григорьичъ. Ты все балагуришь!

Петръ Савичъ. Нѣтъ, не то, а у него до тебя дѣло есть, а человѣкъ онъ смирный. Денегъ много, а разговаривать не умѣетъ. Гмъ! Вчера энто мы были въ клубѣ... говоритъ, что-ли?

Сергѣй Ильичъ. Говори.

Петръ Савичъ. Были, значитъ, въ клубѣ, выпили сколько намъ нужно и впослѣдствіи времени—поѣхали въ паркъ. Дорогой онъ мнѣ и говоритъ,—жениться, говоритъ, задумалъ. Такъ я говорю?

Матрена Панкратьевна. Это доброе дѣло, Сергѣй Ильичъ.

Данила Григорьичъ. Будетъ болтаться-то.

Петръ Савичъ. Хочу, говоритъ, я жениться и безпремѣнно на Лукерьѣ Пантелевнѣ. Съ ней ужъ, говоритъ, я все обдѣлалъ, только самому сказать надо. *(Молчаніе).*

Данила Григорьичъ. Да вѣдь ты, можетъ, думаешь, что она при деньгахъ? Денегъ за ней нѣтъ.

Петръ Савичъ. У насъ своихъ много. Такъ я говорю, Матрена Панкратьевна? Своихъ много.

Данила Григорьичъ. Развѣ что такъ, а то...

Матрена Панкратьевна. А мы такъ полагали, Сергѣй Ильичъ, что вамъ богатая невѣста нужна.

Петръ Савичъ. Зачѣмъ богатую? Бѣдную дѣвушку осчастливить: та, по крайности, будетъ вѣкъ Бога молить. Такъ я говорю? Потому, она понимать это будетъ. Опять же и Богъ заплатитъ за это, что онъ сиротой не погнушался. Сиротская слеза, Матрена Панкратьевна *(показываетъ наверхъ)*, вонъ она гдѣ! Я самъ на сиротѣ женатъ и въ лучшемъ видѣ!...

Матрена Панкратьевна. Ваше дѣло, я ничего не знаю.

Данила Григорьичъ. Оченно я всему этому, что ты мнѣ теперича говорилъ, вѣрю, только дать ей свое разрѣшеніе не могу.

Матрена Панкратьевна. Хоша она наша и племянница, а она въ сиротскій судъ приписана...

Петръ Савичъ. Ты объ этомъ не сомнѣвайся; ужъ она такую бумагу составила, чтобы тебя прочь, а его, значитъ, попечителемъ.

Матрена Панкратьевна. Какъ! Дядю-то прочь? Чужому человѣку...

Петръ Савичъ. Да онъ свой будетъ... значитъ, мужъ.

Матрена Панкратьевна. Вотъ это хорошо! Это за нашу-то хлѣбъ-соль?

Петръ Савичъ. Да вѣдь, съ рукъ долой, это вамъ лучше.

Матрена Панкратьевна. Отстань-ко, Петръ Савичъ, не съ тобой говорятъ. Батюшка, Данила Григорьичъ, что это у насъ дѣлается?

Сергѣй Ильичъ. Кажется, съ нашей стороны обиды вамъ нѣтъ никакой.

Матрена Панкратьевна. Какъ нѣтъ обиды, помилуйте? Я мать дѣтей... Покорно васъ благодаримъ, Сергѣй Ильичъ! Очень мы вамъ благодарны!

Данила Григорьичъ. Молчи, не суйся не въ свое дѣло!

Матрена Панкратьевна. Да кто я такое? Что-же это, ей-Богу!..

Данила Григорьичъ. Лукерью сюда!

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ-же, ЗОЯ ЕВГРАФОВНА и АБРАМЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ *(впопыхахъ).*

Зоя Евграфовна. Приволокла!

Данила Григорьичъ. Вонъ!

Зоя Евграфовна *(Петру Савичу).* Пойдетъ баталія! Я старичонку-то настрочила.

Абрамъ Васильичъ. Кого вонъ? Меня что-ли? Нѣтъ, ужъ я теперь отсюда скоро не уйду?

Данила Григорьичъ. Не уйдешь?!

Абрамъ Васильичъ. Не уйду! Я тебя страмить буду. Мнѣ терять теперь, братъ, нечего, я все потерялъ, и честь потерялъ, и зрѣніе потерялъ, и жену вчера схоронилъ. Ничего у меня теперь нѣтъ, только душа въ тѣлѣ осталась, и та поганая: опоганилъ я ее съ тобой. Ничего, сталобыть, ты мнѣ не сдѣлаешь!..

Данила Григорьичъ. Ахъ, ты пьяница! Смѣешь такія слова говорить со мной!

Абрамъ Васильичъ. Это еще что за слова! Такія-ли я тебѣ слова говорить пришелъ. Разбойникъ ты—разбойникъ!

Господи! Какъ это ты насъ, этакихъ людей, огнемъ не спалишь? Видно, еще слезы-то до тебя не дошли.

Данила Григорьичъ. Абрамъ, полно!

Матрена Панкратьевна. Батюшка! Онъ помутился!

Абрамъ Васильичъ. Не помутился я, врешь ты! Я не помутился! Матушка, Лукерья Пантелевна, не вижу я тебя. *(Становится на колѣна).* Голубица ты моя чистая, прости ты меня, матушка.

Луша. Полноте, Абрамъ Васильичъ, вы ничего не сдѣлали.

Абрамъ Васильичъ. Какъ, голубушка! Мы тебя ограбили съ дядей твоимъ. У покойника твоего большой капиталъ былъ. Каюсь передъ тобой! Передъ всѣми каюсь! Много мы съ Данилой Григорьевымъ народу ограбили.

Данила Григорьичъ. Извольте видѣть, какъ онъ меня конфузитъ!

Абрамъ Васильичъ. Надъ покойникомъ-то, Пантелѣемъ Григорьичемъ, псалтырь читали, душенька-то еще, голубчика, не остыла, а мы...

Петръ Савичъ. Будетъ, Абрамъ Васильичъ! Что старое поминать...

Абрамъ Васильичъ. Никакъ, Петръ Савичъ? Батюшка, Петръ Савичъ, вотъ до чего я дошелъ! И смерти-то Господь за грѣхи мои не даетъ, велитъ на землѣ мучиться.

Петръ Савичъ. Слова эти самыя твои теперича не къ разу, потому какъ Лукерья Пантелевна замужъ выходитъ, значитъ и шабашъ, все кончено! Мало кто что сдѣлалъ.

Данила Григорьичъ. Да что же это, напримѣръ? Нашло въ мой домъ чужого народу и теперича могутъ они командовать! Да кто-жъ я такой! Сманили дѣвку... Матрена Панкратьевна! Да кто-жъ я? Всѣ вонъ изъ моего дому!

Петръ Савичъ. Что ты расходился-то? Коли не нравится— мы уйдемъ. Только худого отъ насъ тебѣ ничего не было.

Данила Григорьичъ. Вонъ всѣ.

Петръ Савичъ. А ты пошибче, а то нестрашно.

Данила Григорьичъ *(къ Лушѣ).* Пошла на свое мѣсто!

Луша. Я пойду къ Петру Савичу.

Данила Григорьичъ. Нѣтъ, ужъ ты не пойдешь. Коли я, напримѣръ, что хочу, такъ это ужъ будетъ по моему. *(Беретъ за руку; Луша вырывается).*

Петръ Савичъ. Ты только это себѣ хуже, потому теперича тебѣ ничего невозможно. Ежели она что желаетъ, значитъ, ея это дѣло. Опять же мы не позволимъ.

Данила Григорьичъ. Да ты кто такой?

Петръ Савичъ. Я-то?

Данила Григорьичъ. Ты-то?

Петръ Савичъ. Петромъ Савичемъ прежде звали. Почетный гражданинъ. Довольно хорошо! Ты думаешь, на тебя суда, что-ли, нѣтъ? Нынче судъ есть.

Данила Григорьичъ. Что ты судомъ-то мнѣ тычешь! Что мнѣ судъ, ежели я въ своемъ домѣ...

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ-же и ИВАНЪ ПРОХОРОВЪ.

Иванъ Прохоровъ. Объявку отъ судебнаго слѣдователя принесли, чтобы завтрашняго числа...

Данила Григорьичъ. Матрена Панкратьевна! За нашу-то хлѣбъ-соль вотъ съ нами какую статью обработали.

Матрена Панкратьевна. Батюшка! что у тебя глаза-то какіе страшные?

Данила Григорьичъ. Вѣдь тебя за это въ Сибирь рѣкатъ.

Матрена Панкратьевна. Господи! Меня-то за что-же?

Данила Григорьичъ. Всѣхъ насъ эти разбойники подвели. *(Къ Абраму).* А тебя, выжигу, уморю въ острогѣ. *(Уходитъ съ женой).*

Абрамъ Васильичъ. Самъ прежде сядешь.

ЯВЛЕНІЕ XII.

Сергѣй Ильичъ. А ты, дѣдушка, ступай жить къ намъ— мѣста много. Помаялся, будетъ. А дѣтей пристроимъ.

Абрамъ Васильичъ. Голубчикъ ты мой, Сергѣй Ильичъ! Пошли тебѣ, Господи! *(Плачетъ).*

Луша. Успокойтесь, Абрамъ Васильичъ.

Зоя Евграфовна. *(Ивану Прохорову).* А ты-было и слюни распустилъ на Лукерью Пантелевну.

Иванъ Прохоровъ. Намъ все единственно... воля хозяйская. *(Уходитъ).*

Алешка. Петръ Савичъ, когда его судить будутъ? Я опять пойду. (*Смѣется*). Оченно я это люблю.

ПРОСТО — СЛУЧАЙ *).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Иванъ Петровичъ Вихровъ, купецъ, 50-ти лѣтъ.
Настасья, жена его.
Дарья Спиридоновна, двоюродная сестра его.
Акулина Андреевна, купчиха, вдова.
Петръ Амосовичъ, обѣднѣвшій купецъ, проживающій въ домѣ Вихрова.
Щурковъ, неопредѣленная личность.
Кухарка въ домѣ Вихрова.

ЯВЛЕНІЕ I.

НАСТАСЬЯ КЛИМОВНА сидитъ за столомъ и плачетъ. ДАРЬЯ СПИРИДОНОВНА входитъ.

Настасья Климовна. А ужъ я, кумушка, за тобой посылать хотѣла.

Дарья Спиридоновна. Что это вы, сестрица? Что съ вами?

Настасья Климовна. Нужна ты мнѣ больно. Садись-ка.

Дарья Спиридоновна. Крестникъ вамъ кланяется, сестринька. Вѣдь ужъ онъ у насъ, сестрица, на Покровъ сталъ дыбочекъ стоять... А я всѣ эти дни-то измучилась, сестринька: вѣдь у меня, внизу, жилецъ третій мѣсяцъ ни копѣечки не платитъ.

Настасья Климовна. Что твое горе, кумушка!.. Моего-то ты горя не знаешь.

Дарья Спиридоновна *(съ удивленіемъ)*. Да что у васъ такое?

*) Первое произведеніе И. Ѳ. Горбунова, напечатанное въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1855 г.

Настасья Климовна *(сквозь слезы)*. Вѣдь Иванъ-то Петровичъ четвертый день домой глазъ не показываетъ.

Дарья Спиридоновна. Что вы? Да какъ же это?

Настасья Климовна. Такъ. Уѣхалъ къ городовому *), да вотъ...

Дарья Спиридоновна. На своей лошади-то?

Настасья Климовна. На своей. Да и лошади-то нѣтъ. Богъ знаетъ, что съ нимъ дѣлается теперь. *(Плачетъ).*

Дарья Спиридоновна. Что-жъ вы такъ убиваетесь-то, сестрица? Его дѣло мужское: можетъ что и нужное дѣлаетъ.

Настасья Климовна. И вѣдь никогда съ нимъ этого не было. Вотъ двадцать лѣтъ живемъ—впервой такая оказія.

Дарья Спиридоновна. Вы бы, сестрица, на картахъ разложили.

Настасья Климовна. Раскладывала, да ничего не дѣйствуетъ. Вѣришь ли Богу, кумушка, вся душенька-то у меня выболѣла. Чего-чего ужъ я не придумала: и убили-то его, и утонулъ-то онъ, и съ Ивана Великаго какъ не упалъ ли...

Дарья Спиридоновна. Что это вы какія мнительныя! Молоденькій, что ли, онъ?.. Пойдетъ онъ на Ивана Великаго!.. Его и на парадное крыльцо ведутъ подъ руки...

Настасья Климовна. Да вѣдь все можетъ быть... Вотъ нонче сонъ опять какой страшный...

Дарья Спиридоновна. А вы что видѣли, сестрица?

Настасья Климовна. Охъ!.. Вотъ вишь ты: будто бы я стою на горѣ...

Дарья Спиридоновна. Да-съ.

Настасья Климовна. Только будто бы Иванъ-то Петровичъ, пьяный-распьяный, стоитъ да на меня пальцемъ грозитъ.

Дарья Спиридоновна. Ишь страсти какія!

Настасья Климовна. А лошадь-то, будто бы...

Дарья Спиридоновна. Вы бы, сестрица, къ Ивану Яковлевичу съѣздили. Я къ нему за всякимъ дѣломъ хожу. Вотъ, бывало, мой покойникъ запьетъ—я и къ нему. Бывало, только и спросишь: Иванъ Яковлевичъ, что будетъ рабу Симіону? Сейчасъ скажетъ, али такъ на бумажкѣ напишетъ.

Настасья Климовна. Боюсь я одного, кумушка, какъ онъ да нехристіанскою смертью померъ-то. *(Плачетъ).*

---

*) Городовыми называются иногородные купцы въ Москвѣ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ-же и АКУЛИНА АНДРЕЕВНА.

Настасья Климовна. Матушка, Акулина Андреевна, не знаешь ты моего горя... не пожалѣешь ты меня...

Акулина Андреевна. Пожалѣла бы я тебя, когда бы не такъ глупа была.

Настасья Климовна *(вскакивая со стула).* Да вы развѣ, голубка, слышали что?

Акулина Андреевна. Это вотъ ты тутъ на боку-то лежишь, а я всѣ документы развѣдала.

Настасья Климовна *(бросаясь къ ней).* Матушка, успокой ты меня, скажи, что съ нимъ сдѣлалось? Какой онъ смертью-то померъ?

Акулина Андреевна. Еще онъ насъ съ тобой переживетъ... Да кабы на мой ндравъ такія дѣла, да я бы его... На что это похоже? Пристало ли старику...

Настасья Климовна. Да гдѣ же онъ?

Акулина Андреевна. Да у меня волосъ дыбомъ сталъ, какъ мнѣ сказали... И ты дура будешь, если не сдѣлаешь по моему. Да я бы изъ его бороды весь пухъ повыщипала! Онъ, матушка ты моя, не тебѣ будь сказано, изволитъ въ Марьиной рощѣ съ цыганками...

Настасья Климовна. Ахъ!..

Акулина Андреевна. Все съ себя пропилъ. Лошадь-то ваша теперь въ депѣ, вчера въ депо взяли: пьяный Тимошка задавилъ кого-то.

Дарья Спиридоновна. Что это вы, Акулина Андреевна, во снѣ, или къ зубамъ? Да развѣ братецъ пьетъ?

Акулина Андреевна. Ужъ молчи, коли тебя Богъ обидѣлъ... Потакай пьяницамъ-то! Твой такой же соколъ былъ, вспомни-ка, сколько разъ...

Дарья Спиридоновна. Ужъ вы всегда бѣдныхъ-то людей.

Акулина Андреевна. Да ты роли-то не представляй! *(Обращаясь къ Настасьѣ Климовнѣ).* Ну, что ты, матушка, стоишь-то? Одѣвайся. Тащи его домой, да опозорь его хорошенько, да въ бороду-то ему наплюй при всемъ честномъ народѣ, чтобъ онъ блажь-то въ голову не запускалъ.

Дарья Спиридоновна. Что-жъ, сестрица, поѣзжайте! Можетъ съ братцемъ, въ самомъ дѣлѣ, какое несчастіе: онъ васъ-то скорѣй послушаетъ?

Настасья Климовна. А ну, какъ онъ да безъ насъ сюда пріѣдетъ!

Акулина Андреевна. Точи лясы-то! *(Беретъ ее за руку и уводитъ).*

ЯВЛЕНІЕ III.

Кухарка *(изъ дверей).* Что, матушка, искать поѣхали? Да ужъ гдѣ найтить! Ты, Спиридоновна, этому не дивуйся: это онъ отъ ней и бѣдствуетъ-то. Я, матушка, у господъ жила, да такой маи-то не привидывала. Бывало, барыня прикажетъ тебѣ распорядиться тамъ, а эта день-то-деньской торчитъ все въ кухнѣ, да по горшкамъ нюхаетъ. А ругаться-то пойдетъ... да я такой обидчицы въ жизнь мою не привидывала! И такая-то ты, и сякая-то ты... тьфу! Вѣдь у нихъ, матушка, за что дѣло-то вышло: намедни сидятъ они такъ-то за чаемъ, а она ему все въ уши: пиши, говоритъ, духовную: не ровенъ часъ—помрешь, меня по міру пустишь. А онъ такъ-то залился слезами: да что-жъ, говоритъ, ужъ ли тебѣ, говоритъ, моей смерти пожелалось?.. Ужъ она у насъ, матушка, такая клятая; у нихъ и родъ-то весь такой. Вотъ когда сестра ея придетъ, семь разовъ въ день самоваръ поставишь...

Дарья Спиридоновна. Вижу, красавица, сама вижу, какія она съ нимъ язвы-то дѣлаетъ. Ужъ она испоконъ вѣку такая мытарка была: черезъ ея милость и мы въ бѣдность произошли. Это братца Богъ наказываетъ за то, что онъ родныхъ не послушалъ, противъ нашей воли женился. Мы ему тогда говорили: погодите, братецъ, мы вамъ худа не желаемъ, свѣтъ-то вѣдь не клиномъ сошелся, мы вамъ найдемъ невѣсту богатую, изъ хорошаго рода.—Нѣтъ, говоритъ, не могу съ своимъ сердцемъ управиться. Вотъ теперь и управляйся!

Кухарка. Да она, должно, приворожила его.

Дарья Спиридоновна. Нѣтъ, матушка, ему судьба такая, его опутали. Взялъ-то онъ ее въ одномъ платьишкѣ; обулъ, одѣлъ ее, салоповъ ей разныхъ нашилъ. Какъ поступила она въ богатство-то—и давай мудровать! И то не такъ, и другое не такъ. Иванъ-то Петровичъ терпѣлъ-терпѣлъ, да съ горя-то, должно быть, и запилъ.

Кухарка. Э!

Дарья Спиридоновна. Такъ мы, матушка, и обмерли! Да четыре года послѣ этой оказіи и курилъ. Чего-чего тогда съ ними не дѣлали, чѣмъ-чѣмъ не лѣчили...

Кухарка. Какъ же остановили-то?

Дарья Спиридоновна. А вотъ, вишь ты. Сидимъ мы такъ-то

разъ да и плачемъ. Экое, я говорю, нашему роду пострамленіе! А молодая-то хозяюшка стоитъ передъ зеркаломъ да ломается. Я и говорю: что это, говорю, Настасья Климовна, неужели на тебѣ креста-то нѣтъ! Мы, говорю, всѣ въ такомъ несчастіи находимся, а тебѣ и горюшка мало! Она, этакъ, вывернулась фертомъ: мнѣ-ста, говоритъ, что за дѣло? Я его не неволю пить-то... Такое-то меня зло взяло! Я, съ сердцовъ-то, и наступила на нее. Да отъ кого-жъ онъ, говорю, пьетъ-то? Ты, говорю, въ нашъ домъ несчастье принесла! Только мы кричимъ, а Иванъ-то Петровичъ что-то и застучалъ. Я къ двери-то, думаю, — не номеръ ли. А онъ, матушка ты моя, ходитъ по горницѣ, да все руками отмахивается... такъ-то все отмахиваетъ... Махалъ, махалъ, да какъ грохнется!.. и сдѣлался вотъ, надо-быть, мертвый. Какъ очнулся то и говоритъ: мнѣ, говоритъ, было видѣніе?—Я и говорю: какое же вамъ, братецъ, было видѣніе?—Не велѣно, говоритъ, сказывать. Все, говоритъ, можно сказать, только одного слова нельзя говорить.

Кухарка. Да, вотъ тоже, какъ я у господъ жила, такъ барской камардинъ такъ-то померъ, — запилъ тоже, да на другой день и очнулся. Стали его допрашивать,—все сказалъ, только одного слова не допросили.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ-же и АМОСОВИЧЪ.

Амосовичъ. Что, матушка, не слыхать-ли чего.

Дарья Спиридоновна. Ахъ, Амосычъ, пропала наша головушка! Вѣдь запилъ!

Амосовичъ. Въ такую, знать, компанію попалъ... въ пьющую... Эхма! Слабостямъ-то мы, матушка, больно подвержены; тѣшимъ плоть свою на семъ свѣтѣ, а объ часѣ-то смертномъ не подумаемъ. А вѣдь окаянному это на руку: онъ въ тѣ-поры такъ за нами и ходитъ, такъ въ грѣховныя узы-то насъ и опутываетъ...

Дарья Спиридоновна. Давно я тебя не видала, Петръ Амосычъ. Что дочка-то твоя?

Амосовичъ. Ничего... живетъ. Видѣлъ намедни въ соборѣ. Хотѣлъ-было подойти, да боюсь-огорчишь: вѣдь барыня; противъ другихъ совѣстно будетъ, вишь я какой! А то вотъ зимой-то ходилъ съ ангеломъ поздравить, да на глаза-то не приняла: гостей, говоритъ, много. Посидѣлъ тамъ у

нихъ въ кухнѣ, погрѣлся. Спасибо, кухарка у нихъ такая добрая, рюмочку поднесла, да обѣдать съ собою посадила... А экономка съ лакеемъ двугривенничекъ выслала... все добрые люди, матушка. Вотъ теперь хоть-бы Иванъ Петровичъ: фатерку мнѣ даетъ, все у меня свое тепло есть, а то, зимнее-то дѣло, ложись да помирай. Что говорить, матушка, но легко ѣсть чужой хлѣбъ, коли самъ народъ кормилъ... Совѣстно матушка! Иной разъ поразмышлешься — кусокъ въ горло нейдетъ...

Дарья Спиридоновна. Что-жъ вы у дочери-то не живете? Неужели на ней креста-то нѣтъ, что она васъ на старости и согрѣть не хочетъ? Неужели она не боится божескаго наказанія?

Амосовичъ. Ну, Богъ съ ней! Вѣдь Богъ все видитъ!.. Отецъ и денно, и нощно пекся объ ней, а она противъ родителя... Захотѣлось вишь благородной, барыней быть захотѣлось!.. Вѣдь она, матушка, безъ моего благословенія съ бариномъ подъ вѣнецъ-то пошла. (*Плачетъ*). Да я ей, матушка, и то простилъ. Я ей все отдалъ: все, что еще старики накопили, я ей отдалъ. На, дочка, живи, да нашу старость покой, а она... ну, Богъ съ ней! Ты подумай, матушка, кабы я пьяница былъ... *(За сценой голосъ Ивана Петровича: «въ гостяхъ хорошо, а дома лучше»).*

ЯВЛЕНІЕ V.

ВИХРОВЪ очень навеселѣ и ЩУРКОВЪ.

Вихровъ *(входя).*

Ты, Настасья, ты, Настасья,
Отворяй-ка ворота.

Вотъ мы къ тебѣ вся компанія!

Амосовичъ. Эхъ, Иванъ Петровичъ, на старости ты лѣтъ...

Вихровъ. Что ты мнѣ можешь препятствовать? Вонъ сейчасъ! Ты моей милостью на свѣтѣ живешь. Я тебя съ лица земного сотру! Вонъ!

Дарья Спиридоновна. Здравствуйте, братецъ.

Вихровъ. А, сестрица любезная! А гдѣ жена?

Дарья Спиридоновна. Ея нѣтъ, братецъ.

Вихровъ. Зачѣмъ-же ты на мои глаза показалась?

Дарья Спиридоновна. Я навѣстить васъ пришла, братецъ.

Вихровъ. Ладно, ступай въ свое мѣсто. *(Обращаясь къ Щуркову).* Ну, ты, прощалыга! представляй кіятры.

Щурковъ. Это можно-съ, только гитарки-то нѣтъ-съ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Настасья Климовна *(вбыаетъ)*. Да что это ты, батюшка, вздумалъ на старости лѣтъ крамбольничать-то?

Вихровъ. Молчать! Ходи въ страхѣ! Топну ногой—понимай что значитъ.

Настасья Климовна *(къ Щуркову)*. Ты что за человѣкъ?

Вихровъ. Гони его по шеѣ: это грабитель.

Щурковъ. Въ гости звали, да и гнать-съ!

Вихровъ. Сволочь! Вотъ мы какъ объ тебѣ понимаемъ. *(Опускаетъ голову на столъ)*.

Настасья Климовна. Вонъ, вонъ!..

Щурковъ. Конечно, сударыня, средства мои не позволяютъ мнѣ быть хорошо одѣтымъ, но и въ несчастномъ положеніи я сохранилъ благородныя чувства. Конечно, благодѣтель мой въ такомъ видѣ, и отрекомендовали меня...

Настасья Климовна. Ступай, ступай!

Щурковъ. Позвольте мнѣ, какъ благородному человѣку, просить рюмку водки.

Настасья Климовна. Да съ чего ты взялъ? Пришелъ въ чужой домъ незваный и непрошеный...

Щурковъ. Въ такомъ случаѣ, позвольте мнѣ съ вами проститься.

Настасья Климовна. Прощай, батюшка, ничего...

Амосовичъ. Ступай, коли говорятъ, ступай... *(Щурковъ подходитъ къ Настасьѣ Климовнѣ и протягиваетъ ей руку)*.

Настасья Климовна. Это ты что еще выдумалъ?

Щурковъ. Я уважаю васъ, какъ строгую женщину, а потому прошу позволенія поцѣловать вашу руку.

Настасья Климовна. Нѣтъ, батюшка, мы отродясь такими дѣлами не занимаемся.

Щурковъ. Какъ вамъ угодно-съ. Впрочемъ, если вамъ не будетъ составлять безпокойства, позвольте мнѣ рюмку водки.

Настасья Климовна. Вонъ! *(Щурковъ медленно уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ-же безъ ЩУРКОВА.

Вихровъ *(подымая голову)*. А гдѣ мои гости? Давай намъ музыку. Аленка, валяй въ присядку.

Ты, Настасья, ты, Настасья,
Отворяй-ка ворота...

Настасья Климовна. Опомнись, Иванъ Петровичъ...

Вихровъ. Прочь! Гдѣ моя подруга жизни?

Настасья Климовна. Досталось твоей подругѣ-то жизни; тебя бы...

Вихровъ. Меня? не смѣй!.. Меня грабить!.. Я загулялъ, а меня грабить!.. Дарья Спиридоновна, я въ Марьину рощу попалъ, а за что они меня били? Деньги были мои... три тысячи серебромъ денегъ-то было... За что они меня били?..

Всѣ. Кто же тебя билъ-то?

Вихровъ. Всѣ меня били!.. Тимошка, ты хочешь лошадь пропить, потому хозяинъ этого чувствовать не можетъ... Врешь!.. Меня ограбили!.. Меня ядомъ напоили, я помереть долженъ!.. Я пропащій человѣкъ! За что они меня били?.. Цыганка... она меня у... уду... удушить хотѣла!.. За что они меня били? *(Опускаетъ голову на столъ).*

Дарья Спиридоновна. Должно быть, сестрица, и вшямъ его опутали.

Настасья Климовна. За что же они его били-то?

Амосовичъ. Такая ужъ конпанія... пьющая!

Дарья Спиридоновна. Да ничего, сестрица. Съ моимъ покойникомъ часто бывали такія оказіи-то. Пройдетъ!

ЖИВЕМЪ ВЪ СВОЕ УДОВОЛЬСТВІЕ.

СЦЕНЫ ИЗЪ КУПЕЧЕСКАГО БЫТА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Никонъ Никонычъ, купецъ, 45 лѣтъ. Говоритъ важно, притворяется умнымъ, ходитъ во фракѣ.
Василій Финогеичъ, 30 лѣтъ, мелкій фабрикантъ.
Иванъ Трифонычъ, старикъ, почетный гражданинъ.
Николай Герасимычъ, 50 лѣтъ, судопромышленникъ.
Аристархъ Захарычъ, купеческій братъ, безъ занятій и безъ капитала.
Назаръ Артемьичъ, старичокъ, чѣмъ-то торгуетъ.
Семенъ Еремеичъ, пожилой купецъ.
Яша, главный конторщикъ Никона Никоныча.
Гордѣй, пѣсенникъ, играетъ на бубнѣ.
Цыгане.
Слуга.

Дѣйствіе происходитъ на Нижегородской ярмаркѣ.

ЯВЛЕНІЕ I.

На сценѣ—комната въ гостиницѣ.

ИВАНЪ ТРИФОНЫЧЪ, ВАСИЛІЙ ФИНОГЕИЧЪ и НИКОЛАЙ ГЕРАСИМЫЧЪ играютъ въ карты. НАЗАРЪ АРТЕМЬИЧЪ сидитъ въ углу на стулѣ. ЯША смотритъ на играющихъ.

Иванъ Трифонычъ. Купилъ.

Николай Герасимычъ. Пасъ.

Василій Финогеичъ. Какими товарами торгуете?

Иванъ Трифонычъ *(разбирая карты).* Товарами-то?.. товарами-то?.. А вотъ какими товарами... червонными.

Василій Финогеичъ. Какую цѣну имъ поставите?

Иванъ Трифонычъ. А цѣна имъ будетъ—семь.

Василій Финогеичъ *(раздумываетъ).* Семь... семь... Это очень превосходно... Такъ ваша игра семь?.. Ну-ко, Николька, открой. Семь... *(Ходитъ).* Какъ поживаешь, дѣдушка? *(Беретъ взятку; ходитъ).* Семь... домашніе ваши здоровы-ли? *(Беретъ взятку; ходитъ).* Семь... Этихъ вамъ не требуется?

Иванъ Трифонычъ *(въ недоумѣніи).* Я полагалъ...

Василій Финогеичъ. И я полагалъ! *(Ходитъ).* Восчувствуй! *(Беретъ взятку; Иванъ Трифонычъ задумывается).* Одной короче что-ли?

Иванъ Трифонычъ *(бросаетъ карты).* Безъ двухъ.

Василій Финогеичъ. Такъ мы въ книгу и занесемъ. Семь черви... *(Записываетъ),* да за безчестье...

Иванъ Трифонычъ *(со вздохомъ).* Вотъ народъ-то!

Василій Финогеичъ. Народъ плутъ!

(Голосъ изъ другой комнаты). Кого это вы нагрѣваете?

Василій Финогеичъ. А вотъ по первой-то гильдіи... потомственнаго-то нашпариваемъ... медаль они получили...

Иванъ Трифонычъ *(къ слугѣ).* Поднеси, что-ли.

Василій Финогеичъ. Опосля этакого разу какъ не выпить.—всѣ выпьемъ. Съ наступающимъ, дѣдушка! Дай Богъ завсегда такъ. Яшенька, по рюмочкѣ.

Яша. Во что это вы пьете-то?

Василій Финогеичъ. Въ свое удовольствіе. *(Ударяетъ его по животу).* Эхъ ты, милый! Садись на счастье. Ну-ка, обидчикъ, сдавай.

Иванъ Трифонычъ (*сдаетъ*). Обидишь васъ!

Василій Финогеичъ. Н—да!...

Иванъ Трифонычъ. Мы торговцы мелкіе!

Василій Финогеичъ. Мелкіе!

Иванъ Трифонычъ *(про себя).* Обидѣть насъ не долго.

Назаръ Артемьичъ. Всякое дыханіе да хвалитъ Господа!

Василій Финогеичъ. Вонъ оно что!

Назаръ Артемьичъ. Немощи наши!

Василій Финогеичъ. Немощи ваши! Ужъ ты, братъ, не ворчи, ужъ это до завтрашняго числа не поправишь. Только не шевелись, а то сей часъ замутитъ. Травникомъ, что-ли, ошибся-то?

Назаръ Артемьичъ. Всего было!..

Василій Финогеичъ. Травникъ этотъ—бѣда! Никого не помилуетъ!

Назаръ Артемьичъ. Боже, очисти мя грѣшнаго!

Василій Финогеичъ. Недостойнаго раба твоего. Ну, кто что? Купилъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

НИКОНЪ НИКОНЫЧЪ выходитъ изъ другой комнаты съ СЕМЕНОМЪ ЕРЕМЕИЧЕМЪ.

Никонъ Никонычъ *(важно)*. Коли онъ не желастъ, значитъ—промежду нами все кончено. Я баловства терпѣть не могу и никому не позволю.

Семенъ Еремеичъ. Извѣстно, уваженіе должно сдѣлать.

Никонъ Никонычъ. Бросьте-ко на время ваше занятіе. *(Къ слугѣ)*. Подавай. Холодненькаго по стаканчику. Пожалуйте! Иванъ Трифонычъ... Николя... Василій Финогеичъ... милости просимъ!.. Яковъ!..

Яша. Благодарю васъ, не пью.

Никонъ Никонычъ. А еще въ коммерческомъ судѣ учился.

Яша. Въ коммерческомъ училищѣ.

Никонъ Никонычъ. Все одно, къ тому-же клонитъ.

Василій Финогеичъ. Да ты хоть въ руку-то возьми. Возьми въ руки-то, подержись, что за важное дѣло!

Николай Герасимычъ. Господа, позвольте предложить тостъ за здоровье хозяина. Онъ сдѣлалъ намъ уваженіе, собралъ наше обчество, и мы должны ему эту политику соблюсти.

Всѣ. Ура!

Никонъ Никонычъ. Кушайте во здравіе.

Николай Герасимычъ. Только чтобы, господа, условіе теперича такое, пить не отставая отъ другихъ судопромышленниковъ; обгонять можно, а отставать нельзя, у насъ такъ и въ контрактахъ сказано. А то произойдетъ скопленіе судовъ, заднія баржи и коноводки, которыя будутъ имѣть притѣсненіе, а хозяевамъ, значитъ, ущербъ!

Никонъ Никонычъ. Вѣрно!

Всѣ. Ура.

ЯВЛЕНІЕ III.

Входитъ АРИСТАХЪ ЗАХАРЫЧЪ.

Всѣ. А!!... Другу!...

Аристархъ Захарычъ. Вижу—свѣтъ; думаю: не пьютъ-ли, не зайти-ли на всякой случай?

Никонъ Никонычъ. Откуда, старый грѣшникъ?

Аристархъ Захарычъ. Въ самомъ дѣлѣ что-ли пьете, али такъ, примѣръ одинъ?

Никонъ Никонычъ. Откуда, старый грѣшникъ? Въ непоказанный часъ... въ пьяномъ образѣ...

Аристархъ Захарычъ. Нѣтъ, еще маковой росинки въ роту не было, а вотъ коли вы въ настоящую пьете, такъ мы подъ васъ подражать будемъ. *(Смотритъ на всѣхъ).* Сумнительно мнѣ что-то: лики-то у васъ у всѣхъ чистые...

Василій Финогеичъ. Не отчего, любезненькій, загорѣть-то!

Назаръ Артемьичъ. Господи, прости наше великое согрѣшеніе!

Василій Финогеичъ. Главная причина, чтобы не умереть безъ покаянія.

Назаръ Артемьичъ. Жизнь наша!

Василій Финогеичъ. Жизнь хорошая! Лѣтнее дѣло, поѣдешь провѣтриться въ паркъ, али тамъ куда, ляжешь на травку: птички поютъ, цвѣтики пахнутъ, душенька твоя радуется... Думаешь: Господи, за что Ты взыскалъ меня, недостойнаго? Думаешь, думаешь...

Аристархъ Захарычъ. Да и къ буфету!

Василій Финогеичъ. Дѣло понятное! Налей!.. А тутъ еще кто подъѣдетъ...

Аристархъ Захарычъ. Да коли кто пьющій подвернется: дорогъ въ этомъ разѣ бываетъ.

Никонъ Никонычъ. Первый человѣкъ!

Аристархъ Захарычъ. Повымерли настоящіе-то пьяницы, мало ужъ ихъ осталось. Бывало, въ Нижномъ-то земля стонетъ, какъ они разойдутся, а нынче ежели и пьютъ, такъ—одна политика.

Василій Финогеичъ. Пьютъ, значитъ, положенное, кому сколько слѣдуетъ, для фантазіи; пріѣхали въ Нижній, безъ этого, словно, нельзя.

Семенъ Еремеичъ. Покойникъ дяденька тоже современемъ этими пустяками занимались. Бывало, пріѣдутъ изъ Нижняго, лица ихняго распознать нельзя, синіе этакіе сдѣлаются, говорятъ все такое неподходящее...

Аристархъ Захарычъ. На разные языки. Бываетъ! *(Смѣется).*

Семенъ Еремеичъ. И это даже удивительно: все будто по нимъ жуки ползаютъ; ничего мы этого не видимъ, а имъ все явственно. Сеня, говоритъ—въ тѣ-поры я еще маленькой былъ—задави жука. Гдѣ, говорю, дяденька?.. Вишь, говоритъ, ползетъ. Это, значитъ, окаянные къ нему свою привязку дѣлали.

Аристархъ Захарычъ. Разно бываетъ: кому жуки, кому шмели, а кому, по грѣхамъ, и въ своемъ видѣ покажется.

Назаръ Артемьичъ. Не къ ночи слово!

Василій Финогеичъ. Что, али въ ожиданіи? Къ концу-то ярманки, можетъ, навѣстятъ.

Назаръ Артемьичъ. Все это отъ винъ, отъ сладкихъ... Это они меня... *(Вздыхаетъ).* Вотъ пакость-то, тьфу!..

Никонъ Никонычъ. Что-жъ, господа, налито—простынетъ. Кушайте во славу Божью. *(Всѣ берутъ стаканы и пьютъ).* Блаженный!

Назаръ Артемьичъ *(беретъ стаканъ).* Вотъ грѣхъ-то! Все неразуміе наше!.. Скотина—и та... *(Пьетъ).*

Никонъ Никонычъ. А ты не думай!

Николай Герасимычъ. Коли человѣкъ много думаетъ, это ему хуже, потому заберешь въ голову и никакъ сообразить невозможно, и сейчасъ на тебя страхъ нападетъ, все словно ты чего боишься, словно за тобой бѣжитъ кто...

Василій Финогеичъ. Со мной было. Въ самой чистый понедѣльникъ на Москворѣцкомъ мосту караулъ закричалъ.

Аристархъ Захарычъ. Послѣ заговѣнья это со многими.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Слуга. Гордѣю приказывали придти: пришолъ-съ. *(Гордѣй входитъ).*

Никонъ Никонычъ. Милости просимъ, Гордѣюшка. Поднеси ему. Выкушай. За общее молъ здоровье. *(Слуга наливаетъ рюмку водки и подноситъ).*

Гордѣй. Водки я не кушаю-съ.

Никонъ Никонычъ. Ну мадерцы, что-ли. *(Слуга подноситъ).*

Гордѣй. Съ ярманкой честь имѣемъ поздравить.

Никонъ Никонычъ. И тебя также, другъ сердечный.

Гордѣй *(пьетъ).* Покорнѣйше благодаримъ.

Никонъ Никонычъ. Дмитрій, перемѣни посуду.

Василій Финогеичъ. Что-то это у тебя глазки-то?

Гордѣй. У Семена Ивановича наскрось всю ночь.

Никонъ Никонычъ. Публика была?

Гордѣй. Персюковъ угощали. Изъ кіятра какой-то пѣсни пѣлъ. Семенъ Иванычъ гитару ихнюю сломалъ, только веревечки остались. Двѣ красненькихъ отдалъ, да плису на брюки приказалъ отрѣзать, а въ Москвѣ, говоритъ, новую купимъ. У артельщика опосля гармонію достали: подъ

гармонію-то пѣть не сталъ... Семенъ Иванычъ два раза передъ нимъ на колѣни становился—не сталъ.

Василій Финогеичъ. Ну, а ты-то, голубчикъ, выручалъ-ли?

Гордѣй. Три пѣсни сдѣлалъ, да опосля по Кунавину приказали съ бубномъ пройти.

Никонъ Никонычъ. Все, значитъ, благородно, ничего такова не было?

Гордѣй. Ничего-съ. *(Ухмыляется).* Семена Иваныча опосля въ полицію вытребовали.

Аристархъ Захарычъ. Значитъ, загулъ какъ быть слѣдуетъ.

Никонъ Никонычъ. Хорошо!

Аристархъ Захарычъ. Битва была?

Гордѣй. Битвы чтобы этой безобразной—не было, а только, примѣру, они жида раздавили.

Никонъ Никонычъ. До смерти?

Гордѣй. Нѣтъ-съ, испугъ онъ только получилъ, а главное—сорвать захотѣлось. Играетъ онъ, это, примѣрно, на своихъ цинбалахъ, а Семенъ Иванычъ подошелъ къ нему, да были-то немножко...

Никонъ Никонычъ. Понимаю...

Гордѣй. Посклизнулся, да на него и упалъ. А жидъ этотъ самый, что ни на есть дрянной, выскочилъ на улицу, да на все Кунавино и кричитъ: «помогите, купецъ мнѣ кишки выдавилъ». Мы было за руки его ухватили, а Семенъ Иванычъ: бросьте, говоритъ, его, потому цѣна ему—грошъ.

Назаръ Артемьичъ. Пустите меня, пожалуйста, сдѣлайте милость... невозможно мнѣ!.. Звѣрь, и тотъ теперича... тьфу!.. Все нутро выжгло!.. Горитъ!..

Василій Финогеичъ. Погоди, еще не то будетъ. *(Всѣ смѣются).* Ну-ко, Гордюша, махни! Какъ бишь ее... *(Запѣваетъ).*

Какъ женила молодца
Чужа, дальня сторона.

Гордѣй *(съ бубномъ подхватываетъ).*

Чужа, дальня сторона
Макарьевска ярманка.

Василій Финогеичъ. Дѣлай!

Гордѣй.

И случилася бѣда
И у Сафронова купца.

Назаръ Артемьичъ. Катай!..

Василій Финогеичъ. Очуствовался!

Назаръ Артемьичъ. Катай, катай!..

Гордѣй.

И не сто рублевъ пропало,
И не тысяча его...

Назаръ Артемьичъ. Тьфу!.. Смерть моя!

Василій Финогеичъ. Схоронимъ. *(Вмѣстѣ съ Гордѣемъ).*

Пропадала у него
Дочь любимая его.

Никонъ Никонычъ. Дмитрій! Цыганъ сюда, чтобы всѣ... *(Слуга уходитъ).*

Василій Финогеичъ. Этотъ бубенъ кому хошь сердце растопитъ. Грохни, Гордюша, грохни! *(Поютъ вмѣстѣ).*

Ужъ искали ту пропажу
По болотамъ, по лѣсамъ,
По макарьевскимъ кустамъ...

Никонъ Никонычъ. Шшъ!.. *(Останавливаются).* Не побрезгуйте. *(Всѣ берутъ стаканы).*

Василій Финогеичъ. Эхъ, Гордюша! *(Беретъ его за бороду).* Цѣны ты себѣ не знаешь!

Николай Герасимычъ. Да. Когда, напримѣръ, обчество... выпили и, значитъ, у всѣхъ меланхолія, и кто можетъ объ эту пору на какомъ струментѣ распорядиться — большихъ денегъ такой человѣкъ стоитъ.

Василій Финогеичъ. Ну-ко, особенную.

Гордѣй *(запѣвастъ).*

Торжествуетъ вся наша...

ЯВЛЕНІЕ V.

(За дверью хохотъ, входятъ цыгане).

Василій Финогеичъ. А, милые!.. Къ самому разу!..

Аристархъ Захарычъ. А, чавалы!.. Вотъ теперь пойдетъ самое настоящее!..

Никонъ Никонычъ. Дмитрій! *(Показывая на столъ съ закуской).* Все сызнова и дверь... чтобы лишній кто не вошолъ.

ЖЕСТОКІЕ НРАВЫ.

Васенька, молодой купецъ, щеголевато одѣтый, бѣлокурый, выраженіе лица тупое.
Настенька, его жена, красавица, лѣтъ 19.

Настенька. Вася, да полно же, наконецъ! Вѣдь это ужасно скучно!

Васенька. А мнѣ весело!

Настенька. Пріятно, что ли, терпѣть твое безобразіе-то? Два мѣсяца какъ женился и ни одной почти ночи даже не ночевалъ.

Васенька. Какъ ни одной? Третьяго дня не ночевалъ, это точно. Ну, сегодня...

Настенька. Ну, вотъ сегодня: въ которомъ ты часу пріѣхалъ?

Васенька. Въ раннюю обѣдню. На Болвановкѣ ударили, какъ я подъѣхалъ. У Никона Никоныча страженье было и засидѣлись...

Настенька. Какое сраженье?

Васенька. Обнаковенно какое: въ трынку играли. Послѣ на тройкѣ сдѣлали... у Натрускина цыганъ послушали. Все честь-честью, какъ слѣдуетъ. Дай только Богъ, чтобы это не въ послѣдній разъ въ сей нашей кратковременной жизни.

Настенька. Ну ужъ и жизнь... Господи!

Васенька. Тяжелая! Такъ вчерашняго числа наша компанія лики свои растушевала, такіе на нихъ колера навела, даже до невозможности. До саней-то насилу доползли.

Настенька. И ты такъ говоришь объ этомъ спокойно.

Васенька. Что жъ, плакать, что ли? Ну, напились, что

за важность! Мадера такая попалась... Въ нее не влѣзешь: чортъ ихъ знаетъ, изъ чего они ее составляютъ. Пьешь—ничего, а какъ всталъ—кусаться хочется. Обозначено на ярлыкѣ «Экстра, этикетъ утвержденъ», ну, и давай. Послѣ къ Яру заѣзжали. Иванъ Гаврилычъ пѣвицу чуть не убилъ.

Настенька. Фу, какая гадость!

Васенька. Ничего тутъ нѣтъ особеннаго, цѣловаться лѣзъ, а та препятствовала. Счастья своего не понимала. Поцѣловала бы разъ, другой—сотенная и въ карманѣ.

Настенька *(съ отвращеніемъ).* Тьфу!

Васенька. Да и человѣка-то острамила: протоколъ составили, къ мировому потянутъ.

Настенька. Ахъ, какъ я рада!

Васенька. Чему радоваться-то? Съ человѣкомъ несчастіе, а она радуется. Ежели у него такой характеръ?

Настенька. Обижать женщину!?

Васенька. Да какая въ этомъ есть обида? За свои деньги...

Настенька *(съ упрекомъ).* Вася, зачѣмъ ты женился?

Васенька. Что-жъ мнѣ вредъ, что ли, отъ этого? Окромя удовольствія, ничего!

Настенька. А мнѣ-то какое удовольствіе?

Васенька *(поетъ).*

Что мнѣ до шумнаго свѣта,
Что мнѣ друзья и враги...

Обожаю! Растопится твое сердце... Да полно плакать ты, дура!

Что мнѣ до шумнаго свѣта...

Настенька. Скоро же твоя любовь прошла...

Васенька. Да она не проходила! Развѣ въ этомъ любовь состоитъ, чтобы дома сидѣть. Любовь въ томъ состоитъ—взвился теперь, закружился, выпилъ что слѣдуетъ, удовольствовалъ свою душу—домой! Все у тебя тихо, смирно, хорошо. Вотъ это любовь!

Настенька. Да я-то при чемъ же тутъ?

Васенька.

Что мнѣ до шумнаго свѣта,
Что мнѣ друзья и враги...

Теперь бы хорошо мочененькаго яблочка. Душа послѣ вчерашняго ноетъ. Порфирій, скажи бабушкѣ, чтобы моченыхъ яблоковъ...

НАНА.

— Ну, какое же, Василій Ивановичъ, теперича ваше положеніе опосля папашиной смерти?

— Хуже быть нельзя... острогъ! При тятенькѣ хоша и строгое положеніе было, а все терпѣть можно, а теперь... Ты думаешь—я купеческій сынъ? Арестантъ я и больше ничего! При тятенькѣ, помнишь, въ Парижѣ разъ съ бухгалтеромъ ѣздилъ, въ Нижнемъ крутился... И не приберетъ ее Господъ Царь небесный!

— Кого, сударь?

— Бабушку! Вѣдь она опекуншей назначена. Ну, и шабашъ! Ни направо, ни налѣво! Сидитъ съ монашенками, Бибелью али Чикминей по складамъ разбираютъ... Т. е., завтра она умретъ, а послѣ завтра я всему оставшему капиталу рѣшеніе сдѣлаю... весь капиталъ, съ радости, пропью! Двухъ старцевъ теперича ко мнѣ приставили для наставленія. Одинъ-то еще ничего... пьетъ; а другой, окромя кровоочистительныхъ капель, ничего не трогаетъ. Намедни они меня до того довели: — бабушка, говорю, Маланья Егоровна, я очумѣю! — Это, говоритъ, тебѣ на пользу... Вѣришь ты!.. *(Плачетъ)*. Подъ векселя никто не даетъ—опасаются—несовершеннолѣтній, а этого случая надо еще два года ждать. За это время она мнѣ всю душу вымотаетъ. Сестру тоже поѣдомъ ѣстъ... Ну, той ничего! Та дѣвушка такая—за ней хоть въ подзорную трубу смотри—ничего не увидишь.

— Ну, а дяденька какъ?

— Тотъ дуракъ! Только кажетъ-то умнымъ, а заставь тремъ свиньямъ щи разлить—не сумѣетъ. Ужъ то возьми: въ баню идетъ—медаль надѣваетъ! Дуракъ естественный!

Я всѣхъ умнѣй, изъ всей нашей фамиліи, но только я самый что ни на есть несчастный человѣкъ! Вотъ хошь бы теперь въ бѣду попалъ—за что? Страмъ теперича пойдетъ по всему городу. Ужъ изъ «С.-Петербургскаго листка» приходили опрашивать. Дворникъ сказалъ дома нѣтъ, скрывается.

— Въ чемъ же бѣда-то ваша?

— Видишь ты, милый человѣкъ: иду я по Невскому, смотрю — большое стеченіе публики. Къ городовому: — по какому случаю? А по такому, говоритъ, случаю — картину разсматриваютъ. А господинъ какой-то говоритъ, Нана выставлена. Взошелъ, посмотрѣлъ—ничего нѣтъ удивительнаго, а какъ обнаковенно. Старичокъ только какой-то, въ черненькомъ паричкѣ, хотѣлъ рукой погладить, да не досталъ. И сейчасъ этотъ старичокъ оборотился ко мнѣ съ разговоромъ: вы, говоритъ, еще не видали? Нѣтъ, говорю. А я, говоритъ, десятый разъ смотрю и все налюбоваться не могу. Что-жъ, говорю, Бабелина чудесная. А вы, говоритъ, романъ *Нана* читали? Нѣтъ. Почитайте, вамъ, какъ молодому человѣку, очень пріятно будетъ. Тамъ, говоритъ, всѣ обстоятельства обозначены во всю! И глазъ это у него такъ и завертѣлся. И слова на ихъ счетъ такія, что и пропечатать на нашемъ языкѣ невозможно, надо по-французски. И вонзилъ онъ мнѣ въ самое сердце такой кинжалъ—какъ ни старался—не могъ вытащить. Давай *Нана* да и шабашъ! Книжку купилъ, пошелъ къ одному знакомому приказчику въ перинную линію, хвастался, что умѣетъ по-французски. Тотъ словъ пять разобралъ — бросилъ: не при немъ писано. Ну, а мнѣ все одно хошь умирать! И сказали мнѣ, что въ Казанской улицѣ живетъ съ матерью дѣвица и французскимъ языкомъ орудовать можетъ. Къ ней. Бѣдная, худая, волосы подрѣзаны въ скобку; мать тоже старуха старая, слѣпая... Видно, что дня три не ѣли... Грусть на меня напала! Вотъ, думаю, обдѣлилъ Господь. Можете, говорю, перевести на нашъ языкъ французскую книжку? Посмотрѣла. Извольте, говоритъ. Что это будетъ стоить? Семьдесятъ пять рублей. Это, говорю, мы не въ силахъ... За пятнадцать рубликовъ нельзя ли? Она такъ глаза и вытаращила, а глаза такіе добрые, чудесные... Инда мнѣ совѣстно стало. Вы, говорю, не обижайтесь: мы этимъ товаромъ не торгуемъ, цѣнъ на него не знаемъ. Я, говоритъ, съ васъ беру очень дешево и то потому, что намъ съ мамашей ѣсть нечего, а по щекамъ слезы, словно ртуть,

скатились. Жалко мнѣ ее стало, чувствую этакой переворотъ въ душѣ. Извольте, говорю, только-чтобъ переводъ былъ сдѣланъ на чести, чтобы всѣ слова и обстоятельства... Покончили. Зашелъ какъ-то черезъ недѣлю навѣдаться, смотрю—сидитъ, строчитъ. Матери не въ зачетъ рубль далъ на кофій. Покончила она все это дѣло, да, не дождамшись меня, на Калашникову и приперла. Вошла въ калитку-то, собаки какъ зальются:—чужого народу къ намъ не ходитъ... А бабушку въ это время въ экипажъ усаживали, въ баню везти, бобковой мазью оттирать... Что за человѣкъ? Зачѣмъ? Къ кому? По какому случаю? Все дѣло-то и обозначилось. Ужъ они меня съ дядей терзали, терзали, старцы-то меня точили, точили... Хотѣлъ удавиться!.. Сестра упросила глупости этой не дѣлать. Бабушка взяла эту книжку и тетрадку, да въ печку бросила. И *Нана*, и всѣ слова, и всѣ обстоятельства, все сгорѣло!.. Въ четвергъ повѣстка... къ мировому! Бабушку за безобразіе, меня, должно быть, за малодушество, а дядю, какъ онъ есть дикій, нескладный человѣкъ, за грубое обращеніе... Ищу адвоката. Былъ у одного, да не понравился. Чѣмъ, говорю, прикажете васъ вознаградить, потому какъ всю нашу фамилію судить будутъ? Всталъ этакъ, выпрямился:—Мнѣ кажется, говоритъ, что опосля изобрѣтенія денежныхъ знаковъ вашъ вопросъ совершенно лишній. Въ домѣ теперь смятеніе. Бабушка боится, что ее будутъ къ присягѣ пригонять; дядя сумнѣвается насчетъ своихъ словъ нехорошихъ, а я третій день дома не ночую—пью безъ просыпа...

СЦЕНЫ ИЗЪ ГОРОДСКОЙ ЖИЗНИ.

ЗАТМЕНІЕ СОЛНЦА.

СЦЕНА ИЗЪ МОСКОВСКАГО ЗАХОЛУСТЬЯ.

— Что это за народъ собрамши?

— Богъ ихъ знаетъ... съ утра стоятъ.

— Не насчетъ ли солонины?

— Какой солонины?

— Да вѣдь какъ же: этотъ хозяинъ кормилъ фабрику солониной, но только теперича эту самую солонину запечатали, потому ѣсть ее нѣтъ никакой возможности.

— Это вы насчетъ солонины-то? Нѣтъ, ужъ онъ имъ три ведра поставилъ: распечатали, опять жрутъ...

— Да, ужъ эта солонина!..

— Что это за народъ собрамши?

— Разно говорятъ: кто говоритъ — на небѣ не ладно, кто говоритъ—купецъ повѣсился...

— А мы изъ Нижняго ѣхали... пьяные... Ѣдемъ мы пьяные и сейчасъ эта комета прямо къ намъ въ тарантасъ... инда хмѣль соскочилъ!.. Я говорю: Петръ Семеновъ, смотри! — Я, говоритъ, ужъ давно вижу... а самъ такъ и трясется...

— Затрясешься, коли значитъ... Богу ежели что... Всѣ мы люди, всѣ человѣки...

— Не оборотить ли, говоритъ, намъ назадъ?.. Богъ милостивъ, говорю, отъ судьбы не уйдешь, давай лучше выпьемъ, а она, матушка, можетъ, стороной пройдетъ. Хвостъ ужъ очень разителенъ!.. Такой хвостъ, я тебѣ доложу, что просто...

— Грѣхи наши тяжкіе... Слабъ есть человѣкъ! Вотъ хоть бы теперь! этакое наказанье божеское, а сколько народу пьянаго.

— Безъ этого нельзя: иной опасается, а другой такъ опосля вчерашняго поправляется.

— Нѣтъ, вы докажите!

— И докажу!

— Одно ваше невѣжество!

— Извольте говорить, мы слушаемъ. Вы говорите...

— Я васъ очень хорошо знаю: вы — московскій мѣщанинъ и больше ничего!

— Оченно это можетъ быть, а вы про затменіе докажите. Вы только народъ въ сумнѣніе привели!.. Изъ-за вашихъ пустыхъ словъ теперича этакое собраніе!.. Городовой!.. Городовой!..

— Вотъ онъ тебѣ покажетъ затменіе!..

— Да, нашъ городовой никого не помилуетъ!

— Докажите!

— Живемъ мы тихо, смирно, благородно, а вы тутъ пришли—всѣхъ взбудоражили.

— Хозяйка наша въ баню поѣхала и сейчасъ спрашиваетъ: зачѣмъ народъ собирается? А кучеръ-то, дуракъ, и ляпни: затменія небеснаго дожидаются... Сырой-то женщинѣ!..

— Образованіе!

— Такъ та и покатилась! Домой подъ-руки потащили...

— Онъ съ утра здѣсь путается. Спервоначалу зашелъ въ трактиръ и сталъ эти свои слова говорить. Теперича, говоритъ, земля вертится, а Иванъ Ильичъ какъ свиснетъ его въ ухо!.. Развѣ мы, говоритъ, на вертушкѣ живемъ?..

— Дикая ваша сторона, дикая!..

— Мы довольны, слава тебѣ, Господи!..

— Господинъ, проходите!

— Баринъ, ступай лучше, откуда пришелъ, а то мы тебѣ лопатки назадъ скрутимъ...

— Смотри-ко, что народу подваливаетъ.

— Горяченькіе пирожки! У меня со вкусомъ! Такъ и кипятъ!

— Что это за народъ собравши?

— Вонъ пьяный какой-то выскочилъ изъ трактиру, наставилъ трубочку на солнышко, говоритъ—затменіе будетъ.

— А гдѣ-жъ городовой-то?

— Чай пить пошелъ.

— Надо бы въ часть вести.

— Сведутъ, ужъ это безпремѣнно...

— За такія дѣла не похвалятъ.

— Все въ трубку глядитъ; можетъ, что и есть.

— У насъ, на Кавказѣ, на правомъ флангѣ, у ротнаго командира во какая труба была... все наскрозь видно... Ночью ли, днемъ ли — какъ наставитъ... шабашъ: что-нибудь да есть.

— Начало затменія! Вотъ, вотъ, вотъ... Сейчасъ, сейчасъ...

— А вотъ и городовой идетъ.

— Сейчасъ выручитъ!

— Вотъ, г. городовой, теперича этотъ человѣкъ...

— Осади назадъ!

— Теперича этотъ человѣкъ.

— Неизвѣстный опъ намъ человѣкъ...

— Позвольте, спервоначалу здѣсь былъ... Вышелъ онъ, примѣрно, изъ трактира... но только народъ, извѣстно, глупый... и сталъ сейчасъ...

— Не наваливайте... которые!.. Осадите назадъ!

— Иванъ Павлычъ, ты нашъ тѣлохранитель, выручи! Выпилъ я за свои деньги...

— Вы тогда поймете, когда въ дискѣ будетъ.

— Почтенный, вы за это отвѣтите!

— За что?

— А вотъ за это слово ваше нехорошее...

— Выскочилъ онъ изъ трактира...

— Сейчасъ затмится!

— Можетъ и затмится, а вы, господинъ, пожалуйте въ частокъ. Этого дѣла такъ оставить нельзя.

— Какъ возможно!

— Можетъ хозяйка-то наша теперича на тотъ свѣтъ убралась по твоей милости.

— Хотѣлъ на божью планиду, а попалъ въ часть...

— На Кавказѣ бы за это...

— Сколько этого глупаго народу на свѣтѣ!..

ВОЗДУХОПЛАВАТЕЛЬ.

СЦЕНА.

ОКОЛО ВОЗДУШНАГО ШАРА ТОЛПА НАРОДА.

— Скоро полетитъ?

— Не можемъ знать, сударь. Съ самыхъ вечеренъ надуваютъ; раздуть, говорятъ, невозможно.

— А чѣмъ это, братцы, его надуваютъ?

— Должно кислотой какой... Безъ кислоты тутъ ничего не сдѣлаешь.

— А какъ онъ полетитъ—съ человѣкомъ?

— Съ человѣкомъ... Самъ нѣмецъ полетитъ, а съ нимъ портной.

— Портной!?

— Портной напялся летѣть... Купцы напяли...

— Портной!..

— Пьяной?

— Нѣтъ, черезвый, какъ слѣдовастъ.

— Портной!.. Зачѣмъ же это онъ летитъ?

— Запутался человѣкъ, ну и летитъ. Вѣстимо, отъ хорошаго житья не полетишь, а, значитъ, завертѣлся...

— Мать его тамъ, старушка, у воротъ стоитъ, плачетъ... На кого ты, говоритъ, меня оставляешь.—Ничего, говоритъ, матушка, слетаю, опосля тебѣ лучше будетъ. Знать, говоритъ, мнѣ судьба такая, чтобы, значитъ, летѣть.

— Давай мнѣ теперича, при бѣдности моей, тысячу цѣлковыхъ, да скажи: Петровъ, лети!..

— Полетишь?

— Я-то?

— Ты-то?

— Ни-зачто! Первое дѣло—мнѣ и здѣсь хорошо, а второе дѣло—ежели теперича этотъ портной летитъ, самый онъ выходитъ пустой человѣкъ... Пустой человѣкъ!.. Я теперича осьмушечку выпилъ, Богъ дастъ—другую выпью и третью, можетъ, по грѣхамъ моимъ... а летѣть мы не согласны. Такъ ли я говорю?—Не согласны!..

— Гдѣ же теперича этотъ самый портной?

— А вонъ ему купцы водки подносятъ.

— Купецъ ублаготворитъ, особливо ежели самъ выпивши.

— Всѣ пьяные... Ужъ они его и угощали и цѣловать пробовали—все дѣлали. А одинъ говоритъ:—ежели, Богъ дастъ, благополучно прилетишь, я тебя не забуду.

— Идетъ, идетъ... Портной идетъ...

— Кто?

— Посторонись, братцы...

— Портной идетъ...

— Это онъ самый и есть?

— Онъ самый...

— Летишь?

— Летимъ; прощайте.

— Насъ прости, Христа ради, милый человѣкъ.

— Прощай, братъ!.. Кланяйся тамъ... Несчастный ты человѣкъ, вотъ я тебѣ что скажу! Мать плачетъ, а ты летишь... ты хошь бы подпоясался...

— Это дѣло наше...

— Но только ежели этотъ пузырь вашъ лопнетъ, и какъ ты оттедова турманомъ... въ лучшемъ видѣ... только пятки засверкаютъ...

— Смотри-ка, братцы, купцы его подъ руки повели; сейчасъ, должно, сажать его будутъ...

— Ты что за человѣкъ?..

— Портной...

— Какой портной?

— Портной съ Покровки, отъ Гусева. Купцы его лѣтѣть наняли.

— Летѣть! Гриненко, сведи его въ часть.

— Помилуйте...

— Я-те полечу!.. Гриненко!.. Извольте видѣть!.. Летѣть!.. Гриненко, возьми...

— Поволокли!..

— Полетѣлъ голубчикъ!.

— Да, за этакія дѣла...

— Народъ-то ужъ оченно избаловался, придумываетъ что чуднѣй!..

— Что это, мошенника повели?

— Нѣтъ, сударь, портнова...

— Что же, укралъ онъ что?

— Никакъ нѣтъ, сударь... Онъ, изволите видѣть... бѣдный онъ человѣкъ... и купцы его наняли, чтобы сейчасъ, значитъ, въ шару летѣть.

— На воздусяхъ...

— А квартальному это обидно показалось...

— Потому—безпорядокъ...

— Летитъ, братцы, летитъ... Трогай!..

— И какъ это возможно безъ начальства летѣть?!.

У ПУШКИ.

— Ребята, вотъ такъ пушка!
— Да!..
— Ужъ оченно, сейчасъ умереть, большая!..
— Большая!..
— А что, ежели теперича эту самую пушку, къ примѣру, зарядятъ да пальнутъ...
— Да!
— Особливо, ядромъ зарядятъ.
— Ядромъ ловко, а ежели, бонбой, ребята,—лучше.
— Нѣтъ, ядромъ лучше!
— Да бонбой дальше.
— Все одно, что ядро, что бонба!
— О, дуракъ—чортъ! Чай ядро особь статья, а бонба особь статья.
— Ну, что врешь-то!
— Вѣстимо! Ядро теперича зарядятъ, прижгутъ: оно и летитъ.
— А бонба?
— Чаво бонба?
— Ну, ты говоришь—ядро летитъ... а бонба?
— А бонба другое.
— Да чаво другое-то?
— Бонбу ежели какъ ее вставятъ, такъ-то... туда...
— Такъ что-же?
— Бонбу...
— Ну?..
— Вставятъ... и ежели оттеда...
— Чаво оттеда...
— Ничаго, а какъ собственно... Пошолъ къ чорту!

МАСТЕРОВОЙ.

— Что ты:

— Да я, Кузьма Петровичъ, къ вашей милости...

— Что?

— Такъ какъ, значитъ, оченно благодарны вашей милостью... почему что съизмальства у васъ обиходъ имѣемъ...

— Такъ что же?

— Ничаво-съ!.. Таперича я, значитъ въ цвѣтущихъ лѣтахъ... матушку, выходитъ, схоронилъ...

— Ну, царство небесное.

— Вѣстимо, царство небесное, Кузьма Петровичъ... московское дѣло... за гульбой пойдешь...

— Да что-жъ ты лясы-то все точишь?

— Извѣстно, какое наше дѣло...

— Денегъ, что-ли?

— Благодаримъ покорно... Туточка вотъ у Гужонкина ундеръ живетъ... у его, значитъ, сторожъ...

— Да.

— А она и его дочь...

— Ну?

— Въ прачешной должности состоитъ и портному обучена...

— Тебѣ-то какое же дѣло?

— То-есть... выходитъ... по своему дѣлу, а онъ у его... сторожъ...

— Такъ тебѣ-то что же?

— Законнымъ бракомъ хотимъ.

— Ну, такъ женись.

— То-то. Я вашей милости доложить пришелъ.

У КВАРТАЛЬНАГО НАДЗИРАТЕЛЯ.

Квартальный надзиратель.
Григорьевъ, его слуга.
Купецъ.
Иванъ Ананьевъ, фабричный.

Квартальный надзиратель *(сидитъ утромъ въ канцеляріи и читаетъ бумаги).* «А посему Московская Управа Благочинія...» Григорьевъ!

Григорьевъ. Чего звольте, ваше благородіе?

Квартальный надзиратель. Вели мнѣ приготовить селедку съ яблоками.

Григорьевъ. Слушаю, ваше благородіе.

Квартальный надзиратель *(читаетъ).* «Навести надлежащія справки...»

Купецъ *(входитъ).*

Квартальный надзиратель *(оборачиваясь).* Кто тутъ?

Купецъ. Это, батюшка, я-съ.

Квартальный надзиратель. Что за человѣкъ?

Купецъ. Я здѣшній обыватель.

Квартальный надзиратель. Что тебѣ нужно?

Купецъ. Я къ вамъ, батюшка, со всепокорнѣйшею просьбой.

Квартальный надзиратель. Напримѣръ?

Купецъ. У меня есть до васъ, батюшка, казусное дѣло.

Квартальный надзиратель. Казусное? Какого роду?

Купецъ. Дѣло, батюшка, вотъ какого роду: не безсудьте, ваше благородіе, позвольте вамъ для домашняго обиходу три рублика...

Квартальный надзиратель. Прошу васъ садиться.

Купецъ. Постоимъ, ваше благородіе... Постоять можемъ...

Квартальный надзиратель. Какое ваше дѣло?

Купецъ. Не безызвѣстно вашей милости, что у меня въ вашемъ фарталѣ находится домъ и деревяннымъ заборомъ обнесенный...

Квартальный надзиратель. Да.

Купецъ. Въ оноемъ самомъ домѣ у меня производится фабрика, ткутъ разныя матеріи.

Квартальный надзиратель. Потомъ?

Купецъ. Былъ я, сударь...

Квартальный надзиратель. Садитесь, садитесь...

Купецъ. Ничего-съ. Былъ я, сударь, въ субботу въ городѣ, да маленько, признаться, замѣшкамшись... Бѣгу изъ городу-то, почитай-что бѣгомъ, думаю, хозяйка ждетъ, по семейному дѣлу, чай пить...

Квартальный надзиратель. Ну да, дѣло семейное...

Купецъ. А на фабрикѣ у меня есть крестьянинъ Иванъ Ананьевъ...

Квартальный надзиратель. Что-же онъ пьянъ, что-ли, напился?.. буйства, что-ли, какія надѣлалъ?

Купецъ. Это бы, сударь, ничего, это при емъ-бы и осталось: онъ у меня укралъ *срѣзку*.

Квартальный надзиратель. Что такое—*срѣзку*?

Купецъ. А это, выходитъ, какъ ежели теперича собственно матерія, которая, значитъ, по нашему дѣлу...

Квартальный надзиратель. Понялъ!

Купецъ. Я ему говорю: Иванъ Ананьевъ, пойдемъ къ фартальному. Я-ста, говоритъ, твоего фартальнаго не боюсь.

Квартальный надзиратель. Какъ такъ? Григорьевъ!..

Купецъ. Я говорю: какъ не боишься? Всякій благородный человѣкъ ударитъ тебя по мордѣ и ты ничего не подѣлаешь, а наипаче фартальный надзиратель...

Квартальный надзиратель. Григорьевъ!

Купецъ. Вѣдь оно, ваше благородіе, нашему брату безъ сумлѣнія кажинную вещь пропущать нельзя, потому что всего капиталу рѣшишься...

Квартальный надзиратель. Григорьевъ!

Купецъ. Опять-же говорю, что фартальный у насъ, якобы, значитъ... примѣрно... выходитъ...

ГРИГОРЬЕВЪ, потомъ ИВАНЪ АНАНЬЕВЪ.

Григорьевъ. Чего звольте, ваше благородіе?

Квартальный надзиратель. Дуракъ.

Григорьевъ. Слушаю, ваше благородіе!

Квартальный надзиратель. Дай мнѣ сюда Ивана Ананьева.

Григорьевъ *(отворяя дверь)*. Кондратьевъ! И де винъ тутъ Иванъ Ананьевъ... Который? Давай его къ барину... Иванъ Ананьевъ!..

(Иванъ Ананьевъ входитъ).

Квартальный надзиратель. Какъ тебя зовутъ?

Иванъ Ананьевъ. Сейчасъ умереть, не бралъ.

Квартальный надзиратель. Чего?

Иванъ Ананьевъ. Не могу знать чего.

Квартальный надзиратель. Отправь его въ частный домъ.

Иванъ Ананьевъ. Кузьма Петровичъ только мораль на меня пущаетъ, почему что какъ я ни въ какомъ художествѣ не замѣченъ...

Квартальный надзиратель. Возьми его!

Григорьевъ. Кондратьевъ!..

Купецъ. Благодаримъ покорно. Больше ничего не требуется?

Квартальный надзиратель. Тамъ въ канцеляріи напишите объявленіе.

Купецъ. Слушаю. *(Уходитъ).*

Квартальный надзиратель. Григорьевъ!

Григорьевъ. Чого звольте, ваше благородіе?

Квартальный надзиратель. Дай мнѣ мундиръ.

Григорьевъ. Да винъ увесь у пятнахъ, ваше благородіе.

Квартальный надзиратель. Какъ?!

Григорьевъ. Не могу знать.

Квартальный надзиратель. А можно ихъ вывести?

Григорьевъ. Можно, ваше благородіе.

Квартальный надзиратель. Чѣмъ?

Григорьевъ. Не могу знать.

Квартальный надзиратель. Я думаю, скипидаромъ.

Григорьевъ. И я думаю, що скипидаромъ.

Квартальный надзиратель. Да вѣдь вонять будетъ...

Григорьевъ. Вонять будетъ, ваше благородіе.

Квартальный надзиратель. А можетъ, не будетъ...

Григорьевъ. Ничего не будетъ, ваше благородіе... *(Приноситъ обратно).* Готовъ, ваше благородіе.

Квартальный надзиратель. Что?

Григорьевъ. Ничого.

Квартальный надзиратель. Воняетъ?

Григорьевъ. Воняетъ, ваше благородіе.

Квартальный надзиратель. Скверно.

Григорьевъ. Скверно, ваше благородіе.

Квартальный надзиратель. Да вѣдь, я думаю, незамѣтно.

Григорьевъ. И я думаю, що незамѣтно. Звольте надѣвать.

РАЗВЕСЕЛОЕ ЖИТЬЕ.

СЦЕНА.

Купецъ. Наслышаны мы объ васъ, милостивый государь, что, напримѣръ, ежели что у мирового—сейчасъ вы можете человѣка оправить.

Адвокатъ. А у васъ дѣло есть?

Купецъ. Дѣло, собственно, неважное, пустяки, выходитъ... Не мы первые, не мы послѣдніе... извѣстно глупость наша...

Адвокатъ. Скандалъ сдѣлали?

Купецъ. Шумъ легонькой промежду насъ былъ.

Адвокатъ. Въ публичномъ мѣстѣ?

Купецъ. Какъ слѣдуетъ... при всей публикѣ.

Адвокатъ. Нехорошо!

Купецъ. Дѣйствительно, хорошаго мало.

Адвокатъ. Гдѣ же это было?

Купецъ. На Владимірской... такое заведеніе тамъ прилажено.

Адвокатъ. Въ Орфеумѣ?

Купецъ. Въ этомъ самомъ. *(Молчаніе).* Ежели я теперича, милостивый государь, человѣка ударю, что мнѣ за это полагается?

Адвокатъ. Въ тюрьмѣ сидѣть.

Купецъ. Такъ-съ!.. Долго?

Адвокатъ. Смотря какъ... недѣли три... мѣсяцъ...

Купецъ. А ежели я купецъ, напримѣръ, гильдію плачу.

Адвокатъ. Тогда дольше: мѣсяца два, а то и три.

Купецъ. Конфузъ!.. *(Молчаніе).* А ежели онъ, съ своей

стороны, тоже дѣйствовалъ, и очень даже... можно сказать, сокрушить хотѣлъ?

Адвокатъ. Да разскажите мнѣ все, что было. Садитесь. Разскажите по порядку.

Купецъ. Порядокъ извѣстный—напились и пошли чертить. Вотъ изволите видѣть: собралось насъ, примѣрно, цѣлое обчество, кампанія. Ну, а въ нашемъ званіи, извѣстно, разговору безъ напитку не бываетъ, да и разговоръ нашъ нескладный. Вотъ собрались въ Коммерческую, ошарашили два графина, на шампанское пошли. А шампанское теперича какое? Одно только ему званіе шампанское, а такой составъ пьемъ—смерть! Глазъ выворачиваетъ!.. Который непривычный человѣкъ, этимъ ежели дѣломъ не занимается, съ одной бутылки на стѣну лѣзетъ.

Адвокатъ. А не пить нельзя?

Купецъ. Для восторгу пьемъ. Больше дѣлать нечего. Ну, заправились какъ должно—поѣхали. Путались-путались по С.-Петербургу-то, метались-метались — въ Эльдорадо пріѣхали. Опять та же статья, съизнова. Поѣхали по домамъ-то, одинъ изъ нашего обчества и говоритъ; давайте, говоритъ, прощальный карамболь сдѣлаемъ, разгонную бутылку выпьемъ, чтобы всѣ чувствовали, что мы за люди есть. Сейчасъ на Владимірскую. Мыслей-то ужъ въ головѣ нѣтъ, стыда этого тоже, только стараешься какъ бы все чуднѣй, чтобы публика надъ тобой тѣшилась. Набрали этого самаго женскаго сословія—тамъ его видимо-невидимо—угощать стали. Угощали, угощали—безобразничать. Подошелъ какой-то—не то господинъ, не то писарь: нешто, говоритъ, такъ съ дамами возможно? Это, говоритъ, ваше одно необразованіе. Кто-то съ краю изъ нашей кампаніи сидѣлъ, какъ свиснетъ его: вотъ, говоритъ, наше какое образованіе. Такъ тотъ и покатился. Ну, и пошло!.. Вся эта нація завизжала! Кто кричитъ — полицію, кто кричитъ—бей!

Адвокатъ. А вы били кого-нибудь?

Купецъ. Раза два смазалъ кого-то... подвернулся.

Адвокатъ. Прежде вы за буйство не судились?

Купецъ. При всей публикѣ?

Адвокатъ. Да,—у мирового судьи?

Купецъ. У квартальнаго раза два судился прежде. Тогда проще было: дашь, бывало, письмоводителю—и кончено. А теперича и дороже стало, и страму больше.

Адвокатъ. Сраму больше.

Купецъ. Въ газетахъ не обозначатъ?

Адвокатъ. Напечатаютъ.

Купецъ. А ежели, напримѣръ, пожертвовать на богадѣльню, или куда?..

Адвокатъ. Ничего не поможетъ.

Купецъ. Безпремѣнно ужъ, значитъ, сидѣть?

Адвокатъ. Я думаю.

Купецъ. Все одно, какъ простой человѣкъ съ арестантами?

Адвокатъ. Да.

Купецъ. Изъ-за пустого дѣла!.. Хлопочи вотъ теперь, траться. Сейчасъ былъ тоже у одного адвоката, три синенькихъ отдалъ.

Адвокатъ. За что?

Купецъ. За разговоръ. Я, говоритъ, твое дѣло выслушаю, только мнѣ, говоритъ, за это пятнадцать рублей и деньги сейчасъ. Ну, отдалъ, разсказалъ все какъ слѣдуетъ...

Адвокатъ. Что же онъ?

Купецъ. Взялъ онъ эти деньги: «уповай, говоритъ, на Бога».

Адвокатъ. И больше ничего?

Купецъ. Ничего! Уповай, говоритъ, на Бога, и шабашъ!

У МИРОВОГО СУДЬИ.

КАМЕРА МИРОВОГО СУДЬИ. ПЕРЕДЪ СТОЛОМЪ СТОЯТЪ ДВА ПРИКАЗЧИКА ИЗЪ АПРАКСИНА ДВОРА.

Мировой судья. Вы обиняетесь въ томъ, что въ гостинницѣ «Ягодка» вымазали горчицей лицо трактирному служителю...

Первый. Бушевали мы—это точно.

Мировой судья. Разбили зеркало...

Первый. За все за это заплачено и мальчишкѣ дадено что слѣдуетъ.

Мировой судья. Такъ вы признаете себя виновнымъ?

Первый. Какая же въ этомъ есть моя вина?.. Ежели я за свои деньги...

Мировой судья. Вы вмѣстѣ были?

Второй. Такъ точно!..

Мировой судья. Признаете себя виновнымъ?

Второй. Никакъ нѣтъ-съ!

Мировой судья. Въ протоколѣ написано, что вы...

Второй. Что-жъ, я за два двугривенныхъ какой угодно протоколъ напишу.

Мировой судья. Вы такъ не выражайтесь.

Второй. Тутъ выраженьевъ никакихъ нѣтъ.

Мировой судья. Разскажите, какъ дѣло было.

Свидѣтель. Про которыя они про деньги говорятъ, я ихъ не получалъ. А что какъ они пришли и между прочимъ выпимши и сейчасъ приказали, чтобы селянку и большой графинъ, а опосля того бутылку хересу. Какъ сейчасъ выпили, такъ и закуражились...

Первый. Ежели я тебѣ лицо мазалъ...

Мировой судья. Молчите.

Первый. Какъ угодно, только онъ все вретъ...

Защитникъ. Позвольте предложить свидѣтелю вопросъ.

Мировой судья. Вы кто такой?

Защитникъ. Въ качествѣ защитника.

Мировой судья. Послѣ.

Свидѣтель. Сейчасъ закуражились и сейчасъ стали меня терзать.

Мировой судья. Какъ терзать?

Свидѣтель. За волосы.

Мировой судья. Кто изъ нихъ?

Свидѣтель. Вотъ они.

Первый. Собственно, все это пустяки.

Защитникъ. Позвольте предложить вопросъ свидѣтелю.

Мировой судья. Я вамъ сказалъ, что послѣ.

Свидѣтель. Ну, опосля того мазать меня горчицей стали. Гость одинъ и говоритъ: что вы, господа купцы, безобразничаете, а они говорятъ: мы за свои деньги.

Мировой судья. Такъ это было?

Первый. Можетъ,—я былъ очень выпимши,—не помню. А что ежели и смазали маленько — бѣды тутъ большой нѣтъ; если бы мы его скипидаромъ смазали... опять и деньги мы за это заплатили. Коли угодно, виноватымъ я буду.

Мировой судья. А вы?

Второй. Мы остаемся при своемъ показаніи.

Защитникъ. Теперь можно защитнику?

Мировой судья. Можно.

Защитникъ. Г. мировой судья! Чистосердечное раскаяніе, принесенное въ судѣ, на основаніи новаго законоположенія, ослабляетъ... Законъ разрѣшаетъ вамъ по внутреннему убѣжденію, а потому я прошу васъ судить моего довѣрителя по внутреннему убѣжденію. Я отвергаю здѣсь всякое преступленіе. Я долго служилъ въ Управѣ Благо...

Мировой судья. Позвольте, г. защитникъ. Вы въ какомъ видѣ?

Защитникъ. Чего-съ?

Мировой судья. Вы въ какомъ видѣ пришли сюда?

Защитникъ Въ какомъ-съ?

Мировой судья. Я васъ штрафую тремя рублями. Извольте выйти вонъ.

Защитникъ. Скоро, справедливо и милостиво!

ДОМАШНІЯ СЦЕНЫ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Елизавета Яковлевна, барыня средней руки.
Сергѣй Ивановичъ, ея племянникъ, лѣтъ 17-ти, воспитывается въ пансіонѣ Штрикъ, огромнаго роста, лицо все въ угряхъ.
Астровзоровъ, знакомый Елизаветы Яковлевны толстый мужчина, съ бородой, говоритъ протяжно на *о;* въ разговорѣ разглаживаетъ бороду и возводитъ глаза въ потолокъ.
Макарка—15 лѣтъ } слуги Елизаветы Яковлевны.
Григорій—40 лѣтъ }
Глѣбъ Тимофѣевъ, кучеръ.
Сторожъ изъ пансіона.

Въ передней.

Григорій. Что, Макарка, въ пинсіёнъ ѣздили, аль нѣтъ?

Макарка. Какъ же. Барышню отпустили, а Сергѣя Иваныча не отпущаютъ... проштрафился.

Григорій. Значитъ, на хлѣбъ—на воду... ха-ха-ха!

Макарка. Надо, думать, такъ... Да ужъ ему не въ первóй.

Григорій. Самой-то докладывали?

Макарка. Гдѣ докладывать!.. нянюшку-то развѣ не знаешь.

Григорій. А спроситъ?

Макарка. Ну, спроситъ, тогда доложатъ.

Глѣбъ *(въ дверяхъ).* А... помѣщики!.. Наше вамъ... Сама дома, что ли?

Макарка. А что?

Глѣбъ. Доложите, Григорій Петровичъ, что барышню сдалъ мадамѣ, а Сергѣй Иваныча не отпущаютъ.

Григорій *(смѣясь).* Плохо, значитъ, просилъ.

Глѣбъ. Да коли ежели не отпущаютъ—проси не проси,

все одно. Говорили ужъ мы съ ундеромъ-то:—невозможно, говоритъ, этого, не можемъ мы, потому, говоритъ, нонѣ строго стало, не тѣ порядки.

Григорій. А самого-то видѣлъ?

Глѣбъ. Какъ же. Высыпало это ихъ на лѣстницу видимо-невидимо — и махонькіе, и всякіе, а нашъ-то ото всѣхъ отличаетъ, — всѣхъ, почитай, больше... Тетенька, говорю, кланяться приказала, домой васъ дожидаетъ. Хотѣлъ онъ, должно, что-то говорить, а тутъ нѣмецъ къ нимъ вышелъ и разогналъ всѣхъ. Ундеръ говоритъ, вишь, говоритъ, какъ нонѣ у насъ!.. Такъ я и уѣхалъ. Прощайте. *(Уходитъ).*

Григорій. Теперь, Макарка, держись!

Макарка. А что?

Григорій. Будетъ тебѣ!

Макарка. Я этому не причиненъ.

Григорій. Задастъ она тебѣ!.. Покажетъ, какъ съ бариномъ синицъ ловить!.. Онъ долженъ въ рехметику вникать, доходить до всего, а вы съ синицами... Постой!.. *(Слышенъ звонокъ; Макарка стремлавъ бѣжитъ къ двери; входитъ Серпый Ивановичъ).*

Сережа. Тетенька уѣхала?

Григорій. Никакъ нѣтъ-съ, дома.

Сережа. Который часъ?

Макарка. Восемь било.

Сережа. Никого у насъ нѣтъ?

Григорій. Степанъ Полуехтычъ сидитъ.

Сережа *(выходитъ и быстро возвращается).* Не спрашивали меня?

Григорій. Сейчасъ хотѣли идти докладывать.

Сережа *(въ волненіи).* Объ чемъ?

Макарка. Глѣбъ Тимоѳеичъ сказалъ, что васъ не отпущаютъ... *(Ухмыляется).*

Сережа. Вретъ онъ! Вотъ что, Макарка... *(Говоритъ ему что-то на-ухо).*

Макарка. Никакъ нѣтъ-съ.

Сережа. Поди, достань. *(Тихо).* Няня дома?

Григорій. У всюношной.

Сережа *(Макаркѣ).* У Петровны спроси.

Макарка. Слушаю-съ. *(Подмигиваетъ лукаво Григорію и уходитъ).*

Сережа. Нынче, Григорій, что за обѣдомъ было?

Григорій. Три блюда, съ пирожнымъ—четыре.

Сережа *(охорашивается передъ зеркаломъ).* Что, я блѣденъ?

Григорій *(смотритъ пристально).* Какъ обнаковенно. *(Молчаніе).*

Сережа. Гдѣ сидятъ?

Григорій. Въ зеленой гостиной.

Макарка *(входитъ).* У Петровны нѣтъ-съ.

Сережа. Какъ-же быть-то?

Макарка *(тихо).* У Григорья Петровича попросите: онъ дастъ, слова не скажетъ.

Сережа. Нѣтъ ужъ я лучше... *(Уходитъ въ залу).*

Макарка *(хохочетъ).*

Григорій. Что смѣешься-то, чортъ!..

Макарка. Теперь опять карамболь извозчикъ подыметъ.

Григорій *(мрачно).* Опять пріѣхалъ?

Макарка. Опять!

Григорій. Что нужно-то?

Макарка. Полтора цѣлковыхъ, да намедни тоже у Петровны взялъ два... что страму-то было! Нянюшка до самой-то не довела.

Григорій. Безобразіе!

Въ гостиной.

(Елизавета Яковлевна и Астровзоровъ сидятъ за чайнымъ столомъ).

Елизавета Яковлевна. Что, дѣти пріѣхали?

Горничная. Барышня пріѣхала, а Сергѣй Иваныча не пустили.

Елизавета Яковлевна. Опять!.. Вообразите, Степанъ Полуехтовичъ, какъ притѣсняютъ ребенка; рѣшительно нѣтъ никакой жалости къ дѣтямъ. Ребенку непремѣнно нуженъ отдыхъ... *(Горничная уходитъ).*

Астровзоровъ. Можетъ лѣнится.

Елизавета Яковлевна. Какое—лѣнится, помилуйте! Извѣстно, ребенокъ... что онъ понимаетъ?

Сережа *(входитъ).*

Елизавета Яковлевна *(съ удивленіемъ).* Тебя оставили?

Сережа *(цѣлуетъ руку).* Нѣтъ-съ, это, тетенька, по ошибкѣ.

Елизавета Яковлевна. Какъ, по ошибкѣ?

Сережа *(смѣло).* Ей-Богу, тетенька, по ошибкѣ. Это Петрова 3-го инспекторъ не велѣлъ отпускать—онъ стекло разбилъ, а надзиратель перемѣшалъ, да меня оставилъ.

Елизавета Яковлевна. Скажи, какія низости!

Сережа. Ему выговоръ за это.

Елизавета Яковлевна. А хорошо-ли ты учился?

Сережа. Хорошо-съ: во всю недѣлю ни одной двойки, а изъ Закону вчера пять.

Астровзоровъ. Это прекрасно!

Елизавета Яковлевна. Покажи Степану Полуехтовичу билетъ. Вѣдь, этого, батюшка, утаить нельзя: тамъ имъ даютъ каждый разъ такой листокъ, въ которомъ все написано—какъ ребенокъ велъ себя, какъ учился...

Сережа. Инспекторъ хочетъ намъ каски выхлопотать.

Елизавета Яковлевна *(нетерпѣливо).* Билетъ-то покажи.

Сережа *(шаритъ въ карманахъ).* Тетенька, я забылъ-съ.

Елизавета Яковлевна. Фу, какой ты разсѣянный! Какъ же это можно?..

Сережа. Заторопился давеча, да въ спальнѣ и оставилъ.

Астровзоровъ. Учитесь, Сергѣй Иванычъ, учитесь!.. Наука—ключъ къ жизни. Будете хорошо учиться—начальство васъ будетъ любить и тетенька, въ преклонныхъ лѣтахъ своихъ, коли Господь приведетъ имъ дожить, будетъ имѣть подпору. А какіе нынче классы были?

Сережа. Нынче легкіе.

Астровзоровъ *(съ усмѣшкой).* А развѣ трудные есть?

Сережа. Какже-съ. Вотъ, напримѣръ, нѣмецкій классъ. Нѣмецъ очень строгъ—всѣмъ единицы ставитъ, такъ, занапрасно.

Астровзоровъ. Строги они, это точно, а умный народъ. Теперь, хоть-бы посмотрѣть, эти воздушные шары: страхъ беретъ, какъ можетъ человѣкъ въ безпредѣльную высь подняться? А кто все?—Все нѣмцы.

Елизавета Яковлевна. Ужъ это они, Степанъ Полуехтовичъ, такіе отчаянные...

Астровзоровъ. Конечно, и это можетъ-быть... *(Слышенъ звонокъ; въ дверяхъ показывается Григорій; Сережа быстро бѣжитъ въ переднюю и черезъ минуту возвращается).*

Елизавета Яковлевна. Что тамъ такое?

Сережа. Ничего-съ.

Астровзоровъ. Ну-съ, такъ какіе же еще-то трудные классы?

Елизавета Яковлевна. Да вы его хорошенько, Степанъ Полуехтовичъ, спросите—вы ученый человѣкъ.

Сережа. Сегодня изъ исторіи всему классу учитель хотѣлъ по единицѣ поставить.

Астровзоровъ. За что, любопытствую?

Сережа. О Крестовыхъ походахъ спрашивалъ, да такой вопросъ задалъ...

Астровзоровъ. Какой же это вопросъ, любопытно знать?

Сережа. Почему, говоритъ, Крестовые походы не начались столѣтіемъ раньше или столѣтіемъ позже?

Астровзоровъ *(вкрадчиво)*. А почему?

Сережа. Никто не знаетъ.

Астровзоровъ *(важно)*. Да, это вопросъ трудный. Вотъ, когда вы возмужаете, тогда это само собой придетъ, а теперь нельзя.

(Слышенъ звонокъ; Сережа опрометью бросается къ двери).

Елизавета Яковлевна. Да что ты все бѣгаешь, какъ угорѣлый? *(Григорій показывается въ дверяхъ).*

Сережа. Я сейчасъ.

Григорій *(тихо)*. Воля ваша, сударь, онъ все звонить будетъ.

Елизавета Яковлевна *(оборачиваясь)*. Что тамъ такое? Кто тамъ все звонитъ?

Сережа *(Григорію)*. Тссъ!..

Григорій. Извозчикъ дожидаетъ.

Елизавета Яковлевна *(встаетъ)*. Кого? Что такое?

Григорій. Сергѣй Иванычъ пріѣхали.

Елизавета Яковлевна *(въ недоумѣніи)*. Что это значитъ? Забылъ выслать деньги? *(Сережа тупо смотритъ и молчитъ)*. Нѣтъ у тебя, что-ли?

Сережа *(шопотомъ)*. Нѣтъ-съ.

Елизавета Яковлевна. Отчего-жъ ты не спросишь?

Сережа *(послѣ долгаго молчанія)*. Мнѣ совѣстно было.

Елизавета Яковлевна. Сколько ему нужно?

Григорій. Полтора цѣлковыхъ, говоритъ.

Елизавета Яковлевна. На что-же это полтора цѣлковыхъ?.. Стало-быть, ты цѣлый день ѣздилъ; съ утра изъ пансіона ушелъ?.. Говори, гдѣ ты былъ?

Сережа. Ей-Богу, тетенька...

Елизавета Яковлевна. Какъ-же ты могъ проѣздить полтора цѣлковыхъ, когда ты сейчасъ изъ пансіона?

Сережа *(молчитъ)*.

Григорій *(мрачно)*. Цѣлковый у него деньгами брали.

Елизавета Яковлевна. А, такъ вотъ что!.. На что тебѣ деньги? *(Молчаніе)*. Да вѣдь я отъ тебя не отстану: зачѣмъ ты бралъ деньги?

Астровзоровъ. Молодой человѣкъ, не хорошо быть скрытнымъ...

Елизавета Яковлевна. Я, вѣдь, назадъ въ пансіонъ отправлю.

Григорій. Ундеръ тамъ за ними пришелъ, дожидается; они оттеда безъ спросу ушли.

Елизавета Яковлевна. Господи, да что-же это такое?.. Ты меня убить совсѣмъ хочешь! Я объ тебѣ хлопочу, забочусь, а ты вотъ чѣмъ платишь за мою любовь! Вѣдь ты меня срамишь! Я тебѣ все вѣрила, никому не позволяла пикнуть про тебя, а ты... Ну, ужъ теперь кончено! Сейчасъ-же въ пансіонъ и не ходи ко мнѣ больше. *(Сережа уходитъ съ Григоріемъ).*

Въ передней.

Глѣбъ *(сторожу)*. Ну, что-жъ, братецъ мой, такъ ты его теперича и поведешь?.. *(Сторожъ молчитъ).* Надо полагать, Макарка, его теперича запрутъ на смиреніе...

Макарка. Что врешь-то!.. Ничего ему не будетъ! *(Сторожъ косится на Макарку; Сережа входитъ).*

Сторожъ *(строго)*. Пожалуйте! Надѣвайте такъ-то шинель-то.

Сережа. Что, дежурный тотъ-же?

Сторожъ *(невнимательно)*. Пожалуйте, тамъ разберутъ дѣло.

Глѣбъ *(смѣясь)*. Комиссія!

ВИЗИТЪ.

СЦЕНЫ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Никита Николаевъ, управляющій, изъ крѣпостныхъ.
Прасковья Петровна, жена его.
Алексѣй Алексѣевъ, лакей, кумъ Никиты, 45 лѣтъ, росту 2 арш. 9 верш., рябой, постоянно на-веселѣ.
Елена Дмитріевна, жена его, изъ горничныхъ; бывала за границей; имѣетъ претензію на щегольство; говоритъ въ носъ.
Иванъ Петровъ Клыгинъ, молодой человѣкъ, барскій камердинеръ, жилъ въ Петербургѣ.

Дѣйствіе происходитъ въ Москвѣ.

Небольшая комната; на стѣнахъ вспитъ нѣсколько литографированныхъ картинъ; на столѣ стоитъ самоваръ, закуска и водка.

ЯВЛЕНІЕ I.

НИКИТА читаетъ „Ключъ къ таинствамъ натуры“ Экартсгаузена. ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА хлопочетъ около стола.

Никита *(оставляя книгу)*. Вотъ все прочиталъ, а въ голову забрать ничего не могу, потому науки не знаю... не обучонъ.

Прасковья. Экъ вы когда хватились насчетъ науки. Въ науку-то съ малыхъ лѣтъ отдаютъ... Барчатъ тогда въ офицеры-то обучать по десятому году свезли.

Никита. Если-бы и меня съизмалѣтства обучали, и я-бы до всего дошелъ.

Прасковья. Вы господамъ служили, а господину зачѣмъ ваша наука?.. Науки вашей ему не нужно.

Никита *(строго)*. Много ты смыслишь! Человѣкъ, который ежели обучонъ, онъ все можетъ. Баба ты... молчать должна, коли съ тобой говорятъ. На сердце только наводишь.

Прасковья. Чѣмъ-же я васъ на сердце навожу?

Никита. Тѣмъ-же?

Прасковья. Я вамъ ничего такого обиднаго не сказала. Извѣстно, хошь-бы по вашей, по лакейской части, ученья этого вамъ совсѣмъ не нужно. Опять же покойница барыня, царство ей небесное, терпѣть не могла кто книжки читаетъ.

Никита. Ну, и молчи, потому понимать ты ничего не можешь...

Прасковья. Вы только все понимаете!

Никита. Я все понимаю!

Прасковья. А намедни дьячку отвѣта не могли сдѣлать.

Никита. Пошла вонъ!

Прасковья *(робко)*. Завсегда только себя разстроиваете.

Никита. Не говори со мной!

Прасковья. Мнѣ Богъ съ вами!.. Вонъ садовникъ читалъ, читалъ книги-то, да безъ вѣсти и пропалъ.

Никита. Отъ книгъ, что-ли, онъ пропалъ-то?

Прасковья. Извѣстно!

Никита *(смѣется)*. Ахъ ты, дурацкій разумъ! Твое дѣло бабье — ты и понимай это. Зачѣмъ ты на свѣтъ создана, знаешь-ли?

Прасковья. Зачѣмъ?

Никита. Покоряться. Ну, ты и покоряйся!

Прасковья. Я и такъ во всемъ вамъ покоряюсь... иной разъ отъ простоты что скажешь...

Никита. А ты лучше молчи. Вотъ Алексѣй съ женой пріѣдетъ, говори съ ней что хочешь.

Прасковья. Гдѣ ужъ мнѣ съ ней разговоръ имѣть; люди мы простые...

Никита. А она-то что?

Прасковья. Извѣстно, ужъ она на дворянскую ногу все...

Никита. Не велика птица... тоже барыня — чьихъ господъ... Только форсу-то задаетъ, а все одно—ничего... не страшно.

Прасковья. Все-таки...

Никита *(смотритъ въ окно)*. Вонъ и они подъѣхали!.. *(Идутъ навстрѣчу)*.

ЯВЛЕНІЕ II.

АЛЕКСѢЙ АЛЕКСѢЕВЪ, ЕЛЕНА ДМИТРІЕВНА и КЛЫГИНЪ.

Алексѣй *(въ дверяхъ).*

Куманечекъ, побывай у меня!
Животочекъ, побывай у меня!

Елена Дмитріевна *(тихо).* Вѣчно съ пошлостями!

Алексѣй. Куму! *(Цѣлуется).* Прасковья Петровна, ручку... *(Цѣлуетъ руку).*

Елена Дмитріевна. Мое почтеніе, Прасковья Петровна. *(Протягиваетъ руку).*

Алексѣй *(къ Клыгину).* Иванъ Петровъ, поди сюда! *(Клыгинъ подходитъ).* А это, кумъ мой любезный, нашего петербургскаго барина камардинъ... Вотъ онъ... вишь ты...

Никита. Вы съ бариномъ изволили пріѣхать?

Клыгинъ. Нѣтъ-съ, я его оставилъ; промежду насъ неудовольствія вышли. Онъ мнѣ не потрафилъ, а я ему не уважилъ...

Алексѣй. Его, братецъ ты мой,—какъ бы тебѣ сказать не солгать,—баринъ прогналъ.

Елена Дмитріевна. Ну, что ты врешь-то!

Алексѣй. Прогналъ!.. Потому, онъ молодой человѣкъ, а насчетъ услуги не можетъ.

Клыгинъ. Какъ-же вы говорите, не разузнамши дѣла?

Алексѣй. Алексѣй Алексѣевъ не знаетъ?!

Клыгинъ. Довольно это для меня странно...

Алексѣй. Ну, теперь мы выпьемъ. *(Подходитъ и пьетъ).*

Никита *(къ Еленѣ Дмитріевнѣ).* Вы что-то похудѣли, сударыня.

Елена Дмитріевна. Я все хвораю, все грудь болитъ. Такая ужъ слабая конплекція.

Прасковья Петровна. А вы-бы на ночь грудного чайку попили... говорятъ, помогаетъ... А то взять...

Алексѣй. Ничего не надо. Къ доктору, къ Филиппу Іонычу.

Елена Дмитріевна. Твой Филиппъ Іонычъ только вѣдь мужиковъ можетъ лѣчить.

Алексѣй *(закусывая).* Онъ отъ сорока восьми недуговъ знаетъ лѣчить. Я, говоритъ, только черепъ поднимать не могу, а то все... по наукѣ. *(Садится къ столу).*

Елена Дмитріевна. Еще меня теперь деревенскій воздухъ поправилъ. *(Къ Клыгину).* Вы, вѣроятно, Иванъ Петровичъ,

забыли мои папиросы взять? Знаете, что я безъ нихъ жить не могу.

Клыгинъ. Какъ-же я могъ забыть, когда было на то ваше приказаніе. Зачѣмъ вы такъ несообразно говорите? *(Подаетъ папиросы).*

Елена Дмитріевна. Дайте мнѣ огня.

Клыгинъ *(съ улыбкой).* Какого-съ?

Елена Дмитріевна. Пожалуста безъ комплиментовъ. *(Закуриваетъ папиросу).* Деревенскій воздухъ на меня очень подѣйствовалъ. А когда мы были съ княгиней за границей, такъ я такъ была больна, что всѣ лучшіе доктора отказались: она, говорятъ, не можетъ вынести этой боли, потому что нѣжнаго воспитанія...

Прасковья *(подавая чай).* Позвольте васъ просить.

Алексѣй. А меня, кумушка, чаемъ ты не потчуй, мы съ кумомъ... Куманекъ, ну-ка! *(Наливаетъ водки).* Иванъ Петровъ, приложись и ты.

Елена Дмитріевна. Не будетъ ли, Алексѣй Алексѣичъ?

Алексѣй. Я тебѣ скажу, когда будетъ.

Елена Дмитріевна *(съ иронiей).* Ужасно глупо!

Алексѣй. И я такъ полагаю. *(Пьютъ всѣ).* Скажи мнѣ, куманекъ мой любезный, читалъ ты вѣдомости? Правда-ли описываютъ, что гдѣ-то, братецъ ты мой, городъ провалился?

Никита. Есть этому описаніе... въ книжкѣ я читалъ... давно ужъ это...

Алексѣй. Недавно! Господа за столомъ нонче говорили.

Никита. Нѣтъ, про это не писано.

Алексѣй. А про что-же?

Никита. Прописано, что короли тамъ ихніе...

Алексѣй. А много тамъ королей?

Никита. На каждую землю по королю. А въ Туречинѣ султанъ... онъ все одно—король, а султаномъ прозывается... И вѣра у нихъ турецкая.

Алексѣй. И языки у нихъ у всѣхъ разные?

Елена Дмитріевна. Насмотрѣлась на нихъ за границей...

Прасковья. Я думаю, Елена Дмитріевна, за границей за этой все иначе, какъ у насъ?

Елена Дмитріевна *(съ презрѣніемъ).* Какое же сравненіе, Прасковья Петровна! Тамъ вы выѣзжаете туда, сюда, и все это такъ деликатно. А здѣсь что? Здѣсь всякій считаетъ себя тебѣ равнымъ, норовитъ на твой счетъ сказать что-нибудь этакое... язвительное, а тамъ все рѣшительно изъ-подъ политики.

Прасковья. Хоша я, Елена Дмитріевна, воспитанья большого не получила, а все это очень хорошо понимаю. У насъ въ домѣ теперь лакеи никому проходу не даютъ, все какъ-бы въ насмѣшку, да какъ-бы все въ критику...

Елена Дмитріевна. Конечно, и тамъ есть критиканты, безъ этого нельзя-же...

Прасковья. Опять-же, вотъ я вамъ что доложу: охальства у ихняго брата, у лакея, очень много...

Алексѣй. Это намъ все равно! Я свою часть знаю! Барыня говоритъ: ты, говоритъ, Алексѣй, хмѣлемъ занимаешься, а я на тебя не огорчаюсь. Вотъ оно что! Напримѣръ, сто персонъ кушаютъ: тутъ ума много нужно—гдѣ, какъ, что... а я могу! и насчетъ сервировки, и насчетъ услуги—все могу. Нонче, матушка Прасковья Петровна, нѣтъ настоящихъ лакеевъ, нѣту ихъ! Нонче лакей барину тарелку подаетъ, а самъ выше себя понимать хочетъ... Сдѣлалъ-бы онъ это при покойникѣ, при Прокофьѣ Абрамычѣ... въ землю-бы его живого покойникъ зарылъ—и стоитъ! Ежели господинъ кушаетъ, ты долженъ, чтобы все въ настоящемъ видѣ, стрѣлой летать долженъ... фить, фить! *(Ходитъ по комнатѣ и дѣлаетъ разные жесты).*

Елена Дмитріевна. Вообразите, Прасковья Петровна! Никакъ не могу его отучить,—только у него и словъ, какъ господа кушаютъ! Не все-ли равно какъ я, какъ...

Алексѣй. Далеко! Какъ настоящіе господа—нельзя!..

Елена Дмитріевна *(съ презрѣніемъ).* Да что съ тобой, дуракомъ, говорить...

Алексѣй. И я полагаю, что молчать лучше...

СЪ ЛЕГКОИ РУКИ.

РАЗСКАЗЪ ИЗВОЗЧИКА.

— На троичкѣ, ваше сіятельство, прокатилъ-бы... По первопутку-то теперь чудесно!..

— Къ Сергію.

— Можно-съ. Взадъ—назадъ?—Долго-ли тамъ пробудете?

— Часа три.

— А откеда васъ взять-то?

— Да вотъ сейчасъ и поѣдемъ.

— Десять рубликовъ положьте.

— Ужли, сударь, на эфтой тройкѣ поѣдите?

— Молчи, желтоглазый! На твоей что-ли ѣхать?.. Развѣ у тебя лошади!..

— Далеча-ли ѣхать-то? Пожалуйте, мы на графскихъ доставимъ.

— Полно трепаться-то, дьяволъ! Пожалуйте, ваше сіятельство!..

— Со мной, ваше сіятельство!..

— За шесть рубликовъ доставлю, ваше сіятельство.

— Со мной пожалуйте... съ первымъ. Покрайности заслужу вашей милости.

— Садись.

— Покорми дорогой-то.

— Всю Расею не кормя проѣдемъ. Микитка, поправь шлею-то... съ Богомъ!.. Эхъ вы, милыя, дѣйствуй!..

— А ты—веселый.

— Я, ваше сіятельство, блажной!

— Какъ блажной?

— Такъ. Коли ежели который мнѣ баринъ понравится—цѣну собью, а ужъ его повезу... въ убытокъ, зна-

читъ... Обижаются на меня на биржѣ-то, да ничего не подѣлаешь,—ндравъ у меня такой.

— А у тебя своя тройка.

— Собственная. У насъ заведенье свое... съ дядей мы пять троекъ держимъ.

— Славныя лошади.

— Бѣдовыя! Коли ежели кто охотникъ, садись теперича на эту самую тройку, да скажи: Локтевъ, дѣлай!—Ну, и молись Богу! Птица! Намедни въ Колпино энарала возилъ—оченно онъ одобрялъ. Этой-бы тройкѣ, говоритъ, на моей энаральской конюшнѣ стоять, а не мужику владать ею.

— А ты водку пьешь?

— Нѣтъ, Богъ миловалъ, не пью. Господа ежели когда хорошенькимъ угощаютъ, ну, не брезгую.

— Какое-же это хорошенькое-то?

— Мадера тамъ, что-ли... какъ она у ихъ прозывается...

— А мадеру любишь?

— Люблю. Купцовъ когда трафится возить съ дамочками, ежели заслужишь—угощаютъ...

— А купцы все съ дамочками ѣздятъ?

— И купцы, и офицеры... Кто-жъ съ ними не ѣздитъ... Баловниковъ тоже по Питеру-то много; только, ваше сіятельство, супротивъ прежнихъ годовъ, насчетъ этого тише стало...

— Отчего-же?

— Такъ ужъ, значитъ... времена такія подошли. А бывало тысячи на Средней Рогаткѣ проживали. Отецъ-покойникъ разсказывалъ...

— А у тебя померъ отецъ?

— Замерзъ. Зашибался онъ. Повезъ купца одного въ Красненькой, и все съ нимъ это они пили... Купецъ вѣдь, ежели онъ пьяный, нашимъ братомъ не гнушается—садись съ нимъ вмѣстѣ и все это... денегъ ежели у его попросить, хоть умирай, не дастъ, а насчетъ пьянства—первый ты ему благопріятель.

— А ты почему знаешь?

— Какъ намъ, ваше сіятельство, не знать! Десятый годъ ѣзжу, видалъ народу-то всякаго; опять-же и отъ своего брата слышишь...—На нашемъ дворѣ стоитъ Ванька, Талицкой онъ прозывается.

— Лихачъ?

— Лихачъ, ваше сіятельство! Такой-то сорванецъ, какъ

есть оглашенный! Купчиху одну онъ все возилъ, такъ та, за его услугу, лошадь ему подарила; теперича, можетъ, первый извозчикъ сталъ по всему Питеру.

— Что-жъ онъ?

— Инный разъ пойдетъ это свои оказіи разсказывать... страсть! Онъ такъ съ обнаковеннымъ человѣкомъ и не поѣдетъ—у его все знакомые; онъ и на биржу-то выѣзжаетъ такъ, чтобы побатвить только.

— Про что-же онъ разсказываетъ?

— Про разное...

— Да онъ вретъ, можетъ.

— Что-же ему врать—врать ему нечего.

— И деньги у него есть?

— Большія.

— А у тебя, чай, тоже денегъ-то много?

— Какія у насъ, сударь, деньги—изъ-за хлѣба на квасъ выручаемъ. Это кому счастье, а нашему брату Богъ-бы привелъ кое-какъ, да кое-какъ... Опять-же эти деньги... грѣха отъ ихъ оченно много.

— Отчего-же?

— Какъ, сударь, отчего?—Баловства съ ими много. Теперича все стараешься все-бы какъ лучше; а какъ есть у тебя въ мошнѣ—ни объ чемъ тебѣ не думается, все норовишь какъ-бы въ трактиръ, да какъ-бы что хуже еще...

— А ты женатый?

— Женатый. Да вѣдь какъ попадетъ въ голову-то, сударь, самъ съ собой не сообразишь. Нашъ братъ, извѣстно—дуракъ: коли ежели пьянъ напился, такъ ему все одно. Озорниковъ тоже много по нашей части! Эхъ вы, голубчики... дѣлай!... Ухъ, тю-лю-лю!.. Фі—у!..

«Ужъ какъ за недѣлюшку,
«Ахъ, да сердце чуяло»...

— Не пой: горло простудишь.

— Мы, ваше сіятельство, простуды не имѣемъ... это у насъ безъ сумлѣнія.

«Оно бѣду слышало»...

— Держи правѣй-то!.. Держи, лѣшій... заснулъ!.. Экой обломъ!.. Не по чугункѣ ѣдешь.

— Что ты лаешься-то! Аль тебѣ дороги-то мало?!..

— Мало!.. Эхъ, молодчики!.. Барышня эта, сударь, съ офицеромъ... что сейчасъ-то насъ опередила...

— Что-же?

— Моя знакомая... Я и тетеньку ея знаю... Она и сей-

часъ въ нѣмкахъ въ Средней Мѣщанской живетъ... въ ключницахъ у мадамы...

— А почемъ ты знаешь?

— Я-то? хмъ!.. Я знаю... Я съ ихней милостью ѣзжалъ. Первый сортъ барыня... обходительная... два серебромъ завсегда на чай даетъ.

— Очень ужъ много.

— Что-жъ, деньги у ей вольныя. Скажетъ своему барину:—душенька, требуется мнѣ, хошь-бы, напримѣръ, сто рублевъ... хошь сто, хошь двѣсти... ну и, значитъ, получай... отказу ей нѣтъ. Силу она надъ имъ большую имѣетъ.

— Надъ бариномъ?

— Да, надъ старикомъ-то.

— А онъ старикъ?

— Старикъ ужъ древній... пять домовъ у его здѣсь... Чинами его всякими жалуютъ... ужъ оченно богатый... А насчетъ гульбы какой!.. Даромъ что старый, молодой супротивъ его не можетъ потрафить, потому онъ два раза на войнѣ былъ, на страженьи.

— Такъ гулять любитъ?

— Шибко! Какъ закатится это когда къ цыганкамъ, али съ мадамами къ Дюсѣ: хочу, говоритъ, я, чтобы всѣ чувствовали, что я есть за человѣкъ на семъ свѣтѣ: требуй кому что желается—за все плачу! А мадамы эти вѣстимо... другой и вся цѣна-то грошъ, а сама себя за барыню почитаетъ, ну, и требоваетъ.

— Такъ ты почему ту барыню-то знаешь, что проѣхала-то?..

— Да это вотъ какъ, сударь: годовъ десять назадъ, зимою дѣло было, только что дорога стала. Выѣхалъ я на биржу, да и думаю—Богъ-бы привелъ починъ сдѣлать. Извѣстно, тройка—не одиночка, инный разъ и недѣлю такъ простоишь. Такъ этакъ въ вечерни, идетъ баринъ, высокій такой,—можетъ и купецъ, а по-нашему, извѣстно, всякаго бариномъ обзываешь. Тройку, говоритъ, нужно. Далеча-ли ѣхать? говорю. Куда, говоритъ, прикажу. Мы, говорю, такъ не можемъ, а куда вашей милости угодно—вы скажите. Осерчалъ.—Я, говоритъ, съ тобой, дуракомъ, вниманія не хочу имѣть говоритъ-то. Помилуйте, говорю, сударь, у насъ дѣло любовное: угодно вашей милости—повеземъ, а коли ежели неугодно—на биржѣ стоять будемъ.—Я, говоритъ, куда разсужу, туда и поѣду. Такъ на часы

прикажите ѣхать. Ладно, говоритъ:—въ 7 часовъ, будь, братецъ, въ Гороховой, стой на углу Краснаго моста. Далъ задатокъ, посмотрѣлъ нумеръ—ушелъ. Въ семомъ часу я пріѣхалъ. Такъ этакъ черезъ полчаса идетъ мой баринъ,—надо быть купецъ по обличью-то.—Стань, говоритъ, къ сторонкѣ, и какъ я сейчасъ сяду, такъ ты и пошелъ на Красненькій. Вышли это двѣ барыни,—одна толстая такая, а другая молоденькая. Промежъ себя долго это они говорили; толстая взяла ее за ручку и ведетъ къ санямъ. Та говоритъ;—хоша вы меня, говоритъ, убейте, а я не поѣду. А баринъ-то ей:—отчего-же вы, говоритъ, съ вашей тетенькой ѣхать не желаете? Это, говоритъ, имъ будетъ даже оченно обидно. Мы, говоритъ, только прокатаемся, по той причинѣ, что теперича оченно прекрасно, погода, говоритъ, чудесная.—Тетка ей сейчаєъ по-нѣмецкому, та ей тоже по-нѣмецкому, а сама въ слезы; а баринъ-то, должно, по ихнему-то не умѣетъ, стоитъ, словно-бы статуй какой. Поговорили, поговорили—сѣли. Баринъ-то сѣлъ съ молоденькой, а тетку посадили насупротивъ. Пошелъ! Старайся, говоритъ: три серебра, коли хорошо сдѣлаешь. А дамочка ко мнѣ это:—тише, говоритъ, шагомъ ступай; я говоритъ—боюсь. Ладно, думаю: три серебра посулили... Подобралъ вожжи-то, да какъ пустилъ голубчиковъ-то... Взвейся выше, понесися! Что тамъ они промежъ себя говорили, про какія такія дѣла—Господь ихъ знаетъ. Доставилъ! Тетка это съ купцомъ вышла, а барышня моя сидитъ. Вы, говоритъ, собственно меня, тетенька, передъ людьми страмить хотите! Я, говоритъ, этого не желаю и управу на васъ завсегда найду. Коли-бы ежели, говоритъ, человѣкъ мнѣ ндравился, то никто мнѣ препятствовать не можетъ, а что я, говоритъ, не согласна. А тетка ей что-то по-ихнему сказала:—пошли. Часу до четвертаго я ждалъ.

— А скучно дожидаться-то?

— Нѣтъ, мы къ этому привычны—ничего... то тебѣ дремлется, то думается.

— Объ чемъ думается?

— Все на счетъ своихъ дѣловъ: какъ-бы, значитъ, все лучше произойти, да чтобы, напримѣръ, супротивъ своего брата не острамиться... Вѣстимо, что по нашей части, то и думаешь. Поѣхали мы назадъ-то, нѣмка, подгулямши, должно, была,—всю дорогу пѣсни пѣла, а барышня все плакала, ровно-бы вотъ у нея мамынька родная померла. Оченно ужъ мнѣ ее жаль стало...

— А купецъ-то?

— Купецъ что?—купецъ ничего. Сѣлъ на козлы, подобралъ вожжи:—самъ, говоритъ, хочу надъ твоей тройкой хозяйствовать. Пристяжную замучилъ, три четвертныхъ отдалъ, слова не сказалъ.—Только, сударь, годовъ ужъ шесть прошло. Въ Петергофъ я господъ возилъ, зимой тоже, и дамочки съ ими были. Вышли они изъ гостинницы-то, а я стою у подъѣзда, трубку курю.

— А ты куришь?

— Балую; давно ужъ этому обучился. Дядя оченно за это ругается, да ничего не подѣлаешь. Курю это я трубкуто, а дамочка и говоритъ одному господину: этого, говоритъ, извозчика, я даже оченно хорошо знаю. Почемъ ты, говоритъ, миленькая, его знаешь? А потому, говоритъ, я его знаю, что Гавриломъ его зовутъ. Точно-ли, говоритъ, братецъ, барыня эта тебя знаетъ? Не могу, говорю, знать, ваше благородіе, потому мы господъ возимъ оченно много. А она сейчасъ: а помнишь, говоритъ... Тутъ я ее и призналъ. Дай, говоритъ, ему, душенька, три серебра на чай, потому, я съ его легкой руки жить пошла. Господинъ мнѣ сейчасъ и отдалъ.

— А старика-то ея ты почемъ знаешь?

— Въ запрошломъ году всю зиму съ имъ ѣздилъ...

— Налѣво остановись.

— Слушаю, ваше сіятельство... Тпрру! Замаялъ тройку-то... Дорога-то больно... На чаекъ-бы съ вашей милости... Заслужилъ...

СЪ ШИРОКОЙ МАСЛЯНИЦЕЙ!

СЦЕНЫ.

(Трактиръ въ московскомъ захолустьѣ. За столами сидятъ купцы, мѣщане, мастеровые и т. п.).

— Съ широкой масляницей имѣю честь поздравить!

— И васъ также.

— Масляница—сила большая! Насквозь всю имперію произойди—всякій ее почитаетъ. Хотя она не праздникъ, а больше всякаго праздника. Теперича народъ такъ закрутится, такъ завертится—давай только ему ходу!.. Сторонись, пироги: блины пришли! Кушай душѣ на утѣшенье, поминай своихъ родителевъ.

— Да ужъ, именно... увеселенье публикѣ большое!...

— Вчера нашъ хозяинъ ужъ разрѣшеніе сдѣлалъ: часу до четвертаго ночи портеромъ восхищались.

— Православные, съ широкой масляницей: Дай Богъ всѣмъ! Теперича масляница, а опосля того покаяніе! Ежели, примѣрно, воровалъ, али что хуже—во всемъ покаемся и сейчасъ сызнова начнемъ. Всѣ люди, всѣ человѣки! Трудно, а Богъ милостивъ! Мнѣ бы теперь кисленькаго чего... я бы, можетъ, человѣкъ былъ...

— Бѣдный я человѣкъ, неимущій, можно сказать—горе горецкое, а блинковъ поѣлъ!.. Благодарю моего Господа Бога! Такъ поѣлъ, кажется...

— Дорвался!

— Дорвался! Вѣрное твое слово—дорвался. Штукъ тридцать безъ передышки! Инда въ глазахъ помутилось!

— Что жъ, вѣдь обиды ты никому не сдѣлалъ...

— Кухарку, можетъ, обидѣлъ, заставилъ стараться, а то никого...

— Семенъ Иванычъ, блины изволили кушать?

— Да я крещеный человѣкъ, али нѣтъ? Эхъ ты... образованіе!..

— Что, у васъ сюжетъ насчетъ масляницы? Такъ я вамъ могу доложить, что супротивъ прежнихъ годовъ обстоятельства ея оченно измѣнились и ежели гдѣ справляютъ ее по настоящему, такъ это у папы рымскаго, но только, между прочимъ, замѣсто блиновъ, конфеты ѣдятъ.

— Тьфу! Развѣ можетъ конфета противъ блина выстоять?

— Блинъ покруче конфеты, какъ возможно! Конфетѣ съ человѣкомъ того не сдѣлать, что блинъ сдѣлаетъ.

— Блинъ, ежели онъ хорошій, толстый, да ежели его ѣсть безъ разума—объ душѣ задумаешься.

— Иному ничего, ѣшь его только съ чистымъ сердцемъ...

— Я больше со сметаной обожаю...

— И сейчасъ это папа рымскій выдетъ на балконъ, благословитъ публику съ широкой масляницей и сейчасъ всѣ начнутъ дѣйствовать кто какъ умѣетъ: которые колесомъ ходятъ, которые пѣсни поютъ, которые на гитарѣ стараются, а которые въ умѣ помутятся—мукой въ публику кидаютъ и обиды отъ этого никому нѣтъ, потому всѣмъ разрѣшеніе чтобы какъ чуднѣй. Огни разложатъ... Превосходно!

— Въ старину и у насъ было весело. Идешь, бывало, по улицѣ-то—чувствуешь, что она, матушка, на дворѣ!.. Воздухъ совсѣмъ другой, такъ тебя блинами и обдаетъ, такъ тебя и обхватываетъ... На послѣднихъ-то дняхъ одурь возьметъ... Постомъ-то не скоро на путь истинный попадешь...

— Послѣ хорошей масляницы человѣкъ не вдругъ очувствоваться можетъ: и ликъ исказится и все...

— Съ широкой масляницей! Можно мастеровому человѣку себѣ отвагу дать? Гг. купцы, есть я мастеровой человѣкъ и, значитъ, трудящій!... Можно ему? Какой мнѣ отъ васъ отвѣтъ будетъ? Вотъ вы и не знаете! А я вамъ сейчасъ предъясню! Масляница для всѣхъ пріустановлена. Видите! И значитъ я долженъ всѣ порядки соблюсти. Вѣрно я говорю? Наскрозь всю масляницу! Безъ купцовъ намъ жить невозможно, голубчики! Не осудите меня! Запили заплаты, загуляли лоскутки!

— Въ балаганахъ-то теперь стонъ стоитъ!...

— Ужъ теперь народъ сорвался!...

— И что значитъ этотъ блинъ... лепешка и больше ничего! А вотъ ежели нѣтъ его на масляницѣ—словно бы человѣкъ самъ не свой...

— Ужъ бѣдный который—и тотъ...

— Семенъ! Графинчикъ, да поподжаристѣй пяточекъ. только чтобъ зарумянилъ хорошенько.

— А вѣдь за масляницу-то одолѣютъ эти блины!.. Мы съ понедѣльника благословились...

— У насъ бабушка вперемежку: день блины, да день оладьи—оно и не такъ чувствительно.

— У меня къ блинамъ больше пристрастія. Снетокъ ежели хорошій...

— Съ лукомъ тоже прекрасно! Глазками его нарѣзать... ароматъ!..

— У насъ Домна Степановна кадушку-то сперва-наперво святой водой сполоснетъ, положитъ муку-то да молитвы начнетъ шептать, такъ у ней блинъ-то... Господи!.. такъ самъ тебѣ въ душу и лѣзетъ! Въ понедѣльникъ архимандрита угощали:—ну говоритъ, Домна Степановна, постный я человѣкъ, а возношу вамъ мою благодарность. А дьяконъ только вздыхалъ...

— Отъ хорошаго блина глаза выскочатъ! А вотъ я посмотрю на господъ... Какіе они къ блинамъ робкіе: штуки четыре съѣстъ и сейчасъ отстанетъ...

— Кишка не выдерживаетъ!

— Нашъ лѣкарь Василій Петровичъ сказывалъ: кто ежели, говоритъ, мозгами часто шевелитъ, значитъ, по книгамъ доходитъ, али выдумываетъ что—тому блины вредъ. Потому, говоритъ, разнесетъ человѣка, распучитъ, воздуху забрать въ себя не можетъ, ну и кончено, дѣйствовать ужъ и не можетъ....

— А вотъ мы не думамши живемъ, а, слава тебѣ Господи, не хуже другихъ! И капиталъ скопировали и народъ по своимъ достаткамъ кормимъ... Богу онъ за насъ молитъ. И какое есть намъ отъ Бога положеніе—блины, все прочее...

— У насъ безъ сумлѣнія!...

— Да объ чемъ сумлѣваться-то? Одинъ разъ живемъ!

— Маланья Егоровна, по корпусу-то своему, свинья сущая, едва ходитъ, съ лѣстницы подъ руки водятъ, а какой умъ въ себѣ имѣетъ! Намедни протопопу какое

слово брякнула! Камилавку снялъ, ну, говоритъ, мнѣніе ваше необыкновенное!... А вѣдь никакихъ книгъ не читала и ни объ чемъ никогда не думала, а ужъ, значитъ, Богъ вложилъ... Любопытно это, съ учителемъ она вчера за блинами сцѣпилась насчетъ разговору. Тотъ говоритъ, у васъ, говоритъ, въ помышленіи все насчетъ ѣды... А она, говоритъ, мы, говоритъ, творимъ еже предуставлено. Какъ старики наши жили, такъ и мы живемъ. Вы, говоритъ, кушайте во славу Божью, коли епекитъ у васъ есть, а нашимъ порядкамъ не мѣшайте. Вы, говоритъ, молодой человѣкъ, а я и въ Кіевѣ была, и у Соловецкихъ сподобилась... Тотъ прикусилъ языкъ-то, да такъ и остался.

— Оборвать слѣдовало! Человѣкъ за блинами, плоть этого требуетъ, а онъ съ пустыми словами...

— Слова самыя пустыя, нестоющія... Человѣку надо раздышаться, тогда съ нимъ говори...

— Бывало—теперешнее дѣло подъ Новинскимъ стонъ стоитъ!..

— Мелокъ народъ сталъ!

— То-есть такъ народъ измельчалъ, хуже быть нельзя...

— Подъ другія націи больше потрафляютъ... Отъ родителевъ-то какіе порядки заведены бросили, а въ новыхъ-то запутались. Форму-то, значитъ, потеряли: купецъ не купецъ, баринъ не баринъ, а такъ, примѣрно...

— Все одно—ничего!

— Вѣрно ваше слово—ничего! Оттого и масляницѣ настоящей нѣтъ и соблюдать ее некому.

— Ваше степенство, мы соблюдаемъ! Видите!.. До послѣдняго грошика все пропилъ! Вотъ что значитъ московскій мѣщанинъ! Вы души нашей не знаете! У насъ душа вотъ какая: графинъ на столъ! живо! Запили заплаты, загуляли лоскутки!..

САРА БЕРНАРЪ.

Въ одномъ изъ петербургскихъ клубовъ, въ столовой, сидятъ нѣсколько человѣкъ и ведутъ бесѣду.

— Пріѣхала?

— Нѣтъ еще, въ ожиданіи. Секретарь ихній пріѣхалъ, орудуетъ, чтобы какъ лучше... Книжку сочинилъ, все тамъ обозначено: какого она званія, по какимъ она землямъ ѣздила, какое вино кушаетъ...

— Нашего, должно быть, не употребляетъ, потому отъ нашего одна меланхолія, а игры настоящей быть не можетъ.

— По Невскому теперича мальчишки съ портретами ея бѣгаютъ...

— А какая у нихъ игра: куплеты поютъ, али что?

— Игра разговорная. Очень, говорятъ, чувствительно дѣлаетъ. Такіе поступки производитъ—на удивленіе!.. Ты то возьми: разъ по двѣнадцати въ представленіе переодѣвается!..

— Пожалуй, на чугункѣ встрѣча будетъ.

— Ужъ теперь народъ разгорячился! Теперь его не уймешь! Давай ходу!.. Билеты-то выправляли—у конторы три ночи ночевали. Вѣрно говорю: три ночи у конторы народъ стоялъ, словно на Святой у заутрени. Насчетъ тѣлеснаго сложенія, говорятъ, не совсѣмъ, а что игра—на совѣсть! Убѣдитъ! Дарья Семеновна, на что ужъ женщина равнодушная, словъ никакихъ понимать не можетъ, а и та ложу купила.

— Которые ежели непонимающіе...

— Да она не за понятіемъ и идетъ, а больше для близиру, образованность свою показать. Капиталъ-то виденъ, а все прочее-то доказывать надо.

— Сырой-то женщинѣ, словно, не пристало...

— Пущай попрѣетъ, за то говорить будутъ: Дарья Семеновна Сару Бернаръ смотрѣла. Лестно! Опять и цыганы-то въ домѣ надоѣли. Вѣдь самъ-то, окромя цыгановъ, никакихъ театровъ переносить не можетъ. Ему чтобъ дьяконъ многолѣтіе сказывалъ, а цыганы величальную пѣли. Въ театрѣ сиди, говоритъ, сложимши руки—ни выпить тебѣ по настоящему, въ полную душу, ни развернуться какъ слѣдуетъ; а цыганы свои люди—командуй какъ тебѣ угодно.

— Ну, да вѣдь не Рашель же, даже и не Ристори!

— Да вѣдь ты не видалъ ни ту, ни другую: какъ же ты можешь судить?

— Нѣтъ, видѣлъ... То есть, Рашель не видалъ, а Ристори видѣлъ.

— А Сару Бернаръ не видалъ: какъ же ты можешь ихъ сравнивать?

— Да ты прочти...

— Что мнѣ читать!.. Я обѣихъ видѣлъ.

— Господа, я васъ помирю. Когда здѣсь была Арну Плесси...

— Это къ нашему спору не относится; мало ли кто здѣсь былъ. Онъ не признаетъ Сару Бернаръ, а для меня она—высшее проявленіе драматическаго искусства.

— Съ вами спорить нельзя...

— Вы бы лучше бутылку велѣли, чѣмъ пустяки-то говорить. Каждый человѣкъ на своемъ мѣстѣ. Что намъ путаться въ чужія дѣла. Давай бутылку...

— Нѣтъ, Иванъ Гавриловичъ, творчество великое дѣло!

— Такъ что же?

— Поважнѣй бутылки!..

— Такъ ты поди съ нимъ и цѣлуйся, а намъ не мѣшай.

— Я помню, когда Рашель произнесла свое знаменитое «jamais»—весь театръ дрогнулъ!..

— Въ чемъ это?

— Теперь ужъ я не помню...

— Завели вы эти темные разговоры, ничего нестоющіе. На языкахъ на ихнихъ вы производить не умѣете...

— Да вѣдь вы ходите въ итальянскую оперу, а языка не понимаете...

— Такъ что же! Это я только для семейства порядокъ соблюдаю. Женѣ съ дочерью требуется, а мнѣ одна тоска. Кабы буфета не было...

— Кабы у насъ поменьше буфетовъ-то было...

— Что-жъ ты думаешь — лучше? Буфетъ на потребу, безъ него нельзя... Прибѣжище!.. Все одно — маякъ на морѣ...

— Я вамъ скажу, что Сара Бернаръ...

— Да что она тебѣ родня, что ли? Ну, дай ей Богъ добраго здоровья!..

— Ахъ, Иванъ Гавриловичъ, милый вы человѣкъ, я, извините меня, невѣжа.

— А ты выпей. Это тебя сократитъ, можетъ что поумнѣе скажешь. Хотя я невѣжа, это ужъ такъ Богу угодно, а только я на чести: чего понимать не могу, объ томъ и разговору не имѣю. Ты, можетъ, четыре рихметики обучилъ, гдѣ-жъ мнѣ съ тобой сладить. Одно осталось — выпить съ горя. Прости меня Господи!.

— Да вы не обижайтесь...

— Зачѣмъ обижаться...

— Сара Бернаръ дѣйствительно явленіе! Легко къ ней относиться нельзя. Это дочь парижской улицы, какъ мѣтко и справедливо сказано въ одной газетѣ. Вѣдь не даромъ же Европа и Америка преклонились передъ ея дарованіемъ.

— Пущай къ намъ пріѣдетъ. Наши тоже разберутъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, небывалая вещь: отличный рисовальщикъ, изумительный скульпторъ и очаровательная актриса!..

— Вы помните Віардо?

— Она пѣвица была...

— Виноватъ, не Віардо, а какъ ее...

— Фанни Эльслеръ?

— Не записано ли у васъ еще кого-нибудь въ вашемъ поминаньѣ-то? Валяй всѣхъ за упокой и за здравіе.

— Василій, сходи къ повару. Пусть онъ дастъ стерлядь à la Сара Бернаръ...

— Слушаю-съ...

— Постой! Спроси у экономa: есть у насъ въ клубѣ вино, которое пьетъ Сара Бернаръ?

— Публика просто съ ума сходитъ! Представьте, у театральной конторы по цѣлымъ суткамъ стоитъ.

— А вы видѣли на Невскомъ показываютъ женскія тѣлеса, разными красками разрисованныя? Стеченіе публики тоже большое. Старичокъ одинъ подошелъ къ картинкѣ-то, да такъ и замеръ. Что, думаю, дѣдушка, хорошо!.

— Это картина Сухаровскаго?

— Ужъ тамъ я не знаю чья, но только... я вамъ доложу!.. Для избалованнаго человѣка можетъ великое удовольствіе, а для чистой души...

— То-есть такого русопета, какъ Иванъ Гавриловичъ...

— Я вѣрно говорю! Соблазъ! Ничего нѣтъ хорошаго.

— А въ Пештѣ-то она провалилась.

— Кто?

— Сара Бернаръ.

— Да вѣдь это газетная сплетня! Это ненависть венгерской прессы къ Россіи.

— Что тутъ общаго: Сара Бернаръ и Россія... Что она русская подданная, что ли?..

— А въ Одессѣ не провалилась! А въ Филадельфіи не провалилась. Ну, пусть наши сыграютъ такъ, какъ Сара Бернаръ!..

— Ну, пусть Сара Бернаръ сыграетъ такъ что-нибудь изъ нашего репертуара...

— Поваръ не знаетъ, какъ приготовить стерлядь — по-русски или паровую?

— Дура онъ! Ему сказано—à la Сара Бернаръ... Пусть чего-нибудь покрошитъ... Ну, чортъ его возьми, давай паровую.

— А вина тоже нѣтъ.

— Глупо!

— А вы достали билетъ?

— Два посыльныхъ, дворникъ, да три пролетарія у конторы три ночи ночевали и...

— И?..

— Шишъ!..

— Однако!..

— Время-то она нехорошее выбрала... Лѣтнее бы дѣло въ «Аркадіи»—публикѣ-то полегче бы было, и вѣеркомъ обдуетъ, и все... А въ театрѣ жарко...

— Повѣрьте, что ея слава газетами раздута...

— Не раздуешь, какъ раздувать нечего!

— Повѣрьте, все можно раздуть!

— Даромъ народъ кричать «ура!» не станетъ! Даромъ за каретой народъ не побѣжитъ!..

— Я не побѣгу!

— А я побѣгу!

— Я не буду васъ останавливать.

— А я не буду васъ больше убѣждать.—Василій! дай мнѣ судака огратанъ.

— Господа, будемте справедливы, не будемъ на себя рукъ накладывать. Неужели русская актриса не можетъ возвыситься до Сары Бернаръ? Неужели г-жа...

— Позвольте!

— Да не перебивайте же меня, дайте мнѣ досказать. Неужели г-жа...

— Я знаю, что вы хотите сказать... Никогда не можетъ! Все будетъ доморощенное, а не европейское. Языкъ не тотъ! Съ нашимъ языкомъ только можно до Кіева дойти, дальше онъ не дѣйствуетъ, а по-французски говоритъ весь свѣтъ.

— При чемъ тутъ языкъ? Мартыновъ игралъ по-русски и заставлялъ передъ собою преклоняться.

— Но не Европу!

— Нѣтъ, Европу! Лучшихъ драматическихъ художниковъ Европы.

— Я вчера разговаривалъ съ нашими театральными рецензентами. Всѣ въ одинъ голосъ говорятъ, что раньше шестого декабря ничего нельзя сказать положительнаго.

— Когда здѣсь была Арну Плесси!..

— Честной компаніи!..

— Василью Ивановичу! Откуда изволили?

— Изъ «Ливадіи».

— Что сегодня—«Фатиница»?

— Чортъ ее знаетъ! Мы въ буфетѣ сидѣли. Вотъ скандалище-то заворотили! Вотъ вертуновъ-то надѣлали! Околоточный два часа протоколъ составлялъ...

— Что долго? Стихами что ли?

— На Сару Бернаръ достали?

— Нельзя же-съ! Да вѣдь я только для шуму... Я люблю очень шумъ въ театрѣ. Этакъ у меня часто: пошлю артельщика съ ребятами въ воскресенье въ театръ, навалитъ ихъ человѣкъ сорокъ. А отъ меня такое приказаніе: кто бы ни вышелъ — старайся! Такой шумъ заведутъ — страсть! Кричатъ bis да и шабашъ...

— Не угодно ли стаканчикъ?

— Спасибо, не хочется.

— Въ видѣ опыта—выкушайте.

— Право, не хочется...

— За здоровье Сары Бернаръ! Дай ей Господи огрѣть хорошенько публику, а намъ за нее порадоваться, да поблагодарить за наставленіе, что она нами не побрезговала.

— Экой дикій народъ-то! Печенѣги!

— Дикій... вѣрно! Деньги на темную ставимъ... Своего купеческаго званія не роняемъ. Кто хошь пріѣзжай — заплатимъ.

— Когда здѣсь была Арну Плесси...

— Это еще какая? Ты гдѣ сидишь-то — помнишь ли? Проснись!

— Пора домой... Я такъ удрученъ...

— Пьянехонекъ, вѣрно! Иди потихоньку, а то все расплещешь... Итакъ, за ихнее здоровье!..

ОБЩЕЕ СОБРАНІЕ ОБЩЕСТВА ПРИКОСНОВЕНІЯ КЪ ЧУЖОЙ СОБСТВЕННОСТИ.

Большая зала. Столъ покрытъ зеленымъ сукномъ. На столѣ, противъ предсѣдательскаго мѣста, изящная малахитовая чернильница и колокольчикъ; противъ мѣста членовъ правленія — бумага и карандаши. Зала переполнена публикой. Раздается звонокъ предсѣдателя. Всѣ занимаютъ мѣста.

«М. г. Имѣю честь объявить общее собраніе открытымъ. Первый и главный вопросъ, который будетъ предложенъ вашему обсужденію, это—увеличеніе содержанія тремъ директорамъ; второй—сложеніе съ кассира невольныхъ прочетовъ; третій—преданіе забвенію, въ виду стѣсненнаго семейнаго положенія, неблаговиднаго поступка одного члена правленія; четвертый—о назначеніи пенсіи супругѣ лишеннаго всѣхъ особыхъ правъ состоянія нашего члена; наконецъ, пятый—о расширеніи правъ правленія по личнымъ позаимствованіямъ изъ кассы.

— Ого!

— Что это «ого»? Прошу васъ взять назадъ это «ого». Я не могу допустить никакихъ «ого». Если вы позволите себѣ во второй разъ дѣлать подобныя восклицанія, я лишу васъ слова. Всѣ эти вопросы существенно необходимы, въ виду особыхъ обстоятельствъ, которыя выяснятся изъ преній. Вамъ угодно говорить?

— Это я воскликнулъ «ого», и не съ тѣмъ, чтобъ оскорбить васъ. Я сторонникъ расширенія всякихъ правъ и— услыхавъ вопросъ о расширеніи правъ правленія — воскликнулъ «ого»! Это значило—я доволенъ.

— Въ такомъ случаѣ, я беру назадъ свое замѣчаніе.

— Прошу слова. Какъ ежели директоръ, хранитель нашего портфеля, обязанный, напримѣръ, содѣйствовать... и все прочее... А мы, значитъ, съ полнымъ уваженіемъ... и ежели теперича директоръ, можно сказать, лицо... Я къ тому говорю: по нашимъ коммерческимъ оборотамъ...

— Вамъ что угодно сказать?

— Я хочу сказать, когда, напримѣръ, затрещалъ скопинскій банкъ...

— Вы задерживаете пренія и ставите ихъ на отвлеченную почву. Нельзя ли вамъ просто выразиться, такъ сказать, реально: да или нѣтъ.

— Когда, напримѣръ, разнесли скопинскій банкъ, ограбили вдовъ и сиротъ... можетъ и теперь сиротскія-то слезы не обсохли...

— Все это вѣрно, но эти слезы область поэзіи. Правленію никакого дѣла нѣтъ до сиротскихъ слезъ. Позвольте вамъ повторить мое предложеніе—стать на реальную почву.

— Мы не знаемъ этой вашей почвы, а грабить не приказано...

— Стало-быть, мы грабили. Правленіе общества обращается съ протестомъ къ общему собранію.

Голоса:

— Вонъ его! Вонъ!

— Милостивые государи. Я позволилъ бы себѣ такъ понять это столкновеніе. Почтеннѣйшій членъ не совсѣмъ уяснилъ себѣ предложеніе предсѣдателя, не понялъ, такъ сказать...

— Какъ не понять! Я говорилъ насчетъ грабежу. У насъ отъ этого правленія въ одномъ карманѣ смеркается, а въ другомъ заря занимается.

— Господа! Ревизіонная комиссія...

— Въ милютиныхъ лавкахъ устрицы ѣстъ ваша ревизіонная комиссія.

— Г. предсѣдатель, прекратите этотъ печальный эпизодъ и позвольте продолжать пренія. Я прошу слова. Если провести демаркаціонную линію между правленіемъ и вкладчиками...

— М. г. Я прошу, я требую, я настаиваю, чтобы об-

щество выразило порицаніе члену, оскорбившему нашего предсѣдателя.

Голоса:

— Баллотировать! Шарами! Простымъ вставаніемъ... *(Шумъ).*

— Я ставлю вопросъ на баллотировку простымъ вставаньемъ. *(Считаетъ).* Разъ... два... семь... десять. За выраженіе порицанія десять. *(За правленскимъ столомъ нѣкоторое смущеніе).* Прошу приступить къ преніямъ.

— М. г. Вопросъ объ увеличеніи содержанія весьма важенъ. Къ важнымъ вопросамъ нельзя относиться халатно. Я полагалъ бы этотъ вопросъ оставить безъ обсужденія и передать его въ комиссію.

Голоса:

— Въ комиссію! Въ комиссію!

— Въ комиссію! Въ комиссію!

— Невольные прочеты съ кассира взыскать или передать ихъ въ вѣдѣніе прокурорскаго надзора, а о неблаговидномъ поступкѣ одного изъ членовъ правленія приступить къ преніямъ. Нельзя ли насъ познакомить съ неблаговиднымъ поступкомъ члена правленія.

— Съ юридической точки зрѣнія поступокъ этотъ... наша юстиція очень рѣзко разграничиваетъ дѣянія, совершенныя...

— Стащилъ, вотъ тебѣ и естюція...

— Совершенныя по злой волѣ... Принимая во вниманіе семейное положеніе...

— Ну, стащилъ, это вѣрно!

— Въ терминологіи нашей юстиціи нѣтъ слова — стащилъ.

— Ну, можно нѣжнѣе сказать: укралъ.

— Господа, гдѣ мы и что мы? Насъ пригласили въ общее собраніе и хотятъ выворотѝть наши карманы. Намъ предлагаютъ увеличить директорамъ содержаніе. За что? Намъ предлагаютъ прикрыть хищеніе кассира. Почему? Насъ просятъ предать забвенію какой-то мерзкій поступокъ члена правленія. Просятъ отереть пенсіей слезы супруги лишеннаго правъ состоянія хищника; наконецъ, ходатайствуютъ о расширеніи правъ членовъ правленія...

— Отдай имъ сундукъ съ деньгами, а они туда тебѣ, замѣсто ихъ, бронзовыхъ векселей наворотятъ... Чудесно!

— Бронзовые, какъ вы изволили выразиться, векселя, нисколько не отягощаютъ кассу, если... *(Сдержанный смѣхъ).*

Позвольте мнѣ докончить... Позвольте васъ остановить. Бронзовые векселя не имѣютъ ничего общаго съ предложеніемъ объ увеличеніи директорамъ содержанія. А такъ какъ этотъ вопросъ довольно преніями исчерпанъ, то я ставлю его на баллотировку. Не угодно ли вамъ, милостивые государи, приступить къ баллотировкѣ по вопросу объ увеличеніи гг. директорамъ содержанія. Предупреждаю васъ, что отказъ вашъ весьма невыгодно повліяетъ на наше прочно установившееся общество...

Страшный шумъ. Предсѣдатель звонитъ изъ всѣхъ силъ и закрываетъ собраніе.

МОНОЛОГИ.

СПРЯТАЛСЯ МѢСЯЦЪ ЗА ТУЧИ.

(монологъ).

Вотъ она жизнь-то моя какая! Капиталу много, а тоски и еще больше! *(Поетъ):*

Спрятался мѣсяцъ за тучки,
Больше не хочетъ гулять.

Кабы въ этомъ разѣ цыгановъ не было — помирать бы пришлось. Фараоны, въ линію! Конокрады, по мѣстамъ!

Спрятался мѣсяцъ за тучи,
Больше не хочетъ гулять.

За любовь претерпѣлъ! Такъ нашего брата, дурака, и надо. Отдай деньги, да и пошелъ прочь! Поцѣлуй пробой, да ступай домой. То-есть такъ обидно, кажется... Фараоны! Веселую!

Ай береза, ты моя береза!

Иду я довольно равнодушно по улицѣ, никого не трогаю, смотрю: изъ окна высунулась барышня... Словно она меня кипяткомъ ошпарила. Тутъ, думаю, вся моя погибель!.. Всѣ свои глупости бросилъ, только по три раза на день въ цырульню завиваться ходилъ, на ликъ красоту наводилъ. Собаку ихнюю пріучилъ, чтобы не лаяла, а съ кухаркой дружбу завелъ, чтобы записки носила. Путался, путался— надоѣло: сваху подослалъ. Приняли меня отличнѣйшимъ манеромъ. Дяденька ихній сталъ со мной въ трынку играть, а маменька съ дочкой на фортопьянахъ меня учить, а опосля того маменька приказали домъ въ голубую окрасить: очень я, говоритъ, нѣжный цвѣтъ люблю. Что этой

слякоти сродственниковъ повылѣзало — все на мой счетъ. Жри! купецъ заплатитъ!.. Порѣшили — опосля ярманки сватьба. Проводили меня въ Нижній честь-честью. Маменька два раза плакать принималась, спиртъ для воодушевленія нюхала. Такая въ Нижнемъ-то меня тоска взяла; подойду къ буфету-то, посмотрю, какъ бутылки стоятъ, да и прочь: боялся сорваться на прежнее положеніе. Насилу дотерпѣлъ до конца ярманки. Пріѣхалъ въ Москву, завился и сейчасъ къ невѣстѣ. Не дождались меня — за повѣреннаго выдали! Какъ чумовой я бросился въ Грузины, да двѣ недѣли безъ просыпу тамъ и орудовалъ. Отъ коньяку шею свело!.. Два протокола составили! Въ тюрьмѣ сидѣлъ за безобразіе! Въ сѣромъ пальтѣ ходилъ! Одно только теперича и осталось: фараоны, въ линію! Конокрады по мѣстамъ...

Спрятался мѣсяцъ за тучки,
Больше не хочетъ гулять...

БЛОНДЕНЪ.

Только приходимъ мы съ приказчикомъ, съ Иваномъ Ѳедоровымъ, смотримъ: народу видимо-невидимо, такъ валомъ и валитъ. Иванъ Ѳедоровъ говоритъ: тутъ одинъ на канатѣ ломается. Пойдемъ, посмотримъ... что за важное дѣло!.. Пришли въ кассу. Какое, другъ сердечный, представленіе?—Грамотѣ, говоритъ, умѣете?—По печатному разбирать можемъ. Иванъ Ѳедоровъ по печатному оченно превосходно... Сейчасъ прочиталъ:—будетъ, говоритъ, великое восхожденіе по канату, съ нѣмцемъ, въ пятьсотъ фунтовъ. Что, другъ сердечный, вѣрно на афишкѣ обозначено, на чести, подвоху нѣтъ? Вѣрно, говоритъ. А нѣмца таскать будутъ? — Будутъ. Живаго? — Живаго. Почемъ билеты? — Вамъ, почтенные, въ какія мѣста угодно? Которыя попроще... Цѣлковый рубъ отдали. Вышелъ сейчасъ этотъ Блонденъ и пошелъ... Шелъ, шелъ—сорвался! Барыни которыя—такъ и завизжали!.. А вѣдь онъ, сударь мой, не упалъ... Слово, что-ли, такое знаетъ, али такъ счастье ему: зацѣпился штаниной, повисъ на воздусяхъ—виситъ! Я говорю: Иванъ Ѳедоровъ, когда-жъ нѣмца-то? Вишь тащутъ. Смотрю: нѣмецъ какъ есть настоящій и человѣкъ, надо полагать, степенный. Ну, думаю, шабашъ братъ, адью! Умора, сударь мой, какъ онъ его поволокъ: ухватилъ такъ-то... трогай! Батюшка, говоритъ, господинъ Блонденъ, пусти душу на покаяніе. Нѣтъ, говоритъ, Карла Иванычъ, сиди, а то уроню. Намъ, говоритъ, публику обманывать не приказано, вишь: квартальный стоитъ. Протащилъ его, колѣно сдѣлалъ — ему фору, а мы, грѣшнымъ дѣломъ, въ трактиръ, по рюмкѣ померанцовой горечи перекувырнули— домой пошли.

ТРАВІАТА.

А то разъ мы тоже съ приказчикомъ, съ Иваномъ Ѳедоровымъ, шли мимо каменнаго театру. Иванъ Ѳедоровъ почиталъ-почиталъ объявленіе: — понять, говоритъ, невозможно, потому не нашими словами напечатано. Господинъ, что на афишкѣ обозначено? Прочиталъ. Говоритъ: Фру-фру. Въ какомъ, говоримъ, смыслѣ? Это, говоритъ, на ихнемъ языкѣ обозначаетъ настоящее дѣло. Такъ-съ! Покорнѣйше благодаримъ... Господинъ городовой, вы человѣкъ здѣшній, можетъ слыхали: какъ намъ понимать эту самую Фру-фру? Ступайте, говоритъ, въ кассу — тамъ все отлепортуютъ. Пришли въ кассу. Пожалуйте два билета, на самый на верхъ, выше чего быть невозможно. — На какое представленіе?—Фру-фру. Здѣсь, говоритъ, опера. Все одно, пожалуйте два билета, намъ что хошь представляй. Иванъ Ѳедоровъ, трогай! Ступай! Пришли мы, сѣли, а ужъ тальянскіе эти самые актера дѣйствуютъ. Сидятъ, примѣрно, за столомъ, закусываютъ и поютъ, что имъ жить оченно превосходно, такъ что лучше требовать нельзя. Сейчасъ г-жа Патти налила стаканчикъ красненькаго, подаетъ г-ну Канцеляри:—выкушайте, милостивый государь. Тотъ выпилъ, да и говоритъ: оченно я въ васъ влюбленъ. — Не можетъ быть!—Вѣрное слово!—Ну такъ, говоритъ, извольте идти куда вамъ требуется, а я сяду, подумаю объ своей жизни, потому, говоритъ, наше дѣло женское, безъ оглядки намъ невозможно... — Сидитъ г-жа Патти, думаетъ объ своей жизни, входитъ нѣкоторый человѣкъ...

— Я, говоритъ, сударыня, имени-отчества вашего не знаю, а пришелъ поговорить насчетъ своего парнишки: парнишка мой запутался и у васъ скрывается — турните вы его от-

сюда.—Пожалуйте, говоритъ, въ садъ, милостивый государь, на вольномъ воздухѣ разговаривать гораздо превосходнѣе. Пошли въ садъ. Извольте, говоритъ, милостивый государь, сейчасъ я ему такую привелегію напишу, что ходить ко мнѣ не будетъ, потому я сама баловства терпѣть не могу. Тутъ мы вышли въ калидоръ, пожевали яблочка, потому жарко оченно, разморило. Оборотили назадъ-то—я говорю:— Иванъ Ѳедоровъ, смотри хорошенько.—Смотрю, говоритъ.— Къ чему клонитъ? — А къ тому, говоритъ, клонитъ, что парнишка пришелъ къ ней въ своемъ невѣжествѣ прощенья просить: я, говоритъ, ни въ чемъ не причиненъ, все дѣло тятенька напуталъ. А та говоритъ: хоша вы, говоритъ, меня при всей публикѣ острамили, но, при всемъ томъ, я васъ оченно люблю! Вотъ вамъ мой патретъ на память, а я, между прочимъ, помереть должна... Попѣла еще съ полчасика, да Богу душу и отдала.

ОТЪ МИРОВОГО.

Какое вчерашняго числа съ нами событіе случилось... Просто, на удивленье міру! Въ нашемъ купеческомъ сословіи много разныхъ дѣловъ происходитъ, а еще этакой операціи, такъ думаю, никогда не бывало. Зашли мы къ Москворѣцкому мосту въ погребокъ. Намъ сейчасъ новый прейсъ-курантъ поднесли. «Давно желанное сліяніе интеллигенціи съ капиталомъ совершается. Интеллигенція идетъ навстрѣчу капиталу. Капиталъ, съ своей стороны, не остается чуждъ взаимности. Въ этихъ видахъ наша фирма настоящаго русскаго шампанскаго и прочихъ виноградныхъ винъ, къ предстоящей масляницѣ, приготовила новую марку шампанскаго, не бывалую еще въ продажѣ и отличающуюся отъ другихъ марокъ своею стойкостію и некторальнымъ вкусомъ. Москворѣцкій монополь № 1. Игристый № 2. Самый игристый, пробка съ пружиной. При откупориваніи просятъ остерегаться взрыва. № 3 Пли! свадебное. № 4 Нижегородскій монополь съ краснымъ отливомъ. Высокій. Въ нашемъ же складѣ продаются слѣдующія иностранныя вина: Борисоглѣбская мадера съ утвержденнымъ этикетомъ, мѣстнаго разлива, Хересъ Кашинскій въ кувшинахъ—аликантъ, старый. Ромъ Ямайскій—жестокій. Тенерифъ...» На тенерифъ-то мы и приналегли и такъ свои лики растушевали, такіе колера на нихъ навели, что Иванъ Семенычъ всталъ, да и говоритъ: «долженъ я, говоритъ, констатировать, что всѣ мы пьяные и по этому прейсъ-куранту пить больше намъ невозможно, а должны мы искать другого убѣжища». А у самого на глазахъ слезы. Мы испугались, а приказчикъ говоритъ — «не безпокойтесь: этотъ тенерифъ многіе не выдерживаютъ, потому онъ въ чувство

вгоняетъ человѣка». Вышли мы, сѣли на тройку и полетѣли поперекъ всей Москвы. Народъ по сторонамъ такъ и мечется, не можетъ себѣ въ понятіе взять, что, можетъ, вся наша жизнь рѣшается. Городовые свистятъ! Иванъ Семенычъ плачетъ навзрыдъ. Яша кричитъ ямщику: «вези ужъ прямо къ мировому: все равно, завтра къ нему силой потащатъ». Пріѣхали въ Стрѣльну, сдѣлали тамъ что-то такое, должно быть, не хорошее. Помню, что шумъ былъ большой, пѣсельница изъ русскаго хора плакала, участковый протоколъ писалъ. Черезъ три дня — пожалуйте! Вышелъ мировой, солидный человѣкъ, сѣдой наружности. «Не угодно ли вамъ, господа, сюда къ столу пожаловать?» Публика... срамъ!.. «Швейцаръ, разскажите все какъ было». Тотъ сейчасъ показываетъ на меня: «ухо, говоритъ, они мнѣ укусили». — Не помню, говорю. Да ежели бы и помнилъ, такъ непріятно объ этомъ разсказывать. Въ изступленіи ума находился отъ тенерифу. Зачѣмъ начальство допускаетъ такой тенерифъ? Послѣ него человѣка убить можно, а не то что ухо отгрызть. «А онъ что дѣлалъ?» показываетъ на Ивана Семенова.—«Но могу, говоритъ, при публикѣ доложить. Всѣ прочіе, которые только шумѣли, а они... просто, говоритъ, выразить не могу». Писалъ, писалъ этотъ мировой... «Прошу, говоритъ, встать». Всѣ стали. По указу... тамъ все прочее... На двѣ недѣли въ казенномъ халатѣ ходить!.. Иванъ Семеновъ: «у меня, говоритъ, двѣ медали на шеѣ».—«Жалко, говоритъ, вы раньше не сказали: я бы васъ на мѣсяцъ посадилъ». Вотъ тебѣ и тенерифъ! Изъ-за пустяковъ какой срамъ вышелъ...

ВЪ ДЕНЬГАХЪ СЧАСТЬЕ.

Говорятъ,—«не въ деньгахъ счастье», а это, по нашему разсужденію, пустыя бабьи слова: въ деньгахъ все счастье, вся сила въ нихъ. Другому, по его положенію, цѣна грошъ, нестоющій онъ никакого вниманія, а ежели ему такая фортуна выдетъ: къ хозяину въ выручку хорошо слазитъ или другой какой оборотъ фальшивый сдѣлаетъ, ему сейчасъ и цѣна высокая. Да вотъ на моей памяти случай былъ: хозяйская дочь мальчика, безъ роду безъ племени, съ улицы въ домъ привела, грамотѣ его обучила, а какъ сталъ подростать, сейчасъ его къ должности опредѣлила, спервоначалу хозяйскіе сапоги чистить, аль тамъ салопы въ театрѣ стеречь, а послѣ къ лавкѣ приставили. Смотримъ, паренекъ выходитъ шустрый, за получкой ежели небольшой къ покупателю пошлешь—изъ души вытянетъ. И такое ему далъ Богъ насчетъ этого понятіе, какъ съ покупателя деньги стребовать, даже намъ было удивительно!.. Выровнялся паренекъ и сталъ во всей формѣ, хозяева стали его съ собой за столъ сажать, а тамъ и приказчикомъ сдѣлали. Хозяйка было ужъ ладила за него дочь отдать—кривобокенькая у нихъ она была, никто не бралъ; только анбиція купеческая не позволяла: какъ есть изъ ничтожныхъ людей, голый мѣщанинъ. А тотъ взялъ это себѣ сейчасъ въ понятіе и говоритъ хозяину: «вся ваша воля, а существовать безъ вашей дочки я не могу». А та къ матери: «какъ угодно, говоритъ, въ своемъ саду на яблонѣ удавлюсь, если за него не отдадите». Подумали хозяева, со сродственниками посовѣтовались. Одинъ сродственникъ и говоритъ: «товаръ, сами видите, не первосортный, за стекло не выставишь. Отдавайте какъ есть. Вы его благодѣтели и будетъ онъ для васъ стараться. Дѣлать нечего». Обручается рабъ Божій Василій рабѣ Божіей Гликеріи... И фукнулъ черезъ три года этотъ рабъ Божій Василій своего тестя, раба Божія Тарасія, по-родственному, и такъ фукнулъ, что отъ него только пухъ полетѣлъ, и супругу свою назадъ къ родите-

лямъ прислалъ. Извольте обратно получить, больше не требуется... ублаготворенъ; промежду арфистками не въ примѣръ есть красивѣе. Обругали его въ публикѣ спервоначалу разными словами, а опосля опять въ хорошіе люди записали. Придетъ онъ въ клубъ, сядетъ за столъ, выставитъ бутылку шампанскаго, да, какъ перепеловъ, на нее мимоходящую публику и наманиваетъ. «Милости просимъ стаканчикъ»..,. «Покорнѣйше благодаримъ, очень пріятно». И такъ превозвысился на хозяйскія деньги, благотворительнымъ членомъ гдѣ-то сдѣлался, въ депутаціяхъ разныхъ сталъ ходить, слова за обѣдомъ говорить, на бѣгъ своихъ рысаковъ выпущать, въ трактирѣ комнату велѣлъ на свой вкусъ отдѣлать, чтобъ ему тамъ съ арфистками завсегда присутствовать, арапа какого-то заблудящаго въ холуи нанялъ, —смотримъ—въ банкъ директоромъ сѣлъ. Всѣ около него такъ и вьются, такъ и корчатся. Сила! И сталъ онъ подчищать этотъ банкъ, сначала помаленьку, пока въ настоящую дѣловъ не распозналъ, а тамъ пошибче, а тамъ ужъ и въ газетахъ стали печатать, что въ банкѣ дѣло не чисто, —года два печатали, а деньги тамъ все подсылали. Кто-то догадался — внезапную назначили. Собралась эта внезапная во французскомъ ресторанѣ, сговорилась какъ дѣйствовать и налетѣла въ банкъ. «Пожалуйте книги».— Извольте получить.—«Позвольте освидѣтельствовать наличность». — Мы наличности не касались, мы подписывали; наличностью завѣдывалъ Василій Сергѣевичъ».—«Василій Сергѣевичъ, позвольте наличность». Только носъ обтеръ— вотъ тебѣ и наличность... И завизжали вкладчики на двѣнадцать голосовъ. Потащили директора въ судъ. Прокуроръ говоритъ: расхитилъ чужую собственность, тяжкимъ трудомъ и лишеніями скопленныя бѣднымъ народомъ деньги; защитникъ говоритъ: никакъ невозможно, чтобы человѣкъ, самъ вышедшій изъ народа, воспитанный въ благочестивомъ купеческомъ семействѣ, рѣшился на мошенничество. Тутъ какое-нибудь недоразумѣніе. Присяжные говорятъ: воровалъ съ полнымъ разумѣніемъ; судъ говоритъ: лишить его всѣхъ особенныхъ правъ, а директоръ себѣ говоритъ: всѣ права мои при мнѣ, въ карманѣ, а особенныхъ мнѣ не надобно. Свезли его въ мѣста не столь отдаленныя и живетъ онъ тамъ припѣваючи, приговаривая: «чудесно въ сихъ отдаленныхъ мѣстахъ жить съ деньгами».

ТОСТЪ ГЕНЕРАЛА ДИТЯТИНА.

«Мм. гг. Вы собрались сюда чествовать литератора 40-хъ годовъ Ивана Тургенева... Я противъ этого ничего не имѣю, и, по приглашенію гг. директоровъ, явился сюда не приготовленнымъ встрѣтить здѣсь такое собраніе россійскаго ума и образованности. Хотѣлось бы и говорить, но говорить, находясь среди васъ, трудно: во 1-хъ, разница нашихъ взглядовъ, во 2-хъ, мое офиціальное положеніе, въ 3-хъ, присущая людямъ нашей эпохи осторожность: насъ учили болѣе *осматриваться*, чѣмъ *всматриваться;* больше *думать*, чѣмъ *говорить;* однимъ словомъ, насъ учили тому, чему, къ сожалѣнію, уже не учатъ теперь. Мм. гг.! Вы слишкомъ молоды. Изъ васъ нѣтъ ни одного, который былъ бы свидѣтелемъ того перелома и треска въ литературѣ, котораго я былъ свидѣтелемъ.

«Въ началѣ 30-хъ годовъ, — выражаясь реторическимъ языкомъ,—среди безоблачнаго неба, тайный совѣтникъ Дмитріевъ внезапно былъ обругань семинаристомъ Каченовскимъ. Подняли шумъ... Критикъ скрылся... Далѣе, генералъ-лейтенантъ, сочинитель патріотической исторіи 12-го года, Михайловскій-Данилевскій, былъ обругань. Были приняты мѣры... стало тихо. Но на почвѣ, усѣянной, удобренной мыслителями 30-хъ годовъ, показались всходы; эти всходы заколосились и первый тучный колосъ, сорвавшійся со стебля въ 40-хъ годахъ, были «Записки Охотника», принадлежащія перу чествуемаго вами литератора, отставного коллежскаго секретаря Ивана Тургенева.

«Въ простотѣ солдатскаго сердца, я взялъ эту книгу думая найти въ ней записки какого-либо военнаго охотника... оказалось, что подъ поэтической оболочкой скры-

ваются такія мысли, о которыхъ я не рѣшился не доложить графу Закревскому. Графъ сказалъ: «я знаю». Я въ разговорѣ упомянулъ объ этомъ князю Сергію Михайловичу Голицыну. Онъ говоритъ: «это дѣло администраціи, а не мое». Я сообщилъ конфиденціально митрополиту Филарету. Онъ мнѣ отвѣтилъ, что это «вѣяніе времени».

«Я увидалъ, что совершается что-то странное,—и посторонился.

«Теперь я, мм. гг., стою въ сторонѣ, пропускаю мимо себя нестройные ряды идей, мнѣній, постоянно сбивающіеся съ ноги, и всѣмъ говорю: хорошо! Но мнѣ уже никто не отвѣчаетъ: «рады стараться, ваше превосходительство!», а только взводные кивають съ усмѣшкой головой. Я кончилъ».

ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ.

ИЗЪ МОСКОВСКАГО ЗАХОЛУСТЬЯ.

(Разсказъ).

I.

Давно ужъ это было, въ 30-мъ году, въ первую холеру. Тихо жили тогда въ Москвѣ. Вставали на восходѣ, ложились на закатѣ. Движенье было только въ городѣ, да на большихъ улицахъ, и то не на всѣхъ, а въ захолустьяхъ, особенно въ будни, цѣлый день ни пѣшаго, ни проѣзжаго. Ворота заперты, окна закрыты, занавѣски спущены. Что-то таинственное представляло изъ себя захолустье. Огромная улица охранялась однимъ будочникомъ. Днемъ онъ сидѣлъ на порогѣ своей будки, теръ табакъ, а ночью постукивалъ въ чугунную доску и по временамъ кричалъ во всю глотку на всю улицу: «по-сма-три-вай»!.. хотя некому было посматривать и не на что: пусто и темно, только купеческіе псы заливались, раздражаемые его крикомъ. Полагалось четыре фонаря на всю улицу и тѣ освѣщали только собственный свой столбъ, на которомъ были утверждены.

— Если ты такъ кричать будешь, я къ квартальному пойду... Всю ночь спать не даешь!—замѣчалъ купецъ будочнику.

— Приказано,—отвѣчалъ будочникъ,—чтобы какъ можно кричать. Мало ли тутъ непутеваго народу.

— Въ нашей-то сторонѣ?!

— Бываетъ. Намедни тутъ днемъ у калачника тѣсто украли.

— Поймали?

— Гдѣ поймать—ушелъ!

— Что-жъ ты крикомъ-то испугаешь его, что ли?

— Все-таки опаска ему есть...

— Какая же ему опаска: ты кричишь «посматривай», а въ переулкѣ кричатъ «караулъ».

— Это не у насъ: въ Тупичкѣ извозчика грабили. Два часа голый у меня въ будкѣ сидѣлъ.

Былъ въ захолустьѣ домъ, очень красивый, старинной архитектуры, съ колоннами; онъ стоялъ пустой, заколоченный. Ходила молва, что въ немъ обитаетъ нечистая сила. Одинъ купецъ видѣлъ ее собственными глазами. Этому вѣрили всѣ—и Нѣмецкая Слобода, и Замоскворѣчье, и Сыромятники.

Горѣло захолустье очень часто. Эпохи его считались отъ пожаровъ.

— Это еще до большого пожара было.

Или:

— Это еще когда Балканъ не горѣлъ.

Ни врачей, ни аптекъ въ то время ни въ захолустьѣ, ни близко въ окружности не полагалось, да и незачѣмъ было: всѣ подъ Богомъ, говорили обыватели. Въ самыхъ крайнихъ случаяхъ и то къ очень богатымъ людямъ приглашался штабъ-лѣкарь Воскресенскій. Болящіе прибѣгали или къ своимъ средствамъ—чередѣ, бузинѣ, бобковой мази, разнымъ ладонкамъ съ наговоромъ; или обращались къ капитаншѣ Мирзоевой—отъ золотухи и отъ ушибовъ лѣчила; къ сапожнику Разумову—отъ лихорадки пользовалъ и отъ килы зналъ лѣкарство; къ баньщику Ильичу—накожныя сыпи понималъ; къ цырюльнику Ефиму Филиппову—отворялъ кровь «заграничнымъ инструментомъ» и помогалъ отъ запоя—«пьянаго червяка» замаривалъ. На вывѣскѣ у него значилось: «Съ дозволенія правительства медицинской конторы засѣданія г-дъ врачей, въ семъ залѣ отворяютъ кровь заграничнымъ инструментомъ піявочную, баночную и жильную, прическа невѣстъ, бандо, стрижка волосъ, завивка и бритье и прочія принадлежности мужскаго туалета, по желанію на домъ, по соглашенію. Экзаменованный фельдшерный мастеръ Ефимъ Филипповъ и дергаетъ зубы».

Жила въ захолустьѣ въ собственномъ домѣ привилегированная повивальная бабка Юлія Янсонъ, но къ помощи ея никто не обращался и вывѣска у ней болталась для собственнаго удовольствія.

За воротами дома такъ же тихо и однообразно, какъ на улицѣ. Чисто выметенный дворъ, до того огромный, что на

немъ можно выстроить свободно эскадронъ кавалеріи. Большой садъ, въ немъ рдѣютъ піоны, прозябаетъ калуферъ, божье дерево, цвѣтутъ бархатцы, шапочки, анютины глазки; десятка два яблонь бѣлаго наливу, нѣсколько кустовъ крыжовника и смородины. Въ домѣ необыкновенная чистота, т. е. въ тѣхъ комнатахъ, гдѣ не живутъ хозяева, а принимаютъ гостей. Мебель тяжелая, краснаго дерева; въ углу, въ большихъ раззолоченныхъ кіотахъ божье милосердіе; на стѣнѣ часы съ боемъ; на окошкѣ канарейка въ клѣткѣ. Вотъ и все украшеніе комнаты. Тишина. Установленный издревле порядокъ никогда не нарушался. Какъ въ прошломъ году на святкахъ ставили мѣломъ на дверяхъ кресты, такъ и въ этомъ году будутъ ставить; какъ въ прошломъ году 9 марта пекли изъ тѣста жаворонковъ, такъ и въ этомъ будутъ печь ихъ.

Я сказалъ, что въ рѣдкихъ случаяхъ въ захолустьѣ появлялся докторъ. Эти случаи бывали обыкновенно послѣ масляницы. Въѣзжала широкая масляница въ купеческій домъ

Съ пирогами, съ оладьями,
Съ блинами, съ орѣхами.

За недѣлю до ея прихода въ семьѣ устанавливался порядокъ встрѣчи ея и проводовъ. Съ котораго дня приступить къ блинамъ—вопросъ былъ важный; рѣшался онъ на семейномъ совѣтѣ и утверждался самимъ хозяиномъ.

— Ну, съ понедѣльника, такъ съ понедѣльника, пущай такъ,—говорилъ онъ.

— А аладьи съ четверга,—предлагала хозяйка.

— А то кухаркамъ не управиться,—замѣчала бабушка.

— Ну, съ четверга,—соглашался хозяинъ.

— А лещи каждый день пойдутъ.

— Само собой, что ихъ жалѣть-то...

Въ понедѣльникъ, рано утромъ, по всему дому распространяется блинный запахъ. Коты замурлыкали, даже въ щеляхъ тараканы зашевелились. Шарикъ давно ужъ сидитъ въ кухнѣ, облизывается и поглядываетъ на кухарокъ.

— Блиновъ, старый чортъ, дожидаешься!—говоритъ ему дворникъ.

Шарикъ ласково бросается къ нему на шею.

— Только я посмотрю, какъ ты опосля лаять будешь, а то опять я тебя на постную пищу.

Лица у кухарокъ отъ жару кажутся обтянутыми краснымъ сафьяномъ.

Столъ накрытъ. Выходятъ хозяева; ведутъ подъ руки разбитаго параличомъ дѣдушку, который только три раза въ годъ появляется въ обществѣ, а остальное время комнаты своей не покидаетъ; входитъ дальняя родственница Дарья Гавриловна, въ молодости имѣвшая романъ съ секретаремъ магистрата, который пропилъ все ея состояніе и «на всю жизнь оставилъ только одну меланхолію». Бѣдная я женщина, говоритъ она, но во мнѣ столько благородства, хотя и купеческаго, что я никому не позволю. За ней слѣдуетъ еще родственница Марѳа Степановна; постоянное выраженіе ея лица такое, точно она проситъ милостыню; шествіе замыкаютъ купеческій племянникъ Кирюша, съ одутловатой физіономіей, мужчина лѣтъ пятидесяти; наконецъ Анна Герасимовна, пожилая, бойкая купеческая вдова, имѣющая въ захолустьѣ домъ съ большимъ стариннымъ садомъ. Садъ этотъ она весь взрыла и ископала, отыскивая кладъ, зарытый кѣмъ-то въ 1812 году.

Свернувши блинъ въ трубку и обмакивая его въ сметану—«въ радости дождамшись», говоритъ хозяинъ.

Лица всѣхъ просіяли. Дѣдушка хотѣлъ-было выразить удовольствіе улыбкой, но мускулы лица его не дѣйствовали и онъ только пошевелилъ лѣвой рукой.

Марѳа Степановна, взявши первый блинъ, прослезилась и глубоко вздохнула.

Сынъ Семушка взвизгнулъ.

Дѣдушка лѣвой рукой подбрасывалъ блинъ и хваталъ его на-лету, на подобіе собаки, ловящей муху. Полное молчаніе. Семушка сбился со счета.

— Манька, я забылъ, сколько съѣлъ.

— Грѣхъ, батюшка, считать-то,—замѣтила ему бабушка:—кушай такъ, во славу Божью.

Глаза начинаютъ съуживаться; лица у всѣхъ сдѣлались влажными, утомленными. Къ послѣдней партіи блиновъ съ семгой никто не касается.

— Дай Богъ добраго здоровья,—началъ Кирюша, вставая изъ-за стола.

— А ты бы еще ѣлъ.

— Много довольны... не могу!

— Что ты, Кирюша, подѣлываешь?—обратилась къ нему Анна Герасимовна.

Кирюша глупо улыбнулся.

— Ничего!

— Я тебѣ говорила—женись.

— Жениться... по нынѣшнимъ временамъ...
— Ну, торговлю бы открылъ...
— Торговать тоже... по нынѣшнимъ временамъ...
— Куда жъ теперь пойдешь?
— Туда...
— Куда?
— Къ тетенькѣ Василисѣ на Зацѣпу спать пойду.
— Ты у ней живешь-то?
— Нѣтъ.
— А гдѣ-же?
— Въ монастырѣ...
— Что-жъ ты душу свою соблюсти хочешь?—вмѣшался хозяинъ.
— Звоню. Колоколъ у насъ большой, край только у него треснулъ... Шелапутиху хоронили, онъ и треснулъ...
— Какъ же, братецъ ты мой,—продолжалъ хозяинъ:—купеческій ты племянникъ, на линіи, можно сказать, почетнаго гражданина, а какимъ пустымъ дѣломъ занимаешься, не купеческимъ...

Кирюша, уныло повѣсивъ голову, обтеръ рукавомъ скатившуюся слезу.

— Тетенька Василиса изъ дому выгнала... Ступай, говоритъ, вонъ!.. Холодно было... Всю ночь ходилъ по Яузѣ... Изъ Андроньева монахи взяли... Звони, говорятъ... Сапоги дали. Теперь въ тепломъ соборѣ служатъ, а холодный который—запертъ... Вчера отецъ казначей на Солянку за рыбой ѣздилъ...
— Стало-быть, вы тамъ хорошо ѣдите?
— Монахи ѣдятъ,—поспѣшно подхватилъ Кирюша:—мы звонимъ. Сегодня раннюю звонилъ...
— Ну, ступай съ Богомъ! Не ближній тебѣ путь на Зацѣпу-то,—сказала хозяйка.

Кирюша, положивши въ ротъ указательный палецъ, робко обвелъ всѣхъ глазами и, тихо пробираясь по стѣнкѣ, вышелъ изъ комнаты. Кухарка дала ему на дорогу пару лещей.

— Прими Христа-ради,—сказала она.

Кирюша поклонился ей въ ноги, промолвивъ:

— Благодаримъ за неоставленіе.

Первый блинъ, какъ говорится, комомъ. Цѣлый день ходили всѣ вялые. Коты не сходили съ хозяйской постели. Ночь проведена безпокойно: хозяйка во снѣ вздрагивала, хозяинъ метался всю ночь, Семушка бился головой объ

стѣну и неистово кричалъ; Шарикъ, къ величайшему огорченію дворника, всю ночь не лаялъ.

«Но ужъ только съ завтрашняго числа я тебя лаять заставлю! Ты у меня на разные голоса лаять будешь,—думалъ дворникъ, перевертываясь съ боку на бокъ:—теперь дѣло масляничное, дворъ у насъ большой, улица глухая... Ужъ самъ я за тебя лаять не буду».

Въ слѣдующіе затѣмъ дни, желудки попривыкли и стали ладить

Съ пирогами, съ оладьями,
Съ блинами, съ орѣхами.

Дворника все безпокоили лещи, которыхъ куплено было очень много.

— Какъ возможно такую силу лещей съѣсть,—говорилъ онъ кухаркѣ:—никто не одолѣетъ. Порѣшили, что, должно быть, въ прощенный день раздадутъ нищимъ.

— А вотъ у Гужонкина мастеръ англичанинъ,—замѣчалъ дворникъ:—весь постъ будетъ скоромное ѣсть. По нашей, говоритъ, вѣрѣ все возможно. Намедни ребята его спрашиваютъ: ужли, говорятъ, Личарда Ѳомичъ, и на страшной у васъ говядину ѣдятъ? Съ великимъ, говоритъ, удовольствіемъ. Вѣдь они въ пѣтуха вѣруютъ.

— Въ пѣтуха?!—съ удивленіемъ воскликнула кухарка.

— Въ пѣтуха, вѣрно тебѣ говорю,—окончилъ дворникъ.

Въ чистый понедѣльникъ жирный блинный запахъ смѣнился чѣмъ-то кисло-удушливымъ, отвратительно дѣйствующимъ на обоняніе. Рѣзкій переходъ къ постной пищѣ сильно подѣйствовалъ на бабушку. Она захворала. Прибѣгли къ домашнимъ средствамъ—не подѣйствовало. Послали за Ефимомъ Филипповымъ,—тотъ сразу чигнулъ старуху заграничнымъ инструментомъ и выпустилъ ей фунтъ крови. Болѣзнь обострилась. Рѣшили пригласить доктора. И вотъ вечеромъ къ воротамъ дома подъѣхала въ парныхъ саняхъ необыкновенно толстая фигура, въ медвѣжьей шубѣ, въ четырехугольномъ картузѣ уланскаго покроя, съ кисточкой. Это былъ штабъ-лѣкарь Иванъ Алексѣевичъ Воскресенскій. Вѣра въ него въ захолустьѣ была необычайная по двумъ причинамъ: во-первыхъ, онъ имѣлъ право носить шпагу, а во-вторыхъ, онъ одному умершему купцу всыпалъ въ ротъ порошокъ, тотъ всталъ, подписалъ духовную и опять умеръ.

— Ну, что тутъ у васъ дѣлается?—началъ онъ, входя въ переднюю.

Хозяинъ бросился помогать ему снимать шубу.

— Ни, ни, ни!—остановилъ его докторъ:—всегда самъ—и надѣваю, и снимаю всегда самъ. Самъ себѣ господинъ, самъ себѣ и слуга. Старушка у васъ захворала. Вылѣчимъ. Тѣлеснаго вы врача пригласили, значитъ за душевнымъ посылать еще рано. Посмотримъ,—окончилъ онъ, вынимая изъ уха вату.

— Кровь мы ей отворили, чтобы дрянь-то очистить,—робко сказалъ хозяинъ.

— Хорошо. Крови жалѣть не надо, матеріалъ недорогой. Максимъ Мудровъ говоритъ—крови не жалѣй.

Доктора ввели въ комнату, гдѣ лежала бабушка.

— Вотъ она гдѣ, Божья-то старушка, — началъ онъ ласково.

— Кровь, батюшка, отворяли,—едва внятнымъ голосомъ произнесла старушка.

— Что-жъ тебѣ, матушка, жалко ея, что ли...

— Да вотъ пособороваться хочу.

— Рано. Я скажу, когда нужно. Вотъ мы узнаемъ, въ чемъ дѣло, и выпишемъ изъ латинской кухни порошковъ цѣлительныхъ.

Узнавши въ чемъ дѣло, докторъ вышелъ изъ комнаты. Въ залѣ его ожидала толпа паціентовъ. Благо пріѣхалъ, за одно ужъ всѣхъ лѣчить-то. Первой подошла Дарья Гавриловна.

— У меня,—начала она:—господинъ докторъ, по ночамъ подъ сердце подкатываетъ. Словно бы этакое забвеніе чувствъ и вдругъ этакъ... даже сама не понимаю... Вдругъ этакъ, знаете... даже удивительно! И такъ, знаете, вздрогнешь...

Докторъ, многодумно и терпѣливо выслушавъ, назначилъ лавровишневыя капли.

Подвели дѣдушку. Онъ потрепалъ доктора по плечу лѣвой рукой и промычалъ что-то непонятное.

— Какъ тебя, Савелій Захарычъ, ярманки-то уходили,—отнесся къ нему ласково докторъ.

Дѣдушка хотѣлъ улыбнуться, но не вышло.

— Онъ, батюшка, Иванъ Алексѣевичъ, все слышитъ, все понимаетъ, только Господь у него слова всѣ отнялъ,—вмѣшалась хозяйка:—и отчего это съ нимъ?

— Пилъ, матушка, много... ну, да и...

— Насчетъ нашей сестры большой былъ проказникъ,—ввернула Анна Герасимовна.

— Бывало говоритъ мнѣ: ежели, Антоша, разлить теперь по бутылкамъ все, что я на своемъ вѣку выпилъ,— погребокъ открыть можно и торговать три года.

Дѣдушка покачалъ головой въ знакъ согласія.

Приказано въ ѣдѣ не отказывать.

— Самому здоровенному плотнику не съѣсть столько, сколько нашъ дѣдушка обработаетъ,—отозвалась кухарка, предъявляя обрѣзанный до кости палецъ.

Прописана примочка.

Силой притащили Семушку, у котораго голова была развита непропорціонально туловищу. Докторъ побарабанилъ по ней пальцами, оттуда раздались звуки, какъ изъ спѣлаго арбуза. Семушка заплакалъ.

Лѣченья никакого не назначено.

Хозяинъ спросилъ, на чемъ полезнѣе водку настаивать: на цапъ-цапарели или на милофоли?

И то и другое одобрено.

Прописавши рецепты и давши просто совѣты, докторъ вышелъ и сѣлъ въ сани. Въ воротахъ остановилъ его дворникъ: у него чесалось сердце и на лѣвомъ плечѣ вскочилъ вередъ. Приказано выпариться въ банѣ, а на вередъ положить сапожнаго вару.

Черезъ недѣлю весь домъ былъ здоровъ.

Ни внутренней, ни внѣшней политикой захолустье не занималось и подъ словомъ «политика» разумѣло учтивое обращеніе. «Политичный человѣкъ, политиканъ, сейчасъ видно, что политикъ». Жили всѣ изо-дня-въ-день, день да ночь—сутки прочь, и не чаяли, что на Москву бѣда идетъ.

Дни, послѣ сильныхъ дождей, стояли жаркіе. Изъ Яузы, Самотеки и другихъ московскихъ источниковъ смердѣло. По переулкамъ захолустья ходить было невозможно—грязь невылазная. Душно. Воскресный день. Еще до благовѣста церковнаго на Серединкѣ, у трактира «Сѣверный Океанъ» стояли лоскутниковскіе пѣвчіе—сборная братія. Одинъ басъ безграмотный ходитъ съ хоромъ для октавы. Тенора одѣты франтами, альты и дисканты гладко выстрижены. Басы *поправлялись* въ трактирѣ.

— Безъ приготовки не выдержишь,—говоритъ одинъ басъ, закусывая мятнымъ пряникомъ.

— Поворкуемъ, ничего,—ободрялъ его другой.—Я вчера у Спаса въ Наливкахъ апостолъ читалъ за ранней, да вечеромъ на свадьбѣ, и ничего.

Ударили въ колоколъ. Улица начинаетъ оживляться.

Разряженные обыватели идутъ къ обѣдни. Вотъ богатѣйшій купецъ Рожновъ идетъ съ своей семьей: три дочери и два сына. Отъ дочерей пахнетъ гвоздичной помадой. Сыновья глупые, бѣлокурые. Пробовали ихъ отдавать «въ ученье», но оказалось невозможнымъ. Старшій сталъ пугать мать членовредительствомъ, а у младшаго оказались припадки родимчика. По объясненію бабушки, это произошло отъ того, что его въ младенчествѣ опоили макомъ. Плетется весьма почтенный, съ добрыми черными глазами, одѣтый въ рубище проторговавшійся купецъ Дягилевъ, нѣсколько лѣтъ томившійся въ «ямѣ». Онъ почтительно поклонился купцу Рожнову, тотъ отвернулся отъ его поклона: «за низкость себѣ поставилъ кланяться горькому человѣку, вниманія не стоющему».

Старикъ проводилъ его своими добрыми глазами и съ горькой улыбкой, покачавъ головой, промолвилъ:—Не воздымайся! Самъ, можетъ, хуже будешь.

Озорникъ фабричный, въ новомъ картузѣ, поддакнулъ своему хозяину: проходя мимо бѣднаго человѣка, онъ отвѣсилъ ему низкій поклонъ, промолвивъ:

— Милліонщику!

— Ахъ ты, пустой человѣкъ! Такихъ, какъ ты-то, я, можетъ, три тысячи кормилъ.

— Первостатейному!—окончилъ фабричный, завернувъ за уголъ.

Распахнулись ворота; жирный жеребецъ вывезъ жирную купчиху Романиху. Первый человѣкъ она въ захолустьѣ по капиталу, и по общественному положенію:—кума частнаго пристава.

Изъ цырюльни Ефима Филиппова несетъ паленымъ: приказчики завиваются.

— Продай, Петровичъ, соловья,—обращается къ Дягилеву чиновникъ.

— Никакъ невозможно-съ!

— Я бы деньги хорошія далъ.

— Нельзя-съ этого. Это такой соловей, что, кажется, умереть мнѣ легче, чѣмъ его лишиться. Вчера онъ, батюшка, какъ пошелъ это вечеромъ орудовать, думаю—не въ царствѣ ли я небесномъ? Вотъ какой соловей! А перепеловъ не видали?

— Нѣтъ.

— Тоже, я вамъ доложу, перепела! Вчера одинъ какой-то—продай перепела. Тутъ, говорю, два: вотъ перепелъ и

вотъ перепелъ. Вотъ этого, говоритъ. Этому, говорю, цѣны нѣтъ. Почему? Потому говорю, у этого раскатъ и у этого раскатъ.

Старикъ воодушевился и началъ подражать перепелу.

— Вотъ вы, говорю, и знайте, какой это есть перепелъ. Птицу, батюшка,—ее любить надо, надо понимать ее. Скворецъ у меня говорилъ все одно какъ человѣкъ и любилъ меня какъ отца родного... Будилъ меня утромъ. Бывало, сядетъ на подушку: вставай, Петровичъ, вставай, Петровичъ!

Старикъ все болѣе и болѣе воодушевлялся, черные глаза его разгорѣлись.

— Дочь у меня въ родахъ мучилась, письмо написала: тятенька, помоги. Всю ночь я, батюшка, Василій Егорычъ, проплакалъ. Утромъ всталъ, взялъ его, голубчика, закрылъ клѣтку платкомъ, да и понесъ въ Охотный рядъ. Несу, а у самого слезы такъ въ три ручья и текутъ, а онъ оттуда, изъ клѣтка-то: куда ты меня несешь? куда ты меня несешь? да таково жалобно...

Старикъ былъ убѣжденъ, что все это какъ было.

— Сѣлъ я на тумбочку, да и реву, какъ малый ребенокъ. Идетъ какой-то баринъ. О чемъ ты, старичекъ, плачешь? Купите, говорю, сударь, скворца. Всю жизнь бы съ нимъ не разстался, да бѣда пришла. Что говоритъ, стоитъ? Что дадите, говорю:—дочь помираетъ. Далъ двѣ синенькихъ, неси, говоритъ, его съ Богомъ домой. Вотъ, батюшка...

Раздался трезвонъ. Собесѣдники скорыми шагами направились къ церкви.

Обѣдня кончена. Всѣ тѣмъ же порядкомъ возвращаются домой. Улица опустѣла. Обѣдъ и сонъ. Но какой сонъ! Сонъ съ храпомъ, со свистомъ, со скрежетомъ зубовнымъ. Все спитъ! Спятъ хозяева, спятъ дѣти, спятъ коты, спятъ куры. На улицѣ жарко, тихо и мертво, ни малѣйшаго признака жизни, даже птицы попрятались, даже въ саду вѣтви деревъ не колышатся. Бѣда идетъ.

II.

Послѣ вечеренъ, по Большой Мѣщанской улицѣ, по направленію къ Сухаревой башнѣ, бѣжалъ, едва переводя духъ, парень, безсмысленно ища чего-то глазами.

— Гдѣ тутъ, сударь, аптека?—торопливо спросилъ онъ, наткнувшись на какого-то прохожаго.

— А ты осторожнѣй! Выпучилъ бѣльма, да и летишь сломя голову.

— Намъ аптеку требовается, хозяинъ у насъ нездоровъ,— отвѣчалъ парень, устремляясь впередъ.

— Служба, гдѣ тутъ аптека?—обратился онъ стоящему на часахъ будочнику.

Будочникъ зѣвнулъ во весь ротъ такъ сильно, что лѣвая рука его непроизвольно приподняла алебарду на аршинъ отъ земли, а стоявшая рядомъ извозчичья лошадь вздрогнула.

— Проходи, проходи,—промычалъ онъ.

— Давай пятачекъ, найдемъ,—предложилъ извозчикъ.

Парень, махнувъ рукой, помчался дальше.

— Пожалуйте кровоочистительныхъ капель на 20 коп.,— сказалъ онъ, переступивъ порогъ аптеки.

Аптекарь флегматически, не спѣша, взялъ стклянку, долго теръ ее полотенцемъ, налилъ туда какой-то жидкости, заткнулъ ее пробочкой, завернулъ бумажкой, запечаталъ сургучикомъ и отпустилъ.

Парень побѣжалъ обратно. У воротъ дома купца Рожнова онъ встрѣтился съ Ефимомъ Филипповымъ.

— Шабашъ, братъ, не поспѣлъ.

— А что?

— Хозяинъ твой порѣшился.

Парень остолбенѣлъ. Дворникъ стоялъ блѣдный, какъ смерть. Подошелъ священникъ съ дьякономъ и дьячками. Всѣ приняли благословеніе.

— Что плохо лѣчилъ, Филиппычъ,—началъ священникъ, обращаясь къ Ефиму Филиппову.

— Что дѣлать, батюшка,—отвѣчалъ цырюльникъ:—въ четырехъ мѣстахъ кидалъ, инструментъ не дѣйствуетъ. Въ одномъ мѣстѣ, кажется, жилу пополамъ разсѣкъ. Это ужъ не отъ насъ.

— Да, не отъ насъ. Всѣмъ намъ одинъ путь,—окончилъ священникъ, входя въ калитку.

Утро. Не поведу читателя туда, гдѣ теперь раздается надгробное рыданіе, гдѣ слышится раздирающій душу стонъ, гдѣ изъ глубины растроганнаго сердца льются горячія слезы; будемъ стоять у воротъ дома и смотрѣть, что происходитъ на улицѣ.

Вотъ въ калитку юркнули два худенькихъ человѣчка въ сибирочкахъ, а за ними еще двое... еще... Это гробовщики. Вышли всѣ назадъ, столпились въ кучу, постояли, поговорили, опять ушли въ калитку... опять вышли. Трое отдѣлились, взяли отступного и ушли.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ воротъ на тумбахъ расположились какія-то неопредѣленныя личности. Одинъ во фризовой шинели, другой въ длинномъ истрепанномъ халатѣ, третій въ истасканномъ до-нельзя вицъ-мундирѣ, четвертый... Это нищіе.

Фризовая шинель обращается къ дворнику:

— А что, почтенный, подавать нынче будутъ?

— Что вы за народъ такой... — отвѣчалъ сердито дворникъ: — только-что панафиду начали, а ужъ вамъ подавать.

— Самое бы теперь настоящее время подавать.

— Есть которые благочестивые, — поддакнула нищая женщина:—сейчасъ подаютъ.

— Можетъ и завтра-то подавать не будутъ. Вы не мѣшайтесь тутъ, отходите... Не до васъ теперь.

— Слушай команду — проходи,—скомандовалъ вицъ-мундиръ.

— Ты бы самъ-то проходилъ,— замѣтила фризовая шинель:—стыдился бы! Пуговицы свѣтлыя имѣешь, а побираешься. Мы ночевать здѣсь будемъ, а не уйдемъ.

Около пяти часовъ вечера вся улица запружена была нищей братіей.

— Эко рвани-то, рвани-то что понаперло, пушкой не прошибешь,—замѣчаетъ дворникъ.

— Кормимся, почтенный, кормимся,—отвѣчаетъ фризовая шинель:—ты думаешь, лестно ходить по Москвѣ-то...

— Безъ нихъ бы и кабаки не стояли, — ввернулъ сидѣвшій на козлахъ кучеръ.

— Тебѣ, жирному чорту, хорошо тамъ сидѣть-то!..

— Мнѣ чудесно! Лучше требовать нельзя.

— Ну, такъ и сиди, тебя не трогаютъ.

— Еще бы ты тронулъ! Я те такъ трону... Тпру! Балуй!—отнесся онъ къ безпокоившейся лошади.

Вицъ-мундиръ былъ уже пьянъ и ссорился съ своею братіею. Онъ разсказывалъ, какъ фризовая шинель по гостиному двору на мертвое тѣло сбиралъ и для этого носилъ съ собой деревянный ящикъ, въ которомъ лежала селедка. Селедка и изображала мертвое тѣло.

— А помнишь, какъ ты въ Ножовой линіи у разносчика блинъ стащилъ...

— Помню! А ты помнишь ли, какъ тебя на цѣпи, какъ собаку, по всей Москвѣ провели.

— А ты вотъ что помнишь ли, какъ тебя за фальши-

вую присягу въ острогѣ гноили: животворящій ты крестъ цѣловалъ...

— Полноте вамъ,—замѣтилъ благочестивый старичекъ-нищій:—Божьимъ именемъ пришли просить... Стыда-то въ васъ нѣтъ.

Отъ сильнаго напора нищихъ потребовалась вооруженная сила, которая и не замедлила явиться въ лицѣ двухъ будочниковъ. Сначала они увѣщевали разойтись, потомъ пригрозили холоднымъ оружіемъ—тесаками или, по московскому выраженію, селедками — не подѣйствовало; тогда воины врѣзались въ толпу и начали крушить направо и налѣво, и, не кончивши кампаніи, отошли.

— Хошь бей, хошь нѣтъ — ничего съ нами не сдѣлаешь. Такіе купцы не каждый день помираютъ,—замѣтилъ одинъ изъ нищихъ: — теперь не токмо вы—самъ частный ничего не сдѣлаетъ. Вишь народъ какъ разъярился—онъ всѣ три дня здѣсь стоять будетъ...

Но вотъ открылось окно, высунулась оттуда въ черномъ платкѣ голова старухи.

— Подходите которые,—обратилась она къ толпѣ.

Нищіе хлынули къ окну. Давка, визгъ, крики.

— Поминайте въ вашихъ молитвахъ раба Василія,— сказала она, залившись слезами.

— Дарья Карнѣвна, вамъ несподобно, позвольте, я буду, — предупредилъ ее молодой приказчикъ: — подходите помаленьку, не всѣ чтобы вдругъ, всѣмъ будетъ. За упокой души Василія,—проговорилъ онъ, опуская въ руку нищаго мѣдный пятакъ.

Долго шла раздача, толпа мало-по-малу рѣдѣла.

— Ты сколько разъ подходилъ?

— Раза четыре. Въ послѣдній разъ не далъ, примѣтилъ.

Сосѣдній кабакъ торговалъ на славу. Цѣловальникъ съ чувствомъ принималъ нищихъ-гостей.

— Божьи люди, мои голубчики! Кушайте на доброе здоровье. Съ утра стояли, устали чай, да и бока-то вамъ понамяли, — приговаривалъ онъ, отмѣривая крючкомъ пѣникъ.

Винъ-мундиръ бесѣдовалъ съ какими-то кабацкими завсегдателями.

— Неужели тебѣ не стыдно побираться?

— Стыдно! Очень стыдно! Мнѣ вотъ какъ стыдно: разрѣжь ты мою грудь да и посмотри, что у меня тамъ теперь. Горе!

— Вѣдь тебя изъ консисторіи-то выгнали.

— Выгнали! По третьему пункту! А ты знаешь, что это значитъ? Это значитъ: вотъ я теперь съ тобой говорю, а меня нѣтъ на свѣтѣ.

— Гдѣ-жъ ты?

— Меня нѣтъ! Нѣтъ меня! Вотъ что значитъ третій пунктъ.

— За что же это тебя?

— За добрыя дѣла! Каюсь!

— Такъ и быть, поднесемъ стаканчикъ, сказывай. Дай секлетарю стаканчикъ.

— Коллежскій секретарь!

— Богъ тебя знаетъ, какой ты тамъ есть, знаемъ, что секлетарь прокутимшій.

Мальчикъ поднесъ стаканъ водки и два сухарика. Вицъ-мундиръ, взявъ стаканъ, сталъ въ позу и началъ:

— Благоденственное и мирное житіе...

— Пей такъ, не безобразничай.

Выпивъ водки, онъ схватился за голову и забормоталъ:

— Стыдно, стыдно, стыдно! не осудите меня! Столоначальникъ говоритъ: приходи, Куняевъ, по бѣдности твоей, въ судъ подшивать журналы. Могу я это?

— Дѣло не хитрое!

— А я что—портной? Портной я?

Я не портной журналы шить,
Не изъ такихъ я негодяевъ!
Никакъ портнымъ не можетъ быть
Коллежскій секретарь Куняевъ...

пропѣлъ вицъ-мундиръ торжественно.

— Такъ разсказывай, за что тебя выгнали-то?

— А вотъ видишь ты: нужно было купцу Кочеврягину... знаешь Ивана Семенова?

— Слыхали.

— Нужно ему было родственниковъ ограбить.

— Дѣло хорошее!

— Ну, на что ужъ лучше! Вотъ вы и слушайте. А по ходу-то дѣла, надо было изъ консисторіи метрику украсть. Лишеніе всѣхъ правъ, конная, Сибирь!.. Вотъ онъ къ Бабушкину:—тысячу рублей. Къ Захарычу:—двѣ тысячи. Къ тому, къ другому — всѣ на одномъ стоятъ. Ко мнѣ. Перекрестился я, да и думаю: 'возьмусь за это дѣло. Сойдетъ съ рукъ — въ монастырь уйду; не сойдетъ—туда мнѣ, собакѣ, и дорога. Извольте, говорю, за триста рублей обору-

дую. Ну, говоритъ, орудуй, отъ меня забытъ не будешь. И сталъ я орудовать. Первое дѣло—архиваріусъ. Онъ въ консисторію, и я за нимъ; онъ изъ консисторіи, и я за нимъ, какъ свѣчка я передъ нимъ теплился. Полюбился я ему за это, позвалъ меня къ себѣ,—на Якиманкѣ онъ жилъ. И сдѣлался я у него первымъ человѣкомъ. Дѣтей его сталъ грамотѣ учить, а старшенькаго на скрипкѣ.

— А ты и на скрипкѣ играешь?

— Я?! Я первый скрипачъ по Москвѣ былъ. Только вотъ теперь въ рукахъ трясеніе, смычка держать не могу. Вотъ разъ онъ мнѣ и говоритъ: тебя, Куняевъ, я выпросилъ у секретаря къ себѣ въ архивъ на подмогу. Какъ вошелъ я туда въ первый-то разъ, такъ у меня сердце-то словно каленымъ желѣзомъ... Думаю, вѣдь я разбойникъ!.. Прошелся по алфавиту—есть! Что-жъ вы думаете, други сердечные, я сдѣлалъ? Укралъ? Зачѣмъ воровать — за воровство бьютъ. А я вотъ передъ вами, какъ передъ Богомъ...

— Выпей еще стаканчикъ. Поднеси.

— Выпью! Ничтожный я человѣкъ, оплеванный... Одно мнѣ осталось...

Давайте веселиться,
Давайте пить вино!
Не грѣхъ вина напиться—
Оно на то дано.

— Тебѣ бы театры разыгрывать!..

Взявъ стаканъ, онъ съ чувствомъ произнесъ:

— Посторонись, душа, оболью!

— Такъ что-жъ ты сдѣлалъ-то?

— Не укралъ! Вотъ запекись моя гортань кровью, коли я укралъ. Я взялъ да въ эту папку, гдѣ значилась метрика, положилъ двѣ сальныхъ свѣчки. Какова штука! Умственная, а?

— Зачѣмъ же это ты?

— Постой! Ровно черезъ годъ изъ сиротскаго суда справка объ этой метрикѣ. Цапъ! а въ папкѣ-то дыра одна! Крысы за годъ-то все скушали. Налетѣли! Архиваріусъ-то какъ сидѣлъ, такъ и остался. Меня, раба Божьяго, въ Тверскую часть... въ острогъ, въ уголовную!.. Дѣло-то до правительствующаго сената восходило, а правительст...

Рѣчь разсказчика мгновенно прервалась, ротъ искривился, глаза помутились: точно пронизанный пулей, отшатнувшись въ сторону, онъ грохнулся на полъ. Собесѣдники

вскочили и бросились вонъ. Цѣловальникъ загородилъ имъ дорогу.

— Нѣтъ, у насъ такъ не дѣлается. Вмѣстѣ пили, вмѣстѣ и отвѣчать будете.

— Мы ни въ чемъ не причинны...

— Нѣтъ, позвольте! У насъ такіе разы бывали. Еще вы то возьмите въ разсужденіе: его теперича потрошить будутъ: какъ же его можно потрошить безъ свидѣтелевъ? Нѣтъ, ужъ вы сдѣлайте милость! Вы думаете, мнѣ-то пріятность какая? Пріятности мнѣ никакой нѣтъ, а сущее раззореніе! Никитка, бѣги на улицу, кричи «караулъ». Водка, она тоже никого не помилуетъ,—окончилъ онъ, закрывая трупъ грязной рогожей.

Цѣлые три дня около дома купца Рожнова толпились нищіе и по захолустью стали ходить безпокойные слухи, что скоропостижная смерть купца Рожнова не есть первая, что точно такъ же окончили дни свои мѣщанинъ Заклюевъ, шорникъ изъ Тупого переулка, лавочникъ, а въ Хамовникахъ народъ такъ и валитъ. Слухамъ этимъ не придавали особенной вѣры; мало ли что народъ болтаетъ.

Не успѣли нищіе очувствоваться послѣ поминокъ Рожнова, какъ вновь были приглашены къ себѣ купчихою Романихою, которая, несмотря на усилія извѣстнѣйшихъ въ то время врачей Лодера и Гааза, окончила жизнь въ нѣсколько часовъ. Слухи о чемъ-то неладномъ увеличивались. Рѣдкій день, чтобы по Серединкѣ не проводили отъ сорока до пятидесяти покойниковъ. Вдругъ дотолѣ неслыханное слово «холера» разнеслось по захолустью. Народъ оцѣпенѣлъ!

Гнѣвъ Божій!

Полиція приколачиваетъ на заборахъ печатныя объявленія о предосторожности. Ихъ никто не читаетъ.

Ефимъ Филипповъ обезсилѣлъ отъ практики, онъ ужъ отворяетъ кровь на улицѣ. Церковныя колокола не умолкаютъ. Погребальныя дроги и просто фуры тянутся къ Пятницкому кладбищу съ утра до ночи. Гнѣвъ Божій! Нѣтъ помощи, нѣтъ спасенія! Захолустье потеряло больше половины своихъ обывателей. Осталось одно утѣшеніе—молитва. И вотъ посреди улицы воздвигнули помостъ и пригласили духовенство сосѣднихъ церквей съ крестнымъ ходомъ. Лишь только пѣвчіе возгласили «Царю Небесный», народъ, измученный страхомъ и ожиданіемъ смерти, палъ на колѣни и зарыдалъ, какъ одинъ человѣкъ. Священно-

служители не выдержали своего высокаго положенія—тоже зарыдали. Протодіаконъ Успенскаго собора читалъ апостолъ и лишь дошелъ до словъ «да смертію упразднитъ имущаго державу смерти», съ ближайшей колокольни раздался троекратно ударъ колокола—вѣсть о смерти настоятеля — голосъ его прервался и онъ едва могъ кончить чтеніе. Во время молебствія, по захолустью проскакалъ взводъ казаковъ, съ полиціймейстеромъ во главѣ.

— Бунтъ!—разнеслось по захолустью.

— Мастеровщина взбунтовалась, — закричалъ лавочникъ.

Въ трактиръ Адріанополь собралась мастеровая чернь—шорники, сапожники, позументщики и т. п. Кто-то изъ компаніи сказалъ, что народъ морятъ. Пошелъ на эту тему разговоръ. Пьяный портняга сказалъ, что всему дѣлу причина Ефимъ Филипповъ, что онъ все кровь отворяетъ, что предлагалъ и ему, да онъ не согласился.

— Развѣ возможно христіанскую кровь выпущать!

— Мы ему докажемъ!

— Ежели онъ, значитъ, кровь отворялъ и, значитъ... по какому праву? — подхватилъ тщедушный, чахоточный сапожникъ: — надо, значитъ, къ нему и сейчасъ, значитъ...

— Своимъ судомъ!

— Покажи струментъ! По какому праву?

Трактирщикъ началъ было успокоивать, но избитый бросился въ кварталъ и донесъ о случившемся. Мастеровщина бросилась въ кабакъ, въ которомъ кончилъ дни свои коллежскій секретарь Куняевъ. Цѣловальникъ ничего не возражалъ.

— Лопайте, черти! Все равно вамъ издыхать-то,—сказалъ онъ и вышелъ на улицу.

Обезумѣвъ отъ пѣнника, пьяная голь ринулась къ цырюльнѣ Ефима Филиппова. У цырюльни было тихо и не пахло, какъ бывало, паленымъ. Стеклянная дверь разлетѣлась въ дребезги и пьянымъ глазамъ представилось тяжелое зрѣлище. Ефимъ Филипповъ лежалъ на столѣ бездыханный и Петровичъ нараспѣвъ произносилъ стихъ изъ псалтиря: «яко духъ пройдетъ въ немъ и не будетъ, и не познаетъ къ тому мѣста своего». Толпа отхлынула и была окружена казаками.

— Ахъ, какъ это народъ-отъ мретъ! Господи, ты Боже нашъ! Царица ты наша небесная! — говорилъ жившій въ

захолустьѣ на большой улицѣ кривой купецъ, мимо дома котораго провозили жертву смерти.

— И что это теперича будетъ? Вся Москва, почитай, вымерла. Испытуетъ насъ Господь или наказываетъ — Его святая воля. Въ городѣ-то пусто; мимо Минина вчера проѣхалъ—хоть бы-те одинъ человѣкъ былъ... жутко; только заблудящій какой-то, Бога-то знать въ емъ нѣтъ, сталъ середь площади, да пѣсней такъ и заливается... Что, говорю, просторно тебѣ? Просторно, говоритъ, господинъ купецъ! Никто не препятствуетъ. Индо руками я всплеснулъ!.. Этакое Божеское наказаніе, а онъ...

— Что значитъ непутевый-то человѣкъ!—замѣтила старуха жена...

— Диву я дался! Молодой парень—дворовый, али такъ какой... На смиреніе-то, говорю, взять тебя некому. Живыхъ, говоритъ, теперича не трогаютъ, мертвыхъ подбирать впору.

Старики въ глубокомъ молчаніи смотрѣли въ окно.

— Сиротъ-то, сиротъ-то теперича... Господи! — сказала старуха.

— Сироты теперича много!—отвѣчалъ старикъ:—столько теперича этой сироты... и куда пойдетъ она, кто ее вспоитъ-вскормитъ, одѣнетъ-обуетъ... Давеча я посмотрѣлъ... ребенокъ одинъ:—сколь мать свою любитъ, такъ подъ гробъ и бросается... Удивительно мнѣ это это! Махонькой, отъ земли не видать, а сколь у него сердце это къ родительницѣ. Индо слеза меня прошибла! Ѣду, а у самого такъ слеза и бьетъ, ужъ очень чувствительно мнѣ это... Махонькой, а любовь свою... подобно какъ...

Старуха прослезилась.

— Сама была сирота, безъ отца, безъ матери, безъ роду, безъ племени...

— И должна, значитъ, чувствовать сиротское дѣло. Самъ куска не ѣшь — сиротѣ отдай, потому сирота, она ни въ чемъ неповинная... Долженъ ты ее... Вотъ ты теперича плачешь, значитъ—это Богъ тебѣ далъ, чтобы народъ жалѣть. А ежели мы такъ разсудимъ: двое насъ съ тобою; домъ у насъ большой, барскій, заблудиться въ емъ можно: ежели въ этотъ самый домъ наберемъ мы съ тобою ребятокъ оставшихъ, сироту эту неимущую, пожалуй, и Богу угодимъ. Своихъ-то нѣтъ—чужихъ беречи будемъ. И будетъ эта сирота въ саду гулять, да Богу за насъ молиться. Такъ, что ли?

Старуха перекрестилась.

— Дай тебѣ Богъ!

Старикъ исполнилъ свое предположеніе. По окончаніи холеры онъ пожертвовалъ свой домъ подъ училище и внесъ большой капиталъ на его содержаніе. Святитель Филаретъ благословилъ иконою добраго старца, а протодіаконъ провозгласилъ: потомственному почетному гражданину, фридрихсгамскому первостатейному купцу Ѳеодору Ѳеодоровичу Набилкову многая лѣта.

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ.

ТИПЪ.

Холодно... или нѣтъ—лучше: вѣтрено... Впрочемъ, можно и такъ: съ моря дулъ сильный вѣтеръ... Предоставляю это, многоуважаемый мною читатель, твоему благосклонному выбору: съ какой тебѣ фразы угодно будетъ начать чтеніе моего разсказа, если ты осчастливишь его своимъ вниманіемъ, съ той и начинай. Если ты сидѣлъ на школьной скамьѣ въ дореформенное время россійской словесности, учился по реторикѣ Кошанскаго и хрестоматіи Пенинскаго, то тебѣ, разумѣется, начало или «приступъ» моего разсказа не понравится. Въ наше время—помнишь!—обыкновенно начинали съ подробнаго описанія природы: «посмотрите, солнце, какъ огневидный лебедь, выплываетъ на кристальный горизонтъ изъ-за синяго лѣса и освѣщаетъ нивы и луга, дотолѣ скрытые подъ пеленою сѣдого тумана». Эти времена прошли безвозвратно. Теперь выработались новые пріемы для описанія природы. Теперь природу описываютъ однимъ штрихомъ. Напримѣръ: «Грязно. Она сидѣла на маленькой кушеткѣ и «выглядѣла» утомленной и т. д.». Или: «На дворѣ снѣгъ. Поднявши воротникъ боброваго пальто, онъ опрометью бѣжалъ по Невскому проспекту и т. д.». Или, если разсказъ изъ народнаго быта: «Деревня. Мужики сидятъ около кабака и т. д.». Ты ужъ самъ, безъ сомнѣнія, можешь вообразить, какъ бываетъ грязно, какъ идетъ снѣгъ, а ужъ про деревню-то и говорить нечего: всѣ деревни, какъ двѣ капли, одна на другую похожи. Если ты хочешь послушаться моего совѣта, то начинай читать мой разсказъ съ третьей фразы, а я сдѣлаю небольшое

отступленіе отъ существующихъ пріемовъ и распространюсь нѣсколько въ описаніи природы.

Съ моря дулъ сильный вѣтеръ. Нева вздувалась отъ напора воды, наводняя рѣчки и каналы. Съ бастіона Петропавловской крѣпости раздавались выстрѣлы, извѣщавшіе обитателей Гавани о наступленіи стихійнаго врага. По одной изъ линій Васильевскаго острова, по направленію къ Смоленскому кладбищу, слѣдовали, запряженныя парою исхудалыхъ клячъ, погребальныя дроги; на дрогахъ стоялъ желтый гробъ, покрытый невообразимо грязной тряпицей, носящей, для важности, названіе «покрова». Впереди гроба шелъ съ непокрытой головой отставной служивый въ военномъ сюртукѣ стараго унтеръ-офицерскаго покроя, держа въ рукахъ маленькій образокъ. Мимоходящіе не обращали никакого вниманія на процессію, лавочники не выскакивали изъ своихъ лавокъ съ вопросомъ: кого хоронятъ? У кладбищенскихъ воротъ даже нищіе не привѣтствовали прахъ покойнаго крестнымъ знаменіемъ; одинъ только солдатъ, на деревянной ногѣ, перекрестился и то только потому, что впереди съ образомъ шелъ «ундеръ», свой братъ. Предавши прахъ землѣ въ самомъ отдаленномъ разрядѣ кладбища, ундеръ зашелъ въ попутный трактиръ, выпилъ стаканчикъ водки, посидѣвши—выпилъ другой и предался размышленію.

— Куда же мнѣ себя теперича опредѣлить? Въ швейцары ежели... мѣста есть хорошія—знакомства нѣтъ... безъ знакомства въ швейцары не попадешь...

Бралъ онъ въ расчетъ свою безусловную честность, четыре медали, способность не спать двадцать четыре часа въ сутки и т. д.

— Авось, Господь Богъ милостивъ,—окончилъ онъ свою думу:—пойду къ брату на Пороховые, а тамъ видно будетъ.

Кого же схоронилъ отставной служивый?—Петра Петровича. Кто это Петръ Петровичъ? Да вы, вѣроятно, его видали, да только не обращали вниманія. Онъ былъ невысокаго роста, курносый, гладко выбритый, тщательно причесанный, ходилъ постоянно во фракѣ, изъ-подъ нависшихъ бровей у него сверкали сѣрые кошачьи глаза съ зеленымъ ободкомъ вокругъ зрачковъ. По солидности фигуры его можно было принимать по крайней мѣрѣ за статскаго совѣтника, но онъ не былъ таковымъ, потому что

когда его разъ спросили, не въ этомъ ли чинѣ онъ состоитъ, онъ обидѣлся, принявъ это за насмѣшку.

— Такъ что же, не коллежскій же вы регистраторъ, — говорятъ ему.

— Тамъ чиновъ,—отвѣчалъ онъ, указавши пальцемъ на небо:—не спрашиваютъ. Россійскихъ орденовъ онъ не имѣлъ, а имѣлъ персидскую звѣзду «Льва и Солнца» и носилъ ее по установленію, т. е. не открыто, у самаго сердца, а подъ бортомъ фрака, выпуская наружу только частицу лучей, и надѣвалъ ее лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда желалъ имѣть, какъ онъ выражался, входъ за кавалергардовъ, т. е., когда желалъ проникнуть на какое-нибудь торжественное богослуженіе или собраніе, на военный парадъ и т. п.

Жилъ Петръ Петровичъ въ Казанской улицѣ, во дворѣ одного четырехъэтажнаго дома. Квартира его состояла изъ двухъ комнатъ и небольшой передней. Кухни у Петра Петровича не имѣлось, потому что онъ дома никогда не обѣдалъ и слугѣ своему, отставному фейерверкеру Соколову, выдавалъ каждодневно на харчи по 20 коп. Единственно кто бывалъ у него, это — писарь изъ военнаго министерства, переписывавшій ему какія-то бумаги, да разъ, а иногда два въ мѣсяцъ посѣщали его какія-то родственницы, про которыхъ Соколовъ говорилъ: «Знаемъ мы этихъ родственницъ-то!» Петръ Петровичъ наканунѣ предувѣдомлялъ его объ ихъ посѣщеніи.

— Что, Соколовъ, — начиналъ онъ: — у тебя, кажется, братъ на Пороховыхъ живетъ?

— Точно такъ, ваше скородіе.

— Такъ бы навѣстилъ его завтра. Вечеромъ ко мнѣ родственница придетъ... тебѣ дѣлать нечего.

— На Пороховые, ваше скородіе, далече, назадъ не обернешь, а я въ Тентелеву деревню къ кумѣ смахаю...

— Ну, махай!..

На другой день, въ семь часовъ вечера, Петръ Петровичъ приходилъ домой, приносилъ съ собою корзиночку сладкихъ пирожковъ отъ Доминика, полбутылки портвейну и, отпустивъ Соколова въ Тентелеву деревню, садился у окна поджидать родственницу.

Соколовъ, разумѣется, не ходилъ ни на Пороховые, ни въ Тентелеву деревню, а просиживалъ урочное время въ дворницкой или въ мелочной лавкѣ.

— Мнѣ такое счастье, — говорилъ онъ дворнику: — мнѣ все такіе господа попадаются. Нашъ батарейный коман-

диръ тоже ухъ какой баловникъ былъ!.. Въ Польшѣ мы тогда стояли, такъ, бывало... Бѣдовый былъ! А польки эти жидкія всѣ—и сейчасъ сжели что—сейчасъ плакать...

Ни одно торжество, освященіе напримѣръ часовни, открытіе пріюта, бенефисъ танцовщицы, а тѣмъ болѣе торжество, на которомъ предполагался завтракъ или закуска, не обходились безъ Петра Петровича. Въ новый годъ или другіе высокоторжественные праздники, въ которые установлено напоминать въ швейцарскихъ и передникъ о своемъ чинѣ и фамиліи, на испещренныхъ разными почерками листахъ, вездѣ можно было встрѣтить фамилію Петра Петровича. Въ эти дни между нимъ и швейцаромъ происходили недоразумѣнія. Петръ Петровичъ не имѣлъ обыкновенія привѣтствовать швейцаровъ рублемъ, находя это косвеннымъ налогомъ, а швейцары не сходились съ нимъ во взглядахъ и выражали ему полное свое неудовольствіе. Нѣкоторые даже не вставали при появленіи его въ швейцарской.

— Я даже не всталъ, когда онъ пришелъ, — сказалъ одинъ швейцаръ лакею:—пусть почувствуетъ.

Но Петръ Петровичъ, разумѣется, этого не почувствовалъ и до самой кончины своей не далъ ни одному швейцару ни одной копейки.

Торжественное собраніе Академіи Наукъ. Петръ Петровичъ тамъ... сидитъ и слушаетъ рѣчь ученаго мужа, изрѣдка поматывая головой въ знакъ того, что онъ съ его доводами согласенъ, хотя рѣчь шла «о подлинности краледворской рукописи», о существованіи которой онъ даже не слыхивалъ. Публика начинаетъ расходиться, Петръ Петровичъ становится у лѣстницы и творитъ большіе и малые поклоны выходящимъ сановникамъ. Лицо его дѣлается чувствительнѣе стекла, приготовленнаго для снятія фотографическаго портрета: изъ серьезнаго оно мгновенно превращается въ подло-ласкательное, потомъ принимаетъ выраженіе рабской покорности:—«прикажите, ваше превосходительство!» Если въ собраніи присутствовалъ духовный сановникъ, онъ подходилъ къ нему смиренно подъ благословеніе и, принимая оное, тихо шепталъ: молитвами святого владыки нашего, и т. д.

— А, Петръ Петровичъ,—обращается къ нему генералъ, сходя съ лѣстницы:—вѣдь интересно!

— Необыкновенное, ваше превосходительство! Превосходное изложеніе!—поспѣшно отвѣчалъ Петръ Петровичъ, помогая генералу всунуть лѣвую руку въ рукавъ пальто.

— Спасибо!.. Крайне интересно...

— А вѣдь тоска, по правдѣ сказать, Петръ Петровичъ...— говоритъ съ апломбомъ бѣлокурый, полнолицый статскій совѣтникъ:—ну, что за интересъ въ любушиномъ судѣ...

— Ха, ха, ха!.. — иронически отвѣчаетъ Петръ Петровичъ:—странно все какъ-то!.. Вы говорите тоска, а вонъ его превосходительство Аверьянъ Александровичъ, только-что вотъ внизъ спустился, говоритъ—превосходно!..

— Да вы-то поняли что-нибудь?

— Да я про себя не говорю... мы—что!.. Мы... ужъ про насъ-то вы не говорите... Только я одно скажу: чѣмъ объ любушиномъ судѣ говорить—на свои-то бы обратили вниманіе. Тамъ, батюшка, теперь...

— Ахъ, Петръ Петровичъ, да вы либералъ!..

— Да что... либералъ... Вѣрно!

Въ одномъ домѣ, въ Ямской улицѣ, поминки по богатомъ купцѣ, около кармана котораго Петръ Петровичъ терся нѣсколько лѣтъ. Онъ ужъ тамъ! Съѣлъ три ложки кутьи, девять блиновъ, не отказывался и отъ прочихъ блюдъ, даже сцапалъ голову поросенка, нарочно выписаннаго изъ Москвы и предназначавшагося только для почетныхъ гостей, сидѣвшихъ, какъ говорится, въ переднемъ углу. Совершилъ онъ это столь мгновенно, что одинъ изъ почетныхъ гостей, разсчитывавшій на эту голову, не успѣлъ опомниться и мысленно произнесъ: «экая скотина!» а сосѣдъ Петра Петровича невольно наклонился, когда голова поросенка перелетѣла на вилкѣ черезъ его голову.

— Вотъ это вещь! Это я понимаю! — заговорилъ Петръ Петровичъ, проникая вилкой во внутренность черепа. — И только въ Москвѣ! Въ одной только Москвѣ! у Тѣстова! Необыкновенно!

Послѣ обѣда, онъ посидѣлъ съ полчаса, вытаращивъ глаза, потомъ повелъ бесѣду съ однимъ изъ родственниковъ покойнаго.

— Любилъ меня покойникъ, другъ мнѣ большой былъ,— началъ онъ:—а умеръ не примирившись со мной... и все изъ-за Станислава.

— Нѣтъ, онъ больше, надо вамъ, Петръ Петровичъ, доложить, изъ-за водянки. Докторъ ему говоритъ: — сократи

себя, Маркелъ Мосеичъ, не пей! А онъ, бывало, почнетъ этотъ портфеинъ глушить — только держись! Ну, онъ тамъ въ воду все и обращался.

— Нѣтъ, я про себя-то говорю: хотѣлъ онъ все Станислава въ петлицу получить...

— Да, это точно... желательно ему было. Бывало говоритъ, хоть въ зеркало на себя бы посмотрѣлъ...

— Ну, а Станиславы-то на улицѣ не валяются и даромъ ихъ не даютъ. Погоди, говорю, выхлопочу.

— Конфузно ему было. Другіе, прочіе которые, превознышены, а онъ, по своему капиталу, въ забвеніи. Его мысли такія были, какъ бы въ генералы попасть. Разъ, пьяный—весь, говоритъ, свой капиталъ на пріюты распишу, только бы, говоритъ, мнѣ до такой степени дойти, чтобы въ треугольной шляпѣ ходить. Кажется бы, говоритъ, и спать въ ней согласенъ.

— Жалко,—заключилъ Петръ Петровичъ, направляясь къ выходу:—немножко бы еще подождалъ, ходилъ бы съ Станиславомъ.

Пріемъ у сановника оконченъ. Удовлетворенные и неудовлетворенные просители разошлись. Петръ Петровичъ входитъ въ кабинетъ.

— Честь имѣю кланяться, ваше высокопревосходительство,—говоритъ онъ, почтительнѣйше кланяясь.

— А, здравствуй, Петръ Петровичъ,— отвѣчаетъ почтенный, убѣленный сѣдиной сановникъ.

— Какъ изволите себя чувствовать, в. в...

— Отлично!

— Дай Господи, в. в—ству... При тяжкихъ вашихъ трудахъ...

— Ты что подѣлываешь?

— Вчера, в. в., въ Невской лаврѣ хиротонія была: ректора семинаріи архимандрита Наѳанаила во епископа...

— А балетъ какой вчера былъ?—съ громкимъ смѣхомъ прерываетъ его сановникъ.

— Ваше в—ство, каюсь! Въ беззаконіяхъ зачатъ.

— Да въ балетѣ-то былъ?

— Ваше в—ство!

— Ну, былъ?

— Не смѣю лгать передъ такой особой—былъ!..

— Какъ же это, Петръ Петровичъ, соединить вмѣстѣ — хиротонія и балетъ!.. Ха, ха, ха...

— Ваше в—ство, каюсь! Въ беззаконіяхъ зачатъ есмь и во грѣсѣхъ роди мя мати моя.

— Ты зайди къ Елизаветѣ Ивановнѣ, она вчера объ тебѣ спрашивала.

— Боюсь, в. в—ство.

— Чего?—съ живостью спросилъ сановникъ.

— Опять выгонитъ, в. в... Въ прошлый разъ выгнала и не приказала больше являться.

— Ну, я тамъ не знаю, за что вы поссорились, а только ты иди къ ней, а то и мнѣ за тебя достанется.

— Повинуюсь волѣ в. высокопревосходительства.

Елизавета Ивановна супруга сановника. Это была добрѣйшая, еще не старая женщина, немножко взбалмошная, разсѣянная, говорившая рѣзкимъ, повелительнымъ тономъ. Петръ Петровичъ былъ у нея свой человѣкъ. Она давала ему всякія порученія, ругала его за неаккуратное исполненіе, выгоняла вонъ, опять приказывала являться. Петръ Петровичъ безропотно переносилъ всѣ ея капризы.

— Что вы, старый чортъ, пропадаете,—встрѣтила его шутливымъ тономъ Елизавета Ивановна.—Когда васъ нужно, васъ никогда нѣтъ.

— Не смѣлъ явиться, в. в.,—съ низкимъ поклономъ отвѣчаетъ Петръ Петровичъ.

— Я вамъ хотѣла дать порученіе.

— Жду приказаній в. в—ства.

— Мнѣ очень много нужно... Поѣзжайте на дачу и все приготовьте. На будущей недѣлѣ я переѣду.

— Ваше в—ство, не рано ли? Вы и въ прошломъ году въ это время изволили насморкъ получить.

— Не ваше дѣло! Я такъ хочу! Поѣзжайте.

— Слушаю, в. в.

— Что вы дѣлаете?

— Одно мнѣ осталось—съ сокрушеннымъ и смиреннымъ сердцемъ ожидать смертнаго часа...

— Вздоръ! Вы еще здоровы. Вы еще взятки берете...

— В. в—ство!—воскликнулъ растерявшійся отъ неожиданной фразы Петръ Петровичъ.

— Я слышала! Вы, да еще одинъ чиновникъ съ купцовъ взятки берете. Гдѣ строятъ желѣзныя дороги, вы тамъ и берете. Вы не себѣ берете, а кому-то ихъ носите. Это я навѣрное слышала, да!.. Еще я слышала, что вы не хорошій человѣкъ, съ молодыми людьми на Морской кутите... Вотъ вамъ!.. Вы не хорошій!.. Я васъ защищала.

Я говорила, что вы богомольный, все къ обѣднѣ ходите, митрополитовъ любите, просвирки ѣдите... Такъ поѣзжайте... сейчасъ. И пожалуйста, обои въ моей спальнѣ новыя... голубыя... Да купите мнѣ, пожалуйста, книжку—маленькая, семь коп. стоитъ. Я у княгини видѣла.

— Какая же это, в. в.?

— Святая, о странникахъ—маленькая. Я у княгини видѣла... семь копеекъ стоитъ.

— Я вамъ нѣсколько принесу, в. в., извольте сами выбрать.

— Пожалуйста, нѣсколько. Я сама выберу. Да съѣздите къ Сережѣ въ училище, скажите, что онъ скверно учится, я на него сердита.

— Ребенокъ, в. в... — хотѣлъ защитить Петръ Петровичъ.

— Не ваше дѣло! Ступайте.

Лакей доложилъ, что подалъ завтракъ.

— Пойдемте завтракать. Хоть вы не стоите, чтобъ васъ кормили, а все-таки пойдемте,—закончила Елизавета Ивановна, направляясь въ столовую.

— Ваше высокопревосходительство,—позвольте оставить на вашемъ столѣ вотъ эту бумажку,—униженно произнесъ Петръ Петровичъ, вынимая изъ кармана вчетверо сложенный листъ бумаги.—Осмѣлюсь, в. в... Лично я не имѣю права обратиться къ Александру Сергѣевичу... А ваше предстательство... Купецъ тутъ иногородній ходатайствуетъ...

Они вошли въ столовую. Какой былъ дальнѣйшій разговоръ между Елизаветой Ивановной и Петромъ Петровичемъ, автору неизвѣстно, но Елизавета Ивановна за купца «предстательствовала».

Въ одномъ изъ кабинетовъ трактира Малоярославецъ въ честь Петра Петровича идетъ пиръ. Приносится ему въ жертву огромная желтобрюхая двинская стерлядь. По седьмой рюмкѣ водки, у пирующихъ развязываются языки и нѣкоторые порываются говорить рѣчи, но какъ-то сдерживаются. Но вотъ полилось шампанское, вмѣстѣ съ нимъ полилось и слово.

— Господа,—началъ кто-то:—позвольте предложить тостъ за здоровье Петра Петровича.

— Ура!..

— Напрасно вы, господа,—встаетъ Петръ Петровичъ:—предложили тостъ за мое здоровье прежде хозяйскаго. Что

я здѣсь такое? То же, что и вы—простой гость. Дорогой хозяинъ пригласилъ насъ раздѣлить съ нимъ, по русскому обычаю, хлѣбъ-соль, по поводу полученной имъ награды. Я-то тутъ при чемъ? Не я его награждалъ.

— Вѣрно!—воскликнулъ кто-то изъ пирующихъ, удрученный бѣлой померанцевой водкой.

— Шши!..

Тотъ окинулъ всѣхъ мутнымъ взглядомъ и смолкъ.

— Я только...—началъ снова Петръ Петровичъ.

— Нѣтъ, Петръ Петровичъ, если бы не вы,—перебилъ награжденный.

— Позвольте,—прервалъ Петръ Петровичъ:—я только нашелъ возможность, и считалъ себя счастливымъ, замолвить во время слово и не скрою отъ васъ, что я сказалъ. Я сказалъ: представленный къ наградѣ—честнѣйшая русская душа, желающая, посредствомъ благотворительности, стать въ ряды интеллигенціи, снять съ себя смазные сапоги, войти, такъ сказать...

— Сильно сказано! — вновь промычалъ удрученный бѣлой померанцевой:—только смазные сапоги-то тутъ при чемъ?

Раздалось энергическое «шши!»

— Позвольте,—продолжалъ Петръ Петровичъ:—моя рѣчь впереди. Я сказалъ: онъ устроилъ въ своемъ городѣ богадѣльню. Отчего, говорятъ, не училище? Я отвѣчалъ, что училище, по семейнымъ своимъ обстоятельствамъ, онъ устроить не могъ... Родственники его были противъ училища. Вѣрно я сказалъ?

— Вѣрно, Петръ Петровичъ,—отвѣчалъ награжденный:—бабушка наша ни за что!.. Хоть и не ея капиталъ, да силу она у насъ большую имѣетъ. Да намъ, главная причина, награда что!.. Намъ бы только Господь привелъ помереть съ чистымъ покаяніемъ.

— Итакъ, господа... — сталъ - было продолжать Петръ Петровичъ, но долженъ былъ остановиться, потому что ужъ всѣ стали говорить вдругъ, стали цѣловаться, стали обижаться, стали порицать поступки удрученнаго бѣлой померанцевой водкой, который сталъ на стулъ и кричалъ:

— Позвольте, милостивые государи! Отецъ мой вышелъ изъ народа... Мы стоимъ на рубежѣ, когда...

— Еще что!?—закричали пирующіе.

— Ничего! Мы стоимъ на рубежѣ. Я хочу сказать... Наше соціальное положеніе... При всемъ томъ, я не могу

понять—почему смазные сапоги, почему не лапти, почему...

— Довольно!

Для васъ довольно, а для меня мало,—бушевалъ ораторъ.—Хоть я купеческій сынъ, но прежде всего я соціалистъ! Читали вы въ «Петербургскомъ Листкѣ»...

Петръ Петровичъ въ это время велъ разговоръ съ награжденнымъ, въ смежномъ кабинетѣ, изъ котораго изрѣдка доносились отрывочныя фразы: «разумѣется, съѣздите. Онъ человѣкъ бѣдный, тоже содѣйствовалъ. И въ другой разъ будетъ полезенъ».

Въ 12 часовъ ночи, т. е. когда пирующіе уже перестали узнавать другъ друга, когда одинъ изъ нихъ сталъ цѣловаться съ лакеемъ и пить съ нимъ брудершафтъ, Петръ Петровичъ ушелъ потихоньку.

Соціалистъ предложилъ тостъ «за сліяніе сословій» и тоже выпилъ съ лакеемъ брудершафтъ, сказавши ему: дѣйствуй въ извѣстномъ направленіи и сольешься!

Лакей поблагодарилъ его и сказалъ: не извольте безпокоиться.

Дома у себя Петръ Петровичъ нашелъ записку, вложенную въ изящный конвертъ, который Соколовъ раздушилъ немножко керосиномъ.

— Ты бы мылъ руки-то,—замѣтилъ онъ ему.

— Лампу заправлялъ, ваше скородіе, а она и стучитъ...

— Кто она?

— Сродственница, должно быть... не могу доложить. Отдай, говоритъ... Чтобы безпремѣнно...

«Дорогой Петръ Петровичъ,—было написано въ запискѣ:—вы меня совсѣмъ забыли, но я очень больна, мнѣ нужно васъ видѣть. Пріѣзжайте, а то буду сердита. Marie».

На другой день, ровно въ часъ, Петръ Петровичъ подавилъ пуговку электрическаго звонка у дверей Марьи Сергѣевны. Скромно, но съ большимъ вкусомъ одѣтая дѣвушка отворила ему дверь. Пудель, шерсть котораго доведена была до снѣжной бѣлизны, сначала изъявилъ неудовольствіе и залаялъ, но узнавши Петра Петровича, бросился къ нему на грудь.

— Что у васъ тутъ такое, Аннушка?—началъ громко Петръ Петровичъ, поправляя передъ зеркаломъ растрепавшіеся виски.

— Марья Сергѣевна нездорова,—отвѣчала шопотомъ дѣвушка.

— Сильно?—тоже шопотомъ и вытаращивъ глаза, спросилъ Петръ Петровичъ.

— Вчера докторъ былъ. Никого не приказали принимать, а объ васъ я сейчасъ доложу.

— Погоди, погоди... Ты мнѣ прежде разскажи все хорошенько.

Они вошли въ залу. Петръ Петровичъ одной рукой облокотился на рояль, а другую приложилъ къ уху, такъ какъ Аннушка должна была докладывать шопотомъ. Изъ доклада Петръ Петровичу выяснилось, что въ четвергъ у Марьи Сергѣевны были гости, вертѣли столы, потомъ Марья Сергѣевна пѣла по-цыгански, потомъ былъ ужинъ, ѣли устрицы. Послѣ ужина Марья Сергѣевна приказали привести тройку и пригласили какихъ-то двухъ гостей ѣхать съ ней на Каменный островъ. Егоръ Егоровичъ вышелъ съ ними вмѣстѣ, но сейчасъ же воротился назадъ и до пріѣзда Марьи Сергѣевны ходилъ все по залѣ, истопталъ ногами свою шляпу. По возвращеніи Марьи Сергѣевны, въ спальнѣ былъ шумъ, съ Марьей Сергѣевной сдѣлалась истерика...

«Дѣйствительному-то статскому совѣтнику и не слѣдовало бы такъ горячиться»,—подумалъ про себя Петръ Петровичъ.—Ну, а потомъ?

— Потомъ Егоръ Егоровичъ уѣхалъ... Утромъ Марья Сергѣевна проснулась въ два часа и весь день проплакала.

— Ну, такъ это пустяки, простой капризъ,—заключилъ Петръ Петровичъ.—Поди доложи.

Черезъ минуту Аннушка пригласила Петра Петровича войти въ гостиную. Комнату эту нельзя, впрочемъ, было назвать гостиной, а скорѣе отдѣленіемъ магазина рѣдкихъ вещей. Я не стану ее описывать, потому что это уже своевременно было исполнено судебнымъ приставомъ. Замѣчу только, что на стѣнѣ обращалъ на себя вниманіе портретъ хозяйки, писанный знаменитымъ художникомъ. Петръ Петровичъ взялъ съ этажерки китайскую чашечку, дунулъ въ нее, повертѣлъ въ рукахъ и поставилъ на мѣсто, потомъ осмотрѣлъ еще какую-то вещицу, потомъ перелистовалъ альбомъ съ фотографическими карточками, потомъ поправилъ абажуръ на лампѣ, потомъ невольно встрепенулся: изъ полуотворившейся двери въ спальню послышался голосъ хозяйки.

— Петръ Петровичъ, войдите ко мнѣ. Я больна.

Петръ Петровичъ мгновенно пригладилъ виски—это была его привычка—и скорчивъ гримасу, какую дѣлаютъ дѣти передъ тѣмъ какъ хотятъ плакать,—вошелъ въ спальню.

На раззолоченной чернаго дерева кровати, покрытая голубымъ атласнымъ одѣяломъ, лежала Марья Сергѣевна, красавица женщина, лѣтъ тридцати.

— Что съ вами, матушка, Марья Сергѣевна?—началъ Петръ Петровичъ.

— Извините, Петръ Петровичъ, что я васъ такъ принимаю... вы свой человѣкъ. Садитесь, пожалуйста. Аннушка, подвиньте сюда Петру Петровичу стулъ.

Дѣвушка подвинула къ постели табуретку.

— Вѣроятно, легкая простуда... Не бережетесь,—продолжалъ нѣжнымъ тономъ Петръ Петровичъ.—Все это троечки ваши... Хе-хе-хе...

— Я очень люблю на тройкѣ.

— Ну, вотъ! Если бы я былъ на мѣстѣ его превосходительства...

— Я съ нимъ разругалась.

— Съ Егоръ Егорычемъ?!—съ притворнымъ удивленіемъ воскликнулъ Петръ Петровичъ.—Если бы не вы сами мнѣ это сказали... Впрочемъ, это очень хорошо!

— Что же тутъ хорошаго?

— Любовь этими ссорами скрѣпляется... Хе-хе-хе...

— Я не понимаю, какое онъ имѣетъ право меня ревновать?...

— Ревность-то, матушка, Марья Сергѣевна... Какъ бы вамъ это сказать... безъ нея нельзя.

— Почему нельзя? —спросила съ живостью Марья Сергѣевна.

— Да вотъ видите: его превосходительство... вѣдь этотъ титулъ не присвоивается людямъ, у которыхъ материно молоко на губахъ не обсохло, если и есть счастливцы, такъ ихъ можно по пальцамъ перечесть. Ну, знаете, люди въ его годахъ дѣлаются подозрительнѣе, а женщины видятъ, хе-хе-хе... видятъ что... ну, и... Вѣдь вы тоже!.. Кругомъ соблазнъ!.. Я, разумѣется, васъ не виню...

Петръ Петровичъ хотѣлъ сказать что-то особенное, но, разнимый женской красотой, сталъ теряться въ мысляхъ. Плелъ онъ, плелъ несвязныя фразы и совершенно неожиданно для Марьи Сергѣевны поцѣловалъ съ обѣихъ сторонъ ея руку.

— Ахъ вы, старенькій!—проговорила она, улыбнувшись.

У Петра Петровича во рту сдѣлалось сухо, въ глазахъ показались зеленыя облатки. Онъ всталъ, прошелся два раза и опять заплелъ.

— Конечно... его превосходительство... я бы такъ думалъ... Знаете, голубушка, Марья Сергѣевна... Я не оправдываю его превосходительство, прежде всего, вы — женщина...

Марья Сергѣевна вывела его изъ затруднительнаго положенія.

— Сядьте, Петръ Петровичъ,—сказала она:—мнѣ нужно съ вами поговорить объ одномъ дѣлѣ.

— Приказывайте, матушка, приказывайте... Для васъ... вѣдь ужъ вы знаете!..—засуетился Петръ Петровичъ, ерзая по табурету.

— Достаньте мнѣ денегъ,—начала она, взявши обѣими руками руку Петра Петровича.

У Петра Петровича завертѣлись зрачки.

— Денегъ?— пробормоталъ онъ:—Много?

— Вѣдь вы знаете, я мало не люблю. Доставайте больше.

— Больше? Для такой божественной красоты да не достать денегъ—это тогда и жить не надо! Извольте, матушка. Да на ваше счастье и случай есть. Сибирякъ тутъ одинъ хлопочетъ, три года около него пропитываются чиновники. Человѣкъ онъ робкій, податливый. Вы, съ своей стороны, попросите за него Егоръ Егорыча.

— А вы знаете, что онъ не любитъ, когда я его прошу.

— Не любитъ? А любить онъ, когда передъ нимъ совершенство природы? Когда около него... Матушка, позвольте вашу драгоцѣнную ручку поцѣловать... Съ радостью я вамъ это дѣло устрою. Славный человѣкъ, денежный...

— Устройте, голубчикъ Петръ Петровичъ. У Егоръ Егоровича нѣтъ теперь ни копейки. Злой сдѣлался. А чѣмъ я виновата?

Черезъ нѣсколько времени Егоръ Егоровичъ уважилъ ходатайство Марьи Сергѣевны: сибирякъ достигъ желаемаго. Цѣлую недѣлю его можно было встрѣтить съ Петромъ Петровичемъ у Бореля завтракающимъ, у Донона обѣдающимъ. Петръ Петровичъ сталъ появляться на улицѣ въ новомъ пальто съ бобровымъ воротникомъ. Марья Сергѣевна подарила сибиряку свою фотографическую карточку, а тотъ обѣщалъ ей выслать изъ Екатеринбурга сибирскихъ камней. Разставанье его съ Петромъ Петровичемъ было

самое нѣжное. Послѣ сытнаго обѣда, они отправились на желѣзную дорогу, гдѣ выпили послѣднюю, по выраженію сибиряка, «разгонную» бутылку шампанскаго. Сибирякъ со слезами на глазахъ благодарилъ Петра Петровича и сказалъ, что если бы вино, которое онъ выпилъ въ Петербургѣ со своими благодѣтелями, опять разлить въ бутылки— можно было бы открыть погребокъ.

Въ одномъ изъ кабинетовъ ресторана Бореля

Бушуетъ вѣтреная младость.

Собрались молодые люди, только что оставившіе школьную скамью, и люди, уже вкусившіе, и французскихъ ресторановъ, и балетовъ, и цыганскихъ хоровъ, и всякихъ услаждающихъ душу увеселительныхъ заведеній. Быстро бѣжали они

По тропинкѣ бѣдствій,
Не предвидя отъ того
Никакихъ послѣдствій.

Весело было имъ. Они были увѣрены, что передъ ними скатертью дорога, что въ жизни все приложится имъ. Разговоръ или, вѣрнѣе, шумъ происходилъ на французскомъ языкѣ, потому что женскій элементъ между пирующими— были француженки.

— А!!!—гаркнула въ одинъ голосъ молодежь, бросаясь навстрѣчу вошедшему Петру Петровичу.

— Петръ Петровичъ, чортъ тебя возьми! Гдѣ ты пропадалъ?—закричали одни.

— Ah, Petre Petrovitsch! — воскликнула француженка, бросаясь на шею Петру Петровичу.

— Вася, ты развѣ не знакомъ съ Петромъ Петровичемъ?

— Нѣтъ. Кто онъ такой?

— Да тебѣ не все ли равно... Петръ Петровичъ...

— Какъ его фамилія?

— Да онъ безъ фамиліи. Петръ Петровичъ, вѣдь у тебя пѣтъ фамиліи? Ахъ, ты старый чортъ! Былъ на бѣгу?

— Что это вы, Петенька, какъ неприлично себя ведете—являетесь въ такой поздній часъ,—обращается къ Петру Петровичу одинъ пирующій красавецъ.

— Виноватъ, ваше сіятельство.

— Петръ Петровичъ, поди сюда, я тебя познакомлю съ Ильей Гавриловичемъ. Илья Гаврилычъ... Илюша!..

Илья Гавриловичъ сидѣлъ на диванѣ, съ открытыми глазами, но ничего не понималъ, что кругомъ совершается.

— Илюша... позволь тебѣ представить Петра Петровича.

Илюша всталъ, притворился на одну минуту трезвымъ, пожалъ руку Петру Петровичу и, упавши на диванъ, заснулъ.

— Петръ Петровичъ, выпьемъ!—кричалъ одинъ изъ пирующихъ.

— Petre Petrovitsch, выпьемъ!—какъ попугай, подхватываетъ представительница великой націи.

— Выпьемъ, старый чортъ!

— Выпьемъ, стара тшортъ!

Не прошло четверти часа, какъ въ утробу Петра Петровича всадили цѣлую бутылку шампанскаго. Ужъ онъ началъ тяжело дышать и обращаться къ содѣйствію жаренаго миндаля.

— Петръ Петровичъ, посмотрите, какія я новыя картинки получилъ для стереоскопа. Ей, человѣкъ?.. Татаринъ! Князь, чортъ тебя возьми!..

Вошелъ слуга.

— Тамъ у меня въ пальто картинки... живо!

Приказаніе исполнено. Петръ Петровичъ сталъ разсматривать картинки съ видомъ знатока. Лицо его то оскаблялось, то ухмылялось.

— Вѣдь это вѣнскія?—спросилъ онъ.

— Вѣнскія.

— Ну, что вы хотите, по-моему—парижскія лучше.

— Petre Petrovitsch, париски лючъ! Выпьемъ!..

— Такъ что же, Петръ Петровичъ, не подается,—спрашиваетъ потихоньку Петра Петровича князь.

— Нѣтъ, батюшка, Павелъ Дмитріевичъ, и думать нечего! По крайней мѣрѣ въ настоящую минуту,—отвѣчалъ уныло Петръ Петровичъ:—стѣна неприступная!

— Да неужели нѣтъ такихъ средствъ?

— Ничего нельзя сдѣлать, ни съ какой стороны подойти невозможно. Ужъ я всю подноготную узналъ. Правилъ безукоризненныхъ, влюблена, какъ кошка, въ какого-то педагога, знаете... нынѣшнія... Тетка не прочь стаканчикъ выкушать и ходитъ къ ней какой-то съ усами, физіономія внушительная... Попробую на тетку навести зажигательное стекло...

— Петръ, ѣдемъ!—приступаетъ къ Петру Петровичу, едва держась на ногахъ, юноша.

— Пьетръ, ѣдемъ!—вторитъ ему француженка.

— Куда прикажете?

— Въ Ташкентъ.

— А не поздно?

— Да тебѣ не все ли равно! Садись съ Альфонсиной на мою тройку, да и дуй! А я съ Ильюшей...

Весело, въ сытость, въ полное удовольствіе жилось Петру Петровичу. Здоровье, несмотря на почтенныя лѣта, было несокрушимое. Онъ только одинъ разъ въ жизни былъ боленъ и то въ молодости: на одной изъ чернорѣченскихъ дачъ, за карточнымъ столомъ, онъ получилъ небольшую трепку съ переломленіемъ трехъ реберъ и сильными контузіями лица. Это печальное происшествіе подѣйствовало на него благотворно: онъ навсегда оставилъ карты. Но время беретъ свое, старость стала предъявлять свои права: ужъ не могъ, съ легкостью серны, порхать по лѣстницамъ, память стала ему измѣнять. Молодые люди, съ которыми онъ вечерялъ у Дюссо и у Бореля, возмужали, остепенились и забыли объ его существованіи. Одинъ гдѣ-то командовалъ, другой гдѣ-то управлялъ, третій и т. д. Балетъ потерялъ свое обаяніе и запустѣлъ. Двери особъ разныхъ классовъ передъ нимъ постепенно затворялись. Ужъ онъ сталъ чувствовать свое одиночество и жить воспоминаніями, но аппетитъ его къ устрицамъ и омарамъ, къ стерляжьей ухѣ и московскимъ поросятамъ оставался все тотъ же. Съ грустью останавливался онъ около Милютиныхъ лавокъ и поглядывалъ на выставленную иностранную снѣдь. «Хорошо бы теперь,—размышлялъ онъ:—десяточка два фленсбургскихъ, да кусочекъ бри, да стаканчикъ, другой—третій шабли». И разыгрывалось его воображеніе: вспомнилъ онъ, какъ въ лавкѣ Одинцова онъ былъ когда-то своимъ человѣкомъ.

«Бывало, входишь... Петру Петровичу-съ! Здравствуй, Иванъ Васильевичъ! Что устрицы? Живыя, сударь! Дышутъ и родину свою вспоминаютъ. — А третьяго-то дня подгуляли.—Что дѣлать-то? Ужъ мы въ посольствѣ справки наводили, по какому случаю въ С.-Петербургъ свѣжія устрицы не пришли. Тамъ тоже не знаютъ. Въ морѣ, думаютъ, чего не случилось ли...—А кто вчера былъ? — Три украсителя сѣверной столицы, съ ними двѣ этранжерки, самимъ Наполеономъ третьимъ сюда на разводъ присланныя... Кушали устрицы, переполняли себя виноградными источниками.—Сядешь, бывало, обольешь свою душу водочкой, за-

кусишь свѣжей икоркой...—А вѣдь распутная, коли правду-то говорить, жизнь была», — заключилъ онъ мысленно, отходя отъ окна.

Рессурсы его все сокращались и сокращались. Ужъ ему не къ кому было, какъ прежде, обращаться съ тщательно переписаннымъ на толстой министерской бумагѣ прошеніемъ: имѣю честь почтительнѣйше испрашивать милостиваго вниманія вашего превосходительства на болѣзненное мое состояніе и т. д. Въ прежнее время онъ шелъ съ подобнымъ прошеніемъ какъ въ свой карманъ, зная навѣрное, что на поляхъ этого прошенія будетъ немедленно начертано: «50 р. изъ типографскихъ суммъ». Соколовъ не получалъ уже своего пайка и питался собственнымъ заработкомъ — починивалъ башмаки, лакировалъ мебель и т. п., иногда удѣляя изъ этого заработка и Петру Петровичу.

— Соколовъ, тамъ за мной, кажется, три рубля?

— Точно такъ, ваше скородіе!..

— Такъ дай мнѣ еще шесть гривенъ.

— Слушаю, ваше скородіе.

— Я вотъ получу скоро... мы разочтемся.

— Не извольте безпокоиться, ваше скородіе.

Побираясь, такимъ образомъ, то отъ Соколова, то отъ своей старинной знакомой, бывшей знаменитой танцовщицы, то отъ какой-то барыни, въ судьбѣ которой онъ въ молодости ея принималъ участіе, то отъ какой-то Розаліи Ѳедоровны, бывшей буфетчицы одного маленькаго ресторанчика, которой онъ способствовалъ вступить въ законный бракъ съ какимъ-то ошалѣвшимъ отъ пьянства и промотавшимся до нитки графомъ, — Петръ Петровичъ дожилъ, наконецъ, до чернаго дня. Квартирная хозяйка сначала намекала ему, а потомъ рѣшительно объявила, что она болѣе держать его у себя не можетъ, что она сама бѣдная женщина.

— Вы, Петръ Петровичъ, при своихъ «связяхъ» можете поступить въ какую вамъ угодно богадѣльню, вамъ это ничего не стоитъ. Хлопочите,—предложила она ему.

Петръ Петровичъ ничего не могъ возразить, и на старческихъ глазахъ его выступили слезы.

— Гонятъ насъ съ тобой, служба, — обратился онъ къ Соколову по уходѣ хозяйки:—вотъ до чего дожили! Милостыню на паперти долженъ буду просить.

— Богъ милостивъ, ваше скородіе, не сумнѣвайтесь. Мо-

жетъ еще какая линія выдетъ — поправитесь,—успокоивалъ его почтенный служивый.

На другой день, послѣ объясненія съ хозяйкой, Петръ Петровичъ, по обыкновенію, пошелъ къ Доминику, тамъ у него было насиженное мѣсто. Билліардная была въ полномъ ходу. Петербургскіе игроки обдѣлывали посредствомъ маркера, выдаваемаго ими за рыбинскаго купца, какого-то пріѣзжаго харьковскаго помѣщика. Игра была настолько интересна, что всѣ мѣста въ билліардной были заняты зрителями, между которыми обратилъ на себя вниманіе Петра Петровича одинъ худощавый, высокій господинъ, хотя въ очень поношенномъ, но щегольскомъ пальто, со стеклышкомъ въ глазу.

«Гдѣ-то я его видалъ», — подумалъ Петръ Петровичъ. Господинъ со стеклышкомъ въ глазу тоже обратилъ вниманіе на Петра Петровича и тоже подумалъ: «Гдѣ-то я его видалъ». По выходѣ изъ билліардной, они столкнулись въ дверяхъ.—Петръ Петровичъ!—воскликнулъ съ изумленіемъ господинъ со стеклышкомъ. — Василій Андреевичъ, голубчикъ!—обрадовался Петръ Петровичъ. Они сѣли за столикъ.

— Триста лѣтъ я не видалъ васъ! — началъ Василій Андреевичъ:—какой вы старикъ-то стали!

— Ну, и вы-то тоже! Изъ этакаго красавца... Я было васъ совсѣмъ не узналъ...

— Мнѣ-то не мудрено. Другой на моемъ мѣстѣ... Пиво пьете?

— Отчего-жъ его не пить, напитокъ хорошій.

— Скверное здѣсь! Человѣкъ, дай двѣ кружки пива. Какъ я радъ васъ видѣть! —продолжалъ любезничать Василій Андреевичъ.— Помните Настасью Матвѣвну?

— Умерла, бѣдная.

— Умерла!

— Въ больницѣ.

— Въ больницѣ?! Скажите! Я изъ прежнихъ своихъ друзей никого не вижу. Да! Петербургъ очень измѣнился... Пятнадцать лѣтъ тому назадъ — ухъ! Что это за время было!.. Помните графа Григорія Дмитрича... Что это за пріемы были!.. Помните, когда онъ жилъ въ Лѣсномъ...

— Какъ же, все помню.

— Ну, какъ вы поживаете, что вы подѣлываете?

Петръ Петровичъ глубоко вздохнулъ и разсказалъ въ краткихъ словахъ свою печальную исторію.

— Ну ужъ, батюшка, Петръ Петровичъ, что я перенесъ въ своей жизни,—началъ скорбѣть въ свою очередь Василій Андреевичъ:—такъ это только я могъ выдержать. Выслали меня тогда изъ Петербурга—помните — административнымъ порядкомъ. Какъ, за что, почему, клянусь вамъ прахомъ моей матери, не знаю... Не знаю!—горячился Василій Андреевичъ (Петръ Петровичъ очень хорошо зналъ, за что его выслали).—Рано утромъ, только я воротился изъ клуба, пріѣхалъ полицейскій, отвезъ меня въ канцелярію оберъ-полиціймейстера, тамъ стоитъ жандармъ съ сумкой... Помилуйте, говорю, ваше превосходительство, за что? Это, говоритъ, не по моему распоряженію. И вотъ пятнадцать лѣтъ... Помните, тогда грязное дѣло о подлогахъ было... Да я-то тутъ при чемъ? Я подписывалъ векселя направо и налѣво, но на себя... Я въ подлогахъ не участвовалъ.

— Ну, а теперь, слава Богу, вы опять здѣсь.

— Временно, и, долженъ вамъ, какъ старому другу, сказать, инкогнито. Не возвращаютъ!.. Никакія силы не дѣйствуютъ! Ужъ кто-кто за меня не просилъ. Тетка за границей лично ходатайствовала... Нѣтъ! Да заходите ко мнѣ, Петръ Петровичъ: поговоримъ о старомъ. Я живу на Гороховой. Приходите, милый человѣкъ. А помните, какъ мы у Дюссо. Экая чудная женщина была Настасья Матвѣвна! Да вотъ вы сегодня гдѣ обѣдаете?

Петръ Петровичъ замялся. Ему неловко было отвѣчать, что онъ нигдѣ не обѣдаетъ.

— Приходите къ намъ сегодня. Я говорю — къ намъ, потому что я не одинъ живу. Я васъ познакомлю съ моимъ сожителемъ... Онъ будетъ очень радъ.

Старые знакомые разстались. Петръ Петровичъ прошелся два раза по солнечной сторонѣ Невскаго проспекта, зашелъ потомъ домой, велѣлъ Соколову приколоть къ фраку звѣзду и, выходя изъ дому, потрепалъ его ласково по плечу, сказавши:

— Не робѣй, служба! Молись Богу!

— Слушаю, ваше скородіе, — отвѣчалъ форменнымъ топомъ Соколовъ.

Идучи къ Василію Андреевичу, Петръ Петровичъ припоминалъ прежнія скверныя дѣла его. Вспомнилъ онъ, что Василій Андреевичъ былъ прикосновененъ къ дѣлу «по опоенію дурманомъ одного купца во время карточной игры», вспомнилъ еще два-три гадкихъ дѣла, вспомнилъ,

наконецъ, что судебный слѣдователь выразился про него такъ: «нѣтъ такой статьи уложенія, по которой бы нельзя было привлечь его къ отвѣтственности». Поднявшись на лѣстницу, Петръ Петровичъ позвонился въ пятый номеръ. Лакей Демьянъ, атлетическаго сложенія, могущій въ кольцо согнуть кочергу, отворилъ ему дверь.

— Дома Василій Андреевичъ?

— Дома, ваше превосходительство, пожалуйте!

Петръ Петровичъ не безъ удивленія услыхалъ, что онъ титулуется превосходительствомъ и, взглянувши на лакея, вспомнилъ, что подобные дантисты держутся постоянно въ игорныхъ притонахъ на случай спуска съ лѣстницы и вообще для такихъ пріемовъ, гдѣ требуется физическая сила. Онъ вступилъ въ устланную коврами залу, на стѣнахъ которой висѣли копіи съ картинъ Нефа и нѣсколько небольшихъ картинокъ въ золоченыхъ рамахъ. Посреди залы было составлено рядомъ три ломберныхъ стола. Не оставалось сомнѣнія, что въ квартирѣ происходитъ игра.

Василій Андреевичъ выбѣжалъ изъ столовой навстрѣчу Петру Петровичу.

— Ахъ, Петръ Петровичъ, а мы ужъ водку пьемъ... Милости просимъ. Сейчасъ я васъ познакомлю съ Иваномъ Данилычемъ.

Они вошли въ столовую. Иванъ Даниловичъ сидѣлъ въ движущемся на колесахъ креслѣ и уписывалъ свѣжую икру. Около закуски стояло нѣсколько гостей, Петру Петровичу незнакомыхъ.

— Иванъ Даниловичъ, позволь тебя познакомить съ старинымъ моимъ другомъ, Петромъ Петровичемъ.

— Очень радъ! — отвѣчалъ Иванъ Даниловичъ. — Извините, ваше превосходительство, что встать не могу: калѣка.

— Сдѣлайте милость,—перебилъ Петръ Петровичъ.

— Господа! — обращаясь къ гостямъ, продолжалъ Василій Андреевичъ: — Его превосходительство, Петръ Петровичъ.

Гости поочередно подошли и пожали ему руку.

— Болѣе, кажется, намъ ждать не кого. Сядемте,—сказалъ хозяинъ, быстро подкатившись къ столу.

— А чѣмъ ты насъ будешь кормить сегодня? — заговорилъ, усаживаясь, Василій Андреевичъ.

— Не я буду кормить—поваръ,—меланхолично отвѣчалъ Иванъ Даниловичъ: — это его дѣло. Что онъ дастъ, то и будемъ кушать.

Василій Андреевичъ взялъ меню и началъ: — Господа, прошу вниманія! «Супъ шассеръ съ пирожками. Гарнадингъ изъ телятины ковернезъ. Осетрина по-русски. Жаркое индѣйки. Сильсифи фри. Бордалю кондэ».

Гости размѣстились. Петра Петровича посадили рядомъ съ хозяиномъ, съ которымъ онъ весь обѣдъ проговорилъ о его болѣзни, сожалѣлъ, что онъ въ такихъ лѣтахъ, въ которыя еще можно бы приносить пользу отечеству. Хозяинъ говорилъ, что онъ долго служилъ въ Сибири, долженъ былъ, по обязанностямъ службы, разъѣзжать по снѣжнымъ пустынямъ на собакахъ, откуда у него явился зародышъ болѣзни, приковавшей его впослѣдствіи къ креслу. Передъ ликеромъ одинъ за другимъ послышались звонки, стали появляться еще гости. Пришелъ молодой купеческій сынъ Корнюша, пришелъ какой-то солидный интендантскій чиновникъ, пришелъ штатскій господинъ въ очкахъ, пришелъ еврей, выдававшій себя за итальянца, и т. п. Корнюша сталъ пить портеръ съ шампанскимъ, а другіе гости прикасались кто къ коньяку, кто къ ликеру. Когда подали сигары, Петръ Петровичъ одну закурилъ, а другую, незримо для окружающихъ, положилъ въ карманъ.

— Что же, господа, золотое время терять, — обратился къ гостямъ хозяинъ, быстро повернувши кресло: — не угодно ли...

Всѣ пошли въ залъ. Пропустивши гостей, Василій Андреевичъ остановилъ за руку Петра Петровича.

— Петръ Петровичъ,—началъ онъ:—вы, я вижу, крайне нуждаетесь въ средствахъ. Мы съ Иваномъ Даниловичемъ это превосходнѣйшій и добрѣйшій человѣкъ — хотимъ помочь вамъ. Ходите къ намъ, пожалуйста. Я, въ память Настасьи Матвѣвны, съ которой вы были дружны и которую я обожалъ какъ святыню, хочу сдѣлать для васъ доброе дѣло...

Растроганный старикъ прослезился.

— Чувствительнѣйше васъ благодарю, Василій Андреевичъ. Нищій я! Вѣрьте, на улицѣ умереть долженъ. Гроша мѣднаго взять не откуда. Богъ васъ наградитъ.

Старикъ хотѣлъ упасть на колѣни, но Василій Андреевичъ удержалъ его.

— Полноте, голубчикъ, что вы!..

— Только я вамъ долженъ доложить, — предупредилъ успокоившійся старикъ: — я вѣдь не генералъ, а вы меня величаете превосходительствомъ.

— Да вы у насъ за тайнаго совѣтника пойдете,—спокойно произнесъ Василій Андреевичъ.

— Какъ за тайнаго совѣтника?—воскликнулъ съ изумленіемъ Петръ Петровичъ.

— Да не все ли вамъ равно, какъ васъ будутъ называть.

— Да... но...

— Вѣдь вы говорите, что вы нищій?..

— Нищій...

— Ну, а въ чинѣ тайнаго совѣтника вы будете сыты и одѣты.

— Я все не могу понять... — началъ окончательно теряться Петръ Петровичъ.

— Ахъ, Петръ Петровичъ! Стара стала — слаба стала, говорятъ армяне. Вы намъ нужны для декораціи. Понимаете?

— Да!.. то-есть...

— То-есть мы будемъ представлять васъ гостямъ за тайнаго совѣтника. Намъ это нужно...

— Ну, все равно, тайный, такъ тайный, — согласился, махнувъ рукой, Петръ Петровичъ.

Они вошли въ залу, гдѣ уже звенѣло золото, трещали карточныя обложки. Василій Андреичъ занялъ мѣсто въ серединѣ сдвинутыхъ столовъ, взялъ карты, стасовалъ, предложилъ срѣзать и, окинувъ взглядомъ присутствующихъ, произнесъ цинически: «Ну, господа, молитесь Богу». Наступила мертвая тишина, начало совершаться преступленіе.

Было около двухъ часовъ ночи. Петръ Петровичъ, не разсчитавшій за обѣдомъ силы коньяка, едва сидѣлъ на стулѣ. Интендантъ продулся совсѣмъ и цвѣтъ лица его сравнялся съ цвѣтомъ воротника. Демьянъ бодрствовалъ въ передней, прислушиваясь къ малѣйшему шороху на лѣстницѣ... Въ кухнѣ что-то скрипнуло... Демьянъ навострилъ уши и сдѣлалъ быстрое движеніе. Смолкло. Еще скрипнуло... Онъ устремился впередъ и наткнулся въ коридорѣ на полицейскаго офицера. Мгновеніе — и офицеръ, за нимъ двое городовыхъ и понятые очутились въ дверяхъ залы.

— Господа, покорнѣйше прошу васъ такъ и остаться, какъ вы изволите теперь сидѣть, — произнесъ онъ внушительнымъ тономъ.

Всѣ растерялись, одинъ только Корнюша оказалъ храб-

рость. Довольно развязно подойдя къ офицеру, онъ окинулъ его скосившимися отъ портеру глазами и спросилъ:

— Что вамъ угодно?

— Ничего,—спокойно отвѣчалъ офицеръ.

— Позвольте посмотрѣть предписаніе.

— Какое предписаніе?

— А относительно того: по какому праву...

— Не угодно ли вамъ сѣсть на свое мѣсто,—рѣзко произнесъ офицеръ.

— Если вамъ это нравится, извольте, я сяду.

— Позвольте узнать вашу фамилію? — отнесся офицеръ къ Петру Петровичу.

— Тайный совѣтникъ, Петръ Петровичъ...

— Тайный?..—почтительно переспросилъ офицеръ.

— Тайный... виноватъ! Титулярный совѣтникъ Петръ Петровичъ...

— Ну, это немножко поменьше тайнаго,—замѣтилъ иронически офицеръ.—Почему же это у васъ звѣзда-то?

— Это, осмѣлюсь доложить, персидская, — отвѣтилъ въ концѣ растерявшійся Петръ Петровичъ.

Офицеръ приступилъ къ составленію протокола.

Черезъ день въ одной газетѣ было напечатано: «Спѣшимъ передать читателямъ нашей газеты распространившійся въ городѣ слухъ, за вѣрность котораго мы ручаемся. Вчера ночью, по Гороховой улицѣ, въ домѣ подъ № 00 открытъ вертепъ шулеровъ. Въ числѣ арестованныхъ находится одно лицо, состоящее (страшно сказать!) въ чинѣ тайнаго совѣтника. Неужели всякаго рода хищенія и неправда такъ глубоко въѣлись въ организмъ» и т. д.

Въ другой: «Инцидентъ, имѣвшій вчера мѣсто на Гороховой улицѣ, принадлежитъ къ безотраднымъ явленіямъ въ жизни большого города. Подробности завтра».

Въ третьей: «Вскорѣ мы будемъ имѣть счастье присутствовать на громкомъ процессѣ, при благосклонномъ въ немъ участіи одного тайнаго совѣтника, находящагося со вчерашняго дня въ распоряженіи г. прокурора. Собираемъ свѣдѣнія и сообщимъ ихъ читателямъ».

Четвертая разразилась такъ: «Кандалы сюда! Мы не можемъ безъ остервенѣнія слышать распространившагося позорнаго слуха... Приливъ желчи мѣшаетъ намъ въ настоящую минуту назвать по имени арестованнаго вчера интеллигентнаго разбойника... Сообщимъ завтра».

Каково же было ни въ чемъ неповинному Петру Петро-

вичу, сидя у Доминика, прочитывать эти строки, зная, что онѣ относятся къ нему. Въ карты онъ не игралъ, никого въ игру не завлекалъ, только плотно обѣдалъ, да коньяку выпилъ. Такъ и въ протоколѣ о немъ записано. А что назвался тайнымъ совѣтникомъ—такъ этого въ протоколѣ не записано. Обмолвился и сейчасъ же поправился: назвалъ настоящій свой чинъ. Бывшій въ понятыхъ грамотѣй-дворникъ былъ виновникомъ газетной тревоги. Въ прихожей камеры мирового судьи онъ разсказывалъ, что ихъ ночью «тревожили» на обыскъ, забрали картежниковъ, одного тайнаго совѣтника. Въ камерѣ былъ репортеръ одного листка, онъ подробно разспросилъ дворника, тотъ ему подробно навралъ, репортеръ...

«Дальше нечего разсказывать».

Какъ бы то ни было, но это происшествіе сильно подѣйствовало на Петра Петровича. Онъ сразу похудѣлъ и осунулся и вдругъ потерялъ разсудокъ.

— Соколовъ, если меня будетъ спрашивать сегодня министръ юстиціи, — сказалъ онъ своему вѣрному слугѣ по возвращеніи изъ камеры судебнаго слѣдователя, куда онъ вызывался въ качествѣ свидѣтеля: — такъ ты скажи ему, что я уѣхалъ въ Старый Іерусалимъ.

Черезъ нѣсколько дней его не стало. Тихо сложилъ онъ съ себя тяжелое бремя своей жизни. Квартирная хозяйка приняла участіе въ похоронахъ Петра Петровича, а Соколовъ заложилъ для этого случая свои серебряные часы.

— Тихій былъ старикъ, добрѣйшій, — сказалъ онъ хозяйкѣ. — Двадцать годовъ мы съ нимъ жили. Надо его справить, какъ должно.

ЕЩЕ ИЗЪ МОСКОВСКАГО ЗАХОЛУСТЬЯ.

I.

Комиссаръ.

> Не Богъ сотвори комиссара, по бѣсъ начерта его на песцѣ и вложи въ него душу злонравную, исполненну всякія скверны, во еже прицѣплятися и обирати всякую душу хрістіанскую.

Такъ начинается весьма рѣдкая раскольничья рукопись, озаглавленная такъ: «о нѣкоемъ комиссарѣ, како стяжалъ, и о купцѣ». Въ ней разсказывается, какъ помощникъ квартальнаго надзирателя (въ тридцатыхъ-сороковыхъ годахъ они назывались комиссарами) притѣснялъ купца и какія купецъ принималъ мѣры противъ своего гонителя. Комиссаръ въ то время былъ для захолустья персона важная, важнѣе квартальнаго надзирателя, районъ дѣйствій котораго была канцелярія, а комиссаръ представлялъ изъ себя наружную полицію, и обыватели находились въ полнѣйшей отъ него зависимости. Протоколовъ въ то время не было, а все рѣшалось на словахъ, по душѣ. Сгородилъ купецъ у себя на дворѣ, по собственному рисунку, какую-нибудь невообразимую нескладную постройку: теперь—протоколъ... отступленіе отъ строительнаго устава... Или начнетъ тотъ же купецъ выкачивать изъ своего погреба на улицу смрадную міазматическую жидкость и распуститъ зловоніе по всему захолустью: теперь—протоколъ... несоблюденіе санитарнаго устава... обязательное постановленіе и т. д. А прежде:

— Что это, Иванъ Семенычъ, ты... тово... — говоритъ

комиссаръ: — самъ увидитъ, не хорошо!.. И мнѣ за тебя достанется.

Четыре стертыхъ или такъ называвшихся «слѣпыхъ» полтинника въ руку и строительный уставъ обойденъ.

Или:

— Что это, Иванъ Семенычъ, ты весь кварталъ заразилъ...

— Мнѣ и самому, братъ, тошно, — отвѣчаетъ купецъ:— да что-жъ дѣлать-то! Три года не выкачивали. Капуста, Ермилъ Николаевичъ, дѣйствуетъ!.. Заходи ужо, милый человѣкъ... Портфеннцу по рюмочкѣ выпьемъ...

Санитарная часть обойдена.

Комиссаръ былъ на ногахъ чуть ли не всѣ двадцать четыре часа въ сутки...

То онъ подойдетъ къ будкѣ и свиснетъ по зубамъ задремавшаго старика-будочника (необыкновенный типъ представляли изъ себя будочники. Они выбирались изъ самыхъ неспособныхъ и безсильныхъ солдатъ. Мастеровой и фабричный народъ называлъ ихъ «кислой шерстью»), то околотитъ извозчика, приговаривая: «я давно до тебя, шельма, добираюсь!»

— Ваше благородіе, тамъ на Яузѣ мертвое тѣло къ нашему берегу подплыло. Пожалуйте. Хозяинъ къ вамъ послалъ... опасается. Мы было хотѣли его пониже, къ Устинскому мосту спустить, чтобы изъ нашего квартала... А хозяинъ говоритъ: бѣги къ Ермилу Николаевичу. Надо полагать, давно утопился, по той причинѣ — оченно уже распухъ...

Комиссаръ на мѣстѣ. Кричитъ, ругается, дерется, командуетъ...

— Давай багоръ! Тащи!..

— Я не полѣзу!

— Что-жъ, самъ я, что ли, долженъ лѣзть... Кто я?

— Мы знаемъ, что вы ваше благородіе, а только я ни въ какомъ случаѣ не полѣзу. Въ емъ теперича пудовъ двадцать есть, его и вытащить невозможно.

— Молчать! и т. д.

— Ермилъ Николаевичъ, хозяинъ приказалъ, какъ собственно завтрашняго числа у насъ поминки по Матренѣ Герасимовнѣ, такъ вотъ именно приказали доложить... Архимандритъ хоронить будетъ...

— Стало быть, обѣдъ рыбный будетъ...

— И рыбный и такой — обыкновенный.

— Буду.

И сидитъ комиссаръ на почетномъ мѣстѣ съ духовенствомъ, отдавая предпочтеніе свѣжей икрѣ передъ паюсной.

— У кого какой вкусъ! По мнѣ свѣжая икра несравненно лучше паюсной, — говоритъ онъ, забивая ротъ блиномъ, густо наслоеннымъ свѣжей икрой.

— И я того же мнѣнія, — соглашается съ нимъ отецъ протоіерей.

— Ермилъ Николаевичъ, не оставьте насъ своимъ посѣщеніемъ: дочку просватали. Завтра сговоръ.

— Всенепремѣнно!

И сидитъ комиссаръ на купеческомъ сговорѣ въ отдѣльной комнатѣ и дуется съ купцами въ трынку, принимая каждыя четверть часа по стакану лиссабонскаго.

«Предписываю вашему благородію съ полученіемъ сего немедленно произвести опись имущества и охранить оное, несостоятельнаго должника, московскаго третьей гильдіи купца» и т. д.

И ѣдетъ Ермилъ Николаевичъ съ писаремъ, понятыми и добросовѣстными свидѣтелями творить волю пославшаго...

— Шуба соболья!—выкрикиваетъ охранитель.

Писарь записалъ.

— Что ты, въ первый разъ, что ли, на описи-то?—говоритъ тихо Ермилъ Николаевичъ.

Писарь вытаращилъ глаза.

— Пиши: «мѣховая».

— Ложекъ серебряныхъ...

Писарь записалъ.

— Да металлическихъ!.. чортъ тебя возьми! Металлическихъ... Я такого дурака еще не видывалъ!..

Онъ былъ въ своемъ кварталѣ мировой судья.

— Иванъ Семеновъ, помирись ты съ этой анаѳемой. Вѣдь тебѣ же хуже будетъ, если она дѣло направитъ въ управу благочинія.

— Обидно, Ермилъ Николаевичъ, обидно мириться-то, вѣдь я по первой гильдіи.

— Ну, дай ты ей пятнадцать цѣлковыхъ...

— Ну, такъ и быть, получи! Только нельзя ли ее хошь дня на три въ часть посадить...

— Ужъ сдѣлаемъ, что можно.

— Позвольте узнать, въ какомъ положеніи мое дѣло?— спрашиваетъ, подходя къ столу, среднихъ лѣтъ женщина.

— Вы Анна Клюева? — скроивши важную мину, спра-

пиваетъ комиссаръ:—вдова сенатскаго копіиста? По происхожденію—дочь унтеръ-офицера карабинернаго полка.

— Да-съ.

— Тэкъ-съ! А вы давно кляузами изволите заниматься?

— Помилуйте, какія же это кляузы, когда онъ на паперти меня прибилъ...

— А свидѣтели у васъ есть? А докторъ васъ свидѣтельствовалъ?

— Помилуйте....

— Вы *пасъ*, матушка, помилуйте! И безъ васъ у насъ дѣла много. Вы женщина бѣдная, возьмите пять рублей и ступайте съ Богомъ. А то мы васъ сейчасъ должны будемъ отправить къ частному доктору для освидѣтельствованія нанесенныхъ вамъ побоевъ, тотъ раздѣвать васъ будетъ... Что хорошаго—вы дама.

Просительница начинаетъ всхлипывать.

— А какъ тотъ, съ своей стороны, — продолжаетъ спокойнымъ тономъ комиссаръ: — озлится, да приведетъ свидѣтелей, которые подъ присягой покажутъ, что его въ этотъ день не только въ церкви, а и въ Москвѣ не было, такъ васъ за облыжное-то показаніе...

— Помилуйте,—прерываетъ просительница.

— Позвольте, дайте мнѣ говорить... — останавливаетъ комиссаръ.—Вы не бывали на Ваганьковскомъ кладбищѣ?

— Мой мужъ тамъ схороненъ.

— Стало быть, мимо острога проѣзжали. Непріятно вѣдь вамъ будетъ въ острогѣ сидѣть.

— Я правду говорю! Неужели за правду...

— А тѣ святой крестъ и Евангеліе будутъ цѣловать, что вы неправду говорите! Полноте, возьмите пять рублей. Василій Ивановичъ, возьмите съ г-жи Клюевой подписку, что она дѣло прекращаетъ миромъ. Вамъ напишутъ, а вы подпишите.

— Извольте, я подпишу, только пяти рублей не возьму... Богъ съ нимъ!

— Ну, какъ хотите!

Онъ былъ въ своемъ кварталѣ и прокуроръ, только въ рѣдкихъ случаяхъ, это когда считалъ себя оскорбленнымъ кѣмъ-либо изъ купцовъ, обидѣвшихъ его «праздничными» или иными установленными обычаемъ денежными взносами. Тутъ онъ являлся во всемъ величіи своей власти: вызывалъ въ кварталъ дворниковъ, находилъ въ колодцахъ у обывателей утопленныхъ котятъ, отыскивалъ непропи-

санные паспорты; простой пьяный шумъ на фабрикѣ принималъ за буйство съ сопротивленіемъ властямъ; но по свиданіи съ обвиняемымъ обывателемъ, преслѣдованіе прекращалось «по недостатку улики».

Онъ былъ и судебнымъ слѣдователемъ.

«Во исполненіе приказанія вашего высокоблагородія,— доносилъ онъ,—я производилъ слѣдствіе съ прикомандированнымъ чиновникомъ (такимъ-то) объ ограбленіи купца (такого-то) въ Водосточномъ переулкѣ, при чемъ грабители, употребивъ насиліе, скрылись, оставивъ на мѣстѣ, по всему вѣроятію принадлежащій имъ ломъ и огарокъ стеариновой свѣчки. То и надо полагать, названные грабители изъ Москвы бѣжали, ибо нахожденіе ихъ въ Москвѣ, при опасности быть пойманными, при нашемъ совмѣстномъ заключеніи, невозможно. При чемъ, по долгу присяги, не могу не отнестись съ большою похвалою къ полицейскому служителю Гаврилову, трое сутокъ, несмотря на сырость и вѣтеръ, сидѣвшему на рѣкѣ Яузѣ подъ полуярославскимъ мостомъ, выслѣживая злодѣевъ».

Онъ былъ и защитникъ.

— Батюшка, ваше благородіе, защити ты меня, отецъ родной, — голоситъ, валяясь въ ногахъ у комиссара, старуха.—Все пропилъ...

— Кто пропилъ?— грозно вскрикиваетъ Ермилъ Николаевичъ.

— Сынъ, батюшка, родной сынъ... Защити ты меня...

— Это ты?— обращается комиссаръ къ молодому, щеголевато одѣтому мастеровому.

— Я,—отвѣчаетъ нахально мастеровой.

— Ты кто такой?

— Цеховой кислощейнаго цеха.

— То-то у тебя и рожа-то кислая!.. Ты знаешь Божью заповѣдь: «Чти отца твоего и матерь твою»?

Бацъ!

Цеховой летитъ въ стѣну.

— Ты знаешь, что твоя мать носила тебя въ своей утробѣ сорокъ недѣль?

— Зн...

Бацъ!

— Ваше благородіе.

— Ступай съ Богомъ! На первый разъ съ тебя довольно. Василій Ивановичъ, возьмите съ него подписку, что впредь онъ будетъ оказывать матери сыновнее почтеніе.

Дѣлъ, въ то блаженное время, требующихъ психическаго анализа, юридическихъ знаній, научной подготовки, не возникало. Всѣ дѣла были компетенціи комиссаровъ, квартальныхъ надзирателей, въ рѣдкихъ случаяхъ частныхъ приставовъ, а если дѣло восходило до оберъ-полиціймейстера и обращалось въ управу благочинія, то сейчасъ же переносилось обвиняемыми на консультацію къ Иверскимъ воротамъ, въ институтъ иверскихъ юристовъ, дѣльцовъ, изгнанныхъ изъ московскихъ палатъ, судовъ и приказовъ. Въ числѣ этихъ дѣльцовъ были всякіе секретари — и губернскіе, и коллежскіе, и проворовавшіеся повытчики и бывшіе комиссары и архиваріусъ, потерявшій въ пьяномъ видѣ ввѣренное ему на храненіе какое-то важное дѣло, и вѣдомые лжесвидѣтели, и честные люди, но отъ пьянства лишившіеся образа и подобія Божія. Собирались они въ Охотномъ ряду, въ трактирѣ, прозванномъ ими «Шумла»; ни дома этого, ни трактира теперь уже не существуетъ. Въ этомъ трактирѣ и вѣдалось ими и оберегалось всякое московскихъ людей воровство и поклепы, и волокита. Здѣсь они писали «со словъ просителя» просьбы, отзывы, дѣлали консультаціи; бѣгали расписываться «за неграмотностію просителя». И текла ихъ жизнь, полная лишеній, полная непробуднаго пьянства и угрызеній совѣсти, у кого она оставалась... Съ горечью взирали они на своего брата-дѣльца, подъѣзжавшаго къ сенату на своей лошади, привѣтствуемаго всей служившей братіей.

— Вотъ вѣдь по дѣлу Павла Матвѣича надо бы ужъ давно ему въ Сибири быть, а онъ въ коляскѣ...—замѣчаетъ одинъ изъ дѣльцовъ.

— Suum quique! Не завидуй! — успокоиваетъ его губернскій секретарь Никодимъ Кипарисовъ. — Всѣ сравняемся!

Безумцы станутъ съ мудрецами,
Съ ханжей столкнется изувѣръ.

— Эхъ, Петя! — сразилъ насъ съ тобой этотъ центифарисъ (центифарисомъ иверскіе юристы называли водку)! Не пей я—кѣмъ бы теперь я былъ? Можетъ быть, епископомъ, можетъ быть профессоромъ, можетъ быть гражданской палатой ворочалъ; а чѣмъ я кончилъ? — магистратомъ; да и то съ такимъ формуляромъ, что самому въ него смотрѣть стыдно!.. Epistola non erubescit, а я какъ, глядя на нее, краснѣю!.. Двѣ диссертаціи написалъ по-латыни, да какія! Преосвященный предъ всей семинаріей меня въ

примѣръ поставилъ. Кто, говоритъ, у васъ, отецъ ректоръ, писалъ диссертацію на тему: «Mens agitat molem». Никодимъ Кипарисовъ, сынъ заштатнаго дьячка. Велѣлъ мнѣ изъ-за парты выйти и преподалъ благословеніе. Діогенъ въ бочкѣ не переносилъ такихъ лишеній, какія переношу я... У тебя хоть зимняя оболочка есть, а я съ ужасомъ ожидаю пришествія борея: не въ чемъ будетъ на улицу выйти. А никому я не завидую!.. Самъ себѣ такую дорогу проложилъ. Вѣдь, мнѣ придетъ время, «грядетъ часъ и нынѣ есть»—полетимъ мы всѣ внизъ, какъ съ Тарпейской скалы, и «пронесутъ имя наше яко зло». Готовься къ этому и мужайся. Дальше идти нельзя! Другіе къ намъ на смѣну придутъ...

— А другіе-то лучше, что ли, насъ будутъ?—возразилъ дѣлецъ.

— Не знаю! «Темна вода во облацѣхъ воздушныхъ». Но намъ конецъ! Не токмо сенатъ, но и уѣздный земскій судъ затворитъ намъ свои двери. Кромѣ образовательнаго—нравственный цензъ потребуется... Ну!

— Ну?

— Ну и умри!.....

«Правда и милость да царствуетъ въ судахъ!» раздалось съ высоты трона.

Оцѣпенѣли иверскіе юристы.

— «Да сбудется реченное», — воскликнулъ Никодимъ Кипарисовъ.

— Однако! — произнесъ со вздохомъ квартальный надзиратель.

— Теперь ступай къ мировому, а не ко мнѣ, мы больше не годимся, — иронически говорилъ комиссаръ просительницѣ.

— Самъ, батюшка, насъ разсуди! Зачѣмъ я полѣзу къ мировому... Еще кто онъ такой...

— Молодой... Съ золотой цѣпью на шеѣ сидитъ... Хе-хе-хе... да повѣреннаго возьми. Деньги-то есть, что ли?

— Какія у насъ, батюшка, деньги?

— Ну, ужъ это твое дѣло... Теперь тамъ на лѣстницѣ повѣренные стоятъ. Да ты не бойся: не отъ иверскихъ,— теперь ужъ нѣтъ—теперь все новые, хе-хе-хе!

— Кипарисычъ, — говоритъ молодой купецъ иверскому юристу, прозябшему до костей у воротъ московскаго трактира:—говорятъ, вашему брату послѣдній конецъ пришелъ.

— Вѣрно, господинъ коммерсантъ.

— Что-жъ, вѣдь замерзнешь безъ дѣла-то.

— По теоріи вѣроятностей долженъ замерзнуть.

— Ты бы къ чему-нибудь пристроился. Говорятъ, еще на Хитровомъ рынкѣ вашимъ братомъ не гнушаются.

— Что-жъ ты смѣешься надо мной? Твой отецъ не только мной не гнушался, а когда его въ яму тащили — въ ногахъ у меня валялся. Выручи! Эхъ, ты! Можетъ быть ты мнѣ обязанъ, что капиталъ у тебя есть. Погоди, вспомнишь и насъ! Мы самимъ Богомъ были устроены для вашего купеческаго нрава, а съ новыми вамъ придется побарахтаться. Dixi!

— Это насчетъ чего?

— А насчетъ того, что ты немилосердный человѣкъ, смѣешься надъ умирающимъ.

И комиссары московскіе перемерли, и Кипарисычи, и всѣ члены иверской консультаціи отошли въ вѣчность, но на почвѣ, которую они воздѣлывали и удобряли, и на которой въ былыя времена произрастало «крапивное сѣмя»— прозябло новое растеніе, не значившееся прежде въ юридической ботаникѣ и названное, при своемъ появленіи, «аблокатомъ». Аблокатъ не имѣетъ ничего общаго съ людьми, акредитованными судомъ и съ институтомъ присяжныхъ повѣренныхъ. Онъ торгуетъ безъ патента. Между ними есть незрѣлые шантажисты, дѣянія которыхъ не предусмотрѣны закономъ, но дѣянія эти заставили бы содрогнуться иверскаго юриста. Объ этихъ общественныхъ дѣятеляхъ еще будетъ мое слово.

—

II.

Широкія натуры.

Немилосердный коммерсантъ, смѣявшійся надъ умирающимъ иверскимъ юристомъ Никодимомъ Кипарисовымъ, принадлежалъ къ широкимъ купеческимъ натурамъ.

То время было время широкихъ натуръ, почти уже не существующаго теперь типа загульныхъ людей. Широкая натура проявлялась тогда и въ образѣ промотавшагося интеллигента, прислонившагося къ загульному купцу въ качествѣ «дикаго барина», съ обязанностію откупоривать бутылки, играть на гитарѣ, и «выкидывать колѣна» и т. п., и въ образѣ художника, которому уже перестала повиноваться кисть, и въ образѣ высокодаровитаго артиста, про-

небрегавшаго преклоненіемъ предъ его талантомъ народной массы, и даже въ образѣ басистаго дьякона. Широкую натуру въ Москвѣ уважали, она даже не теряла уваженія и тогда, когда, растративши матеріальныя, нравственныя и физическія силы, насидѣвшись въ ямѣ и навалявшись въ больницѣ, становилась съ нищими на паперти церковной.

— Ивана Семенова давеча видѣлъ: у Василья Блаженнаго на паперти стоитъ,—говоритъ купецъ сосѣду своему по лавкѣ.

— Хорошъ?

— Весь распухъ, словно стеклянный сталъ, а духу своего не теряетъ. Увидѣлъ меня, словно бы маленько улыбнулся и сейчасъ опять въ сурьезъ вошелъ. Мигнулъ я ему, дескать приходи... Не знаю, попялъ ли.

— Значитъ, гордости своей съ себя не снимаетъ...

— Съ отвагой стоитъ!.. Ужъ и тузъ же былъ!..

— Богатырь!

Всякія безобразія и буйства, несмотря на строгіе въ то время порядки, проходили широкимъ натурамъ даромъ. Развѣ какое-нибудь исключительное проявленіе дикаго нрава вызывало протестъ со стороны графа Закревскаго, да и то кончалось большею частію только отеческимъ внушеніемъ.

— Ты опять! — встрѣчаетъ строгій графъ широкую натуру,—именитаго купца.

— Виноватъ, ваше сіятельство!.

— Пора исправиться. Ты дурной примѣръ подаешь своимъ дѣтямъ.

Молчаніе.

— Ты ужъ сѣдой!

— По родителю, ваше сіятельство: покойный родитель рано посѣдѣлъ.

— Ступай! Но чтобъ больше этого не было!.. Стыдно! Ты знаешь, я не посмотрю, что ты...

Послѣдняя фраза имѣла большое значеніе. Въ Москвѣ тогда убѣждены были, что графъ Закревскій имѣетъ какіе-то особенные бланки, по которымъ онъ можетъ ссылать въ Сибирь, постригать въ монастырь и т. п.

Приходитъ широкая натура послѣ генералъ-губернаторскаго внушенія въ клубъ.

— Ну, что?—спрашиваютъ.

— Ничего, разговоръ былъ самый обыкновенный... Про

матушку спрашивалъ—церковь вѣдь она теперича строитъ... Ну, а послѣ про это дѣло... Мало ли что, говорю, ваше сіятельство, въ своемъ саду дѣлается... Ну, ничего, благородно обошелся... Мнѣ вотъ только дьякона жалко. Къ Николѣ на Перерву его на исправленіе послали.

— А дьякона-то за что?

— Да вотъ изволите видѣть: собрались мы у Назара Ивановича въ саду. Ну, шумъ былъ... Что за важность! Ну, дьяконъ намъ всѣмъ по очереди многолѣтіе сказывалъ.

— Насколько я знаю,—вмѣшивается чиновникъ какой-то палаты:—онъ произносилъ многолѣтіе не такъ, какъ слѣдуетъ.

— Обыкновенно какъ—кричалъ многая лѣта, а мы пѣли пьяные.

— Да, все это хорошо! Благоденственное и мирное житіе—это бы еще ничего; а зачѣмъ онъ говорилъ: «на враги же побѣды и одолѣніе коммерціи совѣтнику»... Это весьма важно! Это вѣдь знаете...

— Да вѣдь вашъ братъ какъ пойдетъ привязываться...

— Да это не у насъ, это въ консисторіи.

— Ну, я тамъ не знаю гдѣ, а только очень жалко! Этакого, можно сказать, удивительнаго баса и нашего друга... Ну, конечно, мы на Перерву-то къ нему ѣздимъ, горевать тамъ ему не дадимъ.

Большая часть притоновъ, гдѣ собирались по вечерамъ широкія натуры, теперь уже не существуетъ; память о нихъ сохраняется только въ устномъ преданіи. То были: трактиръ у Каменнаго моста «Волчья долина», трактиръ Глазова на окраинѣ Москвы, въ Грузинахъ, кофейная «справомъ входа для дворянъ и купцовъ», въ Сокольникахъ, трактиръ въ Марьиной рощѣ и разные ренсковые погреба. Въ этихъ притонахъ, широкая натура пила «Лиссабонъ», приводившій человѣка въ неистовство, пила шампанское, приготовлявшееся въ г. Кашинѣ, одной бутылки котораго достаточно было для того, чтобы привести человѣка въ остервенѣніе, била половыхъ, била маркеровъ, била посуду и зеркала, цѣловалась съ арфистками, становилась на колѣни передъ цыганками и щедро оплачивала зорко слѣдившаго за нарушеніемъ общественной тишины и спокойствія квартальнаго надзирателя.

Бывали и такія широкія натуры, которыя, какъ говорится, смѣшивали грѣхъ со спасеніемъ.

— Заходи завтра, Иванъ Левонтьичъ.

— Нѣтъ, три дня чертили, отдохнуть надо.

— Да завтра ничего такого не будетъ. Весь хоръ прокофьевскихъ пѣвчихъ только... попоютъ... а чертить не будемъ. Признаться сказать, матушка косится начинаетъ, въ Воронежъ на богомолье хочетъ ѣхать. На годъ, говоритъ, отъ васъ уѣду.

И вотъ собираются вечеромъ широкія натуры и садятся чинно въ залѣ. Налѣво въ углу въ золоченыхъ кіотахъ «Божье милосердіе», направо столъ, уставленный закусками и разной цвѣтной и безцвѣтной жидкостью акцизно-откупного комиссіонерства. Выходитъ «сама», внушительной полноты женщина, съ заплывшими глазами и тройнымъ подбородкомъ, а за ней «матушка», худая, высокая старуха въ темномъ платьѣ и черномъ платкѣ, говоритъ на о.

— Ѳекла Семеновна, матушка... — вскакиваетъ Иванъ Левонтьичъ.

— И ты, грѣшникъ, здѣсь?—полусерьезно относится къ нему старуха:—ну, тѣ молодые ребята, ихъ и палкой можно, а ты ужъ...

— Матушка, Ѳекла Семеновна, одинъ разъ живемъ!.. Помремъ — все останется... Вѣдь не въ лаптяхъ ходимъ, голубушка, есть на что...

— Крутятся, крутятся... и лба-то перекрестить некогда. И домой-то васъ одна заря вгонитъ, другая выгонитъ. А ты что про лапти говоришь: я сама въ лаптяхъ хаживала. Ты лапти не кори...

— Я не къ тому.

— То-то—не къ тому! Покойникъ сертукъ-атъ надѣлъ, когда весь свой полный капиталъ скопировалъ, да и то, бывало, говоритъ: неловко, Семеновна, давай опять поддевку надѣну, поддевка-то, говоритъ, насъ съ тобой выкормила. Внучки-то вотъ тоже мои куцки себѣ понашили, дѣвки же говорить съ ними стыдятся, словно бы, говорятъ, облупленныя сидятъ и приступиться-то къ нимъ стыдно.

— Матушка, пожалуйте садиться,—прерываетъ сынъ:—сейчасъ весь составъ идетъ... Басы ужъ готовы—закусили въ саду.

И хоръ, или весь составъ прокофьевскихъ пѣвчихъ, входитъ, имѣя во главѣ своего хозяина и регента, ямщика Прокофьева. Хоръ этотъ гремѣлъ по Москвѣ; безъ него не обходился ни одинъ храмовой праздникъ, ни одна купеческая свадьба. Онъ былъ многочисленный, содержалъ его страстный любитель пѣнія, купецъ Прокофьевъ, по

профессіи ямщикъ, содержатель лошадей и тарантасовъ. Спавшій съ голоса или отставленный по какимъ-либо причинамъ синодальный или чудовскій пѣвчій, любители пѣнія—чиновники, мѣщане и всякаго званія люди въ хору были. Былъ даже одинъ пѣвчій безграмотный, и становился на клиросѣ, чтобы, какъ говорили, «пущать октаву». И октава была у него необыкновенная. Басы въ Москвѣ, въ то время, да и теперь, цѣнились дорого. Свадьба не въ свадьбу, если апостолъ будетъ прочитанъ теноромъ. Жалко, что перомъ нельзя передать тѣхъ звуковъ, которые вылетали изъ груди прокофьевскихъ басовъ.

— Ты ужъ, Николай Иванычъ, къ завтрашнему дню «приготовься», — упрашивалъ старшій приказчикъ одного купца, на вѣнчаніи дочери котораго долженствовалъ читать апостолъ Николай Иванычъ:—то возьми во вниманіе: одна дочь, опять же и родство большое.

— Ужъ сдѣлаю, успокоивалъ его Николай Иванычъ: сегодня у меня, у Троицы въ Вешнякахъ парамеи за всенощной; ну, да я какъ-нибудь проворчу полегонечку, а у васъ завтра пущу во всю...

— Голубчикъ, грохни!

— У Егорья на Вспольѣ на прошлой недѣлѣ вѣнчали, худенькая такая невѣста, на половинѣ апостола сморщилась, а какъ хватилъ я «жену свою сице да любитъ», такъ она такъ на шафера и облокотилась...

— Нѣтъ, наша выдержитъ! Наша даже до пушекъ охотница... Вотъ когда въ царскій день палятъ... А ужъ ты дѣйствуй во всю, сколько тебѣ Господь Богъ голосу послалъ.

— Съ вечера-то я сегодня, можетъ, согрѣшу, а завтра утромъ «оттяну», оно и будетъ такъ точно.

За человѣка становилось страшно, когда «оттянувшій» по утру басъ, вечеромъ забирался въ верхніе слои своихъ голосовыхъ средствъ. Глаза его наливались кровью, грудь выступала впередъ, подымались плечи... Ужасно!

Пѣвчіе размѣстились по порядку: басы назади, тенора на правомъ крылѣ, альты на лѣвомъ, дисканты впереди. Прокофьевъ, сѣдой, почтенный, строгой наружности старикъ, вынулъ камертонъ, куснулъ его зубами, подставилъ къ уху... еще разъ... погладилъ по головѣ гладко выстриженнаго маленькаго мальчика дисканта, нагнулся къ его уху и промычалъ ему нотку, потомъ оборотился къ басамъ...—соль-си-ре... си... потомъ громогласно сказалъ:

«Покаянія отверзи ми двери». Хоръ шевельнулъ нотами и запѣлъ очень стройно. Изрѣдка слышалось только дребезжаніе старческаго голоса самого регента, но оно тотчасъ же покрывалось басами. Кончили. Басы откашлялись, тенора поправили волосы, альты завертѣли нотами, регентъ закусилъ камертонъ, опять послышалось — ля-до-ми... и торжественный концертъ Бортнянскаго «Кто взыдетъ на гору Господню» огласилъ не только залу, но и улицу, и близлежащіе переулки. Мальчишки съ улицы прислонились къ окнамъ и приплюснули къ стекламъ свои носы. Сильно подѣйствовала на душу матушки пропѣтая пѣснь. Она обтерла рукой увлажившіеся слезами глаза и посмотрѣла на сына. Сынъ глубоко вздохнулъ и, покачавъ головою, сказалъ: да!

Иванъ Левонтьичъ взялъ у регента камертонъ, повертѣлъ его въ рукахъ и отнесся къ матушкѣ:

— Ѳекла Семеновна, вотъ рогулька, ничего не стоющая, а безъ нея никакъ невозможно.

— У всякаго дѣла свой струментъ есть,—замѣтила старуха.

Насладившись пѣніемъ, хозяинъ пригласилъ пѣвчихъ къ столу. Одинъ басъ закусилъ икрой, другой—мятнымъ пряникомъ, говоря, что «это очищаетъ», третій ничѣмъ не закусывалъ, говоря, что послѣ закуски вторую рюмку пить непріятно, «октава» привелъ всѣхъ въ изумленіе—ничего не пилъ, несмотря на всѣ увѣщанія.

— Это даже удивительно, — замѣтилъ Иванъ Левонтьичъ:—такой видный человѣкъ и не пьетъ!

— Прежде былъ подверженъ,—объяснила ему октава:—въ больницѣ разъ со второго этажа въ окошко выбросился. Докторъ больше не приказалъ.

Тенора выпили «легонькаго», т. е. портвейну и хересу; мальчикамъ были бабушкой отпущены моченыя яблоки.

Послѣ угощенія хоръ разбрелся: кто пѣть всенощную на храмовомъ праздникѣ, кто пѣть на свадьбѣ. Самъ Прокофьевъ остался съ широкими натурами и, вручивши свой камертонъ своему помощнику, сказалъ: «Не потеряй! Сорокъ лѣтъ я имъ орудую! Да скажи тамъ: завтра въ мѣдномъ ряду молебенъ... «Царю» и «Воспойте». Чтобы утромъ пораньше спѣвались. Я самъ буду. Къ Троицѣ Сыоромятники къ «Взбранной воеводѣ» тоже приду».

Начался разговоръ о соборныхъ дьякопахъ, о пѣвчихъ,

о томъ, что пѣвчимъ быть трудно и т. п. Наконецъ хозяинъ обратился къ гостямъ съ предложеніемъ:

— А что, господа, не на воздухъ ли намъ перейти?

Рѣшили, что на воздухъ лучше, и перешли. Тамъ ихъ ожидало новое удовольствіе. Ихъ встрѣчалъ пѣвецъ, отлично исполнявшій русскія пѣсни и романсы.

И пошло!..

Заложу я тройку борзыхъ
Сѣро-пѣгихъ лошадей
И помчусь я въ ночь морозну
Прямо къ Любушкѣ своей...

Золотое тогда время было для широкихъ натуръ, но и ему приближался конецъ.

«Правда и милость да царствуетъ въ судахъ!».

И вмѣсто квартальнаго и комиссара, съ которыми, совершивъ всякую «неправду», можно было «сдѣлаться»,— является умягчающій поврежденные нравы мировой судья; вмѣсто отеческаго внушенія генералъ-губернатора, распахнулись для широкихъ натуръ двери знаменитыхъ «Титовъ». Дрогнули широкія натуры, когда, на первыхъ порахъ, одну изъ нихъ, не взирая на ея общественное положеніе и почти неприкосновенность, за содѣянное ею въ трактирѣ буйство, мировой судья пригласилъ на новоселье въ «Титы».

— Ужъ теперь дѣло видимое, что прежніе порядки отошли,—заключили въ захолустьѣ.

— Ужъ если этакой тузъ не отвертѣлся, значитъ никакъ невозможно.

— Tempora mutantur,—со вздохомъ произнесъ Никодимъ Кипарисовъ, выходя изъ камеры мирового судьи.

— Ничего! Можно сказать, даже превосходнѣе,—замѣтилъ одинъ обыватель захолустья:—по крайней мѣрѣ теперича знаешь, что драться невозможно.

— А прежде не зналъ?

— Зналъ, да никакой тебѣ оставки въ этомъ не было, никто не препятствовалъ...

Очень скоро примѣнилось захолустье къ новымъ порядкамъ и сознало, что существовать стало легче. Комиссаръ потерялъ свой престижъ и не имѣлъ уже прежняго значенія въ купеческихъ домахъ, ни на похоронахъ, ни на свадьбѣ. Ужъ его не подводилъ хозяинъ подъ-руку къ закускѣ, съ упрашиваніемъ выкушать на доброе здоровье, а предлагалъ ему просто, мимоходомъ: «Ермилъ Николаевичъ,

ты бы водки выпилъ. Настойка тамъ есть...» Праздничныя его вниманія тоже умалились. Давали обыватели по старой привычкѣ, но уже не въ прежнихъ размѣрахъ и съ видимымъ неудовольствіемъ. А одинъ купецъ сталъ даже надъ нимъ подтрунивать:

— Однако, у тебя, Ермилъ Николаевичъ, пузо-то подсыхать стало... при новыхъ-то порядкахъ... Какой ты прежде пузатый былъ—на удивленіе, а теперь ишь какъ тебя подвело...

— Да!—съ горькимъ вздохомъ произносилъ комиссаръ:—не нужны мы стали!..

— Ну, какъ вы съ вашимъ мировымъ?—скроивши саркастическую улыбку, спрашиваетъ частный приставъ обывателя.

— Во все вникаетъ,—отвѣчаетъ обыватель.

— Вникаетъ? Ха, ха, ха... Вникаетъ! Это хорошо! Не получая ни отъ кого ни приказаній, ни предписаній, не рыская цѣлый день то съ рапортомъ на Тверской бульваръ, то на пожаръ, то въ нарядъ на гулянье—можно вникать.

— Очень вникаетъ! Намедни на фабрикѣ у нѣмца одному шпульнику руку шестерней оторвало—заплатить велѣлъ. Оно вѣдь, пожалуй, и справедливо. Опять же носовскіе фабричные на пищу жаловались. Самъ пріѣхалъ и сейчасъ: «стыдно, говоритъ, вамъ! Вы почетный гражданинъ, а фабричныхъ вашихъ хуже собакъ кормите». Тотъ было нравъ свой распустилъ: «по какому праву? Я, говоритъ, ихъ три тысячи продовольствую...» Но между прочимъ, говорятъ, въ Титахъ сидѣть будетъ. Ужъ трехъ аблокатовъ приспособилъ...

— Такъ значитъ вы довольны.

— Коли и впередъ такъ дѣла пойдутъ—довольны.

— Ну, и слава Богу, коли довольны,—окончилъ иронически частный приставъ.

Впрочемъ, новые порядки неблагопріятно подѣйствовали на стариковъ и на среднее поколѣніе. Старикамъ не нравилось, что они уже больше не могли распоряжаться своимъ необузданнымъ характеромъ во всю мѣру, что въ лицѣ мирового въ примѣненіи этого характера они встрѣчали препоны; среднему поколѣнію казалось ужъ стыдно за какіе-нибудь пустяки, за трепку, напримѣръ, полового или маркера въ Волчьей долинѣ предстать предъ лицомъ нелицепріятнаго судьи. Молодое поколѣніе, въ которомъ еще не проявилась «тятенькина натура», осталось равнодушно. Да

оно не было еще испорчено. Оно еще не вкусило сладости Волчьей долины, ренсковыхъ погребовъ и пріютъ Соболева переулка. Цѣломудріе его не было растлѣно общеніемъ съ арфистками и торбанистами. Предъ нимъ предстояло высшее эстетическое наслажденіе. И оно не замедлило явиться. Съ обнаженными чреслами показалась на сценѣ «La belle Hélène». Не только молодое и среднее поколѣнія, встрепенулись и старцы.

— Очень хорошо!

Старики созерцали женщинъ въ такомъ видѣ, но только въ Кунавинѣ и то за большія деньги, и при закрытыхъ дверяхъ, а тутъ на сценѣ, и всего за полтора рубля.

— Превосходно!

И охватила оперетка все мое любезное отечество «даже до послѣднихъ земли». Гдѣ не было театровъ, она располагалась въ сараяхъ, строила наспѣхъ деревянные павильоны, эстрады въ садахъ и т. п. Появились опереточные антрепренеры изъ актеровъ, изъ проживщихся помѣщиковъ, былъ одинъ отставной унтеръ-офицеръ, одинъ лакей, три жида и т. п.

И на голосъ ласковой пери
Шелъ воинъ, купецъ и пастухъ.

Бросились въ ея объятія достойныя лучшей участи дѣвушки, повыскакивали со школьной скамьи недоучившіеся молодые люди, актеры всѣхъ столичныхъ и провинціальныхъ театровъ были «поверстаны» въ опереточные пѣвцы, даже слава и гордость русскаго театра, П. М. Садовскій, уступая не духу времени, а требованію начальства, долженъ былъ напялить на себя дурацкій костюмъ аркадскаго принца.

Драма посторонилась.

На помощь оперетклѣ появился вдругъ куплетъ. Въ одинъ прекрасный вечеръ онъ выскочилъ на сцену въ черномъ фракѣ и запѣлъ:

Денегъ въ Россіи нѣтъ—смѣло
Каждый готовъ произнесть.
Нѣтъ у насъ денегъ на дѣло—
На безобразіе есть!

— Браво!—закричали поврежденные нравы и задумались.

— А вѣдь правда, заговорили; на безобразіе у насъ сколько угодно!..

Ходятъ больные, какъ трупы,
Просятъ голодные ѣсть;
Нѣтъ у насъ денегъ...

— Правда! Чудесно! — закричалъ Назаръ Ивановичъ, поглядывая на Ивана Назарыча:—расчесывай, расчесывай хорошенько!

И сталъ куплетъ расчесывать поврежденные нравы. И распространился тоже по всему лицу земли русской и засѣлъ не только въ театрѣ, но и въ клубахъ, и въ трактирахъ, даже на открытомъ воздухѣ. И полетѣлъ со своего пьедестала торбанистъ, услаждавшій отцовъ и дѣдовъ захолустныхъ обывателей и въ Ирбитѣ, и въ Нижнемъ, и въ Волчьей долинѣ, и во всѣхъ веселыхъ притонахъ государства россійскаго. Почтительно отошелъ въ сторону и далъ дорогу куплету веселый водевиль, много лѣтъ царившій на сценѣ.

БѢЛАЯ ЗАЛА.

Въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ текущаго столѣтія, сборнымъ пунктомъ пріѣзжавшихъ въ Москву провинціальныхъ актеровъ была такъ называвшаяся Бѣлая зала, въ гостиницѣ купца Барсова, на площади Большого театра. Собирались въ ней актеры обыкновенно въ теченіе Великаго поста, получали здѣсь ангажементы и расходились до слѣдующаго поста по всему лицу россійскаго государства. Рѣдкій актеръ того времени, вступая на сцену, не переступалъ порога Бѣлой залы.

Вотъ что мы помнимъ, что мы видѣли въ этой Бѣлой залѣ.

На послѣднихъ дняхъ первой недѣли Великаго поста, входитъ въ залу солидный, высокій мужчина, лѣтъ шестидесяти, въ черномъ, наглухо застегнутомъ сюртукѣ. Это «благородный отецъ» изъ Ярославля.

Половой Гаврила, страстный любитель театра и преданнѣйшій слуга всѣхъ актеровъ, съ особенною радостію встрѣчаетъ пріѣзжаго гостя.

— Давно изволили пожаловать въ нашу столицу?

— Вчера, братецъ, утромъ. Былъ у Иверской. А сегодня къ своему угоднику и покровителю зашелъ. Обласкалъ, заплакалъ.

— Кто же это, Тимоѳей Николаевичъ?

— Михаилъ Семеновичъ *)... Кто же еще?

— Ахъ, а я и не домекнулъ... По зимѣ какъ-то уху у насъ кушали, съ какимъ-то профессоромъ. Чудесный старикъ... добрый, обходительный... Я, говоритъ, самъ крѣпостной былъ... понимаю ваше положеніе.

*) Щепкинъ.

— Послѣ Павла Степановича *) два угодника у насъ осталось: Михаилъ Семеновичъ, да Провъ Михайловичъ **). И къ нему сейчасъ заходилъ: прилегъ, говорятъ, послѣ обѣда, отдыхаетъ. А у Сергѣя Васильевича ***) вчера былъ: сидитъ, на гитарѣ играетъ. Всѣхъ обошелъ... Живокини велѣлъ сегодня въ купеческій клубъ приходить.

— А гдѣ изволили остановиться?

— Въ Челышахъ, братецъ, гдѣ же больше-то...

— На что лучше, самое центральное мѣсто.

«Челышевскіе номера», на площади Большого театра, были обыкновеннымъ пристанищемъ заѣзжихъ въ Москву провинціальныхъ артистовъ. Удушливый, спертый воздухъ, полный микробовъ, видимыхъ невооруженнымъ глазомъ, отсутствіе какихъ-либо удобствъ, грязные неосвѣщенные коридоры, оборванная прислуга — составляли спеціальность этого актерскаго пріюта.

— А что, ужъ подъѣзжаютъ наши? Слетъ еще не начинался?

— Не предвидится, вы первые. Чѣмъ прикажете просить?

— А дай мнѣ, по обыкновенію, графинчикъ добраго, русскаго, бѣлаго, простого, очищеннаго вина, да пирогъ въ гривенникъ.

— Слушаю-съ.

Вотъ вошли еще два артиста — одинъ въ клѣтчатомъ, коротенькомъ пиджакѣ, въ красномъ галстукѣ; другой—въ полуфракѣ, съ гладкими свѣтлыми пуговицами, съ тщательно завитыми волосами. Первый—комикъ изъ Тулы, второй—первый любовникъ изъ Курска. Комикъ началъ съ водки, любовникъ сѣлъ на коньякъ.

На третьей недѣлѣ Бѣлая зала была ужъ полна пріѣзжими провинціальными сценическими дѣятелями. Съѣхались и антрепренеры: Борисъ Климычъ изъ Орла, Смальковъ изъ Нижняго, Васька Смирновъ изъ Ярославля, Григорьевъ изъ Тамбова, Херувимовъ изъ Екатеринбурга, Червончикъ изъ Тулы, директоръ симбирскаго театра — баринъ, прожившій солидное состояніе на любви къ театру. Звѣревъ изъ Севастополя и многіе другіе. Съѣхались они въ Москву обновлять свои труппы, заказывать костюмы, парики и т. п. Знаменитые того времени актеры всѣ на лицо: Милославскій изъ Казани, Рыбаковъ изъ Харькова, Челп-

*) Мочаловъ.
**) Садовскій.
***) Васильевъ.

кинъ изъ Тамбова, Медынцевъ изъ Вологды, Яковлевъ изъ Ростова-на-Дону, Кириллъ Ермаковъ и др. Юркіе комики перебѣгаютъ отъ стола къ столу, любовники ведутъ бесѣду о московскихъ портныхъ, благородные отцы, по своему солидному положенію въ репертуарѣ, состоятъ при трагикахъ.

Вотъ одинъ комикъ, сидѣвшій за отдѣльнымъ столомъ съ директоромъ симбирскаго театра, вдругъ просіялъ—это онъ получилъ ангажементъ, или, на театральномъ жаргонѣ, «кончилъ». (Получить ангажементъ значитъ—«кончить». Я кончилъ въ Казань, я кончилъ въ Рыбинскъ и т. п.).

— Въ Симбирскъ? — спрашиваетъ его одинъ изъ товарищей.

— Въ Симбирскъ.

— Городъ хорошій. Я тамъ два сезона игралъ.

— Главное—дворянскій, — поддакиваетъ комикъ. — Настрадался ужъ я въ Ярославлѣ-то у Васьки Смирнова. Ты знаешь, онъ меня, съ моимъ-то ростомъ, заставилъ разъ Ляпунова играть.

— Что же, игралъ?

— Нѣтъ, жандармскій полковникъ заступился. Я, говоритъ, не позволю тебѣ безобразничать. А Юстиніана въ «Велизаріи» игралъ и, вмѣсто сандалій, резиновыя калоши надѣвалъ. То есть такой срамъ былъ — смерть! А ты посмотри, что это за антрепренеръ — баринъ, въ Шевалдышевой гостинницѣ остановился.

— А сколько?

— Семьдесятъ пять, два полубенефиса, парики его, двѣ пары лаковыхъ сапогъ, шляпа...

— Чего-жъ тебѣ еще!

— Ахъ, какъ я доволенъ! Гаврила, давай рябиновки. Губернаторъ, говорятъ, отличный человѣкъ; губернаторша почти изъ театра не выходитъ; откупщикъ тоже баринъ, на благородныхъ спектакляхъ Фамусова играетъ, за бенефисъ двадцать пять даетъ!.. То есть, какъ я доволенъ!..

Трагикъ Хрисанфъ пререкается съ однимъ изъ антрепренеровъ.

— Ну, какой ты антрепренеръ? Что ты понимаешь въ великомъ искусствѣ? Ты буфетъ въ театрѣ держалъ! Ну, что ты смыслишь?

Орловскій антрепренеръ въ тоскѣ: онъ не можетъ подыскать актера, который бы сыгралъ Любима Торцова въ комедіи «Бѣдность не порокъ», только что въ то время появившейся въ репертуарѣ.

— Въ Коренной ярманкѣ купецъ собирается со всего свѣта, пьеса нравоучительная, купеческіе пороки выведены въ совершенствѣ... Хоть самъ играй!..

Ввязывается Смальковъ.

— Я въ Нижнемъ ставилъ. Некрасовъ игралъ чудесно!

— Какой же онъ Любимъ Торцовъ? Онъ маленькій, его отъ земли не видать!

— Толщину надѣвалъ... Отлично игралъ.

— Я тоже въ Рыбинскѣ ставилъ,—вмѣшивается Смирновъ.

— Это у себя въ курятникѣ-то?—возражаетъ Хрисанфъ:— Ты бы молчалъ лучше. Знаешь ли ты, что играть Любима Торцова...

— Что же въ немъ особеннаго? Обыкновенный пьяный купецъ...

— Особеннаго? Я съ тобой и разговаривать не хочу! Да я съ тебя полтораста Ляпуновыхъ за этого пьянаго купца не возьму. Вѣдь эту роль долженъ трагикъ играть, а онъ мальчишку нарядилъ. Понятіе!

— У насъ на югѣ эту пьесу не поймутъ, у насъ въ ходу больше помпезныя пьесы,—вступаетъ въ разговоръ содержатель севастопольскаго театра.

— Подите вы съ своимъ югомъ-то! У васъ Гамлетъ, въ сценѣ съ матерью, съ папироской вышелъ!

— Ну, что-жъ—пьяный былъ,—заступается содержатель.

— А король Лиръ звѣзды съ кавалерійскаго вальтрапа на себя надѣваетъ, тоже пьяный? Играйте вы тамъ своихъ «Багдадскихъ пирожниковъ», «Принцевъ съ хохломъ, горбомъ и бѣльмомъ»... Настоящій репертуаръ вамъ не по плечу. Да и многихъ онъ врасплохъ засталъ. Теперь не то! Теперь «Шире дорогу—Любимъ Торцовъ идетъ!» Налей мнѣ, Петръ Михайловичъ, рябиновки. Разозлилъ онъ меня! Вотъ ты,—обращаясь къ молодому актеру,—первогодочекъ, только-что начинаешь нашу скитальческую жизнь, вотъ ты и знай, у кого ты будешь въ лапахъ. Они всѣ здѣсь, эти губители талантовъ. Закались заранѣе. Да что у тебя: страсть къ театру, или тебѣ жрать нечего?

— Страсть, Хрисанфъ Николаевичъ.

— Ну, коли страсть—выдержишь; а если изъ-за куска хлѣба идешь—пропадешь. Кончилъ куда-нибудь?

— Въ Иркутскъ.

— Бывалъ тамъ. Ты, какъ пріѣдешь, сходи къ соборному протодьякону, отцу Іоанну—не знаю, живъ ли онъ—

великій мнѣ другъ и пріятель, превосходно оду «Богъ» читалъ. Ты въ немъ найдешь второго отца и всю жизнь меня благодарить будешь. Явись къ нему и скажи: отъ Хрисанфа—и довольно! Эхъ, Петръ Михайловичъ! Тугія времена для театра приходятъ. Материки-актеры старѣютъ и умираютъ, столица ихъ тоже подбираетъ, репертуаръ идетъ новый, молодые люди не занимаются, да не отъ кого и поучиться-то. Вѣрь мнѣ, скоро жидъ полѣзетъ на сцену. Вонъ сидитъ съ Васькой Смирновымъ — это жидъ изъ аптеки, у аптекаря составлять мази учился, а теперь предстанетъ предъ рыбинской публикой. Талантливый шельма! Вчера Васька въ Челышахъ его экзаменовалъ—по-собачьи онъ ему лаялъ, ворону представлялъ, двѣ аріи на губахъ просвистѣлъ... Не знаю, какъ говорить будетъ, а эти жидовскія штуки дѣлаетъ чудесно! Купцы въ Рыбинскѣ затаскаютъ его по трактирамъ. Въ Ирбитской такому тоже молодцу одинъ шуйскій купецъ шубу соболью подарилъ. Сидитъ, бывало, компанія и онъ съ ними. Пьютъ. Придетъ ему фантазія: «ты бы, Абрамчикъ, полаялъ маленько, видишь, компанія скучать начинаетъ». Тотъ и начнетъ, ну, и долаялся до шубы. Разъ спросили его, какъ это ему Богъ такой талантъ открылъ? Въ острогѣ, говоритъ. Сидѣлъ онъ въ острогѣ въ секретной камерѣ. Отъ скуки, говоритъ, сталъ по вечерамъ прислушиваться къ собачьему лаю, сталъ подражать и достигъ въ этомъ искусствѣ до совершенства. Отъ собаки не отличить. Повѣрь мнѣ, милый человѣкъ, Петръ Михайловичъ, я-то ужъ не доживу, а ты увидишь—скоро актеры на сценѣ будутъ по-собачьи лаять, и пьесы такія для нихъ писать будутъ.

Смѣсь водки съ коньякомъ, лиссабонскимъ, гобарзакомъ и другими жидкостями разстроила нервы Хрисанфа: онъ впалъ въ меланхолію.

— Ступай, милушка, ступай на этотъ узкій путь,—говорилъ онъ только-что начинающему актеру, поглаживая его по головѣ.

— Хочу попробовать, Хрисанфъ Николаевичъ.

— Это, братъ, дѣло не пробуютъ. Въ это дѣло какъ окунешься, такъ на дно и пойдешь, ужъ не выплывешь. Тебѣ который годъ?

— Девятнадцатый.

— Въ тебѣ искорка есть, я это по глазамъ твоимъ вижу. Ты знаешь ли, гдѣ скрывается талантъ у актера?

— Гдѣ-съ?

— Въ глазахъ! Посмотри когда-нибудь въ глаза Садовскому!.. А у Мочалова какіе глаза-то были! Я имѣлъ счастіе играть съ этимъ великимъ человѣкомъ въ Воронежѣ. Онъ игралъ Гамлета, а я—Гильденштерна.

«Сыграй мнѣ что-нибудь.

— Я не умѣю, принцъ».

Онъ уставилъ на меня глаза—все существо мое перевернулось. Лихорадка по всему тѣлу пробѣжала. Какъ кончилъ я сцену—не помню. Вышелъ за кулисы—меня не узнали.

— «Ты хочешь играть на душѣ моей, а не можешь сыграть на простой дудкѣ».

Губы у Хрисанфа затряслись и хлынули изъ глазъ слезы.

— Это былъ геній!

— А, говорятъ, Каратыгинъ выше его былъ.

— Ростомъ выше. Каратыгинъ! Конечно, талантливѣе всѣхъ насъ, грѣшныхъ, но до Мочалова ему гораздо дальше, чѣмъ намъ до него. Царство тебѣ небесное, великій артистъ!—Хрисанфъ перекрестился и немного подумавъ:—ну, Богъ тебя благословитъ! Можетъ, посчастливится, будешь знаменитымъ актеромъ, меня ужъ, разумѣется, тогда не будетъ, такъ ты меня тогда вспомни. Да, путь нашъ узкій, милый человѣкъ, и много на немъ погибло хорошихъ людей. Мельпомена-то бываетъ безсердечна: выведетъ тебя на сцену въ плащѣ Гамлета, а сведетъ съ нея четвертымъ казакомъ въ Скопинѣ Шуйскомъ. Старайся! Не свернись! Вышелъ на сцену—забудь весь міръ. Ты служишь великому искусству! Если ты понимаешь, что я тебѣ говорю, то продерешься чрезъ эту чушыгу, черезъ нашъ узкій путь,—окончилъ Хрисанфъ, восторженно хлопнувъ ладонью по столу.

Узкій путь! Имъ начинается исторія нашего театра. Впервые вступили на него праотцы наши, драматическіе художники—подъячишка Васька Мешалкинъ съ товарищи. «По твоему великаго государя указу,—вопятъ они царю Алексѣю Михайловичу:—отослали насъ, холопей твоихъ, въ нѣмецкую слободу для изученія комидійнаго дѣла къ магистру Ягану Готфрету, а твоего великаго государя жалованья корму намъ, холопемъ твоимъ, ничего не учинено, и нынѣ мы, холопи твои, по вся дни ходя къ нему, магистру, и учася у него, платьишкомъ ободрались и сапожишками обносились, а пить-ѣсть нечего, и помираемъ мы, холопи твои, голодною смертію. Пожалуй насъ, холопей

своихъ: вели, государь, намъ свое великаго государя жалованье на пропитаніе поденный кормъ учинить, чтобъ намъ, холопемъ твоимъ, будучи у того комидійнаго дѣла, голодною смертію не умереть» *). Этимъ путемъ, при полномъ нравственномъ угнетеніи, достигалъ своего величія—слава и гордость русской сцены—Щепкинъ **). Этотъ путь прошелъ Садовскій, разыгрывая въ Лебедяни передъ пьянымъ трактирщикомъ пьесу за порцію щей и кусокъ говядины ***). На этомъ пути страдала знаменитая драматическая художница Косицкая, пока судьба не доставила ей случая поцѣловать ручку директора театровъ Гедеонова ****).

Хрисанфъ былъ прекрасный человѣкъ и прекрасный актеръ-трагикъ. Онъ имѣлъ слабость корчить изъ себя отставного военнаго человѣка: носилъ усы, вытягивалъ впередъ грудь, ходилъ военной поступью, въ разговорѣ намекалъ, что онъ принадлежалъ къ военному сословію, хотя по генеалогіи своей онъ къ этому сословію не принадлежалъ, а только родился въ бобруйской крѣпости отъ комиссаріатскаго чиновника и дѣтство провелъ среди военнаго элемента. Боковыя ложи театра онъ называлъ флангами, среднія и раекъ—центромъ, суфлерскую будку—амбразурой и т. п.

Онъ былъ поэтъ въ душѣ и въ возбужденномъ состояніи такъ правдоподобно разсказывалъ небывалыя съ нимъ происшествія, что всѣ его заслушивались. Онъ разсказывалъ, что дѣдъ его чуть не взялъ въ плѣнъ Наполеона; что онъ на льдинѣ, во время ледохода, проплылъ отъ Симбирска до Самары; что на Волгѣ, въ Жигуляхъ, отстрѣливался отъ разбойниковъ и двоихъ убилъ и т. п. Обыкновенно скромный относительно своихъ сценическихъ дарованій, въ возбужденномъ состояніи онъ начиналъ хвастаться.

— Вотъ какой со мной былъ случай,—начиналъ онъ:—пріѣхалъ я въ Нижній, вышелъ въ первый разъ въ своей коронной роли, въ Гамлетѣ. Ну, что ужъ тутъ говорить! Лѣвый и правый флангъ биткомъ, центръ—голова на головѣ; смотрю въ амбразуру—частный приставъ съ Мить-

*) П. О. Морозовъ. «Исторія русскаго театра», стр. 138.

**) Записки Щепкина.

***) Біографія Садовскаго. «Русскій Вѣстникъ», 1872 г., № 7, стр. 435.

****) Записки Косицкой. «Русская Старина», 1878 г., кн. I, II, IV.

кой-суфлеромъ жену свою посадилъ. Только показался—залпъ со всѣхъ батарей... и пошло, и пошло!.. Офелію мнѣ дали какого-то заморыша, хоть и съ огонькомъ дѣвка, вице-губернатора потомъ гдѣ-то таки смазала... Прямо изъ губернскаго правленія подъ вѣнецъ свела. Какъ я своимъ шопоткомъ-то—здѣсь шепчу, а въ Таганкѣ слышно—

«Удались отъ людей!..»

Офелія моя скорчилась, дрожитъ, поблѣднѣла... Въ театрѣ шумъ... Жену соляного пристава вынесли... А ужъ какъ

«Оленя ранили стрѣлой!»—

губернаторъ высунулся изъ ложи и замеръ; полиціймейстеръ, кажется, ужъ, по должности своей, каменный человѣкъ—реветъ; Митька въ амбразурѣ книжку бросилъ и держитъ за плечи жену частнаго пристава; а публика... ужасъ! Чувствую—у меня-то у самого волосы на головѣ подымаются. Слава Богу, кончилъ! Во второй спектакль я поставилъ «Графиню Клару д'Обервиль», въ третій—«Велизарій»—отбою нѣтъ отъ публики. Послѣ пятаго спектакля узнаю, что во время Макарьевской ярманки я буду атакованъ: въ тылу у меня Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ, онъ въ то время въ Казани былъ, а съ флангу надвигается изъ Москвы Мочаловъ... Ну, думаю, съ двумя, пожалуй, не сладишь. Я къ Архипу Ивановичу—разойдемся, говорю. Нѣтъ, говоритъ:—Павелъ Степановичъ отказался: у васъ, говоритъ, тамъ Хрисанфъ, что я съ этимъ чортомъ буду дѣлать. Не поѣду. Кланяйтесь ему отъ Павла. Отступилъ безъ выстрѣла!

До шестой недѣли Великаго поста сдѣлки у содержателей театра съ актерами все продолжались. Звѣревъ накупилъ на Ильинкѣ подержанныхъ шляпъ и лаковыхъ сапогъ для любовниковъ, заказалъ полдюжины комическихъ париковъ, ангажировалъ двухъ комиковъ. Борисъ Климычъ «нанялъ» на Коренную ярмарку тамбовскаго трагика, сманилъ у Смалькова перваго любовника и у Смирнова комическую старуху, а Смальковъ перебилъ у него жидка, лающаго по-собачьи. Другіе содержатели тоже пополнили и измѣнили свои труппы. Кириллъ Ермаковъ, съ открытіемъ навигаціи, долженъ отплыть по Волгѣ въ Астрахань; Яковлевъ кончилъ въ Нижній и, прощаясь съ товарищами, восторженно говорилъ: «давно я лелѣялъ мысль сыграть Минина на мѣстѣ его родины. Тамъ я изучу Кремль, Со-

борную площадь, на которой онъ говорилъ съ народомъ, и, можетъ, Богъ поможетъ показать Мишина, какъ слѣдуетъ. Играли! *Самъ* *) хвалилъ когда-то, даже говорилъ: готовься ко мнѣ въ преемники»; Медынцевъ тронулся въ Кострому, съ предположеніемъ выступить для перваго дебюта въ роли Ивана Сусанина въ драмѣ «Костромскіе лѣса». На первыхъ любовниковъ былъ спросъ большой, и пріѣхавшіе всѣ почти ангажированы; со вторыми любовниками была заминка. Съ комиками, къ концу поста, стало тихо. Этимъ воспользовались Смирновъ и Червончикъ и они пошли за безцѣнокъ: одинъ комикъ, Лилеевъ—Обносковъ, съ своими париками, пошелъ къ Червончику за двадцать рублей и одну четверть бенефиса. Остался безъ приглашенія одинъ первый любовникъ, Райскій, за слишкомъ невыгодныя предложенія, которыя онъ дѣлалъ содержателямъ театровъ. По изящному костюму—онъ постоянно ходилъ во фракѣ и брюкахъ съ лампасами—по манерамъ и круто завитымъ волосамъ, онъ рѣзко выдѣлялся изъ массы актеровъ, посѣщавшихъ Бѣлую залу. Когда онъ, скрѣпя сердце, обратился съ предложеніемъ къ Борису Климычу, котораго онъ ненавидѣлъ и презиралъ за его грубость и невѣжество, тотъ сказалъ ему: «Намъ попроще надо». Никакія убѣжденія, что онъ играетъ роль Чацкаго не такъ, какъ другіе играютъ: послѣдній монологъ:

«Не образумишь! Виноватъ!»

весь, отъ начала до конца, какъ глубоко оскорбленный человѣкъ, говоритъ адскимъ шопотомъ и, нервно вскрикнувъ:

«Карету мнѣ, карету!»

въ дверяхъ падаетъ; что на роль Хлестакова онъ смотритъ совсѣмъ не такъ, какъ другіе: въ его исполненіи Хлестаковъ является изнѣженнымъ и избалованнымъ баричемъ, что онъ встрѣчаетъ Городничаго въ голубомъ шелковомъ халатѣ, а не въ жакеткѣ; показывалъ адресы, поднесенные ему разными городами съ выраженіемъ благодарности за доставленные восторги, за высокое художественное наслажденіе въ теченіе сезона; показывалъ серебряный портсигаръ, полученный отъ купцовъ въ Ельцѣ; показывалъ перстень съ жемчужиной, на футлярѣ котораго вытиснено золотыми буквами: «артисту Райскому слеза за пролитыя

*) Такъ онъ называлъ трагика Каратыгина.

слезы отъ благодарной публики». Ничего не помогло! Борисъ Климычъ, дуя въ блюдечко съ чаемъ, говорилъ одно: «Не требуется, напрасно вы только себя безпокоите».

Какъ дѣлались соглашенія съ актрисами—неизвѣстно, потому что договоры съ ними содержателей театровъ происходили въ Челышахъ. Въ концѣ поста дѣлалось извѣстнымъ, что такая-то въ Полтаву, такая-то въ Курскъ. Червончикъ говорилъ, что онъ пригласилъ акрису на роли grande dame съ французскими фразами; Смальковъ—двухъ «субретокъ», изъ которыхъ одна съ танцами, а другая «съ голосочкомъ», можетъ играть «Материнское благословеніе». Борисъ Климычъ пригласилъ еще «бытовую старуху» и «молодого актерика на комильфотныя роли». Актеры Выходцовъ и Завидовъ рѣшили отправиться на свой страхъ, безъ приглашенія, первый—въ Аккерманъ, второй въ Рыбинскъ. Бѣлая зала все пустѣла и пустѣла. Заходили только несчастные суфлеры, самые необходимые и самые горькіе и многострадальные люди въ труппѣ, да актеръ Райскій. Сначала онъ ходилъ «при часахъ и при цѣпочкѣ», потомъ при однихъ часахъ, безъ цѣпочки, потомъ совсѣмъ безъ часовъ, наконецъ, и жемчужная слеза его скатилась гдѣ-то на Драчевкѣ, въ витрину Абрама Моисеевича Левинсона.

— Фортуны вамъ нѣтъ, Иванъ Степанычъ,—говорилъ ему Гаврила:—которые вотъ даже пьющіе, всѣ по мѣстамъ разошлись, а отъ васъ мы, окромя благородныхъ поступковъ, ничего не видали, а вы безъ мѣста остались.

— Ничего, Гаврила, выдержимъ!

— Вотъ этотъ хохлатенькій-то, въ клѣтчатомъ сюртучкѣ, по-собачьи-то лаялъ: за семь пироговъ не заплатилъ... слопать-то слопалъ, а денегъ не заплатилъ... Буфетчикъ съ меня вычелъ.

— Сколько?

— Семь гривенъ, да три подливки особенно, по гривенничку—рубль.

— А ты зачѣмъ подавалъ?

— Помилуйте, какъ же! Приходитъ человѣкъ съ полнымъ аппетитомъ, говоритъ, давай! Скушаетъ—за мной!

— Деньги небольшія. Вѣроятно, онъ забылъ. На, получи. Я плачу за него. Все-таки онъ товарищъ мнѣ по искусству.

— Именно, какъ вы есть благороднѣйшій человѣкъ, хоша и сами въ стѣсненномъ положеніи... Покорнѣйше благодаримъ... человѣкъ я бѣдный...

— Поправимся... Прощай. Я, братецъ, никогда не пилъ!

— Это ужъ послѣднее дѣло. Надо стараться, чтобы все въ лучшемъ видѣ...—окончилъ Гаврила, провожая гостя до лѣстницы.

Дѣла Райскаго, послѣ Святой недѣли, дѣйствительно поправились... Онъ дошелся кое-какъ до Харькова, втерся за ничтожную плату въ театръ, сошелся со студентами тамошняго университета, сталъ посѣщать ихъ бесѣды, на которыхъ ему открылся совершенно новый міръ. Молодые люди разъяснили ему, что такое Чацкій, что такое Хлестаковъ и вообще что такое драматическое искусство.

— Ну, скажите, пожалуйста,—наставлялъ его одинъ студентъ:—зачѣмъ вы въ Чацкомъ кричите монологи до самозабвенія, даже до одурѣнія?

— Для эфекту,—робко возражалъ Райскій.

— Развѣ сценическій эфектъ въ неистовомъ крикѣ? А зачѣмъ вы пропускаете знаки препинанія въ монологахъ? Впрочемъ, вообще знаки препинанія для васъ больное мѣсто. Не дальше, какъ вчера, въ сценѣ у фонтана съ Мариной Мнишекъ, вамъ нужно было сказать:

«Царевичъ я. Довольно! Стыдно мнѣ
Предъ гордою полячкой унижаться...»

А вы прокричали:

«Царевичъ я. Довольно стыдно мнѣ
Предъ гордою полячкой унижаться...»

«Довольно стыдно мнѣ» не можетъ сказать царевичъ: это фраза гостинодворца.

— И мнѣ позвольте вамъ замѣтить,—вмѣшивается другой студентъ.—Зачѣмъ вы во всѣхъ роляхъ выходите съ завитыми волосами: Чацкій у васъ завитой, Хлестаковъ—завитой, Скопинъ-Шуйскій — завитой, Самозванецъ — завитой...

— А вотъ это ужъ совсѣмъ не хорошо талантливому артисту,—заключаетъ молодой адъюнктъ-профессоръ:—играя Полонія въ «Гамлетѣ», вы надѣваете красную куртку, съ гусарскимъ шитьемъ, накидываете сверху синій плащъ, подбитый краснымъ, въ видѣ мантіи, на головѣ у васъ голубая ермолка съ зеленой кисточкой, а на ногахъ ботфорты. Это ужасно не хорошо, неестественно и не вѣрно.

— Ну, такъ что же, господа, — восклицалъ уничтоженный Райскій:—научите меня, какъ надо играть.

— Научить васъ, какъ *надо* играть — мы не можемъ, а

вотъ какъ *не надо* играть—можемъ,— отвѣчалъ адъюнктъ.

Возвращаясь домой, Райскій предавался унынію, плакалъ, сознавалъ свое безсиліе и на другой день опять шелъ на бесѣду къ студентамъ. Бесѣды эти сильно подѣйствовали на его впечатлительную натуру! Онъ сталъ слушать совѣты, сталъ совершенствоваться. Не малую тоже услугу ему оказалъ одинъ богатый харьковскій помѣщикъ, страстный театралъ, гордившійся личнымъ знакомствомъ съ французскимъ актеромъ Алланъ, не признававшій Гоголя и Островскаго, предпочитавшій имъ Кукольника и Полевого и преклонявшійся предъ величіемъ трагика Каратыгина, котораго онъ называлъ «генералъ-адъютантомъ въ искусствѣ». Сидя въ театрѣ, высказывалъ рѣзко свои сужденія о пьесѣ и объ игрѣ актеровъ вслухъ, во время дѣйствія. Напримѣръ:

— Пора спускать занавѣсъ—ничего не выходитъ.

Или:

— Вотъ такъ Офелія! Это кислота какая-то...

Про актеровъ:

— Если бы былъ мой крѣпостной человѣкъ, я бы его... и т. д.

Актеры не обращали на его выходки вниманія, потому онъ былъ добрѣйшій человѣкъ и необыкновенный хлѣбосолъ. Драматическіе дѣятели находили у него роскошный обѣдъ безъ всякаго приглашенія.

— Очень радъ,—встрѣчалъ онъ гостя:—у меня сегодня супъ изъ хвостовъ, севрюга малосольная, спаржа пріѣхала, да каплунъ съ трюфелями... Не знаю, будете ли сыты... А вы вчера, мой дражайшій, прескверно играли. Извините! А ужъ какъ этотъ игралъ... вашъ товарищъ... Какъ его фамилія?

— Рубцовъ...

— Если бы онъ былъ мой крѣпостной человѣкъ, я бы ему такихъ рубцовъ... Чортъ знаетъ что!..

Въ это время подходитъ Рубцовъ.

— А, здравствуйте! Мы васъ, дражайшій, бранимъ. Вы вчера были отвратительны до невозможности! Если бы были мой... Помилуйте, такъ нельзя. Во второмъ дѣйствіи монологъ отлично прочитали... Хвалю!..

— Ваше превосходительство, это роль-то...

— Не оправданіе! Гёте сказалъ: нѣтъ дурныхъ ролей. Не оправданіе! Мнѣ покойный Алланъ говорилъ... вы понимаете по-французски?

— Нѣтъ, ваше пр—ство.

— Жалко! Онъ мнѣ говорилъ...—Разговоръ перебиваетъ вошедшая актриса.

— Ахъ, Марья Ивановна, позвольте поцѣловать вашу ручку. Вы вчера заставили меня плакать. Если бы проѣзжала черезъ Харьковъ Арну Плесси...

— Что вы, ваше превосходительство...

— Нѣтъ ужъ, извините, я даромъ не хвалю. Вотъ они оба играли вчера скверно—я сказалъ прямо, что скверно.

За столомъ его всегда можно было встрѣтить двухъ-трехъ человѣкъ изъ предержащихъ властей, нѣсколько проѣзжихъ черезъ Харьковъ помѣщиковъ, актрисъ, актеровъ и непремѣннаго гостя всѣхъ обѣдовъ, отставного пѣхотнаго маіора Нестеренко, который не признавалъ никакихъ винъ, кромѣ водки, и пилъ ее въ неограниченномъ количествѣ. Въ его діалогѣ были только три фразы: когда хозяинъ приглашалъ къ водкѣ, онъ говорилъ: «сердечная моя признательность вашему превосходительству»; вторая — «совершенно вѣрно изволите говорить, ваше превосходительство» и третья — «нда-съ! объ этомъ надо подумать».

Послѣ обѣда, гостепріимный хозяинъ, pour la bonne bouche, приглашалъ гостей въ кабинетъ, гдѣ ставились ликеры, шампанское, зельтерская вода, фрукты и т. п., и прочитывалъ что-либо изъ драматическихъ произведеній Кукольника или Полевого. Власти, нагипнотизированныя уже прежде чтеніемъ хозяина, поспѣшно удалялись; оставались только помѣщики, несчастные актеры и маіоръ Нестеренко.

Вводя всѣхъ въ кабинетъ, почтенный любитель драматическаго искусства говорилъ: — «ну-съ, господа, теперь позвольте мнѣ, старику, показать вамъ свое искусство... Мы вѣдь не учились ему, а только потерлись около моего друга Алланъ, около Каратыгина—Мочалова не признаю, хоть и знакомъ съ нимъ былъ — и кое-что отъ драматическихъ вельможъ позаимствовали. Я вамъ сегодня прочту нѣсколько сценъ изъ «Скопина Шуйскаго», Нестора Васильевича Кукольника... На-дняхъ будетъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники... и давно пора... Патріотъ-поэтъ! Петька»!

Входитъ маленькій слуга—казачокъ.

— Принеси мнѣ маленькій кинжалъ... Весьма важный аксессуаръ въ сценѣ Ляпунова съ Екатериной.

Петька приносилъ небольшой кинжалъ. Всѣ усаживались

по мѣстамъ; маіоръ не садился,—слушалъ стоя, заложивши палецъ за пуговицу военнаго сюртука.

— Ну-съ, я готовъ. Прочту сцену юродиваго съ Екатериной.

«Здравствуй, Катерина, пока Господь дастъ тебѣ здоровье...»

Начиналъ онъ протяжнымъ, заунывнымъ голосомъ, отъ звуковъ котораго, по третьему стиху, испустила пискливую ноту лежавшая подъ диваномъ собака.

— Петька! Сколько разъ я тебѣ говорилъ, чтобы кобеля убирать. Запорю! Ужасно нервный кобель... Извините...

«Здравствуй, Катерина, пока Господь дастъ тебѣ здоровье,
И веселись, пока съ тобой веселье...
Но прійдетъ часъ, его же знаетъ небо,
Воспламенится весь міръ и сердце наше Богу обнажится...»

— Какіе превосходные стихи!

— Совершенно вѣрно, изволите говорить, ваше превосходительство.

Въ срединѣ длиннаго монолога чтецъ съ неудовольствіемъ обратился къ одному изъ слушавшихъ помѣщиковъ:

— Петръ Миронычъ, ты бы шелъ въ садъ. Ты привыкъ у себя на хуторѣ послѣ обѣда отдыхать.

— Я ничего, ваше превосходительство.

— Какъ ничего? Храпишь!..

— Это вамъ такъ показалось. Я слушаю съ великимъ удовольствіемъ.

Дойдя до сцены Ляпунова съ Екатериной, онъ вскакивалъ со стула, бросалъ книгу, схватывалъ кинжалъ и кричалъ, подражая трагику Каратыгину:

«Пей подъ ножомъ Прокопа Ляпунова,
Пей подъ анаѳемой святого царства!..»

— И эти стихи какой-то Островскій вложилъ въ уста пьяному купцу въ своей комедіи. И какъ это просмотрѣло третье отдѣленіе — недоумѣваю? Пьяному купцу, которыхъ мы встрѣчаемъ около виннаго погреба Костюрина. Я, разумѣется, написалъ объ этомъ въ Петербургъ.

Послѣ чтенія пили шампанское и шла бесѣда о драматическомъ искусствѣ. Говорилъ одинъ хозяинъ.

— Вотъ если вы мнѣ сдѣлаете честь, пожалуете ко мнѣ въ четвергъ, я вамъ прочту «Горе отъ ума» и разскажу

вамъ кое-что, чего вы не слыхали. Вѣроятно, вы не знаете, что Фамусовъ списанъ съ моего дяди, Филатъ Матвѣича, извѣстнаго декабриста... Конечно, это между нами... А Репетиловъ... ну, да это до четверга.

Истомленные чтеніемъ гости, выпивши по нѣскольку бокаловъ шампанскаго, расходились.

Вотъ къ этому-то учителю и попалъ Райскій. Мучилъ онъ его чуть не каждодневно, въ продолженіе цѣлаго сезона, закармливалъ его роскошными обѣдами, называлъ его своимъ дорогимъ ученикомъ, дѣлалъ ему подарки и, окончательно научивъ его, какъ играть не надо, вселилъ въ него полное отвращеніе къ его прежнимъ сценическимъ пріемамъ. Райскій сдѣлался отличнымъ актеромъ.

Послѣ Святой недѣли, драматическихъ художниковъ больше не было видно въ Бѣлой залѣ; всѣ они двигались по предназначеннымъ имъ пунктамъ: кто плылъ по Волгѣ, кто перевалилъ Уральскій хребетъ, кто кочевалъ въ степи, направляясь къ южнымъ городамъ, кто стремился къ берегамъ Азовскаго и Чернаго морей, кого забрасывала судьба на конечный пунктъ россійскаго государства—на устье Сѣверной Двины. И все это двигалось, совершая какъ бы предопредѣленіе. Ничто не останавливало — ни дальность пути, ни скудость средствъ при передвиженіи, ни перспектива разныхъ сценическихъ неудачъ—равнодушіе публики, которую актеру часто приходится смѣшить «сквозь незримыя ей слезы», и другихъ случайностей. Впередъ, въ храмъ славы, въ храмъ искусства, въ храмъ восторговъ и самообольщенія, въ храмъ злобы и зависти! Впередъ, въ міръ сплетенъ, въ міръ нескончаемыхъ интригъ, въ міръ озлобленнаго самолюбія и коварства!

Теперь уже не существуетъ Бѣлой залы, не существуетъ и прежнихъ актеровъ; актеры новой формаціи собираются въ ресторанѣ «Ливорно».

Оглавленіе

I ТОМА.

	стр.
Отъ издателя.	3
Иванъ Ѳедоровичъ Горбуновъ. Очеркъ А. О. Кони.	7
Памяти И. Ѳ. Горбунова.— Т. И. Филиппова. . . .	108
Сцены изъ народнаго быта.	
Громомъ убило.	113
Лѣсъ.	115
Утопленникъ.	121
На рѣкѣ	128
На праздникѣ	138
Постоялый дворъ	144
На большой дорогѣ . . .	152
На почтовой станціи. . .	161
Безотвѣтный.	163
Сцены изъ купеческаго быта.	
Смотрины и сговоръ . . .	167
На ярмаркѣ	177
Самодуръ.	183
Просто—случай	222
Живемъ въ свое удовольствіе.	230
Жестокіе нравы.	237
Нана.	239
Сцены изъ городской жизни.	
Затменіе солнца	245
Воздухоплаватель	248
У пушки	251
Мастеровой	252
У квартальнаго надзирателя.	253
Развеселое житье	256
У мирового судьи. . . .	259
Домашнія сцены.	261
Визитъ.	267
Съ легкой руки.	272
Съ широкой масляницей! .	278
Сара Бернаръ	282
Общее собраніе общества прикосновенія къ чужой собственности.	288
Моноологи.	
Спрятался мѣсяцъ за тучи.	295
Блонденъ	297
Травіата	298
Отъ мирового	300
Въ деньгахъ счастье. . .	302
Тостъ генерала Дитятина .	304
Очерки и разсказы.	
Изъ московскаго захолустья.	309
Петръ Петровичъ.	328
Еще изъ московскаго захолустья:	
I. Комиссаръ	352
II. Широкія натуры . .	359
Бѣлая зала	369

ОПЕЧАТКИ:

На стр. 162 въ концѣ разсказа слѣдуетъ прибавить строку:

— Поди-жъ ты! Кажинный разъ на этомъ мѣстѣ!

На стр. 163 слѣдуетъ уничтожить 6-ю строку сверху.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

И. Ѳ. ГОРБУНОВА

Подъ редакціею и съ предисловіемъ

А. Ѳ. Кони.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

3-е изданіе.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1904 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.

Артистич. заведеніе **А. Ф. Маркса**, Измайл. пр., № 29.

ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ.

КАНУНЪ РОЖДЕСТВА.

I.

Мгла. Слякоть. Не то снѣгъ, не то дождикъ. Городъ весь на ногахъ. Гостиный дворъ кишмя кишитъ. Приказчики сбились съ ногъ. Невскій проспектъ представляетъ картину города, въ который вторгся непріятель: лица у всѣхъ озабочены, спѣшатъ, бѣгутъ, ѣдутъ... На Сѣнной площади картина еще ярче: городъ взятъ; непріятель приступилъ къ грабежу. Шумъ, давка, несвязныя рѣчи.

— Ужъ ежели это не поросенокъ...

— Почтенный, наскрозь всю Сѣнную пройдешь—дешевле не купишь...

— Что, Надежда Павловна, какъ провизія?

— Приступу нѣтъ!..

— Ежели еще денекъ дать постоять — все раскиснетъ. Птица нѣжная, много ли ей надо.

— Да, маленько прихватитъ и не удержишь...

— Свинина выстоитъ, свининѣ ничего не сдѣлается, а птицѣ этакая погода—бѣда.

— Я тебя, каналью, въ санитарную комиссію!—кричитъ на продавца фуражка съ гражданской кокардой:—гусь твой въ періодѣ разложенія и воняетъ...

— Напрасно, гусь первый сортъ. Вы извольте посмотрѣть,—отвѣчаетъ продавецъ:—гдѣ же онъ воняетъ?

— Понюхай!

— Вотъ и нюхаю.

— Ну что?

— Какъ есть гусемъ пахнетъ... чудесно!..

— Постой!.. Городовой!..

— Еще что, мамаша?—обращается молодой торговецъ къ кухаркѣ.

— Есть рябчики, только чтобы не давленные?..

— Какъ ихъ можно давить. Птица летучая, петли на нее не накинешь.

— И что это дума дѣлаетъ... Что она дѣластъ!..

— Что тутъ дума—дѣло не въ думѣ, а въ невѣжествѣ.

Внутри Александровскаго рынка сплошная масса толпящагося народа.

— Ивану Семенову, съ наступающимъ!

— И васъ также.

— За обновами?

— Чуйку хотимъ справить.

— Почтенный, у насъ покупали...

— Тетенька, что вамъ требуется?.. Пожалуйте!..

— Послушайте, господинъ! Пять съ полтиной!.. Пять!..

— Три рубля...

— Развѣ можно съ лампасами за три рубля... Помилуйте...

— Господинъ, у насъ есть брючки случайные...

Въ темной, узенькой, заваленной разнымъ тряпьемъ, лавкѣ приказчикъ сбываетъ мужику кафтанъ.

— Да ты надѣнь!.. Надѣнь, да и посмотрись въ зеркало.

Мужикъ надѣлъ.

— Съ обновкой честь имѣю поздравить! По первой гильдіи теперь ходить можешь. Такого фасону...

— Помочи, перчатки, манишки...

— Пожалуйте.

— Послушайте!..

— Продаешь, что ли?

— Продаю.

— Покажи-ко. Краденый?

— Зачѣмъ краденой, свой собственный. Къ празднику деньги требуются.

Въ конторахъ закладчиковъ тѣснота. Деньги требуются!

— Ждали мы наградныя-то къ празднику, а генералъ возьми да и захворай, такъ всѣ съ носомъ и остались, — бесѣдуютъ двѣ почтенныя женщины.

— Да-съ! Вотъ и я тоже! Что ты станешь дѣлать, никакъ не обернешься. Ужъ какъ хотите, елку непремѣнно нужно... Въ ломбардъ сунулась...

— Можете принять это кольцо?

— Позвольте!

— Что вы дадите?

— Два съ полтиной.

— Да вѣдь оно съ бюрюзой.

— А ежели бы безъ бирюзы было—цѣна бы ему была полтинникъ.

— Нѣтъ, я не могу.

— Это ужъ ваше разсужденіе.

— Вамъ что угодно?

— Вотъ, батюшка, девять ложекъ столовыхъ, три чайныхъ, ситечко, Станиславъ 3-й степени.

— Пожалуйте направо...

— Вы возьмете лисій салопъ?

— Нѣтъ-съ.

— А гдѣ можно заложить?

— У жидовъ, на Вознесенскомъ.

— Это ужасно!.. Отчего вы не возьмете?

— Мягкой рухлядью не занимаемся...

На углу Кирпичнаго переулка стоятъ извозчики.

— Деньги, деньги, гдѣ ихъ достать?—говоритъ полный отчаянія иззябшій человѣкъ въ рваной жакеткѣ.

— А требуются?—иронически спрашиваетъ его лихачъ-извозчикъ.

— Ахъ какъ надо, ахъ какъ надо: два дня не ѣлъ...

— Вотъ сейчасъ баринъ два пятиалтынныхъ уронилъ—поищи; можетъ найдешь...

— Ему на два пятиалтынныхъ не управиться, — замѣчаютъ со смѣхомъ другіе:—ему, по его характеру, пяти рублей теперича мало. Потому, первое дѣло, онъ долженъ къ Дюссѣ идти...

Къ разговаривающимъ подъѣзжаетъ извозчикъ.

— То-есть, кажется... легче бы въ острогѣ сидѣть...— началъ онъ, подвязывая лошади торбу.

— Накладай сколько хошь—не обидно... Ушелъ!..

— Кто ушелъ?

— Сѣдокъ ушелъ!.. То-есть, кажется... Нетокма—не заплатилъ — собственныхъ моихъ кровныхъ пять рублевъ унесъ.

— Что-жъ, праздникъ! Деньги всѣмъ требуются...

— Сѣлъ въ 8 часовъ, гонялъ, гонялъ... То-есть, кажется... Подъѣхали къ кіятру, подожди, говоритъ, билетъ выправимъ... часа два стоялъ... То-есть, кажется...

Свечерѣло. Массы снующаго народа разошлись. Невскій проспектъ принялъ обычный видъ. Изрѣдка попадаются

пѣшеходы, экипажей совсѣмъ не видно. Послѣ полуночи торжественный гулъ казанскаго колокола нарушается неистовымъ крикомъ какихъ-то гулякъ, возвращающихся на тройкѣ изъ Самарканда.

— Ромаша, выручи!—кричитъ одинъ изъ нихъ извозчику:—выручи! Сдѣлай для великаго праздника!

II.

На пригоркѣ, окруженномъ сосновымъ лѣсомъ, стоитъ село Конинно. До чугунки черезъ него шла большая дорога. Мужики были богатые. Теперь оно въ упадкѣ. Постоялые дворы полуразрушены; трактира и въ поминѣ нѣтъ; кабакъ едва держится. Народъ разошелся по промысламъ: кто на чугунку пристроился, кто въ Петербургъ сошелъ, а кто такъ доживаетъ дни свои. У села есть преданія. Старики разсказываютъ объ разныхъ значительныхъ господахъ, которые у нихъ останавливались; что неоднократно проѣзжалъ великій князь Михаилъ Павловичъ «и оченно насъ ублажалъ и даже доволенъ былъ. Бывало, ѣдетъ—ужъ мы это чувствуемъ и сейчасъ всѣ къ нему. А старичокъ одинъ двумя дѣтьми его высочеству поклонился—великій князь велѣлъ въ гвардію взять и въ ундера произвелъ, а со старикомъ чай пилъ». Большая церковь, старинной архитектуры, обнесена вѣковыми липами; барскій каменный домъ стоитъ безъ жилья. Село старинное. Оно принадлежало во второй половинѣ прошлаго столѣтія господину Красноперову, который и похороненъ у церкви. На памятникѣ его можно прочитать слѣдующее:

«Достопочтѣнный господинъ армійскихъ полковъ полковникъ Иванъ Ивановичъ Красноперовъ, служившій въ семилетнюю прускую войну, подкомандою тогда бывшаго генерала порутчика графа Петра Александровича Румянцова и при взятіи имъ крепости Колберха раненъ вногу, откоторой раны впослѣдствій времени вполскомъ городе Торуне преставился 1760 г. и перевезенъ на семъ мѣстѣ въ присутствіи пріехавшей изъ дону плачевной супруги и малолетняго тогда сына Павла да будетъ сму вечная память».

Садъ заросъ; пруды высохли. Село переходило изъ рукъ въ руки такъ часто, что нѣкоторые помѣщики не бывали въ немъ никогда.

— Мы господъ-то своихъ, почитай что и не видывали,— говорятъ крестьяне.

Грамотныхъ въ селѣ очень много; есть даже начетчики.

Про какого-то Филиппа Ильича разсказываютъ, что онъ съ протопопомъ могъ разговаривать «отъ писанія». Просвѣщеніе въ селѣ и въ окружности насадила и укрѣпила старушка помѣщица Елизавета Осиповна. Она любила благолѣпіе храма Божьяго и имѣла свой хоръ изъ дворовыхъ людей. Есть старики, которые до сихъ поръ поютъ на клиросѣ.

Ночь. Бѣлая снѣжная поляна освѣщена мѣсяцемъ. Село спитъ. Сквозь нѣкоторыя окна просвѣчиваетъ огонекъ. Изъ нѣкоторыхъ трубъ уже виденъ дымъ.

Люблю тебя, святая деревенская тишина. Люблю тебя въ весну роскошную, люблю тебя въ лѣто жаркое,

Въ осень ненастную,
Въ зиму студеную.

Вотъ проскрипѣли сани: запоздалый мужичокъ торопится къ празднику.

— Баушка, а что еще Христосъ не народился?—спрашиваетъ старуху проснувшійся мальчикъ.

— Нѣтъ, батюшка, еще не ударяли. Какъ въ церкви ударятъ, такъ онъ и народится. Ты спи пока.

— А ты скоро лепешки будешь печь?

— Пеку, батюшка, пеку. Опосля заутрени придешь—первую тебѣ лепешку...

— Съ творогомъ чтобы...

— Розговѣнье—какже безъ творогу-то?..

Раздается ударъ колокола... Мальчикъ бросился съ печи.

— Теперь народился?

— Народился, батюшка, народился Царь нашъ Небесный.

По всему селу засвѣтились огни.

Начетчикъ Филиппъ Ильичъ давно ужъ на клиросѣ. Онъ задаетъ дьячку вопросъ, на который тотъ, по незнанію, едва отвѣчаетъ.

— Вотъ ты и скажи: что значитъ—«съ небесъ срящите».

— Обыкновенно что...

— Нѣтъ—что?

— Ну, съ небесъ...

— Да это мы понимаемъ... А ты скажи къ чему, какъ? Я тебѣ скажу, что этого слова никто не знаетъ. Покойница Лизавета Осиповна у архирея спрашивала, такъ и тотъ: не могу, говоритъ, знать, ваше превосходительство. Вотъ какое это слово!

Звонъ умолкъ. Входитъ священникъ и начинается заутреня по чину.

«Дѣва днесь» пропѣта нотная; регентомъ былъ самъ священникъ, дирижировавшій камертономъ, а прочіе размахивали руками.

Послѣ заутрени священникъ прославилъ въ трехъ богатыхъ домахъ. Особенно торжественное славленье было у бывшаго содержателя постоялаго двора Никиты Михеева. «Дѣва днесь» пропѣли опять нотную, и самъ Никита Михеевъ подтягивалъ. Когда священникъ окончилъ, начали подходить славить деревенскіе ребята. Никита одѣлялъ всѣхъ пятаками. Одинъ парень лѣтъ 20 прочиталъ даже рацею, которая оканчивается такъ:

Я хоть малъ, да понимаю
Сколько радости въ сей ча
Итакъ, нынѣ поздравляю
Съ сею радостію васъ.

За что получилъ сразу три гривенника.

НОЧЬ НА НОВЫЙ ГОДЪ.

Въ городѣ все шло своимъ порядкомъ, всѣ готовились къ встрѣчѣ новаго года. Надвигалась ночь; вспыхнули электрическіе фонари, замигали газовые, грустнымъ, едва брезжущимъ свѣтомъ озарили себя керосиновые свѣтильники зарѣченскихъ частей. На улицахъ было тихо, не было обыкновеннаго праздничнаго шума. Городовые безмолвно стояли на своихъ постахъ, ближайшіе ихъ помощники, дворники, бдѣли у своихъ воротъ, завернувшись съ головой въ овчинные тулупы, предохраняющіе тѣло отъ холода и уши отъ всякаго слышанія. Пѣшеходы все рѣдѣли и рѣдѣли. Вонъ въ калитку одного дома, незримо для охраняющаго домъ, проникнули два опустошителя петербургскихъ чердаковъ. Вонъ извозчичья продрогшая отъ холода лошадь оставила въ полнивной своего хозяина и пошла домой одна. Вотъ несчастный, у котораго въ жизни нѣтъ никакихъ праздниковъ, а сплошные мрачные дни и ночи, бѣглымъ шагомъ стремится на ночлегъ.

Не пойти ли намъ за нимъ въ его юдоль нищеты, въ юдоль печали и воздыханія, гдѣ безсильны и слово утѣшенія, и самая широкая благотворительность.

— Эхъ, Петя! На горе я тебя родилъ!—говоритъ квартирантъ, укладывая своего сына на узенькую нару:—кому Новый годъ, а намъ съ тобой слезы.

И слезы ручьемъ брызнули изъ глазъ несчастнаго отца. Лѣтъ семи мальчикъ тоже прослезился.

— На, пятачокъ, — отнесся къ нему сосѣдъ его по нарамъ: — завтра булку ему купишь. Безъ праздника ему тоже нельзя. Хоша и ребенокъ, а все онъ чувствуетъ.

Нѣтъ, лучше проникнемъ вонъ въ ту квартиру, въ которой виднѣется елка... Впрочемъ, тамъ нѣтъ ничего интереснаго. Тамъ бѣдный семьянинъ устроилъ для своихъ дѣтей елку. Ну что мы тамъ увидимъ? Увидимъ золотушныхъ дѣтей, увидимъ нѣсколькихъ гостей, чиномъ не свыше титулярнаго совѣтника, увидимъ на столѣ копченаго сига, кусокъ лимбургскаго сыра, селедку съ лукомъ, услышимъ дурно играющаго тапера...

Мимо! Лучше пойдемъ вотъ туда, вонъ въ ту, ярко освѣщенную квартиру. Въ залѣ, за карточными столами, сидятъ мундиры и фраки...

— Что изволите сказать?

— Двѣ черви.

— Пасъ!

— Пасъ.

— Два безъ козыря...

— Пасъ...

Тоска!.. Вонъ!.. Пойдемъ туда, гдѣ весело, гдѣ живутъ... Не тамъ ли?—Балъ! Блѣдныя, изнуренныя танцами и безсонными ночами, дѣвицы, молодые люди, пожилые люди со звѣздами, старые люди безъ звѣздъ; начальникъ отдѣленія, начальникъ эксплоатаціи, директоръ банка, директоръ правленія, директоръ распорядитель, военный врачъ, просто врачъ, инженеръ, генералъ, еще генералъ, еще, еще... Grand rond! Chaine à droite! Chaine à gauche!

— Двѣ трефы. Три бубны. Пасъ! Пасъ! Пасъ!..

Душно и жарко... Вонъ!..

Ура!—слышится изъ полурастворенной двери одной изъ квартиръ богатаго дома. Блескъ и роскошь. На стѣнахъ дорогія картины. На столѣ масса серебра и драгоцѣнной посуды. Веселыя лица чокаются бокалами, цѣлуются... Съ новымъ годомъ! Съ новымъ счастьемъ! Рука хозяйки начинаетъ изнемогать отъ нанесенныхъ ей поцѣлуевъ. Смолкло. Выпрямляется во весь ростъ отставной генералъ Дитятинъ и начинаетъ говорить.

«Я буду, по возможности, кратокъ, на столько кратокъ, что не утомлю вашего вниманія и прошу почтительнѣйше меня выслушать. Въ средѣ собравшагося общества, усматриваю находящихся здѣсь различныхъ профессій дѣятелей, какъ-то: художниковъ, музыкантовъ, писателей или такъ-называемыхъ литераторовъ и ученыхъ. Всѣхъ васъ я отъ полноты души моей привѣтствую и поздравляю съ новымъ годомъ *(Браво!)*. Позвольте, я еще ничего не ска-

залъ. Привѣтствуя васъ, я долженъ вамъ высказать мои благопожеланія и сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія, которыя вы, можетъ-быть, примете къ свѣдѣнію. Всѣ вы идете впередъ, дѣлая большую ошибку въ томъ, что по временамъ не оборачиваетесь умственнымъ окомъ назадъ. Мы все время тоже шли быстро впередъ, но до предѣльности. Дойдя до предѣльности, мы отдыхали, осматривались, провѣряли пройденное и съ новыми силами устремлялись уже за предѣльность, которая уже не становилась для насъ предѣльностью. Такъ, атакованная крѣпость составляетъ для воина предѣльность, а взятая предѣльность свою теряетъ. Вы шли впередъ безъ отдыху, обходя крѣпость и оставляя у себя въ тылу враговъ. Такъ, художники имѣютъ теперь въ тылу злѣйшаго врага—олеографію; музыканты бросили родные мотивы и атакованы нѣмцами и, несмотря на всѣ усилія, не могутъ пробиться сквозь вагнеровскую команду, хотя наши родные мотивы начинаютъ уже касаться до чуткаго нѣмецкаго уха. Современные драматурги пользуются драматическимъ фуражомъ въ Германіи и Франціи, хотя любезное наше отечество, при талантѣ и внимательномъ его изученіи, представляетъ для драматурга матеріалъ болѣе обильный и для общества болѣе полезный. Пью за самостоятельное русское искусство, чуждое иностранныхъ заимствованій...»

Генералъ осушилъ бокалъ. Находившійся въ числѣ гостей драматическій писатель чокнулся съ нимъ, но пить не сталъ.

СЪ НОВЫМЪ ГОДОМЪ! СЪ НОВЫМЪ СЧАСТЬЕМЪ!

Въ старину было обыкновеніе привѣтствовать новый годъ стихами. Стихи эти печатались въ журналахъ, газетахъ и преподносились даже швейцарами посѣтителямъ клубовъ. Такъ швейцаръ одного московскаго собранія, Семенъ Кобелевъ, пробряцалъ своимъ членамъ, въ 1844 году, слѣдующее стихотвореніе:

Давно я это зналъ, юнѣйшій сынъ вѣковъ,
Что будешь къ намъ ты посланъ Фебомъ,
И изольетъ свои щедроты Богъ боговъ
На грѣшныхъ жителей подъ небомъ и т. д.

И этотъ же годъ встрѣтилъ покойный Мятлевъ такими стихами:

Новый годъ сорокъ четвертый
Къ намъ пришелъ съ сумой протертой... и т. д.

Впрочемъ, не одинъ новый годъ — прежде и масляница удостаивалась лиры:

Честь имѣемъ васъ поздравить
Съ сырною недѣлей
И спѣшимъ стихи представить
Въ эти дни веселій.
Да цвѣтетъ на многи лѣта
Славный нашъ московскій!
Врядъ ли гдѣ въ предѣлахъ свѣта
Есть трактиръ таковскій.

Такъ привѣтствовали своихъ посѣтителей половые знаменитаго московскаго трактира.

Теперь это обыкновеніе прошло. Журналы и газеты стиховъ не печатаютъ, а половые подносятъ карточки съ изящно отпечатанными амурчиками и простою надписью: «Съ новымъ годомъ! Поздравительная карточка отъ служителей трактира П. Я. Тѣстова».

Одно только фараоново племя въ татарскихъ ресторанахъ, съ гикомъ, визгомъ и стономъ встрѣчаетъ обожателей безшабашнаго кутежа и неистовства прилаженными на новый годъ куплетами:

Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ
Поздравляемъ, господа.
И желаемъ вамъ съ участьемъ
Жить премногіе года... и т. д.

Итакъ, за отсутствіемъ стиховъ, поздравляю тебя, дорогой читатель, прозой: съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ! Дай тебѣ его Богъ. А если ты ужъ въ ночь сію осчастливленъ—радуюсь за тебя; если обойденъ—не унывай, крѣпись: не послѣдній это годъ; а если ты ничего не ожидалъ къ новому году—веселись и торжествуй. Пойдемъ на улицу. Обрати окрестъ взоры и смотри какое движеніе: шапки, цилиндры, кивера, треугольныя шляпы, обшитыя золотомъ, серебромъ, не обшитыя ни тѣмъ, ни другимъ, каски, на которыхъ

Вѣютъ бѣлые султаны,
Какъ степной ковыль...

Всѣ спѣшатъ,

Слѣпо свершая назначенный путь.

Къ извозчикамъ лучше не подходи — сегодня ихъ день, теперь ты отъ нихъ зависишь. Онъ не только не подбѣжитъ— не подойдетъ къ тебѣ, будучи вполнѣ увѣреннымъ, что ты въ немъ нуждаешься.

— Извозчикъ, до четырехъ часовъ...

— Семь рублей,—отвѣчаетъ онъ разсѣянно.

— Что ты, очумѣлъ, что ли!

— Помилуйте, сударь, день-то нынче какой... Опять же закладка...

— А велика ѣзда будетъ?—спрашиваетъ другой.

— Сказано: до четырехъ часовъ.

— Дайте шесть съ четвертью.

— Дуракъ!

— Какъ угодно! День-то нынче... Годъ цѣлый его ждали.

— Извозчикъ, въ Моховую.

— Дайте семьдесятъ пять копеекъ...

— Да вѣдь отсюда три шага...

— Что-жъ, сударь, дѣлать: день такой...

Вотъ изъ подъѣзда вышелъ какой-то господинъ въ штатскомъ пальто и форменной треуголкѣ. Онъ спѣшитъ. Ему надо — на Литейную, потомъ... потомъ на Фонтанку... Потомъ... Ну, чортъ тебя возьми!.. Въ ту... ахъ ты, Господи! Какъ она называется?.. Въ Коломну!

Извозчикъ все выслушалъ и отвѣтилъ мрачно:

— Занятъ.

— Тьфу ты, анаѳема,—отрѣзалъ господинъ и побѣжалъ.

— Вотъ те и анаѳема? Промнись! Теперь извозчики-то... наплачешься,—проворчалъ ему вслѣдъ извозчикъ.

У воротъ дома стоятъ, облизываясь, дворники. Они вышли на всякій случай, «потому, какъ есть, которые господа даютъ,—можетъ на счастье, что и попадетъ».

Подъѣхалъ солидный баринъ. Дворникъ почтительно снялъ шапку и отстегнулъ полость. Другіе дворники тоже сняли шапки и умильно поклонились. Баринъ вышелъ изъ саней и вошелъ въ дверь.

— Что? Далъ?

— Нѣтъ,—со вздохомъ отвѣчалъ дворникъ:—только поздравилъ. И тебя, говоритъ, также.

— Народъ! — произнесъ иронически одинъ изъ его товарищей.

— Тутъ такихъ господъ почитай что и нѣтъ,— продолжалъ дворникъ: — вотъ за три часа гривенникъ, да пятачокъ. А бывало въ домѣ Калугина, за это время, рубля два наберешь. Пустое дѣло—не стоитъ. Уваженье, кажись, дѣлаешь и праздникъ этакой...

— Великій,—подхватилъ другой дворникъ.

— На что ужъ больше! Свѣтлый день, да этотъ... Нѣтъ, ужъ это домъ такой... Бывало въ домѣ Калугина всякій давалъ по силѣ возможности...

Подъѣхалъ еще господинъ—дворники всѣ бросились отстегивать полость. Опять та же исторія: опять только поздравленіе получили.

— Значитъ— совѣсти у человѣка нѣтъ. Для этакаго праздника... Тьфу!—окончилъ дворникъ и ушелъ въ ворота; другіе послѣдовали его примѣру.

Парадный подъѣздъ. Роскошная швейцарская. Мраморная лѣстница устлана богатымъ ковромъ.

Цѣлый городъ съ какимъ-то испугомъ
Подъѣзжаетъ къ завѣтнымъ дверямъ.

Швейцаръ съ булавой то и дѣло отворяетъ дверь и оретъ какимъ-то сиплымъ, дикимъ голосомъ: «Подавай». На столѣ въ швейцарской груда визитныхъ карточекъ и три листа кругомъ исписанной бумаги. Второй швейцаръ въ золотѣ, въ такомъ костюмѣ, про который русскій человѣкъ говоритъ, что «такъ нарядить человѣка, значитъ—осрамить и обругать его на всю жизнь». Онъ нѣкоторымъ почтительно кланяется, приговаривая: «Съ новымъ годомъ, ваше превосходительство»; а нѣкоторымъ просто показываетъ листъ съ нѣкоторой фамильярностью:

— Здѣсь можно росписаться.

Записавшій свое имя и званіе вручаетъ ему переводъ на государственный банкъ и быстро удаляется.

— Что, Алексѣй Савельичъ, какъ дѣла,—обращается къ швейцару выѣздной лакей Павелъ.

— Благодареніе Богу, идетъ хорошо! Хорошо идетъ! Жаловаться нельзя,—отвѣчаетъ швейцаръ съ важностью: вицъ-директоръ только маленько проштрафился: въ прошломъ году пять, а теперь три. Я такъ понимаю, что ошибся... Слава Богу, идетъ чудесно! Не знаю вотъ кто это рубль сунулъ. Это, должно-быть, человѣколюбивый купецъ... больше его не кому.

— Это какой же?

— А изъ человѣколюбиваго общества.

— Это со звѣздой-то?

— Вѣдь она у него персидская, не наша. Онъ вмѣстѣ съ прокуроромъ вышелъ. Прокуроръ далъ три... Ну, да это онъ и есть.

Просто подъѣздъ. Швейцарская скромная и швейцаръ скромный. Нѣтъ той внушительной важности, какъ у швейцара параднаго подъѣзда, а что-то подло-заискивающее, что-то умильно-противное. Изъ-подъ лѣстницы, гдѣ его обитель, выглядываютъ трое ребятишекъ, поминутно спрашивая:

— Тятенька, сколько далъ?

— Сорокъ копеекъ.

Манька, сорокъ копеекъ.

Въ этой швейцарской не та публика и цѣна не та: здѣсь за рубль швейцаръ вздрагиваетъ всѣмъ корпусомъ. Но все-таки разложенъ листъ бумаги и валяются пять-шесть карточекъ. На листѣ записались: Иванъ Павловъ. Павлинъ

Меліоранскій. Чиновникъ на усиленіе средствъ Дымченко. Николай Изразцовъ и т. п.

На углу Большой Морской такое движеніе, что полиція едва успѣваетъ направлять экипажи. Смотрите, сколько лицъ свѣтлыхъ, веселыхъ, мрачныхъ, равнодушныхъ, разсѣянныхъ. Нѣкоторыя изъ нихъ въ эту ночь осчастливлены. Вотъ этотъ, напримѣръ, непремѣнно осчастливленъ. Смотрите, какъ онъ весело глядитъ по сторонамъ. Онъ сегодня въ новомъ украшеніи будетъ играть въ карты въ благородномъ собраніи.

— Позвольте васъ поздравить, Иванъ Степановичъ, — говоритъ ему партнеръ.

— О, полноте пожалуйста! Для человѣка служащаго это вещь неизбѣжная,—отвѣчаетъ онъ равнодушно.

Неправда! Онъ всю ночь примѣривалъ у зеркала.

А вотъ этотъ ждалъ въ 12 часовъ пополуночи, ждалъ къ двумъ, ждалъ къ девяти утра и въ двѣнадцать пополудни узналъ, что сорвалось! Смотрите, какой онъ сердитый.

— Я думалъ васъ встрѣтить сегодня въ новомъ украшеніи,—говоритъ ему партнеръ.

— О, полноте пожалуйста, я служу не для того...

Неправда! Эта ночь была для него мучительна.

Теперь пойдемъ къ нищетѣ и у ней тоже новый годъ сегодня. Еще не стемнѣло, она теперь на улицѣ. Узкій переулокъ. Высокіе дома, всѣ въ вывѣскахъ: «Кофейная на правахъ трактира». «Ресторація», «Трактиръ Любимъ», «Портерная лавка», «Пивная лавка съ разныхъ заводовъ», «Русскій буфетъ съ продажею пива и меда», «Погребъ иностранныхъ винъ купца Кривоногова». У воротъ дремлютъ дворники, несмотря на шумъ и движеніе.

— Съ новымъ годомъ!—говоритъ, едва держась на ногахъ, коренастый приземистый столяръ.

— Выпилъ?

— Порядочно! Больно праздникъ-то великъ, ну и выпилъ!

— Спать теперь пойдешь?

— Никакъ нѣтъ-съ. Спать намъ нельзя.

— Почему же?

— Потому у насъ положеніе...

Какое?

— Обнаковенное положеніе: пей, пока не трогаютъ. Отнимутъ ежели—тогда не надо. Теперича я наскрозь буду пить... Городовой ежели скажетъ...

— А городового боишься?

— Страсть! Околоточный тише... Иванъ Павловичъ... а городовой—страсть! Теперича всѣ выпимши: портные, сапожники... вся мастеровщина какъ есть вся пьяная... Потому какъ есть новый годъ и, значитъ, дай Богъ, къ примѣру, всѣмъ...

— Спать бы шелъ.

— Невозможно!

Изъ Москвы я прибылъ въ Питеръ
Все по собственнымъ дѣламъ...

запѣлъ пьяный человѣкъ и направился къ питейному заведенію.

Дѣйствительно, мастеровщина вся пьяная. Всѣ заведенія торгуютъ бойко. Городовой сосредоточенно смотритъ на бѣснующуюся толпу и изрѣдка дѣлаетъ замѣчанія.

— Шумятъ,—обращаюсь я къ нему.

— Никакъ, ваше благородіе, сообразить не могутъ. Хуже нѣтъ этого народу. Простой мужикъ лучше. Тотъ напьется, ткнется гдѣ попало и бери его живого; а мастеровой народъ не дай Богъ, особливо который въ пальтѣ ходитъ. Станетъ изъ себя доказывать — ничего съ нимъ не сдѣлаешь.

— А долго будутъ шумѣть?

— Какъ все пропьютъ, такъ и кончено. Который самъ поползетъ, а котораго товарищи поведутъ. Больно, ваше благородіе, въ этомъ участкѣ рвани много, и на что она пьетъ, даже удивительно. Теперича она вся по трактирамъ, да по пивнымъ, а вотъ къ вечеру-то полѣзетъ... Нѣтъ никакой возможности.

— Чѣмъ они живутъ?

— Воруютъ, али такъ, побираются... Протестутки эти тоже... тьфу!—окончилъ городовой, быстро бросившись къ толпѣ, въ которой началась драка: схватились портные. Это, по счету дежурнаго дворника, была десятая.

— Дерутся,—замѣчаютъ дворнику.

— Пущай для новаго года погрѣются, это имъ хорошо,—отвѣчаетъ дворникъ:—съ утра стонъ стоитъ. Для новаго года не напиться—не каторжные,—заключилъ онъ, завертываясь въ тулупъ.

Смеркло.

Мы не пойдемъ въ ворота дома, по той грязной, вонючей лѣстницѣ, питомнику тифа, лихорадки и т. п., гдѣ

ютится и скрывается отъ взоровъ полиціи рваная-рвань, голая-голь, безпаспортная. Тебѣ страшно сдѣлается. Тамъ у человѣка нѣтъ образа и подобія Божія; тамъ ужъ слезы нѣтъ; тамъ грязь, рубища, удушливый кашель, на лицахъ кровяные подтеки, но и у нихъ, у этого несчастнаго отребья, тоже сегодня новый годъ. Поздравимъ и ихъ мысленно, пожелаемъ и имъ въ новомъ году счастья и обновленія жизни.

— Пойдемъ лучше...

— Куда?

— А вонъ видишь залитый огнями этажъ. Тамъ сегодня раутъ. Только вѣдь тамъ скучно. Хотя... все такъ прилажено и тальи всѣ тамъ узки, а тоска безысходная. Не идти ли намъ въ какой-нибудь клубъ или собраніе; но и тамъ завинтились до одуренія: тамъ тоже скучно...

— Гдѣ же весело-то?

— Не знаю.

ВЪ ДОРОГѢ.

Мы ѣхали проселкомъ. Ночь была темная, непроглядная.

— А вы что думаете, сударь, вѣдь мы, кажись, цѣликомъ ѣдемъ и дорога-то отъ насъ ушла,—заговорилъ тревожно ямщикъ, соскакивая съ передка.

— Сбились?

— Да такъ-то сбились, что лучше требовать нельзя. Надо бы теперича, по настоящему-то, ужъ въ Тѣшиловѣ быть, а мы середь поля путаемся. Слава Богу, вьюга-то утихла, а то бы...

— Въ своихъ-то мѣстахъ, да дороги ты не знаешь!..

— Ничего не сдѣлаешь! Я разъ вплоть до свѣту около своего села ѣздилъ... Вы смотрите, какъ занесло-то — лошади не чувствуютъ.

Онъ прошелъ нѣсколько шаговъ взадъ и впередъ и окончательно убѣдился, что мы не на дорогѣ.

— Вотъ поди-жъ ты, — началъ онъ, подбирая вожжи:— все, главная причина, оттого—задремалъ я маленько... Согрѣшилъ грѣшный— на горохъ навалился, горохомъ-то меня и разморило...

— Что-жъ ты теперь будешь дѣлать?

— А вотъ, надо полагать, къ заутренямъ скоро ударятъ, я въ тѣ поры сейчасъ пойму... сейчасъ намъ дорога обозначится. Вы не сумлѣвайтесь.

— Да я и не сомнѣваюсь.

Точно, что пріятности мало въ такой большой праздникъ въ снѣгу застрять...

Дѣла своего ты не знаешь!

Дѣло свое я оченно хорошо знаю, а это ужъ несчастье

такое. Должность наша трудная! Я однова тоже красновидовскую экономку Матвѣвну въ пролуби потопилъ.

— Какъ потопилъ?

— Окунумши была значительно.

— Что-жъ тебѣ за это было?

— Да ничего не было! Не по характеру своему сдѣлалъ, а такъ Богу угодно. Плюхи три отъ управляющаго влетѣло...

Лошади шли съ трудомъ. Мнѣ становилось «страшно средь невѣдомыхъ равнинъ». Ямщикъ развлекалъ меня разсказами изъ ямской практики. Какъ онъ везъ купца и изъ-подъ моста на нихъ выскочили разбойники; какъ онъ на тройкѣ проскочилъ сквозь стадо волковъ; какъ провезъ станового черезъ лѣсной пожаръ, ужъ въ колесахъ спицы стали дымиться и пристяжнымъ хвосты опалило. Воображеніе его разыгралось до того, что онъ пересталъ чувствовать, что говоритъ необычайныя вещи. Я не мѣшалъ ему.

— А вы смоляного дождя не видали?

— Нѣтъ.

— А я видалъ... Страсть! Гоню это я просѣкой-то, лѣсъ-то горитъ, смола раскипѣлась—такъ и брыжжетъ, такъ и брыжжетъ!.. И такой трескъ идетъ... Становой кричитъ: выручай! Сиди, говорю, ваше благородіе, на своихъ лошадей я въ надеждѣ...

— Ну, и выручилъ?

— Какъ есть выручилъ! Да со мной и не такіе разы бывали: на Окѣ на льдинѣ меня съ тройкой пятнадцать верстъ несло. Хотѣли мнѣ за это медаль пожаловать...

Я усомнился въ правдоподобности его разсказовъ и замѣтилъ ему это.

— Что вы, помилуйте! Зачѣмъ мнѣ врать, мнѣ душа нужна.

— Какъ же это было?

— А вотъ видите: дѣло было опосля благовѣщеньева дня. Хорошо! И между прочимъ долженъ я былъ везти одного купца, значительнаго.

Вдругъ онъ прервалъ разсказъ, привсталъ на передкѣ и, указывая кнутомъ на темное пространство, заговорилъ вполголоса:

— Видите?

— Что?—спросилъ я, пристально вглядываясь въ непроницаемую темь.

— Волки! — отвѣтилъ онъ шопотомъ.—Къ лѣсу ударились.

— Я ничего не вижу.

— Непривычка ваша. А я волка за пять верстъ распознаю, какой онъ такой есть. Я разъ порожнемъ ѣхалъ и только сейчасъ смотрю, а онъ, значитъ, на самой дорогѣ воззрился и стоитъ. Коли ежели бы, значитъ, ружье у меня было...

— А ты стрѣлять умѣешь?

— Не пробовалъ.

— Такъ что-жъ бы ты съ ружьемъ-то сдѣлалъ?

— Все, значитъ, ему острастка.

Вправо отъ насъ зашевелились темные силуэты, только это были не волки, а люди. Чувствовалось, что ямщикъ сконфузился: эффектъ, которымъ онъ хотѣлъ меня поразить, пропалъ.

— Что, братцы, такъ мы ѣдемъ на Тѣшилово?—обратился я къ нимъ.

— Такъ, родимый, такъ,—послышался отвѣтъ.

— Стало-быть, мы на дорогѣ?

— Цѣлика маленько забрали. Поправѣй маленько возьмите...

Мы свернули на торную дорогу, хотя очень занесенную снѣгомъ. Ямщикъ не вдругъ убѣдился, что мы на дорогѣ, и ворчливымъ тономъ отнесся къ прохожимъ:

— Вы здѣшніе?

— Здѣшніе. Сами идемъ въ Тѣшилово къ утрени.

— А то мы знаемъ, какъ дорогу-то показываютъ. Мнѣ разъ вѣдьмежью указали.

— Какъ медвѣжью?—спросилъ я.

— По которой вѣдьмедя ходятъ: она имъ нигдѣ не заказана. Оба уха я въ тѣ поры отморозилъ.

— Одна у насъ здѣсь для всѣхъ дорога. Поѣзжай съ Богомъ.

Раздался унылый отдаленный звукъ колокола.

— Это въ Тѣшиловѣ?—обратился я къ ямщику.

— Не узнаешь,—отвѣтилъ онъ:—можетъ, въ Тѣшиловѣ, а можетъ, въ Новоселкахъ. Рядомъ, почитай, села-то. Надо-быть, въ Тѣшиловѣ: въ Новоселкахъ колоколъ, словно, погуще. Трактирщикъ петербургскій слилъ. Тамошній онъ крестьянинъ былъ, раздышался въ Петербургѣ, въ купцы произошелъ и слилъ. Кто говоритъ, что онъ пьянаго хозяина своего ограбилъ, а кто говоритъ—своимъ

умомъ деньги нажилъ, неизвѣстно. Возилъ я его. Ужъ оченно ругается... Такъ ругается—нѣтъ никакой возможности! То предъявляетъ, что въ С.-Петербургѣ онъ оченно значительный. Я, говоритъ, при своемъ капиталѣ, кого хошь въ острогъ посажу.

— А вы и вѣрите?

— Какъ же не вѣрить? Можетъ, права такія имѣетъ... Мы этого не знаемъ... С.-Петербургъ отъ насъ далеко. Которые вотъ съ нашей стороны живутъ тамъ въ половыхъ, али по мастерству по какому—придетъ въ деревню и сейчасъ себя такъ означаетъ, что съ нашимъ мужицкимъ разговоромъ и не подступишься. Но только и имъ попадаетъ. Новоселковскій старшина одному такому дикому барину, при всемъ селѣ, такую трепку задалъ, что любодва! Я, говоритъ, тебѣ покажу, какъ съ начальствомъ слѣдоваетъ... Куцая штука на емъ была надѣта — спинжакъ, что ли по-ихнему—и такъ онъ понималъ, что въ спинжакѣ въ этомъ вся сила, никто до его дотронуться не можетъ. Что смѣху было! Особливо дѣвки... Такъ и визжатъ. Бѣда эти санктпетербургскіе спинжаки. Другой горечь, а доказываетъ...

— А старшина у васъ сердитый?

— Баловства не любитъ, но только оченно человѣкъ правильный.

Звуки отдаленнаго колокола становились рѣзче и рѣзче. Изъ подъ сугроба начали показываться вершинки загороди, овинъ, заколоченная избенка. Ямщикъ мнѣ разсказалъ, что въ этой избенкѣ жилъ колдунъ, портилъ бабъ, напускалъ страхъ на всю окружность, что нашелся смѣлый человѣкъ: на вожжахъ протащилъ его по всему селу и, при всемъ народѣ, убилъ дубиной, «но только его, между прочимъ, за это за самое сослали на каторгу». Въ окнахъ мерцали огоньки, изъ трубъ валилъ дымъ, около храма уже толпился народъ. Мы остановились у постоялаго двора.

— Сергѣевна, ты на чистую половину веди,—обратился ямщикъ къ женщинѣ, освѣщавшей намъ путь сальнымъ огаркомъ:—народу, поди, у васъ много скучилось?

— Къ утрени которые пришли... много...

— Что мудренаго: приходъ вашъ большой.

— Да есть ли еще гдѣ такой приходъ...—подтвердила съ достоинствомъ Сергѣевна.

Мы вошли въ довольно опрятную комнату. Столъ былъ

накрытъ бѣлымъ столешникомъ, передъ образами горѣла краснаго стекла лампада, на стѣнѣ московскаго издѣлія картинки, изъ которыхъ одна обратила мое особенное вниманіе: фигура въ синемъ фракѣ и желтыхъ брюкахъ виситъ въ петлѣ, подъ ногами у него разсыпаны деньги, внизу подпись: «желалъ самъ нѣкто быть удавленъ для спрятаннаго серебра». Необходимыхъ обывателей всякаго постоялаго двора—таракановъ не существовало. Воздухъ былъ чистый. Пока я раздѣвался, пока разсматривалъ картины, Сергѣевна втащила огромный самоваръ, изъ котораго могутъ достаточно напиться двадцать человѣкъ. Ямщикъ внесъ мои дорожныя вещи.

— Что ты какой большой самоваръ-то принесла,—обратился я къ ней.

— Это, батюшка, у насъ середній, господскій, а для ямщиковъ который, такъ тотъ мнѣ и не поднять, мужику съ тѣмъ впору управляться.

— Самоваръ здоровенный,—вмѣшался ямщикъ:—пота четыре сойдетъ, пока его осилишь. Да вѣдь мы, сударь, пьемъ не по вашему, мы пьемъ по тѣхъ мѣстъ, пока тоска одолѣетъ.

— Сергѣевна, а ты вотъ что: торгуете?

— Чѣмъ?

— А энтимъ самимъ... понимаешь? Теперь бы съ морозу-то хорошо.

— Торгуемъ.

— А пакентъ у васъ есть?

— Какъ же возможно безъ пакенту.

— Ну, такъ давай... Съ пакентомъ завсегда лучше, словно бы какъ разрѣшенное; а безъ пакенту ежели пьешь, да оглядываешься: влетитъ тому, кто подноситъ, да и кто пьетъ-то и того тоже не похвалятъ. А ты мнѣ дай осьмушечку съ печатью, сейчасъ мы ее выпьемъ—нутренности-то у насъ и отойдутъ.

Вошелъ самъ содержатель постоялаго двора, благообразный, среднихъ лѣтъ мужикъ, щеголевато, на купеческую ногу, одѣтый.

— Не чаяли мы, сударь,—началъ онъ:—въ такой великій праздникъ гостей къ себѣ.

Да, въ дорогѣ, Иванъ Никонычъ, чуть не застряли. Съ самыхъ вечерень вчерашняго дня вьюга была и, между прочимъ, такъ дорогу занесло и въ тѣмъ числѣ я маленько проштрафился... на горохъ навалился...

— Въ церковь нашу не пожалуете ли? У насъ нынче престольный праздникъ,—отнесся ко мнѣ хозяинъ.

— Поютъ у нихъ, ваше благородіе, оченно хорошо,— подхватилъ ямщикъ:—такъ поютъ, что, кажется, и невозможно...

— Поютъ у насъ чудесно, такъ что въ окружности нашей нигдѣ такъ не поютъ,—поддакнулъ хозяинъ.

— Изъ кого же хоръ составленъ?—спросилъ я.

— Да изъ нашего села пять человѣкъ, да фабричныхъ отъ Карла Ивановича человѣкъ десять, племянники поповскіе, трое ихъ, двое-то въ обученіи въ Москвѣ, а одинъ такъ... утокъ у насъ стрѣляетъ, фельдшеръ Петръ Никитичъ, а всѣмъ дѣломъ заправляетъ отецъ дьяконъ. Вчера у меня спѣвались, концертъ по нотамъ слаживали... превосходно! Мальчика одного, шпитомка, обучили дишкантомъ пѣть... такъ тонко выводитъ, что даже удивительно.

— Какой же они концертъ пѣли?

— Не могу ужъ вамъ доподлинно доложить, только мальченко этотъ съ фабричнымъ оченно выручаютъ. Фельдшеръ пробовалъ было подставать къ нимъ, но только нѣтъ, голосомъ такъ дѣйствоваться не можетъ, а разовъ пять принимался. Ну, а на лѣвомъ крылосѣ дьячокъ орудуетъ, у него тоже человѣкъ пятокъ мужичковъ, да бывшій нашего барина дворецкій слѣпой... при баринѣ онъ тоже на крылосѣ пѣлъ. Поютъ складно. Приходъ нашъ очинно богатый и храмъ у насъ великолѣпный.

— А что же это у васъ колоколъ...

— Колоколъ жидокъ, это истинная ваша правда. Колокольня не дозволяетъ, а то мы бы такого батюшку подняли... міру на удивленіе! Ахтитекторъ изъ Москвы были, размѣръ дѣлали—никакъ невозможно.

— А вотъ въ Новоселкахъ, говорятъ—отличный.

— Да онъ, сударь, не звонитъ.

— Отчего?

— Да какъ вамъ доложить? Нечистыя руки его подымали. Колоколъ не обманешь, онъ знаетъ... Другой годъ съ нимъ бьются—ничего нельзя сдѣлать. Кто позвонитъ, сейчасъ и оглохнетъ дня на три.

— Неужели это правда?

— Вѣрно вамъ говорю. Трактирщикъ поусердствовалъ. Спервоначалу своего хозяина дурманомъ опоилъ, капиталомъ его завладѣлъ, а послѣ того колоколъ слилъ.

Я пошелъ вмѣстѣ съ хозяиномъ. Свѣтало. Небо было

чистое. Звѣзды тускли. Небольшая каменная церковь не могла вмѣстить всѣхъ молящихся. Несмотря на довольно крѣпкій морозъ, многіе стояли на паперти съ непокрытыми головами.

— Ты бы мальчику-то шапку надѣла, — обратился я къ одной женщинѣ, державшей на рукахъ лѣтъ четырехъ ребенка:—простудится.

— Мы, сударь, простуды не имѣемъ,—отвѣтилъ за нее осанистый мужикъ съ совершенно голою головою.

Оказалось, что хозяинъ мой былъ въ селѣ человѣкъ почетный: ему всѣ почтительно кланялись и давали дорогу. Мы стали у праваго клироса. Ризы на священнослужителяхъ золотыя, очень богатыя. Зажжено паникадило и всѣ мѣстныя свѣчи. По полу разбросанъ ельникъ. Обѣдня началась тотчасъ послѣ заутрени. Крестный ходъ съ хоругвями и образами направился къ Іордани, послышалось дружное пѣніе: «днесь водъ освящается естество и раздѣляется Іорданъ»... Миновавъ деревню, ходъ остановился подъ горой у ручья, на которомъ былъ вырубленъ четырехконечный крестъ, обсаженный ельниками. Началось служеніе. Всѣ сосредоточенно ожидали погруженія въ воду св. креста. «Во Іорданѣ крещающеся тебѣ Господи»—запѣлъ дребезжащимъ старческимъ голосомъ священникъ, погружая св. крестъ въ воду. Всѣ, какъ одинъ человѣкъ, упали на колѣни. Угрюмыя лица просвѣтлѣли. По окончаніи священнодѣйствія, крестный ходъ тѣмъ же порядкомъ направился обратно. Мужики, бабы, дѣвки, мальчики затѣснились у Іордани, добывая святую воду. Кто обмакивалъ руку и мочилъ голову и глаза, кто черпалъ пригоршней и пилъ, кто лѣзъ съ кувшиномъ, кто съ бутылкой. Началась свалка. Затрещала хрупкая посуда.

Ямщикъ мой взялъ у бабы кружку, выпилъ всю, не переводя духа, примолвивъ:

— Совсѣмъ другой скусъ!.. Что значитъ...

Около проруби, изъ которой обыкновенно берутъ воду для домашняго обиходу, собралась толпа мужиковъ.

— Ты полѣзешь?—спрашиваетъ плѣшивый мужикъ одного коренастаго парня.

— Надо бы словно, да боязно.

— Коли рядился, такъ надо: по крайности очистишься.

— Холодно оченно...

— Холодъ въ такомъ случаѣ не дѣйствуетъ. Я почитай

цѣлый кувшинъ выпилъ,—ничего,—замѣтилъ кто-то изъ толпы.

— Да надо лѣзть, дѣлать нечего, рѣшилъ парень, снимая полушубокъ.

— Посторонись!

— Пущай лѣзетъ, мы тоже опосля.

— Бабы ступайте по домамъ.

— Хотимъ посмотрѣть, какъ окунаться будутъ,—проговорила одна бойкая бабенка.

— Ахъ, Марѳушка, сколько въ тебѣ этой глупости, не приведи Богъ. Учить-то тебя некому. Не въ одежинѣ окунаться будутъ! Эхъ ты, образованіе!.. А еще мужъ въ солдатахъ служитъ!..

— Вы тутъ долго торговаться будете,—заговорилъ, протискиваясь сквозь толпу, уже раздѣвшійся парень:—а понашему во какъ!..—И бросился въ прорубь.

Бабы взвизгнули... Черезъ мгновеніе на поверхности проруби показалась голова съ посинѣвшимъ лицомъ и блуждающими глазами.

— Держи, держи,—закричала толпа, хватая за руки окунувшагося парня.

— Давай скорѣй сапоги!..

— Накидывай ему скорѣй полушубокъ-то!..

— А гдѣ-жъ рубаха-то?..

— До рубахи ли ужъ тутъ. Ишь стужа какая! Въ кабакѣ надѣнетъ.

Очистившійся бросился бѣжать.

— А ты, Ѳерапошка, будешь окунаться?

— Я не былъ ряженымъ...

— Какъ не былъ?

— Въ кабакѣ только меня маленько сажей намазали, а не своей волей.

— Пусти, пусти!..

Толпа опять разступилась, тѣмъ же порядкомъ бросился другой парень, за нимъ третій.

— Которые рядившіе ступайте,—вызывалъ одобряющимъ тономъ плѣшивый мужикъ.

— Сейчасъ, Микита Микитичъ,—отозвался рыженькой паренекъ изъ фабричныхъ:—я тебѣ это удовольствіе сдѣлаю. Долженъ я свои грѣхи смывать... Только ты полушубокъ держи и какъ я сейчасъ—вылѣзу, такъ ты меня и покрывай.—Полураздѣвшись, онъ подошелъ къ проруби,

попробовалъ рукой температуру воды и отошелъ, промолвивъ:—нѣтъ, не полѣзу.

Всѣ разсмѣялись.

— Эко, дуракъ! Вѣдь ты рядился!

— Такъ что-жъ что рядился! Тулупъ выворачивалъ! Какой же въ этомъ есть грѣхъ? У насъ въ запрошломъ году на фабрикѣ одинъ мѣщанинъ ухнулъ тоже въ прорубь, да такъ тамъ и остался... Цѣлый день мы пытали его ловить...

— Не поймали?

— Двухъ судаковъ поймали, а его нѣтъ. Въ полую воду у плотины всплылъ.

Когда я вернулся на постоялый дворъ, очистившіеся ужъ сидѣли, какъ ни въ чемъ не бывало, за щами со свининой.

— А что, братцы, должно быть холодно?—спросилъ я.

— Ничего, сударь!—Ѣекитъ опосля очень превосходный.

КУПЕЧЕСКОЕ ЖИТІЕ.

Отрывокъ.

9-го іюня.

Милка! Я совершенно неожиданно получила мѣсто гувернантки въ отъѣздъ, въ провинцію. Это мнѣ устроила наша милая начальница. Мѣсто очень богатое, у одного богатаго купца, у котораго милліонъ денегъ, милліонъ дѣтей, милліонъ мельницъ и заводовъ. Подробно писать некогда: завтра выѣзжаю изъ Петербурга. Цѣлую тебя, моего милаго голубя, мою чернушку. Душой буду жить съ тобою. Sophie.

Зарѣченскъ, 5-го іюля.

Ну вотъ, сокровище мое, я пріѣхала въ нашъ богоспасаемый городъ, осмотрѣлась, устроилась и пишу тебѣ. Вотъ какъ все случилось. Въ одно прекрасное утро Аврора Карловна пригласила меня явиться къ ней немедленно.

— Хотите, ma chère, мѣсто?

— Хочу!

— На Волгу?

— Хоть на край свѣта!

— Мнѣ написалъ письмо —ской губернаторъ. Онъ проситъ рекомендовать гувернантку въ домъ одного почтеннаго купца въ его городѣ. Съ письмомъ этимъ была у меня сестра этого купца. Я указала ей на васъ. Не бойтесь, вы будете находиться подъ покровительствомъ губернатора, съ женой котораго мы вмѣстѣ воспитывались. Я вамъ все это устрою.

Я заплакала, бросилась къ ней на шею и не успѣла еще успокоиться отъ волненія, какъ въ гостиную вошла необыкновенно толстая купчиха, на лицѣ у которой, вмѣсто

носа, воткнута маленькая луковка (цыбулька), а вмѣсто глазъ—вложены двѣ испанскія вишни; отвислыя жирныя щеки и подбородокъ довершали ея безобразіе; но, несмотря на это, она не произвела на меня ничего отталкивающаго, напротивъ—показалась мнѣ очень симпатичной.

— Позвольте васъ познакомить,—обратилась къ намъ Аврора Карловна:—это ваша будущая гувернантка, а это ваша будущая хозяйка.

— Ну, хозяйка-то, матушка, еще далече, мы только сродственницы. Что-жъ, ежели вы согласны, милости просимъ, поѣдемте,—обратилась она ко мнѣ.

— Угодно вамъ будетъ посмотрѣть мой дипломъ?

Аврора Карловна должна была объяснить, что значитъ дипломъ.

— Мы вамъ и такъ вѣримъ. Нашъ губерніи начальникъ зналъ, гдѣ васъ искать. Молоденька только,—лукаво замѣтила она Аврорѣ Карловнѣ:—наши подростки ужъ большіе. А вы на фортопьянахъ можете распорядиться?

— Могу.

— У насъ старшая давно ужъ учится, только дойти никакъ не можетъ. А по нынѣшнимъ временамъ это требуется. Насъ вотъ ничему не учили, а, слава Богу, вѣкъ свой свѣковали. А нынче народъ-то другой сталъ—пляшутъ, поютъ, на разные языки... Выйдетъ замужъ и на купчиху-то не похожа: попадья—не попадья, барыня—не барыня и обществомъ своимъ торгующимъ гнушается. Много этой наукой нашей сестры перепортили.

И долго она говорила на эту тему, порицая образованіе, но очень наивно, безъ всякой злобы.

Вечеромъ, въ тотъ же день, я была у ней. Она останавливалась въ Чернышевскомъ переулкѣ, въ какихъ-то меблированныхъ комнатахъ. Я пришла въ ужасъ! Грязнѣе, душнѣе, мрачнѣе комнаты никогда не рисовало мое воображеніе. Неужели, подумала я, здѣсь можетъ жить сестра милліонера? Что если и милліонеръ такъ же живетъ?

— Клопы, матушка, ваши санктпетербургскіе очень одолѣли! И какая ихъ у васъ сила!..—обратилась она ко мнѣ.

— Вы бы остановились въ другой гостиницѣ.

— Привычка, душечка моя, привычка. Всѣ съ нашей стороны здѣсь останавливаются. Первое дѣло—дешево, второе дѣло—знакомство: всѣ насъ здѣсь знаютъ—и хозяинъ, и прислуга.

— А какъ же клопы-то?

— Э, матушка, то ли святые отцы терпѣли. На одного— житіе мы читали—жуки были напущены... Терпѣли! Точно что непріятно...

На сборы мнѣ дано было три дня, и въ эти три дня я, какъ говорится, не присѣла: бѣгала, ѣздила, укладывалась, покупала всякую дрянь, прощалась, плакала, смѣялась, наконецъ, совсѣмъ измученная, пріѣхала на желѣзную дорогу. Хозяйка моя, Дарья Ипатьевна, окруженная купцами «русскаго житія», какъ она выражалась, сидѣла въ залѣ на диванѣ.

— Поджидала васъ,—встрѣтила она меня:—думаю, гдѣ моя красавица мыкается.

— Еще рано.

— Лучше оно... пораньше-то добраться... Мало ли что...

Ты не подумай, чернушечка, что я шаржирую языкомъ, передавая рѣчь Дарьи Ипатьевны. Нѣтъ: здѣсь всѣ такъ говорятъ. Этотъ языкъ я усвоила въ совершенствѣ и могу на немъ говорить такъ же свободно, какъ по-французски.

Передъ отходомъ поѣзда, на платформѣ показались Аврора Карловна съ Марьей Ивановной. Я не ожидала такой чести отъ моихъ наставницъ и совершенно растерялась. Аврора Карловна передала мнѣ письмо ея къ губернатору и обѣ меня перекрестили, а Марья Ивановна дала мнѣ маленькій медальончикъ съ образкомъ Божьей Матери. Чудная, высокая женщина! Всѣмъ я ей обязана.

Пока мы разговаривали на платформѣ, Дарья Ипатьевна сидѣла уже въ вагонѣ, у окна, и дѣлала наставленіе находившемуся въ числѣ ея провожатыхъ молоденькому, бѣлокуренькому, краснощекому, съ одутловатымъ глупымъ личикомъ купчику.

— Ты, Микитушка, старайся,—становись на свои ноги. А вы его берегите, чтобы онъ тутъ въ Питерѣ-то у васъ не завертѣлся.

— Будьте покойны, матушка, Дарья Ипатьевна. Баловать не дадимъ,—отвѣчалъ старый, солидный купецъ, погладивъ Никитушку по плечу: — у насъ на Калашниковой дѣла много, баловать некогда.

Когда я проходила въ вагонъ мимо провожавшихъ Дарью Ипатьевну, одинъ изъ нихъ сказалъ такъ громко, что я слышала: «Какую, Иванъ Семеновъ, важную штучку Дарья Ипатьевна приспособила».

Наконецъ, поѣздъ тронулся. Я сѣла противъ Дарьи

Ипатьевны, которая столько внесла въ вагонъ всякой рухляди, что мнѣ пошевелиться было невозможно. Съ ней были мѣшки, узлы, узелки, двѣ огромныхъ подушки и т. п.

— Это вамъ сродственница будетъ толстенькая старушка?—спросила она меня про Марью Ивановну.

— Нѣтъ, это моя воспитательница.

— Значитъ, вы сирота?

— Сирота. А кто этотъ молодой человѣкъ, который васъ провожалъ?

— Это нашъ племянникъ. Подросъ маленько — баловаться сталъ съ приказчиками, такъ вотъ мы его сюда къ знакомому купцу, на Калашникову, пускай въ чужихъ людяхъ поживетъ, очувствуется. Материно молоко еще на губахъ не обсохло, а ужъ онъ попивать сталъ. Нашъ ужъ и билъ, и на баржу ссылалъ... Ну, придетъ маленько въ себя, одумается, да опять... Думали, думали, да и порѣшили отдать его на чужую сторону. Жалко было, поплакали. Маленькаго его макомъ опоили. Блажной былъ, не спалъ, кусался все—его макомъ на сонъ грядущій и поили. Одурманится и заснетъ. Не отъ этого ли, думаемъ, и пить-то онъ сталъ. Сирота вѣдь онъ, голубушка, съ сестрой своей сиротами послѣ отца-матери остались.

— Стало-быть, онъ у васъ въ опекѣ?

— Да, матушка, до полнаго возраста изъ нашей воли выходить не могутъ. Самъ-то ужъ немножко побаивается: капиталъ-то ихній весь у него въ торговомъ дѣлѣ, выдутъ на свою волю и потревожить его могутъ... капиталъ-то. Одна скажетъ: я замужъ хочу—отдай мою часть, а другой скажетъ: своимъ дѣломъ основаться хочу—отдай! Народъ-то нынче чувства никакого не имѣетъ! Очень даже побаивается... Разорить могутъ.

Долго говорила Дарья Ипатьевна на эту тему, наконецъ, почувствовала голодъ и стала доставать изъ своихъ мѣшечковъ провѣсную бѣлорыбицу, яйца, какую-то вяленую рыбу, достала изъ-подъ скамейки бутылку квасу и предложила мнѣ раздѣлить съ ней ея трапезу. Я отказалась, не потому, чтобы не чувствовала въ ней необходимости, но мнѣ совѣстно было окружающихъ. Дарья же Ипатьевна не стѣснялась: лупила яйца, бросала скорлупу на полъ, пила квасъ прямо изъ бутылки черезъ горлышко, обсасывала пальцы... Просто прелесть!

— Ну, славу тебѣ Господи! — промолвила она, окончивши свою трапезу.—Богъ напиталъ, никто не видалъ.

Это она сказала не совсѣмъ справедливо: всѣ обращали на нее вниманіе, когда она кушала.

— Теперь и соснуть можно. Въ деревнѣ говорятъ: у бабы нѣтъ тягла, поѣла да спать легла... — и, склонивши голову на подушку, въ одинъ мигъ разлучилась съ окружающимъ міромъ.

«Неожиданный репримандъ», хлопоты по сборамъ не давали мнѣ времени сосредоточиться, теперь мнѣ вдругъ страшно стало! Куда я ѣду? Зачѣмъ я ѣду? Несмотря на усталость, я не могла спать, всю ночь меня бросало то въ жаръ, то въ холодъ. Видѣла непроглядную темь, видѣла восходъ солнца, видѣла лѣса, рѣки, огромные мосты и, несмотря на то, что это случилось въ первый разъ въ моей жизни, я оставалась совершенно равнодушной. Дарья Ипатьевна по временамъ просыпалась, пила квасъ и снова погружалась въ крѣпкій сонъ. Въ Клину она проснулась и съ необыкновенно ласковой улыбкой обратилась ко мнѣ:— хорошо, піёнчикъ мой, спали?

— Я совсѣмъ не спала. А вы?

— Какъ убіенная! Хошь укради меня, и не слыхала бы. Вотъ мы и въ Москвѣ.

Здѣсь намъ была встрѣча болѣе торжественная, чѣмъ проводы: здѣсь насъ встрѣтили, если можно такъ выразиться, «очищенные» купцы, не длиннополые, какъ въ Петербургѣ, а франты—въ жакеткахъ, въ цилиндрахъ. Намъ подали коляску, въ которую, кромѣ меня и Дарьи Ипатьевны, положили весь нашъ скарбъ—подушки, мѣшки, корзинки и т. п. и повезли насъ въ Зарядье—такъ называется улица. Москва произвела на меня очень сильное, подавляющее впечатлѣніе: на извозчикахъ странные поярковые цилиндры, пахнетъ вездѣ соленой рыбой, возы съ сѣномъ, возы съ живыми телятами, возы съ какими-то кулями, крикъ разносчиковъ, трескъ извозчичьихъ экипажей, звонъ разнотонныхъ колоколовъ, пыль, препятствующая дыханію, изящныя зданія рядомъ съ развалившимися деревянными домишками, щегольскіе экипажи перегоняютъ ободранныхъ извозчиковъ, по узкимъ тротуарамъ бѣгутъ, толкаются, сталкиваются—ужасъ! Мы проѣхали Красныя ворота, вдали я увидала Сухареву башню, проѣхали мимо старинной городской стѣны, въѣхали въ ворота, надъ которыми поставлена большая чудотворная икона, и опустились подъ гору— это Зарядье, мѣсто моихъ двухдневныхъ страданій.

Пока довольно, мой ангелъ. Хоть и въ три пріема я на-

писала тебѣ это письмо, все-таки устала. На-днях буду продолжать. Крѣпко тебя цѣлую.

Здравствуй, милая Танюша. Ты не можешь себѣ представить, съ какимъ наслажденіемъ я сажусь писать тебѣ. Не сердись, что пишу длинно — это плодъ моей тоски и одиночества. Я съ отчаяніемъ гляжу впередъ и успокаиваюсь только тогда, когда бесѣдую съ тобой. Ты не знаешь, что значитъ тоска, ты не испытала ея. Впереди я буду говорить о ней, а теперь продолжаю прерванное письмо.

По узкой, крайне неопрятной лѣстницѣ мы вошли въ зловонный коридоръ, черезъ который проникли въ четырнадцатый номеръ, считающійся по удобству и обстановкѣ самымъ лучшимъ въ гостиницѣ. Удобство его состоитъ въ томъ, что въ немъ двѣ комнаты—въ одной двухспальная кровать и тусклое, ничего не отражающее зеркало, а въ другой — комодъ, грязный диванъ и нѣсколько такихъ же стульевъ. Дарья Ипатьевна мгновенно принялась за бѣлорыбицу, а мнѣ принесли полпорціи рыбной селянки и что-то еще, отъ чего я отказалась—кажется телячьи ножки, но ужасныя!

Но Дарья Ипатьевна не побрезговала: съѣла все блюдо, обсосала косточки, облизала свои пальцы. Я все смотрѣла и удивлялась: можно ли, думала я, при милліонномъ состояніи быть такой круглой невѣжей?

Послѣ завтрака намъ стали дѣлать визиты. Первымъ пріѣхалъ солидный купецъ, сѣдой какъ лунь, Иванъ Осиповичъ, за нимъ молодой купецъ, одѣтый въ послѣднее слово парижской моды, но говорящій «оттеда», «покеда», «теперича ежели трафится когда», «теинька», вмѣсто тетенька; пріѣзжали и еще какіе-то торговые люди.

Всѣ обращались съ Дарьей Ипатьевной необыкновенно почтительно: «на-долго сюда изволили пожаловать?» «Смѣю ли васъ просить сегодня къ намъ кушать!» «оченно рады будемъ, если вы удостоите насъ своимъ посѣщеніемъ». Всѣмъ она на-отрѣзъ отказывала, ссылаясь на усталость; не устояла только передъ приглашеніемъ Ивана Осиповича.

— Такъ ты теперь, кума, въ монастырь панафиду служить?

— Первымъ долгомъ, батюшка.

— Ну, а по окончаніи всего этого, пріѣзжай къ Тѣстову въ трактиръ... Я къ тебѣ сейчасъ пришлю Петрушку съ экипажемъ: онъ тебя и въ монастырь доставитъ, и въ трак-

тиръ привезетъ. А мы тебя ублаготворимъ московскимъ поросенкомъ, да уху стерляжью составимъ съ растегаями, али солянкой ублажимъ. И васъ милости просимъ,—обратился онъ ко мнѣ:—вы въ первый разъ въ Москвѣ?

— Въ первый.

— Вотъ и чудесно!

Черезъ часъ явился молодой приказчикъ, усадилъ насъ въ коляску, самъ вскочилъ на козла. Мы поѣхали по набережной Москвы-рѣки, долго ѣхали по какой-то улицѣ въ гору, наконецъ подъѣхали къ старинному монастырю, съ колокольни котораго раздавался благовѣстъ къ вечернѣ. Видъ съ горы на Москву очаровательный, я ничего подобнаго не могла себѣ представить. Изъ-за зелени садовъ виднѣются дома, надъ садами высятся церкви и колокольни, съ ярко освѣщенными солнцемъ золотыми главами и крестами. Такого сильнаго впечатлѣнія я никогда не испытывала. Мы вошли въ святыя ворота и направились прямо къ кладбищу. Дарья Ипатьевна остановилась у одного сѣраго гранита памятника, на которомъ я прочла слѣдующую надпись:

«Господи пріими духъ мой съ міромъ!

«Подъ симъ камнемъ погребено тѣло умершаго почетнаго гражданина, первостатейнаго фридрихсгамскаго купца, фабриканта, заводчика и оптоваго торговца Ильи Аксеновича Заваруева, родившагося въ городѣ Ярославлѣ, а скончавшагося въ семъ царствующемъ градѣ Москвѣ, 1839 г. января 5-го дня, житія его было 75 лѣтъ.

О вы, друзья мои любезны,
Не ставьте камня надо мной:
Всѣ ваши бронзы безполезны,
Онѣ души не скрасятъ злой».

— Дѣдушка намъ по нашей матери доводится,—сказала мнѣ Дарья Ипатьевна:—богатѣйшій былъ человѣкъ, онъ и капиталъ-то весь нашъ скопировалъ... Онъ, матушка, все онъ... Нищую братію какъ обожалъ, сколько колоколовъ слилъ, по монастырямъ какой благодѣтель былъ, что этой бѣдности замужъ повыдалъ, а сродственниковъ всѣхъ въ люди повывелъ, которые даже ничего не стоющіе—и тѣмъ хлѣбъ далъ...

Послѣ вечерни монахи отслужили панихиду и «Петра» повезъ насъ по назначенію. Мы ѣхали кривыми переулками, миновали нѣсколько великолѣпныхъ бульваровъ, очутились опять около древней городской стѣны, только съ другой

стороны, и наконецъ подъѣхали къ трактиру Тѣстова. Представь себѣ, душа моя, я въ трактирѣ! Какое-то странное чувство овладѣло мной, когда мы шли по коридору и намъ почтительно кланялись мужики въ бѣлыхъ, необыкновенно чистыхъ рубашкахъ—это трактирные слуги, которыхъ называютъ половыми. Насъ ввели въ отдѣльный большой кабинетъ, гдѣ мы встрѣтили общество человѣкъ изъ пятнадцати, все купцы. Начались представленія.

— Это, кума,—говорилъ Иванъ Осиповичъ: —Гаврила Мироновичъ, Мирона Карпыча сынъ... помнишь бакалейщика...

— Родителя-то помню... Сватался за меня.

— А ты и промигала!..

— Не судьба, значитъ...

— А это, знаешь ли, кто? Иванъ Ильичевъ сынъ... Павлуша... въ коммерческомъ судѣ обучался...

Павлуша улыбнулся.

— Что вы, Иванъ Осиповичъ! Я учился въ коммерческомъ училищѣ...

— Все одно, къ тому же клонитъ.

— Какъ же Павлушеньку не знать! Махонькой-то такой вострый былъ, все кусался... А ужъ какой придумщикъ былъ, такія дѣла придумывалъ,—я ужъ и сказать не умѣю.

— А теперь вотъ большимъ дѣломъ орудуетъ. Невѣсту сталъ приглядывать... Ну, теперь, кума, закусить милости просимъ.

Мы подошли къ столу, который представлялъ изъ себя гастрономическій магазинъ: осетрина, бѣлуга, бѣлорыбица, ветчина, сыръ, селедка, редиска, копченая стерлядь, цѣлый, неразрѣзанный вареный поросенокъ, на который Дарья Ипатьевна обратила особенное вниманіе.

— Ахъ, какъ это безподобно!—сказала она, и на лицѣ ея проявилась такая милая улыбка, которая проявляется только на лицѣ нѣжной матери, смотрящей на свое спящее дитя.

Послѣ закуски подали стерляжью уху, съ растегаями, потомъ какія-то особенныя котлеты, потомъ огромную разварную стерлядь, потомъ какую-то сладкую кашу съ фруктами. Я сидѣла рядомъ съ Павлушенькой, который въ теченіе всего обѣда не обращалъ на меня никакого вниманія, не оказалъ мнѣ не только какой-нибудь любезности, но даже не проронилъ ни одного слова; ухаживалъ за мной мой vis-à-vis, пожилой купецъ; онъ поминутно предлагалъ

мнѣ пить шампанское, и когда я отказывалась, онъ говорилъ, что «это не во вредъ»; разспрашивалъ, кто я, кто мои родители и т. п.

И когда я ему сказала, что вышла изъ института съ золотой медалью, онъ всталъ, съ особеннымъ уваженіемъ чокнулся со мной бокаломъ и крѣпко пожалъ мою руку.

— Значитъ, которымъ и изъ женскаго сословія даютъ медали?

— Да.

— Значитъ, вы всю науку произошли,—теперь другихъ обучать будете... по писанію: ежели тебѣ много дано, подѣлись съ другимъ. Дай вамъ Богъ!

Иванъ Осиповичъ сидѣлъ рядомъ съ Дарьей Ипатьевной и очень фамильярно велъ съ ней разговоръ. Называлъ ее «кума моя почтенная», «Христова невѣста», «какой товаръ-то залежался», «а тебѣ бы, по твоему дѣвичьему положенію, въ монастырь бы идти, сейчасъ бы тебя игуменьей сдѣлали, только по корпусу своему не подходишь—тѣ всѣ тощія». Дарья Ипатьевна отвѣчала отрывистыми фразами: «гдѣ ужъ намъ!» «Что ужъ я»... «насмѣшникъ ты старый!».. Послѣ котлетъ она окончательно замолчала и только послѣ каши, глубоко вздохнувши, произнесла: «Слава тебѣ Создателю... ухъ, тяжко!» И я устала. Прощай.

ДЬЯВОЛЬСКОЕ НАВОЖДЕНІЕ.

Одно лѣто я жилъ на Волгѣ, въ деревнѣ у покойнаго Н. А. Некрасова, верстахъ въ двѣнадцати отъ Ярославля. Большую часть времени мы проводили на охотѣ. Мѣста въ той сторонѣ живописныя и для охоты необыкновенныя. Покойный Николай Алексѣевичъ былъ страстный охотникъ и отличнѣйшій стрѣлокъ. На охотѣ онъ не зналъ устали. Случалось такъ, что мы выходили на восходѣ солнца и возвращались домой около полуночи. Обыкновенно хмурый и задумчивый, на охотѣ онъ былъ неузнаваемъ: живой, веселый, разговорчивый, съ мужиками ласковый и добродушный. Мужики его очень любили. Про собаку его, Оскара (я никогда не видывалъ такого умнаго пса), ходили слухи, что она прислана какимъ-то королемъ «значительному въ Петербургѣ генералу», что тотъ подарилъ ее Некрасову и назначилъ ей по смерть семьсотъ рублей пенсіону.

Охотились мы по обѣимъ сторонамъ Волги и оставляли домъ иногда дней на десять, переночевывая въ разныхъ селахъ и деревняхъ. Кромѣ весьма удобнаго, приспособленнаго къ охотѣ, тарантаса, съ нами шла верховая арабская лошадь.

Пріѣздъ нашъ въ какую-либо деревню для ночлега для мужиковъ былъ праздникъ.

Въ избѣ толпа. Кто разбираетъ вещи, кто любуется ружьями, а кто, по бывшимъ примѣрамъ, ожидаетъ угощенія.

— Давно ужъ, сударь, въ нашихъ мѣстахъ не бывали,— заговорилъ кто-то изъ толпы:—дичи у насъ теперь такая сила, что кажется...

Выступилъ впередъ Можжуха, мужикъ-охотникъ, постоянно сопровождавшій Некрасова на охотѣ. Лицо его было завязано тряпицей.

— Что это у тебя ликъ-то перекосило.

— Все это моя охота, сударь, Николай Алексѣичъ! Все она! Поползъ я третьеводни въ осоку... въ заводинкѣ утки сидѣли. Выползъ, почитай, на самую наружу—сидятъ. Думаю: подожду маленько—пущай скучатся. Ждалъ, ждалъ, да, признаться, надоѣло... Приложился—бухъ! Индо перевернулся!

— Зарядъ великъ положилъ?

— Не мѣрялъ, только много. Мнѣ влетѣло, но ужъ и уткамъ я уваженіе сдѣлалъ... Какъ горохъ посыпались... Подбиралъ, подбиралъ...

— А куда мы завтра пойдемъ?

— Спервоначалу, Николай Алексѣичъ, на озеро. Тамъ теперича этого бекасу!.. А опосля тетеревьевъ...

— Куда?

— А туда, сударь, къ Чудинову, гдѣ въ запрошломъ году ваншлеповъ били. Тамъ охота расчудесная!.. Становой только тамъ маленько балуетъ, да онъ вѣдь стрѣлять не умѣетъ, на нашу долю много еще осталось.

— Становой теперича не ходитъ,— замѣтилъ одинъ мужикъ.

— Видѣлъ его,—возразилъ Можжуха.

— Мы вѣрно знаемъ, что не ходитъ: онъ своей собакѣ задъ отшибъ.

— За что?

— Не можемъ знать. Изъ праваго ствола по птицѣ ударилъ, а изъ лѣваго по ей. Собака ихняя не дѣйствуетъ, это вѣрно.

— Ну что-жъ, братцы, четверти-то, пожалуй, вамъ мало будетъ?

— Много довольны, сударь!—отозвался одинъ мужикъ:— бабы не пьютъ, а намъ хватитъ.

— А полведерочка ежели пожалусте, ваше благородіе,— заискивающимъ тономъ вмѣшался другой:—такъ и оченно даже... за ваше здоровьеце... Можетъ и бабы которыя пригубятъ. Есть тоже баловницы-то...

— Ну, ступай, пейте.

Рано утромъ мы были на озерѣ. Дѣйствительно, всякой дичи оказалось многое множество. Закатъ солнца засталъ

насъ въ Чужиновскомъ лѣсу. Тьма, тишина, благоуханіе сосноваго лѣса и только-что скошенной травы!

— Тутъ мы и жить будемъ,—воскликнулъ Некрасовъ:— разводи огонь.

Затрещалъ костеръ. Одинъ мужичокъ разыскалъ тарантасъ и поставилъ его на просѣкѣ. Сладили изъ вѣтвей большой шалашъ. Изъ тарантаса принесли самоваръ и ужинъ.

Какъ обыкновенно бываетъ, темнота располагаетъ человѣка къ разговору о страшныхъ происшествіяхъ, о таинственномъ; такъ и теперь это случилось.

— Поди-жъ ты вотъ, — заговорилъ Можжуха: — въ кампаніи ежели въ лѣсу—ничего, одинъ ежели—жутко.

— Чертей, что ли, боишься?

— Что ихъ бояться-то; мы ихъ видали. У насъ въ селѣ свой есть.

— Какъ свой?

— А старшина нашъ Иванъ Петровъ—чортъ какъ есть. Рога ежели ему приставить—такъ точно и будетъ.

— Строгій человѣкъ?

— Чортъ—одно слово

— Тѣснитъ?

— Не дай Богъ!

— А что, сударь, осмѣлюсь я вамъ доложить,—началъ одинъ очень скромный мужичокъ:—я однова видѣлъ его явственно.

— Страшный?

— Спервоначалу-то я не понялъ, опосля ужъ это мнѣ...

— Видѣлъ ты!—возразилъ Можжуха:—видѣть его невозможно. Вонъ въ Алешинѣ колдунъ, кажется ужъ...

— Да онъ не взаправду колдунъ.

— Онъ-то? Настоящій! Онъ у насъ въ селѣ семь душъ испортилъ. Петровна-то у него въ ногахъ валялась, чтобъ снялъ. Потерпи, говоритъ. Меня, говоритъ, онъ самого давно не посѣщалъ; какъ посѣтитъ, въ тѣ поры сниму. Ребята спрашивали: какъ онъ есть такой? Я, говоритъ, сахъ его никогда не вижу, а мнѣ, говоритъ, приказано.

— Ну, а ты какъ же его видѣлъ?

— Батюшка упокойникъ билъ меня оченно, чтобы я въ Москву шелъ, а я въ тѣ поры только годъ женимши былъ, дѣтенокъ у меня народился—оченно мнѣ не желалось, а онъ бьетъ. Тятенька, говорю, помилосердуй! За что ты меня бьешь? Схватилъ за волосья, трепалъ, трепалъ...

Жена взвыла! Тятенька, кричитъ:—руки на себя наложу, коли ты мужа бить будешь. Терпѣлъ я, терпѣлъ—не вмоготу стало, думаю:—утоплюсь. И сейчасъ мнѣ легче стало! Жена, все одно, хоть бы ее не было; на дѣтенка посмотрѣлъ—словно бы онъ не мой. Только одно въ умѣ содержу: утоплюсь! И такая это мнѣ радость, только и жду поскорѣй бы ночь пришла, что ужъ не жить мнѣ. Поужинали. Батюшка заперъ калитку, опять въ избу пошелъ, а я въ сараѣ легъ. Всталъ ночью, вышелъ на дворъ, смотрю—калитка маленько отворена. Что за оказія! Самъ видѣлъ, какъ батюшка запиралъ. Пришелъ на рѣку, снялъ сапоги, перекрестился, а мимо меня словно пролетѣло что... черное.

— Что значитъ крестъ-то!—многодумно замѣтилъ одинъ мужикъ.

— Дрожь меня прохватила, оченно дѣтенка стало жалко.

— Онъ тебѣ, значитъ, и калитку-то отворилъ...

— Какъ домой оборотилъ, не помню. Черезъ три года батюшку Господь прибралъ. Теперь ты меня обложи золотомъ—на рѣку ночью одинъ не пойду.

— Ну, а вотъ которые не крещенные?..

— Заговоръ, можетъ, какой есть...

Долго на эту тему продолжалась бесѣда.

МЕДВѢДЬ.

РАЗСКАЗЪ.

Посвящается А. К. Кузнецову.

Паче же почитайте сію книгу, красныя и славныя охоты, прилежные и премудрые охотники, да многія вещи добрыя узрите и разумѣете.

ЦАРЬ АЛЕКСѢЙ МИХАЙЛОВИЧЪ.

I.

Въ роскошно-убранномъ кабинетѣ очень богатаго молодого человѣка, въ изящномъ креслѣ сидѣлъ мужикъ; у двери, заложивши назадъ руки, стоялъ франтоватый лакей.

— Долго Александръ Ивановичъ проклажается,—заговорилъ мужикъ послѣ продолжительнаго молчанія:—пожалуй, и на чугунку не попадешь.

— Эхъ вы, егоря! — язвительно прошепталъ лакей:— нечего вамъ дѣлать-то!

— Ты, Николай Петровъ, понимать нашего дѣла не можешь, потому твое дѣло больше у тарелки.

— Что говорить! Дѣло ваше хитрое!

— Наше-то?! Хитрое дѣло! Хитрѣе твоего. Ты поди-ка, попутайся по лѣсу-то, животъ-то тебѣ и подведетъ

— Для какого это расчету я пойду?..

Послышался звонокъ. Мужикъ всталъ. Въ дверяхъ показался баринъ.

— Здравствуй, Кузьма,—заговорилъ онъ, ласково протягивая руку.

— Здравствуйте, Александръ Иванычъ.

— Что скажешь? Николай, ты бы водки ему далъ.

— Подносили, благодаримъ покорно, выкушалъ... Вѣдьмедя, сударь, обложили.

— Чудесно! Большого?

— Порядочный. Не мы его обкладали: онъ легъ въ пищалинскомъ косякѣ, а ужо опосля къ намъ перешелъ.

— А мѣсто хорошее?

— Первый сортъ мѣсто; на самой на просѣкѣ станемъ.

— А если на берлогу?

— Неспособно: оченно ломы, 'опасно. Одному ежели— ничего, а съ господами не справишься.

— Спасибо, что вспомнилъ меня.

— Оченно даже мы вами благодарны, Александръ Иванычъ, и завсегда...

— Такъ ладно, по рукамъ!

— Пріѣзжайте, сударь. Я нонѣ поѣду; завтрашняго числа съ кумомъ мы обойдемъ, провѣримъ и сейчасъ вашей милости лепешу..

— А пищалинскіе не прогонятъ его?

— Ничего, мы съ ими сдѣлаемся. Шумъ-то промежду нами пожалуй что будетъ, а ничего.

— Даромъ бы не пріѣхать?

— Какъ возможно. Вѣдьмедь вѣрный. Дѣйствительно, онъ спервоначалу у ихъ лежалъ, но только важность небольшая...

— Если мы послѣзавтра пріѣдемъ, успѣешь ты?

— Безпремѣнно. Сейчасъ какъ пріѣду, народъ соберу и сейчасъ и въ лѣсъ.

— Такъ ужъ ты депеши не посылай: мы пріѣдемъ. Только насчетъ пищалинскихъ — у васъ, должно-быть, неладно.

— Безъ сумлѣнія! Охоту нашу портить имъ не дадимъ. Мы, сударь, всѣ эти резоны знаемъ... Какъ возможно!..

— Ну, съ Богомъ!—окончилъ баринъ, касаясь нѣжными пальцами корявой руки мужика.

На другой день утромъ Кузьма уже былъ въ деревнѣ. Оповѣстивъ всѣхъ о предстоящей утромъ охотѣ, они съ кумомъ Акимомъ отправились въ лѣсъ провѣрять медвѣдя. Пищалинскіе мужики не зѣвали. Около вечеренъ они съ шумомъ вошли въ деревню и засѣли въ кабакѣ.

II.

— Ну ужъ и стужа же на дворѣ, то-то страсть! — говорилъ Герасимъ, входя въ избу:—вьюга такая —свѣту Божьяго

не видать!.. Ежели теперича наши ребята подъ высолками въ оврагъ влопаются — тамъ имъ и помирать—не вылѣзуть.

— Тьфу! Типунъ те на языкъ-отъ!—перебила его старуха.

— Что?! Истинная правда,—подтвердилъ парень:—въ экую стужу какая охота—однѣ слезы.

— Вся и жизнь-то наша слезы,—отозвался съ печи старикъ:—родимся мы во слезахъ и помремъ во слезахъ... И сколько я этихъ слезъ на своемъ вѣку видѣлъ,—и сказать нельзя! Бывало хошь въ некрутчину; и мать-то воетъ, и отецъ-то воетъ, и у жены-то у некрутиковой изъ глазъ словно горячая смола капаетъ...

Старикъ тяжело вздохнулъ.

— Это ты, дѣдушка, насчетъ чего?—спросилъ его Герасимъ.

— Самъ про себя говорю,—отвѣчалъ старикъ.

— А я думалъ—насчетъ нашего положенія... А насчетъ нашего положенія я те вотъ что скажу: грѣха тутъ не оберешься! Вѣдьмедь нашъ, мы его обложили, а пищалинскіе мужики говорятъ, что съ ихней межи перегнали. Я такъ понимаю—безъ драки тутъ нельзя... И такъ намъ эти пищалинскіе накладутъ въ загривокъ, такъ они насъ обработаютъ...

— Вольный звѣрь, не по пачпорту ходитъ—гдѣ захотѣлъ, тамъ и легъ,—вмѣшалась старуха:—запрету ему нигдѣ нѣтъ.

— Да, ты вонъ поди, съ ними поговори,—продолжалъ Герасимъ:—ужъ они теперь, оглашенные, два ведра почитай выхлестали, ничего съ ними не сдѣлаешь. Пущай, говоритъ, судъ намъ разрѣшеніе сдѣлаетъ, коли возможно съ нашей земли вѣдьмедевъ сгонять. Намъ, говорятъ, все единственно!.. Мы, говорятъ, тутъ въ кабакѣ и жить будемъ, пока господа не пріѣдутъ...

— И все-то братцы, какъ я погляжу,—перебилъ старикъ:—брань у васъ, да все другъ противъ дружки.

— Это дѣйствительно, дѣдушка! Главная причина, мужики сердитые, опять же это—налопаются, настоящаго-то и не могутъ, какъ должно. Ежели теперь по настоящему—какъ? Обложилъ ты его, народъ сколотилъ, господъ поставилъ... бухъ! Честь имѣемъ поздравить! И вѣдьмедю хорошо, и господамъ лестно, и самъ ты, примѣрно... и народъ тобой доволенъ.

Въ избу ввалился пьяный, оборванный пищалинскій

мужичонка Миронъ, съ ружьемъ въ рукахъ. Онъ былъ весь въ снѣгу.

— Это за нашу-то добродѣтель,— началъ онъ, ткнувшись раза два о печку:—спосибо! Вѣдьмедь нашъ—пищалинскій! У насъ онъ лежалъ; Кузьма Микитинъ съ нашей земли его перегналъ...

— Крѣпостной онъ твой, что-ли?—проворчала старуха.

— Вѣдьмедь онъ Божій... это мы все оченно хорошо...

— Спать бы, дядя, тебѣ,—сказалъ Герасимъ.

— Спать мы пойдемъ, потому мы маленько... потому мы пьяные... спать намъ требуется безпремѣнно, а этого дѣла мы такъ не оставимъ...

— Ружье-то, съ пьяныхъ глазъ, не потеряй,—заворчала опять старуха:—а то еще застрѣлишь кого...

— Могу! Стволъ у насъ французскій—долбанетъ—свонхъ не узнаешь. Волку намедни такую ваканцію показалъ... Эхъ, Петровна, понимать моей души ты не можешь!

— А нализался ты здорово, дядя,—отозвался съ печи дѣдушка.

— Въ самый разъ!.. А насчетъ вѣдьмедя все мы завтра обозначимъ.

— А можетъ, Богъ дастъ, проспишь, дѣло-то и обойдется,— проговорилъ Герасимъ.

— Никакъ этого нельзя! Всю ночь наскрозь ходить буду, потому вѣдьмедя намъ Богъ даровалъ!—горланилъ Миронъ.—Онъ все лѣто, батюшка, на нашихъ овсахъ питался...

— Эхъ, Миронъ Мосеичъ, голова-то у тебя не съ того конца затесана! Ступай-ка ты, откуда пришелъ,—окончилъ Герасимъ, выводя подъ руки Мирона изъ избы.

— Вѣдьмедь нашъ! Нашъ онъ, батюшка, пищалинскій!— продолжалъ тотъ орать за дверью.

Отъ крику зашевелились проснувшіеся на полатяхъ ребятишки.

— Что, дѣдушка, господа еще не бывали?—заговорила, почесываясь, желтая какъ ленъ, хохлатая головенка.

— Нѣту, батюшка, спи спокойно,—отвѣчалъ дѣдушка.

— Я въ загонъ пойду.

— Какъ те нейти!—подхватила бабушка.

— Вѣстимо, пойду.

— Съ чѣмъ ты пойдешь-то, дурашка? Махонькой ты человѣкъ...

— Хворостинку возьму, да и пойду.

— Сиди-ко лучше на печи, да таракановъ загоняй—не страшно!

— Ну, ладно!

— Нѣтъ, Матрена Петровна,—ввязался въ споръ Герасимъ:—ты намъ не препятствуй. Васютка, пойдемъ.

— Пойду и есть!

— На мерлогу ежели,—продолжалъ Герасимъ:—страшно, а въ загонъ ничего. Дѣвки ходятъ, стало-быть намъ можно. Но только я такъ понимаю: хоша господа и пріѣдутъ, а на охоту имъ идти неспособно: въ экую стужу, да жидкому человѣку... бѣда!

III.

Намаялись бѣдные развѣдчики, день-денской ерзая на лыжахъ по лѣсу. Медвѣдь лежалъ крѣпко. Ужъ темнѣло, когда они вышли изъ лѣсу. Посвистывалъ вѣтеръ, подымалась мятель, до деревни, по мужицкому счету, три версты, а мужицкая верста длинная, длиннѣе казенной. Пріунылъ Акимъ, запечалился и Кузьма. Холодъ самъ по себѣ мужику ничего—дѣло привычное, а вотъ какъ вьюга въ полѣ разыграется—горе великое!

— Не застрять бы какъ...—заговорилъ тревожно Кузьма.

— Возможно,—соглашался Акимъ:—хитраго нѣтъ! Полемъ тамъ даже оченно...

— Съ Богомъ ничего не сдѣлаешь!..

— Его святая воля, что сдѣлаешь...—рѣшили они, миновавъ лѣсную просѣку.

Вьюга въ полномъ ходу. Въ полѣ зги Божьей не видать. Залѣпило глаза, заледенило бороды.

— Господа, пожалуй-что не пріѣдутъ, — промолвилъ тоскливо Акимъ.

— Ужъ до господъ ли теперь! Помогъ бы Богъ вылѣзти. Въ экую пургу какая охота, пропади она совсѣмъ!..

— Сосну бы намъ не прозѣвать. На сосну попадемъ—дома.

— Вишь, вьюга какая — у лошади хвоста не видать, а ты сосну!

Лошадь, побуждаемая и кнутомъ, и лаской, и бранью, едва передвигала ноги, наконецъ, выбившись изъ силъ, остановилась.

— Должно сбились!

— Ужъ давно по цѣлому ѣдемъ. Сбились какъ есть.

— Бѣда!..

— Поди-жъ ты!..

Акимъ сунулся въ сугробъ и, пройдя шаговъ двѣсти, воротился назадъ.

— Что Богъ далъ?

— Ничуть!

— Постой-ка, я потопчу; можетъ, Господь дастъ...— сказалъ Кузьма, опускаясь по поясъ въ снѣгъ.

И Кузьма пришелъ ни съ чѣмъ.

— Столько этого снѣгу наворотило—не выдерешься.

— Въ оврагъ бы не влетѣть?

— Тамъ и душу свою оставишь... въ оврагѣ... Такъ ты это и понимай!

Долго молча и сосредоточенно стояли они, придумывая, на что имъ рѣшиться.

Акимъ хотѣлъ было посовѣтовать ѣхать прямо, да, вспомнивъ, что лошадь потому и остановилась, что прямо ѣхать нельзя, удержался. Кузьма былъ рѣшительнѣе: онъ что есть мочи сталъ хлестать кнутомъ несчастное животное. Лошадь тронулась.

— Ну, ну, ну,—кричалъ Кузьма, учащая удары.

— Трогай, трогай,—подбадривалъ Акимъ, ухватившись за оглоблю.

— Господи, да вонъ она сосна-то!—закричалъ съ радостью Кузьма.

— Она и есть!

— Батюшки мои!.. Вотъ какое дѣло. Помирать ужъ сбирались.

— Это мы, значитъ, все около ей барахтались! Ну, оказія! Что же это огневъ-то не видать? Озерецкое, должно, вотъ оно... направо?

— Да теперь все село разожги, никакого огня не увидишь.

Отъ сосны уже недалеко до деревни и по торной дорогѣ, какъ ее ни занесло, все-таки добраться можно.

— Дома теперь... Слава те Господи!..

— Ужъ теперь что... теперь ежели... А то какъ возможно...

— Само съ собой, коли... Эхъ!..

— Горе!

— Вотъ ты и думай!

Безсвязныя эти фразы произносили мужики съ большими паузами.

Овинъ... другой... избенка... Въ деревнѣ!..

Все забыто: и страхъ быть занесеннымъ, и стужа, прохватившая до костей. Миновала бѣда, и слава Богу!

— Кабакъ, поди, еще не запертъ.

— Надо полагать...

— Одной косушкой, пожалуй, не поправишься?

— Какая косушка! Много ли въ ей, въ косушкѣ! Теперича, ежели очувствоваться какъ должно, и полштофа мало,—рѣшилъ Акимъ.

Изъ кабака слышался шумъ: безобразничали пищалинскіе мужики, ожидавшіе пріѣзда господъ изъ С.-Петербурга. Больше всѣхъ заинтересованъ былъ Миронъ. То онъ хвастался своимъ ружьемъ, то репетировалъ рѣчь, которой онъ встрѣтитъ охотниковъ.

— Сейчасъ пріѣдутъ и сейчасъ... воля милости вашей!.. Вѣдьмедя намъ Богъ даровалъ! Собственно они съ нашей земли его перегнали... Какъ вашей милости угодно!..

— Это точно,—поддакивалъ спившійся пищалинскій ехстаршина:—а коли что—два ведра на все наше общество. Тогда и дѣйствоваться можно.

— Два ведра!.. Вѣрую, Господи! Такъ ли я говорю? Два ведра пожалуйте на столъ, а мы выкушаемъ...

— А вы, ребята, не кричите,—вмѣшался въ разговоръ рыжій мужикъ: — а то въ запрошломъ году Демьянъ Иванычъ налетѣлъ тоже на барина, сталъ права доказывать, да послѣ недѣли двѣ скулы растиралъ...

— А въ судъ?

— Судись тамъ! Такъ огрѣетъ...

— Меня?!—закричалъ съ бахвальствомъ Миронъ.

— Ты-то первый наскочишь!

— Я?!

— Ты!..

— Не надѣюсь! Вотъ что!..

— Пожалуйте намъ осьмушечку, — окончилъ онъ, подходя къ стойкѣ.

Было около девяти часовъ вечера. Утомленные, продрогшіе до костей развѣдчики миновали кабакъ и задами въѣхали въ деревню.

— Живы ли вы тутъ? — заговорилъ Кузьма, входя въ избу.

— Ай, батюшки! Ужъ мы не чаяли васъ,—заторопилась старуха.

— То-есть такъ-то прохватило, такъ-то прохватило, что, кажись...

— Порядочно! — перебилъ Акимъ: — маленько бы еще, тамъ бы, пожалуй, и заночевали на полѣ...

— Хотѣли-было согрѣшить по стаканчику, да пищалинскіе въ кабакѣ галдятъ.

— Слѣдуетъ, а то никакъ не раздышишься.

— Я сейчасъ къ честной вдовѣ схожу: у ей водка безъ пакенту,—вызвался Герасимъ.

— Не дастъ!

— Мнѣ-то? Даже оченно... Съ великимъ удовольствіемъ!

Вотъ и водка на столѣ. Выпили медвѣжатники, раздышались, очувствовались и стали отходить ко сну. Акимъ сымпровизировалъ подушку: обернулъ полѣно полушубкомъ и растянулся на голомъ полу.

— Ты бы, бабушка, сапоги-то въ печь сунула... да смотри, не изжарь, завтра потребуются,—проговорилъ Кузьма, влѣзая на полати.

Вьюга успокоилась. Сквозь рваныя облака, по временамъ, показывался мѣсяцъ. Кабакъ смолкъ. Общее спокойствіе нарушалось изрѣдка бродившимъ по деревнѣ Мирономъ: онъ разыскивалъ свою шапку.

— Безъ шапки мнѣ невозможно! Безъ шапки я не человѣкъ,—кричалъ онъ во всю глотку.

IV.

Рано утромъ, на зарѣ, по деревнѣ послышались бубенцы. Къ избѣ Кузьмы подъѣхало нѣсколько саней, нагруженныхъ людьми, ружьями, рогатинами, чемоданчиками, корзинами и т. п. Кузьма уже былъ на ногахъ. У воротъ встрѣтилъ пріѣхавшихъ Миронъ; онъ всю ночь пропутался на улицѣ.

— Все благополучно, ваше сіятельство, вѣдьмедь какъ есть... васъ дожидаетъ,—отрапортовалъ онъ, трясясь всѣмъ тѣломъ, выходившему изъ саней полковнику.

— Что это? Ни свѣтъ-ни заря, а ужъ ты откушалъ,— замѣтилъ полковникъ.

— Точно такъ, ваше сіятельство! Не я пью—горе мое пьетъ,—отвѣчалъ Миронъ.

— Полно-ко ты, непутный человѣкъ, мутить-то, — отозвался Кузьма, отряхивая снѣгъ съ полушубка полковника:—всю ночь спать не давалъ, старый чортъ!..

— А что, медвѣдь лежитъ? — подскочилъ къ Кузьмѣ молодой человѣкъ въ изящномъ черномъ полушубкѣ, съ красивымъ ружейнымъ ящикомъ подъ мышкой.

— Лежитъ, сударь.

— Большой?

— Да вѣдь Богъ его знаетъ: мѣрить его нельзя.

— Большущій, ваше сіятельство! Лапа съ ведро, а то и больше. Потому какъ онъ есть вѣдьмедь нашъ пищалинскій, у насъ онъ все лѣто кормился,—вмѣшался опять Миронъ, поддерживая подъ руку уходившаго въ избу полковника.

Сани разгружались. Вылѣзали, отряхаясь, охотники, мужики вытаскивали ружья, рогатины и т. п. Къ избѣ мало-по-малу подходили любопытные. Пищалинскіе всѣ собрались въ кучу и стояли у избы молча. Нѣкоторые разговаривали шопотомъ.

— Я такъ понимаю,—говорилъ онъ:—битва у насъ будетъ великая.

— Безъ рвани тутъ ничего не сдѣлаешь, дѣло видимое,—соглашался другой.

Полковникъ, войдя въ избу, привѣтствовалъ хозяевъ, прилаживаясь къ ихъ обиходной рѣчи.

— Здравствуйте, добрые люди,—началъ онъ, низко кланяясь старухѣ.

— Здравствуйте, батюшка, господинъ честной, ваше благородіе.

— А таракановъ-то у васъ порядочно!

— Сила, сударь! Такая сила этихъ таракановъ—ничего съ ними не сдѣлаешь,—отвѣчалъ Кузьма.

— Морить надо...

— И морили, сударь, и морозили, изъ С.-Петербурга былъ какой-то, мазью смазывалъ, но между прочимъ, куры всѣ передохли, а тараканы остались.

— Здравствуй, Божій человѣкъ, — обратился онъ къ слѣпому старику.

— Здравствуйте, батюшка,—отвѣчалъ старикъ, поднявши къ небу незрячіе, черные, какъ уголь, глаза.

— Давно на Божьемъ свѣтѣ маешься.

— Годовъ восемьдесятъ есть, баринъ.

— Много!

— Что дѣлать, сударь,—и не хочется, да живешь.

— Ужъ и мы, сударь, говоримъ, — вмѣшался шутливо Кузьма:—пора бы, мѣсто ему тамъ ужъ заготовлено. Ты бы, тятенька, пошелъ, ослобонилъ тутъ господамъ. Васютка, сведи дѣдушку.

— Погоди, дай намъ со старикомъ побесѣдовать,—остановилъ полковникъ.—Крѣпостной былъ?

— И подъ господами жилъ, и волю сподобилъ Господь увидѣть.

— А чьихъ былъ?

— Господъ-то? У меня былъ господинъ большой; такихъ нынче и господъ-то нѣтъ, да и въ тѣ поры пожалуй-что не было.

— Аракчеевскіе наши-то были,—подсказалъ Кузьма.

— Графа Алексѣя Андреевича Аракчеева дворовый я человѣкъ былъ—спервоначалу фалеторомъ, и опосля того кучеромъ,—подтвердилъ старикъ съ достоинствомъ.

— Хорошъ онъ для васъ былъ?—продолжалъ допрашивать полковникъ.

— Строгой былъ человѣкъ, горя нашего не чувствовалъ.

— Потерпѣли наши-то при немъ на порядкахъ...

— Лютой былъ человѣкъ, попилъ нашей крестьянской крови вволю.

— А жить намъ за нимъ было хорошо,—продолжалъ старикъ:—страхъ былъ, баловства не было, пьянства этого, кабаковъ... Мужикъ былъ сытый.

— Это что говорить,—ввернулъ отъ себя Акимъ:—мужикъ былъ въ тѣ поры форменный... какъ есть... Теперича народъ горькій, всѣ пропимшись... Теперича только пьютъ да на погорѣлое мѣсто собираютъ.

— А пожары часто бываютъ?

— Бываютъ и пожары, а больше такъ.

— Какъ такъ?

— Пропьются, оглоблю обожгутъ, значитъ погорѣли.

— Царство ему небесное,—окончилъ старикъ, ощупывая висѣвшій на стѣнѣ полушубокъ, и вышелъ съ Васей изъ избы.

Пока Акимъ бѣгаетъ по деревнѣ, сколачивая народъ въ загонъ, пока господа осматриваютъ ружья, надѣваютъ сапоги, услаждаются чаемъ и напитками, врутъ всякую охотничью небывальщину, я отвлекусь отъ разсказа и познакомлю съ ними читателя. Вы не думайте, что это пріѣхали охотники по ремеслу, по страсти. Изъ нихъ нѣтъ ни одного, который бы въ холодную осень окунулся въ воду, доставая убитую птицу; который бы въ палящій зной безъ воды, безъ пищи оставался цѣлый день въ болотѣ для того, чтобы положить въ сумку двѣ пары бекасовъ; который бы изнурялъ себя, бродючи въ лѣсу по ломамъ, по корягамъ, отыскивая тетеревиный выводокъ; который

бы въ грозу, въ ливень, промокшій до костей, пробирался спокойно по изрытому сохой грунту, чтобы принять ночлегъ въ лѣсу, въ наскоро сдѣланномъ изъ листьевъ шалашѣ. То поэты, а мои охотники просто милые, прелестные люди, едва умѣющіе держать ружье въ рукахъ. Пріѣхали они просто подышать свѣжимъ воздухомъ, а въ случаѣ подвернется подъ руку медвѣдь, то лишить его жизни, если не будетъ предстоять къ тому большой опасности и если пуля нечаянно его задѣнетъ. Такихъ охотниковъ очень много. У иного не знаешь, что въ кабинетѣ: оружейный магазинъ, или зоологическій музеумъ? Шкапъ съ ружьями. Какихъ тамъ системъ нѣтъ: заряжающіеся и сзади, и сбоку, и сверху... Какихъ къ нимъ нѣтъ приспособленій!.. А вотъ ножи, пистолеты, свистки, рога, рогатины и всякая охотничья утварь. Все чисто, какъ говорится, съ иголочки. А на стѣнахъ, а на шкапахъ!—Чучелы глухарей, вальдшнеповъ, дупелей... а вотъ стоитъ рысь... а вотъ оскалившій зубы волкъ... а вотъ всталъ во весь ростъ и сложилъ лапы по-наполеоновски медвѣдь, и ни въ одной душѣ владѣлецъ этихъ чучелъ неповиненъ.

Снарядились мои охотники. Полковникъ одѣвался и подтягивался очень долго. Въ скобкахъ замѣчу, что называемый мною полковникъ — не полковникъ, а совсѣмъ штатскій господинъ. Мужики его прозвали полковникомъ за солидную фигуру и за необыкновенную способность кричать и браниться безъ всякой злобы.

— Шибче полковника никому не изругаться,—замѣчаютъ о немъ мужики: — такъ обложитъ, лучше требовать нельзя.

Молодой человѣкъ въ изящномъ полушубкѣ, подпоясанный кавказскимъ поясомъ съ серебрянымъ наборомъ, видимо безпокоился и начиналъ жаловаться на зубную боль, когда одинъ изъ мужиковъ совралъ ему, что онъ медвѣдя видѣлъ, что онъ большой и, должно-быть, медвѣдица съ медвѣжатами лежитъ на чистомъ мѣстѣ и, пожалуй, «потрепать» можетъ.

Одинъ изъ пріѣхавшихъ охотниковъ былъ одѣтъ черкесомъ: на немъ накинута бурка, а на головѣ огромная баранья шапка:

Онъ весь обвѣшанъ былъ ремнями,
Желѣзомъ ржавымъ и кремнями,
На поясѣ широкій ножъ.

Онъ вралъ отъ самаго Петербурга вплоть до мѣста охоты и, наконецъ, до того заврался, что заставилъ усумниться даже мужиковъ. Онъ разсказалъ, какъ онъ убилъ медвѣдя изъ пистолета.

— Мертваго?—живо спросилъ полковникъ. Всѣ засмѣялись.

— Нѣтъ, не мертваго!—возразилъ черкесъ.

— Ну, такъ нечаянно,—промолвилъ молодой человѣкъ.

— Словно бы баринъ-то маленичко...—замѣтилъ лукаво Акимъ...

И посыпался на бѣднаго черкеса градъ насмѣшекъ.

— Ты, можетъ, въ звѣринцѣ,—говорилъ полковникъ.

Черкесъ уже начиналъ обижаться, но вошедшій Кузьма доложилъ, что подводы готовы и народъ дожидается.

На улицѣ толпа. Мужики, бабы, одна съ грудным ребенкомъ, дѣвки, мальчишки, съ дубинками, съ хворостинками, съ палками, съ ружьями, въ рваныхъ полушубкахъ, въ кафтанишкахъ, въ сапогахъ, въ лаптяхъ, въ валенкахъ стоятъ смирно. Одинъ мужичокъ заряжаетъ ружье, перевязанное около курка веревкой, выдергивая изъ шапки паклю для пыжа.

— А мое давно заряжено,—заговорилъ стоящій съ нимъ рядомъ:—подъ самый подъ Покровъ я его зарядилъ... господа въ тѣ поры пріѣзжали. Ружьишко оно ничего, только стволъ сталъ отскакивать.

Вышли охотники.

— Здорово, ребята,—воскликнулъ полковникъ.

Загонщики молча поклонились.

— Это что такое?—закричалъ онъ, увидавши бабу съ ребенкомъ.

— Бабеночка, сударь, наша...

— Что-жъ, она съ ребенкомъ въ лѣсъ пойдетъ?

— Мужъ, сударь, у ей замерзъ, такъ, значитъ, кормится... въ чужихъ людяхъ живетъ.

— Ничего, сударь, мы привычные,—робко проговорила бабенка.

Пищалинскіе всей кучей выступили впередъ заявлять свою претензію.

— Что вамъ нужно? Вы загонщики?—обратился къ нимъ полковникъ.

— Никакъ нѣтъ, ваше сіятельство,—выступилъ впередъ красный, какъ кирпичъ, мужикъ:—мы пищалинскіе.

— Что значитъ?

— Вы какъ насчетъ вѣдьмедя этого понимаете?—заговорилъ онъ вкрадчиво.

— А что?

— Онъ легъ, значитъ, въ нашемъ косякѣ, а они теперича его перегнали... перегнали они его, а мы, значитъ...

— Обижены,— подхватилъ другой.— Надо говорить побожьему—обижены!..

— За нашу добродѣтель,—закричалъ Миронъ.

— Ты, кажись, рвань ты эдакая, еще не проспался,— замѣтилъ Кузьма.

— Кузьма Микитичъ! Живъ Богъ, жива душа моя! Понялъ? Ну, и больше ничего,—отрѣзалъ Миронъ.

Заговорили всѣ вдругъ.

— Мы, теперича, значитъ, пищалинскіе, все наше общество...

— Сдѣлайте вашу такую милость...

— Собрамши, теперича, все наше общество... мы, ваше степенство, люди бѣдные...

— Опосля этого они и скотину нашу угонять будутъ.

— Вѣдьмедя намъ Богъ даровалъ, мы съ имъ живы не разстанемся...

— Ежели ихъ, теперича, не сократить...

Крикъ увеличивался. Охотникамъ становилось непріятно, полковникъ не зналъ, кого слушать и кому отвѣчать. Разлилось море нескладнаго мужицкаго шуму. Раздались оплеухи. Бабы завизжали. Загонщики ринулись.

— Стой—кричалъ черкесъ.

— Стрѣлять буду,—кричалъ полковникъ.

Миронъ, раненый въ глазъ, прислонился къ воротамъ и оралъ во всю глотку:

— Помираю! Деревню спалю! Все выжгу!

Бой длился не долго. Неистовая брань полковника остановила нападающихъ. Кто подымалъ сбитую съ головы шапку, кто расчесывалъ бороду, кто потиралъ разбитыя скулы. Изъ переговоровъ выяснилось, что они желаютъ получить свою долю, т. е. ведро водки.

Охотники согласились:—будь по вашему,—сказалъ полковникъ.

— Ну, вотъ и дѣлу конецъ! Трогай, ребята!..

— Коли ежели ведро—всѣ мы согласны! Шабашъ! Согласны! Ведро мы, господа-мужички, выпьемъ за ихнее здоровье, а тамъ ежели что—твори Богъ волю!.. Всѣ подъ

Богомъ! Такъ ли я говорю? Все я пропилъ, а Бога я люблю! Вѣрую, Господи!.. Вотъ я какой человѣкъ! Вѣдьмедь меня боится! У меня ходи круче!..

Кузьма дѣлалъ распоряженія.

— Ты, Акимъ Иванычъ, съ бабами иди по ручью...

— Что-жъ я тамъ съ бабами буду дѣлать?

— Постой! Опосля вамъ всѣмъ отъ меня разрѣшеніе будетъ. Пойдешь ты съ бабами къ ручью, да тамъ меня и ждите. Ребятъ тоже возьми. Бабы, трогай! А ты, Микитичъ, веди народъ къ старой плотинѣ... Дойдешь до старой плотины и сейчасъ стой!.. А вы, пищалинскіе, ступай всѣ за бабами.

Загонъ тронулся. Осталось нѣсколько мужиковъ въ качествѣ тѣлохранителей. Миронъ пристроился къ полковнику.

Охотники подъѣхали къ густому лѣсу и стали на просѣкѣ. Видно было, какъ вереницей тянулись по поясъ по рыхлому снѣгу бабы, прокладывая путь сзади идущимъ пищалинскимъ мужикамъ.

— Что же это они, черти, бабъ-то впередъ пустили,— замѣтилъ кто-то изъ охотниковъ.

— Потому, сударь, баба завсегда помягче, потяжеле мужика, проминать ей дорогу способнѣе,—отвѣтилъ шутливо Кузьма.

Вынули нумера и пошли всѣ въ непроницаемую чащу лѣса, задѣвая и отряхая пушистый снѣгъ съ густыхъ вѣтвей сосенъ. Полковника вели двое подъ руки. Вышли на поляну.

— Первый нумеръ?—спросилъ шопотомъ Кузьма.

— Мой,—отвѣтилъ молодой человѣкъ въ изящномъ полушубкѣ.

— Пожалуйте тутъ.

Пошли дальше.

— Второй нумеръ?

— Я,—отвѣчалъ мрачно черкесъ.

— Извольте тутъ становиться.

Третьимъ нумеромъ сталъ полковникъ, четвертымъ какой-то господинъ въ очкахъ, никогда не бывшій на охотѣ и не имѣющій о ней никакого понятія; пятымъ—не знаю кто. Кузьма пожелалъ добраго часа и пошелъ въ лѣсъ дѣлать дальнѣйшія распоряженія.

Охотники стояли другъ отъ друга на разстояніи сорока шаговъ. Тѣлохранители сзади, то присѣдая, то выпря-

мляясь, слѣдили за малѣйшимъ шорохомъ, за малѣйшимъ движеніемъ каждаго прутика.

Тихо.

Молодой человѣкъ въ изящномъ полушубкѣ любовался своимъ новенькимъ штуцеромъ, обтирая батистовымъ платкомъ его стволы. Черкесъ пилъ водку изъ фляжки и дѣлалъ соображенія на случай непріятнаго столкновенія съ жильцомъ сосноваго лѣса. Полковникъ прислонился къ дереву и осматривалъ мѣстность. Господинъ въ очкахъ безучастно смотрѣлъ на все окружающее и разъ только полюбопытствовалъ узнать отъ мужика—«на заднихъ лапахъ выходитъ медвѣдь или просто». «Всячески,—отвѣчалъ мужикъ:—какъ ему лучше, бываетъ—и на лапы подымается».

Надъ головами охотниковъ пронеслась стая птицъ. Изъза лѣса послышался собачій лай. Выстрѣлъ! И мертвая тишина сосноваго бора смѣнилась нескладнымъ, безобразнымъ крикомъ загонщиковъ. Всѣ схватились за ружья; тѣлохранители попятились назадъ.

Кричатъ...

Съ притаеннымъ дыханіемъ всѣ смотрятъ впередъ. Черкесъ сбросилъ съ себя бурку.

— Ваше сіятельство, подайтесь маленько, способнѣе будетъ,—сказалъ мужикъ полковнику, взявши его за руку и передвигая его съ мѣста.

Полковникъ молча повиновался.

Мужики, стоящіе около молодого человѣка, держали рогатины на перевѣсъ. Самъ онъ, блѣдный, безпокойно глядѣлъ впередъ.

Господинъ въ очкахъ стоялъ до наивности храбро. Казалось, что ему схватиться съ звѣремъ—дѣло за обычай.

Миронъ всталъ на пень и тупо глядѣлъ на линію охотниковъ.

Кричатъ...

Черкесъ поминутно вскидываетъ ружье. Вотъ онъ присѣлъ и прицѣлился. Всѣ встрепенулись. Полковникъ взялъ быстро на прицѣлъ. Оказалось: фальшивая тревога.

— Баловники!—сказалъ тѣлохранитель.

Крикъ на лѣвой сторонѣ усилился. Ужъ ясно слышатся слова: Аяяй! Береги, береги!.. У-ту-ту!.. Идетъ, идетъ... Батюшки, береги! Кричи, кричи... Лай собачій превратился въ отчаянный визгъ, и на полянѣ, въ виду всѣхъ охотниковъ, показался во всей своей красотѣ большой бурый медвѣдь.

Тафъ! тафъ! тафъ! раздались глухіе выстрѣлы.

Медвѣдь мгновенно повернулъ и скрылся въ чупыгѣ.

Тафъ! Тафъ! отсалютовалъ ему вслѣдъ черкесъ.

Господинъ въ очкахъ выстрѣлилъ два раза въ воздухъ.

Пятый нумеръ закричалъ: «тиро!»

Полковникъ былъ убѣжденъ, что онъ медвѣдя ранилъ: ему показалось, что медвѣдь перевернулся. Черкесъ былъ убѣжденъ, что онъ медвѣдя убилъ, потому что, послѣ его выстрѣла, медвѣдь привскочилъ. Но ни того, ни другого не совершилось: не перевертывался медвѣдь и не привскакивалъ, а просто цѣлымъ и невредимымъ вышелъ изъ-подъ выстрѣловъ...

Полковникъ начиналъ сердиться; ему казалось, что лѣвая сторона кричитъ слабо.

— Что у васъ, чертей проклятыхъ, лѣвое крыло спитъ! Эки анаѳемы! Убью!—закричалъ онъ на весь лѣсъ.

— Сударь, что же это вы кричите? Вы вѣдьмедя сбиваете,—замѣтилъ ему тѣлохранитель:—онъ долженъ опять выйти.

Медвѣдь между тѣмъ метался по лѣсу изъ стороны въ сторону, стараясь прорвать цѣпь загонщиковъ. Вотще! Загонщики стояли кучно и кричали немилосердно. Звѣрь рѣшился на отчаянное средство: онъ бросился на загонщиковъ, повалилъ бабу и вырвался на полную волю съ правомъ лечь въ новую берлогу и дожидаться новаго обрѣтенія, новой депеши, по которой будутъ вызваны болѣе умѣлые охотники, которые влѣпятъ ему пулю подъ самую лопатку и украсятъ его чучелой кабинетъ или парадную лѣстницу.

Хотя крикъ замѣтно смолкалъ, чувствовалось, что медвѣдь изъ круга вышелъ, но полковникъ не хотѣлъ этому вѣрить. Онъ послалъ Мирона подбодрить загонщиковъ. Крикъ приближался. Уже изъ лѣсу слышался разговоръ. Вотъ изъ чащи показалась пара лаптей... вонъ мальчишка вышелъ съ разстегнутымъ воротомъ, вонъ баба... а вотъ и Кузьма съ Мирономъ.

— Что же ты, долговязый чортъ,—набросился на него полковникъ:—чего смотрѣлъ?

— Что дѣлать, сударь! За хвостъ его не ухватишь,—отвѣчалъ уныло Кузьма.

— За хвостъ! Тебя за бороду надо!

— Воля милости вашей, какъ угодно, а что вѣдьмедя дѣйствительно выставили.

— А онъ куда ушелъ?—спросилъ господинъ въ очкахъ.

— Да вѣдь Богъ его знаетъ,—отвѣчалъ неохотно Кузьма.

— Онъ теперича бѣжитъ... Онъ теперича... съ нимъ теперича, ничего не сдѣлаешь. Хошь на лошади—его никакъ невозможно...—пояснилъ Миронъ.

На полянѣ разсуждали вышедшіе изъ лѣсу загонщики.

— Ужъ какъ старались—страсть!

— Мы въ кругу были. Онъ какъ прыснетъ, да влѣво и ударился... Ударился онъ влѣво, а мы...

— Онъ мимо меня два раза пробѣгъ.

— Снѣгу сколько я наглотался, полонъ ротъ.

— Какой звѣрища-то здоровенный!

— Да, этакой подберетъ подъ себя—пить запросишь.

— Такъ озябъ, пропади эта охота совсѣмъ! Ноги такъ задервенѣли—на печь, пожалуй, не влѣзешь.

Молодой человѣкъ въ изящномъ полушубкѣ пошелъ въ лѣсъ, думая найти убитаго медвѣдя. Выстрѣлилъ тамъ два раза въ дерево и опять вышелъ на поляну.

Всѣ поѣхали обратно. Черкесъ, при въѣздѣ въ деревню, убилъ въ упоръ пѣтуха, промолвивъ: «тебѣ этого, что-ль, хотѣлось?»

ПТИЦЕЛОВЪ.

День воскресный. Обѣдни отошли. Обыватели захолустья сѣли за столъ.

Паръ надъ щами тучей носится. Точно взбитая перина глядитъ жирная кулебяка, начиненная ливеромъ, сердцемъ, яйцами, кашей, куриными пупками и т. п.

— Чудесно!—говоритъ хозяинъ.

— Распревосходнѣйшая кулебяка, — поддакиваетъ ему одна изъ бѣдныхъ родственницъ:—по всей Москвѣ такой не сыщешь. Я въ спасскія казармы къ одному маіору вхожа: ну, что говорить, хорошія кулебяки бываютъ, намедни даже съ семгой была, а противъ этой ничего не стоютъ. Эту кулебяку царю не стыдно подать.

— На этой кулебякѣ спать можно, а не то что, къ примѣру... Пухъ!—перебиваетъ дѣдушка...—Намедни квартальный отъ обѣдни зашелъ, такъ его насилу оттащили отъ нея. Ну, говоритъ, Семенъ Иванычъ, тебѣ меня хоронить послѣ придется.

— А что вы думаете?! Бываетъ!—подхватила родственница:—у насъ въ Вишнякахъ стряпчій одинъ, благочестивый человѣкъ былъ, сычугомъ объѣлся. До дому не доѣхалъ—померъ.

Отъ кулебяки остаются однѣ крошки. Остальныя блюда—гусь съ кашей—уже не производятъ никакого впечатлѣнія: его ѣдятъ только потому, что онъ поставленъ—не бросать же. Моченыя яблоки замыкаютъ трапезу. «Ухъ», да «охъ» вылетаютъ изъ груди отяжелѣвшихъ сотрапезниковъ.

— Что значитъ гусь-то! — замѣчаетъ хозяинъ, поковыривая пальцемъ въ зубахъ.

— А что?—спрашиваетъ хозяйка:—гусь, кажется, хорошій, жирный...

— Память отшибаетъ.—Отъ обѣдни шелъ, помнилъ, какую батюшка проповѣдь говорилъ, за столъ сѣлъ—все въ размышленіи имѣлъ, а какъ этого гуська прикончилъ—все позабылъ.

— Боже, очисти меня грѣшнаго! — перекрестивъ ротъ, произноситъ тихо дѣдушка.

То же самое совершилъ и купеческій сынъ, пропившійся до тла потомственный почетный гражданинъ Володя.

Вотъ его біографія. (Что я описываю — было въ концѣ сороковыхъ годовъ, въ дни достойныя памяти графа Закревскаго). Отецъ Володинъ былъ богатый купецъ, занимавшійся казенными подрядами. По обычаю того времени, одну дочь пристроилъ онъ за маіора, а другую сдалъ кому-то изъ своей братіи богачей. Володя былъ единственный сынъ, надежда, какъ говорится, «прошеный-моленый», и соотвѣтственное сему получилъ воспитаніе. Съ семилѣтняго возраста онъ пристрастился къ птицамъ. Родитель устроилъ ему голубятню. И лежитъ себѣ Володя на спинѣ, да посвистываетъ, и вьются въ глазахъ его въ поднебесномъ пространствѣ турмана и чистые. И ни для кого незамѣтно — ни для окружающихъ, ни для отца, ни для самого себя—просвисталъ онъ до двадцатилѣтняго возраста. Грамота едва коснулась его. Въ училище мать не хотѣла отдать—жалко; домой учителей приглашать тоже боялась—по головѣ будутъ бить. Читать его выучилъ дьячокъ, за что получилъ двѣ синенькихъ, да полубархату на жилетку; а писать — конторщикъ. Имѣя постоянное общеніе съ голубятниками и птицеловами, онъ еще въ дѣтствѣ постигъ вкусъ въ мадерѣ, а къ совершеннолѣтію сталъ совершеннымъ пьяницей. Безжизненное, безъ всякаго выраженія лицо его опухло. Въ такомъ видѣ, безъ предварительнаго съ нимъ соглашенія, его привезли въ одинъ купеческій домъ смотрѣть невѣсту. Послѣ «политичнаго разговора» о погодѣ, о томъ, что въ прошлую ночь подъ самыми окнами караулъ кричали, что въ крутицкихъ казармахъ одна вдовствующая купчиха кантониста украла и нигдѣ ихъ найти не могутъ, что одному барину въ пятницкой части бороду обрили — дѣло было порѣшено: Володя былъ объявленъ женихомъ. — Повѣнчали съ помпой. На правомъ клиросѣ пѣли въ полномъ составѣ чудовскіе, на лѣвомъ—синодальные пѣвчіе, апостолъ читалъ соборный протодіаконъ. Послѣ пиръ горой. Чиновники комиссаріатскаго вѣдомства съ супругами, мѣстный полиціймейстеръ, частный

приставъ со всѣми подвѣдомственными ему квартальными надзирателями и ихъ помощниками, совѣтники губернскаго правленія и управы благочинія, секретари магистрата, сиротскаго и иныхъ судовъ, духовенство близлежащихъ церквей, именитое купечество съ супругами и дочерями радушно были встрѣчены гостепріимнымъ хозяиномъ. Музыка «двухъ сортовъ», какъ говорилъ хозяинъ. Кулинарная часть во всемъ блескѣ, — даже, — рѣдкое въ то время блюдо, — жареный лось былъ, къ которому, однако, рѣдко кто прикасался. Только частный приставъ съѣлъ два куска ошибкой, но, узнавши, что̀ это было за блюдо, обругалъ офиціанта собачьимъ сыномъ.

— Ты долженъ говорить, братецъ, что подаешь...

Офиціантъ «взялъ смѣлость доложить», что у графа Закревскаго очень часто подается лось.

— Графъ мнѣ не ука...

«Не указъ» разсчитывалъ сказать частный, но, спохватившись, остановился на полусловѣ и, обозвавши еще разъ офиціанта «скотиной», приказалъ подать себѣ шампанскаго.

Балъ кончился. Всѣ съ благопожеланіями разъѣхались домой. Остались только одни ближайшіе родственники для исполненія нѣкоторыхъ статей уложенія Домостроя попа Сильвестра.

Печальные, горькіе дни наступили для молодой женщины. Дикій свекоръ, дура свекровь и безпросыпный пьяница мужъ. Не выдержала бѣдная, зачахла. Попробовали лѣчить подручными средствами: грудь какимъ-то масломъ смазывали, винными ягодами кормили, поили разными травами и какимъ-то цѣлебнымъ пескомъ; наконецъ, наканунѣ смерти, пригласили доктора, т. е., собственно, подлѣкаря изъ какой-то больницы, имѣвшаго огромную практику въ купеческомъ сословіи. Докторъ выписалъ изъ аптеки шпанскую мушку, выпилъ съ мужемъ бутылку портвейна и рѣшительно сказалъ, что опаснаго ничего нѣтъ. На утро жертва родительскаго невѣжества и денежнаго расчета тихо простилась съ жизнію. Похороны совершены были архіерейскимъ служеніемъ. Опять тотъ же составъ общества, который ликовалъ за свадебнымъ столомъ, сѣлъ тѣмъ же порядкомъ за поминальный столъ и съ чувствомъ соболѣзнованія по усопшей началъ трапезу миндальнымъ киселемъ и кончилъ какимъ-то кондитерскимъ печеньемъ. Ликовала нищая братія, получившая обѣдъ

натурой. Радостно вздохнули въ острогѣ «тюремные сидѣльцы»: имъ послано было на поминъ души двѣсти бычачьихъ печенокъ. Выбывшій членъ семейства не произвелъ въ домѣ никакого безпорядка. Свекровь говорила, что покойницу Богъ наказалъ за непокорность. Свекоръ говорилъ, и что у покойной были понятія не купеческія, своимъ умомъ хотѣла жить. Мужъ ничего не говорилъ. Смерть молодой кроткой жены не потревожила его сердца. Онъ только разсердился на подлѣкаря за то, что тотъ его обманулъ, сказавши, что опасности никакой нѣтъ, и за это публично въ трактирѣ оттаскалъ его за волосы.

— Самъ когда-нибудь издыхать будешь!—кричалъ обиженный врачъ.

— И буду!—шумѣлъ пьяный купецъ.

— И издохнешь!

— И издохну!

— Вызолоти ты меня тогда, такъ я къ тебѣ не приду.

— Да ты развѣ докторъ?

— А кто же я?

— Въ родѣ какъ бы словно коновалъ. Да и коновалъ-то лучше тебя! Ты сколько въ Таганкѣ народу-то перепортилъ? У всѣхъ зубы повыкрошились, кто у тебя лѣчился; а у Еремѣй Назарыча рыло на сторону свело отъ твоего лѣкарства.

Ссора, впрочемъ, продолжалась недолго. Поссорившіеся помирились и поѣхали въ Марьину рощу.

— Я зла не помню,—говорилъ въ дорогѣ Володя.—Давай поцѣлуемся.

— Я тоже, — отвѣчалъ подлѣкарь: — съ удовольствіемъ! Па васъ, вѣдь, купцовъ, и сердиться-то нельзя: очень ужъ народъ-то дикій и необразованный. Еремѣй Назаровичу я микстуру прописалъ принимать по утру по одной ложкѣ, а онъ въ два дня всю выпилъ. Это и быку шею сведетъ. А меня ругаютъ, главному доктору хотятъ жаловаться. Съ вашимъ характеромъ ни одинъ докторъ не сообразится. Пропиши тебѣ средство, да чтобы въ водкѣ его принимать, да чтобы оно въ два дня подѣйствовало. Вѣдь, я мученикъ между вами. Вонъ, у Ѳедосьи Капитоновны чирій теперь: сидѣть не можетъ. Вытяжнымъ пластыремъ пробовалъ—не помогаетъ. Позвольте, говорю, посмотрѣть. Что ты, говорилъ, очумѣлъ, что ли? Мой мужъ по первой гильдіи. Вотъ ты и поди съ ней!

Старикъ-отецъ не заговаривалъ съ сыномъ о второмъ бракѣ, да ему и не до того было: надъ его головой соби-

ралась туча. Шла она изъ-за Москвы-рѣки, изъ московскаго комиссаріата. Нагонялъ ее Зевесъ въ густыхъ эполетахъ, присланный изъ Петербурга. Къ старику по ночамъ приходили чиновники, читали объяснительныя записки, разсматривали какіе-то ордера, что-то переписывали, что-то подскабливали, вшивали въ «Дѣло» какіе-то счеты и записки. Одинъ разъ привезли отставного губернскаго секретаря, согласившагося принять за пять рублей фальшивую присягу, которая, по ходу слѣдствія, могла оказаться нужной. Наконецъ, туча разразилась, грянулъ громъ! Ночью, подъ величайшимъ секретомъ, частный приставъ, съѣвшій на свадьбѣ, по ошибкѣ, кусокъ лося, свезъ старика въ тверскую часть. Надъ женой его и надъ сыномъ «впредь до распоряженія» учрежденъ полицейскій надзоръ, а «дворы и животы описаны до указу». Старуха не перенесла срама своего мужа и вскорѣ умерла. Петербургская слѣдственная комиссія съ остервенѣніемъ набросилась въ московскомъ трактирѣ на уху, на растегаи, на раковый супъ. Три года она ѣла, три года писала, три года счеты сводила; наконецъ, кончила товарищескимъ обѣдомъ въ троицкомъ трактирѣ и уѣхала въ Петербургъ. Вскорѣ, по отъѣздѣ ея, стали попадаться на улицѣ комиссаріатскіе чиновники, содержавшіеся въ теченіе трехъ лѣтъ въ секретныхъ номерахъ московскихъ полицейскихъ домовъ. На нѣкоторыхъ изъ нихъ одиночное заключеніе произвело сильное впечатлѣніе: одинъ похудѣлъ и осунулся, у другого выступила просѣдь, а третій — вышелъ какъ встрепанный, точно онъ въ теченіе трехъ лѣтъ сидѣлъ не въ заключеніи, а въ московскомъ трактирѣ. Выпустили черезъ калитку частнаго дома и одряхлѣвшаго стараго подрядчика. Онъ былъ разоренъ совсѣмъ. Домъ, въ которомъ благодушествовали комиссаріатскіе, полицейскіе и иныхъ вѣдомствъ чиновники, пришелъ въ полное разрушеніе и назначенъ былъ въ продажу за казенные долги. Добрые люди пріютили старика, обременившаго ихъ впрочемъ не надолго. Онъ умеръ, на глазахъ своего духовника, съ полнымъ сознаніемъ своей правоты и невинности. Впереди гроба съ образомъ шелъ, по собственному побужденію, отставной губернскій секретарь, согласившійся принять, по просьбѣ чиновниковъ, фальшивую присягу. Онъ же разносилъ и кутью на бѣдныхъ поминкахъ.

Володя, во время ареста отца, перекочевывалъ изъ дому въ домъ: гдѣ переночуетъ, гдѣ пообѣдаетъ.

— Кто это тамъ въ кухнѣ на лавкѣ свернулся?—спрашиваетъ хозяйка.

— Это, матушка, почетный гражданинъ у насъ почиваетъ, — отвѣчаетъ кухарка: — вчера вечеромъ пришелъ мокрехонекъ. Губы посинѣли, дрожитъ. Ужъ я согрѣшила, грѣшная: — шкальчикъ ему купила... Тоже жалко. Подумаешь: изъ этакаго богачества... Ужъ я и поплакала. Цѣлый часъ штаны выжималъ, а ужъ сакъ-пальто его словно бы тебѣ кисель расползся. Кучерамъ сушить отдала. Выжимали, выжимали... страсть!

На свадьбахъ и на поминкахъ у своихъ многочисленныхъ знакомыхъ по купечеству онъ всегда являлся безъ приглашенія и, разумѣется, не шелъ въ передній уголъ, а выбиралъ за столомъ позицію — на свадьбѣ около пѣвчихъ или бѣдныхъ родственниковъ, а на поминкахъ—около дьячковъ. Несмотря на голую нищету, въ душѣ его тлѣла поэтическая искра: онъ до обожанія любилъ птицъ и по цѣлымъ недѣлямъ ловилъ ихъ въ заброшенныхъ барскихъ садахъ, раскинутыхъ по берегу рѣки Яузы.

Вотъ собралась цѣлая компанія ловцовъ: на лужайкѣ раскинулъ сѣтку отгуливающій уроки гимназистъ; подъ ракитовымъ кустомъ растянувшійся на брюхѣ отецъ-дьяконъ подсвистываетъ синицу; Володя сосредоточенно смотритъ на западню. Въ кустахъ что-то щелкнуло,—это чижикъ влетѣлъ въ западню.

— Ты меня, подлецъ, вчера цѣлый день промаялъ, — кто-то говоритъ въ кустахъ.

— Что Богъ далъ?—спрашиваетъ отецъ-дьяконъ.

— Чижъ!—отвѣчаетъ тотъ же голосъ.

— Рѣдки здѣсь хорошіе. Вотъ, на Воробьевыхъ горахъ попадаются необыкновенные,—замѣчаетъ отецъ-дьяконъ:— мѣсто высокое.

— Чижи-то настоящіе въ Разумовскомъ саду,—вмѣшивается Володя.

— Нѣтъ, вамъ неугодно ли пройти съ западкомъ въ Тюфелеву рощу, такъ останетесь довольны... Три моихъ синицы и теперь въ Кудринѣ въ трактирѣ висятъ. Загляденье! А ужъ пѣночку какую въ Андроньевъ архимандриту предоставилъ — невозможная!.. Благословилъ и полтинникъ далъ. Великое, говоритъ, это мнѣ утѣшеніе.

— Мнѣ Богъ помогъ въ этомъ году,—перебиваетъ Володя:—весной девять соловьевъ поймалъ.

— Почемъ взяли?—спрашиваетъ отецъ-дьяконъ.

Раздарилъ. Я не продаю.—отвѣчаетъ Володя.

— Не основательно! — замѣчаетъ отецъ-дьяконъ: — бѣдный вы человѣкъ и драгоцѣнную птицу дарите! Вѣдь попадаются такія, которымъ и цѣны нѣтъ.

— Это точно, — соглашается Володя: — голофтеевскому приказчику за соловья триста рублей даютъ, онъ говоритъ — тысячи не возьму. Въ жизнь я такого не слыхивалъ.

Наконецъ, отецъ-дьяконъ перехитрилъ синицу: западня ее захлопнула.

— Вотъ вы изволите говорить про соловьевъ,—началъ, выходя изъ куста, худенькій человѣчекъ въ казинетовой сибирочкѣ.—Нынче соловьи-то кусаются... Нынче ихъ поискать, да поискать хорошихъ-то, да гдѣ-то еще ихъ найдешь. Вотъ въ С.-Петербургѣ я жилъ, такъ у частнаго пристава, можно сказать, соловей былъ! Первый соловей по всей нашей енперіи! Нѣтъ такихъ соловьевъ! — всю жизнь я съ ними, а такого не слыхивалъ, да и не услышу. И, вѣдь, главная причина, даромъ ему достался. Потому— владыка, ну и дарятъ! Онъ, изволите видѣть, на садкѣ на живорыбномъ былъ у Ивана Киселева. Ну-съ, хорошо-съ!.. Пришелъ частный приставъ, а онъ, какъ на грѣхъ, и заливается. Чей, говоритъ, такой? Собственный нашъ. Это, говоритъ, даже удивительно!..—Продай!..—Никакъ невозможно, въ томъ разсужденіи, что по всему Питеру одинъ соловей. — Подумай, говоритъ, потому, какъ очень мнѣ нравится. Городовой пришелъ: — Тебѣ бы, говоритъ, Киселевъ, лучше отдать, мало ли что можетъ случиться: всѣ подъ Богомъ... все лучше!.. Жирно, говоритъ, будетъ. Хорошо-съ!.. Недѣли черезъ двѣ, утромъ, только-что садокъ отперли, а городовой на панели ужъ и стоитъ.— Что это, говоритъ, Киселевъ у тебя тутъ дѣлается? — А что, говоритъ? — Посмотри-ка. Глядь, около самаго садка ноги чьи-то торчатъ. Утопимшій!.. Какой, говоритъ, это человѣкъ? — Не могу знать! — Кто же, говоритъ, знаетъ? Затрясся мой Киселевъ... Нельзя ли, говоритъ, Ермила Ив... — Ступай скорѣй къ самому, а мы покуда рогожкой прикроемъ, чтобы народъ не толпился. Прибѣжалъ—почиваетъ. Въ другой разъ толканулся—съ лепортомъ уѣхалъ, къ часу пожалуетъ. Въ часъ пришелъ — дома. Вышелъ, перышкомъ въ зубахъ поковыриваетъ. — Что скажешь? — Соловья въ тѣ поры желали, ваше высокоблагородіе. — Одумался, говоритъ.—Сдѣлайте ваше такое одолженіе, важ-

ности это намъ не составляетъ. А у самого сердце на части разрывается!—Спасибо, говоритъ, присылай. Снесъ!.. Ну, ночью этого утопимшаго пониже по Фонтанкѣ перегнали, а на утро, при всемъ честномъ народѣ, вытащили да въ газетахъ публиковали: «всплыло мертвое тѣло, какого званія неизвѣстно». Вотъ те и соловей!.. А вотъ, теперича который у меня перепелъ — удивленія достойно: вабенье самое миніатюрное... органное... Опять же и разстановисть, и хрипецъ степной есть. Перепелъ во всей формѣ.

— Я вчера перепела поймалъ,— съ живостью отозвался гимназистъ.

— А неправда ли, что оную птицу легче поймать, чѣмъ выучить спряженіе латинскаго неправильнаго глагола? — отнесся къ нему отецъ-дьяконъ.—Повидимому, вы отъ оныхъ спряженій уклоняетесь, ибо я каждодневно встрѣчаю васъ здѣсь.

Гимназистъ зардѣлся.

— Я самъ въ семинаріи родителя обманывалъ и отбывалъ уроки на рыбной ловлѣ, но не столь часто.

Гимназистъ совсѣмъ растерялся.

— Конечно, — продолжалъ дьяконъ: — Radix studiorum amara... Ну-ка, какъ genitivus-то отъ radix?

— Radicis,—отвѣчалъ гимназистъ.

— А studiorum начало.

— Studium.

— Познанія у васъ есть. Это хорошо! Только одно другому мѣшать не должно: уловляя синицъ, должно памятовать, что наука тоже требуетъ непрестаннаго уловленія. Вы не огорчайтесь на меня: я простой человѣкъ, мнѣ жалко васъ стало. Дай, думаю, поговорю. Вижу, вы сконфузились. Большая мнѣ это радость. Значитъ, слова мои «не мимо идутъ». Приходите по праздникамъ, вмѣстѣ ловить будемъ. А теперь вотъ вамъ отъ меня парочку синичекъ.

— Зачѣмъ,—сквозь слезы произнесъ гимназистъ.

— Бери! Я вижу, ты охотникъ. Ну, уклоняетъ тебя охота отъ занятій... самъ я такой былъ!.. Если бы не страсть моя, я бы давно въ фіолетовой щеголялъ.

ИЗЪ ДЕРЕВНИ.

I.

На лугу.

Ночь! Божественная ночь!
Очаровательная ночь *). —
Спи, кто можетъ — я спать не могу,
Я стою потихоньку, безъ шуму,
На покрытомъ стогами лугу
И невольную думаю думу **).

И уноситъ дума меня далеко: уноситъ она меня въ «пышный» Петрóполь, въ «очаровательный» Павловскъ, съ его «восхитительной» иллюминаціей, съ его «обворожительнымъ» оркестромъ. Я какъ будто вижу «волшебную» палочку Главача... Мысль моя переносится въ Новую деревню съ ея увеселительными притонами. Воображеніе вводитъ меня и въ Ренесансъ, и въ Каскадъ, и въ русскій семейный садъ, и въ Зоологическій садъ, и въ Крестовскій садъ, и вообще во всѣ сады, кругомъ опоясывающіе «славный городъ Петербургъ». Я какъ будто сижу въ какомъ-то загородномъ театрѣ, гдѣ играютъ какую-то безсмысленную піесу, поютъ какіе-то невыносимо глупые куплеты...

А надо мной

Открылась бездна, звѣздъ полна.
Звѣздамъ нѣтъ счета, безднѣ дна... ***).

А кругомъ меня «святая тишина».

Ни гласа на брегѣ, ни зыби на влагѣ—все тихо. ****).

Боже, какъ хорошо здѣсь. А докучливая фантазія все отвлекаетъ меня, все уноситъ меня изъ міра поэзіи въ

*) Гоголь. **) Некрасовъ. ***) Ломоносовъ. ****) Гнѣдичъ.

театръ — въ міръ суеты, въ міръ озлобленнаго самолюбія и самомнѣнія, въ міръ мелкихъ интригъ и всякихъ дрязгъ... Вѣдь здѣсь лучше, въ этомъ чарующемъ безмолвіи!.. Но я не властенъ надъ ней. Она ведетъ меня все дальше и дальше... Вотъ показался на сценѣ, завитый въ колечки театральнымъ парикмахеромъ, чтецъ. На рукахъ у него бѣлыя перчатки, въ рукахъ складная шляпа. «Солимская гетера», произноситъ онъ съ апломбомъ. На половинѣ стихотворенія голосъ его достигаетъ высшихъ предѣловъ. Онъ начинаетъ кричать, мускулы въ напряженіи, лицо краснѣетъ и кривится, лѣвая ладонь сжата въ кулакъ, правая разсѣкаетъ шляпой воздухъ. Послѣдній стихъ:

«И онъ сказалъ ей кротко: встань!»

произноситъ онъ съ какимъ-то остервенѣніемъ, какъ будто:

«И онъ сказалъ ей: пошла вонъ!»

Браво! разносится по всему театру. Чтецъ раскланивается и уходитъ за кулисы. Какъ я взволновался, произноситъ онъ тамъ: — эки у меня нервы проклятые! Сцена на мгновеніе остается пуста. Вотъ изъ боковой кулисы сверкнулъ лаковый сапогъ и исчезъ... Еще сверкнулъ и опять исчезъ...

— Что дразнишь-то! Ступай скорѣй! — говоритъ кто-то въ заднихъ рядахъ.

— Куплетчикъ, что ли, теперь пойдетъ?

Вотъ показалась наконецъ странная, толстенькая фигура во фракѣ. Лицо его выражаетъ полнѣйшее отсутствіе какой-либо мысли; оно только до нельзя гладко выбрито. Онъ быстро подбѣжалъ къ рампѣ, скроилъ принужденно-веселую гримасу, положилъ ладони одну въ другую, потеръ ихъ такъ, какъ обыкновенно трутъ руки, когда въ нихъ находится кусокъ мыла, шепнулъ что-то дирижеру, тотъ далъ знакъ оркестру, и зала огласилась куплетами, не тѣми милыми, веселыми, подчасъ ѣдкими куплетами, которыми восхищалъ публику даровитый и симпатичный Монаховъ, а куплетами глупыми, грубыми, не литературными. Въ залѣ подымается буря аплодисментовъ. Браво! Bis! Куплетистъ начинаетъ снова. Bis! снова кричитъ удовольствованная публика. Куплетистъ продолжаетъ. «Бисы» не прерываются. Наконецъ, спѣвши съ дюжину куплетовъ, онъ усталъ. Красный, какъ ракъ, онъ откланивается публикѣ и спѣшно бѣжитъ за кулисы; но неистовое «bis» снова тащитъ его на сцену. Въ недоумѣніи онъ останавливается. Репертуаръ его

истощенъ. Всѣ имъ обруганы: и кассиры, которымъ судъ воздалъ «коемуждо по дѣломъ его», и кассиры—кандидаты скамьи подсудимыхъ, и банки съ ихъ бухгалтерами, и присяжные повѣренные, и желѣзнодорожные дѣятели, и инженеры... Кого бы еще обидѣть? думаетъ онъ. И не имѣя болѣе подходящаго куплета—передразниваетъ двухъ астраханскихъ армянъ, судящихся у мирового судьи.

Я въ Москвѣ, въ Эрмитажѣ... Садъ освѣщенъ электричествомъ... Налѣво театръ, направо буфетъ, прямо эстрада; тамъ, гдѣ-то въ кустахъ, еще фантастическій театръ. Въ одномъ театрѣ раздаются звуки Корневильскихъ колоколовъ, въ другомъ—актеры треплютъ «Каширскую старину». «Bis», раздается въ одномъ театрѣ. «Браво», кричатъ неистово въ другомъ. У эстрады тѣснится публика. Идетъ разговоръ.

— Вы не слыхали?

— Кого?

— Егорова.

— Нѣтъ.

— Вотъ, батюшка, по-собачьи-то лаетъ! Изумительно!

На эстрадѣ показался г. Егоровъ и тотчасъ закричали пѣтухи, залаяли собаки, замяукали кошки. Bis! — кричитъ публика. «Кукурику», выкрикиваетъ въ удовольствіе ей г. Егоровъ.

— Bis! Пѣтуховъ довольно! Валяй по-собачьи!—говоритъ кто-то у эстрады.

— На дворѣ лежатъ двѣ собаки,—начинаетъ имитаторъ.

— Пѣтуха!—раздается рѣзкій голосъ.

— Пѣтуха!—подхватываютъ энергически нѣсколько голосовъ.

— У одной собаки,— продолжаетъ имитаторъ, не обращая вниманія на требованія публики...

— Пѣтуха!—кричитъ крайняя лѣвая и центръ.

— Пѣтуха! Bis! Пѣтуха! — поддерживаетъ московская сибирка, въ суконномъ картузѣ.

— А я, можетъ, собаку желаю слушать,— протестуетъ господинъ въ цилиндрѣ.

— Это сколько вамъ будетъ угодно, мы не препятствуемъ... Пожалуйте къ намъ на Зацѣпу, тамъ ихъ сколько угодно, на разные голоса могутъ,—отвѣчаетъ сибирка.

Ты мнѣ дерзостей не говори! — вспылилъ цилиндръ.

— Мы вамъ ничего такого не говоримъ, даже не можемъ знать, какой на васъ чинъ,—уклоняется сибирка:—

можетъ повыше сапожника, пониже портного... Мы за свой рубль. Bis! Пѣтуха!

Къ центру присоединились прогрессисты. Начинается буря! Стоящій вдали участковый приставъ уже начинаетъ подумывать о распущеніи собранія.

Имитаторъ уступаетъ.

— По двору ходитъ индѣйскій пѣтухъ,—начинаетъ онъ.

— Не надо индѣйскаго! Нашего, обнакновеннаго!—закричала вновь сибирка.

— Шши!—грозно раздается со всѣхъ сторонъ.

— Ну, какъ угодно! Намъ все равно! Вася, пойдемъ выпьемъ по штучкѣ, — говоритъ, отходя отъ эстрады, сибирка:—мы пѣтуховъ-то довольно слыхали, важности это не составляетъ! У насъ, у нашей бабушки, можетъ, по Москвѣ первые пѣтухи! Индѣйской-то пѣтухъ какой онъ? Его и ѣсть-то невозможно. Вся сила у него въ хвостѣ! Хвостъ дѣйствительно! А больше ничего! Глупый пѣтухъ!

Представленіе на эстрадѣ вдругъ прерывается. Публика, какъ одинъ человѣкъ, повскакала съ своихъ мѣстъ и ринулась въ одну сторону.

— Пожаръ?

— Боже сохрани!

— До тѣхъ поръ, пока у насъ будутъ деревянные театры...

— Да театръ вонъ гдѣ...

— Куда же это бѣгутъ?

— Не знаете, что случилось?

— Я давно слышалъ, что гарью пахнетъ.

Изъ отрывочныхъ фразъ ничего нельзя понять.

— Какой же это пожаръ,—успокаиваетъ кто-то.—Шаръ надъ прудомъ лопнулъ и самъ воздухоплаватель въ воду упалъ.

— Спасли?—пронзительно восклицаетъ одна барыня.

— Надъ самымъ надъ прудомъ,—вмѣшивается сибирка.—Разъ! Яко прославися!

— Вы видѣли?

— Да, тутъ стояли... Разъ! И сейчасъ въ пучину!.. Мы бросились, думали, откачивать будутъ... Докторъ подбѣжалъ къ нему: ничего, говоритъ, вы такого въ себѣ не чувствуете?

— Если бы повыше маленько вознесся—бѣда!—подхватываетъ другая сибирка: — и потроха бы его не собрать! У насъ одинъ пьяный съ третьяго этажу сверзился...

Наконецъ, публика успокоилась. На опустѣвшихъ сто-

лахъ опять появились бутылки съ краснымъ виномъ и ши вомъ. Буфетъ пошелъ полнымъ ходомъ.

— Я больше къ поповкѣ прилежаніе имѣю, — говоритъ одинъ московскій обыватель.—Смирновскую пробовали... да въ груди что-то этакое опосля ее... дыханіе, значитъ...

— Тѣснитъ, — поддакиваетъ другой: — это вѣрно! А поповку хоть не закусывай... ровно идетъ, чисто!.. Налей-ка намъ, миленькій, поповочки три штучки.

— А ты попробуй-ка смирновскую-то, — вмѣшивается третій:—свѣжимъ огурцомъ закусывать—такъ она себя покажетъ! Говорятъ, отъ нея огурецъ свертывается, опять, какъ есть, цѣльнымъ дѣлается...

Къ одному изъ столовъ подошелъ молодой, очень тучный господинъ, румяный и бѣлый, какъ севастьяновская булка. Одѣтъ онъ очень изящно, по лѣтнему, весь въ бѣломъ, начиная отъ шляпы и кончая ботинками. Человѣкъ онъ, должно-быть, здѣсь свой, потому что лакеи со всѣхъ сторонъ бросились къ нему съ предложеніемъ услугъ.

— Семенъ Ильичъ,—началъ бѣлый господинъ, относясь къ старшему слугѣ: — самъ служи и еще кого-нибудь поумнѣе поставь. Двѣ бутылки Помри; ну а для меня ты знаешь что... только холоднаго. Потомъ ты позови Василья Яковлевича и честеру мнѣ. Скажи Буданову—нѣтъ ли свѣжаго, а то я буфетъ разнесу, онъ меня знаетъ. Да вотъ что... Впрочемъ, ничего, ступай. Живо! Или нѣтъ: кликни Сережу, не здѣсь ли она гдѣ путается.

— Она въ шереметевской больницѣ другую недѣлю лежитъ,—отвѣчаетъ старикъ.

— Ну, царство ей небесное. Виноватъ: дай ей Богъ добраго здоровья! Говорилъ ей — не ей! Да, Семенъ Ильичъ! пошли къ Ечкину за четверкой. Чтобы Гараська ѣхалъ...

Этотъ бѣлый господинъ, т. е. отецъ этого бѣлаго господина, очень богатый. Въ началѣ тридцатыхъ годовъ онъ пришелъ въ Москву, перенесъ всю страшную тяготу фабричной жизни и впослѣдствіи нажилъ огромное состояніе. На воспитаніе единственнаго своего сына онъ употребилъ всѣ средства: училъ его дома, отдавалъ въ самые дорогіе пансіоны, посылалъ его за границу. Природа щедро надѣлила его здоровьемъ: онъ можетъ не спать «ночей по десяти». Онъ можетъ выпить шампанскаго море. Щедрый и расточительный для домовъ терпимости и другихъ пріютовъ разврата, онъ никогда ни одного гроша не пожертвовалъ

на дѣла благотворенія. Своимъ поверхностнымъ образованіемъ онъ поражаетъ всѣхъ: бѣгло и нагло говоритъ по-французски, знаетъ почти наизусть пикантныя мѣста изъ романовъ Зола, насвистываетъ на губахъ всѣ скабрезныя оперетки. Каждодневно восходъ солнца встрѣчаетъ у Яра, а закатъ—въ одномъ изъ московскихъ ресторановъ.

Покончивши съ шампанскимъ, бѣлый господинъ садится съ двумя иностранками въ коляску, запряженную въ четверку ухорскихъ лошадей.

— Ну-ка, Гарасимъ, уважь купца! Не огорчи!

— Слушаю, Никандра Ивановичъ! Развѣ это лошади? Это феверки! Ухъ вы, милыя!..—дикимъ голосомъ крикнулъ ямщикъ. И понеслась бѣшеная тройка по неопрятной московской мостовой. Понеслась она къ Яру, гдѣ хоръ русскихъ пѣвицъ поетъ не по-русски, гдѣ цыганскій хоръ поетъ не по-цыгански, гдѣ всю ночь на-пролетъ «бушуетъ вѣтреная младость».

— Гараська, пали! — кричитъ изъ коляски Никандръ Ивановичъ.

— Палю! Стараюсь! — отвѣчаетъ, выпятивши бѣльма, Гараська.

Мечта ведетъ меня все дальше... Сквозь растворенныя двери театра я, какъ будто, слышу звуки Корневильскихъ колоколовъ.

Диги, диги, донъ! Диги, диги, донъ. А на яву влетаютъ въ мои уши звуки разбитой чугунной доски.

Тикъ, тикъ, тикъ... тикъ, тикъ, тикъ. Сторожъ Ананій Михайловичъ часы бьетъ.

Прочь мечта! Вонъ изъ этихъ увеселительныхъ заведеній, съ ихъ наркотическими оперетками, съ ихъ пошлыми куплетами и унижающими человѣческое достоинство имитаціями. Вонъ изъ этихъ увеселительныхъ заведеній, гдѣ, вмѣсто веселья, царитъ нравственное удушье, гдѣ вмѣсто смѣха раздается какое-то неистовое ржанье.

— А вѣдь хорошо у насъ на лугу-то, сударь, — заговорилъ, подходя ко мнѣ, усадебный сторожъ Ананій Михайловичъ, восьмидесятилѣтній старикъ, бывшій дворовый человѣкъ.— Сѣно-то теперь косятъ, духъ какой чудесный! Въ Прудне тоже вчера закосили, опять же и въ старомъ селѣ... Со всѣхъ сторонъ тянетъ. Этакого духу въ городу-то у васъ чай, въ С.-Петербургѣ-то, нѣтъ?

— Нѣтъ, Ананій Михайловичъ, —отвѣчаю я,

— То-то, я думаю, что нѣтъ. А у насъ, вишь ты, какая благодать! Тихо, чудесно!.. Небо чистое...

— Всѣмъ хорошо, только комары очень одолѣваютъ,— замѣтилъ я.

— Комаръ, сударь, ничего; комаръ нашъ лѣкарь.

— Какъ лѣкарь?

— А какъ же,—серьезно отвѣчалъ Ананій Михайловичъ.— Это нашъ первый лѣкарь: онъ изъ человѣка простуду высасываетъ. Вотъ ежели слѣпни, то бѣда! Да мы, сударь, по нашей кожѣ, комарей этихъ и не чувствуемъ, потому ему что лыко сосать, что кожу нашу — удовольствіе одно. Вотъ бабъ, гдѣ въ низинахъ, тѣхъ забижаютъ.

Пока мы разговаривали съ Ананіемъ Михайловичемъ, на старосельской колокольнѣ продолжали бить часы и уже пробило ихъ больше двадцати.

— Да что же это? Который же теперь часъ?—обратился я къ старику.

— А вы, сударь, этимъ часамъ не вѣрьте, тамъ безъ счету звонятъ, — отвѣчалъ Ананій Михайловичъ. — Пономарь тамъ старый, глухой. Онъ бьетъ, какъ ему вздумается. Инный разъ на дворѣ два часа, а онъ разъ пятнадцать отпуститъ... Считаешь, считаешь, инда надоѣстъ.

— А ты вѣрно бьешь?

— Я-то?—съ гордостью произнесъ старикъ.—Я, сударь, *самъ часы*, повѣрять по мнѣ можно. Пѣтухъ скорѣй ошибется, а я нѣтъ. Я съ девяти часовъ до трехъ вѣрно бью, а послѣ за меня пѣтухъ старается, а передъ солнышкомъ пастухъ на рожкѣ... Такъ у насъ время-то и идетъ.

— А богатое, должно-быть, было прежде ваше помѣстье.

— Большое, сударь, было помѣстье... богатое. Кругомъ дремучіе лѣса были на моей еще памяти. Все оголили. Вотъ этотъ лугъ-то—это прежде все садъ былъ, вплоть до рѣки онъ шелъ... Пруды какіе были богатѣйшіе, рыбы сколько въ нихъ саженой было, и пруды теперича всѣ позатянуло. Все въ разоренье пришло!.. Лѣсъ-то купцы свели, ну, а все прочее мужики разорили, и свой-то лѣсъ до послѣдняго прутика пропили.

— А шибко пьютъ мужики-то?

— Пьютъ шибко, и бабы не отстаютъ.

— Неужели и бабы пьютъ?

— Не брезгуютъ! Съ другой, пожалуй, и мужику не сладить. Извѣстное дѣло, у бабы нѣтъ тягла—напилась, да спать легла, съ нея не взыщется.

— А ты давно въ этой усадьбѣ живешь?

— Я, сударь, здѣшній и родимши здѣсь. Я при покойныхъ господахъ садовникомъ былъ, да въ старостахъ десять годовъ ходилъ. Ранжереи у насъ свои были; купецъ все нарушилъ. Какъ раздумаешься это, когда что было...

— А француза ты помнишь?

— Чуть помню. По девятому годочку я былъ. Помню, конница черезъ нашу деревню проѣхала, а матушка упала на полъ и востъ. А у барскихъ хоромъ все пушки стояли... Это я помню. Да еще помню—одного значительнаго генерала подъ руки въ хоромы провели... Въ хоромахъ онъ и умеръ. Да помню, упокойникъ батюшка два ружья принесъ, а казаки у него отняли. А ночью-то зарево, кругомъ все горитъ... А тутъ намъ батюшка бѣжать велѣлъ. У матушки на рукахъ годовалый ребенокъ, да я малолѣтокъ. Не пимши, не ѣмши всю ночь мы бѣжали. Лютое сраженье было. Я, сударь, за четырьмя господами былъ. Послѣ француза-то насъ продали другому барину Нерыгину... Двадцать пять годовъ онъ нами владалъ, а отъ него мы достались сестрамъ его. Двѣ дѣвицы старыя были, богомольныя такія, ни во что не входили, нѣмецъ нами командовалъ, вотъ онъ лѣсъ-то весь господскій и свелъ. А послѣ ужъ насъ Людмила Владиміровна купила, при ней мы и на волю вышли.

— А крутые господа-то были?

— Всякіе, батюшка, были,—всего натерпѣлись. За своими-то не сладко было, а ужъ за нѣмцемъ какъ мы были, какъ онъ-то насъ тѣснилъ—не приведи Богъ.

— А жена-то у тебя жива?

— Не далъ ей Господь вѣку большого, молоденькая померла. Вотъ этотъ самый нѣмецъ ее и извелъ. Пять годковъ только и радости мнѣ съ ней было. Воззрился онъ на нее и сталъ сманивать на грѣхъ. Та, что вы, говоритъ, сударь, помилуйте, я мужняя жена. А онъ: мы, говоритъ, мужа по пачпорту пошлемъ, а тебѣ положенье хорошее будетъ. У кого пойдешь защиты искать? Сидимъ оба, да и плачемъ. Нѣмка узнала про его дѣла-то. Ко мнѣ:—если, ты, говоритъ, свою жену не сократишь, я тебя въ Сибирь упеку. Матушка, говорю, Матильда Карловна, ни въ чемъ мы съ женой не причинны: супругъ вашъ на баловство идетъ. Та его бить — злая такая была,—а онъ меня изъ садовниковъ на скотный дворъ сослалъ. Безъ малаго годъ мы тамъ бѣдствовали. Растенія безъ меня всѣ рѣшились, деревья всѣ позасохли... Пришелъ какъ-то къ намъ на

скотный, меня не было—онъ къ женѣ: покорись,—говоритъ. А та схватила топоръ, да на него! Связали ее, да въ острогъ свезли, тамъ, батюшка, ее и замучили, тамъ въ острогѣ и померла. И ему Господь не продлилъ вѣку: въ тотъ же годъ, въ самый сочельникъ, его бѣшеный волкъ искусалъ. Дѣтей много оставилъ: нѣмцевъ четыре человѣка, да нѣмокъ пять. Барышни наши отъ нихъ отступились. Ужъ мужики Христа ради свезли ихъ въ Москву. Такъ я, батюшка, въ тѣ поры мучился, въ монастырь на тяжкую работу просился, ея душу замаливать хотѣлъ, да Людмила Владиміровна, царство ей небесное, купимши насъ, всѣ дѣла-то узнала, меня старостой сдѣлала, а за ея душу велѣла батюшкѣ цѣлый годъ часть вынимать. Добрѣйшая была барыня, благороднѣйшая. Досталось ей имѣніе-то разоренное. Одной дворни двадцать человѣкъ, и все-то воръ на ворѣ. Мужики-то послѣ нѣмца, два года кто такъ по міру ходилъ, кто на погорѣлое мѣсто сбиралъ. И все это она, черезъ свой умъ, въ порядокъ привела, и церковь разукрасила, и избы мужикамъ выстроила и садъ хотѣла съизнова поднять, да воля-то намъ пришла... не успѣла. Ну ужъ, говоритъ, теперь сами собой владѣйте. Старухъ которыхъ дворовыхъ — нянюшку, Катерину Егоровну, экономку Петровну, въ Москву свезла до самой смерти жить у себя, а всѣхъ прочихъ наградила. Молебенъ матушка съ нами на полѣ отслужила. Простите, говоритъ, православные, если я для васъ не хороша была. А батюшка проповѣдь говорилъ: вамъ, православные, говоритъ, надо вамъ вашей помѣщицѣ монументъ поставить.

— Что-жъ, поставили?

— Четыре кабака черезъ годъ на своей землѣ поставили, вотъ все туда и тащатъ. Горе, сударь, въ этакомъ кабакѣ, какъ посмотришь! Другой придетъ, нечего ужъ заложить-то—все пропилъ—плачетъ, въ ногахъ у кабатчика-то валяется. Смотрѣть на него жалко. Ахъ, вотъ и Цыганъ за мной пришелъ. Что, дуракъ, смотришь.

Черная собака, шевеля хвостомъ, легла у ногъ его.

— Прощенья, сударь, просимъ,—окончилъ Ананій Михайловичъ:—погуляйте по лугу-то... Хорошо!..

II.

На рыбной ловлѣ.

— Эхъ, ты!.. Образованіе! Кто васъ, дуръ, на свѣтъ-то родитъ!.. Развѣ возможно бабѣ черезъ дорогу переходить, когда на охоту ѣдутъ?.. — ворчалъ спутникъ мой и товарищъ по рыбной ловлѣ Силантій Сергѣевичъ.

— Что такое?—спросилъ я.

— Да вонъ, бабенка черезъ дорогу перешла. Ты стоять должна, пока не проѣдутъ,—окончилъ онъ внушительно: — не учили тебя этому, что ли?

Баба конфузливо поклонилась и прошла.

— Невозможный народъ! Хошь колъ имъ на головѣ теши — все свое!.. Это ужъ первое несчастіе, когда баба дорогу перейдетъ!—продолжалъ онъ ворчать, похлестывая лошадей.

Крестьянинъ Силантій Сергѣевичъ страстный охотникъ и ужасный суевѣръ. У него на все примѣты.

— Ежели, напримѣръ, теперича,—говоритъ онъ:—собака ночью спала на брюхѣ—непремѣнно надо быть дупелю; а ежели ты вышелъ на охоту, да она у тебя скучитъ, да подъ ногами вертится—тутъ сейчасъ прямо на куропатокъ ступай.

Дунетъ легкій вѣтерокъ, онъ его пріурочиваетъ къ уткѣ:

— Обожаетъ утка этотъ вѣтеръ! Теперича ее лущи безо всякаго милосердія.

Прыснетъ мелкій дождь:

— Самый это дупелиный дождикъ... Дупелю теперь чудесно! И собакѣ лестно подходить къ нему: не жарко.

Силантій Сергѣевичъ живетъ, что называется, богатой рукой. Домъ его, по деревенскому, полная чаша. Между мужиками, во всей окружности, онъ первый человѣкъ.

— Другого такого мужика, пожалуй, и на свѣтѣ нѣтъ,— говорятъ про него:—ужъ на что баба — и та отъ него во всю жизнь худого слова не слыхала, а баба наша, извѣстно, на побои рожденная: тамъ какая она ни будь, а ужъ все ей влетитъ—либо съ сердцовъ, либо съ-пьяну.

Веселый, добродушный, онъ постоянно окруженъ деревенскими ребятишками, которые копаются у него въ огородѣ, сопровождаютъ его въ лѣсъ, бѣгаютъ съ нимъ на рѣку осматривать верши.

— Одно мое горе,—говорилъ онъ мнѣ:—Господь Богъ дѣтенкомъ не благословляетъ. Ежели бы мнѣ теперича

сынка, ужъ я бы его произвелъ... Сродственниковъ у насъ съ женой никакихъ нѣтъ; помремъ—все мужики пропьютъ. Работаешь, работаешь, а на кого? Намъ съ женой не много требуется. Еще мое горе — все меня теперича мужики въ старшины налаживаютъ... Полное это мнѣ разоренiе!..

— Какъ же ты отдѣлываешься?

— Какъ? Извѣстно, какъ: два ведра выставишь, ублаготворишь ихъ аппетитъ...

— А большой у нихъ аппетитъ?

— Извѣстно, мужицкiй аппетитъ — пока съ ногъ не слетитъ...

Мы ѣхали густымъ сосновымъ лѣсомъ. Путь намъ лежалъ къ Полушинскому озеру. Бричка наша имѣетъ свою исторiю и видала виды. Въ старину въ нее впрягалась тройка откормленныхъ лошадей; кожухъ ея блестѣлъ; мимоходящiе, при ея появленiи, почтительно сходили съ дороги; когда она въѣзжала въ московскую заставу, къ ней почтительно подходилъ солдатъ и, выстроившись во фронтъ, спрашивалъ, откуда она изволитъ ѣхать и куда проѣзжаетъ? Потомъ ее эксплоатировалъ капитанъ-исправникъ. На какихъ только она слѣдствiяхъ не перебывала! Сколько она убитыхъ, опившихся, утопившихся, удавившихся людей видала. Далѣе она перешла къ какой-то небогатой помѣщицѣ, у которой стояла въ сараѣ десять лѣтъ безъ всякаго употребленiя. По освобожденiи крестьянъ, вмѣстѣ съ имѣнiемъ и каретнымъ сараемъ, она поступила въ собственность одного купца; имъ подарена, за исцѣленiе отъ запоя, сельскому фельдшеру, а отъ него, покупкою, пріобрѣтена отцомъ iереемъ. Потерявши красоту и удобство, порыжѣвши и наслоивши на себѣ въ продолженiе многихъ лѣтъ ничѣмъ не отчищаемую грязь, она все-таки была удобнѣе душу вышибающей мужицкой телѣги. Отецъ iерей отпускалъ ее всѣмъ, имѣющимъ въ ней надобность, а на богатой крестьянской свадьбѣ она всегда идетъ подъ невѣсту. Тутъ ее мужики приводятъ въ порядокъ: окачиваютъ водой, смазываютъ ссохшiяся втулки дегтемъ, подвинчиваютъ ослабшiя гайки и т. п., и бричка опять принимаетъ видъ экипажа до новаго ремонта.

Лѣсъ становился все гуще и гуще. Стройныя сосны уже не пропускали лучей заходящаго солнца, наступалъ мракъ.

— Эка благодать лѣсъ-то!—заговорилъ Силантiй.—Весной, когда вздохнетъ да загудетъ — сердце радуется... не

вышелъ бы... Только, между прочимъ, не долго стоять ему, голубчику.

— Отчего?

— Купецъ сводитъ. Всѣмъ имѣніемъ теперича купецъ владаетъ. Енеральскія дѣти все купцу продали: и лѣсъ, и луга, и домъ который... все! Въ этомъ лѣсу не токма топора—топорища никогда не бывало, а теперь...

Онъ съ грустью махнулъ рукой и, помолчавъ немного, продолжалъ разговоръ.

Въ этомъ лѣсу, сударь, меня разъ медвѣдь далъ...

— Ну!—воскликнулъ я съ удивленіемъ.

— Далъ, анаѳема! Вотъ изволите видѣть: ходилъ я за тетеревами, а тетеревей здѣсь было... Господи!.. Фабричные теперь перевели, стали петлей ловить, а прежде—страсть! Фабричный ежели гдѣ заведется—добра не жди. Рыбу тоже... Сколько въ нашей рѣкѣ рыбы было—всю отравили... Ну, вотъ, хорошо-съ. Иду я по лѣсу-то, и такая-то сила брусники! Смотрю, словно бы что черное. Ужли, думаю, медвѣдь? Какъ онъ вскочитъ... Вѳ ломовище какой!. Какъ фыркнетъ! Твори Богъ волю! Приложился, да съ обѣхъ стволовъ въ морду ему какъ дуну!..

— Близко?

— Миленькій мой, ужъ подъ ногами у меня былъ. И пошелъ это онъ морду въ кочку совать. Лѣсъ гудетъ, какъ онъ заревѣлъ. Я сейчасъ отскочилъ, ружье жеребьемъ зарядилъ, да не успѣлъ и шомпола вынуть, получай, думаю, со всѣмъ потрохомъ. Потрафилъ подъ лопатку, да опять съ обѣихъ стволовъ бу-бу!.. Какъ онъ прыганетъ, да цапъ меня, индо зеленые огни изъ глазъ посыпались. А ужъ силы-то у него нѣтъ, такъ и покатился... Ужъ и медвѣдище же былъ!.. Необыкновенный! А вѣдь хоша плечо маленько подралъ, а недѣль шесть меня лѣчили.

— Въ больницѣ?

— Нѣтъ, дома. Спервоначалу къ доктору возили, да что-жъ эти доктора! Для господъ они, можетъ, хороши, а намъ они ни къ чему... Нашу натуру они не знаютъ, порошки ихніе на мужика не дѣйствуютъ. Жена меня лѣчила.

— Чѣмъ?

— Медвѣдемъ же и лѣчила, саломъ его, значитъ, медвѣжьимъ прикладывала. Отощалъ я въ тѣ поры оченно: на ѣду не тянуло. Глазомъ пищу-то берешь, а нутро-то не примаетъ. Ну, ничего—выправился. А то вотъ еще какой случай со мной былъ. Разъ меня въ рѣкѣ сомъ за ногу ухватилъ..

Кончивши разсказъ о сомѣ, началъ разсказывать, какъ онъ отъ волковъ зимой отбивался. Наконецъ, мы выѣхали на широкую поляну; налѣво, вдали показалось озеро, направо, на пригоркѣ, барская усадьба.

— Озеро-то прежде въ лѣсу было, это ужъ вотъ теперь купецъ оголилъ его. Дремучій лѣсъ былъ! — замѣтилъ Силантій.—Купецъ ничего... хорошій... Сталовѣръ, только не настоящій. Намъ бы теперича Александра Петровича дома захватить—ловля у насъ будетъ чудесная.

— А кто это Александръ Петровичъ?

— Да какъ вамъ доложить?—Должно что изъ благородныхъ. На рѣчахъ очень хорошъ. Хозяинъ, купецъ-то, завсегда предпочитаетъ съ нимъ чай пить и обѣдать. Когда ежели прошеніе какое или въ судъ ежели требуется — все онъ. Только со временемъ съ нимъ та самая ошибочка бываетъ, маненичко хмѣлемъ зашибается. Купецъ ему не препятствуетъ. Мужика ежели котораго у мирового оправить—сейчасъ къ нему. Дастъ кто за это—возьметъ, а нѣтъ—и не спроситъ. Мужики его очень обожаютъ.

Густой липовой аллеей мы въѣхали въ усадьбу, проѣхали мимо сада, мимо развалившихся теплицъ, съ заколоченными окнами каменныхъ построекъ и наконецъ подъѣхали къ старинному барскому дому. На фронтонѣ дома виднѣлся щитъ, но герба въ немъ разобрать было невозможно. У подножія крыльца расположены симметрично два льва. Одинъ еще придерживаетъ правой лапой щитъ, а у другого нѣтъ ни щита, ни правой лапы. На спинѣ у одного льва сидѣлъ пожилой плѣшивый купецъ, передъ которымъ стояли на колѣняхъ два тощихъ мужичка; на спинѣ у другого льва сидѣлъ верхомъ купеческій сынъ, лѣтъ тринадцати, около него стояла бабенка, держа въ рукахъ деревянную чашку съ бѣлыми грибами. Силантій остановилъ бричку, слѣзъ съ козелъ и направился мимо дома.

— Куда?—спросилъ купецъ.

— Къ Александру Петровичу, ваше степенство.

— Ну, такъ какъ же?—обратился купецъ къ мужикамъ.

— Вся воля милости вашей! Вы наши отцы, мы ваши дѣти,—отвѣчали уныло мужики, падая купцу въ ноги.—Бѣдность, ваше степенство, не сами собой. Ради праздника ужъ простите.

— Ты два бревна увезъ?

— Махонькія два бревешка.

— А ты?

— Бабенка моя, по глупости... Я ужъ, признаться, побилъ ее...

— И мировой васъ теперича засудилъ? Ну, ладно, ступайте. Съ мировымъ я переговорю. Но только ежели, напримѣръ, въ другой разъ когда—все имѣніе описать прикажу и въ дальнюю губернію ушлю.

Мужики встали на ноги, опять поклонились въ землю и пошли.

— Такъ и всѣмъ скажите,—продолжалъ имъ вслѣдъ купецъ:—терпѣть, молъ, этого не можетъ, коли ежели когда воруютъ.—И потомъ отнесся ко мнѣ:—жалко, а попугать надо. Всѣмъ помогаю, а отучить, чтобы, напримѣръ, не воровали, нельзя.

— Ну, Богъ съ ними!—сказалъ я въ его тонъ.

— Само собой—Богъ съ ними, не разорятъ. Да и мировой-то у насъ строгій: такіе законы пригоняетъ, что мужику и дышать нельзя.

— Грибковъ не прикажете ли?—перебила его продавщица.

— Что-жъ я съ ними дѣлать буду?

— Скушаете...

— Такъ ты должна, по этому случаю, къ повару моему идти, къ Никитѣ Парѳенову. Вонъ онъ тебя проводитъ. Вася, проводи ее къ Никитѣ Парѳенову. А самому мнѣ какой расчетъ у тебя покупать: я стряпать не умѣю. А онъ, ежели ему потребуется, сейчасъ съ тобой въ коммерцію и вступитъ,—проговорилъ онъ мягко, съ добродушной улыбкой, но давая бабѣ понять, какая она глупая: обращается къ *самому*, когда у него есть на это поваръ, Никита Парѳеновъ.

Вася соскочилъ со льва и сказалъ бабѣ:—пойдемъ. Только ты иди рядомъ со мной, близко къ собакамъ не подходи—на части разорвутъ. У насъ Шарикъ съ волкомъ сраженіе имѣлъ.—Баба послѣдовала за провожатымъ, который ее на дорогѣ три раза останавливалъ, разсказывая съ паѳосомъ о сраженіи Шарика съ волкомъ. Баба только приговаривала: Ахъ, батюшки! Ахъ, Господи! А на самомъ страшномъ мѣстѣ разсказа, какъ Шарикъ ухватилъ волка за горло, даже взвизгнула. Мальчикъ ее успокоилъ, сказавши: не бойся, со мной онъ не тронетъ.

Никита Парѳенычъ встрѣтилъ продавщицу строгимъ замѣчаніемъ и наговорилъ дерзостей.

— Должна ты понимать, что подходить вамъ къ глав-

ному дому нельзя. Грибы ли, птицы ли, ягоды, все прочее— должны вы прямо ко мнѣ нести. Эки идолы!

— Непривычные мы... деревенскіе,—оправдывалась баба.

— Такъ вотъ васъ и учатъ! — горячился Никита Парѳеновъ и

Давъ волю словъ теченью,
Не находилъ конца нравоученью.

Но прибѣжавшая горничная дѣвушка его остановила.

— Никита Парѳенычъ,—заговорила она впопыхахъ: — Прасковья Карповна приказала, которые эти грибы—обжарить къ ужину, и какъ есть однѣ шляпки, только засолить покруче и сейчасъ, какъ есть на сковородкѣ, такъ и подать и чтобы мукой обсыпать.

Баба въ умѣ полагала взять за свой товаръ пятнадцать копеекъ, но услыхавши, что на него есть спросъ, подняла цѣну вдвое.

Поваръ вытаращилъ глаза. Ужъ онъ ее и ругалъ, и усовѣщивалъ, и велѣлъ смотрѣть на образъ, и пугалъ собаками, если она посмѣетъ въ другой разъ придти,—баба стояла на своемъ.

— Ходишь по лѣсу-то, ходишь, спины не разгибаючи...— доказывала баба.

— Да тебѣ самой, со всѣмъ твоимъ потрохомъ, цѣна-то два пятиалтынныхъ,—возражалъ Никита Парѳеновъ.

То онъ выдергивалъ изъ ея рукъ чашку съ грибами и ставилъ на столъ, то опять бралъ со стола и совалъ ей въ руки; то баба сама протягивала къ столу руки за чашкой и, получивъ по нимъ ударъ, отскакивала. Наконецъ, оба выбились изъ силъ. Вбѣжавшій Шарикъ, видя смятеніе, хотѣлъ заступиться за повара, залаялъ и готовъ былъ ринуться на бабу. Баба, предувѣдомленная хозяйскимъ сыномъ о необыкновенныхъ боевыхъ качествахъ Шарика въ сраженіяхъ, исторгла изъ груди вопль отчаянія. Поваръ плюнулъ...

— На! Чортъ съ тобой!—крикнулъ онъ, бросая на столъ деньги.—Но только ты сюда больше и не показывайся: или кипяткомъ ошпарю, или... Останешься довольна!

— Какой у васъ прекрасный домъ, — обратился я къ купцу, сидя въ бричкѣ.

— А вы по какой части? Въ здѣшнихъ мѣстахъ живете?

— Нѣтъ. Рыбу на озеро ѣдемъ ловить.

— Коли кому время есть, да не скучаетъ—занятіе хорошее. Апостолы рыболовы были... грѣха въ этомъ нѣтъ.

А что про домъ вы говорите—первый домъ по здѣшнимъ мѣстамъ. Старинный... Въ немъ, я вамъ доложу, въ двѣнадцатомъ году французы жили, генералы ихніе. Теперь вотъ мы замазали, а то въ одной комнатѣ стѣна была вся словами ихними исписана, вся сплошь словами была исписана и такъ вотъ до меня, пока я не купилъ, никто и трогать не смѣлъ, отъ господъ такой приказъ былъ. Одинъ ученый человѣкъ изъ Москвы пріѣзжалъ списывать. И патреты все висѣли: у кого глазъ прострѣленъ, у кого носъ, это они все въ цѣль изъ пистолетовъ орудовали.

— А портреты у васъ цѣлы?

— Нѣтъ. Намъ для Божьяго милосердія мѣста мало, а патреты эти намъ къ чему... Небель которую оставили... Идоловъ разныхъ тоже въ саду много было, книгъ... Къ Сухаревой башнѣ мы въ лавку продали. Домъ чудесный, помѣстительный. Не прикажете ли посмотрѣть?

— Очень вамъ благодаренъ. Позвольте.

— Семенъ, поди подержи лошадей.

Подошедшій конюхъ сѣлъ на козлы.

Черезъ обширную переднюю мы вошли въ залу.

— Это ужъ я оклеивалъ, а то все расписано было. Потолокъ только, коли Богъ приведетъ, на будущій годъ закрасимъ. Мы думали, что тамъ разрисованъ Іосифъ Прекрасный, а на дѣлѣ-то выходитъ совсѣмъ другое... нехорошее... Намъ это не годится.

На потолкѣ были написаны—Ипполитъ и Федра.

— Хлопотъ много было. Все было надо къ нашему, купеческому характеру приспособить. Вотъ тоже... пожалуйте сюда.

Просторная, въ четыре окна, комната. По стѣнамъ пустые краснаго дерева шкапы. Была прежде библіотека.

— Тутъ у насъ свояченица наша располагается... старушка. А вотъ это моя контора. Вся штофомъ была обита... Это ужъ я все переклеивалъ. А вотъ, не угодно ли сюда.

Мы вышли на террасу, окруженную балюстрадой. Съ террасы вела каменная лѣстница къ пруду. Вдали свѣтлѣло озеро, изъ-за лѣсу высилась стройная монастырская колокольня.

— Чай здѣсь пить пріятно,—замѣтилъ купецъ:—только комары оченно, да и лягушки изъ пруда донимаютъ. А вотъ тутъ у насъ дѣдушка существуетъ...

Онъ отворилъ комнату, которая, вѣроятно, была будуаромъ хозяйки. На кровати сидѣлъ сѣдой старикъ, съ чер-

ными, потерявшими блескъ глазами, попирая ногами драгоцѣнный гобеленовскій коверъ.

— Вотъ, дѣдушка, заѣзжій господинъ нашимъ домомъ любуется.

— Всѣмъ корпусомъ здоровъ, а ноги вотъ... — прошамкалъ старикъ.—Пятнадцать годовъ сижу. Берется теперь одинъ докторъ вылѣчить, да не знаю...

Хозяинъ не далъ ему договорить, затворилъ дверь и повелъ меня далѣе.

— А это вотъ столовая.

Посрединѣ стоялъ огромный круглый, краснаго дерева столъ, по стѣнамъ старинная тяжелая мебель, на потолкѣ была написана Венера, окруженная амурами, но смѣлая кисть костромского академика покрыла ее жидкимъ растворомъ мѣлу. Хозяинъ сказалъ мнѣ, что была написана «нимфа», а подошедшая Прасковья Карповна объяснила болѣе подробно.

— Знаете, нимфа, а кругомъ купидоны, въ родѣ какъ бы херувимчики съ ножками. Женщинамъ не очень-то это пріятно, опять же у насъ дочери... гости пріѣзжаютъ.

— Изъ-за гостей, главная причина, и замазали,—пояснилъ хозяинъ.—Соберутся, грѣшнымъ дѣломъ—выпьютъ и пойдутъ насчетъ ея слова говорить; ну, женщины-то и стыдятся... У другого такое слово вылетитъ—у пьянаго-то, такъ фукнетъ, что съ нимъ сдѣлаешь! Хошь бы Иванъ Прокофьевъ въ тѣ поры, какъ всю компанію ублажилъ?!

— Были ли мы живы! — воскликнула хозяйка: — просто сгорѣли всѣ!

— Ну, вотъ, по этому случаю и замазали. А живо была написана... какъ есть живая.

— Т. е. полное это съ вашей стороны безобразіе!—послышался сзади голосъ.—Это вошелъ племянникъ владѣльца, молодой человѣкъ, съ развязными, но угловатыми манерами.—Высочайшее, какое только есть невѣжество! Живописецъ, можетъ, ночи не спалъ, расписывалъ, подгонялъ, какъ бы все лучше, а вы сразу!..

— Жалко, что тебя не спросились! — возразилъ строго дядя.

— Въ Римѣ теперича кажной камушекъ подбираютъ, да на то же самое мѣсто кладутъ, гдѣ онъ, можетъ-быть, до Рождества Христова лежалъ, а у насъ...

— Опомнись, дуракъ! Какія ты слова-то говоришь! Очувствуйся!

Племянникъ тяжело вздохнулъ и вышелъ.

— Книгъ маленичко зачитался, — замѣтилъ хозяинъ: — въ головѣ-то у него и тово... Что денегъ на эти книги изводитъ!

— Наверху тоже много комнатъ, — обратилась ко мнѣ хозяйка: — мы ужъ ихъ и не отпираемъ. Сами согласитесь, не къ чему. И внизу-то вечеромъ заблудишься.

Я молча согласился. Вошелъ пожилой человѣкъ, худой, съ небольшой, съ просѣдью, рѣдкой бородкой, съ очень умными и выразительными чертами лица. Одѣтъ онъ былъ очень бѣдно, но по манерамъ сейчасъ было замѣтно, что онъ когда-то одѣвался у лучшихъ портныхъ. Это былъ Александръ Петровичъ.

— Очень пріятно, — началъ онъ, обращаясь ко мнѣ: — мнѣ Силантій еще прошлымъ годомъ говорилъ, что вы хотите пріѣхать на здѣшнее озеро... Данилинъ.

Я назвалъ свою фамилію.

— Что-жъ это вы, на ночь-то глядя, поѣдете, — отпеслась хозяйка къ Данилину: — вы хоть бы закусили маленько. Хоть грибковъ, вотъ сейчасъ подадутъ.

Мы отказались. Данилинъ даже замѣтилъ, что грибы ѣсть вредно, на это хозяинъ возразилъ ему очень рѣзко:

— Ну, ври еще! въ монастыряхъ-то окромѣ грибовъ ничего не ѣдятъ, а какіе все тучные. Хоть бы теперича взять отца Геронтія...

Данилинъ поспорилъ съ нимъ немножко и доказалъ, что это не отъ грибовъ, и мы вышли. На лѣстницѣ намъ встрѣтилась горничная съ жареными грибами, которые на раскаленной сковородѣ чуть не подпрыгивали. Силантій, садясь на козлы, сказалъ, что онъ ублаготворенъ экономкой: поднесла и дала конецъ пирога. Данилинъ оказался умнымъ и пріятнымъ собесѣдникомъ. Коснулся вопросъ литературы, онъ оказался въ ней поклонникомъ изящнаго, хотя сужденія его нѣсколько поотстали. Замѣтно было, что онъ давно уже ничего не читаетъ.

— А что, не заночевать ли намъ на посадѣ?—обратился онъ къ Силантію, когда мы въѣзжали на гору, на которой былъ расположенъ монастырь.

— Да гдѣ тамъ?

— А на постояломъ дворѣ?

— Что вы, помилуйте, сударь? Тамъ теперича клопъ со всего свѣту собрался... Съѣстъ! Богомольцевъ-то какая сила! Намедни я мирового возилъ, мы тамъ приставали.

такъ онъ посередь ночи выскочилъ да запрягать велѣлъ. Какъ возможно! Мы до Полушина доѣдемъ. По кочкамъ тамъ не способно будетъ, а доѣдемъ.

Мы поднялись на гору, проѣхали мимо монастыря, проѣхали посадомъ, съ его постоялымъ дворомъ, на воротахъ котораго была такая вывѣска: «Постоялый дворъ и при ономъ лавка съ продажею хомутовъ, кнутовъ, веревокъ и прочихъ съѣстныхъ припасовъ» и направились къ Полушину. По кочкамъ дѣйствительно ѣхать было трудно, но къ полуночи кое-какъ добрались. Тоже густая, тоже липовая аллея привела насъ къ бывшему барскому дому. Залаяли псы, изъ небольшого каменнаго флигеля выскочила баба, хотѣла освѣтить насъ сальнымъ огаркомъ, но уронила его, псы залились еще болѣе, вышелъ плѣшивый необыкновеннаго роста старикъ съ фонаремъ.

— Что за люди?—спросилъ онъ.

— Да что ты, Семенъ Ильичъ, аль не узналъ? — отвѣтилъ Силантій.

— Здравствуй, Семенъ Ильичъ. Ночевать къ тебѣ пріѣхали,—заговорилъ Данилинъ, вылѣзая изъ брички.

— Ахъ, батюшки, Александръ Петровичъ! Не узналъ... Темно... Милости просимъ. Сейчасъ домъ отопру... Ставни прикажете открыть?

— Нѣтъ, мы только до утра... переночуемъ.

Семенъ Ильичъ открылъ крыльцо, запертое висячимъ замкомъ, и отворилъ дверь въ переднюю. Насъ обдало сыроватымъ, затхлымъ воздухомъ. При свѣтѣ фонаря и сальной свѣчки, вставленной въ бутылку, мы вошли въ просторную залу. Пусто, тихо, мертво, нѣтъ жизни. Казалось, что висѣвшій на стѣнѣ портретъ бывшаго барина, въ военномъ мундирѣ, испугался насъ и свернулъ глаза въ сторону. Греческая героиня Бобелина, съ обнаженной саблей, глядѣла на меня тупыми, вытаращенными глазами. Вхожу въ другую комнату: старинная этажерка, со множествомъ шкаликовъ и ящичковъ, съ выпавшею мѣстами инкрустаціею, огромная ободранная софа, изломанное вольтеровское кресло и та же мертвая тишина... А вотъ и проявленіе жизни. Толстый, чуть не съ грецкій орѣхъ, паукъ, увидавши свѣтъ, быстро сталъ втягиваться къ потолку. Отворяю одинъ шкаликъ въ этажеркѣ—пусто; другой—аптечная сигнатурка съ надписью «наружное». Открываю одинъ ящичекъ — сухой тараканъ; другой — бураго цвѣта пятно. Кто здѣсь жилъ? Когда? Такъ археологъ, раскопавши кур-

ганъ и открывъ въ немъ невѣдомую никому гробницу, ломаетъ голову, кому принадлежитъ находящійся въ ней прахъ и уцѣлѣвшія отъ разрушенія вещи. Вступаю въ узенькій коридоръ, съ отставшими отъ стѣны обоями, повертываю въ комнату направо—къ стѣнѣ прислонена трехугольная вывѣска: «Домовая его высокоблагородія, господина отставного ротмистра и кавалера Артемія Лаврентьевича, Контора»; въ углу, въ разрушившейся плетеной корзинѣ, связки бумагъ. За позднимъ временемъ, я оставилъ археологическія изысканія и легъ на софу. Данилинъ долго еще не ложился, дѣлая распоряженія къ предстоящей ловлѣ, которую онъ задумалъ въ большихъ размѣрахъ.

— Ты, Семенъ Ильичъ, пошли сейчасъ на озеро кого поумнѣй, чтобы воду изъ лодки выкачалъ,—говорилъ онъ старику.—Да чтобы два мужика—порасторопнѣе выбери—съ нами находились. Чтобы они тамъ побольше хворосту заготовили: мы завтра къ ночи костеръ зажжемъ. Сковородку съ ними отправь, да котелокъ для ухи. Луку, десятка три яицъ... Ну, ты тамъ знаешь. Да чтобы къ нашему приходу они навѣсъ изъ хворосту сгородили попросторнѣе... днемъ-то жарко будетъ. А за водкой самъ утромъ смахай верхомъ въ Пузыриху да къ намъ и привезешь. Да захвати, голубчикъ, два шкалика рому, только скажи, чтобъ отпустилъ хорошаго, а то онъ, чортъ его возьми, прошлый разъ прислалъ какого-то настою на волчьей ягодѣ.

Семенъ Ильичъ на каждую фразу отвѣчалъ: будьте покойны.

Мы встали съ восходомъ солнца... Семенъ Ильичъ уже открылъ оконныя ставни. Оказалось, комната, въ которой я спалъ, выходитъ въ садъ. Садъ, въ цвѣтущемъ его положеніи, должно-быть, былъ превосходный. Видны заросшіе курганы, на одномъ курганѣ каменный столбъ, вѣроятно, на немъ были солнечные часы. Видна совершенно развалившаяся бесѣдка. Липы вышли изъ своихъ подстриженныхъ шапокъ и высятся кверху. Широкая аллея прямо съ балкона ведетъ къ небольшой каменной, упраздненной церкви. Противъ алтаря лежитъ нѣсколько обросшихъ жесткимъ зеленымъ мхомъ надгробныхъ камней. На одномъ изъ нихъ съ трудомъ можно только разобрать: скончался отъ ранъ при Башъ-Кадыкъ-Ларѣ...

Отъ Полушина озеро находится въ одной верстѣ. Мы застали на немъ кипучую дѣятельность. Надъ нимъ кружились чайки, перемѣщались съ мѣста на мѣсто утки, изъ

осоки стадами проносились турухтаны, жалобно тютюкали кулички. Отряженные Семеномъ Ильичемъ «расторопные мужики» ужъ были на мѣстѣ, устроили намъ на четырехъ жердяхъ навѣсъ изъ березовыхъ вѣтвей и, въ ожиданіи насъ, сидѣли на веслахъ. Мы рѣшили ловить щукъ «на блестну». Силантій не сѣлъ съ нами въ лодку, а пристроился съ своими самодѣльными снарядами на берегу, въ камышахъ, на камнѣ.

— Щукѣ первое это ей удовольствіе у камней шнырять, потому она воръ, подлая! Паука ежели раздавить—сорокъ грѣховъ прощается, а за щуку, пожалуй, что и больше...— замѣтилъ онъ.

Ловъ нашъ былъ очень удаченъ, но на водѣ долго оставаться было нельзя—начинало сильно припекать. Мы сошли на берегъ и укрылись подъ навѣсомъ. Данилинъ собственноручно изготовилъ яичницу и ужасно обрадовался пріѣхавшему изъ Пузырихи Семену Ильичу.

— Въ самый разъ, старина, попалъ! Спасибо! — произнесъ онъ, трепля его по плечу.

Силантій не терялъ времени даромъ. Онъ взялъ свое коротенькое ружьишко и скрылся въ густой осокѣ.—Теперь жарко,—сказалъ онъ:—утки въ полномъ расположеніи, пойду, постукаю маленько.—Семенъ Ильичъ, несмотря на свои восемьдесятъ лѣтъ, съ легкостью кавалериста вскочилъ на клячу и, пожелавъ намъ счастливаго лову, поѣхалъ домой. Гребцы, получивши по двѣ порціи водки, растянулись на травѣ, подъ палящими лучами солнца. Бесѣда съ Данилинымъ становилась скучной. Отъ чрезмѣрнаго количества и сквернаго качества водки, онъ пришелъ въ возбужденное состояніе, сталъ терять нить разговора и перебѣгать съ одного предмета на другой. Я узналъ, что онъ въ пятидесятыхъ годахъ кончилъ курсъ въ московскомъ университетѣ и былъ любимымъ студентомъ у своихъ профессоровъ.

— А теперь чѣмъ вы занимаетесь?—спросилъ я.

Онъ пристально посмотрѣлъ на меня и съ чувствомъ продекламировалъ:

Не сбылись, мой другъ, пророчества
Пылкой юности моей:
Горькій жребій одиночества
Мнѣ сужденъ въ кругу людей.

На глазахъ его выступили слезы.

— Вы спрашиваете, чѣмъ я занимаюсь?—Пью! Да, пью!

Утромъ пью, и днемъ пью, и ночью пью! Но вы не презирайте меня!..

— Помилуйте!..

— Не презирайте! Передъ вами несчастный человѣкъ, у котораго нѣтъ никакихъ надеждъ, никакого утѣшенія. Впрочемъ, есть одно утѣшеніе,—продолжалъ онъ, помолчавъ:—той средѣ, въ которой онъ погибъ, и той средѣ, въ которой онъ доканчиваетъ свои печальные дни — сказать прямо и смѣло въ лицо фразу Любима Торцова: «О люди, люди! Любимъ Торцовъ пьяница, а лучше васъ!»—Онъ задумался на минуту, потеръ лобъ. — Нѣтъ, не лучше! Я свинья!..

Мысли его совсѣмъ спутались.

— Помните, въ одномъ мѣстѣ Шекспиръ говоритъ... Виноватъ... Шиллеръ... Какъ это?.. Забылъ! Ну, все равно! «О люди, люди! Любимъ Торцовъ пьяница, а лучше васъ!» Какъ произносилъ эту фразу Садовскій! Помните? А Васильевъ! Великіе были артисты! Когда я былъ студентомъ, я ни одной новой пьесы не пропускалъ, когда они играли. Гдѣ эти богатыри искусства? Шумскій... да... Отличный актеръ... но онъ актеръ, а Садовскій—геній!.. «Шире дорогу—Любимъ Торцовъ идетъ!» Я хуже Любима Торцова: тотъ промоталъ деньги, а я промоталъ идеалы! Вы помните Грановскаго?

— Нѣтъ.

— А Никиту Крылова.

— Тоже, нѣтъ.

— Какъ живые они передо мной стоятъ! Когда Никита читалъ римское право... jus romanum... о сервитутахъ... Помните, о римскихъ сервитутахъ... Это мое!.. servitus prospectus... Я свободный римлянинъ. Вы знаете, что я съ кухаркой живу... съ кухаркой! Хорошо это? Я васъ спрашиваю: хорошо это?

Я молчалъ... Грустно мнѣ было смотрѣть на человѣка, потерявшаго разсудокъ. Я не зналъ, какъ мнѣ выйти изъ тяжелаго положенія. Отъ кухарки Данилинъ неожиданно перешелъ опять къ римскимъ сервитутамъ и наконецъ заснулъ. Жаръ началъ спадать. Пернатые обыватели осоки и болотныхъ мочевинъ снова закружились надъ озеромъ, снова съ пискомъ засверкали надъ синевой его бѣленькія чайки. Къ шалашу, въ бѣговыхъ дрожкахъ, на ворономъ жеребцѣ, подъѣзжалъ купеческій племянникъ.

— Покойся, милый прахъ, до радостнаго утра,—сказалъ

онъ, увидавши въ полномъ безпорядкѣ лежащаго Данилина, а потомъ обратился ко мнѣ.

— Беретъ?

— Очень хорошо!

— А я въ рощу ѣздилъ, да, думаю, дай заѣду васъ провѣдать. Скоро Александръ Петровичъ настоялся... Это, значитъ, жаръ его одолѣлъ, а то онъ крѣпокъ по этой части. Никита, развяжи кулечикъ тамъ... Я съ собой троечку ледерцу привезъ. Да ты вотъ что: поди окуни ихъ на полчасика въ родничокъ, живо озябнутъ. Теперь по стаканчику холодненькаго-то самое настоящее дѣло... Позвольте васъ просить для перваго знакомства. Я думаю, вамъ непріятно вчера было смотрѣть на моего дядю.

— Отчего?

— Какъ же, помилуйте! Памятники искусства уничтожаетъ. Семерыхъ греческихъ мудрецовъ—въ саду были разставлены—опредѣлилъ въ конюшнѣ поставить. Помилуйте, говорю, всѣмъ имъ есть описаніе въ книгахъ... Аполлонъ, теперича, бельведерскій... Какъ возможно! Всѣ ему говорили, что стыда тутъ нѣтъ никакого, а напротивъ того, даже стихами есть описаніе. Александръ Пушкинъ описывалъ...

— А вы читали его стихи?

— Первое это мнѣ удовольствіе. Только его стихи... надо ума постигнуть...

— Т.-е. какъ?

— Такъ, не всякій ихъ понимать можетъ. Я самъ по этой части немножко.

— Стихи пишете?

— Да, когда вздумается... Я много книгъ прочиталъ... Вы читали «Исторію умственнаго развитія Европы»?

— Читалъ.

— Скажите, пожалуйста, что это за книга? Пять съ полтиной далъ.

— Книга очень хорошая...

— Не могу понять, а хочется. Какъ обидно! Другой безъ сапогъ ходитъ, да на разныхъ языкахъ говоритъ, а тебѣ вотъ и денегъ дѣвать некуда, да и свои-то слова не всѣ понимаешь...

Купчикъ глубоко вздохнулъ.

Силантій воротился со срамомъ—съ одной только уткой, хотя на озерѣ было ихъ тьма и слышно было, что онъ стрѣлялъ очень много. Объяснилъ онъ свою неудачу тѣмъ,

что «утка птица вороватая, близко къ себѣ не подпущаетъ, да и осока очень высока—стрѣлять не способно». Я разсказалъ ему о печальномъ положеніи Данилина, но не возбудилъ въ немъ сочувствія.—Ничего,—отвѣтилъ онъ равнодушно:—отойдетъ. Это съ нимъ часто... И Данилинъ дѣйствительно отошелъ. Лишь хлопнула пробка изъ нахолодѣвшей бутылки шампанскаго, онъ вскочилъ, какъ отъ выстрѣла, мгновенно оправился, вышелъ изъ-подъ навѣса совершенно трезвый, только немного сконфуженный.

— Извините, пожалуйста, — обратился онъ ко мнѣ:— скверный этотъ порокъ, но что-жъ дѣлать! Невыносимыя страданія! Скверно!—окончилъ онъ съ глубокимъ вздохомъ.— Вы кушали когда-нибудь щуку «по-мужицки».

— Какъ, «по мужицки»?

— Вотъ мы вамъ сейчасъ приготовимъ. Ребята, очистите щуку, которая покрупнѣй. А ты, Силантій, разложи огонь, да поставь котелокъ.

Блюдо вышло необыкновенное. Данилинъ сдѣлался веселымъ, пилъ шампанское, называя этотъ напитокъ «купеческой погибелью».

— Я тебя люблю, Петя!—говорилъ онъ купцу:—ты человѣкъ съ нѣжнымъ сердцемъ, а только Дрепэра ты не читай: не поймешь.

— А можетъ пойму?—обижался купецъ.

— Нѣтъ, не поймешь! Ты, сидя у себя въ Рогожской, опоздалъ къ раздачѣ мозговъ. Когда Богъ людямъ мозги раздавалъ, тебя бабушка въ это время въ Таганкѣ кормила оладьями, да пряженцами. Ты вотъ лучше намъ стихи свои почитай.

Купецъ долго отнѣкивался, наконецъ прочелъ:

Станетъ весна наступать,
Станутъ грачи прилетать,
Станутъ лѣса опушку свою давать,
Станутъ снѣга изъ себя сокъ выпущать.

— Петька, скоро ли я тебя выучу соблюдать размѣръ въ стихахъ!..

— Развѣ не вѣрно?—съ удовольствіемъ воскликнулъ купецъ.

— Убить за эти стихи мало!

— Что же, коли не дано!—съ полнымъ огорченіемъ произнесъ купецъ.

— Петька, будь умнымъ,—серьезно сказалъ Данилинъ:— не пей, стиховъ не пиши, книгъ свыше твоего понятія не

читай, а то ты, какъ смѣшаешь Дрепэра съ шампанскимъ, да у тебя въ мозгу-то Читминей отъ бабушки мѣсяца три застрялъ, да какъ разведешь все это хересомъ—прямо тебя въ сумасшедшій домъ и повезутъ.

Видно было, что подобныя наставленія Данилина были за обычай: купчикъ не сердился.

Въ вечерни мы снова сѣли въ лодку и пошли по озеру.

Здѣсь я долженъ остановиться и разсказать странную судьбу Данилина.

Сынъ невѣдомыхъ родителей, онъ былъ взятъ на воспитаніе вдовой одного московскаго священника. До десятилѣтняго возраста онъ воспитывался на улицѣ: игралъ съ мальчишками въ бабки, ловилъ на Яузѣ синицъ, дѣлалъ набѣги съ своими сверстниками на купеческіе сады за яблоками, получалъ иногда за это потасовки; въ свободное отъ этихъ занятій время, ходилъ къ отцу діакону Сергію Взорову учиться чтенію часослова и псалтири. Двѣнадцати лѣтъ онъ ужъ читалъ въ церкви шестопсалміе и кафизмы и обращалъ на себя вниманіе обывателей захолустья. Одинъ благочестивый, находившійся подъ судомъ, комиссаріатскій маіоръ, такъ восхищался чтеніемъ мальчика, что взялъ его на свое попеченіе. Маіоръ былъ очень бѣдный человѣкъ, хотя имѣлъ собственный деревянный домикъ въ три окна, съ виду болѣе похожій на полицейскую будку, чѣмъ на домъ. Онъ былъ человѣкъ одинокій, днемъ куда-то ходилъ, а вечеромъ читалъ духовно-нравственныя книги: «Путь ко спасенію», «Училище благочестія» и др., или игралъ на гитарѣ; гитаристъ онъ былъ отличный. Мимоходящіе часто останавливались передъ его окнами и слушали, какъ онъ, аккомпанируя себѣ на гитарѣ, пѣлъ:

Свѣча, чуть теплясь, догорала,
Каминъ, дымяся, погасалъ,
Мечта мнѣ что-то напѣвала,
И сонъ меня околдовалъ.

Нахожденіе свое подъ судомъ маіоръ тщательно скрывалъ, говорилъ, впрочемъ, иногда: «пожалуй, придется за штатомъ остаться». Онъ былъ человѣкъ скромный и совѣстливый и хотя былъ убѣжденъ въ своей правотѣ и невинности, но любилъ возбуждать въ людяхъ къ себѣ сочувствіе.

Мальчикъ сдѣлался серьезнымъ, принялся отлично учиться. Маіоръ зналъ хорошо математику и сталъ его учить по тому же самому руководству, по которому въ старину самъ

учился, находя всѣ другіе учебники негодными. Руководство это носило заглавіе: «Курсъ чистой математики, сочиненной артиллеріи штыкъ юнкеромъ и математики партикулярнымъ учителемъ Ефимомъ Войтяховскимъ».

Какъ ни мудренъ этотъ учебникъ, но черезъ два года ученикъ ужъ рѣшалъ, напр., такія задачи: «Нововъѣзжей въ Россію французской мадамѣ вздумалось цѣнить свое богатство въ чемоданѣ: новой выдумки нарядное фуро и прозапчный чепецъ а ла Фигаро; оцѣнщикъ былъ русакъ, сказалъ мадамѣ такъ: богатства твоего первая вещь фуро въ полчетверти дороже чепца Фигаро; въ общемъ стоютъ по съ половиною четыре алтына, но настоящая имъ цѣна только сего половина. Спрашивается каждой вещи цѣна, съ чѣмъ француженка къ россамъ привезена?»

Маіоръ радовался успѣхамъ своего ученика, а иногда даже разводилъ руками, когда онъ рѣшалъ задачи въ родѣ слѣдующей: «для сиракузскаго царя Іерона сдѣлана была золотая корона въ 12 фун. Государь, подозрѣвая мастера, приказалъ изслѣдовать Архимеду, не положено ли въ ту корону серебра. Спрашивается, сколько въ той коронѣ было серебра и чистаго золота?»

Эта была задача на «Правило смѣшенія вещей», которое маіоръ очень любилъ, ибо оно входило въ кругъ его служебной дѣятельности.

Или: «Двѣ торговки разговаривали о количествѣ своихъ яицъ...» Впрочемъ, довольно! Всѣхъ задачъ, которыя съ маху рѣшалъ Данилинъ, и не перечтешь.

Отецъ діаконъ, по просьбѣ «матушки», посадилъ его за латинскую грамматику Цумита и аттестовалъ его маіору въ такихъ выраженіяхъ: «трудностію склоненій овладѣваетъ и подвизается стремительно, хотя не незамѣчается въ ономъ мальчикѣ нѣкоторая вѣтренность».

Съ міру по ниткѣ—голому рубаха. Старичокъ, отставной учитель Герасимъ Ивановичъ, предложилъ маіору свои услуги и началъ учить его воспитанника русской грамматикѣ и географіи. Этого учителя особенно полюбилъ Данилинъ. Старикъ заставлялъ его «твердить наизустъ» стихи, заставлялъ его читать вслухъ книги и раскрывалъ ему красоты поэзіи Державина, котораго онъ боготворилъ. Данилинъ сталъ неузнаваемъ: изъ уличнаго мальчишки онъ превратился въ серьезнаго, не по лѣтамъ развитаго мальчика.

— Учись, Саша, учись! — говорилъ ему старикъ. — Ты

счастливецъ! Другіе, на твоемъ мѣстѣ, на улицѣ погибаютъ, а ты окруженъ попеченіями добрыхъ людей. Почемъ знать, можетъ и съ синимъ воротникомъ будешь ходить и шпагу да треуголку надѣнешь. Примѣры эти бывали. А главное, дружокъ, какъ вырастешь — не пей. Возьми вонъ лѣчебникъ Матвѣева и прочитай, что тамъ о пьянствѣ сказано.

Мальчикъ бралъ лѣчебникъ и читалъ вслухъ:

«Цвѣтущій юноша, яко кринъ тлетворнаго мраза коснувшійся, внезапу увядаетъ, ибо предаваясь оному пороку, истощаетъ свои силы, данныя ему Создателемъ для прославленія Его благости».

— Памятуй это всегда,—говорилъ старый словесникъ.

Счастье Данилину везло. Послѣ долгихъ хлопотъ маіоръ помѣстилъ его въ гимназію, гдѣ онъ кончилъ курсъ въ числѣ первыхъ учениковъ и поступилъ въ университетъ. Маіору не удалось порадоваться на своего воспитанника: его не было въ живыхъ; матушка тоже скончалась. Данилинъ уже жилъ своими средствами отъ уроковъ. Герасимъ Ивановичъ, разбитый параличомъ, прикованный къ смертному одру, со слезами радости встрѣтилъ новаго студента:

— Встать-то я, дружокъ, не могу. Нагнись, я хоть одной рукой обниму тебя. Ай да Саша! Шпагу надѣлъ! Это, братъ, Овидіевы превращенья! На какой факультетъ поступилъ?

— На словесный.

— Чудесно! Я самъ словесникомъ былъ. Профессора-то теперь не тѣ... Намъ краснорѣчіе Мерзляковъ читалъ. Великій ораторъ былъ!.. Марлинскаго побольше читай!.. Какіе тамъ перлы!.. «Дико-прекрасенъ гремучій Терекъ въ Дарьяльскомъ ушельѣ... Индѣ свѣтелъ и прямъ»... Учись такъ же писать... И умирающій старикъ дрожащею рукой перекрестилъ своего бывшаго ученика.

Даровитый студентъ скоро обратилъ на себя вниманіе ректора и профессоровъ. Ему предсказывали блестящую будущность. Частныхъ уроковъ у него было столько, что ему едва хватало времени справляться съ ними. Разъ его на лѣстницѣ остановилъ ректоръ.

— Данилинъ, много у васъ уроковъ?

— Много, ваше превосходительство. Ужасно много.

— Не можете ли вы, въ особое мнѣ одолженіе, взять еще одинъ. Меня просили, и я указалъ на васъ. Если вы одинъ изъ вашихъ уроковъ оставите и передадите кому-либо изъ вашихъ товарищей, вы, въ матеріальномъ отношеніи,

ничего не потеряете, а, думаю, выиграете. Явитесь отъ моего имени къ Степану Ѳедоровичу Соснину, онъ живетъ въ Старой Басманной, въ своемъ домѣ.

— Слушаю, ваше пр—ство.

— Пожалуйста,—окончилъ ректоръ, протягивая Данилину руку, пожатія которой ни одинъ студентъ не удостаивался.

На другой день Данилинъ подъѣхалъ къ воротамъ большого съ колоннами барскаго дома, обнесеннаго съ улицы желѣзной рѣшеткой. Такіе дома попадаются теперь въ Москвѣ очень рѣдко, всѣ они перестроены на новый ладъ. Не выступаютъ на улицу изъ оконъ нижняго этажа пузатыя рѣшетки, объ которыя мимоходящіе разбивали носы; нѣтъ болѣе надворныхъ флигелей, въ которыхъ, бывало, ютилась барская челядь; нѣтъ щитовъ съ гербами; нѣтъ львовъ на воротахъ... Да многаго нѣтъ. Пройдя огромный дворъ, онъ позвонилъ въ колокольчикъ у подъѣзда. Лакей-казачокъ отперъ ему дверь. Въ передней два лакея—одинъ крѣпостной, другой вольнонаемный—спорили о преимуществахъ соціальнаго положенія каждаго изъ нихъ отдѣльно. Споръ ихъ уже перешелъ въ ссору.

— Это вы холопъ, а я природный лакей!—горячился старичокъ-лакей, сѣденькій, съ слезящимися сѣрыми глазами, въ сѣромъ фракѣ, красномъ жилетѣ и штиблетахъ.—Моя душа барская, а ваша окладная, потому вы несчастный мѣщанинъ. Я коли какой непорядокъ на улицѣ сдѣлаю—должны меня къ моему барину съ будочникомъ предоставить, а васъ на веревкѣ въ часть поведутъ. Вы на запяткахъ стоите, а я при моемъ господинѣ завсегда въ комнатахъ.

— Что вы выражаетесь!—вскрикнула окладная душа.

— Я не выражаюсь, а правду говорю! Вы холопъ, а не я!..—отрѣзала барская душа.

Данилинъ приказалъ доложить о себѣ. Старый лакей ввелъ его въ зало и попросилъ обождать. Съ полчаса онъ ходилъ по залѣ и, наконецъ, былъ введенъ въ барскій кабинетъ. Степанъ Ѳедоровичъ сидѣлъ въ большихъ мягкихъ креслахъ, на головѣ его былъ густой черный парикъ, съ круто подвитыми висками. Онъ курилъ изъ необыкновенно длиннаго съ огромнымъ янтаремъ чубука. Едва замѣтнымъ движеніемъ лѣвой руки, онъ пригласилъ Данилина сѣсть.

— Я просилъ вашего ректора,—началъ Степанъ Ѳедоровичъ:—вы вѣдь по его приказанію?

Данилину не понравилось слово «по приказанію». Онъ отвѣчалъ:

— Да, меня ректоръ просилъ взять у васъ урокъ.

Степану Ѳедоровичу не понравилось слово «просилъ». Оно на его ухо подѣйствовало такъ же, какъ на ухо дирижера дѣйствуетъ едва замѣтная фальшь какого-либо инструмента. Онъ далъ почувствовать это Данилину.

— Такъ вы по его просьбѣ?—сказалъ онъ, очень тонко подчеркнувши послѣднее слово. Данилинъ не замѣтилъ этого.

Степанъ Ѳедоровичъ, помолчавъ немного, выпустилъ два-три клубка дыму и продолжалъ:

— У меня два сына будутъ готовиться у васъ для поступленія въ московскій университетъ. Они ужъ достаточно подготовлены, и вамъ особаго труда не предстоитъ. Вы должны будете жить у меня и быть постоянно при нихъ.

— Извините, Степанъ Ѳедоровичъ, если въ качествѣ гувернера—я не могу. Я могу только посвящать имъ нѣсколько часовъ для науки, а остальное время я самъ долженъ учиться.

Степанъ Ѳедоровичъ задумался. Вошли здороваться съ отцомъ двое юношей съ рыжимъ курляндцемъ гувернеромъ, за ними вошелъ также породистый черный водолазъ. Гувернеръ почтительно остановился у двери. Дѣти поцѣловали у отца руку.

— Вотъ вашъ будущій учитель,—сказалъ имъ Степанъ Ѳедоровичъ, указывая на Данилина.

Дѣти шаркнули ногами и изящно наклонили головы. По манерамъ ихъ было видно, что они прошли танцовальную школу въ совершенствѣ.

— Проведите его къ матери, а оттуда, вы будете добры, опять зайдете ко мнѣ,—окончилъ онъ, обращаясь къ Данилину.

Одинъ изъ юношей сказалъ:—не угодно ли?—Они прошли залу, увѣшанную портретами, прошли гостиную, уставленную прихотливой мебелью, прошли въ комнату, украшенную севрскимъ фарфоромъ, прошли еще нѣсколько комнатъ съ разными украшеніями, наконецъ вступили во внутренніе аппартаменты хозяйки.

— Maman,—началъ старшій изъ сыновей:—Papa nous a chargé de te presenter notre nouveau precepteur.

Наталья Николаевна, супруга Степана Ѳедоровича, красивая женщина, лѣтъ на двадцать моложе своего мужа, си-

дѣла за чайнымъ столомъ. Чай разливала Анна Никитишна, теперь выродившійся типъ стараго времени. Въ каждомъ барскомъ домѣ была своя Анна Никитишна. Анны Никитишны обыкновенно бывали оберъ-офицерскаго званія престарѣлыя дѣвицы, богомольныя, злющія, наушницы. Онѣ разливали чай, но не смѣли его въ присутствіи господъ пить; онѣ вмѣстѣ съ господами обѣдали, но не смѣли за столомъ говорить. Анны Никитишны были сортомъ выше обыкновенныхъ приживалокъ и смотрѣли на нихъ съ презрѣніемъ. Приживалки у нихъ заискивали; съ горничной, состоящей при особѣ барыни, у Анны Никитишны были всегда натянутыя отношенія. Какъ бы ни была горничная близка къ барынѣ, какъ бы барыня ее ни любила, Анна Никитишна давала ей понимать, что она все-таки горничная, одной ногой стоитъ въ будуарѣ барыни, а другой на скотномъ дворѣ. Горничная и вообще вся дворня ненавидѣли этотъ типъ. Горничныя называли Анну Никитишну «судорогой», «сывороткой»; лакеи—«барыней съ одной душой и то съ собственной», а кучера такъ называли, что и сказать нельзя. Жестокъ кучерской языкъ!

— Очень рада!—произнесла привѣтливо Наталья Николаевна, увидавши вошедшаго Данилина.—Садитесь, пожалуйста. Вы должны теперь учиться отлично,—обратилась она къ дѣтямъ:—а то васъ Карлъ Адамовичъ избаловалъ.

— Nu! warum doch, madame.

— Избаловали, избаловали,—шутливо продолжала Наталья Николаевна.—Вы съ ними въ деревнѣ воробьевъ стрѣляете... Я все знаю!

Нѣмецъ растерялся и только говорилъ: Nu! warum doch, madame...

— Вамъ мужъ говорилъ, что они будутъ служить по дипломатическому корпусу? Мой деверь служитъ посланникомъ въ Штутгартѣ. Я ихъ пошлю къ нему.

Дѣти во время разговора пристально смотрѣли на Данилина, думая, что это за человѣкъ? Можно ли при немъ будетъ воробьевъ стрѣлять, карасей въ пруду ловить? Ну, какъ онъ прекратитъ всѣ эти занятія? Визитъ Данилина длился недолго. Наталья Николаевна еще повторила нѣсколько разъ «очень рада», и Данилинъ долженъ былъ откланяться. Наталья Николаевна, прощаясь, обратилась снова къ воробьямъ и къ рыбной ловлѣ.

— Когда мы будемъ въ деревнѣ,—сказала она:—вы пожалуйста не позволяйте имъ бѣдныхъ воробьевъ стрѣлять

и рыбу съ церковными дѣтьми (Наталья Николаевна называла такъ дѣтей священника) ловить. Они всегда испачкаются, приходятъ мокрые.

Данилинъ замѣтилъ, что онъ самъ рыболовъ и проситъ не лишать ихъ этого удовольствія. У дѣтей заблестѣли глаза. Младшій сдѣлалъ изящное движеніе всѣмъ корпусомъ и сказалъ, что у нихъ въ пруду необыкновенные караси.

— Ну, я съ вами буду тогда ссориться,—окончила Наталья Николаевна, любезно подавая Данилину руку, которую онъ почтительно поцѣловалъ. Степану Ѳедоровичу хоть и не совсѣмъ студентъ понравился съ перваго взгляда, но онъ положился на рекомендацію ректора и заключилъ съ нимъ условіе. Черезъ недѣлю Данилинъ переѣхалъ въ домъ Степана Ѳедоровича. Ему отвели двѣ комнаты окнами въ садъ и назначили для прислуги мрачнаго, соннаго, недовольнаго, неповоротливаго крѣпостного человѣка. Данилину было жалко и совѣстно употреблять это несчастное существо для своихъ услугъ и онъ безпокоилъ его лишь въ самыхъ крайнихъ случаяхъ. Крѣпостной человѣкъ скоро это почувствовалъ, потому что ему открылась возможность спать подъ лѣстницей цѣлыя сутки.

— Добрый человѣкъ,—говорилъ онъ про Данилина:—не тревожитъ, самъ знаетъ, какъ трудно нашему брату господамъ служить. Одно только въ немъ не хорошее: скупъ очень, на чай хошь бы когда гривенникъ далъ. Это ужъ не годится... Крѣпостному человѣку взять не откуда...

Степанъ Ѳедоровичъ былъ добрый московскій баринъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, но во взглядахъ его была какая-то смѣсь Домостроя съ крайнимъ либерализмомъ. Онъ не притѣснялъ мужика, брезговалъ крѣпостнымъ правомъ, называлъ себя плантаторомъ; но и часто заставлялъ трепетать передъ собой «стараго Гаврилу» и за маловажный проступокъ брилъ лбы своимъ покорнымъ и вѣрнымъ слугамъ. Никогда не ходилъ въ церковь, смотрѣлъ свысока на служителей алтаря; но на груди носилъ ладонку съ мощами и соблюдалъ посты. Домъ его былъ открытый. У него бывали балы, рауты и каждый четвергъ вечернія собранія.

Наталья Николаевна, по происхожденію «отъ добраго корени», княжна, была очаровательная женщина, ее любили всѣ отъ сановника до мрачнаго лакея. Данилинъ, какъ говорится, пришелся ко двору. Степанъ Ѳедоровичъ сначала относился къ Данилину съ важностью, поглядывалъ

исподлобья, когда тотъ въ его присутствіи осмѣливался выражать какое-либо мнѣніе, но скоро сдѣлался снисходительнымъ, позволялъ даже вступать съ собою въ споръ и, оставаясь побѣжденнымъ, говорилъ: «можетъ-быть по вашему и такъ, а я все-таки остаюсь при своемъ убѣжденіи». Дѣти такъ привязались къ своему учителю, что бѣдный курляндецъ заревновалъ. Они перестали даже ходить съ нимъ гулять, предпочитая бесѣду съ Данилинымъ.

Наступило лѣто. Данилинъ кончилъ курсъ кандидатомъ и поѣхалъ къ Степану Ѳедоровичу въ имѣніе. Наталья Николаевна, убѣдившись въ нравственныхъ качествахъ Данилина, ввѣрила ему окончательно образованіе своихъ дѣтей и не вмѣшивалась въ его дѣйствія. Дѣти ловили съ нимъ рыбу, ходили стрѣлять утокъ, катались на лодкѣ, ѣздили верхомъ и т. д., и если мать иногда замѣчала что-нибудь, дѣти прямо говорили «намъ Александръ Петровичъ разрѣшилъ», и она смолкала. Въ имѣніи Степанъ Ѳедоровичъ жилъ такъ же открыто, какъ и въ Москвѣ. Къ нему съѣзжались почти всѣ окрестные помѣщики—и крупные, и мелкіе. Въ торжественные дни, во время заздравныхъ тостовъ, палили изъ пушекъ, вечеромъ домъ и садъ освѣщали плошками, на лугу пускали ракеты. Артиллерійской и пиротехнической частью завѣдывалъ Карлъ Адамовичъ. Три года въ полномъ довольствѣ, безъ малѣйшихъ лишеній и безпокойства, прожилъ Данилинъ въ домѣ Степана Ѳедоровича и, когда дѣти поступили въ университетъ, онъ оставилъ его домъ. Степанъ Ѳедоровичъ обѣщался пріискать ему мѣсто и наградилъ его по-барски. Казалось бы, при важномъ общественномъ положеніи, при связяхъ Степана Ѳедоровича, найти мѣсто отлично образованному молодому человѣку ничего не значитъ, но вышло совсѣмъ не такъ. Отъ кого только и къ кому только ни ходилъ Данилинъ съ письмами!

— Очень хорошо-съ! Очень радъ! Я увижу сегодня Степана Ѳедоровича въ клубѣ и переговорю съ нимъ. Все, что отъ меня зависитъ, я готовъ,—говорилъ одинъ московскій сановникъ, которому Данилинъ вручилъ письмо Степана Ѳедоровича.

— Вотъ, изволите видѣть, молодой человѣкъ, мой старинный другъ Степанъ Ѳедоровичъ ходатайствуетъ объ васъ. Я не могу отказать ему въ его просьбѣ, но въ настоящее время—и т. д., говорилъ другой.

— Графиня Авдотья Петровна ставитъ меня въ крайне

непріятное положеніе. Она требуетъ у меня для васъ мѣсто. Согласитесь сами, вы не писарскаго мѣста желаете. Съ одной стороны, я желалъ бы исполнить ея просьбу, а съ другой—и т. д., встрѣчалъ третій.

«Любезный другъ, Степанъ Ѳедоровичъ (острить на письмѣ четвертый). Являлся ко мнѣ отъ тебя окончившій здѣшняго университета курсъ кандидатъ, сколько могу упомнить, Данилинъ, съ просьбою о мѣстѣ. Ты самъ знаешь, что въ настоящее время свободныя мѣста, даже для людей изъ дворянъ происходящихъ, есть только на скамейкахъ Тверского бульвара. Вчера неожиданно посѣтилъ нашъ англійскій клубъ графъ Закревскій, а тебя не было. Жалко. Посылаю тебѣ статью «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», написанную въ вольномъ духѣ. Не думаю, чтобъ третьимъ отдѣленіемъ не было обращено на оную вниманія».

Отъ нечего дѣлать, Данилинъ сталъ проводить время въ кофейной большого московскаго трактира, пристрастился къ бильярдной игрѣ и сдѣлался любимцемъ собиравшагося тамъ веселаго общества. Скоро позабылъ онъ и завѣтъ стараго словесника: не пей, Саша! «Отъ пьянства цвѣтущій юноша, яко кринъ тлетворнаго мрака коснувшійся, внезапу увядаетъ». Сначала сталъ пить водку трехпробную, потомъ спеціальную, потомъ прилѣпился къ коньяку. «Ренсковые погребки» и увеселительные притоны глухихъ московскихъ переулковъ, замѣнявшіе въ прежнее время съ большимъ успѣхомъ оперетку, предъявили ему всѣ винные фабрикаты, каковы суть: лиссабонъ, тенерифъ, санта-анна двойной, гобарзакъ и т. п.

Средства его быстро истощились, уроки онъ всѣ растерялъ и долженъ былъ существовать на счетъ ближняго, на счетъ веселаго купца. Наталья Николаевна явилась къ нему на помощь: она пригласила его провести лѣто у нихъ въ деревнѣ. Данилинъ сначала не соглашался, но домашній докторъ Степана Ѳедоровича «приказалъ» ему ѣхать.

— Странно, Александръ Петровичъ,—сказалъ онъ ему:— вамъ предлагаютъ чистый воздухъ, а вы желаете оставаться въ тифозномъ отдѣленіи. Поѣзжайте.

Докторъ былъ человѣкъ совершенно особенный, оригинальный. Онъ былъ красавецъ собой, имѣлъ большую практику, особенно между барынями, и лѣчилъ «не столько медикаментами», сколько остроуміемъ. Степанъ Ѳедоровичъ любилъ и уважалъ его, но лѣкарствъ его никогда не при-

нималъ, потому что былъ тайный гомеопатъ и въ особомъ, одному ему извѣстномъ, потаенномъ ящичкѣ письменнаго стола содержалъ пузыречки съ разной ганемановской жидкостью и крупинками. Даже Наталья Николаевна не знала, что супругъ ея принадлежитъ къ сектѣ гомеопатовъ: онъ тщательно скрывалъ это и въ присутствіи ея даже трунилъ надъ гомеопатіею, какъ говорится—отводилъ глаза. Докторъ зналъ его слабость къ этому способу лѣченія и трунилъ надъ нимъ. Онъ говорилъ: «гранъ мышьяку, растворенный въ количествѣ воды, равномъ земному шару, увеличенному въ семь разъ, составляетъ тридцатое гомеопатическое дѣленіе, одно изъ сильнѣйшихъ средствъ въ гомеопатіи, употребляемое въ самыхъ крайнихъ случаяхъ».

Степанъ Ѳедоровичъ молча сердился.

— У меня голова третій день болитъ,—говоритъ доктору барыня.

— Это непріятно,—сочувствуетъ докторъ.

— Что мнѣ дѣлать?

— Ждать, пока пройдетъ,—отвѣчаетъ докторъ.

— А когда она пройдетъ?

— Никто, вѣроятно, этого не знаетъ.

— Помните, вы мнѣ давали капли...

— Помню. Вѣдь онѣ вамъ тогда не помогли и теперь тоже не помогутъ. Зачѣмъ же мы съ вами будемъ безпокоить провизора?

Или:

— У меня ужасно нервы разстроены.

— Позвольте мнѣ ихъ посмотрѣть.

— Какъ посмотрѣть? Я чувствую...

— Да вѣдь чувства бываютъ обманчивы. Можетъ. это и не нервы.

— А что-жъ это?

— Я не знаю. Чего не вижу, того не ощущаю...

— Профессоръ Варвинскій...

— Позовите профессора Варвинскаго, и пока онъ будетъ собираться пріѣхать къ вамъ, у васъ и такъ все пройдетъ. Можно, пожалуй, вамъ выписать капли, порошки, пилюли; аптекарь Феррэйнъ будетъ вамъ за это благодаренъ, но, по моему, это лишнее. Не сердитесь на вашу горничную, которая васъ огорчила, и будете совершенно здоровы.

Или:

— Думаю ѣхать на воды,—говоритъ предсѣдатель одной изъ московскихъ палатъ.

— Это зачѣмъ, ваше превосходительство?

— Какъ зачѣмъ? Смотрите, какой у меня животъ-то!

— Чудесный! Какой вамъ, по вашему чину, по штату полагается. Не совѣтую! Что это нѣмецкія воды—вздоръ!

— Нѣтъ, говорятъ, Эмсъ...

— Да тамъ и воды совсѣмъ никакой нѣтъ: еще древніе римляне ее всю выпили.

— Виноватъ, не Эмсъ, а Карлсбадъ...

— Соотвѣтствующее лѣченіе и здѣсь въ Москвѣ можно найти. Накажите вашъ животъ: оставьте его мѣсяца на два безъ кулебякъ съ налимьими печенками, безъ поросенка съ кашей и съ мозгами, безъ севрюжины, такъ никакія карлсбадскія воды его такъ не подтянутъ, какъ эти лишенія. Да и зачѣмъ его мучить? Животъ русскому человѣку украшеніе... да въ вашемъ-то чинѣ... прелесть! Не совѣтую, ваше превосходительство... Мы здѣсь васъ починимъ. Вы только представьте себѣ: если бы вся Москва со своими животами тронулась въ Карлсбадъ—что бы это было?—Повѣрьте, мытищенская вода такъ же хороша, какъ и карлсбадская.

Деревня Данилину не показалась, какъ прежде, раемъ, онъ тосковалъ и, въ тиши ночной, пилъ водку, которую ему съ удовольствіемъ добывалъ его бывшій мрачный лакей, для чего подвергалъ, если не жизнь свою, то бренное тѣло крайней опасности, ибо въ домѣ Степана Ѳедоровича напитокъ этотъ строго былъ воспрещенъ. Лѣнивый и неподвижный, онъ оживлялся, откуда бралась энергія: ночью перелѣзалъ черезъ заборъ сада, переплывалъ рѣку, перебѣгалъ черезъ поле, попирая ногами золотистую рожь, отбивался отъ собакъ и возвращался домой задолго до восхода солнца. Проявлялъ онъ эту энергію не столько изъ привязанности къ Данилину, сколько изъ собственныхъ интересовъ.

Въ одинъ праздничный день къ Степану Ѳедоровичу съѣхались гости, въ числѣ которыхъ была сосѣдка-помѣщица Прасковья Петровна съ дочерью. Прасковья Петровна имѣла усадьбу въ трехъ верстахъ отъ Степана Ѳедоровича—нѣсколько десятинъ земли, двадцать душъ крестьянъ, которые ее и прокармливали, двухъ дворовыхъ людей: повара, онъ и кондитеръ, и лакея, онъ же и управляющій.

Дочь уже была въ такомъ возрастѣ, въ которомъ обыкновенно, подъ звукъ унылый фортепіано, съ чувствомъ поютъ романсъ: «Уймитесь, волненія страсти, засни безнадежное сердце»... За отсутствіемъ молодыхъ людей, Данилинъ не-

вольно сдѣлался ея кавалеромъ. Прасковья Петровна пригласила его къ себѣ въ деревню. Данилинъ съѣздилъ къ нимъ разъ, съѣздилъ два, потомъ сталъ ходить пѣшкомъ, а потомъ Наталья Николаевна сказала доктору, что Данилинъ, кажется, хочетъ жениться.

— Это изъ огня да въ полымя!—разсмѣялся докторъ.— Впрочемъ такіе случаи въ моей практикѣ бывали. Знаете что, Наталья Николаевна: очень можетъ быть, что женитьба его встряхнетъ, онъ будетъ работать. А въ такомъ положеніи онъ совсѣмъ сопьется. Если бы онъ ко мнѣ обратился за совѣтомъ, я бы благословилъ его обѣими руками. Вѣдь онъ облѣнился, раскисъ... Мнѣ очень его жалко, онъ прекрасный человѣкъ.

— А чѣмъ они жить будутъ?

— Захотятъ ѣсть—найдутъ средства. Я не вѣрю въ неимѣніе средствъ.

Крѣпостной человѣкъ, замѣтивши перемѣну въ Данилинѣ,—затосковалъ.

— Что бы это значило,—думалъ онъ,—словно обрѣзалъ! Шабашъ! Двѣ недѣли хоть бы шкаликъ! Удивительно это для меня!.. Пилъ какъ слѣдуетъ... положенное... Это, надо полагать, либо докторъ ему не велѣлъ, либо что хуже... Полушинская барыня его закручиваетъ. А теперь лукъ поспѣлъ. Хорошо бы съ лукомъ-то... посолить, да... Тьфу! Помрешь теперь...

Онъ не ошибся. Данилинъ сдѣлалъ предложеніе полушинской барышнѣ, которое она приняла безъ всякаго смущенія. Выдти ей замужъ было все равно—за кого угодно и когда угодно. Данилинъ не зналъ, что онъ дѣлаетъ, онъ былъ въ какомъ-то чаду. Онъ сказалъ доктору, что его гнететъ тоска, что онъ не знаетъ выхода изъ своего положенія... Докторъ прочиталъ ему такой монологъ:

— Простите меня, Александръ Петровичъ, что я выскажусь прямо, можетъ-быть, даже для васъ непріятно. Одумайтесь. У васъ въ жизни два пути. Одинъ, на которомъ вы теперь стоите: лѣнь, пьянство, погребки, трактиры, билліарды, развратъ, затѣмъ нищета, продолжительная болѣзнь, а при счастьи и то только при счастьи—позорная смерть гдѣ-нибудь на улицѣ или въ какомъ-нибудь увеселительномъ заведеніи и анатомическій театръ, въ стѣнахъ той же almae matris, которая васъ воспитала. И есть другой путь, на который вы, въ ваши молодые года, легко можете вступить—путь труда и нравственной отвѣтствен-

ности. Какъ докторъ, я бы посовѣтовалъ избрать вамъ этотъ путь въ видахъ гигіеническихъ и діэтетическихъ, а какъ обыкновенный смертный... вы, я слышалъ, думаете жениться?

— Да,—отвѣчалъ Данилинъ.

— Вы сдѣлаете или непростительную глупость, или вы переродитесь и надѣлаете много умнаго. Это отъ васъ зависитъ. Если у васъ хватаетъ здоровья и энергіи проиграть, не спавши три ночи на билліардѣ, отчего же у васъ не хватитъ того же самаго матеріала для полезной работы. А пьянство—это гадость, Данилинъ! Оно только увеличиваетъ медицинскій каталогъ новыми названіями болѣзней и помрачаетъ врачебную науку. Богъ съ вами! Женитесь.

Данилинъ женился и переѣхалъ осенью въ Москву. Тещапомѣщица весьма круто повернула вопросъ о пріисканіи мѣста зятю. Она обшаркала всѣ палаты, всѣ канцеляріи, перебывала у всѣхъ начальствующихъ лицъ, доходила даже до митрополита, и хлопоты ея увѣнчались успѣхомъ: Данилинъ поступилъ на службу. Первые годы онъ служилъ усердно, но потомъ у него въ семьѣ что-то случилось, жена его бросила, онъ запилъ, уѣхалъ въ ея деревню, да такъ тамъ и остался. Деревня эта была продана, онъ прислонился сначала къ одному помѣщику, въ качествѣ гувернера, потомъ къ другому, въ другомъ какомъ-то качествѣ, потомъ къ купцу «по судейской части», да такъ и теперь проживаетъ.

Цѣлую недѣлю мы занимались рыбной ловлей на озерѣ, возвращаясь на ночь въ Полушино. Наконецъ я выбралъ время и приступилъ къ осмотру бумагъ бывшей полушинской конторы.

Связка первая. «О состояніи атмосферы при полушинской экономіи за 1828 годъ».

Связка вторая. «Приказы по полушинской экономіи за 1828 годъ».

Останавливаюсь на этой связкѣ.

«Приказъ по полушинской экономіи № 20. Мая 30.

«Имѣетъ полушинской экономіи контора съ полученіемъ сего, предложить священнику с. Полушина отслужить молебенъ по случаю дарованія мнѣ сына Григорія, благополучно совершившагося въ двадцать пятый день мая сего 1828 г. Отставной ротмистръ и кавалеръ Отрадинъ-Клещеевъ.

Въ копіи въ главной конторѣ
оставленъ. Завѣдующій Груздевъ».

Слѣдующіе приказы написаны по той же формѣ, т. №, годъ, мѣсяцъ, число и подпись.

«Въ удовлетвореніе просьбы крестьянина Ивана Зуйкова, объявить ему, что сынъ его въ форейторы зачисленъ 29 іюня сего года».

«Назначается скотницею при полушинской экономіи вдова бывшаго моего крѣпостного человѣка, а нынѣ вольноотпущеннаго Ивана Никитина, Анисья Петрова, и при оной дочь Клавдія. Довольствіе по штату».

«Отставной завѣдывающій хлѣбными амбарами и дровяными складами лейбъ-гвардіи преображенскаго полка унтеръ-офицеръ Іосифъ Чероховичъ, по просьбѣ его, увольняется въ отпускъ для свиданія съ матерью въ Могилевскую губернію на двадцать восемь дней. Въ его отсутствіе имѣть неослабное наблюденіе за оными».

«Въ четвергъ приступить къ сѣнокосу, для чего разбить мою палатку на мокровской пустоши, яко центрѣ полушинской экономіи. Управляющій Павелъ Грибковъ верхомъ имѣетъ сопровождать крестьянъ на пустошь, гдѣ, по отслуженіи молебна, я буду находиться самъ и лично дѣлать распоряженія. Выступить въ четыре часа утра. Старосты верхомъ, имѣя въ своемъ распоряженіи десятскихъ. Крестьяне деревни Пузыриха, какъ болѣе отдаленной отъ пустоши, выступаютъ съ вечера. Въ случаѣ дождя, не выступая, ожидать дальнѣйшихъ приказаній».

Въ особой обложкѣ. «Дѣло о Фокѣ».

«Вслѣдствіе возникшихъ пререканій между поваромъ Фокой и прочими дворовыми людьми при нетрезвомъ поведеніи, препровождается оный Фока въ полушинскую экономію для содержанія на скотномъ дворѣ впредь до распоряженія и имѣть за нимъ надзоръ и доносить въ главную контору».

«Приказомъ отъ... за №— препровожденъ въ полушинскую экономію поваръ Фока для содержанія на скотномъ дворѣ, а нынѣ тотъ Фока оказался въ Москвѣ и взятъ полиціею яко бродяга. Имѣетъ полушинской экономіи контора немедленно сообщить, кто виновенъ въ упущеніи онаго Фоки и котораго числа?»

«Изъ рапорта полушинской экономіи въ главную контору усматривается, что поваръ Фока скрылся тайно и, по показанію скотницы, ночью, ибо, вставъ по утру, онаго Фоки не было и она въ контору про побѣгъ донесла. При побѣгѣ его похищенъ топоръ, который проданъ куракинскому мужику за рубль пять коп. ассиг. и вновь, яко похищенный, въ экономію отобранъ. За таковое нерадѣніе къ своимъ обязанностямъ управляющаго полушинской экономіи Павла Григорьева Грибкова предписывается ему выдержать себя на скотномъ дворѣ двое сутокъ подъ присмотромъ старосты».

«Главная московская контора увѣдомляетъ таковую-жъ при полушинской экономіи, что пойманный въ Москвѣ поваръ Фока, и, по наказаніи въ Яузской части, будучи водворенъ въ барскомъ домѣ, опять неизвѣстно куда скрылся и, если появится въ Полушинѣ, то онаго связавъ, свезти въ Москву для отдачи въ рекруты безъ зачета».

«Изъ донесенія твоего видно, что поваръ Фока появился въ Новоселкахъ и скрывался у цѣловальника, то сей крестьянинъ-цѣловальникъ и не укрываетъ ли Фоку и теперь. За неисполненіе сего приказу ты будешь подлежать строгой отвѣтственности».

Въ главную московскую контору.

«Возвратившіеся изъ Москвы куракинскіе крестьяне Климъ Петровъ, да Мартынъ Косой сказывали скотницѣ Анисьѣ, что они видѣли Фоку въ Москвѣ на Смоленскомъ рынкѣ въ трактирѣ и оный Фока имъ говорилъ, что онъ человѣкъ вольный и къ зимѣ хочетъ бѣжать въ Одесъ и купленъ имъ на рынкѣ пистолетъ. Въ полушинской экономіи все обстоитъ благополучно».

«По твоему несмотрѣнію оказалось, что поваръ Фока лѣтомъ проживалъ въ кондитерской итальянца Питаде по украденному имъ венгерскому пачпорту и яко черный быкъ неузнаваемъ, и неоднократно бывалъ въ ввѣренной тебѣ экономіи за покупкою ягодъ, которыя и покупалъ у крестьянъ по дешевой цѣнѣ. Имѣешь съ полученіемъ сего явиться въ Москву».

«Имѣю честь донести вашему высокоблагородію, что покупающій ягоды Иванъ Павловъ венгерецъ—вольноотпу-

щенный кондитеръ князя Четвертинскаго—бываетъ въ Полушинѣ за ягодами каждый годъ, а Фока поваръ находится въ бѣгахъ и прислалъ цѣловальнику письмо. Оное письмо цѣловальникъ съѣлъ при многочисленныхъ крестьянахъ, боясь быть въ отвѣтѣ».

«Извѣтъ на тебя по появленіи повара Фоки въ полушинской экономіи оставленъ мною безъ послѣдствій, но я требую отъ тебя неослабнаго наблюденія, чтобы оный Фока не появился вновь. Что появились крысы въ хлѣбныхъ амбарахъ, относится къ твоему несмотрѣнію».

Въ главную московскую контору изъ конторы полушинской экономіи.

«Сего числа въ контору полушинской экономіи изъ нижняго земскаго суда препровожденъ съ сотскими въ кандалахъ человѣкъ, именующій себя Фокою, но оный Фока оказался звенигородскій мѣщанинъ Фока Потроховъ, то и сданъ обратно».

«Вчера пузинскими крестьянами и прочими крестьянами полушинской экономіи былъ окруженъ устиновскій лѣсъ, ибо видѣли явившагося Фоку съ ружьемъ и заходилъ въ Пузырихѣ къ проживающему кузнецу пить молоко, но поймать не могли и деревня Пузино въ отсутствіе крестьянъ сгорѣла».

Изъ московской главной конторы въ полушинское ея отдѣленіе.

«Основываясь на ложныхъ слухахъ о появленіи въ Пузинѣ повара Фоки, для поимки онаго тобою окруженъ устиновскій лѣсъ и деревня Пузино сгорѣла, а оный Фока, накануне пузинскаго пожара былъ пойманъ въ Москвѣ на Варваркѣ. Въ отвѣтственность за сіе ты отрѣшаешься отъ должности и имѣешь, по полученіи сего приказа, явиться въ Москву».

«Канцелярія Басманной части, 5 квартала. Сегодня ночью полицейскимъ обходомъ былъ задержанъ на Варваркѣ дворовый человѣкъ господина Отрадина-Клещеева Фока безъ прозвища. При обыскѣ у него оказалось семь копѣекъ мѣдью, тумпаковый крестъ и въ карманѣ молитва о въ бѣгахъ находящихся, повидимому—скопческая или иной какой законами воспрещенной ереси, ибо написана гражданскими словами. Бывъ отправленъ въ часть, дорогою неиз-

вѣстно куда скрылся и найденъ вечеромъ того дня во ввѣренномъ мнѣ кварталѣ удавившимся на берегу рѣки Яузы противъ фабрики купца Рогожина на ивѣ. О чемъ имѣю честь вашему высокоблагородію донести. Квартальный надзиратель Херувимовъ». Съ боку рукою частнаго пристава: «Въ дневной рапортъ генералу, а также поставить въ извѣстность владѣльца». Рукою Отрадина-Клещеева: «Пріобщить къ дѣламъ конторы полушинской экономіи, такъ какъ побѣгъ совершенъ изъ Полушина. Августа 3-го дня 1829 года».

Въ главную контору изъ полушинской экономіи:

«Сего числа, на храмовомъ праздникѣ въ Новоселкахъ, становымъ приставомъ арестованъ странникъ изъ Іерусалима и при ономъ найдено письмо отъ бывшаго повара Фоки къ цѣловальнику Карпу Савельеву и нынѣ тотъ Фока живъ и проживаетъ въ г. Одессѣ, а удавился за него какой-либо другой его соумышленникъ и назвался Фокою облыжно. Письмо въ копіи представляется на благоусмотрѣніе главной конторы и писано бѣглымъ кантонистомъ, ибо Фока грамотѣ не умѣетъ. Причемъ г. становымъ приставомъ сдѣлано сношеніе съ одесской полиціею о поимкѣ онаго и доставленіи въ Москву. Мая 20, 1831 г.».

Письмо бѣглаго повара Фоки:

«И увѣдомляю я васъ, любезнѣйшій другъ, Карпъ Савельичъ, какъ ушелъ я съ Москвы и находился въ Кіевѣ въ монастырѣ въ квасникахъ, а пачпортъ досталъ у одного богомольца за три рубля ассиг. и жилъ въ поварахъ у полковника и торговалъ мороженымъ и ушелъ въ Одестъ на молдаванку. Здѣсь пачпортовъ не спрашиваютъ и бѣглыхъ много и начальства надъ ними нѣтъ, а арбузовъ и дынь очень много и я открылъ лавочку и торгую лимонадомъ, а требуется много, потому сторона жаркая и господъ здѣсь нѣтъ, живутъ все греки и корабли приходятъ съ разными товарами, а на кораблѣ можно уйти въ Турцію, въ городъ Константинополь. Какъ дѣла пойдутъ хорошо—припишусь здѣсь въ купцы, денегъ нужно сто рублей. Извѣстный вамъ Фока. А кто здѣсь попадется безъ пачпорта и съ этапу можно уйти за шесть рублей и бѣгаютъ отойдя сто верстъ отъ Одессы и бѣгаютъ въ Кишиневъ. Письмо сіе вручитъ вамъ странникъ изъ Стараго Іерусалима, идетъ на родину въ Москву и я просилъ его побывать у васъ въ Новоселкахъ. Человѣкъ онъ вѣрный и итти ему отсюда три мѣсяца. По личной просьбѣ Константинъ Сергѣевъ».

На бланкѣ:

«Г. становому приставу 2-го стана. На отношеніе вашего благородія отъ 10 мая 1831 года, за №... имѣю честь отвѣтствовать, что по розыскамъ въ городѣ Одессѣ бѣжавшаго дворовaго человѣка г. Отрадина-Клещеева Фоки безъ прозвища на жительствѣ не оказалось, а несомнѣнно съ нимъ живущая жена его, бывшая дочь дьячка г. Одессы, Дарья Алексѣева, показала, что мужъ ее Фока бѣжалъ въ Молдавію и женился на ней, назвавшись московскимъ канцеляристомъ. Бывъ посажена въ острогъ за укрывательство, нынѣ по этапу препровождается къ своему помѣщику. Января 29. 1834 г.». Подпись.

«Ваше высокоблагородіе,
Милостивѣйшій государь,
Артемій Лаврентьевичъ!

«Изъ почтовой конторы полученъ мною денежный пакетъ со вложеніемъ ста рублей ассиг. По вскрытіи онаго оказалось кромѣ денегъ вложенное письмо съ раскаяніемъ отъ бывшаго повара Фоки. Чувствуя приближеніе смерти, онъ поручилъ одному довѣренному лицу препроводить свою жертву по почтѣ, съ просьбою употребить ее на храмъ Божій по моему усмотрѣнію и простить ему содѣянный имъ вольный грѣхъ и умиленно представительствовать передъ вашимъ высокоблагородіемъ о его всепрощеніи. Съ глубокопочитаніемъ и пр. Іоаннъ Мерцаловъ. Сент. 14. 1842».

Рукою Отрадина-Клещеева:

«Переговорить съ архіереемъ, ибо въ бѣгахъ находится съ 1827 года».

На этомъ кончается дѣло о Фокѣ.

Я обратился къ Семену Ильичу съ разспросами о немъ.

— А что, Семенъ Ильичъ, ты старожилъ здѣшній — помнишь ты повара Фоку?

— Фоку?.. Ахъ, это волшебникъ-то?

— Развѣ онъ волшебникъ былъ?

— Какъ же, батюшка, волшебникъ! Очень я его хорошо помню. Волшебникъ!.. Вотъ изволите видѣть: баринъ нашъ былъ крутой, строгій, хотѣлъ его на поселенье сослать, а онъ и бѣжалъ, и никакъ его поймать было невозможно. Поймаютъ въ Москвѣ, а онъ сейчасъ въ Полушинѣ объявится. Поймаютъ въ Полушинѣ, а онъ сейчасъ въ барскомъ домѣ очутится. Изъ петли разъ его вынули мертваго — смо-

трятъ, а онъ въ трактирѣ сидитъ, чай пьетъ. Въ лѣсъ къ намъ разъ пришелъ. Стали его ловить, а онъ деревню спалилъ. Не барскій, кричитъ, я человѣкъ, а чей-нибудь другой. Къ становому разъ пришелъ, словно какъ бы купецъ, чай съ нимъ пилъ. Становой призналъ его, да и говоритъ: а вѣдь ты не купецъ, а бѣглый!.. Хвать его за шиворотъ, смотритъ, а въ рукахъ-то ничего нѣтъ. «Слово» зналъ, ничего съ нимъ сдѣлать нельзя было. Какъ пришло это ему время нечистому свою душу отдавать—священнику письмо написалъ и денегъ на храмъ прислалъ...

— Такъ, по-твоему, онъ чорту душу продалъ?—перебилъ его Данилинъ.

— А какъ же, батюшка, Александръ Петровичъ? Продалъ!..

— А не знаешь, что онъ ему за нее заплатилъ?

— Шутникъ вы, сударь, завсегда были!.. Ужъ я вамъ, сударь, вѣрно говорю.

— Вотъ какъ легенды-то составляются, — замѣтилъ Данилинъ.

III.

Рыболовъ.

Не важная ловля, а ужъ жарко становится. Рѣка, какъ зеркало. Пискари и ерши весело снуютъ по чистому песчаному дну не широкой рѣки. Вонъ тихо направляется къ кустамъ лещъ; пискари почтительно даютъ ему дорогу, разступаясь въ разныя стороны. Вонъ сверкнула серебряная плотичка, наткнулась на спущеннаго на удочкѣ червяка и свильнула въ сторону. Лещъ тоже подошелъ къ червяку, толкнулъ его носомъ и, съ презрѣніемъ махнувъ хвостомъ, поплылъ далѣе, знаемъ мы, дескать, что это значитъ!.. Солнце все выше и выше. Царство насѣкомыхъ въ полномъ движеніи.

— Ахъ, вы, кровопивцы проклятые! — ворчитъ сидящій въ кустахъ на противоположной отъ меня сторонѣ страстный до самозабвенія рыболовъ, крестьянинъ Прохоръ Силантьичъ, закадычный мой другъ по охотѣ и по рыбной ловлѣ. Его начинаютъ одолѣвать комары.

— Ахъ, ты, проклятый! Зачѣмъ же ты мнѣ глазъ-то укусилъ, глазъ-то вѣдь мнѣ нуженъ!—Около моего уха раздается пронзительный крикъ мухи: она попала въ изящно сотканъ-

ную сѣть огромнаго лѣсного паука. Съ какой яростью онъ бросился на свою жертву! Съ какой жадностью высосалъ кровь изъ головы несчастнаго насѣкомаго и, повѣсивъ трупъ его, въ видѣ окорока, на тончайшую шелковинку, быстро скрылся въ кусту ожидать новой жертвы. Вотъ что-то булькнуло... Это лягушка прыгнула въ воду. Пугливые караси заметались въ разныя стороны. Вонъ на мгновенье выпрыгнулъ изъ воды шерстоперъ—или просто изъ любопытства, взглянуть, что дѣлается въ надводномъ царствѣ, или съ предвзятою цѣлью—осмотрѣть позиціи рыболововъ.

— Ишь ты, хитрый, ишь хитрый!—говорилъ Прохоръ Силантьичъ, насаживая на крючокъ свѣжаго червяка:—да ужъ какъ ни прыгай, а завтра въ омуту я тебя сцапаю... Развѣ что самъ живъ не буду, а то ужъ ты отъ моихъ рукъ не уйдешь.

Жарко. Пора домой. Слѣпни начинаютъ прохватывать сквозь платье.

Смотрю: Прохоръ Силантьичъ сосредоточенно глядитъ на поставленную жерлицу... Мигъ!.. Свистнула леска, согнулось удилище, быстро завертѣлась рогулька. Значитъ—щука.

— Ну вотъ, теперича мы, голубушка, съ тобой поговоримъ! — начинаетъ словоохотливый рыболовъ.—Поговоримъ мы съ тобой! Вашу сестру я довольно хорошо знаю...

Щука начинаетъ бороться, леска натянута, какъ струна.

— Да никакъ тебѣ сорваться невозможно! Видишь, я тебѣ всякое удовольствіе дѣлаю... Что? Впередъ хочешь? Ну, ступай впередъ, а теперь опять сюда, милости просимъ... Какъ тебѣ лучше... Ну что ты мечешься-то! Въ кусты хочешь? Врешь! Должна ты посередь рѣки погибать! А то я тебя въ кусты-то пущу, ты у меня леску перервешь... Ты вотъ здѣсь поговори со мной... Ахъ ты... какъ тянетъ подлая!.. На ногахъ стоять невозможно! Въ полую воду меня одна такая-то въ рѣку съ собой стащила... Нѣтъ, постой!..

Около получасу продолжался подобный разговоръ у Прохора Силантьевича съ рѣчной разбойницей. Наконецъ она, выбившись изъ силъ, сдалась. Онъ ловко подхватилъ ее сачкомъ и вытащилъ на берегъ.

— Говорилъ я, что тебѣ сорваться невозможно, а ты сомнѣвалась...

Щука была огромная. Прохоръ Силантьичъ собралъ свои удочки, сѣлъ въ челночокъ и переплылъ на мою сторону.

— Челнокъ-то я здѣсь въ кустахъ пристрою, потому завтрашняго числа опять сюда съ жерлицами приду,—заговорилъ онъ, прикрѣпляя челнокъ къ кусту:—а щучку я къ вамъ во дворъ снесу.

— Спасибо,—отвѣчалъ я:—у насъ щукъ не ѣдятъ.

— Ну?!—воскликнулъ онъ съ удивленіемъ.—Зачѣмъ же я старался-то? Вѣдь я вашу барыню ублаготворить хотѣлъ.

— Спасибо, Прохоръ Силантьичъ.

— Ну, такъ я Лизаветѣ Павловнѣ снесу, учительница тутъ у насъ, милый оченно она человѣкъ, такъ я къ ней. Она либо сама скушаетъ, либо ребятамъ своимъ стравитъ. Баринъ тутъ у насъ есть, дворянскій производитель, Владиміръ Карлычъ, вотъ онъ велитъ сейчасъ по нашей окружности набрать ребятъ и сейчасъ ихъ къ себѣ въ училище, а ужъ Лизавета Павловна тамъ орудуетъ. Обучитъ ихъ всему, обломаетъ парнишку какъ слѣдуетъ, начальство со священниками изъ городу пріѣдетъ, прослушаетъ, какъ что должно, и сейчасъ, которые ежели хорошо обучались, похвальные листы даютъ. Чудесно! Иная мать опосля своего сына-то стыдится, потому народъ темный, а тотъ, какъ откроетъ книжку, да какъ пойдетъ помахивать, только держись! Вотъ ежели бы кабаки въ нашей сторонѣ маленичко сократить...

Мы вошли въ село. Щука, перекинутая на поясѣ за плечи, занимала своей длиной всю спину Прохора Силантьича.

— Щука! Щука!—закричали, обступая насъ, желтоголовые мальчишки.

Выскочила изъ избы старуха съ ухватомъ, потрогала щуку и ушла. Подошелъ сѣдой, какъ лунь, старикъ, подоспѣла красноносая бабенка, потомъ почти все село, такъ какъ день былъ праздничный, высыпало на улицу...

— Петровна, а ужъ ты, для праздника-то, опять носъ-то раскрасила,—замѣтилъ Прохоръ Силантьичъ красноносой бабенкѣ...

— Не осуди, —отвѣтила она, прикрывая носъ передникомъ.

Мы сѣли отдохнуть на заваленкѣ.

— Куда-жъ ты теперь ее опредѣлишь? — спрашиваетъ Прохора Силантьевича молодой парень. Ежели ее теперь въ городъ везти — не стоитъ, а по здѣшнему мѣсту — что тебѣ за нее дадутъ...

— Ее теперича посолить ежели... —замѣчаетъ другой.

— Первый сортъ! — поддакиваетъ третій. — Посолить и сейчасъ... На что лучше! Рыбина старая все одно—щепка...

— Прохоръ Силантьичъ, я тебѣ вотъ что скажу,— вмѣшался опять молодой парень:—ты ее къ жиду тащи!.. Мыловаръ этотъ... арендатель. Такъ щукъ обожаетъ—страсть!

Совѣтовъ преподано было много, но ни одинъ изъ нихъ не былъ принятъ, потому что Прохоръ Силантьичъ твердо рѣшилъ нести свою добычу къ столу милаго человѣка, Елизаветы Павловны.

— Такъ что-жъ, сударь, вечеромъ на мельницу за палимами угодно? — обратился онъ ко мнѣ, снова закидывая щуку за плечи.

— Далеко: лучше на тетеревей...

— И это чудесно! У священника я тарантасикъ выпрошу, а Васютка племянникъ за вами пріѣдетъ.

Мы согласились.

— А что, осмѣлюсь я васъ спросить,—началъ, подходя ко мнѣ, солидный, съ окладистой черной бородой мужикъ:—вамъ пушки не требуются?

— Какія пушки?

— Пушка у насъ есть... настоящая... непріятельская... подъ Бородинымъ мы ее выпахали. Фельшеръ нашъ въ свои минины, въ Петровъ день, стрѣлялъ—одобряетъ.

— Много въ тѣ поры пушекъ было... Ай, много!..—замѣчаетъ пизенькій старичокъ.

— А ты помнишь войну-то?

— Махонькій былъ, а помню. Сгоняли въ тѣ поры всѣхъ тѣла убирать, такъ я батюшкѣ хлѣбъ туда на поле носилъ. Черный народъ эти французы... низкій... Противъ нашихъ далеко... Наши всѣ высокіе, а они низменные,—отвѣтилъ, покашливая, старичокъ.

Пушка оказалась дѣйствительно французская, очень небольшая, похожая на тѣ пушки, изъ которыхъ въ прежнее время въ своихъ усадьбахъ въ высокоторжественные дни палили россійскіе помѣщики.

Батюшкинъ тарантасъ, на которомъ пріѣхалъ за мной племянникъ Васютка, оказался очень удобнымъ. Такіе тарантасики уже теперь повывелись и ихъ можно встрѣтить только или у какого-либо сельскаго батюшки, или въ заколоченномъ сараѣ покинувшаго свое имѣніе помѣщика. Онъ прежде былъ устроенъ для проселочныхъ дорогъ, а на большихъ никогда и не показывался. Батюшки изрѣдка, по

консисторской надобности, въѣзжали въ нихъ въ Москву и то къ консисторіи въ нихъ не подъѣзжали, а оставляли ихъ на постояломъ дворѣ у той заставы, въ которую въѣхали. Такъ поступали они страха ради секретарскаго: пожалуй, увидитъ да скажетъ: «отецъ Розовъ тарантасикъ ужъ имѣетъ а консисторію посѣщаетъ лѣностно».

Племянникъ Васютка, мальчикъ лѣтъ 14, бодро сидѣлъ на козлахъ, какъ заправскій кучеръ. Поѣхали.

— Грамотѣ умѣешь?—обращаюсь я къ нему.

— Никакъ нѣтъ-съ,—отвѣчаетъ онъ нѣжнымъ, ласковымъ тономъ.

— Отчего же?

— Да какъ вамъ доложить? Самъ не знаю!

— Что-жъ ты не учишься?

— Сирота я... дядя не желаетъ.

— Прохоръ Силантьичъ?

— Нѣтъ, другой, Потапъ Силантьевичъ. Тотъ-то меня ужъ давно бы произвелъ. Ежели, говоритъ, тебя въ ученье отдать, ты забалуешься. Опять же, говоритъ, въ нашемъ роду никто грамотѣ не умѣлъ, а богатой рукой всѣ жили.

— А онъ богатый?

— Знамо, богатый: въ городу двѣ лавки у него. Въ лавку тоже не пущаетъ—воровать, говоритъ, обучишься.

— А учиться хочется?

— Само собой, кто грамотѣ умѣетъ... Какъ же!..

— Что-жъ ты дѣлаешь въ деревнѣ-то?

— Да что... обнаковенно...

— Рыбу съ дядей ловишь?

— Ловлю... за пчелами съ нимъ... Ну, въ лѣсъ когда пошлетъ... Птицъ я очинно люблю!—воскликнулъ онъ вдругъ съ живостью.

— Птицъ любишь?!

— У меня четыре скворешника да десять паръ турмановъ. Дядя это мнѣ не препятствуетъ, только чтобы я въ училище не просился.

Разговоръ нашъ продолжался да самаго села.

Прохоръ Силантьичъ встрѣтилъ меня у своей избы, обнесенный съ одной стороны довольно обширнымъ палисадникомъ, тынъ котораго весь сплошь былъ покрытъ рыболовными сѣтями; а изъ-за него, вдали, во все лицо, глядѣли подсолнухи.

— Милости просимъ, дорогой мой гость! Спасибо, что мной не побрезговалъ. Я ужъ, грѣшный человѣкъ, поду-

малъ: не пріѣдетъ, думаю... да такъ маленько и огорчаться сталъ... Гляжу по дорогѣ—нѣтъ! А ты, Васютка, значитъ, въ бродъ ѣхалъ?

— Въ бродъ,—отвѣчалъ Васютка.

— Растерзать тебя за это мало!—шутя продолжалъ Прохоръ Силантьичъ.—Влопался бы тамъ—и барина-то бы выкупалъ, да и батюшка за тарантасикъ-то насъ съ тобой бы не похвалилъ.

Мы вошли въ обширную избу. Меня поразила прежде всего чистота и опрятность, которую рѣдко можно встрѣтить въ избѣ, даже у очень богатаго крестьянина. Столъ былъ накрытъ бѣлой скатертью, стояла на немъ бутылка наливки, сотовый медъ, нарѣзанный кусками ситникъ и огромный жареный лещъ. Жена, еще очень молодая женщина, внесла самоваръ. Мы сѣли и повели бесѣду.

— Вотъ племянникъ-то учиться желаетъ,—началъ я.

— Я не препятствую, да вотъ старшій-то братъ не желаетъ. Бездѣтный онъ — и жалко. Пущай, говоритъ, въ деревнѣ хорошенько выходится, за свое дѣло его посажу, а въ ихнемъ дѣлѣ грамоты не требуется.

— Балуютъ, сударь, они въ училищѣ-то,—вмѣшивается хозяйка:—такіе сорванцы—не приведи Богъ!

— За это ихняго брата и за вихры можно, что ты пустое говоришь,—возражаетъ хозяинъ:—а, главная причина, точно, что теперича безъ науки нельзя. При господахъ, дѣйствительно, этого не требовалось: баринъ за тебя, бывало все сдѣлаетъ: и подушные за тебя заплатитъ, и въ солдаты отдастъ, а нынче ты самъ на своихъ ногахъ стой, да думай какъ тебѣ лучше. А братъ именно ту причину пригоняетъ, что безъ грамоты онъ бойчѣй торговать будетъ. Я не знаю... его дѣло... онъ старшій... Я до него не касаюсь.

Послѣ чаю мы отправились на тетеревой. Путь нашъ лежалъ черезъ Бородинское поле, на которомъ я никогда не бывалъ.

— Большой ты, Прохоръ Силантьичъ, охотникъ,—началъ я дорогой.

— Довольно хорошо, сударь,—двухъ работниковъ нанимаю, не могу самъ управиться. У меня это, какъ весной ледъ пройдетъ, такъ мнѣ жена на глаза не показывайся, такъ бы вотъ и жилъ на рѣкѣ. Люблю, надо правду говорить. Да вѣдь какіе со мной случаи бывали. Раза два тонулъ, со льдины разъ сорвался—шесть недѣль вылежалъ... И все это мнѣ ничего!..

Мы ѣхали по чистому полю, вдали показалась роща, изъ-за которой сіялъ золотой крестъ.

— Тамъ, значитъ, гдѣ крестъ-то — Бородинское поле... памятникъ, значитъ. А вотъ это самое село. Вотъ церква-то бѣленькая. Какъ въ тѣ поры въ кунполъ ядро ударило... такъ его и не задѣлываютъ. Извольте смотрѣть!..

Во главѣ дѣйствительно отверстіе, пробитое ядромъ. Невольное, подавляющее чувство благоговѣнія овладѣваетъ душою, когда подъѣзжаешь къ памятнику. Старый инвалидъ отперъ рѣшетку.

— А вотъ тутъ генералъ Багратіонъ лежитъ,—заговорилъ онъ, подводя меня къ надгробному памятнику бородинскаго героя.—Вотъ онъ, батюшка... тутъ онъ и лежитъ. А вотъ пожалуйте сюда...

Мы сошли съ кургана и повернули вправо, въ небольшую рощу.

— Вотъ это братская могила. Вотъ она-съ!.. Тутъ всѣ и лежатъ. Наполеонъ вонъ оттуда забиралъ, а наши здѣсь стояли. Да-съ!.. Пожалуйте въ домъ, тамъ въ книжкѣ всему описаніе есть.

Въ небольшомъ, одноэтажномъ, расположенномъ противъ памятника домикѣ, живутъ два очень старые инвалида. Они не были участниками бородинскаго боя. На рукахъ у нихъ находится книга для посѣтителей, учрежденная послѣ большихъ маневровъ 1839 года.

Многіе участники бородинскаго боя и простые посѣтители занесли въ нее свои имена. Дѣлаю нѣкоторыя выписки:

«Корпуса жандармовъ подполковникъ баронъ Тизенгаузенъ, временной комендантъ г. Можайска, съ благоговѣніемъ видѣлъ мѣста, гдѣ за 27 лѣтъ назадъ генералъ К. П. Бистромъ съ храбрыми гвардейскими егерями оказалъ чудеса храбрости.

Участвовавшій въ сраженіи 1812 г. муромскаго пѣхотнаго полка капитанъ Илья Прокофьевъ Шишкинъ осматривалъ монументъ 9-го сентября 1839.

Былъ въ сраженіи августа 26-го дня на главной батареѣ, гдѣ поставленъ памятникъ, прапорщикъ Борисъ Петровъ сынъ Петровъ на ту пору еще рядовымъ имѣю сильную контузію лѣваго плеча. Жительство имѣю въ г. Можайскѣ.

Воронежскаго гарнизоннаго батальона маіоръ Константи-

повъ съ партіею кантонистовъ 464 человѣкъ состоящею посѣтилъ памятникъ февраля 1 дня 1840.

Можайскій уѣздный врачъ имѣлъ счастіе быть на незабвенныхъ поляхъ бородинскихъ и воздвигнутаго памятника.

Надежда Аристова, какъ патріотка, должна была воздать славу Всевышнему и подивиться славѣ русскихъ.

Памятникъ Бородина въ первый разъ въ жизни своей привѣтствовалъ дворянинъ Антонъ Ярославскій.

Пятеро русскихъ съ благоговѣніемъ смотрѣли на памятникъ памятный всей Европѣ.

Съ благоговѣніемъ поклонился мѣсту славы любезнѣйшаго отечества губернскій секретарь П. вмѣстѣ съ возлюбленною своею невѣстою, дочерью полковника Б.

Смотрѣлъ и удивлялся. А. Н.»

И т. п.

IV.

Уѣздный городъ.

Нашъ уѣздный городъ ничѣмъ не отличается отъ другихъ уѣздныхъ городовъ серединной полосы россійскаго государства; но едва ли гдѣ есть другой городъ, въ которомъ бы лѣтомъ было такъ жарко и пыльно, осенью такъ дождливо и грязно, зимой такъ сугробисто,—гдѣ бы мостовыя съ такой тщательностью и стараніемъ были приспособлены для прикусыванія языковъ и переламыванія реберъ, какъ въ нашемъ городѣ. Жителей въ немъ, по арсеньевской географіи, изд. 1842 года, значилось восемь тысячъ. Въ продолженіе сорока лѣтъ, разумѣется, эта цифра значительно увеличилась, но людей на улицѣ совсѣмъ не видать. Между тѣмъ въ городѣ все есть, чему быть надлежитъ: и городское училище, и полицейское управленіе, и почтовая контора, и телеграфъ, и чугунка подъ бокомъ. Гдѣ же люди? Вѣдь ходитъ же кто-нибудь въ училище?.. Ну, положимъ, оно лѣтомъ закрыто. А на телеграфъ-то непремѣнно надо ходить... Ну, если не на телеграфъ, то ужъ

съ почтой то надо имѣть сношеніе? Ни у одного изъ этихъ учрежденій не видать ни души. Даже у полицейскаго управленія, которое обязательно должны посѣщать обыватели, влекомые туда или собственной надобностью, или стараніемъ полицейской власти,—и у того каменное крыльцо поросло травою, и если бы не рваный городовой, свертывающій изъ клочка рѣшеной полицейской бумаги папироску, можно было бы подумать, что и полиціи въ городѣ не существуетъ.

— Арестанты есть?—спрашиваетъ его проѣзжающій мимо въ бѣговыхъ дрожкахъ письмоводитель исправника.

— Удавимши тутъ одинъ... привезли, ваше благородіе, а арестанты всѣ спущены,—отвѣчаетъ съ расторопностью городовой.

— Если Иванъ Ѳомичъ спроситъ, такъ я тамъ буду... знаешь, на базарѣ.

— Знаю, ваше благородіе.

— Летомъ тогда за мной!

— Слушаю, ваше б-діе.

Да не на базарѣ ли городское-то движеніе? Нельзя же въ самомъ дѣлѣ представить себѣ городъ безъ жителей.

Слѣдую за дрожками. Они повернули налѣво. Иду по тому же направленію. Дрожки остановились у аптеки. Сравнялся съ ними. Секретарь заходилъ за бумагой для истребленія мухъ. Аптекарь Беккеръ выходитъ съ нимъ на крыльцо и даетъ ему наставленіе, какимъ способомъ уловлять мухъ на эту бумагу. Дрожки снова тронулись, повернули въ переулокъ, я за ними... Вотъ и базаръ!

Довольно обширная площадь, вымощенная разбитымъ булыжникомъ, острымъ краямъ котораго сопротивляться могутъ только мужицкіе сапоги съ гвоздями: всякая другая обувь, особенно женская, дѣлается черезъ полчаса негодной къ употребленію, даже лапти и тѣ страдаютъ. Посреди площади выкрашенный желтой краской гостиный дворъ, одинаковой архитектуры со всѣми гостиными дворами русскихъ уѣздныхъ городовъ. Такъ что, если бы смѣшать всѣ уѣздные гостиные дворы и велѣть ихъ снова поставить на свои мѣста, то муромскій гостиный дворъ попалъ бы въ Можайскъ, а можайскій въ Угличъ и т. д. Тѣ же самые товары, тѣ же самыя вывѣски, даже запахъ въ гостиныхъ дворахъ, отстоящихъ другъ отъ друга на сотни верстъ, совершенно одинаковъ. Какъ въ муромскомъ гостиномъ дворѣ отдаетъ соленой рыбой и дегтемъ, такъ и въ угличскомъ, такъ и въ Сергіевскомъ посадѣ. Стоя въ лавкѣ му-

ромскаго гостинаго двора, очень легко вообразить, что находиться въ городѣ Кашинѣ или Звенигородѣ.

Въ домахъ, окружающихъ гостиный дворъ, помѣщаются магазины и трактиры. На одной, совершенно полинявшей отъ времени вывѣскѣ, значится: «Въ новь отрытая белая харчевня Русскій пиръ». На другой: «Трактиръ Константинъ Нополь». На третьей: «Ресторанъ-буфетъ Нѣаполь» и т. д. «Ренсковый погребъ собственнаго разлива». Магазины деликатесовъ и гастрономіи тоже имѣютъ соотвѣтствующія ихъ товарамъ вывѣски. Напр., «Магазинъ московскихъ деликатесовъ и гастрономическихъ припасовъ». «С.-Петербургскій колоніально-бакалейный магазинъ съ продажѣю всехъ предмѣтовъ химической лабораторіи и прочиго». «Magazin mode roЬ Moscu» и т. д.

Захожу въ колоніальный магазинъ. Ничего! Магазинъ какъ магазинъ. За прилавкомъ стоитъ хозяинъ съ усами, въ московскомъ картузѣ съ суконнымъ козырькомъ, въ бѣлой коломянковой жакеткѣ.

— Позвольте мнѣ папиросъ,—обращаюсь къ нему.

— Какихъ прикажете?—спрашиваетъ онъ тѣмъ особеннымъ, изысканнымъ тономъ, который слышится почти во всѣхъ колоніальныхъ лавкахъ и въ московскихъ, и въ Петербургѣ въ милютинскихъ, и въ Казани, и въ Касимовѣ, и въ Саратовѣ. Этотъ тонъ и вообще эту словесность можно назвать коммерческими. Вѣдь существуетъ же особенный коммерческій почеркъ, которымъ только пишутъ въ купеческихъ конторахъ.

— Бостанжогло.

— Бостанжогло у насъ нѣтъ. А не угодно ли вамъ будетъ получить нашей выписки—Шапшалъ?

— Шапшалъ я не курю, не нравятся.

— А многіе восхищаются!—У насъ требованіе на нихъ большое. Такъ не прикажете ли Габай и Мичри нашего заказа, а то шеколадныя имперіаль?

— Это можно.

— Листархъ, папиросы Габай и Мичри вчерашняго полученія. Изъ другихъ элементовъ ничего не желаете?

— Нѣтъ.

— Просимъ милости всегда, если будете имѣть касательство до нашей спеціальности.

— Благодарю васъ.

Захожу въ ренсковый погребъ. На полкахъ стоитъ и лежитъ въ бутылкахъ «собственный разливъ». Страшно

дѣлается! Что-то зловѣщее въ этомъ разливѣ! Какихъ, какихъ жидкихъ фабрикатовъ не нацѣжено въ эти «элементы». Какой сильный токъ пройдетъ по нервамъ потребителя и разрядится въ кишкахъ его отъ неосторожнаго къ нимъ прикосновенія. При входѣ моемъ прикасался къ элементу съ хересомъ письмоводитель исправника. «Несчастный,— подумалъ я:—какія предстоятъ тебѣ мученія!..»

— Этотъ помягче будетъ,—говоритъ онъ приказчику:—а третьяго дня, вѣрите ли, Василій Ивановичъ, всю внутренность сожгло.

— Мудренаго нѣтъ,—отвѣчаетъ ласково приказчикъ:—не та бутылка попалась, спирту, должно-быть, перепущено.

— Ужъ я не знаю тамъ что, только, по утру, руки трясутся, а тутъ привели двоихъ арестантовъ...

— Ну такъ, теперича вѣрно. Это который хересъ для подрядчика слѣдуетъ—вамъ отпустили. Хересъ онъ дивный, только къ нему надо приспособиться.

— Да этотъ много мягче... сравненія нѣтъ.

— Домой не прикажете завернуть бутылочку?

— Что-жъ, давай.

Я выпилъ сельтерской воды и вышелъ. На площади движеніе. Ходятъ мужики, чиновники, купецъ проѣхалъ въ пролеткѣ на сѣрой лошади, отецъ протоіерей въ камилавкѣ прошелъ въ колоніальный магазинъ; изъ магазина Mode rob вышла очень, даже очень миловидная барыня съ собачкой, къ ней подошелъ армейскій офицеръ, она ему любезно раскланялась, подала руку и сказала:—«пріѣзжайте къ намъ вечеромъ въ деревню винтить». Тучный исправникъ ѣдетъ, купцы ему кланяются, телеграфистъ останавливаетъ его и подастъ ему депешу, тотъ, сидя въ дрожкахъ, прочиталъ ее, пожалъ плечами и произнесъ вслухъ: «что-жъ я могу сдѣлать?!» Увидавши барыню, онъ поспѣшно вышелъ изъ экипажа, съ ловкостью совершенно военнаго человѣка, несмотря на свою тучность, подбѣжалъ къ ней, снялъ фуражку, весьма почтительно поцѣловалъ у нея руку, а та коснулась губами его пухлой румяной щеки.

— Вы, кажется, чѣмъ-то взволнованы, Иванъ Оомичъ,— обратилась она къ нему.

— Помилуйте, ваше превосходительство, совершенно потерялъ голову! Вотъ извольте видѣть, ваше превосходительство, какую получилъ телеграмму: «По линіи желѣзной дороги горитъ лѣсъ. Пожаръ угрожаетъ Ивашкинской стан-

ціи. Просятъ немедленно помощи». А съ чѣмъ я поѣду? Двѣ трубы только и то одна безъ рукава!

— Какъ безъ рукава?—съ недоумѣніемъ спросила генеральша...

— Т. е., попросту сказать: безъ кишки.—Генеральша и этого не поняла и съ большимъ недоумѣніемъ посмотрѣла ему въ глаза.

Исправникъ продолжалъ:

— Ну что я теперь буду дѣлать? Вѣдь нельзя же городъ оставить безъ пожарныхъ инструментовъ. Ну, вдругъ, сохрани Богъ...

— Да, при нынѣшнемъ жаркомъ времени,—произнесъ подошедшій отецъ протоіерей:—весьма и весьма надо быть бдительнымъ относительно огня. Сухо, жарко. Реомюръ показываетъ двадцать семь градусовъ.

— Какое же теперича ваше распоряженіе будетъ, Иванъ Ѳомичъ,—вмѣшивается въ разговоръ хозяинъ колоніальнаго магазина.

— Какое распоряженіе, я ужъ и не знаю! Надо ѣхать...

— Если вы уѣдете, мы, торгующіе, въ большой будемъ опасности находиться. Я, напримѣръ, теперича, гласный и, значитъ...

— Ахъ, вы гласный! Что вы пожарный обозъ-то мнѣ не укомплектуете?..—сказалъ съ сердцемъ Иванъ Ѳомичъ:—ну, что мнѣ теперь дѣлать?

Бакалейщикъ обидѣлся.

— Помилуйте, Иванъ Ѳомичъ, это до насъ не касающее... Ежели, теперича, управа... Я завсегда говорю... И Ильѣ Петровичу докладывалъ... Вѣдь мы что же? Намъ, теперича, говорятъ: господа гласные... Я такъ къ примѣру говорю, ну и мы... конечно... А я Ильѣ Петровичу именно докладывалъ!..

— Докладывали вы!—прервалъ его Иванъ Ѳомичъ.—Честь имѣю кланяться, ваше превосходительство. А его превосходительство?

— Его министръ въ Петербургъ вызвалъ. Опять тамъ у нихъ какіе-то вопросы разрѣшать надо... не знаю...

Группа вся разошлась. Отецъ протоіерей понесъ домой купленный чай, генеральша сѣла въ шарабанъ, городничій поскакалъ въ полицейское управленіе, а гласный отошелъ къ своему магазину и составилъ новую группу изъ сосѣднихъ торговцевъ и приказчиковъ.

— Смѣшно даже слушать!—началъ онъ, обращаясь къ

группѣ. — Городъ оставить въ нынѣшней опасности! Я, какъ гласный, именно говорю...

— Какъ, теперича, возможно,—поддакиваетъ ему продавецъ московскихъ деликатесовъ:—трубы городъ для себя имѣетъ.

— А они, теперича, Иванъ Ѳомичъ, даже при генеральшѣ меня оконфузили. Меня всѣмъ обществомъ выбрали! Я говорю: какое ваше распоряженіе будетъ... какъ есть я гласный, а они, какъ бы, словно, обидѣлись и даже... вниманія не хотѣли имѣть...

— А, сохрани Богъ, загорится... Слизнетъ городъ-то такъ, что его и не увидишь.

— Да вѣдь, Назаръ Мартынычъ, и я къ тому же. Я долженъ былъ имъ свои слова сказать. Коли бы, ежели я не былъ гласнымъ, а то общество, можно сказать, съ полнымъ довѣріемъ... А ежели я при полномъ нашемъ засѣданіи скажу, что я докладывалъ г. исправнику... Что тогда? Они еще моего характеру не знаютъ! Общество даже можетъ телеграмму къ губернатору, какіе исправникъ поступки дѣлаетъ!..

— А можетъ еще и не поѣдетъ...

— Коли ежели такъ, намъ, гласнымъ, да и вамъ, обывателямъ, самимъ придется съ ведрами у воротъ сидѣть. Ну, и будемъ сидѣть!.. — горячился гласный: — багры въ руки возьмемъ и лавки закроемъ... Пущай потребитель остается безъ жизненныхъ предметовъ...

— Чужую крышу кроетъ, а своя течетъ, — поддакивали ему обыватели.

Пока обыватели, подъ предсѣдательствомъ гласнаго, обсуживали дѣйствія г. исправника, Ивашкинская станція была ужъ вся въ огнѣ и помощь исправника была безполезна, хотя онъ и выѣхалъ съ двумя спринцовками и тремя бочками на главную станцію желѣзной дороги.

Итакъ, жители-то въ городѣ отыскались, даже и особы есть, которыхъ министръ къ себѣ вызываетъ, и купцы есть, и гласные есть, стало быть, городъ какъ быть слѣдуетъ.

На-дняхъ городъ нашъ оживился. Движеніе на всѣхъ улицахъ, во всѣхъ переулкахъ. Петровская ярмарка. Базарная площадь кишитъ народомъ. Товару «мужику нужнаго» навезено много: горшки, грабли, косы, сухой судакъ, хомуты, оглобли, лопаты, вообще предметы первой мужицкой

необходимости. Московскіе торговцы разбили палатки съ краснымъ и суровскимъ товаромъ и галантереей. Торгуютъ бойко.

На улицѣ, въ трактирахъ, въ харчевняхъ, въ питейныхъ домахъ стонъ стоитъ. Кричатъ, спорятъ, цѣлуются, поютъ, вонъ подрались трое, вонъ одинъ женѣ ухо укусилъ...

— Не я пью — горе мое пьетъ... Горе мое горецкое!— декламируетъ съ пафосомъ хохлатый, съ растегнутымъ воротомъ, босой мужиченко, стоя на порогѣ бѣлой харчевни.

— Какое твое горе?

— Горе? Хуже быть невозможно: погорѣлъ! По той причинѣ, были всѣ выпимши... Вишь ты! Но только, между прочимъ...

— Я къ тому, главная причина,—понимать моей души никто не можетъ, какая есть она у меня душа. Вотъ что!— бормочетъ другой.

— Въ кабакѣ вся ваша душа-то мужицкая!—рѣзко замѣчаетъ толстая лавочница.

— Напрасно! Матушка, Прасковья Петровна! Ты, голубушка, за нашей душой въ кабакъ не ходи, вотъ я тебѣ что скажу! Въ кабакѣ мы только блажимъ, а душа наша у насъ въ грудяхъ заросла... не доберешься ты даже... Поднеси стаканчикъ, вотъ я тебѣ и покажу свою душу...

— Подобно мы теперича, какъ бы, напримѣръ, пчелы къ колодкѣ, такъ и мы къ кабаку. Такъ что ли? Они со сластью, а мы за сластью...

— Умница, поди, я настоящій покажу, коли этотъ не ндравится, — зазываетъ приказчикъ молодую щеголевато одѣтую крестьянку:—вѣдь мы видимъ, что тебѣ надобно-то. Другой которой того не покажемъ. Вотъ смотри товаръ! Ужъ что мило будетъ такъ мило!.. Смотри!—И онъ вертитъ передъ ея глазами полотнище краснаго ситца... Женщина что-то ему сказала.

— Какой же онъ линючій?.. Вѣдь онъ скрозь галандру пропущенъ, должна ты это понимать! Вѣдь я полагалъ, что ты съ понятіемъ, оттого такой тебѣ и товаръ показывалъ. Товару-то этому не въ этомъ бы городѣ быть...

— Что, мамаша, покупаете? — обращается другой приказчикъ къ какой-то городской обывательницѣ.

— Да ты помѣряй, денегъ я съ тебя за это не возьму,— кричитъ третій, нахлобучивая силой на парня картузъ.— Иди теперича куда хошь, хошь на бульваръ, хошь на гулянье...

— Да коли ежели онъ не лѣзетъ,—возражаетъ парень.

— Какъ же онъ не лѣзетъ, милая душа, вѣдь это мнѣніе твое пустое!..

— Мавруха,—вдругъ во всю глотку закричалъ рыжій большой мужикъ:—другой-то сапогъ у тебя, что ли?

— Нѣтути,—отвѣчаетъ...

— Идѣжъ онъ? Голубчики! Новый сапогъ... четыре рубля...—взвылъ мужикъ.

— А ты не зѣвай,—замѣчаетъ ему урядникъ.

— Тѣлохранитель ты нашъ, батюшка. Что-жъ я теперь съ однимъ сапогомъ дѣлать буду?..

Сцены продолжаются все въ томъ же родѣ.

На лавочкѣ у ресторана-буфета «Нѣаполь» сидитъ довольно пожилой человѣкъ, плѣшивый, слѣпой, съ большими сѣрыми усами, въ изношенной до-нельзя синей венгеркѣ, обхваченной по таліи узенькимъ ремешкомъ; рядомъ съ нимъ, въ плисовой, порыжѣвшей курточкѣ, мальчикъ лѣтъ четырнадцати. Мальчикъ держитъ въ рукахъ торбанъ. Торбанъ — музыкальный инструментъ, по конструкціи очень схожій съ мандолиной, только гораздо больше ея и съ большимъ количествомъ струнъ *). Сидятъ они очень скромно, не обращая никакого вниманія на суету ярмарочной толпы. Старикъ изрѣдка беретъ инструментъ, пробуетъ ощупью колки, проводитъ пальцами по струнамъ и опять отдаетъ мальчику. Изъ растворенныхъ оконъ бѣлой харчевни слышится нескладное пѣніе расходившагося мѣщанина или, какъ ихъ здѣсь называютъ, гражданчика:

Я въ Москвѣ у васъ бывалъ,
Енераловъ всѣхъ знавалъ,
Енераловъ и судей,
И всѣхъ прочіихъ людей.

Изъ ресторана-буфета несутся звуки арфы. Дикіе, неистовые крики цыганскаго табора, расположившагося въ трактирѣ «Константинополь», начинаютъ старика оживлять. Прежде онъ сидѣлъ сосредоточенно.

То важною думой сѣдое чело осѣняя,
То къ небу подъемля незрячія бѣлыя очи.

Но когда хоръ грянулъ:

Изъ-подъ дуба, изъ-подъ вяза,
Изъ-подъ вязова коренья,

*) Бываетъ торбанъ въ двадцать восемь струнъ и въ сорокъ двѣ струны.

онъ приподнялся, расправилъ рукой усы и сталъ въ позу.

Мой батюшка во хмѣлю,
А матушка во пиру,

продолжали цыгане.

Сестра въ терему,
Та не скажетъ никому,

подхватилъ онъ, притопнувъ ногою, и сѣлъ.

— Поютъ чудесно! Сдѣлалъ бы... кабы зрѣніе! Остались бы довольны,—проговорилъ онъ со вздохомъ.

— Берегись!.. Берегись! Да берегись, чортъ! — кричалъ кучеръ, проникая сквозь толпу въ какомъ-то допотопномъ шарабанѣ, запряженномъ въ пару лошадей.

— Кнутомъ его, каналью,—внушительно закричалъ сидѣвшій въ шарабанѣ баринъ.

Толпа то разступалась, то опять сходилась, кучеръ и баринъ продолжали кричать. Это пріѣхалъ на ярмарку дворянинъ Комягинъ. Прежде онъ былъ богатый помѣщикъ, теперь онъ *такъ*... живетъ у себя въ маленькой усадьбѣ, никакихъ общественныхъ должностей не занимаетъ, ему шестьдесятъ пять лѣтъ, морщины, которыми избороздила лицо его бурная жизнь, примазываетъ бѣлилами и румянами, волосы на головѣ и усахъ чернѣе смолы, потому что онъ, по нѣсколько разъ въ мѣсяцъ, примачиваетъ ихъ какимъ-то ляписнымъ растворомъ, онъ былъ красавецъ, и теперь, несмотря на преклонныя лѣта, смотритъ молодцомъ и пользуется цвѣтущимъ здоровьемъ, зовутъ его Иванъ Ильичъ. Въ полку онъ былъ ремонтеромъ, разъѣзжалъ по всѣмъ лошадинымъ ярмаркамъ, отлично игралъ на гитарѣ, счастливо игралъ въ карты, пилъ все, имѣлъ нѣсколько романовъ, изъ которыхъ одинъ очень скверный: онъ былъ причиною смерти одной очень талантливой провинціальной актрисы, которая застрѣлилась въ его квартирѣ изъ его же пистолета, оставивъ ему въ наслѣдство двухлѣтняго ребенка. Иванъ Ильичъ отдалъ этого ребенка на попеченіе одной бѣдной женщинѣ и совершенно спокойно забылъ о его существованіи. Въ продолженіе тридцатилѣтней войны на полѣ жизни, при постоянныхъ стычкахъ съ пьянствомъ и съ оргіями, не раненъ ни катаромъ, ни подагрой, вышелъ въ отставку такимъ же здоровымъ, какимъ вышелъ изъ чрева матери. Проживъ собственное состояніе, состояніе, оставшееся послѣ смерти жены, и еще нѣсколько мелкихъ состояній, достававшихся ему по наслѣдству отъ родственниковъ, онъ сохранилъ себѣ маленькую усадебную

осѣдлость и прозябаетъ въ ней въ сожительствѣ съ какой-то Елизаветой Петровной, которой никто въ уѣздѣ никогда не видалъ, хотя всѣ знаютъ, что есть какая-то Елизавета Петровна, у которой Иванъ Ильичъ находился подъ пятою. На какія средства онъ живетъ—неизвѣстно. Наши уѣздныя сплетницы говорятъ, что Елизавета Петровна женщина со средствами, что она не хороша собою, какъ смертный грѣхъ, что она не прочь выпить на воздухѣ рюмочку-другую бѣлаго портвейну и т. п. Но все это вздоръ! Елизавета Петровна прекрасная женщина. Объ ней впереди будетъ мое слово.

Наконецъ шарабанъ Комягина кое-какъ протискался сквозь шумѣвшую толпу и остановился у крыльца ресторанъ-буфета «Нѣаполь». Этотъ ресторанъ посѣщается только уѣздной интеллигенціей—помѣщиками, чиновниками, наѣзжими офицерами; простой смертный, такъ называемый «суконное рыло», туда не заглядываетъ, ему тамъ дѣлать нечего, тамъ все на барскую ногу: вмѣсто половыхъ въ бѣлыхъ рубашкахъ—служатъ лакеи въ невообразимо грязныхъ, засаленныхъ фракахъ; вмѣсто простоты и ласковаго обращенія, простой смертный встрѣчаетъ тамъ холодный пріемъ и между нимъ и лакеемъ тотчасъ возникаютъ натянутыя отношенія. Фракъ, какъ бы онъ грязенъ ни былъ, простой сибиркѣ всегда даетъ себя чувствовать.

— Необразованность! — говоритъ съ важностью фракъ сибиркѣ.

— Холуй несчастный! — говоритъ съ презрѣніемъ сибирка фраку.

Комягинъ вышелъ изъ шарабана и вступилъ на крыльцо.

— Что за чортъ! Да неужели это Порфирій?—произнесъ онъ, всматриваясь въ лицо торбаниста.—Да, конечно, Порфирій... Это ты?—обратился онъ къ нему.

— Лица вашего не вижу,—отвѣтилъ торбанистъ.

— Да тебя зовутъ—Порфирій?

— Такъ точно, Порфирій.

— А по голосу ты меня не узнаешь?

— Никакъ нѣтъ-съ...

— Помнишь, въ Лебедяни, когда трактиръ горѣлъ.

— Иванъ Ильичъ?..

— Узналъ?

— Теперь узналъ, сударь... по голосу по вашему...

— Вѣдь я тебя, подлеца, лѣтъ тридцать не видалъ.. И ты все съ торбаномъ ходишь?

— Что дѣлать-то! Пить-ѣсть надо...

— А это мальчикъ кто?

— Покойницы дочери моей сынъ... По третьему годочку на рукахъ моихъ остался... Кабы не онъ, гдѣ бы нибудь меня, слѣпого человѣка, собаки растерзали... Тоже помогаетъ мнѣ: плясать обученъ.

— Откуда же ты теперь идешь?

— Въ Кременчугѣ два года въ больницѣ вылежалъ, нутреная болѣзнь была, теперь въ Нижній пробираемся...

— На какія же деньги ты идешь?

— Да, вотъ, гдѣ въ трактирѣ поиграешь, гдѣ на паперти въ праздничный день постоишь, гдѣ покойника проводишь... Намъ не къ спѣху... дойдемъ.

— Ахъ, Порфирій, Порфирій!

— Богъ вотъ смерти не даетъ, а ужъ какъ измаялся... Думаешь такъ: прибери ты меня, Господи... Опять же зрѣнія никакого не имѣю.

— А давно глазъ лишился?

— Давно. Въ острогѣ долго сидѣлъ, въ острогѣ и ослѣпъ.

— Вѣдь тебя тогда въ Тамбовѣ посадили...

— Въ Тамбовѣ... это еще при васъ было... тогда по убійству, въ трактирѣ... изволите помнить... А то послѣ въ Коренной меня взяли да въ Курскъ. Въ Курскѣ я семь лѣтъ высидѣлъ...

— За что же?

— Купецъ одинъ фальшивую бумажку далъ... Богъ съ нимъ! Погубилъ меня напрасно. Много черезъ него тогда въ Сибирь пошло, меня только Богъ помиловалъ: въ подозрѣніи оставили.

Порфирій въ старые годы былъ знаменитый торбанистъ. Ни одна ярмарка не обходилась безъ его присутствія. Слава его гремѣла отъ Ирбити по всей Волгѣ, захватывала часть Оки, неслась отъ Тамбова на Воронежъ, проникала въ Курскъ, Полтаву, Кременчугъ и стихала гдѣ-то далеко на Украйнѣ.

Уныло стоятъ заколоченныя лавки; тоскливо выглядываетъ деревянный театръ съ наклеенными на стѣнахъ въ прошлогоднюю ярмарку афишами; изъ-подъ булыжника пробилась трава на театральной площади; свалился подгнившій фонарный столбъ и растянулся во весь ростъ у театральнаго подъѣзда. Огромная лужа около торговыхъ ря-

довъ, остающаяся каждогодно послѣ весенней распутицы, начинаетъ подсыхать. Совсѣмъ вода изсякаетъ въ ней уже послѣ окончанія ярмарки. Но вотъ, мало-по-малу, начинается оживленіе: трактиры приводятъ себя въ порядокъ: оклеиваются обоями, отскребаютъ на лѣстницахъ прошлогоднюю окаменѣвшую грязь и т. п. Какъ грачъ, первый предвѣстникъ весны, въ городѣ появляется торбанистъ—первый предвѣстникъ ярмарки. Въ одно мгновеніе онъ обѣжалъ всѣ трактиры, сдѣлалъ визиты знакомымъ купцамъ и расположился съ своимъ торбаномъ въ одномъ изъ самыхъ бойкихъ трактировъ. Вслѣдъ за нимъ движется фараоново племя, чуть ли не въ тѣхъ же самыхъ колесницахъ, въ которыхъ оно догоняло въ пустынѣ евреевъ. А вотъ и сами евреи запрыгали, какъ блохи, по улицамъ богоспасаемаго града. Затѣмъ показываются прибывающіе съ товарами купеческіе приказчики. Лавки постепенно расколачиваются и открываются. Спертымъ въ нихъ въ теченіе одиннадцати мѣсяцевъ затхлымъ воздухомъ обхватываетъ мимоходящаго. На фонарныхъ столбахъ, на заборахъ, на домахъ показались афиши:

«Съ дозволенія начальства.

«Прошу покорно обратить благосклонное вниманіе на мои почти пятилѣтніе въ семъ городѣ заслуги, труды и хлопоты, удостоить нынѣшнюю ярмарку своимъ полнымъ собраніемъ, это будетъ величайшею помощью мнѣ больному старику почтеннѣйшая публика не лишитъ же доброй надежды, а благодарность моя увянетъ только съ жизнію моею.

Антрепренеръ К. Зеленскій.

Въ первый разъ.

«Разбойники богемскихъ лѣсовъ

или

Паденіе фамиліи графовъ Мооръ».

Трагедія въ 5 дѣйств. сочиненіе знаменитаго въ свое время Шиллера».

Каждое дѣйствіе раздѣляется на нѣсколько картинъ. Такъ дѣйствіе 4-е озаглавлено такъ:

«Богиня голода

или

Мертвецъ съ того свѣта.

Гробовой голосъ изъ башни и разбойники».

«Въ непродолжительномъ времени. Братья Мальчугины, изъ коихъ одна сестра, будутъ имѣть честь дать концертъ

изъ новѣйшихъ и любимѣйшихъ русскихъ романсовъ, имѣвшихъ огромный успѣхъ на нижегородской ярмаркѣ и удостоившихъ подарка».

«Представленіе черной магіи Жанъ Мольдуано, чревовѣщатель его величества короля сардинскаго».

Ярмарка закипаетъ. Съѣзжаются купцы. Показались помѣщики, сверкаютъ франты-ремонтеры, городской мостъ унизанъ нищей братіей, каликами перехожими.

Городскія церкви съ соборнымъ причтомъ, съ образами и хоругвями, вышли крестнымъ ходомъ на городскую площадь и отслужили молебенъ. Полиціймейстеръ города торжественно поднялъ ярмарочный флагъ и поздравилъ купцовъ съ открытіемъ ярмарки.

Въ то блаженное время на сценѣ не было ни оперетокъ, ни куплетовъ, ни разсказчиковъ разныхъ сценъ — царила трагедія и водевиль, а оперетки, куплеты и разсказы замѣнялъ въ трактирѣ торбанъ, отчего хорошіе торбанисты, къ числу которыхъ принадлежалъ и Порфирій, были въ большой славѣ. Ни одна литература въ мірѣ не имѣетъ такого рода произведеній, которыми торбанисты услаждали слухъ своихъ почитателей. Это что-то чудовищное, безобразное, дикое, но вмѣстѣ съ тѣмъ образное, поэтическое, мѣстами доходящее до паѳоса. Ошеломленный ярмарочнымъ хересомъ, мадерой, лиссабонскимъ или иной какой одуряющей жидкостью купецъ наслаждался пѣніемъ торбаниста въ такой же степени, какъ наслаждается любитель изящнаго аріей великой пѣвицы. Да и не одинъ купецъ: прежніе помѣщики и пріѣзжавшіе ремонтеры находили въ этомъ великое удовольствіе. Комягинъ былъ почти самъ торбанистъ, только клалъ свои персты не на торбанъ, а на гитару.

«Левъ вырвался изъ клѣтки, быкъ съ бойни сорвался!»

кричитъ купецъ, смотрѣвшій въ театрѣ драму Кукольника:

— Левъ я теперича! Быкъ, можно сказать, бодающій! Ежели меня теперича связать, я не дамся, а ублаготворить меня можно. Семенычъ, сдѣлай ты мнѣ на своемъ струментѣ... знаешь...

Тирири, тирири,
Какъ въ городѣ Твери...

или вотъ эту:

Во лѣсу было лѣсу,
Во двѣнадцатомъ часу...

Порфирій бралъ торбанъ, расправлялъ усы и сквернословилъ.

— Жизнь!—кричалъ обезумѣвшій купецъ.

— Самое-то это настоящее и есть! — подхватывали другіе.

Не моему слабому перу, да и красокъ у меня такихъ нѣтъ, изобразить прежнюю ярмарку, а для будущаго бытописателя это было бы весьма любопытно и поучительно.

— Ахъ, Порфирій, Порфирій,—повторялъ Комягинъ, и въ головѣ его тѣснился цѣлый рой воспоминаній молодости.

— Ступай за мной и разсказывай,—окончилъ онъ, направляясь въ ресторанъ.

Мальчикъ взялъ Порфирія подъ руку и повелъ его вслѣдъ за Комягинымъ.

V.

Жанъ Бургесъ.

И затерянный въ народѣ
Вдругъ исчезъ Иванъ...
Какъ живешь ты на свободѣ?
Гдѣ ты? Эй, Иванъ!
Некрасовъ.

— Я здѣсь, сударь! Не прикажете ли что?—заговорилъ хриплымъ голосомъ, подходя ко мнѣ, въ какомъ-то странномъ костюмѣ, очень пожилой человѣкъ, съ бритой бородой, съ приподнятыми кверху взъерошенными усами...

«Что за странный костюмъ, что за странная физіономія!.. кто же это?—думаю.—Да ужъ не одинъ ли это изъ оставшихся въ живыхъ крѣпостныхъ Ивановъ?»

Смотрю: пьянъ... Смотрю: въ ухѣ бѣлая серьга... Да, конечно, это—Иванъ! Всматриваюсь пристальнѣе:

Не прикрыты, голенищи
Рыжіе торчатъ.

Да и костюмъ-то чуть ли не тотъ же самый, въ которомъ онъ осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ въ великій день освобожденія.

Вступаю съ нимъ въ разговоръ.

— Какъ васъ зовутъ?

— Жанъ Бургесъ, сударь.

— Вы иностранецъ?

— Никакъ нѣтъ-съ: бывшій господскій человѣкъ отставного надворнаго совѣтника и орденовъ кавалера Петра Осиповича Дубнина, доставшійся ему въ приданое за супругой его княжной Людмилой Владиміровной... А при покойномъ князѣ...

— Почему же у васъ фамилія иностранная?

— Такъ какъ покойница барыня завсегда изволили меня такъ называть, такъ я долженъ ихъ волю до гробовой доски... потому, какъ онѣ были мои благодѣтельницы — изъ петли меня приказали вынуть, не дали помереть безъ покаянія, опять же на поселенье хотѣли сослать и ужъ кандалы на руки наложили, да возсіяло солнце правды... на волю было приказано всѣхъ отпустить. Очень плакали и именно говорили, что безъ господъ намъ будетъ жить невозможно.

— Что же вы теперь дѣлаете?

— Все могу! По поварской части... Часы ежели — мое это дѣло. У священника вчера вычинилъ. А портной я природный: десять лѣтъ на Тверской у старика Бургеса на каткѣ сидѣлъ и даже не то что господамъ—покойницѣ барынѣ платья шилъ... Ружье починить могу. Вотъ извольте спросить Ананья Михайловича, онъ знаетъ,—окончилъ онъ, указывая на стоявшаго тутъ же усадебнаго сторожа.

— Все это ты можешь,—подтвердилъ Ананій Михайловичъ:—золотыя у тебя руки; одно вотъ: не знаешь ты—на которомъ стаканѣ остановиться.

— Я знаю! Я очень хорошо это знаю, Ананій Михайловичъ,—возразилъ Бургесъ съ достоинствомъ.

— Шелъ бы ты спать... Дѣло-то лучше будетъ...

— Я, Ананій Михайловичъ, кажется, ничего такова вамъ не дѣлаю, ежели съ господиномъ разговариваю. Я завсегда при господахъ былъ: и за столомъ служивалъ, и въ камердинерской должности, и жокеемъ съ барыней ѣздилъ... Обращеніе, стало-быть, знаю... а поварскую часть... пять лѣтъ въ аглицкомъ клубѣ въ ученьи былъ.. И сервировку, и колеровку, и какъ подать, и насчетъ бланжиру... Нда-съ! Опять же консервы, ланшпигъ... все прочее!.. Тортю, теперича, маіонезъ соусъ пиканъ, барделезъ аля фуршетъ, натурель съ гарниромъ... Субисъ!..—окончилъ онъ, разсчитывая на полный эффектъ, на полное пораженіе Ананія Михайловича. Но эффекта не произошло. Ананій Михайловичъ добродушно посмѣивался надъ его несвязной рѣчью. Бургеса это разсердило. Онъ поднялъ тонъ и продолжалъ.

— Не послѣдній я человѣкъ при господахъ-то былъ, можетъ, сами знаете. А вы ничтожный были. Я даже, такъ будемъ говорить, и въ передней-то васъ никогда не видывалъ, а мы завсегда у господъ на глазахъ: и рыбу съ барчатами ловилъ, и за утками... Бывало, сейчасъ... Бургесъ, аляшасъ! И сейчасъ я это понимаю! Педра, пси! Анаванъ! Пильапортъ!.. Такъ вы меня не учите, какъ съ господами разговаривать... Вотъ что-съ!..

— А проспишься, можетъ, еще складнѣе заговоришь.

— Мнѣ просыпаться нечего, вы мнѣ не подносили.

— Вотъ мининникъ буду — приходи поднесу, а теперь ступай.

Бургесъ вышелъ изъ себя. Онъ приподнялъ плечи, сталъ въ уморительную позу, и злобно посмотрѣлъ на Ананія Михайловича.

— Ужъ ты не бить ли меня хочешь, Бургесъ? — спросилъ съ удивленіемъ старикъ.

— И надо васъ бить! — произнесъ, скрипнувъ зубами, Бургесъ.

— То-то, я смотрю, ты ужъ принаравливаешься... Ахъ ты чудакъ! Всѣ ребра у тебя, за твой характеръ, переломаны, въ чемъ ты только душу-то свою носишь, а чуть мало-мальски не по шерсти тебя погладятъ, сейчасъ ты и драться лѣзешь. Кажись, третьяго дня тебѣ клѣчка-то была, а ужъ ты и забылъ!

— Какая клѣчка? Ну, говорите—какая клѣчка? — горячился Бургесъ.

— Слышали мы, какое тебѣ угощеніе въ трактирѣ-то было. Говорятъ, часа два на солнышкѣ отогрѣвали. Насилу отошелъ,—отвѣчалъ хладнокровно Ананій Михайловичъ.

— Ужъ это вы при себѣ оставьте! — перебилъ сконфуженный и растерявшійся Бургесъ.

Мнѣ жаль его стало, онъ былъ совершенно уничтоженъ. Чтобы окончить это непріятное столкновеніе, я обратился къ нему.

— А что, добрый былъ вашъ баринъ?—спросилъ я его.

— Онъ до насъ не касался,—отвѣчалъ Бургесъ:—всѣмъ Людмила Владиміровна заправляла, а онъ ни во что не входилъ. На покосъ ли, на жнитво ли — все она. Цѣлый день, бывало, съ лошади не сходила... Гдѣ верхомъ, гдѣ въ шарабанѣ. Строгая была барыня!

— А баринъ-то что-жъ дѣлалъ?

— Тотъ больше по рыбной ловлѣ. Сидитъ, бывало, съ

барчатами цѣлый день съ удочкой, пискарчиковъ ловитъ. Разъ она приказала ему верхомъ съ собой ѣхать. Только что выѣхали въ поле, онъ и упалъ. Съ тѣхъ поръ и мимо конюшни боялся ходить. Тихій былъ баринъ. Бывало, увидитъ, грѣшнымъ дѣломъ, когда не въ порядкѣ идешь... Бургесъ, говоритъ, спрячься лучше: сама увидитъ — бѣды наживешь. А барыня королева была! Мужественная этакая женщина... Голосъ такой простой имѣла... Слова эти, какъ вамъ доложить, все обнаковенныя, не барскія... Бывало, примется мужиковъ гонять... Господи! Только, бывало, и словъ: всѣхъ на поселенье ушлю! А намъ, сударь, дворовымъ, такъ-то жутко было, такъ-то она насъ маяла — не приведи Богъ! Ну, да еще ничего, а вотъ махонькимъ какъ отъ нея доставалось! Бывало мальчику или дѣвочкѣ, какъ минуло семь годочковъ—ужъ онъ либо въ саду травку пощипываетъ, либо на скотномъ дворѣ сливки въ бутылкѣ сбиваетъ, али за грибами въ лѣсъ бѣгаетъ, а ужъ должность у всякаго есть... Даромъ хлѣба никто не ѣлъ.

— А хорошо васъ содержали?

— Хорошо—что Бога гнѣвить!—содержаніе было отличнѣйшее, отвѣчалъ Бургесъ съ ироніей:—собакамъ ихнимъ не въ примѣръ лучше нашего было! Вотъ какое намъ содержаніе отъ нашей госпожи было! Вотъ извольте спросить Ананія—онъ знаетъ.

— Я сытъ былъ,—проговорилъ Ананій Михайловичъ.— И при господахъ былъ сытъ и теперь сытъ, слава Богу...

— Съ однихъ зайцевъ-то сытъ не будешь! — возразилъ Бургесъ.

— Какъ съ зайцевъ?—спросилъ я.

— По здѣшнимъ, сударь, мѣстамъ очень много зайцевъ было; ну, зайцами всю дворню и кормили. Бывало и щи изъ зайцевъ и вяленый заяцъ, и соленый заяцъ... Ну-ко, круглый-то годъ поѣшь-ко ихъ!—Скрючитъ!.. А помнишь, какъ Ваську фалетора исполосовали, когда онъ сказалъ, что зайцевъ ѣсть не согласенъ?

— Вотъ что я, Бургесъ, тебѣ скажу,—перебилъ Ананій Михайловичъ:—ты мою рѣчь послушай, а господинъ вотъ насъ разсудитъ. Поминать тебѣ свою госпожу лихомъ не за что. Барыня была дѣйствительно строгая, а всѣхъ она насъ наградила и землю своимъ мужикамъ всю даромъ отдала. Всѣхъ дворовыхъ малолѣтокъ въ ученье пристроила. И тебѣ, халую неблагодарному, барское ружье подарила. Помнишь! Гдѣ оно? Что, пропилъ?

— Ну, пропилъ! Еще что будетъ? — опять загорячился Бургесъ.

— Ничего, я такъ, къ слову. Не тебѣ бы барыню ругать! Какъ при ней ты не путный былъ, такъ и теперь остался. Хорошіе-то люди всѣ по мѣстамъ пристроились, а ты всю жизнь путаешься гдѣ день, гдѣ ночь.

Бургесу, видимо, непріятно было слушать укорительную рѣчь Ананія Михайловича. Онъ вдругъ перемѣнилъ разговоръ.

— Господинъ, не будетъ ли съ вашей стороны?—обратился онъ ко мнѣ.

— Что вамъ угодно?

— Что-нибудь въ родѣ пятиалтыннаго? Бургесъ вамъ заслужитъ, кого хотите извольте спросить. Мирового изволите знать—Ивана Васильевича?

— Нѣтъ.

— Теперь я у него пребываю: новую подушку на бѣговыя дрожки дѣлаю... Краснымъ трипомъ будетъ... Очень они меня хорошо знаютъ. Брею я ихъ... Чудакъ такой! Вчера говоритъ: если ты, Бургесъ, опять пить будешь, я тебя, говоритъ, въ смирительный домъ засужу.

— Давно ужъ тебя тамъ ждутъ,—ввернулъ Ананій Михайловичъ.

Бургесъ искоса злобно посмотрѣлъ на него и продолжалъ:

— А супруга ихняя, Любовь Сергѣевна, ты, говоритъ, Бургесъ, платье мнѣ сшей, только я мѣрки съ себя снимать не позволю. Стыдится!.. Полная она такая...

— Это барыня-то тебя стыдится?—воскликнулъ Ананій Михайловичъ.

— Да, барыня меня стыдится!—отвѣтилъ рѣзко Бургесъ.

— Не похоже бы словно, чтобы барыня стала такой рвани стыдиться,—усумнился Ананій Михайловичъ.

Бургесъ растерялся. Онъ опять сталъ въ свою уморительную позу, опять забормоталъ иностранныя слова безъ всякаго смыслу, опять послышалось и тортю, и сервировка, и субисъ, и еще какое-то новое слово «пате флендоранжъ».

Я далъ ему пятиалтынный.

— Куда же вы теперь пойдете?

— А туда-съ...

— Куда?

— Сами изволите знать!.. У священника заработалъ пятиалтынный, да вашъ теперича... Такъ точно оно и будетъ. Позвольте мнѣ, сударь, съ вами на охоту идти. У

меня три выводка тетеревей есть. Мировому я ихъ готовилъ, да онъ стрѣлять не умѣетъ.

— А вы хорошо стрѣляете?

— Я-то-съ? — воскликнулъ онъ съ достоинствомъ. — Бывало: Бургесъ, десять паръ дупелей къ столу! Бацъ, бацъ, бацъ! Готово! Въ кострюльку, въ духовой шкапъ... Извольте кушать.

— Хорошо, пойдемте.

— Слушаю, сударь. Счастливо оставаться,—окончилъ онъ, направляясь къ рѣкѣ.

— Куда же это онъ пошелъ?—спросилъ я Ананія Михайловича.

— Въ кабакъ, сударь. Больше идти ему некуда.

— Какъ онъ черезъ рѣку-то?

— Переплыветъ. На село ему идти дальше, а черезъ рѣку-то близехонько, а время-то ужъ ему пришло и выпить-то. Сейчасъ онъ переплыветъ... Въ этомъ разѣ онъ ни грозы, ни бури не боится. Вотъ, сударь,—человѣкъ-то,— со вздохомъ заключилъ Ананій Михайловичъ:—до скончанія дней его всѣ бить будутъ и умретъ въ кабакѣ безъ покаянія.

Снѣгъ валилъ хлопьями, застилалъ проторенную дорогу, не давая пути ни пѣшему, ни проѣзжему, садился кучами на крышахъ, овинахъ, прилипалъ къ окнамъ, заметалъ всѣ деревенскіе входы и выходы. А деревня готовилась къ встрѣчѣ великаго праздника. Жанъ Бургесъ развинтилъ и вычистилъ церковное паникадило и подсвѣчники и, приведя все въ порядокъ, пошелъ къ батюшкѣ въ кухню бесѣдовать съ кухаркой.

— Глупая ты женщина, хошь и у священника живешь,— говорилъ онъ ей:—можешь ли ты понимать, какія завтра слова будутъ пѣть?

— Ты много понимаешь!—отвѣчала кухарка.

— Я-то?! Ахъ, Маланья! Почтенная ты женщина, по обличью-то тебѣ бы купчихой быть, а умъ у тебя сорочій! Какъ же мнѣ не понимать, когда я, при покойницѣ барынѣ, на клиросѣ по нотамъ пѣлъ. Священникъ отецъ Василій со скрипкой меня училъ. Возьметъ, бывало, скрипку... до, ре, ми, фа, соль, ля...

— Да что ты, въ самомъ дѣлѣ, для такова великаго праздника...

— Что? Вѣдь это по нотамъ... До, ре, ми, фа...

— Въ глазахъ-то у тебя...

— Ты думаешь насчетъ моей слабости? Нѣтъ, у меня правильно! Я до звѣзды ни Боже мой! Ты мнѣ хоть ведро теперича поставь, я до звѣзды не буду. А это со вчерашняго числа, можетъ-быть, маленько... Вотъ постой, мы съ тобой на святкахъ рядиться будемъ.

— Какъ рядиться?

— Распишу я тебѣ ликъ твой, выворочу шубу, поставлю на четверинки, и поведу въ трактиръ, словно бы медвѣдя. А теперича въ деревню много изъ Москвы понаѣхало—что смѣху будетъ. Поповская кухарка за медвѣдя!..

— Шелъ бы ты отсюда...

— Да куда я теперь пойду, глупая! Видишь, снѣгомъ все завалило. Ты думаешь, пріятность, что ли, какая съ тобой разговаривать? Вѣдь это мнѣ наказанье божеское! Я за стыдъ считаю съ вашей сестрой разговаривать.

— Ужли наша сестра не человѣкъ?

— Человѣкъ-то она человѣкъ... сказалъ бы я тебѣ, да дуэль, пожалуй, между нами произойдетъ, да и огорчать тебя для праздника не хочется. Вотъ поднесешь завтра—скажу. Ты вотъ посмотри лучше, какъ деревню-то занесло, народъ къ заутрени-то, пожалуй, и не отгребется, а въ дорогѣ теперича, которые застрявшіе—не вылѣзутъ.

Но стихія все-таки не мѣшала православному человѣку поспѣвать домой къ празднику. То и дѣло выбивавшіяся изъ силъ лошаденки подвозили къ избамъ своихъ хозяевъ. Вонъ Мартынъ подъѣхалъ и привезъ къ празднику задокъ свининки, а вонъ и Силантій изо всей мочи бьетъ чуть не дубиной свою измученную клячу. Дешево купилъ онъ полпудика соленой коренной рыбки, которая, можетъ-быть, завтра же отправитъ его на тотъ свѣтъ со всѣмъ семействомъ.

— Маленько и поѣли-то, и отчего бы это, кажется... Оно точно, начальство не велитъ ее сырую ѣсть, да развѣ удержишься, когда тебѣ эпекитъ придетъ...—Такъ заключитъ деревня, а Бургесъ скажетъ: «спервоначалу надо было ее порохомъ вытереть хорошенько, а не то въ щелокъ окунуть, тогда—ничего».

Къ ночи погода стихла, небо прояснилось и обсыпалось звѣздами. Въ два часа ночи дьячокъ ударилъ въ колоколъ, а Бургесъ зажегъ на колокольнѣ плошки. Священникъ подошелъ къ окну, взглянулъ на ярко горѣвшую звѣзду и торжественно произнесъ: «и ста звѣзда вверху идѣже бѣ отроча».

Великій наступилъ праздникъ..

Тотчасъ послѣ обѣдни Бургесъ пошелъ по сельской интеллигенціи славить Христа. Былъ у волостного старосты, былъ у учительницы, былъ у земскаго фельдшера, былъ у урядника, у нѣкоторыхъ зажиточныхъ крестьянъ, наконецъ пришелъ въ трактиръ. Въ трактирѣ еще никого не было; всѣ сидѣли смирно, слушая разсказы одного мѣщанина, пришедшаго изъ Москвы въ деревню на праздникъ. Мѣщанинъ то и дѣло вынималъ изъ кармана серебряные часы, постукивалъ по столу металлической папиросницей и вообще развязностью манеръ и изысканнымъ тономъ разговора подавлялъ, такъ сказать, свою бывшую деревенскую братію и «рядовыхъ мужиковъ». Лица нѣкоторыхъ изъ нихъ выражали какъ бы удивленіе. «Нашъ братъ, простой человѣкъ, а теперь его и рукой не достанешь»,—думали они. Мѣщанинъ это чувствовалъ.

— Давно уже я собирался въ вашу провинцію,— говорилъ онъ:—да все московскія дѣла не пущали. Къ заутрени хотѣлъ давеча идти, да признаться, проспалъ, да и обѣдню-то на концѣ ужъ захватилъ. Ну, да Богъ съ меня не взыщетъ. За московскими дѣлами иной разъ и цѣлый годъ въ церкву-то не попадешь. Тетка Матрена разговляться къ себѣ звала, а я ей: мы, тетушка Матрена, круглый годъ наскрозь разговляемся. У насъ этого нѣтъ положенія, чтобы постное потреблять... Заругалась какъ... страсть! Не по закону, говоритъ, ты жить сталъ. А я ей: ты, говорю, тетушка, надѣнь спинжакъ-то, и ты по другому заживешь.

— Въ мое время бекеши все носили, а теперь вотъ спинжаки пошли,—замѣтилъ Бургесъ:—сколько этихъ я бекешей перешилъ—невозможно! А то еще пальто пальместромъ были... длинные... Сакъ-пальто, визитки теперича... Ажуръ, ералашъ пальто съ перехватомъ... да много!..

— Какое же теперь твое положеніе?—обратился одинъ мужикъ къ мѣщанину.

— А положеніе таперича мое такое: жилъ бы ежели я въ деревнѣ—пропалъ бы совсѣмъ, ну а таперича я человѣкъ на виду и могу, значитъ, довольно слободно. Главная причина: никто мнѣ ничего не можетъ, самъ я по себѣ. Хозяинъ у насъ какой? Онъ тебя впередъ пятками ходить заставитъ! Я ужъ теперь всякаго человѣка наскрозь вижу, какой онъ есть такой... Въ деревнѣ за сохой всему этому не обучишься. Извѣстно, соха—соха она и есть. Простой кто ежели человѣкъ...

— А ты господинъ, что ли?—вдругъ озадачилъ мѣщанина вопросомъ одинъ корявый мужичонко Карпуха. Мѣщанинъ сконфузился.

— Хотя и не господинъ,—отвѣтилъ онъ, понизя тонъ:—а себя выше простого мужика понимаю. Первое то, по своему положенію, я на линіи купца, а второе...

— Что-жъ нашу соху-то позоришь?—перебилъ мужикъ:—соху-то намъ Богъ въ руки далъ. Мы съ ней впередъ пятками не ходимъ, а идемъ какъ должно. А тебѣ пятки впередъ вывернули, въ куцую штуку нарядили—ты думаешь, уже ты и человѣкъ сталъ!

Скрипка да гудокъ
Разорили нашъ домокъ,
А соха да борона
Нажили наши дома.

Пропѣлъ Бургесъ и обратился къ мѣщанину:

— Ты насчетъ сохи напрасно! Я всѣ степени произошелъ, на охотѣ съ господами за однимъ столомъ сиживалъ, все господское серебро на моихъ рукахъ было, а сохой я не гнушаюсь! Соха, братецъ ты мой, понять только надо, что она значитъ! Дмитрій Семенычъ, поднеси для праздника стаканчикъ! Мѣщанинъ, что значитъ! Мѣщанинъ—горе! Земли у него нѣтъ, мѣста тоже не про всякаго приготовлены, ну, и пошелъ воровать! Вѣрно это, истинно! Вотъ я теперича мѣщанинъ: самый я есть несчастный человѣкъ!

— Съ образованнымъ человѣкомъ разговаривать мы слова знаемъ,—началъ оправившійся мѣщанинъ:—а съ тобой гововить все одно—съ медвѣдемъ. Всѣ прочіе, которые сидятъ слушаютъ благородно, а ты сейчасъ свой умъ доказывать сталъ. Темный ты человѣкъ, вотъ что! Я и вниманія не возьму съ тобой говорить!

— Мѣщанинъ ты, вотъ что: ты поставь намъ что слѣдоваетъ, а мы этого Карпушку каряваго прогонимъ, чтобы онъ не мѣшался,—проговорилъ кто-то изъ бесѣдовавшихъ.

— Вѣрно!—поддакнулъ Бургесъ:—поднеси для праздника.

— А мы тебѣ такое разрѣшеніе сдѣлаемъ, чтобы тебѣ врать сколько желаешь,—добавилъ корявый мужичонко.—И пятками впередъ ходи, какъ тебя хозяинъ обучилъ, и колесомъ ежели... какъ тебѣ лучше. И наши мужички радоваться будутъ, что хошь одинъ изъ ихняго брата въ люди вышелъ. Товарища мы тебѣ такого же куцаго приведемъ, по этапу къ намъ въ волость прислали, замокъ у своего хозяина сломалъ.

— Карпуха, ты вотъ что: уйди!—заговорилъ Бургесъ:— за что, братецъ, обижать человѣка? Можетъ, сейчасъ драка случится... не хорошо! И тебѣ попадетъ, и намъ непріятно. А мы вотъ что... мѣщанинъ, ставь!.. Ставь, голубчикъ, ставь, не задумывайся. Вишь народъ горячиться сталъ.

— Рваная всякая душа заблудящая придетъ въ деревню...—шутилъ Карпушка.

— Точно это, — вторили ему его сторонники:—народъ избалованный сталъ.

— Карпуха, не мути народъ!—суетился Бургесъ.—Мѣщанинъ, ставь! Вонъ ужъ Калюпатра Петровна рукава засучила—наливать хочетъ. Буфетчица она у насъ первый сортъ!

— Пожалуйте намъ сюда по полуторному стаканчику,— обратился мѣщанинъ къ буфетчицѣ.

— Вотъ и чудесно!—воскликнулъ Бургесъ. — Сейчасъ видно, что человѣкъ полированный! Карпуха, лучше уйди.

— Ты ужъ давно за стаканъ-то продалъ свою душу, жалѣть ее тебѣ нечего,—сказалъ Карпъ и отошелъ въ сторону.

— Я души своей не продавалъ! Это покойница барыня мою душу раза два продавала, да никто не купилъ.

Всѣ засмѣялись.

— Съ праздникомъ честь имѣю поздравить!—окончилъ Бургесъ, выпивъ стаканъ водки.

VI.

Елизавета Петровна.

Прежній статскій совѣтникъ, московскій статскій совѣтникъ, былъ совсѣмъ не то, что теперь. Въ Москвѣ онъ уже былъ особа и величался въ своемъ кругу, за картами въ клубахъ, на именинахъ у чиновниковъ низшихъ ранговъ не иначе какъ: ваше превосходительство. Московскій чиновникъ уже съ чина надворнаго совѣтника начиналъ внушать къ себѣ въ подчиненныхъ нѣкоторый трепетъ. Ужъ у него и животъ выдавался впередъ и голосъ дѣлался внушительнѣе и жестъ былъ свободнѣе. Чувствовалось, что человѣкъ переплылъ рѣки и ручьи, перелѣзъ черезъ овраги и буераки и твердо вступилъ на торную дорогу. Ужъ онъ не подаетъ руки титулярному совѣтнику, а коллежскаго регистратора заставляетъ застегивать вицъ-мундиръ и дер-

житъ его на вытяжку. Въ чинѣ коллежскаго совѣтника онъ спѣетъ, утучняется. Въ чинѣ статскаго совѣтника ужъ онъ созрѣлъ и останавливается въ ростѣ. Теперь ужъ онъ все! Онъ и ваше превосходительство и даже полковникъ, такъ по крайней мѣрѣ начинаютъ его величать сторожа присутственныхъ мѣстъ. Я, разумѣется, говорю о тѣхъ статскихъ совѣтникахъ, изъ которыхъ, по своему происхожденію и воспитанію, достигалъ до этого чина только одинъ изъ двухъ тысячъ коллежскихъ регистраторовъ и губернскихъ секретарей.

Бушуетъ ли на дворѣ вьюга, разверзаются ли надъ Москвой хляби небесныя и ливень стремительно со всѣхъ семи холмовъ льется на низкія улицы и переулки—для коллежскаго регистратора все равно! Онъ совершаетъ каждодневно свое предопредѣленіе—стремится къ центру—къ Иверскимъ воротамъ. Тамъ былъ и магистратъ, и управа благочинія, и разные суды, и палаты, и знаменитая «Яма». Занявши за столомъ, въ какомъ-либо изъ этихъ учрежденій, свое мѣсто и разложивши сандаракъ и другіе канцелярскіе инструменты, коллежскій регистраторъ становился несокрушимой силой, о которую разбивались не только купцы, но даже и чиновныя особы.

А какъ дѣлъ-то самъ не знаешь,
Да въ законахъ не смѣкашь—
Не поможетъ важный чинъ!
И не справившись одинъ,
Поневолѣ всякой мошкѣ
Поклонись чернильной въ ножки.
Иначе тебя подъ судъ
Эти мошки упекутъ.

Такъ разсуждаетъ *маіоръ* Ѳедотова.

Сила эта не была у него благопріобрѣтенная, она была преемственная: онъ получалъ ее вмѣстѣ съ вицъ-мундиромъ, она передалась ему отъ праотцевъ его, московскихъ подьячихъ XVII столѣтія, которые тоже вѣдали «московскія разбойныя, и татинныя и всякія воровскія приводныя дѣла, и кто будетъ изыманъ на разбоѣ или въ татьбѣ, или въ зломъ дѣлѣ, смертномъ убійствѣ, и въ поджогѣ, и въ иныхъ воровскихъ статьяхъ». Эту силу не могло сокрушить строгое Уложеніе царя Алексѣя Михайловича, которое брало съ нея «крестное цѣлованіе съ жестокимъ проклинательствомъ, чтобъ посуловъ не имати и дѣяти въ правду, по царскому указу и уложенію: но ничто ихъ есть вѣра и заклинательство и наказанія не страшатся, отъ

прелести очей своихъ и мысли содержати не могутъ и руки свои ко взятію скоро допущаютъ» *). Эти руки не могла отшибить дубина Петра Великаго. Не особенно страшенъ былъ имъ и сводъ законовъ XIX ст.

Сила!

Всѣ лѣстницы, всѣ переднія присутственныхъ мѣстъ были наполнены людьми, искавшими прикосновенія къ этой силѣ. И простирала эта сила «руки свои ко взятію». И вотъ изъ этой-то силы выдѣляется счастливецъ. Изъ двухъ тысячъ коллежскихъ регистраторовъ судьба обратила вниманіе въ какомъ-то архивѣ на одного изъ нихъ, взяла его на руки и понесла по лѣстницѣ чиновъ и отличій. Донесши до площадки, на которой обыкновенно пребываютъ статскіе совѣтники, поставила его на ноги и сказала: полѣзай выше, если можешь!

Такой счастливецъ изъ массы коллежскихъ регистраторовъ былъ Петръ Васильевичъ. Никакихъ особыхъ даровъ природы онъ не имѣлъ. Воспитанный въ какомъ-то, ниже средняго, учебномъ заведеніи, онъ былъ посаженъ въ какой-то архивъ. Архиваріусъ полюбилъ его за аккуратность и прилежаніе, и сталъ называть его сначала Петрухой, потомъ — Петюней, а потомъ «сынкомъ». Сынокъ своевременно достигъ до чина коллежскаго регистратора, своевременно сталъ пить водку и своевременно на Мясницкой, въ церкви Флора и Лавра, сочетался законнымъ бракомъ съ дѣвицею, дочерью вѣчнаго цехового кислощейнаго цеха Дарьей Зайцевой. Дѣло это было такъ. Архиваріусъ повезъ его одинъ разъ къ своимъ знакомымъ въ Красную слободку. Въ чистенькомъ деревянномъ домикѣ жила-была мать съ дочерью. Разумѣется, напились чаю. Архиваріусъ осадилъ бутылку мадеры, а сынокъ одиннадцать рюмокъ рябиновки, съѣли по два куска ветчины съ горошкомъ, поговорили о трудныхъ временахъ, что все дорого стало, что дѣти не почитаютъ родителей, что трудно найти хорошихъ жениховъ...

На этомъ мѣстѣ архиваріусъ ударилъ сынка по плечу и воскликнулъ: а чѣмъ мы не женихи?

Сынокъ сконфузился, принялъ для возбужденія еще три рюмки рябиновой, простились и вышли.

— Сынокъ, ты умный человѣкъ или нѣтъ?—началъ на другой день архиваріусъ.

---

*) Котошихинъ.

— Что прикажете—я все,—отвѣчалъ смиренно сынокъ.

— Ничего ты вчера не понялъ?

— Нѣтъ-съ.

Архиваріусъ всталъ, притворилъ дверь, положилъ руку на плечо сынка и подвелъ его къ образу.

— Видишь святой ликъ?

— Вижу.

— Побожись, что не разболтаешь, что я тебѣ скажу.

Сынокъ побожился.

— Ты Ивана Антоновича знаешь?—началъ старикъ, сдѣлавъ важную мину.

— Знаю-съ.

— Кто онъ такой?

— Товарищъ пред....

— Довольно! Знаешь! Ну, согрѣшилъ старикъ, эка важность! Всѣ подъ Богомъ! Такъ вотъ тебѣ, если ты умный... Она дѣвушка чудесная и мать у нея...

— А гдѣ же средства...—робко возразилъ сынокъ.

— Ну, дуракъ! Объ средствахъ ли тутъ думать, когда не нынче, завтра у нея ребенокъ запищитъ... Иди смѣло, по-геройски: прошу благословенія вашего превосходительства. Черезъ годъ Станиславъ въ петлицѣ твой, за крѣпостнымъ столомъ стулъ твой.... Ну, а тамъ... Да нѣтъ! Ты, я вижу, дуракъ!—горячился архиваріусъ.

Сынокъ, ошеломленный, прислонился къ шкапу и молчалъ.

— У тебя нѣтъ ни отца, ни матери, объ чемъ тебѣ безпокоиться? Умрешь вѣдь въ архивѣ, дальше тебѣ ходу нѣтъ. Много вашего брата по Москвѣ-то...

— А съ ихъ стороны,—безсознательно проговорилъ сынокъ.

— Все сдѣлано! Все конечно! Положилъ еси на глазахъ—и счастье на всю жизнь!

Сынокъ упалъ на колѣни. Архиваріусъ заплакалъ.

— Кончено?—спросилъ онъ торжественно.

— Конечно,—отвѣтилъ сынокъ.

— Мнѣ передалъ Иванъ Петровичъ твое желаніе вступить въ законный бракъ съ моею крестницей,—началъ товарищъ предсѣдателя вошедшему къ нему счастливцу коллежскому регистратору:—я очень радъ! Что будетъ отъ меня зависѣть... Я конечно... Ну, если тамъ что... въ вину ей не надо ставить... Бракъ—дѣло святое!... Отсюда я тебя переведу служить въ другое мѣсто... Съ Богомъ!—окончилъ

опъ, подставляя ему свою гладко выбритую щеку. Благословлю я васъ самъ.

Вотъ и все.

И пошелъ по службѣ Петръ Васильевичъ, и домикъ въ Хамовникахъ съ садикомъ купилъ и парочку лошадокъ имѣетъ и дочку Елизавету Петровну, очень милую, о которой я начинаю свой разсказъ.

До тринадцатилѣтняго возраста воспитывалась дома. У нея была гувернантка, которая учила ее всему и наукамъ, и пѣнію, и танцамъ, рисованію, и ходила съ ней гулять, получая за это двадцать рублей въ мѣсяцъ и каждодневное внушеніе о томъ, что она должна чувствовать, въ какомъ домѣ она живетъ и какого она происхожденія. Гувернантка это волей-неволей чувствовала и смиренно переносила капризы московскаго генерала и его супруги, хотя у самого генерала родословная начиналась такъ: «тоя-жъ церкви у почталіона Дмитрія Николаева родился сынъ и нарѣченъ во св. крещеніи Петромъ. Воспріемникомъ были заурядъ коллежскій регистраторъ и т. д.». Но генералъ тщательно скрывалъ это... Однажды онъ вечеромъ, въ полумракѣ, въ порывѣ чувствъ, обнялъ ее и хотѣлъ

«Слить лобзанія струю въ пламя поцѣлуя».

Гувернантка выскочила на улицу и произвела скандалъ. Въ приходѣ, въ Хамовникахъ, всѣ узнали. Гувернантка, разумѣется, ушла, генеральша обрекла себя на долгую печаль и воздыханіе, а генералъ ѣздилъ по Москвѣ да открещивался, что ничего подобнаго не было.

— Я не зналъ, что вы еще до сихъ поръ баловникъ, Петръ Васильевичъ,—замѣтила ему лукаво одна очень значительная особа, отъ которой онъ былъ въ зависимости.

— Не вѣрьте, ваше превосходительство,—возразилъ, со слезами на глазахъ, московскій генералъ.—Богомъ вамъ клянусь, это—шантильяжъ.

— Да мнѣ-то ничего,—продолжалъ начальникъ:—да графъ Арсеній Андреевичъ узналъ. Скажи ты, говоритъ, ему, что я этого не люблю.

— Не съѣздить ли мнѣ самому, ваше превосходительство,—подобострастно спросилъ гонимый судьбою.

— Ну, нѣтъ, я думаю—не надо. Экій вы какой,—перешелъ на шутливый тонъ начальникъ:—статскій совѣтникъ... чкъ! и генералъ! и вдругъ... Когда я былъ чиновникомъ особыхъ порученій у князя Дмитрія Михайловича, ужъ

какой въ то время женскій соблазнъ-то былъ, а мы знали, что онъ этого не терпитъ, ну, и крѣпились. Такъ вѣдь мы юноши были, а вы статскій совѣтникъ!

— Ваше превосходительство, съ колокольнымъ звономъ въ казанскій соборъ подъ присягу пойду,—что это клевета,— продолжалъ оправдываться Петръ Васильевичъ.

Тѣмъ дѣло все и кончилось. Всякіе скандалы въ то время очень скоро забывались. Мировыхъ учрежденій тогда не было, газета была только одна, да и та скандалами не занималась, да и дотронуться до статскаго совѣтника было невозможно. Тутъ помогъ еще Петру Васильевичу новый скандалъ, случившійся въ приходѣ: какой-то богатый купецъ сына на веревкѣ въ часть отправилъ... Такъ дѣло Петра Васильевича и заглохло. Генеральша успокоилась, съѣздивши въ сумасшедшій домъ къ Ивану Яковлевичу, а дочка была отдана въ одинъ изъ частныхъ пансіоновъ. Этотъ пансіонъ считался однимъ изъ лучшихъ. Дочери простого смертнаго вступить туда было почти невозможно: нужно было имѣть, хоть совсѣмъ ощипанное, но все-таки родословное дерево. Даже на вступившую какъ-то туда дочь протоіерея подруги смотрѣли косо и называли ее попадьей. «Ну, зачѣмъ вы такъ, mesdames,—нехотя замѣчала классная дама:—чѣмъ же она виновата, что у нея отецъ попъ». Коверкали воспитаніемъ тамъ дѣвицъ на столько, на сколько позволяло отсутствіе педагогическихъ познаній въ самихъ воспитательницахъ. Но снаружи все было чисто и изящно. Швейцаръ въ треугольной шляпѣ съ булавой. Широкая лѣстница, обкуренная какой-то душистой смолкой. Инспекторъ, въ черепаховыхъ очкахъ, постоянно пилъ кофе у одной изъ семи классныхъ дамъ. Дѣвицы въ коричневыхъ платьяхъ, съ бѣлыми перелинками. Французскій языкъ слышался и въ классахъ, и въ коридорѣ, и въ столовой, и въ спальнѣ. Учителя самые лучшіе и все авторитеты: учитель математики, напр., разрѣшилъ квадратуру круга; учитель русской словесности, хотя не оказалъ никакихъ услугъ россійскому парнасу, но зато лично знакомъ съ Гоголемъ; учитель исторіи на диспутѣ поставилъ втупикъ Погодина; учитель французскаго языка написалъ «L'art de la grammaire française». Однимъ словомъ, все авторитеты, такъ по крайней мѣрѣ рекомендовали ихъ классныя дамы. Мораль преподавала сама содержательница пансіона со своими классными дамами. Катехизисъ этой морали былъ весьма несложный. Напр., Зачѣмъ ты родилась?

Отвѣтъ. Я родилась для того, чтобы, получивши образованіе, быть украшеніемъ общества.

Вопросъ. Что значитъ общество?

Отвѣтъ. Собраніе людей одинаковаго происхожденія съ моими родителями.

Вопросъ. А если общество стоитъ ниже на нѣсколько степеней вашихъ родителей?

Отвѣтъ. Я должна чуждаться его, хотя относиться къ нему снисходительно, зная, что не всѣ люди одинаковаго со мною происхожденія, и т. д.

Кромѣ весьма солидной платы за ученье, въ пансіонѣ полагались еще, для желающихъ, особенныя приплаты за англійскій языкъ, за особенные уроки на фортепіано, за приватныя занятія съ учителями, за практическіе уроки французскаго языка. Были и косвенные налоги. Это: подношеніе подарковъ содержательницѣ въ день ея рожденья и именинъ, таковыя-жъ поминки класснымъ дамамъ. Классныя дамы, впрочемъ, не дорого стоили: онѣ брали конфетами, изъ Ножевой линіи подвязками, черепаховыми гребенками, а какая-то Аврора Карловна брала даже сухарями отъ Василія Блаженнаго, сливками, чухонскимъ масломъ и вообще жизненными припасами. А такъ какъ эти предметы, при крѣпостномъ правѣ, ничего не стоили, то она ими пользовалась и въ день именинъ, и въ день рожденія, и по всѣмъ годовымъ праздникамъ, и даже по табельнымъ днямъ.

Каждый годъ въ пансіонѣ бывалъ публичный экзаменъ и актъ. На этихъ торжествахъ присутствовала значительная публика. Барышни, разумѣется, отвѣчали хорошо. Родители радовались. Содержательница маленькихъ цѣловала въ голову, а отличившимся большимъ подставляла щеку. На актѣ, обыкновенно, барышни играли на фортепіано, пѣли иногда кантату, учителемъ россійской словесности сочиненную, читали стихи,—имъ раздавали книги съ золотой надписью на переплетѣ, «за отличные успѣхи», потомъ онѣ обѣдали, потомъ танцовали, потомъ, окончившія курсъ оставляли навсегда пансіонъ и уходили украшать то общество, къ которому принадлежали.

Вотъ въ этотъ-то пансіонъ въ одно прекрасное утро и поступила Елизавета Петровна. Ее привезъ самъ родитель. Содержательница провела его по всему заведенію, показала его до мельчайшихъ подробностей.

— Я именно это и желалъ,—говорилъ Петръ Васильевичъ,

сходя съ лѣстницы, провожавшей его классной дамѣ.— Прекрасно! Это именно то, объ чемъ я думалъ. Ну, что вы хотите—терпѣть не могу замарашекъ!

Швейцаръ вытянулся и стукнулъ булавой.

Петръ Васильевичъ съ значительной миной вручилъ ему два стертыхъ полтинника, на, дескать, чувствуй. Швейцаръ повертѣлъ въ рукахъ эти полтинники и, не будучи знакомъ съ нумизматикой, все-таки рѣшилъ, что они настоящіе.

— Уйдутъ! Эти уйдутъ! Эти въ любомъ трактирѣ возьмутъ,—заключилъ онъ, отправляя ихъ въ карманъ.

Рѣзкія, нѣсколько угловатыя манеры Елизаветы Петровны тотчасъ обратили на себя вниманіе всего пансіона, гдѣ было «все такъ приглажено и тальи всѣ такъ узки...»

Содержательница пансіона и воспитательницы въ ужасъ приходили. Цѣлыхъ два мѣсяца онѣ прямили ея станъ и внушеніями, и замѣчаніями, и строгими выговорами, наконецъ, выбились изъ силъ. Елизавета Петровна не уступала. Въ то время, когда подруги ея торчали, какъ стрѣлки, она сидѣла какъ-то бокомъ, откинувъ голову въ сторону. Вѣчно съ испачканными чернилами руками, она производила на воспитательницъ удручающее впечатлѣніе; подруги же чувствовали къ ней нѣжную любовь.

Добродушная улыбка, открытые большіе глаза, мягкій тонъ рѣчи невольно заставляли любить ее.

Черезъ годъ уже нельзя было узнать Елизаветы Петровны. Она выросла и казалась больше своихъ лѣтъ. Угловатыя черты сгладились, ихъ замѣнили изящная, оригинальная поступь и благородные привлекательные манеры. Механическій книксенъ былъ доведенъ у ней до художества. Въ классѣ ее «обожали». Воспитательницы были отъ нея въ восторгѣ. Учитель русской словесности, для котораго она старательно зубрила «Слово о полку Игоревѣ», называлъ ее не иначе, какъ «Елизавета Петровна».

— Вполнѣ увѣренъ, даже убѣжденъ, что никто, кромѣ Елизаветы Петровны, сегодня урока не приготовилъ.

Такъ начиналъ онъ свой урокъ. Классъ молчалъ, потому что дѣйствительно ничего не зналъ.

— Я такъ и думалъ,—продолжалъ учитель.—Потрудитесь, Елизавета Петровна, прочесть заданную пѣснь изъ великаго историческаго памятника русской письменности.

Елизавета Петровна безъ запинки читаетъ:

«...Гримлютъ сабли о шеломы, въ полѣ незнаемѣ среди земли Половецкыи. Чрьна земля подъ копыты костьми была посѣяна, а кровію польяна: тугою взыдоша...»

— Довольно! Я васъ спросилъ только для очищенія совѣсти, а главное, чтобы пристыдить вашихъ подругъ.

— Очень трудныя слова, Андрей Андреевичъ,—замѣчала какая-либо вострушка съ задней скамейки.

— Что тутъ труднаго,—воскликалъ, поднявшись съ каѳедры, учитель:—что тутъ труднаго? «Не лѣпо ли ны бяшетъ, братіе, начати старыми словесы трудныхъ повѣстій о пълку Игоревѣ, Игоря Святъславича...» Удивляюсь! Садитесь, Елизавета Петровна. Ставлю вамъ баллъ, какой я только въ состояніи поставить, именно: пять съ крестомъ. (Въ пансіонѣ была пятибалльная система). Не стыдно ли, мм. гг., такъ неряшливо относиться къ историческимъ памятникамъ.

— Да зачѣмъ они намъ?—сорвалось шопотомъ у первой ученицы.

Андрей Андреевичъ пожалъ плечами.

— И вы, Брутъ!—произнесъ онъ укоризненно, взглянувъ на нее.—Грустно!

Учитель французскаго языка восхищался выговоромъ Елизаветы Петровны. Выговоръ онъ ставилъ выше всего.

— Мнѣ ненадъ grammaire! La grammaire après... Послѣ. Менѣ надъ prononciation! Voyez vous! Надъ такъ скоръ, comme fleuve coule... Voilà.

Остальные учителя всѣ были довольны Елизаветой Петровной, исключая учителя математики, который былъ всѣми вообще недоволенъ и говорилъ, что женщинамъ математику нужно преподавать только до дробей.

— И на кой она имъ чортъ!—говаривалъ онъ въ учительской комнатѣ:—математика требуетъ вмѣстительной головы; сорочьими мозгами ее не возьмешь. У меня съ ними непрерывная брань,—говорилъ онъ:—до непрерывныхъ дробей, а ужъ послѣ я молчу. Ври, что хочешь!..

— А какъ же,—замѣчали ему его товарищи:—у насъ одна ученица во второмъ классѣ любого студента осилитъ изъ математики.

— Это не доказательство! Замужъ выйдетъ—приведеніе дробей не будетъ въ состояніи сдѣлать.

Онъ не любилъ женщинъ, и только нужда заставляла его преподавать въ женскомъ училищѣ.

Незамѣтно пролетѣло три года. Елизавета Петровна

отлично выдержала выпускной экзаменъ. Она написала сочиненіе на тему: «Истинная привязанность никогда не остается безъ награды»; она начертила и раскрасила карту Испаніи; она нарисовала акварелью букетъ цвѣтовъ, наконецъ на большомъ ватмановскомъ листѣ написала тушью, готическими буквами, пропись. Всѣ эти труды были признаны достойными. На торжественномъ актѣ они были разложены на столѣ и ими любовались. Одѣтая въ роскошное бѣлое платье, она публично, съ большимъ чувствомъ прочитала монологъ изъ «Орлеанской дѣвы» Жуковскаго:

«Ахъ почто за мечь воинственный» и т. д.

Этотъ монологъ шелъ къ ея фигурѣ и голосу. Нѣкоторые изъ посѣтителей акта нашли въ ней драматическій талантъ. Она бойко сыграла какое-то «Nocturno» на роялѣ. Профессоръ университета, присутствовавшій на актѣ ex officio, въ умныхъ и красивыхъ выраженіяхъ поблагодарилъ ее, какъ за примѣрное прилежаніе во время пребыванія въ пансіонѣ, такъ и за эстетическое наслажденіе, доставленное ему на актѣ. Робко подошелъ учитель русской словесности:

— Позвольте мнѣ,—началъ онъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ: — позвольте мнѣ, Елизавета Петровна, пожать вашу руку... Теперь ужъ я могу это сдѣлать! Я всегда съ величайшею радостью слѣдилъ за вашими успѣхами. Дай вамъ Богъ счастья на пути жизни, чтобы ногами вашими вы не наступали на терніе и волчцы. Я всю жизнь буду гордиться вами, какъ одной изъ лучшихъ моихъ ученицъ. Да-съ!—съ паѳосомъ воскликнулъ учитель:—какъ одной изъ лучшихъ во время всей моей тридцатилѣтней практики...

— Чудакъ,—замѣтилъ своему сосѣду, учителю чистописанія, зоилъ, учитель математики:—зачѣмъ же кричать-то? Зачѣмъ же стулья-то ломать? А еще—говорятъ—съ Гоголемъ знакомъ. Неосновательно!

Содержательница пансіона взяла Елизавету Петровну за руку и подвела къ отцу. Такъ садоводъ, долго трудившійся надъ произрастаніемъ рѣдкаго цвѣтка, съ гордостью выставляетъ его на показъ.

Maman'ы столбовыхъ дворянокъ не безъ зависти посматривали на Елизавету Петровну, удостоившуюся овацій на актѣ.

Одна maman даже очень разсердилась, потому что ея дочь, по ея мнѣнію, была красивѣе Елизаветы Петровны

и прочла французскіе стихи гораздо лучше ея, и когда Елизавета Петровна, проходя мимо нея, сдѣлала ей книксенъ, maman отвернулась, не удостоивши ее поклономъ. Дочь замѣтила и думала, что это ошибка со стороны матери.

— Maman, это моя первая подруга,—шепнула она съ живостью.

— Я твоихъ подругъ не знаю, я кланяюсь только моимъ знакомымъ,—отвѣтила maman такимъ сухимъ тономъ, что дочь должна была мгновенно опустить глаза въ землю.

Нѣжное было разставанье у Елизаветы Петровны съ воспитательницами и подругами. Тутъ были и слезы радости, и слезы печали. Адель Александровна перекрестила ее и съ увѣренностью сказала: вамъ, ma chère, предстоитъ блестящая будущность. Она, конечно, не могла прозрѣть, что передъ Елизаветой Петровной уже отверзаются двери нищеты и неутѣшнаго горя, она не знала, что очень скоро

...въ лицѣ ея, полномъ движенья,
Полномъ жизни—появятся вдругъ
Выраженье тупого терпѣнья
И безсмысленный вѣчный испугъ.

Теперь мы пойдемъ за Елизаветой Петровной въ Хамовники.

Успокоившись отъ овацій и осмотрѣвшись кругомъ, Елизавета Петровна, къ ужасу своему, увидала, что въ Хамовникахъ украшать ей некого. Общество, которое группировалось около ея отца, оказалось гораздо ниже ея образованія. Оно не только не имѣло никакого понятія о «Словѣ о полку Игоревомъ», даже не читало ничего, кромѣ тогдашнихъ «Московскихъ Вѣдомостей». Это все были люди занятые, почтенные чиновники разныхъ вѣдомствъ, казначеи, бухгалтеры, секретари, попадались и столоначальники, былъ и толстый маіоръ, котораго всѣ величали полковникомъ и который гордился тѣмъ, что онъ въ аракчеевскомъ корпусѣ былъ первымъ по росту и долженъ бы быть въ преображенскомъ полку, но такъ сложились обстоятельства... и т. п. По воскресеньямъ они собирались съ женами и родственницами у Петра Васильевича. Онъ былъ большой хлѣбосолъ. Мужчины играли въ табельку, а дамы разговаривали о своихъ интересахъ.

Иногда составлялась кадриль. Аккомпанировалъ на фортепіано молодой чиновникъ Ураносовъ, онъ же услаждалъ слухъ и игрой на гитарѣ,—инструментѣ, на которомъ онъ игралъ превосходно.

Въ одиннадцать часовъ ставили закуску, къ которой сначала подходили дамы, выпивали по рюмкѣ кагору или лиссабонскаго, закусывали семгой или паюсной икрой, разсуждали о дороговизнѣ этихъ предметовъ и уступали мѣсто мужчинамъ.

— Закусить прошу покорнѣйше,—провозглашалъ Петръ Васильевичъ, кладя на столъ карты.

— Да время!—взглянувъ на часы, соглашался маіоръ.

— По единой можно,—подхватилъ бухгалтеръ.

— Ваше превосходительство, почемъ вы семгу изволили брать? — спрашивалъ секретарь, забивши въ ротъ кусокъ семги.

— А, право, не знаю,—отвѣчалъ Петръ Васильевичъ.

— Говорятъ, будто бы по первой-то не закусываютъ,— замѣчаетъ кто-то изъ гостей.

— Да вы заряжайте всю батарею, а мы на нее и пойдемъ,—остритъ маіоръ:—а ужъ я и пыжъ себѣ приготовилъ. Вонъ онъ!

— Ха, ха, ха... прекрасное сравненіе бутерброда съ пыжомъ?—хохочетъ во все горло бухгалтеръ.

— Ну, что, какъ у васъ тамъ,—спрашиваетъ, отведя въ сторону и заложивши руки подъ фалды вицъ-мундира, старенькій, прилизанный, съ ехидными, сѣренькими глазками отставной статскій совѣтникъ секретаря какого-то вѣдомства.

— Замучилъ, ваше превосходительство, не знаемъ, что дѣлать,—отвѣчаетъ секретарь.

— Слышалъ, слышалъ... Да вѣдь уходится!

— Иванъ Петровичъ, вѣдъ ужъ ядъ былъ человѣкъ, сами знаете, ваше превосходительство, да и тотъ!.. Помилуйте!.. вы сами, ваше превосходительство, изволили служить у насъ...

— Правовѣдъ!—иронически произноситъ старичокъ:—хе, хе, хе... правовѣдъ!

— Да помилуйте, ваше превосходительство, развѣ мы-то не правовѣды? Гдѣ-жъ имъ столько знать, сколько мы знаемъ! Вѣдь онъ только изъ яйца вылупился, — уже и оберъ-секретарь, а мы... Ей-Богу, обидно, ваше превосходительство!.. Ну, за что онъ хромого, несчастнаго, семейнаго человѣка Ильина съѣлъ? За что? Вѣдь нужно правду сказать—сами изволите знать—дѣлецъ былъ!

— Дѣлецъ,— поддакнулъ статскій совѣтникъ.

— Вчера ко мнѣ приходилъ— рыдаетъ, какъ ребенокъ!

Что же мнѣ, говоритъ, теперь къ Иверскимъ, что ли, идти. Виноватъ, ваше превосходительство, я человѣкъ чувствительный — самъ заплакалъ. Подбивалъ, говоритъ, на фальшивую присягу! Да кто же это слышалъ? И хромого человѣка!

— Изъ Петербурга задуло! Ну, да и племянникъ.

— Помилуйте, ваше превосходительство: онъ на него кричитъ!

— Политикъ! Опытный вы человѣкъ, а не понимаете.

— А можетъ быть,—согласился секретарь и перемѣнилъ тему разговора.

— Какое дѣло-то паклюнуло, ваше превосходительство! Если припомните, въ ваше время это было, объ утвержденіи въ правахъ наслѣдства князя Муратова.

— Помнится, что-то... Ахъ, да, помню, помню!

— Онъ оказывается незаконнорожденный!!

— Аяяй!

— Да-съ!.. Такъ въ лоскъ всѣхъ насъ и положилъ!..

Пока дѣльцы разсуждали, батарея, подъ командою маіора, была взята и войска церемоніальнымъ маршемъ пошли къ столу.

За ужиномъ общій разговоръ, ветчина съ горшкомъ, телятина съ почками, малиновое желе и отпустъ.

Домой уходили всѣ вдругъ.

Въ передней дѣлалась тѣснота и начинался оживленный разговоръ.

— Эки ночи-то темныя наступили.

— Да, теперь...

— Далеко вамъ ѣхать-то...

— Доѣдемъ...

— А воровать ужъ начали. Вчера въ «Полицейскихъ Вѣдомостяхъ»...

— Мнѣ протодьяконъ Александръ Антонычъ сказывалъ... идетъ онъ...

— Ваше превосходительство, а вы безъ калошъ?

— Всегда!

— Нѣтъ, я...

— Привычка!..

— Положимъ, что привычка, а все-таки...

— Въ четвергъ къ намъ милости просимъ.

— Не чужую ли я шляпу-то взялъ... нѣтъ, моя...

— Не безпокойтесь пожалуйста...

На улицѣ тьма. Провожавшему лакею, лишь только онъ

отворилъ дверь, задуло свѣчу. Свистъ вѣтра сливался съ собачьимъ лаемъ.

— Ишь ты заливаются,—произнесъ статскій совѣтникъ, закинувъ ногу въ пролетку.

— Въ нашей сторонѣ тоже, ваше превосходительство, какая сила этихъ собакъ... проходу нѣтъ!

Елизавета Петровна начинала чувствовать вокругъ себя пустоту. Самый лучшій пансіонскій другъ ея, съ которой она четыре года рядомъ спала, сидѣла за обѣдомъ и въ классѣ, вышла замужъ, даже не извѣстивши ее о своемъ счастіи. Это ее ужасно огорчило. Она цѣлую недѣлю плакала. Другая ея подруга, встрѣтившись съ ней въ магазинѣ русскихъ издѣлій, очень жеманно ей поклонилась и пробормотала какую-то общую фразу. Елизавета Петровна задумалась. Что же это значитъ? Что же дальше-то будетъ?

«Бѣдная! лучше впередъ не гляди!»

Чѣмъ больше падала духомъ Елизавета Петровна, тѣмъ больше поднимался духъ у титулярнаго совѣтника Уранова. Онъ съ перваго же воскресенья, въ которое встрѣтился съ ней по выходѣ ея изъ пансіона, возмнилъ и возмечталъ. «Красавица,—думалъ онъ,—воспитанная, единственная дочь, домъ...» Онъ въ полной порѣ, титулярный совѣтникъ, дядя у него архіерей, кресло секретаря консисторіи когда-нибудь будетъ вдовствовать, очень можетъ быть и т. д. Онъ постоянно являлся въ вицъ-мундирѣ и какомъ-нибудь необыкновеннымъ галстукѣ. Одинъ разъ онъ запуталъ себѣ шею чуть не станиславской лентой первой степени. Елизавета Петровна не обращала на него никакого вниманія. Пробовалъ онъ вступить съ ней въ разговоръ, но, встрѣтивъ ея умный взглядъ, сейчасъ же терялся, да и темы для разговора, кромѣ Марьиной рощи и бильярдной московскаго трактира, не находилъ. Въ одинъ изъ журфиксовъ онъ игралъ на гитарѣ венгерку и превзошелъ самого себя. Случись это въ концертномъ залѣ, онъ вызвалъ бы бурю аплодисментовъ. Чиновники подергивали плечами, пристукивали каблуками... Елизавета Петровна подбѣжала къ нему, пожала руку и съ восторгомъ сказала: прекрасно!

— Что-жъ, Киръ Алексѣевичъ, показывать искусство, такъ показывай все,—обратился къ нему отставной статскій совѣтникъ:—проплящи!

— Пожалуйста,—подхватила одна дама.

— Киръ Алексѣевичъ, утѣшь!—присоединился хозяинъ.

Ураносовъ долго ломался, но, наконецъ, вышелъ на середину залы. Одна изъ дамъ сѣла за фортепіано и заиграла «по улицѣ мостовой». Ураносовъ сталъ въ позу и началъ жестами и ногами продѣлывать, какъ «шла дѣвица за водой»; потомъ аккомпаніаторъ ударилъ трепака. Въ Ураносовѣ заходили всѣ суставы. Онъ пошелъ въ присядку, потомъ вскочилъ на носки и весьма быстро прошелся на нихъ по залѣ. Зрители были въ восторгѣ.

— Ай да Киръ Алексѣевичъ!

— Санковская!

— Нѣтъ, на носкахъ-то онъ, на носкахъ-то что сдѣлалъ!

— Ну, спасибо, Киръ Алексѣевичъ! Удружилъ,—проговорилъ, заключая его въ объятія, оставной статскій совѣтникъ.

— Отдадимъ ему, господа, батарею безъ выстрѣла! Киръ Алексѣевичъ, берите ее! Мы сдаемся вамъ военноплѣнными,—хохоталъ во все горло маіоръ, подводя Ураносова къ столу съ закуской.

Елизавета Петровна выбѣжала въ свою комнату, бросилась на кушетку и до истерики хохотала. Ее очень разсмѣшило, какъ Ураносовъ прыгалъ на носкахъ. Она два раза выходила изъ-за стола, будучи не въ состояніи безъ смѣху смотрѣть на него. Ураносовъ замѣтилъ это и понялъ это по-своему. «Теперь,—думалъ онъ,—обращено вниманіе: послѣ небольшой демонстраціи, можно прямо идти на приступъ». Черезъ два дня онъ началъ демонстрировать мимо ея оконъ на лихачѣ. Разъ проѣхалъ, два проѣхалъ, три... А что вдругъ,—подумалъ онъ, Петръ Васильевичъ покажется на брустверѣ, да откроетъ огонь? Нѣтъ, надо идти тихой сапой. И тихая сапа ни къ чему не привела, къ твердынѣ подойти было невозможно.

— Что это ты, Киръ Алексѣевичъ, въ нашъ приходъ къ обѣднѣ зачастилъ,—спросилъ вдругъ, неожиданно, Ураносова Петръ Васильевичъ.

— Поютъ у васъ хорошо, ваше превосходительство,—сдавливая въ себѣ конфузъ, отвѣчалъ Ураносовъ.

— То-то! Я ужъ думалъ не по родственному ли къ отцу протоіерею...

— Нѣтъ!

Попробовалъ-было Ураносовъ не подходить къ батареѣ, прежде чѣмъ Елизавета Петровна не пригласитъ его, мо-

жетъ ей не нравятся его частыя вылазки. Только себя измаялъ: весь вечеръ остался безъ водки; за ужиномъ ужъ кое-какъ наверстalъ, подъ предлогомъ зубной боли. Отступилъ. И прекрасно сдѣлалъ, потому что маіоръ давно ужъ окопался и только ждалъ ключей крѣпости и съ Петромъ Васильевичемъ ужъ у нихъ давно написанъ проектъ капитуляціи, не соглашались они только относительно контрибуціи. Разумѣется, Елизавета Петровна ничего объ этомъ не знала. Она только спрашивала себя: да гдѣ же люди? Неужели это все такъ будетъ . . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

МИЛАЯ ДѢВУШКА.

Теперь ужъ нѣтъ такихъ чиновниковъ, то-есть того типа канцелярскихъ чиновниковъ, изъ которыхъ одинъ будетъ предметомъ моего повѣствованія. Прежній чиновникъ какъ будто и рождался въ томъ самомъ присутственномъ мѣстѣ, въ которомъ служилъ. Разумѣется, я говорю о тѣхъ канцелярскихъ чиновникахъ, которые въ чинахъ далѣе титулярнаго совѣтника не восходили и надъ которыми трунилъ водевиль сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, выставляя ихъ въ смѣшномъ и жалкомъ видѣ «на народныя очи». Рѣдко кто изъ нихъ безболѣзненно оканчивалъ свою долголѣтнюю службу. Обыкновенно съ каждымъ новымъ чиномъ какъ будто по штату полагалась какая-нибудь хроническая болѣзнь: у губернскихъ секретарей, напримѣръ, развивался желудочный катаръ, у коллежскихъ секретарей удушье, а у титулярныхъ совѣтниковъ грыжа.

Герой моего разсказа Василій Ивановичъ Васютинъ принадлежалъ къ вышеписанному типу чиновниковъ. Онъ служилъ въ одной изъ многочисленныхъ того времени канцелярій и сидѣлъ въ такомъ столѣ, за которымъ, какъ говорили чиновники, не пообѣдаешь, то-есть просительская «благодарность» обходила его. Въ немъ вершались дѣла, интересныя только для начальства. Напримѣръ: «Дѣло о найденныхъ костяхъ, повидимому солдатскихъ» или: «Дѣло о сличеніи чертъ младенца съ предполагаемымъ родителемъ» и т. д. Онъ и стоялъ-то гдѣ-то въ углу. Чиновники этого стола только издали созерцали, какъ въ другіе столы ниспадала просительская благостыня.

Тихій, робкій, работящій, Васютинъ у непосредственнаго своего начальства былъ на отличномъ счету. Старикъ сто-

лоначальникъ Захаръ Ивановичъ Кедровъ удивлялся его аккуратности и нерадивымъ чиновникамъ ставилъ его въ примѣръ.

— Ну, Вася,—говорилъ онъ ему:—самъ я службу люблю, много черезъ мои руки чиновниковъ прошло, а такихъ, какъ ты, на моей памяти нѣтъ. Быть тебѣ съ этимъ!..

При этомъ онъ указывалъ на свой станиславскій крестъ.

— Покорно васъ благодарю,—почтительно произносилъ Василій Ивановичъ.

— Вѣрно тебѣ говорю!—продолжалъ Кедровъ:—чиновникъ ты удивительный! Можно сказать—артистъ. Такихъ, какъ мы съ тобою, теперь только двое: ты да я. Намъ бы съ тобой при Сперанскомъ служить. Я его помню: перья ему чинилъ. Ума былъ необыкновеннаго! Тоже нашъ братъ—изъ духовнаго званія. Что значитъ семинарія-то, вездѣ себя покажетъ! А ты вотъ смотри теперь: мой помощникъ—лицеистъ кажется... ученый, а чиновникомъ никогда не будетъ: закваска не та. Нѣтъ этого... понимаешь? Жидель все!.. Мы съ тобой какъ пойдемъ работать—искры летятъ, а этотъ поллистика написалъ—головка заболѣла. Не люблю! Дай-ко табачку понюхать.

Василій Ивановичъ вынималъ табакерку.

— Подержи, голубчикъ, надо оба ствола зарядить,—шутилъ Кедровъ, втягивая въ ноздрю щепоть табаку.

Молодой помощникъ столоначальника, лицеистъ, тоже по временамъ прикасался къ табакеркѣ Василія Ивановича, показывая ему тѣмъ свое расположеніе.

— А что, Василій Ивановичъ, не найдете ли возможнымъ дать мнѣ понюхать табачку.

— Осчастливьте.

— Съ бобочкомъ?

— Съ фіалкой!

Подержавши не безъ отвращенія около носа щепоть табаку, лицеистъ вступалъ съ нимъ въ разговоръ.

— Ну что, Василій Ивановичъ, супруга ваша здорова ли?

— Слава Богу-съ!

— Дѣтки? Ахъ, виноватъ! Я забылъ, что у васъ нѣтъ ихъ. Отчего это, Василій Ивановичъ, у васъ такая красивая жена, а дѣтей нѣтъ?—подшучивалъ лицеистъ.

— Богъ не даетъ,—отвѣчалъ застѣнчиво Васютинъ.

— Возьми у меня штуки четыре,—предлагалъ ему архиваріусъ Ѳаворовъ, у котораго, несмотря на преклонныя лѣта, дѣти рождались каждогодно, такъ что начальникъ его

сталъ отказываться у него крестить, а другъ его Кедровъ замѣчалъ ему:

— Что это, Назарушка, стыдно читать твой формуляръ — весь онъ дѣтьми замаранъ. Въ графѣ о службѣ только четыре строки, а эта вся исписана, точно поминанье какое: и Клавдія, и Надежда, и Ардаліонъ, и какихъ тамъ нѣтъ еще. Ты хоть бы Бога-то побоялся. Новому предсѣдателю твой списокъ попался, такъ онъ глаза вытаращилъ!.. Хорошъ, говоритъ, гусь! Не жалѣетъ казны-то! Помретъ, говоритъ, всѣ эти Ардаліоны-то на шеѣ у нея останутся. Ты бы остепенился. Бери съ меня примѣръ: вѣкъ холостымъ прожилъ.

Захаръ Ивановичъ говорилъ не совсѣмъ правду: онъ тридцать лѣтъ жилъ съ своей прислугой-чухонкой «якобы въ бракѣ» и находился въ полной отъ нея зависимости. Можетъ-быть, даже начальство было обязано ей, что у него на службѣ такой исправный чиновникъ. Утромъ она разбудитъ, напоитъ чаемъ, отправитъ въ присутствіе, по возвращеніи сниметъ съ него сапоги, надѣнетъ туфли, накормитъ, уложитъ спать, послѣ провѣтритъ его въ садикѣ и посадитъ за работу. Ни къ нему никто никогда не ходилъ, ни онъ ни къ кому никогда не заглядывалъ. Причитавшееся ему жалованье и деньги, благопріобрѣтенныя отъ просителей, всѣ полностью шли въ кассу его сожительницы.

— Вотъ это жалованье, а это... да не много... семь рублей только... Справку одинъ дѣлалъ...—говорилъ онъ, выкладывая деньги на столъ.

— Вы что-то мало стали носить, Захаръ Ивановичъ,— замѣчала ему подруга его сердца.

— Лѣто, матушка!—отвѣчалъ Кедровъ.— Секретарь тоже морщится... Ау, братъ! Наклюнулось тутъ одно дѣло—консисторія намъ напакостила, тамъ тоже ѣсть хотятъ. Да съ голоду не умремъ, Богъ милостивъ.

Все носильное платье Захара Ивановича состояло изъ никогда не снимаемаго вицъ-мундира, камлотовой шинели и бывшей когда-то енотовой шубы, которая уже болѣе не грѣла, а только кололась.

— Всѣ событія, которыя тогда совершались въ Петербургѣ, прошли имъ незамѣченными. Только два эпизода остались у него въ памяти. Онъ помнилъ наводненіе и какъ Телушкинъ лазилъ на шпицъ Петропавловскаго собора. О послѣднемъ онъ любилъ очень разсказывать и, когда шелъ изъ присутствія съ кѣмъ-либо изъ сослу-

живцевъ, всегда на набережной останавливался и начиналъ такъ:

— Видишь, какая вышина! Иду я въ присутствіе, погода была сѣрая, а у меня немножко голова болѣла. Смотрю: лѣзетъ! Ахъ, чортъ его возьми! думаю. Индо мурашки у меня въ подошвахъ пошли. Послѣ ужъ узнали, что онъ лазилъ туда крыло чинить. Ты смотри, вышина-то какая! Медаль дали... и слѣдуетъ!..

Въ другой разъ, когда ему приходилось разсказывать о Телушкинѣ, онъ опять начиналъ такъ же точно: иду я въ присутствіе, погода была сѣрая, а у меня голова болѣла и т. д.

Василій Ивановичъ жилъ на Петербургской сторонѣ, въ Малозелениной улицѣ, въ мезонинѣ одного деревяннаго домика. Кабинетъ его состоялъ изъ очень маленькой комнатки. На одной стѣнѣ висѣлъ въ золотой рамѣ портретъ какого-то стариннаго сановника въ красномъ мундирѣ (портретъ этотъ достался ему за четвертакъ въ лотереѣ, которую разыгрывалъ курьеръ), на другой—двѣ литографическія картинки. Подъ портретомъ стояло фортепіано, не издававшее никакихъ звуковъ. На столѣ въ порядкѣ были разложены всѣ инструменты канцелярскаго мастерства: въ мѣдной оправѣ чернильница и песочница, маленькая пальмовая линеечка для подчеркиванія выдающихся мѣстъ: «слушали, справка, приказали»; транспарантъ, выпущенный въ свѣтъ съ разрѣшенія цензора Елагина, перочинный ножикъ, нѣсколько гусиныхъ перьевъ, моточекъ форменнаго шелку и неразлучный спутникъ всякаго того времени чиновника—завернутый въ бѣленькую тряпочку сандаракъ. Кедровъ по сандараку составлялъ мнѣніе о канцелярскихъ труженикахъ.

— Этотъ у меня безъ сандараку валяетъ... Художникъ! — отзывался онъ о прилежномъ.—Или: этотъ безъ сандараку исповѣдываться не пойдетъ,—замѣчалъ о нерадивомъ.

Жена Васютина добрая, красивая, веселая, несмотря на нужду и лишенія, была предметомъ зависти его сослуживцевъ. Даже Захаръ Ивановичъ, потрепавъ однажды Васютина по плечу, ласково сказалъ: хоть бы не тебѣ, Вася! Береги! А помощникъ столоначальника, молодой лицеистъ, усиленно посѣщалъ Васютина и говорилъ, что онъ посредствомъ своего дяди, товарища министра, можетъ улучшить его положеніе и приглашалъ Софью Ивановну (такъ звали Васютину) въ итальянскую оперу и вообще распускалъ,

какъ говорится, «нюни», но долженъ былъ прекратить свои посѣщенія.

— Дочь сенатскаго курьера, а разыгрываетъ изъ себя барыню,—сказалъ онъ Кедрову.

— А вы завидѣли хорошенькую женщину, да сейчасъ и мертвую стойку... Ишь вы какіе!—заступился Кедровъ.

Серьезный на службѣ, дома Васютинъ превращался въ юношу, особенно тогда, когда за обѣдомъ предстояло какое-нибудь особенное блюдо.

— Соня! Сейчасъ я прошелъ мимо лавки Елисѣева: свѣжіе огурцы—вотъ какіе!.. Редиска! какой-то красный ракъ въ поларшина!.. Такъ бы, кажется, стекла въ дребезги и пошелъ!.. Сначала бы на свѣжую икру навалился. Ужъ бы ей задалъ!

— А вѣдь ты дуракъ, какъ я посмотрю! Ей-Богу, дуракъ!—со смѣхомъ прерываетъ его Софья Ивановна.

— Да вѣдь другіе ѣдятъ же!—восклицаетъ Васютинъ.— При мнѣ двое прошли... Если бы мнѣ теперь редисочку, я бы ее посолилъ... И знаешь, подлецы какіе: рубль пучокъ!

Помечтавши объ омарахъ и о редискѣ, онъ закусилъ рѣдькой и сталъ уписывать гороховый супъ.

Кухарка Мавра съ торжествующимъ лицомъ поставила на столъ жаренаго окуня. Она тоже очень любила, когда въ крайне незатѣйливомъ меню Васютиныхъ встрѣчалось что-нибудь особенное. Она даже хвасталась передъ бѣдными жильцами, а иногда и привирала.

— У насъ сегодня рябчики были... Щипала-щипала, измучилась...—говорила она, хотя рябчиковъ никакихъ не было, а были просто голуби.

— Батюшки, окунь!—воскликнулъ Васютинъ, пораженный неожиданностью.—И вѣдь какъ я ихъ люблю!

— Да ты что думаешь: по случаю купила!—замѣтила Софья Ивановна.

— Какъ по случаю?

— Угадай!

Окунь дѣйствительно былъ купленъ по случаю.

— Окуни, сударыня, случайные, не прикажете ли парочку,—предложилъ Софьѣ Ивановнѣ проходившій разносчикъ.

— Какъ случайные?

— Енералъ заказывалъ, но только, между прочимъ, въ Кронштадтъ уѣхалъ.

— Да вѣдь они сонные...

— Зачѣмъ сонные!.. Окуни во всей формѣ!..

— Они даже не шевелятся...

— Зачѣмъ имъ шевелиться. Это, сударыня, смирный сортъ. Такой ужъ это сортъ смирный... Вы не сумнѣвайтесь—живые... Къ енералу нельзя сонныхъ носить.

Вотъ одинъ изъ этого смирнаго сорта и поданъ былъ на столъ Васютину.

Вообще въ Малоземлениной улицѣ въ то время жила большею частью бѣднота. Чиновницы сами ходили на рынокъ, а если у кого была кухарка, то она подвергалась или сожалѣнію, или осмѣянію отъ кухарокъ людей зажиточныхъ.

— И какъ это, матка, вы живете, даже намъ удивительно!—говорила Васютинской кухаркѣ Маврѣ, встрѣтившись съ ней на рынкѣ, кухарка мѣстнаго отца протоіерея:—нынче впроголодь, завтра впроголодь...

— Что-жъ дѣлать, живемъ!—отвѣчаетъ уныло Мавра:—барыня очень ужъ у насъ безподобная. Послѣдній тебѣ кусокъ отдастъ... Не всѣмъ, голубушка, по вашему жить.

— У насъ хорошо живутъ,—не безъ гордости говоритъ кухарка отца протоіерея.—Живутъ, можно сказать, чудесно. Ты то возьми—мы и квасъ-то дома варимъ, а не то что за каждой бутылкой въ лавку бѣгать. Опять же и то: десять человѣкъ за столъ садятся, а въ праздникъ съ племянниками, то и всѣ пятнадцать... Надоть ихъ ублатворить!.. Да все народъ-то молодой, семинаристы... Наголодаются за недѣлю-то, волкамъ на подобіе сдѣлаются. Поставишь на столъ кулебяку-то, отецъ протоіерей благословить ее не успѣетъ, а ужъ они на части растерзали. Вымя теперича... Обожаютъ! Какъ пойдутъ хватать—только держись!... И запрету имъ нѣтъ, пускай, говоритъ, кушаютъ во славу Божію... Хорошо ѣдятъ, въ полное свое удовольствіе.

— Достатки, значитъ, матушка, хороши.

— Это ужъ что говорить, достатки хорошіе! Безъ достатковъ ничего не сдѣлаешь. Сама вотъ только протопопица-то прижимиста.

— Нѣтъ, матушка, наша барыня все тебѣ отдастъ. Сколько ужъ я мѣстовъ произошла, а такой не видывала.

— Нѣтъ, ты бы у моей пожила — вотъ такъ сахаръ!—вмѣшалась кухарка какого-то чиновника.—Картофель счетомъ выдаетъ!

— Картофель?..—выкликнула протоіерейская кухарка.— Да у насъ картофель-то... Да что это... Господи!

— Да я у армянина жила,—перебила Васютинская кухарка.

— Какой армянинъ, другой армянинъ... — перебила въ свою очередь кухарка отца протоіерея.

— Да вотъ какой армянинъ, дай Богъ ему здоровья, этому армянину-то. Отецъ, а не армянинъ! — закончила Мавра, направляясь въ мелочную лавку.

Оставшіяся кухарки еще немножко посудачили и разошлись.

Понездоровилось какъ-то Василью Ивановичу. Дни стояли осенніе, сырые, вѣтряные. Не пошелъ онъ въ присутствіе. Захаръ Ивановичъ тоже болѣлъ, не спасла даже шуба: ему надуло флюсъ—и онъ, заложивши за щеку разваренную въ молокѣ винную ягоду, сидѣлъ дома, разговаривалъ съ сожительницей жестами и сердился. Ужъ если такой канцелярскій столбъ сидитъ дома, такъ ему-то и Богъ велѣлъ, успокаивалъ себя Васютинъ. Онъ взялъ клѣтку своего любимаго скворца, сказалъ ему нѣсколько привѣтственныхъ словъ, что онъ скворецъ умный, что онъ любитъ его больше другихъ птицъ, что канарейка дура и сталъ насыпать ему муравьиныя яйца.

— Да вотъ вы тутъ толкуете, а не знаете, какая у насъ бѣда въ кухнѣ стряслась, — завизжала Мавра, опрометью вбѣгая въ комнату: — только-что отвернулась, подъ самый, почитай, подъ носъ подкинули.

— Что подкинули!—вскрикнулъ Васютинъ, уронивши на полъ банку съ муравьиными яйцами.—Тьфу ты, дура проклятая! Подбирай теперь!..

— Вотъ вы въ кухнѣ-то теперь дѣла-то подбирайте, — продолжала визжать Мавра:—въ лавочку побѣжала... я въ калитку, а она мнѣ навстрѣчу... Мнѣ бы ее опросить... Извѣстно, наша сестра глупая—невдомёкъ. Вся воля ваша, я ни въ чемъ не причинна,—извольте сами раздѣлываться!

Васютины бросились въ кухню: на столѣ лежалъ завернутый въ старое одѣяло младенецъ. Изъ-подъ свивальника торчала записка: «некрещеная, ради Бога не оставьте». Василій Ивановичъ обомлѣлъ. Мавра металась изъ угла въ уголъ, выкрикивая:

— Хошь огни подо мной разжигайте! Вотъ запекись моя гортань кровью, коли я... Господи, сколько я мѣстовъ произошла!.. На чердакѣ въ тѣ поры сапожникъ удавился...

Таскали-таскали меня, а чѣмъ я причинна... Я пошла бѣлье вѣшать... Какъ стали изъ петли-то вынимать — душеньку всю мою разворотило, замертво меня съ чердака-то стащили... Я подъ присягу пойду! Вотъ дай мнѣ Богъ святой воды не пить...

— Молчи, дура сумасшедшая, — прервалъ ее наконецъ Васютинъ и понесъ младенца въ комнату.

— Соня, мы ее у себя оставимъ! Ей-Богу! — обратился онъ къ женѣ: — не объѣстъ насъ!.. А, можетъ, это наше счастье будетъ. Не подкинули къ богатому — къ бѣдному принесли... Своихъ Богъ не даетъ—чужую возьмемъ. Возьмемъ, Соня, ей-Богу!..

— Если теперь и мать за ней придетъ, я и матери не отдамъ, — отвѣчала Софья Ивановна. — Ты смотри — одни глаза чего стоятъ! Смотри-ко, словно вишни.

Глаза у ребенка были дѣйствительно необыкновенные.

Изъ кухни все еще доносились вопли кухарки: — Экая сука подлая! Свое рожденье, словно котенка какого, прости ты меня Господи!.. И къ кому подкинула-то: самимъ жрать нечего...

Смирный и нѣжный Васютинъ разсвирѣпѣлъ.

— Убью, подлая!—закричалъ онъ, подбѣгая къ двери.— Молчать! Вонъ изъ моего дома! Ты забыла, кто я!

Кухарка мгновенно смолкла.

Несмотря на нездоровье, Васютинъ тщательно побрился, надѣлъ вицъ-мундиръ и сталъ писать заявленіе въ кварталъ. Мавра въ это время обѣгала всѣхъ жильцовъ дома и ближайшихъ сосѣдей. Несмотря на слякоть, у воротъ дома начала собираться толпа и ужъ двѣ пары старухъ проникли въ кухню, а одна даже пріотворила дверь въ комнату.

— Что вамъ угодно?—съ удивленіемъ воскликнулъ Васютинъ.

— Ребеночка, батюшка, полюбопытствовать пришли, — отвѣчала старуха.

Васютинъ подъ носомъ у нея захлопнулъ дверь. Старуха заворчала.—И не въ такія хоромы вхожа,—зашамшила она, опускаясь съ лѣстницы.

Вслѣдъ за ней вышелъ и Васютинъ. У воротъ встрѣтилъ его городовой.

— Случай тутъ у васъ, ваше благородіе,—началъ онъ.— Ребеночка прикажете въ часть взять?

— Зачѣмъ?

— Это ужъ завсегда. Эти примѣры у насъ въ кварталѣ часто бываютъ. Мѣсто глухое, все сюда и несутъ. Изъ части его въ воспитательный... тамъ его въ питомки оборотятъ. Можетъ, когда и человѣкомъ будетъ, коли счастье ему...

— Я съ квартальнымъ поговорю,—окончилъ Васютинъ, направляясь въ канцелярію квартала.

— Расходитесь! Что вы тутъ столпились, чего не видали!.. —обратился городовой къ собравшейся кучкѣ зрителей:—на Сѣнную ступайте, тамъ бѣлугу въ триста пудовъ привезли, не въ примѣръ любопытнѣе.

— Бѣлугу-то въ триста пудовъ? Да что ты, очумѣлъ, что ли? — возразилъ кто-то изъ толпы: — пятьдесятъ если пудовъ—и то много, а то въ триста!

— Проходи, проходи!—настаивалъ городовой.

Кучка мало-по-малу разошлась.

Васютинъ отворилъ дверь канцеляріи въ тотъ моментъ, когда квартальный размахнулся, чтобы нанести ударъ по скулѣ провинившагося чѣмъ-то обывателя. Обыватель ужъ съежился и прищурился. Мигъ! и у него изъ глазъ полетѣли бы изумрудныя и сапфирныя искры, задрожала бы челюсть... Но дверь отворилась, квартальный опустилъ руку: молнія ударила въ землю...

— А, Василій Ивановичъ!—встрѣтилъ его ласково квартальный.—Милости просимъ! А ты, погоди, скотина! Я до тебя еще доберусь,—отнесся онъ къ обывателю: — пошелъ вонъ, да помни!..

Обыватель поклонился квартальному въ ноги, проговорилъ: «покорнѣйше благодарю, что поучили» и вышелъ.

— Счастливъ твой Богъ, что ему некогда, а то бы онъ тебя пригладилъ,—сказалъ ему на лѣстницѣ будочникъ.

— Ахъ ты, кислая шерсть! — отвѣтилъ ему обыватель.

— Что прикажете, Василій Ивановичъ? — началъ квартальный, вводя Васютина въ свой кабинетъ.

Васютинъ подалъ заявленіе, въ которомъ изъявилъ желаніе оставить младенца у себя.

Квартальный прочиталъ.

— Э, батюшка, вонъ оно что! Да вы, тово... не собственную ли свою подкинули, — заговорилъ онъ иронически: — согрѣшили гдѣ-нибудь на сторонѣ — ребенка-то жалко, а жены-то страшно!

— Что вы, Порфирій Алексѣевичъ!—возразилъ сконфуженный Васютинъ.

— Да примѣры-то эти бывали! — продолжалъ тѣмъ же тономъ квартальный.—Вы ужъ мнѣ-то сознайтесь, я-то васъ не выдамъ.

Скромный Васютинъ началъ теряться.

— Шучу, шучу!—ободрилъ его квартальный.—А знаете, что я вамъ скажу: вѣдь это все штабные писаря пакостятъ. Сколько вѣдь ихъ здѣсь чертей живетъ? Что вы станете дѣлать съ этимъ народомъ! Перетянетъ талію, нафабритъ усы, я, говоритъ, экзаменъ на офицера держу. Да вотъ я теперь объ одномъ такомъ молодцѣ произвожу дознаніе. Три мѣсяца его женихомъ считали, мать однихъ ихъ съ невѣстой въ театръ отпускала... Ну, да изъ моихъ рукъ онъ не вывернется! Шпоры анаѳема привинчивалъ! Писарь-то!.. Я самъ въ старинные годы на конѣ сидѣлъ! Кавалерію въ обиду не дамъ. Дѣло доброе, Василій Ивановичъ! Не щенка берете — человѣка. Все, что отъ меня зависитъ — сдѣлаю. Разумѣется, для очищенія совѣсти, мы немножко мамашу-то поищемъ, можетъ опять какой-нибудь и писаренокъ тутъ попадется, — окончилъ Порфирій Алексѣевичъ, провожая Васютина до двери.

При пожатіи руки, Васютинъ оставилъ въ рукѣ квартальнаго рублевую бумажку.

— Да напрасно, не стоитъ, — сказалъ квартальный:—а впрочемъ, вы сами служащій—понимаете. Не мнѣ вѣдь — труженикамъ моимъ канцелярскимъ. Одного вотъ недавно въ острогъ посадили: фальшивый паспортъ написалъ. А гдѣ ты ихъ найдешь... честныхъ-то?.. Да и у оберъ-то полиціймейстера въ канцеляріи за этимъ народомъ тоже гляди да гляди... Рвутъ съ живого и съ мертваго. Охъ, эта полицейская служба! Да! Не сосводничаете ли вы мнѣ письмоводителя. Отличный у меня былъ—спился подлецъ! Въ бѣлой горячкѣ на купца одного бросился, насилу оттащили.

Васютинъ обѣщался поговорить съ однимъ чиновникомъ.

По соблюденіи всѣхъ формальностей, подкинутый ребенокъ былъ окрещенъ, нареченъ Вѣрой и оставленъ на воспитаніи у Васютина. Захаръ Ивановичъ пришелъ въ умиленіе отъ поступка своего подчиненнаго и обѣщался ему, по выходѣ въ отставку, уступить свое кресло.

— Старъ я, Вася; изломанъ, — говорилъ онъ ему: — къ Назарушкѣ въ архивъ на полку пора. Третью кожу на стулѣ протираю. Сорокъ лѣтъ, братъ! Хочу на покой проситься, объ тебѣ тогда... Да некого и назначить! Назаръ племянника хочетъ изъ консисторіи, да онъ кривой, въ

консисторіи-то сидитъ гдѣ-нибудь за шкафомъ, тамъ его не видать, а здѣсь вѣдь анфилада... Видишь! Ужъ хлопотать буду! Вотъ, скажу—человѣкъ! У предсѣдателя ты тоже на хорошемъ замѣчаніи. Намедни шуткой мнѣ говоритъ: кажется, говоритъ, Васютинъ-то у васъ безъ сандараку? Такъ точно, говорю, ваше превосходительство. Засмѣялся. Молодецъ ты, Василій! Хвалю! Моя тоже очень тобой довольна. Умная вѣдь она у меня женщина... простая, но министерскій умъ.

Дни пошли за днями, Вѣрочка стала воспитываться. Васютины сосредоточили на ней всю свою любовь. Тутъ мы ее оставимъ и встрѣтимся съ ней въ ея расцвѣтѣ, т. е. въ то время, когда она стала поражать своей красотой Малозеленину улицу, и называлась уже не Вѣрочкой, а Вѣрой Васильевной.

Повѣствую. Много воды утекло, много перемѣнъ случилось во время ея воспитанія. Захаръ Ивановичъ уступилъ свое кресло племяннику товарища министра и три года донашивалъ свою шубу въ качествѣ отставного коллежскаго асессора, а потомъ переселился въ вѣчное упокоеніе, завѣщавъ Васютину камлотовую шинель. Могильный холмъ его уже сравнялся съ землей. На мѣстѣ старенькихъ домиковъ, во многихъ мѣстахъ появились очень красивые новенькіе. Прежніе штабные писаря смѣнились поколѣніемъ новыхъ, съ болѣе развязными манерами и съ выпущенными изъ-подъ борта бронзовыми цѣпочками. Бывшій квартальный Порфирій Алексѣевичъ жилъ уже частнымъ человѣкомъ, но все-таки ходилъ въ форменной шинели и въ картузѣ съ краснымъ околышемъ. Его можно было встрѣтить и въ мелочной лавкѣ, и въ табачной лавкѣ, и въ трактирѣ, гдѣ онъ бесѣдовалъ о былыхъ временахъ полицейскихъ.

— Разъ мнѣ приказано было задержать одного фальшиваго монетчика,—начиналъ онъ. — Я въ Ижору—нѣтъ! Я въ Красненькій—сейчасъ только на лихачѣ удралъ. Галаховъ тогда оберъ-полиціймейстеромъ былъ: кричитъ на меня — подъ судъ отдамъ! И гдѣ-жъ мы его взяли? На Сѣнной! Монахомъ переодѣлся и идетъ... Ну, тутъ его сейчасъ... пожалуйте!..

— Трудная ваша служба была,—замѣчастъ ему молодой лавочникъ.

— Трудная! Теперь что! Теперь городовые ходятъ, да отъ скуки въ свисточки посвистываютъ, а я еще трещетки помню!

— Какъ трещотки?

— Трещотки были, а послѣ колотушки, ну а теперь вотъ свистки. Ужъ это безъ меня... Теперь все не то! Бывало въ часть-то приведутъ человѣка, онъ дрожитъ, словно передъ смертью, знаетъ, что онъ оттуда безъ полутораста не выйдетъ. А теперь приведутъ: какъ тебя, голубчикъ, зовутъ? Павелъ Семеновъ. Извини, что побезпокоили, ступай на всѣ четыре стороны.

— Строгое ваше время было.

— Строгое, чудесное время было!.. Въ нашей части арестантскія-то въ подвалѣ были, арестанты такъ и звали ихъ «склепомъ». Если, бывало, мазурикъ попадетъ туда на недѣльку, на двѣ — долго послѣ не попадется. Я и по службѣ-то туда только два раза спускался. Юдоль! Разъ какой-то графъ своего камердинера, гордый этакой холуй былъ — на недѣльку къ намъ погостить прислалъ. Его и посадили... Умеръ! Не выдержалъ!.. Вонь! Духота!..

Пробесѣдовавши съ лавочникомъ, Порфирій Алексѣевичъ шелъ въ табачную лавку и тамъ тоже начиналъ бесѣду.

— Въ мое время, бывало... тогда на улицѣ курить ни-ни! Иду я разъ по Малой Невкѣ, тогда мы еще въ трехъугольныхъ шляпахъ ходили — смотрю какой-то гусь идетъ съ сигаркой въ роту. Я къ нему. Это, говорю, что значитъ?! А онъ идетъ да покуриваетъ. Постой, думаю, до будки дойдешь, и тебя тамъ раба Божьяго... Глядь — за нимъ кучеръ ѣдетъ, спина золотымъ позументомъ вышита... Посланникъ!

— Попались,—замѣчаетъ торговецъ.

— Попался, попался, вѣрно попался! Ну! думаю... Ничего, прошло!..

Если вечеромъ онъ попадалъ въ трактиръ, то разсказамъ его не было конца.

— Вотъ потемнѣе-то будетъ, пойдутъ, — начиналъ онъ, заглядывая въ окно.

— Это насчетъ чего вы изволите, Порфирій Алексѣевичъ?—спрашиваетъ буфетчикъ.

— Да вотъ... насчетъ мазуриковъ. Всѣ вотъ скоро повылѣзутъ... Кто по чердакамъ за бѣльемъ пойдетъ, кто...

— Сколько этого народу въ Санктъ-Петербургѣ, — замѣчаетъ буфетчикъ.

— Ловить ихъ теперь не умѣютъ. У меня разъ вотъ какъ случай былъ, — одушевлялся Порфирій Алексѣичъ и разсказывалъ какой-нибудь страшный случай изъ своей

полицейской практики: какъ онъ накрылъ въ пустой баркѣ цѣлую шайку мазуриковъ и т. п.

Софья Ивановна скончалась. Васютинъ сгорбился и посѣдѣлъ. Вѣрѣ Васильевнѣ исполнилось двадцать лѣтъ. Ужъ въ двери ея сердца постучался купидонъ — прапорщикъ Ластоваго экипажа лѣтъ пятидесяти. «Господь, по неисповѣдимой своей благости, сотворилъ человѣка, сотворилъ ему и помощницу», такъ начиналось его письмо къ ней... Онъ давно искалъ дѣвушку «съ красотою и скромностью» и оба эти качества нашелъ въ ней. Онъ родился въ Новороссійскѣ, первоначальное воспитаніе получилъ тамъ, «въ училищѣ малолѣтнихъ черкесовъ», служилъ въ черноморскомъ флотѣ и т. д.

Ходить ей по улицѣ безъ провожатаго стало неудобно, потому что военные писаря стали ей «подкашливать». Это особенный пріемъ заставлять обращать на себя вниманіе. Одинъ попробовалъ вступить съ ней въ разговоръ. Откинувши лѣвую руку за спину, а большой палецъ правой заложивши за пуговицу, онъ обратился къ ней съ слѣдующими словами: «вотъ мы сейчасъ толковали съ моимъ сослуживцемъ, въ чемъ состоитъ счастье каждой женщины: онъ говоритъ—въ достаткахъ, а я говорю—въ непорочной любви».

Другой писарь написалъ письмо: «Если вы думаете, что съ моей стороны дурацкія намѣренія, то вы жестоко ошибаетесь. Я согласно своему офиціальному положенію долженъ искать предмета, съ которымъ предъ алтаремъ налоя надѣть брачный вѣнецъ, но при всемъ томъ, не желая впутывать въ это дѣло свахи, я хотѣлъ узнать доказательства вашего расположенія. И такъ до свиданія. Съ правомъ на чинъ 14 класса Скворцовъ».

Третій писарь начиналъ свое письмо такъ: «Находясь въ лабиринтѣ несчастія, отдавши руль жизни судьбѣ, я долго бился и мучился отъ несправедливости высшей сферы начальства и т. д.»

Волей-неволей Вѣра Васильевна должна была сидѣть дома, подругъ у нея не было. Темные осенніе вечера повергали ее въ отчаяніе. Въ комнатѣ тишина, какъ въ могилѣ, на улицѣ тоже тишина и непроглядная темь, потому что, хотя освѣтительный матеріалъ — спирто-скипидарная жидкость—для Малоземелининой улицы и полагался, но между фонарщиками находились химики, которые отдѣляли спиртъ отъ скипидара для внутренняго употребленія и огню, не-

смотря на все его всесокрушающее начало, трудно было справиться съ мокрой свѣтильней и обезсилившею жидкостью. Фонари то мигали, то на мгновеніе вспыхивали, то испускали черезъ свои отверстія зловонный дымъ.

Изрѣдка къ Васютину заходилъ приходскій отецъ дьяконъ, пилъ у него чай и игралъ съ нимъ въ шашки. Это нѣсколько оживляло Вѣру Васильевну. Она подсаживалась къ играющимъ и хохотала до упаду.

— Преумнѣйшая игра, барышня,—говорилъ отецъ дьяконъ, многодумно смотря на шашки.—Преумнѣйшая игра! Нѣтъ, вы эту-то кушайте, Василій Ивановичъ, а то я фукну.

— Фукнете вы...

— Фукну!...

— Теперь я васъ понимаю...

— Трудно меня понять, ибо я особенное вамъ удовольствіе въ лѣвомъ углу намѣреваюсь устроить.

— Въ лѣвомъ углу? Не думаю!

— Пожалуйте, пожалуйте.

— А вотъ такъ!—восклицалъ Васютинъ, подвигая шашку.

— Да, этакъ-то вы...—задумывался отецъ дьяконъ.—А мы вотъ какъ!

— Вы такъ!

— Мы такъ!

Сыгравши партіи четыре, обыкновенно «ни въ чью», потому что оба были отличные игроки, они приступали къ граненому графинчику.

— Пора, пора! ужъ девятый въ началѣ,—говорилъ, наливая рюмку, отецъ дьяконъ.

— Часы-то у насъ впереди,—замѣчалъ Васютинъ.

— Нѣтъ, ужъ я свои часы знаю, они у меня вотъ гдѣ!—При этомъ онъ тыкалъ себя большимъ пальцемъ въ животъ.—Это у меня такой Брегетъ—никогда не обманетъ.

Выпивши рюмочки по двѣ, они начинали бесѣду.

— У васъ тоже, говорятъ, Василій Ивановичъ, доходы теперь пообрѣзаны.

— Какіе наши доходы!—уныло отвѣчалъ Васютинъ.

— Слышалъ! У насъ тоже плохо стало. Голосу съ дьяконовъ не спрашиваютъ, а по родственному больше мѣста даютъ. Хоть дишкантомъ многолѣтіе говори, а коли ты родственникъ—тебѣ и мѣсто. Мнѣ, по моему голосу, надо въ Казанскомъ соборѣ быть, потому у меня и средина, и октава, и верха есть! Въ Москвѣ, говорятъ — не бывалъ я

тамъ—за такой голосъ отъ купцовъ сотни летятъ, подбирай только.

— Не тѣ ужъ времена, — продолжалъ тѣмъ же тономъ Васютинъ.

— Не тѣ, — окончилъ отецъ дьяконъ, вставая изъ-за стола.—Пора! И не дальній путь, а за тьмою-то, хоть и малая опасность, а все-таки есть. Сіянье-то это фонарей очень слабое. Освѣщая себя, не освѣщаютъ того, что освѣщать должны. Прощайте, барышня. Прощайте, Василій Ивановичъ. У насъ завтра богатыя похороны—чревонасыщеніе будетъ большое. До скораго свиданія,—заключилъ онъ, спускаясь по узкой лѣстницѣ. Черезъ минуту раздался густой басъ отца дьякона:

— Извозчикъ!

— Экой голосъ-то прекрасный,—сказалъ Васютинъ и пошелъ заниматься дѣлами. Вѣра Васильевна тоже удалилась въ мертвящую тишину своей комнаты, въ которую изрѣдка доносился скрипъ пера строчащаго Васютина.

Иногда, по праздникамъ, заходила къ нимъ дальняя родственница Васютина, вдова отставного титулярнаго совѣтника, способная убить самое веселое расположеніе, разстроить самые крѣпкіе нервы. То она жаловалась на какую-то «внутреннюю болѣзнь», которую ни одинъ докторъ понять не можетъ, то говорила о своей нищетѣ, то объ обидахъ, которыя наносятъ ей въ различныхъ установленіяхъ, въ которыхъ она ищетъ пособія.

— Представьте себѣ,—говорила она:—мы, говоритъ, не можемъ принять ваше прошеніе, оно не по формѣ написано. Помилуйте, говорю, я болѣзненная женщина. Все равно, говоритъ, и ушелъ. Что же это такое,—я васъ спрашиваю:—мой мужъ государственный человѣкъ былъ, два ордена въ петлицѣ имѣлъ... Докторъ тоже какъ меня обидѣлъ! Порошки мнѣ прописалъ. А не будетъ, говорю, отъ нихъ вреда? Ступайте, говоритъ. Да такимъ голосомъ, словно на горничную. По крайней мѣрѣ, говорю, въ какой ихъ водѣ принимать?—Въ морской, говоритъ. Приняла я два порошка, у меня такъ заболѣло горло, что я и сказать вамъ не умѣю. Я опять къ нему. У меня, говорю, г. докторъ, отъ вашихъ порошковъ горло горитъ. Что же, онъ, говоритъ, ужъ и дымъ показался? Мнѣ совѣтовали на него въ физикатъ подать.

Васютинъ во время ея монологовъ ходилъ изъ угла въ уголъ да посвистывалъ.

— Я пришла посовѣтоваться съ вами, Василій Ивановичъ, по родственному: не подать ли мнѣ въ комиссію прошеній?..

— Откажутъ,—отрывисто отвѣчалъ Васютинъ.

— То-есть, почему же это откажутъ? — тоже отрывисто спросила она.

— Потому что туда съ такими пустяками не ходятъ.

— Какъ пустяки?! Болѣзненная я женщина!.. Всѣ родственники противъ меня! У сестры Настасьи была. Ну что бы, кажется, ей стоило... Вѣдь знаетъ мое положеніе... Ну что-жъ, будемъ терпѣть, будемъ страдать!..

— Да вы всякій день гдѣ-нибудь да просите, вѣдь вы денегъ много набираете...

— Что-жъ, въ комитетѣ къ Рождеству десять рублей мнѣ вышло, да вѣдь, сколько я ходила-то!.. Три года! Да и то сказали, что это въ послѣдній разъ. Въ благотворительное общество подавала прошеніе — рубль дали. И разговѣться не на что было. Вамъ хорошо разговаривать. Вонъ и не родной дочери, а платья-то какія...

— Ну, ужъ это вы оставьте!—вспылилъ Васютинъ.

— Да что—оставьте! Завсегда правду скажу. И дочерей такъ не одѣваютъ! А то на-ко поди! Не благородную какую подкинули...

— Да какое вамъ до этого дѣло?

— Дѣло! Родственницы съ отрепаннымъ подоломъ ходятъ, а она...

— Хотѣлъ-было я вамъ рубль серебромъ дать, а теперь гривенникъ у меня попросите, и того не дамъ! Ступайте съ Богомъ! Вы скверная женщина! Вы попрошайка! — горячился Васютинъ.—Вы не можете смотрѣть спокойно, когда человѣку есть что пообѣдать.

— Не могу! Чужихъ съ вѣтру кормятъ, а родственницъ...

— Какая вы мнѣ родственница? Седьмая вода на киселѣ! Ступайте вонъ!..

Родственница разрыдалась и ушла. Вѣру Васильевну подобныя сцены не огорчали: она привыкла къ нимъ; но на Васютина онѣ дѣйствовали. Чтобы успокоиться, онъ одѣвался и шелъ въ трактиръ посидѣть въ бильярдной.

По высокоторжественнымъ днямъ постоянно приходилъ къ Васютину съ поздравленіемъ отставной сенатскій курьеръ, родной дядя покойной Софьи Ивановны, добрѣйшій старецъ, сѣдой, какъ лунь, унтеръ-офицеръ Михеичъ. Васютинъ и Вѣра Васильевна любили его за необыкновенное добросердечіе. Онъ всегда приходилъ съ узелкомъ, въ ко-

торомъ находилось нѣсколько яблоковъ, изюмъ, мятные пряники—это гостинецъ Вѣрѣ Васильевнѣ, которую онъ любилъ съ дѣтства.

— Здравія желаю, ваше скородіе. Съ праздникомъ честь имѣю поздравить!—произносилъ онъ, вытянувшись во фронтъ.

— А, здравствуй, Михеичъ,—встрѣчалъ его Васютинъ:—ты еще больше состарѣлся.

— Лѣта, васкородіе: припадать сталъ.

Съ радостью выбѣгала къ нему изъ своей комнаты Вѣра Васильевна.

— Михеичъ, голубчикъ!

— Съ праздникомъ честь имѣю поздравить, ваше скородіе. Пожалуйте гостинчика.

— Что ты, Михеичъ! Я уже не маленькая...

— Ужъ пожалуйте, ваше скородіе!

— Спасибо, голубчикъ.

— Садись, Михеичъ,—предлагалъ ему Васютинъ.

— Постоимъ, ваше скородіе!

— Садись, садись...

Михеичъ усаживался на диванъ.

— Трубочку не хочешь ли?—спрашивалъ его Васютинъ.

— Пожалуйте-съ. Признаться сказать, съ утра не курилъ. Обѣдню у Вознесенья отстоялъ, да и къ вамъ.

— Ты озябъ, Михеичъ. Сейчасъ чай будемъ пить. Трубочку послѣ покуришь,—предупреждала Вѣра Васильевна.

— Нѣтъ, спервоначалу трубочку.

— Ну, какъ хочешь.

Послѣ чаю онъ дѣлался развязнымъ, осматривалъ васютинскій вицъ-мундиръ, говорилъ, что воротникъ надо «отпарить», что онъ его возьметъ съ собой, а его знакомый портной даромъ ему сдѣлаетъ. Увидавши въ комнатѣ Вѣры Васильевны старые башмаки, онъ тоже говорилъ, что возьметъ съ собой, что у него есть знакомый башмачникъ, починитъ ихъ и они опять будутъ новыми. Послѣ обѣда онъ шелъ въ кухню, спалъ тамъ, курилъ свой собственный табакъ, который только и можно было курить въ кухнѣ и то при условіи, чтобы труба въ печкѣ была открыта, что кухарка и дѣлала.

— Ну ужъ, Михеичъ, начадилъ ты у меня тутъ!—замѣчала она ему.

— Въ другой разъ приду, цыгарку для тебя закурю, та много легче,—шутливо отвѣчалъ старикъ.

— Такъ я мундиръ-то, ваше скородіе, возьму и башмаки

возьму,—говорилъ онъ, вернувшись въ комнату:—онъ его отпаритъ и все сдѣлаетъ...

— Башмаки-то не стоитъ!—замѣчала Вѣра Васильевна.

— Какъ не стоитъ, матушка, новые будутъ!

Забравши вещи, онъ становился во фронтъ и форменнымъ тономъ говорилъ: «счастливо оставаться, ваше скородіе», и уходилъ.

Въ одно изъ такихъ посѣщеній, Михеичъ какъ-то особенно суетился. Онъ осмотрѣлъ всѣ вещи, могущія идти въ починку, вбилъ въ стѣну гвоздь въ передней, наконецъ улучилъ минуту, оставшись одинъ съ Васютинымъ наединѣ, притворилъ дверь въ его кабинетъ и началъ:

— А что, ваше скородіе, я съ вами давно поговорить хотѣлъ, да все случаю не было.

— Что, батюшка, Михеичъ?

— Извините вы меня, вашескоблагородіе, — замялся Михеичъ...

— Что, голубчикъ, что?

— Да вотъ, изволите видѣть—старъ я... Съ Кузьмы Демьяна восьмой десятокъ пошелъ... Можетъ, скоро Богъ и приберетъ, а у меня деньги есть, большія деньги—триста рублевъ. Ну помру,—кому онѣ? Одинъ я, какъ перстъ. Вотъ я и хочу поговорить съ вашимъ скородіемъ. Какъ я покойницу Софью Ивановну... родная какъ она мнѣ племянница была, и по сейчасъ я, за доброту ея, всякое воскресенье свѣчи ставлю, душу ея поминаю. Такъ вотъ не обидьте вы меня — возьмите эти деньги. Вамъ нужно, а онѣ у меня такъ въ ломбардѣ лежатъ.

Васютинъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на него.

— Я съ простоты своей, а не то что, къ примѣру... Да и вотъ и Вѣру Васильевну, все равно, какъ покойницу почитаю... Махонькую на рукахъ носилъ. Бывало: «дѣдушка, дѣдушка!..» Въ церкву думалъ положить, да опять же думаю... Не погнушайтесь, возьмите... Своими трудами скопилъ.

Васютинъ заплакалъ.

— Я Михеичъ,—началъ онъ:—твоихъ денегъ не возьму. А ужъ коли ты рѣшился отдать ихъ—отдай Вѣрочкѣ, это ея счастье.

— Главная причина, ваше скородіе, въ томъ расчетъ—помру скоро. Сенаторъ одинъ на паперти меня увидалъ. Живъ, говоритъ, Михеичъ? — Такъ точно, говорю, ваше высокопревосходительство.—Ну, говоритъ, живи!

— Дѣлай, какъ хочешь—твое дѣло. Ты знаешь, я Вѣрочку люблю, хоть она и не дочь моя...

— И я, ваше скородіе... все равно, какъ родная она мнѣ. Вотъ такъ бы все глядѣлъ на нее. Намедни безъ васъ заходилъ: поплакали мы съ ней. Какая, говоритъ, моя жизнь будетъ, Михеичъ? Ничего кругомъ меня нѣтъ! И васъ-то ей, ваше скородіе, жалко, тоже говоритъ, состарѣлся, а все работаетъ.

— Да, Михеичъ, какъ подумаю я объ ней—сердце поворачивается. Вдругъ, сохрани Господи!.. Куда она пойдетъ. За нее больше мнѣ отвѣту, чѣмъ за родную дочь: самъ взялъ на свое попеченіе. Можетъ быть, къ другому бы попала—счастливѣй бы была.

— Истинныя ваши слова, истинныя! — согласился Михеичъ, глубоко вздохнувши.

— А работа моя что! Работать буду до послѣдняго издыханія.

— Дай вамъ Господи добраго здоровья. Такъ извольте взять...

— Нѣтъ, ты самъ ей отдай.

— Не могу. Извольте сами отдать.

Михеичъ вынулъ засаленный ломбардный билетъ и положилъ его на столъ. Васютинъ обнялъ Михеича и горячо расцѣловалъ его.

— Спасибо, добрый человѣкъ, — произнесъ онъ сквозь слезы.—Родной того не сдѣлаетъ, что ты сдѣлалъ.

— Ваше скородіе, вѣрно вамъ говорю—люблю ее, какъ родную. А вы не извольте ей говорить, пущай ничего не знаетъ. Все равно, покойница была бы жива—ей бы отдалъ.

Васютинъ ничего не сказалъ Вѣрѣ Васильевнѣ, но она стала замѣчать, что онъ повеселѣлъ, сталъ чаще ходить въ бильярдную и даже воротился однажды «какъ слѣдуетъ», чего она, конечно, не замѣтила, потому что онъ прошелъ въ свою комнату тихо, утромъ выпилъ огуречнаго разсольцу, пожевалъ гвоздички и «отошелъ». Онъ радовался, что на первое время, послѣ его смерти, Вѣрочка не выскочитъ на улицу нагишомъ. «Не велики деньги,—разсуждалъ онъ самъ съ собой:—а все-таки обернуться можно». Старикъ Михеичъ какъ будто предугадывалъ свою кончину. Онъ завѣщалъ Васютину свой георгіевскій крестъ и нѣсколько медалей отдать въ церковь, а на могилѣ поставить крестъ. Горько оплакала Вѣра Васильевна почтеннаго старика, узнавши о его благодѣяніи уже послѣ его смерти. Васютинъ не вытерпѣлъ—сказалъ.

Годъ прошелъ съ кончины старика. Въ жизни Васюти-

ныхъ никакихъ перемѣнъ не произошло, но Малоземенина улица начала понемногу украшаться: кое-гдѣ перестлали мостовую, потому что не было возможности проѣхать пожарному обозу; обыватели, разумѣется, о своихъ ребрахъ не помышляли, прикусывали на рытвинахъ языки, но все-таки ѣздили. Кое-гдѣ покрасили заборы, наконецъ выстроили новый домъ противъ дома, въ которомъ жилъ Васютинъ. Въ окнахъ второго этажа этого дома показались штофныя портьеры; по вечерамъ слышались звуки рояля; къ воротамъ стали подъѣзжать экипажи, которыхъ до того времени не видно было въ Малоземениной улицѣ. Васютинъ рѣшилъ, что, должно-быть, въ домѣ поселилась какая-либо важная особа, потому что въ числѣ пріѣзжавшихъ онъ видѣлъ одного значительнаго чиновника. Пріѣздъ на жительство важной особы произвелъ въ небольшой улицѣ, имѣвшей свои нравы и обычаи, сенсацію. Стали доискиваться: кто?.. Лавочникъ Соколовъ говорилъ, что прибѣгала разъ къ нему горничная за огурцами, но «ничего такого» не говорила. Дворникъ дома говорилъ, что въѣхала генеральша, а кто она такая—Господь ее знаетъ, «это до насъ не касающее». Трактирщикъ говорилъ, что ходятъ ихніе люди на бильярдѣ играть, водку пьютъ «и даже очень», особливо поваръ, но какіе господа—неизвѣстно. Владѣлица одного крошечнаго деревяннаго домика, вдова придворнаго арапа Миронова, проникавшая во всѣ щели Малоземениной улицы, попробовала спросить кучера, назвавши его милостивымъ государемъ, тотъ ее обругалъ, «какъ не надо быть хуже». Родственница Васютина не преминула тотчасъ же толкнуться со свидѣтельствомъ о бѣдности. «До самой ее не допустили», а черезъ горничную выслали рубль.

— Горничная, матушка,—послѣ говорила она:—этакая барственная особа, Анной Матвѣевной зовутъ. Я говорю: я, матушка, болѣзненная женщина и вотъ свидѣтельство о моей бѣдности отъ отца моего духовнаго. Она сейчасъ доложила и вынесла. А въ передней-то, матушка, офицерская шинель висѣла... Сама видѣла... На красномъ подбоѣ. Мнѣ бы, дурѣ, подать свидѣтельство отъ квартала, можетъ-быть больше бы выслали, потому оно чувствительнѣе написано, а я думала, что отъ отца духовнаго дѣйствительнѣе, потому какъ онъ всѣ тайные грѣхи мои знаетъ . . . .

. . . . . .

. . . . . .

ОТЖИВШІЕ ТИПЫ.

Богатый былъ купецъ Иванъ Гавриловичъ. Большой домъ былъ у него въ одномъ изъ московскихъ захолустій, старинный, барскій, съ колоннами, принадлежавшій въ концѣ прошлаго столѣтія какому-то генералъ-аншефу. Жилъ онъ по старымъ отеческимъ преданіямъ и капиталъ имѣлъ «темный», несчитанный. Помѣщался онъ съ сыномъ внизу, а безчисленный женскій полъ ютился въ верхнемъ этажѣ, окнами въ огромный заросшій садъ. Живущихъ въ домѣ никогда не было видно, и, если бы по вечерамъ не раздавался изъ-за воротъ на всю окрестность собачій лай, можно было подумать, что домъ стоитъ пустой. По субботамъ, впрочемъ, постоянно запертыя ворота отворялись: вывозилъ жирный жеребецъ крытую пролетку, въ кузовъ которой втиснуто было необыкновенно толстое существо въ черномъ бурнусѣ, съ покрытою чернымъ платкомъ головой. И если бы не виднѣющіеся изъ-подъ платка кусочекъ носа и часть отвислаго подбородка, можно было подумать, что вывезли какую-нибудь кладь. Это выѣхала «сама». Дворникъ почтительно приговаривалъ: «дай Богъ часъ добрый!» И по возвращеніи съ бо́льшимъ почтеніемъ приговаривалъ: «Съ легкимъ паромъ честь имѣемъ поздравить!»

Старикъ никогда единственную свою лошадь не безпокоилъ — ходилъ пѣшкомъ или приторговывалъ такого рванаго извозчика, на котораго садятся только въ крайности.

Сынъ Ивана Гавриловича, Гаврила Ивановичъ, нигдѣ не учился, ничего не дѣлалъ, полавливалъ въ окрестныхъ садахъ синицъ и чижей, да удилъ въ Яузѣ рыбу. Вздумалъ было разъ прочесть Юрія Милославскаго, — семинаристъ одинъ, товарищъ по ловлѣ синицъ, посовѣтовалъ,—да при чтеніи «очень сонъ сталъ одолѣвать — бросилъ». По мѣрѣ

того, какъ родитель приближался къ «оставленію мірского мятежа и временныя сея жизни», кругозоръ Гаврилы Ивановича расширялся: ужъ къ его услугамъ стоялъ у трактира лихачъ-извозчикъ, ужъ онъ сидѣлъ по вечерамъ «подъ машиной» Московскаго трактира, выслушивая мотивы изъ Роберта, Аскольдовой могилы и т. п. Ужъ онъ позналъ прелесть увеселительныхъ московскихъ притоновъ, былъ свой человѣкъ въ «Волчьей долинѣ» *), заставлялъ тамъ московскихъ пропоицъ «потерянныхъ людей» за стаканъ водки лаять по-собачьи, лазить подъ бильярдъ и т. п. и былъ другомъ московскихъ торбанистовъ (теперь вымершій типъ, которому на смѣну явился куплетистъ, только съ меньшимъ остроуміемъ). Сынъ онъ былъ почтительный и не шелъ противъ воли родительской; его только безпокоила люстриновая сибирочка съ крючками, да стѣсняли сапоги «бутылками», костюмъ, безъ котораго, по мнѣнію родителя, нельзя было достигнуть вѣчнаго блаженства.

Но вотъ, въ одну ночь, раздается въ домѣ плачъ и рыданіе: старикъ скончался; житія его было 69 лѣтъ, три мѣсяца и одиннадцать дней.

Тучный прахъ его заключили въ огромную дубовую колоду «ржевскаго дѣла», снесли на кладбище, нищую братію накормили и одѣлили деньгами. Шесть недѣль раздавалось въ домѣ заунывное женское пѣніе и чтеніе псалтири, затѣмъ «время плачу и рыданію прости»—*сама* удалилась на два года въ одинъ изъ керженскихъ скитовъ и по возвращеніи оттуда уже не нашла въ домѣ того благочестія, въ какомъ она его оставила, даже вывѣтрился тотъ специфическій запахъ—смѣсь ладану, воску, деревяннаго масла и разныхъ пахучихъ травъ, который составлялъ его необходимую принадлежность. Въ залѣ, гдѣ, подъ гнусавое чтеніе начетчицъ, отбрасывались по лѣстовкѣ земные поклоны—ставились ломберные столы; гдѣ пѣлись большіе стихи изъ праздниковъ и тріодей и другія вещи со всякимъ благочиніемъ, раздавалась подъ акомпанементъ гитары ухарская пѣсня цыгана; ѳиміамъ кадильный замѣнила «злосмрадная и богоненавистная воня табаки, еже отъ травы выспрь прозябающей». Гаврила Ивановичъ уже оставилъ, по его словамъ, «невѣжество», т.-е. снялъ прежній костюмъ и одѣлся по модному, завелъ коляску, позировать въ которой училъ его какой-то танцовщикъ, съ которымъ онъ никогда не разлучался. Кромѣ способности пить вино ка-

*) Трактиръ у Каменнаго моста, теперь не существующій.

кое угодно и въ какое угодно время, быть готовымъ «въ отъѣздъ» (такъ назывались загородные кутежи въ Царицынѣ, въ Марьиной рощѣ и т. п.) по первому требованію— онъ зналъ нѣсколько фразъ по-французски и хотя не могъ поддерживать разговоръ, но извѣстныя ему фразы произносилъ съ большою развязностью, и, во всякомъ случаѣ, познанія его въ языкѣ простирались настолько, что онъ могъ, не стѣсняясь, пригласить француженку выпить стаканъ шампанскаго. Гаврила Ивановичъ чувствовалъ къ француженкамъ особенную нѣжность.

— Мадамъ, поставлено,—обращался онъ къ одной изъ нихъ, указывая на стаканъ вина.—Алеша, переведи, чтобы кушала.

— Madame, voulez vous boire?—переводилъ танцовщикъ.

— Ah, merci!—отвѣчала француженка, залпомъ выпивая стаканъ вина.

— Люблю!—восклицалъ Гаврила Ивановичъ, поглаживая ея руку.

— Qu'est ce qu'il dit?—быстро спрашивала француженка.

— J'aime!—переводилъ танцовщикъ.

— Aussi!—весело подпрыгнувъ, восклицала она.

— Это насчетъ чего?—спрашивалъ Гаврила Ивановичъ.

— Да ужъ хорошо,—помалчивай!

— Можетъ, деньгами желаетъ попользоваться, такъ можно немножко... три синенькихъ...

Когда же француженка начинала болтать, переводчикъ не терялся и на вопросы Гаврилы Ивановича: «что она говоритъ?»—отвѣчалъ безъ запинки: шампанскаго запросила.

— Вели подавать!—разрѣшалъ Гаврила Ивановичъ.

Долго жилъ Гаврила Ивановичъ «въ этомъ направленіи», но безсонныя ночи, засидки и отъѣзды стали отзываться на его натурѣ. «Нечистая сила», такъ называемые «чортики», ужъ являлись ему во всѣхъ видахъ: и въ видѣ шмелей, жуковъ, вареныхъ раковъ; наконецъ, въ самый разгаръ нижегородской ярмарки, въ одномъ изъ веселыхъ заведеній, въ Кунавинѣ, его обвилъ зеленый змій и не сходилъ съ него три дня. Эта послѣдняя галлюцинація сильно на него подѣйствовала.

— Вѣришь ли ты, — разсказывалъ онъ потомъ: — змій, вотъ какъ на паперти на страшномъ судѣ нарисованъ... зеленый, братецъ ты мой *).

*) Кажется, съ этого времени вошло въ поговорку—напиться до зеленаго змія.

Съ этихъ поръ онъ одумался и остепенился и, вспоминая минувшіе дни, говорилъ:

— Ежели разлить по бутылкамъ все, что я со своимъ переводчикомъ выпилъ, можно у Тверскихъ воротъ погребокъ открыть и торговать три года.

Старуха мать предлагала ему жениться и невѣсту нашла съ большимъ капиталомъ, но Гаврила Ивановичъ разсудилъ такъ:

— Ежели, матушка, жениться мнѣ изъ своего общества, такъ ужъ я съ малыхъ лѣтъ не на тотъ фасонъ себя опредѣлилъ; а ежели Матильду какую (Матильдами Гаврила Ивановичъ называлъ всѣхъ женщинъ не купеческаго круга) къ намъ въ домъ пустить, такъ она порядковъ нашихъ не выдержитъ — уйдетъ. Лучше я поѣду посмотрю, какъ въ чужихъ земляхъ люди живутъ.

И, взявши съ собой какого-то еврейчика въ качествѣ переводчика, уѣхалъ за границу. Былъ въ Египтѣ, вздымался на пирамиды, восходилъ на Везувій, «кружился», по его выраженію, два мѣсяца въ Парижѣ и вернулся въ свое московское захолустье такимъ франтомъ, такимъ парижаниномъ, что всѣ ахнули! Прошелъ по захолустью даже слухъ, что его вызывалъ оберъ-полиціймейстеръ и внушалъ ему, «чтобы онъ не срамилъ себя и одѣвался, какъ купцу подобаетъ», а онъ «не токмо что не послушался, а, напротивъ того, сталъ по Сокольникамъ верхомъ ѣздить». По смерти матери Гаврила Ивановичъ окончательно порвалъ всѣ связи съ обществомъ, къ которому принадлежалъ. Всѣ ютившіяся около «самой», въ верхнемъ этажѣ стариннаго дома, матушки—старицы и начетчицы отрясли прахъ отъ ногъ и разошлись питаться около другихъ благодѣтелей. Домъ совсѣмъ преобразился. Явились лакеи, появился поваръ въ бѣломъ колпакѣ, радушію и гостепріимству хозяина не было конца. Высокій, стройный, безукоризненно одѣтый, лицо важное, сѣрые на выкатѣ глаза, тщательно расчесанная на двѣ стороны борода, — ну, просто лордъ, членъ парламента, когда молчитъ, а заговоритъ, такъ и отдаетъ московскимъ ткачомъ: оттеда, покеда, коли ежели я, значитъ, напримѣръ, теперича такъ будемъ говорить и т. п. О заграничномъ путешествіи у него остались смутныя воспоминанія. Любилъ онъ, впрочемъ, разсказывать о египетскихъ пирамидахъ въ такомъ родѣ:

— Три тысячи годовъ строили, пойми изъ этого!..

— Много выше Ивана Великаго?

— Какія твои пустыя слова! Не то что Иванъ Великій, а можетъ... Даже удивительно! Жара, братецъ ты мой! Ну, сейчасъ этакія, значитъ, палки большія, чтобы ловчѣй идти. Ну, Египетъ, самъ понимаешь! Только бедунъ одинъ подошелъ къ намъ... черный этакій, ежели въ лѣсу гдѣ у насъ такой попадется — въ ногахъ у него наваляешься... пусти душу на покаяніе... и глаза такіе — сейчасъ зарѣжетъ... Ну вотъ, подошелъ онъ къ намъ, а съ нами три бутылки портеру... въ Александріи на случай взяли... Опять же, нужно тебѣ сказать, англичане эти тамъ, какъ векши по камнямъ бѣгаютъ и проч.

Широко зажилъ Гаврила Ивановичъ. Какіе только секретари и кое-кто выше секретарей не обѣдали у него въ домѣ! Сколько стерлядей выловили въ Волгѣ, сколько осетровъ распороли для услады ихъ животовъ.

— Завтрашняго числа вся иверская палестина у насъ будетъ кушать (иверской палестиной Гаврила Ивановичъ называлъ присутственныя мѣста), такъ ты постарайся,— приказывалъ онъ повару.

И старался поваръ, и кушала, и пила всласть вся иверская палестина.

Гаврила Ивановичъ за столъ почти не садился, а ходилъ и распоряжался.

— Г. полковникъ, пожалуйте! Вамъ первое мѣсто, какъ вы есть начальникъ всей нашей окружности. Человѣкъ! Подай, братецъ, на тотъ конецъ сексу. Ты видишь, ужъ тамъ бутылку развертали... и т. п. все въ томъ же родѣ.

Но нѣтъ такого капиталу, на который можно было вдосталь ублаготворить утробы бывшихъ полковниковъ и секретарей отъ иверской палестины. Капиталъ Гаврилы Ивановича пошатнулся. «Въ городѣ» заговорили... Мигъ — и захолустный Лукуллъ очутился въ «Ямѣ», въ которую въ одинъ прекрасный день отвезъ его мѣстный квартальный надзиратель, любившій у него ѣсть кулебяку съ налимьими печенками.

— Вѣрьте мнѣ, — говорилъ онъ ему дорогой: — никогда мѣстная полиція васъ не забудетъ! А ужъ угощенья ваши...

Квартальный понадавилъ немножко лѣвый глазъ, но слеза не выступила.

Не знаю, долго ли соблюдался Гаврила Ивановичъ въ бывшей юдоли купеческаго срама, но я знаю, что онъ живъ и понынѣ: я видѣлъ его на-дняхъ. Онъ очень состарѣлся и бѣдно одѣтъ.

ЗАПИСНАЯ ТЕТРАДЬ СТАРАГО МОСКВИЧА.

Тетрадь сія предназначается для вписыванія моихъ мимолетныхъ мыслей и замѣтокъ и составляетъ продолженіе первыхъ тетрадей, на сей предметъ учиненныхъ.

Годъ 1875. Мѣсяцъ іюнь.

Несмотря на нѣкоторое въ умахъ броженіе, у насъ на Петербургской сторонѣ тихо, чему не мало способствуетъ, какъ дѣятельность полицейской власти, такъ и отдаленность мѣстности.

Нѣкоторое сомнѣніе возстаетъ въ умѣ моемъ о томъ, не обманываютъ ли насъ наши союзники. Газетныя статьи разнорѣчиво говорятъ о семъ предметѣ.

Мѣсяцъ іюль.

Оставилъ Петербургъ для слѣдованія по Николаевской желѣзной дорогѣ въ подмосковное имѣніе внучки моей, Настасьи Петровны.

Несообразности усматриваются на желѣзной дорогѣ относительно размѣщенія пассажировъ. Что хорошо въ Америкѣ, гдѣ всѣ равны и всѣ, начиная съ президента, служатъ по вольному найму, не всегда съ пользою примѣнимо у насъ. Отчего бы не отдѣлить одинъ вагонъ для лицъ, имѣющихъ право на уваженіе общественное?

Волховская станція.

Многое вспомнилось. Неподалеку отъ сей станціи было имѣніе покойнаго графа Алексѣя Андреевича Аракчеева—

село Грузино. Вспомнился мнѣ одинъ грѣхъ моей юности, вызванный, разумѣется, моею молодостью и неустановившимися въ то время понятіями. Дѣло уже принимало оборотъ, грозившій мнѣ бѣлой лямкой, но чистосердечное раскаяніе, принесенное мною архимандриту Фотію, проѣзжавшему въ Грузино къ графу, утишило грозу. Фотій, назвавъ меня дерзновеннымъ офицеромъ, взялъ подъ свое покровительство. Графъ приказалъ примѣрно наказать содержателя постоялаго двора за попустительство, а меня выдержалъ мѣсяцъ, и то по предстательству почтеннѣйшей Настасьи Ѳедоровны, на гауптвахтѣ, при военномъ поселеніи находившейся. Что же касается до нея... кладу храненіе устамъ. Иногда и пріятныя воспоминанія дѣлаются непріятными вслѣдствіе минувшей молодости.

Въ воспоминаніяхъ о прошломъ заснулъ и видѣлъ во снѣ графа Алексѣя Андреевича Аракчеева: сидитъ въ бѣломъ одѣяніи и съ добродушной улыбкой перелистываетъ какую-то книжку.

Въ Твери проснулся и былъ на платформѣ привѣтствованъ какимъ-то неизвѣстнымъ мнѣ весьма пожилымъ человѣкомъ, но очевидно меня знающимъ. Стремясь мысленно къ цѣли моего путешествія, я его не разспрашивалъ. Въ Твери я былъ послѣдній разъ въ 1830 году, бывъ командированъ туда съ весьма щекотливымъ секретнымъ порученіемъ. Въ Петербургѣ стали ходить нелѣпые слухи, что въ Твери проживаетъ секретно дочь Наполеона I, родившаяся въ Москвѣ уже послѣ изгнанія его изъ предѣловъ Россіи. Сначала говорили шопотомъ, а потомъ стали говорить вслухъ. Былъ посланъ одинъ изъ благонадежнѣйшихъ въ то время сыщиковъ для производства негласнаго дознанія. Сыщикъ, ужъ теперь не упомню, какъ его фамилія, отвѣчалъ рапортомъ, что онъ пришелъ къ всесовершеннѣйшему убѣжденію въ томъ, что дочь Наполеона находится въ Твери и отъ преслѣдованія скрывается. Бывъ командированъ, я прибылъ въ Тверь... Впрочемъ, все сіе дѣло, какъ на ложныхъ слухахъ основанное, кончилось ничѣмъ, хотя съ мнимой дочери Наполеона и была отобрана мною подписка въ томъ, что она дочь французскаго парикмахера Наполеона Пруве, въ распускаемыхъ о ней ложныхъ слухахъ не участвовала и впредь, подъ опасеніемъ наказанія, участвовать не будетъ, которую она чистосердечно, со

слезами, подписала. Французское посольство выразило удовольствіе.

Москва.

По странному стеченію обстоятельствъ, я въѣхалъ въ Москву въ тотъ же самый день, въ который, тридцать лѣтъ тому назадъ, изъ оной выѣхалъ. Не есть ли это какая-либо тайна руководящаго меня Провидѣнія? Хотѣлъ, по старому, остановиться на Тверской, въ гостиницѣ Шевалдышева, но оная, какъ оказалось, болѣе не существуетъ. Вся Тверская улица перестроена, дворянскихъ домовъ нынѣ уже не видно, лишь на воротахъ англійскаго клуба сохранились львы — эмблема силы и власти. Не безъ грусти проѣхалъ я по этой улицѣ, направляясь къ Прѣсненскимъ прудамъ, къ старинному другу своему, Ивану Максимовичу Невзорову. Сохранивши до преклонныхъ лѣтъ зрѣніе и умъ, столь необходимый для всякаго человѣка, старикъ удалился отъ современнаго общества и живетъ уединенно въ собственномъ домѣ, въ которомъ прежде тайно собирались масонскія ложи. Старикъ несказанно мнѣ обрадовался. Стали пересчитывать живыхъ. Оказалось, что насъ осталось только четверо: я, онъ, Степанъ Васильевичъ Промзинъ, проживающій въ собственномъ домѣ у Донского монастыря, да еще какой-то знакомый ему протоіерей. Разговорились о современномъ положеніи дѣлъ. На тотъ случай, что сія тетрадь можетъ попасть кому-либо въ руки—сужденія наши, касавшіяся, разумѣется, строя политическаго, я здѣсь опускаю, хотя нѣкоторыя мысли старика и слѣдовало было записать. Не могу не выразить удивленія передъ неосмотрительностью одного извѣстнаго мнѣ генерала, съ полнымъ откровеніемъ напечатавшаго въ «Русскомъ Архивѣ» свои записки и критически коснувшагося нѣкоторыхъ начальствующихъ лицъ. Зачѣмъ?

Былъ у Степана Васильевича Ворлянскаго (помнится, фамилія его упоминается въ комедіи Грибоѣдова). Въ молодыхъ лѣтахъ былъ масонъ. Теперь не узнаетъ никого, и меня не узналъ. Разсказывала мнѣ безотлучно находящаяся при немъ женщина, что онъ раза три въ годъ приказываетъ подавать себѣ мундиръ, въ намѣреніи ѣхать на дворянскіе выборы и, одѣвшись, засыпаетъ. Къ удивленію моему, онъ принялъ меня за графа Закревскаго, и когда

я ему на сіе возразилъ, онъ погрозился на меня пальцемъ.

Бывъ при открытіи памятника гражданину Минину и князю Пожарскому, нарочно пошелъ на Красную площадь. Къ сожалѣнію, надпись на памятникѣ, объясняющая значеніе сего мавзолея, обветшала и обсыпалась, самый же памятникъ окруженъ ломовыми извозчиками и мелкими торговцами, что и препятствуетъ быть ему величественнымъ.

Былъ на Вшивой горкѣ. Въ бывшемъ, поражавшемъ своимъ великолѣпіемъ, дворцѣ Шепелева помѣщается для чернорабочаго класса больница. Домъ сей, по великолѣпію убранства и барской пышности, былъ въ Москвѣ однимъ изъ первыхъ. На воротахъ дома супруги генералъ-аншефа Варвары Алексѣевны Болдиной нынѣ написано: купчихи Ефремовой. Что сказать о семъ? Иванъ Максимовичъ говоритъ: погоди, еще не то будетъ!

Былъ въ Сокольникахъ. Густой вѣковой соснякъ на половину вырубленъ. Причина тому — передача этой рощи изъ казеннаго вѣдомства въ вѣдѣніе городской думы, которая и пожелала изъ онаго сдѣлать подобіе парижскаго булонскаго сада. Напрасно. Въ старину здѣсь цари занимались соколиной охотой, отчего и роща получила названіе рощи Сокольницкой. Любопытствующіе могутъ прочитать о семъ въ книгѣ г. Любецкаго.

Иванъ Максимовичъ говорилъ, что французскій языкъ, прежде достояніе одного высшаго общества, сталъ нынѣ проникать и въ дома купеческіе. Несогласенъ я съ этимъ.

Въ одномъ изъ первѣйшихъ московскихъ барскихъ садовъ, на Самотекѣ, нынѣ засыпанной, устроено гулянье народное, именуемое Эрмитажемъ. Большая часть деревъ вырублена, пруды затянуло иломъ. Въ двадцатыхъ годахъ, садъ этотъ принадлежалъ Корсакову, въ коемъ собиралась московская знать, угощаемая роскошнымъ ужиномъ, при спускѣ на прудахъ фейерверка, и домашнимъ оркестромъ. Осталось еще нѣсколько деревьевъ, бывшихъ свидѣтелями прежняго барскаго житья. Гуляя въ семъ Эрмитажѣ, съ

глубокимъ сожалѣніемъ вспомнилъ я о временахъ минувшихъ.

Подъ Новинскимъ, въ домѣ, бывшемъ князя Ивана Львовича, гдѣ была свадьба покойной княгини Анны Борисовны, помѣщается нынѣ трактиръ, и въ ономъ виситъ портретъ Фридриха Великаго, во весь ростъ, на конѣ, принадлежавшій князю. Что приличествуетъ барскому дому— неумѣстно въ трактирѣ. Не это ли одна изъ причинъ, что нынѣшнее, такъ называемое, молодое поколѣніе, взирая безъ должнаго уваженія... Впрочемъ, разсужденіе сіе оставляю до деревни.

Былъ на Воробьевыхъ горахъ, со стороны Москвы-рѣки, по своей крутизнѣ, почти неприступныхъ. Въ первый разъ я былъ здѣсь съ моимъ гувернеромъ. Въ то время еще виднѣлись слѣды разрушенія, оставшіеся послѣ отступленія Наполеона, и это возбудило во мнѣ страсть къ службѣ военной, хотя бабка моя, по своимъ связямъ, предназначала мнѣ карьеру дипломатическую. Не знаю, было ли бы это лучше: Нессельроды не часты.

Пріобрѣлъ покупкою у Сухаревой башни весьма сходственный портретъ Дибича, и другой, кажется, Платова; оба писаны масляными красками.

Не во всемъ я съ мнѣніемъ «Московскихъ Вѣдомостей» согласенъ.

Посѣтилъ меня одинъ молодой человѣкъ, въ трехъ училищахъ бывшій и нигдѣ курса не окончившій, съ просьбою о пособіи. Возымѣлъ онъ непреодолимое желаніе поступить въ оперетку Оффенбаха, посему и домъ родительскій оставилъ, и отъѣзжаетъ въ Саратовъ, гдѣ оная оперетка публикою любима. На совѣтъ мой возвратиться къ родителю— разсердился. Не малое удивленіе сей молодой человѣкъ мнѣ доставилъ своимъ свободомысліемъ. На вопросъ мой, почему онъ является ко мнѣ, незнакомому ему человѣку, отвѣтствовалъ: для артиста всѣ двери открыты. Не зналъ этого, что для подобныхъ артистовъ всѣ двери должны быть открыты. Въ наше время артистъ было званіе почтенное и почетное, большимъ трудомъ достигавшееся, а

нынѣ кто играетъ на гитарѣ «Чижика», уже артистомъ именуется и концертъ дастъ.

Тоже дама, мужемъ оставленная, просила о пособіи. Необыкновенная потребность развилась въ современномъ обществѣ на пособія, всѣ нуждаются въ ономъ: протягиваетъ руку швейцаръ, подающій тебѣ шинель, парикмахеръ, обривній у тебя бороду, дама, имѣющая возможность ѣздить на извозчикѣ, полный здоровья и силы молодой человѣкъ и т. п. Благотворительныя общества не успѣваютъ давать концертовъ и спектаклей для удовлетворенія просьбъ своихъ потребителей. «Подымаю завѣсу сѣдой старины» и вижу, что въ наше время пособія бѣдными людьми испрашивались токмо на паперти церковной. Одинъ изъ благотворителей, самъ живущій на счетъ благотворимыхъ, у Ивана Максимовича за обѣдомъ говорилъ, что сія причина есть обновленіе общества. Можетъ. Не спорю. Но не отвлекаютъ ли сіи пособія отъ труда личнаго? Не усматриваю я никакого обновленія въ томъ, что даже сытый швейцаръ, несущій одинъ изъ наилегчайшихъ въ мірѣ трудовъ, является паразитомъ общественнымъ. Впрочемъ, вопросъ сей требуетъ обстоятельнаго разсужденія.

У Ивана Максимовича было вчера собраніе московскихъ ученыхъ, толковали о масонахъ и въ немалое удивленіе пришли, узнавши о личномъ знакомствѣ моемъ со Сперанскимъ и Аракчеевымъ. Нѣкоторыя неправильныя разсужденія въ современныхъ журналахъ о сихъ сановникахъ мною исправлены. О привязанности Сперанскаго къ нюхательному табаку никто изъ нихъ не зналъ.

Простившись съ Иваномъ Максимовичемъ, выѣхалъ въ деревню.

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА.

Я нашелъ очень интересную записную книжку. Кому принадлежала она, кто писалъ ее — я не знаю. Каждое воскресенье я хожу по рынку у Сухаревой башни, въ полной увѣренности, что найду когда-нибудь что-либо въ родѣ слова о полку Игоревомъ или Краледворской рукописи. Случалось мнѣ находить цѣлыя связки любовныхъ писемъ, альбомы съ засохшими въ нихъ цвѣтами; разъ нашелъ латинскую грамматику Цумта, подаренную на экзаменѣ «за благонравіе и успѣхи» одному юношѣ, въ настоящее время большому сановнику. Съ какой благодарностью онъ принялъ отъ меня эту книжку, напомнившую ему лѣта его юности!

Въ прошлое воскресенье, я, по обыкновенію, пришелъ на рынокъ, думая: не растрепалъ ли въ теченіе этой недѣли какой-нибудь судебный приставъ, гдѣ-либо у Благовѣщенья на бережкахъ или на Сивцовомъ вражкѣ, какого-нибудь книгохранилища. Если—да, то часть этого книгохранилища непремѣнно должна въ первое же воскресенье появиться у Сухаревой.

—.Что новенькаго? — спрашиваю у одного пріятеля-книжника.

Онъ мнѣ предложилъ порыться въ корзинѣ, въ которой лежали разныя растрепанныя книги, учебныя тетради, аспидная доска и почему-то попала чайная чашка безъ ручки. Я взялъ въ руки въ осьмушку сшитую тетрадку, на лицевой сторонѣ которой четко написано: «Записная книжка, тетрадь третья». Сталъ искать другихъ тетрадокъ—не нашелъ, но есть надежда отыскать и ихъ. Пока предаю тисненію то, что есть.

Какъ ученые до сихъ поръ не открыли, кто творецъ

слова о полку Игоревомъ, такъ, по настоящему отрывку, невозможно узнать, кто авторъ этой книжки. Слогъ его то напоминаетъ знаменитаго Фотія, то сбивается на простую рѣчь. Ни года, ни мѣсяца, ни числа, даже мѣста, гдѣ происходило дѣйствіе, не обозначено; можно только догадываться, что то-то было въ Петербургѣ, а то-то въ Москвѣ.

«На Страстномъ бульварѣ былъ у *самого*. По кабинету ходитъ одинъ. У меня, говоритъ, какъ у Петра Великаго, мозоли съ рукъ не сходятъ, а они меня не боятся. Многонько говорено было. Вышелъ на бульваръ, городовой мнѣ подъ козырекъ сдѣлалъ, свистнулъ три раза.

Опять былъ. Гнѣвенъ. Далъ письмо въ Питеръ, рабу Божію Владиміру. На словахъ велѣлъ сказать, чтобъ не угасалъ.

У купца былъ. Угощалъ меня ананасной водой; настоящая, говоритъ. На *самого* сердитъ: торговать, говоритъ, мѣшаетъ; разносную торговлю совсѣмъ остановилъ. Въ головы хочетъ баллотироваться. Если выберутъ, говоритъ, всѣ свои глупости брошу, по родителю пойду.

На Воробьевы горы ѣздилъ. Высокія. Молоко двадцать копѣекъ стаканъ.

У купца въ складѣ былъ, газету читалъ, уснулъ и страшный сонъ видѣлъ, будто въ меня изъ пушки стрѣлять хотятъ. Купецъ говоритъ, что водка располагаетъ. Мудренаго нѣтъ.

Сырой день въ Петербургѣ. У А. былъ. Злымъ духомъ обуянъ. Скрежещетъ. Два года, говоритъ, я его за хвостъ держу.

У раба Божія Владиміра былъ. Втроемъ сидятъ. Мятутся. Подалъ письмо отъ самого. Хорошо, говоритъ, ему тамъ разговаривать-то!

Былъ у извѣстнаго мнѣ человѣка. Чай пили и разговоръ былъ.

У Б. былъ. Черный. Ходитъ по комнатѣ, мухъ ловитъ. Читалъ мнѣ по секрету нѣкую записку. Любопытная.

Въ Пушкинскомъ кружкѣ былъ. Удивленія достойно! Отроки съ отроковицами въ коридорѣ подъ ручку ходятъ; у буфета нелѣпостно подвизаются пожилые и старцы. Овъ простираетъ руки къ питію, овъ чревонасыщенію предается. Нѣкій отрокъ взялъ книгу, вступилъ на помостъ и сталъ стихи читать на разные голоса. Что симъ достигается? Недоумѣваю...

У дружка своего, вологодскаго купца Ивана Петровича, моего милаго земляка, былъ. Тесомъ здѣсь торгуетъ. Про Петербургъ разговорились. Это, говоритъ, огромная кузница, въ которой, если не обожжешься, то непремѣнно замараешься. Вѣрно!

Рабъ Божій Владиміръ книжку свою для прочтенія прислалъ. Отъ мудрости слово поставлено! Смѣлымъ слогомъ написана, отважнымъ.

У Виктора былъ. Дѣла его пошатнулись. Печаловался. Все, говоритъ, по судамъ хожу, измышлять некогда. Хотя за лѣто и создалъ нѣчто съ иностраннаго, но встрѣчаю препоны.

У Л-на чай пилъ. Липовый медъ былъ и варенье. Велѣлъ послѣ лошадь заложить и прокатилъ меня по Невской перспективѣ до Думы, самъ пошелъ внутрь оной объ нѣкоторыхъ важныхъ городскихъ дѣлахъ разговаривать. Сильный человѣкъ!

Съ нѣкіимъ молодымъ учителемъ познакомился—ввѣренныхъ ему учениковъ бьетъ. Похваляю. Меня самого били.

У нѣкоторой значительной дамы на дачѣ многопестротная трапеза была и я былъ. Съ рабомъ Божіимъ Владиміромъ рядомъ сидѣлъ. Говорили «о проникновеніи» и объ *самомъ*. А. съ умиленіемъ къ жаркому салатъ стряпалъ. Въ чужихъ земляхъ, говоритъ, научился. Послѣ обѣда сидѣлъ съ другомъ своимъ Владиміромъ въ саду подъ смоковницею и фрукты ѣли. Открылъ онъ мнѣ нѣкоторую тайну о французской политикѣ.

Собираюсь въ Москву.

У П. былъ. Было многое злохуленіе всѣмъ. Послѣ всѣ пошли въ трактиръ Тѣстова селянку ѣсть, а я отправился къ нѣкоему дружку своему, первостатейному купцу, на Таганку.

Свѣтъ не видывалъ такого пьянства, какое я засталъ вчера у дружка своего на Таганкѣ, по случаю тезоименитства его дочери, вдовствующей благородной особы. П. съ частнымъ приставомъ обнявшись ходили, и, какъ видимо, онъ въ большой силѣ.

нѣкоего простеца былъ, въ думѣ служитъ—шары въ ящики раскладываетъ. Разговоръ былъ. Объ освѣщеніи Невской перспективы электричествомъ спрашивалъ. «Не знаю,—говоритъ,—шары у насъ давно разложены, чтобы

таковому освѣщенію быть и храмину для сего нарочитую устроили, но нѣкоторыя есть препоны».

У онаго-жъ простеца спрашивалъ: коея ради вины онъ, природнымъ разумомъ простоватый и на отговоры не смышленый, въ думѣ служитъ? Невѣдѣніемъ отрекся.

Человѣкъ одинъ, изъ Москвы пріѣхавшій, сказывалъ: нѣкоторый шумъ былъ слышенъ въ Петровскомъ паркѣ и мнитъ, что нѣкіе купцы, хмѣльному питію прилежащіе, дрались.

Созерцателя одного театральнаго видѣлъ на Фонтанкѣ. Лентовскаго не одобряетъ, вкупѣ и новоотдѣланный театръ «Фантазію» весьма порицаетъ. «Кормленія ради хозяевъ, говоритъ, устроенъ, а не для утѣшенія ищущаго утѣшенія». Правда. Видѣлъ я онаго Лентовскаго, въ странномъ одѣяніи по Москвѣ ходящаго и тоскующаго ради несоотвѣтствія между предложеніемъ грѣховныхъ зрѣлищъ и ихъ потребленіемъ. Зарваться можно.

Познакомился съ мужемъ нѣкіимъ. Видѣніемъ благообразнъ, браду имѣя и умъ не весьма проникновенный, глаголанію же его нѣсть предѣла.

Читалъ нѣкоторую газетную статью въ «Гражданинѣ»... Однако! Ниже сего поговорю.

Нѣкто академическія вѣдомости издавать хочетъ. Лжемудрствующимъ — страхъ, слабодушію — укрѣпленіе. Одобряю».

МЫСЛИ ВСЛУХЪ НА ПАРАДНОМЪ ПОДЪѢЗДѢ.

Въ передней бывшаго великосвѣтскаго дома, перешедшаго со всей мебелью, картинами, фамильными портретами, мраморными изваяніями, севрами, гербовой посудой во владѣніе одного банкира, сидѣлъ старый, сѣдой, какъ лунь, съ важной осанкой, швейцаръ Сила Андреевъ Богатыревъ. Онъ также вмѣстѣ съ домомъ перешелъ къ банкиру. Лицо его изображало полнѣйшее отвращеніе къ занимаемому имъ посту: онъ считалъ себя выше того общества, которому служилъ. Онъ нехотя подымался съ своего мѣста, когда кто-нибудь спрашивалъ, принимаютъ или нѣтъ, и грубо отвѣчалъ: «пріему нѣтъ». Передъ нѣкоторыми, отъ которыхъ онъ не чаялъ особенной благостыни, даже не вставалъ, а просто указывалъ пальцемъ на листъ бумаги:— «тамъ можно расписаться». Полувѣковая практика въ швейцарской до того развила въ немъ чувство осязанія, что онъ, опуская въ карманъ врученную ему бумажку, не глядя, на ощупь, зналъ, какого она достоинства. Если сумма превышала норму, установившуюся для вознагражденія швейцаровъ въ высокоторжественные дни (обыкновенно эта норма колеблется между двугривеннымъ и тремя рублями, глядя по рангу швейцара и по тамбуру, въ который онъ впускаетъ), онъ провожалъ посѣтителя до тротуара, помогалъ ему сѣсть въ экипажъ; но когда даяніе далеко превышало норму, когда, напримѣръ, какой-нибудь счастливецъ, въ первый разъ, въ новый годъ, оттитуловавшійся Богатыревымъ «вашимъ превосходительствомъ», въ порывѣ восторга, вручалъ ему десять рублей, лицо почтеннаго швейцара тотчасъ оживлялось, строгое выраженіе

перемѣнялось на благоговѣйно-умильное, потухавшіе глаза на мгновенье вспыхивали, и онъ съ чувствомъ устремлялся отворять дверь новому «превосходительству». Врученная ему бумажка производила на него сильное впечатлѣніе. «Вотъ это я понимаю,—говорилъ онъ мысленно,—а ужъ кинарейки-то, признаться сказать, надоѣли». Кинарейками онъ называлъ рублевые кредитные билеты.

Передъ военными генералами онъ вытягивался во весь ростъ, и въ голосѣ его слышались трепетъ и подобострастіе.

— Принимаютъ?—спрашиваетъ генералъ.

— Никакъ нѣтъ, ваше пр—во: поѣхали къ министру финансовъ,—отвѣчаетъ онъ съ важностью. Мы, дескать, вотъ какіе—къ министру финансовъ ѣздимъ. Ты какъ насъ понимаешь?

— А Фанни Августовна?

— Поѣхали къ мамà, къ Адельфинѣ Ѳедоровнѣ.

Пока генералъ добываетъ карточку, онъ дѣлаетъ замѣчаніе: «сегодня холодно, ваше пр—во», или: «какой новый годъ-то сердитый, холодный». Когда генералъ выходилъ, онъ его провожалъ на тротуаръ и, вскрикнувъ хриплымъ голосомъ кучеру «давай», помогалъ ему сѣсть въ карету и захлопывалъ дверцы. Возвращаясь, онъ говорилъ: «свой человѣкъ, маленькаго его мы пажомъ къ себѣ брали. Не помнитъ меня! Да и гдѣ помнить—лѣтъ-то много. А я очень хорошо его помню. На плацъ-парадѣ имъ съ покойнымъ графомъ и производство въ офицеры было».

Старикъ говорилъ это для поддержанія своего престижа: генералъ ни въ пажахъ никогда не былъ, ни дома этого никогда не посѣщалъ и онъ его видѣлъ въ первый разъ.

— Двѣ звѣзды заслужилъ,—замѣтилъ кто-то изъ прислуги.

— У нашего покойнаго ихъ было...

— Много?

— Да если съ турецкими считать, такъ пожалуй и счетъ потеряешь. Своихъ пять штукъ, да тамъ еще... пойдутъ иностранныя: Марія Тверезвія, св. Парламеритъ. Много регальевъ этихъ было...

День клонился къ вечеру. Движеніе экипажей мало-помалу прекращалось. Измученный безполезной ѣздой и бѣганьемъ по лѣстницамъ городъ сталъ приходить въ себя. Курсъ на извозчиковъ мгновенно упалъ. Торговля въ буфетахъ Невскаго проспекта быстро оживилась: начали появляться трехуголки, цилиндры, бобровыя и баранья

шапки, фраки, мундиры, всѣ спѣшили отогрѣть продрогшіе члены. Идетъ оживленный разговоръ.

— Съ новымъ годомъ...

— Благодарю васъ...

— Что это такой парадный?..

— А какъ же? Порядокъ! Ужасъ какъ усталъ, если бы вы знали!.. Къ самому... У Льва Савича по старинѣ... расписался. Я его люблю, онъ человѣкъ хорошій!.. Отъ него къ старику... Какъ хотите, старика обижать не слѣдуетъ!.. Обрадовался! Всѣ, говоритъ, меня позабыли. Потомъ... Дайте мнѣ бѣлой померанцевой и бутербродъ со свѣжей икрой. Пожалуйста, чтобъ зеленый лукъ былъ... Скорѣй! Фу, какъ иззябъ!.. Отъ старика къ этой подлой... Ну, не могу! Самъ знаю, что дрянь, а все... Ну, что ты станешь дѣлать!

— Вы гдѣ встрѣчали?

— Дома.

— Человѣкъ, да давайте-жъ мнѣ водки скорѣй. Вѣдь это-жъ нельзя. Полчаса-жъ я сижу, и все водки нѣтъ. Вѣдь это-жъ безобразіе!..

— Батюшка, въ какихъ вы украшеніяхъ!

— Да-съ, имѣлъ честь поздравить съ новымъ годомъ швейцаровъ! Ѣздилъ внушать къ себѣ за рубль серебромъ уваженіе. Михаилъ Валентиновичъ, позвольте мнѣ водки и, если есть, сухарной. А закуска будетъ зависѣть отъ вашего ко мнѣ расположенія. Съ своей же стороны, я полагалъ бы закусить пирогомъ. Ей-Богу! Вѣдь это ужасно глупо ѣздить поздравлять швейцаровъ и вносить имъ деньги.

— А вы зачѣмъ ѣздите?

— Ахъ вы либералъ этакой! Да швейцаръ-то можетъ обидѣться. Посмотритъ въ прошлогодній листъ, ахъ, скажетъ, онъ въ прошлый годъ былъ, а нынче не удостоилъ, и сейчасъ приметъ мѣры...

— Какія мѣры?

— Разумѣется административныя: будетъ отказывать, когда придешь по дѣлу, не будетъ принимать пальто, будетъ, наконецъ, грубить глазами.

— Какъ глазами?

— А ты не знаешь, какъ швейцары грубятъ молча, глазами?

— Въ первый разъ слышу!..

Разговоры шли оживленнѣе. Буфетъ стоялъ на высотѣ своего назначенія.

На парѣ кровныхъ рысаковъ, покрытыхъ коричневыми съ голубой оторочкой попонами, въ шорахъ, возвратился банкиръ отъ министра финансовъ. Сіявшая на его груди звѣзда Льва и Солнца отражала лучи свои на самодовольномъ лицѣ его.

— Всѣмъ бы генералъ, только чего-то не хватаетъ,— говорилъ про него швейцаръ.

Онъ тихо поднялся на лѣстницу. Черезъ нѣсколько минутъ послышался повелительный голосъ банкирскаго камердинера: «никого не принимать!»

— Съ величайшимъ удовольствіемъ!..—произнесъ иронически Богатыревъ, подкладывая въ едва тлѣвшій каминъ каменнаго угля.

Весело запылалъ каминъ, повеселѣло и на душѣ у стараго швейцара.

— Вотъ теперь и отдохнуть можно, — произнесъ онъ, усаживаясь въ кресло противъ камина.—Это день такой сумасбродный—никакого порядку въ немъ нѣтъ, точно съ цѣпи сорвавшіе бѣгаютъ. А нельзя! Такіе порядки заведены—и не хочешь да бѣги... Ужъ это что говорить!

Глядя на разгоравшійся каминъ, онъ предался размышленію. Ему вспомнилось его дѣтство, какъ онъ взятъ былъ изъ деревни въ барскій домъ двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ. Какъ онъ плакалъ, когда его остригли и нарядили въ казакинъ съ красными сердцами на груди. Какъ онъ прислуживалъ на половинѣ старой барышни: сопровождалъ ее на прогулкахъ, и съ утра до ночи чесалъ ея собаченокъ... Какъ ѣздилъ съ ней въ Юрьевскій монастырь къ архимандриту Фотію и т. п.

— Добрая была, прекрасная женщина, богомольная, если бы не эта у ней собачья слабость,—произнесъ онъ со вздохомъ.

Воображеніе его все разыгрывалось и разыгрывалось. Ему живо представилась страшная картина петербургскаго наводненія. Онъ былъ свидѣтелемъ того момента, когда

Нева вздувалась и ревѣла,
Котломъ клокоча и клубясь—
И вдругъ, какъ звѣрь остервенясь,
На городъ кинулась...

Передъ нимъ, какъ живые, встали его растерявшіеся господа, смотрѣвшіе въ окно на проявленіе Божьяго гнѣва. Ему какъ бы слышались стоны и вопли несчастныхъ,

застигнутыхъ грозной стихіей. «Помираемъ, помогите! Православные, помираемъ! Хоть ребеночка-то возьмите!..» кричалъ кто-то съ рыбачьей лодки, потерявшей весла. Но вотъ лодка мигомъ перевернулась, по дну ее гребнемъ скользнула волна и помчалась дальше за новыми жертвами. Ему представились плывущія бревна, лошади, однимъ словомъ, передъ нимъ возстала вся ужасная картина ужаснаго дня.

— Страшный, можно сказать, день былъ! Именно ужъ страшный, не виданный, забыть его невозможно!..

Мало-по-малу мрачные эпизоды въ его воображеніи начали смѣняться болѣе отрадными. Онъ уже молодой человѣкъ: въ ливрейномъ фракѣ, въ чулкахъ и башмакахъ, прислуживаетъ на балу кавалерственной дамѣ; на парадномъ обѣдѣ стоитъ «съ раболѣпствомъ нѣмымъ» за стуломъ князя Циціанова; набиваетъ въ кабинетѣ трубку какой-то знатнѣйшей особѣ; командируется съ посылками въ Грузино къ умирающему льву графу Аракчееву.

— Господи, что это за особы величественныя были,— восклицаетъ Богатыревъ и опять предается размышленіямъ.

Въ домѣ балъ. Лѣстница убрана тропическими растеніями. Ароматъ живыхъ цвѣтовъ и благовонныхъ куреній распространился по всему дому. Онъ стоитъ въ парадной швейцарской красной ливреѣ, на плечѣ у него генеральская эполета, на головѣ трехугольная шляпа, въ рукахъ тяжелая булава. Съ улицы слышится шумъ подъѣзжающихъ экипажей. Вотъ два гайдука вносятъ какую-то важную особу женскаго пола. Вотъ влетѣлъ въ звѣздахъ и въ голубой лентѣ, съ совершенно голой головой, низенькій, бойкій старичокъ. Вотъ изъ-подъ тяжелой шинели показалась усѣянная звѣздами, крестами и медалями грудь стараго воина. Вотъ быстрѣе лани вскочилъ на лѣстницу длинный, тощій господинъ во фракѣ. Направо и налѣво лакеи снимаютъ бархатные сапоги съ прекраснаго пола. Съ улицы дверь шумно растворилась, вбѣжалъ придворный лакей въ сѣрой шинели съ волчьимъ воротникомъ и широкими красными оторочками на капюшонѣ. «Фельдмаршалъ», произнесъ онъ рѣзкимъ топомъ... «Фельдмаршалъ!» разнеслось мгновенно по лѣстницѣ и быстрѣе телефона достигло до ушей хозяина, и лишь фельдмаршалъ переступилъ порогъ передней, какъ хозяинъ былъ уже на половинѣ лѣстницы. Какъ-то все принизилось, притаилось. «Ухъ, какой бы отличный тамбуръ-мажоръ былъ», произнесъ фельдмаршалъ, обративъ невольно вниманіе на высокую, статную фигуру швейцара.

— Мнѣ бы тогда сказать:—рады стараться, ваша свѣтлость, а мнѣ не въ догадь. И вышелъ съ моей стороны какъ бы конфузъ,—опять подумалъ вслухъ Богатыревъ.

Промелькнула въ его воспоминаніяхъ и смерть стараго графа, похороны его въ Невской лаврѣ, послѣдовавшія затѣмъ перемѣны въ домѣ, наконецъ мечта довела его до великаго историческаго событія—освобожденія крестьянъ.

— Такъ все и рухнуло, такъ все и покатилось подъ гору! И удержать ужъ теперь никакъ невозможно!.. Такъ мы всѣ и опустились! Спервоначалу даже словно бы страшно стало. Годъ-другой прошелъ—привыкать стали, стали понимать, что безъ господъ не помремъ. А то ухъ, какъ жутко было!.. Слышимъ-послышимъ—Прасковьино купецъ купилъ и въ графскомъ домѣ ткацкую фабрику завелъ. Слезы, ей-Богу, слезы! А тамъ смотримъ въ спасской рощѣ ужъ топоръ гуляетъ. И пришпектъ липовый, а ему лѣтъ двѣсти будетъ, тоже сняли... А тутъ добрались и до дому. Молодой графъ уѣхалъ за границу и управляющаго опредѣлилъ изъ благороднаго званія. Какъ пошли это тащить да разносить—индо сердце кровью обливалось. Господи, думалось, старики-то копили-копили, старались-старались и все это прахомъ!.. И какіе это воры, на мою примѣту, ласковые: по плечу тебя гладитъ, а самъ что-нибудь, глядишь, и уволокъ. Одинъ пришелъ со стекляшкой въ глазу, все съ управляющимъ обнявшись по дому ходили, смотрю—въ графскомъ кабинетѣ турецкаго пистолета съ серебряной насѣчкой ужъ нѣтъ! А тутъ и мнѣ, прирожденному въ этомъ домѣ слугѣ, разрѣшеніе идти на всѣ четыре стороны. Хорошо, что этотъ оставилъ на прежнемъ положеніи. Ну, куда бы я, на старости лѣтъ, пошелъ? Опять же какъ привыкши я къ этой должности... Само собой, очень обидно, послѣ такихъ великихъ господъ, служить у незнатнаго человѣка, да къ дому-то этому, я, можно сказать, приросъ и умереть въ немъ мнѣ хочется...

На дворѣ стемнѣло.

Каминъ, дымясь, погасалъ. Погасало и воображеніе Силы Богатырева. Его околдовалъ сонъ. Онъ захрапѣлъ.

ДНЕВНИКЪ ДВОРЕЦКАГО.

Четвергъ.

Сегодня исполнилось ровно два года со смерти покойной ея сіятельства графини Софьи Александровны. Заупокойная литургія была въ Донскомъ и въ Андроньевомъ.

Понедѣльникъ.

Сегодня цѣлый день шелъ снѣгъ. Никого принимать не приказано. Графъ игралъ на гитарѣ и пѣлъ. Вечеромъ поѣхалъ въ клубъ.

Вторникъ.

Графъ воротился на разсвѣтѣ. Будить не приказано. Проснулся въ четвертомъ часу. Читалъ въ постели смѣшную книжку. Вечеромъ на дому была всенощная. Служилъ священникъ отъ Іоанна Предтечи. Послѣ всенощной игралъ съ батюшкой въ шашки.

Пятница.

Графъ до трехъ часовъ стрѣлялъ въ оранжереѣ изъ пистолета, потомъ игралъ на гитарѣ и пѣлъ. Вечеромъ поѣхалъ въ Грузины въ таборъ. Воротился въ двѣнадцать часовъ. Стоялъ на молитвѣ до часу. Будить не приказано.

Суббота.

Проснулся въ часъ. Приказано достать моченыхъ яблоковъ. Вечеромъ поѣхалъ въ Суконныя бани. Парили четверо. Григорій, Лаврюшка, да два банщика. Лаврюшку вытащили замертво. Отпоили квасомъ.

Вторникъ.

Роговская вся выгорѣла. Говорятъ—подожгли ямщики.

Суббота.

Померъ скоропостижно покойнаго графа камердинеръ Григорій Никитинъ, отъ угару. Похоронили за Рогожской

заставой, позади медвѣжьей травли. Жену приказано отправить на скотный дворъ, а малолѣтнихъ дѣтей раздать въ ученье. Квартальному за хлопоты десять рублей и сукна на брюки.

Понедѣльникъ.

Приказано наказать Лаврюшку въ оранжереѣ.

Середа.

Всталъ въ восемь часовъ. Терли спину льдомъ. Читалъ Четъ-Минею, а послѣ стрѣлялъ изъ пистолета. Передъ обѣдомъ, для аппетита, тянулся съ кучеромъ Глѣбомъ на палкѣ. Послѣ обѣда спалъ до десяти часовъ и въ таборъ.

Пятница.

Утромъ былъ докторъ Топоровъ и дѣлалъ выговоръ. Цѣлый день лежалъ на диванѣ, примачивалъ голову уксусомъ. Приказано, чтобы въ домѣ кошекъ не было.

Воскресенье.

Ѣздилъ съ тетенькой Натальей Алексѣевной къ донскому архимандриту Ѳеофану. Весь вечеръ ходилъ въ картинной залѣ и вздыхалъ. Стоялъ на молитвѣ до часу.

Понедѣльникъ.

Утромъ ѣздилъ въ Грузины къ цыгану крестить. Вечеромъ весь таборъ былъ у насъ въ домѣ. Плясалъ съ цыганками и пѣлъ.

Суббота.

Пасмурно. Лаврюшкѣ приказано лобъ забрить, а онъ сбѣжалъ.

Воскресенье.

Сегодня день моего ангела. Подносилъ крендель. Благодарилъ и пять рублей. Вечеромъ пріѣхала съ отцомъ изъ театра Вѣра Аѳонасьевна. Ужинали до свѣту. Графъ игралъ съ ней на фортепіано и пѣлъ. Отецъ благодарилъ, что графъ имъ не гнушается. Графъ подарилъ ему лягаваго кобеля.

Понедѣльникъ.

Весь день не выходилъ изъ дому. Разрисовывалъ красками птицу въ клѣткѣ.

Вторникъ.

Повара Ваську на двѣ недѣли въ Троицкій трактиръ учиться готовить селянку въ кострюлькѣ. Вечеромъ были дѣвицы. Прислугѣ быть не приказано. Были танцы.

Пятница.

Утромъ былъ отецъ актрисы Вѣры Аѳонасьевны. Графъ потребовалъ его къ постели и пилъ съ нимъ чай. Пода-

рилъ ему пѣнковую трубку, которая съ покойнымъ графомъ была подъ Бородинымъ, а ему подарена фельдмаршаломъ. Къ обѣду пріѣхалъ князь. Вечеромъ графъ никуда не ѣздилъ—разрисовывалъ птицу.

Суббота.

У меня пала корова отъ неизвѣстной причины. Снѣгъ.

Воскресенье.

Приказано вечеромъ доставить на тройкѣ, за Тверскую заставу, Вѣру Аѳонасьевну. Возилъ Глѣбъ.

Четвергъ.

По случаю рожденья его сіятельства, исполнилось двадцать четыре года, былъ въ нашемъ домѣ молебенъ съ водосвятіемъ. Апостолъ читалъ отецъ Вѣры Аѳонасьевны. Вечеромъ были танцы съ дѣвицами, а таборъ пѣлъ пѣсни. Кончили забавляться съ солнышкомъ.

Воскресенье.

Вчерашняго числа, графъ въ театрѣ одному купцу далъ плюху. Хочетъ судиться. Графа потребовали къ военному губернатору, а онъ, по болѣзни своей, не поѣхалъ. Ея сіятельство Наталья Алексѣевна пріѣзжала и плакала. Графъ отправилъ съ ней просьбу къ губернатору: проситъ отъ купца защиты.

Суббота.

Пріѣзжалъ полиціймейстеръ, поѣхали съ графомъ къ военному губернатору, а оттуда свезли графа на Ивановскую гауптвахту, а купца забрали въ Тверскую часть. Графиня Марья Алексѣевна хочетъ подать просьбу, чтобы графа на Кавказъ, а имѣніе въ опеку. Подушки и бѣлье на гауптвахту возилъ Владиміръ.

Вторникъ.

Купца заставили помириться. Графъ прямо съ гауптвахты поѣхалъ въ Троицкую лавру. Графиня Настасья Алексѣевна ѣздила по этому дѣлу къ митрополиту.

Среда.

Нянюшка Дарья Филипьевна волею Божіею померъ на восемьдесятъ шестомъ году своей жизни. Къ удивленію всѣхъ, третій день на Спасскихъ воротахъ часы не бьютъ. Въ сей день собирали въ часть дворниковъ присутствовать при наказаніи двухъ портныхъ за неповиновеніе властямъ.

Пятница.

Графъ воротился изъ лавры съ отцомъ Вѣры Аѳонасьевны. Приходилъ квартальный, отбиралъ съ графа подписку, что онъ впредь драться не будетъ и купца прощаетъ. Дано три рубля.

Вторникъ.

Поѣхалъ на цѣлый день къ Яру. Кучеръ Глѣбъ носъ отморозилъ, докторъ говоритъ—безвозвратно. Въ больницу идти не желаетъ. Приказано гдѣ-нибудь въ трактирѣ купить самаго лучшаго соловья. Стоялъ на молитвѣ не долго.

Середа.

Форейторъ Семенъ ѣздилъ въ одиночкѣ за докторомъ Топоровымъ, и привезъ онаго. Поваръ Никита впалъ отъ пьянства въ бѣлую горячку и зарѣзался. Въ эту ночь пойманы на Лубянкѣ, въ домѣ Шипова, фальшивые монетчики, а одинъ поддѣлываетъ пачпорта. Вѣроятнѣе всего—будутъ наказаны.

Воскресенье.

Третью недѣлю графъ не выѣзжаетъ. Сегодня пріѣзжала графиня Наталья Алексѣевна съ игуменіей. Графъ не принялъ. Наталья Алексѣевна плакала.

Четвергъ.

Графъ въ первый разъ послѣ болѣзни выстрѣлилъ изъ пистолета. Чувствуетъ слабость. Лаврюшка изъ бѣговъ явился. Графъ простилъ: велѣлъ наказать въ оранжереѣ и выдать пачпортъ. Кучеру Глѣбу приказано выдать вольную: безъ носу не кучеръ.

Пятница.

Видѣлъ удивительный сонъ: будто покойный графъ назначенъ тверскимъ губернаторомъ и весь домъ переѣзжаетъ туда. Была графиня Наталья Алексѣевна. Удостоился поцѣловать ручку. Ты, говоритъ, одинъ вѣрный рабъ, и плакала.

Понедѣльникъ.

Графъ послѣ болѣзни пробовалъ силу: разсѣкъ въ саду пополамъ живую собаку.

Вторникъ.

Сегодня ѣздили за Рогожскую заставу на травлю, разстрѣливать стараго медвѣдя, заплачено тридцать рублей. Ночью былъ слышенъ на улицѣ необычайный крикъ

Четвергъ.

При полномъ освѣщеніи всего дома былъ балъ. Ужинъ накрывали на шестьдесятъ персонъ. Мороженое и питье съ Кузнецкаго, отъ Дубле. Прислуга въ новыхъ ливреяхъ. Тепловскіе музыканты играли за тюлевой занавѣсью въ малой гостиной. Отецъ Вѣры Аѳонасьевны былъ допущенъ сидѣть съ музыкантами. За хозяйку была старая генеральша. Танцы происходили въ портретной залѣ. Графъ танцовалъ

съ княжной, дочерью Ольги Николаевны, супруги Василія Владиміровича, и, какъ думается, не намѣчаетъ ли генеральша княжну ему въ невѣсты. Все въ рукѣ Божіей! Марья Дмитріевна выговаривала его сіятельству московскому генералъ-губернатору, что онъ въ карты играть не умѣетъ, а онъ ей, противъ ея словъ, тоже выговаривалъ. Знатные люди! Высокаго чину! Подумаешь, до какой высокой степени Богъ можетъ вознести человѣка! Сѣли кушать въ четвертомъ часу. Разъѣхались въ пять. Актрисинъ отецъ ушелъ послѣ танцевъ, но только стащилъ ананасъ.

Суббота.

Послѣ покойнаго графа остался лѣкарственный порошокъ «кремартакторъ». Принимаю оный съ большой для себя пользою.

Понедѣльникъ.

Недѣля мясопустная.

Приказано завтра блины на весь таборъ. Весь день игралъ на гитарѣ.

Сія тетрадь принадлежитъ дому его сіятельства графа Павла Павловича дворовому его человѣку Емельяну Дыркову. Пріобрѣтена покупкою, пятьдесятъ копеекъ ассигнаціями. Описывалъ собственноручно крѣпостной дворовый его человѣкъ своею охотою Емельянъ Дырковъ 1847 году.

Вторникъ.

Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному! Пріѣзжала Наталья Алексѣевна. Графъ почивалъ. Изволила ходить въ оранжерею. Въ три часа сѣли за столъ: художникъ отъ Мясницкихъ воротъ изъ училища, невѣдомый мнѣ купецъ, театральный актеръ, отецъ Вѣры Аѳонасьевны и весь таборъ. Блины были грѣшневые и прѣсные. Удостоился отъ графа пить за мое здоровье шампанское. Всѣ были пьяные. Поѣхали неизвѣстно куда. Родителю Вѣры Аѳонасьевны приказано подать графскій бекешъ и шляпу.

Середа.

Графъ не возвращался. Вечеромъ пріѣзжали за бѣльемъ. Съ четверга начнутся поклоны. Господи! владыко живота моего.

Пятница.

Графъ совсѣмъ оправился. Отпустилъ весь домъ съ субботы до понедѣльника.

Суббота.

Былъ у племянницы своей, на Поварской улицѣ, услыхалъ, что господа ея отправляются по веснѣ на теплыя

воды, а ее отдаютъ замужъ за выѣзднаго лакея Родіона Михайлова, а ея есть желаніе, по нелюбви къ нему, выкупиться на волю. Плачетъ. Совѣтовалъ господамъ покориться. Противъ моихъ словъ говорила: «Лучше утоплюсь». Она дѣвица молодая, красивая, а онъ кривой. Вся причина въ барынѣ, желаетъ, чтобъ ея господскаго приказанія слушались.

Воскресенье.

Наступаютъ дни страшные. Ей Господи царю, даруй ми зрѣти моя прегрѣшенія! Весь домъ въ расходѣ. Приказано быть лошадямъ къ театру къ тремъ часамъ. На завтрашнее число приказано къ завтраку: капуста, отварные грибы, грибной бульенъ съ пирожками, жареный картофель съ лукомъ, свѣжая бѣлуга. Накрывать на двѣнадцать человѣкъ.

Понедѣльникъ.

По всей Москвѣ раздается рѣдкій звонъ къ часамъ. Всталъ въ восемь часовъ. Никодимъ былъ съ постной молитвой. Приказалъ всѣмъ быть, до послѣдняго фалетора. Молитву читалъ въ картинной залѣ, а послѣ говорилъ чувствительное внушеніе дворнѣ, какъ своихъ господъ въ такіе великіе дни почитать. Умный человѣкъ! Дано три рубля. Послѣ также съ постной приходилъ іерей отъ Іоанна Предтечи, но какъ она молитва была читана Никодимомъ, то такъ дано два рубля. Сѣли за столъ въ часъ. Были тѣ же, что и на масляницѣ, еще докторъ изъ дома Разумовскаго съ Гороховаго поля, да гитаристъ изъ благороднаго званія, остальные мнѣ неизвѣстные. Графъ рыбы не кушалъ и вина не пилъ. У купца былъ глазъ завязанъ. Пилъ онъ квасъ и молчалъ. Послѣ завтрака собрались у фортепіано и пѣли «Помощникъ и покровитель». Въ третьемъ часу графъ поѣхалъ въ Донской на ефимоны. Вечеромъ въ Суконныя бани. Въ сомнѣніи нахожусь: дадена ли актрисину отцу бекешка совсѣмъ или только на подержанье? Онъ назадъ не приноситъ, а вещь дорогая. Думаю намекнуть.

Вторникъ.

Графъ внезапно уѣхалъ въ лавру. Велѣно всему дому говѣть.

Святыя и великія четыреде
сятницы, недѣля четвертая.

Образъ житія нашего безъ перемѣнъ. Чувствую отягченіе ногъ.

Четвергъ.

Невѣдомый мнѣ купецъ оказался Маракушевъ. Прини-

мать его больше не велѣно за его безобразіе и что съ графомъ на одну ногу хочетъ встать, забывая свое крѣпостное происхожденіе.

Воскресенье.

Племянница моя и крестная дочь Любовь Ивановна, дворовая дѣвушка господъ Т. *(фамилія не разобрана)*, отъ грозящей ей неминуемой бѣды быть замужемъ за выѣзднымъ лакеемъ Родіономъ Михайловымъ, проглотила три булавки и скончалась въ судорогахъ, въ чемъ священнику на духу и покаялась. Упокой, Господи, душу ея въ селеніяхъ праведныхъ! Вчера цѣлый день плакалъ. Мать ея, сестру мою Надежду, свезли въ больницу: чувствуетъ приближеніе живота.

Среда.

Пріѣзжала тетенька Марья Алексѣевна со стрянчимъ Бабушкинымъ, просила подписать какую-то бумагу. Графъ послалъ ее къ чорту, а на стрянчаго замахнулся чубукомъ: ты, говоритъ, мошенникъ. Думала, что графъ, по молодости лѣтъ, въ кляузныхъ дѣлахъ не понятенъ, а дѣла ея въ разстройствѣ. Кричала. Хочетъ на высочайшее имя.

Четвергъ.

Графу прислали чинъ, ибо онъ значится по канцеляріи.

Воскресенье.

Пріѣзжалъ отецъ Герасимъ изъ лавры съ письмомъ отъ графини Маріи Алексѣевны и для увѣщанія. Не принялъ и письма не принялъ. Не интрига ли въ этомъ дѣлѣ игуменіи? Похоже.

Вторникъ.

Было веселье—танцы. Посылали къ Серпуховскимъ воротамъ въ винный погребокъ за приказчикомъ и привезли онаго: превосходно пѣсни поетъ.

Суббота.

Сегодня разрѣшеніе икры. Послано въ Донской Ѳеофану десять фунтовъ и свѣжій огурецъ турецкій. Поѣхалъ ко всенощной съ вербой стоять въ университетъ, и я стоялъ у Ильи пророка, что на Воронцовомъ полѣ, а послѣ чай пилъ съ липовымъ медомъ на Земляномъ валу въ трактирѣ съ другомъ своимъ, дворецкимъ княгини Бибарсовой. Необыкновенный дьяконъ служилъ, а нездѣшній; параміи читалъ прокофьевскій пѣвчій Николай, пѣлъ необыкновенно, ибо только-что изъ больницы вышелъ и голосъ очистился. Пѣли два хора—синодальный и прокофьевскій: кто громче—не умѣю сказать.

Великая суббота.

Приказано къ вечеру форменный вицъ-мундиръ. Поѣдетъ къ заутрени въ домъ московскаго главнокомандующаго, тамъ и разговляться будетъ.

Свѣтлое.

Христосъ воскресе! Ликуй нынѣ и веселися! На Болвановкѣ ударили къ заутрени прежде Ивана Великаго, и звонъ разсыпался по всей Москвѣ не во время. Говорятъ— вина болвановскаго трапезника. Христосовался со всѣми по три раза. Денежное положеніе роздано, какъ при покойномъ графѣ: по три рубля. Тремъ семействамъ дворовыхъ людей объявилъ вольную: повару Герасиму, камердинеру Владиміру и старой горничной покойной графини, Егоровнѣ, съ племянникомъ. И могутъ они вольными жить въ нашемъ домѣ и служить его сіятельству попрежнему. А на повара разставляла зубы графиня Марья Алексѣевна, хотѣла его вымѣнять у графа на садовника Филиппушку: Богъ не попустилъ. Вечеромъ съ художникомъ отъ Мясницкихъ воротъ рисовали. Посылали въ Троицкій трактиръ за поросенкомъ къ ужину.

Понедѣльникъ.

Сегодня у насъ цѣлый день духовенство. Вышло четыре кулича и три пасхи—двѣ съ кардамономъ и одна простая,— ветчину и осетрину почти всю скушали безъ остатка, яйцы—безъ счету. Были монахи изъ Донского, изъ Андроньева, изъ Новоспасскаго, игуменія была съ двумя сестрами; причтъ отъ Іоанна Предтечи, изъ Шереметевской больницы, отъ Успенья на Покровкѣ, отъ Спаса въ Чигасахъ и многія другія были духовныя особы. Благодарили графа, что онъ для духовенства ведетъ тѣ же порядки, какъ было при покойной графинѣ. Завтра ожидаемъ лаврскихъ монаховъ. Необыкновенный дьяконъ оказался тверской; сюда его выписалъ одинъ купецъ для пробы, а у насъ былъ съ іоанновскимъ причтомъ и говорилъ октавой графу многолѣтіе. Особо ему пять рублей.

Вторникъ.

Пріѣзжала Вѣра Аѳонасьевна съ своимъ родителемъ, похристосовалась съ графомъ шелковымъ яичкомъ, а графъ вручилъ ей золотое съ брильянтовымъ кольцомъ. Пробыли недолго, ибо графъ ожидалъ лаврскихъ монаховъ, которые и прибыли въ часъ пополудни. Были Анастасій, Герасимъ, Савватій и протодіаконъ Іоаннъ. Отпѣли канонъ пасхѣ. Іоаннъ сказалъ многолѣтіе. Такъ какъ въ сей день объ-

Ѣздъ имъ большой, то закуска была малая. А такъ какъ въ залѣ, на большомъ столѣ, стояло много мясного соблазну, то и была она подана въ желтой гостиной. Іоаннъ налегалъ на малагу, говорилъ—для очищенія голоса и что въ лаврѣ у Конькова такой малаги достать невозможно, а оная малага стоитъ въ нашемъ погребѣ больше тридцати лѣтъ. Графъ вечеромъ выѣхалъ, изъ табора пріѣзжали за гитарой. Большихъ денегъ стоитъ графу эта цыганка!...

Воскресенье.

При такой расточительной жизни графъ можетъ разориться.

Вторникъ.

Про бекешъ докладывалъ. Изволилъ сказать: «чортъ съ нимъ, пускай носитъ». Какъ соболью вещь не носить!

Суббота.

Ужъ третью недѣлю графъ ходитъ пасмурный. Причина не иначе та, что смущеніе съ тетками, ибо Марья Алексѣевна... *(Здѣсь вырвано больше половины всей тетради, такъ что неизвѣстно, что дѣлалось лѣтомъ. Слѣдующая за тѣмъ страница начинается съ переносу).*—а она склонности къ нему не имѣетъ и какъ, по замѣчанію, хочетъ себя соблюсти и выговаривала насчетъ жизни и что въ карты играетъ, а онъ стоялъ на колѣнкахъ, плакалъ и божился цыганскій духъ изъ дому вывести и образокъ покойной графини цѣловалъ, а она его по головѣ гладила и какъ бы словно сама прослезилась. Всего этого я самъ не видѣлъ, а камердинеръ Владиміръ за ними подсматривалъ и въ кучерской разсказывалъ.

Середа.

Великій сегодня шумъ былъ у насъ въ домѣ. Слава Богу, что графъ не былъ въ игру замѣшанъ. Великое будетъ несчастіе, коли графъ себя не сократитъ.

Суббота.

Оттепель.

Вторникъ.

Изъ клуба воротился въ пятомъ часу. Проснулся въ три. За столъ сѣли послѣ завтрака. Металъ Линевъ. Съ Петромъ Васильевичемъ во время игры сдѣлалось какъ бы трясеніе всего тѣла. Повезли домой и на Яузскомъ мосту въ каретѣ скончался

Середа.

Послѣ покойнаго Петра Васильевича осталась супруга Екатерина Павловна, при ней шестеро барчатъ, двое въ

кадетскомъ корпусѣ. Имѣнье все заложено въ опекунскомъ совѣтѣ.

Пятница.

Похоронили Петра Васильевича въ Даниловомъ. Отпѣвалъ съ Савинскаго подворья архіерей Агапитъ. Въ этотъ день картъ въ домѣ не было. Не принималъ никого; сидѣлъ у камина и жегъ письма и старыя бумаги покойнаго графа.

Воскресенье.

Портной съ Кузнецкаго моста Сатіасъ снималъ мѣрку съ родителя Вѣры Аѳонасьевны: приказано сшить новый коричневый фракъ со свѣтлыми пуговицами и бѣлый жилетъ для концерта Вѣры Аѳонасьевны въ залѣ Римскаго-Корсакова по фортепіанной игрѣ.

Вторникъ.

«О дивное чудо! Невидимыхъ Содѣтель за человѣколюбіе плотію пострада»... Вспомнилъ Любушку, такъ какъ великая скука въ нашемъ домѣ. Никто къ намъ изъ знакомыхъ не ѣздитъ и подобный нашъ домъ сталъ обыкновенному дому, если не хуже. Помяни, Господи, во царствіи твоемъ раба твоего графа Павла и рабу твою графиню Софію. Большіе господа были!

Четвергъ.

Вторыя сутки нѣтъ дома.

Пятница.

Сегодня святыхъ безсребренниковъ и чудотворцевъ Козьмы и Даміана. Наборъ. Кирюшка находится подъ сомнѣніемъ; кажется, ему не уйти.

Суббота.

Видѣлъ во снѣ Любушку. Пришла ко мнѣ въ кисейномъ платьѣ, на головѣ золотой вѣнецъ, а въ рукахъ два херувима. Не зоветъ ли это она меня къ себѣ? А тошно жить становится. Господи! вспомнишь, что нашъ за домъ былъ! Да, пожалуй, что ниже предводителя и господъ-то у насъ не бывало.

Воскресенье.

Отецъ Вѣры Аѳонасьевны пріѣзжалъ на лихачѣ пьяный Графа не было дома. Пошелъ въ кабинетъ: Владиміръ не допустилъ. Обругалъ насъ всѣхъ, прирожденныхъ дворовыхъ графскихъ слугъ, холуями, а Владиміра налаживался бить, но только тотъ присутствія своего духу не потерялъ и сказалъ: тронь! Велѣлъ выслать извозчику три рубля, но оныхъ денегъ у насъ не было, а извозчикъ ме-

жду тѣмъ кричалъ на весь дворъ и собралось стеченіе публики и одинъ мимошедшій говорилъ: «львовъ на воротахъ поставили, а бѣдному извозчику денегъ не платятъ», не знаючи того, что вся сила въ пьяномъ человѣкѣ не нашего дому.

Вторникъ.

Въ залѣ Римскаго-Корсакова былъ концертъ. Вѣра Аѳонасьевна разыгрывала на фортепіано при всей публикѣ. Графъ посылалъ Линева къ Финтельману въ садъ за букетами и за вѣнкомъ изъ лавроваго листу. Послѣ концерта всѣ поѣхали къ Яру, а оттуда пріѣхали въ домъ въ два часа ночи. Графъ и Линевъ ввели Вѣру Аѳонасьевну на лѣстницу подъ руки. Она хохотала и била, какъ бы въ шутку, Линева вѣеромъ,—говорила, что у нея голова кружится, что она пьяная, и дѣйствительно, какъ мною замѣчено, глаза у нея помутились. Приказано въ шампанское налить мараскину. Графъ стоялъ на колѣнкахъ и цѣловалъ у нея руки, а она то расхохочется, то заплачетъ. Все спрашивала—гдѣ отецъ? А Герасиму приказано возить его пьянаго по всей Москвѣ и изъ саней не выпускать. На рукахъ снесли въ желтую гостиную и заперлись. Какъ ударили къ заутрени, вырвалась изъ гостиной развращенная, металась по всему дому, кричала и кусала руки. Графъ былъ въ безчувствіи. Бросилась въ переднюю, хотѣла бѣжать на улицу: прислуга не допустила. Линевъ съ кучерами завернулъ ее въ салонъ и велѣлъ кучеру Трифону везти домой, а тотъ пьяный, не понявши дѣла, свезъ её въ Екатерининскую больницу.

Четвергъ.

Вчера графъ проснулся въ пять часовъ, походилъ по залѣ и опять легъ. Всталъ въ девять часовъ. Посылалъ въ дворянскій клубъ за Линевымъ. Не нашли. Одѣлся и уѣхалъ. Въ два ночи пріѣхали съ Линевымъ. Допрашивали Трифона.

Воскресенье.

Объ случаѣ въ нашемъ домѣ говоритъ вся Москва.

Понедѣльникъ.

Вѣра Аѳонасьевна скончалась въ Екатерининской больницѣ и. какъ полагаютъ, отъ какихъ-то порошковъ.

Четвергъ.

Линева посадили въ острогъ. Трифонъ сидитъ въ Басманной части.

Пятница.

У нашего дома сталъ останавливаться народъ. Графъ съ утра до ночи куда-то ѣздитъ. Никого у насъ не бываетъ. Видѣлъ во снѣ покойнаго графа: верхомъ ѣздилъ въ картинной залѣ. Что бы это значило?

Понедѣльникъ.

Графа свезли на гауптвахту. Завтра весь домъ будутъ пригонять къ присягѣ. Трифонъ всѣхъ запуталъ. Упокой Господи душу раба Твоего графа Павла и рабу Твою графиню Софію, сестру мою рабу Надежду и дочь ея Любовь и меня грѣшнаго совокупи съ ними! Глаза бы на свѣтъ не глядѣли!

Суббота.

Отца Вѣры Аѳонасьевны схватили у Серпуховскихъ воротъ въ трактирѣ.

ЦАРЬ ПЕТРЪ ХРИСТА СЛАВИТЪ.

(ИСТОРИЧЕСКІЙ РАЗСКАЗЪ).

«Они (дьяки) учинили то дуростію своею не гораздо и такаго безстрашія никогда не бывало, чтобы его государевыхъ пѣвчихъ дьяковъ, которые отъ него великаго государя Христа славить ѣздятъ, во дворъ къ себѣ не пущать и за такую ихъ дерзость и безстрашіе — быть имъ въ приказѣхъ безкорыстно и никакихъ имъ почестей и поминковъ ни у кого ничего ни отъ какихъ дѣлъ не имать».

Тяжелое время переживали москвичи въ послѣдній годъ XVII столѣтія. Пять мѣсяцевъ съ ужасомъ натыкались они на стрѣлецкіе трупы, висѣвшіе на стѣнахъ Бѣлаго и Земляного города и валявшіеся на Красной площади... «Блудозрѣлищное неистовство» являли собою въ глазахъ благочестивыхъ людей обритые, въ венгерскихъ кафтанахъ, бояре. Кремлевскій дворецъ, дворъ великаго государя московскаго, былъ запертъ. Святѣйшій патріархъ лежалъ на смертномъ одрѣ. Великій государь не показывался больше народу, подобно своимъ предкамъ, во всемъ блескѣ и величіи царскаго сана, «въ большомъ царскомъ нарядѣ», въ сопровожденіи сановитыхъ бояръ «въ золотыхъ ферезяхъ»: въ селѣ Преображенскомъ онъ стоялъ въ офицерскомъ мундирѣ иноземнаго покроя во главѣ своего лейбъ-регимента, салютуя князю Кесарю.

Наступилъ праздникъ Рождества Христова. Невылазные

сугробы снѣга покрывали всю Москву, не было дороги ни пѣшему, ни проѣзжему, но все-таки, по первому удару Ивановскаго колокола, Кремль сталъ наполняться народомъ. Въ окнахъ боярскихъ домовъ замелькали огоньки, не свѣтился только огонь изъ оконъ опустѣвшаго дворца великаго государя. Нищіе сплошной стѣной стояли у сѣверныхъ дверей Успенскаго собора.

— Для праздника какая стужа-то на дворѣ, — говорилъ одинъ калѣка, ползая у стѣны собора:—не согрѣешься!

— Теперь который и на ногахъ-то, и тому не въ мочь, а тебѣ, безногому, не приведи Богъ! Совсѣмъ застынешь.

— Застынешь и есть!

— Ползъ бы ты, Божій человѣкъ, къ Архангельскому, тамъ, можетъ, теплѣе,—сшутилъ безрукій калѣка.

— Вчера мы на Красной цѣлый день зябли—хоть бы те копеечку кто. Сболтнулъ кто-то, что на земскомъ дворѣ подаютъ: рванулись мы туда—ничуть!

— Вотъ те и праздникъ!

— Толкались мы у Двѣнадцати *), такъ думали, что у патріарха кормить будутъ: ничего, говорятъ, у насъ для вашей братьи не припасено.

— Подай, батюшка, слѣпому-убогому...

— Сотвори свою святую милостинку темному человѣку.

— Христосъ народился! Подай, милостивецъ, сирому, незрячему.

— Дѣва днесь рождаетъ... — голосилъ, подпрыгивая на одной ногѣ, нищій идіотъ: — подай бѣдному, безъ роду — безъ племени, помянутся родители ваши въ царствіи небесномъ.

— Ишь ты! Даромъ что на одной ногѣ, а поди ужъ весь Кремль опрыгалъ! — замѣчаетъ кто-то изъ нищей братіи.

— А что ты сдѣлаешь, стоючи на одномъ-то мѣстѣ? Ну, вотъ и стой!.. Какъ звоны отойдутъ — мы къ Казанскому.

— Скобленый народъ сталъ! Вѣрь ты мнѣ: кто бороду оскоблилъ, того душа въ рай не попадетъ...

— Подайте, милостивцы, денежку пытанному — застѣночному...

— Посторонись, посторонись!..—послышалось въ толпѣ: — подаютъ!

---

*) Соборъ двѣнадцати апостоловъ.

Неистовые крики, визгъ и стонъ смѣшались съ трезвономъ Ивановской колокольни. Толпа нищихъ охватила патріаршаго боярина, раздававшаго милостыни отъ святѣйшаго патріарха.

— Не напирайте, не напирайте,—кричали стряпчіе, но ихъ никто не слушалъ. Издрогшая на холоду, рваная, голодная толпа бросалась, какъ бѣшеная.

— Батюшки, слѣпенькаго раздавили!

— Тутъ и зрячаго не помилосердуютъ! Вчера у Лобнаго-то и подачи не было, да семь человѣкъ до смерти замяли.

— Батюшки! Святители! Іона митрополитъ! Душа съ тѣломъ разстается! — дикими, нечеловѣческими голосами кричали раздавленные. Патріаршій бояринъ едва вырвался изъ толпы.

Заутреня, совершавшаяся при прежнихъ государяхъ съ особой торжественностью и блескомъ, шла по обыкновенному церковному чину. Патріархъ не служилъ: за него священнодѣйствовалъ Крутицкій митрополитъ. Невольно принявшіе на себя «блудоносный образъ» бояре и царедворцы стояли какъ бы сконфуженные. Одна только, какъ бы оставленная для образца, окладистая московская борода патріаршаго боярина, важно стоявшаго у посоха Петра митрополита, обращала на себя вниманіе.

Праздникъ пошелъ по обычаю. Изъ воротъ въ ворота переходили славельщики, нищіе, странники; на людныхъ площадяхъ и перекресткахъ безобразничали халдеи, подпаливая встрѣчнымъ бороды; на улицахъ валялись пьяные гуляки, орали пѣсенники и бѣгали въ вывороченныхъ тулупахъ и неуклюжихъ маскахъ ряженые; на Москвѣ-рѣкѣ съ утра до ночи кипѣли кулачные бои; бражныя тюрьмы гостепріимно отворяли свои двери для пропоицъ; убогіе дома принимали опившихся и замерзшихъ. Благочестивые люди съ сожалѣніемъ смотрѣли на проявленіе народныхъ привычекъ и характера.

На Земляномъ валу, въ полуразвалившемся домишкѣ, коротадъ свои дни бывшій «верстанный» подьячій одного изъ московскихъ приказовъ, у котораго отъ приказнаго сидѣнья ослабло зрѣніе. Лишенный возможности продолжать службу великому государю, онъ билъ челомъ, чтобъ его, «сироту, за долголѣтнее сидѣнье государь пожаловалъ — велѣлъ ему быть, гдѣ онъ похочетъ». И государь его пожаловалъ. Съ однимъ глазомъ, которымъ еще онъ

кое-какъ видѣлъ, конечно немного наработаешь, но онъ все-таки работалъ: строчилъ на Варварскомъ крестцѣ челобитныя, помогалъ совѣтами, — однимъ словомъ, продолжалъ свою практику и поддерживалъ свое существованіе.

На третій день праздника посѣтили его бывшіе сослуживцы по приказу: одинъ «въ приказѣ посѣдѣлый», трезвый, серьезный, другой молодой и пьющій. Посидѣли, выпили и повели бесѣду.

— Вотъ жисть-то!—началъ старый подьячій:—на старости лѣтъ обругать человѣка! Паренекъ, ты бы шелъ отсюда: видишь, большіе говорятъ, — обратился онъ къ мальчику, племяннику хозяина.

— Дёма, поди въ ту горницу. Когда нужно - я кликну,— поддакнулъ хозяинъ.

— Такъ вотъ я и говорю,—продолжалъ старый подьячій:—на старости лѣтъ бороду соскоблили, да сказываютъ къ Велику-дню по нѣмецкому одѣнутъ.

— Слышалъ, сказывали... — со вздохомъ произнесъ хозяинъ.

— А пуще всего надо уповать на Бога, — подхватилъ молодой подьячій, съ жадностью проглатывая оловянный стаканчикъ водки: — одно упованіе и больше ничего! Воля царская! Меня во что хошь одѣвай, только души моей не трогай! Борода-то на томъ свѣтѣ опять должна вырасти, а душа ежели—та не вырастетъ.

— Тебѣ, съ пьяныхъ-то глазъ, все единственно! Тебя хошь арапомъ облачи...

— А хошь бы и арапомъ! Ну, пущай арапомъ облачаютъ, но только чтобы душа моя...

— Много ты объ своей душѣ думаешь! Тотъ мало объ душѣ думаетъ, у кого руки трясутся, а у тебя ишь ты какъ онѣ...

— А отчего онѣ у меня трясутся? Это значитъ—душа моя робѣетъ, «не пей!» говоритъ. А я ей говорю: я пью тебѣ на утѣшеніе.

— Съ тобой говорить-то, только слова терять даромъ. Не въ приказѣ бы тебѣ сидѣть...

— Мало, Илюша, мало хорошаго въ этихъ новыхъ порядкахъ,—многодумно замѣтилъ хозяинъ.—Ты говоришь, тебѣ все равно хошь арапомъ: а арапы-то на страшномъ судѣ на которой сторонѣ стоятъ?

— Да вѣдь и приказные, которые себя не соблюдаютъ, на той же сторонѣ стоятъ. А я себя соблюдаю! Сказано:

«повинуйтеся властямъ и покоряйтеся». Ну, я и покоряюсь. Вотъ ежели такой указъ выдетъ—впередъ пятками ходить, я тогда скажу: не умѣю, обучите. А насчетъ одежины—все одно. Еще нѣмецкая-то лучше—смѣшнѣе.

— И шелъ бы ты въ нѣмецкую слободу, тамъ бы свой у нихъ былъ...

— Былъ и тамъ! Бояринъ Тихонъ Никитичъ двухъ пѣтуховъ со мной къ одному нѣмчину посылалъ. Живутъ чудесно! Водка какая у нихъ важная—съ перцемъ... Насчетъ закуски только въ недостачѣ: нѣмка всего двѣ картофельки вынесла. Дѣвки какія у нихъ жирныя, здоровенныя, рыла красныя, словно бы какъ олифой смазаны.

— Патріархъ-то батюшка разнедужился отъ его дѣловъ, видючи, какое поруганіе творится. Господи, вспомнишь, прежній-то бывало выйдетъ—Богъ земной. Бояръ-то, бояръ-то!.. Да все-то въ зо̀лотахъ, какъ жаръ горятъ, а этотъ... не глядѣли бы глаза!.. Ну бывало ли когда на Москвѣ, чтобы царевновъ, сестеръ родныхъ, по монастырямъ разсылали.

— А онѣ не балуй!

— Кто?

— А царевны. Хоть бы Софья Алексѣевна: зачѣмъ она смуту заводила? Ея дѣло сидѣть, сложивши руки, а она мутить пошла! И въ нашемъ быту, коли бабенка замутитъ...

— Много ты знаешь?

— Да какъ же не знать-то? Нѣтъ, царь справедливо! Много черезъ нея кровища-то по Москвѣ потекло, много народу-то располосовали. Стрѣльцы служили съ полнымъ усердіемъ, пока бабы не вмѣшивались...

— Полно, Илюша, пустяшныя-то рѣчи говорить,—замѣтилъ хозяинъ:—хмельнымъ дѣломъ ты это.

— Нѣтъ, не хмельнымъ! Я пью, а разуму своего не теряю. Я царя Петра Алексѣевича во̀ какъ почитаю! Царь справедливый! Ты еще посмотри, какъ онъ боярамъ пузо-то поспустилъ... Больно зажирѣли!.. Намъ такого царя и надо, чтобы правду соблюдалъ.

— Сохрани Богъ и насъ съ тобой въ застѣнокъ потащутъ,—окончилъ старый подьячій, подымаясь съ лавки:—пустяшныя твои рѣчи и больше ничего!

— Я и въ застѣнкѣ эти рѣчи буду говорить,—горячился молодой подьячій.

— Полно, Илюша,—останавливалъ его хозяинъ:—такія страшныя слова говорить—дѣло-то къ ночи.

— Отъ слова ничего не подѣлается! Ежели бы теперича самъ царь объявился на этомъ самомъ мѣстѣ...

У воротъ бѣдной лачуги остановилось четверо саней. Послышался стукъ въ калитку.

— Дёма, — закричалъ хозяинъ: — отопри калитку, да спроси кто? Должно гуляющіе какіе, или ряженые.

— Ежели бы теперича самъ царь объявился на этомъ самомъ мѣстѣ,—продолжалъ, ударяя по столу кулакомъ, возбужденный хмелемъ подьячій...

— Дядюшка,—вбѣгая впопыхахъ, заговорилъ Дёма:—государевы пѣвчіе Христа славить пріѣхали.

— Господи, вотъ напасть-то!—засуетился растерявшійся хозяинъ:—что тутъ дѣлать-то? Скажи, батюшка, здѣсь живетъ подъячій, а дьякъ дальше, наискоски отъ насъ... Богатый, молъ, тамъ дьякъ живетъ, посольскій...

Черезъ нѣсколько секундъ Дёма вбѣжалъ со слезами на глазахъ.

— Дяденька, серчаютъ. Велятъ отпирать, а не то царю хотятъ жаловаться.

— Ну, такъ отпирай, дѣлать нечего... Наказанье божеское! Двѣ гривны да пять алтынъ всего и денегъ-то... и угощать-то нечѣмъ...

— Ежели бы теперича самъ царь объявился...

Черезъ порогъ низенькой двери, нагибая голову, переступилъ самъ государь, за нимъ бокомъ протискался тучный Ѳедоръ Юрьевичъ Ромодановскій, за нимъ Никита Моисеевичъ Зотовъ и еще два боярина, въ венгерскихъ кафтанахъ.

Собесѣдники оцѣпенѣли.

Князь обратился къ образу и запѣлъ «Рождество твое, Христе Боже насъ»... Царь подхватилъ густымъ басомъ. Пропѣвши «Дѣва днесь», Ѳедоръ Юрьевичъ обратился лицомъ къ предстоявшимъ и началъ читать *рацею*:

Азъ отроча младо,
Пришедъ въ домъ твоего стада
Рождество Христово прославить,
А тебя, господинъ честный, съ праздникомъ поздравить.
Сей день свѣтлѣйшій,
А ты, господинъ честнѣйшій,
Буди здравъ въ покоѣ,
Да милость Божія будетъ съ тобою.
Днесь праздникъ прославляю,
Главу свою преклоняю,
Многая лѣта желаю.

Прочитавши, онъ низко поклонился подьячимъ.

— Какъ ты осмѣлился не пускать насъ, государевыхъ пѣвчихъ, Христа славить? Знаешь указъ?—обратился государь къ подьячему.

Подьячій трясся всѣмъ тѣломъ.

— Ну, мы тебя для такого великаго праздника прощаемъ. А ты что бы сдѣлалъ, если бы царь объявился на этомъ мѣстѣ?

Подьячій, не мигнувъ глазами, отвѣчалъ:

— Я бы твоему пресвѣтлому царскому величеству сказалъ всю правду, что бы ты меня ни спросилъ. Они говорятъ—въ застѣнкѣ страшно, а я говорю—съ правдой нигдѣ не страшно.

Петръ долго и пристально смотрѣлъ ему въ глаза.

— Ты пьешь?

— Пью.

— Много?

— По расчисленію: по праздникамъ даже довольно достаточно.

— А гдѣ ты служишь?

— Въ разрядномъ приказѣ.

— Верстанный?—прохрипѣлъ князь Ѳедоръ Юрьевичъ.

— Нѣтъ, изъ писчей деньги.

— А любишь ты своего государя?—продолжалъ спрашивать царь.

— Люблю и всѣми твоими порядками доволенъ. И сейчасъ здѣсь всѣ твои порядки одобрялъ.

Царь положилъ руки къ нему на плечи и, еще разъ пристально посмотрѣвши въ глаза, сказалъ:

— Ну, ладно! Вотъ его величество князь Кесарь тебя поверстаетъ, а за любовь твою ко мнѣ мы съ тобой сочтемся. Мнѣ нужны люди, которые бы меня любили. А тебѣ,—сказалъ онъ, обратившись къ хозяину:—пожалуй нечѣмъ платить за славленье-то? Ну, мы тебѣ сами заплатимъ. На возьми! И далъ ему пять рублей. А тебѣ бы не слѣдовало давать, — отнесся онъ къ Дёмѣ: — у калитки ты насъ долго проморозилъ, ну да ужъ такъ и быть, вотъ и тебѣ на сосульки, на! И далъ мальчику рубль. А подрастешь—приходи ко мнѣ, я тебя въ люди выведу. Ну, Богъ съ вами, прощайте. А гдѣ дьякъ-то живетъ?

— Наискоски отъ насъ, за переулкомъ,—пробормоталъ растерявшійся хозяинъ.

— Ты говоришь, богатый?—спросилъ царь Дёму.

— Страсть какой богатый! — отвѣчалъ наивно мальчикъ:—въ самый сочельникъ гусей къ нему таскали, таскали, почитай со всей Москвы.

— Ну, вотъ мы къ нему и тронемся,—окончилъ государь, выходя въ сѣни. Подьячіе выскочили за ворота и усадили его въ сани.

— Батюшки, насилу раздышался,—входя въ комнату, заговорилъ хозяинъ:—Господи, да что же это такое! Ежели бы и во снѣ приснилось...

— Вѣрь Богу,—перебилъ его старый подьячій:—вѣрь ты Богу, гортань моя кровью запеклась отъ страху!

— А мнѣ,—весело подхватилъ молодой подьячій:—ничего! Словно бы я наскрозь всю землю произошелъ! Вотъ еще здѣсь на донышкѣ осталось маленько, вотъ я сейчасъ и выпью за здоровье великаго государя Петра Алексѣевича, его пресвѣтлаго царскаго величества.

О НѢКОТОРОМЪ ЗАЙЦѢ.

I.

Мингеръ графъ.—Зазаеца благодарствую і тово заеца немешкаѳъ на асамблеи съели і івашку хмельницкава многажды неленосно тревожили понеже засцъ вельми жыренъ былъ и шпігусомъ зело чіненъ, чаели и животу не быть да сілою ідѣйствіемъ івашки іпредстательствомъ отца нашего всешутейшего Кура живы сущі и ѳ здравіі пребываемъ і отомъ подлинно вамъ отъ пісываю.

Piter.

II.

Фотій—князю А. Н. Голицыну.

Вчера, въ четвертокъ, послѣ малаго повечерія, въ тонцѣмъ снѣ пребывалъ и присные мои дали покой очима своима и вѣждома своима дреманіе. И се гласъ нечеловѣчь, а собаки нѣкоторыя лаяли и визжали и ко святымъ вратамъ бросались, а всадники на коняхъ трубили въ трубы и хлопали бичами. Я выслалъ служку вопросить—какія ради нужды монастырь окружили? Нѣкій человѣкъ, подобіемъ миѳологическій центавръ, отвѣтствовалъ—яко бы заяцъ въ монастырѣ скрывается. А у меня заяцъ въ монастырѣ давно пребывалъ, подъ камнемъ жилъ (писано бо есть: «камень прибѣжище заяцемъ») и кормилъ я его рукама своима, и того зайца центавры изъ монастыря изгнали и псамъ на растерзаніе отдали, а нѣкоторая пестрая псица старцу Досиѳею рясу, подаренную Анной *), изорвала. Защити, другъ великій.

*) Извѣстной графиней Анной Орловой-Чесменской.

III.

Князь А. Н. Голицынъ—Фотію.

На письмо вашего высокопреподобія имѣю честь отвѣтствовать, что я не преминулъ написать новгородскому губернатору о семъ крайне огорчившемъ меня происшествіи. Очень грущу, что нарушили ваше безмолвіе, необходимое для спасенія души, но врагъ темный и оскверненный всегда съ нами и за нами и несть иже укрыстся отъ него, а я

Есмь и пр.

IV.

Новгородскій губернаторъ—князю А. Н. Голыцину.

На письмо вашего сіятельства высокопочтительнѣйше имѣю честь отвѣтствовать, что по собраннымъ мною свѣдѣніямъ—вышеупомянутаго зайца затравили дворовые люди его сіятельства, графа Алексѣя Андреевича Аракчеева, по приказанію Анастасіи Ѳеодоровны **), для ея стола и сдали его повару Порфирію. Они же застрѣлили въ Волховѣ трехъ частныхъ гусей, принадлежащихъ села Взгорья діакону Островидову, и, разложивъ въ полѣ огонь, изжарили и съѣли крестьянскую овцу, и все то дѣлали именемъ Анастасіи Ѳеодоровны. Вмѣстѣ съ тѣмъ мною поручено исправнику, подъ личной его отвѣтственностью, произвести строжайшее разслѣдованіе.

Съ глубочайшимъ и пр.

V.

Капитанъ-исправникъ—новгородскому губернатору.

Получивъ словесное повелѣніе вашего превосходительства о разслѣдованіи затравленнаго зайца, оный заяцъ, по негласнымъ свѣдѣніямъ и присяжнымъ показаніямъ, оказался не монастырскимъ, монастырскій же, по пойманіи онаго, будетъ доставленъ отцу архимандриту. Касательно гусей, то отецъ-діаконъ отъ оныхъ отказался и призналъ таковыхъ перелетными, а люди, распространявшіе тревожные слухи, заключены въ тюремный замокъ.

*) Минкиной, извѣстной фаворитки графа Аракчеева.

ДРАМАТИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ.

УТРО ХОЛОСТОГО ЧЕЛОВѢКА.

Обширный, роскошно убранный кабинетъ. Посрединѣ круглый столъ, на которомъ въ большомъ порядкѣ разложены книжки и альбомы. Стѣны увѣшаны портретами, писанными масляными красками, гравированными, литографированными и фотографическими. Въ средѣ ихъ есть и генералы, и штатскія персоны, и духовныя особы, и дамы, и младенцы, и какой-то турецкій сановникъ въ парадной формѣ. Въ простѣнкахъ, между оконъ, латы, кольчуги и вообще старинное оружіе. Письменный столъ въ большомъ безпорядкѣ. На столѣ, между шкапами съ книгами, телефонъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Юрій Дмитріевичъ Аксановъ, изящный мужчина, лѣтъ 30.
Прасковья Ѳедоровна, его родственница, богатая московская барыня.
Бердыбаевъ, лѣтъ 40, истасканная физіономія, съ развязными манерами, въ весьма поношенномъ, но изящно сшитомъ платьѣ.
Ѳедоръ Лукичъ, старый слуга, низенькій и толстенькій, совершенно сѣдой.
Евстигней, камердинеръ, молодой человѣкъ, въ платьѣ съ барскаго плеча.
Иванъ Прохоровъ, крестьянинъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Входитъ БЕРДЫБАЕВЪ, за нимъ ѲЕДОРЪ ЛУКИЧЪ.

Бердыбаевъ. Неужели до сихъ поръ не вставали? Вѣдь это чортъ знаетъ что такое—спать до сихъ поръ! *(Подходитъ къ столу и перелистываетъ альбомъ).* Не понимаю! Кто это такой? *(Всматривается въ фотографическую карточку).* Ты не знаешь, кто это?

Лукичъ. Не могу знать.

Бердыбаевъ. Ничего ты, старый хрѣнъ, не знаешь.

Лукичъ. Да гдѣ-жъ намъ, сударь, знать! Юрій Дмитричъ пришли, вставили... это ихнее дѣло.

Бердыбаевъ. Давно?

Лукичъ. И этого, сударь, доложить не могу, потому мы сюда не касаемся. Не касаемся потому, что это не наше дѣло. И зачѣмъ намъ входить въ барскія дѣла, когда у насъ своего дѣла много.

Бердыбаевъ. Какія это у тебя дѣла?

Лукичъ. А какъ же, сударь! То, другое, пятое, десятое... Помилуйте, не управишься. Хоть взять теперича лампы—четырнадцать ихъ штукъ надо заправить. Ну-съ, теперича все прибрать... Пыль теперича... А вѣдь я одинъ.

Бердыбаевъ. А Евстигней что дѣлаетъ?

Лукичъ. Что Евстигней дѣлаетъ?—папиросы набиваетъ и неудовольствіе его въ томъ, что не въ такомъ бы званіи ему быть—не въ лакейскомъ. И теперича вотъ повадился въ нѣмецкій клубъ въ барскомъ фракѣ ходить—бѣда да и только! А ужъ я, сударь, старъ становлюсь. Скажешь когда, а онъ сердится. Ну, а до Юрья Дмитрича доводить не хочется, потому какъ онъ, по добротѣ своей души, ни во что не входитъ. *(Оглядывается кругомъ и понижаетъ тонъ).* Теперича то возьмите: у Юрья Дмитрича деньги несчитанныя; пріѣдетъ изъ клуба, али откуда—все разбросаетъ; ну такъ я самъ ихъ раздѣваю, одного его не допускаю... боюсь! А онъ сердится: я, говоритъ, камердинеръ, а не вы. Какой ты, говорю, камердинеръ? Ты, говорю, зарайскій мѣщанинъ! А я, говорю, прирожденный камердинеръ! Покойному Дмитрію Борисовичу служилъ... за старостію лѣтъ только...

Бердыбаевъ. Такъ, ты думаешь, онъ похватываетъ. *(Дѣлаетъ рукой жестъ).*

Лукичъ. А какъ же-съ! Кабы, сударь, не мой глазъ—весь бы домъ разнесли. Вѣдь Юрья Дмитрича обери съ ногъ до головы—не почувствуетъ! *(Тихо).* Теперь повадилась какая-то курносая изъ клуба къ нему ходить... Пока еще, по моему замѣчанію, варенье да сахаръ воруютъ, да въ носовыхъ платкахъ недочетъ, а вѣдь пожалуй... Вотъ я посмотрю, посмотрю, да такъ турну, что и своихъ у меня не узнаютъ! Пакость этакую въ домѣ заводятъ!..

ЯВЛЕНІЕ II.

Входитъ ЕВСТИГНЕЙ и кладетъ на письменный столъ визитную карточку.

Бердыбаевъ *(взглянувъ на карточку).* Куда онъ поѣхалъ: направо или налѣво?

Евстигней. Сказали кучеру на Конюшенную.

Бердыбаевъ. Что-жъ ты не сказалъ, что я здѣсь?

Евстигней. Они не спрашивали.

Бердыбаевъ. А у самого у тебя догадки-то нѣтъ? *(Евстигней уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ III.

БЕРДЫБАЕВЪ и ЛУКИЧЪ.

Бердыбаевъ *(посвистывая).* А что, Ѳедоръ Лукичъ, есть у Юрія Дмитрича деньги?

Лукичъ *(многодумно).* Да какъ вамъ доложить... По моему замѣчанію... не должно быть.

Бердыбаевъ. Да вѣдь ты вчера раздѣвалъ его?

Лукичъ. Дѣйствительно я ихъ раздѣвалъ, но только что-то мнѣ не въ домекъ. А такъ, повидимому, словно бы нѣтъ... Духъ у нихъ не тотъ. По моему замѣчанію, когда у нихъ денегъ нѣтъ — они очень въ то время долго почиваютъ. Опять же вчера на ночь книжку въ постели читали — это значитъ: нѣтъ. Когда при деньгахъ — они сейчасъ засыпаютъ.

Бердыбаевъ. Ужасно глупо! *(Надѣваетъ шляпу).* Я сейчасъ назадъ пріѣду.

Лукичъ. Слушаю-съ. *(Бердыбаевъ уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ IV.

Лукичъ. Тоже много имъ на прожитіе требуется!.. Вотъ третій годъ моихъ двадцать пять за нимъ пропадаетъ. Спросить — словно бы какъ совѣстно, а самимъ имъ не въ догадъ. *(Звонитъ въ телефонъ, подставляетъ къ уху трубку и отвѣчаетъ).* Я-съ... Ѳедоръ... Почиваютъ... Никакъ нѣтъ-съ... Въ четвертомъ часу... Слушаю-съ... Аркадій Дмитричъ... *(Закрываетъ телефонъ).* Къ Медвѣдю просятъ завтракать. Будить надо, а какъ будить?.. Я ужъ и не знаю. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ V.

Входитъ АКСАНОВЪ, за нимъ слѣдуютъ огромный санбернардскій песъ «Султанъ» и ЕВСТИГНЕЙ съ чайной сервировкой.

Аксановъ *(беретъ исписанный кусокъ сѣрой бумаги).* Когда это принесли?

Евстигней. Въ восемь часовъ. Мужикъ принесъ. На кухнѣ дожидается.

Аксановъ. Позови его. *(Евстигней уходитъ).* «Милостивому государю Юрьи Митричю что я тебѣ пишу Иванъ Прохоровъ Рошковъ изъ деревни Акишева съ Карякинской станціи что лоси стоятъ и 18 сего проверяли и стоятъ и медведь лижитъ крепко и крухъ небольшой»... *(Входитъ Иванъ Прохоровъ).* Ну, что?

Рожковъ. Думалъ: можетъ не застану и въ томъ случаѣ письмо написалъ. Надо бы ѣхать, Юрья Митричъ, оказія-то очень хорошая. Три круга, помилуйте! И вытти некуда. А медвѣдь... Господи! Я такихъ и не видывалъ. Согнали мы его—за дровами ѣздили—такъ даже необнакновенно!.. Думали: не лошадь ли въ лѣсу запуталась! Черный! Лапища страсть... Пожалуйте, у насъ все готово.

Аксановъ. Да вѣдь холода стоятъ...

Рожковъ. Да вѣдь холода что! Холода ничего!..

Аксановъ. Что это у тебя рука-то?

Рожковъ. А рука моя, почитай, никуда не годится: палецъ отрубилъ. Въ самое заговѣнье.

Аксановъ. Совсѣмъ отрубилъ?

Рожковъ. Да вотъ, все одно, какъ собакѣ хвостъ рубятъ, такъ и я отхватилъ.

Аксановъ. Какъ же это ты?

Рожковъ. Такъ ужъ, грѣху быть! Слабость это наша... пьяный.

Аксановъ. Жалко?

Рожковъ. Спервоначалу-то мнѣ жалко было... Разовъ пять плакать принимался, а теперь ничего, привыкъ...

Аксановъ. Какъ же это Петръ Сергѣевичъ медвѣдя-то пропустилъ?

Рожковъ. А вотъ извольте видѣть, Юрья Митричъ... Мнѣ душа нужна... Всю вамъ правду скажу... Морозъ былъ оченно. Ихъ нумеръ пришелся какъ разъ на опушкѣ и мѣсто эдакое чудесное. Хорошо! Ежели, говорю, Петръ Сергѣичъ, онъ въ тотъ уголъ вдарится, такъ опричь какъ на васъ ему вытти не на кого, мы его отсюда на васъ такъ и поворотимъ; а вы только берегите, чтобы онъ скрозь не прошелъ, потому сзади чаща большая... такая чаща, даже до невозможности. *(Одушевляясь).* Ну вотъ сейчасъ... А они были башлыкомъ закрымши. Ну, вотъ сейчасъ, стали какъ быть должно и сейчасъ я бабъ разстанавливать пошелъ, потому скучимши оченно были. Жмутся, подлыя, одна къ другой, хоть ты что хочешь! Потому, пуганыя. Одну бабеночку въ запрошломъ году медвѣдь потрепалъ маленько.

Аксановъ. Закусалъ?

Рожковъ. Нѣтъ, а такъ, значитъ... маленько прищемилъ... Ничего! Выходилась. Мальченко съ ней рядомъ стоялъ, того ишбко задралъ... Ну вотъ сейчасъ подшелъ я къ бабамъ-то, а Павлуха кривой на лыжахъ, смотрю, бѣжитъ. Ты, говоритъ, что знаешь? — Что? — Медвѣдь-то ушелъ! — Какъ ушелъ?—Вотъ те, говоритъ, и какъ!.. Ну, думаю: ужъ отъ Петра Сергѣича живой я теперича не уйду.—Молчи, говорю... *(Звонитъ телефонъ).*

Аксановъ *(подставляетъ трубку къ уху).* Да, всталъ... Сейчасъ пріѣду. Голландскихъ я не ѣмъ... Не хочу... И мнѣ тоже. Лукичъ! *(Входитъ Лукичъ).* Что-жъ ты мнѣ не сказалъ, что меня зовутъ къ Медвѣдю завтракать...

Лукичъ. Шелъ докладывать...

Аксановъ. Сани мнѣ. А ты ступай къ Петру Сергѣичу. Если онъ поѣдетъ, и я поѣду. Прощай!

Рожковъ. Прощенья просимъ. А что медвѣдь дивный идетъ. *(Султанъ вытягивается во весь ростъ и кладетъ ему переднія лапы на плечи).* А что, Юрья Митричъ, волка ежели онъ живо обработаетъ?

Аксановъ. Я думаю.

Рожковъ. Я такъ понимаю—дохнуть не дастъ. Въ деревню бы намъ такого... Прощенья просимъ!.. *(Уходитъ).*

Аксановъ *(у телефона).* Однако это надоѣсть можетъ! *(Подставляетъ трубку).* Какой Книримъ? Чортъ знаетъ, что такое! Какія магистральныя трубы? Ничего не понимаю!—Кто говоритъ? Да слышу, что Книримъ! Откуда говорятъ?—Ну такъ вы съ Бердовымъ заводомъ и разговаривайте! *(Закрываетъ телефонъ).* Это просто ужасно!

Лукичъ *(входитъ).* Сейчасъ подадутъ.

Аксановъ. Какой-то Книримъ въ телефонъ разговариваетъ!

Лукичъ. А меня, сударь, разъ тоже кто-то, по ошибкѣ, спрашивалъ: въ которомъ часу скончался и когда панафида будетъ?..

ЯВЛЕНІЕ VI.

АКСАНОВЪ и ПРАСКОВЬЯ ѲЕДОРОВНА.

Аксановъ *(спѣшно идетъ навстрѣчу).* Bon jour, ma tante... *(Цѣлуетъ руку).*

Прасковья Ѳедоровна. Я къ тебѣ на минутку... не задержу...

Аксановъ. Сдѣлайте милость... я не тороплюсь... Ну какъ ваше здоровье?

Прасковья Ѳедоровна *(садясь въ кресло)*. Что мое здоровье!.. Плохо! Пріѣхала съ тобой посовѣтоваться. Ты знаешь, я на *Матеи* перешла, гомеопатію оставила. Никакой она мнѣ пользы не приноситъ...

Аксаковъ. Ma tante, простите меня! Мнѣ кажется—вы совершенно здоровы!

Прасковья Ѳедоровна. Нѣтъ, Юрушка, чувствую такую слабость, такое изнеможеніе...

Аксаковъ. А вы бросьте и *Матеи,* и гомеопатію, всѣ эти крупинки, зернушки.

Прасковья Ѳедоровна. Что-жъ, вы меня тогда черезъ недѣлю въ Невскую лавру свезете... Ахъ, Юрушка, во мнѣ болѣзнь страшная, необыкновенная... Мой докторъ говоритъ: ужъ я, говоритъ, и не знаю, какія вамъ средства давать.

Аксаковъ. А вы бы къ Боткину...

Прасковья Ѳедоровна. Это микстуру-то пить!.. Мнѣ нуженъ хорошій гомеопатъ... Я свою натуру знаю.

Аксаковъ. Ma tante, смотрите—какая вы полная...

Прасковья Ѳедоровна. Вотъ полнота-то и есть моя болѣзнь. Мой докторъ говоритъ: я вамъ даю самыя сильныя средства, которыя, какъ онъ выразился, которыя не всякая лошадь...

Аксаковъ. Полноте, ma tante, лошадь всю гомеопатическую аптеку выпьетъ и съ ней ничего не сдѣлается... Простите меня, пожалуйста!

Прасковья Ѳедоровна. Мнѣ очень грустно, Юрушка, что вы всѣ мнѣ не вѣрите. А на княгиню я даже разсердилась! Какъ это не вѣрить человѣку, когда онъ боленъ?

Аксаковъ. Гомеопатъ вамъ дастъ гранъ мышьяку, растворенный въ количествѣ воды, равномъ земному шару, увеличенному въ семь разъ...

Прасковья Ѳедоровна. Ну ужъ пожалуйста! Ты такой же, какъ твоя тетка Настасья Алексѣевна: вы ничему не вѣрите. Та меня и за Пашкова ругала...

Аксаковъ. Что-жъ, вамъ церквей, что ли, мало въ Петербургѣ?

Прасковья Ѳедоровна. Оставьте меня, ради Бога! Напрасно я къ тебѣ пріѣхала. Ты знаешь, какъ мнѣ вредно волноваться...

Аксаковъ. Я бы на вашемъ мѣстѣ, ma tante, поѣхалъ въ Ниццу, сѣлъ бы подъ пальму...

Прасковья Ѳедоровна. А курсъ-то какой?

Аксановъ. Неужели васъ, при вашемъ огромномъ состояніи, можетъ безпокоить курсъ? Ma tante, вѣдь вы однѣ...

Прасковья Ѳедоровна. Ты хочешь сказать, что умру я — все останется?

Аксановъ. Нѣтъ, я этого не хочу сказать... Дай вамъ Богъ долго жить.

Прасковья Ѳедоровна. Вы всѣ думаете, что я жадная, а я совсѣмъ не жадная и помогаю очень много. Да вотъ ты считай: тетка твоя Настасья устраиваетъ концертъ въ пользу бродячихъ малютокъ и выманила у меня за билетъ десять рублей. Княгиня заставила меня заплатить двадцать пять рублей за столовую, гдѣ мужиковъ кормятъ. Да вчера мой докторъ пристадъ, затѣваетъ какое-то общества—ему... Да! Прочти пожалуйста, что это за общество... Онъ мнѣ далъ и афишу печатную... Я никакъ понять не могу... *(Подаетъ).*

Аксановъ *(читаетъ).* «При скученномъ населеніи столицы, при громадномъ наплывѣ рабочаго класса, ютящагося въ сырыхъ подвалахъ и грязныхъ углахъ, дороговизна жизненныхъ предметовъ первой необходимости является бичомъ человѣчества. Одна медицина не въ состояніи бороться со зломъ: она ждетъ къ себѣ на помощь щедрую благотворительность. Предполагая учредить благотворительное общество «введенія въ организмъ людей рабочаго класса мясныхъ суррогатовъ», докторъ Арзиль проситъ»...

Прасковья Ѳедоровна. Я тридцать рублей дала...

Аксановъ. Это, ma tante, хорошо.

Прасковья Ѳедоровна. Хорошо? Признаться тебѣ, сказать, жалко было. Все-таки, какъ хочешь, сумма не малая. А ты знаешь, вѣдь я домъ-то московскій продала.

Аксановъ *(съ удивленіемъ).* Какъ, тетушка!

Прасковья Ѳедоровна. Продала купцу одному. Ужъ и повѣренный отъ него пріѣзжалъ съ задаткомъ.

Аксановъ. Какъ же это, ma tante, вы вѣдь это продали историческій памятникъ!

Прасковья Ѳедоровна. Что-жъ, сама я въ немъ не живу.

Аксановъ. Вѣдь купецъ въ немъ трактиръ откроетъ! Неужели вамъ, ma tante, не жалко будетъ, когда въ залахъ, гдѣ перебывала вся старинная Москва, гдѣ бывали и Кутузовъ и Барклай, заведется обжорный рядъ... Что вы, ma tante! Позвольте мнѣ не вѣрить...

Прасковья Ѳедоровна. Ужъ и самой теперь жалко, да дѣлать нечего... Ты ко мнѣ не ѣздишь, тетка твоя Настасья

какъ была вертушка, такъ и осталась вертушкой... Посовѣтоваться мнѣ не съ кѣмъ, и при болѣзни моей, меня всякій можетъ обмануть... а тутъ подвернулся добрый человѣкъ, уговорилъ...

Аксановъ. Это ужасно!

Прасковья Ѳедоровна. Что-жъ тутъ ужаснаго, я не понимаю. Не разстраивай меня пожалуйста: я очень больна и вѣрь мнѣ, Юрушка, болѣзнь моя неизлѣчима. Ахъ, ты знаешь, какъ меня Бердыбаевъ вашъ надулъ.

Аксановъ. Денегъ взялъ?

Прасковья Ѳедоровна. Тысячу рублей! Да вѣдь какой хитрый! Такъ поддѣлался, такого туману напустилъ!.. Больнымъ притворился, сталъ ко мнѣ ходить, изъ моихъ пузырьковъ капли принималъ. Потомъ... Ну, Богъ съ нимъ, ему, говорятъ, ѣсть нечего. И вѣдь его вездѣ принимаютъ. Ну, прощай, голубчикъ. Поѣду къ княгинѣ. Бранитъ она меня, а я ее люблю. *(Встаетъ).* Ахъ, ты знаешь, Алина разводится съ мужемъ, пятьдесятъ тысячъ дастъ ему...

Аксановъ. Отступного?

Прасковья Ѳедоровна. И ѣдетъ въ Парижъ. *(Идетъ).* Я всегда говорила, что это тѣмъ кончится... Ты знаешь, вѣдь она... *(Въ дверяхъ показывается Бердыбаевъ и быстро останавливается).* Прощай! *(Аксановъ цѣлуетъ у ней руку; Прасковья Ѳедоровна проходитъ, отвернувшись отъ Бердыбаева).*

ЯВЛЕНІЕ VII.

АКСАНОВЪ и БЕРДЫБАЕВЪ.

Бердыбаевъ. Я къ тебѣ во второй разъ... Чортъ меня принесъ!

Аксановъ. Почему?

Бердыбаевъ. Ты видѣлъ, какъ она...

Аксановъ. Да! Что это значитъ?

Бердыбаевъ. Долженъ! Сердится...

Аксановъ *(надѣвая перчатки).* Скажи пожалуйста, какъ ты умудрился даже у моей тетки занять денегъ?.. Вѣдь она гроша мнѣ никогда не давала...

Бердыбаевъ. Не спрашивай, сдѣлай милость, вспоминать противно...

Аксановъ. Говорятъ, у тебя въ этомъ случаѣ гомеопатія была въ ходъ пущена.

Бердыбаевъ. А ты почемъ знаешь?

Аксановъ. Слышалъ. Не скажу, чтобы хорошо было сдѣлано...

Бердыбаевъ. Разумѣется, скверно! Ты думаешь, я самъ этого не знаю. Что-жъ было дѣлать? Мимо Бореля пройти нельзя, у Дюссо Симонъ кривитъ рожу, дома съ утра до ночи рвутъ колокольчикъ. Наконецъ, этотъ мерзавецъ пугаетъ мировымъ. Ну, согласись самъ...

Аксановъ. Положеніе дѣйствительно отчаянное...

Бердыбаевъ. Ну, нечаянно, безъ всякаго умысла сказалъ, что вѣрю въ гомеопатію. Ей это понравилось. Пригласила обѣдать. Вижу, больная женщина, я ее успокаивать, говорю, что самъ нѣсколько разъ вылѣчивался. Просидѣлъ весь вечеръ. Черезъ два дня навѣстить пришелъ. Вижу, я въ домѣ становлюсь первымъ человѣкомъ. Опять разговоръ о гомеопатіи. Въ пять сеансовъ я постигъ всю гомеопатическую рецептуру; узналъ, что если болитъ високъ, надо принимать извѣстнаго средства десять капель, а если чешутся пятки—того же средства пять капель. Повѣрь мнѣ, если бы я былъ безчестнымъ человѣкомъ, я бы могъ завладѣть всѣмъ ея состояніемъ—такъ она въ меня вѣрила—а я только за мѣсяцъ убійственно проведеннаго времени взялъ взаймы тысячу рублей. Вѣдь ты только представь себѣ: сидѣть съ больной женщиной цѣлый день и смотрѣть, какъ она глотаетъ крупинки, отсчитываетъ въ рюмку капли... Только и слышишь! разъ, два, три, четыре, пять, шесть... Застрѣлиться можно!

Аксановъ. Однако, ты меня извинишь, мнѣ надо ѣхать.

Бердыбаевъ. А ты не можешь мнѣ...

Аксановъ. Если очень немного—пять рублей.

Бердыбаевъ. Дай шесть.

Аксановъ. Могу и шесть. *(Даетъ деньги).* Шелъ бы ты куда-нибудь служить.

Бердыбаевъ. Куда я пойду? Ты знаешь мои взгляды на службу. Я не сочувствую...

Аксановъ. Мало ли кто чему не сочувствуетъ!

Бердыбаевъ. Здѣсь служить—я долженъ перековеркать всѣ свои традиціи; въ провинцію ѣхать—я заклятый врагъ всѣхъ губернаторовъ и вопросы ставлю ребромъ...

Аксановъ. Да тебѣ не предложатъ ставить никакихъ вопросовъ: они всѣ давно поставлены; а дадутъ тебѣ занятіе, которое и будетъ тебя отвлекать отъ изученія гомеопатической рецептуры. Ни губернатору до тебя, ни тебѣ до губернатора никакого дѣла не будетъ.

Бердыбаевъ. Однакожъ, долженъ же я буду проводить свои взгляды. Если я до мозга костей либералъ, не могу же я согласиться...

Аксановъ. Евстигней, дай мнѣ другія перчатки.

Бердыбаевъ. Ты богемскихъ цыганъ не слыхалъ?

Аксановъ. Слышалъ.

Бердыбаевъ. Не правда ли?

Аксановъ. Хороши.

Бердыбаевъ. Какой вчера бѣгъ былъ... Фіу!..

Лукичъ. Сани поданы.

Аксановъ. Холодно сегодня? *(Подходитъ къ окну и смотритъ на градусникъ).* Десять градусовъ, однако...

Бердыбаевъ. А Фантошъ не видалъ?

Аксановъ. Нѣтъ. *(Идетъ).*

Бердыбаевъ. Ну, такъ ты ничего не видалъ. Вѣдь это прелесть! *(Проходя мимо письменнаго стола, закуриваетъ папироску и кладетъ въ карманъ три сигары. Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Лукичъ *(одинъ).* Вѣдь вотъ и благороднаго званія, а если плохо гдѣ что лежитъ—не брезгаютъ. А съ насъ взыщется. Эхъ, сударь! Тьфу!

ДЕРЕВЕНСКІЯ СЦЕНЫ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Сергѣй Ильичъ Борковъ, генералъ отъ кавалеріи, безвыѣздно живущій въ своемъ помѣстьѣ, 70 лѣтъ.
Татьяна Васильевна, его дальняя родственница, институтка, только что окончившая курсъ въ одномъ изъ петербургскихъ институтовъ.
Серафима Александровна Ртищева, вдова сановника, двоюродная сестра Борканова, 50 лѣтъ.
Анатоль — 16 лѣтъ
Жоржъ — 15 лѣтъ
} ея сыновья.
Аркадій Николаевичъ Чугрѣевъ, отставной корнетъ, 40 л.
Евграфъ Матвѣевичъ Гусаковъ, маіоръ, управляющій имѣніями Борканова, бодрый, живой, крѣпкій старикъ, лѣтъ 70 ти.
Семенъ Петровичъ, крестьянинъ, мельникъ, 85 лѣтъ.
Егоровна, его жена, старуха.
Настя, ихъ родственница, 20 лѣтъ.
Иванъ Андреевичъ Тѣлковъ, торгующій крестьянинъ, 40 лѣтъ.
Пахомка, мальчикъ, слуга.
Парѳенъ Сергѣевичъ, старикъ, бывшій барскій поваръ.

Большая поляна въ густомъ сосновомъ лѣсу, на которую ведетъ узкая просѣка, налѣво избушка.

ЯВЛЕНІЕ I.

СЕМЕНЪ ПЕТРОВИЧЪ выноситъ столъ, накрываетъ его скатертью, **ЕГОРОВНА** кладетъ ковригу хлѣба, **НАСТЯ** ставитъ чашку съ медомъ.

Семенъ Петровичъ. Ну, все въ порядкѣ, какъ быть слѣдуетъ... Авось, не проштрафимся. *(Осматриваетъ столъ).* Хлѣбъ-отъ я подниму, а ты медъ неси, а ты, Настасья, стой да причитай: «милости, молъ, просимъ, ваше превосходительство, благодаримъ покорно, что нами не побрез-

говали... оченно намъ это... примѣрно... все одно, какъ отца родного»... И сейчасъ въ ноги...

ЯВЛЕНІЕ II.

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА показывается на просѣкѣ въ амазонкѣ.

Татьяна Васильевна. Здравствуйте, Семенъ Петровичъ. Здравствуйте... *(Всѣ почтительно кланяются).*

Семенъ Петровичъ. Спасибо, родненькая, что не погнушалась нами—пожаловала. Люди мы темные, въ лѣсу живемъ, а ты намъ просвѣтъ сдѣлала... Пошли тебѣ, Господи. Садиться милости просимъ. *(Обтираетъ рукой скамейку).*

Татьяна Васильевна. Какъ у васъ здѣсь темно.

Семенъ Петровичъ. Лѣсъ, матушка, Божій лѣсъ,—завсегда въ немъ темно. Еще теперь солнышко стоитъ, а какъ закатится—тьма тьмущая, зги не видать! Мы ужъ привычные, а и то осенью жутко бываетъ.

Татьяна Васильевна. А волки здѣсь есть?

Семенъ Петровичъ. Заходятъ когда, по осени, — освѣдомляются.

Татьяна Васильевна. Я никогда волковъ не видала.

Семенъ Петровичъ. Гдѣ-жъ, матушка, тамъ у васъ въ Питерѣ-то! Онъ въ лѣсу живетъ. Пріятности въ немъ никакой нѣтъ: воръ, разоритель!

Татьяна Васильевна. А вы не боитесь волковъ?

Егоровна. Нѣтъ, сударыня.

Татьяна Васильевна. Какъ же? Они къ самому вашему дому подходятъ?

Семенъ Петровичъ. Нѣтъ, голубушка, онъ хитрый, близко не подходитъ, а кругомъ все ходитъ, да озирается, нѣтъ ли чего по ближности — теленка, или овцы, а то и собаки, ежели зазѣвается, ну, ужъ тутъ шабашъ... готово! А ежели нѣтъ ничего—обижается, воетъ.

Татьяна Васильевна. Какъ страшно! Это дочка ваша?

Егоровна. Въ плюмянницахъ у насъ живетъ. Сирота,—ни отца, ни матери нѣтъ. Спервоначалу они погорѣли, а тамъ Господь и по душу по ихнюю послалъ. Самъ-то близъ Петрова дни отошелъ, а мать-то въ самый Покровъ.

Семенъ Петровичъ. Мы ее къ себѣ и приспособили. Жалко!

Егоровна. Сиротка...

Татьяна Васильевна. Какая хорошенькая!..

Егоровна. Какая ужъ, матушка, хорошенькая—чумазая!..

Семенъ Петровичъ. Всѣмъ бы дѣвка хорошая, и грамотѣ дотошница—письмо ежели написать, все прочее... просьбу—большое ей Богъ далъ понятіе. Намедни отъ всего міра губернатору просьбу составила, такія слова подобрала, плакали даже. Пѣсни пѣть ежели теперича, плясать—первая по всей волости, а ужъ работы—не хвали.

Настя. Я работаю, дѣдушка.

Егоровна. Надо правду говорить—не работница. Въ книжку все читаетъ.

Семенъ Петровичъ. Да коли бы ежели божественную какую, а то...

Татьяна Васильевна. Какую же книжку читаете?

Настя *(застѣнчиво).* Такъ-съ!..

Семенъ Петровичъ. Ну, говори, коли барышня спрашиваетъ.

Татьяна Васильевна. Какую?

Настя. Курсъ акушерства.

Семенъ Петровичъ. Вишь ты, какія слова-то!

Настя. Меня земскій врачъ въ акушерскій институтъ готовитъ, въ Санктъ-Петербургъ.

Семенъ Петровичъ. Вотъ ты и поди съ ней! И что это, матушка, за народъ теперича сталъ. Молодые ребята изъподъ отцовской воли повышли, въ церковь Божью не ходятъ, а придетъ ежели—статуемъ стоитъ и лба не перекрститъ, а такъ—одному святому кивнулъ, другому моргнулъ, а третій самъ догадается. И святые у нихъ не наши, а ихніе—симоны-гулимоны, да погуляи-мученики. Да ужъ и ваша-то сестра норовитъ...

Настя. Что-жъ, дѣдушка, я обучусь, да опять въ деревню приду.

Семенъ Петровичъ. Да, ищи тебя тамъ по Питеру-то!.. Тамъ тебѣ такъ хвостъ-то прищемятъ, что ты и не вырвешься. Какая ужъ тебѣ послѣ Питера-то деревня! Ты бы насъ, стариковъ, успокаивала, ничѣмъ пустыми дѣлами заниматься. На эту должность и безъ тебя много...

ЯВЛЕНІЕ III.

Входитъ ЧУГРѢЕВЪ, въ военной фуражкѣ, въ крайне изношенной венгеркѣ, въ болотныхъ сапогахъ.

Чугрѣевъ. Правда, Семенъ, я слышалъ, что у тебя сегодня на мельницѣ генералъ будетъ?

Семенъ Петровичъ. Ожидаемъ его, батюшку, съ покосу

хотѣлъ заѣхать, да вотъ что-то замѣшкался... Барышня пріѣхала, а его нѣтъ...

Татьяна Васильевна. Сейчасъ пріѣдетъ. Его какіе-то крестьяне погорѣлые остановили, прошенье подали.

Семенъ Петровичъ. Это, должно, гривскіе, двадцать дворовъ у нихъ выгорѣло. Пора рабочая, всѣ на полѣ, долго ли грѣху быть.

Чугрѣевъ. Позвольте мнѣ имѣть честь представиться: бывшій здѣшній помѣщикъ, обломокъ, такъ сказать, разбитаго корабля. *(Татьяна Васильевна молча кланяется).* Изъ Петербурга изволили пожаловать?

Татьяна Васильевна. Да.

Чугрѣевъ. Никогда въ здѣшнихъ мѣстахъ не бывали?

Татьяна Васильевна. Нѣтъ.

Чугрѣевъ. Да! Я вамъ не завидую. Прямо съ роскошнаго бала въ благородномъ собраніи попасть на водяную мельницу—переходъ ощутительный. Не правда ли? *(Татьяна Васильевна молчитъ).* Быть окруженной блестящею молодежью, роскошными дамами, фрейлинами, звѣздоносцами, кавалергардами и—вдругъ очутиться въ мурьѣ! Разумѣется, вы сюда не надолго пріѣхали? *(Татьяна Васильевна молчитъ).* И здѣсь было весело, и здѣсь, т. е. и въ здѣшнихъ мѣстахъ, гремѣла музыка, рѣкой лилось шампанское, но когда? *(Закуриваетъ папироску).* Но когда? Когда здѣсь жили люди со вкусомъ, люди родовитые, люди образованные, прошедшіе, если такъ можно выразиться, черезъ прессъ воспитанія, когда не были осушены рѣки, не были вырублены лѣса, когда на барскихъ домахъ развѣвались флаги съ гербами, когда къ крыльцу подъѣзжали экипажи, запряженные рысаками. А теперь что? Гдѣ баринъ? Да вотъ недалеко ходить: вотъ теперешній баринъ, теперешній помѣщикъ—вотъ онъ! *(Изъ просѣки выходитъ Тѣльновъ).*

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣльновъ. Такъ точно, здѣшній помѣщикъ,—Иванъ Андреевъ Тѣльновъ.

Татьяна Васильевна. Семенъ Петровичъ, можно посмотрѣть мельницу? Я никогда не видала.

Семенъ Петровичъ. Пожалуй, красавица, пожалуй. Настасья проводитъ.

Настя. Пожалуйте, сударыня, тутъ недалечко.

Чугрѣевъ. Какъ бы я былъ счастливъ, если бы вы позволили мнѣ вамъ сопутствовать.

Татьяна Васильевна *(сухо)*. Благодарю васъ.

Семенъ Петровичъ. Нѣтъ, баринъ, не ходи: у меня примѣта—у тебя глазъ не хорошъ. Намедни ты за утками на плотинѣ охотился, такъ опосля тебя такъ жернова забаловали, насилу справили. *(Татьяна Васильевна уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же.

Чугрѣевъ. Такъ ты помѣщикъ?

Тѣльновъ. Вѣрное ваше слово—помѣщикъ.

Чугрѣевъ *(осматриваетъ его съ ногъ до головы)*. Не похоже!

Тѣльновъ *(осматривая себя)*. Чѣмъ же-съ?

Чугрѣевъ. Да всѣмъ!

Тѣльновъ. Спинжакъ такой же, какъ и у другихъ прочихъ, палталоны такъ же навыпускъ носимъ.

Чугрѣевъ. Ну, какой ты помѣщикъ? Ты—орясина.

Семенъ Петровичъ *(смѣется)*. Послѣ дяди Герасима.

Тѣльновъ. Напрасно! Если я на своей землѣ орудую, значитъ—я помѣщикъ форменный. Чинами насъ только не жалуютъ, а что торговыя права мы платимъ и торговлю, значитъ...

Чугрѣевъ. Какая твоя торговля—кабакъ!

Тѣльновъ. Безъ кабака никакъ невозможно, потому въ немъ вся сила. Точно что если баловникъ другой, по глупости своей, черезъ силу наши матерьялы потребляетъ—тому вредъ; а ежели кто пьетъ резонно, съ разумомъ, тому, окромя пріятности, ничего нѣтъ. Возьметъ сороковочку, обольетъ свою душеньку, ему и свѣтъ-то Божій съ другой стороны покажется.

Чугрѣевъ. Мужикъ послѣдній кафтанъ къ тебѣ несетъ...

Тѣльновъ. Зачѣмъ? Цѣны у насъ, супротивъ другихъ прочихъ, самыя унизительныя.

Чугрѣевъ. Напьется, исколотятъ его.

Тѣльновъ. Напрасно! Мы никакой революціи въ своемъ заведеніи не допущаемъ.

Чугрѣевъ. Мошенникъ!

Тѣльновъ. На все, сударь, мозги требуются.

Чугрѣевъ. Какіе у тебя мозги?

Тѣльновъ. Мозги у меня, по нашему дѣлу, очень большіе. Еще когда я маленькій былъ, въ ученьи, такъ хозяинъ даже очень моими мозгами любовался: я изъ фунта икры четыреста ботинбротовъ выгонялъ. Теперь здѣсь у

меня въ окружности десять кабаковъ, да вотъ у енерала хочу просить, чтобы раздѣлюціи онъ не дѣлалъ—одиннадцатый на его землѣ поставить. Такое дѣло безъ мозговъ нельзя, тутъ мозгами только пошевеливай. Земля ихняя, значитъ, клиномъ на большую дорогу вышла — тутъ намъ мѣсто самое способное—и трактиръ можно, и постоялый дворъ—торгуй только!

Чугрѣевъ. И ты думаешь, чтобы полный генералъ, георгіевскій кавалеръ, заслуженный воинъ, благодѣтель всей окрестности, позволилъ тебѣ поганить его землю кабакомъ?

Тѣльновъ. Вы нашихъ дѣловъ не понимаете... И утку безъ мозговъ не убьешь, а народъ ублаготворить...

Чугрѣевъ. Кабакомъ?

Тѣльновъ. Не въ кабакѣ сила... Тутъ, главная причина, торговая операція.

Чугрѣевъ. Спаивать мужика?

Тѣльновъ. Да мы за воротъ его къ себѣ не тянемъ. Ндравится кому этотъ предметъ, онъ своей волей идетъ.

Чугрѣевъ. Да, такъ ты думаешь? Если въ лѣсу поставить кадушку съ медомъ, такъ медвѣдь мимо пройдетъ?

Тѣльновъ. Такъ вѣдь онъ спервоначалу обнюхаетъ,—такъ просто онъ ѣсть не станетъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Пахомка *(входитъ)*. Что же это ты свои бѣгунцы-то поперекъ просѣки поставилъ. Какъ же генералъ въ шерабантѣ-то проѣдетъ?

Тѣльновъ. А ты поверни, да выведи на лужайку.

Пахомка. Нѣтъ, ужъ это зачѣмъ же! Самъ промнись. Мы генералу служимъ.

Тѣльновъ. Горечь! Стракулистъ—точены лапки. Вся цѣпа тебѣ пятиалтинный.

Пахомка. Генералъ! Бѣги живо! *(Тѣльновъ уходитъ).*

Чугрѣевъ. Развѣ генералъ не верхомъ?

Пахомка. Нѣтъ, они съ Серафимой Васильевной въ вѣнскомъ шерабантѣ, Татьяна Васильевна верхомъ, Евграфъ Матвѣичъ на бѣговыхъ, а барчаты въ долгушѣ.

Чугрѣевъ. Такъ, значитъ, генералъ со всѣмъ семействомъ...

Семенъ Петровичъ. Праздникъ у насъ нынче большой. Конюха съ неводомъ пришли, на берегу костеръ зажгутъ, повара уху дѣйствовать будутъ, а барчаты за рѣкой феверки спущать. Веселье у насъ большое.

Чугрѣевъ. Ну, значитъ, я здѣсь лишній, долженъ ретироваться. Прощай, старикъ.

Семенъ Петровичъ. Съ Богомъ, милый человѣкъ, съ Богомъ. *(Чугрѣевъ уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ VII.

На просѣку въѣзжаетъ БОРКАНОВЪ съ СЕРАФИМОЙ ВАСИЛЬЕВНОЙ. СЕМЕНЪ ПЕТРОВИЧЪ беретъ хлѣбъ, ЕГОРОВНА медъ и идутъ навстрѣчу.

Боркановъ. Здорово, старики мои почтенные! Здравствуй, Семенъ Петровичъ, старина моя стародавняя.

Семенъ Петровичъ. Здравствуйте, батюшка, ваше превосходительство. Полюби нашу хлѣбъ-соль. *(Подаетъ хлѣбъ, генералъ принимаетъ и передаетъ Пахомкѣ. Старикъ кланяется въ ноги).*

Боркановъ. Что ты, что ты, старикъ! *(Приподнимаетъ и цѣлуетъ въ лобъ).* Ну, вотъ мы съ сестрой къ тебѣ въ гости пріѣхали.

Семенъ Петровичъ. Ужъ такая-то намъ радость, такая-то радость, что кажется... Садиться милости просимъ... Пожалуйте, матушка, сударыня.

Боркановъ. Ну, какъ дѣла, дѣдъ?

Семенъ Петровичъ. Ужъ такъ-то, батюшка, хорошо, что не придумаешь, за что насъ взыскалъ Господь Царь небесный. Яблоковъ, всего прочаго, уродилась такая-то сила... меду теперича... Пчелы такъ стараются... Господи! И годовъ такихъ не помню... Покушайте, сударыня, нашего медку-то...

Боркановъ. Ты бы, Семенъ Петровичъ, вотъ что:—ты бы намъ молочка по стаканчику далъ. *(Къ Серафимѣ Александровнѣ).* Хочешь?

Серафима Александровна. Нѣтъ, мнѣ вредно. Я недавно лѣкарство принимала.

Боркановъ. Брось ты этотъ вздоръ! Какое теперь лѣкарство? Теперь только дыши. А гдѣ Татьяна Васильевна?

Семенъ Петровичъ *(къ Егоровнѣ).* Бѣги скорѣй! На мельницу, батюшка, пошла полюбопытствовать.

Боркановъ. Вотъ, матушка, человѣкъ-то: въ свое время подковы разгибалъ, на медвѣдя верхомъ садился. Было это, Семенъ Петровичъ?

Семенъ Петровичъ. Было, батюшка, ваше превосходительство, было. На упокойника Митрія Иваныча онъ изъ мер-

логи выскочилъ, а я на пнѣ съ ихней пистолеткой стоялъ... выскочилъ, а я прыгнулъ на него верхомъ, схватилъ за ухо, да въ загривокъ ему—бухъ! Такъ онъ и распластался. Въ становую жилу, значитъ, ему попалъ. Митрій Иванычъ въ тѣ поры, дай ему Богъ царство небесное, на волю меня выпустилъ, а товарищъ его, князь какой-то значительный, два золотыхъ мнѣ далъ... лобанчики въ тѣ поры ходили.

Серафима Александровна. А теперь ты здоровъ?

Семенъ Петровичъ. Лучше требовать нельзя, матушка. Вотъ, бываетъ, что плечо ломитъ. Это годовъ сорокъ тому, тоже Митрія Иваныча съ супругой съ ихней, въ коляскѣ четверкой, я въ городъ повезъ. Только-что на пришпектъ выѣхали, лошади-то и прихватили. Вижу, что погибать моимъ господамъ надо. Намоталъ вожжи—разъ! Такъ всю четверку и зарѣзалъ. Господа изъ коляски-то вышли, а меня садовники съ козелъ-то сняли, да подъ руки домой и сволокли. Мѣсяца три опосля этого я руками не дѣйствовалъ, а тамъ прошло. Теперича ежели когда что—выпаришься въ печи, а лѣтнее дѣло старуха плечи-то крапивой похлещетъ, али дегтемъ натретъ и любёхонько.

Серафима Александровна. Въ печкѣ париться ужасно вредно. Ты знаешь, что тамъ температура...

Борковъ. О, матушка, знаютъ они, что такое температура!..

Семенъ Петровичъ. Мы, сударыня, по-Божьему. Настасья у насъ тоже эти хитрыя слова говоритъ.

Серафима Александровна. Можно простудиться.

Семенъ Петровичъ. Мы, матушка, простуды не имѣемъ. Это ежели жидкій какой человѣкъ, котораго отъ рожденья его въ хлопки завертываютъ, а мы на снѣгу родились, подъ снѣгомъ и косточки наши лежать будутъ.

Серафима Александровна. Я тебѣ, на всякій случай, лѣкарства пришлю. Это такія зернышки, маленькія, какъ макъ. Взять четыре зернышка...

Семенъ Петровичъ. А дѣйствительны онѣ, сударыня?

Серафима Александровна. Удивительно! Удивительно!

Семенъ Петровичъ. А то вотъ тоже, парень у меня на мельницѣ жерновъ передвигалъ, да и надорвался, такъ его тоже барыня изъ Алешина крупинками лѣчила...

Серафима Александровна *(восторженно).* Ну, что?

Семенъ Петровичъ. Померъ! Спервоначалу его солдатъ лѣчилъ, толченымъ кирпичемъ поилъ.

Борковъ. Вѣроятно, вы хотите ему дать ваше излюбленное средство—apis?

Серафима Александровна. Ну да, apis.

Борковъ. Гранъ цѣлебнаго вещества, растертаго въ кускѣ сахара, равнаго земному шару, увеличенному въ семь разъ. Это средство дѣйствительное! Ахъ, Серафима Александровна! Вы только посмотрите на этого мастодонта. Да онъ всю вашу гомеопатическую аптеку проглотитъ и ему ничего не сдѣлается. Всѣ! И бріонію, и аписъ, и ипекакуану, и еще какія тамъ у васъ сильно дѣйствующія вещества. Да вы его мышьякомъ не проймете!..

Семенъ Петровичъ. У насъ, ваше превосходительство, одна бабенка съ ундеромъ однимъ въ грѣхѣ была, такъ она своему мужу, въ работникахъ у меня жилъ, въ лепешку мышьяку подсыпала—мы его на мельницѣ молокомъ отходили. Опосля того зимой въ прорубь попалъ — вытащили, откачали и теперь работаетъ.

Борковъ. На медвѣдя люди верхомъ садятся, четверку бѣшеныхъ лошадей осаживаютъ, изъ проруби живыми выходятъ, а вы имъ крупинки... Тебѣ, Семенъ Петровичъ, сколько лѣтъ?

Семенъ Петровичъ. Не считалъ, батюшка, не знаю.

Борковъ. Да француза-то помнишь?

Семенъ Петровичъ. Махонькой былъ, младенецъ, почитай, годковъ шести. Чуть помню, вошелъ родитель въ избу, а мы обѣдали: «сряжайтесь, говоритъ, скорѣй всѣ — Москва горитъ». Тутъ меня матушка въ лѣсъ и потащила. Чуть помню... *(Слышится выстрѣлъ).*

Борковъ. Кто это стрѣляетъ?

Серафима Александровна. Вѣроятно, Жоржъ — я его съ ружьемъ видѣла.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА входитъ съ НАСТЕЙ. Выходитъ ТѢЛЬНОВЪ.

Борковъ. Ахъ, вотъ и Татьяна Васильевна. Здравствуй, Настя, здравствуй, будущій докторъ медицины. Занимаешься у доктора-то? *(Настя молчитъ).* Учись, учись... Въ Москву тебя отправимъ. *(Къ Татьянѣ Васильевнѣ).* Ну, разсказывай, что ты видѣла?

Татьяна Васильевна. По порядку?

Борковъ. По порядку.

Татьяна Васильевна. Во-первыхъ, меня понесла лошадь, потому что m-r Жоржу угодно было выстрѣлить въ ворону.

Борковъ. Ай да егерь!

Серафима Александровна. А я думаю, отъ того васъ понесла лошадь, что вы ѣздить не умѣете.

Борковъ. Она-то? Это, матушка, такой кавалеристъ, что ой, ой, ой! Ну, потомъ?

Татьяна Васильевна. Здѣсь я встрѣтила какого-то господина...

Борковъ. Кто же это такой?

Семенъ Петровичъ. А вотъ этотъ... изъ Пищалина... Какъ онъ прозывается?

Борковъ. Ахъ, это Чугрѣевъ. Значитъ, онъ опять въ нашихъ мѣстахъ показался... Третью тетку пришелъ объѣдать.—Что онъ еще похожъ на человѣка-то? Образъ-то Божій на немъ есть еще?

Семенъ Петровичъ. Да ужъ на барина почитай что не похожъ...

Борковъ. Несчастный!

Татьяна Васильевна. Да встрѣтила я здѣсь какого-то помѣщика...

Борковъ. Какого помѣщика...

ЯВЛЕНІЕ IX.

Выходитъ ТѢЛЬНОВЪ.

Тѣльновъ. Это меня, ваше превосходительство.

Борковъ *(смотритъ съ изумленіемъ).* Помѣщикъ?!

Тѣльновъ. Здѣшній помѣщикъ, Иванъ Андреевъ Тѣльновъ.

Борковъ. Всѣхъ своихъ добрыхъ сосѣдей-помѣщиковъ знаю, а такого не слыхивалъ. Давно въ нашихъ мѣстахъ?

Тѣльновъ. Отъ самаго отъ рожденія.

Борковъ. Фамиліи такой не слыхивалъ. Странно!

Тѣльновъ. Оченно можетъ быть, потому что съ малыхъ лѣтъ воспитывался въ Парижѣ. Спервоначалу папаша нашъ все скопировалъ, меня свезли въ Парижъ, и въ тѣмъ числѣ, какъ они померли...

Борковъ. Кто?

Тѣльновъ. Папаша.

Борковъ. Ничего не понимаю! Вы говорите, что вы воспитывались въ Парижѣ...

Тѣльновъ. Такъ точно, на Солянкѣ, у купца Евстигнѣева.

Борковъ. Ахъ, это значитъ трактиръ Парижъ?

Тѣльновъ. Точно такъ-съ!

Борковъ. Ну, теперь понятно! *(Хохочетъ).* Что же вамъ, г. помѣщикъ, отъ меня нужно?

Тѣльновъ. Какъ, значитъ, теперича у васъ есть участокъ

земли и упирается онъ клиномъ подъ самое село Гривки, такъ намъ желательно этотъ клинушекъ у васъ купить.

Борковъ. Не продаю.

Тѣльновъ. За цѣной не постоимъ.

Борковъ. Не продаю.

Тѣльновъ. Оченно бы намъ лестно учредить тамъ торговое заведеніе.

Борковъ. А чѣмъ ты торгуешь?

Тѣльновъ. Всякими крестьянскими потребностями.

Семенъ Петровичъ. Насчетъ кабаковъ больше орудуетъ.

Тѣльновъ. Въ тѣмъ числѣ, ваше превосходительство...

Борковъ. Съ Богомъ! Вотъ если бы ты вздумалъ на моей землѣ часовню поставить, я бы тебѣ даромъ отдалъ, а подъ питейное заведеніе...

Тѣльновъ. Что-жъ... Часовня, ежели она...—Такъ будемъ говорить...

Борковъ *(строго)*. Ступай съ Богомъ.

Тѣльновъ. Счастливо оставаться...

Борковъ. И тебѣ тоже... *(Тѣльновъ уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ X.

Борковъ. Хорошъ помѣщикъ!.. Ну, такъ что-жъ ты на мельницѣ видѣла?

Татьяна Васильевна. Видѣла я плотину, видѣла я огромное колесо, на него падаетъ вода, это колесо вертитъ жернова, а жернова мельчатъ муку...

Борковъ. Которую мы съ тобой ѣсть будемъ.

Татьяна Васильевна. Которую мы съ тобой ѣсть будемъ. Потомъ я видѣла, какъ садовники неводъ закидывали, видѣла я разъѣзжающаго верхомъ по берегу Евграфа Матвѣевича... Ну, вотъ и все, что я видѣла... *(Раздается выстрѣлъ)*.

Борковъ. Фу ты, Господи!..

Серафима Александровна. Что-жъ, если у него страсть.

Борковъ. Скверная страсть! Отвратительная! Что ворона ему сдѣлала? Надо быть совершенно пустымъ и глупымъ человѣкомъ, чтобы лишать жизни несчастную птицу. Ну, что, скажите пожалуйста, что ему ворона сдѣлала?

Серафима Александровна. Коли вамъ поведеніе дѣтей моихъ не нравится, они могутъ отсюда уѣхать.

Борковъ. Никуда они не уѣдутъ, здѣсь будутъ балбесничать. Мальчишки по два года въ одномъ классѣ сидятъ...

Серафима Александровна. Не забудьте пожалуйста, эти мальчишки—мои дѣти.

Борковъ. Тѣмъ хуже! Дѣти знатной дворянской фамиліи...

Серафима Александровна *(къ Пахомкѣ).* Лошадей мнѣ!..

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ-же и ЖОРЖЪ.

Жоржъ. Maman, какъ я сейчасъ ворону ссадилъ! На самой макушкѣ сидѣла... я ее восьмымъ номеромъ... Разъ!.. а она...

Борковъ. Что она тебѣ мѣшала?

Жоржъ. Нѣтъ, она на самой макушкѣ сидѣла.

Борковъ. Я знаю. За что-жъ ты ее убилъ? Что она тебя обидѣла, что ли?

Серафима Александровна. Ну, довольно!

ЯВЛЕНІЕ XII.

Пахомка. Лошади поданы.

Серафима Александровна. Жоржъ, ты со мной домой поѣдешь.

Жоржъ. Maman, я никогда не видалъ, какъ рыбу ловятъ.

Серафима Александровна. Нисколько неинтересно. А гдѣ Анатоль?

Жоржъ. Онъ тамъ, на берегу, съ деревенскими бабами разговариваетъ.

Серафима Александровна *(къ Пахомкѣ).* Поди, скажи Анатолію Алексѣевичу, чтобы онъ ѣхалъ со мной домой.

Жоржъ. Maman, я никогда не видалъ, какъ рыбу ловятъ.

Серафима Александровна. Я ужъ тебѣ сказала, что это нисколько неинтересно.

Жоржъ. Отчего ты не хочешь, чтобы я смотрѣлъ?

Борковъ. Зачѣмъ вы лишаете его удовольствія! Ловля рыбы—занятіе благородное, это не воронъ стрѣлять.

Серафима Александровна. Позвольте мнѣ...

Жоржъ. Maman, позволь мнѣ смотрѣть, какъ рыбу ловятъ.

Серафима Александровна. Ты меня выводишь изъ терпѣнія.

Жоржъ. Maman, я только посмотрю.

Пахомка. Анатолій Алексѣевичъ на ту сторону въ лодкѣ переѣхали.

Серафима Александровна. Ахъ, Господи! *(Идетъ).*

Жоржъ *(слѣдуетъ за нею).* Анатоль будетъ смотрѣть, а я не буду смотрѣть... Maman, это несправедливо... Ты сама говорила. *(Уходятъ).*

Борковъ. Несчастная мать! Несчастныя дѣти!

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Гусаковъ *(входя)*. Ваше высокопревосходительство, пожалуйте! Мрежи брошены, костеръ пылаетъ, берегъ усѣянъ окрестными поселянами, покинувшими свои убогія жилища для эстетическихъ наслажденій. Позвольте представить ваше высокопревосходительство оперную труппу маіора Гусакова. *(Выходятъ дѣвушки и парни. Впереди идетъ Парѳенъ Сергѣичъ со скрипкой. Становятся въ рядъ)*. Пахомка, давай мою цѣвницу. *(Пахомка подаетъ кларнетъ)*. А сей старецъ, ваше высокопревосходительство, мой дирижеръ и первая скрипка. Несмотря на свои преклонные годы, онъ играетъ на ней, какъ Паганини. Былъ онъ у своего барина поваромъ. Слава о его кулебякахъ гремѣла далеко за предѣлами здѣшней губерніи. Старики говорятъ, что его кулебяки дышали, когда ихъ подавали на столъ. Былъ драматическимъ актеромъ, былъ опернымъ пѣвцомъ, былъ... еще кѣмъ ты былъ, Парѳенъ Сергѣевичъ?

Парѳенъ. Всѣ должности у своихъ господъ произошелъ. Поварскому искусству господа въ аглицкой клубъ обучаться отдавали, а на скрипкѣ и всему прочему самъ баринъ натаскивалъ.

Борковъ. А чей ты былъ?

Парѳенъ. Господина Бешметева, Александра Дмитрича.

Гусаковъ. А что ты у него въ театрѣ игралъ?

Парѳенъ. Больше все царей игралъ, потому голосъ у меня былъ басистый. Цампу опять же, Александра Македонскаго... да много... ужъ теперь не помню. Выѣздной у насъ лакей былъ Родивонъ, косой на одинъ глазъ, хорошо Александра Македонскаго разыгрывалъ и меня обучалъ. Бывало, соберутся господа, графы, начальство всякое, а мы мѣсяца два все твердимъ, чтобы какъ лучше, чтобы все въ понятіе взять. Ну вотъ, бывало...

Борковъ. А стряпать еще можешь?

Парѳенъ. Нѣтъ, ваше превосходительство, только вкусъ у меня чувствительный остался: могу разобрать, что хорошо, а самъ сдѣлать не могу. Да ужъ теперь такъ господа не кушаютъ, да и господъ настоящихъ-то мало осталось, все купецъ забралъ. У нашего Александра Дмитрича какое имѣніе-то было!—Двѣ церкви—теплая, да холодная. Домъ-то дворецъ, шестьдесятъ комнатъ, театръ... Въ Бозѣ почивающая императрица Екатерина у дѣдушки нашего барина въ гостяхъ была... Наполеонъ со своими генералами въ

нашемъ домѣ два дня жилъ, когда на Москву шелъ. И теперича еще въ диванной на стѣнахъ патреты висятъ—всѣ пулями прострѣляны. Это въ тѣ поры народъ-то весь ушелъ, а они, со злости, по патретамъ стрѣлять стали. За столъ у насъ садились по сту человѣкъ, а то и больше. Бывало, покойникъ съ генералами придетъ ко мнѣ въ кухню. «Парѳенъ, говоритъ, ублаготвори! Сдѣлай такъ, чтобы всѣ чувствовали, какой ты у меня поваръ есть». *(Сквозь слезы).* Ну, ужъ тутъ душу свою и кладешь! Какая есть у тебя душа — вся она на плитѣ да въ кострюлѣ. Одинъ значительный графъ—бужанину я ему съ чеснокомъ потрафилъ—при всѣхъ меня, крѣпостного человѣка, въ лобъ поцѣловалъ, купить меня у Александра Дмитрича хотѣлъ, большія деньги давалъ, а тотъ ему:—«нѣтъ, говоритъ, мы съ Парѳеномъ умремъ вмѣстѣ». Очень меня обожалъ, дай Богъ ему царство небесное. Купцу теперича это имѣніе досталось—все разорилъ: аллею вырубилъ, флигеля кавалерскіе сломалъ, половину дома подъ товаръ занялъ.

Гусаковъ. А ты такъ при имѣніи и остался?

Парѳенъ. Такъ и пребываю. Онъ добрый купецъ, и она дама хозяйственная, подъ барыню подражать желаетъ, а крылья-то коротки, летать высоко не можетъ. Вотъ когда гости соберутся, хочется ей себя показать, сейчасъ ко мнѣ: ну-ка Парѳенъ Сергѣичъ, убери столъ по-господскому. Ну, и уберешь—сервировку сдѣлаешь, цвѣты на столъ поставишь, духами покуришь... А гости у нихъ бываютъ самые обыкновенные. Какъ вспомнишь, кто въ этой самой залѣ кушали, кому мы служили—графы, князья, фрелины... Съ трепетомъ, бывало, кушанье на столъ отпущаешь.

Гусаковъ. Что-жъ, при должности какой-нибудь у купца-то?

Парѳенъ. Вся птица на моихъ рукахъ. На скрипкѣ когда играю. Самъ-то музыку любитъ, и какъ ежели случится запьетъ, безъ музыки спать не ляжетъ. Сперва ему играй танцы, а послѣ заплачетъ и запоетъ «Помощникъ и покровитель», а ты ему на скрыпкѣ подлаживай!

Гусаковъ. Ну, хоръ!

Татьяна Васильевна. Какую вы пѣсню будете пѣть?

Гусаковъ. «Молодку».

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Жоржъ *(входитъ).* Maman разсердилась и приказала мнѣ идти сюда.

Борковъ. Значитъ ты свою maman довелъ до бѣлаго каленья.

Жоржъ. Я только говорилъ, что это несправедливо: Анатоль будетъ смотрѣть, какъ рыбу ловятъ, а я нѣтъ.

Гусаковъ. *(Запѣваетъ).*

Молодка, молодка молодая,
Разлапушка, свѣтикъ, дорогая!

(Всѣ направляются къ рѣкѣ; Борковъ съ Татьяной Васильевной идутъ за хоромъ. Навстрѣчу имъ изъ кустовъ выходитъ Тѣльновъ).

Тѣльновъ. Можетъ, раздумаете, ваше превосходительство?

Борковъ. Отстань! Тутъ поэзія, а онъ съ кабакомъ лѣзетъ...

Тѣльновъ. Слушаю, ваше прев.....

ПОДРАЖАНІЯ СТАРИННОЙ ПИСЬМЕННОСТИ.

ПОДРАЖАНІЯ СТАРИННОЙ ПИСЬМЕННОСТИ.

I.

Письмо изъ Эмса.

(XVII вѣка).

Бьетъ челомъ сирота твой, государевъ (имя рекъ). Въ нынѣшнемъ 377 году прислана мнѣ твоя, великаго государя, грамота. Написано: ѣхать тебѣ, Ивану, въ розные города нѣмецкаго государства и смотрѣть тѣхъ городовъ люди и намъ, великому государю, отписывать. И взять тебѣ животовъ сколько мочно. И ѣхатчи землями нѣмецкаго государства, не грабить, не пьянствовать, и съ нѣмцы разговорныя слова говорить и отвѣтъ держать примѣрившись, съ вымышленіемъ, боясь нашея опалы и жестокаго истязанія безо всякія пощады. А будетъ который начальный нѣмецкій человѣкъ спроситъ, какія ради нужды посланъ отъ великаго государя, говорить: посланъ для его великихъ государевыхъ дѣлъ. А даровъ ему не давать. А прилучится который нѣмчинъ прошать будетъ—и тому дать кормы небольшіе да деньгами на пиво, по три алтына на человѣка.

И по твоему, государя, указу, мѣсяца мая въ 17-ый день, на память св. (имя рекъ), переѣхалъ я за рубежъ московскаго государства. Направо объявилося море пространное, а на немъ корабли, а на берегу стоитъ городъ Канюсбрекъ. И тотъ городъ и земля были допрежъ того подъ державою короля польскаго, а нынѣ всѣ тѣ польскіе люди поверстаны въ нѣмцы и жить имъ велѣно нѣмецкимъ обычаемъ, а вѣру держать католицкую, какъ допрежъ было. А будетъ кто похочетъ въ люторство, и тому прибавить чести. А городъ Емца не великъ, а сталъ онъ въ горахъ, а въ немъ живая вода, а та вода шипитъ, а течетъ та вода изъ горы каменныя, ростетъ на ней лѣсъ нечастый. И у котораго человѣка нутро болитъ, али утинъ, али порча, али ина хворь,—и дохтуры тоя болѣзни своимъ дохторствомъ смотрятъ, и ту живую воду пить велятъ и въ той водѣ сидѣть. А люди московскаго государства тоя воды не пьютъ, а пьютъ они ренское во множествѣ и здравы бываютъ. А ренское вино доброе, и я про твое, государево, здоровье пью ежедень. Палата построена каменная, большая, а въ ней сидитъ нѣмчинъ и вралетку вертитъ и прыгунца пущаетъ:—бѣленькій, не великъ. А кругъ того нѣмчина народное множество—иныхъ государствъ люди—и жиды, и езовиты, и жонки, и старыя бабы, и воров-

скіе заблудные люди, и кладутъ тому нѣмчину золотые амбургскіе и угорскіе и ефимки, и нѣмчинъ тѣ деньги емлетъ и вралетку вертитъ почасту. А въ сѣняхъ трубятъ въ трубы и въ бубны бьютъ и на стрементахъ и на свирѣляхъ—на искушеніе.

II.

Челобитная XVII ст.

(По титулѣ).

«Бьетъ челомъ и плачется сиротишка твой, государевъ, разбойнаго приказа писчикъ Павликъ. Въ прошлыхъ годѣхъ велѣно мнѣ сидѣти въ разбойномъ приказѣ безотступно и всякія разбойныя и татинныя дѣла списывати, а жалованье мнѣ противъ другихъ подъячихъ вполы, да сапоги, да однорядка, да шапка. И я, сирота, сидючи въ разбойномъ приказѣ, о твоемъ великаго государя дѣлѣ радѣлъ. А нынѣ та однорядка износилась и сапожонки поистлѣли — въ приказъ ходить нудно: пальцы прихватываетъ и пяткамъ тягота великая. Царь Государь! смилуйся для своего многолѣтняго здоровья и всемірныя радости царевича (имя рекъ) вели меня, сиротишку, обуть».

Помѣта: «Объявлено государево жалованье: дать однорядка, да сапоги, да шапка».

Челобитная XVIII ст.

(По титулѣ).

«Его сіятельство генерал-аншефъ, генералъ-адъютантъ, преображенскаго полку бригадиръ приказалъ мнѣ, нижайшему, быть въ юстицъ-коллегіи у письменныхъ дѣлъ безъ срока. И я, будучи въ юстицъ-коллегіи, ея императорскаго величества интересу служилъ. А нынѣ мнѣ, нижайшему, отъ юстицъ-коллегіи резолюція: отъ юстицъ-коллегіи оставить, на основаніи указовъ ея императорскаго величества. А мнѣ, нижайшему, при холодной атмосферѣ, жить въ резиденціи ея императорскаго величества невозможно. А посему...»

Резолюція: «Опредѣлить ея императорскаго величества на молочный дворъ для смотрѣнія, а кормъ оттуда же натурою».

Прошеніе XIX ст.

«Прослуживъ безпорочно тридцать лѣтъ и не имѣя возможности, при настоящей дороговизнѣ хлѣба и мяса...»

Резолюція: «По непредставленію марокъ, оставить безъ послѣдствій».

III.

Изъ челобитной по судебному дѣлу XVII ст.

(По титулѣ).

Въ нынѣшнемъ, Государь, 378 г. изманъ я приставы и волоченъ пѣшъ до губныя избы и великіе отъ того ихъ волоченья мнѣ, сиротѣ твоему, чинены убытки: однорядку вишневую, твое государево жалованье, изодрали всю безъ остатка и однорядочка къ свѣтлому дню у меня нѣтъ. И губной староста да подъячій учали меня бить и за

волосья таскать и истерзавъ довольно, стали говорить распросныя рѣчи съ пристрастіемъ: на Москвѣ живучи, Ивашка, ты лихихъ людей знавалъ-ли и за пьянствомъ съ ними ходилъ-ли? И будетъ ты лихихъ какихъ людей знавалъ и еретичество и б....ю ихъ вѣдалъ—самъ съ ними на..... ходилъ-ли? Онъ, Гурій, убоину ѣлъ-ли и смердящую бѣсовскую богоненавистную табаку пилъ-ли? Да онъ-же Гурій, на Москвѣ живучи, ежедень скрывался—и то тебѣ кто скрывалъ и наровилъ ему вѣдомо-ль?

И я, сирота твой, памятуючи страшный судъ, противъ тѣхъ распросныхъ рѣчей сказалъ прямо вправду: на Москвѣ живучи въ скоморохахъ, лихихъ людей не зналъ, всякихъ заблудныхъ и зерщиковъ и скомороховъ и мнишецкаго чина и гостиной сотни запойныхъ людей зналъ довольно, и за пьянствомъ съ ними ходилъ, и составныя затѣйныя слова говаривалъ, а кто Гурія легчилъ, то мнѣ невѣдомо. А онъ, Гурій, человѣкъ смирный .....

IV.

Челобитная скомороха потѣшнаго приказа (XVII ст.).

Бьетъ челомъ сирота твой Государевъ, Потѣшнаго приказа скоморохъ Ивашка Ѳедоровъ. Жалоба мнѣ, Государь, того-жъ приказа на скомороха, на Ѳедьку Алексѣева, на Бурдина. Въ нынѣшнемъ, Государь, 377 году сошелъ я на стругѣ внизъ по Волгѣ рѣкѣ до Перми великія для своихъ сиротскихъ промыслишковъ и плывъ по Волгѣ рѣкѣ, близко будетъ Нижняго, у Работокъ, вышелъ тамъ Ѳедька съ женишкою своею съ Аннищею, да съ дѣтишками своими—съ сынишкомъ своимъ съ Алешкою и со многими крестьяны, да съ посадскими людьми, да съ кабацкаго двора съ цѣловальники и бражники и будетъ ихъ человѣкъ двадцать и больше, со свистаніемъ, и кличемъ, и воплемъ. И съ нимъ животы и рухлядь разная и пищали и иное всякое. И сошедъ на стругъ, онъ, Ѳедька, крестъ цѣловалъ, чтобъ ѣхать намъ до Перми великія вмѣстѣ и что Божіей помощію испромыслимъ дѣлить на двѣ стороны ровно, а ему чтобы развратныя рѣчи не говорить и м..... не ругаться. А мнѣ, Ивашкѣ, ѣдучи съ нимъ, съ Ѳедькою, Камою рѣкою, на берегъ и въ лѣса не сбѣжать. И нынѣ тотъ Ѳедька, забывъ страхъ Божій и крестное цѣлованіе, умышляетъ мнѣ дурно: въ разсчетахъ творитъ хитрость, а себѣ корысть; ѣстъ псину и мертвечину и иное скаредное и пьетъ почасту; да онъ же, Ѳедька, рейтарскаго строя съ маеоромъ играетъ въ зернь и отъ той его игры сталъ онъ безъ портокъ. Царь Государь! смилуйся! пожалуй, чтобъ мнѣ отъ того Ѳедьки не придти въ конечное раззореніе.

V.

Бой съ афганскимъ мурзою на Кушкѣ.

ДОНЕСЕНІЕ ЦАРСКАГО ВОЕВОДЫ.

(По титулѣ).

Въ нынѣшнемъ, государь, 392 году, стоялъ я съ твоими, великаго государя, ратными и конными и пѣшими людьми на Кушкѣ рѣкѣ. И мѣсяца марта въ 20 день вѣдомо мнѣ учинилось, что англинскіе люди ссылаются съ афганскимъ мурзою и говорятъ воровскія развратныя рѣчи, наговаривая, чтобы тотъ мурза со своими татарами съединачась

къ злому воровству ихъ присталъ и противъ твоихъ, великаго государя, ратныхъ людей учинилъ бой. И мурза, предався въ неискусенъ умъ, тѣхъ воровскихъ рѣчей слушалъ. И я, жалѣючи того мурзу, сдѣлалъ съ нимъ ссылку и писалъ:—не пригоже-де тебѣ, мурзѣ, слушать богоотступниковъ и противъ государевыхъ ратныхъ людей чинить злой умыселъ. Мы-де не для смуты пришли, а стоимъ на своей землѣ для береженья, чтобы кровь невинная не проливалась. А будетъ ты, мурза, противъ государевыхъ ратныхъ людей будешь чинить дурно и тебѣ быть отъ насъ въ жестокомъ наказаніи, а отъ владѣтеля твоего въ отвѣтѣ.

И мурза говорилъ: велѣно-де мнѣ отъ моего владѣтеля ссылаться съ англинскими людьми и рѣчей ихъ слушать.

И королевинъ англинскій капитанъ прислалъ мнѣ письмо съ воровскою мыслью. И я, выразумѣвъ то письмо, послалъ полуполковника Алиханова съ товарищи говорить съ тѣмъ капитаномъ и со всѣми англинскими людьми.

И сшедчись, говорили.

Англинскіе люди говорили: вы-де въ Индею идете? А полуполковникъ съ товарищи говорилъ: мы-де въ Индеи будемъ, когда нашъ великій государь похочетъ. А таперьво мы въ Индею не идемъ, а пришли для береженья новыхъ государевыхъ городовъ, которые ударили челомъ великому государю, чтобы быть имъ со всѣми людьми подъ его высокою рукою.

А будетъ государь вашъ похочетъ и вы въ Индею пойдете ли?

Коли великій государь, его пресвѣтлое царское величество похочетъ, и въ томъ будетъ его воля, и мы въ Индею пойдемъ того жъ числа, какъ указъ будетъ.

А зачѣмъ-де вамъ идти въ Индею: у вашего государя земли довольно?

У государя нашего земель много, и въ умъ не вмѣстится, а въ Индею намъ идти, чтобы милордамъ вашимъ и купцамъ и прочимъ королевинымъ англинскимъ людимъ въ московскомъ государствѣ дуровать было негораздо. И какъ мы будемъ въ Индеи и вамъ то будетъ за страхъ, а московскому государству утѣшеніе.

И пивъ боевой часъ рейское, разошлись.

На утро мурза ударилъ съ татарами на твоихъ, великаго государя, ратныхъ людей и милостію Божіею и твоимъ государевымъ счастіемъ, твои ратные люди бились крѣпкостоятельно и били татаръ безо всякія пощади. И видя татары надъ собою твоихъ, великаго государя, ратныхъ людей промыселъ и жестокій приступъ и пожарное раззореніе—побѣжали розно, а англинскіе люди, снявъ порченки, тожъ побѣжали и городъ Пинжа отъ татаръ и англинскихъ людей очистился.

И мурза англинскаго королевина капитана за бороду дралъ: въ своей-де землѣ вамъ не сидится, пришли къ намъ заводить смуту. И англинскіе люди, видючи надъ собою отъ мурзы и отъ татаръ жестокое истязаніе, прислали ко мнѣ гонца просить заступы и я послалъ на сноможенье казаковъ сколько пригоже. И къ вечеру того дни казаки воротились и говорили, англинскихъ людей татары угнали въ свои улусы.

А городъ Пинжу я взялъ для прицѣпленія онаго къ твоему великодержавному скиѳтру.

VI.

Указъ отъ государя, царя и великаго князя окольничему нашему Анатолію Ѳедоровичу.

(XVII вѣка).

Были намъ челомъ всякихъ чиновъ люди, емлютъ-де съ нихъ въ разбойномъ приказѣ подъячіе деньги не малыя, волочатъ и убытчатъ безъ разсудку. И намъ бы, великому государю, ихъ пожаловати—велѣти для сыску татинныхъ и разбойныхъ и убивственныхъ дѣлъ быти человѣку доброму, кому бъ въ такихъ дѣлѣхъ можно было вѣрить. И мы, великій государь, всякихъ чиновъ людей пожаловали, велѣли тебѣ, Анатолію, сидѣти въ разбойномъ приказѣ безотступно и всякія татинныя и разбойныя дѣла вѣдати. И кому грѣшною мѣрою учинится смерть, или который человѣкъ удавится или, вина опився, сгоритъ, или кто межъ собою подерется хмельнымъ дѣломъ и убьетъ, и про то сыскивать подлинно—и которые людей волочатъ и убытчатъ, и тѣхъ людей вѣдати и оберегати и расправу промежъ всякими людьми чинити безволокитно—и въ поклепныхъ искѣхъ, и въ подметѣ, и въ бою, и въ грабежу, и кто крадетъ, и разбиваетъ, и до смерти людей убиваетъ, и въ какой сварѣ зубомъ ухватитъ и носъ отъясть,—и женскій полъ и дѣвичъ, которыя, по насердкѣ, на всякихъ чиновъ людей б...ю сказываютъ для своей бездѣльной корысти потому жъ сыскивати накрѣпко всякими сыски. И кто въ городѣ корчму держитъ и татинною рухлядью промышляетъ,—и мнишецкаго чину и гостиной сотни запойныхъ людей и чаровницъ и которыя дѣвки въ скоморошествѣ оголяются, глазами помизающе, сквернаго ради смѣшенія,—сыскивати подлинно. А какова вора или татя или убійцу изымаютъ и приведутъ и видоковъ ставитъ къ кресту къ цѣлованію. А учнутъ видоки показывать подлинно и у него дворы и животы описывати и сажати въ тюрьму до указу. И будетъ воровство его и въ какихъ причинахъ онъ бывалъ сыщется до пряма, вынявъ изъ тюрьмы, судити въ разбойномъ приказѣ при всенародномъ множествѣ, а въ помощь ему ставити подъячаго добраго, который бы вины его очищалъ. Да для сидѣнья жъ въ разбойномъ приказѣ пожаловали мы, великій государь, велѣли выбирать судей по двѣнадцати человѣкъ да по два изъ лучшихъ, среднихъ и молодчихъ людей, добрыхъ, небражниковъ, которые бъ были душою прямы и всѣмъ людямъ любы. И тѣхъ людей приведчи къ крестному цѣлованію, а доводчику велѣти воровы вины честь. А какъ доводчикъ вины его прочтетъ и тебѣ, Анатолію, ставити его съ видоки на очи и допрашивати накрѣпко. А какъ подъячій учнетъ воровы вины очищать и противъ того подъячаго потому жъ говорить. А слушавъ вашихъ рѣчей, выборные судьи пойдутъ въ другую палату, за приставы, чтобъ сговору какого промежъ ихъ съ народомъ не было. А пришедъ въ палату судять сопча боевой часъ и больши, чего воръ доведется. И будетъ вышедчи скажутъ, что за воромъ вина есть и тебѣ судити по уложенію. А будетъ учинишь ты не по уложенію, а тотъ воръ или тать или убойца или корчемникъ ударитъ челомъ въ нашу царскую думу, что учинилъ ты не по уложенію и того вора судити вдругорядь иными судьи. А тебѣ, Анатолію, будетъ учинилъ ты не по уложенію съ простоты—вины нѣтъ,—а будетъ учинилъ ты по насредкѣ на того вора, или татя, или убойцу, или корчемника—наша царская опала съ записью въ разрядной книгѣ.

VII.

Грамота московскимъ людямъ. (XVII ст.).

Вѣдомо намъ учинилося, что у васъ на Москвѣ, по бражнымъ станамъ, въ Бѣломъ городѣ у Ивашки Тѣстова, да въ Бѣломъ же городѣ, на Устрѣтенкѣ, въ саратовскомъ стану у Васьки Дубровина, да въ Бѣломъ же городѣ, въ большомъ московскомъ стану, бывшемъ Ивашки Гурина, противу московскихъ приказовъ, да въ Китай-городѣ, на Никольской, въ черкасскомъ узилищѣ, въ Ивановомъ стану Арсентьевича, да въ Китай же городѣ, въ Варварскомъ стану, у Алешки Лопашева и во всѣхъ московскихъ бражныхъ станахъ, во всю мясопустную седьмицу пьянство преумножается: дворяне, и дѣти боярскіе, и жильцы, и гостинной сотни люди, и посадскіе людишки и бобыли— крестнаго знаменія не кладутъ и правило не держатъ, женъ и дочерей дѣвокъ по бражнымъ станамъ за собою водятъ, а дѣти боярскіе къ зазорнымъ бабамъ ходятъ, а бабы тѣ по глухимъ переулкамъ и захолустнымъ слободамъ станы поставили, а въ тѣхъ станахъ на стрементахъ играютъ и на свирелѣхъ и въ бубны бьютъ. А гостинной сотни люди за посадъ въ бражныя становища къ нѣмчину Яру, да къ цѣловальнику Ивашкѣ Натрускину ѣздятъ, а тамъ шлющіе цыганы и ряженыя дѣвки бѣсовскія пѣсни поютъ со свистаніемъ и кличемъ и воплемъ, и шпанское торговаго человѣка Ланина пьютъ и женокъ силой поятъ и раздѣваютъ, какъ въ Грецкихъ Афинѣхъ было, и даже до восхода солнца пребываютъ и утренняго къ пѣнію клепанія не слышатъ, а иніи въ домѣхъ своихъ опиваются и объядаются и чревонеистовствуютъ и всякимъ страстямъ безчестія прилежатъ и безднѣ грѣховнѣй валяются, и посихъ въ ноги кланяются, чающе въ покаяніи и воздыханіи чрезъ всю великую четыредесятницу путь совершить. А посадскіе людишки и бобыли и черной сотни на площади боярина Хитрова и на иныхъ площадяхъ по кабакамъ валяются и всякою непотребною лаею ругаются и бороду другъ другу рвутъ и носы скусываютъ и увѣчатся, до смерти убиваются, и будутъ въ мясопустную седьмицу на Москвѣ всѣ убогіе дома и бражныя тюрьмы полны увѣчными, избитыми, опившимся и умопомраченными.

И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ и вы бы заказывали накрѣпко, чтобы Московскіе люди отъ горькаго пьянства отстали и во всю мясопустную седьмицу въ домѣхъ своихъ сидѣли и во всякомъ благочестіи пребывали, а кому, по нуждѣ, сидѣть не мочно, и тѣ бы мимо бражныхъ становъ не ходили, а лучится итти мимо бражныхъ становъ, шли бы не озираючись, памятуя жену Лотову. А которые боярскіе дѣти не послушаютъ и по бражнымъ станамъ ходить будутъ и тѣхъ изъ бражныхъ становъ выбивать силою и сапоженки сымать и платьишко отбирать до указу.

VIII.

Письмо при посылкѣ портрета. (XVIII ст.).

Присылаемая при семъ персона сукцессора въ надлежащей конфиденціи находиться у Васъ имѣетъ и никому генерально оную не объявлять и отъ подлыхъ всячески скрывать надлежитъ, дабы какой бездѣльный и мизерабельный человѣкъ, малоумiемъ своимъ, сатисфакціи не учинилъ и въ тайную канцелярію о семъ не донесъ. А я со

всякою охотою, сколько моего слабаго смысла есть, Вамъ, моему милостивцу, служить впредь готовъ...

Письмо языкомъ XVII ст.

Непреоборимыя письменныя хитрости трудолюбезному подвижнику, риторскія любомудрыя трапезы причастнику, эллинскія словесныя цѣвницы любителю, любвеобильному учителю и наставнику моему, Государю Тертію Ивановичу, мысленно кланяясь честнымъ стопамъ твоимъ, много челомъ бью. А пишешь, Государь, о посылочкѣ и я ту посылочку благородію твоему съ вѣрнымъ человѣкомъ отправляю и извѣствую, что я по сіе число, по неизрѣченной милости присногремящаго надъ водами многими, тѣлесне здравъ и тебѣ, Государю моему, здравымъ быти желаю. Нѣкто, зовомый Ивашка, пресвѣтлаго царскаго Величества верховый скоморохъ, писалъ своеручно.

Приглашеніе (XVIII ст.).

Высокородный господинъ.

Случился я, нижайшій, 14 Сентября, въ часъ пополудни, имянинникъ и соберутся ко мнѣ, нижайшему, нѣкоторые гости и будетъ трактація пирогомъ съ грибами и разною конфитюрою и Вашему Высокородству меня, нижайшаго, пожаловать—не презрѣть моей хлѣба-соли, а я, нижайшій,

Есмь
Вашего Высокородства, моего Милостивца, худородный и худоумный рабъ
Иванъ Горбуновъ.

Тоже (XVII ст.).

Худородный рабъ благородія твоего, зовомый Иванецъ, Ѳедоровъ сынъ, Тимоѳеевича, низменне касаясь честнымъ твоимъ стопамъ, много челомъ бьетъ и извѣствуетъ, что онъ, Иванецъ, во Вздвиженіе честнаго и животворящаго Креста Господня (въ понедѣльникъ, въ первомъ часу пополудни) прилучился быть имянинникъ. И тебѣ бы, государю, меня, Иванца, пожаловать—моего хлѣба-соли прикушать и впредь меня, Иванца, въ своей милости держать до окончанія моего живота, а я тебѣ, государю, рабъ и служебникъ твоего благородства съ женишкою своею Марьицею и съ дѣтишками.

Тоже (XVII ст.).

Присносіятельнаго россійскаго синклита служебнику, мужу благопзрядному и отъ Царя вознесенному и звѣздами яко Оріонъ осіянному, судіи крѣпкостоятельному, чадомрачныхъ дѣяній искоренителю, литорскаго наученія и философскаго любомудрія сопричастнику, Государю моему Анатолію Ѳедоровичу. Рабъ твоего благородія, худородный въ человѣцѣхъ, царскій скоморохъ Ивашка Ѳедоровъ, низменно касаясь честнымъ твоимъ стопамъ, много челомъ бьетъ.

Прошу благородіе твое придти ко мнѣ, худородному, на мянинишки, завтра, въ день Воздвиженія честнаго и животворящаго креста Господня, о второмъ часу по полудни. А будутъ къ ѣствѣ сослужебникъ твоего благородія Николай Степановичъ, да Царскія Казны оберегатель (да не имутъ царское) Тертій Ивановичъ. А ѣства будетъ Московская и иныхъ городовъ, и съ Дону, и отъ рѣки великія.

Проектъ челобитной графу С. Д. Ш-ву въ 1894 году.

(Языкомъ XVII столѣтія).

Благочестиваго корени отросли благоцвѣтущей, вѣтви позлащенной, благоразумному и благоизрядному и пресвѣтлому, благочестіемъ сіяющему, по царской милости заступнику нашему отъ сильныхъ враговъ, добронравному благочестію, Господину честнѣйшему, нелицемѣрному о насъ печальнику, графу Сергію Дмитріевичу.

Мы государевы верховые пѣвчіе всѣхъ станицъ—вертники, нижники, демествянники и путники — Константинъ Бражниковъ, Сергѣй Ляпуновъ, Степанъ Смирновъ, Евстафій Азѣевъ, Евгенъ Маньковъ, Константинъ Варгинъ, Нѣмчинъ Гейслеръ, Юрья Второвъ, Олександръ Копыловъ, Вася Папковъ, низмѣнно касаясь честнымъ твоимъ стопамъ, много челомъ бьемъ и просимъ тебя держать насъ государевыхъ сиротъ въ своей милости до скончанія живота и никоимъ обычаемъ насъ не оставлять.

Роспись столовому кушанію

мѣсяца ноября, въ 20 день.

Въ навечеріи въ шестомъ часу.

Коврыга монастырская.
Хлѣбцы нѣмецкіе, калачи хомутинные.
Сельди соловецкія, икра астраханская.
Тѣлеса ершовыя въ студнѣ.
Звѣно бѣлуги ставное, свѣжее.
Пироги долгіе, на московское дѣло.
Уха стерляжья, изъ живыхъ.
Коза дикая.
Артышока заморская, грѣтая.
Гусь лапчатый, московскій, чиненый.
Яндива кудрявая съ чеснокомъ.
Кашка сладкая боярина Гурьева.
Водка бѣлая, да померанцовая, да рябиновая, да анисовая, да сухарная, да мятная, да калуферная, да бонбарисовая.
Вина фряжскія.

А подастъ къ столу фрязинъ Понсе съ товарищи, а служить въ столѣ будутъ татары: крымскіе да касимовскіе.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ ТЕАТРА.

ПЕРВЫЕ РУССКІЕ ПРИДВОРНЫЕ КОМЕДІАНТЫ.

I.

Ѳедоръ Григорьевичъ Волковъ.

(Род. 1729 г. февраля 9-го, † 1763 г. апрѣля 4-го).

По кончинѣ Императрицы Анны Іоанновны, при правительницѣ Аннѣ Леопольдовнѣ (1741 г.), нѣмецкая придворная комедія Нейбера, приглашенная изъ Лейпцига Бирономъ, была распущена. Пріѣзжія нѣмецкія труппы Гильфердинга, Акермана и Сколярія давали свои представленія въ нарочно устроенномъ театрѣ на Большой Морской, и на придворный театръ приглашались изрѣдка. «1750 года октября 10,—записано въ Камеръ-фурьерскомъ журналѣ,—Ея Императорское Величество изволила идти въ оперный театръ, гдѣ началась нѣмецкая интермедія, причемъ отъ дѣйствующихъ происходило: ходили и перевертывались по канату».

Вмѣсто нѣмецкой труппы, по порученію Левенвольда, балетмейстеромъ Ланде были вызваны ко двору французскіе комедіанты и открытъ постоянный французскій театръ; въ итальянскую оперу тоже были приглашены отличные пѣвцы и пѣвицы, а балетъ былъ поднятъ на такую высоту совершенства, что могъ равняться съ иностранными балетами. Императрица особенно любила балетъ, потому что сама была превосходная танцовщица. «Кто хочетъ видѣть, говоритъ балетмейстеръ Ланде, какъ правильно, и нѣжно, и непринужденно менуэтъ танцовать надобно, тотъ долженъ пріѣхать къ Императорскому россійскому двору». «Сіе изреченіе, говоритъ Штелинъ, конечно, не происходило отъ пристрастія, ибо всему свѣту извѣстно, что Императрица Елизавета Петровна совершеннѣйшая была своего времени танцовщица, подававшая собой всему двору примѣръ правильнаго и нѣжнаго танцованія» [1]).

Чтобы имѣть понятіе о той роскоши и великолѣпіи, съ какимъ обставливались въ то время спектакли въ только-что возникавшемъ въ Россіи театрѣ, приводимъ здѣсь «Описаніе театральнаго увеселенія чрезъ французскихъ комедіантовъ Ея Императорскаго Величества представленнаго».

...По обрученіи Ихъ Императорскихъ Высочествъ, благовѣрнаго

[1]) С.-Петербургскій Вѣстникъ 1799 г. ч. IV, стр. 215.

Государя, великаго князя Петра Ѳеодоровича и благовѣрныя Государыни, великія княгини Екатерины Алексѣевны, въ Богохранимомъ Петроградѣ великія торжества произошли. Между прочимъ и французскіе комедіанты, привлеченные въ Россійскую для наукъ и художествъ наилюбезнѣйшую страну милостями и щедротами Сѣверной Минервы, устроили, по случаю ожидаемаго торжественнаго Ихъ Императорскихъ Высочествъ бракосочетанія, театральное увеселеніе, которое не мало къ увеселенію высокихъ зрителей послужило. Сіе театральное увеселеніе, 16-го числа сего мѣсяца, во вторникъ, въ зимнемъ Ея Императорскаго Величества дворцѣ произошло, и то театральное увеселеніе отъ 7 до 10 часовъ продолжалось, а по семъ послѣдовала музыка и произошли танцы, которые до 3-хъ часовъ ночи продолжались, и дворецъ весь и площадь Дворцовая и ближнія улицы предивно иллюминованы были. При театральномъ увеселеніи присутствовали: Ея Императорское Величество, Ихъ Императорскія Высочества, весь Россійскій именитый дворъ, и чужестранные послы, въ Петроградѣ въ сіе время бывшіе.

Сначала представлена «Принцесса Элидская, комедія героическая и любовная».

Послѣ сей комедіи воспослѣдовалъ балетъ. (Во французской землѣ балетомъ такое представленіе называютъ, въ коемъ комедіанты чувствованія свои разными тѣлодвиженіями изображаютъ). А назывался балетъ—«Балетомъ цвѣтовъ», поелику въ немъ актрисы цвѣтками были. Имена актеровъ въ балетѣ: Роза—Аксинья, Ранункулъ—Елизавета, Анемонъ—Граньякъ, Анемонъ—Аграфена, цвѣтки маргаритки и іасписы—три танцовщицы маленькія, Борей—Симонъ.

Театръ представлялъ нѣкоторый цвѣтникъ, въ которомъ танцовщицы цвѣтками были и каждая изъ нихъ въ платье такого цвѣта одѣта была, какой представляла сама.

Роза представляла своимъ другинямъ сладость, каковую она имѣетъ въ томъ, что живетъ подъ законами вѣтра Зефира, такъ же и нетерпѣливость, чтобы скорѣе увидѣть своего любезнаго любовника. Но увеселеніе ея было приведено въ смятеніе чрезъ прибытіе вѣтра Борея, крайняго непріятеля. Увидѣвши Борея, всѣ цвѣтки схоронились. Роза старалась также отъ него убѣжать, но онъ за нею гнался такъ жестоко, что она, напослѣдокъ, увянувши, упала. Борей радовался своей мести и, изъявивши свое чувство прелестнымъ танцемъ, ушелъ. Зефиръ, смотря на оплакуемое состояніе своей любезной Розы, сжалился надъ нею, началъ ее къ ожитію возбуждать, и отъ того мало-по-малу ожила. Прочіе цвѣтки собрались къ Розѣ и легкимъ своимъ танцемъ объявили радость, каковую они имѣютъ, что удалился Борей и что Зефиръ началъ царствовать.

По окончаніи «Балета цвѣтовъ», была представлена «Зенеида», новая комедія въ одномъ дѣйствіи, стихами сочиненная, которая еще недавно трогала и забавляла весь французскій дворъ.

Примѣтить надлежитъ, что одѣянія, въ кои актеры и актрисы одѣты были, весьма богатыя и щегольскія были, и надзиралъ надъ сею частью театральнаго увеселенія г. Чулковъ и г. де-Сериньи.

Послѣ комедіи «Зенеиды», началось театральное увеселеніе, нарочито для празднествъ составленное, а называлось сіе театральное увеселеніе: «Соединеніе Любви и Брака», а сочинено оно было стихами. Дѣйствующія лица въ семъ представленіи были: Гименъ,—г. де-Сериньи, Любовь—г. де-Сериньи молодшій, Венера—г-жа де-Дуренъ, Ефрозина—г-жа Дюшальмонтъ, Ціана—г-жа Лебрюнъ, Аглаія—

г-жа Лаконтъ, Марсъ—г. де-Роземонтъ, Минерва—г-жа де-Префліори. Театръ представлялъ нѣкоторое мѣсто изъ садовъ Ея Императорскаго Величества убранное для веселаго празднованія. Въ срединѣ стояло великое пальмовое дерево, которое доставало до самыхъ облаковъ. Съ одной стороны покрывало оно своими вѣтвями лавровое, а съ другой—миртовое. Пальма, которая значитъ—честь, великость, имперію, побѣду и торжество—посвящена была славѣ Ея Императорскаго Величества; лавръ, который значитъ—науку, достоинство, таланты, храбрость и завоеваніе—посвященъ былъ имени Его Императорскаго Высочества, благовѣрнаго государя великаго князя; мирта же, которая значитъ—тихость, нѣжность, пріятность и красоту—посвящена была чести ея Императорскаго Высочества, благовѣрной государыни великой княгини. На самомъ верху пальмоваго дерева виденъ былъ прекрасно сдѣланный орелъ, у котораго на грудяхъ, вмѣсто обыкновеннаго герба, изображено было солнце, окруженное сіяющими лучами, а въ срединѣ у него написано было вензелевое имя Ея Императорскаго Величества, съ надписью:

Quid melius?

Нѣкоторый шнуръ, убранный цвѣтами, протянутъ былъ изъ солнечныхъ лучей и казался, что связывалъ лавръ и мирту. Подъ пальмою стоялъ гименовъ жертвенникъ, надъ которымъ Гименъ и Любовь клялись сохранить ненарушимый миръ. Служившіе Гимену, всѣ украшены были разными цвѣтками, окружали жертвенникъ. Венера и всѣ три граціи, слѣдующія всегда за Любовью, стояли напереди театра и изъявляли радость, имя, отъ соединенія Гимена и Любви чувствуемую. Сила представленія, «Соединеніе Любви и Брака» названнаго и всего болѣе зрителя увеселявшаго, въ семъ состояла: Венера и Ефрозина между собою разсуждали о великомъ днѣ пребыванія Брака въ мирѣ съ Любовью, соединяя съ симъ наискреннѣйшее желаніе о благополучномъ соединеніи достойнаго принца съ наипрекраснѣйшею принцессою. По семъ Любовь и Бракъ, обязавшись клятвою жить въ ненарушимомъ мирѣ и совѣтѣ, обняли другъ друга и шли посреди театра утверждать свой союзъ. Пришедши же къ жертвеннику, Бракъ и Любовь обѣщались потщиться позабыть свою ссору и представить свою ревность предъ очами государыни, которая въ сихъ странахъ владычествуетъ. «Чтобы каждый старался ей угодить, восклицали они:—Ея милость превосходитъ еще сіяніе ея красоты, подданныхъ своихъ она есть матерь». Здѣсь вдругъ послышались звуки литавръ и трубъ, отчего Любовь и Бракъ пришли въ смятеніе, особенно видя Марса и Венеру къ нимъ идущихъ. Однако же, не только имъ войны не объявили, но еще и увѣряли, что они торжествовать купно съ Бракомъ и Любовью торжественный сей день пришли. Марсъ повторилъ, что можно все своей власти подвергнуть, если соединить храбрость съ благоразумѣніемъ. Наисильнѣйшіе побѣдители,—говорилъ Марсъ—рѣдко склоняютъ къ себѣ сердца чрезъ вопль и тревогу, а наша любезная самодержица умѣетъ своими щедрыми благодѣяніями надъ всѣми сердцами быть царицею. Минерва, съ своей стороны, изъявила, что въ одной только мудрости находится истинная утѣха и что токмо благополучна та юность, желаніями коей она управляетъ. «Самый наивеличайшій изъ императоровъ имѣлъ токмо мой свѣтъ за проводника, продолжала Минерва, а его щедролюбивой дщери я всегда исполняла желаніе и теперь хочу удѣлить мою помощь». За симъ Любовь повторила за Минервою: да плещетъ вся вселенная силѣ красоты, да гремитъ все небо желаніями услажденнаго народа. Здѣсь

музыка начала играть, игры и забавы совокупились на голосъ Брака и повели за собою всѣ народы царствъ и провинцій, которые имѣютъ счастіе быть подданными Ея Императорскаго Величества.

Они все сближались и дѣлали балетъ, который изъявлялъ радость, подаяемую имъ отъ прошедшаго уже торжественнаго дня обрученія и долженствующаго наступить высокаго брачнаго союза.

Симъ самымъ театральное представленіе окончилось, времени было уже десять часовъ, и по семъ начались танцы, общіе для зрителей. Ея Императорское Величество и Ихъ Императорскія Высочества не мало довольными представленіемъ остались и изъявили свое удовольствіе самимъ актерамъ, а многіе чужестранные послы и вельможи утверждали, что такого щегольскаго одѣянія, богатства театральныхъ аттрибутовъ и актеровъ хорошей игры, въ самомъ Парижѣ на рѣдкость встрѣтить. Ея Императорское Величество милостиво разговаривать изволила съ г. де-Сериньи, г-жею Дюшальмонтъ, г-жею де-Префліори и танцовщицею Аксиньею, изображавшею въ «Балетѣ цвѣтовъ» Розу, и по семъ Ея Императорское Величество повелѣла г. Чулкову всѣхъ комедіантовъ платьемъ и деньгами наградить, а г. де-Сериньи за то, что онъ въ сочиненіи театральнаго увеселенія «Соединеніе Любви и Брака» наиглавнѣйшимъ образомъ участвовалъ и за его отмѣнную игру, Ея Императорское Величество изволила сама вручить перстень золотой съ изумрудомъ дорогимъ. Ея Императорское Величество также не мало удовольствія участвовавшимъ въ театральномъ увеселеніи изъявила и танцовщицамъ Аграфенѣ и Аксиньѣ золотыя серьги подарила. Примѣтить надлежитъ, что французскіе комедіанты, часто Россійскій дворъ увеселяющіе, ни въ одинъ разъ, какъ въ сей, такого удовольствія не произвели. А во время перемѣнъ аттрибутовъ музыка русскія пѣсни играла и пѣли пѣвчіе пѣсни, а по семъ танцовщицы Аграфена и Аксинья русскую пляску танцовали, а устроено сіе было графомъ Михаиломъ Воронцовымъ и сіе весьма Ея Императорскому Величеству и Ихъ Высочествамъ понравилось. А Ея Императорское Величество изволила сказать, что русское всегда болѣе на сердце русскаго дѣйствіе производитъ, чѣмъ чужестранное. Чужестранные послы замѣтили сами, что россійскія пѣсни и пляски много хорошаго и вниманія достойнаго въ себѣ заключаютъ. Но и не токмо французы въ искусствѣ театральномъ преимущество имѣютъ: надлежитъ примѣтить, что въ «Балетѣ цвѣтовъ» и танцахъ, «Соединеніе Любви и Брака» окончившихъ, русскія танцовщицы, особливо Аграфена и Аксинья, великое искусство показали. А Аграфена сія, дочь придворнаго истопника, и г-жею Дюшальмонтъ съ г-номъ де-Сериньи съ другими русскими дѣвицами, по своему великому дарованію, театральному искусству, пѣнію и пляскѣ научены были. А что русскія дѣвицы въ театральномъ увеселеніи участвуютъ, въ семъ ничего порицанія достоинаго не зрится, да и дѣвицы сіи не дворянскаго происхожденія, а театральныя увеселенія не зрѣлища бѣсовскія суть, какъ многіе говорятъ, не изъ грѣховныхъ и развратительныхъ изображеній составлены; а сіи театральныя увеселенія удобны трогать сердце, возбуждать къ добродѣтели и пріятное и полезное времяпрепровожденіе образуютъ. А Ея Императорское Величество въ дни сіи, видя, что изгоняется невѣжество и торжествуетъ просвѣщеніе, всѣми силами къ процвѣтанію искусствъ въ странѣ Россійской ревнуетъ и россійскіе таланты покровительствуетъ. Такъ, примѣтить надлежитъ: Ея Императорское Величество Лухмину Петру, московскому посадскому человѣку, г-номъ Чулковымъ сысканному и

ко двору представленному, за его отмѣнное пѣніе, парчевый кафтанъ и деньги изволила подарить и при дворѣ до представленій будущихъ оставила, чтобы онъ русскія пѣсни пѣлъ и плясалъ. А у того Лухомина голосъ, по истинѣ, соловьиный...

Съ 1741 г., т. е. со вступленія на престолъ Елизаветы Петровны, до 1750 г. русскаго драматическаго при дворѣ театра не было. Въ оперномъ домѣ,—такъ въ то время назывался театръ—давались, постоянно въ присутствіи Императрицы, французскія «тражедіи» и комедіи, и итальянскія оперы, содержаніе которыхъ было напечатано на русскомъ, французскомъ и итальянскомъ языкахъ и въ разныхъ богато-украшенныхъ оправахъ раздавались, во время представленія, знатнымъ обоего пола персонамъ.

Страстная любительница театральныхъ зрѣлищъ, Государыня оставалась недовольною, когда замѣчала отсутствіе зрителей во время представленія. «Въ оперномъ домѣ, записано въ Камеръ-фурьерскомъ журналѣ, отправлялась французская комедія, въ присутствіи Ея Императорскаго Величества. Того жъ дня, во время оной комедіи, Ея Императорское Величество изволивъ усмотрѣть, что смотрителей, какъ въ партерѣ, такъ и по этажамъ, весьма мало, Всемилостивѣйше указать соизволила: въ оперный домъ свободный входъ имѣть во время трагедій, комедій и интермедій обоего пола знатному купечеству, только бы одѣты были неогнусно».

Въ другой разъ: «Ея Императорское Величество собственной своею персоною изволила усмотрѣть, что въ партерѣ статсъ-дамъ ни одной не имѣлось, указала къ нимъ, г-жамъ статсъ-дамамъ, послать отъ Высочайшей своей персоны спросить: не забыли онѣ, что сей назначенный день будетъ комедія? И съ опымъ Высочайшимъ соизволеніемъ къ статсъ-дамамъ посланъ ѣздовой конюхъ».

Въ концѣ 1749 г. оперный театръ сгорѣлъ. Театральныя представленія перенесены были въ парадныя комнаты Императрицы, въ которыхъ «поставленъ былъ театръ складной, который временно выносился и вносился», и живописному мастеру и театральному архитектору Валлеріани (8-го февраля 1750 г.) повелѣно было немедленно приступить къ постройкѣ новаго каменнаго опернаго дома, «между Аничковскаго дворца и саду, который лабиринтомъ именуется» [1]) и окончить эту постройку непремѣнно къ 25-му числу апрѣля, т. е. ко дню, въ который праздновалась коронація Императрицы. Канцелярія отъ Строеній разрѣшила Валлеріани брать живописцевъ «сколько гдѣ въ казенныхъ и партикулярныхъ домахъ есть: изъ Артиллеріи, Партикулярной верфи, Преображенскаго полка, Придворной конторы, Академіи Наукъ, Придворной шпалерной мануфактуры, Правительствующаго Сената, Кадетскаго корпуса, Конюшенной конторы, Главнаго магистрата; изъ домовъ: князя Александра Юрьевича Трубецкаго, графа Петра Борисовича Шереметева, Сергѣя Павловича Егужинскаго, оберъ-коменданта князя Мещерскаго» [2]). Московская гофъ-интендантская контора прислала своего живописца Калугина съ тремя живописцами и двумя иконописцами. «Ѣхать вамъ со всякимъ поспѣшеніемъ», говорилось въ данной Калугину инструкціи, «и надъ оными живописцами и иконописцами имѣть тебѣ смотрѣніе, чтобы въ пути не пьянствовали и поспѣшили въ С.-Петербургъ со всякимъ поспѣшеніемъ и по прибытіи въ С.-Петербургъ

[1]) Документы архива Директ. Имп. театровъ.
[2]) Ibid № 13.

явиться тебѣ и оныхъ объявить въ канцеляріи отъ Строеній немедленно»[1]). Не поступилась своими художниками только Правительствующаго Сената герольдмейстерская контора и на требованіе канцеляріи отъ Строеній отвѣтила: «тѣхъ требуемыхъ живописцевъ въ канцелярію отъ Строеній отослать невозможно, ибо при рисованіи Ея Императорскаго Величества лейбъ-компаніи дипломовъ и гербовъ, живописныхъ мастеровъ находится малое число»[2]); да уклонялся еще ни къ какому вѣдомству не принадлежащій, вольный художникъ, купецъ Иванъ Канатчиковъ, но его приказано г-ну полковнику Насонову «немедленно сыскать и безъ всякихъ его отговорокъ, отдать Валлеріани»[3]). Такимъ образомъ, прикомандировано было къ Валлеріани сорокъ человѣкъ живописцевъ, да плотниковъ и другихъ рабочихъ, взятыхъ изъ разныхъ полковъ, триста пятьдесятъ три человѣка. Хотя къ назначенному времени, т. е. ко дню коронаціи, 25 апрѣля, театръ и былъ готовъ, но торжественное представленіе въ немъ оперы «Беллерофонтъ», — въ образѣ котораго авторъ ея Боннеки и имѣлъ намѣреніе показать образъ Ея Императорскаго Величества, «преславно низвергнувъ въ той же день всѣ препятствія, которыя неправда и зависть сооружали, вступила на престолъ отеческій, славой всегда украшаемый, къ нему же добродѣтельми своими паче и паче лѣпоту пріумножаетъ»,—состоялось лишь 28-го ноября 1750 г. Сначала оно предполагалось на 25 ноября, въ день восшествія на престолъ Императрицы; но потомъ особыми отъ двора повѣстками отмѣнено до 28 ноября, причемъ членамъ Святѣйшаго Сунода была отведена особая ложа.

«Въ оперномъ Ея Императорскаго Величества домѣ,—записано въ Камеръ-фурьерскомъ журналѣ,—отправлялась, въ присутствіи Ея Императорскаго Величества и Ихъ Императорскихъ Высочествъ (Петра III и Екатерины), опера, именуемая «Беллерофонтъ», представленная для Высочайшаго торжества восшествія на Всероссійскій Императорскій престолъ, на которую для смотрѣнія пріѣздъ имѣли знатнѣйшіе и иностранные обоего пола персоны и сидѣли въ партерахъ по классамъ, а въ первомъ и во второмъ этажахъ всякихъ чиновъ люди впускаемы были, за придворною конторскою печатью, по билетамъ. Оная опера, по пришествіи Ея Императорскаго Величества, началась въ девять, а окончилась въ первомъ часу пополуночи. Въ этой оперѣ дѣйствующіе были, находящіеся при Императорскомъ дворѣ итальянцы: Кастратъ Лаврентій Саллети, Филиппъ Джоржи съ женою, буфонъ Константъ Компаси и буфонша мамзель Гаріатра, мадамъ Катерина Мазаки и Ея Императорскаго Величества пѣвчій малороссіянинъ Марко Ѳедоровъ».

Въ то время, когда Императрицу, ея дворъ и знатнѣйшихъ зрителей утѣшала иностранная комедія, восхищала трагедія и опера, когда театръ съ каждымъ днемъ становился необходимою потребностью, въ это время, въ стѣнахъ Сухопутнаго кадетскаго корпуса, зарождался русскій театръ.

Бывшій воспитанникъ Сухопутнаго кадетскаго корпуса, бригадиръ Александръ Петровичъ Сумароковъ, «россійскій господинъ Расинъ» (1749), образовываетъ изъ воспитанниковъ корпуса русскую драматическую труппу, въ составъ которой входятъ кадеты: Бекетовъ, Свистуновъ, Мелиссино, Остервальдъ, Разумовскій, Бухвостовъ, Руданов-

[1]) Ibid № 14.
[2]) Ibid № 19.
[3]) Ibid № 11.

скій, Гиршенденъ, Гельмерсенъ, Каницъ, Гохъ [1]), разыгрываетъ съ ними въ корпусѣ первыя свои трагедіи Хоревъ, Синавъ и Труворъ, Гамлетъ и Артистона и переноситъ ихъ во дворецъ Императрицы.

Восьмаго февраля 1750 г. [2]), въ новыхъ переднихъ покояхъ Зимняго дворца, гдѣ былъ поставленъ складной театръ, высокіе посѣтители впервые увидали русскую трагедію «Хоревъ», впервые услыхали со сцены русскую рѣчь, русскіе звучные стихи:

О князь! Наслѣдникъ трона!
Жезлъ старости моей! Страны сей оборона!
Примай оружіе, се долгъ тебя зоветъ,
И слава на поляхъ тебя съ побѣдой ждетъ,
Котора много разъ вѣнцы тебѣ сплетала,
Когда твоя рука въ народы смерть метала.
Вели въ трубы гласить, и на враговъ возстань,
Кинь въ вѣтры знамена и исходи на брань.
Ступай, и побѣди, и возвратися славно,
Какъ съ скиѳскія войны подъ лаврами недавно.

Трагедія произвела сильное впечатлѣніе на зрителей. Двадцать пятаго марта [3]) она была повторена въ тѣхъ же парадныхъ комнатахъ, а тридцатаго мая [4]) уже отправлялась въ оперномъ домѣ, въ присутствіи Ея Императорскаго Величества и Ихъ Императорскихъ Высочествъ съ нѣкоторыми знатными придворными обоего пола персонами, а иностранные не были.

Въ этотъ же вечеръ представлена была первая комедія Сумарокова Трисотиніусъ.

Въ теченіе 1750 г. кадетами былъ сыгранъ весь репертуаръ Сумарокова—(трагедіи Хоревъ, Синавъ и Труворъ, Гамлетъ, Артистона; комедіи—Трисотиніусъ, Чудовище, Пустая ссора) и интересъ къ русскимъ спектаклямъ такъ возросталъ, что 29 сентября послѣдовало Высочайшее повелѣніе, чтобы профессорамъ Академіи Наукъ Ломоносову и Третьяковскому сочинить по трагедіи [5]). Оба профессора повелѣніе исполнили: Ломоносовъ написалъ трагедію о Мамаѣ (Тамира и Селимъ), которая и была представлена кадетами въ первый разъ перваго декабря того же года [6]), а Третьяковскій—трагедію «Дейдамія», которая не была играна, вѣроятно потому, что «сія трагедія есть наипродолжительнѣйшая изъ всѣхъ русскихъ драматическихъ сочиненій и въ ней находится двѣ тысячи триста тринадцать стиховъ двоестрочныхъ» [7]). Въ это же время разрѣшено было играть русскія комедіи и въ частныхъ домахъ, съ тѣмъ чтобы, «въ черническое и прочее, касающееся до духовныхъ персонъ, платье не наряжались и по улицамъ въ такомъ же и прочемъ комедіальномъ платьѣ ни въ какомъ не ходили и не ѣздили» [8]).

Разумѣется, частыя упражненія на репетиціяхъ и спектакляхъ отвлекали будущихъ государственныхъ сановниковъ отъ занятій науками, къ тому же судьбою имъ предназначались совсѣмъ другія роли въ жизни. Хоревъ—Бекетовъ, долженъ былъ, по выходѣ изъ корпуса,

---

[1]) Сочиненія Сумарокова, т. V, стр. 278.
[2]) Камеръ-фурьерскій журналъ.
[3]) Ibid.
[4]) Ibid.
[5]) Матер. для біографіи Ломоносова. Вилькскій, стр. 145.
[6]) Ibid.
[7]) Драматическій словарь.
[8]) Опытъ изученія русск. древн. Забѣлина. т. II, стр. 456.

въ одинъ годъ сдѣлаться полковникомъ; Оснельда—Свистуновъ—дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ; Кій — Мелиссино — артиллеріи генералъ-поручикомъ. А русскій театръ сталъ насущной потребностію. Гдѣ взять актеровъ? Но если

Можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россійская страна рождать,

то отчего ей не рождать актеровъ? Вѣдь взяли же въ актеры, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, «сироть государевыхъ, подьячишку Ваську Мѣшалкина съ товарищи» и отослали ихъ къ нѣмчину для наученія комидійнаго дѣла [1]). И вотъ по Высочайшему Ея Императорскаго Величества именному указу (1752 г. марта 14) записали въ комедіанты и отправили для обученія драматическому искусству въ Кадетскій корпусъ Ея Императорскаго Величества пѣвчихъ: Петра Власьева, Павла Иванова, Ѳедора Максимова, Луку Иванова, Григорья Емельянова, Кузьму Лукьянова и Евстафія Григорьева [2]). Пѣвчіе были счастливѣе подьячихъ. Эти, находясь у нѣмчина въ наученіи комидійнаго дѣла, вопили къ царю: «корму намъ, холопямъ твоимъ, ничего не учинено, и мы, холопи твои, учася, платишкомъ ободрались и сапоженками обносились, а пить-ѣсть нечего, и помираемъ мы, холопи твои, голодною смертію» [3]). Къ тому же они учились у нѣмца, врядъ-ли говорившаго по-русски; а пѣвчіе отданы были «въ наученіе комидійному дѣлу» въ высшее въ то время учебное заведеніе, на руки людей изящныхъ и образованныхъ и велѣно ихъ содержать во всемъ противъ кадетъ, только вмѣсто мундира сдѣлать изъ дикаго одинаковаго сукна платье того жъ цвѣта и подбоя съ шелковыми и гарусными петлями и пуговицами, шляпы съ золотымъ позументомъ, да каждому по одной парѣ чулокъ гарусныхъ, съ двумя парами башмаковъ, а бѣлье и на рубашки и манишки онымъ давать противъ кадетъ, а шпагъ и прочей амуниціи не давать [4]).

Но въ то время, когда кадеты начали давать спектакли въ своемъ корпусѣ, отецъ русскаго публичнаго театра уже народился: безвѣстный восемнадцати-лѣтній юноша, онъ стоялъ за кулисами итальянской оперы, изучая «комидійное дѣло», отдавшись ему всей страстью души своей. Этотъ «быстрый разумомъ» юноша былъ ярославскій купеческій сынъ Ѳедоръ Григорьевичъ Волковъ.

Ѳедоръ Григорьевичъ Волковъ родился въ Костромѣ. Отецъ его былъ купецъ. Мать, овдовѣвши, вышла вторично замужъ за ярославскаго купца Ѳедора Полушкина, владѣльца селитряныхъ и сѣрныхъ заводовъ [5]), и переѣхала съ нимъ въ Ярославль.

Точныхъ, несомнѣнныхъ свѣдѣній о Волковѣ, въ періодъ его юности, до отъѣзда его въ Петербургъ (1746 г.), мы не имѣемъ. На сказаніяхъ его біографовъ основываться нельзя, потому что они никакими достовѣрными документами не подкрѣпляются. Первая, ближайшая по времени къ Волкову, коротенькая біографія его написана Новиковымъ, въ книгѣ его «Опыть историческаго словаря». Изъ нея мы узнаемъ, что Волковъ былъ своимъ отчимомъ отосланъ въ Москву для обученія музыкѣ и нѣмецкому языку (на которомъ году его отро-

[1]) Лѣтоп. Тихонравова. 7, 1, стр. 30.
[2]) Карабановъ, стр 104.
[3]) Лѣтоп. Тихонравова, 7, 1, стр. 30.
[4]) Карабановъ, стр 104—105.
[5]) Нѣкоторые біографы Волкова говорятъ, что у него былъ кожевенный заводъ.

чества и въ какое учебное заведеніе — неизвѣстно); живописи обучался самъ собой: «упражнялся въ рѣзномъ искусствѣ, по немъ осталось нѣсколько картинъ, имъ написанныхъ, грудная статуя Петра Великаго, имъ сдѣланная, и другіе знаки его разума и прилежанія; въ одну изъ церквей города Ярославля имъ сдѣланы рѣзныя царскія двери». (Къ сожалѣнію, никто этихъ вещественныхъ «знаковъ его разума и прилежанія» не видалъ).

Это же говоритъ и Гречъ въ своей статьѣ «Взглядъ на русскій театръ» [1]).

Митрополитъ Евгеній въ своемъ словарѣ повторяетъ, почти слово въ слово, статью Новикова.

Макаровъ [2]) приписываетъ Волкову такія дѣянія, которыхъ онъ положительно совершать не могъ. «Когда мальчикъ подросъ, отчимъ его,—говоритъ онъ—не желая удушить его подъ корою невѣжества, отослалъ его учиться въ Москву. Юноша быстро выучился говорить по-нѣмецки, сталъ заниматься музыкою и живописью, рисовалъ карикатуры (!), копировалъ портреты, читалъ произведенія русскихъ извѣстныхъ писателей (какіе въ то время, до 1746 г., были извѣстные писатели?), заучивалъ наизусть сцены и разыгрывалъ ихъ одинъ, переводилъ съ нѣмецкаго драмы и комедіи и разыгрывалъ ихъ со своими пріятелями». Волкову въ это время было шестнадцать лѣтъ. И все онъ это дѣлалъ безъ помощи другого руководителя и достигалъ въ своихъ занятіяхъ возможнаго совершенства.

Князь А. А. Шаховской посылаетъ Волкова учиться въ Московскую Заиконоспасскую академію, въ которой онъ, «въ ученіи закону Божію, русской грамматикѣ, нѣмецкому языку, математикѣ, рисованію и нотному пѣнію, обгонялъ своихъ товарищей и отличался на святкахъ въ представленіи духовныхъ драмъ и переводныхъ комедій, которыми издавна славились заиконоспасскіе студенты» [3]). Князь не указываетъ источника, изъ котораго почерпнуты имъ эти свѣдѣнія; послѣдующіе біографы — Энциклопедическій словарь [4]), Карабановъ, Араповъ, Касаткинъ [5]) Родиславскій [6]) безъ всякой провѣрки перенесли ихъ въ свои изслѣдованія о Волковѣ. Къ сожалѣнію, къ показаніямъ князя Шаховского, какъ впослѣдствіи будетъ видно изъ нашего труда, нужно относиться съ величайшей осторожностью. Нѣтъ сомнѣнія, что Полушкинъ готовилъ своего пасынка въ свои преемники по торговому дѣлу и не захотѣлъ бы отдавать его въ училище, въ которомъ нѣмецкій языкъ, нужный для торговаго человѣка, не преподавался,—въ немъ господствовали языки латинскій и греческій, да и учебная программа Славяно-Греко-Латинской академіи совсѣмъ не соотвѣтствовала нуждамъ торговаго человѣка.

Вѣроятнѣе предположеніе, что Волковъ первоначальнымъ своимъ образованіемъ обязанъ состоявшему при сосланномъ въ Ярославль курляндскомъ герцогѣ Биронѣ нѣмецкому пастору: у него онъ выучился нѣмецкому языку, у него же, вѣроятно, пристрастился и къ музыкѣ. Рисованію учился «самъ собою» и впослѣдствіи, уже будучи въ Кадетскомъ корпусѣ, продолжалъ имъ заниматься, выписывая «изъ-заморя» «проспективическія книги», что видно изъ прошенія его въ

---

[1]) Русская Талія, 1825 г., стр. 36.
[2]) Журналъ драматическій, 1811 г., стр. 224.
[3]) Репертуаръ, 1840 г., № 6 Лѣтопись русскаго театра.
[4]) Энц. словарь Плюшара, т. XI, стр. 378.
[5]) „Московскія Вѣдомости", 1858 г., №№ 44, 47, 48.
[6]) „Русскій Вѣстникъ", 1869 г., № 6.

канцелярію шляхетнаго кадетскаго корпуса [1]). Прибывши въ Петербургъ (1746), онъ въ первый разъ въ жизни увидалъ придворную итальянскую оперу. Роскошная сценическая обстановка, обольстительное пѣніе итальянцевъ, очаровательная музыка — сильно подѣйствовали на способнаго и впечатлительнаго юношу, и онъ все свое духовное существо отдаетъ театру: проникаетъ за кулисы, изучаетъ закулисную премудрость и возвращается въ Ярославль (предположительно въ 1749 г.) уже не конторщикомъ, не торговымъ человѣкомъ, а иниціаторомъ перваго въ Россіи публичнаго драматическаго театра. Составивъ изъ своихъ сверстниковъ, посадскихъ молодыхъ людей Поповыхъ, Чулкова, Нарыкова, Соколова и братьевъ своихъ Григорья и Гаврилы, драматическую труппу, онъ открылъ представленія у себя въ домѣ. Отчиму, не имѣвшему никакого понятія о сценическомъ искусствѣ, затѣя пасынка очень понравилась, ярославскіе обыватели тоже отнеслись къ ней весьма сочувственно. Наконецъ, помѣщеніе, въ которомъ давались спектакли, стало тѣсно, потому что интересъ къ дотолѣ невиданному зрѣлищу все увеличивался. Ярославскій воевода Мусинъ-Пушкинъ принимаетъ живѣйшее участіе въ судьбѣ новаго театра и беретъ его подъ свое покровительство, а ярославскій помѣщикъ, лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка капитанъ, Иванъ Степановичъ Майковъ, отецъ поэта Василія Ивановича Майкова, уступаетъ, для приспособленія къ театральнымъ представленіямъ, амбаръ, въ принадлежавшей ему, близъ самаго Ярославля, на берегу Волги, Полушкинской рощѣ [2]). Вѣроятно, и другіе дворяне и богатые купцы не оставались чуждыми устройству театра и матеріальными средствами содѣйствовали его осуществленію. Волковъ создаетъ театръ. Онъ является въ немъ и архитекторомъ, и машинистомъ, и декораторомъ, и режиссеромъ, и первымъ актеромъ.

Когда открытъ ярославскій театръ? Карабановъ въ своей книгѣ «Основаніе русскаго театра» говоритъ, что театръ открытъ въ 1755 году. Это же говоритъ и Араповъ въ своей «Лѣтописи русскаго театра» и кн. Шаховской въ своей лѣтописи [3]). Это совсѣмъ не вѣрно: въ этотъ годъ ярославскіе актеры учились уже въ Кадетскомъ корпусѣ, въ который помѣщены были въ 1752 году. Почти несомнѣнно, что первый русскій публичный театръ въ Ярославлѣ началъ свои представленія въ 1750 г. и продолжалъ ихъ до января 1752 г., въ который ярославскіе комедіанты вывезены были въ Петербургъ.

Какая пьеса была поставлена для перваго представленія праотцемъ русскаго театра?

Всѣ историки русскаго театра и біографы Волкова единогласно говорятъ, что первый русскій театръ открытъ былъ оперою «Титово милосердіе», переведенною съ итальянскаго самимъ Волковымъ. Трудно допустить, чтобы, хотя несомнѣнно способный и даровитый, Волковъ, проживши въ Петербургѣ около четырехъ лѣтъ (1746—1749), настолько изучилъ итальянскій языкъ, что могъ переводить съ него литературныя произведенія. Да и зачѣмъ ему было трудиться надъ переводомъ оперы, когда ужъ таковый былъ сдѣланъ въ 1742 году Иваномъ Меркурьевымъ и напечатанъ въ 1742 г. «Милосердіе Титово, опера съ прологомъ, представленная во время высокоторжественнаго дня коронаціи Ея Императорскаго Величества Елизаветы Петровны всероссійской, въ Москвѣ, 1742 года, печатана въ Мо-

[1]) Карабановъ, стр. 106.
[2]) Л. Н. Майковъ, Очерки изъ исторіи литературы, стр. 254.
[3]) Репертуаръ, 1840 г., кн. 1.

сквѣ въ типографіи Императорской Академіи Наукъ. Поэзіи авторъ Г. П. Метастазій, музыку кампоновалъ г. Мадонисъ, декораціи учреждалъ Жеронимъ Бонъ, балеты вымышлялъ балетъ-мейстеръ г. Ланде, рѣчи переводилъ съ итальянскихъ виршей на россійскія переводчикъ Иванъ Меркурьевъ».

Вотъ что записано о первомъ ея представленіи въ Москвѣ: «въ изъясненіе милосердыхъ сентиментовъ Ея Величества репрезентовалась исторія о Титѣ, императорѣ римскомъ, и составленной на него конжюраціи чрезъ Сикстуса и Лентулуса, съ наущенія Виттеліи, дочери убіеннаго Виталія, которымъ всѣмъ онымъ императоръ простилъ. Сіе представленіе украшено декораціею лѣсовъ, площадей, облаковъ и проч., при преизрядномъ пѣніи и при танцахъ экстраординарныхъ» [1]). Трудно допустить, чтобъ новорожденные драматическіе младенцы, при тѣхъ скудныхъ средствахъ, которыя были въ ихъ распоряженіи, могли справиться съ пьесой, требовавшей очень сложной постановки. Вѣроятно, они играли пьесы св. Дмитрія Ростовскаго—«Кающійся и грѣшникъ», и др., видѣнныя, можетъ-быть, Волковымъ въ исполненіи студентами Славяно-Греко-Латинской академіи.

Не болѣе двухъ лѣтъ пришлось просуществовать ярославскому театру. Сенатскій экзекуторъ Игнатьевъ, пріѣзжавшій по дѣламъ службы въ Ярославль, по возвращеніи въ Петербургъ, разсказалъ генералъ-прокурору, князю Никитѣ Юрьевичу Трубецкому, объ ярославскихъ актерахъ. Князь доложилъ объ этомъ Императрицѣ, которая повелѣла привезти немедленно всю труппу ко двору. Съ этимъ повелѣніемъ командированъ былъ въ Ярославль сенатскій чиновникъ Дашковъ. Труппа прибыла въ Петербургъ, вѣроятно, въ январѣ мѣсяцѣ, что видно изъ журнала Придворной конторы отъ 1 февраля 1752 г.: прибывшихъ изъ Ярославля актеровъ помѣстили «на Смольномъ дворѣ» и все довольствіе повелѣно было давать имъ отъ двора и назначенъ былъ къ нимъ одинъ «кофишенскій помощникъ».

Восьмнадцатаго марта 1752 г., въ среду на вербной недѣлѣ, въ Зимнемъ дворцѣ, на раздвижномъ театрѣ, наши драматическіе прародители предстали предъ очи великой Государыни. «18 марта, записано въ Камеръ-фурьерскомъ журналѣ, пополудни, въ обыкновенное время, въ присутствіи Ея Императорскаго Величества и нѣкоторыхъ знатныхъ персонъ, а не публично, отправлялась ярославцами комедія «О покаяніи грѣшнаго человѣка», соч. св. Димитрія, митрополита ростовскаго». Этимъ несомнѣннымъ источникомъ опровергаются показанія всѣхъ историковъ театра, изъ которыхъ одни говорятъ, что ярославцы выступили въ первый разъ на придворную сцену въ трагедіи Сумарокова «Хоревъ», другіе, что въ трагедіи того же автора, «Синавъ и Труворъ». И являлись ли они въ этихъ пьесахъ передъ Императрицею до поступленія своего въ кадетскій корпусъ, — изъ Камеръ-фурьерскаго журнала не видно.

Вотъ изложеніе этой пьесы, записанное, будто-бы со словъ Дмитревскаго, княземъ Шаховскимъ:

«Три дѣйствующихъ лица, съ хорами, раздѣленными, какъ у древнихъ, на строфы и антистрофы занимаютъ сцену, представляющую пустынный видъ. Грѣшникъ, въ одеждѣ завѣшанной черными нашивками съ надписями его грѣховъ, представляется, во все время дѣйствія, между ангеломъ-хранителемъ и врагомъ рода человѣческаго. Имъ содѣйствуютъ хоры небесныхъ силъ и демоновъ; съ од-

[1]) Восемнадцатый вѣкъ, кн. II.

ной стороны земнородство грѣшника, поджигаемое геенскимъ огнемъ, воспаляется до неистовой ярости; съ другой—боговдохновеніе, умиляемое воплощеннымъ словомъ, предается упованію на всеобщее милосердіе. Но одежда, обличающая дѣла грѣшника, поражаетъ его ужасомъ, ввергаетъ въ смертное отчаяніе, и богохульный ропотъ уже на устахъ его. Адъ, радуясь своей добычѣ, готовъ увлечь его въ мрачную бездну, какъ вдругъ сладкозвучное пѣніе ангельскаго лика, напоминающее прощеніе разбойника, укрощаетъ обуреваніе плоти. Страдалецъ, повергаясь на землю, возноситъ молитвой покаянія безсмертный духъ къ источнику благости. По мѣрѣ раскаянія и молитвы, надписи грѣховъ спадаютъ и, наконецъ, бѣлая одежда вполнѣ проясняется. Ангелы оглашаютъ небеса побѣдною пѣснію. Грѣшникъ изнемогаетъ тѣломъ и предаетъ Господу очищенную покаяніемъ душу. Свѣтлыя облака опускаются на умирающаго и возносятся отъ бездыханнаго тѣла, при торжественномъ пѣніи небесныхъ силъ и отчаянномъ завываніи подземныхъ духовъ» [1]).

Десятаго сентября 1752 г., по Высочайшему Ея Императорскаго Величества именному указу, ярославскіе комедіанты Иванъ Дмитревскій и Алексѣй Поповъ поступили въ кадетскій корпусъ «для обученія словесности, иностраннымъ языкамъ и гимнастикѣ» [2]).

Братья Волковы, Оедоръ и Григорій, поступили въ корпусъ гораздо позже, одинъ 26 февраля, а другой 21 марта 1754 г. и въ спискѣ комедіантамъ, обучавшимся въ кадетскомъ корпусѣ, почему-то названы не «ярославскими», а «московскими комедіантами» [3]). Именъ Шумскаго, Гаврилы Волкова и Чулкова въ спискѣ не значится, стало быть, они не были въ корпусѣ, какъ до сихъ поръ всѣми повторялось, а поступили на сцену при окончательномъ учрежденіи русскаго театра (1756 г.), а до тѣхъ поръ, вѣроятно, практиковались подъ руководствомъ кадетъ-артистовъ, вмѣстѣ съ Дмитревскимъ и др., въ домѣ Голови а, на Васильевскомъ островѣ, гдѣ былъ устроенъ для практики будущихъ актеровъ небольшой театръ, на которомъ они играли не публично [4]). Въ документахъ архива Дирекціи Императорскихъ театровъ встрѣчаются имена только Дмитревскаго и Шумскаго, которые значатся состоящими на службѣ при театрѣ съ 1-го мая 1752 г., о братьяхъ Волковыхъ и о Чулковѣ свѣдѣній никакихъ нѣтъ. Также нѣтъ никакихъ свѣдѣній и о первыхъ драматическихъ актрисахъ — Зориной, Авдотьѣ Михайловой, Аграфенѣ Мусиной-Пушкиной, Марьѣ и Ольгѣ Анапьевыхъ, которыя поступили въ труппу при окончательномъ учрежденіи русскаго театра, а до того времени, вѣроятно, практиковались вмѣстѣ со своими товарищами, подъ руководствомъ Сумарокова, тоже на сценѣ головинскаго театра [5]) и иногда въ нѣмецкомъ театрѣ на Большой Морской, что видно изъ собранія указовъ и повелѣній Придворной конторы 1752 г.: «когда имѣетъ быть играна ярославскими жителями комедія на имѣющемся въ Большой Морской нѣмецкомъ театрѣ, тогда какъ свѣчи сальныя и плошки съ саломъ, а во время присутствія Ея Императорскаго Величества не только свѣчи восковыя и плошки съ саломъ, а и дрова отпускать для топленія театра отъ

---

[1]) Репертуаръ Несоцкаго, 1842 г., т. I, стр. 2. Обзоръ русской драматической словесности. Ст. кн. Шаховского.

[2]) Карабановъ, стр. 27.

[3]) Ibid. стр. 104.

[4]) „С.-Петербургскій Вѣстникъ", 1779 г., ч. IV, стр. 92.

[5]) Лонгиновъ, „Русскій театръ въ Петербургѣ и въ Москвѣ", стр. 10.

Дворцовой канцеляріи». Волковъ и Дмитревскій страстно занимались драматическимъ искусствомъ; Волковъ даже закладывалъ свое платье на выписку изъ-за границы «театральныхъ и проспективныхъ книгъ» [1]), и оба вышли изъ корпуса образованными людьми и превосходнѣйшими по тому времени актерами.

Тридцатаго августа 1756 г. послѣдовалъ именной Высочайшій указъ Правительствующему Сенату:

«Повелѣли Мы нынѣ учредить русскій для представленія трагедій и комедій театръ, для котораго отдать головинскій каменный домъ, что на Васильевскомъ островѣ, близъ кадетскаго дома. А для онаго повелѣно набрать актеровъ и актрисъ: актеровъ изъ обучающихся пѣвчихъ и ярославцевъ въ кадетскомъ корпусѣ, которые къ тому будутъ надобны, а въ дополненіе еще къ нимъ актеровъ изъ другихъ неслужащихъ людей, также и актрисъ приличное число. Дирекція того русскаго театра поручается отъ насъ бригадиру Александу Сумарокову» [2]).

24 октября 1756 г., Сумароковъ потребовалъ отъ канцеляріи шляхетнаго кадетскаго корпуса, чтобъ, во исполненіе Высочайшаго указа, «благоволено было обучающихся въ корпусѣ пѣвчихъ и ярославцевъ къ нему прислать для опредѣленія въ комедіанты, ибо они всѣ къ тому надобны». Канцелярія корпуса, 11 ноября, исполнила требованіе директора театра. Обучавшіеся въ корпусѣ пѣвчіе—Григорій Емельяновъ, Павелъ Ивановъ, Козьма Лукьяновъ, Ѳедоръ Максимовъ, Евстафій Григорьевъ, Лука Ивановъ, Прокофій Приказной, ярославцы—Ѳедоръ и Григорій Волковы, Иванъ Дмитревскій и Алексѣй Поповъ поступили въ вѣдѣніе Сумарокова. Къ нимъ присоединились Гаврило Волковъ, Яковъ Шумскій и Чулковъ, не обучавшіеся въ кадетскомъ корпусѣ, и актрисы—Зорина, Авдотья Михайлова, Марья и Ольга Ананьины и Аграфена Мусина-Пушкина. Такимъ образомъ составилась первая драматическая труппа. Къ сожалѣнію, въ документахъ архива дирекціи Императорскихъ театровъ объ ней нѣтъ никакихъ свѣдѣній, встрѣчаются только имена Дмитревскаго и Шумскаго. Не осталось также въ дирекціи и театральныхъ афишъ того времени, по которымъ бы съ достовѣрностію можно было судить о дѣятельности молодой труппы. Показанія современниковъ большею частію сбивчивы, вымышлены, ни на чемъ не основаны и противорѣчатъ одно другому. Несомнѣнно, что на первыхъ порахъ, до кончины Волкова, преобладающій репертуаръ новаго театра состоялъ изъ драматическихъ произведеній Сумарокова и Хераскова и изъ переводныхъ пьесъ Мольера, Детуша и др. Прослѣдимъ по драматическому словарю названія пьесъ, игранныхъ съ учрежденія театра (1756 г.) до кончины Волкова (1763 г.).

Кромѣ трагедій и комедій Сумарокова представляемы были:

1757 г. Тартюфъ, ком. Мольера, переводъ Кропотова.

Скупой, ком. Мольера, переводъ Кропотова.

Школа мужей, ком. Мольера, переводъ Кропотова.

Скопиновы обманы. ком. Мольера, переводъ Теплова.

Мизантропъ, ком. Мольера, переводъ Елагина.

1758 г. Мѣщанинъ въ дворянствѣ, ком. Мольера, переводъ Свистунова.

Жоржъ Данденъ, ком. Мольера, переводъ Чаадаева.

Венеціанская монахиня, трагедія Хераскова.

---

[1]) Карабановъ, стр. 106. Прошеніе Волкова въ канцелярію кадетскаго корпуса.

[2]) „Полное собраніе законовъ", т. XIV, стр. 613, № 10599.

1759 г. Новопріѣзжіе, ком. Леграна, переводъ А. Волкова.

Привидѣніе съ барабаномъ, ком. Детуша или Пророчествующій женатый, переводъ А. Нартова.

1760 г. Генрихъ и Перпила, ком. Гольберга, переводъ съ нѣмецкаго А. Нартова.

1761 г. Безбожникъ, героическая комедія М. Хераскова.

1763 г. Вольный домъ или шотландка, ком. Гума, переводъ Протасова.

Первенствующимъ актеромъ въ это время былъ Волковъ. Мы не имѣемъ возможности судить о степени сценическихъ дарованій только-что возникшей труппы до кончины Волкова, потому что литература того времени оставила намъ самыя скудныя свѣдѣнія даже и о самомъ праотцѣ русскаго театра. Изъ самыхъ ближайшихъ къ нему, по времени, источниковъ мы узнаемъ, что онъ былъ «мужъ глубокаго разума, наполненнаго достоинствами, который имѣлъ большія знанія и могъ бы быть человѣкомъ государственнымъ» [1]). Державинъ называетъ Волкова «знаменитымъ по уму своему» [2]). Новиковъ повѣтствуетъ: «сей мужъ былъ великаго обымчиваго и проницательнаго разума, основательнаго и здраваго разсужденія и рѣдкихъ дарованій, украшенный многимъ ученіемъ и прилежаніемъ. Театральное искусство зналъ въ высшей степени» [3]).

Это отзывъ современниковъ о личныхъ его качествахъ. О сценическихъ достоинствахъ находимъ слѣдующее: «актеръ Ѳедоръ Волковъ съ равною силою игралъ трагическія и комическія роли, настоящій его характеръ былъ бѣшенаго» [4]). «Говоря объ искусствѣ основателя русскаго театра, должно замѣтить, что онъ, не взирая на отмѣнность игры своей, не зналъ искусства декламаціи, искусства нужнѣйшаго для актера, которое уже было приведено въ лучшее совершенство славнымъ нашимъ трагикомъ Иваномъ Аѳанасьевичемъ Дмитревскимъ» [5]). Современные намъ историки театра говорятъ о Волковѣ такъ: «читая стихи своихъ ролей нѣсколько протяжно, на распѣвъ, Волковъ своимъ звучнымъ и гармоническимъ голосомъ и исполненною страсти игрою увлекалъ и соотечественниковъ и иностранцевъ» [6]). «Хотя Волковъ былъ актеръ-самоучка и не видалъ великихъ образцовъ драматическаго искусства, но иностранцы, видѣвшіе его игру, отзывались объ немъ какъ о великомъ актерѣ» [7]).

По этимъ отрывочнымъ отзывамъ трудно составить какое-либо опредѣленное понятіе объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ, какъ объ актерѣ.

Шестого января 1759 г., театръ перешелъ въ вѣдомство Придворной конторы, которой завѣдывалъ баронъ, впослѣдствіи графъ, Карлъ Ефимовичъ Сиверсъ, оберъ-гофмаршалъ, генералъ-лейтенантъ. Въ указѣ, данномъ Придворной конторѣ, сказано: «Ея Императорское Величество именнымъ своего Императорскаго Величества указомъ изволила указать русскаго театра комедіантамъ и прочимъ, кто при ономъ находится, которые до сего времени были въ одномъ бригадира Александра Сумарокова смотрѣніи, отнынѣ быть въ вѣдомствѣ Придворной конторы и именоваться имъ придворными» [8]).

---

[1]) Фонъ-Визинъ. Чистосердечное признаніе.
[2]) Соч. Державина, ред. Грота. Т. VI, 436.
[3]) Опытъ истор. словаря, 24—25.
[4]) Штелинъ. „С.-Петербургскій Вѣстникъ", 1779 г. IV, 94
[5]) „Жур. Драматическій" на 1811 г., т. I.
[6]) Родиславскій. „Русскій Вѣстникъ", 1869 г., № 6, 562.
[7]) Араповъ. „Драмат. альбомъ", XVIII.
[8]) Докум. № 59.

Въ томъ же году, Волковъ и Шумскій были отправлены въ Москву для устройства тамъ придворнаго театра.

Первое начало, зародышъ драматическаго театра въ Москвѣ, положено было Московскимъ университетомъ въ 1756 г. [1]). Подъ руководствомъ своего директора, Михаила Матвѣевича Хераскова, студенты и воспитанники университетской гимназіи давали представленія въ стѣнахъ университета, на которыя было приглашаемо высшее московское общество. Императрица повелѣла награждать шпагами тѣхъ актеровъ, которые окажутся достойными одобренія [2]).

Въ 1758 г. апрѣля 27-го д., содержителю итальянской комической оперы при дворѣ Ея Императорскаго Величества Локателли дозволено было «имѣть въ Москвѣ оперный домъ изъ его кошту для представленія смотрителямъ комическихъ его сочиненія оперъ», въ чемъ ему дана привилегія и отведено мѣсто для постройки театра [3]). Это былъ первый публичный театръ въ Москвѣ. Кромѣ комическихъ оперъ, въ немъ давались и русскія драматическія представленія «вольной труппой». Театръ просуществовалъ всего три года, по выраженію Штелина—«не долголѣтенъ былъ». Волкову не удалось организовать придворную труппу, и лучшіе актеры локателліевскаго театра, въ томъ числѣ и знаменитая драматическая актриса, Татьяна Михайловна Троепольская, перешла на Петербургскую придворную сцену.

Въ августѣ 1762 г. Волковъ съ братомъ своимъ Григоріемъ, за личныя услуги, оказанныя ими Императрицѣ Екатеринѣ при вступленіи ея на престолъ, въ числѣ сорока лицъ, которыя «по ревности, для поспѣшенія народнаго, побудили самымъ дѣломъ Ея Величества сердце милосердное къ скорѣйшему принятію престола россійскаго и къ спасенію такимъ образомъ нашего отечества отъ угрожавшихъ оному бѣдствій» [4]),—возведены были въ дворянское достоинство, съ пожалованіемъ семи сотъ душъ крестьянъ. Мотивовъ къ такой высокой наградѣ мы нигдѣ найти не могли. Въ архивѣ департамента герольдіи, въ реэстрѣ къ книгѣ рѣшенныхъ дѣлъ 1756—1767 гг. № 7 подъ 7-же нумеромъ записано слѣдующее дѣло: «1762 г. Августа 7. Извѣстіе, отданное отъ Сената, о пожалованіи гардеробъ-мейстера Василія Шкурина въ россійскіе дворяне, да Ѳедора и Григорья Волковыхъ и кассира Алексѣя Евреинова въ дворяне и о пожалованіи ихъ деревнями». На восьми листахъ. Самого дѣла въ книгѣ нѣтъ, а въ реэстрѣ противъ выписанной статьи такая замѣтка: «Здѣсь не числить. Не рѣшенное. Выпуть оное. Взялъ въ герольдію секретарь Желѣзовскій».

Рядъ блестящихъ празднествъ, по случаю коронаціи Императрицы, закончился никогда не бывалымъ въ Москвѣ громаднымъ уличнымъ маскарадомъ, устройство котораго было поручено Волкову. Программа маскарада была написана стихами Херасковымъ, а хоры сочинены Сумароковымъ. Маскарадъ назывался «Торжествующая Минерва». Такъ какъ печатная брошюра съ описаніемъ этого маскарада составляетъ величайшую библіографическую рѣдкость, то мы перепечатываемъ ее здѣсь вполнѣ.

«Сего мѣсяца 30, февраля 1 и 2, т. е. въ четвертокъ, субботу и

---

[1]) Ученыя записки императорскаго Московскаго университета 1834 г. часть IV, стр. 353.

[2]) Ibid.

[3]) Документы Архива, № 56.

[4]) „Русск. Архивъ“, 1864 г. стр. 209.

воскресенье по улицамъ Большой Нѣмецкой, по обоимъ Басманнымъ, по Мясницкой, Покровкѣ отъ 10 часовъ утра за полдни, будетъ ѣздить большой маскарадъ, названной Торжествующая Минерва, въ которомъ изъявится гнусность пороковъ и слава добродѣтели. По возвращеніи онаго къ горамъ, начнутъ кататься и на сдѣланномъ на то театрѣ представятъ народу разныя игралища, пляски, комедіи кукольныя, гокусъ покусъ и разныя тѣлодвиженія; станутъ доставать деньги своимъ проворствомъ; охотники бѣгаться на лошадяхъ, и прочее; кто оное видѣть желаетъ, могутъ туда собраться и кататься съ горъ во всю недѣлю масляницы, съ утра и до ночи въ маскѣ или безъ маски всякаго званія люди».

Описаніе большаго маскарада. Провозвѣстникъ маскарада съ своею свитою.

Знакъ. На немъ куклы и колокольчикъ. Момусъ или пересмѣшникъ.

Надпись. Упражненіе малоумныхъ.

Хоръ комической музыки.

Большіе литавры и два знака Момусовыхъ.

Театры съ кукольщиками, по сторонамъ оныхъ 12 человѣкъ на деревянныхъ коняхъ съ гремушками.

Флейтщики и барабанщики въ кольчугахъ.

Родомандъ, забіяка, храброй дуракъ верхомъ, за коимъ слѣдуетъ пажъ, поддерживая его косу.

Служители Пантолоновы одѣты въ комическое платье, и Пантолонъ пустохватъ въ портшезѣ, которой несутъ 4 человѣка.

Служители глупаго педанта, одѣты скарамушами.

Книгохранительница безумнаго враля.

Дикари съ ассистентами.

Мѣсто для арлекина.

Два человѣка ведутъ быка съ придѣланными на груди рогами [1]), на немъ сѣдящей человѣкъ имѣетъ на грудяхъ оконницу, и держитъ модель вертящагося дома, предъ ними 12 человѣкъ въ шутовскомъ платьѣ съ дудками и гремушками.

Момусъ съ его свитою.

Бахусъ.

Знакъ. Козлиная голова и виноградныя кисти.

Надписи. Смѣхъ и безстыдство.

Пещера Пана, окруженная пляшущими и поющими Нимфами.

Пляшущіе сатиры и баханты съ виноградными кольями, тамбуринами, бряцалками и корзинами виноградными.

Сатиры, ѣдущіе на козлахъ, другіе пересмѣхающіе ихъ.

Сатиры на свиньяхъ и 2 съ обезьянами.

Колесница Бахусова, заложенная тиграми, и сатиры съ тамбуринами и бряцалками.

Сатиры ведутъ осла, на коемъ сидитъ пьяной Селенъ и поддерживается сатирами.

Пьяницы тащатъ откупщика, сѣдящаго на бочкѣ, корчемники прикованы къ ево бочкѣ, и шесть крючковъ.

---

[1]) Момъ, видя человѣка, смѣялся, для чего боги не сдѣлали ему на грудяхъ окна, сквозь которое бы въ ево сердце смотрѣть было можно,—быку смѣялся, для чего боги не поставили ему на грудяхъ роговъ, и тѣмъ лишили его большей силы, а надъ домомъ смѣялся, для чего не можно ево, если у него худой сосѣдъ поворотить въ другую сторону.

Цѣловальники съ мѣрками и насосами, и двѣ стойки съ питьемъ, на коихъ посажены чумаки съ гудками, балалайками, съ рылями и волынками.

Знакъ. Несогласіе: ястребъ терзаетъ голубя, паукъ спускается на жабу, кошечья голова съ мышью, лисица давитъ курицу.

Надпись. Дѣйствіе злыхъ сердецъ.

Хоръ музыки, гдѣ музыканты наряжены въ разныя животныя.

Забіяки, борцы и кулачные бойцы окружаютъ Дискордію или несогласіе, бьются, борятся, бѣгаютъ съ убійственными орудіями и 3 фуріи.

Обманъ. Знакъ въ верху маска, а кругомъ змѣй, кроющійся въ розахъ.

Надпись. Пагубная прелесть.

Цыгани и цыганки, кои поютъ и пляшутъ.

Колдуны и колдуньи и нѣсколько дьяволовъ.

Обманъ, при космъ проекторы.

Невѣжество. Знакъ истопырь, черныя сѣти и ослова голова.

Надпись. Вредъ и непотребство.

Хоръ слѣпыхъ, кои ведутъ другъ друга, и 4 человѣка грѣютъ, отдувая, замерзлыхъ змѣй.

Невѣжество на ослѣ.

Праздность и злословіе, за коими слѣдуютъ лѣнивые.

Мздоимство. Знакъ, на коемъ сидитъ Гарпія, кругомъ крапива, крючки, мешки денежные и переломленные вѣсы.

Надпись. Всеобщая пагуба.

Ябедники съ духами ябеды, крючкотворецъ.

Крючкописатели со знаменами, на коихъ написана: *Завтре.*

Нѣсколько крючизей, зацѣпивъ, тащатъ за собою крючками же отягченныхъ и зараженныхъ акциденціею.

Крючкописцы и духи сѣтеплетущіе опутываютъ сѣтьми людей и ихъ стравливаютъ.

Хромая правда на костыляхъ, съ переломленными вѣсами, кою гонятъ плутописатели полными денегъ мѣшками.

Взятки, или акциденція, сидящая на яицахъ и 3 вылупившіяся изъ яицъ гарпіи, и нѣсколько криводушниковъ ассистентами.

Ѣдучи вмѣстѣ Кривосудъ Обираловъ и Взятколюбъ Обираловъ бесѣдуютъ объ акциденціи, и при нихъ пакостники, разсѣвающіе сѣмена крапивныя.

Обобранные, съ пустыми мѣшками.

Превратный свѣтъ. Знакъ. Летающіе четвероногіе звѣри и внизъ обращенное человѣческое лицо.

Надпись. Непросвѣщенные разумы.

Хоръ въ развратномъ платьѣ.

Два трубача на верблюдахъ и литаврщикъ на быкѣ.

Четверо идутъ задомъ.

Лакеи ведутъ открытую карету, въ коей посажена лошадь.

Вертопрахи везутъ карету, въ коей сидитъ обезьяна.

Карлицы и гиганты.

Люлька, въ коей спеленанъ старикъ, и при немъ кормящій его мальчикъ.

Люлька, въ коей старуха играетъ въ куклы и сосетъ рожокъ, и при ней маленькая дѣвочка съ лозою.

Свинья съ розами. Оркестръ, гдѣ оселъ поетъ, а козелъ играетъ

въ скрипку; при нихъ нѣсколько человѣкъ, одѣтыхъ развратно. Химера, кою рисуютъ 4 худыхъ маляра и 2 риѳмача, ѣдущіе на коровахъ. Бочка, въ коей Діогенъ со свѣчою. Гераклитъ и Демокритъ съ глобусомъ, при коихъ 6 одѣтыхъ въ странное платье съ вѣтряными мельницами.

Спѣсь. Знакъ. Павлинной хвостъ, кругомъ нарцызы, внизу зеркало, представляющее дурную рожу. Знакъ. Самолюбіе безъ достоинствъ. Хоръ, состоящій изъ невольниковъ. Трубачи и литаврщики. Скороходы, лакеи, пажи и гайдуки предшествуютъ и окружаютъ карету спѣси.

Мотовство и бѣдность съ ихъ свитами. Знакъ. Внизъ обращенный рогъ изобилія, изъ коего сыплется золото, по сторонамъ курящіяся кадильницы. Надпись. Безпечность о добрѣ. Хоръ обшитыхъ картами. Два знамя изъ множества картъ. Винновой хлапъ, король и краля. Жлудовый хлапъ, король и краля. Бубновой хлапъ, король и краля. Слѣпая фортуна. Игроки съ выигрышемъ. Игроки проигравшіеся и 12 человѣкъ нищихъ съ котомками. Картежники. Костырники. Колесница развращенной Венеры и Купидонъ, къ коей прикованы мужчины и женщины. Роскошь, при коей моты съ ассистентами. Хоръ бѣдныхъ поющихъ. Скупость съ ея послѣдователями.

Вулканъ. Четырнадцать человѣкъ кузнецовъ съ ихъ инструментами. Часть горы Этны, гдѣ Вулканъ съ цыклопами готовитъ громъ. Юпитеръ. Колесница Юпитера.

Златой вѣкъ. Хоръ пастуховъ съ флейтами. 12 пастушекъ. Хоръ отроковъ поющихъ съ оливными вѣтвями. 24 часа золотыхъ. Для золотова времени колесница, въ коей Астрея.

Парнасъ и Миръ. Хоръ стихотворцевъ. Парнасъ съ музами и колесница для Аполлона. Земледѣльцы съ ихъ орудіями. Миръ въ облакахъ, пожигающій военныя орудія.

Минерва и добродѣтель съ ихъ сослѣдователями. Трубачи и литаврщики. Науки и художества. Колесница добродѣтели, при коей старики, вѣнчанные лаврами, въ бѣломъ платьѣ. Герои верхами. Законодавцы. Философы. Хоръ отроковъ въ бѣломъ платьѣ съ зелеными вѣтвями и на головахъ вѣнцами. Колесница, въ коей торжествующая Минерва, вверху оныхъ викторія и слава. Хоръ музыки. Гора Діанина.

Хоры. Хоръ сатиръ. Въ сырны дни мы примѣчали, три дня и три ночи на рынкѣ: никого мы не встрѣчали, ктобъ не коснулся хмѣля крынкѣ. Въ сырны дни мы примѣчали: шумъ блистаетъ, шаль мотаетъ, дурь летаетъ, хмѣль шатаетъ, разумъ таетъ, зло хватаетъ. Наглы враки, сплетни, драки и грызутся какъ собаки. Примиритесь! Рыла жалѣйте и груди! Пьяные, пьяные люди, пьяные люди, не деритесь! Хоръ пьяницъ. Двоеныя водки, водки скляница! О Бахусъ, о Бахусъ, горькой пьяница. Просимъ, молимъ васъ, утѣшайте насъ. Отечеству служимъ мы болѣе всѣхъ, и болѣе всѣхъ достойны утѣхъ. Всякъ часъ возвращаемъ кобацкой мы зборъ. Протчи службы вздоръ.

Хоръ къ обману. Пусть машенникъ шаритъ, не велико дѣло! Срѣзана машенка, государство цѣло. Къ ябедѣ приказной устремленъ догадкой, правду гонитъ лгито крючкотворецъ гадкой, откупщикъ усердной на Руси народу, въ прибылъ государству, откупаетъ воду. Къ общу благоденству кто прерветъ дороги, ежели представить ко лбу только роги.

Хоръ невѣжества. То же все въ ученой рожѣ, то же въ мудрой

кожѣ: мы полезнова желаемъ, а на предъ ученья лаемъ: прочь и азъ и буки, прочь и всѣ литера съ ряда; грамота, науки вышли въ міръ изъ ада. Лучше жити безъ заботы, убѣгать работы, лучше ѣсть, и пить, и спати, нежели въ умѣ копати. Трудны къ тѣмъ хоромамъ въ гору отъ земли подъѣзды, въ коихъ астрономамъ пялиться на звѣзды.

Хоръ къ мздоимству. Есть ли староста бездѣльникъ, такъ и земской плутъ, и совсѣмъ они забыли, что ременный жгутъ. Взятки въ жизни красота, слаще меда и сота. Такъ то крючкотворецъ мелитъ, какъ на взятки крюкомъ цѣлить; такъ то староста богатой, сельской насыщаясь платой, такъ ихъ весь содомъ. Крючкотворцева жена такова же сатана, а отъ эдакой насѣдки таковыя же и дѣтки. Съ сими тварьми одинаки батраки ихъ и собаки, весь таковъ ихъ домъ.

Хоръ къ превратному свѣту. Приплыла къ намъ на берегъ собака изъ за полночнова моря, изъ за холоднова океана, прилетѣлъ оттоль и соловейка. Спрашивали гостю пріѣзжу—за моремъ какіе обряды? Гостья пріѣзжа отвѣчала: многое хулы тамъ достойно, я бы разсказати то умѣла, если бы сатиру пѣть я смѣла: а теперь я пѣти не желаю, только на пороки я полаю. Соловей, давай и ты оброки, просвищи заморскіе пороки (свистъ). За моремъ хамъ, хамъ, хамъ, хамъ, хамъ.

Хоръ игроковъ. Подайте картежникамъ милостинку! Черви, бубны, вины, жлуди всѣхъ насъ разорили, и лишивъ насъ пропитанья, гладомъ уморили.

Хоръ златому вѣку. Блаженны времена настали и истины лучемъ Россію облистали. Подсолненна, внемли! Астрея на земли, Астрея во странахъ россійскихъ водворилась, Астрея воцарилась. Рокъ щедрый рекъ: настани россамъ ты златой желанный вѣкъ. И се струи россійскихъ рѣкъ, во удивленіе сосѣдамъ, млекомъ текутъ и медомъ.

Хоръ къ Парнассу. Лейтесь токи Ипокрены вы съ Парнасскія горы, орошайте вы долины и прекрасные луга. Напояйтесь, россіяне, тѣми сладкими струями, кои Греція пила, и имѣя на престолѣ вы аѳинскую богиню, будьте аѳиняня вы.

Хоръ къ Минервѣ. Ликовствуйте днесь, ликовствуйте здѣсь, воздухъ и земля и воды! Веселитеся народы: матерь ваша, россы, вамъ затворила Яна храмъ. А Церера, и Помона, и прекрасна Флора получайте днесь, получайте здѣсь безъ препятства даръ солнечнаго взора. О душевна красота, жизни сей утѣха, жизни сей отрада, разтвори врата храма своего, Паллада».

«Маскарадъ сей, пишетъ очевидецъ его, А. Т. Болотовъ, имѣлъ пѣлію своею осмѣяніе всѣхъ обыкновеннѣйшихъ между людьми пороковъ, а особливо мздоимныхъ судей, игроковъ, мотовъ, пьяницъ и распутныхъ и торжество надъ ними наукъ и добродѣтели: почему и названъ былъ «Торжествующею Минервою». И процессія была превеликая и предлинная: везены были многія и разнаго рода колесницы и повозки, отчасти на огромныхъ саняхъ, отчасти на колесахъ, съ сидящими на нихъ многими и разнымъ образомъ одѣтыми и что-нибудь представляющими людьми и поющими приличныя и для каждаго предмета сочиненныя сатирическія пѣсни. Передъ каждою такою раскрашенною, распещренною и раззолоченною повозкою, везомою множествомъ лошадей, шли особые хоры—гдѣ разнаго рода музыкантовъ, гдѣ разнообразно наряженныхъ людей, поющихъ громогласно другія веселыя и забавныя особаго рода стихотворенія, а индѣ шли огромные исполины, а индѣ удивительные карлы. И все сіе распоряжено было такъ хорошо, украшено такъ великолѣпно и богато и

всѣ пѣсни и стихотворенія пѣты были такими пріятными голосами, что иначе, какъ съ крайнимъ удовольствіемъ на все то смотрѣть было можно» [1]). Волковъ былъ душой этой оригинальной процессіи. Сидя верхомъ на конѣ, онъ направлялъ сіе шествіе и дѣлалъ соотвѣтствующія распоряженія. Но этотъ маскарадъ стоилъ жизни его распорядителю: на немъ онъ простудился, и четвертаго апрѣля 1763 года, на тридцать пятомъ году отъ рожденія, скончался.

Напечатанныхъ литературныхъ трудовъ ни оригинальныхъ, ни переводныхъ послѣ Волкова не осталось, мы не находимъ ихъ ни въ каталогахъ Сопикова и Смирдина, ни въ драматическомъ словарѣ. Сочиненія Волкова, по словамъ Новикова, имѣвшія «весьма много остроты», утратились послѣ его смерти уже во время Новикова, который говоритъ: «изъ сочиненій Волкова остались извѣстными мнѣ только двѣ пѣсни: «Ты проходишь мимо кельи, дорогая», «Станемъ, братцы, пѣть старую пѣсню» и одна эпиграмма». Біографы Волкова приписываютъ ему переводы съ нѣмецкаго: драму Эсонръ, пастораль Эвмондъ и Бероа, и съ итальянскаго—Титово милосердіе, но доказательствъ на это никакихъ не представляютъ, и пьесы эти уже были на русскомъ языкѣ до появленія Волкова. Въ библіографическихъ запискахъ [2]), въ статьѣ «Описаніе славянскихъ рукописей императорской парижской библіотеки», говорится, что въ библіотекѣ находятся восемь переводныхъ комедій Мольера, въ томъ числѣ переводы Волкова — «Школа женщинъ», (1754 г.), L'amour medecin, Georges Dandin (1757) Les précieuses ridicules, Le Sicilien и Данкура— Tuteur trompé, battu et content. Но тамъ не сказано, что это переводы Ѳ. (т. е. Ѳедора) Волкова, а просто—Волкова. Трудно допустить, чтобы ярославскій самоучка, только что вступившій въ корпусъ (1754), настолько владѣлъ французскимъ языкомъ, что могъ переводить Мольера. Въ это время былъ другой Волковъ—Александръ, которому принадлежитъ переводъ пьесы ле-Грана — «Новопріѣзжіе» и др. [3]) «Жоржъ Дандинъ или въ смятеніе приведенный мужъ» переведена Иваномъ Чадаевымъ и представлена въ первый разъ въ 1758 г. [4]). Остальные переводы пьесъ, приписываемые Волкову, значатся въ каталогѣ Смирдина безъ фамиліи ихъ переводчиковъ [5]). Что касается ненапечатанной комической оперы «Танюша или счастливая встрѣча», въ которой Волковъ будто бы является первымъ русскимъ композиторомъ, то врядъ ли таковая опера когда-либо существовала. Біографъ Волкова Родиславскій [6]) почерпнулъ это свѣдѣніе изъ собраній старинныхъ афишъ актера Носова, но афиши эти ничего общаго съ правдой не имѣютъ, а есть плодъ фантазіи собирателя и ссылаться на нихъ будущему историку театра нельзя посовѣтовать. Первая русская комическая опера называлась «Анюта» и значится въ драматическомъ словарѣ: «Анюта», комическая опера, въ одномъ дѣйствіи, стихами. Сочин. Михаиломъ Поповымъ, представлена въ первый разъ въ Царскомъ селѣ придворными пѣвцами, августа 26, 1772 г. Сія опера изъ первыхъ комическихъ на россійскомъ языкѣ играна» [7]).

Наружность Волкова и душевныя его качества современникъ его, Николай Ивановичъ Новиковъ, описываетъ такъ: «физіономію онъ

---

[1]) Болотовъ, т. II, стр. 390.
[2]) Библіограф. записки 1859 г. № 7, стр. 208—209.
[3]) Каталогъ Смирдина, № 7236.
[4]) Драматическій словарь.
[5]) Каталогъ Смирдина, №№ 7091, 7161, 7254, 7349.
[6]) „Русскій Вѣстникъ", 1869 г. № 6, стр. 571.
[7]) Драмат. словарь, стр. 19.

имѣлъ важную, глаза быстрые, каріе. Съ перваго взгляда казался нѣсколько суровъ и угрюмъ, но сіе исчезало, когда находился онъ съ хорошими своими пріятелями, съ которыми умѣлъ онъ обходиться и услаждать бесѣду разумными и острыми шутками. Житія былъ трезваго и строгой добродѣтели. Друзей имѣлъ не многихъ, но наилучшихъ и самъ былъ другъ совершенный, великодушный, безкорыстный и любящій вспомоществовать» [1]).

Смерть его почтилъ элегіей къ Дмитревскому Александръ Петровичъ Сумароковъ.

Пролей со мной потокъ, о Мельпомена, слезный,
Восплачь и возрыдай и растрепли власы:
Преставился мой другъ, прости, мой другъ любезный!
На вѣки Волкова пресѣклися часы.
Мой весь мятется духъ, тоска меня терзаетъ,
Пегасовъ подо мной источникъ замерзаетъ.
Расиновъ я театръ явилъ, о россы, вамъ!
Богиня, я тебѣ поставилъ пышный храмъ!
Въ небытіе сей храмъ теперь перенесется,
И основаніе его уже трясется.
Се смысла моего и тщанія плоды!
Се вѣка цѣлаго прилежность и труды!
Дмитревскій! что зачнемъ мы съ сей теперь судьбою!
Разстался Волковъ нашъ со мною и съ тобою,
И съ музами на вѣкъ. Воззри на гробъ его,
Оплачь, оплачь со мной ты друга своего,
Котораго, какъ насъ, потомство не забудетъ,
Переломи кинжалъ, котурна ужъ не будетъ,
Простись съ отторженнымъ отъ драмы и отъ насъ,
Простися съ Волковымъ уже въ послѣдній разъ,
Въ послѣднемъ какъ ты съ нимъ играніи прощался,
И молви, какъ тогда Оскольду извѣщался,
Пустивъ днесь горькія струи изъ смутныхъ глазъ:
Коликимъ горестямъ подвластны человѣки!
Прости, любезный другъ, прости, мой другъ, на вѣки!

Прахъ Волкова покоится въ Москвѣ, въ Андроніевскомъ монастырѣ. Могила же, несмотря на самые тщательные розыски, не найдена.

II.

Иванъ Аѳанасьевичъ Дмитревскій.

(Род. 1734, ум. 1821).

Намъ неизвѣстно навѣрное, кто такой Дмитревскій, какого онъ происхожденія. Въ архивныхъ документахъ дирекціи Императорскихъ театровъ нѣтъ на это никакихъ указаній. Показанія его біографовъ сбивчивы. Карабановъ говоритъ [2]), что онъ сынъ Ярославскаго протоіерея; въ энциклопедическомъ словарѣ Плюшара — что онъ сынъ протоіерея Дьяконова, по прозванью Нарыкова; Ѳ. А. Кони — что онъ сынъ священника Дьяконова, готовившійся въ дьячки, а фамилію Нарыковъ принялъ, по предразсудкамъ отца, при вступленіи на

[1]) Опытъ словаря Новикова.
[2]) Основаніе русскаго театра. Карабановъ, стр. 35.

сцену [1]); Н. И. Гречъ просто называетъ его Нарыковымъ [2]) Родиславскій—патріаршимъ дворяниномъ Нарыковымъ [3]).

По сказанію біографовъ, Дмитревскимъ онъ былъ нареченъ Императрицею Елизаветою, по сходству его съ польскимъ графомъ Дмитревскимъ. Одинъ изъ біографовъ говоритъ объ этомъ такъ: «Нарыкова (Елизавета) призвала въ свои покои, сама изволила наряжать его и наколола ему на голову богатую діадему, которую просила оставить у себя на память. Прелестная наружность семинариста столько же восхищала императрицу, сколько грубое, странное имя «Нарыковъ» казалось ей непріятнымъ. Необыкновенное его сходство съ польскимъ графомъ Дмитревскимъ поражало императрицу.—«Нѣтъ, говорила она, любуясь юной Оснельдой, ты не долженъ носить такого имени:—будь Дмитревскимъ; онъ былъ графомъ въ Польшѣ, ты будешь царемъ на русской сценѣ». Съ этихъ поръ Нарыковъ въ третій разъ перемѣнилъ свою фамилію и сталъ называться Дмитревскимъ». Это повторили и другіе біографы, а Араповъ въ своемъ драматическомъ альбомѣ заставляетъ Императрицу наряжать въ роли Оснельды сначала кадета Свистунова, а потомъ Дмитревскаго [4]). Дмитревскій не игралъ роли Оснельды и графа Дмитревскаго въ аристократическихъ польскихъ фамиліяхъ не существовало.

Гдѣ онъ воспитывался, какъ протекло его дѣтство? Кто говоритъ—въ Ярославской семинаріи, кто говоритъ—у нѣмецкаго пастора, находившагося въ то время въ Ярославлѣ при сосланномъ туда курляндскомъ герцогѣ Биронѣ. Достовѣрныя о немъ свѣдѣнія, по которымъ мы можемъ прослѣдить всю его сценическую и литературную дѣятельность, начинаются съ восемнадцатаго марта 1752 года, когда онъ, девятнадцатилѣтній юноша, въ качествѣ ярославскаго комедіанта, впервые выступилъ на сцену придворнаго театра, и съ перваго мая того же года сталъ числиться въ спискѣ придворныхъ актеровъ [5]).

Послѣ перваго дебюта при дворѣ, въ пьесѣ «Кающійся грѣшникъ», 18 марта 1752 г., Дмитревскій 10 сентября того же года поступилъ въ шляхетный кадетскій корпусъ одновременно съ Алексѣемъ Поповымъ [6]); братья Волковы, Ѳедоръ и Григорій, поступили въ корпусъ гораздо позже—въ 1754 г., почти черезъ два года. Что дѣлали ярославскіе комедіанты со дня дебюта до поступленія въ корпусъ—неизвѣстно. Въ корпусѣ они пробыли—Дмитревскій и Поповъ четыре года, и братья Волковы два года съ мѣсяцами и 1-го ноября 1756 г., по учрежденіи русскаго театра, поступили въ вѣдѣніе перваго директора театра Александра Петровича Сумарокова. Съ этого момента начинается многообразное и многостороннее служеніе его сценическому искусству, продолжавшееся болѣе полувѣка.

За пять мѣсяцевъ до кончины Императрицы, безпокойный характеромъ директоръ придворнаго театра былъ, по собственному его желанію, отъ должности уволенъ, а «за установленіе россійскаго театра» ему оставлено содержаніе, какое онъ получалъ по службѣ, «чтобы пользуясь Высочайшею Ея Императорскаго Величества милостію, имѣя свободу отъ должностей, могъ усугубить свое прилежаніе въ сочиненіяхъ, которыя сколь ему честь, столь всѣмъ, любящимъ

---

[1]) Пантеонъ, 1840 г., т. I. Біогр. Дмитревскаго, стр. 89—90.
[2]) Альман. „Русская Талія“, 1825 г., стр. 39.
[3]) „Русскій Вѣстникъ“, 1869 г., стр. 554.
[4]) „Драмат. Альбомъ“, стр. XII, XVI.
[5]) Докум. архива дир. Имп. театр. стр. 315.
[6]) Списокъ комедіантамъ, обучавшимся въ кадетскомъ корпусѣ. Карабанова, стр. 104.

чтеніе, удовольствіе приносить будутъ» [1]). По увольненіи Сумарокова, театръ остался безъ директора, въ вѣдѣніи Придворной конторы, которою управляли графъ Сиверсъ и князь Николай Голицынъ.

25 декабря 1761 г. Елизавета Петровна скончалась. Императрица Екатерина, по возвращеніи своемъ изъ Москвы, послѣ коронаціи немедленно обратила свое особое вниманіе на русскій театръ и стала милостиво поощрять выдающіеся сценическіе таланты. Въ октябрѣ 1764 г., «танцовальщикъ Тимоѳей Бубликовъ, для лучшаго танцованію обученія», былъ отправленъ, на казенный счетъ, за границу, на два года [2]). Въ томъ же году, въ декабрѣ, «для лучшаго живописной и театральной наукѣ обученія», отпущенъ былъ въ чужіе края живописецъ Иванъ Фирсовъ [3]), а въ слѣдующемъ, 1765 г. — Иванъ Аѳанасьевичъ Дмитревскій, сдѣлавшійся послѣ смерти Волкова «первымъ россійскаго придворнаго театра актеромъ».

По поводу этой поѣздки, біографы Дмитревскаго — Бантышъ-Каменскій, Гречъ и Араповъ — говорятъ, что онъ, будучи въ Парижѣ, игралъ на сценѣ съ знаменитымъ въ то время французскимъ актеромъ Лекеномъ. Князь А. А. Шаховской заноситъ въ свой «Обзоръ русской драматической литературы» объ этомъ слѣдующее: «И. А. Дмитревскій разсказывалъ мнѣ, что, во вторую поѣздку его въ чужіе края, Лекенъ и другіе лучшіе французскіе актеры подружились съ нимъ и, желая услышать стихотворные звуки нашего языка, уговорили его сыграть съ ними, на частномъ театрѣ, переведеннаго на французскій языкъ «Синава и Трувора», т. е., чтобъ онъ декламировалъ на своемъ языкѣ, а они на своемъ. Это странное зрѣлище привлекло знаменитѣйшихъ писателей и артистовъ. Они восхищались гармоніей нашего стихотворства и очень аплодировали игрѣ Дмитревскаго, которая не была для нихъ одной мимикой, потому что они слѣдили за словами его по переводу, бывшему у всѣхъ въ рукахъ» [4]).

Ѳ. А. Кони, самый восторженный біографъ Дмитревскаго, подробнѣе другихъ описываетъ пребываніе его въ Парижѣ и Лондонѣ. «Лекенъ поѣхалъ съ Дмитревскимъ въ Лондонъ, чтобы познакомить его съ другомъ своимъ, великимъ трагикомъ Гаррикомъ. Для Дмитревскаго его игра была академіею искусства. Онъ уничтожался передъ нимъ, благоговѣлъ и плакалъ. Однажды, за обѣдомъ у Гаррика, рѣчь зашла о сценическомъ притворствѣ: Гаррикъ могъ краснѣть и блѣднѣть по желанію; вслѣдъ за веселымъ смѣхомъ у него лились обильныя слезы. Вдругъ Дмитревскій задрожалъ, залепеталъ невнятныя слова и блѣдный, какъ саванъ, безъ чувствъ, упалъ въ кресло. Всѣ кинулись ему помогать, но Дмитревскій вскочилъ, захохоталъ и вывелъ ихъ изъ заблужденія. Этотъ случай поразилъ Гаррика, и онъ уговорилъ его сыграть что-нибудь на сценѣ и устроилъ нарочно домашній спектакль у одной герцогини... Дмитревскій выбралъ «Беверлея» [5]) и сыгралъ его съ такимъ совершенствомъ, что Гаррикъ совсѣмъ забылъ, что онъ на сценѣ и такъ пристально впился въ нашего актера, что не обратилъ вниманія на стоявшую на столѣ свѣчку, зажегъ себѣ манжеты и насмѣшилъ всѣхъ зрителей. Съ этой минуты онъ сдѣлался

---

[1]) Док. арх. дирекціи № 63.
[2]) Ibid. № 83.
[3]) Ibid. № 88.
[4]) Репертуаръ русскаго театра 1842 г. Книжка 2, стр. 7.
[5]) Трагедія мѣщанская, въ 5 дѣйствіяхъ. Переводъ съ французскаго Дмитревскаго.

задушевнымъ другомъ Дмитревскаго. — «Ты для русской сцены», говорилъ онъ ему, «болѣе, чѣмъ Гаррикъ для англійской. Ты мнѣ равенъ по таланту и не играешь въ твореніяхъ Шекспира!..»

«По возвращеніи въ Парижъ, Лекенъ уговорилъ Дмитревскаго сыграть на театрѣ герцогини Валеруа. Давали «Альзиру» Вольтера; Дмитревскій игралъ роль Замора, а Лекенъ Гусмана. Публика дралась у входа, чтобы посмотрѣть на русскаго медвѣдя. Игра его всѣхъ увлекла и восхитила. Зрители требовали повторенія.

«Зная легкомысліе своихъ соотчичей, Лекенъ послѣ раскаявался, что открылъ Дмитревскому помосты сцены. На слѣдующій спектакль Дмитревскій не хотѣлъ выйти въ той же роли; онъ выбралъ Оросмана въ «Заирѣ», Лекенъ взялъ себѣ Шатильона. Тутъ видимо обнаружилось нѣкотораго рода состязаніе между обоими артистами. Дмитревскій превзошелъ себя, ему бросили вѣнокъ на сцену, Лекенъ не былъ вызванъ. Два дня спустя Дмитревскій уѣхалъ въ Россію. Лекенъ проводилъ его до почтовой кареты и дружески пожалъ ему руку, но на сценѣ не видали его два мѣсяца послѣ этого происшествія» [1]).

Всѣ эти повѣствованія біографовъ основаны на неточныхъ свѣдѣніяхъ. Въ дѣйствительности было не такъ. С. П. Жихаревъ записалъ въ свой «Дневникъ чиновника» объ этомъ фактѣ слѣдующее: «1807 года, января 2-го, Ѳ. П. Львовъ, разсуждая съ Дмитревскимъ о его путешествіи въ Парижъ, спросилъ его, между прочимъ: справедливо ли, что онъ тамъ игралъ на театрѣ вмѣстѣ съ Гаррикомъ и Лекеномъ? Никогда, отвѣчалъ онъ:—я не могъ играть съ Гаррикомъ, потому что не знаю англійскаго языка, а Гаррикъ необыкновенно дурно изъясняется по-французски. Съ Лекеномъ же мнѣ играть не было возможности по той причинѣ, что наши амплуа были одинаковы, и если я зналъ нѣкоторыя роли изъ французскихъ трагедій, то это тѣ же самыя, которыя игралъ и Лекенъ. Впрочемъ, я не такъ былъ и самонадѣянъ, чтобы состязаться съ этими исполинами театральнаго искусства и особенно съ Лекеномъ, который былъ геній въ своемъ родѣ. Конечно, и Гаррикъ былъ великій человѣкъ, но скорѣе комедіантъ, чѣмъ актеръ, т. е. подражатель природѣ въ обыкновенной нашей жизни, между тѣмъ какъ Лекенъ создавалъ типы персонажей историческихъ» [2]).

Съ Гаррикомъ онъ встрѣтился на званомъ ужинѣ у знаменитой французской актрисы Клеронъ, которая съ великимъ трудомъ упросила великаго артиста что-нибудь продекламировать. Гаррикъ продекламировалъ сцену съ привидѣніемъ изъ Гамлета. «Несмотря на то,—говоритъ Дмитревскій,—что многіе изъ присутствовавшихъ не знали по-англійски, онъ навелъ на нихъ ужасъ одною своею мимикою». Мамзель Клеронъ не осталась въ долгу у артиста и тоже продекламировала монологъ изъ Альзиры. «Не надивлюсь,—замѣчаетъ Дмитревскій,—какъ эти люди, безъ всякихъ пособій къ театральной иллюзіи, могли производить такое невѣроятное впечатлѣніе на своихъ слушателей». Подъ конецъ ужина Клеронъ пожелала, чтобы Дмитревскій продекламировалъ что-нибудь изъ русской трагедіи. «Я рѣшительно отказался, потому что чувствовалъ свое безсиліе, и только по неотступной ея просьбѣ дать ей нѣкоторое понятіе о звукахъ и гармоніи русскаго языка, прочиталъ куплеты Сумарокова:

[1]) Пантеонъ русскихъ и всѣхъ европейскихъ театровъ 1840 г. т. I. Біографія Дмитревскаго, стр. 92—93.

[2]) „Отечественныя записки", 1855 г., май, стр. 159.

«Время проходитъ, время летитъ» и пр. Она слушала съ большимъ вниманіемъ, и когда я кончилъ, прессрьезно сказала: «Je n'y comprend rien, mais cela doit être charmant» [1]).

Осенью 1765 г. онъ возвратился въ Петербургъ. «Въ осень сего же года,—пишетъ Штелинъ,—возвратился въ Россію г. Дмитревскій, который на государевомъ коштѣ посланъ былъ въ Парижъ и Лондонъ посмотрѣть лучшихъ тамошнихъ актеровъ и тѣмъ дополнить свое искусство. «Дабы видѣть разность въ прежнемъ и настоящемъ его вкусѣ и искусствѣ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ представлена была при дворѣ русская трагедія «Синавъ и Труворъ», въ которой г. Дмитревскій доказалъ, что путешествіе его не безполезно для него было, ибо онъ игралъ неподражаемо. По прошествіи восьми дней паки сія же трагедія на придворномъ театрѣ представлена была» [2]).

Въ августѣ 1767 г. онъ совершилъ вторичную поѣздку за границу для приглашенія французскихъ актеровъ въ петербургскую труппу[3]). На возвратномъ пути изъ этой поѣздки онъ отдалъ въ Лейпцигѣ издателю журнала «Neue Bibliothek der schönen Wissenschaften und der Freien Künste», Вейсе, свои сочиненія: «Извѣстіе о нѣкоторыхъ русскихъ писателяхъ» и «Исторію русскаго театра». Первое было напечатано въ переводѣ на нѣмецкій языкъ, а второе осталось ненапечатаннымъ [4]). «У Вейсе есть рукописная исторія нашего театра,—пишетъ Карамзинъ въ своихъ «Письмахъ русскаго путешественника», — переведенная съ русскаго. Г. Дмитревскій, будучи въ Лейпцигѣ, сочинилъ ее, а нѣкто изъ русскихъ, которые учились тогда въ здѣшнемъ университетѣ, перевелъ на нѣмецкій языкъ и подарилъ г. Вейсе, который хранитъ сію рукопись, какъ рѣдкость, въ своей библіотекѣ» [5]).

Этой «Исторіи русскаго театра» не суждено было появиться и въ Россіи. Біографы Дмитревскаго говорятъ, что онъ работалъ надъ исторіею театра около двадцати лѣтъ (время, достаточное для написанія всемірной исторіи) и представилъ рукопись въ россійскую академію, гдѣ она сгорѣла во время бывшаго пожара. «Ревностный драматургъ перенесъ это несчастіе стоически и снова принялся за дѣло. Черезъ двѣнадцать лѣтъ онъ опять представилъ возобновленный трудъ свой въ академію. Но и новый экземпляръ пропалъ безъ вѣсти» [6]). Вѣроятно объ этой же рукописи говоритъ и С. П. Жихаревъ. «Тетрадь, подаренная мнѣ Иваномъ Аѳанасьевичемъ,—отмѣчаетъ онъ въ своемъ «Дневникѣ чиновника», 1807 г. мая 25,—чрезвычайно интересна: въ ней, между прочимъ, заключается и реестръ пьесамъ, изданнымъ не только впродолженіе всего сценическаго поприща, т. е. съ эпохи прибытія его изъ Ярославля въ Петербургъ, въ 1752 году, до увольненія отъ театра, въ 1787 г., но и до этого времени. Это драгоцѣнный манускриптъ для исторіи нашего театра, и я не понимаю, какъ онъ могъ оставаться до сихъ поръ въ безгласности; а еще болѣе удивляюсь, какимъ образомъ рѣшился старикъ отдать его мнѣ и такъ легко, не придавая никакой важности своему подарку. Въ этой тетради любопытнѣе всего замѣтки объ

---

[1]) Ibid. стр. 180—181.
[2]) „С.-Петербургскій Вѣстникъ“ 1779 г., стр. 174.
[3]) „Русскій Архивъ“ 1867 г. стр. 95. Бумаги И. И. Шувалова.
[4]) Ефремовъ. „Матеріалы для исторіи русской литературы“, 1867 г.
[5]) „Письма русскаго путешественника“, 17 іюля 1789 г.
[6]) Журналъ „Русская сцена“. Русскій театръ, его судьбы и историки, ст. Ѳ. А. Кони.

успѣхѣ или неуспѣхѣ игранныхъ пьесъ и о томъ дѣйствіи, какое они производили на дворъ и публику».

По возвращеніи изъ-за границы съ 1767 до 1783 года на Дмитревскомъ, какъ на первенствующемъ актерѣ, лежалъ весь тогдашній репертуаръ, у него не было ни соперниковъ, ни дублеровъ. Въ промежутокъ этого времени въ дирекціи перемѣнилось нѣсколько начальниковъ театра. Съ 12 декабря 1765 по 20 декабря 1766 года «имѣлъ дирекцію надъ россійскими театрами» Василій Ильичъ Бибиковъ. 20 декабря учрежденъ «Статъ всѣмъ къ театру и камерной и къ бальной музыкѣ принадлежащимъ людямъ» и составитель этого стата, Иванъ Перфильевичъ Елагинъ [1]), назначенъ директоромъ театра. Онъ правилъ должность до 21 мая 1779 года и уволенъ въ отставку по собственному желанію, съ благоволительнымъ рескриптомъ Императрицы. Араповъ, въ своей «Лѣтописи русскаго театра» [2]), передаетъ за достовѣрный анекдотъ объ немъ, слышанный имъ отъ князя Александра Николаевича Голицына, что онъ «былъ большой поклонникъ прекраснаго пола. Однажды, пріѣхавъ къ одной изъ извѣстныхъ танцовщицъ, онъ засталъ ее при повтореніи довольно трудныхъ па передъ зеркаломъ и въ любезныхъ разговорахъ съ нею вздумалъ самъ дѣлать пируэты, но какъ-то оступился и повредилъ себѣ ногу такъ, что долго не могъ ступить на нее, почему и не ѣздилъ нѣкоторое время во дворецъ. Императрица, узнавъ объ этомъ, разрѣшила ему имѣть при себѣ трость и даже, когда онъ пріѣзжалъ во дворецъ, позволила ему садиться въ ея присутствіи. Спустя нѣсколько времени, въ Петербургъ пріѣхалъ Суворовъ. Все готовилось встрѣтить знаменитаго героя, и назначенъ былъ парадный выходъ во дворецъ. Всѣ высшіе сановники ожидали Суворова, чтобы отдать ему должную честь, и сама Императрица вышла его встрѣтить. Въ это время Елагинъ остался спокойно сидящимъ въ той же залѣ, на креслахъ и не тронулся съ мѣста. Суворовъ, проходя мимо, окинулъ его взглядомъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ, и государыня, замѣтивъ это, сказала Суворову: «Извините, графъ Александръ Васильевичъ, Ивана Перфильевича; онъ получилъ рану, но не въ сраженіи, а у танцовщицы, выдѣлывая па».

Здѣсь же мы приводимъ весьма курьезное письмо Елагина къ князю Григорію Александровичу Потемкину, рисующее нравы тогдашней золотой молодежи.

С.-Петербургъ мая 12, 1774 г.

«Вчера по пріѣздѣ моемъ, странное произошло здѣсь приключеніе, которое за нужное почелъ я сообщить вамъ, любезный другъ, и для вашего свѣдѣнія, и для пресѣченія клеветы, еслибъ ее произносить стали. Вы знаете, что комедіантка была подъ карауломъ за оскорбленіе публики. Хотѣлъ я къ ночи вчера ее выпустить, не взирая на всѣ ея дерзости и непризнаніе. Но часу въ шестомъ пополудни пріѣхалъ ко мнѣ графъ Андрей Кирилловичъ Разумовскій съ жалостнымъ привѣтствіемъ, что Дорсеваль изъ-подъ караула въ окно выбросилась, разбилась, окровавлена и конечно съ ума сошла, что ее съ грубостію опять потащили въ контору; что онъ, ѣдучи мимо, былъ самъ тому свидѣтель и не сомнѣвается, что, по человѣчеству, я ее выпущу и дамъ ей всякую помощь. Услышавъ сіе, при немъ же послалъ я, чтобъ ее на квартиру ея отвезли и дали бы ей лѣкаря.

---

[1]) Матеріалы объ немъ см. „Русская Старина“, 1887. Кн. 2, стр. 320.
[2]) „Лѣтопись русскаго театра“, стр. 88.

Я всему повѣрилъ, зная жестокій ея характеръ. Но чрезъ минуту потомъ получилъ отъ команды совсѣмъ противный тому рапортъ и отъ постороннихъ свидѣтельство. Дѣло такъ происходило: графъ Разумовскій съ Шевалье-Ланжакомъ и съ другими французами сговорились насильно увезти ее изъ-подъ караула. Подъѣхавъ они въ каретѣ подъ окно, которое отъ земли невысоко, вышли изъ кареты. Графъ подошелъ къ окну, разговаривалъ съ нею и присовѣтовалъ ей спуститься. Она спустилась, а они, на руки ее къ себѣ принявъ, посадили въ карету и увезти хотѣли. Караульные, то увидя, съ помощію полицейскихъ часовыхъ, карету ихъ остановили, убѣгшую взяли, отвели опять подъ караулъ, а господа похитители между тѣмъ раздѣляли пощечину и солдатамъ, и кому ни попало. Можетъ быть досталось бы имъ, но караульный сержантъ и солдаты узнали г. Разумовскаго и, для того не тронувъ ихъ никого, снесли получаемые удары. Вотъ каково отъ молодыхъ людей житье становится. Ни благонравіе, ни законъ, ни покой публичный на улицѣ не соблюдается. Чтеніе романовъ, сообщающее юному умишку похищеніе женщинъ, преодолѣваетъ и честь и воспитаніе. Не доволенъ былъ, что сдѣлалъ такую публичную шалость, да еще пріѣхавъ вымышленною исторіею и сплетенною лжею обманулъ человѣка, который и отцу его другъ, и его въ младенчествѣ на рукахъ своихъ носилъ. Вотъ до чего необузданность и надежда доводитъ! Сверхъ этого всего онъ былъ довольнымъ слушателемъ всѣхъ ругательствъ бѣшеныя комедіантки, которыя на меня, яко на глупаго командира, и на Россію, на непросвѣщенное государство, отрыгала купно съ французиками, его въ похищеніи товарищами. Теперь она въ ея домѣ и я притронуться къ ней за всѣ сіи дерзости не смѣю, боясь, чтобы не быть обнесену Ихъ Высочествамъ и всемилостивѣйшей отъ нихъ Государыни. Впрочемъ, таковой поступокъ во всякомъ благоучрежденномъ государствѣ заслуживаетъ городскую тюрьму, но боюсь. Защищай меня, любезнѣйшій другъ; защищай истину во мнѣ, инаго я защищенія не требую, но чинъ и достоинство власти требуютъ обороны. Отецъ сего молодаго человѣка будетъ у васъ. Вы, не сказывая, что я къ вамъ писалъ, скажите ему, что я изъ уваженія къ нему не прошу Ея Величества о защищеніи меня отъ дерзостей его сына» [1]).

Послѣ Елагина, въ управленіе театромъ вновь вступилъ Бибиковъ (21 мая 1779 г.) и оставался въ должности до учрежденія «для управленія зрѣлищами и музыкой особаго комитета» (17 іюля 1783 г.), въ который, подъ предсѣдательствомъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Адама Васильевича Олсуфьева, вошли членами камеръ-геръ Адріанъ Ивановичъ Дивовъ, генералъ-поручикъ Петръ Ивановичъ Мелиссино, князь Николай Алексѣевичъ Голицынъ, генералъ-маіоръ Петръ Александровичъ Соймоновъ и камеръ-юнкеръ Петръ Васильевичъ Мятлевъ, назначенный директоромъ. Для руководства въ управленіи театрами, комитету, за собственноручнымъ подписаніемъ Императрицы, дана была инструкція, состоявшая изъ сорока четырехъ параграфовъ [2]). Комитетомъ (1783, августа 16) Дмитревскій, на тридцать первомъ году своей службы въ театрѣ, назначенъ былъ «въ надзиратели спектаклямъ къ Россійскому театру» [3]). 1 января 1784 г. комитетъ издалъ «узаконенія для принадлежащихъ къ при-

---

[1]) Библіогр. записки 1861 г. т. III, стр. 548.
[2]) Документъ архива № 130.
[3]) Ibid. № 136.

дворному театру», въ которыхъ до мельчайшихъ подробностей опредѣлилъ обязанности актеровъ. Особенно интересенъ въ этихъ узаконеніяхъ параграфъ четырнадцатый. «Желательно, — говорится въ немъ,—чтобы всѣ члены театра, который долженъ быть училищемъ благонравія, вели себя съ такой благопристойностію, чтобы впечатлѣніе добродѣтели и благонравія, которыя возбудить старались авторы своими сочиненіями, не истреблялись черезъ непорядочныя ихъ поступки. Вслѣдствіе чего дирекція освобождается отъ своихъ обязательствъ противъ тѣхъ, которые дерзнутъ своими подлыми поступками причинять безчестіе театру, съ самой той минуты, когда они отъ кого послѣдуютъ» [1]). Въ этомъ же году, по архивнымъ документамъ, Дмитревскій значится «россійскихъ актеровъ инспекторомъ», а 7 марта 1784 года онъ назначается «обучать находящихся при театральной школѣ учениковъ и учениць декламаціи и дѣйствованію», а должность инспектора ввѣряется актеру Ивану Соколову, который не оправдалъ довѣрія къ нему начальства и «дерзнулъ учинить подлый поступокъ».

1785 года августа 27, въ засѣданіи комитета, управлявшаго зрѣлищами и музыкою, членъ его, артиллеріи господинъ генералъ-поручикъ и кавалеръ Петръ Ивановичъ Мелиссино представилъ письменно, что правящій временно должность инспектора, актеръ Соколовъ выходитъ изъ повиновенія къ высшему начальству. Генералъ спросилъ его, почему принятая къ русскому театру изъ Дѣвичьяго монастыря (sic!) актриса, получая жалованье около года, не появляется на сценѣ. Соколовъ отвѣчалъ, что «нѣкоторыя россійскія актрисы, а именно Елизавета Иванова, гнушаяся происходящей объ ней худой молвы, не желаютъ съ ней быть въ должности». Генералъ принялъ это за пустую отговорку и приказалъ дать ей роль въ трагедіи «Аристонъ» для того, чтобы комитетъ на репетиціи могъ судить о ея способностяхъ. Соколовъ приказаніе не исполнилъ и представилъ письмо отъ актрисы Ивановой, въ которомъ она, отговариваясь болѣзнію, отказывается отъ участія въ трагедіи. Посланный для освидѣтельствованія ея театральный лѣкарь не нашелъ ея дома. Генералъ именемъ комитета приказалъ Соколову, чтобы трагедія была играна и «если кто въ этомъ ослушнымъ будетъ, то съ таковымъ, какъ съ непокорнымъ ослушникомъ, поступлено будетъ». Соколовъ и тутъ не исполнилъ приказанія и, взявъ съ собою еще нѣкоторыхъ актеровъ, поѣхалъ скопомъ и кучею въ Царское Село утруждать «Священнѣйшую Особу Ея Императорскаго Величества жалобами на его, господина генералъ-поручика и кавалера». Въ чемъ состояла жалоба,—неизвѣстно, «но по дерзости поступка, можно примѣчать о какой-нибудь клеветѣ». При докладѣ, генералъ представилъ письмо къ нему графа Безбородко, «изъ котораго ясно видно, какую бывшіе съ Соколовымъ актеры, въ противность всѣхъ законовъ, надѣлали въ Царскомъ Селѣ тревогу и безпокойство и непослушаніе установленной надъ ними власти учинили». Соколову были предложены вопросные пункты, на которые онъ отвѣчалъ уклончиво. Комитетъ рѣшилъ: Соколова «за оный поступокъ изъ службы дирекціи уволить, давъ приличный характеру и поступкамъ аттестатъ» [2]). Дмитревскій вновь былъ назначенъ инспекторомъ труппы, а черезъ четыре мѣсяца (7 января 1786 года) постановленіемъ комитета, по ходатайству флигель-адъютанта Александра

---

[1]) Докум. архива дир. № 176.
[2]) Ibid. № 277.

Петровича Ермолова, «въ уваженіе его просьбы», принять на службу и совершившій «подлый поступокъ» актеръ Соколовъ [1]).

Но видно, не всѣ члены труппы оставались довольными вновь назначеннымъ инспекторомъ. 27 октября 1758 г., члены комитета,—генералъ-поручикъ и кавалеръ Петръ Ивановичъ Мелиссино и камергеръ князь Голицынъ разсматривали «прошеніе россійской труппы актера Николая Маркова, коимъ объявляетъ, что онъ приглашенъ былъ той же труппы актеромъ Яковомъ Колмаковымъ къ вечернему столу, гдѣ отъ находящихся актеровъ же Ивана Петрова, Антона Крутицкаго, фигуранта Петра Петрова, безъ всякой причины, кромѣ, что онъ ихъ отъ поношенія ругательными словами инспектора Дмитревскаго и его, Маркова, упрашивалъ,—былъ битъ и таскапъ за волосы, отчего имѣетъ боевые знаки, чувствуетъ боль, проситъ объ учиненіи удовольствія» [2]). Комитетъ сдѣлалъ удовольствіе обиженному: Крутицкаго «приказалъ держать въ конторѣ подъ стражею двои сутки», а фигуранта Петрова «отъ службы дирекціи, съ даннымъ о непорядочныхъ его поступкахъ аттестатомъ, выключилъ».

Комитетъ просуществовалъ только два года и семь мѣсяцевъ. Въ первый годъ онъ ревностно исполнялъ свои обязанности по управленію театрами и собирался въ полномъ составѣ, но по смерти своего предсѣдателя Адама Васильевича Олсуфьева (26 іюня 1784), за отлучкою и увольненіемъ разныхъ членовъ, состоялъ только изъ трехъ особъ, которыя, подъ конецъ, стали испрашивать увольненія. Хозяйственныя дѣла дирекціи были запутаны.

Въ концѣ 1785 г. Императрица писала къ состоявшему при ея кабинетѣ, сенатору, тайному совѣтнику С. Ѳ. Стрекалову: «Указомъ нашимъ отъ 12-го іюля 1783 г., покойному дѣйствительному тайному совѣтнику Олсуфьеву даннымъ, предписали мы все то, что нашли удобнымъ и полезнымъ для устройства управленія разными зрѣлищами и музыкою при дворѣ нашемъ, учредили подъ предсѣданіемъ его комитетъ, снабдили достаточными суммами и сверхъ того присвоили еще сему комитету доходъ съ даваемыхъ публикѣ зрѣлищъ. Въ теченіе двухъ лѣтъ съ половиною не только не видимъ мы въ томъ направленіи, но въ общѣ вѣдаемъ, что публика имѣетъ основательныя причины жаловаться на потерю денегъ ея на даваемыя зрѣлища, большею частію того не стоющія; театръ національный приведенъ въ разстройство и упадокъ: служащіе не получаютъ принадлежащаго имъ жалованья черезъ многое время; несмотря на пособія, отъ насъ при заведеніи комитета учиненныя, вошелъ онъ въ большіе или, лучше сказать, неоплатные долги; а при всемъ томъ еще означенный комитетъ самъ наноситъ ущербъ въ доходахъ его дирекціи, съ убыткомъ напраснымъ и для публики, дозволеніемъ безъ разбора бенефисовъ или зрѣлищъ въ пользу частныхъ людей. Таковые непорядки убѣждаютъ насъ препоручить вамъ войдти въ подробное изысканіе и разсмотрѣніе. О всемъ томъ донесите намъ подробно съ вашими примѣчаніями и съ изъясненіемъ средствъ къ поправленію всего онаго и ежели усмотрите, что издержки денегъ казенныхъ и собранныхъ за зрѣлища учинены были безъ соблюденія правилъ узаконенныхъ, или же съ крайнимъ небреженіемъ хозяйства, и что долги, въ противность упомянутому указу нашему, доведены до такой степени, что комитетъ не въ состояніи изъ доходовъ его вѣдомства заплатить, въ такомъ случаѣ, какъ взысканіе сего убытка относиться будетъ на

[1]) Докум. архив. дир. № 289.
[2]) Ibid. № 284.

тѣхъ, кто оному виною, вы не упустите представить Сенату о наложеніи секвестра на имѣніе ихъ до разбора и рѣшенія дѣла» [1]).

Четырнадцатаго февраля 1786 г. послѣдовалъ Высочайшій рескриптъ на имя Стрекалова, въ которомъ говорится, что «комитетъ не предуспѣлъ въ исполненіи возложеннаго на него указомъ отъ 12-го іюля 1783 г., но паче пріумножилъ долги и недостатки свои» и что ему, Стрекалову, препоручается «главное надзираніе и управленіе зрѣлищами и музыкою и всѣми тому принадлежащими людьми» [2]). А въ другомъ рескриптѣ, тоже на его имя, Императрица соизволяетъ, «чтобы россійскій театръ, со всѣми принадлежащими къ нему людьми, порученъ былъ въ попеченіе тайному совѣтнику Бибикову, который и долженъ будетъ стараться о сохраненіи его въ порядкѣ и исправленіи» [3]).

Управленіе театра стало называться «Главною надъ зрѣлищами и музыкою дирекціею».

Стрекаловъ не былъ приготовленъ къ управленію очень сложнымъ и къ тому же совершенно разстроеннымъ театральнымъ хозяйствомъ. «Онъ былъ очень разумный, распорядительный и свѣдущій начальникъ кабинета, но не страстный любитель театровъ, кромѣ итальянскаго, и не большой знатокъ въ театральной словесности и искусствѣ, при томъ же обремененный управленіемъ кабинета и всѣми его обширными завѣдываніями, не могъ долго переносить ввѣреннаго ему начальства надъ самыми неугомонными, капризными и проказными подчиненными. Въ вѣдомствѣ театральной дирекціи находились въ то время русскія трагедія, комедія и призракъ оперы, французская трагедія и комедія, итальянская опера серьезная и буффа, балеты большіе пантомимные и маленькіе или гротескъ, со всѣми ихъ принадлежностями, начальствомъ, прислугой и расходами, давались ежедневно разноязычныя представленія въ Большомъ и Маломъ театрахъ и два раза въ недѣлю при дворѣ—зимою въ Эрмитажѣ, а лѣтомъ въ Царскомъ Селѣ. Надобно быть самому директоромъ театра, чтобы понять горькое положеніе почтеннаго старца, поставленнаго не по его страсти» [4]).

Въ продолженіе трехлѣтняго управленія театрами, онъ тоже «не предуспѣлъ въ исполненіи возложеннаго на него», потому что, принявъ дирекцію, обремененную долгами, долженъ былъ дѣлать займы отъ своего имени у банкировъ и такъ запуталъ денежную часть, что, къ концу его управленія, долги дирекціи возросли до того, что актеры не получали жалованья.

Храповицкій 15-го октября 1788 г. отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ: «Приказано въ послѣдній разъ спросить у Стрекалова, когда подастъ театральные счеты? Онъ былъ боленъ и не былъ въ совѣтѣ. Сидя дома пьетъ».

«Долго ли быть подобной срамотѣ,—писала Императрица Храповицкому отъ 6-го февраля 1789 г.,—что театральные люди не заплачены осьмой мѣсяцъ. Я думаю разстаться съ г. Стрекаловымъ вовсе, чтобы лишиться сего безпокойства, при всѣхъ прочихъ хлопотахъ. Прошу о семъ навѣдаться подробно» [5]).

---

[1]) „Русскій Архивъ". 1870 г. стр. 548–549.
[2]) Докум. архива № 291.
[3]) Ibid. № 291.
[4]) Лѣтопись рус. театр. кн. Шаховского. Репер. рус. театр., т. II, 1840 г.
[5]) Письмо Екатерины II къ А. В. Храповицкому. „Русскій архивъ", 1872, XI, стр. 2086.

Соймоновъ и Храповицкій во всеподданнѣйшемъ докладѣ о состояніи театровъ писали: «что не имущимъ выдаютъ изъ сбора съ публики, при каждомъ спектаклѣ, по два и по пяти руб. на человѣка, и они ходятъ толпами къ нынѣшнему директору» [1]).

Храповицкій отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ 1789 г.:

«7-го февраля. Изъясненіе о безпорядкахъ театра.

8-го. Велѣно заготовить повелѣніе объ отставкѣ Стрекалова.

15-го. Изъясненіе о театрахъ съ жаромъ.

19-го. Гнѣвъ за театры. Не хотятъ ассигновать годовой суммы.

2-го марта. Подписаны передъ самымъ обѣдомъ указы объ отпускѣ въ вѣдомство Соймонова и мое двѣсти тысячъ, и указъ г. Стрекалову—о сдачѣ намъ дирекціи.

3-го марта. Подписанъ по утру указъ Соймонову и мнѣ о театральномъ управленіи. Изъяснялось, что онъ останется между нами. Я просилъ покровительства и поцѣловалъ ручку».

Но благодушный сановникъ, возбуждавшій гнѣвъ Императрицы за нераспорядительность въ управленіи театрами, не лишенъ былъ ея милости: въ 1792 г. на него была возложена высокая и почетная миссія сопровождать изъ-за границы въ Россію невѣсту великаго князя Александра Павловича [2]).

Старый директоръ, при сдачѣ дирекціи вновь назначеннымъ правителямъ, сдалъ имъ болѣе пятисотъ тысячъ долговъ и недоимокъ по дирекціи [3]).

Новые правители полныхъ двухъ лѣтъ не были у власти (12-го марта 1789—1791 февр. 12-го) и были Высочайше уволены за дѣянія, ничего общаго съ театральнымъ хозяйствомъ не имѣющія. Объ этомъ будетъ говорено въ своемъ мѣстѣ.

12-го марта 1791 года директоромъ назначенъ былъ князь Николай Борисовичъ Юсуповъ.

5-го января 1787 г. россійскаго театра инспектору Ивану Дмитревскому, по представленію управлявшаго зрѣлищами и музыкою С. Ѳ. Стрекалова, всемилостивѣйше былъ пожалованъ пансіонъ, «какъ единому изъ начальныхъ основателей театра, служившему тридцать пять лѣтъ съ отмѣннымъ достоинствомъ и усердіемъ» по двѣ тысячи руб. въ годъ (годовой окладъ его жалованья). Но это не прекратило его сценической дѣятельности: онъ остался на службѣ, только должность инспектора драматической труппы перешла отъ него къ актеру Правильщикову. Вскорѣ по вступленіи въ должность директора, князь Юсуповъ облекъ Дмитревскаго такими полномочіями, которыми не пользовался ни одинъ актеръ. «Въ разсужденіи неотлучнаго порядка и благоустройства,—пишетъ онъ въ одномъ своемъ приказѣ по дирекціи,—которые я при ввѣренной мнѣ отъ Ея Императорскаго Величества главной надъ зрѣлищами дирекціи сохранить и учредить стараюсь, почелъ я нужнымъ назначить извѣстнаго знаніемъ и долговременною опытностью въ театральномъ искусствѣ господина Дмитревскаго главнымъ режиссеромъ во всѣхъ тѣхъ театральныхъ частяхъ, кои ему впредь отъ меня приказаны будутъ, а нынѣ преимущественно опредѣляю его: къ главному надзиранію надъ всѣми россійскими зрѣлищами, къ обученію всѣхъ тѣхъ, кои достаточно еще искусства въ представленіяхъ не имѣютъ, къ учрежденію второй россійской дра-

[1]) Араповъ. Лѣтопись рус. театр. стр. 97.
[2]) Дневн. Храпов., редакція Николая Барсукова, стр. 402, 403, 412, 36.
[3]) Всеподд. докладъ. Араповъ, стр. 97.

матической труппы изъ тѣхъ же самыхъ людей, кои нынѣ на службѣ находятся, такъ же къ надзиранію и порядочному учрежденію школы, какъ о томъ отъ меня предписано будетъ. Того ради, господа инспекторы, актеры и воспитанники имѣютъ относиться къ господину Дмитревскому во всѣхъ случаяхъ, кои для блага россійскихъ зрѣлищъ касаются, дабы національный нашъ театръ, всеобщимъ со всѣхъ сторонъ усердіемъ и прилежностію подкрѣпляемый, могъ приносить часъ отъ часу удовольствія Высочайшему двору и почтенной публикѣ [1]). Въ другомъ: «какъ господину Дмитревскому, главному при зрѣлищахъ режиссеру, препоручаю я для исполненія разныя комиссіи, того ради приказываю: ежели онъ станетъ именемъ моимъ что объявлять, то оному вѣрить. Равномѣрно, ежели, въ случаѣ нужды, потребуетъ онъ видѣть нѣкоторыя конторскія бумаги, книги или счеты, то оные ему безъ препятствія показывать, ибо все то исполнять онъ будетъ по моему приказанію» [2]).

Заслуги Дмитревскаго русскому театру не оцѣнимы. Волковъ былъ первый плугъ, взбороздившій цѣлое, не тронутое поле; Дмитревскій воздѣлалъ это поле и былъ на немъ первымъ сѣятелемъ. Всѣ сценическія свѣтила того времени—Троепольская, Сандунова, Александра Дмитріевна Каратыгина, Плавильщиковъ, Шушеринъ, Яковлевъ, Крутицкій—всѣ ему обязаны развитіемъ своихъ природныхъ дарованій. Въ 1802 г. испрашивая за труды свои вознагражденія, въ письмѣ на имя старшаго члена театральной дирекціи Аполлона Александровича Майкова, онъ такъ излагаетъ свои заслуги сценѣ:

«Я льщу себя несомнѣнною надеждою, что требованіе мое 1.200 р. жалованья въ годъ и бенефисъ каждогодно же не покажется неумѣреннымъ: 1) что я былъ учителемъ, наставникомъ и инспекторомъ россійской труппы 38 лѣтъ; 2) что я отдалъ на театръ моихъ собственныхъ трудовъ—драмъ, оперъ и комедій, числомъ больше 40, которыя донынѣ еще играются и доставляютъ дирекціи зрѣлищъ хорошіе сборы; 3) во время дирекціи кн. Юсупова, кромѣ бенефиса собственно въ пользу дирекціи, представлялъ я въ трагедіяхъ и комедіяхъ 62 раза, и слабымъ моимъ дарованіемъ доставилъ театральной кассѣ немало прибыли; 4) что я три раза подкрѣплялъ упадающій россійскій театръ новыми людьми, которыхъ ни откуда не выписывалъ, но самъ здѣсь сыскалъ, научилъ и предъ публику съ успѣхомъ представилъ; 5) что не было, да и нѣтъ ни единаго актера или актрисы, который бы не пользовался, болѣе или менѣе, моимъ ученіемъ и наставленіями; что не появлялась, во время моего правленія, на театрѣ никакая пьеса, въ которой бы я совѣтомъ или поправкою не участвовалъ; 6) что я за всѣ сіи труды, сверхъ должности моей понесенные (кромѣ особенныхъ подарковъ Великія Екатерины за Эрмитажный театръ), по нѣкоторому фаталитету, отъ дирекціи никогда ничего, кромѣ благодарности, не получалъ, даже до того, что ни прежде, ни по увольненіи моемъ отъ актерства и инспекторства не имѣлъ я ни одного бенефиса, когда нѣкоторые изъ моихъ учениковъ—говорю сіе, божуся, безъ всякой зависти—и больше жалованья, и ежегодный бенефисъ получаютъ».

О манерѣ его игры на сценѣ очевидцы-современники его оставили намъ самыя скудныя свѣдѣнія. «Въ трагедіи лучшими ролями его,—пишетъ Павелъ Ивановичъ Сумароковъ, — почитались Самозванецъ, Ярбъ и Синавъ. Онъ постигалъ во всей силѣ характеръ пред-

[1]) Докум. архива дир. № 356.
[2]) Ibid. № 359.

ставляемыхъ имъ лицъ и дополнялъ игрою своею недостатки автора. Напримѣръ, въ Дмитріи Самозванцѣ онъ являлся глазамъ зрителей облокотившимся на тронъ и закрытымъ мантіею: симъ мрачнымъ положеніемъ освѣщалъ онъ, такъ сказать, темныя мысли перваго монолога. Въ Синавѣ читалъ онъ длинный монологъ, когда ему представляется тѣнь брата, подвигаясь со стуломъ своимъ назадъ, какъ будто преслѣдуемый ею, и оканчивалъ приподнимаясь на цыпочки. Сіе простое движеніе производило удивительное дѣйствіе на зрителей: всѣ трепетали отъ ужаса. Многіе современники Дмитревскаго полагаютъ, что въ драмахъ и комедіяхъ онъ былъ еще превосходнѣе, и съ восхищеніемъ вспоминаютъ, что въ Амфитріонѣ, перемѣнивъ красный платокъ на бѣлый, онъ такъ измѣнялся, что его не узнавали, и во все время поддерживалъ свое превращеніе» [1]).

Князь А. А. Шаховской видѣлъ Дмитревскаго на сценѣ въ роли Дмитрія Самозванца, въ 1795 г., когда почтенный артистъ былъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ.

«Лжедмитрія представлялъ, въ бенефисъ Яковлева, престарѣлый его учитель Дмитревскій. Его опытность, замѣнявшая сколь возможно давно испарившійся жаръ вдохновеннаго дарованія, внушала мнѣ больше жалости къ старику, чѣмъ удивленія къ его искусству. Онъ представлялъ Самозванца съ маленькими усиками, написанными тушью, въ пудрѣ незавитыхъ волосъ, перевязанныхъ на затылкѣ черной лентой съ бантомъ, что называлось тогда queue de renard. На немъ была шапка, съ горностаевымъ околышемъ, съ висящею алою бархатною тульею и съ большой бусовой кистью, и золотое глазетное полукафтанье, съ загнутыми полами, на маленькихъ бочечкахъ или фижмахъ. Всѣ актеры были напудрены. Борода тогда еще не смѣла появляться на сценѣ» [2]).

«Предкамъ нашимъ, не видавшимъ лучшихъ образцовъ,—говоритъ Жихаревъ [3]),—разумѣется, онъ могъ казаться чудомъ искусства, но истинные и просвѣщенные любители и покровители сценическихъ талантовъ находили, что Дмитревскій былъ превосходнымъ актеромъ въ комедіяхъ, особенно въ роляхъ резоперовъ, но въ трагедіяхъ былъ гораздо слабѣе и для нихъ, видѣвшихъ всѣ сценическія знаменитости того времени, далеко не безукоризненъ, напыщенъ и холоденъ. Это былъ актеръ умный, не увлекающійся, владѣвшій собою даже въ самыхъ патетическихъ мѣстахъ; всегда кокетливъ, думалъ объ эффектѣ; единственная роль, въ которой онъ былъ дѣйствительно хорошъ, это роль Тита въ трагедіи того же названія и именно потому, что это роль холодная, вся изъ разсказа и разсужденій, немного напыщенныхъ».

Жихаревъ видѣлъ его на сценѣ одинъ только разъ въ 1812 году, въ патріотической пьесѣ Висковатова «Всеобщее ополченіе» и отказывается судить объ его искусствѣ. Объ этомъ спектаклѣ записано у С. Т. Аксакова: «Въ 1812 г., Иванъ Аѳанасьевичъ Дмитревскій-уже давно оставившій театръ, къ общему изумленію и восторгу петербургской публики, явился на сценѣ въ пьесѣ Висковатова «Всеобщее ополченіе», разумѣется, въ роли старика. И тогда уже Дмитревскій былъ такъ слабъ отъ старости, что его безпрестанно поддерживали другіе актеры и едва-ли кто могъ разслушать произноси-

[1]) Нѣкоторыя разсужденія о началѣ русскаго театра. Соч. П. Сумарокова.
[2]) Репер. рус. театра, 1812 г. Обзоръ рус. драм. сл. Соч. князя Шаховского.
[3]) Воспоминанія стар. театрала. „Отеч. зап.“, 1851 г., № 10, стр. 98.

мыя имъ слова; но восторгъ зрителей былъ общій, громъ рукоплесканій привѣтствовалъ каждый его выходъ и каждое удаленіе со сцены. По окончаніи драмы, разумѣется, его вызывали единодушно, единогласно. Но замѣчательно то, что вызывали не просто «Дмитревскаго», а «господина Дмитревскаго». Такимъ особеннымъ знакомъ уваженія не былъ почтенъ ни одинъ актеръ ни прежде Дмитревскаго, ни послѣ его. Въ этомъ спектаклѣ была его лебединая пѣсня на сценѣ, хотя онъ снова (1817), въ бенефисъ, данный дирекціей въ пользу вдовы и дѣтей покойнаго актера Яковлева, желалъ выступить на сцену въ маленькой пьесѣ Шаховского «Встрѣча незванныхъ», но болѣзнь не допустила его исполнить свое великодушное намѣреніе».

Жихаревъ въ воспоминаніяхъ стараго театрала такъ характеризуетъ Дмитревскаго:

«Если Волковъ заслуживаетъ названіе основателя русской сцены, то Дмитревскому принадлежитъ не менѣе почетное званіе распространителя сценическаго искусства въ Россіи и дѣятельнаго и просвѣщеннаго исполнителя и совершителя намѣреній великой монархини во всемъ, что только могло относиться до внутренняго управленія и распоряженія театромъ, о которомъ прежде имѣли столь превратныя понятія. Ему, и ему только одному, обязаны мы, что русская сцена облагорожена, и существовавшее тогда на театрѣ гаерство въ конецъ истреблено и уничтожено. Онъ первый подалъ примѣръ, какъ долженъ себя вести настоящій артистъ и до какой степени уваженія можетъ онъ достигнуть при надлежащихъ познаніяхъ, неукоризненномъ поведеніи, проникнутый сознаніемъ своихъ обязанностей. Не говоря о его глубокихъ свѣдѣніяхъ въ классическо-драматической литературѣ — это было необходимою принадлежностію его званія, — но какими обширными познаніями въ области другихъ наукъ обладалъ этотъ человѣкъ — право, непостижимо! Какъ зналъ онъ исторію, географію, статистику — разумѣется, въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ онѣ въ его время существовали. А память, память! Онъ могъ разсказать біографіи всѣхъ замѣчательныхъ лицъ XVIII вѣка зналъ всѣ закулисныя тайны французскихъ и англійскихъ театровъ; зналъ характеры, привычки и связи принадлежащихъ къ нимъ артистовъ; знакомъ былъ съ Каліостро и Казановою; бесѣдовалъ со Сведенборгомъ и Поль Джонсомъ, словомъ: память его была неистощима, а мастерство и очаровательность разсказа въ дружеской бесѣдѣ съ людьми, которые были ему по сердцу и по его мѣркѣ, за стаканомъ легкаго пунша, по-истинѣ необыкновенны» [1]).

Третьяго мая 1802 г., Дмитревскій былъ избранъ въ члены россійской академіи, по предложенію ея предсѣдателя А. А. Нартова, и двадцать перваго іюня въ собраніи академіи произнесъ слѣдующую вступительную рѣчь:

«Милостивые государи,

«Благоволеніе ваше присоединить меня къ числу членовъ сея знаменитѣйшія академіи почитаю я счастливѣйшимъ въ моей жизни происшествіемъ, которымъ не только хвалиться, но и гордиться могу. Такъ, гордиться паче всего тѣмъ, что имѣю честь и славу быть пріобщенъ къ такому обществу, которое вмѣщаетъ въ себѣ достойнѣйшихъ и въ словесности искуснѣйшихъ мужей; такому обществу, котораго всѣ намѣренія къ пользѣ, всѣ желанія къ вящему просвѣ-

[1]) Воспоман. стар. театрала, „От. зап.“, 1851 г., № 10, стр. 100—101.

щенію, вся цѣль къ славѣ отечества клонятся; котораго всѣ подвиги стремятся къ тому, чтобы распространить въ отечествѣ нашемъ всѣ красоты и важность россійскаго слова, утвердить истинный вкусъ въ стихотвореніи и краснорѣчіи, преподать полныя правила во всей словесности, и совершенное въ письменахъ просвѣщеніе устроить. Похвальное, благородное и достойное сыновъ россійскихъ усердіе. Смѣло сказать можно, что ваше бодрственное и неутомимое трудолюбіе скоро, скоро внѣдритъ въ блаженныхъ странахъ нашихъ не только превосходнѣйшую словесность, каковою гордится Франція, Англія и Германія, но вскрывъ еще всѣ сокровища прекраснаго нашего языка, возродитъ новыхъ Цицероновъ и Виргиліевъ, и возставитъ—о, сбудется мое предвѣщаніе!—и возставитъ въ Россіи главнѣйшіе въ древности времени вѣкъ Периклововъ въ Аѳинахъ и вѣкъ Августовъ въ Римѣ.

«Верхъ удовольствія моего исполнится, когда при мудрыхъ вашихъ наставленіяхъ, подъ вашимъ руководствомъ, и я возмогу по мѣрѣ силъ моихъ достойно подвизаться на томъ же поприщѣ, на которомъ вы, къ чести академіи, къ собственной вашей похвалѣ, столь превосходно отличаетесь. Но гдѣ недостаточны будутъ мои знанія, тамъ дополнитъ усердіе, которое никогда во мнѣ не оскудѣетъ. Такъ, мм. гг., ваше просвѣщеніе подастъ мнѣ способъ къ дарованіямъ; ваши разсужденія послужатъ мнѣ правилами; вашъ вкусъ составитъ и мой вкусъ, и ваши рѣшенія будутъ мои проницатели.

«Боясь во зло употребить ваше вниманіе, и для того не смѣю теперь превозносить похвалами словесныя науки, во всѣ времена и во всѣхъ просвѣщенныхъ государствахъ уважаемыя и почитаемыя; умолчу о пользѣ, для всякаго пола, для всякаго возраста, для всякаго состоянія, отъ изящныхъ письменъ проистекающей. Не буду теперь утверждать и того, что словесность устрояетъ сердце, образуетъ разсудокъ, расширяетъ и возвышаетъ самый разумъ, короче сказать, она можетъ правильно нарещися воспитаніемъ всему человѣческому роду. Разсуждать о семъ съ вами предоставляю себѣ до другаго способнѣйшаго времени, а теперь спѣшу исполнить долгъ сердца моего, долгъ моей къ вамъ благодарности. Примите ее, милостивые государи, отъ одолженнаго вами человѣка, яко дань, изъ глубины души въ честь вашу подносимую; примите ее, и будьте увѣрены, что доставленную мнѣ почесть вашего сообщества умѣю цѣнить во всей полнотѣ ея, почитаю ее, уважаю и драгоцѣннымъ пріемлю даромъ. И для того угодить вамъ приложу все стараніе; явиться достойнымъ вашего благоволенія почту за счастіе; возложенное на меня исполнить вмѣню въ священную должность, и трудиться съ вами для общей пользы поставлю всегда благомъ, честью и славой!» [1]).

Несмотря на свои преклонныя лѣта (ему было въ то время около семидесяти лѣтъ), онъ съ особенною охотою принималъ на себя академическія работы, усердно посѣщалъ собранія академіи и занимался разборомъ присылаемыхъ въ академію произведеній, преимущественно драматическихъ. Такъ, по приглашенію академіи, онъ разсматривалъ трагедіи «Нума Помпилій» и «Демофонтъ», три трагедіи и три похвальныя слова, написанныя по вызову академіи; героическія драмы: «Россы на войнѣ» и «Марѳа Посадница»; оду Медера, нѣсколько одъ графа Хвостова; принималъ участіе въ переводѣ «Пу-

[1]) „Исторія россійской академіи“ М. И. Сухомлинова, выпуска VII, стр. 210—242.

тешествія Младшаго Анахарсиса по Греціи», предпринятаго членами академіи, и т. п. Онъ же разсматривалъ и произведенія другаго рода, какъ напримѣръ: «Россійскую грамматику», составленную Фатеромъ, и «Обозрѣніе малороссійскаго нарѣчія или грамматическое показаніе существеннѣйшихъ отличій, отдѣлившихъ сіе нарѣчіе отъ чистаго россійскаго языка»—трудъ Павловскаго [1]).

Въ числѣ уцѣлѣвшихъ бумагъ Россійской академіи, встрѣчаются рукописи Дмитревскаго, написанныя дрожащею старческою рукою.

Въ 1807 г., по предложенію президента академіи, Дмитревскій сочинилъ похвальное слово Александру Петровичу Сумарокову. Слово это академія признала «весьма удовлетворительнымъ какъ по чистотѣ слога, такъ и по содержащимся въ немъ, весьма искусно обработаннымъ, предметамъ и мыслямъ» и, отдавая справедливость усердію Дмитревскаго въ отечественной словесности и ревностному участію въ трудахъ Россійской академіи, постановила выдать ему «за сей особенный и для словесности нашей полезный трудъ» триста рублей и прочесть эту рѣчь въ предстоящемъ торжественномъ собраніи академіи 17-го декабря 1807 года и «все собраніе, по выслушаніи сего слова, изъявило сочинителю онаго особенное свое удовольствіе».

Онъ помогалъ митрополиту Евгенію при составленіи имъ «Словаря писателей», онъ перевелъ и склонилъ на наши нравы комедіи: «Раздумчивый», «Демокритъ», «Лунатикъ» и другія нѣкоторыя; всѣ онѣ были многократно представляемы на придворномъ россійскомъ театрѣ и всегда принимаемы съ большой похвалою [2]). Ему же принадлежатъ переводы пьесъ:

«Честный преступникъ или дѣтская къ родителямъ любовь», комедія въ 5 дѣйствіяхъ, переводъ съ французскаго.

«Беверлей», трагедія мѣщанская, въ 5 дѣйствіяхъ, переводъ съ французскаго.

«Антигона», драма въ 5 дѣйствіяхъ, сочиненіе Марка Кольтелини, переводъ съ итальянскаго.

«Армида», опера въ 5 дѣйствіяхъ, Марка Кольтелини, переводъ съ итальянскаго.

«Діанино дерево или торжествующая любовь», опера въ двухъ дѣйствіяхъ, переводъ съ итальянскаго.

«Рѣдкая вещь», опера въ двухъ дѣйствіяхъ, переводъ съ итальянскаго.

«Четыре времени года», Томсона, переводъ.

Жихаревъ такъ описываетъ наружность Дмитревскаго:

«Наружность Дмитревскаго чрезвычайно живописна: сѣдъ, какъ лунь, волосы зачесаны назадъ, черты лица имѣютъ необыкновенно правильныя, физіономію привлекательную и выразительную, глаза умные съ поволокою, движенія тихія и размѣренныя, ходитъ отъ старости сгорбившись. Онъ былъ чрезвычайно опрятно одѣтъ: въ суконномъ кафтанѣ французскаго покроя, со стальными пуговицами, шитомъ шелковомъ жилетѣ, въ брыжжахъ и манжетахъ, словомъ походилъ болѣе на царедворца, чѣмъ стараго актера. Жаль, что голова у него безпрестанно трясется; но прожить семьдесятъ два года въ безпрерывныхъ трудахъ и опасеніяхъ за себя и за другихъ—не бездѣлица» [3]).

---

[1]) Ibid. стр. 242.

[2]) Словарь Новикова.

[3]) Дневникъ чиновника, „Отечественныя записки“, май 1885 г.

III.

Петръ Алексѣевичъ Плавильщиковъ [1]).

(Род. 1760 г. марта 24-го. † 1812 г. октября 18-го).

Сынъ московскаго купца, въ 1768 году поступилъ въ гимназію Московскаго университета, а въ 1776 году «былъ произведенъ студентомъ». Слушалъ лекціи знаменитыхъ въ то время профессоровъ— Шадена, Роста, Чеботарева и профессора краснорѣчія Барсова, «коихъ обширныя свѣдѣнія въ наукахъ и ревностное прохожденіе должностей останутся незабвенными въ лѣтописяхъ Московскаго университета». Своимъ нравственнымъ развитіемъ онъ обязанъ профессору логики и метафизики Дмитрію Сергѣевичу Аничкову, который, по дружбѣ съ отцомъ студента, имѣлъ его на своемъ особенномъ попеченіи.

Въ одно время съ Плавильщиковымъ былъ студентомъ знаменитый впослѣдствіи профессоръ Петръ Ивановичъ Страховъ. Вмѣстѣ они занимались литературой, читали Сумарокова и Княжнина и устроили въ университетѣ театръ, на которомъ въ первый разъ сыграли «Дмитрія Самозванца» Сумарокова, пьесу тогда, по малочисленности актеровъ, недоступную для публичнаго театра. Сценическіе успѣхи расшевелили самолюбіе Плавильщикова. «Брате и тезко Петре,—сказалъ онъ своему другу Страхову,—бросимъ всѣ эти физики и метафизики, восплещемъ и сотворимъ въ Москвѣ театръ, перегонимъ англичанъ и нѣмцевъ, догонимъ французовъ». Страховъ говоритъ, что онъ согласился и «подурачился — сыгралъ однажды на сценѣ Петровскаго театра, но какую роль не скажу, потому что все это мнѣ казалось неудачнымъ и потому наконецъ, что я, по моему мнѣнію, не умѣлъ догонять Плавильщикова» [2]).

По окончаніи курса въ университетѣ, на двадцатомъ году отъ рожденія, молодой Плавильщиковъ прибылъ въ Петербургъ и въ первый свой дебютъ на придворной сценѣ выступилъ въ роли Хорева, въ драмѣ того же названія Сумарокова, затѣмъ въ роли Секста, въ трагедіи Княжнина «Титово милосердіе». 8-го мая 1779 г. онъ былъ зачисленъ въ придворную драматическую труппу, въ которой въ то время «въ должности первыхъ ролей былъ Ив. Аѳ. Дмитревскій, творецъ театральнаго искусства въ Россіи», а изъ другихъ актеровъ— «ролями важныхъ стариковъ занимался Гаврила Григорьевичъ Волковъ (братъ Ѳеодора Григорьевича Волкова), рѣзвыхъ любовниковъ, шалуновъ и повѣсъ представлялъ Василій Михайловичъ Поповъ, забавныхъ стариковъ Иванъ Яковлевичъ Соколовъ, особенно отли-

---

[1]) Источники:
Матеріалы для исторіи русскаго театра. М. Н. Макарова.
„Репертуаръ русскаго театра", Песоцкаго, 1841 г., т. II, стр. 14 и далѣе.
Документы архива дирекціи Императорскихъ театровъ.
„Вѣстникъ Европы", 1815 г. № 10, стр. 156, ст. Н. Ильина.
„Вчера и сегодня", сборникъ гр. Салогуба, кн. 1, стр. 40, ст. Каменева.
Сочиненія Плавильщикова Спб., 1816 г.
Труды общества любителей россійской словесности при Имп. Московскомъ университетѣ, кн. XI, ст. Побѣдоносцева.
Соч. С. Т. Аксакова (изд. Мартынова), т. III, стр. 98—100.
„Лѣтопись русскаго театра", А. А. Шаховского, Пантеонъ.
Театръ при Медоксѣ. Пантеонъ, 1840 г., т. I., ст. Ѳ. А. Кони.
„Русская Талія", альманахъ на 1825 г. Булгарина.
„Лѣтопись русскаго театра", П. Арапова.
„Отечеств. записки", 1854 г. № 10. (Воспоминанія стараго театрала).

[2]) М. Н. Макаровъ.

чавшійся въ Бригадирѣ, Тарасѣ Скотининѣ и во всѣхъ вообще глупыхъ и грубыхъ лицахъ, и Яковъ Шумскій, игравшій отлично слугъ и Еремеевну въ «Недорослѣ» столь искусно, что многіе, принимая его за старуху, проигрывали заклады». Работая неутомимо на сценѣ, артистъ въ то же время занимался литературою, писалъ трагедіи, драмы, комедіи, оды, разсужденія и «преподавалъ въ академіи художествъ всѣ части словесности по собственному своему начертанію, и въ горномъ корпусѣ реторику собственнаго своего сочиненія» [1]), и правилъ должностью инспектора россійской труппы. Ни одна почти пьеса въ то время не проходила безъ участія въ ней Плавильщикова. Онъ игралъ героевъ и любовниковъ въ трагедіяхъ, драмахъ и комедіяхъ. Лучшими его ролями современники его считали—Секста въ трагедіи Княжнина «Титово милосердіе», Добросерда въ драмѣ «Отецъ семейства» Н. Сандунова, Клердона въ трагедіи «Безбожный», Димитрія въ трагедіи «Димитрій Самозванецъ» Сумарокова; Эдипъ и Леаръ (Король Лиръ) были торжествомъ его. Изъ собственныхъ его драматическихъ произведеній были поставлены на сцену трагедіи «Рюрикъ» и «Ермакъ, покоритель Сибири»,—эта пьеса была посвящена «превознесенному имени Александра»—и «Тахмасъ Кулыханъ». Авторъ «надѣялся, что не прикоснется мракъ забвенія тамъ, гдѣ сіяетъ столь лучезарное имя, и не обманулся въ надеждѣ своей. Сія піеса была принята съ Высочайшимъ благоволеніемъ: Плавильщиковъ имѣлъ счастіе получить брилліантовый перстень» [2]). Эти трагедіи, несмотря на участіе въ нихъ самого автора, особеннаго успѣха на сценѣ не имѣли. Побѣдоносцевъ отзывается объ нихъ такъ: «Правда, въ сихъ сочиненіяхъ не вездѣ видно строгое наблюденіе драматическихъ правилъ, не вездѣ выдержаны характеры и строгій критикъ найдетъ въ нихъ разговоръ нѣсколько холодный и даже растянутый; за то главная цѣль трагедіи—чувство добра—не выпущена изъ виду; за то вездѣ возбуждается въ зрителѣ удивленіе къ геройству, состраданіе къ невиннымъ жертвамъ злобы, негодованіе противъ утѣсненія». Большимъ успѣхомъ пользовались его комедіи «Бобыль» и «Мельникъ и сбитеньщикъ соперники», особенно послѣдняя. «Сія малая комедія,—говорится въ предисловіи къ ней [3]),—когда въ первый разъ играна на эрмитажномъ театрѣ, то столько понравилась Екатеринѣ II, любившей и покровительствовавшей русскую словесность, что сряду четыре раза на ономъ была представлена къ неизъяснимому восхищенію сочинителя». Плавильщиковъ получилъ за эту пьесу отъ Императрицы золотую табакерку. Дирекція тоже вознаградила автора за эту пьесу. «Мельникъ и сбитеньщикъ соперники»,—записано въ журналѣ дирекціи (1789 г. фев. 20),—представляемая нѣсколько разъ на вольныхъ театрахъ въ пользу дирекціи, была представлена троекратно въ Эрмитажѣ, въ присутствіи Ея Императорскаго Величества, гдѣ въ каждое представленіе принимаема была съ отмѣнною похвалою и удовольствіемъ и за сію піесу, въ поощреніе, выдать ему сто рублей» [4]). Вообще дирекція съ большимъ благоволеніемъ относилась къ даровитому артисту и цѣнила его заслуги; такъ 1788 г. ноября 29-го Главною надъ зрѣлищами и музыкою дирекціею опредѣлено: инспектору россійской труппы Петру Плавильщикову къ получаемому имъ годовому окладу девяти стамъ

[1]) Побѣдоносцевъ.
[2]) Въ первый разъ шла на сценѣ въ 1809 г. янв. 15.
[3]) Побѣдоносцевъ.
[4]) Док. арх. Имп. театр. № 330.

рублей въ годъ прибавить по триста рублей, какъ за инспекторскую должность, которую исправлялъ онъ съ давняго времени съ надлежащею исправностію, такъ и за то, что онъ съ сего времени обязанъ играть на театрахъ въ своемъ обыкновенномъ костюмѣ, кромѣ ролей характерныхъ и трагическихъ, кои получать долженъ изъ театральнаго гардероба; а на первый случай, оставить ему у себя два платья—черное бархатное и дикое съ шитьемъ [1]). За комедію «Добрый родственникъ» ему выдано триста руб.—сумма по тогдашнему не малая.

1 іюля въ 1793 г., прослуживши четырнадцать лѣтъ, Плавильщиковъ, поощряемый самой Императрицею, которая пожаловала ему двѣсти червонцевъ за оду на взятіе Очакова, любимецъ двора, инспекторъ россійской труппы, любимецъ публики, вдругъ оставляетъ петербургскую сцену и переходитъ на московскую. Причину этого намъ подсказываютъ архивные документы. Послѣ добрыхъ баръ, Стрекалова, Храповицкаго и Соймонова, въ управленіе театрами вступилъ богатѣйшій вельможа, князь Николай Борисовичъ Юсуповъ—и въ театрѣ начались новые порядки, сокращеніе расходовъ и строгія отношенія къ артистамъ. Для примѣра, приводимъ нѣкоторые изъ его приказовъ.

«Россійскій актеръ Гамбуровъ вчерашняго числа актера же Воробьева, на улицѣ, безъ всякой причины, ударилъ палкою; за которое увѣчье и безчестье отъ его, Гамбурова, прибавочное при сей дирекціи жалованье, пять сотъ рублей, отъ сего числа производить ему Воробьеву, доколѣ не помирятся» [2]).

«Танцовальщицѣ Марьѣ Грековой, доколѣ она должности отправлять не будетъ, жалованье производить половинное, считая съ 1 числа сего мѣсяца; когда же оную, по-прежнему, исправлять станетъ—выдавать полное изъ опредѣленнаго положенія» [3]).

«Нотнаго копіиста Якова Андреева, за отлучку отъ должности полтора мѣсяца, отослать на Фарфоровый заводъ въ черную работу, впредь до моего повелѣнія» [4]).

Къ актеру Плавильщикову, занимавшему въ труппѣ первое амплуа и, вѣроятно, попросившему прибавки жалованья, онъ 1 мая 1793 года пригласилъ дублера, какого-то невѣдомаго актера, изъ Тульскаго намѣстничества, Трофима Константинова, который долженъ былъ, «какъ и актеръ Плавильщиковъ, играть по драматическому театру первыя роли и характеры въ трагедіяхъ, комедіяхъ и драмахъ и дѣлить оныя съ помянутымъ Плавильщиковымъ, а не въ бытность его, то всему ему, Константинову, играть, да сверхъ сего, если надобность потребуетъ, то долженъ онъ занимать трагическихъ царей и въ операхъ пѣть благородныхъ любовниковъ» [5]). Не перенесъ оскорбленія Плавильщиковъ и оставилъ петербургскую сцену, а черезъ годъ и пять мѣсяцевъ (1794 г. октября 30) былъ уволенъ и актеръ Тульскаго намѣстничества. Приказано: «Россійскому актеру Трофиму Константинову объявить, что онъ, по прошествіи шести мѣсяцевъ, т. е., считая отъ наступающаго ноября 1-го числа, отъ службы будетъ уволенъ» [6]). Генеральный писарь Напрягкинъ объявилъ Констан-

---

[1]) Док. арх. Имп. театровъ № 328.
[2]) Ibid. № 370.
[3]) Ibid. № 401.
[4]) Ibid. № 456.
[5]) Ibid. № 378.
[6]) Ibid. № 394.

типову волю начальства, а тотъ написалъ князю письмо такого содержанія:

«Сіятельный князь! Милостивый государь! Принявъ службу подъ начальствомъ Вашимъ и имѣя на лестное оной продолженіе всегда предъ глазами своими увѣрительныя Вашего Сіятельства письма, всесовершенно меня обезпечивающія въ моихъ правахъ, я всегда со стороны Вашей былъ доволенъ и спокоенъ. Въ семъ счастливомъ надѣяніи равно ласкалъ себя, что никогда не буду имѣть непріятнаго случая обезпокоивать Васъ моими прошеніями, но теперь, сверхъ ожиданія моего, чувствуя невыгодность въ платежѣ толико продолжительныя острочки, крайне разстраивающія мое состояніе, съ сердечнымъ сожалѣніемъ нашелъ себя принужденнымъ прибѣгнуть къ сей необходимости. Хотя Ваше Сіятельство благоволили подписать опредѣленіе, чтобъ меня удовлетворить, но ужъ прошелъ годъ, какъ я, не взирая на всегдашнія мои прошенія, по сю пору не вижу по онымъ исполненія и всегда мнѣ отвѣтствовали, что не могутъ къ тому приступить безъ особливаго Вашего приказанія. Почему, всепокорнѣйше прошу Ваше Сіятельство сдѣлать мнѣ милость и дать вторично конторѣ приказъ о непремѣнномъ меня удовлетвореніи, какъ за прошлый годъ—двухъ сотъ, равно и за сей трехъ сотъ одиннадцати рублей, отъ каждаго спектакля хотя по сту уплачивать, чѣмъ я весьма буду доволенъ и въ состояніи себя найду равно удовлетворить и моихъ должниковъ въ ихъ требованіяхъ. Относительно объявленія, сдѣланнаго мнѣ отъ имени Вашего Сіятельства г-номъ Напрясникимъ, то имѣю честь донести, что и онымъ весьма доволенъ, потому наиболѣе, что оное совершенно согласно съ моимъ желаніемъ. Въ продолженіи моей службы, я, опытно узнавъ невыгодность здѣшней жизни, не былъ намѣренъ больше ее продлить, какъ до 1-го мая будущаго года и заблаговременно желалъ о семъ донести Вашему Сіятельству, но какъ, къ моему счастью, Вы благоволили приказать въ ономъ меня облагонадежить, то я и пріемлю его съ моимъ всепокорнѣйшимъ благодареніемъ» [1]).

Возвратясь на московскую сцену, Плавильщиковъ выступилъ для перваго дебюта въ трагедіи «Безбожный» [2]), въ роли Клердона—«пылкаго юноши, жертвы собственныхъ своихъ заблужденій, вовлеченнаго въ распутство, отпадшаго отъ вѣры, обагрившагося кровью невиннаго друга. Москвичи съ восторгомъ встрѣтили своего земляка. «Многочисленное стеченіе зрителей, ихъ восторгъ, ихъ удивленіе превзошли его ожиданія» [3]). Поселившись въ Москвѣ и неся на своихъ плечахъ огромный драматическій репертуаръ, онъ не оставлялъ своей педагогической дѣятельности: преподавалъ въ какомъ-то училищѣ русскую исторію и училъ декламаціи въ благородномъ пансіонѣ Московскаго университета, гдѣ ему «одолжены были многіе воспитанники искусствомъ произносить рѣчи такъ, что ощущеніе души выражалось въ чертахъ лица, голосѣ и тѣлодвиженіяхъ» [4]), и завѣдывалъ частными театрами тогдашнихъ московскихъ вельможъ — Петра Михайловича Волконскаго и Алексѣя Николаевича Дурасова въ его прелестномъ имѣніи Люблинѣ, гдѣ въ лѣтнее время московскіе жители наслаждались прогулками, зрѣлищами и угощеніемъ.

---

[1]) Документы, № 394.

[2]) Трагедія въ 5 дѣйствіяхъ. Сочиненіе Браве, переводъ съ нѣмецкаго И. П. Елагина.

[3]) Побѣдоносцевъ.

[4]) Сочиненія Плавильщикова, 7, III.

Знатный вельможа умѣлъ цѣнить талантъ Плавильщикова и всегда принималъ его, какъ любезнаго собесѣдника.

1811 г. сентября 29 дня, за годъ до его смерти, почтенный артистъ удостоился великой чести быть избраннымъ въ члены учрежденнаго подъ Высочайшимъ покровительствомъ при Императорскомъ Московскомъ университетѣ общества любителей русской словесности. Побѣдоносцевъ, представляя его обществу, говорилъ: «Отдавая должную справедливость талантамъ его, по которымъ онъ сдѣлался извѣстнымъ Таліи и Мельпоменѣ, безпристрастно могу сказать, что и произведенія пера его заслуживаютъ вниманія. Сочиненія его, подъ названіемъ: «О врожденномъ свойствѣ россіянъ», «Театръ», «Передняя знатнаго барина», и многія пьесы въ стихахъ доказываютъ, сколь удачно умѣлъ онъ выразить свои мысли и чувства, дѣлающія честь россіянину».

1812 г. сентября 1 дня, при вступленіи въ Москву войскъ Наполеона, больной Плавильщиковъ, съ женой и малолѣтнимъ сыномъ, бѣжалъ изъ Москвы. Дорогою болѣзнь усилилась настолько, что онъ не могъ дальше продолжать путешествіе и долженъ былъ остановиться въ Тверской губерніи, Бѣжецкаго уѣзда, въ селѣ Ханеневѣ, гдѣ и скончался безъ врачебной помощи, 18 октября, на 53 году своей жизни и на 33 службы искусству. Императоръ Александръ I оцѣнилъ заслуги покойнаго артиста и пожаловалъ вдовѣ его пенсію въ тысячу двѣсти пятьдесятъ руб.

Вотъ какъ описываютъ наружность Плавильщикова современники его.

«Онъ имѣлъ привлекательную наружность, станъ видный и красивый, черты лица выразительныя, пріятныя и вмѣстѣ мужественныя, свѣтлый и благозвучный голосъ, крѣпость и силу въ груди» [1]).

«Плавильщиковъ имѣлъ отъ природы хорошій станъ, хотя круглое, но миловидное лицо, пріятные голубые глаза, прекраснѣйшій, свѣтлый, весьма звучный, но вмѣстѣ съ тѣмъ мягкій голосъ» [2]).

«Плавильщиковъ былъ роста высокаго, широкоплечій, дородный мужчина. Лицо и глаза его были способны ко всѣмъ выраженіямъ. Часто заставлялъ онъ играть мускулы своего лица чрезвычайно удачно» [3]).

А вотъ сводъ мнѣній объ немъ, какъ о драматическомъ художникѣ.

Знаменитый актеръ Яковъ Емельяновичъ Шушеринъ разсказываетъ С. Т. Аксакову:

«Плавильщиковъ былъ удивительный чудакъ, человѣкъ умный, ученый, писатель, кончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ, и начнетъ, бывало, говорить о театральномъ искусствѣ, такъ ротъ разинешь. Читалъ мастерски, я лучше его чтеца не знаю, по всему слѣдовало бы быть знаменитымъ артистомъ, но онъ не былъ имъ; онъ конечно занималъ первыя роли и пользовался славой, но все не такой, какой могъ достигнуть. Причина состояла вотъ въ чемъ: у него было довольно теплоты и силы, но пылу, огня не было, а онъ именно ихъ хотѣлъ добиться, отчего впадалъ въ крикъ, въ утрировку и почти всегда сбивался съ характера играемой роли. Сколько разъ случалось мнѣ играть съ Плавильщиковымъ, условившись заранѣе, чтобы онъ не вскрикивалъ, не возвышалъ голоса безъ надобности. Я

[1]) Побѣдоносцевъ.
[2]) Ильинъ.
[3]) С. Н. Глинка, Пант. 1840 г., ч. I, стр. 95.

даже прибѣгалъ къ хитрости: увѣрялъ его, что онъ давитъ меня своимъ органомъ и что я отъ этого не могу хорошо играть и мѣшаю ему самому. Онъ соглашался. Передъ самымъ выходомъ на сцену, обѣщалъ взять тонъ слабѣе, ниже и вести всю роль ровнѣе и сначала исполнялъ свое обѣщаніе, такъ что иногда цѣлый актъ проходитъ очень хорошо, но какъ, бывало, скажетъ какую-нибудь рѣчь или слово, хотя безъ крику, но выразительно, сильно, особенно если зрители похлопаютъ—все пропало! Возьметъ цѣлой октавой выше, хватитъ себя кулакомъ въ грудь, заоретъ, закуситъ удила и валяетъ такъ до конца піесы»[1]).

Біографъ его П. В. Побѣдоносцевъ говоритъ:

«Трудно, чтобы кто-нибудь другой могъ съ такимъ искусствомъ подбирать свойственные тоны для словъ, кои надлежало отличнѣе другихъ выразить. Чтеніе его было мастерское, какого мы не слышимъ болѣе на театрѣ нашемъ. Но Плавильщиковъ не всегда удерживалъ себя въ предѣлахъ умѣренности, давая излишнюю волю голосу, терялъ иногда равновѣсіе въ игрѣ своей. Если этотъ недостатокъ происходилъ въ немъ отъ излишней надежды на свои наружныя и внутреннія преимущества, то сія слабость—нельзя не признаться—уменьшаетъ цѣну его достоинствъ».

Извѣстный драматическій писатель и знатокъ драматическаго искусства, князь А. А. Шаховской, дѣлаетъ такую характеристику артиста:

«Одаренный красивою наружностію, полнымъ и звучнымъ голосомъ и сильною грудью, портилъ нѣсколько свое истинное дарованіе противоположными крайностями, сперва предавшись сверхъестественности французскаго трагическаго актерства, онъ, отъ излишняго напряженія силъ, крикомъ и тѣлодвиженіемъ выходилъ изъ себя даже до безобразія, потомъ, пристрастясь къ нѣмецкой школѣ и желая, какъ онъ говорилъ, «поймать въ трагедіи природу», онъ до того перестествилъ театральное дѣйствіе, что, представляя Эдипа въ Аѳинахъ, вздумалъ ощупью по землѣ искать отдалившуюся отъ него Антигону. Жаль, что излишнее желаніе чрезвычайнаго успѣха долго удаляло этого просвѣщеннаго актера отъ того, что природа дала ему при рожденіи и чѣмъ онъ прославилъ послѣдніе годы своей жизни на театральномъ поприщѣ, съ котораго сошелъ въ могилу» [2]).

Драматическій писатель Ильинъ, авторъ драмы «Великодушіе или рекрутскій наборъ», отзывается о Плавильщиковѣ такъ:

«Въ сильныхъ и ужасныхъ страстяхъ, онъ не могъ производить большаго впечатлѣнія: но въ изображеніяхъ души великой и твердой

---

[1]) Соч. Аксакова, т. III, стр. 98—100.

[2]) Этотъ эпизодъ разсказываетъ и Шушеринъ (соч. Аксакова, т. III, стр. 98), но С. П. Жихаревъ его отрицаетъ. Онъ говоритъ („Воспоминанія стараго театрала“, „От. зап.“ 1854 г. № 10, стр. 117): „Вѣдь умѣли же напечатать, что Плавильщиковъ въ роли Эдипа *ползалъ на четверинкахъ*. Я видѣлъ Плавильщикова въ Москвѣ въ роли Эдипа въ два первыя представленія этой трагедіи въ 1805 году и былъ свидѣтелемъ, какъ онъ восхитилъ всѣхъ простою и величественной игрою своею; да и могъ ли играть иначе единственный въ то время защитникъ простоты и естественности на театральной сценѣ“. Вообще къ показаніямъ Шушерина надо относиться съ большой осторожностію. Такъ онъ говоритъ, что Плавильщиковъ, во время пребыванія своего въ Петербургѣ, предъ началомъ представленія пьесы, всегда старался подгорячить Троепольскую и говаривалъ: „ну, матушка, Татьяна Михайловна, не ударимте себя лицомъ въ грязь, сыграемте сегодня на славу!“ и оба доходили до такихъ излишествъ, что приводили публику въ смѣхъ (соч. Аксакова, т. III, стр. 103), Плавильщиковъ не могъ играть съ Троепольской: Татьяна Михайловна скончалась въ 1774 году, когда Плавильщиковъ учился еще въ гимназіи.

онъ былъ превосходенъ. Всѣ превосходныя изреченія, въ коихъ изображается красота души, всегда были прекрасно Плавильщиковымъ выражаемы, особливо же когда случалось ему играть съ актеромъ равныхъ ему достоинствъ. Какъ бы ни силенъ былъ актеръ, но если будетъ разыгрывать сцену съ слабымъ товарищемъ, то никогда не успѣетъ произвести желаемаго впечатлѣнія. Въ роляхъ царей, начальниковъ, чиновниковъ, разнаго рода людей здравомыслящихъ и умствующихъ и кои называются ролями резонеровъ, Плавильщиковъ былъ превосходенъ».

Каменевъ, авторъ баллады «Громвалъ», заноситъ въ свой дневникъ объ игрѣ Плавильщикова слѣдующее:

«Плавильщиковъ играетъ пылко, отрывисто. Въ сильныхъ мѣстахъ нибко кричитъ, хотя утверждаютъ здѣсь многіе, что голосъ его сильнѣе Шушерина, но мнѣ кажется напротивъ. Владисана (трагедія Княжнина) игралъ онъ безподобно. Г. Шушеринъ лишь показался на театрѣ, забили всѣ въ ладоши, при каждомъ монологѣ, кстати и некстати; но Плавильщикову аплодировали только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ своей игрой принудилъ бы и безрукаго бить въ ладоши».

С. Н. Глинка такъ относится къ Плавильщикову:

«Плавильщиковъ былъ рѣзительный сколокъ съ знаменитаго французскаго трагика Барона. Кто сравнивалъ того и другаго, не находилъ въ нихъ никакой разницы. Декламація его была высокопарна и пышна, какъ рѣчь народнаго трибуна римскаго. Часто онъ одушевлялся жаромъ и огнемъ, которые приводили въ трепетъ весь театръ и нерѣдко оканчивались неистовымъ крикомъ. Благородная, величественная осанка, атлетическая красота—закупали зрителя въ его пользу съ перваго шага его на сцену. Лучшимъ доказательствомъ, что тогдашняя трагедія тресовала неестественности, можетъ служить то, что Плавильщиковъ, бывшій въ трагедіи художникомъ просто пластическимъ, увлекался чувствомъ и природою въ драмахъ, которыя тогда называли мѣщанскими трагедіями» [1]).

Біографъ Плавильщикова, М. И. Макаровъ, дѣлаетъ такую оцѣнку таланта артиста:

«Постигая законы мимики, артистъ нашъ измѣнялся въ лицѣ всегда кстати, игралъ глазами, владѣлъ искусно голосомъ: но въ послѣдніе годы жизни Плавильщикова, въ голосѣ господствовало иногда нестерпимое излишество; онъ вскрикивалъ тамъ, гдѣ требовалось слово тихое; а иногда и самое лицо его измѣнялось въ ту минуту, когда оно должно было оставаться спокойнымъ. Это замѣчали Плавильщикову многіе современные ему журналы и особенно «Вѣстникъ Европы», гдѣ принималъ участіе въ театральной критикѣ знатокъ нашего театра, О. О. Кокошкинъ [2]), «Московскій Курьеръ», редакторомъ котораго былъ С. М. Львовъ, знакомый съ театрами Германіи, Италіи и Франціи. Плавильщиковъ хотя не читалъ, по словамъ его, этихъ критикъ, но явно сердился за нихъ на своихъ рецензентовъ. Слабость! И непростительная слабость въ человѣкѣ умномъ, образованномъ и талантливомъ».

Наконецъ, «старый театралъ» Степанъ Петровичъ Жихаревъ (1788—1860 гг.), до конца своей жизни интересовавшійся судьбами русскаго театра, бывшій первымъ предсѣдателемъ при учрежденіи театрально-литературнаго комитета (съ 1856 по 1860 г.), въ своихъ

[1]) Театръ при Медокѣ. Пантеонъ, 1840 г. т. I.
[2]) Впослѣдствіи директоръ Московскаго театра.

«Воспоминаніяхъ стараго театрала» («Отеч. записки», 1854 г., № 10) о Плавильщиковѣ говоритъ:

«Я видѣлъ Плавильщикова въ первой моей молодости (съ 1805 по 1807 г.), видѣлъ его на сценѣ и въ обществѣ, и, по тогдашней моей страсти къ театру, изучалъ его, какъ человѣка и какъ актера такъ внимательно, что записывалъ его сужденія и разговоры, отмѣчая тѣ мѣста въ его роляхъ, въ которыхъ онъ мнѣ больше нравился. Въ то время казался онъ мнѣ актеромъ необыкновеннымъ, неподражаемымъ, и только впослѣдствіи, при сравненіи игры его съ игрою другихъ актеровъ, нашихъ и иностранныхъ, я сталъ замѣчать, что иныя роли онъ могъ бы исполнять съ большимъ чувствомъ и соображеніемъ—не говорю съ большею силою и одушевленіемъ, потому что Плавильщиковъ обладалъ этими качествами даже въ излишней степени. Я видалъ его въ роляхъ: Ярба, Рослава, Тита, Эдипа, Беверлея, Ермака, Мейнау, Досажаева и купца Бота, и до сихъ поръ не забылъ еще его произношенія звучнаго и яснаго, ни его тѣлодвиженій. Часто встрѣчался я съ нимъ у князя Михаила Александровича Д*, котораго онъ былъ задушевнымъ другомъ и за столомъ котораго занималъ всегда почетнѣйшее мѣсто. Плавильщиковъ былъ человѣкъ чрезвычайно умный, серьезный, начитанный, основательно зналъ русскій языкъ, литературу и говорилъ мастерски. Физіономія его свободно и естественно выражала всѣ страсти и ощущенія души, кромѣ радости и удовольствія, которыхъ она никогда выразить не могла. Я замѣтилъ, что онъ былъ нѣсколько самолюбивъ и предубѣдителенъ. Но развѣ актеръ можетъ быть не самолюбивъ и не имѣть предубѣжденій? Онъ не любилъ Яковлева и величалъ его неучемъ, не любилъ Шушерина, въ игрѣ котораго не находилъ чувствительности и увлеченія, и называлъ его, по игрѣ и характеру, школьникомъ Дмитревскаго. Несмотря на эти недостатки, до искусства не относящіеся, Плавильщиковъ былъ талантъ во всемъ смыслѣ слова и заслуживалъ вполнѣ свою репутацію и уваженіе, которое къ нему имѣли».

Изъ сопоставленія этихъ отзывовъ современниковъ артиста можно составить полное понятіе о его художественной дѣятельности.

Относительно его характера и душевныхъ качествъ біографъ его П. В. Побѣдоносцевъ говоритъ слѣдующее:

«Плавильщиковъ сыпалъ деньги со щедростію, свойственной богачу расточительному. Пылкость характера, который раздражался отъ упорныхъ противорѣчій, иногда отнимала у него власть управлять собою. Хоть оскорбленное самолюбіе препятствовало ему обуздывать горячность свою; но онъ не долго оставался въ заблужденіи, скоро возстановлялъ равновѣсіе въ душѣ своей, порядокъ въ мысляхъ, спокойствіе въ сердцѣ, и обиду, неумышленно кому-либо нанесенную, готовъ былъ загладить съ пожертвованіемъ собственныхъ своихъ выгодъ. Онъ былъ столько добръ, что всякій забывалъ его слабости».

Сочиненія его, въ 4-хъ частяхъ, съ гравированнымъ портретомъ, изданы уже послѣ его смерти, въ 1816 году.

Чтобы имѣть понятіе о его слогѣ и взглядѣ на драматическое искусство, помѣщаемъ здѣсь отрывокъ изъ его разсужденія о театрѣ.

КОМЕДІЯ.

Хотя комедія есть забавная картина приключеній и хотя главная цѣль ея—смѣшить зрителей дѣйствіемъ своимъ, однакожъ много есть и такихъ комедій, которыя извлекаютъ и слезы, и въ которыхъ при-

мѣтно существенное различіе отъ трагедіи и драмы, какъ въ свойствахъ, такъ и въ самомъ родѣ письма. Таковы напримѣръ: «Тщеславный Нанина» и тому подобныя изъ переводныхъ.

Сколько ни производитъ нашъ «Недоросль» смѣху, но есть мгновеніе въ четвертомъ дѣйствіи, въ которое у зрителя выступитъ слеза. И такъ, кажется, я справедливо замѣтилъ, что въ природѣ ни смѣхъ, ни плачъ не могутъ быть въ одномъ положеніи двадцать четыре часа. Сколь много происшествій различныхъ ежедневно обращается въ нашихъ глазахъ, столь много является и содержаній для комедіи, и сколь ни многоразличны сіи содержанія, они такъ часты, что сочинителю потребно великое искусство и трудъ возбудить вниманіе къ тому, что всегда обращается передъ нами и обыкновенностью своею никакого въ насъ особеннаго впечатлѣнія не производитъ; а при томъ произвести такой смѣхъ, за который бы разумный зритель не упрекалъ себя послѣ, есть дѣло великаго ума. И такъ не всякій смѣхъ и не всякая шутка пристойны комедіи: благопристойность, умъ и острота суть свойства Таліи, которая въ шуткахъ своихъ столь же разборчива, сколько Мельпомена въ своемъ величествѣ. Талія осмѣиваетъ пороки и шутитъ надъ слабостями, но не меньше Мельпомены стремится прославлять добродѣтель.

«Смѣшить безъ разума даръ подлыя души», сказалъ Сумароковъ, и сей стихъ отца россійскаго театра довольно силенъ, чтобы заградить уста тѣмъ кощунствующимъ писателямъ, которые полагаютъ первымъ достоинствомъ въ комедіи развратныя двузначенія, или помодному экивоки. Какъ всякое состояніе и свойство приличо дѣйствію комедіи, то равномѣрно всякое состояніе, полъ и возрастъ забавляются представленіемъ комедіи. Я не понимаю, какъ можно отважиться, чтобъ зритель въ полной надеждѣ на благопристойность зрѣлища могъ услышать слова, коихъ самое прикрытіе покрестъ лицо краскою. Мать ведетъ дочь свою въ театръ, отецъ — юнаго сына, дабы они видѣли дѣйствующее училище благоправія; но естьли вмѣсто того услышитъ юная невинность что-то такое, что она не понимаетъ и чему отецъ ихъ смѣется съ отвращеніемъ, а мать закрывается опахаломъ: гдѣ убѣгутъ родители отъ раскаянія, что подали сами случай дѣтямъ ко вредному любопытству? Съ какимъ лицомъ примутъ вопросы дѣтей и съ какимъ стыдомъ и замѣшательствомъ откажутъ они истолкованіе того, чего бы сами никогда слышать не хотѣли? Запрещенная тайна обыкновенно подстрекаетъ любопытство... Вотъ забава, которая надолго рождаетъ досаду; а можетъ быть и вредными сопровождаться будетъ слѣдствіями; а комедія должна забавлять и просвѣщать вмѣстѣ... Смѣша говорить правду. Въ выраженіи: «смѣшить съ разумомъ» замыкается обширное понятіе; ибо гдѣ нѣтъ благопристойности, тамъ нѣтъ и разума; шутки разума никогда не простираются до дерзости; разумъ полагаетъ весьма великое различіе между словами *осмѣять* и *обругать*. Первое дѣйствіе, устыжая порочныя дѣйствія сердца и души, рождаетъ раскаяніе и твердую рѣшительность убѣгать впредь порока, а послѣднее ожесточаетъ сердце и рождаетъ злобу, которая обнаруживается мщеніемъ, какъ единственнымъ своимъ послѣдствіемъ; всякъ легко разсудитъ: остановится ли разумъ хотя на одно мгновеніе въ выборѣ перваго; разумъ и въ самомъ осмѣяніи избираетъ способы, достойные себя. Всякая острота, если она одобрена имъ, становится пріятною, а единая колкость безъ благоразумія не заслуживаетъ быть помѣщаема въ комедіи. Не мудрено выдумать смѣшное для простаго народа, но трудно произвести улыбку на лицѣ

просвѣщенномъ; не мудрено выдумать смѣшныя положенія, но мудрено въ самомъ смѣхѣ показать блистательную нравственность; комедія «Жоржъ-Дандинъ» со всѣмъ искусствомъ Мольеровымъ, кромѣ смѣху и разврата, ничего не производитъ, и кажется, будто сочинитель хотѣлъ осмѣять простодушнаго Дандина, давая всегда торжествовать безпутной его женѣ... Мнѣ все то не нравится, гдѣ порокъ торжествуетъ.

Комедія, трогая забавою сердца зрителей, включаетъ въ свое дѣйствіе отъ высшаго и до нижняго состоянія; она не осуждаетъ къ плачу монарховъ, какъ трагедія, и показываетъ, что на престолѣ, въ чертогахъ великолѣпныхъ, а равно и въ хижинѣ земледѣльца утѣхи существовать долженствуютъ; только по различности состоянія различныя свойства забавъ представляютъ. Она изображаетъ намъ, что законодатель, творя блаженными подданныхъ своихъ, находитъ въ ихъ любви свое собственное блаженство, и часы отрадъ его столь же пріятны его сынамъ, сколько труды его доставляютъ имъ отрадъ; земледѣлецъ, оратая землю своимъ потомъ, съ великою радостію пожинаетъ плоды со ввѣренныхъ ей сѣмянъ; онъ восхищается, обогащая себя и многимъ соотечественникамъ своимъ доставляя пищу, разумѣется, за деньги; купецъ въ обращеніи своей торговли находитъ свое утѣшеніе; воинъ—въ побѣдахъ; судья — въ правосудіи; и такъ вездѣ комедія находитъ забаву и утѣшеніе; съ другой стороны входитъ она во всѣ изгибы сердецъ и во всѣ тайныя движенія души, и гдѣ бы ни крылся порокъ или слабость, она найдетъ и обнаружитъ забавнымъ своимъ образомъ.

Слогъ ея долженъ быть равенъ съ состояніемъ представляемыхъ лицъ: онъ есть тотъ, который всегда употребляется въ разговорахъ общежитія; но притомъ, сколько возможно, во всѣхъ правилахъ языка. Здѣсь-то отечественный вкусъ долженъ явиться во всемъ своемъ блистаніи. поколику обыкновенія россіянъ, ихъ нравы, ихъ свойства и всегда случающіяся происшествія представляются тѣмъ же самымъ россіянамъ, съ которыхъ дѣйствій срисованы дѣйствія комедіи (я исключаю тѣ, гдѣ представляются чужестранныя содержанія), и чѣмъ ближе комедія подходитъ къ симъ образцамъ, тѣмъ болѣе сочинитель долженъ имѣть искусства, чтобы сочиненіе его не отозвалося личностью, что на театрѣ не терпимо и достойно презрѣнія, естьли не наказанія. Свойство комедіи срывать маску съ порока, такъ чтобы тотъ, кто и увидитъ себя въ семъ забавномъ зеркалѣ правоученія. во время представленія смѣялся бы самъ надъ собою, а возвратился бы домой со впечатлѣніемъ, возбуждающимъ въ немъ нѣкоторый внутренній судъ, за коимъ слѣдуетъ по стопамъ исправленіе [1]).

IV.

Яковъ Даниловичъ Шумской.

Ни званіе, ни годъ рожденія перваго по времени русскаго придворнаго комика неизвѣстны. Князь Шаховской, въ своей Лѣтописи русскаго театра, называетъ его почему-то украинцемъ, Гречъ—цырюльникомъ; прочіе историки театра повторяютъ то же самое. Въ офиціальныхъ документахъ онъ названъ ярославскимъ комедіантомъ, который прибылъ въ Москву изъ Ярославля съ Волковымъ и Дми-

[1]) Сочин. Плавильщикова, т. IV, стр. 67 - 71.

тревскимъ и былъ вмѣстѣ съ ними зачисленъ въ придворную труппу 1 мая 1752 г. Въ 1785 г. онъ вышелъ въ отставку. «Россійскій актеръ,—значится въ документахъ,—Яковъ Шумской проситъ въ разсужденіи старости его лѣтъ и частыхъ болѣзненныхъ припадковъ, а напаче въ худомъ зрѣніи глазъ и слабой памяти, отъ службы увольненія съ получаемымъ годовымъ окладомъ пенсіона».

По выправкѣ со спискомъ явствуетъ: «означенный актеръ Шумской продолжаетъ службу при театрахъ, изъ ярославскихъ комедіантовъ съ 1752 г., жалованья получаетъ въ годъ 950 р.» [1]).

Комитетъ, управлявшій зрѣлищами, представилъ всеподданнѣйшій докладъ, который Императрица утвердила въ Царскомъ Селѣ 9 іюля 1785 г.

Но и выйдя на пенсіонъ, онъ иногда появлялся на сценѣ. Въ журналѣ комитета 1791 г. января 13 записано: «состоящему на пенсіонѣ Якову Шумскому, игравшему роль Созіи, отдать сборъ, полученный 12 января, при представленіи «Амфитріона», четыреста тридцать шесть руб., вслѣдствіе донесенія, Ея Величеству отъ Дирекціи сдѣланнаго».

Вѣроятно, роль Созіи была изъ лучшихъ ролей его. Въ драматическомъ словарѣ читаемъ: «Амфитріонъ», комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, сочиненіе славнаго французскаго комика Моліера. Оная пьеса открывается прологомъ, въ которомъ машины великолѣпны; пьеса вся наполнена шутками и множествомъ острыхъ словъ. Бывшіе придворнаго театра актеръ г. Шумской и московскаго вольнаго г. Базилевичъ, первые комики, въ роли Созіи составили себѣ славу».

Далѣе драматическій словарь отмѣчаетъ комедію Ренъяра «Игрокъ», переведенную съ французскаго. «Піеса сія представляемая на театрахъ повсюду, не выходящая никогда изо вкусу. Дѣйствіи четвертаго въ десятомъ явленіи читаніе Сенеки довольно замѣчено всѣми любителями драматическихъ сочиненій, даже именитые наши придворные актеры г. Дмитревскій и Шумской напечатаны въ эстампѣ въ ономъ положеніи».

Но сценическимъ торжествомъ Шумскаго было исполненіе имъ роли Еремѣевны, въ комедіи Фонъ-Визина «Недоросль», которая шла въ 1 разъ на счетъ перваго придворнаго актера г. Дмитревскаго; «въ которое время несравненно театръ былъ наполненъ, и публика аплодировала пьесу метаніемъ кошельковъ. Характеръ Мамы игралъ придворный актеръ Шумской къ несравненному удовольствію зрителей» [2]).

Фонъ-Визинъ упоминаетъ объ немъ въ своемъ «Чистосердечномъ признаніи»:

«Ничто въ Петербургѣ такъ меня не восхищало, какъ театръ, въ который я попалъ въ первый разъ въ жизни. Играли комедію «Гейнрихъ и Перпила». Тутъ видѣлъ я Шумскаго, который шутками своими такъ меня смѣшилъ, что я, потерявъ благопристойность, хохоталъ изо всей силы».

С. Т. Аксаковъ видѣлъ Шумскаго, когда уже тотъ былъ въ глубокой старости (въ 1811 г.).

«Я нашелъ его (Шушерина) въ залѣ, очень радушно угощающаго завтракомъ какого-то сѣденькаго, худенькаго, маленькаго, но бодраго старичка. Это былъ актеръ Шумской, современникъ обоихъ Волко-

[1]) Докум. Арх. Имп. Театр. № 204.
[2]) Др. Словарь.

выхъ и Дмитревскаго. Шушеринъ мнѣ говорилъ, что Шумской старше ихъ всѣхъ и что ему тогда было за сто лѣтъ. Находясь очень давно на пенсіи, онъ жилъ у кого-то на седьмой верстѣ по Петровской дорогѣ и каждый мѣсяцъ приходилъ за своимъ мѣсячнымъ пенсіономъ; этого мало: не знаю, по какимъ причинамъ, только онъ обыкновенно бралъ двадцатипятирублевый мѣшокъ мѣдныхъ денегъ и относилъ его на плечѣ домой, никогда не нанимая извощика. Въ этотъ разъ такъ же былъ съ нимъ мѣшокъ, который и стоялъ въ углу». Надобно вспомнить, что въ шестнадцати рубляхъ тогдашней мѣдной монеты находилось ровно пудъ вѣсу; и такъ, съ Невскаго проспекта до своего жилища, слѣдовательно, верстъ десять, ему надо было перенести на плечѣ слишкомъ полтора пуда. Онъ нѣсколько разъ въ годъ захаживалъ на перепутьѣ къ Шушерину, чтобъ отдохнуть и позавтракать, а какъ это всегда случалось довольно рано поутру, то я его никогда и не видывалъ. Шушеринъ утверждалъ, что Шумской былъ необыкновенный актеръ на роли слугъ (прежде это было важное амплуа), молодыхъ повѣсъ и весельчаковъ изъ простаго званія. Я былъ очень радъ, что мнѣ удалось видѣть Шумскаго. Я съ любовью и уваженіемъ смотрѣлъ на этотъ славный обломокъ нашего первоначальнаго театра, замѣчательнаго сильными талантами, такъ чудно пощаженный временемъ. Шумской былъ веселъ, живъ и словоохотенъ. Онъ проговорилъ со мною часа два. Безъ сомнѣнія, его талантъ былъ чистый инстинктъ, или, пожалуй, вдохновеніе. Вѣрный почти общему свойству долго зажившихся стариковъ—находить все прошедшее хорошимъ, а все настоящее дурнымъ,—Шумской утверждалъ, что нынѣшній театръ въ подметки не годится прежнему, и доказывалъ это, по его мнѣнію, неопровержимыми доказательствами. «Да вотъ не далеко ходить (онъ говорилъ живо и отрывисто). Яковъ Емельяновичъ, чай-то помнишь, али нѣтъ? Или былъ еще молодъ? Какъ бывало Орфенъ въ Заирѣ, въ роли Оросмана скажетъ: «Zaire vous pleurez»?—Такъ полчаса хлопаютъ, и дамы и кавалеры плачутъ! А нынче что? Ничего. Ну, да вотъ ты, Яковъ Емельяновичъ, вѣдь и ты хорошо игрывалъ Оросмана и тоже, бывало, какъ скажешь: «Заира, плачешь ты?»—тоже бывало долго хлопаютъ, а нынче что? Ничего. Никто и платочка не вынетъ, чтобъ глаза утереть. Нынче все шумъ любятъ, да крикъ. Я ходилъ вашего Яковлева смотрѣть. — Ну что? Ничего. Мужикъ рослый, голосъ громкій, а задушевнаго нѣтъ ничего». Въ такомъ родѣ былъ весь разговоръ» [1]).

Вотъ и всѣ скудныя свѣдѣнія, которыя мы могли собрать о первомъ русскомъ комикѣ.

V.

Татьяна Михайловна Троепольская.

Объ этой замѣчательной, по своему времени, первой трагической актрисѣ придворнаго театра не имѣется никакихъ офиціальныхъ свѣдѣній. Въ архивныхъ документахъ Дирекціи Императорскихъ театровъ фамилія ея не встрѣчается. Историки театра полагаютъ, что она начала свою сценическую дѣятельность въ Москвѣ, въ «вольной труппѣ» театра Локателли, потому что другого театра въ Москвѣ въ то время не было, и по закрытіи его перешла на петер-

[1]) Соч. Аксакова, с. III, стр. 113.

бургскую придворную сцену. Это могло случиться въ 1759 году, когда Дмитревскій и Шумской были посланы въ Москву для устройства тамъ придворнаго театра. Извѣстно, что эта миссія имъ не удалась, и лучшіе актеры театра Локателли были приглашены ими на петербургскую сцену.

Скончалась она (въ 1774 г.), сыгравши въ послѣдній разъ роль Ольги въ послѣдней (девятой) трагедіи Сумарокова «Мстиславъ».

Смерть ея была невознаградимой потерей для Сумарокова, репертуаръ котораго былъ весь въ ея рукахъ.

А ты, мой вѣрный другъ, игравши намъ Мстислава,

обращается онъ въ элегіи Дмитревскому:—

Кѣмъ днесь умножилась моя въ Россіи слава,
Старайся, чтобы нашъ театръ не палъ во вѣкъ,
А такъ какъ жалостный и добрый человѣкъ,
Восплачь, восплачь о той со мной и воспечались,
Которой роли всѣ на сценѣ окончались.

По недостатку современныхъ о ней литературныхъ отзывовъ, нельзя составить понятія о ея сценическомъ дарованіи и манерѣ игры; извѣстно только, что она была «перваго придворнаго театра актрисою трагической, которая, какъ увѣряютъ знатоки, имѣвшіе удовольствіе ее видѣть, соединяла красоту и благородство съ пріятнѣйшимъ голосомъ и рѣдкою чувствительностію» [1]).

VI.

Яковъ Емельяновичъ Шушеринъ.

(Род. 1753 † 1813).

«Я родился въ Москвѣ—разсказываетъ онъ свою біографію С. Т. Аксакову—бѣднякомъ, отъ родителей низкаго происхожденія и мало ихъ помню, особенно мать, которой я лишился въ ребячествѣ. Отецъ мой былъ приказнаго званія и меня назначалъ къ тому же, для чего и былъ я выученъ грамотѣ, хотя на мѣдныя деньги, но по-тогдашнему лучше другихъ». Въ другомъ мѣстѣ, онъ говоритъ Макарову: «приходскій дьячекъ показалъ мнѣ письмо неправильное, крючкотворное, по моему отцу этотъ почеркъ нравился: онъ самъ занимался приказнымъ порядкомъ и, не слушая выходокъ покойнаго Александра Петровича Сумарокова (котораго онъ читывалъ однакожъ), съ радостью бы отдалъ меня въ любую воеводскую канцелярію. Не имѣя прописей, онъ заставлялъ меня копировать драматическіе опыты св. Димитрія Ростовскаго, не знаю, гдѣ-то онъ пріобрѣлъ ихъ въ рукописи правильной, некрючкодѣйственной, и вотъ эти-то святыя рукописи дали мнѣ первое понятіе о театрѣ» [2]). Значитъ, это было первое зерно, упавшее на добрую землю.

На восемнадцатомъ году онъ лишился отца, скончавшагося во время знаменитой московской чумы. Смерть отца не произвела на него никакого впечатлѣнія, и появленіе чумы нисколько его не испугало. Онъ самъ хоронилъ отца, прикасаясь къ нему голыми руками и упросилъ полицейскихъ не сжигать его платья и вещей, а подержавъ надъ дымомъ зажженнаго навоза, взялъ ихъ къ себѣ и употреблялъ

[1]) „Драмат. Вѣстникъ". Часть I, стр. 523.
[2]) М. Н. Макаровъ, Пантеонъ 1841, т. 2.

безъ всякаго вреда. Начавши свою служебную карьеру писцомъ въ присутственномъ мѣстѣ, т. е. обратившись, выражаясь языкомъ того времени, «въ приказную строку», «въ крючка», «въ крапивное сѣмя», онъ со своими товарищами-писцами повелъ разгульную жизнь. «Все свободное время мы пьянствовали и буянили. Я пилъ не меньше ихъ, а буянилъ втрое больше; но пьянъ бывалъ рѣже, потому что былъ необыкновенно крѣпокъ и вообще имѣлъ чертовское здоровье. Любимое мое удовольствіе составляли кулачные бои, на которыхъ я имѣлъ репутацію сильнаго и ловкаго бойца. Въ церковь ходилъ рѣдко, говѣлъ черезъ нѣсколько лѣтъ». «Стыдно вспомнить,—восклицаетъ онъ,—какая я былъ скотина и какую жизнь велъ!» Но сѣмя, оставленное въ душѣ его «святыми рукописями», понемногу росло. Дикую, необузданную натуру начинаетъ привлекать театръ. «Забава эта,—говоритъ онъ,—мнѣ понравилась и отчасти измѣнила мое поведеніе», и, наконецъ, овладѣла имъ до того, что ему самому захотѣлось поиграть на театрѣ. За смертью какого-то мелкаго актера онъ занимаетъ его мѣсто и дѣлается нужнымъ лицомъ въ театрѣ Медокса: переписываетъ роли, исполняетъ иногда, за нетрезвенностію суфлера, его обязанности, играетъ небольшія роли и играетъ, по его признанію, такъ скверно, что публика начинаетъ ругать его безпощадно и «онъ слышитъ своими ушами, стоя на сценѣ, какъ потчивали его въ первомъ ряду креселъ»; но эта брань и равнодушіе публики не отнимаютъ у него бодрости духа: онъ доигрывается «до маленькаго аплодисмента», до ролей болѣе значительныхъ, до прибавки жалованья и наконецъ влюбляется въ знаменитую актрису, занимавшую амплуа первыхъ любовницъ въ драмахъ и комедіяхъ—Марью Степановну Синявскую. Но въ дѣлѣ любви, если не главную, то весьма не маловажную роль играетъ физіономія, а черты лица Шушерина были не хороши: носъ небольшой, нѣсколько вздернутый кверху, широкія скулы и маленькіе сѣрые глаза, хотя и выразительные, умные, даже хитрые. Все лицо для сцены было невыгодно, потому что не имѣло рѣзкихъ чертъ, лишено было подвижности физіономіи. Онъ повелъ атаку съ другой стороны. «Достигнуть до предмета той любви,—говоритъ онъ,—было одно средство: сдѣлаться хорошимъ актеромъ, чтобы играть съ ней любовниковъ. Публика принимала ее съ восхищеніемъ, а между ею и мной лежала цѣлая морская бездна. Я не задумавшись бросился въ нее и выплылъ на другой берегъ. Прошедшее и даже настоящее тогдашнее мое поведеніе опротивѣли мнѣ. Я не перемѣнился, а переродился».

Онъ сталъ искать расположенія тогдашнихъ актеровъ, пользоваться ихъ совѣтами, вмѣсто кутежей и попоекъ съ утра до вечера читалъ или писалъ, чтобы зарабатывать деньги, вечера проводилъ въ театрѣ; чтобы одѣваться щегольски и пріобрѣтать книги, отказывалъ себѣ во всемъ—пилъ воду, ѣлъ щи да кашу. Въ продолженіе трехъ лѣтъ, работая, какъ лошадь, онъ уже сталъ считаться хорошимъ актеромъ и игралъ роли вторыхъ любовниковъ, а иногда и первыхъ. Роль арапа Ксури, въ комедіи Коцебу «Попугай», выдвинула его на первый планъ и помогла ему окончательно перейти на роли первыхъ любовниковъ. Онъ былъ осыпанъ за эту роль аплодисментами и въ первый разъ въ жизни вызванъ. «Право, я думаю,—говоритъ онъ,—что прапорщикъ не такъ бы обрадовался генеральскому чину, какъ я этому вызову». Съ этого времени все перемѣнилось: ему назначили жалованье въ высшемъ размѣрѣ, назначили роли первыхъ любовниковъ, даже въ трагедіяхъ, и спустя два года онъ сдѣлался любимцемъ публики и первымъ актеромъ московскаго театра.

— А что же любовь? — спрашиваетъ его Аксаковъ.

— Любовь, братъ? Выдохлась, или, вѣрнѣе сказать, перешла въ любовь къ театру. Притворные любовники въ драмахъ и комедіяхъ убили настоящаго.

Слава его, какъ даровитаго актера, все росла и росла. Къ нему, бывши въ Москвѣ, благосклонно отнесся Дмитревскій, объ немъ стало извѣстно въ Петербургѣ, и Комитетъ, управлявшій въ то время зрѣлищами и музыкою, «имѣя (1785 г. октября 27) разсужденіе о недостающемъ количествѣ при россійскомъ театрѣ актеровъ и актрисъ, также для оперъ пѣвицъ, въ коихъ при всѣхъ онаго театра зрѣлищахъ настоитъ необходимая надобность, постановилъ: для приведенія національнаго театра въ совершенство людьми, имѣющими въ ономъ достойные таланты, принять въ службу къ россійскому здѣшнему театру, по желанію, находящагося нынѣ при московскомъ россійскомъ же театрѣ актера Якова Шушерина съ жалованьемъ въ годъ по семисотъ рублей (а Шушеринъ говорилъ, что ему предложили 2.000 руб. ас. и полный бенефисъ въ зимній карнавалъ)[1]) съ тѣмъ, чтобы онъ игралъ здѣсь всякія роли, до его амплуа принадлежащія, или какія ему, по нуждѣ, для блага театра, приказаны будутъ, сверхъ того дать ему квартиру казенную, а на дрова деньгами противу прочихъ россійскихъ актеровъ. И для того онаго актера Якова Шушерина причислить въ службу театральной Дирекціи, въ труппу россійскихъ актеровъ». Это постановленіе было исполнено въ мартѣ 1786 г. Вмѣстѣ съ нимъ были ангажированы съ московской сцены на петербургскую — актеръ Померанцевъ, съ женою Анною, пѣвица Соколовская, актрисы Ульяна Синявская и Надежда Каллиграфова[2]).

Хотя дебюты его на петербургской сценѣ были и удачны, но онъ не скоро могъ завладѣть симпатіями публики, у которой, по его словамъ, всегда было какое-то предубѣжденіе и даже презрѣніе къ московскимъ актерамъ Медоксова театра, и онъ снова (3 августа 1791 года) перешелъ на театръ Медокса.

Ангажированный вновь на петербургскую сцену (1800 г. ноября 30), онъ долженъ былъ вступить въ соперничество съ Яковлевымъ, на котораго впослѣдствіи горько жаловался Аксакову.

«Онъ и теперь ничего не смыслитъ въ театральномъ искусствѣ, а тогда былъ совершенный мужикъ, сидѣлецъ изъ-за прилавка. Я не хочу запираться и увѣрять, что успѣхъ Яковлева не былъ мнѣ досаденъ. Скажу откровенно, что онъ чуть не убилъ меня. Публика, начинавшая меня цѣнить и любить, вдругъ ко мнѣ охладѣла, такъ что, еслибъ не надежда на пенсію, на кусокъ хлѣба подъ старость, то я не остался бы ни одной недѣли въ Петербургѣ. Стыдно было играть! Въ той самой роли, въ которой, за двѣ недѣли, встрѣчали и провожали меня аплодисментами — никто ни разу не хлопнетъ, да еще не слушаютъ, а шумятъ, когда говоришь. Положимъ, Яковлевъ талантъ, да за что же оскорблять меня, который уже нѣсколько лѣтъ доставлялъ публикѣ удовольствіе. И добро бы это былъ истинный артистъ, а то вѣдь одна только наружность. Всѣ думали, что я не выдержу такого афронта и возвращусь въ Москву, которая нѣкогда носила меня на рукахъ, но Богъ подкрѣпилъ меня. Много ночей провелъ я безъ сна, думалъ, соображалъ и рѣшилъ — не уступать. Сдѣлалъ планъ, какъ вести себя, и крѣпко его держался». Планъ былъ очень простой: уступивши нѣкоторыя молодыя роли Яковлеву,

[1]) Аксаковъ, стр. 101.

[2]) Документы Архива №№ 285, 296.

который въ то время велъ невоздержную жизнь и лишился покровительства Дмитревскаго, онъ сталъ крѣпче держаться за тѣ роли, въ которыхъ его искусство могло соперничать съ дарованіемъ и выгодной наружностію Яковлева. Онъ постоянно изучалъ эти роли и довелъ ихъ до возможнаго совершенства и этимъ снова расположилъ къ себѣ охладѣвшую къ нему публику.

Впослѣдствіи Шушеринъ измѣнилъ нѣсколько свой взглядъ на Яковлева, и отдалъ должному должное.

Въ 1811 году онъ получилъ пенсіонъ, вышелъ въ отставку и переѣхалъ на постоянное жительство въ свой родной городъ—Москву, гдѣ купилъ себѣ небольшой домикъ и поселился въ немъ со старинным и неизмѣннымъ своимъ другомъ—актрисой Надеждой Осдоровной Каллиграфовой. «Домикъ былъ премиленькій, — пишетъ Аксаковъ:—отдѣланъ съ большимъ вкусомъ; петербургская мебель, шканы съ книгами и фарфоромъ, картины, часы, все это уставлено такъ ловко, такъ уютно, что точно было сдѣлано нарочно по стѣнамъ этого дома. Шушеринъ былъ радъ своему дому, буквально какъ ребенокъ, который радъ игрушкѣ, у него не бывалой! «Понимаешь ли ты это счастіе: имѣть на старости лѣтъ свой уголъ, свой собственный домъ, купленный на деньги, нажитыя собственными трудами?» Но не долго пришлось ему насладиться спокойствіемъ. Осенью 1812 г. «во время торжественнаго жертвоприношенія Москвы на алтарь русскаго патріотизма», по выраженію С. П. Глинки, домъ его сгорѣлъ со всѣмъ имуществомъ. По возвращеніи изъ Рязани, куда онъ удалился на время пребыванія войска Наполеона въ Москвѣ, онъ нашелъ отъ своего дома одни развалины и вскорѣ, заразившись тифозной горячкой, скончался. Вслѣдъ за нимъ скончалась и другъ его — Надежда Осдоровна Каллиграфова.

Вотъ отзывы о его сценической дѣятельности его современниковъ.

М. И. Макаровъ пишетъ «о незабвенномъ своемъ знакомцѣ артистѣ».

«Репертуаръ Шушерина принадлежалъ къ числу самыхъ огромныхъ репертуаровъ. Въ «Беверлеѣ» (на петербургской сценѣ) онъ игралъ Беверлея, въ Москвѣ въ той же трагедіи друга семейства Беверлеева и любовника сестры его Генріетты. Въ «Донскомъ» и «Пожарскомъ» трагедіяхъ Озерова и Крюковскаго, онъ занималъ, съ отличнымъ успѣхомъ, роли Димитрія и Пожарскаго. Въ «Безбожномъ», въ лицѣ благороднаго Гравиля, онъ отличался въ сценахъ съ Плавильщиковымъ. То же можно сказать объ игрѣ его въ Озерова «Эдипѣ» и особенно въ Княжнина «Росславѣ»; кто не видалъ въ этихъ трагедіяхъ Шушерина, тому никакъ не растолкуешь, что такое значила наша русская «классическая» трагедія».

Перейдемъ теперь къ драмѣ и скажемъ нѣсколько словъ о чисто-драматической игрѣ Шушерина. Его торжествомъ были: «Бѣдность и благородство души» (роль Цедерштрема), «Эдалія», Мейнау, «Евгенія», «Эмилія Галотти» (по переводу Н. М. Карамзина), «Клейнсбергъ», «Ланерузъ», «Душою правъ, а на дѣлѣ виноватъ», «Ненависть къ людямъ и раскаяніе», «Честный преступникъ», «Велизарій», «Генералъ Шлейнегеймъ», «Отецъ семейства», и проч. Во всѣхъ драмахъ, гдѣ только игралъ Шушеринъ (на московскомъ театрѣ) съ Плавильщиковымъ, съ Номерацевымъ и съ Сахаровымъ — наша драма русская была неподражаемо. Въ «Попугаѣ», занимая роль негра «Кеури», актеръ нашъ единодушно назвалъ былъ удивительнымъ!

Старинный репертуаръ, составленный изъ всѣхъ трагедій «Сумарокова», во всѣхъ его главныхъ роляхъ, принадлежалъ собственно Шушерину и Плавильщикову; ими только онѣ держались слишкомъ долго на сценахъ нашихъ театровъ. Съ другими актерами давно бы этотъ сумароковскій репертуаръ опустѣлъ въ Лету.

Отъ трагическаго и драматическаго репертуара Шушерина обращаюсь къ безчисленному множеству играныхъ имъ комедій, вотъ имена ихъ: «Неслыханное диво или честный секретарь» (Судовщикова). Тутъ секретарь бывалъ въ лицѣ Шушерина именно «неслыханнымъ» дивомъ. «Лебедянская ярмарка» (Коньева); «Ошибки» (Муравьева); «Походъ подъ шведа». Чуденъ въ этой пьесѣ бывалъ Шушеринъ Екатерининскимъ гвардейцемъ-аристократомъ! Каждый разъ въ немъ угадывали то того, то другого воина. Игрокъ въ пьесѣ: «Братомъ проданная сестра» (Коньева) также представлялъ лицо, составленное великимъ артистомъ именно по мѣркѣ своего вѣка; франтъ-негодяй тѣхъ дней, живописенъ необыкновенная, и особенно при добрыхъ достоинствахъ сердца этого франта-негодяя, при его аристократизмѣ, нынче, для насъ, почти нѣчто неуловимое, а безъ примѣровъ даже непонятное! За симъ слѣдуютъ по репертуару Шушерина: «Что наше, того намъ и не надо» (Коньева); какъ тутъ безподобенъ Шушеринъ-Причудинъ! Далѣе: «Сибиряки» (Плавильщикова); «Только шесть блюдъ», «Чудаки и хвастуны» (Княжнина); но перескажешь ли все о достоинствахъ Шушерина?

Коцебу, весь безъ изъятія, былъ у насъ только въ двухъ рукахъ: у Номерацева и у Шушерина, онъ былъ причиною необыкновеннаго его успѣха и—Коцебу, довольный Шушеринымъ, писалъ ему два или три раза благодарность [1]).

С. Н. Глинка въ своихъ запискахъ: «Шушеринъ въ искусственности превосходилъ даже Плавильщикова. Въ трагедіи онъ всегда былъ на ходуляхъ. Онъ разсчитывалъ не только каждый шагъ, каждое движеніе, но, кажется, и каждую паузу между словами. Всѣ свои роли твердилъ онъ передъ зеркаломъ и до тѣхъ поръ повторялъ ихъ такимъ образомъ, пока извѣстный жестъ, или выраженіе лица, при извѣстномъ словѣ, обращались ему въ машинальную привычку. Онъ, такъ сказать, не игралъ, но повелѣвалъ надъ собою на сценѣ (il se gouvernait). Голосъ, осанка, движенія, — все было въ немъ до такой степени трагико-вычурное, что часто переходило не только за предѣлы натуры, но даже и правдоподобія. И при всѣхъ недостаткахъ, Шушеринъ былъ великій артистъ. Да, великій! потому что его недостатки были неотъемлемою потребностью вѣка, который во всемъ искалъ одного наружнаго проявленія, а надъ глубинами души человѣческой скользилъ съ французскою легкостью и безотчетностью. Вѣкъ этотъ родился во Франціи, въ блистательное царствованіе Людовика XIV, и отсюда жилы его разлились по цѣлой Европѣ. Шушеринъ, какъ и Плавильщиковъ, дѣлался человѣкомъ только тогда, какъ сбрасывалъ тогу и переходилъ въ мѣщанство, т. е. въ драму. Въ «Сынѣ любви» Коцебу—онъ очаровывалъ зрителей глубиною чувства и простотою выраженія; въ роли негра Кеури, въ «Попугаѣ» — того же Коцебу, онъ былъ неподражаемъ. Въ улыбкѣ Шушерина скрывалась какая-то язвительная насмѣшка, много хитрости и лукавства. Въ комнатѣ онъ былъ нехорошъ собою, на сценѣ – красавецъ. Глаза его походили на огледыванія жерла. Часто вмѣсто

[1]) Пантеонъ, 1841, часть 2.

словъ — онъ отвѣчалъ однимъ взглядомъ, одной улыбкой, и выше этого краснорѣчія не могла стать ни одна классическая фраза. Такія минуты были блистательнѣйшими въ его игрѣ. Характеръ Шушерина отличался пылкостью и рѣшительностью. Съ московской сцены онъ перешелъ на петербургскую, гдѣ блистательно началъ свое поприще. Здѣсь лучшими его ролями почитались—Христіерна, Ярба, Варуцкаго; а игра его въ «Царѣ Эдипѣ» и «Королѣ Лирѣ» (въ то время еще Леарѣ), была вѣчнымъ торжествомъ для художника. Никто изъ знаменитѣйшихъ актеровъ того времени не смѣлъ взяться за эти двѣ роли, почитая Шушерина—неподражаемымъ».

С. П. Жихаревъ съ большой похвалой отзывается о Шушеринѣ въ роли Эдипа и говоритъ, что Озеровъ всѣмъ успѣхомъ своей трагедіи обязанъ единственно ему [1]).

По возвращеніи въ Москву, Шушеринъ два раза появлялся на московской сценѣ (въ 1812 г.). Въ первый разъ въ роли арапа Ксури («Попугай», ком. Коцебу) въ бенефисъ московскихъ актеровъ Мочалова (отца знаменитаго трагика) и Злова; второй — въ роли Ярба (трагед. «Дидона»), по предложенію дирекціи. Вся Москва собралась смотрѣть, какъ шестидесятитрехъ-лѣтній старикъ сыграетъ восемнадцати-лѣтняго арапа.

«Громъ рукоплесканій, пишетъ С. Т. Аксаковъ, продолжался нѣсколько минутъ, когда показался на сценѣ Ксури. Спина устала у бѣднаго Шушерина отъ поклоновъ на всѣ стороны; онъ же раскланивался по-старинному. Съ жадностью глоталъ я каждое его слово, ловилъ каждое движеніе, и вотъ что скажу объ его мастерскомъ исполненіи этой весьма незначительной роли. Начну съ того, что Шушерина нельзя было узнать. Голосъ, движеніе, произношеніе, фигура — все это принадлежало совершенно другому человѣку; разумѣется, чернота лица и костюмъ помогали этому очарованію. Передо мною бѣгалъ не старикъ, а проворный молодой человѣкъ; его звучный, но еще какъ будто неустановившійся молодой голосъ, которымъ свободно выражались удивленіе, досада и радость дикаря, перенесеннаго въ Европу, раздавался по огромному театру, и его робкій шопотъ, къ которому онъ такъ естественно переходилъ отъ громкихъ восклицаній — былъ слышенъ вездѣ. Какая-то ребяческая невинность, искренность были видны во всѣхъ его тѣлодвиженіяхъ и ухваткахъ! Какъ мастерски подрисовалъ онъ себѣ глаза, сдѣлалъ ихъ большими и на выкатѣ. Какъ онъ умѣлъ одѣться и стянуться! Ни малѣйшей полноты его лѣтъ не было замѣтно. Всѣ видѣли здороваго, крѣпкаго, но молодаго негра. Однимъ словомъ, это было какое-то чудо, какое-то волшебство, и публика вполнѣ предалась очарованію. Увидѣвъ на сценѣ Шушерина въ роли Ксури, я понялъ, отчего за тридцать лѣтъ передъ симъ онъ имѣлъ такой блистательный успѣхъ, отчего пичтожная роль составила ему тогда первоначальную славу».

Объ исполненіи роли Ярба Аксаковъ говоритъ:

«Что сказать о цѣломъ исполненіи этой, по истинѣ, нелѣпѣйшей роли. Цѣльное исполненіе ея невозможно. Ярбъ долженъ буквально биться всѣ четыре акта, на что, конечно, не достанетъ никакого огня и чего никакія человѣческія силы вынесть не могутъ, а потому Шушеринъ, для отдыха, для избѣжанія однообразія, нѣкоторыя мѣста игралъ слабѣе. О цѣльности характера, о драматической истинѣ

[1]) Восп. ст. театрала. „От. Зап.“ 1854, № 10.

представляемаго лица тутъ не было и помину. И такъ можно сказать, что всѣ тѣ мѣста ярости, бѣшенства и жажды мщенія, въ которыхъ Шушеринъ давалъ себѣ полную свободу, были превосходны, страшны и увлекательны. Я былъ пораженъ изумленіемъ отъ начала до конца пьесы, восхищаясь и увлекаясь искусствомъ, которое, властвуя неистощимымъ огнемъ души артиста, умѣло вливаться въ эти варварскіе стихи, въ эту безсмысленную дребедень какихъ-то страстей и чувствъ. Только великій артистъ могъ производить въ этой пьесѣ такое впечатлѣніе, какое производилъ Шушеринъ» [1]).

Князь А. А. Шаховской, въ своей Лѣтописи русскаго театра, дѣлаетъ такую оцѣнку Шушерину:

«Онъ пользовался совѣтами Дмитревскаго и заимствовалъ театральныя приличія у французскихъ актеровъ, отчего пріобрѣлъ довольно ловкости въ высокой комедіи и благовидности въ трагедіи. У него не было недостатка въ чувствительности; но онъ часто затемнялъ сердечный жаръ, по его мнѣнію—искусствомъ, а по словамъ Дмитревскаго—мишурствомъ, которое однакожъ, хотя уже подъ старость, превратилось въ чистое золото, когда, возбужденный истинно трагическимъ даромъ Озерова, онъ создалъ роли Эдипа и Старна и былъ хорошъ въ королѣ Лирѣ. Особенно въ одно представленіе онъ восхитилъ меня необыкновенною простотою, естественностью игры и умилительностью говора» [2]).

VII.

Алексѣй Семеновичъ Яковлевъ.

(Род. 1773 † 1817).

Сынъ костромского купца. Родился въ Петербургѣ. На второмъ году отъ рожденія лишился отца, а на седьмомъ матери, которая оставила ему небольшое состояніе, поручивши его попечительству своего зятя, купца Шапошникова. Учился онъ грамотѣ у просвирни Вознесенской церкви, а потомъ былъ отданъ въ народное училище, по выходѣ изъ котораго, тринадцати лѣтъ отъ роду, по купеческому обыкновенію, пристроенъ былъ въ лавку сидѣльцемъ. Здѣсь онъ сдружился съ сосѣдомъ по лавкѣ, тоже сидѣльцемъ, торговавшимъ шляпнымъ товаромъ—Жебелевымъ, и вмѣстѣ они стали ходить въ театръ. У Яковлева необыкновенно быстро развилась страсть къ драматическому искусству, и товарищи начали «въ молодцовской» [3]) разыгрывать трагедіи и читать оды. Опекуну, разумѣется, это не нравилось. Придя въ совершеннолѣтній возрастъ, молодой сидѣлецъ взялъ у своего опекуна деньги, оставленныя ему его матерью, и сталъ торговать самостоятельно галантерейнымъ товаромъ, сначала въ зеркальной линіи Гостинаго двора, а потомъ снялъ «шкапикъ» на Биржѣ и открылъ торговлю мелочнымъ товаромъ и картинками. Случайно услыхалъ декламирующаго какую-то трагедію торговца любитель россійской словесности, чиновникъ казенной палаты, Николай Ивановичъ Перепечинъ, авторъ комической оперы «Торжество добронравія надъ красотою», съ которымъ вмѣстѣ служилъ писцомъ безсмерт-

---

[1]) Полн. собр. соч. Аксакова, III, стр. 117, 121.

[2]) Репертуар. русскаго театра, 1840, т. 2.

[3]) „Молодцовской“ въ купеческихъ домахъ называется комната, гдѣ живутъ приказчики и сидѣльцы.

ный Иванъ Андреевичъ Крыловъ [1]). Онъ познакомился съ нимъ, сталъ приглашать его къ себѣ, руководилъ его въ правилахъ стихотворства, и первымъ плодомъ этого руководительства была пьеса, написанная Яковлевымъ, «Отчаянный любовникъ, трагическое происшествіе» (напечатана въ 1793 г.); Перепечинъ представилъ его и старцу Дмитревскому. Пораженный его прекрасной наружностію и звучнымъ голосомъ, Дмитревскій убѣдилъ его поступить на сцену и сталъ заниматься съ нимъ драматическимъ искусствомъ.

Послѣ трехъ дебютовъ (1794 г.): 1 іюня, въ роли Оскольда (траг. Сумарокова «Семиръ»), 2 іюля въ роли Доранта (комед. «Ревнивый») и 20 іюля, въ роли Синава, Яковлевъ былъ принятъ въ число придворныхъ актеровъ. «С.-Петербургскаго купца Алексѣя Яковлева,— говорится въ опредѣленіи, подписанномъ княземъ Юсуповымъ,—какъ онъ желаніе имѣетъ служить при театрѣ и, по предварительному испытанію, актеромъ быть можетъ, въ театральную Дирекцію принять. Въ продолженіи бытности его, Яковлева, актеромъ, доколѣ въ службѣ сей Дирекціи существовать будетъ и отъ купечества къ другимъ занятіямъ не выберутъ, играть ему безпрекословно въ трагедіяхъ и комедіяхъ первыя и вторыя роли, которыя отъ Дирекціи приказаны ему будутъ» [2]).

Всѣ біографы Яковлева единогласно говорятъ, что онъ былъ любимѣйшимъ ученикомъ Дмитревскаго. Жихаревъ, находившійся въ дружескихъ отношеніяхъ съ тѣмъ и другимъ, отрицаетъ это. Онъ говоритъ: «Яковлевъ не былъ не только учеником Дмитревскаго, но даже подражателемъ его, потому что, по своей своенравной натурѣ, онъ съ самаго вступленія на сцену не хотѣлъ слушать Дмитревскаго». «Хорошо или дурно буду играть, говорилъ онъ, о томъ пусть рѣшаетъ публика, а ужъ обезьяной никогда не буду».

Дмитревскій и Яковлевъ были совершенные антиподы въ отношеніи къ дарованіямъ, мыслямъ, чувствованіямъ и воззрѣніямъ на искусство.

Яковлевъ явился на сценѣ звѣздою первой величины и съ самаго почти появленія на сценѣ затмилъ своего предшественника—Шушерина, перешедшаго на московскую сцену, и заставилъ почти забыть самого Дмитревскаго. Чрезвычайный успѣхъ новаго актера, какъ ни несогласенъ былъ съ видами Дмитревскаго, однакожъ умный старикъ, разсчитывая, что съ расположеніемъ публики къ молодому артисту шутить не безопасно, принялся ему покровительствовать изо всѣхъ силъ, и своенравнаго двадцатитрехъ-лѣтняго юношу провозгласилъ подъ рукою лучшимъ и любимѣйшимъ ученикомъ своимъ, присовокупивъ, однакожъ, къ тому, что онъ упрямецъ и большой «неслухъ» [3]).

Лучшими его ролями современники его считали Синава, въ трагедіи Сумарокова «Синавъ и Труворъ»; Рослава, въ трагедіи Княжнина; Танкреда, въ трагедіи Вольтера, пер. Гнѣдича; Гамлета и Отелло, князя Пожарскаго, траг. Крюковскаго; но вѣнцомъ его сценической славы была роль Димитрія Донского—въ трагедіи Озерова. Вотъ что о первомъ представленіи этой трагедіи записъ въ свой «Дневникъ чиновника» С. П. Жихаревъ:

«15 января 1807 г. Вчера, по возвращеніи изъ спектакля, я такъ былъ взволнованъ, что не въ силахъ былъ приняться за перо; да, признаться, и теперь еще опомниться не могу отъ тѣхъ ощущеній,

[1]) Л. Н. Майковъ „Первые шаги И. А. Крылова на литературномъ поприщѣ".
[2]) Докум. архива, № 389.
[3]) Воспом. стар. театр. „От. Зап.", 1854, № 10, стр. 99—103.

которыя вынесъ съ собою изъ театра. Боже мой, Боже мой! Что это за трагедія «Дмитрій Донской» и что за Дмитрій-Яковлевъ! Какое дѣйствіе производитъ этотъ человѣкъ на публику — это непостижимо и невѣроятно! Я сидѣлъ въ креслахъ и не могу отдать отчета въ томъ, что со мною происходило. Я чувствовалъ стѣсненіе въ груди, меня душили спазмы, била лихорадка, бросало то въ ознобъ, то въ жаръ: то я плакалъ навзрыдъ, то аплодировалъ изо всей мочи — словомъ, безумствовалъ, какъ безумствовала, впрочемъ, и вся публика, до такой степени многочисленная, что буквально некуда было уронить яблока. Въ ложахъ сидѣло человѣкъ по десяти, а партеръ былъ набитъ биткомъ съ трехъ часовъ пополудни; были любопытные, которые, не успѣвъ добыть билетовъ, платили по десяти рублей и болѣе за мѣсто въ оркестрѣ между музыкантами. Всѣ особы высшаго общества, разубранныя и разукрашенныя, какъ будто на какое-нибудь торжество, помѣщались въ ложахъ бельэтажа и въ первыхъ рядахъ креселъ, и, несмотря на обычное свое равнодушіе, увлекались общимъ восторгомъ.

«Яковлевъ открылъ сцену. Съ перваго произнесеннаго имъ стиха: «Россійскіе князья, бояре и пр.», всѣ обратились въ слухъ, и общее вниманіе напряглось до такой степени, что никто не смѣлъ пошевелиться, чтобъ не пропустить ни одного слова, но при стихѣ:

Бѣды платить врагамъ настало нынѣ время!

вдругъ раздались такія рукоплесканія, что Яковлевъ принужденъ былъ остановиться. Въ послѣдней сценѣ трагедіи, когда, послѣ побѣды надъ татарами, Дмитрій, израненный и поддерживаемый собравшимися вокругъ его князьями, становится на колѣни и произноситъ молитву:

По первый сердца долгъ къ Тебѣ, Царю царей!
Всѣ царства держатся десницею Твоей:
Прославь и утверди и возвеличь Россію,
Какъ прахъ земной сотри враговъ кичливу выю,
Чтобъ съ трепетомъ сказать иноплеменникъ могъ:
Языки! Вѣдайте: великъ россійскій Богъ!

Яковлевъ превзошелъ себя. Какое чувство и какая истина выраженія. Я думалъ, что театръ обрушится отъ ужасной суматохи, произведенной этими послѣдними стихами».

Если отзывъ Жихарева можно считать пристрастнымъ и преувеличеннымъ, то ужъ никакъ нельзя заподозрить въ пристрастіи къ Яковлеву его завистливаго соперника по искусству—Якова Емельяновича Шушерина, который самъ участвовалъ въ этомъ спектаклѣ и разсказывалъ С. Т. Аксакову такъ:

«Я игралъ ничтожное лицо князя Бѣлозерскаго, а Яковлевъ — Дмитрія Донского. Эта роль была его тріумфъ; она возстановила его нѣсколько пошатнувшуюся славу, и восторгъ публики выходилъ изъ всякихъ предѣловъ. Много способствовало блистательному успѣху Яковлева то, что тогда были военныя обстоятельства: всѣ сердца и умы были настроены патріотически, и публика сдѣлала примѣненіе Куликовской битвы къ ожидаемой битвѣ нашихъ войскъ съ французами. Когда, благодаря за побѣду, Дмитрій Донской становится на колѣни и, простирая руки къ небу, говоритъ:

По первый сердца долгъ и пр.,

такой энтузіазмъ овладѣлъ всѣми, что нѣтъ словъ описать его. Я ду-

малъ, что стѣны театра развалятся отъ хлопанья, стука и крика. Многіе зрители обнимались, какъ опьяненные, отъ восторга. Сдѣлалось до тѣхъ поръ неслыханное дѣло: закричали «фора» въ трагедіи. Наконецъ, изъ первыхъ рядовъ креселъ начали кричать: «повторить молитву», и Яковлевъ вышелъ на авансцену, всталъ на колѣни и повторилъ молитву. Восторгъ былъ такой же, и надо сказать правду, что величественная фигура Яковлева въ древней воинской одеждѣ, его обнаженная отъ шлема голова, прекрасныя черты лица, чудесные глаза, устремленные къ небу, его голосъ громозвучный и гармоническій, сильное чувство, съ какимъ онъ произносилъ эти превосходные стихи—были точно увлекательны» [1]).

Съ восторгомъ тоже отзываются современники объ исполненіи имъ роли Мейнау, въ драмѣ Коцебу «Ненависть къ людямъ и раскаяніе».

«Чѣмъ больше вижу Яковлева,—отмѣчаетъ Жихаревъ въ «Дневникѣ чиновника», тѣмъ больше удивляюсь этому человѣку. Сегодня онъ поразилъ меня въ роли Мейнау, въ драмѣ «Ненависть къ людямъ и раскаяніе». Какой талантъ! Какъ мастерски игралъ онъ нѣкоторыя сцены, и особенно ту, въ которой Мейнау обращается къ слезамъ, невольно выкатившимся изъ глазъ его при воспоминаніи объ измѣнѣ жены и объ утратѣ вмѣстѣ съ нею блаженства всей своей жизни! Съ какимъ неизъяснимымъ и неподдѣльнымъ чувствомъ произнесъ онъ эти немногія слова: «милости просимъ, давно не бывалые гости!»—слова, которыя заставили плакать навзрыдъ всю публику; а нѣмая сцена внезапнаго свиданія съ женою, когда, только-что перешагнувъ порогъ хозяйскаго кабинета, онъ неожиданно встрѣчаетъ жену и вдругъ, затрепетавъ, бросается стремглавъ назадъ—эта сцена верхъ совершенства! Я никогда не воображалъ, чтобъ актеръ, безъ всякой театральной иллюзіи, безъ параднаго костюма, одною силою таланта могъ такъ сильно дѣйствовать на зрителей. Одно, въ чемъ упрекнуть его можно—это въ совершенномъ пренебреженіи своего туалета. Городской костюмъ ему не дался, и всякій нѣмецкій сапожникъ одѣтъ лучше и приличнѣе, чѣмъ былъ на сценѣ онъ, знаменитый любимецъ Мельпомены».

Другой его современникъ пишетъ: «Ненависть къ людямъ и раскаяніе» была любимѣйшею пьесою публики и превосходнѣйшею ролью Яковлева. Никакое каменное сердце не могло противустать послѣдней сценѣ свиданія супруговъ. Безъ риторической фигуры можно было сказать, что это былъ ручей слезъ, исторгаемый у зрителей прекрасною игрою Яковлева и Каратыгиной. Тутъ Яковлевъ впервые былъ настоящимъ актеромъ, потому что, глубоко проникнутый своей ролью, онъ передалъ зрителю всѣ свои чувства и мысли. Онъ уже былъ не въ живописномъ костюмѣ, уже не распѣвалъ шестистопные стихи, не рисовался къ приготовленнымъ эффектамъ: онъ былъ одѣтъ въ сюртукѣ и говорилъ просто и трогательно» [2]).

Шушернымъ, ужъ будучи въ отставкѣ, говорилъ, что съ Яковлевымъ начинается новая эра въ трагедіи. «Предчувствуется, что «вольность» Яковлева, актера, какого у насъ не было, скоро побьетъ наповалъ всѣхъ нашихъ заслуженныхъ трагиковъ! Моя современница трагедія жива, но жива жизнію подъ искусною кистью на полотнѣ, тутъ она не натура, а только картина, славная по расположенію тѣ-

---

[1]) Полн. собр. С. Т. Аксакова, т. III, стр. 107.
[2]) Біографія актера Яковлева, реперт. Песоцкаго на 1842 г., кн. 1.

пей въ краскахъ, но несбыточная на дѣлѣ жизни. Нынче же безъ «натуры» все на пенсіонъ, какъ насъ грѣшныхъ».

Бурная, невоздержная жизнь, безнадежная любовь къ одной замужней женщинѣ, постоянное возбужденіе нервовъ довели Яковлева сначала до меланхоліи, а потомъ до приступовъ бѣлой горячки, въ одинъ изъ которыхъ онъ покусился на самоубійство, порѣзавъ себѣ шею бритвой. Это было двадцать четвертаго октября 1813 г.

«Эта грустная катастрофа, — пишетъ въ своихъ запискахъ П. А. Каратыгинъ, — въ тотъ же день сдѣлалась извѣстна всему Петербургу. Всѣ классы общества были проникнуты горячимъ участіемъ и соболѣзнованіемъ къ своему любимому артисту. Старшіе воспитанники театральнаго училища, днемъ и ночью, поочередно дежурили у него на квартирѣ въ продолженіе шести недѣль, и я помню, по разсказамъ моего отца, что когда, по выздоровленіи, Яковлевъ вышелъ въ первый разъ на сцену (2 декабря того же года) въ роли Ярба («Дидона» трагедія Княжнина), то восторгъ публики дошелъ до изступленія: театральная зала дрожала отъ рукоплесканій и въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ ему невозможно было начать своей роли. Наконецъ крики и рукоплесканія умолкли; всѣ съ напряженнымъ нетерпѣніемъ ждали услышать снова знакомые звуки голоса своего любимца. Онъ силился произнести первый стихъ и не могъ. Растроганный до глубины души артистъ, можетъ-быть, въ эту торжественную минуту вполнѣ сознавалъ свою вину. Голосъ его оборвался, крупныя слезы покатились по его щекамъ, и онъ безмолвно опустилъ голову. Снова раздались рукоплесканія и крики, и, наконецъ, кое-какъ собравшись съ силами, онъ началъ свою роль. Въ этотъ вечеръ, по словамъ его современниковъ, онъ превзошелъ себя, и восторгъ публики былъ безпредѣленъ» [1]).

Но ужъ геній началъ оставлять его: появилась сипота въ голосѣ, вдохновеніе стало посѣщать его рѣже и рѣже, меланхолія возобновилась съ новою силою, роли его стали переходить къ молодому актеру Брянскому.

15 августа 1815 года, онъ неожиданно женился на дочери придворнаго музыканта, Екатеринѣ Ивановнѣ Ширяевой, воспитывавшейся въ театральномъ училищѣ, на сценѣ сталъ появляться рѣдко, и былъ случай, что по его болѣзни не могла быть доиграна трагедія «Отелло». 4 октября 1817 г., онъ въ послѣдній разъ явился въ роли Тезея, въ трагедіи «Эдипъ въ Аѳинахъ».

«Никогда артистъ нашъ,—говоритъ одинъ изъ его біографовъ,—не былъ такъ великъ и совершенъ, какъ на этотъ разъ. Зрители дышали его жизнью, жили его душой, чувствовали его сердцемъ; такъ было сильно очарованіе его игры и таланта... сладкіе звуки лебединой пѣсни задрожали въ металлическихъ переливахъ подъ сводами театра. Алексѣй Семеновичъ былъ весь проникнутъ своею ролью; рука его, казалось, замерла на карающемъ кинжалѣ ревниваго мавра, глаза обливались кровью мстителя; но сердце вслушивалось въ печальный звукъ, высказывавшій все предчувствіе души, угадавшей свое страшное будущее. Вдругъ синеватая блѣдность покрыла лицо артиста... шатаясь, съ помутившимся взоромъ, хотѣлъ онъ приступить къ послѣдней сценѣ, но ноги его задрожали, кровь прилила къ головѣ и онъ, безъ чувствъ, рухнулся на полъ... Почти полумертваго его отнесли домой».

---

[1]) Записки П. А. Каратыгина, стр. 45—46.

Яковлевъ слегъ и уже не вставалъ болѣе. 3-го ноября 1817 года его посѣтилъ Дмитревскій, но больной не узналъ своего учителя и благодѣтеля: онъ былъ въ бреду. Въ тотъ же день онъ скончался,— на сорокъ четвертомъ году отъ рожденія.

Ровно за два мѣсяца до его кончины, какъ бы на смѣну ему, на сценѣ московскаго театра, 4 сентября 1817 года, взошла новая драматическая звѣзда: въ роли Полиника, въ трагедіи «Эдипъ въ Аѳинахъ», дебютировалъ величайшій трагическій актеръ Павелъ Степановичъ Мочаловъ.

Всѣ біографы Яковлева, его современники [1]), преклоняясь предъ величіемъ его таланта, вскрываютъ скорбную страницу его жизни и ставятъ ему въ упрекъ его разгульную жизнь и недостаточность образованія.

С. Т. Жихаревъ беретъ его подъ свою защиту. Онъ говоритъ: «Мы не имѣемъ права входить въ частную жизнь актера, слѣдить за его поступками и разбирать ихъ внѣ театральной залы. Но ужъ если мы рѣшились на такой подвигъ, то будемъ разбирать его какъ человѣка, всего, стараясь указывать не на одни только его слабости и недостатки, безъ которыхъ не родятся люди, но и на добрыя его качества, которыя также болѣе или менѣе свойственны всѣмъ людямъ. Правда, Яковлевъ имѣлъ пристрастіе къ крѣпкимъ напиткамъ, или, вѣрнѣе, къ тому состоянію самозабвенія, которое производитъ опьяненіе (онъ не зналъ никакого вкуса въ винѣ и не пилъ его, какъ пьютъ другіе—понемногу, какъ говорится, смакуя—но выпивалъ налитое вдругъ, залпомъ, какъ бы желая залить снѣдающій его пожаръ); но за то какими прекрасными и возвышенными качествами души и сердца искупалъ онъ эту слабость. Онъ былъ уменъ (не говорю: разсудителенъ), добръ, чувствителенъ, честенъ, благороденъ, справедливъ, щедръ, набоженъ, одаренъ пылкимъ воображеніемъ и— трезвый—задумчивъ, скроменъ и простъ, какъ дитя. Не имѣй Яковлевъ этой слабости, онъ, кажется, былъ бы совершеннымъ. Да не подумаютъ, что всѣ исчисленныя мною качества были съ моей стороны произвольнымъ и ни на чемъ не основаннымъ панегирикомъ— нѣтъ, я могу сослаться въ томъ на многихъ живыхъ еще людей, которые вмѣстѣ со мною были свидѣтелями его христіанскихъ подвиговъ. Отдать послѣдній грошъ нуждающемуся человѣку, пристроить сѣраго сироту, похоронить на свой счетъ бѣдняку, взять на попеченіе подкидыша и обезпечить существованіе ребенка, защитить въ извѣстномъ обществѣ пріятеля отъ клеветы и все это стараться дѣлать, по писанію, въ тайнѣ—вотъ весь Яковлевъ. Почитаю обязанностію честнаго человѣка удостовѣрить примѣрами, что этотъ артистъ думалъ иногда о чемъ-нибудь важнѣйшемъ, чѣмъ о стаканѣ крѣпкаго пунша. Яковлевъ можетъ быть единственнымъ исключеніемъ изъ того правила, чтобъ актера не смѣшивать съ человѣкомъ: онъ въ совокупности былъ актеромъ и человѣкомъ превосходнымъ».

Въ своемъ «Дневникѣ чиновника» Жихаревъ такъ описываетъ наружность Яковлева:

«Ему не болѣе тридцати лѣтъ (въ 1807 г.). Онъ очень статенъ, лицо выразительное, физіономія задумчивая, голосъ очаровательный, говоритъ какъ бы нехотя, кажется—вовсе не думаетъ о томъ, о чемъ говоритъ; во всемъ существѣ его есть что-то особенное, но привлекательное, и я увѣренъ, что, несмотря на угрюмость его, онъ дол-

---

1) С. Т. Аксаковъ, Н. И. Гречъ, Ѳ. В. Булгаринъ, Р. М. Зотовъ.

женъ быть одаренъ прекрасными качествами души и сердца. Онъ, кажется, вовсе не занимается своимъ туалетомъ: волосы всклочены, галстукъ завязанъ кое-какъ, черный сюртукъ какъ будто сшитъ не по его мѣркѣ: узокъ и рукава очень коротки—точно онъ изъ него выросъ; изъ кармана торчитъ, вмѣсто носового платка, какая-то ветошка. Словомъ, въ костюмѣ его замѣтна чрезвычайная небрежность и даже отсутствіе приличія. Открытый лобъ, глаза свѣтлые и выразительные, роть небольшой, улыбка плѣнительная.

«Въ нормальномъ состояніи своемъ Яковлевъ никогда не смѣялся, всегда былъ задумчивъ и любилъ уединеніе. Бывало сидитъ себѣ на диванѣ и читаетъ Библію, всемірную исторію Плутарха или прежнія сочиненія Державина, который любилъ страстно и называлъ свыше вдохновенными. Но если трезвый онъ былъ скроменъ и молчаливъ, то подъ вліяніемъ пуншевыхъ паровъ чрезвычайно былъ эксцентриченъ. Однажды онъ пришелъ къ Державину, остановился въ дверяхъ его кабинета и громовымъ голосомъ произнесъ: «умри, Державинъ! Ты переживаешь свою славу». Великій поэтъ не зналъ, что подумать объ этой выходкѣ, и, приглашая Яковлева садиться, просилъ его объяснить, въ чемъ дѣло? «Дѣло въ томъ,—отвѣчалъ комедіантъ,—чтобъ ты, великій мужъ, слава Россіи, не писалъ больше стиховъ: будетъ съ тебя!» И вдругъ, ни съ того, ни съ сего, началъ:

О ты пространствомъ безконечный и т. д.

«Окончивъ чтеніе оды, онъ сказалъ: «Ну, теперь прощай!» И уѣхалъ» [1]).

Вдохновенный поэтъ на сценѣ, онъ былъ слабый стихотворецъ въ литературѣ. Оды Яковлева напыщены, стихъ тяжелый и неуклюжій. Впрочемъ, есть одно шутливое стихотвореніе, не вошедшее въ собраніе его сочиненій, это посланіе къ С. П. Жихареву:

Не побрезгуй, Атрей,
Вечеринкой моей,
Я прошу.

Да кутни хоть слегка:
Я для васъ индюка
Потрошу.

Выпить пунша стаканъ
Аѳанасьичъ Иванъ
Тутъ какъ тутъ.

И Сергѣй молодецъ,
И Григорій отецъ—
Оба ждутъ.

По брюзгу ты оставь
И себя поисправь:
Въ этотъ день.

Чуръ меня не корить,
Свысока городить
Дребедень.

Если по льду скользя
Не упасть намъ нельзя —
Какъ же быть?

[1]) Воспоминанія стараго театрала. „Отеч. Зап.“, 1854 г., т. II.

Чтобъ съ страстьми человѣкъ,
Не споткнувшись, весь вѣкъ
Могъ прожить?

Поневолѣ кутнешь,
Иногда и запьешъ,
Какъ змѣя

Злая сердце сосетъ,
И сосетъ, и грызетъ...
Бѣдный я!..

Сочиненія Яковлева изданы послѣ его смерти отдѣльной книжкой, съ его портретомъ и краткой біографіей, подъ заглавіемъ «Сочиненія Алексѣя Яковлева, придворнаго Россійскаго актера. Спб., въ типографіи Александра Смирдина».

VIII.

Сила Николаевичъ Сандуновъ.

(Род. 1756 † 1810).

Свѣдѣнія о происхожденіи Сандунова, о его сценической дѣятельности мы заимствуемъ изъ драматическаго альбома П. Н. Арапова, который передаетъ ихъ со словъ его родственниковъ.

Отецъ Силы Николаевича происходилъ отъ благородной грузинской фамиліи, жилъ въ Москвѣ, имѣлъ помѣстье и достаточное состояніе и нѣсколько сыновей. Сила Николаевичъ, въ ранней молодости, поступилъ на службу въ мануфактуръ-коллегію, а другой его братъ, Николай Николаевичъ, былъ впослѣдствіи оберъ-секретаремъ сената и профессоромъ гражданскаго права въ Московскомъ университетѣ. Посѣщеніе вольнаго россійскаго театра Медокса, знакомство и общеніе съ даровитыми того времени артистами Шушеринымъ, Померанцевымъ и др. воздѣйствовали на молодого человѣка,— ему было тогда не болѣе двадцати лѣтъ — и возбудили въ немъ желаніе посвятить себя драматическому искусству. Это происходило въ періодъ времени между 1776—1783 гг., но въ какомъ именно году онъ выступилъ на сцену, — съ достовѣрностью опредѣлить трудно. Сценическія его способности развились довольно скоро, потому что въ 1783 г. онъ былъ замѣченъ предсѣдателемъ Комитета для управленія зрѣлищами и музыкою А. В. Олсуфьевымъ и приглашенъ имъ на петербургскую придворную сцену, съ обязанностью «играть перваго слугу и другія приличныя ему роли въ комедіяхъ и операхъ» [1]). Престарѣлый актеръ придворной сцены Шумской долженъ былъ раздѣлить съ нимъ свое амплуа.

Появленіе Сандунова на петербургской сценѣ совпало съ тѣмъ временемъ, когда на ея подмостки начала проникать опера-буффа, «развратительница цѣломудрія русскаго театра», по выраженію лѣтописца его кн. А. А. Шаховского [2]), въ которой появились «гнилыя слова», принуждавшія «безчиннымъ хохотомъ и рукоплесканіями скромность—краснѣть, а невинность—любопытствовать», противъ которой возставала и сама Императрица. Такъ Храповицкій заноситъ въ свой дневникъ:

---

[1]) Архивъ дирекціи. Отд. II, № 169.
[2]) Лѣтопись русскаго театра. Репер. 1840 г., т. II.

«Разговоръ о дѣвкахъ театральныхъ. Отъ того погибла Франція, qu'on tombe dans la crapule et les vices: опера-буффа всѣхъ перековеркала. Смотрите за нравами» [1]).

Театральная критика того времени строго охраняла общественные нравы. Такъ, отдавая отчетъ о драмѣ «Юлія или слѣдствіе обольщенія», одинъ изъ критиковъ говоритъ: «одно названіе: «слѣдствіе обольщенія» мнѣ даже непріятно. Что за удовольствіе выводить на позорище молодую дѣвушку, которую въ старину запирали въ монастырь, а нынѣ отвозятъ въ деревню, пропустивъ слухъ, что она скончалась. На что сзывать насъ смотрѣть такую, отъ которой должно покраснѣть или отвернуться? Милостивые государи! можетъ быть, это покажется вамъ и строго, не сердитесь: у меня дочь невѣста. Что доброе перейметъ она, посмотрѣвъ на обольщенную, которая кончитъ свой романъ тѣмъ, что батюшка ея, несчастный простакъ, пошумитъ, покричитъ, поплачетъ, да выдастъ послѣ за обманщика. Изъ этого и выходитъ, что такъ или сякъ, честнымъ образомъ, или безчестнымъ, но дочка поставила на своемъ. Не хорошо! Мы привыкли смотрѣть на такихъ, которыя могутъ насъ плѣнять, занять собою и которыхъ можно поставить въ примѣръ своимъ дѣтямъ. Да и какая умная актриса согласится доброю волею представлять такую женщину, на которую зрители смотрятъ, съ насмѣшливою улыбкою разбирая, сходенъ ли станъ ея съ представляемою ею особою. Можетъ ли она побѣдить врожденный стыдъ, который есть свойство всѣхъ женщинъ — онѣ съ нимъ родятся, съ нимъ и умираютъ. Господа нѣмцы наводнили нашъ театръ обольщенными героинями, или, лучше сказать, мамзелями, а наши молодые сочинители ползутъ за ними!» Воздавая хвалу комедіи «Побѣда невинности», тотъ же критикъ говоритъ: «Казалось бы лучше, ежели бы Вѣтромысла была не матерью Миланѣ, а теткою или крестной матерью, отъ которой бы зависѣла участь Миланы, а то нечувствительность ея къ дочери выходитъ иногда изъ должныхъ границъ благопристойности, напримѣръ, тогда, когда она съ Добросердой разспрашиваетъ, гдѣ она видѣлась съ Постояномъ:

Вѣтромысла. Что же вы съ нимъ дѣлали?

Милана *(потупя глаза)*. Цѣловались, матушка...

Вѣтромысла. Только?

Милана. Ахъ! неужели вы думаете, что я васъ обманываю? И что же намъ больше дѣлать?

Вѣтромысла. Я бы ударилась объ закладъ, что этотъ малой...

Добросерда. Ахъ! сестрица, неужели думаешь...

Вѣтромысла. Я ничего не думаю, сударыня, ничего не думаю, только этотъ мужчина никогда бы не былъ моимъ мужемъ.

Можно бы эти слова совсѣмъ выкинуть изъ комедіи».

Вотъ до какой щепетильности охранялись общественные нравы тогдашней театральной критикой, которая скорбѣла, что «счастливый пріемъ развратныхъ піесъ удерживалъ успѣхи театральнаго искусства, вредилъ нравственности и имѣлъ вліяніе на образованіе сердца молодыхъ людей». Легкая французская комедія, съ своимъ нескромнымъ остроуміемъ, нашла себѣ русскихъ подражателей въ лицѣ А. П. Клушина и П. О. Эмина. Эти доморощенные драматурги «заразили тогда нашу театральную словесность и искусство до совершеннаго безстыдства, и страсть пачкать перешла и къ актерамъ.

---

[1]) Дневн. Храповицкаго. Ред. П. П. Барсукова, стр. 347.

Сандуновъ и подражатель его Сторожевъ объясняли зрителямъ взглядомъ и усмѣшкой и даже жестами грязную замысловатость авторовъ, а иногда и свою собственную, и принудили дирекцію употребить строгія мѣры для удержанія ихъ послѣдователей отъ такого безчиннаго промысла рукоплесканій» [1]). Какъ-то странно, что одинъ изъ заразителей театральной словесности, А. И. Клушинъ былъ въ то время цензоромъ и инспекторомъ русскаго театра и за поправку и приведеніе въ порядокъ драматическихъ сочиненій получалъ особую плату [2]), хотя собственныя его пьесы должна была иногда цензировать сама Контора. Такъ она доносила главному директору А. Л. Нарышкину: «Контора находитъ въ сочиненныхъ имъ (Клушинымъ) піесахъ слѣдующія обстоятельства: 1) «Худо быть близорукимъ», наполненную въ мѣстахъ неприличными выраженіями, которыя къ усмотрѣнію Вашего Высокопревосходительства подложены. 2) Вновь сочиненной оперы «Американцы» въ предисловіи выраженіе бранное, противное поставленнымъ узаконеніямъ» [3]).

Критики и лѣтописцы того времени мало оставили намъ свѣдѣній о свойствахъ таланта Сандунова, т. е. такихъ свѣдѣній, которыя оставлены ими о Дмитревскомъ, Шушеринѣ, Яковлевѣ и др. Первоисточникомъ этихъ свѣдѣній для современныхъ намъ историковъ русскаго театра служили Записки С. Н. Глинки, Лѣтопись русскаго театра кн. А. А. Шаховского и устные разсказы старожиловъ, записанные Ѳ. А. Кони. На этомъ матеріалѣ утверждались всѣ писавшіе о старомъ театрѣ. Ѳ. А. Кони передаетъ о Сандуновѣ слѣдующее: «Сандуновъ дѣйствительно былъ актеръ необыкновенный по уму гибкому и просвѣщенному, по таланту сценическому и по стойкости характера. Все то, что плѣняетъ насъ въ Бомаршѣ, досталось въ удѣлъ Сандунову: та же пылкость души, тотъ же пламень воображенія, та же язвительная острота и изворотливость ума. На сценѣ онъ былъ, какъ дома — смѣлъ, развязенъ и ловокъ. Сандуновъ былъ en vogue, т.-е. актеръ модный. Ему старались подражать въ обществѣ, такъ пріемы его были благородны и пріятны. Необыкновенный умъ Сандунова пріобрѣлъ ему столько же друзей въ свѣтѣ, и преимущественно между знатью, сколько талантъ завоевалъ сердецъ съ помостовъ сцены. Онъ былъ роста небольшого, но прекрасно сложенъ; говорилъ прищуривая глаза, но сквозь эти щелки вѣкъ вырывались язвительныя молніи; онъ высматривалъ каждое движеніе того, съ кѣмъ говорилъ и, казалось, проникалъ его насквозь. Сандуновъ каждой роли давалъ свой колоритъ и превосходно оттѣнялъ характеры. Онъ былъ веселъ, живъ, игривъ, разсыпался мелкимъ бѣсомъ и всегда былъ въ движеніи на сценѣ. Онъ такъ глубоко вникалъ въ характеръ своей роли, что совершенно отдавался своему увлеченію; во время игры весь міръ для него не существовалъ: онъ зналъ только людей, которыхъ авторъ поставилъ для него на сценѣ» [4]). Очевидцы Сандунова на сценѣ занесли въ свои «Воспоминанія» о немъ слѣдующее: «Сандунова я видѣлъ въ комедіи-фарсѣ Мольера «Скапеновы обманы», въ которой онъ игралъ роль Скапена. Онъ былъ тогда ужъ не молодъ, но въ игрѣ его была живость юноши. Лишь только вышелъ онъ на сцену, оглянулся, потеръ руки и пожалъ плечами, то, не сказавъ еще ни слова, уже ха-

[1]) Лѣтопись русскаго театра, кн. Шаховского. Реп. 1810, т. II.
[2]) Архивъ дир. Им. т. Отд. III, стр. 31, № 36.
[3]) Ibid. Отд. II, № 552.
[4]) Пант. 1840 г., т. I. Театръ при Медоксѣ, ст. Ѳ. А. Кони.

рактеризовалъ свою роль: нельзя было не догадаться, что этотъ Скапенъ — плутъ. Какая интонація въ голосѣ, какая естественность въ движеніяхъ, что за плутовскіе взгляды и ухватки! Мольеръ расцѣловалъ бы нашего Скапена, еслибъ даже не понималъ по-русски» [1]). С. П. Жихаревъ, видѣвшій Сандунова въ комедіи «Алхимистъ», отмѣчаетъ въ своемъ «Дневникѣ чиновника»: «Онъ являлся въ семи разныхъ персонажахъ и очень смѣшилъ публику. Это настоящій Протей: удивительно, какъ ловко и скоро перемѣняетъ онъ костюмы и мастерски гримируется. Конечно, при помощи другихъ, перемѣнить кафтанъ и парикъ можно и скоро; но какимъ образомъ изъ молодого, румянаго парня превратиться въ дряхлаго старика, съ морщинистымъ лицомъ, а еще болѣе изъ мужчины въ женщину — я, право, не знаю».

Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, когда талантъ Сандунова былъ уже въ полномъ расцвѣтѣ, въ театральномъ училищѣ, въ классѣ пѣнія итальянца Мартини, готовилась къ сценѣ воспитанница Елизавета Семенова. По тогдашнему обыкновенію, называлась она просто — Лиза Уранова. Она участвовала въ операхъ, дававшихся въ эрмитажномъ театрѣ въ присутствіи Императрицы, которая выражала ей свое благоволеніе. Такъ Храповицкій записываетъ въ своемъ дневникѣ: «29 января 1790 г. Играли «Діанино дерево». Лиза и музыка похвалены». Сандуновъ и Уранова полюбили другъ друга и предположили скрѣпить эту любовь узами брака, на что и получили разрѣшеніе отъ своего начальства. Императрица, узнавши объ этомъ, замѣтила Храповицкому: «Pourquoi les empêcher de se marier?» пожаловала ей перстень въ триста руб. и при отдачѣ приказала сказать, «что вчерась пѣла о мужѣ, то бы иному, кромѣ жениха, перстня не отдавала». Но вдругъ, по выраженію самой Урановой, «открылись непредвидѣнныя дѣйствія». На воспитанницу обратилъ благосклонное вниманіе свѣтлѣйшій князь, государственный канцлеръ Александръ Андреевичъ Безбородко и вступилъ въ соперничество съ ея женихомъ. Соперничество это для Сандунова было крайне опасно, потому что правители театра, Храповицкій и Соймоновъ, стали на сторону опаснаго соперника. Юная художница, осыпанная алмазами вельможи, позабыла своего жениха, который былъ уволенъ отъ службы безъ прошенія и безъ аттестата. Обиженный артистъ обратился въ дирекцію съ просьбой, въ которой писалъ: «Прослужа при театрѣ семь лѣтъ съ усердіемъ и безпорочно, и зная, что Всевысочайшимъ Ея Императорскаго Величества указомъ повелѣно актерамъ, прослужившимъ двадцатилѣтнее время при театрѣ, давать пенсію, полное жалованье составляющую; пробывшимъ же десятилѣтіе — выдавать половинное, просить наградить его за все время службы единовременно годовымъ жалованьемъ или бенефисомъ и дать ему аттестатъ, съ прописаніемъ въ ономъ, что онъ служилъ при театрѣ безпорочно семь лѣтъ». Въ награжденіи бенефисомъ отказано, аттестатъ же выданъ, но безъ прописанія въ ономъ о безпорочности, а просто: «вслѣдствіе прошенія, отъ него поданнаго, отъ службы онъ уволенъ и, по его желанію, данъ ему сей аттестатъ» [2]). Оскорбленный такой несправедливостью, Сандуновъ жестоко отмстилъ своимъ притѣснителямъ. Передъ отъѣздомъ своимъ въ Москву, играя въ свой бенефисъ на городовомъ театрѣ, въ пьесѣ Клушина «Смѣхъ и

---

[1]) Ibid. Театральныя воспоминанія Булгарина, стр. 81—82.
[2]) Арх. Дир. Отд. II, № 340.

горе», слугу Семена (онъ славился исполненіемъ ролей слугъ), онъ обратился къ публикѣ съ рѣчью: «Сегодня,—сказалъ онъ,—въ послѣдній разъ имѣю честь служить моимъ усердіемъ здѣшнему обществу. За долгъ почитаю, мм. гг., изъявить мою чувствительную благодарность за благосклонность, оказанную мнѣ вашимъ посѣщеніемъ во все время пребыванія моего при театрѣ». Потомъ онъ прочиталъ стихи:

Служа комическимъ и важнымъ господамъ,
Не имъ я былъ слугой, а былъ я вамъ,
Терпѣлъ пощечины отъ нихъ, нападки брани—
Усердья моего къ вамъ были это дани.
Я вздоры разные сносилъ колико могъ!
Заплатитъ, говорилъ, за это мнѣ мой Богъ.
Хотя и видѣлъ онъ, что мнѣ немного тѣсно,
Но миловану имъ быть, право очень лестно.
Кто жъ этотъ царь мнѣ былъ? Кто знаетъ, что актеръ,
Тотъ вѣдаетъ и то, что царь мнѣ былъ партеръ.
О ты, талантовъ царь, душа дѣяній славныхъ,
Который требуетъ всегда жрецовъ исправныхъ!
Прости, что твой алтарь оставить долженъ я,
Межъ мной и баръ моихъ будь самъ ты судія.
Служилъ я рабски, былъ я гибокъ, какъ слуга;
Но что жъ я выслужилъ? Иль брани иль рога.
А дѣвушки мои, прелѣстныя служанки,
Любили вѣрность такъ, какъ истину цыганки.
Въ угодность авторовъ, забывшій страшный стопъ,
Понодчивалъ меня рогами Купидонъ.
Хоть силой авторовъ то сдѣлано невольно,
Но, право, оттого мнѣ было очень больно,
И я, не вытерпѣвъ обидныхъ столь досадъ,
Рѣшился броситься отсель хотябъ во адъ.
Моя чувствительность меня къ отставкѣ клонитъ,
Вотъ все, что вонъ меня отсель съ театра гонитъ.
Теперь иду искать въ комедіяхъ господъ,
Мнѣ бъ кои за труды достойный дали плодъ,
Гдѣ бъ театральные и графы и бароны
Не сыпали моимъ Лизетамъ милліоны
И ко сердцамъ златой не дѣлали бы мостъ,
На то, чтобъ щегольскимъ Кристоновъ сдѣлать ростъ.
Сыщу ли это я, иль поискъ мой напрасенъ,
Но знаю, по со мной всякъ будетъ въ томъ согласенъ,
Что въ драмѣ той слуга не годенъ никуда,
Гдѣ денегъ не даютъ, да гонятъ лишь всегда.

Въ театрѣ произошло волненіе. Объ этомъ происшествіи дошло до свѣдѣнія Императрицы. Храповицкій отмѣтилъ его въ своемъ дневникѣ. «1791 г. января 10 дня Сандуновъ говорилъ рацею на счетъ дирекціи, играя въ свой бенефисъ на городовомъ театрѣ... Велѣно у Сандунова черезъ полицію взять рацею, имъ говоренную. 12-го. Гнѣвъ Императрицы на Сандунова. «Voilà ce que fait l'injustice». Храповицкій при этомъ случаѣ намекнулъ на небезупречное поведеніе Сандунова относительно разныхъ актрисъ и матери Лизы. «Принято сухо и графу Брюсу [1]) велѣно это дѣло оставить «совсѣмъ

[1]) С.-Петербургскій оберъ-комендантъ.

non avenue». Сконфуженный, онъ не ѣздилъ во дворецъ 13-го и 14-го числа. «Спрашивали и на отвѣтъ, что боленъ, улыбнулись, сказавъ: знаю отъ чего боленъ» [1]). Ровно черезъ мѣсяцъ мстительный Сандуновъ учинилъ въ театрѣ новый скандалъ, печально окончившійся для начальниковъ театральной дирекціи. 11 февраля 1791 г. въ Эрмитажѣ, въ присутствіи Императрицы, шла опера ея сочиненія «Оедулъ съ дѣтьми», и Елизавета Семеновна подала ей покаянное письмо, съ изложеніемъ обстоятельствъ, сбившихъ ее съ пути нравственнаго. Письмо, разумѣется, было редактировано Сандуновымъ. Вотъ оно:

«Всемилостивѣйшая Великая Государыня!

«Сердце мое и слухъ удостовѣряютъ меня въ вашемъ безпредѣльномъ милосердіи, а совѣсть и раскаяніе принуждаютъ меня изъявить предъ вами всѣ страданія души моей. Прости, Великая Государыня, что я дерзаю потревожить священный вашъ покой, но я кромѣ Бога и васъ никого не имѣю къ защитѣ и успокоенію моего раскаянія. Вотъ все положеніе моего сердца и дѣлъ. Я увѣрена, что ты, милосердая мать, выслушаешь оное съ такимъ же обыкновеннымъ своимъ милосердіемъ, съ какимъ чистосердечіемъ и признательностію я осмѣлюсь оное начертать. Я, Государыня, имѣла жениха, который своею ко мнѣ привязанностію стоитъ всей моей горячности и любви и была разна съ нимъ состояніемъ и чувствіями. Я рѣшилась раздѣлить съ нимъ судьбу мою, на что онъ и я получилъ отъ директоровъ и позволеніе и ничѣмъ другимъ я не была занята, кромѣ моей должности и привязанности къ человѣку, въ которомъ я полагала всѣ мои благополучія; но вдругъ открылись хитрыя и, по молодости моею не предвидѣнныя, дѣйствія, которыя невольно отогнали меня отъ моего жениха. Я увидѣла, но поздно, что нужно было только меня разстроить въ душѣ моей и воспользоваться моей неопытностію. Прости, Государыня, что я всего того не могу начертать, что со мной происходило и что за угрызеніе ощущала въ душѣ моей, заслужа и справедливое отвращеніе жениха моего и любовника и все оное время я не имѣла свободнаго часа отъ моего раскаянія—и ужасъ и стыдъ попеременно царствовали въ душѣ моей. Но теперь, къ совершенному моему счастію, я вижу моего жениха толь великодушно, что онъ, претерпя за меня даже всѣ гоненія, рѣшился отдать вамъ и Богу на судъ всю принужденную погрѣшность. И такъ, милосердая Государыня, какъ обыкновенное твое свойство облегчать судьбу несчастныхъ, то позволь прекратить мое раскаяніе и учини счастливой, совокупя меня вѣчно съ моимъ любезнымъ женихомъ, которому я клянусь загладить совершенно неопытность моей молодости, а васъ, Государыня, иначе я не могу тогда признавать, какъ за воскресительницу моей невинности и моего покоя. Государыня, въ тебѣ одной вся моя надежда или я вѣчно наинесчастнѣйшая. Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданная Елизавета Уранова».

Императрица приняла сердечное участіе въ судьбѣ талантливой воспитанницы и строго взыскала съ ея воспитателей.

«Въ вечеру (11 февраля 1791 г.),—заноситъ въ свой дневникъ Храповицкій,—играли въ Эрмитажѣ «Оедула», и Лизка подала на насъ просьбу. Въ тотъ же вечеръ прислана записка къ Трощинскому,

[1]) Дневникъ Храповицкаго, стр. 354

чтобъ заготовить указъ для увольненія насъ отъ управленія театрами. 12 февраля, какъ встали, спросили Трощинскаго и подписали у него указы. Разсказывали всѣмъ, даже и Турчаниновy [1]), что насъ уволили. 13-го. Графъ Безбородко пріѣхалъ передъ полуднемъ, но во Дворцѣ не былъ. 14-го. Въ малой придворной церкви вѣнчали Лизку и Сандунова. 16-го. Въ первый разъ я позванъ для принятія почты, уже прочитанной. 19-го. Такимъ же образомъ принялъ почту. 24-го. Продолженіе прежней холодности».

Наконецъ, «холодность» миновала. Князь Николай Борисовичъ Юсуповъ вступилъ, въ качествѣ главнаго директора надъ зрѣлищами и музыкой, въ управленіе театрами, а 18 марта 1791 г. [2]) Сандуновъ, вмѣстѣ съ молодой женою, вновь былъ принятъ на придворную сцену. Первымъ движеніемъ его души, по вступленіи въ бракъ, было—препроводить въ ломбардъ, въ пользу бѣдныхъ, всѣ полученные женой его подарки отъ ея поклонника, «какъ цѣну безчестія и обиды». Этотъ поступокъ не понравился почему-то князю Николаю Борисовичу и между нимъ и непокорнымъ подчиненнымъ началась вражда, продолжавшаяся три года и умиротворять которую пришлось самой Императрицѣ. Три года супруги Сандуновы терпѣли притѣсненія и угнетенія отъ своего директора и, наконецъ, доведенные до отчаянія, въ мартѣ 1794 г., совокупно подали Императрицѣ просьбу такого содержанія:

«Всеавгустѣйшая Монархиня
Всемилостивѣйшая Государыня.

«Благость и правосудіе, окружающія освященной Вашъ Престолъ, подаютъ смѣлость повергнуться къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества гонимымъ и бѣдствующимъ супругамъ, не имѣющимъ на всей земной поверхности кромѣ Васъ, Всеавгустѣйшая матерь, инаго себѣ покровительства. Воззри, Всемилостивѣйшая Государыня, на слезы и бѣдствіе наше окомъ милосердія, съ каковымъ пріемлешь всѣхъ несчастныхъ, прибѣгающихъ подъ кровъ благости твоея. Три года наслаждались мы блаженствомъ, дарованнымъ намъ отъ Вашего Величества, три года злоба сильныхъ удручала меня и жену мою различностію пораженій, не гнушаясь противъ насъ употреблять ни ѣдкаго злословія, ни все очерняющихъ пасквилей и всего того, что могло содѣйствовать къ совершенной нашей пагубѣ; три года воображали мы, обожая тебя, нашу благотворительницу, что злобствующіе имѣть могутъ услажденіе и конецъ въ гоненіи ненавидимыхъ, но событіе не отвѣчало нашему чаянію: по мѣрѣ нашего совершеннаго терпѣнія, возрастали совершенныя угнетенія, и наконецъ увидѣли мы разрушеннымъ покой нашъ до основанія. Директоръ нашъ князь Николай Борисовичъ Юсуповъ, угнетая насъ различными притѣсненіями, довелъ до совершеннаго отчаянія, которое, превзойдя всѣ мѣры нашего терпѣнія, принуждаетъ противъ воли нашей безпокоить Ваше Императорское Величество, льстясь надеждою, что Вы, яко милосердная мать, вопль и просьбу чадъ своихъ милостиво принять соизволите. Такъ, Великая Государыня, я съ женою моею обоготворяя Васъ, признаваемъ за истинную матерь, устроившую наше блаженство, а потому и осмѣливаемся горести, удручающія сердца наши, изъявить Вамъ:

---

[1]) Петръ Ивановичъ, генералъ-поручикъ, состоялъ при собственныхъ дѣлахъ Императрицы и у принятія прошеній.

[2]) Архивъ дирекціи, отд. I, стр. 77.

«Нынѣшняго генваря 21 дня, жена моя, пріѣхавъ въ каменный театръ, сѣла въ ложу, артистамъ всегда отводимую, но итальянцемъ Казасіемъ [1]) изъ оной была самымъ грубымъ образомъ выводима въ парадисъ и на вопросъ ея—кто ей назначилъ тамо сидѣть? онъ отвѣтствовалъ, что князь ему приказалъ всѣхъ русскихъ актеровъ и актрисъ сажать тамо. Жена моя, не пошедъ въ парадисъ, поѣхала домой, и на другой день относилась о томъ письмомъ къ его сіятельству, но вмѣсто чаемаго нами на итальянца удовлетворенія (ибо мы никакъ не ожидали, чтобъ онъ не сдѣлалъ его самовольно, такъ какъ князь предоставилъ ему совершенное распоряженіе всего театра), но вмѣсто разобранія сей обиды, письмо ея принято княземъ за письмо ругательное, и не изслѣдовавъ ни онаго, ни существа дѣла, приказалъ насъ обоихъ, не пріемля никакихъ оправданій, но и не видя насъ, взять въ контору подъ караулъ. Вдругъ приходитъ театральной команды офицеръ съ вооруженными солдатами, возвѣщаетъ намъ именемъ его сіятельства, что мы беремся подъ стражу. Жена моя и я, не имѣя никакой за собой вины, кромѣ правилъ честности, слѣдуя оной по силѣ нашей возможности, мы были оба тѣмъ поражены совершенно, а особливо бѣдная жена моя, которая за мѣсяцъ передъ симъ происшествіемъ, бывъ беременна, выкинула; ее столько сіе поразило, что едва осталась жива. Я, не хотя вѣрить видѣнному мною, и спрашиваю отъ присланнаго офицера, какъ преступникъ, почти со слезами, чтобъ мнѣ позволено было видѣть князя, узнать причину вины нашей, съ великимъ его упорствомъ, получилъ на то позволеніе. Теперь соизвольте, милосердая матерь, замѣтить, что несчастная моя жена въ совершенно истерической болѣзни, лежащая на постелѣ, окруженная и тащимая солдатами, противу всякой благопристойности, безъ сумнѣнія, по особому на то приказанію. Я чувствительности сердца Вашего Величества предоставляю судить, сколь разительна была сія картина для мужа, обожающаго свою жену, жену, которой все преступленіе въ томъ, что любитъ своего мужа и не хочетъ сдѣлаться, въ угодность честолюбцамъ, развратною женщиной. Я пріѣзжаю къ его сіятельству, прошу позволенія его видѣть, но мнѣ отвѣтствуютъ, что онъ нигдѣ видѣ не хочетъ меня и жену мою слушать, какъ въ Конторѣ. Я пріѣзжаю въ Контору, куда тоже пріѣхалъ его сіятельство—спрашиваетъ меня, гдѣ моя жена? Я ему отвѣтствую, что послѣ поступленнаго съ нею она теперь больна, и затѣмъ сюда не пріѣхала, да она же, по его приказанію, содержится ужъ подъ стражею дома, потомъ спрашиваю его сіятельство—за что столь непомѣрная жестокость съ нами происходитъ? Онъ отвѣтствуетъ, что за письмо ея, которое онъ признаетъ для себя ругательнымъ. Я отвѣтствую, что оное таковымъ ни почему почесть нельзя, и просилъ по оному отъ меня выпросить и что я не премину его объяснить и оправдать, и чтобъ позволилъ мнѣ его сіятельство оное при себѣ прочесть. Князь мнѣ возражаетъ, что онъ мнѣ его не дастъ, и никакія мои оправданія не дѣйствительны, когда онъ находитъ его предосудительнымъ. Я вынимаю копію и, читая, испрашиваю на оное обвинительныхъ вопросовъ, получаю, отвѣтствую, объясняю и совершенно оправдываю оное, и даже до того оправдалъ, что самъ его сіятельство, не находя достаточныхъ причинъ ни возражать на письмо, ни обвинить за оное, выпускаетъ меня изъ Конторы и изъ-подъ караулу. Но симъ не кончи-

[1]) Театральный контролеръ. Арх. Дир. № 324.

лось. Отъѣзжая, приказываетъ жену мою, въ какомъ бы положеніи она ни была, не взирая ни на что, притащить въ Контору подъ караулъ. Слабы мои слезы смягчить жестокое сіе приказаніе, не принимаются ни просьбы мои, ни доказательства; онъ отъѣзжаетъ, даже восхищаясь моимъ отчаяніемъ. Пріѣзжаю домой, вижу выполняемыя приказанія: пресчастную мою жену опять принимаются тащить, но ужь съ угрозами, съ разными грубостями и насмѣшками. Государыня! судите еще теперь мое состояніе и сколь должно быть растерзано бѣдное мое сердце и къ чему я могъ тутъ прибѣгнуть, какъ развѣ къ одной моей правотѣ и чувствованію оной; но сколь слабый помощникъ правота, когда она подавляется насильствомъ. Къ жалобамъ? Но отъ меня оныя никто не приметъ, потому что я и жена моя едва не во всемъ здѣсь городѣ описаны самыми черными красками, и злословіе вездѣ успѣло, въ угодность злобствующихъ исполиновъ, превратить насъ въ сущихъ изверговъ. Мы остановились на томъ, что влекутъ насильно съ постели мою жену—вдругъ приходитъ отъ его сіятельства повелѣніе—въ Контору ее не брать, но заарестовать насъ обоихъ дома, не давать намъ ничего кромѣ воды и хлѣба, не допускать къ намъ никого сторонне-приходящихъ, а пришедшихъ не выпускать. И такъ всѣ ко мнѣ пришедшіе, такъ же, какъ и я съ женою, безвинно были заарестованы. Мы первую ночь (дай, Боже, чтобъ и послѣднюю) препроводили при четырехъ вооруженныхъ солдатахъ и одномъ сержантѣ, который не преминулъ вездѣ осмотрѣть и разспросить, безъ сомнѣнія, тоже по приказанію, нѣтъ ли гдѣ потаенныхъ выходовъ. Наконецъ проведена нами ночь. Слабо перо мое изъяснить точность моихъ тогдашнихъ чувствованій! Потомъ приходитъ утро и начинается, по полученному отъ него приказанію, приступъ брать опять жену мою въ Контору и на отвѣтъ мой, что я еще не одѣлся и что двумя наказаніями одна вина не наказывается—мнѣ кричатъ караульные, чтобъ я отперъ двери и къ нимъ вышелъ. Караульный офицеръ сказываетъ, что сейчасъ князь приказалъ опять взять ее въ Контору и если она станетъ отговариваться, то они будутъ брать ее какъ бы ушедшую колодницу. Я прошу, чтобъ хотя часа три или два погодили до тѣхъ поръ, пока ей хоть мало будетъ полегче, ибо она, не спавъ всю ночь, получила отъ огорченія и безпокойства, сверхъ истерики, горячку. Офицеръ ѣдетъ о семъ его сіятельству докладывать, и потомъ возвратясь объявляетъ мнѣ, что будто я хотѣлъ его и команду стрѣлять, о чемъ-де я князю докладывалъ и онъ-де изволилъ послать вѣдѣніе къ г. оберъ-полиціймейстеру за городовою ротою для взятья тебя и жены (которая по приказанію г. оберъ-полиціймейстера и была откомандирована и собрана). Я, видя столь вредной для себя, на лжи составленной ковъ, а насильство и несправедливость доведенныя до совершенства, убѣждаю всевозможно любезную и несчастную мою жену, хотя черезъ крайнюю слабость, ѣхать въ Контору и повиноваться угнетающему насъ року. Окутываю ее, сажаю въ карету, пріѣзжаемъ опять въ Контору. Появляется князь, вдругъ, подходя съ свирѣпостью къ женѣ моей, спрашиваетъ: «ты ли писала это письмо?» Она отвѣтствуетъ: «я, ваше сіятельство». «Читай». Она, почитая строки три, была имъ спрошена: «какія ты имѣешь неудовольствія?» На что она возразила, что ихъ очень много она отъ его сіятельства имѣла, и стала оныя объяснять, но онъ, вырвавъ у нея письмо, говоритъ съ совершенною жестокостью: «прямая ты русская Фетинья, пошла отсюда вонъ, ты свободна». И такъ она для того столь ругательски влекома

была въ Контору, чтобъ услышать, что она—Фстинья. «А ты, оборотясь ко мнѣ, говоритъ: ты оставайся подъ карауломъ, я тебя здѣсь заморю на водѣ и хлѣбѣ». Я спрашиваю: «чѣмъ я оное заслужилъ?» Онъ отвѣтствуетъ: «я такъ хочу—и знаю, что дѣлаю. И ты же хотѣлъ стрѣлять караульныхъ». Я хочу доказать, что это истинная неправда, и удивляюсь съ чего взята столь грубая ложь; но онъ, не внимая никакимъ оправданіямъ, сталъ мнѣ ужаснѣйшимъ образомъ угрожать. Жена моя, причина моего страданія и за меня равно мучимая, составляющая все мое насильство, и для утѣшенія моего и любя меня, хочетъ со мною остаться, но онъ съ жестокостью приказываетъ ее изъ Конторы вытащить, говоря, что здѣсь не квартира, чтобъ мужья съ женами могли сидѣть, не памятуя того, что за нѣсколько минутъ предъ симъ самъ насъ тутъ посадить приказывалъ. Наконецъ тронулся онъ слезами жены моей, позволилъ ей остаться со мной и, выходя, почти внѣ себя, сказалъ мнѣ: «ты у меня будешь мягокъ и сговорчивъ на все». Онъ уходитъ. По маломъ времени, появляются солдаты съ обнаженными шпагами для стереженія меня. Жена моя, видя сіе, пришла въ отчаяніе; я, съ моей стороны, сколько ни мужался, но слеза, неложный вѣстникъ угнетеннаго сердца, открыла слабость души моей, и мы имѣли только то утѣшеніе, что, соединя слезами омоченныя наши руки, простирали ихъ къ испрошенію отъ Бога и тебя, великая наша благотворительница, защиты. Въ вечеру умножившаяся слабость и горячка жены моей принудили меня просить ее со слезами, чтобъ она возвратилась домой, на что съ великимъ затрудненіемъ получилъ ея согласіе, остался одинъ препровождать другую ночь подъ обнаженными шпагами, и во все время ареста моего никого ко мнѣ, какъ къ величайшему злодѣю, пропускать не велѣно, подъ жестокимъ наказаніемъ, и кромѣ самаго малаго куска хлѣба и воды, чтобъ ничего мнѣ не давали, такъ приказано отъ его сіятельства, что и исполнено въ точности. На другія сутки, въ десять часовъ ночи, приказано офицеру меня освободить, не объявя ничего, за что я былъ столь строптиво взятъ и содержанъ и чего мнѣ остерегаться должно, чтобъ не заслужить въ другой разъ подобнаго истязанія. Теперь воззри, великая наша благотворительница, съ снисхожденіемъ на сіи строки: еслибъ письмо жены моей и въ подлинно показалось странно его сіятельству, какъ писанное отъ разгорячennаго человѣка, еслибъ и всѣ взводимыя имъ на насъ обвиненія были справедливы, то не имѣетъ ли власти и способовъ командиръ наказать подкомандующихъ, не присовокупляя къ тому ни жестокости, ни столь унизительныхъ поступковъ? Къ чему тутъ было помѣщать, что письмо ругательное и предосудительное? Къ чему насильственно два раза тащить съ постели истинно больную женщину? Къ чему, освободя меня въ первый разъ изъ Конторы, потомъ заарестовать дома и жену, и меня? А продержавъ сутки, къ чему опять брать ее въ Контору? Къ чему, взявши ее въ оную съ столь жестокимъ усиліемъ, опять освободить и, оставя меня подъ карауломъ, опять ехать ее тащить? Потомъ, къ чему взводить на меня офицеру напраслины о стрѣлянiи, еслибъ не былъ поощренъ на сіе командиромъ? Къ чему, для взятія мужа съ женою, наряжать цѣлую роту вооруженныхъ городовыхъ солдатъ, когда у театра ихъ есть въ его командѣ болѣе пятидесяти человѣкъ? Къ чему обнаженныя шпаги и неоднократно слышимыя мною отъ него страшныя угрозы, начатыя съ того времени, какъ его сіятельство запрещалъ мнѣ препровождать въ ком-

бардъ, на пользу бѣдныхъ, какъ цѣну безчестія и обиды, гнусныя для меня алмазныя вещи, карету и разныя платья. Съ того времени онъ мнѣ открыто сказать изволилъ, что если я вещи назадъ изъ ломбарда не возьму, то онъ и другіе, не знаю, кто, открытые мнѣ будутъ враги. И какъ я ни полагался на мою правоту, Бога и на ваше, Государыня, высокое покровительство, но вижу съ того времени дѣйствіе обѣщанныхъ угрозъ, устремленныхъ на меня и мою жену подъ разными предлогами. Къ чему всѣ сіи жестокости, если не къ тому, чтобъ угнести совершенно бѣднаго человѣка? И какая жъ поступь можетъ быть употреблена съ истиннымъ уголовнымъ преступникомъ? Когда съ нами столь мучительные оказаны поступки и не должно ли, взирая на спасительныя твои, Государыня, наказанія, всего соразмѣрять съ преступленіями, а гдѣ первыя употреблены со излишней жестокостію и безъ принятія оправданій, то не доказываетъ ли сіе очевидную несправедливость и наклоненіе къ одному только погубленію? И послѣ всего вышеописаннаго, соизвольте, Государыня, усмотрѣть, можно ли спокойно и въ безопасности быть намъ при такомъ мѣстѣ, гдѣ самъ командиръ угнетаетъ открыто и не щадитъ никакихъ на то способовъ. Вотъ, Великая Государыня, причины, побуждающія обременять Ваше Величество вѣрноподданническою просьбою объ увольненіи отъ театра насъ обоихъ. Мы умалчиваемъ здѣсь о тьмачисленныхъ намъ обоимъ учиненныхъ обидахъ и поношеніяхъ, которыя, сколько для насъ обиды и чувствительны, столько унизительны и гнусны для злодѣевъ, насъ угнетающихъ, и да не потревожатъ они своимъ мерзостнымъ исчисленіемъ сострадательной души вашей. Наконецъ, его сіятельство, совершая открытое свое къ намъ неблаговоленіе, по неоднократной нашей просьбѣ, увольняетъ отъ театра меня одного, а жену мою, подъ предлогомъ, что она воспитанница театральной школы, удерживать въ службѣ, не памятуя того, что Ваше Императорское Величество, облаготворяя Россію, учредили корпусы, монастыри и училища, не прикрѣпляя къ онымъ обучавшихся, но, чтобъ, воспитанные подъ кровомъ вашего милосердія, были полезные сыны и дщери отечества, предоставляя на ихъ волю избраніе должностей и службы. И такъ, всемилостивѣйшая Государыня! сжальтесь надъ горестнымъ нашимъ состояніемъ, благоволите насъ обоихъ уволить отъ россійскаго театра, а за одиннадцати-лѣтнюю мою службу удостоить меня, изъ милосердія своего, хотя самомалѣйшимъ пенсіономъ, дабы я могъ имѣть, съ бѣдною моею женою, хотя дневное пропитаніе. По лѣтамъ моимъ я бы не осмѣливался онаго испрашивать, но предвижу, что мстящіе мнѣ сластолюбцы нигдѣ не оставятъ меня въ покоѣ, если не буду имѣть вѣрнаго куска хлѣба. Всемилостивѣйшая Государыня! Безпредѣльная благость ваша и великодушное чувствованіе, я уповаю, что не оставятъ умереть отъ крайности съ голоду, уволя насъ отъ такого мѣста, гдѣ одни угнетенія слѣдуютъ за другими, и благоволите несчастнымъ подать руку помощи, которая съ толикою щедротою разсѣваетъ милости на пространныя твои владѣнія, а инако мы будемъ жертва сильныхъ и пища злобствующихъ. При семъ дерзаемъ донести, что память благодѣяній вашихъ, милосердая матерь, во всю нашу жизнь пребудетъ намъ драгоцѣнна, и какую бы участь судьба намъ ни предопредѣлила, мы всегда блаженствомъ поставлять будемъ—обожать нашу великую благотворительницу. Всеавгустѣйшая монархиня! Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданные Сила Сандуновъ, Елизавета Сандунова».

Изъ слѣдующаго за симъ письма Сандуновыхъ къ Императрицѣ видно, что просьба ихъ не была оставлена безъ вниманія.

«Вашему Императорскому Величеству угодно было повелѣть черезъ Дмитрія Прокофьевича [1]) объявить всѣ неудовольствія, оказанныя мнѣ и женѣ моей княземъ Николаемъ Борисовичемъ.

«Всемилостивѣйшая Государыня! Пріемля сіе со всеподданнѣйшею благодарностію, какъ новый знакъ щедроты, два сердца, соединенныя и дышащія тобою, открываютъ смѣло ангелу-охранителю и матери своей притѣсненія. И какъ ты удостоила даровать намъ жизнь благотворною своею десницею, такъ удостой покровомъ своимъ и будь спаситель нашъ. Благоговѣя къ тебѣ, Государыня, душами, просимъ по увольненіи удостоить насущнымъ, хотя малѣйшимъ пропитаніемъ, или мы погибнемъ. Истина водитъ перомъ нашимъ. И вѣщаютъ ли ложь своему божеству и при прагѣ бездны?

1) Со дня брака нашего, по безпримѣрному вашему милосердію утвержденнаго, при чувствованіи любви и совершенной къ вамъ, Всемилостивѣйшей Государынѣ, благодарности, усугубили мы оба старанія наши по должности, и на сей конецъ съ превеликою разительностію играли во всѣхъ тѣхъ піесахъ, которыя были по нашему амплуа; видя же, что у театра новаго нѣтъ ничего, а все старое, для сказанія оному услуги и выгодности, и чтобъ жена моя не могла потеряться отъ единообразности игры четырехъ или пяти операъ, мы рѣшились на свой коштъ заказать нарочную оперу, которая бы конечно заслужила вниманіе публики, и которая сочиненіемъ своимъ стоила намъ двѣсти рублей, да для сочинителей музыки дѣлаемые три перевода тоже двѣсти рублей, итого оная опера обошлась въ четыреста руб. По съ 1791 г., съ октября мѣсяца, не взирая на всѣ наши у князя старанія, оставалася она у капельмейстера Мартини два года съ половиною не только непродолжаемою, но и не начатою, а дабы оная совсѣмъ отъ времени не утратилась, мы принужденными нашлись взять оную назадъ и убытокъ чрезъ то сдѣлался намъ невозвратный. Къ яснѣйшему уразумѣнію его къ намъ неблаговоленія можетъ служить доказательствомъ опера «Флейта», гдѣ его сіятельство, графъ Платонъ Александровичъ [2]), именно приказалъ имѣть роль женѣ моей, но она также была обойдена въ ней, какъ и въ другихъ, для того единственно, чтобъ отдалить ее отъ всякой новости.

2) Такъ, жена моя, играя большія и трудныя роли, отъ расцелявшихся экипажей и полтинныхъ на день пары лошадей, послѣ спектакля неоднократно простужалась, то мы много разъ утруждали князя о замѣнѣ оныя хотя наемнымъ, но ничего успѣть тѣмъ не могли, кромѣ открытыхъ и язвительныхъ издѣвокъ. Наконецъ, прошлаго 1792 г. ноября 24 дня, жена моя, ѣдучи изъ театра послѣ представленія оперы «Рѣдкой вещи», остановлена была дряхлостію лошадей, и простоявъ на улицѣ часъ съ четвертью, принуждена дойти домой пѣшкомъ по мокрой тогдашней погодѣ, а дошедъ почувствовала ужаснѣйшую горячку, которой сколь ни мучительны были для насъ слѣдствія, но все несравненно снесносѣе тѣхъ слуховъ, которые объ насъ были распущены по всему городу и даже самимъ княземъ и съ прибавкою, что мы оба очень развратную жизнь ведемъ, и потому

3) ихъ должно де непремѣнно развести, и еслибъ кто могъ въ томъ успѣть, я бы не пощадилъ на то десяти тысячъ руб. Это истин-

---

[1]) Трощинскаго.
[2]) Зубовъ.

ное израженіе князя и другія сему подобныя всюду имъ же самимъ разглашаемыя.

4) Не давъ отъ болѣзни совсѣмъ оправиться, князь принуждалъ жену мою, со всевозможнымъ устращиваніемъ, играть подъ тѣмъ предлогомъ, что будто она больна не истинно, но притворно, и играть не то, что бъ она, по слабости, могла, по именно «Венеціанскую ярмарку» [1]), гдѣ роль жены моей напитруднѣйшая. Наконецъ, игранъ ею сей спектакль, но такъ, что послѣ каждой почти сцены, отъ слабости, она едва стоять могла, и тутъ открылось теченіе изъ горла крови и ломъ въ груди. Но онъ, по окончаніи піесы, взошедъ къ ней въ уборную съ посторонними, видя ея разстроенное здоровье, не только не тронулся тѣмъ ни мало, но чрезъ день еще опять оную жъ играть приказывалъ. Тутъ однѣ просьбы и устыженія сторонніхъ убѣдили его отмѣнить жестокое сіе приказаніе, исполненіе котораго ей не только невозвратною потерею здоровья грозило, но и самой жизни стоить могло.

5) По времени, жена моя, получа свободу отъ болѣзни, начала продолжать ученіе пѣнія, и какъ ей для музыки надобенъ былъ учитель (которыхъ у театра есть довольное число), но я сколько князя о дачѣ онаго ни просилъ, доказывая, что жена моя должна необходимо безъ практики потеряться, но все осталось безполезно, и мы принуждены были нанимать для того посторонніхъ учителей, платя отъ трехъ до пяти руб. за визитъ, и такъ на сіе изъ жалованья нашего выходило въ годъ до шестисотъ рублей.

6) По неоднократной моей просьбѣ, послѣ болѣзни, приключившейся женѣ моей, получилъ я наконецъ для нея карету, куня къ тому своихъ лошадей, которыхъ содержаніе и кормъ мнѣ стоятъ въ годъ до шестисотъ руб., что вмѣстѣ съ заплатою музыкальнымъ учителямъ составляетъ тысячу двѣсти руб., за вычетомъ коихъ изъ двухъ тысячъ руб. годоваго нашего жалованья останется намъ на все наше содержаніе восемьсотъ рублей. Еслибы князь благоволилъ уважить хотя мало мои о семъ представленія, то конечно бы мы не дошли до того состоянія, въ которомъ мы безъ посторонніхъ пособіевъ едва могли пропитаніе имѣть.

7) А какъ я получа отъ Вашего Императорскаго Величества съ женою въ награжденіе три ста руб. и по два куска гарнитуру и атласу, употребилъ все сіе на заведеніе моего малаго хозяйства и за вышеописанными расходами, видя себя въ совершенной нуждѣ и долгахъ, рѣшился просить князя о вспомоществованіи намъ бенефисомъ и цѣлый годъ едва былъ достаточенъ къ выполненію нашей просьбы. Наконецъ полученъ послѣ многихъ другихъ бенефисъ. Но онъ былъ новымъ поводомъ къ обидамъ, ибо ни одного не упущено случая, гдѣ бы мнѣ и женѣ не было отъ него симъ вспоможеніемъ упрекаемо до поношенія.

8) Порываемы будучи должностію и признательностію къ тебѣ, нашей благотворительницѣ, просили мы князя неоднократно о доставленіи чести показаться женѣ моей передъ Вашимъ Величествомъ въ тѣхъ новыхъ операхъ, въ которыхъ она отъ публики удостоилась вниманія; но въ теченіе цѣлыхъ трехъ лѣтъ, кромѣ оперы «Федула» и двухъ разъ «Школы злословія», по всей усиленной просьбѣ ходатайства отъ князя получить не могли, а мы осмѣливаемся думать, что всемилостивѣйшая наша Императрица, милосердно извиня недостатки,

[1]) Опера съ хорами и балетами, муз. Антоніо Сальери.

воззрѣла бъ на единое усердіе и удостоила бы своего вниманія, что бы и составило намъ удовольствіе наисовершеннѣйше и поревнованіе къ трудамъ.

9) Князь высочайшимъ именемъ Вашего Величества приказывалъ чрезъ меня занять женѣ моей въ Эрмитажѣ роль актрисы Софроновой и давъ на сіе письменный мнѣ ордеръ, послѣ, по претензіи о семъ оной Софроновой, отъ онаго формально отозвался, сказавъ, что я о семъ его просилъ для своей жены, а приказанія на то отъ Вашего Величества никакого не было, и тѣмъ разстроены стали со многими въ товариществѣ.

10) Не было ни однихъ по театру раскиданныхъ вздорныхъ и безумственныхъ стиховъ, конхъ бы сочиненіе князь не выдавалъ на счетъ моего сочиненія и, призывая неоднократно, угражиналъ мнѣ Степаномъ Ивановичемъ [1]).

11) Жена моя, получа охоту къ дѣйствованію въ драмахъ и трагедіяхъ, избрала трагедію «Сорену» и, выуча оную, хотѣла играть, а тѣмъ болѣе, что актрисы къ занятію сихъ ролей у театра не имѣется; трагедія хотя и печатная и все излишнее изъ нея со тщаніемъ вычернено и выброшено, но оную играть княземъ не позволено. Симъ бы и должно было все окончиться, и намъ, за усердіе наше къ театру, если не награжденіемъ, то по крайности обычнымъ спокойствіемъ пользоваться надлежало, но князь, по принятымъ противу насъ поступкамъ и силѣ, воспользоваться не преминулъ и обратилъ оное въ чувствительнѣйшее мнѣ пораженіе, утверждая открытно, что выборъ сей трагедіи непремѣнно мой единственно, хотя мы всѣмъ театромъ оную выбрали и всѣ вообще чернили оную.

12) Пунктъ очень малой, но притомъ и замѣтной: при всякомъ разѣ, увидя мою жену, князь говорилъ, чтобъ она меня, какъ злобнаго и дурнаго поведенія человѣка, не слушалась и остерегалась.

13) Такъ какъ я упражняюсь во обученіи къ партикулярнымъ театрамъ актеровъ и актрисъ и получаю симъ пособіе въ моемъ пропитаніи, то князь и сего предмета безъ обозрѣнія не упустилъ и предлагалъ всѣ сіи старанія на то, чтобъ вывесть меня изъ довѣренности всѣхъ тѣхъ, кои или уже отдали мнѣ своихъ учениковъ, или отдать намѣревались, употребляя на сіе убѣдительное доказательство, что если ихъ ученики станутъ у меня обучаться, то онъ, яко директоръ театра, лишитъ сихъ людей входа въ оный.

14) Въ бытность здѣсь въ С.-Петербургѣ его свѣтлости покойнаго князя Григорія Александровича Потемкина-Таврическаго и при представленіи комедіи «Братомъ проданной сестры», я имѣлъ счастіе заслужить его благоволеніе до того, что угодно ему было бросить мнѣ на театръ нѣсколько сотъ червонныхъ. Князь, будучи тутъ же въ ложѣ, и изъ сего лестнаго для меня благоволенія и чести составилъ чувствительнѣйшую обиду и поношеніе, сказавъ его свѣтлости: первое, что сіе здѣсь не въ употребленіи, а второе, что я не достоинъ сего знака отличія, ибо я, при весьма дурномъ поведеніи, пьяница и гордецъ. И такъ, мало для него казалось лишить меня знака милости его свѣтлости, нужно было и обнести до совершенства.

15) Теперь приступаю къ описанію того, что совершенно откроетъ все неблаговоленіе, какое князь противъ меня имѣетъ, и что всѣ мѣры употребляетъ къ истинной моей пагубѣ. Во время объясненія въ Конторѣ письма жены моей, я оправдывая упомянутой въ ономъ

---

[1]) Шешковскій, начальникъ тайной экспедиціи.

наемъ ложъ, что хотя бъ за деньги жена моя имѣла мѣсто и не была бы тащима въ парадисъ, князь съ величайшимъ презорствомъ возразилъ: «ужь и ты можешь за деньги просить ложу?» Я отвѣтствовалъ, что, любя жену мою, могу для нея нанимать, и почему можно лишить насъ права имѣть за деньги мѣста? Когда портной, слесарь, сапожникъ и самый послѣдній мѣщанинъ вправѣ имѣть оное, то я, будучи такой же, какъ и они, гражданинъ, могу ласкаться за деньги тамъ имѣть себѣ мѣсто, гдѣ всѣ имѣютъ за оныя. Сіе слово «гражданинъ» принято за слово казистой дерзости и всюду разславлено, что я произнесъ оное съ правилами бунта и ими уноенъ до совершенства. Судите, Всемилостивѣйшая Государыня, сколь притѣснительны должны быть дѣйствія, когда съ усиліемъ обращаютъ въ злоумышленіе слово самое невинное, слово по всюду употребительное, слово, изложенное въ самомъ богоподобномъ начертаніи вашего Наказа, гдѣ именно сказано: «слова никогда не вмѣняются въ преступленіе, развѣ оныя пріуготовляютъ, или соединяются, или послѣдуютъ дѣйствію беззаконному.

«Здѣсь я все заключу тѣмъ, что чувствительное только сердце и великая душа могутъ зрѣть, сколь убивственны сіи ухищренія для того, кто обожаетъ свою монархиню, для того, кто всѣмъ своимъ настоящимъ и будущимъ блаженствомъ обязанъ ея милосердію. Уповая на оное, льщусь, что соизволите удостоить покровительствомъ своимъ чету, хотящую жить единственно для обоготворенія тебя, великой благодѣтельницы.

«Неблаговоленіе къ намъ князя открылося съ самой нашей женитьбы и вступленія подъ его команду, а усугубились съ самаго того времени, какъ я отказался по его предлогамъ изъ ломбарда обратно взять вещи, о чемъ я въ письмѣ Вашему Величеству имѣлъ честь донести. Всемилостивѣйшая Государыня! Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданные и васъ обожающіе Сила Сандуновъ. Елизавета Сандунова».

Императрица уважила просьбу Сандуновыхъ. Письмомъ отъ 1 мая 1794 г., Дмитрій Прокофьевичъ Трощинскій увѣдомилъ князя Юсупова, что «Ея Императорское Величество Высочайше указать соизволила актеровъ Силу Сандунова и жену его Елизавету Сандунову, по желанію ихъ, отъ придворнаго театра уволить» [1].

Князь Николай Борисовичъ, отдѣлавшись отъ ненавистнаго ему грузина, немедленно предписалъ Конторѣ: «Россійскаго актера Силу Сандунова и съ женою, по желаніямъ ихъ, отъ службы театральной дирекціи, съ удовольствіемъ по сіе число жалованьемъ и приличнымъ аттестатомъ, уволить, причемъ объявить гардеробмейстеру Отто, какія у нихъ находятся казенныя платья, отобрать, равномѣрно и карету, кому слѣдуетъ, отобрать же» [2].

Получивши отставку, Сандуновы переселились въ Москву и продолжали тамъ сценическую дѣятельность на вольномъ театрѣ Медокса. За періодъ времени, отъ 1794 по 1810 гг., въ который Сандуновъ окончательно сошелъ со сцены, мы мало имѣемъ свѣдѣній о немъ, какъ о драматическомъ художникѣ, хотя онъ былъ любимецъ московской публики и душой театра Медокса. Остроумный, веселый, обаятельный въ обществѣ, онъ былъ небезупречный человѣкъ въ семейной жизни: считая жену свою неотъемлемою своею собственностію,

[1]) Арх. Дир. Импер. театр. Отд. II, № 385.
[2]) Ibid.

собственностію своею считалъ и ея трудовое достояніе и не считалъ безнравственнымъ поступкомъ имъ воспользоваться. «У Сандуновыхъ между собою начинаетъ быть неладно,—записываетъ Жихаревъ въ въ своемъ дневникѣ:—подъ предлогомъ обоюдной невѣрности, но что настоящая причина ссоры заключается въ томъ, что мужъ, выстроивъ на общій капиталъ бани [1]), записалъ ихъ на свое имя. По сему случаю жена прибѣгла къ покровительству Юрія Владиміровича Долгорукова и просила его посредства. Любопытно знать, чѣмъ все это кончится, а вѣдь они женились по страстной любви».

Кончилось это весьма печально: супруги навсегда покинули другъ друга, а въ началѣ 1810 г. Сандуновъ покинулъ и сцену. Въ бенефисъ его должна была идти пастушеская оперетта «Клорида и Милонъ», но, по болѣзни одного актера, ее замѣнили драмой Ильина «Семейство Старичковыхъ». Лишь показался бенефиціантъ на сценѣ, раздосадованная публика встрѣтила его шиканьемъ и свистками. Обиженный Сандуновъ, по своему обыкновенію, обратился къ партеру съ рѣчью, въ которой оправдывалъ себя въ перемѣнѣ спектакля, напомнилъ о своемъ тридцатилѣтнемъ служеніи искусству и объявилъ, что онъ появляется на сценѣ въ послѣдній разъ.

Онъ скончался въ Москвѣ въ 1820 г. марта 27 дня, и похороненъ на Лазаревскомъ кладбищѣ. На надгробномъ его памятникѣ находится слѣдующая эпитафія:

«Я былъ актеръ, жрецъ Таліи смѣшливой,
И кто меня въ семъ жречествѣ видалъ,
Тотъ мнѣ всегда рукоплескалъ.
Но я не зналъ надменности кичливой!
Въ смыслъ надписи, прохожій, проникай,
Тщеславься жизнію, но знай,
Что міра этого актеры и актрисы,
Какъ я, уйдутъ всѣ за кулисы.
Кто ролю выдержать умѣетъ до конца,
Тотъ воздаяніе получитъ отъ Творца».

«Прошло какихъ-нибудь четверть вѣка, — говоритъ одинъ изъ его біографовъ [2])—и что же? Кто помнитъ, кто знаетъ теперь Сандунова? Извѣстны однѣ Сандуновскія бани. Бани, выстроенныя актеромъ, оказались памятникомъ болѣе прочнымъ, чѣмъ то искусство, которымъ онъ волновалъ сердца, благодаря которому, можетъ быть, многимъ изъ зрителей открылась тайна пониманія изящнаго, возможность тѣхъ высокихъ, прекрасныхъ наслажденій, выше которыхъ нѣтъ наслажденій».

[1]) Бани эти существуютъ до-нынѣ и называются Сандуновскими.
[2]) Спротинінъ. „Истор. Вѣстникъ". Сент. 1889.

Московскій театръ въ XVIII—XIX столѣтіи.

Черезъ два года по учрежденіи придворнаго театра въ Петербургѣ (30-го августа 1756 года), «находящемуся при дворѣ Ея Императорскаго Величества итальянской комической оперы содержателю Локателли, Всемилостивѣйше дозволено имѣть въ Москвѣ оперный домъ изъ его кошту для представленія смотрителямъ комическихъ его сочиненія оперъ». Для построенія того опернаго дома отведено ему пристойное мѣсто и при томъ, для свободнаго тому дому содержанія и представленія въ ономъ помянутыхъ оперъ, дана ему привилегія, въ поощреніе его предпріятія; ему сдѣланы различныя льготы: онъ оставленъ на придворной службѣ съ жалованьемъ, ему разсроченъ числившійся на немъ казенный долгъ и выдано десять тысячъ рублей впередъ, безъ процентовъ, «на выписываніе комедіантовъ» и «на прочее» [1]).

Въ это время, 1758 г., въ Москвѣ уже существовала при Московскомъ университетѣ драматическая школа, учрежденная директоромъ университета Н. Н. Мелиссино, въ которой воспитанники изъ разночинцевъ обучались пѣнію, музыкѣ и драматическому искусству. Въ школу эту приглашались даже женщины. Такъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (27 іюля 1757 г.) объявлено было: «женщинамъ и дѣвицамъ, имѣющимъ способность и желаніе представлять театральныя дѣйствія, такъ же пѣть и обучать тому другихъ, явиться въ канцелярію Московскаго Императорскаго университета». Не откликнулись ли на этотъ зовъ Московскаго университета наши драматическія прабабки, первый женскій персоналъ русскаго театра, Марья Ананьина (впослѣдствіи была замужемъ за Григорьемъ Волковымъ), Ольга Ананьина (за Шумскимъ), Аграфена Михайловна Мусина-Пушкина (за Дмитревскимъ), Авдотья Михайловна Зорина и знаменитая Татьяна Михайловна Троепольская? Основатель и куратор университета И. И. Шуваловъ особенно покровительствовалъ театру и хотѣлъ построить свой театръ, на что дозволялъ выдать заимообразно изъ университетскихъ суммъ десять тысячъ рублей, но это предположеніе не осуществилось [2]).

Мѣсто, отведенное Локателли для постройки театра, находилось—

[1]) Архивъ дирекціи. Отд. II, №№ 56, 62.
[2]) Ист. Импер. Моск. унив. Шевырева, стр. 85.

по однимъ указаніямъ, гдѣ-то у Красныхъ воротъ[1]), а по другимъ— у Краснаго пруда, гдѣ теперь вокзалъ Николаевской дороги. Черезъ восемь мѣсяцевъ, по полученіи разрѣшенія, театръ былъ уже готовъ, и 19-го января 1759 г. въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» было напечатано: «чрезъ сіе объявляется, что г. оперистъ Локателли начнетъ свои представленія на будущей недѣлѣ, а день объявленъ будетъ особыми печатными листами»[2]). Труппу вновь открытаго театра, кромѣ музыкантовъ и танцоровъ, составляли пѣвцы — Андреасъ Еліасъ, Эргардъ, Кастратъ Масси; пѣвицы—Стелла и Комати. Потомъ къ нимъ присоединились знаменитые въ то время артисты — Кастратъ Манфредини и Монтованини.

Послѣ первыхъ же представленій, Локателли встрѣтился съ равнодушіемъ публики и къ концу года обратился къ правительству за разрѣшеніемъ дозволить ему давать маскарады, «такъ какъ онъ, издержавъ знатную сумму денегъ на выписываніе людей, въ разсужденіи малаго числа зрителей, не имѣетъ почти надежды возвратить употребленный свой капиталъ». На эту просьбу воспослѣдовало Высочайшее соизволеніе.

Въ 1760 г. на помощь Локателли пришелъ съ своими питомцами актерами Московскій университетъ. Въ этомъ году, сверхъ ста учениковъ университетской гимназіи, восемнадцать учениковъ изъ разночинцевъ составляли труппу московскаго театра и содержимы были на иждивеніи Локателли, который завѣдывалъ русскимъ театромъ и итальянской оперой. Изъ этихъ восемнадцати—десятеро должны были учиться музыкѣ вокальной и инструментальной, двое — театральной живописи и шестеро—танцамъ. Они состояли подъ дирекціею М. М. Хераскова, которому поручено было смотрѣть за театромъ по контракту, заключенному съ Локателли. Достойнѣйшимъ изъ актеровъ дозволялось носить шпаги[3]).

Шпага должна была внушать юношамъ къ себѣ уваженіе и ограждать ихъ отъ дурныхъ поступковъ. Ношеніемъ шпаги они сравнивались со студентами, она давала имъ *благородство*. Бывали случаи, что ученики гимназіи принимали участіе въ кулачныхъ бояхъ на Неглинной или на Никольской около Заиконоспасскаго монастыря. Ученики семинаріи или академіи вступали въ бой съ гимназистами. Это бывало середи бѣлаго дня. Къ гимназистамъ присоединялись и служители столовой, куда ходили ученики обѣдать. Студентъ, получившій шпагу, долженъ вести себя благородно и избѣгать подобныхъ игрищъ.

Одинъ разъ молодая труппа, черезъ нарочную эстафету потребована была въ Петербургъ, со своимъ лучшимъ театральнымъ платьемъ.

Изъ объявленій при «Московскихъ Вѣдомостяхъ» того времени видно, что репертуаръ молодой труппы составляли комедіи Мольера: «Скапеновы проказы», «Скупой», «Школа мужей», «Тартюфъ или Лицемѣръ», «Жоржъ Дандинъ», Сумарокова: «Синавъ и Труворъ» и разныя небольшія комедіи. Что касается до «смотрителей», то бывали случаи, что они вели себя неприлично. Такъ при «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (1760 г. іюня 2) приложено было такое объявленіе. «Сего іюня, 4 числа, т. е. въ будущее воскресенье, на оперномъ театрѣ представлена будетъ переведенная на россійскій языкъ комедія, сочиненія господина Моліера, называемая «Скапи-

[1]) И. Ег. Забѣлинъ. Опыты изученія рус. древн., часть II, стр. 461.
[2]) Ibid. стр. 462.
[3]) Истор. Моск. Импер. унив. Шевырева.

новы обманы», послѣ которой также будетъ малая комедія, называемая «Криспинъ слуга, драгунъ и нотаріусъ», при чемъ будутъ и балеты. Для произшедшаго жъ въ прошлое воскресенье непорядка, въ которомъ у нѣкоторыхъ откупленныхъ уже ложъ ключи отбивали и входили въ оныя насильно, учиненно такое распоряженіе» и т. д.

Въ началѣ 1761 г. дѣло Локателли стало приходить въ упадокъ.

«На Локателлевомъ театрѣ, — пишетъ графиня Воронцова своей дочери, графинѣ Строгановой, — было представлено два спектакля, первая русская комедія и съ балетомъ «Пустыхъ божествъ», а послѣ того была опера итальянская «Консерсаціоне» и балетъ «Фоксанъ», а входъ въ оперу платили по два рубля. Наша опера въ худомъ состояніи. Танцовщики сбѣсились и не хотятъ танцовать, только одна Монтуанишна соли танцуетъ. А сегодня будутъ маленькіе ребята придворные (?) танцовать и Локателли въ худыхъ обстоятельствахъ. А наконецъ, я думаю, что и вовсе опера наша исчезнетъ» [1]).

И не одни итальянскіе танцовщики сбѣсились: русскіе комедіанты тоже вызывали своимъ поведеніемъ строгія замѣчанія высшаго начальства. Такъ, въ томъ же 1761 г., Шуваловъ въ ордерѣ директору Хераскову пишетъ:

«Я слышалъ, что наши комедіанты, когда хотятъ — играютъ, а когда не хотятъ, то изъ половины начатой комедіи или трагедіи перестаютъ и такъ недокончивъ оставляютъ, причиною представляя холодъ, съ каковыхъ непорядковъ нельзя ожидать ни плода, ни прибыли, и тѣмъ самымъ отгоняютъ охотниковъ къ спектаклямъ, почему народу съѣзжается гораздо прежняго менѣе, слѣдственно и денежный сборъ противъ дѣлаемыхъ во время спектакля издержекъ гораздо недостаточенъ; того ради извольте приказать, чтобы въ оныхъ спектакляхъ должность комедіантовъ исправляема была съ лучшимъ порядкомъ» [2]).

Срокъ данной Локателли на содержаніе театра привилегіи кончался въ 1766 г., но театръ его «рушился» ранѣе этого срока. Въ концѣ 1762 г. онъ обратился вновь за помощію къ правительству, и ему Всемилостивѣйше было дозволено дать пять маскарадовъ, съ подтвержденіемъ, «чтобы никто при себѣ не имѣлъ никакого оружія, т. е. сабель, кинжаловъ и т. п.» [3]). Но это нисколько не поправило его обстоятельствъ, и онъ объявилъ себя банкротомъ и покинулъ сцену навсегда. Въ архивныхъ документахъ дирекціи Императорскихъ театровъ мы встрѣчаемся съ нимъ послѣ описаннаго происшествія черезъ двадцать два года: въ 1784 г. онъ былъ опредѣленъ въ театральное училище «для обученія воспитанниковъ итальянскому языку, а при томъ нужному понятію и французскаго», а въ 1785 г. скончался [4]).

Вмѣстѣ съ Локателли прекратили свою сценическую дѣятельность и университетскіе актеры—разночинцы, и только черезъ пятнадцать лѣтъ (въ 1777 г.) московскій университетъ вновь принимаетъ участіе въ судьбахъ русскаго театра. Въ этомъ году, въ стѣнахъ университета возникаетъ вновь театръ. 28-го апрѣля студенты представляли передъ публикою трагедію Сумарокова «Синавъ и Труворъ» и «Нечаянное возвращеніе». Въ 1778 г., на другой день послѣ акта, января 13-го,

---

[1]) Архивъ кн. Воронцова, книга 4, стр. 462, 468.
[2]) Ист. Импер. Москов. унив. Шевырева, стр. 85.
[3]) Арх. дир. Имп. театр. отд. II, № 67.
[4]) Ibid. Отд. II, №№ 185, 253.

было также представленіе на студенческомъ театрѣ. Зимою, особенно на святкахъ, во время вакацій, театръ составлялъ общее удовольствіе студентовъ и гимназистовъ.

Домашній театръ университета имѣлъ полный запасъ кулисъ и гардероба, пріобрѣтенный или пожертвованіями знатныхъ лицъ, доброжелателей университета, или складчиною участниковъ въ удовольствіи. О святкахъ или на масляную давали обыкновенно два—три представленія, съ своею музыкою. Женскія роли исполнялись обыкновенно учениками. Піесы были — комедіи: «Недоросль», «Скупой»; оперы: «Мельникъ» Аблесимова, «Добрые солдаты» Хераскова. Изъ талантливыхъ исполнителей, между прочимъ, выдѣлялся особенно студентъ Петръ Васильевичъ Зловъ, бывшій впослѣдствіи отличнымъ актеромъ на Императорской сценѣ.

Въ 1766 г., по окончаніи срока привилегіи, данной Локателли, содержаніе русскаго театра принялъ на три года полковникъ Титовъ, а содержаніе маскарадныхъ представленій—итальянцы Бельмонти и Чути, по привилегіи, выданной имъ на пять лѣтъ, на слѣдующихъ условіяхъ: «давать имъ однимъ балы, публичные маскарады, комедіи и оперы; приглашать свободныхъ и несвободныхъ людей обучать танцамъ; балы и представленія производить на всѣхъ языкахъ, на какихъ они разсудятъ. Полиціи предписано отвести имъ мѣсто для постройки новаго театра, который они обязывались выстроить. Черезъ три года (1769), Титовъ отъ содержанія русскаго театра отказался, Бельмонти и Чути приняли на себя его содержаніе съ продолженіемъ данной имъ привилегіи еще на пять лѣтъ. Такъ какъ мѣсто, отведенное полиціею итальянцамъ для постройки театра—между Покровскими и Мясницкими воротами, гдѣ была стѣна Бѣлаго города и лѣсной дворъ—было сыро и низко, то, чтобы актеры безъ платы, а общество—безъ удовольствія не оставалось, имъ разрѣшено было давать представленія въ наемномъ домѣ генералъ-поручика, графа Романа Илларіоновича Воронцова, на Знаменкѣ, гдѣ теперь домъ Бутурлиной, противъ Александровскаго военнаго училища.

Наступилъ страшный 1771 годъ: чума запустошила всю Москву, было не до театра. Бельмонти скончался. Въ это время проживалъ въ Москвѣ въ крайнемъ убожествѣ «установитель русскаго театра», Александръ Петровичъ Сумароковъ, съ тремя новыми комедіями и трагедіей, которыя не только не шли на сценѣ, но и переписать ихъ было некому. «Комедій у меня три готовы, — пишетъ онъ къ статсъ-секретарю Екатерины, Григорью Васильевичу Козицкому, — и одна трагедія, но переписывать ее некому, а которые были порамотняе изъ студентовъ въ Спасскомъ училищѣ, тѣ нынѣ всѣ попы, ибо попы и церковники въ Москвѣ всѣ вымерли». Скорбя о судьбѣ русскаго театра, о своемъ дѣтищѣ, онъ обратился съ слѣдующимъ письмомъ къ императрицѣ.

«Всемилостивѣйшая Государыня. Въ Москвѣ былъ театръ на самомъ худомъ основаніи, какъ и все было худо; да и ждати доброва, видя во всемъ, и кромѣ театра непорядки, было мнѣ по театру успѣха невозможно. Бельмонти, покутивъ во время своего содержанія множество итальянскихъ крючковъ и подлостей, денегъ собралъ съ народа много, думая о единомъ сборѣ и своихъ доходахъ и всѣ сборы промотавъ, въ бѣдности умеръ.

«Актеры, для бывшія язвы, ничего не представляли и пришли въ крайнюю бѣдность и чуть было всѣ не разошлися, однако князь М. И. Волконскій, Д. В. Волковъ и г. оберъ-полиціймейстеръ нынѣ стара-

ются имъ подписками ради пропитанія нѣчто собрать, и чаю, что ими сіе дѣло исполнится. Здѣсь многія разсужденія о театрѣ отъ людей партикулярныхъ происходятъ, какъ бы его установить. Когда о мастерствѣ портныхъ столяры разсуждаютъ, такъ платья хорошаго никогда не будетъ, а театръ по крайней мѣрѣ лучше, почтенняе, полезняе и лучше учреждая быть долженъ, нежели мастеровая изба портныхъ. Все будетъ худо, если плотники будутъ строить палаты, а каменщики хоромы. А всего хуже, ежели, какъ говорятъ, Мелиссино вмѣшается въ сіе дѣло, ибо онъ давно уже съ Сукинымъ и двумя братьями Пушкиными театральный прожектъ узаконилъ. Si Poushkin et son frère ont fondé les principes de théâtre, Votre Majesté peut déjà faire une conclusion, quelle honnêteté était la source de leurs projets. Voilà les conseillers de Melissino touchant le théâtre!—et je ne voudrai lier une étroite amitié avec Poushkin et même avec Melissino pour tous les biens du monde [1]). Желалъ бы я видѣть въ Москвѣ основательный и порядочный театръ, а особливо, что здѣшніе нравы великой поправки требуютъ. Естьли угодно Вашему Императорскому Величеству видѣти въ Москвѣ театръ, и что бъ можно было приступить особливо къ исправленію здѣшнихъ развратныхъ нравовъ, а я бы удобняе могъ и охотняе сочиняти драмы, такъ Ваше разсужденіе лучше всѣхъ моихъ представленій помощь и руководство Мельпоменѣ и Таліи подать можетъ. А естьли невѣжи располагать будутъ, не спросясь знающихъ людей, такъ все перепортятъ, а особливо ежели l'orgueil lieux et homme le plus intéressé Melissino selon le projet de deux Poushkins, de ces deux les très fameux honnêtes hommes, aura la direction. [2])—Ваше Величество примѣтили, что бы я когда пустое говорилъ. J'aime la vérité plus que ma vie et tous les biens du monde, et je ne cherche d'autre chose qu'à me recomander à mon Dieu, à mon Impératrice et à la sincérité de mon ame et de ma raison [3])».

По повелѣнію императрицы, на это письмо отвѣчалъ Сумарокову статсъ-секретарь ея, Гр. В. Казицкій.

«Ея Величество изволила приказать къ вамъ написать, что бъ вы проектъ къ учрежденію Оеатра московскаго представили, отъ котораго бы и представляющіе и зрители могли имѣть пользу».

Сумароковъ немедленно, въ двухъ письмахъ къ императрицѣ, изложилъ свое мнѣніе относительно этого проекта:

1) Отъ 19-го апр. 1772 г. «Всемилостивѣйшая Государыня. По благоволенію Вашего Императорскаго Величества объ установленіи и о хорошемъ основаніи московскаго Оеатра проектъ и планъ составлю, дабы Оеатръ былъ, какъ говорится, не на живую нитку положенъ и что бы основаніе онаго было непремѣнно и не слабо, но твердо и вѣчно. А потому, что я кромѣ моихъ авторскихъ сочиненій къ оному и причастенъ быть не хочу, что касается до управленія, такъ я и не для себя оное основаніе положу и не для короткаго времени, но навсегда. Расположивъ оное учрежденіе и какъ скоро въ немъ буду го-

[1]) Если Пушкинъ и его братъ составили правила относительно театра, то Ваше Величество можете уже сдѣлать выводъ, какая честность была источникомъ ихъ проектовъ. Вотъ совѣтники Мелиссино касательно театра! И я не хотѣлъ бы связать себя тѣсной дружбой съ Пушкинымъ и даже съ Мелиссино ни за какія блага въ мірѣ.

[2]) Горделивый и человѣкъ самый корыстный Мелиссино, согласно проекту двухъ Пушкиныхъ, этихъ двухъ весьма извѣстныхъ честныхъ людей, получитъ управленіе.

[3]) Я люблю истину больше жизни, болѣе всѣхъ благъ въ мірѣ, не ищу ничего другого, какъ вручить себя моему Богу, моей императрицѣ и ея искренности отъ всей души и отъ моего разсудка.

товъ, ради разсмотрѣнія и ради утвержденія пришлю въ Петербургъ и о семъ ясно представлю, сколько умѣю».

2) Отъ 30-го апрѣля того же года. «Всемилостивѣйшая Государыня. Изготовляя планъ театра, стараюся я о хорошемъ онаго основаніи, зная то, что хотя мое стараніе о установленіи театровъ было велико, но чрезъ болѣе двадцати лѣтъ, не только въ Москвѣ, но и въ Петербургѣ никакого твердаго къ тому основанія ни мало не положено, и естьли Дмитревскаго когда театръ лишится, такъ и все зданіе развалится. А я думаю, что комедіи мои не меньше поправки сдѣлать могутъ, сколько увеселенія и смѣха, а комедіи въ Москвѣ и ради прогнанія невѣжества премудрому Вашему правленію всеконечно много плода принесутъ. А естьли время увядающей моей жизни и ослабѣвающія мои силы Вашею монаршею милостію подкрѣпляемы будутъ, такъ я еще четыре года потрудиться уповаю, и театру, а особливо комедіями услужить уповаю, ибо мнѣ прозаическія комедіи сочинять, имѣя и теорію и практику и видя ежедневныя новыя въ невѣжахъ глупости и заблужденія, очень легко».

Но въ то время, когда Сумароковъ страстно занимался составленіемъ проекта объ установленіи русскаго театра, Мелиссино свой проектъ уже начиналъ понемногу приводить въ исполненіе, и Дмитревскій простиралъ свои виды на судьбы московскаго театра: чрезъ какого-то своего любезнаго друга Григорія Васильевича онъ обратился къ московскимъ актерамъ съ письмомъ такого содержанія: «я имѣю вамъ донесть и всѣмъ вашимъ товарищамъ, что, можетъ быть, въ непродолжительномъ времени, я сдѣлаюсь вашимъ содержателемъ и вашимъ товарищемъ. Я ласкаю себя надеждою, что вы будете мною весьма довольны, а я обнадеживаю васъ, что я всѣ способы употреблю къ удовольствію вашему и ежели въ скорости сдѣлается рѣшеніе сему дѣлу, то въ самой скорости и товарищъ мой къ вамъ пріѣдетъ для произведенія вамъ хотя нѣкотораго жалованья, несмотря на то, что спектакли можетъ быть долго еще начаться не могутъ. И для того имѣйте немногое терпѣніе и не давайте слова никому для вступленія въ обязательство. Между тѣмъ увѣдомьте меня по первой почтѣ, всѣ ли вы въ Москвѣ и что съ вами происходитъ, дабы я могъ помочь вамъ чѣмъ-нибудь изъ денегъ. Но увѣдомьте обстоятельно, а я обнадеживаю васъ, что я все по-дружески, какъ съ братьями, съ вами раздѣлю».

Письмо это попало въ руки Сумарокова, и онъ, при весьма рѣзкомъ письмѣ, препроводилъ его въ подлинникѣ къ императрицѣ. «Всемилостивѣйшая Государыня,—писалъ онъ,—я въ сочиненіи проэкта о театрѣ тружуся, соображая всѣ обстоятельства, но сіе мое стараніе пресѣклося и понудило меня всенижайше пріяти дерзновеніе и представить Вашей священной особѣ. Въ самое сіе время Мелиссино призываетъ актеровъ къ себѣ, объявляя, что онъ имѣетъ повелѣніе разсмотрѣть и уставить театръ, которому быть подъ главнымъ его смотрѣніемъ, а содержателемъ избираетъ вмѣсто Сукина и Пушкина, которые прежде содержателями отъ него назначены были, нѣкоего князька Долгорукова, свою родню, человѣка глупова и мота, который недавно былъ отданъ подъ начатъ, помнится, въ Соловецкій монастырь, за дѣла, о которыхъ и вспомнить гнусно. Въ сіе время актеры получили отъ Дмитревскаго письмо, вмѣсто истолкованія, кое я при семъ въ подлинникѣ пріобщаю. Если бы Дмитревскій отъ придворнаго театра былъ уволенъ, тогда бы это еще нѣсколько уважено быть могло; но что бы только доходы онъ получалъ, а я бы ради его тру-

дился и тратилъ время—это моему разсудку непонятно. Довольно и того, что я никакова отъ театра дохода имѣти не хочу, кромѣ новыхъ моихъ драмъ, по обыкновенію всѣхъ театровъ, а я россійскому театру трудился больше Рассина и Вольтера, но еще и понынѣ изъ крайняго убожества не выбился. И не лучше ли, что бы доходъ былъ при театрѣ казенный, нежели кому партикулярно моими особливо трудами обогащаться. Самъ въ театръ ввязываться не хочу, слѣдовательно не ищу и своей пользы, которая должна быть казенною, а правительствовать или на хорошемъ основаніи содержателемъ должно быть не глупому и честному, а потому что я въ доходахъ и правленіи, кромѣ плана и моихъ драмъ, участія не беру, такъ равно мнѣ—кто бы правителемъ ни былъ, только былъ бы человѣкъ хорошій, безъ того и порядка быть не можетъ».

Казицкій успокоилъ его: «О проэктѣ, вами сочиненномъ,—писалъ онъ ему,—Государыня изволила всемилостивѣйше отозваться, что бы оный продолжали и что московскій театръ еще ни кому не порученъ».

Наконецъ, проектъ конченъ, и составитель его обращается съ письмомъ къ императрицѣ:—«По благоволенію Вашего Императорскаго Величества, я проэктъ и планъ о театрѣ сдѣлалъ и оный сообщилъ читая Д. В. Волкову и г. оберъ-полиціймейстеру. Они во всемъ со мною согласны крайне. А князю М. Н. Волконскому я оный сообщать нужды не имѣю, но сыскавъ копіиста и подписавъ купно съ Д. В. Волковымъ представляю высочайшей Вашего Величества апробаціи. Главная нужда въ томъ состояла, что бы была при театрѣ институція, чего прежде не было и отчего были непорядки, а могло бы быть и болѣ; что бы не было никакого мятежа и шуму, отчего безпокойства и всякія худыя слѣдствія быть могли и потребна тишина, а особливо, что бы не было своевольства ни отъ господъ, а паче отъ такихъ холопей, безъ чего ни одно представленіе не проходило. Паче всего я такъ опасался, что бы театръ не былъ порученъ Мелиссино, qui veut remplir sa bourse. Онъ твердилъ, обманывая людей, что каменный театръ будетъ, и подалъ дерзкое доношеніе въ Сенатъ, гдѣ точно видно, чего онъ хочетъ, и пишетъ предварительно, что онъ за свои труды чаетъ казеннаго отъ Вашего Величества награжденія; но и Д. В. Волковъ и г. Архаровъ, будучи разумны, этому посмѣялись. Театръ каменный быть можетъ и послѣ, но ожидая онаго суетно, не камни, но хорошія драмы и хорошія акціи потребны. А Мелиссиново стремленье—себя обогатить и требовать еще за то непомѣрнаго вознагражденія».

Хотя ни Мелиссино, ни Дмитревскій не получили антрепризы московскаго театра, но и труды Сумарокова по составленію порученнаго ему проекта пропали даромъ: не окончившаяся еще привилегія на содержаніе театра, данная покойному Бельмонти, перешла къ иностранцу Гроти, который сталъ распоряжаться драматическими произведеніями россійскаго господина Рассина, какъ своей собственностію: не только не приглашалъ его на репетиціи, но даже не испрашивалъ у него разрѣшенія на постановку его піесъ на сценѣ. Сумароковъ снова обращается съ письмомъ къ императрицѣ. «Всемилостивѣйшая Государыня,—пишетъ онъ отъ 31-го января 1773 г.,—трагедіи мои играются скаредно, никто актеровъ не учитъ, а я избавляяся досады въ театръ не ѣзжу, да и выпускать новыя драмы не можно, ибо такъ разсуждаютъ: когда-де піесы играны при Дворѣ и напечатаны, такъ играть можно. Съ Бельмонти сдѣланные кон-

тракты и до другихъ содержателей касаются, я не работникъ на московскую публику, а паче на содержателя. На что бы мнѣ и трудиться, если бъ мои труды тщетны были? Возможно ли поощрять себя къ театральнымъ сочиненіямъ, когда пьесы мои, тщательно сочиненныя, всемірно безобразятся и за которыя почти при каждомъ представленіи по тысячѣ рублей собирается, а со мной сбывается древняя русская пословица: «я именинникъ, да мнѣ и пирога нѣтъ». Ни покойная Императрица, ни Ваше Величество моихъ драмъ, какъ монарха власть ни велика, никогда безъ особливой милости представлять не повелѣвали, и всегда я отличнымъ пріятіемъ, питающимъ мое любочестіе, отъ Вашихъ Высочайшихъ Особъ пользовался. Говорятъ, будто философы презираютъ и почесть и доходъ. Это неправда, потому что и философы ѣдятъ и пьютъ и презрѣнія не любятъ. Не прикажите, Государыня, моихъ піесъ, игранныхъ только предъ очами Двора, представлять противъ всѣхъ театральныхъ учрежденій въ Москвѣ, обезображивая меня и отнимая мой авторскій доходъ. А игранныя пускай играютъ, я имъ не спорю, но не должно ли мнѣ несмысленныхъ актеровъ поучить. И въ Петербургѣ безъ моего показанія мои драмы играны не бывали. Я за старыя піесы дохода не требую, а требую только достойнаго представленія. Не лишите, Государыня, меня оставшей охоты къ театральному сочиненію! Развѣ мнѣ, поработавъ ради славы, приняться за сочиненіе романовъ, которые мнѣ дохода довольно принесть могутъ, ибо Москва до такихъ сочиненій охотница; но мнѣ романы ли писать пристало, а особливо въ дни царствованія премудрыя Екатерины, у которой, я чаю, ни единаго романа во всей библіотекѣ не сыщется. Когда владѣетъ Августъ, тогда пишутъ Виргилій и Овидій, и въ почтеніи тогда Енеиды, а не Бовы королевичи. А я и Бовою, выданнымъ отъ себя, не обезчещуся, хотя и не много чести присовокуплю!» [1])

Изслѣдованія Л. Н. Майкова рисуютъ намъ театральные нравы времени Екатерины II, которые очень болѣзненно отразились на «установителѣ русскаго театра» Сумароковѣ, но утонченность нравовъ дѣлаетъ все-таки замѣтные успѣхи въ русскомъ обществѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ упрочивается и любовь къ театральнымъ зрѣлищамъ, и даже начинаютъ устраиваться, при дворѣ и въ высшемъ обществѣ столицы, такъ-называемые благородные спектакли. Но рядомъ съ этимъ сознательнымъ увлеченіемъ искусствомъ, примѣръ которому былъ поданъ императрицей и ея приближенными, появляются неумѣлые подражатели, для которыхъ посѣщеніе театра становится модою. «Наши дворяне и большая часть молодыхъ людей,—замѣчаетъ по этому поводу сатирическій журналъ 1769 года «Всякая Всячина»,—обыкновенно увѣряютъ, что они большіе охотники до театральныхъ представленій, и почитаютъ себя знатоками въ этомъ дѣлѣ. Едва услышатъ они о новой драмѣ, то уже толпами собираются въ театръ и съ нетерпѣливостію дожидаются примѣчать больше дѣйствующія лица, нежели характеры, ими представляемые. Они болѣе берутъ участія въ небольшихъ спорахъ и несогласіяхъ актеровъ, нежели въ судьбѣ тѣхъ славныхъ героевъ и героинь, въ видѣ коихъ они намъ являются. Какъ Дмитревскій, Ле-Сажъ, или Троепольская, Мартеньша и пр. одѣты были, ихъ голоса, движенія, осанка составляютъ предметъ многочисленныхъ разговоровъ. Но Синава жестокая страсть, погубившая брата его, любовницу и его самого,—Гарпагонова гнусная

[1]) Лѣтоп. Тихоправова, т. III.

скупость, Магометово злодѣйство и ложью ослѣпленное суевѣріе, ополчающія руки чадъ на родителя,—исправленіе мота, словомъ, всѣ сіи живо изображенные характеры, вымышленные стихотворцами, возбуждающіе въ насъ благородныя чувства, исправляющіе наши нравы... предаются молчанію и столь мало внимаются, будто бы никакого примѣчанія не заслуживаютъ. Иные принуждаютъ себя казаться знающими въ драматическихъ сочиненіяхъ и любителями оныхъ и говорятъ, что больше только отъ скуки смотрятъ: но со всѣмъ тѣмъ можно видѣть, что ничто имъ больше онаго нравится».

До какой степени наивны были сужденія тогдашней русской публики объ игрѣ актеровъ,—объ этомъ мы находимъ нѣсколько современныхъ извѣстій. Воспринимаемое русскимъ обществомъ европейское образованіе подавляло самостоятельность его понятій до того, что оно не умѣло объективно цѣнить возникавшіе въ средѣ его дарованія [1]).

Прибавимъ къ этому, что въ тогдашнее время занятія актера считались вообще неблагородными, а знакомство съ комедіантами—унизительнымъ для порядочнаго человѣка. Вслѣдствіе того, дружба нѣкоторыхъ писателей изъ дворянъ: А. П. Сумарокова, Н. И. Новикова. В. И. Майкова съ знаменитыми русскими актерами Ф. Г. Волковымъ и И. А. Дмитревскимъ оказывалась даже нѣкоторымъ протестомъ противъ господствовавшихъ въ обществѣ предразсудковъ.

Неудивительно, что при такихъ понятіяхъ русская публика обнаруживала крайнее неумѣнье вести себя въ театрѣ, и особенно въ такомъ, гдѣ играли русскіе актеры. Въ «Вечерахъ», сатирическомъ журналѣ 1770—1771 годовъ, находимъ слѣдующее любопытное письмо одной дамы: «Господа издатели. Усерднѣйше прошу васъ дать пристойно восчувствовать нашимъ согражданамъ, въ чемъ состоитъ цѣль и установленіе театровъ, и что на таковыя позорища, какъ комедія и трагедія, ѣздятъ, чтобы слушать, а не только глядѣть или себя казать и смотрѣть другихъ, и что благоразумное воспитаніе учитъ въ собраніяхъ, гдѣ чего бы то ни было и какое-либо сообщество собралось слушать, если самъ слушать не хочешь, то другимъ не мѣшать. Мнѣ случилось быть въ театрѣ, когда русскаго «Беверлея» представляли; истинно съ крайнею прискорбностью слышала: во-первыхъ, что не умолкали говорить; многія дамы для прохлажденія медку изъ караульни посылали просить, другія—кушали; наконецъ, въ театрѣ хохотали, на что, конечно, другой причины тѣмъ забавнымъ людямъ не было, какъ только названіе комедіи, въ которую, по ихъ мнѣнію, надлежало смѣяться. Молчаніе и тихость не прежде возстановились, когда въ самомъ дѣлѣ только глазами, а не слухомъ, вниманіе имѣть должны, то-есть, въ балетѣ. Размышляя о семъ, мнѣ пришла на умъ и та неутѣшная мысль, что намъ предъ чужестранными и тѣмъ извиниться не можно, что парадисъ или, въ другихъ мѣстахъ, партеръ всякаго состоянія людьми въ вольныхъ позорищахъ наполняется, потому что въ Императорскій театръ, кромѣ благородныхъ, положено не впускать, почему титулованныя особы суть одни въ немъ зрители» [2]).

Особенно безцеремонно вела себя театральная публика въ Москвѣ. Картину ея поведенія оставилъ Сумароковъ въ слѣдующихъ строкахъ предисловія къ своему «Димитрію Самозванцу»: «Непристойно

[1]) „Всякая Всячина", ст. 120—123.
[2]) „Вечера", ч. II, стр. 67—28.

съѣзжавшимся видѣть «Семиру» сидѣть возлѣ самаго оркестра и грызть орѣхи, и думать, что когда за входъ заплачены деньги въ позорище, можно въ партерѣ въ кулачки биться, а въ ложахъ разсказывати исторіи своей недѣли громогласно и грызть орѣхи... Многіе въ Москвѣ зрители и зрительницы не для того на позорища ѣздятъ, дабы имъ слышать ненужныя имъ газеты: а грызеніе орѣховъ не приноситъ удовольствія ни зрителямъ разумнымъ, ни актерамъ, ни трудившемуся во удовольствіе публики автору; ево служба награжденія, а не наказанія достойна. Вы, путешественники, бывшіе въ Парижѣ и въ Лондонѣ, скажите: грызутъ ли тамъ во время представленія драмы орѣхи, и когда представленіе въ пущемъ жарѣ своемъ, сѣкутъ ли поссорившихся между собою пьяныхъ кучеровъ ко тревогѣ всего партера, ложъ и театра?» [1]).

Эти дикія черты театральныхъ нравовъ могли бы казаться невѣроятными и изобрѣтенными горячимъ воображеніемъ раздражительнаго Сумарокова, если бы не находили себѣ подтвержденія въ нижеслѣдующемъ объявленіи отъ московскихъ актеровъ труппы антрепреперовъ Бельмонти и Чути, которое было тогда же напечатано и раздавалось, вѣроятно, вмѣстѣ съ афишами.

Отъ актеровъ Россійскаго театра.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Декабря 22-го дня представлена будетъ «Семира», на собственный зборъ актеровъ. Авторъ оной драмы покорнѣйше проситъ публику о благоволительномъ слушаніи, дабы могъ онъ давати свои драмы и впредь, ради удовольствія зрителей. Онъ бы тщетно давалъ на представленіе свои сочиненія, ежели бы онъ чаялъ то, что не для слушанія ево драмъ, но ради единаго собѣседованія и разговоровъ въ театральный домъ собираются; ибо трудолюбно написанныя имъ сцены мѣшали бы собирающимся разговаривать. Автору кажется, что сіе ево размышленіе основательно и требованіе справедливо: о чемъ и актеры нижайше просятъ. А въ противномъ случаѣ, ни одной трагедіи и ни одной комедіи сего автора, безъ присутствія Двора, при жизни авторовой, въ Москвѣ представлено не будетъ. А содержатели театра съ нимъ письменно обязались, чтобъ безъ ево согласія, ево сочиненій не представлять, чево они и безъ обязательства дѣлать не могутъ. Представленіе начнется по обыкновенію въ 6 часовъ пополудни».

Главнокомандующій въ Москвѣ графъ П. С. Салтыковъ (1700—1772) былъ человѣкъ довольно добрый, не склонный къ грубому обращенію, если сердился или когда бывалъ навеселѣ, что случалось съ нимъ, по увѣренію Сумарокова, чуть ли не каждый день...

Главнымъ помощникомъ графа Салтыкова по управленію столицей былъ московскій оберъ-полиціймейстеръ графъ Василій Ивановичъ Толстой (ум. 1785 г.), родной внукъ знаменитаго графа Петра Андреевича Толстого (1645—1729), женатый на Аннѣ Яковлевнѣ Протасовой (ум. 1786 г.).

Одинъ изъ разгульныхъ москвичей, графъ Михаилъ Федоровичъ Апраксинъ, женатый на дочери статскаго совѣтника Алексѣя Михайловича Еропкина (ум. 1764 г.), принадлежавшаго къ числу главныхъ пособниковъ въ возведеніи на престолъ Екатерины II, увезъ къ себѣ

[1]) Сочиненія, ч. VI, стр. 63.

въ деревню еще лѣтомъ 1770 г. первую московскую актрису Елизавету Иванову. Они вели разгульную жизнь, и Апраксинъ спошлъ ее съ кругу. О побѣгѣ ея дали знать въ полицію, которая ее разыскала и выслала обратно въ Москву, а за нею явился туда опять ея похититель, и оба стали вести прежнюю жизнь. Иванова безпрестанно ругалась на сценѣ съ своими товарищами, а Апраксинъ такъ велъ себя, что оберъ-полиціймейстеръ, опасаясь отъ него какихъ-нибудь несчастій, не разъ вынужденъ бывалъ дѣлать ему выговоры и угрозы. Несмотря на свое поведеніе, Иванова сумѣла какъ-то заслужить расположеніе старика графа Салтыкова, который сталъ публично не скрывать своего ей покровительства и вообще хлопотать о ней, такъ что, въ половинѣ января, самъ пріѣзжалъ съ своимъ сыномъ къ Сумарокову, прося его поговорить съ Бельмонти и Чути о томъ, какъ бы удерживать Иванову отъ худого поведенія.

Недоброжелатели Сумарокова задумали осрамить его публично именно тамъ, гдѣ онъ считалъ себя законодателемъ, то-есть въ театрѣ. Для этого лучше всего, казалось, устроить уродливое представленіе одной изъ его пьесъ и произвести во время онаго какой-нибудь скандалъ. Дѣло повели ловко. Княгинѣ В. П. Голицыной и княжнѣ Куракиной внушили, не говоря ничего о цѣли, съ которою это дѣлается, чтобы онѣ выразили Сумарокову отъ себя и отъ имени высшаго московскаго общества желаніе видѣть на сценѣ передѣланную недавно авторомъ трагедію «Синавъ и Труворъ», еще не игранную въ Москвѣ, и комедію его «Три брата-совмѣстники». Сумароковъ, очень любившій этихъ дамъ, которыя были къ нему всегда любезны, охотно далъ свое согласіе, необходимое для этого на основаніи контракта его съ Бельмонти, и сталъ учить актеровъ. Но репетиціи шли дурно, и даже роли не были разучены, хотя день представленія уже наступалъ. Наканунѣ Иванова, будучи пьяна, не могла ѣхать на репетицію. Сумароковъ обратился къ графу Толстому, прося его немедленно выслать ее туда; но Толстой, доложивши о томъ графу Салтыкову, получилъ отъ него въ отвѣтъ, что онъ самъ будетъ раздавать роли и учить актеровъ; а потому графъ Толстой и посовѣтовалъ Сумарокову самому переговорить съ главнокомандующимъ, который благоволилъ къ автору. Сумароковъ поскакалъ къ графу Салтыкову, но, не заставши его дома, зашелъ съ визитомъ къ его сыну, у котораго сидѣли: сестра его княгиня Голицына, зять графъ Шуваловъ и самъ графъ Толстой. Вскорѣ вошелъ туда и воротившійся домой главнокомандующій, уже разсерженный тѣмъ, что Сумароковъ хлопоталъ о высылкѣ укрывавшейся Ивановой. Онъ съ гнѣвомъ и крикомъ бросился прямо на Сумарокова, спрашивая: «для чего ты вплетаешься въ представленія драмъ?» Сумароковъ отвѣтилъ, что желаетъ, чтобы онѣ были хорошо разыграны. На вопросъ графа Салтыкова: «для чего же въ полицію указы посылаешь?»—онъ отвѣчалъ, что не дѣлалъ этого и сослался въ томъ на графа Толстого. Тогда графъ Салтыковъ закричалъ: «нѣтъ тебѣ дѣла до представленій и актеровъ, не учи ихъ; какъ играть—я приказываю», и вышелъ.

На другой день представляли какую-то комедію вмѣсто объявленнаго «Синава», котораго рѣшительно нельзя было играть, въ чемъ соглашался съ Сумароковымъ и самъ Бельмонти, ссылаясь на то, что актеръ, которому дана была роль Гостомысла, никогда не игралъ еще въ трагедіяхъ, и пьеса не была разучена. Графъ Салтыковъ, увидя въ театрѣ Сумарокова, спросилъ, для чего представляютъ не «Синава» и не онъ ли запретилъ играть его? На отвѣтъ, что роли не

выучены, главнокомандующій закричалъ: «я на зло тебѣ велю играть «Синава» послѣзавтра» — и приказалъ объявить о томъ. Сумароковъ, избѣгая дальнѣйшихъ непріятностей, уѣхалъ, а графъ Салтыковъ, вѣроятно подгулявшій, взялъ случившуюся тутъ актрису Иванову и вышелъ съ нею изъ-за кулисъ на сцену во время представленія, отъ чего вся публика захохотала.

На другой день Сумароковъ, боявшійся «fiasco», ожидавшаго его пьесу, а вѣроятно и провѣдавшій о кабалѣ, готовившійся по ея поводу, рѣшился еще разъ при графѣ Толстомъ попытаться передъ главнокомандующимъ объ отмѣнѣ представленія «Синава», назначеннымъ на 31-е января. Онъ сослался на явленный въ полиціи контрактъ съ Бельмонти, обязывавшій его не играть пьесъ Сумарокова безъ согласія автора и на отзывъ самихъ содержателей театра о томъ, что пьеса не готова. Но графъ Салтыковъ закричалъ: «я контракты передеру». Тогда Сумароковъ объявилъ, что пожалуется государынѣ, а графъ Толстой доложилъ, что о нарушеніи контракта должно писать въ главную полицію, въ Петербургъ, на что графъ Салтыковъ сказалъ: «пишите, куда хотите». Между тѣмъ, онъ непремѣнно приказалъ играть «Синава» 31-го января. Сумароковъ заболѣлъ съ горя и не могъ выходить изъ дому, когда 30-го января принесли ему афишу «Синава», назначеннаго къ представленію на слѣдующій день. Онъ тотчасъ же написалъ къ Бельмонти записку, упрекая его въ нарушеніи контракта, грозя денежнымъ за то взысканіемъ и заявляя, что приказаніе графа Салтыкова не обязательно, потому что оно противно законамъ, стоящимъ выше, нежели воля главнокомандующаго. Иванова, однако, по болѣзни отказалась выучить роль Ильмены и играть ее. Но главнокомандующій, подозрѣвая, что она дѣлаетъ это въ угоду Сумарокову (что полагали, впрочемъ, сами содержатели театра и актеры), велѣлъ держать ее въ театрѣ, какъ бы подъ арестомъ. Принужденная Иванова въ самый день представленія писала Сумарокову, что ей дѣлаютъ насиліе, что играть она какъ слѣдуетъ не можетъ и сдѣлаетъ это только во избѣжаніе для него непріятностей, хотя роль будетъ испорчена. Между тѣмъ, строптиваго характера графа Салтыкова такъ опасались, что дочь Сумарокова перестала ѣздить въ свою ложу, потому что она была рядомъ съ ложею графа Салтыкова. Съ другой стороны, разсказываютъ, будто Сумароковъ около этого времени былъ въ такомъ гнѣвномъ расположеніи, что выбѣжалъ однажды на сцену во время представленія и выбросилъ за кулисы какую-то актрису.

Сумароковъ нѣсколько дней лежалъ въ постели и его лѣчилъ докторъ его гонителя графа Салтыкова, но онъ не дожидался не только окончанія позорнаго для него представленія, но и окончательнаго приказанія графа Салтыкова дать оное, чтобы на него пожаловаться. Отъ 28-го января онъ отправилъ въ Петербургъ, съ возвращавшимся туда изъ Москвы извѣстнымъ актеромъ Шумскимъ, письмо къ статсъ-секретарю Козицкому съ приложеніемъ для передачи другого письма на имя самой императрицы.

Козицкаго Сумароковъ просилъ представить немедленно императрицѣ его письмо къ ней.

Императрицѣ Сумароковъ описалъ все, что разсказано выше и что происходило до 28-го января, то-есть до выхода на сцену графа Салтыкова съ Ивановой включительно, объясняя притомъ причины, руководившія его поступками при столкновеніяхъ съ графомъ, и несправедливости послѣдняго. Къ этому Сумароковъ, прося защиты госу-

дарыни, прибавлялъ доказательства необходимости покровительства для писателей; затѣмъ онъ ссылался на письмо къ нѣму Вольтера, говорилъ, что четыре дня, какъ боленъ съ горя, и что поступки графа Салтыкова помѣшаютъ ему кончить новую трагедію «Дмитрій Самозванецъ», сочинить новую комедію и вообще заниматься писаніемъ разныхъ сочиненій, особенно комедій, на что хотѣлъ бы онъ посвятить еще четыре года своей жизни.

Между тѣмъ наступилъ роковой для Сумарокова вечеръ—31-го января. Въ театрѣ играли «Синава», а авторъ его, сидя дома, страдалъ отъ физической болѣзни и отъ мученій оскорбленнаго самолюбія; онъ зналъ, что трагедія будетъ изуродована и подастъ случай врагамъ жестоко обижать его.

Несомнѣнно, что во время спектакля 31-го января происходилъ большой безпорядокъ. Шумъ, шиканье и свистъ раздавались во все время представленія: актеры искажали роли, играли дурно и нѣкоторые, какъ говорятъ, нарочно въ угоду начальству и антрепренерамъ, льстившимъ графу Салтыкову. Словомъ, позоръ для Сумарокова былъ полный.

Пока Сумарокова срамили въ театрѣ, самъ онъ въ отчаяніи сидѣлъ у себя и, исполненный горя и негодованія, написалъ извѣстную элегію, въ которой изображаетъ свое ужасное положеніе въ эти тяжкія минуты, вспоминаетъ о своихъ заслугахъ, награжденныхъ такою неблагодарностью, взываетъ къ тѣни Елисаветы, къ Екатеринѣ и другу своему Вольтеру.

Сумароковъ не могъ удержаться отъ того, чтобы, не дожидаясь отвѣта на письмо свое къ императрицѣ отъ 28-го января, не пожаловаться ей на происшедшее. Онъ сдѣлалъ это на другой же день послѣ представленія, написавши къ ней второе письмо, помѣченное 1-мъ числомъ февраля. Въ немъ онъ отчасти повторялъ, отчасти дополнялъ прежде описанныя имъ обстоятельства дѣла, обвинялъ жестоко графа Салтыкова, выставлялъ какъ свои заслуги и похвалы имъ, воздававшіяся за границею, такъ и безукоризненность своей прежней службы и поведенія. Все это такъ же, какъ и первое письмо его, было изложено несвязно и самымъ запальчивымъ тономъ. Въ заключеніе онъ просилъ у императрицы правосудія и разрѣшенія черезъ Козицкаго напечатать приложенную къ письму вышеупомянутую элегію, написанную наканунѣ, во время позорнаго представленія «Синава».

Отъ 1-го же февраля Сумароковъ просилъ Козицкаго поднести императрицѣ его второе письмо отъ этого числа, не ожидая отвѣта на первое отъ 28-го января, и напечатать препровожденную къ ней элегію, а также вручить ей записку къ нему актрисы Ивановой, уже извѣстную читателямъ и долженствовавшую, по мнѣнію Сумарокова, доказать, что «Синава» точно нельзя было играть и что, слѣдовательно, онъ правъ.

Императрица, прочитавши письма Сумарокова къ ней отъ 28-го января и 1-го февраля, писанныя самымъ неприличнымъ для подданнаго образомъ, написала на записочкѣ Козицкаго, при которой онъ подалъ ей присланную имъ элегію: «Сумароковъ безъ ума есть и будетъ».

Козицкій отъ 15-го февраля писалъ Сумарокову, что означенные стихи не отданы ему императрицею для печатанія и желалъ ему успѣха въ сочиненіи новой трагедіи, то-есть «Дмитрія Самозванца», но ничего не говорилъ о судьбѣ его писемъ къ императрицѣ.

Великодушная и мудрая императрица, несмотря на мнѣніе ея о безумномъ нравѣ Сумарокова, рѣшилась, однако, сама отвѣчать на два его письма. Она хотѣла дать ему урокъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ смягчить этотъ урокъ отправленіемъ отвѣта отъ нея самой и формою, въ которую онъ былъ облеченъ, изъ уваженія къ литературнымъ заслугамъ Сумарокова и въ знакъ памяти о случаяхъ, гдѣ онъ выказалъ ей истинную преданность.

Екатерина писала Сумарокову, что удивляется его письмамъ; все дѣло въ томъ, что Бельмонти исполнялъ приказаніе графа Салтыкова, желавшаго видѣть трагедію Сумарокова, что только дѣлаетъ честь автору, которому слѣдовало исполнить желаніе перваго лица въ Москвѣ, заслуживающаго, по лѣтамъ и славѣ своей, полнаго уваженія. Поэтому она совѣтуетъ ему избѣгать впредь подобныхъ ссоръ, чѣмъ сохранитъ онъ спокойствіе духа, необходимое для литературныхъ занятій, а ей всегда пріятнѣе будетъ видѣть выраженіе страстей въ его трагедіяхъ, нежели въ его письмахъ.

Настроеніе Сумарокова выразилось въ слѣдующемъ его стихотвореніи:

«Всѣ мѣры превзошла теперь моя досада;
Ступайте, фуріи, ступайте вонъ изъ ада,
Грызите жадно грудь, сосите кровь мою!
Въ сей часъ, въ который я терзаюсь, вопію,
Въ сей часъ, среди Москвы «Синава» представляютъ,
И вотъ какъ автора достойно прославляютъ:
«— Играйте, говорятъ, во мзду его уму,
Играйте пакостно за трудъ на зло ему!»—
Сбираются ругать меня враги и други,—
Сіе ли за мои, Россія, мнѣ услуги?
Отъ странъ чужихъ во мзду имѣю не сіе:
Слезами я кроплю, Вольтеръ, письмо твое!
Лишенный музъ, лишусь, лишусь я свѣта!
Екатерина, зри! Проснись, Елисавета!
И сердце днесь мое внемлите вмѣсто словъ!
Вы мнѣ прибѣжище, надежда и покровъ,
Отъ гроба зритъ одна, другая зритъ отъ трона,—
Отъ нихъ и съ небеси мнѣ будетъ оборона...
Я суетно на васъ, о музы, уповалъ!
За трудъ мой ты, Москва, меня увидишь мертва:
Стихи мои и я—наукъ злодѣевъ жертва».

Въ 1776 г. въ товарищи къ Гроти по содержанію театра вступилъ московскій губернскій прокуроръ, князь Петръ Васильевичъ Урусовъ, которому Гроти, въ томъ же году, передалъ всѣ свои права и обязанности, только не сдалъ гардероба, не заплатилъ актерамъ жалованья, не разсчитался съ кредиторами и «не извѣстно, куда отлучился». Оставшись полнымъ хозяиномъ театра, князь пригласилъ къ себѣ англичанина Медокса — сначала въ товарищи, а когда театръ, въ которомъ давались представленія, сгорѣлъ (1780 г.), то передалъ ему свою привилегію, до конца которой оставалось еще шесть лѣтъ, въ полную его волю. Войдя въ большіе долги и обязательства, Медоксъ черезъ пять мѣсяцевъ построилъ, по плану-архитектора Розберга, каменный театръ на Петровкѣ (на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ стоитъ и донынѣ), въ приходѣ церкви Спаса, что на Копьѣ (церковь эта разобрана послѣ 1812 г.). Начальникъ столицы, князь Василій Михай-

ловичъ Долгоруковъ-Крымскій, изъявилъ Медоксу свое особое благоволеніе и предписалъ полиціймейстерской канцеляріи «имѣть къ нему всѣмъ чинамъ полиціи особенное почтеніе и уваженіе и охранять его отъ всѣхъ непріятностей, какія могли случиться при его званіи, за то, что онъ, стараясь о доставленіи публикѣ всевозможныхъ удовольствій, употребилъ весь свой капиталъ на построеніе огромнаго театра и еще обременилъ себя черезъ то великимъ долгомъ» [1]), и по окончаніи его привилегіи, до конца которой оставалось еще пять лѣтъ, продолжить оную ему и наслѣдникамъ его еще на десять лѣтъ. Заручившись такой выгодной привилегіей, Медоксъ сталъ расширять свое предпріятіе, сталъ покупать на чужое имя крѣпостныхъ людей для своего театра, купилъ деревню и все болѣе и болѣе увеличивалъ свои долги. Вдругъ дѣла его приняли совсѣмъ неожиданный для него оборотъ. Главный начальникъ воспитательныхъ домовъ, Иванъ Ивановичъ Бецкой, заблагоразсудилъ учредить публичный театръ при Московскомъ воспитательномъ домѣ. Въ Петербургѣ уже существовалъ театръ, на которомъ практиковались питомцы Бецкаго, онъ помѣщался на Царицыномъ лугу, завѣдывалъ имъ чиновникъ воспитательнаго дома Книперъ, а руководителемъ былъ Ив. Аѳ. Дмитревскій. Театръ этотъ, со всѣмъ имуществомъ, въ 1783 г., перешелъ въ собственность театральной дирекціи [2]), а актеры-питомцы перевезены были въ Москву. Въ предпріятіи Бецкаго Медоксъ увидалъ опасную для себя конкурренцію и нарушеніе дарованныхъ ему привилегій. «Простите, ваше сіятельство,—писалъ онъ къ начальнику Москвы, графу Захару Григорьевичу Чернышеву, — руку помощи чужестранцу, который всю свою надежду возлагаетъ на правосудіе Всемилостивѣйшей Государыни и на васъ, яко усерднаго исполнителя Высочайшей и щедрой ея воли. Войдите въ несчастное положеніе моей семьи и тѣхъ людей, которые довѣрили мнѣ свой капиталъ. Я совершенно увѣренъ, что Ея Величество не соизволитъ на мое разореніе. Если вы благоволите представить Ея Императорскому Величеству весь ужасъ, которымъ угрожаетъ мнѣ заведеніе театра въ воспитательномъ домѣ, то, конечно, милосердая монархиня благоволитъ оное уничтожить, или, по крайней мѣрѣ, вознаградитъ меня за убытокъ, который я въ истекающіе годы моей привилегіи неминуемо понести долженъ» [3]).

Императрица повелѣла разрѣшить этотъ вопросъ тому судебному мѣсту, къ которому онъ по существу относиться можетъ. Бецкій претензію Медокса отнесъ къ дурному съ его стороны поступку и писалъ графу Чернышеву: «Я весьма удивляюсь, что всякій пріѣзжій иностранецъ допускается приводить въ замѣшательство права сего государственнаго учрежденія (воспитательнаго дома), кои должны быть свято къ пользѣ общества сохраняемы и всѣ вышнія и нижнія присутственныя мѣста, во всемъ государствѣ, имѣютъ оному показывать всякое защищеніе и вспомоществованіе. А какъ вы имѣете обязанность удерживать всякія противу правъ и преимуществъ воспитательнаго дома поползновенія, то я несомнѣнно надѣюсь, что въ семъ случаѣ, противу оказанныхъ со стороны Медокса дурныхъ поступковъ, изволите подать такой примѣръ, чтобы и впредь никто не осмѣлился покуситься».

Медоксъ подалъ прошеніе въ Верхній земскій судъ, который рѣ-

[1]) Гостевъ—матеріалы для срав. стат. Москвы, стр. 197.
[2]) Архивъ дир. Отд. II, № 136.
[3]) Гостевъ, стр. 176.

шелъ споръ въ пользу воспитательнаго дома, на томъ основаніи, что привилегія, данная Медоксу, обязательна только въ отношеніи къ частнымъ лицамъ, а не къ такому учрежденію, какъ воспитательный домъ. Медоксъ долженъ былъ прекратить свой искъ и помирился съ воспитательнымъ домомъ на слѣдующихъ условіяхъ: онъ обязался принять на свое жалованье питомцевъ обоего пола, которые привезены были въ Москву изъ С.-Петербургскаго театра при воспитательномъ домѣ; дать имъ то же самое жалованье и содержаніе, какія они получали и, сверхъ того, употребить все свое стараніе о выгодахъ тѣхъ изъ нихъ, которые не желаютъ искать себѣ счастья въ другихъ мѣстахъ; содержать на своемъ иждивеніи и жалованьѣ учителей музыки, танцевъ, декламаціи и проч. для опредѣленнаго числа питомцевъ воспитательнаго дома; принять отъ воспитательнаго дома за четыре тысячи рублей весь театральный гардеробъ, и, кромѣ того, пятьдесятъ питомцевъ для балетовъ, двадцать четыре для декламаціи и тридцать для музыки, которыхъ онъ долженъ былъ обучать театральному искусству, содержаніе же ихъ и обученіе ихъ другимъ предметамъ воспитательный домъ принималъ на свой счетъ. За это Опекунскій Совѣтъ уступалъ Медоксу театръ, устроенный въ воспитательномъ домѣ, въ большой залѣ главнаго корпуса; обязывался построить еще другой театръ, внѣ главнаго корпуса, и дозволить Медоксу производить въ нихъ публичныя представленія, во все время его привилегій, питомцами и своей труппой, когда и сколько онъ заблагоразсудитъ; доходы съ обоихъ театровъ предоставлялъ собирать Медоксу съ тѣмъ, чтобы онъ вносилъ десятую часть изъ нихъ въ воспитательный домъ; обязывался своего театра не открывать и никому другому, кромѣ Медокса, содержаніе публичнаго театра въ Москвѣ не дозволять». Условіе это подписано 1784 г. ноября 20-го дня.

Тотчасъ по заключеніи контракта, Медоксъ распустилъ всю труппу, принятую имъ отъ Опекунскаго Совѣта, и своихъ крѣпостныхъ танцовщиковъ, оставивъ при себѣ только свою бывшую труппу, и, имѣя въ виду постройку театра отъ воспитательнаго дома, рѣшился свой театръ продать. Покупщиковъ не нашлось. Между тѣмъ Бецкій отмѣнилъ постройку новаго каменнаго театра при воспитательномъ домѣ и не дозволилъ своимъ питомицамъ танцовать на публичномъ театрѣ. Медоксъ этимъ воспользовался и испросилъ себѣ заимообразно у Опекунскаго Совѣта сто десять тысячъ рублей, представивши въ обезпеченіе свой театръ и строившійся имъ въ Таганкѣ, на Алексѣевской улицѣ, вокзалъ и, отказавшись отъ своихъ правъ требовать, въ силу контракта, заключеннаго съ Опекунскимъ Совѣтомъ, постройки новаго театра. Но этотъ заемъ не поправилъ его разшатанныхъ дѣлъ. Кредиторы требовали уплаты и ему грозило личное задержаніе. Медоксъ придумалъ отчаянное средство, онъ подалъ въ 1789 г. въ Опекунскій Совѣтъ такое заявленіе: «такъ какъ я долговъ своихъ выплатить уже никакимъ образомъ не могу, то въ удостовѣреніе воспитательнаго дома, равно и партикулярныхъ моихъ кредиторовъ, въ вѣрной имъ уплатѣ, не нахожу другаго средства, какъ предать—и предаю я—самъ себя, со всѣми моими заведеніями и со вступающими отъ нихъ доходами въ полную волю и управленіе почтеннаго Опекунскаго Совѣта». Совѣтъ на это предложеніе согласился и постановилъ: «Совѣту собирать доходы съ театральныхъ представленій: расходы по театру, въ годъ двадцать семь тысячъ, отдать въ распоряженіе Медокса; выдавать ему жалованья по пяти тысячъ рублей въ годъ; предоставить ему ту же квартиру, которую онъ за-

нималъ, при сборахъ быть приставамъ отъ Совѣта и отъ Медокса». Сдѣлавшись казенной вещью, Медоксъ, разумѣется, тотчасъ же избавился и отъ докучливыхъ кредиторовъ и отъ личнаго задержанія. На первый годъ весь сборъ отъ театральныхъ представленій составилъ только десятую часть положенной въ воспитательный домъ платы.

1791 г. января 1-го Медоксъ просилъ Опекунскій Совѣтъ сложить съ него взносъ десятой части сбора съ представленій, ссылаясь на пункты обязанностей Опекунскаго Совѣта, «изображающіе сострадание къ угнетеннымъ». Въ этомъ ему отказано.

1792 г. марта 30-го онъ обратился съ просьбою къ главному начальнику Москвы, князю Александру Александровичу Прозоровскому, въ которой прописывалъ свои услуги публикѣ: построеніе театра, флигеля, круглой залы, вокзала, маскарадной залы, которая стоила ему сто тысячъ, заведеніе декорацій и гардероба, учрежденіе при театрѣ школы для тридцати мальчиковъ и дѣвочекъ, устроеніе русскихъ комическихъ оперъ, балетовъ т. п., и просилъ князя войти въ его положеніе и оказать ему содѣйствіе. На эту просьбу князь положилъ слѣдующую резолюцію: «фасадъ вашего театра дуренъ: нигдѣ нѣтъ въ немъ архитектурной пропорціи — онъ представляетъ скорѣе груду кирпича, чѣмъ зданіе. Онъ глухъ, потому что безъ потолка, и весь слухъ уходитъ подъ кровлю. Въ сырую погоду и зимой въ немъ бываетъ течь сквозь худую кровлю; вездѣ вѣтеръ ходитъ, и даже окна не замазаны; вездѣ пыль и нечистота. Онъ построенъ не по данному и Высочайше конфирмованному плану: внизу нѣтъ сводовъ; нѣтъ опредѣленныхъ входовъ; въ большую залу одинъ входъ и выходъ; въ верхній этажъ ложъ — одна деревянная лѣстница; вверху нѣтъ бассейна, отчего можетъ быть большая опасность, въ случаѣ пожара. Кругомъ театра, вмѣсто положенной для разъѣзда улицы, деревянное мелочное строеніе, внутреннее же убранство театра весьма посредственно, декораціи и гардеробъ худы. Зала для концертовъ построена дурно: въ ней нѣтъ резонанса; зимой ее не топятъ, оттого всѣ сидятъ въ шубахъ; когда топятъ, угарно. Актеровъ хорошихъ только и есть два или три старыхъ; нѣтъ ни пѣвца, ни пѣвицы хорошихъ, ни посредственно танцующихъ, ни знающихъ музыку. Повѣрить нельзя, что у васъ капельмейстеръ глухой и балетмейстеръ хромой, изъ школы вашей не вышло ни пѣвца, ни пѣвицы, ни актера, ни актрисы порядочныхъ. Въ выборѣ пьесъ вы неудачны». А ужъ потребность въ театральныхъ представленіяхъ въ то время развилась настолько, что многіе московскіе баре, недовольные спектаклями Медокса, стали заводить собственные театры, на которыхъ представляли ихъ крѣпостные люди.

21-го апрѣля 1797 г., черезъ двѣ недѣли послѣ коронаціи императора Павла, московскій военный губернаторъ Архаровъ затребовалъ отъ оберъ-полиціймейстера свѣдѣній о количествѣ московскихъ частныхъ театровъ.

«Съ полученія сего извольтѣ,—писалъ онъ ему,—какъ наіевозможно скорѣе мнѣ донести, сколько дѣйствительно находится здѣсь тѣатровъ и коликое число при каждомъ изъ нихъ есть актеровъ, и другихъ людей. Иванъ Архаровъ».

На третій же день, 23-го апрѣля 1797 года, частные пристава всѣхъ 20 частей, на которыя тогда раздѣлялся городъ Москва, а именно: Арбатской, Басманной, Городской, Лефортовской, Мѣщанской, Мясницкой, Новинской, Покровской, Пречистенской, Прѣсненской, Пятницкой, Рогожской, Серпуховской, Срѣтенской, Сущевской, Таганской,

Тверской, Хамовнической, Якиманской и Яузской—рапортовали: «Высокородному и высокопочтенному господину московскому обер-полицмейстеру и кавалеру Павлу Никитичу Каверину, на основаніи собранныхъ ими свѣдѣній чрезъ «квартальныхъ офицеровъ», что частные театры находятся:

1. Въ *Арбатской части.* Въ домѣ артиллеріи капитана Ивана Яковлевича Блудова имѣлся небольшой театръ, но онъ «назадъ тому пять лѣтъ» (т. е. съ 1792 года) находится безъ дѣйствія. Изъ состоявшей въ то время изъ крѣпостныхъ людей Блудова труппы въ 1797 году находились при немъ, при разныхъ по дому должностяхъ, три актера, три музыканта и двѣ актрисы. Остальныя же лица труппы разосланы были Блудовымъ по разнымъ его деревнямъ для исполненія хозяйственной службы.

2. Въ *Городской части.* Въ домѣ графа Николая Петровича Шереметева былъ театръ, при коемъ находилось актеровъ и актрисъ человѣкъ до 50, да музыкантовъ человѣкъ до 30. Театръ этотъ нынѣ (въ 1797 г.) уничтоженъ.

3. Въ *Мѣщанской части.* Въ домѣ тайнаго совѣтника и кавалера князя Петра Михайловича Волконскаго находится театръ изъ дворовыхъ его сіятельства людей. Актеровъ 4, музыкантовъ и пѣвчихъ 18 человѣкъ.

4. Въ *Мясницкой части.* Въ домѣ полковника князя Николая Ивановича Одоевскаго въ домѣ ставятся ширмы и вынимаются для забавы. Играютъ собственные его люди, какъ-то: афиканты (офиціанты), писарь, поваровъ сынъ и мальчики, съ ними женщины, ихъ сестра и жены. Играютъ для Одоевскаго въ зиму раза два, послѣ чего всѣ эти актеры, актрисы и музыканты возвращаются къ своимъ прежнимъ должностямъ при домѣ, какая кому препоручена.

5. Въ *Пречистенской части.* Въ домѣ бригадира Андрея Ивановича Давыдова былъ театръ, просуществовавшій только одинъ годъ и закрытый лѣтъ пять тому назадъ (слѣдов., опять около 1792 г.). При театрѣ были музыканты и пѣвчіе, актеры и актрисы и все это изъ собственныхъ крѣпостныхъ людей и дѣвокъ г. Давыдова. Музыкантовъ и пѣвчихъ было 15 человѣкъ, актрисъ 8. Всѣ они нынѣ (въ 1797 году) находятся московской губерніи, коломенской округи, въ вотчинѣ г. Давыдова, въ селѣ Ульяновѣ при разныхъ должностяхъ или въ замужествѣ.

6. Въ домѣ генералъ-маіора и кавалера Гаврилы Ильича Бибикова былъ театръ назадъ тому шестой годъ, въ которомъ находилось музыкантовъ и пѣвчихъ 25 человѣкъ изъ крѣпостныхъ г. Бибикова. Въ томъ числѣ актрисы—двѣ дѣвки и актеровъ 6 мальчиковъ. Нынѣ же дѣйствій въ ономъ никакихъ не имѣется, а музыканты, пѣвчіе, актеры и актрисы остались при своемъ господинѣ въ услуженіи.

7. Въ домѣ покойнаго тайнаго совѣтника и кавалера князя Алексѣя Ивановича Гагарина былъ театръ, который и уничтоженъ въ 1796 году. Въ немъ представленій не было, а собственныя «свои» 4 дѣвки пѣли концерты и забавлялись княжны между собою. Нынѣ же въ ономъ ничего не имѣется.

8. Въ *Рогожской части.* Въ домѣ его превосходительства г-на дѣйствительнаго камергера Николая Никитича Демидова былъ театръ, при коемъ изъ собственныхъ его людей было: актеровъ 9, актрисъ 7, музыкантовъ 25 человѣкъ. Съ 12 мая 1796 года театръ уничтоженъ, актеры и актрисы распредѣлены по разнымъ должностямъ, а оставлены одни музыканты.

9. Въ *Серпуховской части.* Въ домѣ князя Николая Григорьевича Шаховского театръ только-что вновь устроенъ, а «дѣйствія въ немъ еще не производилось». Актеры и актрисы приготовлены изъ крѣпостныхъ его сіятельства людей. Актрисъ 9, актеровъ и музыкантовъ 12 человѣкъ, мастеровыхъ 6 человѣкъ.

10. Въ домѣ майора Ивана Кузьмича Замятина хотя и былъ театръ, но въ немъ играли пріѣзжавшія къ нему знакомыя ему благородныя особы, а настоящихъ при ономъ театрѣ какъ актеровъ, такъ и актрисъ не имѣется.

11. Въ *Тверской части.* При домѣ генералъ-лейтенанта и кавалера Степана Степановича Апраксина былъ театръ, при коемъ состояло: музыкантовъ 17 человѣкъ, актеровъ 10 и актрисъ 8.

12. При домѣ бригадира Алексѣя Семеновича Степанова существовалъ театръ съ 8 актерами и 4 актрисами.

13. При домѣ майора Дмитрія Емельяновича Столыпина былъ театръ, при коемъ состояло: актеровъ 9, актрисъ 9, музыкантовъ 20 и пѣвчихъ 16 человѣкъ.

14. При домѣ вдовы майора Прасковьи Колычевой имѣлся театръ съ 5 актерами, 3 актрисами и 10 музыкантами.

15. Въ *Яузской части.* Въ домѣ дѣйствительнаго камергера князя Ивана Дмитріевича Трубецкого былъ театръ, на которомъ назадъ тому года два играли однѣ благородныя особы, а какъ своихъ, такъ и вольныхъ актеровъ не было. Музыкантовъ при театрѣ, духовой музыки 30 человѣкъ, да инструментальной тоже 30 человѣкъ изъ крѣпостныхъ его сіятельства людей».

Такимъ образомъ, изъ этихъ свѣдѣній оказывается, что въ концѣ прошлаго столѣтія, по преимуществу въ Екатерининское время, въ Москвѣ въ 9 частяхъ города: Арбатской, Городской, Мѣщанской, Мясницкой, Пречистенской, Рогожской, Серпуховской, Тверской и Яузской существовало 15 частныхъ театровъ со 160 актерами и актрисами и 226 музыкантами и пѣвчими. Но къ началу царствованія императора Павла число это уменьшилось почти на половину; новый театръ былъ устроенъ вновь только однимъ княземъ Шаховскимъ, проживавшимъ въ Серпуховской части. При императорѣ Павлѣ всѣхъ частныхъ театровъ было 8 съ 95 актерами и актрисами и 118 музыкантами и пѣвчими. Знатные вельможи и богатые баре Екатерининскаго времени считали какъ бы обязанностью своею имѣть у себя свой собственный театръ съ труппою, оркестромъ и пѣвчими изъ своихъ собственныхъ крѣпостныхъ людей. Весьма не многіе, и именно двое: Замятинъ и кн. Трубецкой—держали театръ для игры знакомыхъ имъ благородныхъ особъ.

По наибольшему количеству музыкантовъ первое мѣсто занималъ оркестръ князя И. Д. Трубецкого, состоявшій изъ 60 человѣкъ духовой и инструментальной музыки; за нимъ слѣдовалъ гр. Н. П. Шереметевъ, у котораго была составлена труппа изъ 50 актеровъ и актрисъ и хоръ музыкантовъ изъ 30 человѣкъ. Оба они—и кн. И. Д. Трубецкой и гр. Н. П. Шереметевъ—такъ же, какъ и другія лица: Блудовъ, Давыдовъ, Бибиковъ и кн. Гагаринъ и Замятинъ, закрыли свои театры къ началу царствованія императора Павла. Въ 1797 году держали еще свои театры: кн. П. М. Волконскій, кн. Н. И. Одоевскій, П. И. Демидовъ, С. С. Апраксинъ, А. С. Степановъ, Д. Е. Столыпинъ и И. Колычева. Въ этой оставшейся половинѣ театровъ по количеству актеровъ и музыкантовъ наиболѣе видное мѣсто занимаетъ театръ Д. Е. Столыпина съ 9 актерами, 9 актрисами, 20 му-

зыкантами и хоромъ пѣвчихъ изъ 16 человѣкъ; за нимъ слѣдуетъ театръ Н. Н. Демидова съ 9 актерами и актрисами, и хоромъ музыки изъ 25 человѣкъ. Вновь устроенъ въ 1797 году театръ, какъ мы уже говорили, кн. Н. Г. Шаховскимъ.

Замѣчательна патріархальность нравовъ тогдашняго времени, сквозящая въ приведенныхъ нами полицейскихъ донесеніяхъ. Актеры, актрисы, музыканты и пѣвчіе—эти артисты, создавшіеся барскою прихотью тогдашняго времени, будучи артистами и исполнителями въ спектакляхъ, не переставали въ то же время исполнять свои хозяйственныя должности при домѣ: офиціантовъ, лакеевъ, поваровъ, писарей, горничныхъ и проч. Если же театры закрывались, то ихъ отправляли въ деревню.

Громкую стяжалъ славу у современниковъ и образованнѣйшихъ посѣтителей отличнымъ исполненіемъ богатаго репертуара и счастливымъ выборомъ главныхъ исполнителей театръ графа Шереметева, подъ Москвой, въ селѣ Кусковѣ.

Изъ частныхъ театровъ это былъ самый старшій и лучшій, не уступавшій петербургскимъ придворнымъ и далеко превосходившій устройство тогдашняго московскаго, содержавшагося Медоксомъ. Деревянный, вырубленный изъ цѣльныхъ, громадныхъ и отличныхъ брусьевъ, превосходно расположенный внутри, по своей акустикѣ, сценѣ и ложамъ въ три яруса, съ партеромъ, онъ объемомъ зрительной залы равнялся нынѣшнему московскому Малому театру, но, разумѣется, удобствомъ, вкусомъ, изяществомъ и богатствомъ отдѣлки превышалъ его. Вышедши изъ рукъ знаменитаго въ то время архитектора Валли (по его плану), «обрисовавшись» рисунками даровитаго декоратора Гонзаго, онъ очень напоминалъ подобныя сооруженія Западной Европы.

Обиліе и красота декорацій, гардероба, занавѣсовъ и прочей обстановки отвѣчали всѣмъ требованіямъ. Лѣтомъ, въ избранные дни, спектакли давались на «Воздушномъ театрѣ», помѣщавшемся въ Большомъ саду, подъ открытымъ небомъ, гдѣ до сихъ поръ уцѣлѣли слѣды его существованія, деревянный же театръ разобранъ въ семидесятыхъ годахъ. На этихъ театрахъ давались трагедіи, драмы, комедіи, балеты и особенно оперы. Иныя пьесы своимъ появленіемъ упреждали здѣсь дворъ и эрмитажъ, другія были единственными для своего времени, почти все было лучшимъ по исполненію.

О развитіи музыкальной части для исполненія оперъ свидѣтельствуетъ свѣдѣніе, что въ 1810 году изъ Кускова въ Москву отправлено было «3 сундука съ нотами, 113 папокъ съ симфоніями, увертюрами, русскими партиціями, сонатами, дуэтами, концертантами и тріо, коихъ числомъ 1062 партій».

Изъ печатнаго каталога библіотеки гр. С. Д. Шереметева видно, что въ библіотекѣ кусковскаго театра было оперъ «письменныхъ» и печатныхъ семьдесятъ двѣ, трагедій—тридцать шесть, драмъ—тридцать одна, комедій сто семьдесятъ четыре. Изъ описи театральнаго имущества видно, что въ театрѣ было восемь занавѣсей, сто девяносто четыре декораціи, пятьдесятъ двѣ кулисы и шестьдесятъ восемь мелкихъ декоративныхъ аксессуаровъ. Та же опись свидѣтельствуетъ о полнотѣ и роскоши театральнаго гардероба парчеваго, бархатнаго, шелковаго, суконнаго, шерстянаго, котораго при описи оказалось семнадцать большихъ сундуковъ; кромѣ того обуви, уборовъ и бутафорскихъ вещей—военныхъ оружій, бунчуковъ, знаменъ, звѣриныхъ

кожъ, бандуръ, масокъ, разноцвѣтныхъ перьевъ, запавѣсокъ и т. п.— семьдесятъ шесть сундуковъ, ящиковъ и картоновъ.

Исполнители, т. е. пѣвцы, музыканты, актеры и актрисы, танцовщики и танцовщицы, всѣ, за рѣдкими исключеніями, были крѣпостные графа. Въ старшихъ музыкантахъ было много и иностранцевъ, изъ которыхъ, по своему искусству, особенно выдѣлялись скрипачъ Фееръ и віолончелистъ Фаціусъ; балетмейстеромъ былъ флорентинецъ Чіанфанелли, перешедшій вмѣстѣ съ женою съ придворной сцены. При театрѣ былъ свой крѣпостной декораторъ Иванъ Аргуновъ и свой переводчикъ съ иностранныхъ языковъ—Василій Вроблевскій [1]).

Графъ Сегюръ заноситъ въ свои записки о спектаклѣ, данномъ въ Кусковѣ, въ присутствіи императрицы Екатерины (1787).

«На прекрасномъ его театрѣ сыграли большую русскую оперу «Самнитскіе браки». Всѣ, кто понималъ ея содержаніе, находилъ, что она была очень занимательна и хорошо написана. Я только могъ судить о музыкѣ и танцахъ, и меня удивило изящество мелодій, богатство нарядовъ, легкость и ловкость танцовщиковъ и танцовщицъ. Но больше всего меня поразило, что авторъ словъ и музыки оперы, живописецъ, который расписывалъ театръ, актеры и актрисы, кордебалетъ и самые музыканты оркестра—все были крѣпостные люди гр. Шереметева» [2]).

Одинъ очевидецъ такъ описываетъ спектакль, данный на кусковскомъ театрѣ 1-го августа 1792 г.

«Какъ скоро гости вышли на балконъ, то вдругъ отдѣлилось отъ толпы нѣсколько пѣсенниковъ съ искуснымъ рожечникомъ, которые тотчасъ начали пѣть и плясать со всѣми ухватками и ужимками, свойственными народной нашей пляскѣ. Когда гости позабавились симъ зрѣлищемъ, то предложилъ хозяинъ идти въ садъ къ открытому театру, гдѣ играны были двѣ оперы, сперва «Роза и Коласъ», а послѣ «Говорящая картина». Простолюдины при каждомъ забавномъ словѣ помирали со смѣха, всему давали свой толкъ, и чрезъ то представляли изъ себя другое очень занимательное зрѣлище. Оттуда пошли въ настоящій театръ. Дѣйствіе началось переводною съ итальянскаго оперою: «Два Сильфа». Какъ достоинство сея піесы составляла музыка, то пѣвцы и пѣвицы и имѣли случай оказать превосходныя дарованія свои въ пѣніи, а особливо первая пѣвица приводила всѣхъ въ восхищеніе чистотою и пріятностію своего голоса. Послѣ оперы данъ былъ трагическій балетъ «Инесъ де Кастро» называемый. Основаніе онаго заимствовано изъ португальской исторіи, а содержаніе есть слѣдующее: португальскій король, желая наградить за одержанную надъ маврами побѣду любимца своего, предлагаетъ ему въ супружество дочь свою, но узнаетъ, что онъ давно уже тайными узами сопряженъ съ одною изъ придворныхъ дѣвицъ и имѣетъ отъ нея дѣтей. Сіе неожиданное препятствіе крайне раздражаетъ короля, а королева не полагаетъ границъ своей злобѣ за нанесенное отказомъ безчестіе дочери ея. Они повелѣваютъ дерзновенную заключить въ тюрьму, но отважный супругъ вооруженною рукою открываетъ себѣ путь въ мрачное заключеніе и приспѣваетъ туда въ самое то время, какъ она готова была выпить присланный отъ королевы ей ядъ. Между тѣмъ, какъ они предаются взаимной радости неожиданнаго избавленія, король врывается въ темницу съ другими воинами. Первое

---

[1]) Архивъ дир. Им. т. Выпусъ 1. т. III. стр. 93.
[2]) Записки гр. Сегюра (въ русскомъ переводѣ) стр. 236.

движеніе любимца его было защищаться и избавить гонимую,—но, будучи упрошенъ ею, онъ покоряется и, упавъ съ нею и съ двумя дѣтьми къ ногамъ государя своего, преклоняетъ его на милость и получаетъ прощеніе. Королева, притворно одобривъ сей поступокъ и скрывъ снѣдающую злобу, во время торжества во дворцѣ отравляетъ обоихъ супруговъ ядомъ, отчего они и умираютъ. За такое вѣроломство раздраженный король умерщвляетъ королеву—и тѣмъ балетъ оканчивается.

«Появленіе на сценѣ балетмейстера г. Чіанфанелли въ великолѣпной торжественной колесницѣ, везомой побѣжденными, съ предшествующимъ и замыкающимъ отрядомъ воиновъ, поразительно въ разсужденіи пышности и распорядка, а отмѣнное его искусство въ танцованіи и въ пантомимѣ пріобрѣли ему всеобщее одобреніе. Г-жа Чіанфанелли, представлявшая и на театрѣ супругу его, также много интересовала зрителей, а особливо, когда свидѣлась она въ темницѣ съ мужемъ.

«Первымъ она при семъ движеніи не радость изъявила, но мрачное изумленіе и недовѣріе къ зрѣнію своему, а потомъ уже мало-по-малу, обнаружилась оная во всей своей силѣ. Чувствительное прощаніе супруговъ при ощущеніи терзательныхъ дѣйствій яда всѣхъ растрогало до слезъ. Лицо злобной королевы поразительно измѣнялось, когда она оказывала притворное доброжелательство прощеннымъ супругамъ, имѣя сердце, непримиримымъ мщеніемъ противъ ихъ напитанное. Благопристойность вида и дѣвическою стыдливостію удерживаемое прискорбіе управляли движеніями уничиженной королевской дочери и дѣлали ея на сценѣ очень интересною».

Главный начальникъ Москвы, князь Ю. В. Долгорукій, представилъ свои соображенія относительно частныхъ театровъ на воззрѣніе Его Императорскаго Величества и 23-го ноября 1797 г. получилъ отъ Государя слѣдующій рескриптъ:

«По представленію вашему о начавшихся въ Москвѣ въ партикулярныхъ домахъ спектакляхъ, запрещать ихъ никакой надобности не нахожу, а замѣтить нужнымъ почитаю: первое, чтобы не были представляемы піесы, которыя не играны на большихъ театрахъ и которыя чрезъ цензуру не прошли; второе, для таковыхъ собраній, дабы въ нихъ сохраняемъ былъ настоящій порядокъ, а равно и для наблюденія за исполненіемъ предыдущимъ пунктомъ предписуемаго, быть всегда частному приставу, который за то и отвѣчать долженъ».

Къ концу привилегіи Медокса, Опекунскій Совѣтъ поступилъ въ вѣдѣніе императрицы Маріи Ѳеодоровны, которая обратила милостивое вниманіе на тяжкое положеніе антрепренера и, чтобы не оставить его семейство безъ пропитанія, повелѣть соизволила выдавать ему жалованья по три тысячи рублей по смерть.

Въ 1805 году, по Высочайшему повелѣнію, долги Медокса были уплачены, и русскій театръ поступилъ въ вѣдѣніе вновь учрежденной театральной дирекціи, директоромъ которой назначенъ былъ дѣйствительный камергеръ, князь Михаилъ Петровичъ Волконскій.

Послѣднее театральное представленіе въ 1812 году въ Москвѣ давали 30-го августа, во вновь построенномъ театрѣ у Арбатскихъ воротъ. Шла драма С. Н. Глинки «Наталья, боярская дочь». Главную роль въ этой драмѣ игралъ пожаръ. Представленіе это было дурнымъ предзнаменованіемъ. Театръ не простоялъ и двухъ мѣсяцевъ, и съ

первыхъ же дней представленія онъ неохотно посѣщался публикой и сборами едва окупалъ ежедневные расходы. Графъ Ростопчинъ, тогдашній генералъ-губернаторъ Москвы, по открытіи его сказалъ: «чтобъ поддержать его, нужно купить двѣ тысячи душъ крестьянъ и приписать ихъ къ нему, такъ какъ на одну публику надѣяться нельзя». Въ этомъ театрѣ шли спектакли на русскомъ и французскомъ языкѣ—послѣдніе, впрочемъ, уже очень неохотно посѣщались. Были даже такіе ненавистники французовъ, которые публично выражали свое неудовольствіе французскимъ актерамъ. Въ числѣ такихъ былъ нѣкто Гусятниковъ, человѣкъ почтенныхъ лѣтъ, изъ купеческаго сословія, но вращавшійся въ лучшемъ московскомъ обществѣ. Онъ былъ большой театралъ и поклонникъ извѣстной пѣвицы Лизаньки Сандуновой, допѣвавшей уже свои аріи. Въ то время, о которомъ говоримъ, пріѣхала изъ Петербурга въ Москву на нѣсколько представленій извѣстная французская пѣвица Филисъ Андріе. Русскіе театралы взволновались и вооружились противъ француженки. Поклонникъ Сандуновой и всего отечественнаго, Гусятниковъ, сталъ во главѣ недовольныхъ, и въ первый же спектакль садится въ первый рядъ креселъ, и только-что начинаетъ Филисъ дѣлать свои рулады, онъ затыкаетъ себѣ уши, встаетъ съ креселъ и съ заткнутыми ушами торжественно проходитъ всю залу, кидая направо и налѣво взгляды презрѣнія и негодованія на всѣхъ французолюбцевъ, какъ ихъ тогда уже называли, съ легкой руки патріота С. Н. Глинки.

При вступленіи Наполеона въ Москву, ни одного уже театра не существовало. Префектъ двора императора, генералъ Боссе, искалъ театра для придворныхъ представленій. Во время занятія Москвы французами, уцѣлѣлъ отъ пожара, но не отъ разграбленія, одинъ только частный театръ Позднякова, на Никитской улицѣ, гдѣ теперь домъ Юсупова. Этотъ театръ славился въ старой Москвѣ своею роскошью, своимъ зимнимъ садомъ и своими затѣями вельможъ XVIII вѣка. Его спектакли привлекали массу посѣтителей. Крѣпостная труппа Позднякова была вполнѣ прекрасная. Вся Москва такъ и рвалась смотрѣть ее. Самъ хозяинъ очень любилъ важно расхаживать на своихъ маскарадахъ наряженнымъ не то персіаниномъ, не то китайцемъ. Про него сказалъ Грибоѣдовъ въ своей комедіи:

«На лбу написано: театръ и маскарадъ».

У него же находился садовникъ, бородачъ, который во время баловъ и маскарадовъ, прячась въ кустахъ и померанцевыхъ деревьяхъ, щелкалъ и заливался соловьемъ.

«Пѣвецъ зимой—погоды лѣтней».

Этотъ-то домъ Позднякова и избралъ генералъ Боссе для представленій уцѣлѣвшей французской труппы во время пребыванія Наполеона въ Москвѣ.

Нѣсколько лѣтъ еще до вступленія Наполеона, въ Москвѣ существовала труппа французскихъ актеровъ, подъ управленіемъ даровитой г-жи Бюрсей. Забытая всѣми во время всеобщаго бѣгства изъ Москвы, семья этихъ артистовъ пріютилась въ огромномъ домѣ князя Гагарина въ Басманной, въ части города, совершенно противоположной той, куда должна была вступить армія.

Вотъ какъ описываетъ актриса Фюзи свое пребываніе въ то время въ Москвѣ: «Начался пожаръ Москвы; отъ сильнаго вѣтра огонь разливался съ необычайною быстротою. Ночью мы не зажигали свѣчъ, потому что было гораздо свѣтлѣе, нежели днемъ. По временамъ раздавались взрывы, въ родѣ ружейныхъ выстрѣловъ. Домъ, въ которомъ

мы думали найти безопасное убѣжище, загорѣлся, и мы съ трудомъ успѣли вынести нужнѣйшія изъ своихъ вещей въ садъ. Мы хотѣли искать убѣжища въ Петровскомъ, гдѣ жилъ Наполеонъ, но безъ военнаго конвоя не смѣли туда отправиться. Блуждая изъ улицы въ улицу, изъ дома въ домъ, мы вездѣ находили слѣды грабежа и опустошенія. Между тѣмъ, приказано было отыскать артистовъ, жившихъ въ Москвѣ, изъ которыхъ одни должны были пѣть во дворцѣ, другіе играть комедіи. Исполненіе такого приказа казалось весьма затруднительнымъ въ городѣ, начисто ограбленнымъ: гдѣ было найти нужные костюмы, декораціи, свѣчъ, масла для лампъ и т. д. Короли кулисъ утратили свои пурпуровыя мантіи, и облеклись въ одежды сермяжныя. Лапти замѣнили имъ державныя сандаліи. Въ такомъ печальномъ положеніи нашелъ питомцевъ музъ генералъ Боссе. Онъ доложилъ императору о печальной участи артистовъ. Императоръ приказалъ немедленно имъ выдать значительную сумму денегъ».

Г-жа Бюрсей представила генералу Боссе всѣхъ членовъ своей труппы, которая состояла изъ гг. Анде, перваго трагика парижскаго театра Сенъ-Мартенъ, Перу, Госсе, Лефевра и г-жъ Андре, Перигюи, Лекень, Фюзи, Ламираль и Анде.

Но въ какомъ жалкомъ видѣ предстали эти артисты передъ взоромъ своего начальника?!—первый трагикъ явился въ фризовой шинели и шапкѣ ополченія: первый любовникъ въ семинарскомъ сюртукѣ и треугольной шляпѣ, благородный отецъ безъ сапогъ и съ дырявыми локтями; злодѣй безъ необходимѣйшей части туалета—безъ штановъ, въ коротенькомъ испанскомъ плащѣ. Дамы были еще скуднѣе одѣты. Вся труппа была разряжена, какъ будто шла въ маскарадъ нищихъ и бродягъ. Одна только директриса, г-жа Бюрсей, была одѣта въ красной душегрѣйкѣ на заячьемъ мѣху и въ головномъ уборѣ Маріи Стюартъ съ чернымъ страусовымъ перомъ и въ чалмѣ, въ которой нѣкогда играла въ «Трехъ султанахъ» и «Заирѣ».

Полуразрушенный театръ Позднякова былъ приведенъ въ порядокъ. Его очистили, выбѣлили, ложи одѣли драпировкою, занавѣсъ сшили изъ цѣльной парчи, которой довольно нашлось въ золотокружныхъ рядахъ, спасенныхъ отъ разграбленія. Повѣшено было стосемидесятимѣстное паникадило, изъ чистаго серебра, которое нѣкогда украшало храмъ Божій. Сцена была убрана съ роскошью. Богатѣйшая мебель, драгоцѣнныя украшенія, мраморы, бронза, явились въ изобиліи. Ихъ извлекали изъ подъ пепла и изъ погребовъ, куда москвичи прятали свои сокровища, предавая жилища огню. Кремлевскія палаты, галлереи Чудова монастыря и колокольня Ивана Великаго были биткомъ набиты всевозможными сокровищами и драгоцѣнностями.

Графъ Дюма, которому Наполеонъ поручилъ надзоръ за Кремлемъ, все это отрылъ въ подземельяхъ и радушно открылъ эти богатства передъ новымъ директоромъ театра, который и обратилъ ихъ въ бутафорныя и гардеробныя вещи. Гардеробъ наполеоновскаго театра могъ щегольнуть богатствомъ и роскошью невиданною и неслыханною. Здѣсь не было ничего мишурнаго, все было чистое золото и серебро. Фюзи разсказываетъ: «нельзя себѣ представить той жадности, съ которою оборванные, почти нагіе артисты бросились вскрывать тяжелые сундуки бояръ московскихъ. Мужчины дѣлили дѣдовскіе кафтаны русскихъ, женщины отнимали другъ у дружки старинные атласные робронды бабушекъ и т. д. Въ порывѣ восторга актеры и не замѣчали, что подъ пышною одеждою у нихъ недоставало самаго

необходимѣйшаго—бѣлья». Наконецъ, театръ былъ открытъ для военной публики. Вотъ афиша, перваго спектакля:

Théâtre Français à Moscou.

Les comédiens français auront l'honneur de donner mercredi prochain Une première représentation du «Jeu de l'amour et de hasard», comédie en 3 actes et en prose de Mariveau suivie de «L'amant auteur» comédie en 1 acte et en prose de Céron.

Dans le «Jeu de l'amour»: M-rs Andet, Perroud, S-t Clair, Belcour, Bertrand, M-mes André, Fusil.

Frix de places:

Premières galeries	5 roubles on 5 francs
Parquet	3 roubles on 3 francs
Seconde galerie	1 roubles on 1 francs.

On commencera à 6 heures precises.

La salle du spectacle est dans la grande Nikitskaia, maison de Posniakoff.

Первый спектакль прошелъ блистательно, зрители не переставали аплодировать и кричать браво. Весь партеръ былъ занятъ солдатами, изъ которыхъ старые драбанты гвардіи сидѣли въ первыхъ рядахъ въ полной формѣ, съ крестами почетнаго легіона на груди. Оба ряда ложъ были наполнены чиновниками штаба и офицерами всѣхъ войскъ и націй. Публика при всякой вѣрной оказіи кричала.

Не много женщинъ можно было насчитать въ театрѣ; изъ присутствовавшихъ женщинъ почти всѣ были обитательницы Кузнецкаго моста—модистки и нѣсколько гувернантокъ безъ мѣстъ. Оркестръ состоялъ изъ лучшихъ музыкантовъ гвардіи и былъ вполнѣ превосходный. Между тѣмъ, какъ солдаты аплодировали и кричали браво артистамъ, товарищи ихъ поочередно охраняли театръ. Кой-гдѣ разложены были огни, и чрезвычайное множество бочекъ съ водою и ведеръ стояло около самаго театра. По всей же Никитской и по бульварамъ тянулись сторожевые кордоны и пикеты; такія строгія мѣры предпринимались на случай пожара, могущаго произойти на сценѣ.

За все время пребыванія французовъ въ Москвѣ дано было одиннадцать представленій. Пьесы, имѣвшія особенный успѣхъ, повторялись нѣсколько разъ; такъ давали: «Три султана».

Но не весело было актерамъ и актрисамъ. Вотъ что говоритъ Фюзи: «Когда намъ велѣли играть комедію, мы думали, что надъ нами шутятъ. У насъ не было ни платья, ни бѣлья, ни башмаковъ. Однако, ленты и цвѣты посыпались на насъ градомъ; ихъ находили въ казармахъ нашей гвардіи; къ стыду французовъ—эти казармы гвардіи, гдѣ развѣвались ленты, были святые соборы Кремлевскіе—Успенскій, Благовѣщенскій и Архангельскій». По преданію, самъ Наполеонъ не удостоилъ своимъ присутствіемъ ни одного представленія. Впрочемъ, Фюзи въ своихъ запискахъ разсказываетъ, что онъ заходилъ однажды въ спектакль, когда давали пьесу «Открытая война».

Но для императора префектъ Боссе устроилъ совершенно другого рода удовольствіе: между иностранцами, жившими въ Москвѣ и уцѣлѣвшими при общемъ погромѣ, нашли итальянца-пѣвца Таркиніо. Онъ пользовался извѣстностью въ Москвѣ, какъ преподаватель пѣнія. Къ нему въ помощь добыли піаниста Мартини-сына, автора оперы «Рѣдкая вещь» и «Діанино древо». Еще взяли пѣвицу романсовъ и

аріетокъ г-жу Фюзи. Артисты были представлены ко двору и каждый вечеръ составляли Наполеону концертъ изъ пьесъ любимыхъ имъ авторовъ.

Вотъ какъ описываетъ одинъ изъ такихъ концертовъ г-жа Фюзи:

«Я пѣла романсъ, которымъ прославила себя въ московскихъ гостиныхъ. Въ присутствіи Наполеона зрители не аплодировали; но романсъ, никому неизвѣстный, произвелъ нѣкоторое впечатлѣніе. Наполеонъ, разговаривая съ кѣмъ-то во время пѣнія, не слышалъ романса; однакожъ, шумъ въ залѣ заставилъ его спросить о причинѣ графа Боссе. Мнѣ приказано было повторить романсъ. Съ тѣхъ поръ меня безпрестанно мучили этимъ романсомъ. Король неаполитанскій выпросилъ у меня музыку. Романсъ былъ написанъ въ рыцарскомъ духѣ...»

Въ театрѣ также привлекалъ особенное вниманіе военной публики родъ балета или разнохарактернаго дивертисмента, который цѣликомъ былъ взятъ французскими актерами у русскихъ. Онъ состоялъ изъ разныхъ танцевъ и преимущественно изъ русской пляски, которую превосходно плясали двѣ сестры Ламираль — по рожденію русскія.

«Седьмого октября,—разсказываетъ графъ Боссе въ своихъ воспоминаніяхъ:—императоръ призвалъ меня и началъ разспрашивать объ улучшеніяхъ касательно театра. Онъ началъ перечислять артистовъ, которыхъ можно взять изъ театра Большой Комедіи въ Парижѣ, не вредя его составу. Отмѣчая имена ихъ карандашомъ на лоскуткѣ бумаги, онъ говорилъ о мѣрахъ, которыя нужно принять для скорѣйшаго доставленія ихъ въ Москву. Списокъ не былъ еще конченъ, какъ наши занятія были прерваны неожиданнымъ пріѣздомъ адъютанта Мюрата.—Что новаго?—спросилъ императоръ, все еще разсматривая свой списокъ...—«Государь! Мы разбиты!»—отвѣчалъ посланный. Наполеонъ ждалъ отъ русскаго Императора мирныхъ переговоровъ, онъ писалъ къ нему. Отвѣтъ этотъ былъ—пораженіе короля неаполитанскаго подъ Тарутинымъ войсками Бенигсена».

Въ тотъ же вечеръ былъ отданъ приказъ выступить изъ города и строиться за Калужскою заставою. Эта внезапная вѣсть изумила все войско. Графъ Боссе поспѣшилъ увѣдомить объ ней свою труппу, предоставляя на волю актеровъ, оставаться въ разграбленной Москвѣ, или слѣдовать за войскомъ.

Выступленіе французовъ изъ Москвы продолжалось нѣсколько дней сряду. Сперва выступили команды съ награбленными сокровищами, потомъ пошли обозы, лазареты, наконецъ, потянулись и самые полки въ разныя заставы. Девятаго октября маршаль Мортье вывелъ изъ Москвы послѣдній остатокъ войска.

Очень не многіе изъ актеровъ Наполеона вернулись на родину.

Выѣхали артисты изъ Москвы довольно забавно—первый любовникъ поѣхалъ верхомъ, трагики и комики помѣстились въ лазаретномъ фургонѣ. Первая любовница г-жа Андре, вмѣстѣ съ директоршей, г-жей Бюрсей, раздобыли ландо—и выѣхали на тройкѣ лошадей, подаренныхъ имъ префектомъ. До Смоленска еще кое-какъ они дотащились, но уже въ Смоленскѣ обрушились на нихъ всевозможныя несчастія. Перонне, первый любовникъ, потерялъ тамъ своего буцефала и отморозилъ ноги, при выѣздѣ же изъ Смоленска въ лазаретной фурѣ, онъ былъ безжалостно брошенъ на большой дорогѣ и умеръ съ голоду. Анде—первый сюжетъ труппы—тоже скоро извѣдалъ всю превратность судьбы человѣческой. Въ Смоленскѣ онъ забылъ запастись

рукавицами и валенками и на пути отморозилъ себѣ руки и ноги, а при переправѣ черезъ Березину, утопилъ свою коляску и жену. Г-жи Андре и Бюрсей—долго путешествовали на одной хромой кавалерійской лошади въ старомъ зарядномъ ящикѣ, но, подъ конецъ, на одномъ изъ приваловъ, во время партизанскаго наѣзда, ядро раздробило ихъ колесницу и тяжело ранило г-жу Андре, отъ чего первая любовница скоро на пути и умерла. Самъ директоръ, графъ Боссе, долго путешествовалъ верхомъ на пушкѣ, отморозилъ себѣ ноги и коекакъ добрался до Франціи. Одна водевильная актриса Фюзи, послѣдовательница этого скорбнаго путешествія, благополучно и безъ особенныхъ приключеній добралась до предѣловъ родины и еще ознаменовала свой походъ дѣломъ человѣколюбія: во время входа французскихъ войскъ въ Вильну, въ суматохѣ, какіе-то родители потеряли ребенка—Фюзи взяла его подъ свою защиту—и при всей своей бѣдности, дѣлилась съ пріемышемъ послѣднею крохою и воспитала дѣвочку, которую французы прозвали «виленской сироткой». Впослѣдствіи ея исторія дала поводъ Скрибу написать драму «Ольга, русская сирота».

По выходѣ французовъ, первый посѣтилъ придворный театръ императора Наполеона—извѣстный драматическій писатель кн. А. А. Шаховской. Вотъ какое печальное зрѣлище онъ увидѣлъ: на сценѣ валялись дохлыя лошади и падаль, лѣстница, коридоры и зала были загромождены мебелью, зеркалами, инструментами. Въ уборныхъ валялись обрѣзки парчевыхъ и бархатныхъ матерій, изъ которыхъ артисты выкраивали себѣ кафтаны, а артистки сооружали юбки, береты и спенсеры и т. п.

Въ ожиданіи возрожденія Москвы и московскаго театра, нѣкоторые изъ московскихъ артистовъ жили въ Петербургѣ, хотя и считались московскими.

Это были: Зловъ, Толченовъ и Сандунова — всѣ они подъ конецъ перешли на Петербургскую сцену; только передъ смертью Сандунова покинула Петербургъ и умерла въ Москвѣ.

Театръ московскій возродился только въ 1814 году. Одна изъ первыхъ пьесъ, имѣвшая на московской сценѣ большой успѣхъ и игранная болѣе тридцати разъ къ ряду, была драма Бориса Федорова «Крестьянинъ-офицеръ или извѣстіе о прогнаніи французовъ изъ Москвы».

Въ 1814 году въ Москвѣ первоначально театральныя представленія давали въ домѣ Апраксина на Знаменкѣ. Спектакли открылись 30-го августа любимою въ то время оперою: «Старинныя святки», затѣмъ, помимо названной нами пьесы, имѣли большой успѣхъ драмы: «Храбрые кириловцы при нашествіи враговъ», соч. Вронченки. Затѣмъ «Освобожденіе Смоленска», «Всеобщее ополченіе», и комедія Бориса Федорова «Прасковья Борисовна Правдухина».

Даже балеты были примѣняемы къ обстоятельствамъ того времени и имѣли чисто патріотическій характеръ; вотъ они: «Любовь къ отечеству», «Русскіе въ Германіи», «Русскіе въ Парижѣ», «Казакъ въ Лондонѣ», «Праздникъ въ станѣ союзныхъ армій».

Позднѣе, въ 1815 году, большой успѣхъ производилъ дивертисментъ «Семикъ или гулянье въ Марьиной рощѣ».—Въ этомъ дивертисментѣ русскіе солдаты славили подвиги русскаго оружія, лучшіе пѣвцы и пѣвицы пѣли патріотическія пѣсни, и балетные артисты рисовались въ русской пляскѣ въ богатыхъ національныхъ костюмахъ. Здѣсь же знаменитый въ то время пѣсельникъ Лебедевъ пѣлъ со своимъ хоромъ. Этотъ семикъ былъ перенесенъ балетмейстеромъ

Глушковскимъ на сцену Останкинскаго театра, гдѣ и давался во время пребыванія тамъ короля прусскаго.

Одною изъ блестящихъ эпохъ театра въ Москвѣ, конечно, должно считать и ту пору, когда онъ состоялъ подъ непосредственнымъ начальствомъ князя Дмитрія Владиміровича Голицына, просвѣщеннаго покровителя, памятнаго московской столицѣ пользою общественною и благодѣяніями.

При немъ храмъ искусствъ закипѣлъ новою жизнью. Директоромъ театра назначенъ былъ любитель-драматургъ Ф. Ф. Кокошкинъ [1]). Князь Дмитрій Владиміровичъ исходатайствовалъ, отъ щедротъ государя, новыя средства въ пособіе театру; сдѣланы значительныя улучшенія, нанятъ былъ нарочно отстроенный домъ купца Ва́ргина и устроенъ въ немъ Малый театръ, который существуетъ и донынѣ. Для обновленія его (14-го октября 1824 года), представляли драматическое зрѣлище «Лилія Нарбонская» или «Обѣтъ рыцаря», и анакреонтическій балетъ «Зефиръ». При немъ, наконецъ, возведенъ былъ отъ самаго основанія вновь и значительно увеличенъ противъ прежняго, архитекторомъ Бове, Большой Петровскій театръ. Въ немъ, для открытія (6-го января 1825 года), два дня къ ряду представляли прологъ въ стихахъ «Торжество Музъ» (М. А. Дмитріева) и великолѣпный балетъ «Сандрильона», и оба раза театръ съ верха до низа былъ полонъ.

Въ 1842 году московскіе и с.-петербургскіе театры поступили подъ одно управленіе, и директору ихъ присвоенъ титулъ директора Императорскихъ театровъ. Первый директоръ театровъ въ обѣихъ столицахъ, назначенный въ этомъ году, былъ дѣйствительный тайный совѣтникъ Александръ Михайловичъ Гедеоновъ.

Большой Петровскій театръ существовалъ до пожара, происшедшаго 11-го марта 1853 года, истребившаго декораціи, костюмы, машины, библіотеку, собранныя огромными трудами и десятками лѣтъ, и оставившаго только однѣ голыя стѣны.

Вскорѣ послѣ пожара, отъ министра Императорскаго двора, по Высочайшему повелѣнію, поручено было нѣкоторымъ нашимъ художникамъ-архитекторамъ заняться составленіемъ проектовъ возобновленія театра и представить ихъ на разсмотрѣніе особой комиссіи, учрежденной для этой цѣли при главномъ управленіи путей сообщенія и публичныхъ зданій. Изъ числа представленныхъ проектовъ, 2-го іюня 1853 года выбранъ былъ проектъ главнаго архитектора Императорскихъ театровъ, г. Кавоса. 3-го мая 1855 года онъ былъ Высочайше утвержденъ, 17-го уже состоялось предписаніе начать работы. Онѣ начались подъ главнымъ руководствомъ г-на Кавоса, а также подъ наблюденіемъ архитектора московскихъ театровъ, г-на Никитина и архитектора Стельпа. Работа шла успѣшно, и къ 20-му августу 1856 года все было готово и театръ открылся для представленій, которыя въ немъ начались оперою Беллини «Пуритане».

Государь Императоръ, посѣтивъ театръ 30-го августа, въ день торжественнаго спектакля, изволилъ выразить свое удовольствіе главнымъ исполнителямъ своей мысли.

До сихъ поръ первое мѣсто по величинѣ занимали театры: Санъ-Карло въ Неаполѣ, де-ла-Скала въ Миланѣ и ла-Фениче въ Венеціи.

---

[1]) Послѣ Ф. Ф. Кокошкина директоромъ московскихъ театровъ назначенъ былъ знаменитый популярный романистъ того времени, М. Н. Загоскинъ, который и занималъ эту должность до 1842 года, т.-е. до того времени когда московскіе и с.-петербургскіе театры поступили подъ одно управленіе.

Но зало московскаго театра (опредѣляя величину ея діаметромъ потолка) на 3¾ аршина больше зала неаполитанскаго театра; миланскій же театръ онъ превосходитъ вышиною на 4 аршина слишкомъ, а венеціанскій на 5½ аршинъ.

Варвара Николаевна Асенкова.

(1817—1841).

В. Н. Асенкова была дочерью актрисы начала текущаго столѣтія (дебютировала въ 1814 г.) Александры Егоровны Асенковой, объ которой старые театралы относятся такъ: «Александра Егоровна была неподражаема въ роляхъ служанокъ. Она была прелестна собой, удивительно ловка и умѣла сохранить въ игрѣ естественность. Плутовскіе взгляды, хитрая улыбка, притворство и всѣ продѣлки служанокъ она изображала такъ превосходно, что въ самомъ Парижѣ, отечествѣ субретокъ, ей бы отдали справедливость».

Красота, быстрый огненный взглядъ, чистая и живая дикція, расторопность, лукавство — все соединилось въ ней, чтобы сдѣлать изъ нея отличнѣйшую субретку, а наставленія кн. А. А. Шаховского вполнѣ развили ея дарованіе, и Асенкова блистала истиннымъ, неподдѣльнымъ дарованіемъ.

Варвара Николаевна сначала была отдана матерью въ театральное училище, но способностей къ сценическому искусству никакихъ не оказывала и, по совѣту директора театровъ князя Гагарина, взята была обратно и помѣщена въ пансіонъ г-жи Кругликовой. Однако, скрытое природное драматическое дарованіе влекло ее на театральные подмостки: черезъ три года она убѣжала изъ пансіона и объявила матери, что желаетъ поступить на сцену. Мать уступила настояніямъ дочери и выбрала ей въ руководители знаменитаго въ то время актера Ивана Ивановича Сосницкаго. Долго не поддавалось скрытое дарованіе будущей артистки своему учителю, терявшему уже надежду на успѣхъ своихъ трудовъ,—долго оно не выходило наружу, но наконецъ, проявилось во всемъ блескѣ и наставникъ съ гордостью выпустилъ на сцену свою ученицу въ свой бенефисъ (24-го января 1835 г.) въ комедіи Фавара «Три султанши или Солиманъ II», и въ водевилѣ—«Лорнетъ или правда глаза колетъ».

«При первомъ появленіи ея на сцену,—говоритъ очевидецъ этого дебюта,—публика привѣтствовала ее громкими и продолжительными аплодисментами, и едва она заговорила, едва рѣшилась поднять свои потупленные прекрасные глаза, въ которыхъ было столько блеска и огня, партеръ еще громче, еще единодушнѣе изъявилъ свое удивленіе шумными, восторженными криками «браво».

Успѣхъ дебютантки былъ самый блестящій. Покойный императоръ Николай Павловичъ, по окончаніи спектакля, удостоилъ ее милостивымъ своимъ вниманіемъ и сказалъ ей, что такой удачный дебютъ ручается за будущіе ея успѣхи на сценѣ.

Съ перваго дебюта юной актрисы и до конца ея жизни успѣхи ея на сценѣ были непрерывны. Она вступила въ царство водевиля, царемъ котораго былъ Дюръ. Асенкова, Дюръ и водевиль слились въ нѣчто цѣлое и нераздѣльное. Въ водевилѣ «Малъ да удалъ» она сыграла роль юнкера. Въ мужскомъ костюмѣ она очень понравилась публикѣ. Тотчасъ явился другой водевиль «Гусарская стоянка», тоже съ юнкеромъ. Въ этой пьесѣ она имѣла успѣхъ блистательный. Тутъ

искусство доведено было до совершенства: никто не сказалъ бы, что это скромная и даже робкая дѣвушка: нѣтъ—это былъ мальчикъ, повѣса въ полномъ смыслѣ этого слова: всѣ движенья, всѣ ухватки принадлежали мальчику, и если бы не афиша, никто не повѣрилъ бы такому чудному, неестественному перерожденію. Этотъ прелестный юнкеръ, въ бѣломъ кителѣ и красной фуражкѣ вскружилъ голову множеству нашихъ гвардейцевъ—отъ генералъ-маіора до корнета включительно; эта роль была одною изъ тріумфальныхъ ролей Асенковой. Водевиль особенно нравился покойному великому князю Михаилу Павловичу. «По пьесѣ, этотъ юнкеръ-шалунъ и повѣса; я ихъ не жалую, — сказалъ какъ-то великій князь Асенковой, — но къ Лелеву я былъ бы снисходителенъ... Ай-да дѣвица-кавалеристъ».

Вслѣдъ за «Гусарской стоянкой» Асенкова вышла въ мужскомъ костюмѣ въ водевилѣ «Пятнадцатилѣтній король» и такъ пристрастилась къ этимъ костюмамъ, что неохотно появлялась въ своихъ собственныхъ. Критика того времени стала замѣчать ей, что мужскія роли губятъ артистку, что узкіе панталоны суживаютъ ея таланты. Но что же было дѣлать артисткѣ, когда театръ стоналъ при появленіи ея на сценѣ въ мужскихъ роляхъ, и онѣ удавались ей болѣе, чѣмъ роли серьезнаго репертуара, которыхъ у нея было неособенно много, потому что водевиль поглотилъ всѣ ея силы и способности.

Изъ драматическихъ ролей, ею игранныхъ, критика и театральные лѣтописцы того времени указываютъ на роли Офеліи въ «Гамлетѣ» и «Параши Сибирячки». О послѣдней пьесѣ Каратыгинъ заноситъ въ свои записки:

«Въ 1839 году Полевой написалъ для бенефиса Асенковой драму «Параша Сибирячка», но цензура не одобрила ее къ представленію. Авторъ и бенефиціантка были въ отчаяніи; оставалось одно средство—просить высочайшаго разрѣшенія. Асенкова рѣшилась на эту крайнюю мѣру и, выбравъ удобную минуту, лично, въ театрѣ, просила Государя объ этой милости. Онъ потребовалъ къ себѣ піесу. Времени до бенефиса оставалось уже немного, но отвѣта на просьбу Асенковой не было. Она томилась въ мучительномъ ожиданіи, однакожъ, утруждать Государя вторичной просьбой, разумѣется, не осмѣливалась. Въ одно изъ представленій знаменитой танцовщицы Тальони, Государь былъ въ Большомъ Театрѣ и во время антракта вышелъ изъ своей ложи на сцену; увидя меня, онъ подозвалъ къ себѣ и спросилъ:

«—Когда назначенъ бенефисъ Асенковой?

«Я ему отвѣчалъ, что черезъ двѣ недѣли. Государь съ обычной своей любезностью сказалъ мнѣ:

«— Я почти кончилъ представленную мнѣ драму Полевого и не нахожу въ ней ничего такого, за что слѣдовало бы ее запретить; завтра я возвращу піесу, повидай Асенкову и скажи ей объ этомъ. Пусть она на меня не пеняетъ, что я задержалъ ея піесу, что жъ дѣлать? у меня, въ это время, были дѣла нѣсколько поважнѣе театральныхъ піесъ».

Успѣхъ «Параши» былъ блестящій. Императоръ смотрѣлъ пьесу и наградилъ бенефиціантку драгоцѣннымъ подаркомъ.

Объ исполненіи этой роли Асенковой Бѣлинскій говоритъ:

«Отличительный характеръ ея состоялъ въ смѣлости, свободѣ, непринужденности, и если бы, при всемъ этомъ, видно было болѣе нѣжности и теплоты, то мы не нашли бы довольно словъ для выраженія нашего восторга».

Восторженно отзываются помнящіе ее въ роли Офеліи, въ кото-

рой она доказала, что въ ея дарованіи рѣшительно былъ драматическій элементъ. Въ Офеліи Асенкова была поэтически-хороша, особенно въ сценѣ безумія. Это была именно Офелія Шекспира, грустная, безумная, но тихая и потому трогательная, а не какая-то бѣснующаяся, какъ того требовали отъ нея нѣкоторые критики и какою навѣрно представила бы ее всякая другая актриса, у которой на умѣ только одно: произвесть эффектъ, а какимъ образомъ, до того дѣла нѣтъ. Блѣдная, съ неподвижными чертами лица, съ распущенными волосами и съ пристально устремленнымъ внизъ взглядомъ, душу раздирающимъ голосомъ пѣла Асенкова:

И въ могилу опустили
Со слезами, со слезами...

Здѣсь очарованіе, на зло разсудку, доходило до высшей степени, и невольныя слезы были лучшею наградою артистки. Роль Офеліи была одною изъ любимѣйшихъ ея ролей вообще.

Варвара Николаевна была вообще нрава веселаго и одушевленнаго; сердце у нея было добрѣйшее, и она никогда не помнила обидъ и зла, которые ей подчасъ дѣлали. Не бывъ сентиментальною, она была чувствительна и душою понимала все высокое и прекрасное, хотя и не показывала того другимъ. Преданная вполнѣ любимому ею искусству, она была готова принесть ему въ жертву все, и единственно только для того, чтобы никогда не разставаться съ театромъ. Она не разъ отказывалась отъ блистательныхъ предложеній, чѣмъ, впослѣдствіи удержала многихъ отъ искательства ея руки, хотя нашлись бы, можетъ-быть, люди, которые и не подумали бы потребовать отъ нея невозможной и безчеловѣчной жертвы—разлуки со сценою. Самолюбія она почти не знала и не только не отвергала ничьихъ совѣтовъ, но даже часто сама настоятельно требовала ихъ, и если она находила ихъ въ правду полезными, то всегда слѣдовала имъ, чей бы то совѣтъ ни былъ. Людей она умѣла отличать мастерски, и, несмотря на врожденное женское самолюбіе и на толпу *обожателей* никогда не вѣрила она страсти всѣхъ этихъ господъ, всегда дѣлая видъ, какъ будто ихъ не замѣчаетъ и даже не знаетъ объ ихъ существованіи. До сплетней и закулисныхъ интригъ она была неохотницею и, по возможности, старалась ихъ всегда избѣгать, отчего, несмотря ни на какія сплетни, всегда пользовалась всеобщею любовью и уваженіемъ всѣхъ своихъ товарищей, для пользы которыхъ во всякое время готова была дѣлать все, что только отъ нея зависило. Къ роднымъ своимъ она была привязана пламенно. Не зная корыстолюбія, предоставляла своему многочисленному семейству все, оставляла себѣ только самое необходимое для туалета на сценѣ, гдѣ лучше ее, и съ большимъ вкусомъ ни одна изъ русскихъ актрисъ пока еще не одѣвалась. Послѣ смерти открылись тайны, которыхъ не зналъ никто, даже изъ ближнихъ Варвары Николаевны—тайны благотворенія, раскрытыя слезами сиротъ и бѣдныхъ, пришедшихъ ко гробу ея.

Что же касается до наружности Асенковой, то для того, кто хоть одинъ разъ ее видѣлъ, трудно было вообразить себѣ что-нибудь милѣе и привлекательнѣе. Высокая ростомъ, стройная, нѣсколько худощавая, она была чрезвычайно граціозна и всѣ движенія ея, быстрыя, небрежныя, никогда не лишенныя благородства и живописности, были прелестны. Цвѣтъ лица ея былъ бѣлъ и блѣденъ, но оживленъ; волосы темные, руки маленькія. Главное очарованіе Асенковой находилось въ глазахъ, какого-то неопредѣленнаго цвѣта, темно-голубова-

таго, безпрерывно блиставшихъ, какъ два огонька, и взглядъ которыхъ могъ изобразить по волѣ все, что хотѣлъ; а также и въ улыбкѣ, въ которой было много ума и какая-то особенная прелесть. Наконецъ, голосъ Асенковой, при самомъ чистомъ и внятномъ выговорѣ, имѣлъ что-то мелодическое, и, невольно проникая до самой глубины сердца, довершалъ очарованіе, отъ котораго тому, кто разъ подъ него подпалъ, освободиться совершенно было и невозможно и не хотѣлось...

Но любимица публики, удостаиваемая вниманіемъ государя, царской фамиліи и всего двора, Асенкова бывала, однакоже, жертвою гнусныхъ интригъ и пошлыхъ выходокъ нѣкоторыхъ великосвѣтскихъ господъ, мстившихъ артисткѣ за ея презрѣніе къ ихъ искательствамъ. Въ запискахъ Каратыгина есть разсказъ о томъ, какъ какой-то офицеръ бросилъ зажженную шутиху въ окно театральной кареты, въ которой сидѣла Асенкова. Его разыскали и отправили на Кавказъ, откуда, впрочемъ, онъ благополучно возвратился года черезъ два.

Другіе, подобные ему, подсаживали шикальщиковъ въ спектакли, въ которыхъ участвовала Асенкова. Бывали случаи присылки артисткѣ по почтѣ безыменныхъ пасквилей и карикатуръ. Съ другой стороны обожатели докучали ей признаніями въ любви—въ стихахъ и въ прозѣ. Гордое молчаніе Асенковой было постояннымъ ея отвѣтомъ, какъ ненавистникамъ, такъ и обожателямъ. Ей представлялись самыя блестящія партіи; богачи и знатныхъ фамилій люди искали ея руки, но пламенная любовь къ роднымъ и къ искусству приковывала Асенкову къ театральнымъ подмосткамъ крѣпче цѣпей Гименея, хотя бы и золотыхъ. Почти ежедневно видимая на сценѣ, эта благородная артистка внѣ театра была невидимкою; жила безукоризненно скромно, довольствуясь кругомъ родныхъ и весьма немногихъ знакомыхъ изъ среды артистовъ и литераторовъ. Самымъ дорогимъ гостемъ въ домѣ Асенковой былъ ея учитель И. И. Сосницкій; послѣ него, она искренно уважала П. А. Каратыгина; была дружна съ Максимовымъ, Григорьевымъ, — и ласкова ко всѣмъ товарищамъ и подругамъ по театру. Не охотница до нарядовъ, одѣвалась въ частной жизни очень скромно, да и куда было ей рядиться? Въ гости она выѣзжала очень рѣдко, а большею частію къ людямъ, которые встрѣчали ее не по платью, а по уму. Раннимъ утромъ, эта милая, добрая дѣвушка хаживала въ церковь, вмѣстѣ со своей старой няней; дѣтски добродушная она была младенцемъ въ своихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ.

«Не говоря уже о прекрасномъ и разнообразномъ дарованіи Асенковой,—говоритъ въ своихъ запискахъ Каратыгинъ:—я не могу умолчать о ея миломъ и любезномъ характерѣ; добродушіе и кротость ея доходили до дѣтской наивности. Я не замѣчалъ, чтобъ она кому-нибудь завидовала; не слыхалъ, чтобы съ кѣмъ-нибудь повздорила, что такъ обыкновенно въ нашемъ закулисномъ муравейникѣ. Если она не получила блестящаго воспитанія, то природный ея умъ и тактъ заставляли забывать въ ней этотъ недостатокъ. Собой она хотя не была красавицей въ строгомъ смыслѣ, но миловидность ея была до того симпатична, что собирала около нея толпу поклонниковъ и вздыхателей изъ такъ-называемыхъ театраловъ».

Ея отношенія къ своему учителю И. И. Сосницкому лучше всего характеризуются слѣдующимъ письмомъ ея:

«Милый и добрый Иванъ Ивановичъ.

«Съ удовольствіемъ спѣшу сообщить вамъ пріятную для васъ новость. Вчера вечеромъ я была въ царскомъ саду, и его высочество

Михаилъ Павловичъ почти два часа говорилъ со мною, болѣе все объ васъ, расхваливалъ васъ до небесъ, говорилъ, что онъ ужасно васъ любитъ, что вы прекраснѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ въ мірѣ, чрезвычайно умны, и что онъ всегда находитъ особенное удовольствіе говорить съ вами. Вы не можете себѣ представить, какъ мнѣ было пріятно слышать всѣ эти похвалы человѣку, котораго я привыкла любить и уважать и всегда считать за благороднаго, умнаго, честнаго и добраго. Послѣ этого разговора я просто боготворю его высочество, видя, что онъ прекрасно умѣетъ отличать людей. Потомъ спросилъ онъ у меня: были ли вы на охотѣ? Я отвѣчала, что нѣтъ, потому что не прислали билета. Онъ ужасно разсердился на неисправность Майкова и въ заключеніе всего просилъ меня дать вамъ знать, что онъ въ четвергъ пріѣдетъ въ Ораніенбаумъ съ маневровъ и желалъ бы очень васъ видѣть. Ахъ, какъ я рада за васъ, милый Иванъ Ивановичъ, потому что такое вниманіе и любовь должны быть для васъ очень лестны».

Неустанные труды и слабое здоровье не дали вполнѣ распвѣсть юному таланту. Она прослужила искусству только пять лѣтъ. 19-го апрѣля 1841 года она скончалась и похоронена на Смоленскомъ кладбищѣ. Только-что начинавшій въ то время свое литературное поприще поэтъ Некрасовъ почтилъ ея память стихотвореніемъ, въ которомъ горячо вспоминаетъ о безвременно погибшей артисткѣ.

«... Я помню: занавѣсъ взвилась,
Толпа угомонилась—
И ты на сцену въ первый разъ,
Какъ свѣтлый день, явилась.
Театръ гремѣлъ: и дилетантъ,
И скептикъ хладнокровный
Твое искусство, твой талантъ
Почтили данью ровной.
И точно, мало я видалъ
Красивѣе головокъ;
Твой голосъ ласково звучалъ,
Твой каждый шагъ былъ ловокъ;
Дышали милыя черты
Счастливымъ дѣтскимъ смѣхомъ...
Но лучше-бъ воротилась ты
Со сцены съ неуспѣхомъ!
Увы, наивна ты была,
Вступая за кулисы—
Ты благородно поняла
Призваніе актрисы:
Исканья старыхъ богачей
И молодыхъ нахаловъ,
Куплеты блѣдныхъ ревмачей
И вздохи театраловъ—
Ты все отвергла... Заперлась
Ты феей недоступной—
И вся искусству предалась
Душою неподкупной.
И что-жъ? Обижены тобой,
Лишенные надежды,
Отмстить рѣшились клеветой

Бездушные невѣжды!
Переходя изъ устъ въ уста
Коварна и безчестна,
Крылатымъ змѣемъ клевета
Носилась повсемѣстно—
И все заговорило вдругъ...
Посыпались упреки,
Стихи и письма, и подругъ
Не тонкіе намеки...
Ихъ говоръ лишь тогда затихъ,
Какъ смерть тебя сразила...
Ты до послѣднихъ дней своихъ
Со сцены не сходила.
Въ сознаньи свѣтлой красоты
И творческаго чувства,
Восторгъ толпы любила ты,
Любила ты искусство,
Любила славу... Твой закатъ
Былъ страненъ и прекрасенъ:
Горѣлъ огнемъ глубокій взглядъ,
Пронзителенъ и ясенъ;
Пылали щеки; голосъ сталъ
Богаче страстью нѣжной...
Увы! театръ рукоплескалъ
Съ тоскою безнадежной!
Сама ты знала свой удѣлъ,
Но до конца, какъ прежде,
Твой голосъ, погасая, пѣлъ
О счастьѣ и надеждѣ.
Не такъ ли звѣздочка въ ночи,
Срываясь, упадаетъ,
И на лету свои лучи
Послѣдніе роняетъ?...»

Товарищъ по искусству, извѣстный московскій артистъ Дмитрій Ленскій посвятилъ памяти Асенковой слѣдующія строки:

«Гдѣ ты—душа души, роскошная краса?
Съ тобой дни счастія пропали!
Увы! Тебя ужъ нѣтъ! Ужели небеса
Завидовать земному стали?
Какъ свѣтлая струя и въ чистомъ хрусталѣ,
Она была чужда презрѣннаго, людского,
И какъ же было ей жить долго на землѣ,
Когда въ ней не было земного?!»

«Простите, мой добрый,—писалъ онъ Сосницкому: — будемъ жить попрежнему, въ ожиданіи другой жизни, гдѣ, можетъ-быть, встрѣтимся съ ангеломъ, который здѣсь гостилъ подъ видомъ актрисы и подъ именемъ Варвары Николаевны Асенковой».

Отзывъ современника о первомъ представленіи оперы „Жизнь за Царя“.

Въ библіотекѣ Императорскихъ театровъ хранятся афиши. Онѣ обыкновенно наклеиваются на большіе листы александрійской бумаги и переплетаются въ книгу. На поляхъ бумаги режиссеры иногда отмѣчаютъ особыя событія, случившіяся во время спектакля. Теперь это дѣлается крайне рѣдко, но прежде, въ началѣ 30-хъ годовъ, А. В. Храповицкій, «инспекторъ россійскаго репертуара» или, какъ онъ самъ себя называлъ, главнокомандующій россійскимъ репертуаромъ, дѣлалъ каждодневно и собственноручно на поляхъ отмѣтки, въ которыхъ излагалъ свое мнѣніе о пьесахъ, объ игрѣ актеровъ, о чрезвычайныхъ событіяхъ, даже объ такихъ, напр.: «спектакль начался десятью минутами позже обыкновеннаго, по причинѣ одному мнѣ извѣстной», и т. п. Вотъ что имъ оставлено на память потомству о первомъ представленіи оперы великаго композитора: «1836 г. Въ пятницу, 27 ноября, въ Большомъ театрѣ. Для открытія послѣ перестройки. Въ первый разъ «Жизнь за Царя». Оригинальная большая опера.

«При семъ открытіи театра изволилъ присутствовать Государь Императоръ со всею августѣйшею фамиліею.

«Объ оперѣ ничего сказать не могу: въ сей день я былъ дежурнымъ въ Александринскомъ театрѣ».

«Воскресенье, 29. То же во второй разъ.

«Скажу про оперу правду-матку, какъ я понимаю: вздоръ и галиматья! Глинка отъ русскаго отсталъ и къ иностранному не пристали вышла чепуха. Петровъ, Степановъ и Воробьева дѣлали свое дѣло какъ нельзя лучше, Леоновъ же никуда не годится. Вызывали: Глинку, Петрова, Воробьеву и Степанову».

Sapienti sat.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

I.

Въ началѣ декабря 1849 г., на письменномъ столѣ, въ кабинетѣ покойнаго учителя моего Н. В. Берга, я увидѣлъ четыре тетрадки, сложенныя въ четверку, писанныя разными почерками. На обложкѣ первой было крупно написано «Банкротъ». Это слово зачеркнуто и подъ нимъ тоже крупно: «Свои люди сочтемся, комедія въ 4 дѣйствіяхъ, соч. А. Островскаго».

«Какое пріятное занятіе, эти танцы! Что можетъ быть восхительнѣе!..»—началъ читать я.

Этотъ монологъ охватилъ все мое существо, я прочиталъ всю піесу, не вставая съ мѣста.

— Позвольте списать, Николай Васильевичъ! — обратился я къ Бергу.

— Сегодня я долженъ отдать назадъ. Островскій будетъ читать ее у М. Г. Попова (университетскій товарищъ Алек. Ник.). Піеса врядъ ли будетъ напечатана.

Въ тотъ же день, въ обѣдъ, я пришелъ къ Матвѣю Григорьевичу Попову и предложилъ ему свои услуги переписать піесу съ тѣмъ, чтобы одинъ экземпляръ оставить у себя. Писалъ я въ то время отлично.

— Вѣроятно авторъ намъ это позволитъ, — отвѣчалъ Матвѣй Григорьевичъ и тотчасъ же усадилъ меня въ своемъ кабинетѣ, далъ мнѣ какую-то необыкновенную глянцевитую бумагу, на которой писать такъ же было трудно, какъ на стеклѣ, тѣмъ болѣе, что и перья тогда употреблялись болѣе гусиныя.

Около восьми часовъ вечера, въ кабинетъ вошелъ бѣлокурый, стройный, франтовато одѣтый (въ коричневомъ, со свѣтлыми пуговицами, фракѣ и—по тогдашней модѣ—въ необыкновенно пестрыхъ брюкахъ) — молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати пяти. Набилъ трубку табаку, выпустилъ два-три клуба дыму и съ боку, мелькомъ взглянулъ на мое чистописаніе.

Это былъ А. Н. Островскій.

— Позвольте васъ спросить,—робко обратился я къ нему:—я не разберу вотъ этого слова.

— «Упаточилась»,—отвѣчалъ онъ, посмотрѣвъ въ тетрадку:—слово русское, четко написанное.

Спросилъ я, впрочемъ, не потому, что не разобралъ этого слова, а просто я горѣлъ нетерпѣніемъ услыхать его голосъ.

Въ 8 часовъ въ залѣ началось чтеніе. Мы съ братомъ Матвѣя Григорьевича слушали изъ кабинета. До конца, до мельчайшихъ подробностей вѣдомый мнѣ міръ, изъ котораго взята піеса, изумительная передача въ чтеніи характера дѣйствующихъ лицъ произвели на меня неизгладимое до сихъ поръ впечатлѣніе.

Въ теченіе декабря и января я переписалъ піесу три раза и выучилъ ее наизусть. Она была напечатана въ мартовской книгѣ «Москвитянина» 1850 г., но играть ее на сценѣ не дозволили. Авторъ былъ взятъ подъ надзоръ полиціи.

— Это вамъ больше чести,—сказалъ ему графъ Закревскій, лично объявляя Островскому распоряженіе высшаго начальства. Графъ Закревскій любилъ произведенія Островскаго. Піесы: «Свои люди сочтемся» и «Бѣдность не порокъ» авторъ читалъ у него въ домѣ.

Надзоръ былъ снятъ по всемилостивѣйшему манифесту при вступленіи на престолъ императора Александра II.

— Позвольте васъ поздравить! — съ улыбкою сказалъ Александру Николаевичу квартальный надзиратель, объявляя ему о снятіи съ него надзора.

— Васъ тоже позвольте поздравить съ окончаніемъ безпокойствъ и поблагодарить, что вы меня здрава и невредима сохранили.

Квартальный расшаркался.

— Кажется, мы васъ не безпокоили и доносили объ васъ, какъ о благороднѣйшемъ человѣкѣ. Не скрою, однако, что мнѣ одинъ разъ была за васъ нахлобучка.

Эта встрѣча съ Александромъ Николаевичемъ повліяла на всю мою дальнѣйшую судьбу. Я жилъ въ то время на окраинѣ Москвы, въ захолустьѣ, и давалъ уроки въ небогатыхъ купеческихъ домахъ.

Я былъ страстный любитель театра. Съ однимъ пріятелемъ мы ходили въ Малый театръ чуть не каждый день, и сидѣли всегда въ райкѣ. У насъ были тамъ свои привилегированныя мѣста, которыя занимать никто не могъ, потому что мы забирались въ театръ до спуска средней люстры. Сосѣдями нашими были большею частью студенты Московскаго университета и одинъ почтенный учитель русской словесности Андрей Андреевичъ, всегда ходившій въ синемъ форменномъ фракѣ и бѣломъ галстукѣ. Онъ постоянно вступалъ со студентами въ споръ о піесѣ и ея исполнителяхъ.

Въ залѣ пусто и темно, лишь въ оркестрѣ мелькаетъ нѣсколько огоньковъ. Посреди мрака и тишины вдругъ пиликнула скрипка, ей отвѣчаетъ другая, третья... Смолкли. Огоньки начинаютъ прибывать. Маленькую трель испустила флейта; дали знать о своемъ существованіи литавры... Свѣту въ оркестрѣ все больше и больше. Дружатся между собою скрипки; крякнулъ контрабасъ; нѣжную, сладенькую нотку далъ віолончель... Въ оркестрѣ начинается полная жизнь: всѣ инструменты пришли въ движеніе. Люстра медленными порывами выходитъ изъ отверстія. Раекъ съ шумомъ и крикомъ наполняется зрителями. Мѣста берутся съ бою.

— Нѣтъ, вы позвольте! Мы тоже деньги заплатили.

— Я и въ креслахъ могу сидѣть.

— Ну такъ туда и пожалуйте по вашему чину.

— Что вы,—въ баню что ли пришли?

— Послушайте, тутъ дамы.

— Что-жъ, мы ничего такого не говоримъ.

— Поберегите ваши слова для Таганки.
— Мы въ Тверской-Ямской живемъ, а не на Таганкѣ.
— Оно и видно.
Успокоились, усѣлись.
— Какая игра?
— «Левъ Гурычъ Синичкинъ».
— Живокини дѣйствуетъ?
— Дѣйствуетъ.
— Ублажитъ! Намедни онъ на кровати съ господиномъ Васильевскимъ [1]) разыгрывали маленько.
— Почтенный, подвиньтесь маленько.
— Не забывайся!
— Ухъ, какъ страшно!
— Въ шубѣ-то, пожалуй, сопрѣешь, а дѣвать ее некуда.
— Въ шубѣ совсѣмъ невозможно—растаешь: жара, какъ въ кузницѣ.
— Квасокъ малиновой!
— Что ты тутъ топчешься? Еще игра не начиналась, а ужъ онъ съ квасомъ!
— Ты приходи по третьему поту, а теперь пока рано: къ твоему квасу еще расположенія нѣтъ.
— Въ купонахъ сидѣть превосходнѣе, а для дамъ даже оченно... А здѣсь такъ намнутъ...
— Кто же это позволитъ?
— Да тутъ, тетенька, и позволенія вашего не будутъ спрашивать, потому—тѣснота. Видите, какъ народъ претъ.

Подобныя перемолвки продолжаются и во время антрактовъ.

Купцы, въ средѣ которыхъ мнѣ приходилось бывать, были неохотливы до театра.

— Живемъ мы въ тѣхъ же направленіяхъ, какъ наши старики жили. И слава Богу,—лучше намъ не надо!—говорили они.

На сценѣ Большого московскаго театра знаменитая танцовщица Фанни Эльслеръ. Москва преклонялась предъ ея талантомъ. Въ книжныхъ и музыкальныхъ магазинахъ выставлены ея портреты; ресторатеръ Шевалье готовитъ котлеты à la Fanni Elsler; въ табачныхъ магазинахъ папироски Fanni Elsler; модистки мастерятъ шляпки Fanni Elsler. Имя Фанни Эльслеръ у всѣхъ на языкѣ. Балетоманы на верху блаженства; поэты бряцаютъ на лирахъ. Увлеченіе дошло до того, что одинъ солидный чиновникъ, занимавшій видный служебный постъ, въ порывѣ восторга, вскочилъ на козлы кареты артистки и прослѣдовалъ съ нею до ея отеля. Были очень почтенные люди, считавшіе за счастье получить отъ нея на память башмаки, въ которыхъ она танцовала. Поэты привѣтствовали ее восторженными стихами. Н. В. Бергъ выходилъ изъ себя; все ему въ ней нравилось.

Да, мнѣ милы и за то вы,
Что, любя Москву мою,
Полюбили горы Воробьевы,
Что гуляли по Кремлю.

Описывая поѣздку артистки на Поклонную гору, поэтъ восклицаетъ:

На горѣ у насъ Поклонной
Положили въ поклонъ,—
На горѣ, отколѣ, въ дни оны,

[1]) Водевиль: „Комната съ двумя кроватями".

Подошли къ стѣнамъ Москвы,
Распустивъ свои знамены,
Грозныхъ Галловъ легіоны—
Бонапартовскіе львы.
Тамъ,—свои покинувъ дрожки,
Вы смотрѣли на Москву,
Тамъ и ваше чудо — ножки,
Пропорхнувши вдоль дорожки,
Смяли нашу мураву.
И слегка напечатлѣнный
Вашихъ ножекъ нѣжный слѣдъ,
Вашей славой озаренный,
Прирастетъ къ горѣ Поклонной,
Прирастетъ на много лѣтъ.

Андрей Андреевичъ былъ въ восторгѣ отъ Фанни и, во время антрактовъ, читалъ намъ лекціи «О мастерствѣ и художествѣ».

— Это—художница! Это—великая художница! Это—предѣлъ хореографическому искусству: дальше ужъ тамъ нѣтъ ничего. Всѣ наши танцовщицы передъ ней только большія мастерицы и больше ничего! Мнѣ жалко смотрѣть на прыгающихъ мужчинъ, на кружащихся дѣвушекъ и дѣвочекъ, но я съ благоговѣніемъ смотрю на выдвигающуюся изъ толпы художницу.

А въ захолустьѣ у насъ такъ понимали Фанни Эльслеръ:

— Боже мой, какъ она превосходно танцуетъ! — говорилъ въ семействѣ своего дяди, богатаго фабриканта, молодой человѣкъ, кончившій курсъ въ коммерческомъ училищѣ.

— Затанцуешь, какъ пить и ѣсть захочешь, — и на дудкѣ заиграешь,—замѣчаетъ дядя.

— Помилуйте, развѣ можно про Фанни Эльслеръ такъ говорить?

— Что она тебѣ кума, что ли? Ты бы объ душѣ своей больше подумалъ...

— Душа тутъ не при чемъ, душа цѣла будетъ, если я въ театръ пойду.

— Ну, не скажите!—возражаетъ тетка.

— Что съ дуракомъ разговаривать,—заключаетъ дядя.—въ церковь ежели придетъ — одному святому кивнулъ, другому моргнулъ, третій самъ догадается, а вотъ по театрамъ—наше дѣло!

Такое воззрѣніе на театръ все-таки не удерживало захолустье отъ желанія иногда посѣтить его. Это обыкновенно бывало на масляницѣ. Въ эти дни театральнымъ начальствомъ и репертуаръ приноровлялся ко вкусамъ захолустья: давали обыкновенно «Парашу Сибирячку», «Наполеоновскій генералъ или мужъ двухъ женъ», «Идіотъ или Гейльбергское подземелье», «Принцъ съ хохломъ, бѣльмомъ и горбомъ» и другія, подобныя этимъ, піесы, въ которыхъ Живокини и Никифоровъ клали, какъ говорится, въ лоскъ почтеннѣйшую публику. Непрерывный смѣхъ и взвизгиванье раздавались сверху до низу.

— Положимъ, что смѣшно, но вѣдь это балаганъ! Тутъ нѣтъ ничего эстетическаго,—говорилъ нашъ менторъ Андрей Андреевичъ.

Я восхищался игрой Живокини, и такой приговоръ объ немъ мнѣ не нравился.

— Вы возьмите по сравненію: смѣхъ, которымъ васъ даритъ Садовскій, и смѣхъ, который вынуждаетъ изъ васъ Живокини.

И онъ читалъ намъ лекцію о смѣхѣ

Съ появленіемъ на сценѣ комедіи Островскаго «Не въ свои сани не садись» на московской сценѣ начинается новая эра. Я былъ на первомъ представленіи этой комедіи. Она была дана въ бенефисъ Косицкой. Взвился занавѣсъ, и со сцены послышались новыя слова, новый языкъ, до того неслыханный со сцены; появились живые люди изъ замкнутаго купеческаго міра, люди, на которыхъ или плевалъ съ высоты своего невѣжества петербургскій драматургъ Григорьевъ «съ товарищи», заставляя ихъ говорить несуществующимъ, сочиненнымъ, дурацкимъ языкомъ,—или изображалъ ихъ такими приторными патріотами, что тошно было смотрѣть на нихъ.

Напримѣръ въ одномъ водевилѣ изъ народнаго быта мужикъ поетъ:

Русскихъ знаетъ цѣлый свѣтъ,
Не съ руки намъ чванство...
Правду молвилъ я, иль нѣтъ,

(*Обращаясь къ публикѣ*): Пусть рѣшитъ дворянство.

Посреди глубокой тишины публика прослушала первый актъ и восторженно, по нѣсколько разъ, вызвала исполнителей. Въ коридорахъ, въ фойе, въ буфетѣ пошли толки о піесѣ. Восторгу не было конца! Во второмъ актѣ, когда Бородинъ поетъ пѣсню, а Дунюшка останавливаетъ его:

— «Не пой ты, не терзай мою душу», а тотъ отвѣчаетъ ей:

— Помни, Дуня, какъ любилъ тебя Ваня Бородкинъ...

Театръ зашумѣлъ, раздались аплодисменты, въ ложахъ и креслахъ замелькали бѣлые платки.

Восторженный менторъ нашъ Андрей Андреевичъ обтеръ выступившія на глазахъ его слезы и произнесъ:

— Это—не игра. Это—священнодѣйствіе! Поздравляю васъ, молодые люди, вамъ много предстоитъ въ жизни художественныхъ наслажденій. Талантъ у автора изумительный. Онъ сразу всталъ плечо о плечо съ Гоголемъ.

Подъ бурю аплодисментовъ, безъ апломба, застѣнчивый, какъ дѣвушка, въ директорской ложѣ показался авторъ и низко поклонился привѣтствовавшей его публикѣ.

Таланты Васильева (Бородкинъ) и Косицкой (Дуняша) проявились въ этихъ роляхъ во всю мѣру. Совершеннѣе сыграть было невозможно. Это была сама жизнь.

Въ это время изъ московскихъ актеровъ я былъ знакомъ только съ однимъ — Петромъ Гавриловичемъ Степановымъ, игравшемъ въ піесѣ «Не въ свои сани не садись» роль Маломальскаго, трактирщика.

Петръ Гавриловичъ былъ человѣкъ крайне оригинальный. Несмотря на свои почтенныя лѣта, онъ часто продѣлывалъ ребяческія шутки. Актеръ онъ былъ, какъ говорится—на вторыя роли, но былъ необыкновенный и замѣчательный гримъ. Онъ мнѣ разсказывалъ, что императоръ Николай Павловичъ приказалъ вызвать его въ Петербургъ для исполненія только одной роли князя Тугоуховскаго въ «Горе отъ ума». Эту нѣмую роль своимъ исполненіемъ и гримировкой онъ выдвинулъ на первый планъ. Императрица Александра Ѳедоровна, при появленіи его на сцену, признала въ немъ одного московскаго сановника (князя Юсупова) и очень смѣялась.

Вскорѣ послѣ перваго представленія «Не въ свои сани», онъ пригласилъ меня пить чай въ трактиръ Пѣгова, гдѣ теперь ресторанъ

«Эрмитажъ» Оливье. Выпили мы «четыре пары» (такъ въ то время опредѣлялась порція чаю).—Петръ Гавриловичъ отдалъ деньги половому, который черезъ минуту принесъ ихъ обратно и положилъ на столъ.

— Что значитъ?—съ удивленіемъ спросилъ Петръ Гавриловичъ.

— Приказчикъ не беретъ,—съ улыбкою отвѣчалъ половой.

— Почему?

— Не могу знать, не беретъ. Ту причину пригоняютъ...

— Извините, батюшка, мы съ хозяевъ не беремъ,—сказалъ почтительно кланяясь, подошедшій приказчикъ.

— Развѣ я хозяинъ?

— Ужъ такой-то хозяинъ, что лучше требовать нельзя! Въ точности изволили представить. И господинъ Васильевъ тоже: ...«кипяточку!»... На удивленіе!

— За комплиментъ благодарю сердечно, а деньги все-таки возьми.

II.

Постомъ, 11-го марта 1853 года, сгорѣлъ Большой московскій театръ. Пожаръ начался утромъ. Шелъ маленькій снѣжокъ. Я былъ на этомъ пожарѣ. Смѣлаго и великодушнаго подвига кровельщика Марина, взобравшагося по водосточной трубѣ подъ самую крышу для спасенія театральнаго плотника—не видалъ. Зрѣлище пожара было внушительное. Странно было смотрѣть, какъ около этого, объятаго пламенемъ, гиганта вертѣлись пожарные съ своими спринцовками. Брантъ-маіоръ, брантмейстеры, пожарные неистово кричали осиплыми звѣриными голосами.

— Мѣщанская, качай!

Труба Мѣщанской части начинаетъ пускать изъ своего рукава струю, толщиною въ указательный палецъ. Двѣ-три минуты покачаетъ—воды нѣтъ.

— Воды! — кричитъ брантмейстеръ. — Сидоренко! Въ гробъ заколочу!..

Сидоренко, черный, какъ уголь, вылупивъ глаза, поворачиваетъ бочку.

— Срѣтенская!.. Берегись!..

— Публика, осадите назадъ! Господа, осадите назадъ!—кричитъ частный приставъ.

Никто не трогается съ мѣста, да и некуда было тронуться: всѣ стоятъ у стѣны Малаго театра. Частный приставъ это такъ скомандовалъ, для собственнаго развлеченія. Стоялъ, стоялъ, да и думаетъ: дай крикну. И крикнулъ... Все лучше...

— Назадъ, назадъ! Осадите назадъ!—презрительнымъ тономъ покрикиваетъ, принимая на себя роль полицейскаго, изящно одѣтый адъютантъ графа Закревскаго. Всѣ стоятъ молча. Адъютантъ начинаетъ сердиться.

— Я прикажу сейчасъ всѣхъ водой заливать!—горячится онъ.

— Вода-то теперича сто цѣлковыхъ ведро! Кіятру лучше прикажите заливать,—слышится изъ толпы, вызывая хохотъ.—Два фантала поблизости, изъ нихъ не начерпаешься. На Москва-рѣку за водой-то гоняютъ. Скоро ли такой огонь ублаготворишь.

— Смотри, смотри! Ухъ!

Крыша рухнула, поднявъ къ верху міріады искръ.

А гигантъ все горитъ и горитъ, выставляя изъ оконъ огромные пламенные языки, какъ бы подразнивая московскую пожарную команду съ ея спринцовками. Къ 8 часамъ вечера и начальство, и пожарные, и лошади—всѣ выбились изъ силъ и стояли.

Лѣтомъ послѣдовала война съ Турціей. Къ осени съ береговъ Дуная стали приходить извѣстія о небольшихъ стычкахъ нашихъ войскъ съ турецкими. Расположенныя въ Москвѣ войска, напутствуемыя благословеніемъ московскаго первосвятителя Филарета, выступали на брань. «Московскія Вѣдомости» становились съ каждымъ днемъ интереснѣе. Патріотическій духъ Москвы поднимался все выше и выше. Загудѣли московскіе колокола при извѣстіи о синопскомъ боѣ; возликовала Москва отъ побѣды Бебутова надъ сераскиромъ эрзерумскимъ. Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», чуть не въ каждомъ №, стали появляться патріотическія стихотворенія дотолѣ невѣдомыхъ поэтовъ—Вл. Павлова, Вѣры Головиной, Е. Колюпановой, князя Цертелева, Василія Поѣдугина; потомъ пошли извѣстные литераторы М. А. Стаховичъ и О. Б. Миллеръ, наконецъ, стало по рукамъ ходить стихотвореніе Хомякова «Тебя призвалъ на брань святую»,—«Гласъ Божій! Сбирайтесь на праведной судъ» и знаменитое въ то время стихотвореніе «Вотъ въ воинственномъ азартѣ воевода Пальмерстонъ», положенное на музыку двумя композиторами—Бавери и Дюбюкомъ и иллюстрированное П. М. Боклевскимъ. Б. Н. Алмазовъ написалъ стихотвореніе «Крестоносцы» [1]). Ликованія продолжались, а съ Запада шли къ намъ грозныя тучи, чувствовалось, что ликованію наступаетъ конецъ. У Иверской, въ зданіи присутственныхъ мѣстъ и на Воздвиженкѣ, въ казенной палатѣ, раздавались стоны и рыданія рекрутскихъ женъ и матерей.

«Наборъ!» Боже, что это за страшное слово было въ то время! Что за страшныя сцены совершались въ рекрутскихъ присутствіяхъ!

— Годенъ въ команду! — раздается голосъ предсѣдателя рекрутскаго присутствія.

— Богъ съ тобой, Микита Митричъ! Задаромъ ты нашу семью разоряешь,—говоритъ, всхлипывая, рекрутъ сдатчику-міроѣду:—твоему плюмяннику идти слѣдуетъ.

— Ваше сіятельство,—вырываясь изъ рукъ солдата, говоритъ обращаясь къ присутствію, рекрутъ:—Я могу! Нужды нѣтъ, что пьяный! Ежели мнѣ теперича еще поднести—я куда угодно!

— Ежели онъ деревню спалилъ—ему въ Сибири мѣсто, а ты его въ некрута царскіе привезъ,—говоритъ старикъ-крестьянинъ барскому приказчику.—Которые на очереди, ты тѣхъ не отдаешь!

— Тятенька, голубчикъ! Затылочекъ зачистить приказали, — радостно вскрикиваетъ молодой красивенькой парень, выскакивая изъ дверей присутствія.—Расширеніе жилы!

— Тебѣ какъ затылокъ-то брить: по модному, что ли? — остритъ цырюльникъ.

— Намъ все одно,—отвѣчаетъ за сына старикъ-отецъ: — стыда въ этомъ нѣтъ. Садись, Петруша, садись. Мать-то ужъ чай тамъ до-сыта навылась!

— Въ госпиталь на испытаніе!—раздается голосъ предсѣдателя.

— Въ госпиталь на воспитаніе!—кричитъ солдатикъ, выпроваживая изъ присутствія «сомнительнаго» рекрута.

— Я человѣкъ ломаный! Мнѣ сорокъ годовъ. У меня ужъ скрозь

---

[1]) Впервые напечатано въ Русскомъ Архивѣ за 1883 г. безъ имени автора.

ребръ кишки видно, а меня въ солдаты! Какой же это порядокъ! Какой я солдатъ! Мало ли нашего брата мѣщанина путается. Которые непутные сами продаются въ охотники. Я живописецъ, образа писалъ, никого не трогалъ,—говоритъ, трясясь всѣмъ тѣломъ, блѣдный, худой, посадской мѣщанинъ.

— Мастеровщина ваша такъ теперь и летитъ!—замѣчаетъ одинъ изъ сдатчиковъ.—Портныхъ очень начальство обожаетъ: какъ сейчасъ портной, такъ и пожалуйте!

— Портной теперь человѣкъ нужный.

— Ну, положимъ портной,—вмѣшивается кто-то: — а ежели сайками кто торгуетъ—тѣхъ за что? На Яузскомъ мосту вчера одного такъ съ лоткомъ въ пріемъ и потащили.

Сердце надрывалось,—больно было смотрѣть на новыхъ рекрутиковъ, препровождаемыхъ вечеромъ въ крутицкія казармы. Толпа, стоявшая нѣсколько часовъ безъ портокъ въ рекрутскомъ присутствіи, ожидая своей очереди, обезображенная жидомъ-цырюльникомъ: это было переселеніе душъ на 25 лѣтъ въ иной міръ, въ міръ розогъ, шпицрутеновъ, фухтелей, линьковъ, зуботычинъ.

III.

Въ театрѣ въ это время дѣла шли своимъ порядкомъ. Изъ Петербурга прислана была для постановки новая піеса актера Григорьева «Подвигъ Марина». Изъ уваженія ли къ подвигу, или по другимъ причинамъ, эту нелѣпость сыграли, и успѣха она никакого не имѣла.

Въ одинъ изъ спектаклей я узналъ отъ моего пріятеля, что Островскій написалъ новую піесу «Бѣдность не порокъ». На другой же день я пошелъ къ Александру Николаевичу. Онъ жилъ тогда у Николы въ Воробинѣ, подъ горой, на берегу рѣки Яузы, въ собственномъ небольшомъ деревянномъ домикѣ. Домикъ этотъ стоитъ и понынѣ. Но... тамъ, въ этомъ домикѣ, гдѣ великій художникъ свои «вѣщи персты на живые струны вскладаше» и эти струны пророкотали «Свои люди сочтемся», «Грозу», «Воеводу», — тамъ теперь увеселительное заведеніе съ «распитіемъ на мѣстѣ».

Александръ Николаевичъ принялъ меня крайне ласково, и я сталъ перелистывать піесу у него въ кабинетѣ. На другой день его посѣтилъ Аполлонъ Александровичъ Григорьевъ. Не придавая никакого значенія своимъ разсказамъ — у меня ихъ въ то время было три: «Сцена у квартальнаго надзирателя», «Сцена у пушки» и «Мастеровой»—я разсказалъ сначала одну сцену, потомъ другую, потомъ третью, Аполлонъ Александровичъ затребовалъ продолженія, но у меня больше не было. Александръ Николаевичъ сдержанно, а Аполлонъ Александровичъ восторженно похвалили меня. «Вы нашъ!»—воскликнулъ онъ, ударяя меня по плечу.

Дня черезъ два Александръ Николаевичъ читалъ піесу у себя. Собрались ее слушать: Н. А. Рамазановъ, П. М. Боклевскій, А. А. Григорьевъ, Евг. Н. Эдельсонъ, Б. Н. Алмазовъ, А. И. Дюбюкъ и другіе; ждали П. М. Садовскаго, но онъ не былъ. Всѣмъ присутствовавшимъ піеса была уже извѣстна: они слушали ее во второй разъ. Послѣ чтенія Александръ Николаевичъ предложилъ мнѣ разсказать мои сцены. Успѣхъ былъ полный. Съ этого вечера я сталъ въ этомъ высокоталантливомъ кружкѣ своимъ человѣкомъ. Евг. Н. Эдельсонъ сталъ мнѣ давать небольшія книжки для рецензіи въ «Москвитянинъ», а Аполлонъ Александровичъ настоятельно требовалъ, чтобы я напи-

салъ что-нибудь для журнала. Я написалъ небольшую сцену «Просто случай», помѣщенную потомъ въ «От. Запискахъ» 1855 года.

Александръ Николаевичъ меня выводилъ въ свѣтъ до Погодина включительно. Мы были нѣсколько разъ у гр. Е. П. Растопчиной, у С. А. Пановой. Она жила на Собачьей площадкѣ. Сынъ ея Николай Дмитріевичъ, страстный любитель музыки и литературы, устраивалъ у себя спектакли. Въ одномъ изъ спектаклей участвовалъ Александръ Николаевичъ въ роли Маломальскаго, а я вышелъ въ первой разъ на сцену въ роли полового.

На этомъ спектаклѣ я въ первый разъ познакомился съ Провомъ Михайловичемъ Садовскимъ. Онъ остался очень доволенъ разсказами, и я несказанно былъ счастливъ, что вызвалъ смѣхъ у царя смѣха.

— Приходите ко мнѣ каждый день, — сказалъ мнѣ на прощанье Провъ Михайловичъ.

И сталъ я къ нему ходить каждый день и привязался я къ этому рѣдкому человѣку и геніальному артисту всей душой, и пользовался его взаимной любовью до конца его дней. Онъ тоже полюбилъ меня, и поручилъ мнѣ обученіе своего сына Миши грамотѣ. Мальчикъ оказался чрезвычайно способнымъ, и мнѣ не стоило никакого труда заниматься съ нимъ.

Принимала также участіе въ спектакляхъ Н. Д. Панова графиня Растопчина, сама писавшая для себя небольшія піески, обыкновенно въ два-три лица, и разыгрывала ихъ съ И. В. Самаринымъ, актеромъ московскаго театра. Режиссерскую часть принимали на себя: Н. А. Рамазановъ и Н. И. Шаповаловъ. Спектакль заключался дивертисментомъ, въ которомъ участвовали А. И. Дюбюкъ, П. М. Садовскій и я.

Гостепріимныя двери Ап. Ал. Григорьева радушно отворялись каждое воскресенье. Молодая редакція «Москвитянина» бывала вся на лицо: А. Н. Островскій, Т. П. Филипповъ, Е. Н. Эдельсонъ, Б. Н. Алмазовъ, очень остроумно полемизировавшій въ то время въ «Москвитянинѣ» съ «Современникомъ» подъ псевдонимомъ Ераста Благонравова. Шли разговоры и споры о предметахъ важныхъ, прочитывались авторами новыя ихъ произведенія. Такъ Б. Н. въ описываемое мною время въ первой разъ прочиталъ свое стихотвореніе «Крестопосцы»; Ал. Ант. Потѣхинъ, только что выступившій на литературное поприще, свою драму: «Судъ людской — не Божій», А. Ѳ. Писемскій, ѣхавшій изъ Костромы въ Петербургъ на службу, устно изложилъ планъ задуманнаго имъ романа «Тысяча душъ». За душу хватала русская пѣсня въ неподражаемомъ исполненіи Т. П. Филиппова; ходенемъ ходила гитара въ рукахъ М. А. Стаховича; сплошной смѣхъ раздавался въ залѣ отъ разсказовъ Садовскаго; Римомъ вѣяло отъ итальянскихъ пѣсенокъ Рамазанова.

Бывали на этихъ собраніяхъ: Алексѣй Степановичъ Хомяковъ, Никита Нв. Крыловъ, Карлъ Францевичъ Рулье. Изъ музыкально-артистическаго міра: А. И. Дюбюкъ, И. К. Фришманъ, пѣвецъ Бантышевъ и др. Не пренебрегалъ этотъ кружокъ и дикимъ сыномъ степей, кровнымъ цыганомъ Антономъ Сергѣевичемъ, необыкновеннымъ гитаристомъ, и купцомъ «изъ русскихъ» Михайломъ Ефремовичемъ Соболевымъ, голосъ котораго не уступалъ пѣвцу Маріо.

Чуть не каждый день Александръ Николаевичъ уѣзжалъ куда-нибудь читать свою новую піесу. Толковъ и разговоровъ объ ней по Москвѣ было много. Наконецъ, она назначена къ представленію.

Роли были розданы, и авторъ прочелъ ее артистамъ въ одной изъ уборныхъ Малаго театра.

Часто посѣщая Прова Михайловича за кулисами во время репетицій и спектаклей, я перезнакомился со всѣми артистами. Московская труппа того времени сіяла своими талантами. Маститый ветеранъ сцены Щепкинъ, хотя и готовился къ празднованію своего пятидесятилѣтняго юбилея, но талантъ его не пропалъ. Городничій, Фамусовъ, Утѣшительный являлись на сценѣ все тѣми же нестарѣющими созданіями. Колоссальный талантъ Садовскаго, послѣ исполненія имъ купца Русакова въ «Не свои сани не садись» Островскаго, выросъ во всю мѣру; молодое дарованіе Сергѣя Васильева проявилось во всемъ блескѣ. Самаринъ, въ своемъ неблагодарномъ репертуарѣ молодыхъ людей, стоялъ очень высоко; Шумскій, вернувшійся изъ Одессы, сразу занялъ въ труппѣ почетное мѣсто. А какіе были первоклассные актеры: Живокини, Никифоровъ, Степановъ!.. Женскій персоналъ, хотя сравнительно и бѣдный по количеству, — не отставалъ отъ мужского по качеству. Какія слезы извлекала у зрителей Л. П. Косицкая, какими живыми лицами являлись на сценѣ Агр. Тим. Сабурова, С. П. Акимова и сестры Бороздины — Варвара и Евгенія; съ какой художественной правдой передавала свои роли Екат. Николаевна Васильева!

Мнѣнія въ труппѣ относительно новой піесы раздѣлились. Хитроумный Щепкинъ, которому была назначена роль Коршунова, рѣзко порицалъ піесу. Онъ говорилъ: «Бѣдность—не порокъ, да и пьянство—не добродѣтель». Шумскій слѣдовалъ за нимъ. Онъ говорилъ: «вывести на сцену актера въ поддевкѣ да въ смазныхъ сапогахъ—не значитъ сказать новое слово». Самаринъ, принадлежавшій къ партіи Щепкина, хотя и чувствовалъ, что роль (Митя) въ новой піесѣ ему не по силамъ—молчалъ. А Петръ Гавр: Степановъ говорилъ: «Михайлу Семенычу съ Шумскимъ Островскій поддевки-то не по плечу шьетъ, да и смазные сапоги узко дѣлаетъ» — вотъ они и сердятся. Точно: ни ветерану русской сцены, ни блестящему первому любовнику Самарину, ни прекрасному (водевильному въ то время) актеру Шумскому, новые, невѣдомые имъ типы Островскаго не удавались. «Новое слово» великаго писателя застало ихъ врасплохъ. Для этого «слова» выдвинулись свѣжія, молодыя силы въ лицѣ: С. В. Васильева и Л. П. Косицкой, и, соединившись съ Садовскимъ и Степановымъ, поставили репертуаръ Островскаго такъ высоко, что онъ на долгое время сдѣлался господствующимъ на московской сценѣ.

Михаилъ Семеновичъ долженъ былъ посторониться, и, мнѣ кажется, въ этомъ и вся причина его нерасположенія къ піесамъ новаго писателя. Не возможно, чтобы величайшій изъ русскихъ артистовъ, видавшій на своемъ вѣку всякіе виды, жившій духовной жизнью въ самомъ ученомъ и образованномъ кругу, 50 лѣтъ прослужившій драматическому искусству, — могъ не понять такихъ созданій, какъ «Свои люди—сочтемся», «Бѣдная невѣста», «Не въ свои сани не садись»..., а онъ прямо говорилъ, что онъ ихъ не признаетъ, а объ «Грозѣ» отзывался съ отвращеніемъ. Въ спорѣ объ этой піесѣ онъ до того разгорячился, что стукнулъ костылемъ и со слезами сказалъ:

— Простите меня! Или я отъ старости поглупѣлъ, или я такой упрямый, что меня сѣчь надо.

Садовскій объяснилъ это по своему:

— Ну, положимъ, Михайло Семеновичъ можетъ дурить на старости

лѣтъ: онъ западникъ: его Грановскій насприпиповывастъ,—а какой же Шумскій западникъ?

Объясняли эти еще тѣмъ, что кругъ, въ которомъ вращался Михаилъ Семеновичъ, такъ называвшіеся въ то время «западники» (Грановскій, Кудрявцевъ, Катковъ), непривѣтливо смотрѣлъ на новаго автора, который, за принадлежность къ «молодой редакціи» «Москвитянина» сопричтенъ былъ къ лику славянофиловъ.

Мы участвовали на литературномъ утрѣ въ московской четвертой гимназіи, въ домѣ Пашкова. Читали: А. Н. Островскій, П. М. Садовскій, М. С. Щепкинъ, С. В. Шумскій, П. В. Самаринъ и я. Блестящая публика собралась на наше чтеніе тѣмъ болѣе, что сборъ съ него поступалъ въ одно изъ благотворительныхъ заведеній, и раздачу билетовъ приняли на себя дамы высшаго свѣта.

Вышелъ на эстраду Михайло Семеновичъ. Долго неумолкавшимъ громомъ рукоплесканій встрѣтила его публика. Кончился восторженный пріемъ. Мих. Семеновичъ стоитъ молча... Аплодисменты раздаются снова... Молчаніе.

— Старикъ забылъ,—говоритъ Шумскій.

Гробовое молчаніе.

— Столбнякъ нашелъ! Надо выйти подсказать,—говорятъ.

На меня палъ жребій идти на эстраду.

Что подсказать? Кажется, на афишѣ не было назначено, что онъ будетъ читать. Кто говоритъ—«Полководецъ» Пушкина; кто говоритъ—про «Жакартовъ Станокъ» — стихотвореніе, которое онъ читалъ часто.

Нашъ Щепкинъ не разъ про Жакартовъ станокъ
Разсказывалъ намъ со слезами,—
И самъ я отъ слезъ удержаться не могъ,
И плакали Корши всѣ съ нами...

Я вышелъ на эстраду и сказалъ совсѣмъ растерявшемуся Михаилу Семеновичу, первый стихъ:

Честь и слава всѣмъ трудамъ...

Старикъ воспрянулъ и съ страстнымъ одушевленіемъ прочиталъ стихотвореніе (это было за два года до его смерти).

— Что съ вами, Михаилъ Семеновичъ?—окружили его, когда онъ вошелъ въ залу, изъ которой выходили на эстраду.

— Да ужъ, должно-быть, къ праотцамъ пора! А тебѣ большое спасибо!—обратился онъ ко мнѣ:—я думаю, тебѣ конфузнѣе было выходить, чѣмъ мнѣ молча стоять.

— Мы не знали, что вы хотите читать: мы думали подсказать вамъ «Полководца»,—сказалъ Самаринъ.

— Совсѣмъ бы зарѣзали! «Полководца» ужъ я давно не читалъ, а это-то сегодня раза три пробѣжалъ,—отвѣчалъ Щепкинъ.

Съ потокомъ слезъ обнялъ онъ меня и въ то же время Островскаго. Сцена была чувствительная. Не помню словъ, какія говорилъ Щепкинъ, но помню, что Александръ Николаевичъ очень растрогался.

— Какой счастливый Александръ Николаевичъ, — сказалъ Садовскій, когда мы пошли домой.

— Чѣмъ?

— Какъ чѣмъ? Михаилъ Семеновичъ-то «пріидите поклонимся» ему сдѣлалъ.

Въ театрѣ также были славянофилы и западники. Щепкинъ, Шумскій, Самаринъ были западники; Садовскій былъ славянофилъ.

— Любовь, ты западница или славянофилка?—обратился разъ Садовскій къ Л. П. Косицкой.

— Я, милый мой, на всякое дѣло гожусь, лишь бы правда была. Ты какой вѣры—славянофилъ? Ну, я съ тобой на край свѣта пойду. А вотъ Шумскій западникъ,—можетъ, его вѣра и лучше твоей, только отъ насъ подальше,—отвѣчала веселая Любовь Павловна.

Знаменитая актриса Аграфена Тимофѣевна Сабурова называла театральныхъ западниковъ «хлыстами».

— Сережа,—говорила она С. В. Васильеву:—ты не вздумай въ ихъ компанію перейти,—я съ тобой играть не стану.

Садовскому отъ западниковъ сильно доставалось. Ленскій писалъ на него грубыя эпиграммы и вообще на его счетъ острословилъ: какъ актеръ, онъ стоялъ далеко не на первомъ планѣ, хотя и игралъ Хлестакова, но зналъ французскій языкъ, хорошо переводилъ и передѣлывалъ водевили, писалъ гладко стихи, что въ то время ставилось въ заслугу, образованія былъ невысокаго. Эпиграмма его не была «хохотунья», и часто обличала въ ея авторѣ отсутствіе литературнаго вкуса, ни для акафиста ему, ни для печатнаго станка не годилась, но въ своемъ кружкѣ, въ веселой компаніи, въ Купеческомъ клубѣ, въ Кофейной Московскаго трактира цѣна ей была высокая. Оставшіеся въ живыхъ уже убѣленные сѣдинами, бывшіе бражники и весельчаки до нынѣ вспоминаютъ веселыя бесѣды съ участіемъ Д. Т. Ленскаго, человѣка нервнаго и раздражительнаго. Пословица говоритъ: «для краснаго словца не пожалѣетъ родного отца». Такъ и онъ: поздравляя, со слезами на глазахъ, М. С. Щепкина съ предстоящимъ пятидесятилѣтнимъ юбилеемъ, онъ ту же минуту изрекъ:

Заиграетъ оркестръ Сакса,
И запѣнится Аи,
Зарыдаетъ старый плаксa,
А съ нимъ денежки мои.

Приглашенный на одинъ роскошный обѣдъ въ какомъ-то ресторанѣ въ качествѣ гостя, онъ даетъ такой отчетъ объ этомъ обѣдѣ:

Обѣдъ намъ былъ весьма негоденъ,
Немного было и ума:
Намъ рѣчи говорилъ Погодинъ,
А деньги заплатилъ Кузьма. [1])

IV.

Мы всѣ ждали съ нетерпѣніемъ перваго представленія «Бѣдность не порокъ». Начались репетиціи и мы съ Александромъ Николаевичемъ бывали на сценѣ каждый день. Наконецъ піеса 25-го января 1854 была сыграна и имѣла громадный успѣхъ. Садовскій въ роли Любима Торцова превзошелъ самаго себя. Театръ былъ полонъ. Въ первомъ ряду креселъ сидѣли: гр. Закревскій и А. П. Ермоловъ, большой почитатель Садовскаго.

— «Шире дорогу—Любимъ Торцовъ идетъ!»—воскликнулъ по окончаніи піесы сидѣвшій съ нами учитель россійской словесности, надѣвая пальто.

---

[1]) Кузьма Терентьевичъ Солдатенковъ.

— Что же вы этимъ хотите сказать? — спросилъ студентъ:—я не вижу въ Любимѣ Торцовѣ идеала. Пьянство—не идеалъ.

— Я правду вижу!—отвѣтилъ рѣзко учитель:—да-съ, правду. Шире дорогу! Правда по сценѣ идетъ. Любимъ Торцовъ—правда! Это—конецъ сценическимъ пейзанамъ, конецъ Кукольнику: воплощенная правда выступила на сцену.

«Московскія Вѣдомости», единственная тогда газета, не обмолвившись ни однимъ словомъ о новой піесѣ; лишь Н. Ѳ. Щербина почтилъ автора злостной эпиграммой.

Вплоть до масляницы піеса не сходила съ репертуара, несмотря на то, что ее загораживала гостившая въ то время въ Москвѣ знаменитая Рашель. Москва чествовала ее по-московски: въ послѣдній спектакль на масляницѣ, въ воскресенье, ей поднесенъ былъ отъ публики серебряный кубокъ съ изображеніемъ московскаго герба; М. С. Щепкинъ поднесъ ей каллиграфическую рукопись «Сцены изъ скупаго рыцаря». Къ рукописи были приложены картинки, заимствованныя изъ содержанія сценъ, два вида Москвы и французскіе стихи, «мастерски написанные женщиной—поэтомъ», какъ сказано въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Говорили, что стихи писала гр. Растопчина. Западники были въ полномъ увлеченіи отъ Рашели, а славянофилы воздавали «коемуждо по дѣламъ его». Ап. Алек. Григорьевъ отвѣтилъ Щербинѣ тоже эпиграммой и написалъ стихотвореніе «Рашель и правда». Злоба Щербины не имѣла границъ. Онъ кромѣ своей эпиграммы, поддерживалъ еще клевету на Александра Николаевича въ плагіатѣ первой комедіи. Клевета эта печатно поднималась два раза, пока не вызвала протеста А. Н., напечатаннаго въ «Современникѣ». Клеветники приписывали піесу купеческому сыну Горсву, который написалъ ужаснѣйшую дребедень подъ заглавіемъ «Сплошь да рядомъ», напечатанную въ «Отечественныхъ Запискахъ». Одинъ актеръ хлопоталъ о пропускѣ ея въ театрально-литературномъ комитетѣ. Комитетъ, будучи послѣдователенъ въ притѣсненіи Островскаго, эту пьесу пропустилъ и вскорѣ «ничто же сумняся» забраковалъ прелестнѣйшую комедію Островскаго «Свои собаки грызутся». Спустя годъ, министръ двора гр. Влад. Ѳед. Адлербергъ велѣлъ піесу пересмотрѣть вновь,—другими словами—пропустить. Піеса была сыграна съ большимъ успѣхомъ и долго оставалась на репертуарѣ, а членъ театрально-литературнаго комитета Ротчевъ, послѣ перваго представленія, написалъ въ «Инвалидѣ» о неуспѣхѣ піесы и окончательномъ паденіи таланта Островскаго. Изъ четырехъ членовъ театрально-литературнаго комитета, подавшихъ голосъ противъ піесы, остались неизвѣстными для потомства три: четвертый этотъ, заявилъ себя печатно (А. В. Ротчевъ), отозвавшись крайне неодобрительно и съ чувствомъ озлобленія. Я написалъ противъ его отчета нѣсколько словъ въ «Сѣверной Пчелѣ» и дорого за это поплатился. Мнѣ было сдѣлано отъ начальника репертуара строгое внушеніе, что, состоя на службѣ и т. д. Сколько я ни оправдывался, что это дѣло частное, нисколько до службы моей не относящееся, но начальство стояло на своемъ. De mortuis... но Ротчевъ не былъ въ театрѣ и піесы не видалъ, и былъ въ этомъ уличенъ. Подобные отчеты бывали прежде нерѣдко. Писались даже отчеты заблаговременно. Такъ директору Сабурову одна русская княгиня за границей рекомендовала принять на службу въ русскую оперу соотечественника, обладавшаго, по ея словамъ, необыкновеннымъ голосомъ. Въ самомъ же дѣлѣ у этого пѣвца голосу было только на пятиалтынной. Директоръ исполнилъ просьбу и за-

ключилъ съ пѣвцомъ контрактъ. Газеты зашумѣли: изъ-за границы ѣдетъ необыкновенный пѣвецъ, беретъ «утъ-діезъ» чище Тамберлика, будетъ дебютировать въ «Отелло» и т. п. Явился этотъ пѣвецъ. То былъ Кравцовъ. На репетиціи дебютантъ проявилъ всѣ данныя ему Богомъ голосовыя средства: оказалось очень мало. Но этому не повѣрили: одни отнесли къ застѣнчивости, другіе къ желанію дебютанта показать себя во всемъ блескѣ на первомъ представленіи. Петръ Ильичъ Юркевичъ, членъ театрально-литературнаго комитета, принадлежалъ къ числу послѣднихъ. Ѣдучи въ театръ, онъ завезъ въ типографію одной газеты, въ которой былъ постояннымъ сотрудникомъ, нѣсколько прочувствованныхъ словъ о первомъ дебютѣ: «При появленіи пѣвца-феномена зала задрожала отъ рукоплесканій. «Утъ-діезъ» поразилъ всѣхъ, какъ громомъ. Весь фешенебельный Петербургъ присутствовалъ на торжествѣ молодого дебютанта. Подробности завтра». Дѣйствительно въ залѣ Маріинскаго театра весь фешенебельный Петербургъ былъ въ этотъ вечеръ. Дѣйствительно раздались аплодисменты при появленіи новаго пѣвца, но не только утъ-діеза, даже никакого голоса фешенебельному Петербургу пѣвецъ не предъявилъ, обезпокоилъ только почтеннѣйшаго Юркевича, который, во время антракта, долженъ былъ съѣздить въ типографію и взять у наборщика свой восторгъ обратно.

Въ одну изъ поѣздокъ по Волгѣ, — въ Казани я познакомился съ Горевымъ: онъ былъ актеромъ въ казанской труппѣ. Это былъ настоящій Любимъ Торцовъ: оборванный, обдерганный пьяница, неоднократно подвергавшійся припадкамъ бѣлой горячки, человѣкъ буйный. Передъ моимъ съ нимъ знакомствомъ онъ только что вышелъ изъ больницы, гдѣ его лѣчили отъ нанесенной ему какимъ-то трагикомъ въ животъ раны той же самой посудой, изъ которой они вмѣстѣ пили. Да не подумайте, что я кладу очень густыя краски на эту личность для того, чтобы выставить ее рельефнѣе,—нѣтъ!—это есть истинная правда. Въ дни оны подобные люди представляли типъ. Они обыкновенно выходили изъ разореннаго купеческаго гнѣзда. Разорился, напримѣръ, купецъ, и побрели розно всѣ родственники, составлявшіе домъ: «купеческіе братья», «купеческіе племянники», тетки, и т. п. Безсильныя и дряхлыя, становившіяся на паперти церковной, тетки расползаются по пустынямъ и монастырямъ, въ которыхъ онѣ прежде считались благодѣтельницами. Молодежь, вкусившая на дядиныхъ капиталъ всѣхъ прелестей прежней нижегородской ярмарки съ ея историческимъ селомъ Кунавинымъ, съ трактирами Никиты Егорова, Барбатенки, и т. п. путались по Москвѣ безъ всякаго дѣла. Иные пристраивались къ какому-нибудь пѣвческому хору, другіе продавались въ солдаты, а нѣкоторые поступали въ актеры. Такихъ актеровъ прежде въ провинціи можно было встрѣтить много. Горевъ происходилъ именно изъ разореннаго купеческаго гнѣзда. Я не могу понять, какимъ образомъ литературнымъ людямъ, бесѣдовавшимъ съ Горевымъ, могло придти въ голову, что онъ могъ написать такую высокую комедію, какъ «Свои люди сочтемся»? Вѣдь это былъ человѣкъ необразованный, даже мало развитой. Съ особеннымъ чувствомъ эта клевета поддерживалась въ одномъ петербургскомъ литературномъ кружкѣ. Въ 1846 году Тертій Ив. Филипповъ познакомился съ Островскимъ и засталъ піесу черновою. Самъ онъ третій актъ переписывалъ съ Ник. Вас. Кидошенковымъ.

Вѣроятно эту сплетню распустилъ самъ Горевъ, потому что не на одного Островскаго онъ посягнулъ: Горевъ впослѣдствіи присваивалъ

себѣ піесу Чернышева «Не въ деньгахъ счастье», но эта силетня дальше актерскаго кружка не пошла.

Горевъ, въ разговорѣ со мною, уклонялся разъяснить мнѣ эту гнусную исторію, но назвалъ лицъ, которые ему покровительствовали въ Москвѣ. Это былъ несчастный человѣкъ, страдавшій галлюцинаціями. Онъ умеръ, подавившись рыбной костью.

Вслѣдъ за Островскимъ попробовали свои силы въ изображеніи купеческаго быта: актеръ Красовскій, написавшій комедію «Женихъ изъ ножовой линіи», Михаилъ Николаевичъ Владыкинъ, написавшій піесу «Купецъ Лабазникъ». Она и до сихъ поръ играется въ провинціи, но въ Москвѣ была снята послѣ нѣсколькихъ представленій по распоряженію гр. Закревскаго, и вотъ почему. Владыкинъ былъ военный инженеръ; написалъ свою комедію въ Петербургѣ. Главное дѣйствующее лицо въ піесѣ былъ купецъ Голяшкинъ. Эту роль въ Москвѣ игралъ Садовскій. На несчастье автора въ Москвѣ отыскался не вымышленный, а настоящій купецъ Голяшкинъ. Пошелъ по купечеству разговоръ. Заходили слухи, что племянники Голяшкина, по злобѣ на дядю, заказали написать піесу, чтобы «напустить на него мараль». Хотя въ піесѣ никакихъ намековъ на настоящаго Голяшкина не было, но все-таки она была снята въ уваженіе заслугъ его по благотворительнымъ учрежденіямъ. Запрещеніе мотивировали тѣмъ, что въ піесѣ унижается благородное сословіе.

За Владыкинымъ выступилъ ходатай по судамъ отъ купечества Н. З. Захаровъ, котораго купцы звали Сахаръ Сахарычемъ. Не помню названія его піесы. Она успѣха не имѣла и дана была только одинъ разъ. Затѣмъ написалъ піесу купецъ Солодовниковъ. Этому твореню не суждено было восхищать публику: оно осталось въ конторкѣ у автора. Оба эти произведенія кружились около «Свои люди» и «Не въ свои сани». Далѣе принесъ на рецензію къ Ал. Николаевичу піесу изъ купеческаго быта Осиповъ: ее не играли, но впослѣдствіи она была напечатана въ «Отеч. Запискахъ».

Въ теченіе трехъ лѣтъ три піесы новаго автора («Бѣдная невѣста», «Не въ свои сани» и «Бѣдность не порокъ») сдѣлали крупной поворотъ драматическаго репертуара на новую дорогу. Затребовались бытовыя піесы. Этому повороту помогли одновременно съ первой піесой Островскаго появившіяся на сценѣ піесы: Сухово-Кобылина «Свадьба Кречинскаго», драма «Разставанье» Родиславскаго, потомъ піесы изъ народнаго быта: «Судъ людской не Божій» А. А. Потѣхина и другія. Полевой, Кукольникъ, Ободовскій и вся французская мелодрама сошли со сцены. Мелодраму впрочемъ изрѣдка поддерживалъ М. С. Щепкинъ, неподражаемо исполняя роль «Матроса» въ піесѣ того же названія. Шекспиръ, немножко сконфуженный Самаринымъ въ роли Гамлета. тоже посторонился и далъ дорогу новому репертуару, тѣмъ болѣе, что Леонидъ Львовичъ Леонидовъ, лучшій представитель Каратыгинскихъ традицій, вызванный въ Москву для замѣщенія Мочалова, былъ снова вызванъ въ Петербургъ для замѣщенія скончавшагося Каратыгина.

Каратыгинъ не высоко стоялъ во мнѣніи нашихъ учителей: онъ отличный актеръ, но не Павелъ Степановичъ (Мочаловъ). — до него ему далеко.

— Да-съ. батюшка, далеко,—говоритъ Садовскій.—Вотъ Аполлонъ чудесно сказалъ:

Мы Веронику съ нимъ любили,
За честь сестры мы съ Гюгомъ мстили.

И,—человѣкъ ужъ былъ таковъ:
Мы терпѣливо выносили,
Какъ въ драмѣ хвасталъ Ляпуновъ [1]).

— Позвольте вамъ доложить,—заносчиво возразилъ, бывшій въ Москвѣ, молодой петербургскій актеръ:—Бѣлинскій сказалъ о Каратыгинѣ въ «Велизаріѣ»...

— Это для васъ,—обидѣлся Садовскій,—для санктпетербургскихъ—Бѣлинскій—евангеліе, а для насъ онъ ничего не значитъ. Мы сами кое-что понимаемъ и безъ Бѣлинскаго. Бѣлинскій намъ не указъ. Мы своимъ умомъ живемъ. Да что тутъ и играть-то въ Велизаріи? Всякій московскій протодьяконъ сыграетъ Велизарія. Кричи громче — вотъ тебѣ и Велизарій! А вотъ «Гамлета» вашъ Каратыгинъ играетъ очень нехорошо, а Павелъ Степанычъ... Да вотъ что!—разгорячился Садовскій:—я игралъ съ нимъ въ Гамлетѣ Гильденштерна.

«Сыграй мнѣ что-нибудь,—говорилъ онъ, подавая мнѣ флейту...

«Я не умѣю принцъ...—отвѣчалъ я, взглянувши на него... Чувствую по всему тѣлу ознобъ, губы у меня задрожали. Съ этой минуты я и постигъ, что значитъ актеръ.

— Значитъ вы находите, что у Мочалова было больше, какъ говорятъ французы... чѣмъ у Каратыгина?

Садовскій ехидно улыбнулся, потому, что споривший щегольнулъ французской фразой, не зная французскаго языка.

— Не знаю, что французы говорятъ, а вотъ у насъ говорятъ, что Мочалова съ вашимъ Каратыгинымъ ровнять нельзя. Мочаловъ — геній!

— Нельзя же отказать Каратыгину...

— Да мы и не отказываемъ, а сажаемъ всякаго на свое мѣсто. Мартыновъ у васъ—вотъ актеръ! Чудеснѣйшій актеръ! Ну, какой Каратыгинъ Гамлетъ, какой онъ Чацкій? Это какой-то директоръ департамента... Отнимите у него ростъ, что онъ съ однимъ своимъ басомъ сдѣлаетъ? Онъ холодный актеръ, дѣланный: ему только и играть Кукольника да Ободовскаго...

— А Бѣлинскій...—вскочилъ актеръ.

— Ну, что Бѣлинскій? И Бѣлинскій говоритъ, что онъ Гамлета играть не умѣетъ.

V.

Прекрасно сыгранная Л. Л. Леонидовымъ въ Москвѣ роль была въ піесѣ «Бенвенуто—Челлини», и чуть ли она была не послѣдняя въ его огромномъ репертуарѣ. Мнѣ кажется, что послѣ этой піесы, пародируя стихъ поэта:

Грустнымъ взоромъ онъ окинулъ
Рядъ ролей своихъ,
Шапку на брови надвинулъ,
И на вѣкъ затихъ.

И много тогда затихало актеровъ!

Не безъ сожалѣнія разсталась съ Леонидовымъ Москва, привыкшая любить его. Съ грустью разстались съ нимъ друзья его: А. Н. Островскій и П. М. Садовскій и всѣ товарищи по искусству. Въ

[1]) Стихотворный прологъ А. А. Григорьева „Рашель и правда“.

моемъ собраніи автографовъ есть письмо знаменитой въ тѣ дни актрисы М. Д. Львовой—Синецкой къ Ѳ. А. Кони:

«Вы, я думаю, уже слышали новость театральную, что къ вамъ въ Петербургъ берутъ отъ насъ Леонидова. Признаюсь, это — потеря для нашего театра: онъ сдѣлался замѣчательнымъ артистомъ».

Домъ Леонида Львовича былъ открытъ для представителей всѣхъ родовъ искусствъ: актеры, литераторы, художники, пѣвцы, всѣ были его дорогими гостями. Читали, играли на бильярдѣ, пѣли, спорили. Больше всѣхъ, по своей горячей натурѣ, спорилъ самъ хозяинъ. Въ числѣ его друзей чаще всѣхъ можно было встрѣтить А. Н. Дьякова. Прекрасный каллиграфъ, равнаго которому не было въ Москвѣ (его прописи для юношества были въ употребленіи почти во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ), рисовальщикъ перомъ, подражатель Мочалова въ чтеніи стиховъ, самъ стихотворецъ, другъ поэта Полежаева, страстный любитель театра, самъ пробовавшій свои силы на императорской сценѣ въ драмѣ «Жизнь игрока»,—этотъ человѣкъ велъ бездомную, скитальческую жизнь и кончилъ дни свои въ больницѣ. Ни одного его стиха не было напечатано, но въ рукописи они были распространены. Особенно нравилось его посланіе къ друзьямъ изъ больницы. Привожу нѣсколько стиховъ:

За безгрѣшность житья
На больничную я
Попалъ койку,—

Гдѣ смекаютъ умомъ
Въ организмѣ моемъ
Перестройку.

И ударъ былъ, друзья,
Отъ хмѣльнаго питья—
Съ перепою.

День и ночь я, друзья,
Былъ свиньею свинья
Отъ настою.

Больше всѣхъ экономъ
За больничнымъ столомъ
Смотритъ строго.

Съ нимъ инструкція есть,
Чтобъ по формѣ всѣмъ ѣсть,
Ѣсть немного.

А ужъ сколько сортовъ
Мнѣ втираютъ спиртовъ,
Все снаружи.

Но ихъ въ тѣло втирать,
Чѣмъ въ утробу вливать
Много хуже.

И т. д.

Переводъ Леонидова въ Петербургъ не былъ особымъ счастьемъ для артиста, а скорѣе окончаніемъ его артистической карьеры. При полномъ развитіи своего таланта и сценической опытности, онъ не нашелъ себѣ (на петербургской сценѣ) репертуара (напр., въ новомъ

произведеніи Кукольника «Ермилъ Костровъ» первенствовалъ В. В. Самойловъ, который сталъ также играть Шекспира). Со смертью Каратыгина и Брянскаго репертуаръ Шекспира заглохъ, давали одного Гамлета, котораго игралъ А. М. Максимовъ. Блестящая роль Людовика XI («Заколдованный домъ»), въ которой былъ великъ Каратыгинъ, хотя была по плечу и въ средствахъ возвратившемуся «во своя» артисту, но свои его не пріяша: эту роль тоже и крайне неудачно сыгралъ А. М. Максимовъ, который изъ водевильнаго актера и любимаго перваго любовника превратился въ неудачнаго трагика [1]). Почтенному артисту пришлось доѣдать объѣдки, оставшіеся отъ «многопестротной трапезы» Каратыгина, т. е. сѣсть на старый, совершенно заигранный репертуаръ («Жизнь игрока», «Параша Сибирячка», «Скопинъ-Шуйскій» и т. п.),—репертуаръ, который быстро вытѣснялся новымъ бытовымъ репертуаромъ. Были уже сыграны: «Бѣдная невѣста», «Не въ свои сани», «Бѣдность не порокъ»; потомъ явилась піеса изъ новаго быта А. А. Потѣхина «Чужое добро въ прокъ нейдетъ», въ которой Мартыновъ проявилъ всю силу геніальнаго таланта. А тутъ появился гр. Соллогубъ со своимъ благороднымъ чиновникомъ, крикнувшимъ со сцены на всю Россію, что пришла пора «искоренить зло съ корнями!»—потомъ чиновникъ Львова («Свѣтъ не безъ добрыхъ людей») простоналъ: «Тяжела жизнь бѣднаго чиновника!» Публикѣ такъ понравились эти піесы, что послѣднюю изъ нихъ она посмотрѣла болѣе двадцати пяти разъ сряду. Затѣмъ явились піеса Чернышева «Не въ деньгахъ счастье»; затѣмъ «Гроза» Островскаго, въ которыхъ Мартыновъ окончательно убилъ всѣ пріемы старой каратыгинской школы, и каратыгинскому репертуару отведено было мѣсто въ воскресныхъ спектакляхъ, въ бенефисы инвалидамъ, даваемыхъ военнымъ кавалерамъ.

VI.

Послѣ трехъ піесъ А. Н. Островскаго на сценѣ сдѣлался крутой поворотъ въ другой репертуаръ. Этотъ поворотъ тотчасъ отразился и на провинціи, гдѣ царила и переводная и доморощенная трагедія и драма. Въ знаменитой «Бѣлой залѣ» (въ гостиницѣ Барсова противъ Малаго театра), въ которую великимъ постомъ съѣзжались актеры со всего лица земли Русской, антрепренеры стали искать между сценическими дѣятелями уже не Гамлета, а Любима Торцова, отстраняли Симона Сиротинку, а требовали Бородкина.

Вслѣдъ за послѣдней піесой, Александръ Николаевичъ сѣлъ за

---

[1]) Петербургъ любилъ этого артиста. Въ водевиляхъ онъ игралъ необыкновенно весело и развязно, зато эту веселость и развязность онъ переносилъ и на серьезныя роли, напр., Хлестакова, который являлся въ его исполненіи лицомъ водевильнымъ, даже съ примѣсью шаржа. Въ роляхъ первыхъ любовниковъ онъ являлся необыкновеннымъ франтомъ, и недостатокъ одушевленія возмѣщалъ часто крикомъ. И это франтовство онъ переносилъ на роли, которыя этого совсѣмъ не требовали, напр., въ роли Чацкаго онъ выходилъ во фракѣ, фалды котораго были подбиты бѣлымъ атласомъ, а крикъ его въ послѣднемъ актѣ „Горя отъ ума“, я увѣренъ, видѣвшіе его въ этой роли, до сихъ поръ помнятъ

Бѣгу вне... огля-нусь, пойду искать пра-свѣту, и т. д.

— Не играетъ, а реветъ,—сказалъ одинъ разъ про него А. Ѳ. Писемскій.

Впрочемъ я, можетъ, ошибаюсь, мѣряя на свой московскій аршинъ. Мнѣ многое казалось нехорошо, чему публика рукоплескала.

Критика того времени не замѣчала почтенному артисту этихъ недостатковъ, а, можетъ-быть, это было во вкусѣ времени: рѣдко кого такъ радушно и весело встрѣчала и провожала публика.

новую—«Не такъ живи, какъ хочется». Писалъ онъ ее долго, съ большими перерывами. Въ то время я жилъ у него и слѣдилъ за процессомъ его творчества. Писалъ онъ обыкновенно ночью,—не знаю, какъ впослѣдствіи. На полулистѣ бумаги было сначала небрежно написано что-то въ родѣ конспекта. Привожу его въ точности.

Божье крѣпко, а вражье лѣпко.

Это зачеркнуто, а сверху написано:

Не такъ живи, какъ хочется.

Лица:

Старикъ.
Старуха.

Чуетъ мое сердце, не доброе оно чуетъ.

Монастырь.

Настали дни страшные. Опомнись!

Широкая масляница.
Груша
Дѣвушки.
Вася.

Ну, піяй! ты меня піять хочешь.
Еремка—олицетвореніе дьявола.
Ужъ я ли твоему горю помогу,
Помогу, могу, могу.

Ночь.

Прорубь на рѣкѣ. Ударъ колокола.

(Входитъ старикъ). (Балалайка).

Сирота ты моя, сиротинушка!
Ты запой, сирота, съ горя пѣсенку.

Посѣтившему его артисту Корнилію Николаевичу Полтавцеву, Александръ Николаевичъ разсказалъ пространно, съ мельчайшими подробностями, содержаніе піесы, но изъ-подъ пера вышло не то, что онъ разсказывалъ (по разсказу сюжетъ былъ гораздо шире),— можетъ-быть отъ того, что въ это время онъ очень болѣлъ глазами, а піесу нужно было окончить къ бенефису.

Передъ тѣмъ, какъ сѣсть писать, Александръ Николаевичъ обыкновенно долго ходилъ по комнатѣ, или раскладывалъ пасьянсъ, который онъ раскладывалъ и во время писанья.

— Надо освѣжить голову,— говорилъ онъ:— потруднѣе какой-нибудь пасьянсъ разложить.

Но если вообще онъ писалъ долго, то бывали піесы, которыя онъ справлялъ очень скоро. Напримѣръ «Воспитанницу» онъ написалъ, гостивши въ Петербургѣ, въ три недѣли; «Василису Мелентьеву» тоже въ Петербургѣ въ сорокъ дней. Процессъ писанія этой піесы онъ называлъ «искушеніемъ отъ Гедеонова». Директоръ Императорскихъ театровъ С. А. Гедеоновъ передалъ написанную піесу Александру Николаевичу, который, оставивши въ неприкосновенности сюжетъ, написалъ собственную піесу, не воспользовавшись ни одной сценой, ни однимъ стихомъ изъ творенія Гедеонова.

VII.

Лѣто 1854 г. въ политическомъ отношеніи было мрачное. Извѣстія въ Москвѣ съ театра войны получались въ то время не съ такой быстротой, какъ теперь, т. е. извѣстія офиціальныя. «Столбовые» англійскаго клуба знали все, и «дверямъ затвореннымъ» разсуждали, не стѣсняясь, о военныхъ неудачахъ, «алминскомъ побоищѣ», порицали главнокомандующаго князя Меньшикова. Разсужденія ихъ урывками попадали въ уши клубной прислуги, та переносила въ трактиръ, а трактиръ распространялъ ихъ по всей Москвѣ.

— Измѣна!—заговорило захолустье,—и пошло!

Въ Сыромятники пришло извѣстіе, что французъ уже тронулся и идетъ къ Бородину. Въ Рогожской стали говорить, что какихъ-то двухъ значительныхъ англичанъ, скованныхъ, провели ночью черезъ рогожскую заставу въ Сибирь; что какой-то купецъ одѣлялъ сопровождавшую ихъ команду калачами, чтобъ не упустили. На улицѣ стали попадаться раненые офицеры. Прошелъ слухъ о новомъ наборѣ, о государственномъ ополченіи, которое поведетъ въ бой «испытанный трудами бури боевой» старый генералъ Ермоловъ. На сценѣ появилась патріотическая піеса петербургскаго актера Григорьева «За вѣру, царя и отечество». Уличныя шарманки и валы трактирныхъ органовъ и оркестріоновъ заиграли пѣсню Лейброка, положенную на музыку капельмейстеромъ петербургской русской оперы Константиномъ Лядовымъ, объ англичанинѣ, разорившемъ лайбу бѣднаго чухонца. Пѣсню эту съ огромнымъ успѣхомъ исполнялъ въ то время на сценѣ александринскаго театра В. В. Самойловъ.

Знаменитая кофейная Печкина продолжала еще существовать. Я въ ней бывалъ. Постоянными посѣтителями ея были: профессоръ Рулье, А. И. Дюбюкъ, П. М. Садовскій и многіе другіе. Темою разговоровъ и споровъ была, разумѣется, война. Провъ Михайловичъ, патріотъ до мозга костей, спорилъ до слезъ.

— Побьютъ насъ!—сказалъ Рамазановъ.

Провъ Михайловичъ вскочилъ, ударилъ кулакомъ по столу и съ паѳосомъ воскликнулъ:

— Побьютъ, но не одолѣютъ.

— Золотыми литерами надо напечатать вашу фразу, — произнесъ торжественно П. А. Максинъ: — побьютъ, не одолѣютъ. Превосходно сказано. Семенъ, дай мнѣ рюмку водки и на закуску что-нибудь патріотическое, напримѣръ малосольный огурецъ.

— Извольте видѣть, Иванъ Ѳедоровичъ, — сказалъ Провъ Михайловичъ мнѣ послѣ:—какъ татары-то разсуждаютъ...

— Какіе татары?

— А Рамазановъ-то! Вѣдь онъ татаринъ, хоть и санктпетербургскій, а все-таки татаринъ... Рамазанъ!..

Московскіе купцы, посѣщавшіе кофейную, всѣ группировались около Прова Михайловича и слушали его страстныя рѣчи.

Петръ Алексѣевичъ Максинъ былъ отставной актеръ и былъ въ кофейной Печкина каждый день съ утра до ночи. Онъ служилъ предметомъ шутокъ и насмѣшекъ, которыя вызывалъ самъ. Напримѣръ, входитъ онъ въ залу:

— Откуда, Петръ Алексѣевичъ?

— Съ печальной церемоніи: былъ на погребеніи.

— У кого?

— Признаться сказать, въ настоящее время я не знаю. Я былъ

неожиданно приглашенъ къ столу знакомымъ мнѣ отцемъ дьякономъ. Сидѣлъ рядомъ съ прекраснѣйшимъ и ученѣйшимъ протоіереемъ отъ Сергія въ Рогожской и получилъ отъ него совѣтъ насчетъ моего ревматизма. Относительно свѣжей икры могу сказать, что она нарочно была выписана изъ Нижняго. Необыкновенная!—Поставь пирамиду и подай рюмку водки!

— Эхъ, Петя, сразилъ тебя рижскій бальзамъ!—воскликнулъ онъ, потерявши равновѣсіе и падая на диванъ.

— Бальзамъ принадлежитъ къ числу сильно дѣйствующихъ средствъ. Петръ Алексѣевичъ. Неужели вы этого не знали, — сказалъ Карлъ Францовичъ Рулье.

— Не зналъ, потому что его всегда отпускаютъ изъ ренсковыхъ погребковъ безъ рецепта, — отвѣчалъ Максинъ, тотчасъ обращаясь къ Бабаеву, очень талантливому ученику Дюбюка, но тоже человѣку, отъ хмѣля невоздержному, и весьма серьезно и торжественно произнесъ:

— Бабковъ, брось ты свою пьяную компанію,—перейди въ нашъ благородный кругъ!

Я уже не засталъ кофейную въ лучшее ея время, когда она была центромъ представителей литературы, сцены и другихъ искусствъ. Она въ то время падала, и ее посѣщали немногіе.

Въ это время репертуаръ моихъ разсказовъ значительно расширился. Александръ Николаевичъ поощрялъ меня и двигалъ впередъ. Я сталъ постояннымъ его спутникомъ всюду, куда онъ ни выѣзжалъ. Разсказы мои сдѣлались извѣстными въ Москвѣ: объ нихъ заговорили. Провъ Михайловичъ, самъ превосходный разсказчикъ, которому я не достоинъ былъ разрѣшить ремень сапога, относился ко мнѣ съ величайшею нѣжностію и выводилъ меня, какъ онъ выражался «на показъ».

— Мы завтра, Ив. Ѳед., будемъ васъ показывать у Боткина.

Домъ Боткиныхъ принадлежалъ къ самымъ образованнымъ и интеллигентнымъ купеческимъ домамъ въ Москвѣ. Въ немъ сосредотачивались представители всѣхъ родовъ художествъ, искусства и литературы, а по радушію и привѣтливости хозяевъ ему не было равныхъ. Всякій чувствовалъ себя, какъ бы въ своемъ домѣ. Сергѣй Петровичъ Боткинъ, нѣжный, ласковый, молоденькій студентъ собирался въ то время ѣхать врачомъ въ Севастополь. Одинъ изъ братьевъ Боткиныхъ, Иванъ Петровичъ, любилъ Садовскаго до обожанія, и мы съ Провомъ Мих. бывали у него каждую субботу. Александръ Ник. тоже бывалъ часто. Добрѣйшее существо былъ этотъ Иванъ Петровичъ, а съ покойнымъ Павломъ Петровичемъ мы были связаны узами самой тѣсной и крѣпкой дружбы. Этотъ, хотя и не выдѣлялся, какъ братья его, какими-либо талантами, но Богъ далъ ему одинъ талантъ—голубиную чистоту. До сихъ поръ я питаю къ этому дому мою сердечную привязанность и сохранилъ объ немъ лучшія мои воспоминанія.

Потомъ мы бывали у Алексѣя Александровича Корзинкина. Жилъ онъ въ своемъ домѣ на Покровскомъ бульварѣ. У него собирались музыкальные художники и составлялись квартеты. Самъ хозяинъ былъ артистическая натура, игралъ на скрипкѣ и былъ другомъ Александра Николаевича по рыбной ловлѣ (Александръ Николаевичъ былъ въ то время страстный рыболовъ и зналъ всѣ подмосковные рѣчки и ручейки). М. С. Щепкинъ бывалъ на корзинкинскихъ собраніяхъ каждый разъ: разсказывалъ малороссійскіе анекдоты и читалъ стихи.

Бывали мы также у С. В. Перлова, у котораго былъ свой оркестръ,

составленный изъ его приказчиковъ и мальчиковъ. Оркестръ этотъ на тѣхъ же началахъ существуетъ и понынѣ. Его поддерживаетъ сынъ покойнаго Перлова, Василій Семеновичъ.

Бывали на скромныхъ интимныхъ собраніяхъ у К. Т. Солдатенкова, которыя посѣщались художниками и профессорами Московскаго университета.

Бывали на вечернихъ бесѣдахъ у А. И. Хлудова, составителя рѣдчайшей въ Россіи старовѣрческой библіотеки.

И много въ то время были купеческихъ домовъ, двери которыхъ широко отворялись для принятія съ почетомъ всякой умственной и художественной силы.

Бывали и такіе дома, которые «для сатирическаго ума» представляли обильный матеріалъ для наблюденія.

Я зналъ одинъ домъ, гдѣ хозяинъ въ музыкѣ ничего не смыслилъ, но въ домѣ у него иногда бывали квартеты, которые ему устраивали извѣстный въ то время въ Москвѣ скрипачъ И. К. Фришманъ и капельмейстеръ Саксъ. Разъ участники квартета сѣли ужинать за отдѣльнымъ столомъ въ гостиной. Во время ужина входитъ въ столовую лакей и очень развязно говоритъ хозяину:

— Музыканты шампанскаго требуютъ: прикажете подавать?

Хозяинъ вскочилъ:

— Да развѣ это музыканты?! Что ты одурѣлъ что-ли?... По свадьбамъ что-ли они играютъ?... Дуракъ! На поминкахъ тебѣ служить, а не въ такихъ домахъ.

Мѣстный полиціймейстеръ былъ его другомъ, катался съ нимъ часто въ коляскѣ и присутствовалъ у него на всѣхъ пирушкахъ. Мой купецъ относился къ нему съ почтительною нѣжностью.

— Полковникъ, ты бы стаканчикъ выкушалъ.

Или:

— Г. полковникъ, вамъ за столомъ первое мѣсто, какъ вы есть начальникъ всей нашей окружности. Пожалуйте!

Штатъ-физикъ Гульковскій былъ постояннымъ его докторомъ и прописывалъ ему цѣлительные порошки, имъ самимъ изобрѣтенные.

— Порошки эти цѣлительные,—говорилъ онъ:—я ихъ и въ практикѣ употребляю и семейству своему даю, и самъ принимаю, когда мнѣ скучно, потому—цѣлительные.

Изъ артистовъ у него бывали: Садовскій и Живокини. Уваженіе имъ было великое.

— Вѣрите, Провъ Михайловичъ, я плакалъ,—говорилъ онъ по поводу Любима Торцова.—Ей Богу плакалъ! Какъ подумалъ я, что со всякимъ купцомъ это можетъ случиться... страсть! Много у насъ по городу ихъ такихъ ходитъ,—ну, подать ему, а чтобы это жалѣть... А васъ я пожалѣлъ, именно, говорю. Думаю: Господи, самъ я этому подверженъ былъ, ну, вдругъ! Вѣрьте Богу, страшно стало. Домъ у меня теперь пустой, одинъ въ немъ существую, какъ перстъ. И чудится мнѣ, что я ужъ и на паперти стою и руку протягиваю... Спасибо, голубчикъ, многіе которые изъ нашихъ, можетъ, очувствуются. Я теперь, братъ, ничего не пью, будетъ! Все выпилъ, что мнѣ положено!.. Думаю такъ,—богадѣльню открыть... которые теперича старики въ Москвѣ... много ихъ... пущай грѣются. Вотъ именно мнѣ эти ваши слова: «какъ я жилъ, какія я дѣла выдѣлывалъ!» Ну, честное мое слово!—слезы у меня пошли.

А на богатаго купца «изъ русскихъ» Ивана Васил. Н. Садовскій въ роли Тита Титыча такъ подѣйствовалъ:

— Ну, Провъ Михайловичъ, такое ты мнѣ, московскому первой гильдіи купцу Ивану Васильеву И—ву уваженіе сдѣлалъ, что въ ноги я тебѣ долженъ кланяться. Какъ вышелъ ты, я такъ и ахнулъ! Да и говорю женѣ—увидишь, спроси ее—смотри, я говорю: словно бы это я!.. Борода только у тебя покороче была. Ну, все какъ есть, вотъ когда я пьяный. Это говорю, на меня критика. Даже стыдно стало. Ну, само собой, пьяный и ударишь, кто подъ руку подвернется, и покричишь... Вотъ намедни въ Московскомъ трактирѣ полового Гаврилу оттаскалъ,—двѣ красненькихъ отдалъ. Да ты что! Сижу въ ложѣ-то, да кругомъ и озираюсь: не смотрятъ ли, думаю, на меня. Ей Богу!.. А ужъ какъ заговорилъ ты про тарантасъ, я такъ и покатился! У меня тоже у Макарья случай съ тарантасомъ былъ...

И онъ разсказалъ, какъ онъ, съ Нижегородской ярмарки возвращаясь въ Москву, три дня не вылѣзалъ изъ тарантаса.

По субботамъ часть нашего кружка собиралась у Константина Александровича Булгакова, сына московскаго почтъ-директора, внука знаменитаго Якова Ивановича Булгакова, екатерининскаго посла, который былъ заключенъ въ Константинополѣ въ Семибашенный замокъ. Конст. Алекс. былъ отставной гвардеецъ. Въ Петербургѣ ходили цѣлыя легенды объ его шалостяхъ, на которыя тогдашнее начальство, даже самъ великій князь Михаилъ Павловичъ смотрѣли снисходительно. Я не буду объ нихъ разсказывать здѣсь, не буду поминать грѣхи его юности и невѣдѣнія. Больной тѣломъ (онъ не могъ ходить и передвигался по комнатѣ въ креслѣ на колесахъ), но бодрый и здоровый духомъ, отлично образованный, прекрасный рисовальщикъ, музыкантъ, безъ голосу обаятельно передававшій суть страстныхъ романсовъ Глинки, онъ заставлялъ любить и жалѣть себя; любить—за необыкновенно доброе сердце, жалѣть—за растрату Богомъ данныхъ ему даровъ. Въ Петербургѣ, по художественной части, онъ принадлежалъ къ обществу Брюлова, Глинки, Кукольника и Янепко, или, какъ онъ выражался, къ обществу «невоздержныхъ».

Онъ жилъ вмѣстѣ со своимъ отцомъ въ почтамтѣ. Стѣны небольшого кабинета его были сплошь увѣшаны портретами бывшихъ и настоящихъ его друзей; стояли небольшое піанино, диванъ, столъ и нѣсколько стульевъ. Садовскій посѣщалъ его чуть не каждый день, а Максинъ иногда пребывалъ у него отъ зари и до зари: придетъ, справится о здоровьѣ и уйдетъ; потомъ опять появится, опять уйдетъ,—и такъ цѣлый день.

Субботніе посѣтители назывались «субботниками». Для нихъ былъ заведенъ альбомъ, въ которомъ они, при поступленіи въ субботники, собственноручно вписывали свои фамиліи (у меня одинъ альбомъ сохранился). Князь Петръ Андреевичъ Вяземскій значится въ числѣ субботниковъ. Проѣздомъ черезъ Москву онъ бывалъ у Булгакова. М. Н. Лонгиновъ, остроумный Борисъ Алмазовъ, Рамазановъ и Дюбюкъ были постоянными субботниками и оставили въ альбомѣ много стиховъ. Каждый изъ субботниковъ непремѣнно долженъ былъ что-нибудь написать въ альбомъ. Вечера были веселые. Живой, остроумный разговоръ, музыка, пѣніе и застольныя бесѣды часто до утра. Нерѣдко Мих. Сем. Щепкинъ являлся сюда что-нибудь прочитать.

Большимъ утѣшеніемъ для общества служилъ Максинъ. Иногда онъ, среди оживленнаго разговора, вдругъ задавалъ вопросъ, совершенно не вытекающій изъ темы бесѣды. Напримѣръ:

— Карлъ Францовичъ Рулье вчера въ кофейной говорилъ,—

какой-то Фейербахъ написалъ замѣчательное сочиненіе, сколько я могъ понять, противъ религіи...

— Ну, а тебѣ что за дѣло?—спокойно замѣчалъ Булгаковъ.

— Странно, какъ цензура могла пропустить, — важно отвѣчалъ Максинъ.

— А васъ религія, Петръ Алексѣичъ, интересуетъ?

— И очень даже!

Прерванный разговоръ продолжался снова.

Во время музыки или чтенія Максинъ становился въ важную позу, дѣлалъ серьезную мину и являлъ изъ себя видъ знатока, прерывая иногда чтеніе замѣчаніемъ.

Одинъ разъ собралось насъ нѣсколько человѣкъ у Булгакова въ воскресенье утромъ. Въ этотъ день отецъ его былъ именинникъ. Мардарій (слуга Булгакова) докладываетъ, что у Александра Яковлевича сидитъ графъ Закревскій.

— А мнѣ, чортъ его возьми!—отвѣчалъ Булгаковъ:—не ко мнѣ онъ, старый бз..., пріѣхалъ.

Только что онъ произнесъ послѣднюю фразу, въ дверяхъ показался графъ. Мы всѣ вскочили, Максинъ прилипъ къ стѣнѣ, опустилъ руки по швамъ, вперилъ глаза въ графа и замеръ... замеръ, какъ замираетъ воинъ во фронтѣ, когда раздается команда: «смирно!»

Графъ едва замѣтнымъ движеніемъ головы отвѣтилъ на наши почтительные поклоны.

— Здравствуйте, ваше сіятельство, — встрѣтилъ его Булгаковъ, слегка двинувшись въ креслѣ.

— Сиди, сиди, не безпокойся,—предупредилъ его графъ, опуская свое тучное тѣло на подвинутый ему Мардаріемъ стулъ.

— А ты все боленъ?—обратился графъ.

— Напротивъ очень здоровъ!—весело отвѣтилъ Булгаковъ.

Визитъ продолжался не болѣе трехъ минутъ. Графъ посовѣтовалъ хозяину вести себя осторожно, слушаться наставленія врачей,—и всталъ. Булгаковъ снова ерзнулъ колесами креселъ; графъ опять попросилъ его не безпокоиться—и вышелъ.

— Однако, я въ первой разъ имѣлъ счастіе такъ близко видѣть его сіятельство господина московскаго военнаго генералъ-губернатора,—произнесъ Максинъ, по уходѣ графа.

— Что же тебѣ лучше стало?—засмѣялся Булгаковъ.

— Не лучше, а все-таки... высшее правительственное лицо въ государствѣ... и съ бланками.

— Съ какими бланками?

— Бланки имѣетъ. Одинъ только генералъ-губернаторъ во всей Россіи ихъ и имѣетъ.

— Зачѣмъ ему бланки?—загорячился Булгаковъ.

— А вотъ зачѣмъ,—внушительно и авторитетно отвѣчалъ Максинъ:—по этимъ бланкамъ онъ можетъ въ Сибирь сослать.

— Такъ онъ тебя и безъ бланковъ сошлетъ! Скажетъ: Петръ Алексѣичъ, надоѣлъ ты всѣмъ въ Москвѣ,—ступай ко всѣмъ чертямъ. Ты и пойдешь...

— Ну, не говорите!

— Да и у Иверской есть такое заведеніе, такъ тамъ безъ всякихъ бланковъ сошлютъ.

— Вѣрно, сошлютъ! Но тамъ съ проволочкой судить будутъ, а этотъ подмахнетъ бланкъ,—завтра ты ужъ и на этапѣ. Мнѣ одинъ

знакомый чиновникъ изъ управы благочинія сказывалъ, что недавно такой случай былъ...

Кончается вечеръ. Сонный лакей Мардарій провожаетъ гостей и въ «субботникъ» заносятся слѣдующіе стихи (Б. Н. Алмазова):

У Щученко въ домѣ,
Въ часъ заката звѣздъ,
Въ память по Содомѣ
Былъ великій съѣздъ.

Трезвый и степенный
Собирался людъ,
Былъ тутъ Келль почтенный,
Максинъ и Шервудъ.

Петя Безобразовъ,
И толстякъ Борисъ,
И Борисъ Алмазовъ—
Всѣ перепились.

Лонгиновъ Михайла
Капли не бралъ въ ротъ,
Видно онъ...
По тихоньку пьетъ.

А Алмазовъ Борька
И Садовскій Провъ
Водки самой горькой
Выпили полштофъ.

Костя ключъ отъ шкафа
Часто доставалъ,
И издѣлья Яффа
Пилъ и одобрялъ.

Максинъ отъ коньяку
Вовсе не былъ пьянъ,—
Спиртового лаку
Требовалъ стаканъ...

Михаилъ Ефремычъ,
Русскій соловей,
Врачевалъ ихъ немочь
Пѣсенкой своей.

И подъ звуки арій,
Отягченъ виномъ
Между тѣмъ Мардарій
Спалъ глубокимъ сномъ.

Очень жаль, что стихи изъ «субботника», какъ имѣющіе частный характеръ, не могутъ быть напечатаны, а есть прекрасные.

Къ осени Островскій окончилъ новую піесу «Не такъ живи, какъ хочется» и прочелъ ее въ первый разъ кружку у себя дома. Этотъ вечеръ останется мнѣ памятенъ до конца моихъ дней. Послѣ чтенія Провъ Михайловичъ мнѣ сказалъ, что получено изъ Петербурга разрѣшеніе дебютировать мнѣ въ его бенефисъ, въ піесѣ М. Н. Влады-

кина «Образованность». Не только поступленіе на сцену, но и дебюты были тогда обставлены большими затрудненіями, и если мнѣ позволили дебютировать, то только во вниманіе къ просьбѣ Прова Михайловича.

Я думаю ни одинъ дебютантъ не въ состояніи отчетливо передать тѣхъ чувствъ, которыя овладѣваютъ имъ при первомъ выходѣ на сцену. Какой-то особенный страхъ рябитъ въ глазахъ, руки дѣлаются совершенно лишними,—лучше, когда бы ихъ на этотъ разъ не было. Все это я испыталъ въ полной мѣрѣ, несмотря на то, что роль зналъ какъ «отче нашъ», и говорилъ ее подъ руководствомъ всего нашего кружка.

— Что это у васъ, милый человѣкъ, лихорадка, что ли?—подошла ко мнѣ Софья Павловна Акимова, игравшая въ піесѣ мою мать. — Смѣлѣй, голубчикъ.

— Жутко, дружокъ! У насъ съ тобой тоже поджилки тряслись...— замѣтилъ С. В. Васильевъ.—Съ Богомъ.

Александръ Николаевичъ въ самый моментъ выхода пожалъ мнѣ руку и пожелалъ счастья.

Я на сценѣ. Дѣйствительно затряслись поджилки, задрожали губы... трудно передать то ощущеніе, которое я испыталъ въ этотъ вечеръ. Такъ юница, трепетно стоявшая подъ вѣнцомъ, не можетъ въ день своей золотой свадьбы, передать подробности совершавшагося надъ нею торжественнаго акта; а надо мною тоже совершился торжественный актъ—я вступилъ въ новую жизнь, невѣдомую мнѣ сферу дѣятельности, о которой я никогда не мечталъ и къ которой не былъ приготовленъ.

Къ дебютантамъ въ то время публика относилась очень благосклонно; благосклонно отнеслась она и ко мнѣ, вызвавши въ продолженіе піесы пять разъ. За кулисами меня привѣтствовали, но я чувствовалъ вполнѣ свое ничтожество.

— Окунулся, дружокъ. Теперь плыви смѣло,—сказалъ мнѣ С. В. Васильевъ.

— Поплывешь, Богъ милостивъ!—сердечно улыбаясь, поддакнулъ Провъ Михайловичъ.

Газетныхъ отзывовъ дебютантамъ тогда нечего было бояться, да и газета то была одна, которая почти не занималась театромъ, хоть и имѣла для экстренныхъ отзывовъ репортера, князя Назарова. Князь былъ человѣкъ образованный и чистоплотный, не похожій на большинство современныхъ репортеровъ, часто мѣшающихъ сценическимъ дѣятелямъ и спокойному отношенію къ ихъ обязанностямъ. Бояться тогда можно было строгихъ приговоровъ самихъ артистовъ.

Въ теченіе моей долгой службы въ театрѣ, я неоднократно былъ свидѣтелемъ слезъ, истерикъ и нервнаго раздраженія у своихъ товарокъ и товарищей, вызванныхъ площадными ругательствами газетныхъ репортеровъ, не имѣющихъ за собою ни нравственнаго, ни образовательнаго ценза. Что, ежели бы собрать воедино все то сквернословіе, которому подвергался русскій театръ въ продолженіе четверти вѣка въ разныхъ листахъ и газетахъ?! Богатѣйшій матеріалъ для будущей исторіи театра! Одно время отзывы о театрѣ и его дѣятеляхъ въ одной газетѣ доходили до бѣшенства и изступленія ума. Начальника репертуара и жену его печатно называли взяточниками; актрисамъ придавали эпитетъ: «нюня, плакса, горничная»; про актеровъ и говорить нечего. На нѣкоторыхъ изъ нихъ наложена была печать проклятія, другихъ просто оскорбляли кучерской бранью. На-

конецъ первый русскій театръ былъ лишенъ своего почетнаго наименованія «Императорскій Александринскій театръ». Его стали называть печатно «Казеннымъ театромъ» или «Александринкой». Давай намъ частные театры! Сначала, потихоньку, подъ клубными флагами, завелись эти театры, а потомъ послѣдовало разрѣшеніе строить частные театры. Много недоучившихся мальчиковъ побросалось со школьныхъ скамеекъ на зовъ клубной Мельпомены; много милыхъ дѣвицъ вскочили на театральные подмостки. Появились лекціи по драматическому искусству, руководства для изученія драматическаго искусства. Первое руководство предложилъ режиссеръ русскаго драматическаго театра Вороновъ—книжечку въ два вершка длины и два миллиметра толщины. За нимъ послѣдовали и другіе—тоже руководства! Наконецъ парикмахеръ отъ Пяти Угловъ обнародовалъ для актеровъ «Правила Гримировки». . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

VIII.

Это было въ 1857 году. Давать въ то время великимъ постомъ публичные литературные вечера не позволялось, хотя первенствующіе тогда артисты М. С. Щепкинъ и К. Н. Полтавцевъ почитывали въ залѣ купеческаго клуба, но безъ афишъ, да и при выборѣ пьесъ для чтенія комическій элементъ изгоняли. Такъ Щепкинъ читалъ изъ «Полтавы» Пушкина, Полтавцевъ «Клермонтскій соборъ» Майкова и т. п., даже комикъ-буффъ В. И. Живокини и тотъ долженъ былъ читать «Свѣтлану» Жуковскаго, что выходило, помимо его воли, ужасно смѣшно.

Въ Москвѣ гостилъ знаменитый французскій комикъ Левассеръ. Давалъ онъ представленія въ Маломъ театрѣ. Графиня Л. А. Нессельроде, дочь графа А. А. Закревскаго, пригласила меня на одинъ изъ своихъ интимныхъ вечеровъ, на которомъ былъ и Левассеръ. Репертуаръ моихъ разсказовъ былъ въ то время очень не великъ и выступать на турниръ съ Левассеромъ мнѣ казалось страшнымъ. П. М. Садовскій, флегматически понюхавъ табаку, ободрилъ меня: «ничего-съ, Иванъ Ѳедоровичъ, валяйте смѣло! Графъ, если онъ тамъ будетъ, такъ онъ этого Левассера и не пойметъ... А вы ему изобразите квартальнаго надзирателя (сцена въ канцеляріи квартальнаго надзирателя, первый по времени мой разсказъ), и чудесно будетъ!.. Очень доволенъ останется».

Въ назначенный часъ я вошелъ въ гостиную графини и былъ ей представленъ М. П. Лярскимъ, блестящимъ гвардейскимъ полковникомъ.

— Очень рада,—сказала мнѣ графиня.—Вы его слышали?

— Слышалъ въ Петербургѣ.

— Я очень рада!.. Онъ прекрасно!.. Онъ сейчасъ будетъ Bon homme пѣть... А вы поете?

Живая, бойкая, молодая, веселая графиня Лидія Арсентьевна засыпала меня вопросами и представила меня своей графинѣ матери, которая привѣтствовала меня съ величайшей любезностью.

— Много я слышала объ васъ, батюшка, -сказала она:—жалко, что графъ не можетъ быть сегодня, ну да вы послѣ доставите ему удовольствіе васъ слышать.

Мысленно я оговорился, что графъ былъ въ отсутствіи. Мнѣ очень

хотѣлось поближе посмотрѣть сподвижника Александра Благословеннаго, покрытаго

Славою чудеснаго похода
И вѣчной памятью двѣнадцатаго года.

Цвѣтъ московскаго высшаго общества занималъ гостиную графини. Всѣ находились подъ впечатлѣніемъ левассеровскихъ куплетовъ. Левассеръ исполнялъ ихъ превосходно и гримъ былъ необыкновенный, чему не мало способствовала подвижность его личныхъ мускуловъ. Онъ оставилъ у насъ по себѣ много подражателей, былъ, такъ сказать, насадителемъ у насъ куплета.

Изъ мужчинъ первенствовали въ гостиной графини М. Н. Лонгиновъ, А. Л. Потаповъ, тогда флигель-адъютантъ, и Б. М. Маркевичъ, камеръ-юнкеръ.

Отворилась дверь изъ сосѣдней съ гостиною комнатой, вышелъ съ сіяющей улыбкой Маркевичъ, а за нимъ Левассеръ, загримированный старичкомъ, въ камлотовой шинели, въ клугленькой шляпѣ, подъ зонтикомъ, это—Bon homme. Сдержанный хохотъ раздался въ гостиной.

Левассеръ имѣлъ полный успѣхъ. Восторгу не было конца. Наступила моя очередь. Неуклюже и застѣнчиво вышелъ я на средину гостиной и началъ разсказывать—М. Н. Лонгиновъ передалъ Левассеру по-французски суть моихъ разсказовъ. Я тоже имѣлъ успѣхъ. Особенно разсказы мои понравились графинѣ-матери.

— Отъ души, я, батюшка, посмѣялась,—сказала она мнѣ при прощаньи:—французъ хорошъ, а вы лучше...

Угрюмый А. Л. Потаповъ вторилъ графинѣ, Лонгиновъ наговорилъ мнѣ много любезностей, а Маркевичъ прочиталъ мнѣ поученіе.

— Та среда,—говорилъ онъ,—изъ которой вы берете ваши разсказы, для гостиной не годится. Замѣтили вы,—Левассера всѣ поняли, а васъ нѣтъ, хотя вы очень хорошо передаете. Согласитесь сами—напримѣръ, княгиня Щербатова никогда не бывала въ канцеляріи квартальнаго надзирателя... Какой ей интересъ въ вашемъ разсказѣ? Вы въ Петербургѣ сдѣлались салоннымъ разсказчикомъ, и въ Москвѣ вамъ предстоитъ то же... Я слышалъ, что васъ хотятъ приглашать многіе. Мы съ вами поговоримъ. Я вамъ подскажу, что нужно для гостиной. Вамъ нельзя идти на хвостѣ у Садовскаго—онъ свою пѣсню спѣлъ... Вамъ нужно... мы съ вами поговоримъ... Отчего вы не обратитесь къ Тарновскому (переводчику водевилей)? Онъ для васъ напишетъ, наконецъ,—я вамъ напишу... Мы поговоримъ...

Левассеръ такъ взглянулъ на мои разсказы: онъ сравнилъ меня съ своимъ соотечественникомъ Henry Monnier и сказалъ, что если онъ моихъ разсказовъ не понялъ, то прочувствовалъ, и, крѣпко пожавши мою руку, назвалъ меня camarad'омъ.

Графиня Нессельроде спросила меня, отчего я не прочту своихъ разсказовъ въ Маломъ театрѣ.

Я отвѣчалъ, что это постомъ запрещено.

— А какъ же Левассеръ?

— Иностранцамъ позволено.

— Какой вздоръ? Графъ вамъ разрѣшитъ. Я ему скажу.

На другой день я получилъ записку, которую прочитавъ, выразумѣлъ, что я долженъ явиться къ графу Закревскому въ восемь часовъ утра, и не съ главнаго подъѣзда, а со двора.

По узкой лѣстницѣ взобрался я во второй этажъ и очутился въ длинной передней. Передняя проявляла кипучую дѣятельность. Нѣ-

сколько паръ сапогъ со шпорами отражали отъ себя ослѣпительный блескъ, а одна пара готовилась къ воспріятію блеска. Казачокъ-лакей смазывалъ ее ваксой, ходилъ по ней густой щеткой, дышалъ на нее и т. п. Сюртукъ съ густыми бѣлыми эполетами гордо распростерся на длинной вѣшалкѣ, около него стоялъ длинный лакей съ вѣникомъ. На диванѣ сидѣлъ въ вицъ-мундирѣ чиновникъ со Станиславомъ на шеѣ, рядомъ съ нимъ какой-то купецъ.

— Что вамъ угодно?—спросилъ меня толстенькій старичокъ въ сюртукѣ и бѣломъ жилетѣ.

— Мнѣ нужно къ графу.

— По какому дѣлу?

— Графу извѣстно, что я къ нему приду.

— Этого невозможно!—возразилъ старичокъ, осматривая меня съ ногъ до головы.—Если прошеніе какое...

— Нѣтъ, вы просто доложите. Я назвалъ свою фамилію.

— Все это я очень хорошо понимаю и фамилію вашу мнѣ сказать не трудно, но только этого никакъ нельзя. Иванъ Дмитріевичъ,—обратился онъ къ чиновнику:—объясните имъ.

Чиновникъ посмотрѣлъ на меня въ упоръ.

— У васъ, можетъ, письмо есть?

— Нѣтъ.

— Трудно!

— Да вы отчего же сказать не хотите?—спросилъ меня снова старичокъ.

— Можетъ, живописецъ,—процѣдилъ сквозь зубы лакей, стоявшій у мундира.

Нѣсколько секундъ раздумья.

— Извольте, я доложу, только бы... чего не случилось. Извольте снять пальто.—Я снялъ. Вѣникъ ерзалъ по мундиру, щетка сверкала по сапогу. Чиновникъ пристально смотрѣлъ на дверь, въ которую ушелъ старичокъ.

— Пожалуйте!—послышалось изъ двери, но уже тономъ ласковымъ.—Пожалуйте! Графъ сейчасъ выйдетъ.

Мы вошли въ обширную комнату, въ которой стояло два огромныхъ письменныхъ стола.

— Вотъ вы обождите здѣсь...—заговорилъ старичокъ шопотомъ.—Графъ вонъ оттуда выйдетъ... Вы ему и доложите, что вамъ нужно. Онъ добрѣйшій человѣкъ и любитъ, чтобъ съ нимъ смѣло говорили.

Въ дверяхъ показалась въ халатѣ крупная, важная, плѣшивая, величавая фигура графа Закревскаго.

— Здравствуй!—сказалъ онъ рѣзкимъ хрипловатымъ голосомъ.

Я почтительно поклонился.

— Да ты совсѣмъ молодой... Ты мальчикъ... Очень радъ для тебя сдѣлать все... Мнѣ графиня объ тебѣ говорила. Садись. Что тебѣ нужно?

Я изложилъ свою просьбу, что желаю прочесть свои разсказы передъ публикой.

— Хорошо. Подожди здѣсь. Придетъ Ѳедоръ Петровичъ, онъ тебя устроитъ [1]).

Съ этими словами графъ вышелъ и воротился черезъ полчаса въ сюртукѣ безъ эполетъ. Вслѣдъ за нимъ вошелъ Ѳедоръ Петровичъ.

— Вотъ, Ѳедоръ Петровичъ, въ чемъ его просьба. Онъ проситъ...

---

[1]) Ѳ. П. Корниловъ, правитель канцеляріи московскаго генералъ-губернатора.

— Мнѣ графиня говорила, ваше сіятельство... Я думаю, можно въ частной залѣ, а не въ театрѣ... Вѣдь это рѣшительно все равно... Графиня ужъ и зало нашла.

— Прекрасно. Только ты, обратился онъ ко мнѣ, съѣзди къ Верстовскому (управляющему Москов. театровъ) и скажи ему, что я согласенъ.

Маститый маэстро Верстовскій изъявилъ полное свое согласіе и пожалѣлъ, что онъ не можетъ дозволить въ театрѣ.

Первый мой литературный вечеръ данъ былъ на Тверской, въ залѣ А. А. Волкова. Вся московская знать почтила меня своимъ присутствіемъ.

На другой день я былъ приглашенъ къ графу на вечеръ, на которомъ должны были участвовать Левассеръ и М. С. Щепкинъ. Вечеръ былъ блестящій. Михайло Семеновичъ съ чувствомъ и одушевленіемъ прочелъ стихотвореніе Пушкина «Полководецъ» и произвелъ на участниковъ двѣнадцатаго года сильное впечатлѣніе. Старецъ, комендантъ Стааль, прослезился. Левассеръ понравился барышнямъ и молодому поколѣнію. Антрактъ. Подали мороженое. Графъ подозвалъ меня къ себѣ и шутливо-повелительнымъ тономъ произнесъ: зарѣжь его! (т. е. Левассера). Я вышелъ на эстраду и имѣлъ большой успѣхъ, даже удостоился рукопожатія отъ графа и отъ древняго старика Стааля.

— Вѣдь онъ нашъ, Михаилъ Семеновичъ, здѣшній... московскій,— обратился графъ къ Щепкину.

Михаилъ Семеновичъ прослезился и поцѣловалъ меня въ лобъ.

IX.

По пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ, 9-го апрѣля 1855 года, я въ тотъ же день отправился къ Алексѣю Ѳеофилактовичу Писемскому, съ которымъ познакомился въ Москвѣ. Я засталъ его за работой: онъ писалъ свой романъ «Тысяча душъ». Душевная моя любовь и привязанность къ Островскому и Алексѣю Потѣхину—его землякамъ—расположили его ко мнѣ, онъ полюбилъ меня и сталъ мнѣ «въ отца мѣсто». Я просиживалъ у него цѣлые дни, и весь его романъ написанъ на моихъ глазахъ, и нѣсколько главъ первой черновой рукописи находятся у меня. Онъ писалъ очень скоро, но передѣлывалъ написанное очень долго; иныя главы переписывались имъ по нѣскольку разъ.

Черезъ день или два по моемъ пріѣздѣ, Д. В. Григоровичъ и онъ вывезли меня въ литературный свѣтъ, на вечеръ къ А. А. Краевскому, гдѣ Писемскій долженъ былъ читать свой разсказъ «Плотничья артель». Здѣсь я встрѣтилъ всѣхъ свѣтилъ тогдашней русской литературы, которыхъ я зналъ только по хрестоматіи Галахова. Мнѣ въ первый разъ приходилось услышать чтеніе Писемскаго, чтеца, которому въ то время не было равныхъ, хотя отличныхъ чтецовъ было и не мало. За круглымъ столомъ, доска котораго была расписана рукою знаменитаго художника Орловскаго, размѣстились слушатели: Жихаревъ, Лажечниковъ, Никитенко, Е. П. Ковалевскій, Пв. А. Гончаровъ, только что вернувшійся изъ кругосвѣтнаго плаванія, Мей, Дружининъ, Григоровичъ, Галаховъ, Майковъ.

Писемскій развернулъ тетрадь, испещренную какими-то каракулями (покойникъ писалъ отвратительно, хуже его никто не писалъ, и надъ пишущими хорошо всегда подтрунивалъ), и предпославъ нѣ-

нѣсколько словъ о своемъ разсказѣ, началъ читать. Это было не чтеніе, а высокая сценическая игра; каждое лицо выходило, какъ живое, съ своимъ тономъ, съ своимъ жестомъ, съ своей индивидуальностью. Художественное наслажденіе было полное, всѣ были въ неописанномъ восторгѣ, кромѣ одного словесника, которому не только чтеніе не понравилось, но онъ нашелъ, что такихъ шаршавыхъ мужиковъ нельзя пускать въ литературу, а при изображеніи таковыхъ, нужно брать за образецъ мужиковъ, написанныхъ Гнѣдичемъ въ его идилліи «Рыбаки».

Послѣ Писемскаго я въ первый разъ выступилъ въ качествѣ разсказчика сценъ изъ народнаго быта и былъ привѣтствованъ литературнымъ ареопагомъ.

Въ то время былъ трауръ по покойномъ императорѣ Николаѣ Павловичѣ: театры были закрыты; лѣто жаркое; война; скука невыносимая. АлексѣйОсофилактовичъ каждое утро пересматривалъ, что написалъ вчера, читалъ мнѣ исправленное и знакомилъ съ будущимъ изложеніемъ романа.

— Ну что, А. Ѳ., на чемъ остановились?—спрашиваю я.

— А я теперь князя Ивана въ осторгъ посадилъ. Теперь онъ у меня со смотрителишкомъ разговариваетъ. Вотъ я сейчасъ прочту.

И начиналъ изображать. Иногда и днемъ мы отправлялись съ нимъ куда-нибудь на чтеніе. Мы сдѣлались извѣстными чтецами и вошли въ моду, насъ приглашали въ самое высшее общество.

— Мы съ тобой точно дьячки,— сказалъ онъ одинъ разъ: — намъ бы попросить митрополита, чтобы разрѣшилъ стихари надѣть.

Разъ, въ началѣ іюня, я, по обычаю, пришелъ къ Писемскому и засталъ его встревоженнымъ.

— Что съ вами?—обратился я къ нему.

— Какъ, братецъ, развѣ не знаешь? Посмотри.

И онъ указалъ мнѣ на письмо отъ князя Д. А. Оболенскаго. Изъ него я узналъ, что мы завтра въ два часа должны съ нимъ прибыть на казенный пароходъ, стоявшій на Невѣ, который насъ доставитъ на фрегатъ «Рюрикъ», къ великому князю Константину Николаевичу.

— Такъ что же?—сказалъ я.

— Какъ—что? По морю-то плыть—не по Волгѣ!

— Да далеко ли тутъ!

— У тебя нервъ нѣтъ! Въ шхерахъ-то тамъ налетишь...

— Да какія тамъ шхеры!..

Цѣлый день онъ волновался, а вечеромъ мы отправились на пароходъ, на которомъ должны были плыть въ Кронштадтъ, и намъ любезно дозволили войти на него и осмотрѣть. Писемскій успокоился.

— Это пароходъ серьезный, утѣшалъ онъ себя, хотя пароходъ былъ очень маленькій.

Въ назначенное время мы были на пристани и ровно въ два часа отошли въ Кронштадтъ. Черезъ полчаса А. Ѳ. освоился съ моремъ, бояться пересталъ, а интересовался только знать — виденъ ли будетъ непріятельскій флотъ.

Вотъ показался Кронштадтъ... Все ближе... ближе... Яснѣе... вотъ наши суда.

— «Стопъ машина»,—раздалась команда. Подъ пароходомъ забурлило. Съ фрегата «Рюрикъ» донеслись черезъ рупоръ какія-то слова, отвалилъ катеръ и направился къ нашему пароходу; взявъ насъ, пошелъ обратно къ фрегату. На фрегатѣ мы были предста-

влены начальствующимъ лицамъ. Великій князь находился въ каютѣ: у него былъ докладъ.

— Неугодно ли вамъ осмотрѣть фрегатъ,—обратился командиръ, капитанъ Баженовъ.

Писемскій молча повиновался и пошелъ, я послѣдовалъ за нимъ. Намъ показали орудія, ядра, картечи и наконецъ пригласили на марсъ, откуда простымъ глазомъ видны были мачты непріятельскаго флота, а посредствомъ трубъ мы узнали, что непріятель сушитъ бѣлье. Новость впечатлѣній была очень сильна. Писемскій съ уваженіемъ смотрѣлъ на пушки, но подходить къ нимъ близко не рѣшался и даже сдѣлалъ мнѣ замѣчаніе, когда я внимательно осматривалъ одно орудіе.

— Отойди,—замѣтилъ онъ строго.

При входѣ въ каюту мы были представлены молодому великому князю, который такъ милостиво и любезно встрѣтилъ насъ, что заставилъ позабыть всякое смущеніе.

— Я съ удовольствіемъ читалъ ваши сочиненія, — сказалъ онъ Писемскому,—и очень радъ, что услышу ваше чтеніе. Мнѣ говорили, что вы мастерски читаете.—Потомъ обратился ко мнѣ:

— А вы еще юноша...

— Только что начинаетъ,—замѣтилъ Писемскій нѣжнымъ отеческимъ тономъ.

Сѣли на палубѣ за длинный столъ, подали чай, началось чтеніе. Писемскій сначала зачиталъ робко, вяло, но скоро возобладалъ надъ собой и полилися «изъ устъ его рѣчи сладчайшія меда». Его высочество неоднократно останавливалъ чтеніе и выражалъ автору свое удовольствіе. Разсказъ былъ уже близокъ къ концу, вдругъ... глухой пушечный выстрѣлъ!.. Писемскій вздрогнулъ и поблѣднѣлъ, другой... третій... четвертый...

— Начали?!—произнесъ онъ простодушно, робко окинувъ всѣхъ глазами. Ему представилась бомбардировка.

— Это салютъ. Къ непріятелю идетъ пароходъ съ моря,—успокоили его.

Пальба продолжалась, и Писемскій не раньше ея окончанія приступилъ къ чтенію, но началъ читать двумя тонами ниже, такъ его поразила эта неожиданность. Послѣ чтенія я разсказалъ весь бывшій тогда у меня репертуаръ. Обласканные вниманіемъ великаго князя, въ 11 часовъ вечера мы поплыли тѣмъ же порядкомъ обратно. На пути насъ встрѣтилъ туманъ, и мы ощупью шли до Петербурга. Писемскій всѣхъ истерзалъ. Ему представлялись подводные камни, мели, а въ устьѣ Невы померещились мины.

— Туманъ, братецъ,—говорилъ онъ мнѣ: — наткнешься и полетишь.

Однако Богъ насъ помиловалъ: мы пришли благополучно.

ГИТАРА.

Говори хоть ты со мной,
Душка семиструнная!
Грудь моя полна тоской...
Ночь такая лунная.

Видишь, я въ ночной тиши
Плачу, мучусь, сѣтую!
Ты допой же, доскажи
Пѣсню недопѣтую.

Доскажи мнѣ, что другой
Было недосказано,
И о чемъ лихой судьбой
Поминать заказано.

Въ головѣ моей больной
Все мечты мятежныя,
Сердце дразнятъ мнѣ порой
Полувзгляды нѣжные.

Что играть ей было мной!
Знаетъ безъ того она,
Что какой-то властью злой,
Къ ней душа прикована.

Такъ допой же, доскажи
Пѣсню недопѣтую.
Видишь я въ ночной тиши
Плачу, мучусь, сѣтую.

18-го февраля 1855 г.

Оглавленіе

II ТОМА.

стр.

Очерки и разсказы.

Канунъ Рождества . . . 5
Ночь на новый годъ. . . 11
Съ новымъ годомъ! Съ новымъ счастьемъ. . . 14
Въ дорогѣ 21
Купеческое житье . . . 30
Дьявольское наважденіе . 39
Медвѣдь 43
Птицеловъ 60
Изъ деревни.
I. На лугу 68
II. На рыбной ловлѣ. . 77
III. Рыболовъ. 110
IV. Уѣздный городъ . . 117
V. Жанъ Бургесъ. . . 130
VI. Елизавета Петровна . 139
Милая дѣвушка 155
Отжившіе типы 175
Записная тетрадь стараго москвича 180
Записная книжка. . . . 186
Мысли вслухъ на парадномъ подъѣздѣ 190
Дневникъ дворецкаго . . 196
Царь Петръ Христа славитъ 208
О нѣкоторомъ зайцѣ. . . 216

Драматическіе этюды.

Утро холостого человѣка . 221
Деревенскія сцены . . . 231

Подражаніе старинной письменности.

Письмо изъ Эмса. . . . 249
Челобитныя XVII—XVIII столѣтій 250
Изъ челобитной по судебному дѣлу. 250
Челобитная скомороха потѣшнаго приказа . . . 251
Донесеніе царскаго воеводы о боѣ съ Афганскимъ мурзою 251
Указъ окольничьему . . . 253
Грамота московскимъ людямъ 254
Письма 254
Проектъ челобитной . . . 256
Роспись столовому кушанію 256

Очерки изъ исторіи театра.

Первые русскіе придворные комедіанты.
I. Ѳедоръ Григорьевичъ Волковъ 259
II. Иванъ Аѳанасьевичъ Дмитревскій 279
III. Петръ Алексѣевичъ Плавельщиковъ. . . . 295
IV. Яковъ Данловичъ Шумской 304
V. Татьяна Михайловна Троепольская 306
VI. Яковъ Емельяновичъ Шушеринъ 307
VII. Алексѣй Семеновичъ Яковлевъ 313
VIII. Сила Николаевичъ Сандуновъ 320
Московскій театръ въ XVIII—XIX столѣтіяхъ 336
Варвара Николаевна Асенкова 364
Отзывъ современника о первомъ представленіи оперы «Жизнь за царя» . . . 370

Отрывки изъ воспоминаній.

Отрывки изъ воспоминаній 373
Стихотвореніе «Гитара» . 405

3.–

469058
LR
G6614K
Gorbunov, Ivan Fedorovich
Полное собраніе сочиненій; 3.изд. ...
ред. А.Ф.Кони.
t.1-2 in 1v.
[Title transliterated:
Polnoe sobranie sochineny]

DATE.	NAME OF BORROWER.
Oct. 2048	S. Malania

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 12 07 06 15 013 4